

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.

ЧАСТЬ СССХХІІІ.

1899.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашевъ и К°. Наб. Фонтанки, д. 96

1899.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ	3
А. Н. Веселовский. Три главы изъ исторической поэтики (окончание)	1
Е. Ф. Будде. Несколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка (продолженіе).	74
А. Хахановъ. Изъ исторіи сношеній Грузіи съ Россіей въ XVIII вѣка	102
В. И. Модестовъ. Еще о синкулахъ, умбратахъ и латанияхъ	113
А. М. Ону. Наказы третьаго сословія во Франціи въ 1789 году (продолженіе)	152
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
В. М. Истринъ. Новые изданія греческихъ апокрифовъ.	204
А. В. Никитскій. С. Жебелевъ. Исторія Афинъ. 229—31 годы до Р. Хр. С.-Пб. 1898	216
Н. В. Безобразовъ. С. Былокуроевъ. О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Москва 1899	259
В. А. Францевъ. Záprisy P. I. Šafaříka o pracích bibliothéčních a rovněž bibliothéčního úřednictva. Příspěvky ke studiu bibliothéčních soustav a zařízení. Podává Dr. Čeněk Zibr. U Praze. 1898	269
— Книжныя новости	272
— Наша учебная литература (разборъ 7 книгъ)	1
СОВРЕМЕННАЯ ЖИТОПИСЬ.	
Н. О—въ. Учитальскія семинаріи Вихренскаго учебнаго округа	1
— А. Ф. Вычковъ (некрологъ)	28
Отдѣлъ классической филологии.	
И. О. Апченскій. Электра. Трагедія Европиды	66
В. В. Латышевъ. Замѣтки по древней географіи южнаго побережья Чернаго моря	73
В. К. Мальмбергъ. По поводу новыхъ реконструкцій трехъ античныхъ фронтоновъ (продолженіе)	88
ОБЪЯВЛЕНИЕ.	

За редактора Э. Ридлонъ.

(Завѣшила 1-го мая).

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ПАРОДИАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ

ЧАСТЬ СССХХIII.

1899.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Наб. Фонтанки, 95.

1899.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗЪ ДАННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

(1899 года. марта 27-го). „Окружному инспектору Московского учебного округа, действительному статскому советнику Баранову—Всемилостивѣйше повелѣваюъ быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія“.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛЕНІЯ.

1. (8-го февраля 1899 года). *Объ измѣненіи штата Эриванской учительской семинаріи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее миѣніе въ общемъ собрапіи государственного совѣта объ измѣненіи штата Эриванской учительской семинаріи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣть исполнить.

Подпись: Предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Миѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собрапіи, разсмотрѣвъ представление министерства народнаго просвѣщенія, объ измѣненіи штата Эриванской учительской семинаріи, *миѣніемъ положилъ:*

1*

I. Въ измѣненіе и дополненіе Высочайше утвержденного, 20-го октября 1880 года, штата Эриванской учительской семинаріи: 1) присвоить существующимъ въ сей семинаріи должностямъ учителей армянского и татарского языковъ жалованье въ размѣрѣ 500 рублей въ годъ каждому, X классъ по чинопроизводству, X разрядъ по шитью на мундирѣ и пецию по учебной службѣ; 2) учредить новую штатную должность учителя рисования, черчения и чистописания, съ присвоеніемъ ею же служебныхъ и пенсионныхъ правъ, коими пользуются учителя рисования въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народного просвѣщенія, и 3) размѣръ жалованья врача семинаріи увеличить до 440 рублей въ годъ.

II. Расходъ, потребный на увеличеніе жалованья учителя татарского языка и врача семинаріи, а также на производство жалованья учителю рисования, черчения и чистописания, всего въ размѣрѣ *восьмисотъ девяносто пяти* рублей въ годъ, отнести на равную сумму, освобождающуюся отъ уменьшения содержания учителя армянского языка съ 1.895 рублей до 500 рублей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

2. (15-го февраля 1899 года). *О кредитѣ на содержаніе пансиона съ церковью при Читинской женской гимназіи.*

Его Императорское Величество вслѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, о кредитѣ на содержаніе пансиона съ церковью при Читинской женской гимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: Предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономии и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление министерства народного просвѣщенія о кредитѣ на содержаніе пансиона съ церковью при Читинской женской гимназіи, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить при пансионѣ Читинской женской гимназіи должности врача и письмоводителя (опы же экономъ), съ присвоеніемъ первой должности оклада содержания въ 450 рублей въ годъ, VIII класса по чинопроизводству, VIII разряда по шитью на мундирѣ и пеции по медицинской службѣ, а второй—оклада содержания въ 600 рублей

въ годъ, X класса по чинопроизводству, X разряда по шитью на мундирѣ и VIII разряда по пенсії.

II. Отпускать изъ государственного казначейства, начиная съ 1-го января 1900 года, на содержаніе пансиона и церкви при училищной гимназіи (отл. I) по *девяти тысячѣ шестисотъ рублей въ годъ*; расходъ же на указанный предметъ въ 1899 году отнести: въ размѣрѣ *восьми тысячѣ шестисотъ пятидесяти рублей* на кредитъ въ равной суммѣ, назначенный къ условному отпуску по ст. 2 § 15 действующей смыты министерства пароднаго просвѣщенія, и въ размѣрѣ *девятисотъ пятидесяти рублей*—на общіе остатки по названной смытѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

3. (22-го января 1899 года). О предоставлениі министерству народнаго просвѣщенія права измѣнять объемъ учебнаго курса и таблицу недѣльныхъ уроковъ въ Астраханскомъ армянскомъ Агабабовскомъ уездномъ училищѣ.

По выслушаніи записки управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, отъ 9-го декабря 1898 года за № 30081 (по деп.), о предоставлениі министерству пароднаго просвѣщенія права измѣнять объемъ учебнаго курса и таблицу недѣльныхъ уроковъ въ Астраханскомъ армянскомъ Агабабовскомъ уѣздномъ училищѣ, комитетъ министровъ полагалъ: представление это утвердить.

Государь Императоръ, въ 22-й день января 1899 года, на положеніе комитета Высочайше соизволилъ.

III. ВЫСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

(20-го марта 1899 года). Назначается, экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссийскаго университета, докторъ международнаго права Казанскій—ординарныи профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ международнаго права.

Утверждается, въ должностіи егермейстера Высочайшаго Двора, отставной поручикъ князь Голицынъ—вновь, почетнымъ попечителемъ

Новгородского реального училища, согласно избранію, на три года съ оставленіемъ его въ придворной должности.

Увольняются, согласно прошеніямъ: инспекторъ и ординарный профессоръ историко-филологического института клязя Безбородко въ Нѣжинѣ, докторъ греческой словесности, дѣйствительный статскій советникъ Добіанъ—отъ первой изъ означеныхъ должностей; чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ, дѣйствительный статскій советникъ Никифоровъ—отъ означенной должности, по случаю присоединенія его къ министерству.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, дѣйствительный статскій советникъ Косинскій, за выслугу срока, съ 1-го марта, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Умершіе исключаются изъ списковъ: окружной инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, статскій советникъ Бргезинскій, съ 6-го марта, и почетный попечитель Могилевской гимназіи, статскій советникъ Василевскій, съ 21-го февраля.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ коллежскихъ въ статскіе советники: по Московскому учебному округу: почетный членъ попечительства комиссаровскаго техническаго училища Губонинъ—съ 30-го августа 1898 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Калужской губерніи Федоровъ—съ 15-го сентября 1898 г.; учителя гимназій: Владимірской, Стражовъ—съ 30-го мая 1898 г., Калужской: Сумароковъ (бывшій, нынѣ въ отставкѣ)—съ 7-го февраля 1898 г. и Миролюбовъ—съ 1-го сентября 1898 г., Московской 1-й, Стенисонъ—съ 20-го октября 1898 г., Московской 5-й (сверхштатный), Гіацинтовъ—съ 1-го февраля 1896 г., Ярославской, Романовскій—съ 1-го августа 1898 г.; прогимназій: Орловской шестиклассной, Мишичина—съ 1-го июля 1898 г., Карабчевской четырехклассной, Оссянниковъ—съ 1-го августа 1898 г.; реальныхъ училищъ: Нижегородскаго Владимірскаго, Сафоновъ—съ 17-го марта 1898 г., Тульскаго, Вихертъ—съ 1-го августа 1898 г., Комиссаровскаго техническаго училища, Багюковъ—съ 28-го августа 1898 г.; наставники учительскихъ семинарій: Нопоторжской, Папковъ—съ 1-го августа 1898 г. и Поливановской, Аржениковъ—съ 1-го сентября 1898 г.; по Казанскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Симбирской губерніи Самосатскій—съ 21-го февраля 1896 г.; учителя гимназій: Императорской Каванской 1-й: Горталовъ—съ 1-го августа 1898 г.

и Черниловъ—съ 16-го августа 1898 г.; Казанской 3-й: Сухановъ—съ 28-го июля 1898 г. и Корниловъ—съ 1-го августа 1898 г., Казанской Маринской женской, Хохряковъ—съ 10-го августа 1898 г. и Самарского реального училища, Волковъ—съ 31-го июля 1898 г.; наставники учительскихъ семинарій: Казанской, Алексеевъ—съ 1-го сентября 1898 г. и Вольской, Фармаковскій—съ 12-го сентября 1898 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе соавтнники: по Московскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Орловской губерніи Протопоповъ—съ 1-го июня 1898 г.; библиотекарь и исполняющій должностъ младшаго наблюдателя гимназическихъ классовъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая Муравьевъ—съ 30-го августа 1898 г.; учителя: Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, Кизильтеръ—съ 12-го сентября 1898 г., гимназій: Московской 3-й, Дановой—съ 1-го сентября 1898 г., Московской 4-й, Алексеевъ—съ 21-го августа 1898 г., Тверской, Владиславлевъ—съ 17-го августа 1898 г.; надзиратель средняго механико-техническаго училища, состоящаго при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальному училищѣ, Нечаевъ—съ 23-го декабря 1897 г.; наставники учительскихъ семинарій: Киржачской, Андреевъ—съ 1-го августа 1897 г. и Новоторжской, Одимцовъ—съ 1-го сентября 1898 г.; учитель частной женской гимназіи Калайдовичъ въ Москвѣ Мамаевъ—съ 19-го ноября 1898 г.; по Казанскому учебному округу: учителя гимназій: Казанской 2-й, Ложкина—съ 15-го сентября 1898 г., Царицынской женской, Рождественскій—съ 12-го сентября 1898 г., реальныхъ училищъ: Казанскаго, Ажаевъ—съ 17-го мая 1898 г., Вольскаго, Гокъ—съ 8-го ноября 1898 г., Камышинскаго: Арбузовъ—съ 18-го сентября 1894 г. и Морозовъ—съ 20-го октября 1897 г., Казанской татарской учительской школы, Коржавина—съ 24-го октября 1898 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные соавтнники: по Московскому учебному округу: членъ-соревнователь попечительного совѣта Комиссаровскаго техническаго училища Бѣлоцерковецъ—съ 12-го июля 1898 г.; врачъ Нижегородской гимназіи Томсона—съ 6-го июля 1897 г.; учителя: Каравеевской четырехклассной прогимназіи, Поповъ—съ 11-го августа 1897 г., реального училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ, Леберть—съ 26-го октября 1897 г.; надзиратель изъшаго Иваново-Вознесенскаго механико-техническаго училища Колесниковъ—съ 9-го сентября 1898 г.; врачъ Новинской учительской семинаріи Дешевой—съ 29-го мая 1898 г.; учителя-инспекторы городскихъ трехклассныхъ училищъ: Малоярославецкаго, Ковалевъ—съ

1-го юля 1893 г., Елифанского, *Баршевъ* — съ 1-го юля 1898 г., Духовицкаго, *Морозкинъ* — съ 1-го августа 1897 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Московской 3-й (сверхштатный), *Глаюмскій* — съ 1-го августа 1898 г., Рыбинской, *Малининъ* — съ 11-го сентября 1898 г.; учитель Ільинскаго городскаго училища *Клеминъ* — съ 8-го сентября 1897 г.; по Казанскому учебному округу: учителя гимназій: Казанской 2-й, *Фирсовъ* — съ 25-го августа 1897 г. в Царицынской, *Горбатовъ* — съ 1-го августа 1897 г.; лаборантъ Императорскаго Казанскаго университета *Вормсъ* — съ 10-го декабря 1898 года; инспекторъ Царицынского ремесленного училища *Воскобойниковъ* — съ 20-го октября 1897 г.; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Саратовскаго четырехкласснаго, *Соловьевъ* — съ 1-го юля 1898 года, Астраханскаго 3-го четырехкласснаго, *Жуковъ* — съ 11-го августа 1898 г. и Красноярскаго трехкласснаго, *Михайловъ-Долниковъ* — съ 1-го юля 1898 г.; врачъ Астраханскаго 1-го городскаго четырехкласснаго училища *Балыклейскій* — съ 22-го марта 1898 г.; учителя городскихъ училищъ: Свияжскаго двухкласснаго (завѣдывающій), *Anamneshевъ* — съ 9-го августа 1898 г., Ставропольскаго двухкласснаго (завѣдывающій), *Лебедевъ* — съ 13-го юля 1898 г., Камышинскаго четырехкласснаго, *Сусловъ* — съ 20-го октября 1898 г., Ставропольскаго двухкласснаго, *Воротниковъ* — съ 1-го юля 1896 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: по Московскому учебному округу: членъ-соревнователь попечительного совѣта Комиссаровскаго техническаго училища *Гвардовскій* — съ 14-го августа 1898 г.; врачъ Серпуховскаго городскаго училища *Иннатовъ* — съ 31-го января 1895 г.; учитель того же училища *Кадушновъ* — съ 1-го юля 1897 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Нижегородской гимназіи, *Позняковъ* — съ 1-го сентября 1898 г. и Московскаго реального училища *Смирновъ* — съ 13-го января 1898 г.; учителя городскихъ училищъ: Коломенскаго, *Каринъ*, Тульскаго, *Кузминъ*, оба — съ 1-го юля 1898 г., приготовительныхъ классовъ: Рославльской шестиклассной прогимназіи, *Зуевъ* — съ 18-го сентября 1898 г. и Нижегородскаго Владимирапскаго реального училища, *Нелидовъ* — съ 18-го августа 1898 г., по Казанскому учебному округу: учитель-инспекторъ Царицынского городскаго трехкласснаго училища *Лазаревъ* — съ 28-го августа 1896 г.; сверхштатный ассистентъ при каюдрѣ психіатріи Императорскаго Казанскаго университета *Воротынскій* — съ 12-го мая 1895 г.; сверхштатные ординаторы того же университета при клиникахъ: акушерско-гинекологической, *Каземъ-Бекъ* — съ 1-го декабря 1896 г. и кожныхъ

и венерическихъ болѣзней, *Лаптѣвъ*—съ 29-го ноября 1896 г.; сверхштатный помощникъ проектора Казанскаго ветеринарнаго института *Степановъ*—съ 7-го октября 1898 г.; завѣдывающій Самарскою низшою ремесленною школою, имени Кириллова, *Дмитріевскій*—съ 27-го февраля 1897 г.; учителя городскихъ училищъ: Астраханскаго 3-го четырехкласснаго, *Пуховъ*—съ 14-го марта 1897 г., трехклассныхъ: Сызранскаго, *Сухановъ*—съ 22-го августа 1895 г. и Аллатирскаго, *Зефировъ*—съ 6-го сентября 1897 г. и Астраханскаго 1-го четырехкласснаго (сверхштатнаго), *Акатьевъ*—съ 17-го сентября 1898 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титуларные соельники: по Московскому учебному округу: почетный членъ попечительства Комниссаровскаго техническаго училища *Фосса*—съ 5-го декабря 1888 г.: преподаватель Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища *Грудинъ*—съ 20-го февраля 1898 г.; помощникъ столональника канцеляріи попечителя *Теодоровичъ*—съ 14-го декабря 1898 года; экономомъ и смотритель зданій Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая *Бюровъ*—съ 3-го мая 1897 г.; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ Орловскаго Александровскаго реальнаго училища *Яньшинъ*—съ 1-го июля 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: 3-го Московскаго, *Зеленинъ*—съ 1-го июля 1896 г., Болховскаго, *Марковъ*—съ 1-го февраля 1894 г., Карабчевскаго, *Подшиваловъ*—съ 10-го сентября 1895 г. и Дмитровскаго, Орловской губерніи, *Карелинъ*—съ 20-го ноября 1893 г.; по Казанскому учебному округу: учителя городскихъ четырехклассныхъ училищъ: *Балашовскаго*, *Захаровъ*—съ 24-го сентября 1895 г. и Самарскаго 1-го (сверхштатнаго), *Солдатовъ*—съ 16-го июля 1896 г.; Астраханскаго ариянскаго Агабабовскаго уѣзднаго училища, *Остроумовъ*—съ 12-го февраля 1896 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: по Московскому учебному округу, почетный смотритель Алексинскаго уѣзднаго училища *Гильбовъ*—съ 24-го марта 1898 г.; по Казанскому учебному округу, учитель Самарскаго 2-го городскаго четырехкласснаго училища *Енгальчевскій*—съ 4-го ноября 1890 г.; письмоводитель Казанской 8-й гимназіи *Казанскій*—съ 1-го сентября 1898 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари: по Московскому учебному округу: учитель Карабчевскаго городскаго приходскаго училища *Рождественскій*—съ 17-го февраля 1898 г.; помощники учителей городскихъ училищъ: Коломенскаго, *Картелевъ*—съ 7-го сентября 1896 г. и 3-го Московскаго, *Страховъ*—съ 1-го февраля 1896 г.; по Казанскому учебному округу, учитель Карсунскаго уѣзднаго училища *Суревъ*—

съ 1-го октября 1898 г.; помощникъ учителя Чистопольского городского двухклассного училища *Преображенскій*—съ 3-го мая 1889 г.; учителя городскихъ приходскихъ училищъ: Самарскаго 9-го, *Тиминскій*—съ 17-го августа 1894 г., Астраханскаго 3-го, *Нучекъ*—съ 14-го апреля 1887 г. и Астраханскаго 4-го, *Данилескій*—съ 1-го сентября 1898 г.; въ коллежскіе реєстраторы: по Московскому учебному округу: учитоли: *Мисцицкаго* казенного начальшаго училища, *Второвскій*—съ 28-го августа 1896 г.; городскихъ приходскихъ училищъ: Болховскаго: *Холчевъ*—съ 13-го ноября 1897 г. и (бывшій вынѣ въ отставкѣ) *Шевердніцкій*—съ 8-го декабря 1893 г., Крапивенскаго (бывшій, нынѣ за штатомъ), *Черкасовъ*—съ 1-го июля 1898 г.; по Казанскому учебному округу: письмоводитель Императорской Казанской 1-й гимназіи *Камнеевъ*—съ 27-го ноября 1898 г.; учитель Тетюшскаго приходского городского училища *Шувасинъ*—съ 4-го июля 1898 г.

Утверждаются: въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскому сопѣтнику, по Казанскому учебному округу, инспектору народныхъ училищъ Астраханской губерніи *Воскресенскій*—съ 1-го августа 1894 года; надворному советнику: по Московскому учебному округу: профессору Императорскаго Московскаго техническаго училища: коллежскій ассесоръ *Реформатскій* и *Киферь* оба—съ 16-го июля 1898 года, *Газанъ*—съ 1-го марта 1898 г.; завѣдывающіе мастерскими того же училища: кузнечною, инженеръ-механикъ *Шутковъ*—съ 18-го июня 1898 г. и механическою, *Розановъ*—съ 24-го июля 1898 г.; коллежскому ассесору: по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета свѣрхштатные ассистенты: при факультетской хирургической клиникѣ, *Руднеевъ*—съ 31-го мая 1895 г., пропедевтической клиникѣ, *Предтеченскій*—съ 4-го мая 1896 г., помощники прозектора при каѳедрахъ: анатоміи человѣка, *Стопницкій*—съ 31-го мая 1897 г., оперативной хирургіи, *Лисенковъ*—съ 14-го декабря 1896 г. и при бактеріологическомъ институтѣ, находившемся при Императорской Екатерининской больнице (свѣрхштатный) *Берестневъ*—съ 19-го декабря 1897 г., всѣ пятеро по степени доктора медицины; учители гимназій: Вяземской, Императора Александра III, Смоленскаго земства, *Ловцовъ*—съ 15-го сентября 1894 г., Нижегородской, *Юшковъ*—съ 1-го июля 1894 г., Тверской, Зембуш—съ 29-го сентября 1894 г., реальныхъ училищъ: Липецкаго, *Липпе*—съ 16-го августа 1894 г., Московскаго, *Лавриновичъ*—съ 1-го августа 1894 г., гимназического отдѣленія Московскаго Петропавловскаго

мужского училища, *Бемъ*—съ 16-го августа 1894 г., Орловскаго Александровскаго, *Зейтица*—съ 4-го ноября 1893 г., Касимовскаго средняго семикласснаго техническаго училища, *Сердцеевъ*—съ 29-го сентября 1894 г., Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища, *Покровскій*—съ 1-го сентября 1894 г., Елизаветинской женской гимназіи въ Москвѣ, *Саломона*—съ 27-го октября 1894 г., учитель-инспекторъ 2-го Московскаго городскаго училища *Кирилловъ*—съ 1-го юля 1893 г.; инспекторъ школы ремесленныхъ учениковъ кляяги Тенишевой при Брянскомъ заводѣ Орловской губерніи, *Смирновъ*—съ 22-го сентября 1898 г.; лаборантъ при лабораторіи органической химіи Императорскаго Московскаго техническаго училища, инженеръ-технологъ *Шареинъ*—съ 18-го августа 1898 г.; по Казанскому учебному округу: учителя гимназій: Императорской Казанской 1-й: *Пермякова*—съ 10-го ноября 1890 г. и *Некрасова*—съ 1-го августа 1892 г., Казанской 2-й, *Селенкинъ*—съ 1-го сентября 1894 г., Казанской 3-й, *Кильдюшевскій*—съ 15-го августа 1894 г., Астраханской, *Юренъ*—съ 1-го ноября 1894 г., Казанской Ксениинской женской, *Фроловъ*—съ 10-го сентября 1894 г.; сверхштатные учителя Саратовскаго реальнаго училища: *Рахмановъ*—съ 15-го августа 1894 г. и *Байковъ*—съ 15-го сентября 1894 г.; титуларную советника: по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: сверхштатные ассистенты при клиникахъ: госпитальной хирургической, *Янковскій*—съ 12-го мая 1898 г., психіатрической, *Бернштейнъ*—съ 18-го марта 1894 г., факультетской терапевтической, *Еюровъ*—съ 11-го апрѣля 1894 г., сверхштатный помощникъ прозектора при кафедрѣ оперативной хирургіи *Волынцевъ*—съ 5-го апрѣля 1894 г. и сверхштатный лаборантъ при институтѣ судебной медицины *Крюковъ*—съ 22-го сентября 1898 г.; врачи при городскихъ училищахъ: Козельскомъ, *Поповкинъ*—съ 11-го февраля 1894 г., Кромскомъ, *Утиловъ*—съ 12-го мая 1894 г., всѣ семеро—по степени лѣкаря; учитель чистописанія и рисованія Тульской женской гимназіи *Саммина*—съ 1-го юля 1893 г.; коллежская секретаря: по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: сверхштатный лаборантъ при лабораторіи органической и аналитической химіи *Краинеинъ*—съ 17-го января 1897 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета, помощникъ библиотекаря *Стражовъ*—съ 17-го августа 1871 г. и хранитель кабинета практической механики *Мерцаловъ*—съ 16-го сентября 1897 г., оба—по степени кандидата Императорскаго университета; поющікъ архитектора

Московскаго учебнаго округа *Никитина* — съ 1-го января 1899 г., по званію гражданскаго инженера; завѣдывающій Подольской вицей ремесленной школой, имени Я. И. Козлова, *Городовъ*—съ 1-го января 1898 г., по званію инженеръ-технолога; учителя городскихъ училищъ: *Малоярославецкаго*, *Крыловъ*—съ 1-го июля 1894 г., *Жиздринскаго*, *Скворцовъ*—съ 1-го июля 1894 г., *Московскаго 2-го*, *Цыпленковъ*—съ 1-го июля 1894 г., *Солодовниковскаго* въ *Москвѣ*, *Дорманъ*—съ 24-го августа 1894 г., *Енишапскаго*, *Сахаровъ*—съ 1-го июля 1894 г.; по Казанскому учебному округу: хранитель музея при лабораторії органической химіи Императорскаго Казанскаго университета *Любарскій*—съ 28-го октября 1894 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета, учителя городскихъ училищъ: четырехклассныхъ: *Саратовскаго*: *Казимировъ*—съ 18-го августа 1894 г. и *Аринушкинъ*—съ 7-го сентября 1894 г., *Астраханскаго 1-го*, *Петровъ-Кобяковъ*—съ 24-го сентября 1892 г., *Астраханскаго 2-го*, *Пименовъ*—съ 3-го октября 1894 г., *Балашовскаго*, *Матвеевъ*—съ 12-го сентября 1894 г. и двухклассныхъ: *Царевскаго*, *Ермаковъ*—съ 6-го октября 1893 г. и *Свіяжскаго*, *Шатовъ*—съ 4-го марта 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковыхъ Казанской 2-й гимназіи *Потыгинъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; *губернскіе секретари*, по Московскому учебному округу, учитель Воровскаго уѣзднаго училища *Хрѣновъ*—съ 3-го июня 1893 года; коллежскію *регистратору*; по Московскому учебному округу, помощникъ учителя Вяземскаго городскаго училища *Ивановъ*—съ 1-го января 1892 г.; по Казанскому учебному округу: учитель чистописанія и рисованія Слободской женской гимназіи *Хльбниковъ*—съ 1-го августа 1894 г.; домашніе учителя: *Баумъ*—съ 1-го сентября 1895 г. и *Зиниковскій*—съ 1-го июля 1897 г.

Переименовываются въ *губернскіе секретари*, по Московскому учебному округу, помощникъ эконома-экзекутора клинчъ Императорскаго Московскаго университета, подпоручикъ арміи въ отставкѣ *Салтыковъ*.

(27-го марта 1899 года). *Назначаются*: окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Барановъ*—членомъ совѣта министра; директоръ Сосновицкаго частнаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Холодовскій*—директоромъ Люблинскай гимназіи; заслуженный преподаватель Виленской первой гимназіи, статскій совѣтникъ *Счастливцевъ*—окружнымъ инспекторомъ Виленскаго учебнаго округа; доцентъ хирургіи Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ

Цеце-фонъ-Маннтайфель сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ хирургіи.

Утверждается статскій совѣтникъ *Малевичскій* — почетнымъ по-учителемъ Елатомской гимназіи, согласно избранию, на три года.

Производится, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: по Виленскому учебному округу: исправляющій должность инспектора Минской гимназіи *Коссаковскій* — съ 27-го января 1899 г.; учителя: Виленской 2-й гимназіи *Шнекъ* — съ 15-го ноября 1898 г., Александровскаго Могилевскаго реального училища, *Кудрицкій* — съ 24-го декабря 1898 г., Виленскаго Маринскаго высшаго женскаго училища, *Громачевскій* — съ 29-го ноября 1898 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватель Пермскаго реального училища *Тороповъ* — съ 5-го декабря 1898 г.; по Рижскому учебному округу: учитель, исправляющій обязанности инспектора Митавскаго реального училища *Шаровскій* — съ 20-го сентября 1898 г.; учителя реальныхъ училищъ: Ревельского, *Жемчужинъ* — со 2-го декабря 1898 г., Рижскаго городскаго, *Нилендеръ* — съ 1-го января 1899 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: дѣлопроизводителя VII класса департамента народного просвѣщенія *Маннъ* и *Дѣляковъ*, оба — съ 1-го января 1899 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: Виленской 1-й гимназіи, *Ивановъ* — съ 18-го сентября 1898 г., Мозырской прогимназіи, *Солоновъ* — съ 1-го сентября 1898 г., Бѣлостокскаго реального училища, *Гальбовскій* — съ 1-го октября 1898 г.; по Оренбургскому учебному округу: врачъ Ирбитской женской прогимназіи и Ирбитскаго городскаго трехкласснаго училища *Зенковъ* — съ 8-го октября 1898 г.; преподавателя гимназій: *Уфимскій*, *Соколовскій* — съ 5-го декабря 1898 г., Уральской женской, *Казанскій* — съ 5-го сентября 1898 г.; по Рижскому учебному округу: учителя Ревельской гимназіи Императора Николая I: *Соколовскій* — съ 28-го октября 1898 г. и *Гонне* — съ 1-го января 1899 г., реальныхъ училищъ: Рижскаго городскаго, *Вестберъ* — съ 18-го ноября 1898 г., Либавскаго, *Бермана* — съ 7-го января 1899 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: по Виленскому учебному округу: столопочальщикъ канцеляріи поучителю *Ковалеву* — съ 1-го января 1897 г.; учителя гимназій: Гомольской, *Крашененики-кова* — съ 21-го ноября 1896 г., Слуцкой, *Каммыревъ* — съ 5-го октября 1897 г., Даунскаго реального училища, *Шаптырь* — съ 21-го ноября 1897 г. Минской школы ремесленныхъ учениковъ, *Бѣляковъ* — съ 16-го сентября 1898 г., Тельшевскаго городскаго училища, *Михалкевичъ* —

съ 1-го октября 1898 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Ирбитскаго трехкласснаго, Замотринскаго — съ 1-го июля 1897 г., Стерлитамакскаго, четырехкласснаго, *Ивановъ*, общеобразовательныхъ предметовъ Уральской школы ремесленныхъ учениковъ *Красовъ* и учитель-инспекторъ Стерлитамакскаго городскаго четырехкласснаго училища *Диановъ*, всѣ трое — съ 1-го июля 1898 г.; преподаватели: общеобразовательныхъ классовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища, *Кузнецова* и Пермскаго реальнаго училища, *Ги*, оба — съ 1-го августа 1897 г.; по Рижскому учебному округу: столоначальникъ канцелярии попечителя *Горскій* — съ 1-го февраля 1899 г.; учитель-инспекторъ Аренсбургскаго трехкласснаго городскаго училища *Боаевскій* — съ 1-го июля 1896 г.; учителя гимназій: Ревельской Императора Николая I, *Ястремскій* — съ 15-го ноября 1897 г., Либавской Николаевской, *Аксеновъ* — съ 1-го декабря 1898 г., Полангенской мужской прогимназіи: *Корфъ* — съ 20-го октября 1896 г. и *Байдалаковъ* — съ 10-го сентября 1897 г., Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I, *Осипъ* — съ 1-го августа 1897 г., Рижскаго Петропавловскаго трехкласснаго городскаго училища, *Бобровъ* — съ 6-го сентября 1898 г.; врачъ Виндавскаго трехкласснаго городскаго училища, докторъ медицины, *Фейтельбергъ* — съ 1-го апрѣля 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I *Фелдманъ* — съ 1-го сентября 1898 г.; изъ титуларныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры: дѣлопроизводители VII класса департамента народнаго просвѣщенія *Георгіевскій* — съ 17-го декабря 1898 г. и *Александровскій* — съ 14-го июня 1898 г.; по Виленскому учебному округу: штатный смотритель Климовичскаго уѣзданаго училища *Мамовичъ* — съ 7-го июля 1895 г., учитель приготовительнаго класса Бѣлостокскаго реальнаго училища *Морозъ* — съ 7-го юля 1898 г.; по Рижскому учебному округу: учителя Аренсбургской гимназіи, *Поль* — съ 3-го ноября 1898 г., трехклассныхъ городскихъ училищъ: Александронскаго Эстонскаго, *Николаевъ* — съ 1-го августа 1894 г., Якобштадтскаго, *Раценъ* — съ 15-го августа 1896 г.; почетный смотритель Гапсальскаго трехкласснаго городскаго училища *Кюне* — съ 6-го юля 1898 г.; экзекуторъ Юрьевскаго ветеринарнаго института *Голацъ* — съ 1-го апрѣля 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Рижской гимназіи Императора Николая I *Устиновъ* — съ 21-го сентября 1898 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титуларные совѣтники: дѣлопроизводитель VII класса особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышлен-

ными училищами *Дебольский* — съ 20-го октября 1898 г.; по Виленскому учебному округу: учителя Могилевского городского четырехклассного училища: *Котляръ* — съ 9-го августа 1896 г. и *Лишевичъ* — съ 13-го января 1896 г.; помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: *Вѣлостокскаго*: *Дырина* — съ 1-го февраля 1897 г. и *Смольскаго* — съ 1-го апреля 1897 г., Александровскаго Могилевскаго, *Гаховичъ* — съ 27-го ноября 1895 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Кунгурскаго, четырехклассного, *Зиновьевъ* — съ 1-го июля 1895 г., Алапаевскаго трехклассного. *Рѣнгтова* — съ 24-го августа 1896 г.; бухгалтеръ при пансионѣ Уфимской гимназіи *Жуковъ* — съ 26-го ноября 1898 г.; по Рижскому учебному округу: лаборантъ при химическомъ кабинетѣ Императорскаго Юрьевскаго университета *Боидаменскій* — съ 1-го июля 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Митавской мужской гимназіи *Боидановичъ* — съ 1-го марта 1897 г.; письмоводитель Рижской городской гимназіи *Бернельда* — съ 24-го января 1899 г.; учитель приготовительного класса Либанскаго реального училища *Васильевскій* — съ 15-го октября 1898 г.; бывшій учитель приготовительного класса и помощникъ классныхъ наставниковъ Юрьевской гимназіи, нынѣ въ отставкѣ, *Васильевъ* — съ 1-го июля 1887 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретаріи: дѣлопроизводитель VII класса особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для занятыхъ промышленными училищами *Удовиченко* — съ 1-го мая 1898 г.; по Виленскому учебному округу: письмоводитель Виленскаго еврейскаго учительскаго института *Обросовъ* — съ 22-го сентября 1898 г.; учитель Гомельской женской прогимназіи *Розача* — съ 26-го июля 1894 г.; по Оренбургскому учебному округу: учитель Камышловскаго уѣзданого училища *Губинъ* — съ 10-го октября 1896 г.; инспекторъ Камбарской школы ремесленныхъ учениковъ *Кочерговъ* — съ 23-го февраля 1897 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретаріи: помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія *Герасимовъ* — съ 21-го января 1899 г.; по Виленскому учебному округу: учитель Рѣчицкаго приходскаго училища Минской губерніи *Благовѣщенскій* — съ 8-го октября 1896 г.; по Оренбургскому учебному округу: учитель 1-го Пермскаго мужскаго приходскаго Кирилло-Меѳодіевскаго училища *Дунасовъ* — съ 21-го октября 1887 г.; письмоводитель Краспоуфимскаго промышленного училища *Вяткинъ* — съ 5-го августа 1898 г.; по Рижскому учебному округу: учителя завѣдывающіе городскими мужскими начальными училищами: Юрьев-

скими: 1-мъ, *Лауе* — съ 15-го июля 1889 г., 3-мъ, *Колеръ* — съ 2-го сентября 1890 г., Митавскимъ 1-мъ св. Аны, *Розманъ* — съ 1-го августа 1898 г.; исправляющіе должности: втораго учителя 1-го Юрьевскаго городскаго мужскаго начального училища, *Семеновъ* — съ 28-го января 1892 г., помощникъ дѣлопроизводителя Рижскаго политехническаго института, *Бюльгевъ* — съ 7-го июня 1898 г.; въ коллежскіе регистраторы: канцелярскій служитель департамента народнаго просвѣщенія *Штейнъ* — съ 1-го февраля 1899 г.; по Виленскому учебному округу: письмоводители: Гомельской гимназіи, *Голодковскій* — съ 1-го октября 1898 г., Виленскаго учительскаго института, *Путырскій* — съ 1-го ноября 1898 г.; учитель Мозырскаго приходскаго училища Минской губерніи *Боборыкинъ* — съ 26-го октября 1898 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя приходскихъ училищъ: Уфимскаго 1-го городскаго, *Поповъ* — съ 15-го августа 1891 г., Уфимскаго 2-го, *Мухачевъ* — съ 15-го августа 1889 г.; по Рижскому учебному округу: учителя городскихъ мужскихъ начальныхъ училищъ: Рижскаго Гардасскаго, *Калнишъ* — съ 3-го января 1894 г., Перновскаго двухкласснаго 2-го, *Круминъ* — съ 1-го января 1895 г.

Утвержденысь въ чинахъ, со старшинствомъ, *подпорядкоаны* никника: по Рижскому учебному округу: преподаватели Рижскаго политехническаго института: *Шталь-Шредеръ* — съ 1-го июля 1896 г., *Берлогъ* — съ 1-го сентября 1898 г. и *Бухольцъ* — съ 1-го января 1898 г.; ассистенты химическаго отдѣленія Рижскаго политехническаго института: *Ведекиндъ* — съ 1-го июля 1896 г. и *Альтфогъ* — съ 1-го октября 1898 г.; коллежскаго ассессора: по Виленскому учебному округу: учителя гимназій: Минской, *Чернявскій* — съ 11-го сентября 1894 г., Слуцкой, *Флеринъ* — съ 26-го октября 1894 г., Витебской, *Емельяновъ* и Свислочской учительской семинаріи, *Цельтковъ*, оба — съ 1-го сентября 1894 г.; бывшій преподаватель Черниговскаго духовнаго училища, нынѣ инспекторъ народныхъ училищъ Гродненской губерніи *Тычининъ* — съ 18-го октября 1890 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватели: Троицкой гимназіи, *Никольскій* — съ 10-го августа 1894 г., Уральскаго реальнаго училища, *Самекъ* — съ 3-го октября 1894 г.; по Рижскому учебному округу: учителя гимназій: Митавской мужской, *Хваленскій* — съ 1-го июля 1894 г., Рижской городской, *Черниевъ* — съ 1-го августа 1894 г., Ревельской Императора Николая I, *Маштаковъ* — съ 1-го октября 1894 г., реальныхъ училищъ: Митавскаго, *Мельниковъ* — съ 1-го июля 1894 г., Ревельскаго, *фон-Валь* — съ 15-го октября 1894 г., Рижскаго Императора Петра I, *Паслиновъ* — съ 1-го ноября 1894 г.; по-

мощникъ проектора Юрьевскаго ветеринарнаго института *Пучковский*—съ 20-го октября 1893 г.; *титуллярную советника*, по Рижскому учебному округу, врачъ Талльсенскаго трехкласснаго городскаго училища *Крюгеръ*—съ 1-го декабря 1893 г., по степени лѣкаря; *коллежскую секретаря*: по Виленскому учебному округу: бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ виленскаго реальнаго училища, вынѣ учитель Бѣлостокской Николаевско-Александринской женской гимназіи *Якубовскій*—съ 13-го декабря 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Двинскаго реальнаго училища *Герасимовичъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; по Оренбургскому учебному округу: учитель Ирбитской женской прогимназіи, *Логиновъ*—съ 1-го июля 1894 г., городскихъ четырехклассныхъ училищъ, Стерлитамакскаго: *Никитинъ*—съ 28-го сентября 1894 г. и (сверхштатный) *Кадошниковъ*—съ 4-го октября 1894 г., Кунгурскаго, *Паршаковъ*—съ 1-го августа 1894 г.; надзиратели учительскихъ школъ: Бирской инородческой, *Кондратьевъ*—съ 23-го сентября 1894 г., Оренбургской киргизской, *Лапшинъ*—съ 8-го октября 1894 г.; по Рижскому учебному округу: учителя трехклассныхъ городскихъ училищъ: Перновскаго: *Бонче-Омолловскій*—съ 1-го ноября 1892 г., *Галилеевъ*—съ 11-го ноября 1892 г., Вероскаго, *Флору*—съ 1-го октября 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Митавскаго реальнаго училища *Туппуль*—съ 18-го сентября 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ и учитель приготовительного класса Юрьевскаго реальнаго училища *Гоппе*—съ 21-го октября 1894 г.; ассистентъ при минералогическомъ кабинетѣ Императорскаго Юрьевскаго университета *Култашевъ*—съ 1-го ноября 1898 г., по степени кандидата химіи; *цубернскую секретаря*: по Виленскому учебному округу, учитель Климовичскаго уѣзднаго училища *Орловскій*—съ 11-го марта 1894 г.; по Ореивбургскому учебному округу, учитель Кушвинскаго городскаго двухкласснаго училища *Щербаковъ*—съ 18-го июля 1894 г.; *коллежскую регистратора*: по Оренбургскому учебному округу, учитель Нытвинскаго двухкласснаго приходскаго училища *Салминъ*—съ 25-го августа 1895 г., по званію студента духовной семинаріи; по Рижскому учебному округу, секретарь правленія Императорскаго Юрьевскаго университета *Шульцъ*—съ 1-го июля 1894 г., на основаніи ст. 76 т. III уст. служб. прав., изд. 1896 г.

(2-го априля 1899 года). *Назначается*, надворный советникъ *Лозефовичъ*—вновь, почетнымъ попечителемъ Вологодской гимназіи, на три года, съ 27-го февраля.

Утверждаются: дѣйствительные статскіе совѣтники *Шетохинъ* и *Маховъ*—почетными попечителями: первый—вновь, Корочанской Александровской гимназіи, а второй—Смоленского Александровскаго реальнаго училища, оба согласно избранію, на три года.

Уволимся отъ службы, согласно прошенію, профессоръ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I, докторъ химіи, статскій совѣтникъ *Левоевъ*.

Умерший исключается изъ списковъ, директоръ Вологодской гимназіи, статскій совѣтникъ *Алюхинъ*, съ 12-го марта.

(9-го апрѣля 1899 года). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, губернскій секретарь *Ахматовъ*, съ утвержденіемъ его помощникомъ попечителя Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, согласно избранію на три года.

Назначается, инспекторъ Варшавской 1-й мужской прогимназіи, коллежскій асессоръ *Пфейферъ*—директоромъ Сосновацкаго частнаго реальнаго училища.

Утверждаются: тайный совѣтникъ *Терещенко*, дѣйствительные статскіе совѣтники: *Савельевъ*, *Маховъ* и *Шубинъ*, статскій совѣтникъ *Полинскій* и въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, коллѣжскій совѣтникъ *фонъ-Дервизъ*—вновь, почетными попечителями: Терещенко—Глуховской гимназіи, Савельевъ—Олонецкой гимназіи, Маховъ—Вяземской Императора Александра III гимназіи Смоленскаго земства, Шубинъ—Вятскаго Александровскаго реальнаго училища, Полинскій—Курской учительской семинаріи, а фонъ-Дервизъ—Рязанской гимназіи, всѣ шестеро согласны избранію, на три года, изъ нихъ фонъ-Дервизъ, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи; въ званіи камергера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Косаткинъ-Ростовскій*, статскій совѣтникъ *Карнѣевъ* и состоящій въ вѣдомствѣ министерства иностраннѣній дѣль, въ званіи камергера Высочайшаго Двора, статскій совѣтникъ *Зыбина*—почетными попечителями: первый—Курской гимназіи, второй—реальнаго училища при евангелическо-реформатской церкви, въ Москвѣ, а третій—Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, всѣ трое согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ князя Косаткина-Ростовскаго и Зыбина въ придворномъ званіи, а послѣдніго сперѣмъ того и въ вѣдомствѣ означеннаго министерства.

Умерший исключается изъ списковъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Троицкій*, съ 22-го марта.

IV. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

8-го минувшаго февраля въ С.-Петербургскомъ университѣтѣ возникли беспорядки, выразившіеся въ прекращеніи студентами посѣщенія лекцій до удовлетворенія предъявленныхъ ими къ учебному начальству требованій. Къ этому движенію, изъ чувства товарищества, примирила студенты и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы и Имперіи. Въ виду непрекращавшагося движения, 20-го февраля послѣдовало Высочайшее повелѣніе о возложении на генераль-адютанта Банновскаго изслѣдованія причинъ и обстоятельствъ, возникшихъ въ С.-Петербургѣ съ 8-го того же февраля студенческихъ беспорядковъ. Встрѣченное съ глубокимъ сочувствіемъ и почтеніемъ тою частью учащейся молодежи, которая примирила къ движению для поддержки товарищѣй, Высочайшее повелѣніе оказалось влияніе на прекращеніе волненія. Такое же успокоеніе было достигнуто и въ С.-Петербургскомъ университѣтѣ, но затѣмъ, благодаря нѣкоторымъ побочнымъ причинамъ, а также подстрекательству со стороны студентовъ Кіевскаго университета, даъ новый толчекъ къ возобновленію беспорядковъ, приведшихъ болѣе рѣзкую форму и характеръ сравнительно съ предыдущими. Тайная студенческая организація университета св. Владимира, присвоившая себѣ позваніе „Кіопскаго союзного соѣдѣнія“, въ позваніи отъ 3-го марта, разосланномъ въ другіе университеты, выразила порицаніе с.-петербургскимъ студентамъ за прекращеніе забастовки, безъ соображенія съ положеніемъ дѣлъ въ другихъ университетахъ и не выждавъ исполненія начальствомъ предъявленныхъ студентами требованій.

Воззваніе это распространялось между студентами университета около 12-го марта, одновременно съ сообщеніемъ изъ Московскаго университета о ходѣ мѣстныхъ волненій. Подъ влияніемъ этихъ воззваній многие студенты стали склоняться къ мнѣнію о необходимости собрать сходку въ университетѣ съ цѣлью обсудить вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли, въ виду положенія дѣлъ въ Кіевѣ и Москвѣ, вновь возбудить вопросъ о возобновленіи „обструкціи“. Сходка эта состоялась 16-го марта въ актовомъ залѣ, куда силою вошли до 1.000 студентовъ и куда прибылъ также находившійся въ С.-Петербургѣ делегатъ Кіевскаго университета, обратившійся къ собравшимся съ просьбою поддержать кіевскихъ товарищѣй и ихъ требование о прекращеніи высланныхъ студентовъ. Большинство присутствовавшихъ

на сходкѣ высказалось за закрытие университета и продолженіе обструкціи.

17-го марта студенты, собравшіеся въ университѣтѣ, раздѣлились на двѣ партіи. Часть „обструкціонистовъ“ ходила по аудиторіямъ, препятствуя правильному чтенію лекцій, а другіе уговаривали въ это время слушателей приклонуть къ рѣшенію, принятому наканунѣ сходкой. Студенты, желавшіе продолженія лекцій, устроили сходку въ IX аудиторіи; туда, однако, стали проникать и „обструкціонисты“, грозившіе и мѣшавшіе говорить своимъ противникамъ. Сходка эта, тѣмъ не менѣе, отправила депутатовъ къ ректору съ заявлениемъ, что часть студентовъ не могла быть на лекціяхъ не по своему желанію, а исключительно чтобы не вступать въ столкновеніе съ „обструкціонистами“. Черезъ нѣкоторое время въ аудиторію прибылъ ректоръ, но, встрѣченный сильными спистками студентовъ-демопатріотовъ, вынужденъ былъ удалиться, послѣ чего около 1.400 человѣкъ¹⁾ вновь собрались въ актовомъ залѣ на сходку, на которой предсѣдательствовавшій студентъ предложилъ ораторамъ обѣихъ партій высказаться по вопросу о продолженіи обструкціи, такъ какъ рѣшеніе, и притомъ окончательное, необходимо припять немедленно, въ виду проявленія уже вновь беспорядковъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ а затѣмъ сговориться обѣ образѣ дѣйствій въ случаѣ закрытія университета. Послѣ рѣчей и взаимныхъ пререканій, во время коихъ часть студентовъ покинула залъ, началась баллотировка, причемъ большинство высказалось за „забастовку“.

Руководящую роль въ агитациіи захватила въ свои руки часть студентовъ, называвшаяся „организаціоннымъ комитетомъ“, который и началъ съ 18-го марта продолжать изданіе ежедневныхъ бюллетеиней о ходѣ беспорядковъ, причемъ въ первомъ изъ нихъ заявлено было, какъ лозунгъ—возвращеніе всѣхъ студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній и продѣяніе вновь „прежнихъ требованій“.

Въ виду указанныхъ беспорядковъ, 17-го марта сдѣлано было распоряженіе обѣ увольненіи изъ университета всѣхъ студентовъ, при условіи допущенія черезъ извѣстный срокъ, по усмотрѣнію министра народного просвѣщенія, нового приема по прошеніямъ. Этую же мѣру предположено примѣнять ко всякому учебному заведенію, въ коемъ обычный порядокъ занятій будетъ нарушенъ.

Въ виду невозможности собираться въ университетѣ, съ слѣду-

¹⁾ Всего въ университетѣ около 3.700 студентовъ.

щаго дня начались собрания демонстрантовъ, доходившія до 1.000 человѣкъ, въ помѣщении университетской столовой, по 10-й линіи Ва-сильевскаго острова, гдѣ продолжалась раздача разныхъ изготовленныхъ бюллетеней и воззваний отъ имени группъ какъ обстрѣкоцистовъ, такъ и ихъ противниковъ. Въ столовой же впервые появилась 18-го марта крайне дерзкая, печатанная ручнымъ способомъ, прокламація со штемпелемъ „кассы взаимопомощи“, указавшая на противоправительственный характеръ движенія и на необходимости борьбы для достиженія политическихъ реформъ.

Чтение этой прокламаціи вызвало, однако, въ большей части присутствовавшихъ негодование и заявленія, что „организаціонный комитетъ“ поступаетъ не честно, придавая дѣлу нежелательную окраску, почему воззваніе это и не получило большаго распространенія.

Въ виду вышеизложенной прокламаціи и въ предупрежденіе дальнѣйшаго развитія агитации и устройства сходокъ, было сдѣлано распоряженіе объ арестѣ выясненныхъ уже главныхъ агитаторовъ и руководителей. Лица эти въ числѣ 20, въ ночь на 21-е марта арестованы, причемъ въ квартире одного студента задержанъ почти весь составъ „организаціонного комитета“, собравшійся туда на совѣщеніе. Обыскомъ, произведеннымъ въ упомянутой квартирѣ, обнаружено: редакціонный складъ бюллетеней и воззваний „кассы взаимопомощи“ и комитета, мимографъ съ оттискомъ послѣднихъ бюллетеней, а также масса переписки и другихъ замѣтокъ, касающихся студенческаго броженія. Въ фуражкѣ студента, предсѣдателяствовавшаго на сходкѣ 17-го марта, найдено 2 экземпляра № 4 революціонной подпольной газеты „Рабочая Мысль“ и 1 экземпляръ 5 нумера той же газеты. Въ квартирахъ прочихъ лицъ обнаружены: дѣловая переписка „кассы“ и „комитета“, списки лицъ, прикованныхъ къ „кассе“, пригласительные на сходки билеты, отчеты прихода и расхода суммъ „кассы“ и пожертвованій на студенческое движение, черновики рукописей многихъ изданныхъ „кассою“ бюллетеней и воззваний; коробка съ З-мъ штемпелями: каучуковыми—„кассы взаимопомощи студентовъ С.-Петербургскаго университета“, такимъ же—„организаціонного комитета при С.-Петербургскомъ университѣтѣ“ и металлическими—того же „комитета“ и гектографъ съ принадлежностями и съѣжками оттисками послѣднихъ бюллетеней и объявлений; 250 экземпляровъ революціонной брошюры, отпечатанной въ подпольной типографіи въ 1896 году, и нѣсколько экземпляровъ другихъ изданій революціонного характера.

На слѣдующій день въ университетской столовой вновь собралась,

въ томъ же приблизительно количествѣ, часть студентовъ университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Среди присутствовавшихъ циркулировали опять разныя изданія агитаторовъ той или другой партіи, а также извѣщеніе объ арестѣ „комитета“, взамѣнъ коего въ тотъ же день съорганизовался „2-й комитетъ“.

22-го, 23-го и 24-го марта группы студентовъ, собиравшихся въ той же столовой, вели оживленный превія по поводу забастовки и положенія дѣлъ и знакомились съ послѣдующими изданіями какъ „комитета Петербургскаго университета“, такъ и документами, получавшимися изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Между прочимъ, 22-го числа было въ обращеніи новое воззваніе „кіевскаго союзного совѣта“, присланное въ отвѣтъ на вышеуказанную печатную прокламацію, появившуюся 18-го марта, въ коемъ содержится упрекъ за несвоевременное разоблаченіе главарями агитации будто бы истинныхъ революціонныхъ цѣлей движенія.

Вечеромъ 24-го марта въ квартире одного изъ студентовъ, былъ арестованъ „2-й организаціонный комитетъ“, въ числѣ 8 человѣкъ. Лица эти застигнуты расположившимися вокругъ стола, на коемъ были разложены послѣднія изданія „комитета“ до 27-го бюллетея включительно: въ углу комнаты найдены брошенными свѣже-изорванные клочки бумаги, составляющіе изъ себя разорванную въ моментъ входа полиціи черновую рукопись только-что составленного для слѣдующаго дня 28-го бюллетея и рукописный матеріалъ для послѣдняго.

25-го, 26-го и 27-го марта сходки въ столовой продолжались при тѣхъ же условіяхъ, поддерживаемыя послѣдующими изданіями и сообщеніями, а также агитацией членовъ „3-го комитета“, заступнишаго мѣсто арестованныхъ наканунѣ, причемъ особы старанія прилагались къ тому, чтобы распространить „обструкцію“ и на экзамены, а части студентовъ, принадлежащихъ къ партіи „обструкціонистовъ“ и получившихъ новые входные билеты въ университетъ, дали надлежашія указанія.

28-го и 29-го марта въ средѣ обструкціонной партіи стала замѣтиться иѣкоторый упадокъ духа; оставшіеся агитаторы, однако, продолжали употреблять всѣ усиія для достижения своей ближайшей задачи—недопущенія экзаменовъ. окончательно овладѣвъ, во главѣ съ третьимъ комитетомъ, студенческой столовой, они производили тамъ систематическую раздачу разныхъ изданій, не допуская никакихъ возраженій противъ своихъ решеній и требуя продолженія

прежняго образа дѣйствій, въ виду наступленія самого серьезнаго момента борьбы.

29-го марта подвергнуты задержанію выяснившие участники 3-го комитета и некоторые другіе, наиболѣе выдающіеся, агитаторы, въ числѣ 15 человѣкъ.

18-го марта начались сходки въ технологическомъ институтѣ, причемъ первоначально студенты, незначительнымъ большинствомъ голосовъ, высказались противъ обструкціи; сходки повторились и въ послѣдующіе дни, въ виду чего всѣ студенты института 20-го марта уволены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ студенты С.-Петербургскаго университета.

Безпорядки въ лѣсномъ институтѣ возобновились съ 17-го марта; означеннаго числа въ институтѣ, въ присутствіи присланшаго изъ университета delegata, собрана была сходка, на коей присутствовало 312 человѣкъ изъ общаго числа 506 студентовъ; сходка эта большинствомъ голосовъ высказалась за продолженіе обструкціи. Тогда же для руководства беспорядками изъ числа агитаторовъ образовался особый комитетъ, проявившій затѣмъ свою дѣятельность также изданіемъ бюллетеней и разныхъ воззваній.

18-го марта къ беспорядкамъ примкнулъ также и горный институтъ, гдѣ собрана была сходка изъ 385 студентовъ (общее число слушателей пазраншаго учебного заведенія 485). На сходкѣ присутствовали delegаты университета и лѣсного института, но, несмотря на старанія агитаторовъ, по произведенной баллотировкѣ только меньшинство присутствовавшихъ высказалось за обструкцію. Изъ числа послѣднихъ нѣсколько человѣкъ составили изъ себя иѣстную „группу инициаторовъ“, которая продолжала волновать товарищѣй путемъ выпуска бюллетеней и другихъ воззваній; лица эти 26-го марта, въ моментъ сходки, были задержаны, причемъ по произведеному тогда же обыску найдены и вещественные доказательства ихъ агитационной дѣятельности.

Затѣмъ, въ виду продолжавшагося волненія и невозможности правильнаго чтенія лекцій, было придано необходимымъ 21-го марта уволить всѣхъ студентовъ горнаго института съ правомъ подачи прошеній о приемѣ, который производится по усмотрѣнію начальства.

Въ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи волненіе, возникшее для поддержки петербургскихъ товарищѣй, подъ влияніемъ разосланныхъ писемъ и отправленныхъ delegатовъ, выразилось въ множествѣ.

Москвa. Волненія среди студентовъ Московскаго университета и другихъ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній возникли съ половиною февраля по получении свѣдѣній о петербургскихъ беспорядкахъ, но, благодаря своевременно принятymъ со стороны учебного начальства и администраціи мѣрамъ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца могли быть удержаны въ предѣлахъ, допускавшихъ возможность благоразумной части студенчества посѣщать лекціи и продолжать учебныя занятія въ университѣтѣ.

При самомъ началѣ движенія изъ среды студенчества выдѣлились наиболѣе горячія головы, старавшіяся усилить беспорядки и волшовать громадное большинство студентовъ, державшихъ себѣ спокойно. На дѣятельность этихъ лицъ было обращено вниманіе какъ университетскаго начальства, такъ и со стороны полиції.

Принимая во вниманіе, что возникшее броженіе не имѣло никакихъ мѣстныхъ поводовъ и возникло на почвѣ товарищеской поддержки, и пользуясь приближеніемъ Масляной недѣли, а также полагая, что волненіе уляжется само собой ко времени возобновленія учебныхъ занятій, было рѣшено, до наступленія чиста, временно удалить въ мѣста жительства родныхъ, изъ числа вышеозначеныхъ лицъ, 222 человѣка административнымъ порядкомъ, а правленіе университета, съ своей стороны исключило 2-хъ и уволило 162 студента университета, предполагая ходатайствовать предъ министромъ народнаго просвѣщенія о возвращеніи таковыхъ по возстановленіи академическаго порядка. Во исполненіе сего, съ 1-го же числа марта сдѣлано было распоряженіе о возвращеніи въ Москву удаленныхъ по распоряженію администраціи студентовъ, за исключеніемъ лишь 16-ти, наиболѣе виновныхъ, въ агитации ковыѣ пребываніе въ Москвѣ воспрещено въ теченіе года на основаніи положенія обѣ охранѣ.

Лишившись значительного числа единомышленниковъ, часть студенчества, стоявшая за продолженіе беспорядковъ, тѣмъ не менѣе продолжала всѣми способами поддерживать волненія между учащуюся молодежью, не останавливаясь даже передъ угрозами физического воздействиа¹⁾ въ отношеніи посѣщающихъ лекціи товарищей, фамиліи коихъ, независимо сего, расpubликованы были ими для общаго свѣдѣнія.

Выпущенное по этому поводу 20-го февраля отъ имени „группы борьбы противъ университетскаго режима“ возвзваніе, съ обращеніемъ

¹⁾ Чему и было нѣсколько примѣровъ.

къ товарищамъ, указывая, что, изъ-за посыпенія отдѣльными лицами лекцій, университетъ „не закрытъ“, предъявляло нижеслѣдующее требование. „Въ виду того, что наши цѣли безконечно велики по сравненію съ низкими побужденіями этихъ отщепенцевъ, въ виду того, наконецъ, что было бы глумленіемъ надъ здравымъ смысломъ прилагать къ поведенію этихъ вредныхъ для среды существъ принципъ свободы „взглядовъ“ и „убѣждений“, мы просимъ товарищѣй о принятіи по отношенію къ нимъ слѣдующихъ мѣръ: установивъ ихъ личность, мы предлагаемъ подвергнуть ихъ физическому воздействію, считая при этомъ допустимыми всѣ формы и всѣ степени въ виду указанной уже вредности этихъ антиобщественныхъ элементовъ. Желательно только сдѣлать это съ минимумомъ риска и жертвъ: безъ свидѣтелей съ малымъ числомъ участниковъ и т. п., что будетъ видѣнѣе взявшимся за это дѣло“.

Броженіе находило для себя пищу въ тѣхъ прокламаціяхъ и воззваніяхъ, которые издаваемы были стоявшимъ во главѣ движенія „исполнительнымъ комитетомъ“, а также присылались въ Москву изъ другихъ университетскихъ городовъ. Особенно вредное въ этомъ отношеніи вліяніе имѣли: воззваніе „кіевскаго союзного совѣта объединенныхъ землячествъ и организаций“, отъ 12-го февраля и появившись въ Москвѣ прокламація „Къ учащейся молодежи“, отъ имени „союза соціалистовъ-революціонеровъ“. Первое воззваніе указывало на цѣли студенческаго движения, признавая таковое „не минутной, быстро гаснущей вспышкой возмущенного чувства, а сознательнымъ и стойкимъ протестомъ противъ общаго режима“, и на „близость того дня, когда изъ студенческихъ протестовъ выростетъ общественное движение“, а упомянутая прокламація „Къ учащейся молодежи“ выражала сочувствіе студентамъ со стороны революціонеровъ и указывала на важность движенія въ смыслѣ политического воспитанія молодежи, которая, несомнѣнно, должна затѣмъ придти къ сознанію необходимости примкнуть къ активной борьбѣ съ правительствомъ.

По полученіи въ университетѣ свѣдѣній о состоявшемся 20-го февраля Высочайшемъ повелѣніи о разслѣдованіи причинъ петербургскихъ беспорядковъ, „исполнительный комитетъ“ 23-го февраля выпустилъ особое воззваніе о необходимости „держаться прежней тактики впередъ до выясненія дѣла и возвращенія высланныхъ изъ Москвы товарищѣй“; 26-го февраля появилось подобное же „извѣщеніе“ отъ студентовъ Императорскаго техническаго училища.

Несмотря на происки неблагонамѣренной части студенчества, цѣль агитации — закрытие университета — не могла быть достигнута къ началу марта, и съ понедѣльника первой недѣли поста назначено было возобновленіе занятій въ университѣтѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, временно простоявшихъ по случаю Масленичной недѣли. 1-го марта на лекціи явилось сравнительно незначительное число слушателей (въ университѣтѣ 450, техническомъ училищѣ 100, сельско-хозяйственномъ институтѣ — 25), причемъ медики одного изъ курсовъ, собравшись на сходку, отправили отъ себя депутацию къ ректору, съ заявлениемъ, что студенты не могутъ приступить къ занятіямъ до возвращенія высланныхъ товарищѣй.

2-го марта лекціи въ университѣтѣ продолжались, за исключениемъ лекціи профессора Соколовскаго, въ аудиторіи коего студенты, числомъ до 150 человѣкъ, стали шумѣть и кричать, а затѣмъ толпою удалились. Въ анатомическомъ театрѣ состоялась сходка при участіи болѣе 400 студентовъ, признавшая необходимымъ требовать: 1) возвращенія высланныхъ товарищѣй и 2) устраненія на будущее время высылки безъ суда и слѣдствія по дѣламъ академического характера.

Въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы занятія въ это время возобновились.

3-го марта лекціи въ университѣтѣ посещались весьма немногими; въ 2 часа на дворѣ собралась сходка болѣе 1.000 человѣкъ, виновныхъ затѣмъ, съ разрѣшеніемъ ректора, въ актовый залъ. По окончаніи сходки, къ ректору отправлена была депутация, заявившая, что изъ числа 1.055 присутствовавшихъ 724 высказались за продолженіе обструкціи до удовлетворенія ходатайства правленія университета о смягченіи участія уволенныхъ студентовъ; по вопросу же о продолженіи обструкціи до обнародованія результатовъ разслѣдованія генераль-адъютанта Ваниновскаго 800 голосовъ высказались противъ.

4-го марта лекціи вновь слушались незначительнымъ числомъ, съ 12-ти часовъ начались сходки по факультетамъ, причемъ медицинскій и естественный факультеты изъявили желаніе посѣщать лекціи, а юристы младшихъ курсовъ высказались за забастовку.

На слѣдующій день на лекціи явилось большее число слушателей (въ клиникахъ присутствовало до 700); на всѣхъ курсахъ происходили допущенные ректоромъ собранія, участники коихъ, по произведеному подсчету голосовъ, высказались въ числѣ 1.130 за прекращеніе обструкціи, а 622 — за продолженіе ея.

6-го марта университет посещало 1.829 студентовъ. Въ понедѣльникъ 8-го марта количество слушателей увеличилось еще болѣе; сходки хотя и происходили, но виѣ опредѣленного для занятій времени. Университетское начальство признало порядокъ возстановленіемъ, и, съ согласія министра народнаго просвѣщенія, 8-го марта въ университетѣ, ректоромъ было выставлено объявление слѣдующаго содержанія: „Въ виду возстановленія нормального порядка учебной жизни въ университѣтѣ, ходатайство правленія обь обратномъ принятіи студентовъ, исключенныхъ и уволенныхъ правленіемъ 15-го, 17-го и 18-го февраля сего года, утверждено министромъ народнаго просвѣщенія 7-го марта. Выѣстѣ съ симъ объявляются, что сходки запрещены § 15 правилъ для студентовъ, собранія же, разрѣшенныя временно ректоромъ университета для иѣкоторыхъ разъясненій, въ此刻 настоящее время безусловно воспрещаются“. Того же числа московскіи оберъ-полиціймейстеромъ сдѣлано было распоряженіе обь объявленіи уволенныхъ по распоряженію правленія университета студентамъ о разрѣшепіи вернуться имъ въ Москву для обратнаго поступленія въ университетъ.

Стоящая за продолженіе „обструкціи“ партіи (до 600 человѣкъ), съ „исполнительнымъ комитетомъ“ во главѣ, съ первого дня занятій возобновила свою агитационную дѣятельность, дѣйствуя на студентовъ, главнымъ образомъ, посредствомъ ежедневно выпускаемыхъ особыхъ бюллетеней въ коихъ, отчасти съ извращеніемъ фактовъ и по мѣщеніемъ въ своихъ цѣляхъ ложныхъ съѣдѣній, излагался ходъ движенія, результаты голосованій на сходкахъ, сообщались фамиліи студентовъ, посѣщавшихъ лекціи, и свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, о движеніи пожертвованій въ пользу товарищей, и давались указанія на слѣдующіе дни. Изъ другихъ листковъ, ходившихъ по рукамъ, наибольшее вліяніе ошѣя оказалось воззраніе „кіевскаго союзного совѣта“ отъ 3-го марта, заключающее въ себѣ порицаніе петербургскимъ студентамъ, по поводу ихъ отказа отъ обструкціи, и указаніе на необходимость продолженія начатой борьбы.

9-го, 10-го и 11-го марта лекціи продолжались, причемъ студенты ежедневно собирались также и на сходки; 10-го, по распоряженію исправляющаго должность ректора, въ университетѣ выставлено было новое объявление, гласившее, что „приятныя временно чрезвычайный мѣры теряютъ силу и взамѣнъ ихъ вступаютъ въ дѣйствіе обычныя

правила" и съ указаниемъ, между прочимъ, на то, что „посылка депутатовъ дѣйствующими правилами воспрещается“.

Это объявление, а равно таковое же ректора отъ 8-го марта, истолковано было главарями обструкціонной партіи въ смыслѣ нарушения ректоромъ даннаго имъ ранѣе согласія собираться на курсовый совѣщанія и при томъ въ надзора чиновъ инспекціи. „Исполнительный комитетъ“ тотчасъ же воспользовался въ своихъ цѣляхъ появившимся среди студентовъ недовольствомъ на университетское начальство и развязъ на этой почвѣ сильную агитацию, внушилъ студентамъ надежды на отсрочку предстоящихъ экзаменовъ, распространяя слухи, что не всѣ уволенные по распоряженію правленія университета будуть возвращены обратно, и т. п. Благодаря этому, къ 11-му марта число сторонниковъ обструкціи возросло на нѣсколько сотъ человѣкъ; на сходкахъ же, состоявшихся 9-го и 10-го марта, рѣшено собрать къ 12 числу окончательная свѣдѣнія о количествѣ стоящихъ за продолженіе беспорядковъ и установить самую форму послѣднихъ.

По подсчету курсовыхъ голосованій оказалось, что 1.366 студентовъ высказались, противъ 679, за забастовку, указывъ, какъ на причину послѣдней: 1) оскорбление студентовъ-делегатовъ, которымъ даются обѣщанія, тотчасъ же отмѣняемыя, и 2) недостаточность гарантій слова ректора относительно упорядоченія дѣйствій инспекціи (буллетеинъ 12-го и 13-го марта), а къ этимъ двумъ причинамъ сходка, собравшаяся на слѣдующій день, прибавила еще требование о допущеніи со стороны ректора частныхъ совѣщаній по вопросу объ отношеніи къ студентамъ чиновъ инспекціи, впредь до выработки правленіемъ новой инструкціи неделями (буллетеинъ 13-го марта).

15-го марта на занятія явилось незначительное число студентовъ; остальные, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, явились въ университетъ лишь для присутствія на сходкахъ; 14 человѣкъ, собравшихся въ аудиторіи для слушанія лекціи профессора Соколовскаго, сплошь выгнаны были оттуда своими товарищами-забастовщиками.

16-го марта лекціи состоялись лишь на 5 курсѣ медицинскаго факультета, студенты коего отказались принимать дальнѣйшее участіе въ забастовкѣ; на юридическомъ факультетѣ 12 человѣкъ, прибывшихъ на лекцію профессора Алексѣева, ожидались толпой въ 150 студентовъ, угрожавшихъ употребить противъ нихъ физическое насилие, что вынудило университетское начальство объявить имъ, что будетъ призвана полиція, послѣ чего толпа разошлась. Въ выпущенномъ того же числа буллетеинѣ „исполнительный комитетъ“, высказалъ

порицаніе части студентовъ, продолжающихъ посѣщать лекціи, рекомендовалъ распространить забастовку и на предстоящіе экзамены, и, сознавши, что поведеніе демонстрантовъ должно навлечь за собою самыя рѣшительныя мѣры со стороны начальства, впередъ совѣтовалъ, въ случаѣ увольненія изъ университета всѣхъ студентовъ, "ис жеданено подавать прошенія о приемѣ вновь и давать всякия вынужденныя подписки, а затѣмъ, по примѣру Киева продолжать забастовку".

17-го марта занятія въ университѣтѣ прекращены до 22-го; всѣ студенты признаны уволенными съ предоставлениемъ права подачи прошеній объ обратномъ приемѣ, записавшимъ отъ усмотрѣнія учебного начальства.

Въ течеліе этихъ дней, подача прошеній спачала задерживалась и положеніе было выжидательное; вышедшіе же 17, 18, 20, 22 и 24-го марта бюллетени за подпись "исполнительного комитета" вновь настоятельно требовали подачи всѣми прошеній, подписи всѣхъ обязательствъ, возобновленія забастовки, съ распространениемъ ея на экзамены, и затѣмъ продѣявленія требованія, съ цѣлью обобщенія студенчества. о возраженіи товарицей, высланныхъ изъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а равно требованія о реорганизаціи университетской инспекціи.

Благодаря этой агитациі, университетское начальство вынуждено было съ особой осторожностью отнести съ обратному приему студентовъ; изъ общаго числа (4.407) прошеній объ обратномъ приемѣ подали 4.129; изъ нихъ принято 3.318 и отказано въ приемѣ 774. изъ коихъ 404, приемъ коихъ обратно въ Московскій университетъ нежелателенъ, и 870, кои могутъ быть приняты обратно въ университетъ въ будущемъ году. Кромѣ того, отказано въ приемѣ 37 студентамъ, о коихъ имѣлись неблагопріятныя полвѣдѣнія.

Непринятые студенты удаляются постепенно изъ Москвы въ мѣста родинны, за исключениемъ постоянныхъ московскихъ жителей, отданыхъ на попеченіе родственникамъ.

49 лицамъ, изъ числа непринятыхъ, особенно замѣченныхъ въ агитационной дѣятельности и арестованныхъ на сходкахъ въ университете, воспрещено, на основаніи положенія объ охранѣ, жительство пъ столицахъ и университетскихъ городахъ въ течеліе 2-хъ лѣтъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе, что за все это время громадное большинство студентовъ не принимало участія въ беспорядкахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и средѣ демонстрантовъ нѣкоторая часть, не сочувствующая насильственному способу дѣйствій, высказалась за

прекращеніе беспорядковъ, продолженіе коихъ не вызывалось, по мнѣнію ея, никакими основательными причинами. Выраженіемъ этого мнѣнія явилось, между прочимъ, воззваніе, выпущенное 16-го марта за подписью „группы независимыхъ студентовъ“, указывающее на совершенную случайность состоявшагося 12-го марта большинства, высказавшагося за повтореніе обструкціи.

Для обратно принятыхъ въ университетъ 3.318 человѣкъ предстояли еще въ теченіе 2-хъ недѣль учебныя занятія, но, въ виду угрозъ со стороны агитаторовъ и опасности возбудить между посѣдниками и благородной партіей рѣзкія столкновенія, признано было необходимымъ, не возобновляя лекцій, приступить къ экзаменамъ по утвержденному расписанію, обставивъ таковыя мѣрами предосторожности для охраны порядка и экзаменующихъ.

Kievъ. Въ Киевскомъ университѣтѣ броженіе среди студентовъ возникло еще въ ноябрѣ прошлаго года, сначала на почвѣ чисто-национальныхъ интересовъ, въ виду выраженнаго нѣкоторыми студентами, преимущественно поляками и евреями, желанія послать въ Варшаву ко дню открытия памятника польскому поэту Мицкевичу, адресъ отъ имени студентовъ Киевскаго университета всѣхъ национальностей съ восхваленіемъ политической дѣятельности названнаго писателя и съ порицаніемъ постановки памятника въ Вильнѣ графу Муравьеву. Вопросъ о посыпкѣ такого адреса возбудилъ протестъ среди русскихъ студентовъ, и движение это, сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ демонстративныхъ выходокъ со стороны польско-еврейской части студентовъ, привело къ открытому столкновенію представителей обѣихъ партій. Въ декабрѣ мѣсяцѣ положеніе дѣла въ университѣтѣ обострилось настолько, что учебное начальство оказалось вынужденнымъ исключить изъ университета 9 человѣкъ главныхъ зачинщиковъ беспорядковъ, а учебныя занятія прекратить до наступленія обычнаго срока передъ рождественскими каникулами. Во время этихъ волненій тайная организація, существующая среди студентовъ университета си. Владимира подъ импемъ „кіевскаго союзного союза объединенныхъ землячествъ и организаций“, выпустила нѣсколько воззваний противоправительственнаго характера, направленныхъ къ порицанію памяти графа Муравьева и къ восхваленію революціонной дѣятельности Мицкевича.

Съ началомъ учебныхъ занятій въ январѣ текущаго года волненіе среди кіевской учащейся молодежи нѣсколько поулеглось, но внутренний порядокъ установился еще не вполнѣ. Такъ, 25-го января

въ университетѣ, человѣкъ около 100 студентовъ произвели манифестацію въ одной изъ аудиторій, а 12-го февраля, еще до полученія подробныхъ сведѣній о петербургскихъ событияхъ, кіевскій союзный совѣтъ выступилъ възваніе съ призывомъ къ упорной борьбѣ за свободу личности.

Такимъ образомъ призывъ с.-петербургскаго студенчества къ участію въ поднятомъ имъ движениі нашелъ въ городѣ Кіевѣ вполнѣ благопріятную почву и живой откликъ среди студентовъ университета, и проявился здѣсь въ иной формѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи. 16-го февраля, по полученіи сведѣній изъ С.-Петербурга о возникшемъ студенческомъ движениі и его причинахъ, „союзный совѣтъ“ особымъ възваніемъ пригласилъ товарищѣ на сходку 17-го февраля, которая и состоялась въ зданіи университета, при участіі около 1.000 человѣкъ студентовъ; присутствовавшіе рѣшили присоединиться къ требованіямъ петербургскихъ товарищѣвъ въ до удовлетворенія ихъ требованій отказаться отъ посѣщенія лекцій. Постановленіе сходки было прочитано ректору университета, пришедшему на сходку, и затѣмъ собравшіе разошлись по домамъ, а человѣкъ около 80 студентовъ остались въ зданіи университета и, переходя изъ одной аудиторіи въ другую, гдѣ происходило чтеніе лекцій, заявляли профессорамъ о принятомъ сходкой рѣшеніи, послѣ чего лекціи прекратились.

18-го февраля и въ послѣдующіе дни студенты университета продолжали агитацію и не допускали чтенія лекцій, не остававшись даже передъ мѣрами открытаго насилія по отношенію многихъ товарищѣвъ, не желавшихъ примкнуть къ ихъ движению. Участіе въ движениі принимали, главнымъ образомъ, студенты первыхъ двухъ курсовъ университета, старшіе же ихъ товарищи менѣе поздавались подстрекательству агитаторовъ.

Волненіе въ городѣ Кіевѣ не прекратилось и по воспослѣдовавшему Высочайшаго повелѣнію 20-го февраля. „Союзный совѣтъ“, игравшій все время роль главнаго органа агитации, подстрекалъ товарищѣвъ издаваемыхъ имъ бюллетеахъ и възваніяхъ къ продолженію забастовки и указывалъ на солидарность, проявленную студентами всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи.

Продолжавшися столь долгое время волненіе въ университетѣ, въ связи съ рѣзкими демонстративными выходками студентовъ, вызвали со стороны учебнаго начальства цѣобходимость исключить изъ университета 52 человѣка главныхъ агитаторовъ, которые вслѣдъ

затѣмъ и были удалены административнымъ порядкомъ изъ предѣловъ Киевской губерніи, а учебныя занятія были прекращены, съ предупрежденіемъ, что всѣ нежелающіе приступить къ занятіямъ послѣ 4-го марта будуть считаться уволившимися изъ университета.

Одновременно съ дѣятельностью группировавшейся около „союзного совѣта“ партіи, стоявшей за продолженіе беспорядковъ, возникла въ Киевскомъ университѣтѣ другая партія, присвоившая себѣ наименование „руssкое общество националистовъ“ и выпустившая особое воззваніе, въ которомъ хотя и выражается сочувствіе петербургскому студенчеству, но безусловно отвергается путь, выбранный студентами для выраженія своего протеста.

Происходившіе въ городѣ Кіевѣ беспорядки среди учащейся молодежи нашли себѣ горячее сочувствіе въ мѣстной подпольной революціонной организаціи, именовавшей себя „кіевскимъ союзомъ соціалистовъ-революціонеровъ“, которая почти тотчасъ же послѣ возникновенія броженія въ университѣтѣ выпустила два воззванія возмутительного содержанія: одно, озаглавленное „Къ учащейся молодежи“, заключаетъ въ себѣ призывъ къ общей борьбѣ противъ существующаго государственного строя, а другое воззваніе „Къ кіевскимъ рабочимъ“ указываетъ, что студенты, благодаря твердой сплоченности и полной солидарности въ своихъ дѣйствіяхъ, добились, будто бы, крупныхъ уступокъ отъ правительства; следовательно, и рабочимъ, для облегченія своего положенія, необходимо дружно соединить свои силы.

Послѣ прекращенія лекцій въ университѣтѣ, студенты продолжали собираться на сходки въ коридорѣ при университетской шинельной и комнатѣ для выдачи заказной корреспонденціи, такъ какъ всѣ остальные помѣщенія университета были закрыты.

Въ теченіе первой недѣли Великаго поста занятія въ университѣтѣ не производились, такъ какъ, по установленному учебнымъ начальствомъ порядку, недѣля эта предоставляется студентамъ для голѣнія. Тѣмъ не менѣе, студенты, собираясь значительными группами въ тѣхъ помѣщеніяхъ университета, куда имъ былъ открытъ доступъ, продолжали обсуждать вопросъ о дальнѣйшемъ движеніи въ особенности по полученніи свѣдѣній о прекратившейся въ Петербургѣ забастовкѣ. По этому поводу „союзный совѣтъ“ выпустилъ два воззванія: одно отъ 3-го марта съ выражениемъ рѣзкаго порицанія С.-Петербургскому университету за то, что онъ „забылъ свои общегражданскія требования, но имъ которыхъ возстали сами петербургскіе сту-

денты и призвали къ протесту провинциальные университеты", а другое отъ 7-го марта, въ коемъ „союзный совѣтъ" требовалъ возвращенія высланныхъ товарищев. Выѣстъ съ тѣмъ „союзный совѣтъ" обратился съ воззваніемъ къ московскому студенчеству, и призывалъ его принять на себя руководящую роль въ студенческомъ движениі.

6-го марта около 200 человѣкъ студентовъ, проникнувъ въ одну изъ университетскихъ аудиторій, занялись обсужденіемъ вопроса о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, причемъ среди нихъ появилось новое воззваніе „союзного совѣта", съ призываю на сходку 8-го марта.

Съ открытиемъ университета спокойно прошли только 3 первыя лекціи, но затѣмъ послѣ перерыва студенты потребовали прекращенія занятій, прыгались въ аудиторіи, препятствовали чтенію лекцій и, наконецъ, выбивъ дверь въ самую обширную изъ аудиторій, собрали многочисленную сходку, на которой послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ большинство пришло къ заключенію продолжать забастовку до тѣхъ поръ, пока не будутъ возвращены высланные товарищи.

Въ противовѣсъ рѣшенію этой сходки, „группа націоналистовъ", стоявшая за возвращеніе въ университетъ порядка и начало лекцій, собралась также, въ числѣ около 200 человѣкъ, въ отдѣльномъ помѣщеніи. Результаты ихъ переговоровъ выражались въ появившихся вслѣдъ затѣмъ воззваніяхъ этой группы отъ 8-го и 11-го марта, гдѣ подвергается рѣшительной критикѣ дѣятельность „союзного совѣта" и партіи забастовщиковъ и доказывается, что разъ студенты С.-Петербургскаго университета, непосредственно заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, отказались отъ дальнѣйшей забастовки, то странно Киевскому университету выступать въ защиту чужихъ интересовъ болѣе ревностно, чѣмъ сами потерпѣвшіе.

9-го марта въ зданіи университета произошли особенно бурные беспорядки, перешедшіе въ открытое столкновеніе представителей двухъ партій студенчества за и противъ забастовки.

Партія „націоналистовъ", къ которой присоединились студенты юристы 4-го курса, обратилась къ ректору университета съ просьбой начать чтеніе лекцій, но на первой же лекціи забастовщики выломали скамейкой окна въ дверяхъ и пытались проникнуть въ аудиторію, гдѣ собралось около 300 слушателей. Эти послѣдніе, вооружась бандами отъ физическихъ приборовъ, отогнали нападающихъ. Беспорядки произошли также и въ клиникахъ Киевскаго военнаго госпиталя, гдѣ читалась лекціи студентамъ медикамъ, причемъ они встрѣтили вошедшаго къ нимъ начальника госпиталя шумомъ и криками.

Всѣдѣствіе сего 10-го марта въ зданіи университета вывѣшено объявление слѣдующаго содержанія: „По распоряженію министра народнаго просвѣщенія всѣ студенты университета св. Владимира признаются уволившимися. Желающіе вновь поступить въ университетъ и продолжать слушаніе лекцій, подаютъ о томъ прошеніе г. ректору. Обратный приемъ будетъ залишить отъ усмотрѣнія университетскаго начальства“.

12-го марта происходилъ приемъ прошеній отъ студентовъ 4-го и 5-го курсовъ, изъявившихъ желаніе поступить обратно въ университетъ, причемъ въ первый же день было приято 510 прошепій. Студенты впускались группами по мѣрѣ прибытія и безпорядковъ не производили. Такъ же спокойно съ иначеїей стороны прошли и остальные дни при приемѣ прошеній отъ студентовъ другихъ курсовъ.

Всего прошепій обѣ обратномъ приемѣ поступило 2.425, принято правленіемъ обратно въ университетъ 2.181 человѣкъ, отказано въ приемѣ 244 лицамъ, изъ нихъ 160 евреямъ. Въ общую цифру студентовъ, которымъ отказано въ приемѣ, еще не вошли I, II и III курсы всѣхъ факультетовъ.

Тѣмъ не менѣе, внутренній порядокъ въ университетѣ далеко еще не установился, броженіе среди студентовъ продолжается, выражаясь пока въ сходкахъ главныхъ дѣятелей агитациіи по частнымъ квартирамъ и въ демонстративныхъ выходкахъ на вокзалахъ при отѣздахъ непринятыхъ обратно въ университетъ товарищѣ. На ряду съ этимъ „союзный совѣтъ“ не прекращалъ своей агитационной дѣятельности и участіе его въ студенческомъ движениі за указанное время выразилось въ изданіи тѣхъ двухъ возваній къ петербургскому студенчеству, которыя, повидимому, сдѣлались одной изъ главныхъ причинъ возникновенія новыхъ беспорядковъ въ С.-Петербургѣ.

Въ Киевскомъ политехническомъ институтѣ броженіе проявилось съ 17-го февраля и выразилось въ сходкѣ около 300 студентовъ, которые заявили о своемъ намѣреніи отказаться отъ дальнѣйшихъ занятій; въ послѣдующіе дни волненія продолжались, и 19-го студенты, стоявшіе за беспорядки, не допустили въ чертежные залы своихъ товарищѣй, явившихся туда съ цѣлью взять на домъ свои чертежи; 22-го февраля студентамъ института объявлена была директоромъ телеграмма министра финансовъ съ предложениемъ возобновить занятія, приступить къ которымъ, однако, еще не оказалось возможности, въ виду возбужденного вообще настроенія молодежи.

25-го студентамъ была объявлена новая телеграмма министра,

заключавшая въ себѣ предостереженіе о томъ, что непосѣщающіе лекцій будуть признаны уволенными.

По возобновленіи лекцій послѣ Масляной недѣли, часть студентовъ, лягясь на лекцію естественной исторіи, предложила профессору удалиться, но собранная въ тотъ же день сходка признала, однако, большинствомъ голосовъ, возобновленіе занятій желательнымъ, что и было исполнено тогда же большей частью студентовъ; послѣ сего волненіе въ институтѣ стало постепенно утихать, и учебныя занятія продолжались лѣкторое время обычнымъ порядкомъ.

26го марта около 200 студентовъ не пошли на лекціи и съ этого времени мѣшаютъ записаться своимъ товарищамъ; полное спокойствіе еще не возстановлено, и слушателямъ назначены срокъ для возобновленія всѣми слушанія лекцій.

Руководящая беспорядками въ Кіевскомъ університетѣ группа „союзного союза“ пытается, съ своей стороны, оказывать по возможности влияніе и на студентовъ политехническаго института и, смотря по ходу дѣлъ въ послѣднемъ, выражала политехникамъ въ своихъ воззваніяхъ сочувствіе или порицаніе.

Одесса. Подъ вліяніемъ полученныхъ въ Одессѣ, чрезъ посредство прибывшаго, 19-го февраля, изъ Кієва делегата, извѣстій о волненіяхъ среди студентовъ С.-Петербургскаго університета, 20-го февраля въ університетѣ состоялась сходка студентовъ, человѣкъ до 300; явившійся на сходку инспекторъ вынужденъ былъ удалиться, а явившемуся вслѣдъ затѣмъ ректору студенты заявили, что они присоединяются къ требованіямъ своихъ товарищъ С.-Петербургскаго університета и прекращаютъ посѣщеніе лекцій, покуда эти требованія не будутъ удовлетворены. На сходкѣ распространялась гектографированная прокламація, кіевскаго изданія, приглашавшая Ново-россійскій університетъ послѣдовать примеру С.-Петербургскаго и Кіевскаго университетовъ и прекратить посѣщеніе лекцій.

22-го февраля было издано на гектографѣ воззвание, въ которомъ налагалось рѣшеніе, принятое 20-го числа, и на сходкѣ, бывшей въ этотъ же день, на которой участвовало всего около 150 человѣкъ, рѣшено продолжать неходить на лекціи и препятствовать посѣщать лекція другимъ.

23-го февраля вновь состоялась сходка, на которую прибылъ ректоръ и, указавъ на незаконность дѣйствій студентовъ и на состоявшееся, 20-го февраля, Высочайшее повелѣніе о назначеніи генералъ-адъютанта Банновскаго для производства разслѣдованія о причинахъ

волненій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, добавилъ, что большаго удовлетворенія не можетъ быть. Рѣчь ректора была выслушана студентами въ молчаніи, и 24-го февраля, хотя лекціи не посѣщались, но броженіе между студентами, подъ вліяніемъ сказанаго ректоромъ, шакануло, стало замѣтно ослабѣвать, и число противниковъ забастовки стало увеличиваться.

25-го, 26-го, 27-го и 28-го университетъ былъ закрытъ по случаю Масленицы, и въ это время ректоръ ежедневно вызывалъ по нѣсколько человѣкъ студентовъ, убѣждая ихъ возвратиться къ нормальному порядку, причемъ всѣ вызванные ректоромъ держали себя съ нимъ вполнѣ почтительно, но заявляли о своей полной солидарности съ участницами сходокъ и съ принятыми на сходкахъ решеніями. Такъ продолжалось до 8-го марта, когда студенты, послѣ сходки, письменно заявили ректору, что, въ виду получения свѣдѣній о возобновленіи занятій въ С.-Петербургѣ, они, съ слѣдующаго числа (4-го марта) прекращаютъ стачку.

Съ 4-го марта лекціи въ университетѣ возобновились и продолжались до 22-го числа. Во весь этотъ промежутокъ времени, между вожаками студенческаго движения шли безпрерывныя спошения съ другими университетами, преимущественно съ Киевскимъ, изъ котораго получены упреки одесскимъ студентамъ за прекращеніе забастовки.

22-го марта въ университетѣ появилась прокламація, приглашающая вновь начать забастовку; около 200 человѣкъ студентовъ собрались на сходку и вновь рѣшили забастовать, что и было ими сообщено исправляющему должность ректора. Несмотря на увѣщаія ректора, съ 23-го марта посѣщеніе лекцій большинствомъ студентовъ прекратилось, хотя значительное число продолжало приходить въ университетъ, а 30-го марта, въ виду продолжавшагося уклоненія отъ слушанія лекцій, всѣ студенты уволены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ студенты С.-Петербургскаго университета.

Варшава. Въ первые дни по полученіи свѣдѣній изъ С.-Петербурга о беспорядкахъ, среди варшавской учащейся молодежи броженія не замѣчалось: 16-го февраля прибылъ въ Варшаву депутатъ отъ Киевскаго университета для уговора иѣстныхъ студентовъ принести къ общей студенческой забастовкѣ и передать воззваніе „Киевскаго союзного совѣта объединенныхъ землячествъ и организаций“ отъ 12-го февраля, призывающее всѣхъ студентовъ сплотиться въ одно цѣлое для начатой борьбы.

17-го числа прибыль съ тою же цѣлью другой делегатъ отъ С.-Петербургскаго университета.

Одновременно съ этимъ, изъ С.-Петербурга стали получаться во множествѣ письма съ изложеніемъ событий и приглашеніемъ учащейся молодежи къ выражению своихъ товарищамъ сочувствія въ какой-либо формѣ.

Всѣдѣ засимъ паршавскіе студенты устроили рядъ сходокъ для обсужденія вопроса о способѣ выраженія сочувствія; сначала рѣшено было послать сочувственную телеграмму петербургскимъ товарищамъ, но затѣмъ это отмѣнено и постановлено прекратить посыпаніе лекцій, если также поступятъ кievскіе студенты. и предъявить свои требованія въ петиціяхъ. 19-го февраля вечеромъ изъ Кіева получены условныя телеграммы, склоняющія къ непосыпанію лекцій, а 20-го утромъ среди студентовъ появилась прокламація, на польскомъ языкѣ, отъ „группы прогрессивной польской молодежи“, приглашавшая студентовъ-поляковъ понудить свою численностью товарищей другихъ национальностей примкнуть къ всеобщему движению молодежи. Въ тотъ же день многие студенты на лекціи уже не явились.

22-го февраля демонстранты-студенты университета устроили шумную манифестацію: съ утра занятія шли своимъ обычнымъ порядкомъ во всѣхъ аудиторіяхъ; въ третьемъ часу толпа студентовъ, преимущественно младшихъ курсовъ, человѣкъ болѣе 300, заперлась въ лабораторію, а вошедшихъ туда съ трудомъ ректора, инспектора и одного изъ профессоровъ не слушали и двухъ послѣднихъ осыпали ругательствами и бросали въ нихъ разными предметами. На сходкѣ предположили подать ректору петицію о восстановленіи дѣйствія старого университетскаго устава; но когда ректоръ потребовалъ, чтобы она была подписана, то студенты побоялись это исполнить и стали выходить, направившись сперва въ аудиторія читавшихъ лекціи профессоровъ, гдѣ заставили ихъ силою окончить чтеніе лекцій, причемъ выдвинули изъ-подъ нихъ стулья и сдвинули каоедры.

Въ тотъ же день, въ ветеринарномъ институтѣ, студенты, собравшись на лекціи, потребовали къ себѣ директора и хотѣли ему подать петицію, по директоръ отказался принять ее, и студенты разошлись.

Въ виду изложеннаго, лекціи въ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ, по распоряженію попечителя учебнаго округа, были временно прекращены.

Содержаніе поданныхъ петицій, приблизительно, однородно и сводится къ слѣдующему: студенты постановили выразить свою полную

солидарность съ протестомъ студентовъ другихъ учебныхъ заведеній противъ своею волею властей и требовать возвращенія исключенныхъ товарищевъ, гласного университетскаго суда, выборовъ профессоровъ профессорскимъ собраниемъ, уничтоженія должностей педелей, уменьшія платы за право слушанія лекцій, уравненія національностей и религій, отмены обязательности курса русскаго языка на всѣхъ факультетахъ, кроме филологического, свободы студенческихъ организаций и сходокъ и т. д.

Послѣ прекращенія лекцій демонстранты-студенты стали организоваться въ группы и избрали изъ своей среды особый комитетъ подъ названіемъ „Общестуденческій комитетъ манифестацій“, состоящей изъ семи членовъ, которому предоставлено издавать прокламаціи, и руководить сходками; 26-го февраля члены означеннаго комитета были арестованы, причемъ у нихъ обнаружены гектографированныя воззванія на польскомъ языкѣ.

4-го марта лекціи въ варшавскомъ университете возобновились, хотя и при не полномъ числѣ слушателей.

Начиная съ 18-го февраля студенты и Варшавскаго политехникума стали собираться на сходки для обсужденія вопроса о прекращеніи лекцій и подачи петиціи директору съ изложеніемъ своихъ требованій, въ общемъ согласныхъ съ таковыми же, заявленными прочими варшавскими студентами; 22-го на лекціи явилось только 90 человѣкъ, но затѣмъ съ 4-го марта занятія послѣ масляничныхъ вакацій возобновились хотя и не при полномъ числѣ слушателей. Сочувствовавшіе обструкціи студенты политехникума, независимо отъ нехожденія на лекціи, проявляли свое участіе въ беспорядкахъ еще и изданіемъ на польскомъ языкѣ особаго воззванія „Къ товарищамъ студентамъ“, въ коемъ призывали польскую молодежь примкнуть къ общему движению.

По распоряженію учебнаго начальства, наиболѣе замѣченныя въ агитаціи студенты были тогда же удалены изъ учебныхъ заведеній, что повлекло затѣмъ удаленіе ихъ изъ Варшавы въ мѣста, избранныя ими для жительства. Мѣра эта принятая была въ отношеніи 333 лицъ.

Ново-Александрия. Въ Ново-Александрийскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства первая сходка состоялась 17-го февраля въ институтскомъ саду, при участіи всѣхъ студентовъ. Тутъ же было подписано, подъ вліяніемъ небольшой группы агитаторовъ, 203 студентами постановленіе не посѣщать лекцій, а также рѣшено требовать предоставленія имъ большихъ правъ и возстановленія уни-

верситетского устава 1863 года, и съ 18-го февраля студенты на лекции болѣе не ходили.

28-го февраля, была вновь сходка студентовъ въ частномъ домѣ, на которой рѣшено не прекращать стачки до удовлетворенія общестуденческихъ претензій и ихъ собственныхъ требованій, но, получивъ извѣщеніе о возобновленіи занятій въ С.-Петербургскомъ университѣтѣ, ново-alexандрийские студенты на сходкѣ 3-го марта рѣшили прекратить забастовку, что и было приведено въ исполненіе по окончаніи сходки.

По получениіи, однако, свѣдѣній о возобновлении безпорядковъ въ С.-Петербургскомъ университѣтѣ, студенты института собрали, 20-го и 22-го марта, сходки, на которыхъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ присутствовавшихъ вновь рѣшили поддержать своихъ товарищей и прекратить посѣщеніе лекцій.

28-го марта въ институтскомъ паркѣ состоялись двѣ сходки, на которыхъ сторонники забастовки, составлявшіе, однако, на этихъ сходкахъ значительное меньшинство, заявили, что они считаютъ объявленное наканунѣ рѣшеніе окончательнымъ и употреблять насилие противъ желающихъ посѣщать лекціи; вечеромъ директору института предъявлены были требованія, аналогичныя съ требованіями с.-петербургскихъ студентовъ.

На слѣдующій день, въ виду продолженія броженія въ стѣнахъ института, всѣ студенты уволены, съ правомъ подачи прошеній объ обратномъ приемѣ.

Томскъ. По получениіи въ городѣ Томскѣ извѣстій о студенческихъ беспорядкахъ въ С.-Петербургѣ, 24-го февраля студенты мѣстного университета, въ числѣ до 400 человѣкъ, собрались на сходку, отка-
зались разойтись по требованію учебного начальства и постановили: присоединиться къ товарищамъ и выразить согласіе въ общемъ про-
тестѣ, предъявить требованія объ удовлетвореніи оскорблѣній петер-
бургскихъ студентовъ, о гарантіи непрікословенности личностей сту-
дентовъ, и т. п., а до удовлетворенія требованій рѣшили не посѣ-
щать лекцій и добиваться официального закрытия университета. Противъ профессоровъ, которые будутъ продолжать занятія, рѣшено принять систему обструкціи. Постановленіе сходки было издано особымъ возвѣщаніемъ, и, начиная съ упомянутаго числа, студенты дѣйстви-
тельно прекратили посѣщеніе лекцій и занятій въ клиникахъ, являясь иль университетъ лишь для присутствованія на сходкахъ, на увѣ-
щаія учебного начальства не обращали никакого вниманія, а тѣхъ

изъ числа своихъ товарищей, которые хотѣли войти въ университетъ 1-го марта для слушанія лекцій, силой не допустили проникнуть въ зданіе.

2-го марта, по постановленію правленія университета, исключено 45 студентовъ, особенно замѣченныхъ въ подстрекательствѣ къ беспорядкамъ, которые затѣмъ въ удаленіи, въ числѣ 36 человѣкъ изъ Томска, за исключениемъ мѣстныхъ уроженцевъ.

4-го марта въ университетѣ занятія временно прекращены до 8-го, но въ дѣйствительности, за отсутствіемъ слушателей, возобновлены не были. 15-го, въ виду настойчиваго непосвѣщенія лекцій, всѣ студенты признаны уволенными съ предоставлениемъ права подавать вновь прошенія о приемѣ, при условіи подчиненія существующимъ правиламъ. Прошенія поступаютъ пока не въ значительномъ числѣ, вслѣдствія мѣръ, принимаемыхъ партіей обструкціонистовъ, не допускающихъ прочихъ студентовъ въ университетъ, клинику и даже на почту. Между студентами распространяются гектографированные листки и воззванія, въ томъ числѣ перепечатка изъ "Гомскѣхъ возваній „кассы взаимопомощи Петербургскаго университета“.

20-го марта удалены изъ города еще 14 человѣкъ демонстрантовъ.

Рига. Въ Рижскомъ политехническомъ институтѣ сходка состоялась 18-го февраля, числомъ около 160 студентовъ, на которой читались письма, полученные изъ Петербурга съ описаніемъ студенческихъ беспорядковъ и съ призываомъ пристать къ общему движению. Сходка постановила, въ знакъ сочувствія петербургскимъ товарищамъ, прекратить слушаніе лекцій. 19-го февраля утрення лекція въ институтѣ пропали, однако, безпрепятственно, но около 8-хъ часовъ вновь собралась сходка, числомъ до 300 человѣкъ, причемъ сторонники беспорядка препятствовали чтенію лекцій и вынуждали профессоровъ прекратить занятія. По распоряженію попечителя, учебный занятія въ институтѣ 20-го февраля прекращены.

Въ описанныхъ беспорядкахъ принимали участіе 300—400 студентовъ, преимущественно 1-го курса, большинство коихъ держалось довольно пассивно, активное же участіе проявила относительно небольшая группа студентовъ человѣкъ 60—70, причемъ болѣе замѣтное и видное участіе на сходкахъ принимали студенты еврейскаго и армянского происхожденія.

5-го марта лекціи въ институтѣ возобновились и продолжались безпрепятственно до 27-го марта, когда около 200 студентовъ, собравшись на сходку, вновь вынудили прекратить лекціи, въ виду

чего всѣ студенты института уволены, съ правомъ подачи прошений объ обратномъ приемѣ.

Юрьевъ. По получении свѣдѣній изъ Петербурга, студенты Юрьевскаго университета, въ числѣ до 508 человѣкъ, собрались 23-го февраля, на сходку въ аудиторіи патологического института, но, благодаря убѣжденіямъ учебного начальства, разошлись затѣмъ спокойно. предъявивъ, однако, предварительно свои требованія, заключавшіяся въ нравственномъ удовлетвореніи петербургскихъ товарищѣй, возвращеніи исключенныхъ, огражденіи студентовъ отъ дѣятельности полиціи, автономіи университета и свободы сходокъ, уничтоженіи или уменьшеніи платы за слушаніе лекцій, уничтоженіи всѣхъ ограничепій по национальности и документіи пріема въ университетъ всѣхъ окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. До удовлетворенія же этихъ требованій, изложенныхъ затѣмъ въ особомъ воззваніи, сходка рѣшила прекратить посѣщеніе лекцій.

Волненіе въ университетѣ отозвалось и на ветеринарномъ институтѣ, гдѣ на сходку, собранную въ кабинкѣ, явилось до 200 студентовъ. Директоръ института убѣдилъ, однако, студентовъ разойтись, что они и сѣѣли, заявивъ, впрочемъ, что посѣщать лекцій болѣе не намѣрены, и собрались съ цѣлью выразить сочувствіе невинно пострадавшимъ петербургскимъ студентамъ.

24-го февраля студенты университета, стоявшіе за забастовку, обходили группами аудиторіи, прося профессоровъ прекратить чтеніе лекцій и заявляя, что въ противномъ случаѣ могутъ произойти нежелательныя непріятности; находившимся въ аудиторіяхъ своимъ товарищамъ они предлагали немедленно покинуть зданіе университета.

Въ виду изложеннаго, въ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ 24-го февраля занятія были временно пріостановлены.

Вносятѣй выяснилось, что полпредіемъ среди студентовъ руководилъ образовавшій въ университетѣ „союзный совѣтъ дерптскихъ организаций“, выпустившій отъ своего имени и распространявшій два воззванія, изъ коихъ первое заключало въ себѣ весьма тенденціозное и извращенное изложеніе петербургскихъ безпорядковъ 8-го февраля, а второе призывало „дерптское студенчество“ присоединиться къ примикившимъ уже къ обструкціи многороднымъ товарищамъ.

4-го марта лекціи возобновились, первоначально при незначительномъ числѣ слушателей, къ 10-му же числу на занятія въ университетѣ и институтѣ начали являться почти всѣ студенты.

По этому поводу вышеуказанный „союзный совѣтъ“ выпустилъ

особое возваніе съ заявлениемъ, что онъ слагаетъ съ себя обязанность дальнѣйшаго веденія дѣла, такъ какъ не видитъ смысла въ продолженіи забастовки, какъ въ виду прекращенія таковой въ С.-Петербургѣ, такъ и въ виду несоответствующаго настроенія иѣстнаго студенчества.

27-го марта, однако, около 500 студентовъ Юрьевскаго университета вновь собирались на сходку и высказались за возобновленіе обструкціи, вслѣдствіе чего и въ означенномъ университетѣ принятъ мѣра увольненія всѣхъ студентовъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ другихъ университетахъ, гдѣ эта мѣра примѣнена.

Харьковъ. По полученіи предложенія петербургскихъ студентовъ устроить забастовку впредь до измѣненія существующаго университетскаго устава, среди студентовъ университета, технологического и ветеринарного институтовъ съ 15-го февраля начались сходки, окончившіяся рѣшеніемъ не посещать лекцій и препятствовать ихъ чтенію впредь до удовлетворенія требованій, выставленныхъ петербургскими товарищами.

На состоявшихся въ стѣнахъ технологического института сходкахъ 18-го и 20-го февраля выработаны были затѣмъ и свои требованія, которые переданы на обсужденіе студентовъ университета и ветеринарного института и, на состоявшихся по сему поводу сходкахъ въ стѣнахъ названныхъ учебныхъ заведеній, приняты единогласно. 20-го февраля по городу разбросаны гектографированные прокламаціи, по поводу происходившихъ волненій, съ порицаніемъ дѣйствій Правительства.

24-го февраля въ стѣнахъ университета, за подпись ректора, было вывѣшено слѣдующее объявление: „Въ виду того, что студенты Императорскаго Харьковскаго университета, въ теченіе значительного времени настойчиво отказывались отъ посѣщенія лекцій и прочихъ учебныхъ занятій, они признаны, согласно распоряженію высшаго учебнаго начальства, уволившимися изъ университета“. Затѣмъ указывался поридокъ полученія увольнительныхъ свидѣтельствъ и приема прошеній отъ желающихъ возвратиться въ число студентовъ.

По возобновленіи затѣмъ лекцій, вновь распространялись возванія, отъ 12-го марта, за подпись „группы непримиримыхъ“, съ цѣлью возобновить прекратившееся волненіе, но сочувствія не встрѣтили, и занятія продолжались до 30-го марта.

Казань. 28-го февраля, среди студентовъ Казанскаго университета появилось возваніе, приглашающее ихъ присоединиться къ про-

тесту студентовъ С.-Петербургскаго университета. По этому поводу 24-го числа студенты собрались въ университетѣ въ значительномъ числѣ и рѣшили прекратить посѣщеніе лекцій съ 1-го марта. 25-го же февраля чрезъ 12-ть уполномоченныхъ, подали ректору петицію съ съ заявленіемъ, что они съ своей стороны не желаютъ производить безпорядковъ, но въ видахъ сочувствія студентамъ С.-Петербургскаго университета, согласились прекратить посѣщеніе лекцій впредь до рѣшенія дѣла о безпорядкахъ въ этомъ университетѣ и возобновленія въ немъ занятій. Засимъ, по изложенню ходатайства о пересмотрѣ дѣйствующаго университетскаго устава или по крайней мѣрѣ объ измѣненіи нѣкоторыхъ его параграфовъ, въ петиціи выражалось требованіе объ освобожденіи всѣхъ арестованыхъ въ Петербургѣ студентовъ и возвращеніи высланныхъ.

По возобновленіи занятій къ 1-му марта, послѣ масляинцы, первые дни студентовъ на лекціяхъ было дѣйствительно весьма незначительное число, но, по полученню свѣдѣній о возобновленіи занятій въ Петербургѣ, съ 4-го числа они начали посѣщать лекціи на всѣхъ факультетахъ въ обычномъ числѣ.

Несмотря на то, что въ безпорядкахъ принимала участіе сравнительно меньшая часть слушателей, изъ большинства высшихъ учебныхъ заведеній, оказалось необходимымъ исключить довольно значительное число студентовъ, упорство коихъ къ продолженію беспорядковъ не давало возможности терпѣть такихъ слушателей дающе въ средѣ учащейся молодежи. Эта мѣра будетъ принимаема и впредь, такъ какъ, по требованію учащихся, никакого отступленія отъ установовъ, положений въ правилахъ, дѣйствующихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и отъ установленного порядка учебныхъ занятій и времени экзаменовъ, допущено быть не можетъ. Принятіе этой мѣры не лишить многахъ изъ уволенныхъ, отрѣзвившихся отъ заблужденій, въ которыхъ они были вовлечены, по юриспруденциальному новѣдѣнію и неопытности— возможности быть вновь принятими въ учебныя заведенія и окончить свое образованіе, но во всякомъ случаѣ это снисхожденіе можетъ быть лишь послѣдствиемъ сознанія ими своихъ ошибокъ и заблужденій, а не результатомъ насильственныхъ дѣйствій скопомъ, въ ошибочномъ расчетѣ, что значительное число исключенныхъ изъ заведеній посталитъ эти заведенія въ затруднительное положеніе.

Что же касается тѣхъ, которые, пользуясь случаемъ, направляютъ свои усилия къ тому, чтобы увлекать учащуюся молодежь на путь преступныхъ дѣйствій, преслѣдующихъ противоправительственныхъ и

ничего общаго съ назначениемъ учебныхъ заведеній не имѣющія цѣли, то въ отношеніи этихъ лицъ будуть неуклонно принимаемы установленныя закономъ мѣры взысканія.

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (21-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго рижскаго и митавскаго, нинѣ казанскаго и свіязскаго архіепископа Арсенія при Рижской Ломоносовской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повѣлѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Рижской Ломоносовской женской гимназіи учреждается стипендія имени бывшаго рижскаго и митавскаго, нинѣ казанскаго и свіязскаго архіепископа Арсенія на проценты съ капитала въ одну тысячу двѣстѣ руб., собраннаго по добровольной подпискѣ между служащими въ разныхъ учрежденіяхъ Лифляндской и Эстляндской губерній въ память архиастирского служенія его высоконреосвященства на Прибалтійской окраинѣ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственные или гарантированные правительствомъ процентныя бумаги,构成аетъ собственность Рижской Ломоносовской женской гимназіи и хранится въ числѣ ея специальныхъ средствъ въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ выхода въ тиражъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ заключается стипендіальный капиталъ, попечительный совѣтъ гимназіи приобрѣтаетъ полную соотвѣтственной цѣнности государственные или гарантированные правительствомъ процентныя бумаги.

§ 4. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственного сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются предсѣдателемъ педагогического совѣта гимназіи стипендиатѣмъ или родителямъ ея, пополугодно впредь, въ январѣ и августѣ.

§ 5. Если вслѣдствіе временнаго незамѣщенія стипендіи или по какой-либо другой причинѣ проценты останутся невыданными, то они присоединяются къ стипендіальному капиталу.

§ 6. Стипендіальный капиталъ можетъ увеличиваться путемъ пожертвованій на сей предметъ со стороны частныхъ лицъ и обществъ.

§ 7. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназии православнаго исповѣданія, отличающихся безукоризненнымъ поведеніемъ, хорошимъ прилежаніемъ и удовлетворительными успѣхами въ наукахъ, преимущественно изъ дочерей лицъ, служащихъ и служившихъ по гражданскому или военному вѣдомствамъ въ губерніяхъ Лифляндской и Эстляндской.

§ 8. Выборъ стипендіатки предоставляется пожизненно высокопреосвященнѣшему Арсепію, который назначаетъ стипендіатку по собственному усмотрѣнію, или по представлению педагогического совета гимназіи; послѣ же его смерти, право назначенія стипендіатки переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 9. Стипендіатка лишается получаемой ею стипендіи: 1) при оставленіи ею гимназіи и 2) по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи за неодобрительное поведение, а также за малоуспѣшность, если для послѣдней не было какихъ-либо уважительныхъ причинъ.

§ 10. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

2. (22-го января 1899 года). Положеніе о капиталѣ имени Василія Аверьяновича Смирнова при Дорогобужской женской прогимназии.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основанії Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, при Дорогобужской женской прогимназии учреждается капиталъ имени Василія Аверьяновича Смирнова въ *две тысячи* руб., пожертвованныхъ дочерью его вдовою титуллярного совѣтника Екатериною Васильевной Михневичъ.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи его въ государственные или гарантированные правительстvомъ процентныя бумаги, остается навсегда неприкосновеннымъ и хранится вмѣстѣ съ другими суммами прогимназии, составляя ея неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты съ упомянутаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственного налога по закону 20-го мая 1885 года, выдаются полностью въ пожизненныя пособія учительницѣ, прослужившей въ приготовительномъ классѣ прогимназии не менѣе 25-ти лѣтъ, и въ половинномъ размѣрѣ учительницѣ, прослужившей въ означенной должности не менѣе 15-ти лѣтъ.

§ 4. Время, проведенное учительницей въ должности помощницы учительницы въ названномъ учебномъ заведеніи, засчитывается въ срокъ выслуги на полученіе пособій.

§ 5. Выдачѣ пособій не препятствуетъ занятіе лицами, вѣюющими право на полученіе оныхъ, какой-либо частной или правительственной должности.

§ 6. Въ случаѣ, еслибы не оказалось лица, удовлетворяющаго условіямъ сего положенія, то полученные съ означенаго капитала проценты причисляются къ капиталу и размѣръ учреждаемыхъ пособій увеличивается. При существованіи такихъ остатковъ, могутъ быть оказываемы, по постановленіямъ попечительного совѣта Дорогобужской женской прогимназіи, единовременный пособія учительницѣ приготовительного класса названной прогимназіи.

§ 7. Означенныя пособія назначаются попечительнымъ совѣтомъ Дорогобужской женской прогимназіи.

3. (28-го января 1899 года). *Положеніе о трехъ стипендіяхъ имени Переяславской мѣщанки Екатерины Семеновны Сергиевой при Переяславской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Переяславской женской прогимназіи учреждаются три стипендіи имени Переяславской мѣщанки Екатерины Семеновны Сергиевой на проценты съ капитала въ пятьсотъ руб., пожертвованного членомъ попечительного совѣта означенной прогимназіи Иваномъ Федоровичемъ Сергиевымъ въ память первого истекшаго 25-тилѣтія существованія прогимназіи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% свадѣтельствахъ государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе въ прогимназіи избранныхъ стипендіатокъ.

§ 4. Стипендіатки избираются изъ числа бѣднѣшыхъ ученицъ Переяславской женской прогимназіи, дочерей гражданъ города Переяславля, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатокъ предоставляется усмотрѣнію педагогического совѣта Переяславской женской прогимназіи.

§ 6. Въ случаѣ неодобрительного поведенія и малоуспѣшности сти-

стипендіатокъ педагогическому совѣту прогимназіи предоставляется право лишать стипендіи стипендіатокъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ накапливаются до суммы шести рублей и выдаются еще одной воспитанницѣ.

§ 8. Въ случаѣ же повышенія платы за ученіе остатки отъ процентовъ употребляются на покрытие платы за ученіе.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 10. Въ случаѣ преобразованія Переславской женской прогимназіи въ какое-либо другое заповѣдение, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго, для употребленія по назначению.

4. (25-го февраля 1899 года). *Положеніе о стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича при Шушинскомъ реальному училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ пароднаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, пожертвованного шушинскимъ общественнымъ собраниемъ, учреждаются при Шушинскомъ реальному училищѣ три стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича въ ознаменование пятидесятилѣтія государственной деятельности Его Высочества.

Примѣчаніе. Означеный капиталъ заключается въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ. Забота о томъ, чтобы билеты, вышедши въ тиражъ, были своевременно обмѣнены на другія таковыя же бумаги лежитъ на обязанности начальства училища.

§ 2. Обеспечивающій стипендіи капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Шушинского реального училища. Проценты съ этого капитала, составляющіе три стипендіи, за удержаніемъ 5% государственного налога, вносятся пополугодно за право ученія стипендіатокъ, въ количествѣ двадцати рублей въ годъ.

§ 3. Право избрания стипендіаторовъ принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа бѣдныхъ учениковъ училища, безъ различія въ роиспособленіи и національности.

§ 5. Стипендіаты, въ теченіе всего времени пользованія стипендию, должны отличаться вполнѣ безукоризненнымъ поведеніемъ и оказывать удовлетворительные успѣхи въ наукахъ. Въ противномъ случаѣ, производство стипендіи прекращается и въ стипендіаты избирается другой ученикъ. Стипендіатъ, оставленный на второй годъ въ томъ же классѣ, сохраняетъ право на получение стипендіи только въ томъ случаѣ, если педагогический совѣтъ признаетъ, что не переходъ ученика въ слѣдующій классъ произошелъ по уважительной причинѣ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ стипендіальному капиталу и, по накопленіи въ достаточномъ количествѣ, обращаются въ государственные процентныя бумаги. Полученный излишекъ процентовъ, сверхъ нормы, указанной въ § 2, выдается стипендіатамъ, по усмотрѣнію педагогического совѣта, на покупку учебныхъ пособій и на другія нужды.

§ 8. Еслибы Пушкинское реальное училище было преобразовано въ какое-либо другое учебное заведеніе, то стипендіи сохраняются въ этомъ послѣднемъ на тѣхъ же основаніяхъ. Въ случаѣ же совершенного упраздненія реального училища въ Шушѣ, стипендіи передаются въ другое учебное заведеніе вѣдомства министерства народного просвѣщенія, по усмотрѣнію попечителя Кавказскаго учебнаго округа.

5. (25-го февраля 1899 года). Положеніе о стипендіи имени нижегородской мѣщанина Ивана Ивановича Яшнова при Нижегородской Маринской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Нижегородской Маринской женской гимназіи учреждается стипендія имени нижегородского мѣщанина Ивана Ивановича Яшнова на проценты съ капитала въ три тысячи пятьсотъ руб., пожертвованного имъ съ этой цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственные или гарантированные правительстvомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ средствъ женской гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставалась навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на изпосыплаты за учение стипендиатки и на снабжение ея платьемъ и учебными пособіями, причемъ означенные расходы производятся понечительнымъ совѣтомъ гимназіи или же стипендія выдается на руки родителямъ ученицы.

§ 4. Право выбора стипендиатки принадлежитъ учредителю стипендіи, а по смерти его переходить къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Стипендія предоставляется бѣднейшей ученицѣ православного иностранныхъ изъ числа дѣтей мѣщанъ города Нижнаго-Новгорода, обучающейся преимущественно въ младшихъ классахъ гимназіи и отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, причемъ преимущественнымъ правомъ на занятіе стипендіи пользуются родственники учредителя стипендіи И. И. Яшинова и притомъ независимо отъ сословія, къ которому они принадлежатъ.

§ 6. Стипендиатка пользуется стипендіей въ продолженіе всего курса учения въ женской гимназіи. Оставленіе же на второй годъ въ однихъ и тѣхъ же классахъ не лишаетъ ученицу права пользоваться стипендіей.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ и стипендіального капитала остатки выдаются стипендиаткѣ немедленно по окончаніи семиклассного или восьмиклассного курса. При этомъ, если стипендиатка выбудетъ до окончанія курса, то остатки выдаются той стипендиаткѣ, которая окончить полный курсъ.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендиатку никакихъ обязательствъ.

6. (6-го марта 1899 года). Положеніе о стипендіи при Мариупольской Александровской гимназіи имени Александра Сергеевича Пушкина.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу руб., пожертвованаго обществомъ для пособія нуждающимся воспитанникамъ Мариупольской Александровской гимназіи, учреждается при сей гимназіи стипендія имени Александра Сергеевича Пушкина въ память столѣтія со дnia его рождения.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ $4\frac{1}{2}\%$ облигаций внутренняго займа хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ

числѣ специальныхъ средствъ гимназій и составляетъ неотъемлемую ея собственность, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означенного капитала, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственного налога, составляютъ стипендію для взноса платы за учение одного изъ учениковъ гимназій.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ изъ лучшихъ по поведенію и успѣхамъ учениковъ названной гимназіи, безъ различія вѣроисповѣданія и сословія, и утверждается правленіемъ упомянутаго въ § 1-мъ общества; при неуспѣшности въ наукахъ или неодобрительномъ поведеніи ученикъ лишается стипендіи по опредѣленію педагогического совѣта.

Примѣчаніе. Въ случаѣ закрытія общества окончательное рѣшеніе объ избраніи стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (6-го марта 1899 года). *Положеніе о капиталѣ имени штатнаго преподавателя Московскаго учительскаго института, статскаго советника Михаила Петровича Баравы при Московскому учительскому институту.*

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, при Московскому учительскому институту учреждается капиталъ въ одну тысячу руб. имени штатнаго преподавателя сего института статскаго советника Михаила Петровича Баравы, пожертвованного имъ съ этой цѣлью.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи въ правительственные или правительство гарантированныя процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ института и составляетъ съю неотъемлемую собственность, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ упомянутаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственного сбора по закону 20-го мая 1885 года, выдаются въ пособіе одному изъ оканчивающихъ ежегодно курсъ воспитанниковъ, - отличающемуся во все время пребыванія въ институтѣ хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 4. Право выбора воспитанниковъ изъ числа оканчивающихъ курсъ института принадлежитъ педагогическому совѣту института.

§ 5. Пользованіе пособіємъ не налагаетъ на воспитанника никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ упомянутаго капитала остатки причисляются къ сему послѣднему, для увеличения размѣра пособія.

8. (9-го марта 1899 года). Положеніе о стипендіи имени Софіи Томашевой при 3-й Тифлісской мужской гимназії.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ девять тысячъ пятьсотъ рублей, пожертвованаго почетнымъ попечителемъ Тифлісской 3-й гимназіи Иваномъ Григорьевичемъ Томашевымъ, учреждается при гимназіи стипендія, которой присвоивается наименование: „стипендія, учрежденная въ память матери окончившаго курсъ юридическихъ наукъ въ университете съ дипломъ 1-й степени Ивана Григорьевича Томашева—Софіи Томашевой“.

§ 2. Означеный капиталъ хранится въ одномъ изъ отдѣлений государственного банка, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность гимназіи.

§ 3. Проценты съ стипендіального капитала, въ размѣрѣ 100 руб., за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственного налога, употребляются на воспитаніе одного изъ бѣднѣшихъ учениковъ названаго заведенія, лучшаго по успѣхамъ и поведенію, безъ различія національности и вѣрованій.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназіи съ согласія учредителя стипендіи.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіальной суммы причисляются къ капиталу для увеличенія вноскѣствія размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіаторовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія третьей Тифлісской гимназіи въ другое какое либо учебное заведеніе, стипендія переходитъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ, въ это послѣднее заведеніе; въ случаѣ же окончательного упраздненія гимназіи въ соответствующее ей мужское учебное заведеніе, по усмотрѣнію управлениія Кавказскаго учебнаго округа.

9. (9-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени статского советника Егора Васильевича Козмина при Царскосельскомъ четырехклассномъ городскомъ по положенію 31-ю мая 1872 г. училищѣ.*

(Утвержденіо г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Царскосельскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 г. училищѣ учреждаются три стипендіи имени статского советника Егора Васильевича Козмина на проценты съ капитала въ одну тысячу десять руб., пожертвованного потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ М. Я. Томасовымъ и другими обывателями города Царскаго Села въ память пятидесятилѣтней службы Козмина въ Царскосельскомъ дворцовомъ управлениі.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ бумагахъ государственной 4% ренты, хранится въ Царскосельскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за обученіе стипендіатовъ.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа учениковъ училища, по преимуществу изъ дѣтей бѣдныхъ родителей, жителей города Царскаго Села, безъ различія сословій и вѣроисповѣданія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ, а равно и лишеніе ихъ стипендій, въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительного поведенія, предоставляется статскому советнику Е. В. Козмину, а послѣ его смерти,— педагогическому совѣту училища.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки причисляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій, или выдаются стипендіатамъ на учебныя пособія, книги, и проч.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Царскосельскаго городскаго училища въ какое либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго для употребленія по назначению.

10. (13-го марта 1899 года). *Положение о капиталѣ имѣни врачей выпускса 1873 года Императорскаго университета Св. Владимира.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Врачами выпускса 1873 года университета Св. Владимира пожертвовано названому университету *три тысячи руб.*, собранныхъ между ними въ день празднованія двадцатипятилѣтія ихъ врачебной дѣятельности.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4%, государственной ренты, носятъ наименованіе капитала врачей выпускса 1873 года университета Св. Владимира и хранится въ киевскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь павсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ двухъ тысячъ руб. пожертвованаго капитала расходуются представителемъ кафедры гистологіи на нужды гистологической лабораторіи университета, а проценты съ одной тысячи руб. выдаются въ пособіе нуждающимся студентамъ медицинскаго факультета, по усмотрѣнію правленія университета.

11. (15-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіи учреждаемой при Зарайскому реальному училищѣ въ ознаменованіе двадцатипятилѣтія существованія сего училища.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *тычину* рублей, пожертвованаго педагогическимъ персоналомъ, принадлежащимъ къ настоящему и прежнему служебному составу Зарайскаго реального училища, родителями обучающихся нынѣ въ немъ учениковъ, бывшими воспитанниками и некоторыми другими лицами, учреждается при названомъ училищѣ одна стипендія въ ознаменованіе двадцатипятилѣтія его существованія.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты на сумму тысячу руб., хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь павсегда неприкосненіемъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ 5% государственного налога, выдаются стипендіату понапугодно, для попоса платы за обученіе.

§ 4. Въ стипендіаты избираются бѣднѣйшіе ученики училища,

вполнѣ удовлетворительные по успѣхамъ и поведенію. Оставление по болѣзни на второй годъ не лишаетъ ученика права пользоваться стипендией.

§ 5. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Зарайскаго реальнаго училища.

§ 6. Пожертвованные на стипендию сверхъ упомянутаго выше капитала сто рублей, а равно имѣющіе вновь поступить пожертвованія и могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендиального капитала, присоединяются къ сему послѣднему, для увеличенія размѣра настоящей стипендиі или для образования новой. Съ цѣлью приращенія процентами суммы, не обращенныхъ въ процентныя бумаги, могутъ быть изынчасыи и сберегательную кассу.

§ 7. Пользованіе стипендией не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (15-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендиѣ имени умершаго самарскаго купеческаго сына Ивана Михайловича Коренева при Самарскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго самарской купчихой Матреною Васильевной Кореневой, учреждается, въ память покойнаго ея сына Ивана Михайловича Коренева, одна стипендия при Самарскомъ реальному училищѣ, гдѣ ея покойный сынъ получалъ воспитаніе.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ $3\frac{1}{2}\%$ билетъ государственной комиссіи погашенія долговъ, составляетъ неприкосно-венну собственность названнаго училища и хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% , государственного сбора, назначаются на уплату за право учениія одного бѣднаго ученика училища, оказывающаго при отличномъ поведеніи хороши успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Назначеніе стипендиата предоставляется пожизненно жертвовательницѣ, а послѣ ея смерти право это переходитъ къ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендиального капитала присоединяются къ капиталу, или выдаются

въ пособіє стипендіату по усмотрѣнію жертвовательницы и педагогического совета.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (15-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго титуллярного советника Григорія Аракеловича Вахрамова при первой Тифлисской Великой Княгини Ольги Феодоровны женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ постановлений 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при первой Тифлисской Великой Княгини Ольги Феодоровны женской гимназіи учреждаются двѣ стипендіи имени умершаго титуллярного советника Григорія Аракеловича Вахрамова, на счетъ процентовъ съ капитала въ три тысячи руб., завѣщанного умершимъ врачемъ коллежскимъ советникомъ Александромъ Григорьевичемъ Вахрамовымъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственные или гарантированные правительство процентные бумаги, хранится въ тифлисскомъ отдѣленіи государственного банка, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность гимназіи.

§ 3. Проценты съ оплаченного капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора по закону 20-го мая 1885 г. употребляются на взносъ платы за право учёния стипендіатокъ лишь обязательнымъ предметамъ.

§ 4. Стипендіатки избираются изъ бѣднѣйшихъ и достойныхъ по успѣхамъ и поведенію ученицъ армяно-григоріанскоаг исповѣданія, при чёмъ, если количество стипендіальной суммы не будетъ покрывать всей причитающейся со стипендіатокъ годовой платы за учение ихъ, недостающее количество должно быть доплачиваемо ими изъ собственныхъ средствъ; но если будетъ оставаться остатокъ, то таковой выдается на руки для приобрѣтенія необходимыхъ учебныхъ пособій.

§ 5. Выборъ стипендіатокъ предоставляется усмотрѣнію педагогического совета гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендію не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Стипендіальний капиталъ, пъ случаѣ преобразованія гимназій въ другое какое-либо учебное заведеніе, передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго, для употребленія по назначению.

14. (15-го марта 1899 года). Циркулярное предложение господину попечителю учебного округа.

По обсужденіи сообщенныхъ попечителями учебныхъ округовъ предположений относительно предстоящихъ празднествъ по случаю исполняющейся 26-го мая сего года столѣтней годовщины со дня рождения А. С. Пушкина, считаю величнимъ сдѣлать нѣкоторыя указанія относительно устройства сказанаго торжества въ подвѣдомственныхъ министерству народного просвѣщенія учебныхъ заведеніяхъ, причемъ, однако, указанія эти предлагаются именемъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и усмотрѣнію начальства подлежащихъ заведеній предоставляется допускать отъ нихъ отступленія, если таковые будутъ признаны необходимыми по мѣстнымъ условіямъ. Поэтому, придавая высокое воспитательное значеніе предстоящему торжеству, но не желая стѣснять распоряженій мѣстнаго учебнаго начальства, я нахожу нужнымъ ограничиться слѣдующими указаніями:

I. 26-го мая, въ присутствіи имѣющихся на лицо въ учебныхъ заведеніяхъ воспитанниковъ и воспитанницъ, отслужить заупокойную литургію и панихиду по усопшему поэту.

II. По отправленію богослуженія устроить:

1) въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ торжественныя собрания съ произнесеніемъ соотвѣтственныхъ рѣчей, гдѣ то окажется возможнымъ;

2) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—акты съ произнесеніемъ рѣчей, чтеніемъ статей о значеніи Пушкина для русскаго народа и отрывковъ изъ сочиненій поэта и исполненіемъ музыкальныхъ пьесъ, написанныхъ на слова Пушкина.

3) въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—чтеніе статей о Пушкинѣ и отрывковъ изъ его произведеній.

Къ сему величию считаю присовокупить, что министерство народного просвѣщенія имѣть въ виду: 1) выбиваемыя Императорскою Академіею Наукъ медали въ память А. С. Пушкина, для раздачи выпускникамъ воспитанниковъ и воспитанницъ, которые будутъ удостоены награжденія въ настоящемъ году; 2) сборникъ избранныхъ стихотвореній Пушкина, изданія министерства финансовъ, для раздачи лучшимъ ученикамъ и ученицамъ высшихъ классовъ среднихъ

учебныхъ заведеній я 3) портреты Пушкина, издаваемые по иниціативѣ Академіи Наукъ, для разсылки въ народныя школы. Если предположеніе министерства осуществляется, то о количествѣ и порядкѣ распределенія медалей и экземпляровъ сборника и портрета ваше превосходительство будете поставлены въ извѣстность особымъ сообщеніемъ.

Временемъ празднованія юбилея устанавливается 26-е мая, каковой день приходится между двумя свободными отъ учебныхъ занятій днями; такимъ образомъ, учащіеся будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи три дни, которые и могутъ быть удѣлены на устройство торжества безъ особаго обремененія воспитанниковъ, если только они не будутъ заняты сложными приготовленіями къ этому торжеству. Что же касается прекращенія всѣхъ учебныхъ занятій къ сроку празднованія юбилея, то изъ высказанныхъ начальствами нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ соображеній, я убѣдился въ крайней затруднительности и нежелательности окончить обученіе въ текущемъ году къ 26-му мая, такъ какъ учебное время вслѣдствіе этого сократилось бы почти на двѣ недѣли, что могло бы вредно повлиять на ходъ обученія, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ году Пасха поздняя и для производства испытаній остается слишкомъ мало времени. Наконецъ, откладывать торжество на осень, какъ предполагалось то въ нѣкоторыхъ округахъ, я нахожу неудобнымъ, такъ какъ при столь запоздаломъ празднованіи юбилея учащаяся молодежь отстала бы по времени отъ оставшаго насолонія Имперіи, не говоря уже о цеизѣжной въ такомъ случаѣ потерѣ учебного времени.

15. (18-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени Александра Федоровича Черненка при Полтавской Маріинской женской гимназии.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Полтавской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія имени Александра Федоровича Черненка на проценты съ капитала въ девять тысяч рублей, пожертвованнаго правленіемъ Полтавскаго земельнаго банка.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ бумагахъ 4% государственной ренты, хранится при Полтавской Маріинской женской гимназіи въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи и составляетъ

ея неотъемлемую собственность, оставаясь навсегда неприкосненными.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственного сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за обученіе въ гимназіи стипендіатки, излишокъ же выдается родителямъ, опекунамъ или другимъ лицамъ, на попеченіе или иждивеніе коихъ находится стипендіатка.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Стипендіатка избирается Александромъ Федоровичемъ Черненкомъ, а въ случаѣ неназначенія имъ стипендіатки или въ случаѣ смерти А. Ф. Черненка—попечительнымъ совѣтомъ гимназіи.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендію не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

16. (18-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени Ричарда Каэтановича Каменского при Полтавской Маріинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Полтавской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія имени Ричарда Каэтановича Каменского на проценты съ капитала въ девять тысяч рублей, пожертвованного правленіемъ Полтавскаго земельного банка.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4%, бумагахъ государственной ренты, хранится при Полтавской Маріинской женской гимназіи въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи и составляетъ ея неотъемлемую собственность, оставаясь навсегда неприкосненнымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственного сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за обученіе въ гимназіи стипендіатки, излишокъ же выдается родителямъ, опекунамъ или другимъ лицамъ, на попеченіе или иждивеніе коихъ находится стипендіатка.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Стипендіатка избирается Ричардомъ Каэтановичемъ Каменскимъ, а въ случаѣ неназначенія имъ стипендіатки, или въ случаѣ смерти Р. К. Каменского—попечительнымъ совѣтомъ гимназіи.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендию не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

17. (20-го марта 1899 года). *Положеніе о 4-хъ стипендіяхъ имени бывшихъ учениковъ Костромскаю реальнаго училища при томъ же училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу *четыреста* рублей, собранного по подпискѣ между бывшими воспитанниками Костромскаго реальнаго училища, учреждается при семъ училищѣ четыре стипендіи, въ память двадцатипятилѣтняго его существованія.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ процентныхъ бумагахъ, составляетъ собственность училища и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ на числѣ специальныхъ средствъ назначеннаго заведенія.

§ 3. Проценты съ части стипендіального капитала въ восемьсотъ рублей, за удержаніемъ изъ нихъ 5%, государственного сбора, употребляются на плату за обученіе двухъ бѣднѣйшихъ учениковъ училища, христіанскаго вѣрованія, безъ различія сословія.

Примѣчаніе. Если плата за обученіе въ училищѣ увеличится или проценты съ этой части капитала настолько уменьшатся, что ихъ будетъ недостаточно для взноса платы за двухъ учениковъ, то вносится плата только за одного ученика, а остатки причисляются къ стипендіальному капиталу, пока онъ не увеличится до той суммы, проценты съ которой будутъ достаточны для взноса платы за обученіе второго ученика.

§ 4. Проценты съ остального стипендіального капитала (800 р.), за удержаніемъ 5% государственного сбора, употребляются на вы-

дачу ежегодныхъ пособій двумъ бѣднѣшімъ ученикамъ, окончившимъ курсъ въ училищѣ, безразлично по основному или коммерческому отдѣленію, отправляющимся куда либо для продолженія образования каждому поровну.

Причины. Послѣдними двумя стипендіями могутъ пользоваться ученики, которые получали и первыя два стипендіи.

§ 5. Стипендіи должны быть выдаваемы бѣднѣшими ученикамъ училища, независимо отъ ихъ успѣховъ и способностей въ учениіи, причемъ ученикъ, пользующійся стипендіей для взноса платы за обученіе, не можетъ быть лишенъ ея до выхода изъ училища, исключая тѣхъ случаевъ, когда взыскивается ого материальное положеніе.

§ 6. Назначеніе стипендіатовъ предоставляемъ педагогическому совѣту училища на условіяхъ, изложенныхъ въ седьмь положенія.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ процентовъ причисляются къ стипендіальному неприкосновенному капиталу на предметъ платы за обученіе, а также причисляются къ этому капиталу выѣющиі быть впослѣдствіи пожертвованій.

§ 8. Въ случаѣ закрытія Костромскаго реального училища стипендіальный капиталъ на вынужденныхъ условіяхъ переходитъ въ собственность того учебнаго заведенія, которое замѣнить училище.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіаторъ никакихъ обязательствъ.

18. (22-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго магистра фармації, нынѣ покойнаю, Северина Сикорскаго при Императорскомъ С.-Петербургскому университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На пожертвованный С.-Петербургскому университету по духовному завѣщанію магистра фармації Северина Сикорскаго капиталъ, обращенный въ свидѣтельства 4% государственной ренты, на сумму три тысячи рублей, учреждается при семъ университѣтѣ стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Доходъ съ сего капитала, за удержаніемъ 5% государственного сбора, выдается, согласно волѣ завѣщателя, студенту университета изъ родственниковъ Северина Сикорскаго, имѣющаго фамильный гербъ Сикорскихъ, а въ случаѣ отсутствія таковыхъ изъ родственниковъ и потомковъ доктора Эдуарда Викентьевича Волка и отставшаго чиновника министерства финансовъ Юліана Чаевскаго; въ

случаѣ же поимѣнія и таковыхъ лицъ,—другимъ бѣднѣйшимъ студентамъ С.-Петербургскаго университета изъ дворянъ по выбору правленія университета и согласно съ существующими правилами о назначеніи студентамъ стипендией.

§ 3. Капиталъ сей хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ и составляетъ неприкосновенную собственность С.-Петербургскаго университета.

§ 4. Пользованіе стипендию не налагается на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Могущіе образоваться отъ выдачи сей стипендии остатки присоединяются къ стипендиальному капиталу для увеличенія размѣра стипендиі.

19. (26-го марта 1899 года). *Положеніе о стипендиѣ Августѣйшаго Имені Его Императорскаго Величества на юридическомъ факультетѣ Императорскаго Томскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. Въ означенованіе открытія при Императорскомъ Томскомъ университете юридического факультета учреждается при семъ университете стипендиа Августѣйшаго Имені Его Императорскаго Величества въ размѣрѣ трехсотъ рублей въ годъ, отчисляемыхъ ежегодно въ распоряженіе правленія университета изъ городскихъ средствъ города Томска, впередъ до образованія соотвѣтственнаго сему ассигнованію капитала, собраннаго на этотъ предметъ по подпiskѣ Томской городской думы.

§ 2. Стипендиа эта предоставляется студентамъ юридического факультета университета изъ дѣтей жителей города Томска, успѣшио окончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ города Томска.

§ 3. Для полученія стипендиї, равно какъ и для сохраненія ея нужно имѣть не менѣе 4 балловъ въ среднемъ выводѣ, при хорошемъ поведеніи.

§ 4. Избрание стипендіата предоставляется Томской городской думѣ по соглашенію съ правленіемъ университета.

§ 5. По образованіи означенного въ § 1-мъ капитала, онъ долженъ быть обращенъ въ процентныя бумаги, внесены въ казначейство и записаны на приходъ въ специальные средства Императорскаго Томскаго университета.

20. (30-го марта 1899 года). Циркулярное предложение юсподину попечителю учебного округа.

Циркуляромъ министерства народного просвѣщенія отъ 6-го июля 1898 года, за № 17000, были предложены къ руководству отпечатанные вторымъ издашемъ „Учебные планы и примеры программы предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ министерства народного просвѣщенія“, кроме программы по Закону Божию для V—VII классовъ.

Напечатанная въ минувшемъ году программа по Закону Божию какъ для V—VII, такъ и для низшихъ классовъ реальныхъ училищъ, съ объяснительной запискою, была вновь разсмотрѣна и исправлена ученымъ комитетомъ министерства народного просвѣщенія согласно указаніямъ святѣйшаго синода.

Пропровождая при семъ экземпляры напечатанной по распоряженію министерства „программы преподаванія Закона Божія въ реальныхъ училищахъ министерства народного просвѣщенія“, покорѣйши прошу ваше превосходительство предложить эту программу педагогическому совѣту реальныхъ училищъ выѣзжаго вамъ учебнаго округа къ руководству съ начала будущаго 1899—1900 учебнаго года.

21. (2-го апреля 1899 года). Положеніе о стипендіи имени протоіеря Стефана Федоровича Тринитатова при Череповецкомъ городскомъ училищѣ.

(Утвержденъ г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Череповецкомъ городскомъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи имени протоіеря Стефана Федоровича Тринитатова на проценты съ капитала въ двѣсти рублей, собраннаго по подискѣ прихожанами городской Благовѣщенской церкви въ память исполнившагося 27-го ноября 1898 года пятидесятилѣтія служенія протоіеря Тринитатова, состоявшаго 20 лѣть законоучителемъ городского училища.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственный или гарантированный правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, составляя его исключительную собственность и оставаясь на всегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означенного капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе или на приобрѣтеніе учебныхъ пособій двумъ ученикамъ городского училища.

§ 4. Стипендіями пользуются мѣщанскія дѣти бѣднѣйшихъ родителей, по преимуществу сироты, изъ прихожанъ Благовѣщенской церкви, отличающіяся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ предоставляетъ усмотрѣнію протоіерея Триптиата. а по смерти его—педагогическому совѣту училища.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіального капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Череповецкаго городского училища въ какое либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается тому училищу, которое будетъ наиболѣе соответствовать по курсу городскому училищу.

VI. ОПРЕДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определеніями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру: „*A. Фортунатовъ*, профессоръ Ново-Александровскаго института. Населеніе и хозяйство Австралии. Извѣстія журнала *Русская Мысль* 1898 года. Отдѣльное изданіе въ пользу студентовъ Ново-Александровскаго института. М. 1898. Стр. 46. Цѣна 25 коп.“— рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для учительскихъ и ученическихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библиотекъ городскихъ училищъ и для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также допустить къ бесплатнымъ народнымъ читальнямъ и библиотекамъ.

— Книгу: „*B. A. Яковлевъ*. Учебный курсъ теоріи словесности. Издание четвертое (исправленное). С.-Пб. 1898. Стр. IV—155. Цѣна

85 коп.⁴—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народного просвѣщенія.

— Книгу: „*K. Гофманъ*. Ботаническій атласъ по системѣ де-Кандоля. 80 хромолитографированныхъ таблицъ, изображающихъ 459 растеній въ краскахъ, и 42 листа текста съ 735 политпажами. Съ измѣненіями и дополненіями примѣнительно къ Россіи подъ редакціею *H. А. Монтеверде*, главнаго ботаника Императорскаго С.-Петербургскаго Ботаническаго сада. Издание второе, исправленное и значительно дополненное. С.-Пб. Издание А. Ф. Девріена. 1899. Стр. 273+XVI въ 4-ку. Цѣна 12 руб.⁴—рекомендовать для учительскихъ библиотекъ средне-учебныхъ заведеній министерства народного просвѣщенія, гдѣ преподаются естествознаніе, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а также для ученическихъ библиотекъ реальныхъ училищъ и для раздачи ученикамъ этихъ училищъ въ награду.

— Книгу: „*A. Сахарова*. По Русской землѣ. Географическіе очерки и картины для чтенія въ семьѣ и школѣ. Издание третье, дополненное. Издание книжнаго магазина А. Д. Карчагина. М. 1899. Стр. VIII+478. Цѣна 1 р. 50 коп.⁴—одобрить для ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній иѣздомства министерства народного просвѣщенія и для бесплатныхъ народныхъ читалень и библиотекъ.

— Книжку: „Жизнь растеній. Популярная бесѣда о томъ, въ какихъ странахъ какія живутъ растенія, подъ редакціей профессора академика *H. Н. Бекетова*. Съ 21 рисункомъ, гравированными на деревѣ. С.-Пб. Издание Н. С. Аскарханова. 1898. Стр. 39. Цѣна 15 коп.⁴—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподаются естествознаніе, а равно и въ ученическія библиотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ учительскія библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Общедоступныя лекции и рѣчи *Александра Григорьевича Столыпина*. Съ фотографическимъ портретомъ и биографическимъ очеркомъ, составленнымъ *К. Тимирязевымъ*. Издание редакціи журнала *Русская Мысль*. М. 1897. Стр. XXVI+260⁴—рекомендовать для учительскихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народного просвѣщенія, а также въ учительскихъ институтовъ и семинарій, и для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, и допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Издание *K. А. Бороздина*: „Российский царственный домъ Ро-

мановыхъ. Хромолитографическое изданіе на 1896 годъ. Десять портретовъ. Цѣна за 10 портретовъ, изданныхъ въ 1896 году, безъ доставки 1 р. 50 коп., съ доставкою—2 руб. Цѣна всего изданія (40 портретовъ) 6 руб. безъ доставки и 8 руб. съ доставкою—одобрить, наравнѣ съ тремя предыдущими выпусками, для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Карту: „Кавказъ. Продольный профиль Военно-Грузинской дороги отъ города Владикавказа черезъ Крестовый переваль до города Тифліса, съ планомъ ея и перспективою Кавказскихъ горъ. Составилъ Димитровъ. Цѣна не обозначена”—одобрить въ видѣ класснаго учебнаго пособія для употребленія въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и учительскихъ институтахъ, а равно въ учительскихъ семинаріяхъ и городскихъ училищахъ.

— Книгу: „Русскіе путешественники-исследователи. Путешествія Г. Н. Поганова по Китаю, Тибету и Монголіи. Обработаны по по-даннымъ его сочиненіямъ М. А. Лялиной. Съ 48 рисунками, портретомъ и картою. С.-Пб. Издание А. Девріена. Стр. XII+224. Цѣна не обозначена”—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и городскихъ училищъ, а также для ученическихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, и допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „М. М. Лютеръ. Жизнь и труды Гиббона, съ его портретомъ и fac-simile. С.-Пб. 1899. Стр. 64. Цѣна 75 коп.”—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ и допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Разказы о подвигахъ человѣческаго ума или о чудесахъ науки. Съ рисунками. Товарищество И. Д. Сытина. Отдѣль Н. А. Рубакина. № 7. М. 1898. Стр. 97+II. Цѣна 80 коп.”—одобрить для ученическихъ, средняго возраста, библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и городскихъ училищъ, а также и для ученическихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, и допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Родиалъ рѣчъ. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I (для младшихъ классовъ). Составилъ инспекторъ классовъ состоящаго подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны покровительствомъ Усачевско-Черниавскаго женскаго училища и преподаватель

Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *В. Соколовъ*. Издание шестое. М. 1899. Стр. XIV+457. Цѣна 1 рубль“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народного просвѣщенія.

— Книгу: „Научно-популярная библіотека Русской Мысли. Проф. *П. Гиро*. Фюстель-де-Куланжъ. Перев. *А. Н. Чеботаревская*. М. 1898. II + 208. Цѣна 50 коп.“— одобрить для учительскихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и семинарій и допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Русская христоматія съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній составилъ *Андрей Филоновъ*. Часть третья. Издание шестое, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1898. Стр. XVIII+605. Цѣна 1 р. 25 коп.“— рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для приобрѣтенія, въ нѣсколькоихъ экземплярахъ, въ ученіческія библіотеки гимназій, реальныхъ и городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно и въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Книгу: „*Полібій*. Всеобщая Исторія въ сорока книгахъ. Переводъ съ греческаго *Ф. Г. Мищенка*, съ его предисловіемъ, примѣчаніями, указателемъ, картами. Томъ III (книги XXVI—XL. Указатель). Издание наслѣдн. *А. Г. Кузнецова*. М. 1899. Стр. IV+785+XI. Цѣна 4 руб.“— рекомендовать для фундаментальныхъ и ученіческихъ, старшаго возраста, библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Прямоугольная тригонометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Злотчанскій*, преподаватель Одесскаго реального училища св. Никла. 3-е улучшенное изданіе. Одесса. 1899. Стр. VIII+124. Цѣна 75 коп.“— одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Б. Ауэрсвальдъ и Э. А. Россмаслеръ*. Ботаническія бесѣды. Переводъ академика *А. Н. Бекетова*. Издание третье, исправленное и обновленное переводчикомъ. Съ 50-ю хромолитографіями на отдѣльныхъ таблицахъ и 399 политипажами въ текстѣ. М. 1898. Стр. XII+419. Цѣна 3 руб.“— рекомендовать для фундаментальныхъ и ученіческихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: „Въ защиту идеаловъ разума.

Избранная библиотека современныхъ западныхъ мыслителей": I. „Что такое философия? (La définition de la philosophie) Эрнеста Навиля, заслуженного профессора Женевского университета. Переводъ съ французского подъ редакціей доцента философіи въ Московской духовной академіи А. И. Введенскою. М. 1896. Стр. XIV |-319. Цѣна 1 р. 25 коп.", II. „Цѣнность жизни. Оле-Ляпунъ, профессоръ Высшей Нормальной школы въ Парижѣ. Переводъ съ французского подъ редакціею профессора философіи въ Московской духовной академіи А. И. Введенскою. Харьковъ. 1898. Стр. II+441. Цѣна 1 р. 50 коп.", III. „Идеи Бога и бессмертія души передъ судомъ небѣшіхъ критиковъ. Каро, члена Парижской Академіи Наукъ. Переводъ съ французского подъ редакціею профессора философіи въ Московской духовной академіи А. И. Введенскою. Харьковъ. 1898. Стр. II+551. Цѣна 1 р. 75 коп.", IV. „Философская основа эволюціи. Дж. Кролл. Переводъ съ англійского подъ редакціею доцента Московской духовной академіи П. П. Соколова. Харьковъ. 1898. Стр. II+192. Цѣна 75 коп." — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ гимназий и реальныхъ училищъ.

— Книги: „Русский синтаксисъ. Владимира Стоюнина. С.-Пб. 1871. Стр. IV+114. Цѣна 35 коп." — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народного просвѣщенія.

— Книги: „Общедоступные статьи въ защиту христіанской вѣры противъ нечѣркія. Протоіерея Іоанна Пстраполовскаю. Выпускъ I. Издание второе, исправленное и дополненное. М. 1898. Стр. IV+388. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 коп.—Выпускъ II. Двѣ части. М. 1898. Стр. II+II+560+186. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 25 коп. Цѣна обоихъ выпускозъ вмѣстѣ 4 р. съ перес." — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народного просвѣщенія.

— Книги: „Сочиненія протоіерея Петра Смирнова. Выпуски II и III. С.-Пб. 1897.—Выпускъ IV. 1898." — рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальная и ученическая библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народного просвѣщенія.

— Книги: 1) „Тихомировъ, Н. Галицкая митрономія. Церковно-историческое изслѣдование. С.-Пб. 1896." — 2) Алларъ, И. Христіанство и Римская Имперія отъ Нерона до Феодосія. С.-Пб. 1898. Издание Синодальной типографіи." — одобрить для фундаментальныхъ и

ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народного просвѣщенія.

— Книгу: „Свящ. Вл. Амельскій. Разказы изъ исторіи западно-русской церкви. Вильна. 1898. Стр. IV+152. Цѣна 60 коп.“ — одобрить для ученическихъ библиотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Праздникъ Рождества Христова. Сборникъ статей съ рисунками Рождества Христова. Издание И. Преображенского. С.-Пб. 1898.“ — одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народного просвѣщенія.

— Изданій товариществомъ М. О. Вольфъ портретъ А. С. Пушкина, представляющи автотипію съ картины О. А. Кипренского. Цѣна, при покупкѣ отдѣльными экземплярами, 10 коп., на толстой веленевовой бумагѣ — 15 коп.; при покупкѣ свыше 100 экз. уступается 25%, свыше 500 экз. — 30%, свыше 1000 экз. — 40% — допустить въ ученическія библиотеки гимназій, реальныхъ училищъ и высшихъ учебныхъ заведеній, въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки, а равно и для раздачи воспитанникамъ и воспитанницамъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Арабелла Бѣклей. Бесѣды съ дѣтьми о природѣ. Перев. съ 25-го англійскаго изданія Д. А. Коротчевской. Съ 63 рис., гравированными на деревѣ. Изд. 2-е, свѣренное съ 29 англ. изд. С.-Пб. Издание Н. С. Аскарханова. 1893. Стр. 175. Цѣна 60 коп.“ — одобрить для ученическихъ, младшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народного просвѣщенія и допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книгу: „Руководство для теоретического изученія литературы по лучшимъ образцамъ русскимъ и иностраннѣмъ. Владимира Столюнина. Шестое изданіе (дополненное). С.-Пб. 1879. Стр. 189. Цѣна 50 коп.“ — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Е. Марлингъ. Женщина съ рубинами (Шонтона діадема). Романъ. Переводъ А. Заблоцкой. М. 1898. Издание Д. Ефимова и М. Клюкина. Стр. 340. Цѣна 1 р. 50 коп.“ — допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Издание: „Энциклопедический словарь, издаваемый Акционернымъ обществомъ „Издательское Дѣло“, бывши. Брокгаут и Ефрой“, начатый подъ редакціей проф. И. Е. Андреевской и продолжаемый подъ редакціей К. К. Арсеньева и заслуж. проф. Ф. Ф. Петрушевской (вышло 50 полутомовъ; цѣна каждого полутома 3 р. въ пер-

платъ и 2 руб. 70 коп. безъ переплета)“ — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и для учительскихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ. (Повторяется въ виду напечатанія въ апрѣльской книжкѣ ненолного заглавія этого изданія).

— Книжку: „Приложение къ новымъ стѣннымъ таблицамъ (зоологии и ботаники), изящно отпечатаннымъ красками на черномъ фонѣ, для преподаванія естественной исторіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, народныхъ школахъ, земледѣльческихъ, лѣсничихъ, школахъ плодоводства и т. п. Обработаны, писаны и изданы Генрихомъ Юніумъ, преподавателемъ при среднемъ дѣвичьемъ училищѣ въ Дармштадтѣ, при сотрудничествѣ господъ проф. д-ра Г. фон-Коха, проф. зоологии при высшемъ техническомъ училищѣ въ Дармштадтѣ, и инспект. государства. зоологич. музея, и д-ра Ф. Коентелля, директора Великогерцогскаго реальнаго училища въ Михельштадтѣ. Переподъ съ немецкаго д-ра М. Л. Крымюлаца. Дармштадтъ. 1898.“ — рекомендовать для употребленія, въ качествѣ учебнаго пособія, въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ которыхъ преподаются естествознаніе.

VII. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Новый букварь для обучения грамотѣ по генетическому способу съ первою книжкою для чтенія. Составилъ И. Паульсонъ. Издание 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 138. Цѣна 35 коп.“ — допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Практическій курсъ русской грамматики. (Элементарные правила, этимологія и синтаксисъ). Для начальныхъ училищъ. Составили С. и В. Гречушкины. М. 1898. Стр. 144. Цѣна 30 коп.“ — допустить для класснаго употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книгу: „*Ивановъ, Ив. Ив.* Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей (Бичеръ-Стоу). Біографіческій очеркъ. М. 1898. Стр. 122. Цѣна 30 коп. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“)”—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки, подъ общимъ заглавиемъ: „Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Наполеонова“: 1) О. Г. Волковъ (основатель русскаго театра). Его жизнь въ связи съ исторіей театральной старины. Біографіческій очеркъ А. А. Ярцева. Съ портретами Волкова, Дмитревскаго, Яковлева, Плавильщиковъ и Семеновой. С.-Пб. 1891. Стр. 94. Цѣна 35 коп.“—2) „М. С. Щепкинъ. Его жизнь и сценическая дѣятельность въ связи съ исторіей современного ему театра. Біографіческій очеркъ А. А. Ярцева. Съ портретомъ Щепкина. С.-Пб. 1898. Стр. 96. Цѣна 35 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры *И. Селивановскою*, изданныя К. И. Тихомировымъ: 1) „Изобрѣтатель берестяныхъ тростей. Руководство по выдѣлкѣ берестяныхъ, бумажныхъ и кожанныхъ тростей. Съ 9-ю рисунками. М. 1897. Стр. 27. Цѣна 10 коп.“—2) „Самопрялочникъ. Разказъ. Руководство къ выдѣлкѣ самопрялокъ. Съ 46 рисунками. М. 1897. Стр. 55. Цѣна 20 коп.“—3) „Опытный крушеникъ-толоконикъ. Руководство по приготовленію запарной крупы и толокна изъ овса. М. 1897. Стр. 36. Цѣна 6 коп.“—допустить въ ученическія и учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги, составленные *I. Паульсономъ*: 1) „Первая учебная книжка. Классное пособіе при обученіи письму, чтенію и началамъ родного языка. Новое стереотипное изданіе. С.-Пб. 1898. Стр. 192. Цѣна 20 коп.“—2) „Вторая учебная книжка. Классное пособіе при обученіи родному языку въ элементарной школѣ. Стереотипное изданіе (8-й десятокъ тысячъ). С.-Пб. 1897. Стр. 378. Цѣна 35 коп.“—3) „Обученіе грамотѣ и родному языку по „Первой учебной книжкѣ“. Дидактическое руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ. Часть 1-я. Съ политипажами и нотами. 2-е, испр. изданіе С.-Пб. 1884. Стр. XI+304+64. Цѣна 1 руб.—Часть 2-я. С.-Пб. 1878. Стр. XC+272. Цѣна 80 коп.“—4) „Учебный матеріяль для практическихъ упражненій въ родномъ языке по „Второй учебной книжкѣ“. Дидактическое руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ. С.-Пб. 1881. Стр. LXXVII+616. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—допустить къ употребленію въ городскихъ начальныхъ училищахъ.

(первая двѣ въ качествѣ класснаго пособія по русскому языку, прочія три въ учительскія библіотеки), по не иначе какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы при слѣдующихъ издашіяхъ онѣ были исправлены согласно замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книжку: „Новѣйшие успѣхи въ области ветеринарії. Борьба съ туберкулезомъ у животныхъ по датскому способу. Бейсвеннеръ въ Штутгартѣ. Переводъ подъ редакціей Г. Гуринъ (преподавателя ветеринаріи въ Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ). Издание К. И. Тихомирова. М. 1899. Стр. 76. Цѣна 30 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „Ф. Лагровъ. Объ англійской болѣзни или ракитѣ. Издание К. И. Тихомирова. М. 1898. Стр. 26. Цѣна 10 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОТДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ господиномъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Сочиненія В. Гебеля: 1) „Десятичная или метрическая система мѣръ и вѣсонаў“, съ приложеніемъ таблицы метрическихъ мѣръ. Изд. второе. Москва, 1897. 28 стр. Цѣна 25 коп. 2) „Таблица метрическихъ мѣръ“ (на одномъ листѣ), изд. второе. Цѣна 10 коп.—рекомендовать, въ качествѣ учебнаго пособія, для всѣхъ промышленныхъ училищъ. 3) „Сборникъ примѣровъ и задачъ для усвоенія метрической системы мѣръ и вѣсонаў“. Москва, 1895. 25 стр. Цѣна 10 коп.—одобрить, какъ учебное пособіе, для ремесленныхъ училищъ. 4) „Краткій курсъ алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ“. Москва, 1895. 85+62 [стр.], Цѣна 50 коп.—одобрить, въ качествѣ руководства, для низшихъ техническихъ училищъ. 5) „Дополненіе къ краткому курсу алгебры“, съ приложеніемъ таблицъ пятизнач-

ныхъ логарифмовъ и задачъ. Москва, 1895. 43+25 стр. Цѣна 30 коп.—допустить въ библиотеки низшихъ техническихъ училищъ.
 6) „Начала алгебры“. Москва, 1897. 86 стр., Цѣна 35 коп.—допустить, въ качествѣ руководства, для низшихъ техническихъ училищъ.
 7) „Сборникъ геометрическихъ задачъ“. Москва, 1897. 100 стр. Цѣна 40 коп.—допустить, въ качествѣ учебнаго пособія, для низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

— Сочиненіе В. Гебеля: „Начала прямолинейной тригонометріи“.— Съ приложеніемъ таблицъ тригонометрическихъ величинъ для вычисленія безъ логарифмовъ. Москва, 1898. III+36+2 стр. Цѣна 30 коп.—одобрить, какъ учебное руководство по тригонометріи, для низшихъ техническихъ училищъ.

— Брошюру Клаусена: „Бесѣды по плодоводству“. Часть I. „О томъ, какъ разводить плодовыя деревья“. С.-Пб. 1897. 36 стр. Цѣна не обозначена—допустить въ библиотеки городскихъ и сельскихъ школъ.

ОТКРЫТИЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію попечителю Казанскаго учебнаго округа, въ ноябрѣ минувшаго года открыты три новыхъ чувашско-инородческихъ начальныхъ училища въ слѣдующихъ пунктахъ Буйнскаго уѣзда, Симбирской губерніи: въ селѣ Турагаевѣ, при 52 учащихся, въ деревнѣ Бюрганахъ, при 40, и деревнѣ Чувашско-Дрожжанамъ, при 58 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, 22-го ноября минувшаго года на станціи Сызрань, сызрано-вяземской желѣзной дороги, открыто одноклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія, при 50 учащихся.

— По донесенію канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа, 12-го текущаго марта состоялось открытие двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Петровѣровкѣ, Тираспольскаго уѣзда, при 200 учащихся.

— По донесенію попечителя Киевскаго учебнаго округа, Александромъ Николаевичемъ Терещенко—пожертвовано на нужды народнаго образования въ Киевскомъ учебномъ округѣ 1.700 рублей.

ТРИ ГЛАВЫ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ¹⁾.

II.

Отъ пѣвца къ поету. Выдѣленіе понятія поэзіи.

I.

Мы видѣли, какъ изъ хорового синcretизма выдѣлились при условіяхъ, которыя мы пытались усѣдѣть, формы эпаки, лирики и драмы; какъ изъ связи хора вышли пѣвцы, продолжавшіе его пѣсенное преданіе; какъ съ переходомъ обряда, которому служилъ хоровой синcretизмъ, къ устойчивымъ формамъ культа, явились особые блюсти-тели ритуала и гномики. Выдѣленіе совершилось, какъ уже было сказано, групповымъ путемъ, отлагалось въ формы родовой, сословной, кастовой профессіи, которая создавала школу, съуживала и берегла преданіе, вырабатывала и перерабатывала по наслѣдуству приемы стиля и составъ репертуара. Обрядовая заплачка и теперь еще находится кое-гдѣ въ рукахъ особыхъ плакальщицъ; учатся причитать; у слѣпцовъ свои пѣсни отъ Россіи и Греціи до Италии; во Франціи XIV—V вѣковъ они явились на смѣшную жонглеровъ, распѣвшую на площадахъ старыя пѣсни подъ звуки скрипки или chifoline; кавказскіе ашуги, большую частью армянскіе переселенцы изъ Турции, слѣпцы, и теперь еще поютъ о подвигахъ Каръ-Оглы или разказываютъ подъ звуки гонгури какую-нибудь сказку.—Это переживание старыхъ порядковъ, послужившихъ когда-то эволюціи поэзіи, групповыхъ выдѣленій, которая можно представить себѣ совершив-

¹⁾ Оконченіе. См. апрѣльскую чн. Журнала Министерства Народного просвещенія за текущій годъ.

шими то совмѣстно, то послѣдовательно, что приводило къ смѣшению и чередованію вліяній. Не принявъ во вниманіе этихъ условій не объяснишь многаго въ исторіи пѣвца и праисторіи поэта.

Чѣмъ ближе пѣвецъ къ началамъ хоровой поэзіи, тѣмъ шире его репертуаръ. Онъ еще не специализировался; при отсутствіи извѣстныхъ историческихъ и бытовыхъ условій эта специализація можетъ и не состояться. У финновъ эпика не развилась, потому что не было обособившихся профессиональныхъ пѣцовъ: финская руна охватывала и заклятіе и обрядовую заплачку и сказочный сюжетъ; эпический стиль смѣшанъ съ лирическимъ; всякий пѣвецъ спостѣ про все, преданіе открыто ему цѣлакомъ, онъ выросъ въ немъ, подслушавъ у отцовъ и дѣдовъ, „Я знаю сотни пѣсень“, говорить финскій Іаила, „онъ висятъ у меня на поясѣ, на кольцѣ, при бедрѣ; не всякий ребенокъ ихъ спостѣ, мальчикъ не знаетъ и половины... Моя наука—пѣсня, стихи—моё достояніе: я подобралъ ихъ по дорогѣ, срывалъ съ вѣтокъ, сметалъ съ кустовъ; когда ребенкомъ я пасъ ягнятъ на медвѣдныхъ лугахъ, на золотистыхъ холмахъ, вѣтеръ навѣвалъ мнѣ пѣсни, сотни ихъ носились въ воздухѣ, наплывали, что волны, и присловья падали дождемъ... Ихъ пѣлъ мой отецъ, дѣлая тононюще, научился я имъ отъ матери, когда она вертѣла веретено, я же, шалунъ, возился у ея ногъ“.

Къ тому же типу принадлежали, вѣроятно, и старостѣверные *þulr*, бродячіе и осѣдлые, съ такимъ же синкретическимъ репертуаромъ, обнимавшимъ и сагу, и заговоръ, и всю народно-поэтическую мудрость. *þulr* (англійск. *rule*), собственно, человѣкъ мудрый, знающій присловія, захаръ. Если въ пынѣшнемъ словѣ *þula*—стихотвореніе не строфического характера—сохранилось его древнее значеніе, то въ дошедшемъ до насъ строфической поэзіи сѣвера трудно у설дить формальное вліяніе *þulr*: имъ приписываютъ такія пьесы, какъ *Voluspá*, *Grimnismál*, *Harbarðsljóð*, *Hávamál*, *Vikarsbalkr*, гномическо-миоологического содержания, діалогизмъ которыхъ указываетъ на старое начало амебейности, пренія вопросами и отвѣтами. Таковъ ли былъ характеръ изложенія *þul'a*, мы не знаемъ¹⁾; его чествовали, какъ носителя заповѣдной обрядовой мудрости; когда онъ являлся—садили на особое мѣсто, сѣдалище *þul'a* (*pularstöll*), съ котораго онъ вѣщалъ; его эпитеты: великий (*hág þulr*, *fimbulþulr*),

¹⁾ См. марковскую книжку *Журн. Мин. Нар. Прос.*, стр. 131, и мои Эпические поэмы, стр. 299.

старый (gaml!). „Не смейся надъ великимъ рулемъ, часто хорошо бываетъ то, что вѣщаютъ старики“ (Hávam. 135); „попытаемъ, кто больше знаетъ, гость или старый йнг“ (Vafþrudnismál 9).

Такъ чествовали и пѣвца военныхъ былей и подвиговъ, и мы приходимъ къ специализаціи, получившей особое развитіе въ дружинно-боевой эпикѣ. Когда слѣдаго Демодоку привезли къ Алкиною, ему подали „стулъ сребркованный“, повѣсили надъ головой лиру, угощаютъ; Одиссей велить удѣлить ему почетную часть вендины. И онъ запѣлъ.

VIII. 73. Муза внушила пѣвцу возгласить о вождихъ знаменитыхъ,
Выбравъ изъ иль изъ въ то время вездѣ до небесъ возносямой,
Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ.

Одиссей втихомолку опечаленъ содержаніемъ пѣсни, но и печальный несказаний читать пѣвца.

VIII. 481. Всѣмъ на обильной землѣ обитающимъ людямъ любезны,
Всѣми высоко чтимы пѣвцы; иль сама научила
Люлю Муза; сѣ мило щѣвцовъ благородное племя.

Такъ, обратясь къ Демодоку, сказалъ Одиссей хитроумный:
„Выше всѣхъ смертныхъ людей я тебя, Демодокъ, поставляю;
Музою, дочерью Ди, или Фебомъ самимъ наученный,
Все ты поешь по порядку, что было съ Ахайцами въ Троя,
Что совершили они и какія бѣды претерпѣли;
Можно подумать, что самъ былъ участникъ всему или отъ вѣрныхъ
Все очевидцевъ упавъ ты. Теперь о конѣ деревянномъ.“

Слой намъ

Если обѣ этомъ по истинѣ все намъ, какъ было, споешь ты,
Буду тогда передъ всѣми людьми повторять повсѣмъ иль
И, что божественнѣи пѣпіомъ боги тобя одарили“.

Такъ онъ сказалъ, и запѣлъ Демодокъ, приснопиленный бога.

Демодокъ поетъ про события, знакомыя Одиссею, такъ точно, какъ будто самъ ихъ очевидцемъ, и вѣдѣтъ съ тѣмъ онъ только выбираетъ эпизодъ „изъ пѣсни въ то время вездѣ до небесъ возносямой“. Въ сущности не изъ пѣсни, а изъ былеваго цикла, (какъ понимаютъ сірѣ въ ст. 74 и 483; сл. Od. X, 347), успѣвшаго распространяться. Такія пѣсни унаслѣдовались въ нокольніяхъ профессиональныхъ эпическихъ пѣвцовъ. Какъ даръ пророчества держался въ родѣ Ямидовъ, лирическое преданіе въ Косской школѣ, такъ Гомериды Хіоса, азды, ведшіе свой родъ отъ Гомера, блюли пѣсенное преданіе,

связанное съ его именемъ, сносящая его до известной цѣльности, видоизмѣнная въ пѣсенной практикѣ, какъ и въ живомъ эпическомъ преданіи пѣсни постоянно варьируются и сливаются въ границахъ своего же стиля и упрочившихъ общиихъ мѣстъ.—Индійскіе *bharata*'ы, первые среди кастъ рапсодовъ, пѣвцы народныхъ эпосовъ, такой же родъ, чьетъ *Bharata*'ы, какъ Гомериды.

Дружинно-родовой бытъ—естественная почва для продукціи профессіональной, эпико-лирической, для обереженія эпической пѣсни. Жизнь въ дробныхъ центрахъ, неизбѣжность столкновенія, масса энергіи въ тѣсномъ кругозорѣ, жажда добычи, переходившая въ кажду удалѣства—все это плодило сюжеты, тогда какъ память о прошломъ обязывала человѣка, не вышедшаго изъ родовыхъ понятій, уходившаго въ нихъ, какъ греческий дѣятель позднѣйшей поры исчезать въ величіи политіи. И эта память хранилась. Оттуда значеніе пѣвца, хранителя памяти, творца славы; ему всюду почетъ. Такова роль аэдовъ въ гомеровскомъ мірѣ; я называлъ Демодока и Фемія; таково положеніе филовъ при дворахъ ирландскихъ царьковъ, индійскихъ *bharata*'овъ при именитыхъ семьяхъ: они знаютъ ихъ родословную, носители эпического преданія, поютъ на праздникахъ и религіозныхъ торжествахъ про дѣянія предковъ; окружены суевѣрными уваженіемъ: рука разбойника ихъ не коснется и ихъ присутствіе въ караванѣ обезпечиваетъ его отъ нападенія.

У старыхъ германцевъ (англо-саксовъ, франковъ) сдр — ближній къ царю, вождю человѣкъ, сидить у его ногъ (*at his blâfordes fôtum*; сл. *Bi manna yrde v. 80—1*, *Beow. v. 500, 1166*), поеть на пирахъ, подъ звуки арфы, старыя были (Беовульфъ), одинъ или вдвоемъ (*Vidsid 104* слѣд.); умѣеть пѣть и сказывать (*singan and sesgan spell*, *ib. 54*), но исполняетъ и важныя, отвѣтственныя порученія: Видсидъ сопровождаетъ супругу своего короля *Eadgils'a* ко двору Эрманариха (какъ въ Одиссеѣ III 267 слѣд. Агамемнонъ, отправляясь въ Трою, поручаетъ своему пѣвцу блести *Клитенестру*); онъ изъ хорошаго рода (*Vidsid: fram Myrgingum adeliu*).

Все это указываетъ на почетную роль старого пѣвца; его-то, очевидно, имѣютъ въ виду фризскіе законы, взыскивавшіе за порапеніе его (*harpatorem*) въ руку строже, чѣмъ за рану, нацесенную другому человѣку того же общественнаго положенія. Такіе пѣвцы селились при дворахъ: таковъ сконъ короля Гродгара (Беовульфъ); *Deôr* долго пѣть при Геоденингахъ, былъ имъ любъ, и пока не смѣшилъ его властитель пѣсней *Heorrenda*, и *Deôr* сѣтуетъ. Пѣвцовъ зазываютъ:

франкскій король Хлодвигъ просить Теодориха прислатъ ему искуснаго пѣвца, *citharoedum arte sua doctum*, который могъ бы забавлять его за столомъ пѣсной и игрой на арфѣ. Пѣвцы странствуютъ, какъ *Vidsid*, объѣхавшій много странъ и народовъ, побывавшій при разныхъ дворахъ, собирая дары и сѣя пѣсни. Такъ распространились элементы германскаго эпоса; по свидѣтельству Навла Діакона (I, 21) пѣсни обѣ лангобардскомъ Альбониѣ извѣстны были въ Баваріи и Саксоніи.

Эпика циклизовалась, но движеніе было заторможено; развитіе большихъ государственныхъ цѣлыхъ расширило горизонтъ, создало новые интересы; христіанскіе идеалы и классическая культура расшатали цѣльность германскаго міросозерцанія; все это не по плечу дружиннымъ пѣвцамъ. Имъ нѣтъ места въ средѣ, гдѣ Карлъ Великій собираетъ древнія пѣсни, *scripsit memoriaeque mandavit*; о старыхъ пѣвцахъ не слыхать. Когда въ феодальную эпоху явятся профессиональные пѣвцы, выразители новаго группового выданія, они назовутся римскими именами: *bistrio, scurra, mihius, thymelicus, joculator, jocularis*; воспреобразило послѣднєе: французское *jongleur*, въ иѣмецкомъ переводѣ *spilman, spilmann*¹). Ихъ генеалогія сложная, возбуждающая вопросы. Мими, *joculatores* послѣдней греко-римской поры, наводнили германскій міръ: фигляры и пѣвцы, представлявшіе въ лицахъ потѣшныя, но и грязныя сценки, вожаки медвѣдей и ученихъ собачекъ, разкащики и знахари; греческіе магоды, представлявшіе комическія сценики, знали магическія формулы и силу врачебныхъ средствъ (*Athen. XIV, 621*). Типъ намъ знакомый, мы встрѣтили его въ зачаточномъ развитіи на границѣ обрядовой поэзіи, въ пѣвцахъ-скоморохахъ, поющіихъ и лицедѣйствующихъ, какъ армянскій *tzoutzg*, грузинскій *mestvyre*; сѣверные *fulari* знаютъ присловья, заговорные молитвы. Подобный типъ пѣвцовъ, не прошедший идеализацію дружинной эпики, могъ существовать и на германской почвѣ, отвѣчая низменнымъ спросамъ потѣхи и чудеснаго. Жонглѣры— продуктъ ихъ смѣщенія съ мимами, ихъ программа та же, только къ чужимъ рассказамъ, которые приносили съ собою южные гости, они присоединили и мѣстные, окладѣли народными пѣсенными матерьяломъ, слагаютъ пѣсни на историческія события. Они—профессиональные пѣвцы феодальной эпохи; въ ихъ рукахъ ближайшая судьбы французского и иѣмецкаго эпосовъ. Дружинные пѣвцы забыты. Такъ за-

¹) Для сѣдующаго см. мои Разысканія VII, стр. 128 слѣд.

быть былъ нашъ Боянъ; стиля его „замышленій“ не раскрыть подъ реторической фразеологіей автора слова о Полку Игоревѣ, пересказывавшаго „былины“ своего времени; наши былины сложились въ средѣ другихъ пѣвцовъ, въ которыхъ силенъ былъ элементъ захожихъ скомороховъ — жонглѣронъ.

Новое движение вызываетъ и новые силы, порой выводя къ жизни заглохшія; подборъ и развитіе подсказывается историческими условіями. Когда въ Уальсѣ подавлено было друидическое предавіе и заглохли серьезные, школьные пѣвцы, единственными представителями преданія и пѣсни стали барды, игравшіе въ древне-кельтской народной поэзіи лишь послѣднюю роль. Здѣсь развитія не было, но когда военно-колонизаціонное движение эпохи викинговъ обновило условія дружинного быта, изъ народныхъ *fulig*, знахарей и сказителей, выработался классъ дружинныхъ пѣвцовъ, скальдовъ, бродячихъ и пристальныхъ къ дворамъ, явилась школа и съ нею профессиональная поэтика. Такъ вышли на сцену на плечахъ феодального движения и тѣ измененные пѣвцы, которые, обновившись приливомъ мимовъ, стали во главѣ нового эпического развитія. Къ нимъ могъ принадлежать *scurrus*, *cantor* бургундцевъ XI вѣка, ободрившій воиновъ пѣснями о *res fortiter gestas et priorum bella*; таковъ былъ *cantor*, щавшій въ войскѣ Вольдемара, возбуждая его бѣсю о предательствѣ Свена (*parricidialem Svenonis perfidiam famoso sagittis prosequendo*). Въ войскѣ Вильгельма завоевателя при Гестингсѣ какакой-то *histrio*, шіша игралъ по скоморошьи мечами, подбрасывая ихъ; онъ палъ въ битвѣ; въ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ у него есть имя, *Taillefer*, у *Gaimar*'а онъ *juglere*, но *hardiz et noble vassal*; у *Wace* онъ поетъ пѣсню о Ронсевалѣ, онъ рыцарь, какъ въ Нібелунгѣ *Volker—spilman* и *edel herre*.

Жонглѣры-шильманы стали проходить въ людя; тѣмъ не менѣе печать происхожденія долго лежала на сословіи. Когда на западѣ иные изъ нихъ стали пѣть кантилены и *chansons de geste* и христіанскія легенды, церковь отлучила ихъ отъ тѣхъ ихъ родичей, которые продолжали паясничать и москоловудить. Къ нимъ духовная и свѣтская власть относились сурово, какъ въ Византіи къ скинникамъ; ихъ отлучали отъ причастія, отказывали въ предсмертномъ напутствованіи, лишали права наслѣдства ¹⁾). Такое отношеніе церкви вполнѣ: она не любила ничего мирскаго, веселье отводило отъ спасенія,

¹⁾ См. Розысканія I. с. стр. 134—5, 152—3.

было язычествомъ, своимъ или чужимъ—все разно. Непонятие, на первый взглядъ, отношение общества: потѣшниковъ, пѣвцовъ звали, слушали охотно, кормили ихъ и одѣвали, за угощениѳ и подарки они отплачивали хвалой (*guot durch єre nemen*), ихъ злоязычія (*diu scelta*) боялись, словесное покупали — и вѣсты съ тѣмъ юридически они были безправны; у нихъ нѣть права собственности, наслѣдства, за ихъ жизнь полагается призрачная пеня; они—бездорные; Богъ далъ попа, а чертъ скомороха; они кичливо вели свое происхожденіе отъ царя Давида, изобрѣтшаго подъ Троей игру на арфѣ (*Salman und Morolf*). Какъ нѣмецкаго шпильмана садили на конецъ стола, такъ на парахъ у Владимира скоморохамъ мѣсто скоморошеское, „на той печкѣ на муравленой“, „на печкѣ на земленой“ и т. д. ¹⁾; съ этого-то непочетнаго кѣста переводить князь Добрыню, „удалаго скоморошину“, за дубовъ столъ, предоставляемая ему выборъ трехъ мѣстъ „любимыхъ“, либо „золотъ стуль“ ²⁾.

Мы далеки отъ почета, который окружалъ полноправнаго родового, дружиннаго пѣвца. Съ моей точки зрѣнія это положеніе жонглеровъ объясняется ихъ генезисомъ. Народный пѣвецъ вышелъ изъ обрядовой связи и бродилъ на сторонѣ. Онъ помнитъ заговоры, магическая дѣйствія, и пользуется ими на свой страхъ; его зовутъ и боятся, какъ злакаря. Онъ поетъ, и потѣшаетъ, и побирается; пристаетъ къ тѣмъ, кто его кормить, льстить и бранить, кого испало, смотря по обстоятельствамъ и кошельку. Онъ дѣлаетъ, ничего не дѣлая, у него профессія безъ профессіи, его не уважаютъ, не признаютъ за нихъ правъ, гнушаются имъ и продолжаютъ къ нему обращаться. Онъ не обеспеченъ тѣмъ групповымъ выдѣленіемъ, которое создало дружиннаго пѣвца и феодальную эпіку.

Нѣсколько фактовъ выясняютъ этотъ взглядъ. Выше мы привели параллель между общественнымъ положеніемъ греческихъ актеровъ и безправностью индійскихъ и китайскихъ, указавъ на причины этого различія. Африканскіе народные пѣвцы безправны и по тѣмъ-же по-водамъ: они являются на общественныхъ, обрядовыхъ празднествахъ (обрѣзанія, похоронахъ), сопровождаютъ войско въ набѣгахъ, ободряя его пѣснями, служатъ развѣдчиками, состоять при короляхъ и властныхъ людяхъ; если они не достаточно вознаграждены—ходятъ

¹⁾ См. Рыба. I, 186, сл. Гильф. 44 — 5; Рыба. II, 81, сл. Гильф. 1029; Рыба. I, 144.

²⁾ Рыба. I, 186, Гильф. 186.

но окрестнымъ деревнямъ, хуля тѣхъ, кого восхваляли. Они богатыть отъ подачекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ нимъ относятся съ пренебрѣженіемъ. Примѣромъ послужать суданскіе гроты и гротки. Это народные пѣвицы и пѣвицы, скоморохи и паясы, играющіе на тамъ-тамъ, официальные листцы, умѣющіе сложить похвальное слово и получить за него изду. Ихъ зовутъ къ себѣ на потѣху, князьки и вожди держать ихъ при себѣ въ качествѣ буффоновъ и музыкантовъ, и они славить ихъ съчастіе восточной невоздержностью. Ихъ кормилецъ непремѣнно выскакиваетъ Дугой, именитской птицей о восьми крыльяхъ, отъ полета которой дрожитъ земля, которая излюбила только храбрыхъ, вождей, гнувшася остальными. Однажды гротъ Diali-Koma является къ Музѣ, властителю Сегу, и велитъ доложить о себѣ; ему говорить, что Музѣ нельзя видѣть. Онъ просить о томъ-же проходившую гротку; „если ты гротъ, то не въ обычай докладывать о немъ, гротъ долженъ объявить о себѣ самъ“, отвѣчаетъ она. И Diali-Koma берется за гитару и наигрываетъ Дуга: „Сынъ Makago, я слышалъ о тебѣ на западѣ, слышалъ, что исходъ войны благополученъ для тебя; слышалъ, что ты никогда не показываешь тыла врагу, никогда не берешь въ жены дочь труса, что всѣ женщины свободного состоянія томятся желаніемъ быть твоими супругами. Ты храбръ и всегда благополученъ на войнѣ; богатъ тотъ человѣкъ, которому улыбнулось въ пей счастье. Я пою Дугу, ябо во всемъ Diamanka-Doucou тебѣ одному дано быть его властелиномъ“.

При дворѣ Mademba'ы, властителя Sansanding'a, два грота встрѣтили французскихъ путешественниковъ речитативомъ воинственного содержанія, перешедшимъ въ панегирикъ. Внезапно одинъ изъ нихъ подскочилъ къ нимъ, и протянувъ кулаки, съ свирѣпымъ выражениемъ глазъ, почти выходившихъ изъ орбитъ, обратился къ старшему съ страстью, взволнованною рѣчью: Ты всѣхъ сильнѣ! Больше, храбрѣе всѣхъ! Ты властелинъ пушки и скорострѣльныхъ ружей! Ты побѣдитель Omssebooucou, Segou! и т. д. И онъ яростно набросился на товарища, точно готовъ былъ разорвать его: Ты говоришь, что это не правда? Повтори-ка, что это не такъ, повтори! — Да, это правда, отвѣчалъ тотъ, таково было желаніе боговъ: онъ всѣхъ сильнѣ, онъ побѣдитель Segou и т. д. Въ такомъ чередованіи, поддержаный возгласами толпы, развивался далѣѣ этотъ импровизованный панегирикъ. Вечеромъ Мадемба устроилъ для гостей торжественный тамъ-тамъ и показалъ одну изъ своихъ гротокъ, древнюю сухопарую старуху, съ морщинистымъ лицомъ, исполосованнымъ ударами.

Это моя „военная“ гротка, объяснил онъ, она ободряетъ моихъ воиновъ въ дни битвы, снова ведеть въ дѣло слабѣющихъ, бьется. какъ мужчина. убивастъ безъ жалости, любить бойню и приканчиваетъ побѣжденныхъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ она водила людей на приступъ, первая избиралась на стѣны, снимала головы ударомъ сабли.—Церемонія тамъ-тамъ — одна изъ тѣхъ имицескихъ плясокъ, съ образцами которой мы уже знакомы. Въ началѣ пляшутъ дѣвушки, раздѣлившись на двѣ группы, то набѣгая другъ на друга съ угрожающими жестами, то расходясь подъ тактъ музыки и хлопанье въ ладоши. Ихъ сминаютъ мужчины: они подражаютъ движениемъ войны, подстерегаютъ, выслѣдываютъ, бросаютъ вызовъ, обращаются въ бѣгство, стрѣляютъ другу другу въ упоръ; когда къ нимъ возвращаются женщины, дѣйство менѣется, пѣсенный и музыкальный аккомпанементъ становится нѣжнѣе, сладострастнѣе: манируютъ любовныя сцены, быстро принимающія некромный, обсценный характеръ, заражающій толпу. Затѣмъ настаетъ второй актъ дѣйства; въ его центрѣ гротка „войны“; мужчины строятся въ два ряда, которые ходятъ и вьются вокругъ нея, то удаляясь, то сходясь тѣснымъ кругомъ, запирая ее; вся эта группа движется на слушателей и зрителей, всѣ возбуждены; раздается дикий воинъ и настаетъ очередь гротки. Въ ея рукѣ канжалъ, наполненный какимъ-то составомъ, цвѣта крови. брызги летятъ, когда она машетъ руками. Она начинаетъ тихо, постепенно приходя въ волненіе, гипнотизируя себя и другихъ: говорить о томъ, какъ спаряжаются къ бою, какъ весело блесстять на солнцѣ сабли; славить свѣтлоокихъ витязей, упиваться картиной битвы, разгрома и рѣзни, не знающей пощады, побѣды, не знающей состраданія. Въ толпѣ раздаются вопли, проклятія, точно слово дѣется на виду, реально. Когда гротка кончила словами хвалы и пожеланіями Мадемѣ, она упала въ изнеможеніи на руки окружавшихъ ее женщинъ.

Гроты прославляютъ военные подвиги, побѣды, хвалятся нѣкоторыми изъ своихъ, оказавшимися храбростъ, но не живутъ общей народной жизнью, гдѣ все дѣло въ физической силѣ, въ презрѣніи опасностей, и трусость считается постыдной. Ихъ слушаютъ, но пренебрегаютъ, они вхожи въ дома, но обычай поставилъ ихъ пѣнѣ законовъ: они не могутъ расчитывать на успокoisіе въ другой жизни, и ихъ лишаютъ погребенія; хоронить въ думпистыхъ баобабахъ, гдѣ ихъ пожираютъ шакалы. Туземцы считаютъ ихъ порожденіемъ діавола, и сами гроты убѣждены, что созданы исключительно для того, чтобы

веселиться, пѣть и веселить другихъ. Они вѣруютъ, что по смерти они пребудутъ въ нѣкѣ до страшного суда и снова вернутся на землю, чтобы жить по прежнему. Все дѣло въ томъ только, чтобы не дать діаволу поглотить душу гріота; и вотъ, когда онъ скончался, другие собираются вокругъ его тѣла, въ дѣвушки, вооруженные копьеми, голосять въ теченіе всей ночи, чтобы удалить нечистаго, который сторожить выходъ души.—Сами гріоты пошли отъ чорта. Объ этомъ разказывается такая легенда: какъ-то разъ чортъ обратился въ человѣка, его узнали и бросили въ море. Рыба проглотила его частицу, рыбу съѣѣлъ рыбакъ и злой духъ тотчасъ-же вселился въ него. Рыбака побили камнами, но чортъ переселился въ другаго человѣка, и такъ нѣсколько разъ, пока люди не махнули рукой, оставивъ въ живыхъ послѣдняго изъ бѣсноватыхъ. Отъ этого-то бѣсноватаго и пошли гріоты.

Мы привели примѣры профессиональныхъ пѣвцовъ, результатъ групповыхъ выдѣлений: пѣвцовъ дружинныхъ, въ средѣ которыхъ творится старая эпика, и тѣхъ, которые, выйди изъ обрида, учесли съ собою въ народъ наслѣдіе сказа, лицедѣйства и захарства, пѣвцовъ бродичныхъ, пріобщившихся въ Европѣ къ движению феодализма, оставшихся въ другихъ случаяхъ за чертой дальнѣйшаго развитія. Культовой пѣвецъ, ставшій съ ними рядомъ, еще не былъ нами затронутъ. Народная поэзія Пенджаба даетъ примѣры. Я оставлю въ сторонѣ народныхъ случайныхъ пѣвцовъ-сказителей, рассказывающихъ въ кружкѣ пріятелей и близкихъ мѣстныя легенды и сказки. Всѣ остальная область носителей позній дѣлится на три профессиональные группы. Въ религіозную, культовую группу входитъ знатокъ священныхъ индусскихъ преданій, сказывающій въ частію представляющій съ своей труппой полурелигіозныя стихотворныя письмы, известныя подъ названіемъ *Swâng'овъ*. Его призываютъ, разумѣется, за воздаяніе, во время опредѣленныхъ годовыхъ празднествъ, весной къ Нои, осенью къ *Daskhrl*. Къ той же категоріи принадлежитъ и святоша, поклонникъ того или другаго индусскаго или мусульманскаго угодника: онъ поетъ въ честь ихъ легенды на празднествахъ, собирая подаяніе на ихъ святилища. Слѣдуетъ другая группа пѣвцовъ, напоминающій родовыхъ и дружинныхъ, типъ древнихъ *bharata*, спустившихся къ уровню гріотовъ; они пристроились къ магнатамъ, поютъ на темы народныхъ преданій, пѣсни о боевыхъ подвигахъ, знаютъ родословную и семейную исторію мѣстнаго властителя, котораго, однако, мѣняютъ и которому измѣняютъ по обстоятельствамъ. Почетомъ они не пользуются.

зуются; типические представители служебного люда при дворѣ индійскаго князька. Наконецъ, третья профессионаяльная группа: балладный пѣвецъ (*mīrāsā*), который акомпанируетъ танцовщицамъ и поетъ за вознагражденіе на свадьбы и другихъ подобныхъ торжествахъ; въ его репертуарѣ входятъ народныя преданія и разказы самого искромнаго свойства. Особо стоитъ пѣвецъ изъ обездоленныхъ кастъ Индіи, поющій на торжествахъ для своихъ же родичей, то подражая брахманскому *swābg'*, то долговязо пересказывая какую нибудь легенду языкомъ, понятнымъ его слушателямъ, подхватывая ее у профессиоального пѣвица, либо выбирая подходящую къ предмету торжества или мѣстнаго культа.

Всѣ три категории профессиоальныхъ пѣвцовъ мы встрѣчаемъ и въ древней Ирландіи, но упроченные въ систему, устроенные корпоративно. Прежде всего друиды, свѣдѣнія о которыхъ на кельтской почвѣ Западной Европы восходятъ къ III и IV вѣкамъ до Р. Хр. Они—хранители религіозно-культурнаго преданія, вѣроятно, вынесенного ими изъ Британіи; памятниковъ ихъ литературы не сохранилось, сбъ ирландскихъ друидахъ извѣстно, что они не излагали письменно своего ученія. Въ Ирландіи они были прорицателями, знахарями, врачами, жрецами, наставниками; освобождены были отъ военной службы и окружены большими почетомъ; друидъ шелъ рядомъ съ королемъ, во главѣ общества. За ними фили, то-есть, провидящіе, отвѣчающіе вѣщунамъ Діодора Сицилійскаго, Страбоновскимъ обѣтамъ и *enigmas* Тионогена, сохранившагося въ переводѣ Аміана Марцеллина. Они вѣщуны, заклинатели, но, главное, разказчики, сказываютъ и поютъ подъ звуки *crott'ы* (арфы), перенесшая разказъ стихами о бранныхъ подвигахъ и любви, празднествахъ и странствованіяхъ. Они діаскевасты ирландской эпической литературы, древнѣйшій записи которої восходятъ къ VII вѣку, вѣку особаго процвѣтанія филовъ. Они творять ее и берегутъ преданіе школы, законы композиціи; ихъ іерархія построена на знаніи большаго или меньшаго числа разказовъ, *scéil* (отъ 350 до 7); смотря по тому они и распредѣляются по разнымъ классамъ (ихъ насчитываютъ различно: 10, 11 и 7) и пользуются неодинаковыми правами, напримѣръ, относительно количества свиты, мѣста, куска за царскимъ столомъ и т. п. Когда съ подворенiemъ христіянства значеніе друида поблекло, его мѣсто за царской трапезой занялъ священникъ, но непосредственно за нимъ сидѣть *olham*, королевскій філь, старшій въ іерархіи. Пред-

ставители свѣтскаго знанія и преданія, филы остались, и ихъ ореоль лашь немногого потерянья отъ своего прежняго блеска.

Ниже ихъ стояли въ Ирландіи и вообще у древнихъ кельтовъ барды. Это пѣвцы низменнаго типа, полученные, не соблюдающіе традиціонныхъ приемовъ поэзии филовъ, не прошедшіе ихъ школы, ноющіе отъ себя, какъ подскажетъ фантазія. Мы уже знаемъ, какія историческія события выдвинули ихъ на первый планъ въ Уэльсѣ.

Барды—это балладные пѣвцы Пенджаба, бродячіе, не пріуроченные пѣвцы, предположенные нами въ основѣ того синкретического типа, который называется жонглеромъ. Филы—это дружинные пѣвцы; развитіе дружинной эпіки, заторы оженію на германской почії, нашло въ Ирландіи особыя условія, которыя позволили ей сложиться и доказаться до конца, до обширѣй циклизациі, до эпопеи. Условія эти: жизненность дружиннаго быта съ одной стороны, съ другой грамотность и образовательныя начала ирландской культуры, съ привнесеннымъ въ нее латинскими и греческими элементами, которые сдѣлали ирландцевъ свѣтлыми первого въ Европѣ классическаго возрожденія. Дружинный бытъ поддерживалъ традицію подвига и иѣссы, схемы и стилистика иѣссы попали въ оборотъ школы и нашли въ ней болѣе устойчивыя формы; я уже сказалъ о поэтикѣ скальдовъ; народно-пѣсенная традиція получила школьный колоритъ, ее не перенимали, а ей учились. Пѣсня, сказаніе, становятся не только объектомъ памяти, но и объектомъ науки, изученія. Сличите легенду о происхожденіи гріотовъ, о скоморохѣ, какъ созданіи чорта, съ сдѣдующей ирландской о томъ, откуда пошли филы: у бога Dagdѣ, властителя высшей науки, была дочь Brigit, вышедшая за Bress'a, сына Elatha'ы, что означаетъ: знаніе литературной композиціи. У нихъ три сына, боги искусствъ, сообща родившіе Iспе=Мудрость; у него послѣдовательное потомство: Знаніе, Великая Разсудительность, Великая Наука, Размышленіе, Великое Просвѣщеніе, Искусство, которое и было отцомъ первого фила. Оно не всякому дается; но изъ всякаго пѣвица выходитъ поэты; традиціоналъ, профессіоналъ иѣсса уже вызвала эгоистическое сознаніе, что пѣсенное слово—сила; теперь явится сознаніе, что она пріобрѣтается трудомъ и искусствомъ; одинъ изъ этаповъ на пути къ пониманію пѣсеннаго акта, какъ личнаго, поэтическаго. Когда это сознаніе явилось, оно дѣйствуетъ заразительно, ускоряя процессъ такого же перехода въ границахъ своего влиянія. Поэзія сѣверныхъ скальдовъ, смѣнившая древнихъ рійг, сложилась, по мнѣнію Бугге, по образцамъ ирландской, и

мы, можетъ быть, еще не достаточно взвѣсли, на сколько классические прямѣры повліяли на выдѣление художественной лирики изъ средневѣковой народной и профессиональной пѣсни. Когда средневѣковымъ людямъ раскрылись впервые чудеса античной поэзіи и они бросились подражать ей на ея же языкѣ,—матеріальный трудъ усвоенія и воспроизведенія естественно перенесся для нихъ на свойство поэтическаго акта: поэзія, искусство—это трудъ, плодъ томительныхъ ночныхъ бдѣній, школы. На ея то плечахъ выросъ изъ жонглера, смѣши мима и пародпаго тѣвца, личный поэтъ—труперъ.

Название поэта лишь мало освѣщають памѣщенный пами переходъ отъ унаслѣдованной пѣсни къ личной, отъ пѣвца къ поэту; древнія названія могли исчезать, ю замѣнялись ли онѣ новыми въ уровень съ измѣнившимся пониманіемъ, или обновлялось въ иномъ освѣщеніи какоенибудь старое, до тѣхъ порь не бывшее въ ходу? Скальдъ, напримѣръ, означаетъ просто разказчика (*✓ сакъ, sec въ бѣнѣте, inquam; ирланд. scél*=разказъ); со времени Гезіода и Пиндара *δοιδός*=пѣвѣцъ уступилъ мѣсто поэту, *ποιητής*, но это слово относится собственно къ складу, выѣшнему построенію пѣсни, что не исключаетъ элементовъ унаслѣдованной пѣсни и могло сложиться въ ея предѣлахъ. Поэтъ (*ποιέω* отъ *✓ κει*, *κοι:* наслѣдовать, образовать, формовать), собственно, строитель, формовщикъ—своей или чужой пѣсни, какъ рапсодъ ихъ скѣваетъ, собственно сплавляетъ (*ῥάτταιν ἀσθρήγυ*): образъ, родственный гомеровскому *μόδιος ὄφαίνειν* (II. III, 212), финскому *säkittäja* (сплетающій, вьющий пѣсню — о второмъ пѣвѣцѣ, подхватывающемъ пѣсню главного, старшаго), малорусскому: „се нова пися чтьется“. Такъ и въ Ведахъ о пѣснѣ говорится, что она строется; англос. *scđr*, староверхненѣм. *scorph*=поэта (сл. *scoph*—острота, *ludibrium*, *scophsanc*=poesis, *scophliod*=*carmina rustica et inepta*) едва ли отъ *scaffan*, но старопржнс-нѣмецкое *kleodarszezeo*=тотъ, кто устраиваетъ, ставить, упорядочиваетъ звукъ, пѣсню, снова возвращаетъ насъ къ тому же техническому представлению. Интересно съ точки зрѣнія синкретизма гlosсы къ этому слову: *ariolus*, *zoograri*: захаръ, кудесникъ, и *cervulus*=олень; первая указываетъ на одну изъ специальностей средневѣковыхъ шпильмановъ¹), вторая имѣеть въ виду маску западнаго святочного обихода²).

Иначе сложеніе пѣсни выражается образомъ кованія: въ ста-

¹⁾ См. выше, стр. 5.

²⁾ См. мартовскую книжку *Жур. Мин. Нар. Пром.* за текущій годъ, стр. 93.

росѣверномъ языке *liodarsmîr*, *galfra-smîdr*=ковачъ пѣсень; финскій *laulaaja*=пѣвецъ и энхарпъ, но Вейнемейненъ—ковачъ пѣсень, и въ томъ же значеніи употребляется *laulaseppä*, *ganozeppä*. — Съ средневѣковыми трубадурами и труверами мы уже соединяемъ представление о личномъ пѣвцѣ, но специальное значеніе *trobar*, *trover* указываетъ лишь на музыкальный ладъ, мелодію, томъ, греч. трокос, какъ нѣмецкое *Dichter*, латинское *dictator* (отъ *dictare*), на наслѣдіе и образцы латинской школы.

Слова переживали, возникали и обновлялись на путяхъ развитія, и значение переростало этимологію.

II.

Обособленіе понятія поэзіи отъ пѣсни совершилось по тѣмъ же путямъ, по какимъ пѣвецъ проходилъ отъ обрядового и хорового строя къ профессіи и самосознанію личного творчества.

а) Въ началь: *пѣсня*—*сказъ*—*дѣйстїе*—*пляска*: греческое *αοιδός*=*αγοιδός* отъ *αίων*=*αγεῖον*, отъ *vad*=говорить, кликать, пѣть; латинское *vates* отъ *v ga*, *gā*, *gra*, *va*: пѣть; но нѣмецкое *leich* (родъ пѣсни въ неравномѣрныхъ строфахъ) связано съ понятіемъ движения, игры, пляски: готское *laikr*=хорѣ, сѣв. *leikr*=бой, но въ норв. пляска и сопровождающая ее музыка; это бросаетъ свѣтъ на оркестрический элементъ *bileich* и *charaleich*=брачной и похоронной плясовой пѣсни. *Spill* объединило различныя движения, пляску съ музыкой и пѣніемъ; оттуда *spiltan*; пѣмѣцкое *Lied*, (старогерм. *leidrom изъ *leido-мъ) объясняютъ, какъ „разрѣшеніе смытій“ при (хоровой) плясѣ, либо какъ „отдѣлъ, отрѣзъ“, что указывало бы на строфический строй и на чередование въ хорѣ; литовск. *daina*—народная пѣсня свѣтского содержанія, бытина, но латышское *diet*: плясать, прыгать, *chorum duocere*; *dei-ja*: пляска, хороводная пляска, *dei-ni-tis*=плясунъ; греческія *μολπή* и *μαλπεσταῖ* означаютъ не только пѣсіе, но и пляску и вообще всякое грациозное движение въ игрѣ; у якутовъ одно и то-же слово обнимаетъ понятіе пѣсни и боя, состязанія. Въ семитическихъ языкахъ общее названіе для пѣсни восходить къ *v sch(s)-v(j)-g* съ первоначальнымъ значеніемъ: разъединять, собирать, сопоставлять, *colligere*; сура въ классическомъ арабскомъ языке означаетъ рядъ камней, собранныхъ, сложенныхъ вмѣстѣ, стѣну; впослѣдствіи: пѣсню, отдѣль религиознаго кодекса; въ сирийскомъ: каменную стѣну и хороводъ.

б) Въ другихъ обозначеніяхъ пѣсни-сказа сохранились слѣды ся древняго прикрайленія къ обрядовому акту, именно въ акту заговора, заклинанія, гаданія. Таковы основныя понятія реальнаго и даже матеріального свойства, соединенные съ германскими *spei, runa, siggwan*.

Готское *siggwan=legere*, собирать, староверхненѣмецкое, старосаксонское, старофранкское *lesan*, сѣверное *lesa=colligere, legere*; староанглійское *gaðdan=conjicere, legere*—всѣ эти глаголы относятся къ акту обрядового гаданія и волхванія по биркамъ и гадальныи наложкамъ, которыя бросали, собирали и толковали, заключая по нихъ сочетаніе о волѣ боговъ (*conjicere* и *conjectura*), о будущемъ; греческое *омфі*, этимологически тождественное съ готскимъ *siggwan*, сѣвернымъ *syggda*, нѣмецкимъ *singen*, означаетъ, собственно, пророческое изреченіе ¹⁾). Матеріальный актъ сбиранія, *siggwan*, перенесенъ быть на изреченіе, на сопровождавшую обрядъ пѣсенную формулу или сказъ; оттуда новое значеніе *singen, syngja*: пѣть; на переходную степень указываетъ сѣверное: *lesa sõng*, пѣть, въ сущности, собирать пѣсни.

Гадали по биркамъ, рѣзамъ, ех *assulis ligneis cultro elaboratis*, говорится о древнихъ финнахъ; это Тацитовская *surculi* (Germ. c. 10): *Virgam frugiferae arbori decisam in surculos amputant eosque notis quibusdam super candidam vestem temere ac fortuito spargunt. Mox, si publice consul(t)etur, sacerdos civitatis, sin privatim, ipse pater familiao precatus dcos coelumque suspicieus ter singulos tollit, sublatos secundum impressam ante notam interpretatur.* Это толкованіе выражалось въ заповѣдной формулѣ, название которой могло передѣтъ на гадальныи бирки съ рѣзами, *notae*, какъ это совершилось внослѣдствіи на сѣверѣ, когда захожей рунической азбукѣ присвоено было обозначеніе, указывающеъ на сказъ, совѣщаніе, таинственное нашептываніе или напѣваніе: готское *runa=mystrium, сиифбоолью, Յօօլի*; староверхненѣмецкое *runa, garüni=mysterium, rûnen, rûnazar=шептать; старосаксонское rûna=совѣщаніе, бесѣда; староанглійское rûn=тайна, rûnian=шептать; старосѣверное rûn=тайна, бесѣда; rûni=собесѣдникъ, совѣтникъ, приятель.* Значеніе финского *runo=пѣсня, занимавшаго у сѣверныхъ сосѣдей, можетъ и не принадлежать къ обобщеніямъ вродѣ *siggwan=pѣть*, а указываетъ на древній характеръ исполненія, забытый въ германскихъ вариантахъ слова.*

¹⁾ Иначе: *siggwan=recitare* къ *seq*, откуда и *skald*. см. выше, стр. 13.

Сходное развитие, но еще более разнообразное по результатамъ, привязывается къ германскому spel. И здѣсь, какъ полагаютъ (Schröder), оно пошло отъ гадальной бирки, дощечки: готское spilda, сѣверное speld, spjáld = πιναχίδιον, πλάστη; староанглійское speld: лучина, осколокъ; средневерхненѣмецкое spelde: отрубокъ дерева. Ихъ такъ же бросали, какъ тацитовскіе surguli, и собирали, складывали, толковали; такого значенія англійского spell: читать по складамъ, французского (съ германскаго) espeler, épeler, съ старымъ добавочнымъ значеніемъ: объяснять; въ голландскомъ: читать по складамъ, собирать ихъ и—объяснять, толковать; можетъ быть, и современное значеніе этого слова: вѣщать, предсказывать относится къ переживанію обрядового акта; съ староанглійскимъ anspell: conjectura.

Въ кругу обрядового акта удерживаетъ настѣ Шекспиръ, открывая и новые точки зрењія: у него spell—магическое дѣйство, формула волшебства, чары, и это значеніе, очевидно, древнее, удержалось въ языѣ, поддержанное сѣверными параллелями: сѣверное spjäll = слово, изреченіе, рѣчи; spjálli—собесѣдникъ, вѣстникъ, но féspjöll spaklig ясно указываетъ на обрядовую, заговорную или гадальную формулу: мудрыя чары. Обобщеніе вышло отъ этого понятія къ значенію рѣчи, бесѣды; въ другихъ случаяхъ оно издавна развило при словахъ, видимо стоящихъ виѣ матеріальныхъ условій обряда: сѣверное ljöd = Lied въ старомъ языѣ преимущественно пѣсни чаръ; galdr, отъ gala = пѣсть—заговорная, энхарская формула, вѣдовство; слов. баати не только мѣбѣесѳац, fabulari, но и incantare.

Остальная германскія отраженія spel'я столть уже на точкѣ зрењія обобщенія: удержалась память о сказѣ, она то и подвергалась различнымъ измѣненіямъ. Въ староверхненѣмецкомъ spel = рѣчъ, разказъ, парабола, басня; bispel = parabola; spellunga = tragoeidae; wärspello у Таціана = propheta. Въ среднеанглійскомъ spel = рассказъ, поученіе, небольшая повѣсть; говорится и о сказываніи Отче Нашъ. Въ средневерхненѣмецкомъ spelien—разказывать, бесѣдовать, spel—разказъ, сказка, болтовня, сплетня, позднѣе литературный родъ, разказъ наставительного содержанія: bispel, съ XVI вѣка Beispiel.

Не къ литературному роду, а къ формамъ скоморошьяго и пѣвческаго сказа приводить настѣ исторія другаго слова: гот. hlauts = хлѣбъ; англос. blot, сѣв. blutig, чѣмъ. Loob, жребій. На сѣверѣ гадающіе намѣчали, надрѣзали свои жеребы (skera, marka hluti), бросали ихъ въ полу платья, вынимали ихъ третье лицо. Hlutig звались также талисманы, изображавшіе обыкновенно человѣческія

фигуры, ихъ носили на себѣ, а съ ними соединена была идея судьбы, доли: чей blutr куда попадеть, тамъ быть и его хозяину. Оба значенія: вѣщавія по жеребьевымъ палочкамъ и талисмана отразились. быть можетъ, въ кобольдахъ нѣмецкихъ скомороховъ, которыхъ они показывали изъ подъ плаща, чтобы разсмѣшить зрителей (Hugo von Trimberg, Renner 5065) и въ ихъ Totenholzѣ: онъ служилъ имъ для какихъ-то шутовскихъ или звѣзарскихъ продѣлокъ, можетъ быть, для сказыванія? Böckel сравниваетъ съ нимъ бирки слѣпыхъ пѣвцовъ въ Бретани, по нарѣзамъ которыхъ они припоминаютъ породокъ изложеннія, и представляютъ себѣ таковой же ролью раббоса, жезла, отличительного признака рапсодовъ. Къ традиционному слѣпцу Гомера шло-бы такое именно представление, поддержанное Пиндаромъ (Pind. Isth; III, 55: "Ортрос хатѣ раббон *Брассас*"), но не все же рапсоды были слѣпцами и значение пѣвческаго жезла было очевидно, другое. Музы вручали лавровую вѣтвь-жезль Гезиоду (Theogon. въ началѣ); при пѣніи застольныхъ сходій такая вѣтка нерѣходила изъ рукъ одного пѣвца къ другому; такъ могъ чередоваться и раббос при амебейномъ исполненіи эпическихъ пѣсенъ.

Runa, spel. *siggvan*, loterholz привели насъ къ обрядовому монументу гаданья; сѣверное сказаніе о происхожденіе напитка, сообщавшаго поэтическій даръ, привязывается, по моему мнѣнію, къ другому обрядовому же акту: родового замиренія, вары, которую распиваютъ сообща. Легенда насыпалась посторонними чертами, но основные черты посять слѣды опредѣленного бытоваго происхожденія. Рассказывается, что послѣ долгой распри Азы и Ваны заключили между собою миръ; закрѣпился онъ образно, какъ смѣщеніемъ крови совершилось и совершается еще принятіе въ родъ и союзъ побратимства. Враждовавшіе приступили къ одному сосуду и смѣшили въ немъ свою слюну, изъ которой и сотворили Kvâsl'a, мудрѣшаго и разумѣвшаго изъ всѣхъ созданій. Онъ далеко ходилъ по свѣту, наставляя людей, пока два дверга, Fialar и Galar, не убили его. Его кровь они спустили въ два сосуда, Bodn и Sðn, и котель Ofhroerig, примиѳши туда меду: вышелъ драгоценный напитокъ, медъ, сообщавший каждому, кто его отвѣдалъ, даръ поэзіи и мудрости. Велikanъ Suttungr принудилъ дверговъ отдать ему этотъ медъ, какъ виру за убийство его отца, скрылъ его въ Hnîþjörg'ѣ, а хранительницей поставила дочь свою, Guanl  b. Одинъ проникъ въ гору, принялъ образъ змѣи (червя?), и провелъ три ночи съ дѣвушкой, которая обѣщала ему за то три глотка меду; въ три приема онъ опорожнилъ

всѣ три сосуда и пустился въ обратный путь въ образѣ орла. Сутунгъ погнался за нимъ, также обернувшись орломъ, но Одинъ раньше его добрался до Асгарда, гдѣ извергнулъ изъ себя напитокъ въ сосуды, подставленные Азами. Медь онъ даровалъ Азамъ и поэтамъ; оттуда разнообразныя наименования поэзіи, дара пѣсни: кровь Квасира, изобрѣтеніе (*fundr*), напитокъ Одина, полна *Водн'a*, кубокъ (*fyllr*) *Són'a*, словесное стѣни *Són'a* (*ordasaf Sónar*).

Начала разкза переносить насть на почву древняго обряда: спрашиваются мировая смѣщеніемъ слюны и крови (сюда относится кровь Квасира), при чёмъ участвующіе пили и пѣли. *Kvásir* (занимствованное слово?) относится, вѣроятно, къ *v* кыс: квасить, заквашивать; слюна и медь играют ту же роль, какъ въ финской рунѣ обѣ изобрѣтениія пива. Пѣсни вызваны хмѣльнымъ напиткомъ, и тѣмъ и другимъ закрѣплялось обрядовое дѣйство замиренія. Передъ нами всѣ моменты, сошедшіеся въ образованіи миѳа о происхожденіи меда и пѣсни, некоторые изъ собственныхъ именъ указываютъ на каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Напомнимъ еще *Vodn* = бочка (но иному объясненію: *oblatio*), *Són*, название другаго сосуда=вира, примиреніе, *reconciliation*. Старосѣверный обрядъ пиры (*sónar-blót*) совершился въ навечеріи Рождества: закалался вепрь (*sónag-görlr*), на его гриву возлагали руки и произносили клятвы за кубкомъ *Bragi* (*bragarfull*); при этомъ гадали, вѣроятно по кускамъ свернувшейся крови; оттуда другое значеніе *sónar-blót*: пророчество. Кубокъ *Bragi* пили и при другихъ обрядовыхъ дѣйствахъ: на похоронахъ, свадьбахъ, *þrag*, даръ Одина скальдамъ,—поззія; мы увидимъ, какъ обособился со временемъ и особый богъ поззіи—*Bragi*.

с) Обрядовая пѣснь не творится, она — унаследованное знаніе; вѣщій пѣвецъ, собственно, знающій: церковнославянское вѣшти — *peritus*, вѣдь — *saga* (словинская *česca* — то же), церковнославянская (сербская) вѣштица — *maga*; сл. еще одну изъ этимологій, предложеныхъ къ *vates*: *vat* = знать, приимѣчать, понимать. Пѣсни — знаніе. а знаніе — сила: заговоръ обрядового пѣвца, жреца, принуждаетъ боговъ проявить себя, подѣйствовать; онъ властенъ надъ ними, его маковенію повинуется природа. Таково дѣйствіе ведийскаго гимна на божество, позднѣе молитва буддийскаго риши; до крайности доведено это воззрѣніе въ индійскомъ представлении, что жрецъ драгоценѣе міра и что міръ созданъ культомъ, какъ и друиды утверждали о себѣ, что они сотворили небо и землю и море, солнце и луну. Первые шаги, изъ индійскихъ мелодій (*Rangs*, *Rangenes*) вышли изъ головы бога

Mahades, ихъ исполненіе вызывало ночь и дождь, наводненіе и по-жаръ и т. п.

Съ греческими легендами мы переходимъ на менѣе зыбкую почву: сказація объ Амфіонѣ, подъ пѣсню котораго камни сами собой скла-дывались въ стѣну, объ Орфеѣ, за которымъ слѣдовали скалы и де-ревья въ дикіе звѣри, о Марсѣ и орлѣ Зевса, усыпленныхъ звуками киеары—вводить насъ въ многочисленный рядъ сказаний о вліяніи пѣсни, музыки, въ которыхъ старыя представленія объ ихъ волшеб-номъ, неотразимомъ вліяніи, напоминающемъ силу заговора, череду-ются съ эстетическими, порой переходя въ комическій шаржъ. *Antoninus Liberalis* такъ разказываетъ, слѣдя Никандру, о преніи музъ съ дочерьми Шіэрія на Геликонѣ: при пѣніи музъ остановились небо и звѣзды, моря и рѣки, самъ Геликонъ, исполненный веселья, вы-росъ въ небо, пока не остановилъ его, по повелѣнію Посейдона, Пе-гасъ, ударивъ копытомъ въ его вершину. Въ старо-ирландской поэмѣ объ убийствѣ сыновей *Usnech'a*, когда игралъ *Noisé*, коровы и жен-щины давали втрое болѣе молока, всѣ слышавши его испытывали невыразимое наслажденіе. Иное дѣйствіе арфы *Dagdé* (въ поэмѣ о битвѣ при *Моутига*); у нея было два названія: дубъ о двухъ голо-сахъ и рука о четырехъ напѣвахъ; сорвавшись со стѣны, при чёмъ она убила девять человѣкъ, она помѣстилась въ рукѣ *Dagdé*, и онъ сыгралъ три мелодіи, что отличаетъ искуснаго игрока: мелодіи жа-лобы, смѣха и спа; отъ первой заплакали жены, отъ второй засмѣя-лись жены и молодые люди, подъ третью всѣ заснули.

Пѣсня Горанта въ Гудрунѣ дѣйствуетъ волшебно на больныхъ и на здоровыхъ, кто засмышилъ ее, притихаетъ, и звѣри, и змѣи, и рыбы:

389. Die tier in dem Walde ir weide liezen st en,
Die w rme, die d  solten in dem grase g n,
Die vische die d  solten in dem w ge vliczen,
Die liezen ir geverte.

Пѣсня Горанта стала типической, когда говорили о волшебномъ вліяніи пѣсни, называли ее. Ея мелодію играетъ *B si* въ сагѣ его имени: у него похитили его невѣсту, и онъ является съ товарищами на брачный пиръ. Переодѣтый, принялъ имя Сигурда, и играетъ пе-редъ королемъ и молодыми. „Когда принесли заздравный кубокъ, онъ ударилъ по струнамъ, и всѣ сказали, что подобнаго ему нѣть и не бывало. „Это что, только начало!“ говорить онъ, а король про-сять его постараться. Принесли кубокъ, посвященный Тору; Сигурдъ измѣнилъ темпъ, и зашевелилось все, что не было прикреплено, ножи,

в блюда, и все, чего не держали; многіе повскакали со своихъ мѣстъ и принялись плясать по покою; такъ шло долго. Затѣмъ явился кубокъ, посвященный всѣмъ Азамъ, Сигурдъ опять взялъ другой темпъ, и зонграли такъ громко, что эхо отдалось въ залѣ; всѣ, что были тамъ, поднялись, кроме молодого, молодой въ короля, и началася плясъ по всей палатѣ; и это долго длилось. Спросилъ король Сигурда, знаетъ ли онъ и другіе наимкрыши; онъ отвѣтилъ, что осталось еще нѣсколько, небольшихъ, и велѣлъ всѣмъ напередъ отдохнуть. Уѣхались и стали пить. Сыгралъ онъ „волшебный наимкрышъ“ (*Gýgjarslag*), „усыпляющій“ (*Dѣбѣвид*) наимкрышъ и напѣвъ Горанта (*Hjarranda—hljöð*). Когда принесли кубокъ Одина, Сигурдъ раскрылъ арфу; она была такъ велика, что въ ней могъ бы выпрямиться человѣкъ, точно вся изъ золота; досталь онъ оттуда бѣлый, отороченный золотомъ перчатки, зонграли наимкрышъ, что зовется *Faldafeykir* (*faldr*—чешецъ), и чепцы полетѣли съ головъ женщинъ и унеслись подъ потолокъ; женщины и мужчины повскакали, и не было поцѣ, которому осталась бы на мѣстѣ. А когда миновалъ этотъ кубокъ и принесли тотъ, что посвященъ Фреѣ,—его надо было нить послѣдній,—Сигурдъ ударилъ по струнѣ, что натянута поперекъ другихъ, и велѣлъ королю изготавляться къ *Rammarslag*, „сильному наимкрышу“. И король тотчасъ вскочилъ, съ нимъ женихъ и невѣста, и никто не плясалъ такъ бойко, какъ они“.—Этимъ и пользуются товарищи Сигурда, чтобы поквитаться невѣстѣ.

Кто не вспомнить по этому поводу пляску морского царя, когда играетъ Садко (Рыбник. I, 369; Кир. V, 39), волшебное дѣйствіе гусдей-самогудовъ въ народныхъ сказахъ, сангульдана въ бытовой сценкѣ медвѣжьаго праздника. Бози играетъ на свадьбѣ своей жены, какъ Добрыня скоморохъ; у Бози нѣсколько чудесныхъ, но и страшныхъ мелодій; у Дагде ихъ три. Въ Гудрунѣ Горанть завлекаетъ красавицу пѣсней, и говорится о трехъ „тощахъ“, *dri doene*; у Добрыни три наимкрыша¹); наиболѣе поэтическую параллель представляетъ слѣдующая якутская:

„Есть три пѣсни, выросшія изъ одного корня, точно три вѣтви одного дерева. Есть вѣтви человѣческой души, вѣтви человѣческаго бога и пѣсни дьявольскаго дыханія. Отъ послѣдней то и сохнуть деревья“. Когда пѣль якутскій нѣвецъ Артамоинъ, съ женщинами случались истерики, мужчины, очарованные, ослабѣвшіе, не могли

¹) О нихъ см. приложеніе къ этой главѣ.

уздти, точно маленькия дѣти. Отъ его пѣнія сохли деревья и люди теряли разсудокъ, сказывало преданіе. „Есть пѣсни до того волшебныя, говорится въ другомъ афоризмѣ, что ими нарушается порядокъ... Хорошій пѣвецъ лучшихъ своихъ пѣсенъ не поетъ друзьямъ, людямъ, которыхъ любить. Эти пѣсни вносятъ въ жизнь разладъ“. Хорошій пѣвецъ не можетъ не пѣть, у него всегда на душѣ пѣсни; если ему не пѣть — мысли у него путаются, въ груди томить, все что то не кленится; запоетъ—растревожить духовъ. И онъ бываетъ несчастливъ, платится за свою „силу“ счастьемъ.

Богато развитъ этотъ мотивъ въ финской народной поэзіи, проѣгая все стадіи развитія, отъ космического вліянія пѣсни до сентиментально-психологического. Первое могло быть когда то объектомъ вѣрованія, теперь оно переживаетъ въ формулахъ стиля. „Когда пѣль мой отецъ, говорится въ одной пѣснѣ, поть капалъ съ волосъ, поля колебались въ своихъ межахъ, земля дрожала въ своихъ членахъ; солнце и мѣсяцъ останавливались, чтобы послушать Випунена, созвѣздіе Колесницы, чтобы у него поучиться, воды и волны замедляли свой бѣгъ“.

Вейнемейненъ усыпляетъ своей игрой народъ Похольи, Вейнемейненъ, деміургъ финскихъ вѣрованій, создатель пѣсни, творецъ кантеle. Когда онъ сдѣлалъ ее изъ зубовъ щуки съ струнами изъ конского волоса Хіизи, никто не былъ въ состояніи сыграть на немъ, какъ слѣдуть, одинъ лишь Вейнемейненъ. „Расправивъ персты и усѣвшиись на скалѣ, старый, мудрый Вейнемейненъ положилъ гусли себѣ на колѣни и сказалъ: Пусть всякий, кто не слыхалъ старыхъ рунъ, придетъ теперь ихъ послушать. Занграль старый Вейнемейненъ, и чудесно зазвучали струны подъ его искусными перстами. Раздались нѣжные, серебристые звуки и понеслись далеко по окрестности. Это была такая пѣснь радости и веселья, что ни одно живое существо не могло удержаться, чтобы не послѣшить послушать божественного пѣвца. Перепрыгивая съ мѣста на мѣсто, бѣлки спѣшили туда, гдѣ раздавалась пѣсня; бѣжалъ горностай, лоси и рыси, проснулся въ болотѣ волкъ, поднялся съ песчанаго бора медведь и вскарабкался на самую вершину ели, чтобы не пропустить ни одного звука. Самъ Тапіо, покровитель лѣсовъ, въ сопровожденіи остальныхъ лѣсовиковъ, избрался на гору послушать нѣжной мелодіи, а хозяйка лѣсовъ, въ синихъ чулкахъ и башмакахъ, перевязанныхъ красными шнурками, задумчиво облокотилась о березу. Быстро разсѣкѣла воздухъ крыльями, летѣла со всѣхъ сторонъ птицы. Услышавъ тѣ звуки

орель и понесся въ ту сторону, покинувъ во гнѣздѣ своихъ птенцовъ. Стрѣло спустился изъ-за облаковъ ластrebъ. Лебеди и утки снялись со своихъ мѣстъ и подлетѣли туда, гдѣ раздавались чудесные звуки; зяблики, жаворонки, чирки и всѣ остальные пѣвцы лѣсона вѣсело защебетали и запѣли вокругъ Вейнемейнена, а иные даже усѣлись на его плечи. Даже Луоннетареть, дѣвы воздуха, сидя на краю радуги, заслушались этихъ дивныхъ пѣсенъ. Куутарь, dochь мѣсяца и Пейветерь, dochь солнца, сидѣли на краю облака за золотой и серебряной пряжей, но лишь только услышали чудесный звонъ кантеle, заслушались и выронили изъ рукъ чешноки. Къ берегу подплываютъ тюлени, щуки, ленци, сиги и другія рыбы, чтобы послушать чудесной пѣсни. Показался на поверхности водъ Ахто, царь морской, съ бородой изъ тростника, и заслушавшись тѣхъ звуковъ, проговорилъ: Никогда не приходилось мнѣ слышать такихъ рунъ, какія поетъ Вейнемейненъ. Русалка, расчесывавшая свои прекрасные волосы, заслушавъ чудные звуки, въ изумленіи выропили изъ рукъ гребни и стали подплывать ближе къ берегу. Даже мать водъ, показавшись вѣсколько разъ надъ волнами, облокотилась наконецъ на выступавшую изъ воды скалу и, заслушавшись, позабылась. Такъ два дня игралъ Вейнемейненъ; не только юноши, дѣти и женщины, глубоко тронутые его пѣснями, плакали отъ умилія, но даже старика, мужи и храбрые витязи не могли удержаться отъ слезъ. Обильные слезы текли изъ глазъ Вейнемейнена, скатываясь крупными, тяжелыми каплями со щекъ на густую бороду, съ бороды на широкую грудь, съ груди на могучія колѣна, съ колѣнъ на ноги; покатились къ берегу и канули на морское дно. Тамъ онъ обратился въ жемчужины, которая достаетъ со дна синекрылая утка⁴.

Текстъ приведенъ по Калевалѣ, составленной Лепротомъ, а извѣстно, что онъ понималъ роль драматиста, какъ понимаетъ ее народный пѣвецъ: кое что могло быть прибавлено изъ материала народной же пѣсни, кое что додумано, какъ, напр., эпизодъ о слезахъ—жемчужинахъ. Эстонскій пѣсни о происхожденіи пѣсни и Капнел—кантелье не испытали такого претворенія. Онъ говорить, что для Капнел употреблена была челюсть гигантскаго лосося, зубы щуки, какъ колки, волосы молодой дѣвушки, какъ струны. По одному преданію Walmepetipe (Вейнемейненъ) спустился на соборную гору (около Дерпта), гдѣ всѣ твари ждали его, чтобы поучиться „праздничному языку“, то-есть, пѣспѣ. Водворилась тишина, все обратилось въ слухъ. Но не всѣ существа одинаково усвоили это пѣснѣ: деревья подымѣтили лишь

шумъ отъ вѣянія, при которомъ исходитъ божественный герой, и стали издавать только шелестъ; рѣка Энбахъ научилась журчать; вѣтеръ издавалъ рѣзкие звуки, изъ звѣрей—однихъ поразилъ скрипъ колковъ, другихъ—звонъ струнъ; пѣвчія птички, особенно соловей и жаворонокъ, переняли прелюдію; всѣхъ менѣе получили на свою долю рыбы, высунувшія изъ воды голову только по уши — они научились шевелить ртомъ и остались на вѣкъ безглазными. Человѣкъ же усвоилъ себѣ все, оттого и пѣсня его доходитъ до глубины души и жилища боговъ.

По другому преданію, записанному у исковскихъ православныхъ эстовъ, kannel устроилъ самъ Jumal=богъ; разказъ о томъ пристроился къ обширному циклу дуалистическихъ новѣрій о мірозданії¹⁾. Будто Jumal и злой духъ (Wana halb) стали спорить, кто изъ нихъ раньше изобрѣтетъ музыкальный инструментъ. Jumal взялъ листъ съ дерева и чудно заигралъ, тогда какъ Wana halb трудился нѣсколько дней надъ деревянной дудкой. Стало спорить вторично: Jumal устроилъ kannel, Wana halb — рогъ; побѣда и на этотъ разъ осталась на сторонѣ Jumala. Оттого kannel — священный инструментъ, имѣющій силу изгонять злого духа.

Сила пѣсни, которую иногда трудно отдѣлить отъ чаръ мелодіи, стала общимъ мѣстомъ европейскихъ балладъ и сказокъ, даетъ имъ мотивы, служить развязкѣ. Въ англійской балладѣ Glasgerien о герой говорится, что онъ совершилъ невиданное: звуками арфы выманилъ рыбу изъ воды, извлекъ воду изъ камня, молоко изъ дѣвичихъ грудей, что подломился мостъ, остановилась рѣка и левъ прислушался въ восхищеніи. Такъ и въ испанской пѣсni: поеть рыбакъ на палубѣ, и засыпаютъ морскія волны, вѣтеръ обратился въ слухъ, рыбы тянутся изъ глубины и съ мачты внемлютъ птички.

Одно изъ обычныхъ приуроченій этого мотива — къ любви: пѣсня увлекаетъ. Въ старо-французскомъ Lai d'Ignaurès герой влюбляеть въ себя своимъ пѣніемъ двѣнадцать женъ двѣнадцати бретонскихъ рыцарей; въ шведскихъ балладахъ такимъ средствомъ привлечеія и соблазна пользуется морской демонъ, Strömkarl; подобные мотивы встрѣчаются въ англійской и голландской народныхъ пѣсняхъ. Въ нѣмецкой разбойничьей пѣснѣ выманиваетъ царевну изъ замка, и она бѣжитъ съ нимъ въ темный лѣсъ; въ французской такъ заманиваютъ разбойники дѣвушку на корабль. Либо чары пѣсни и любви

¹⁾ См. моя Размыканія №№ XI и XX.

исходить отъ дѣвушки: въ старыхъ датской и шведской балладахъ рыцаря Туппе увлекла на охотѣ Ulfa, дочь дверга, и привораживаетъ его къ себѣ звуками арфы: все въ природѣ прислушивается въ восхищении, звѣри и человѣкъ, растенія и цвѣты; лѣсные звѣри не трогаются съ мѣста, птицы забыли свои пѣсни, сизый скопъ покоятся на крыльяхъ, рыба простояла, поля разукрасились цвѣтами и все позелѣло. Рыцарь пришпориваетъ коня, но конь не можетъ тронуться, и Туппе сходить съ него точно въ чаду, очарованный, идетъ молить красавицу о любви. Недаромъ въ средневѣкѣ Германіи о чарующей мелодіи скрипача говорили, что это лейхъ, пѣсня эльфовъ. *Albleich.*

Порой такая пѣсня раздается отъ лица узника: въ цѣмѣцкой онъ такъ поетъ, что птицы останавливаются въ воздухѣ, дѣти засыпаютъ въ колыбели, а пажи королевы не могутъ сдвинутся съ мѣста, точно ихъ околдовали. Въ испанско-португальскомъ романѣ *Reginaldo* навлекъ на себя опалу; мать просить его спѣть ту самую пѣсню, которую пѣлъ когда то его отецъ въ Иванову ночь. Король слышитъ пѣвца и, тронутый пѣсней, послаетъ дочь провѣдать, кто это поетъ, точно ангелы въ небѣ или морскія сирены. Узнаютъ, что то *Reginaldo*, и онъ прощенъ.

На обрядовой степени развитія мы встрѣтали-бы вмѣсто всего этого серьезную кантилену—заговоръ, вмѣсто баллады о рыцарѣ Туппе—припушку: Въ печи огонь горить и тлить дрова, такъ-бы тѣло сердце у такого-то.

д) Откуда берется пѣсня у цѣвца? Его пѣсня-заговоръ властна надъ богами, и мы видѣли, до какой степени самосознанія доходили въ этомъ отношеніи индусскіе жрецы и друиды Ирландіи. А между тѣмъ даръ пѣснопѣнія и нераздѣльной съ нимъ даръ музыки находить на нихъ откуда-то свыше, отъ тѣхъ самыхъ силъ, на которыхъ они старались вліять, отъ боговъ. Они посыпаютъ пѣсню каждый своему служителю: *Θεόπις ἀοιδὴ, ἀοιδὴ Θεοπειτή, Θεόπις ἀοιδός;* богамъ, мифическими героямъ приписывается изобрѣтеніе музыкальныхъ инструментовъ. Выдѣленіе особаго бога, вѣдающаго пѣсню, впослѣдствіи—поэзію, должно было сопутствовать разложенію обрядового акта по путямъ культа и профессиональной пѣсни. Сѣверо-американскіе индейцы (Сепеса) говорятъ, что въ жатвенный пѣсни даны имъ „великимъ мужемъ, что вверху“, *Na-we-ni-ji;* подобныя представленія существуютъ у туземцевъ Мексики и Юкатана; латышамъ пѣсню приносить Лайма, въ христіанской замѣнѣ—Маря.

Пѣсню пою, какова она есть,
Она не мною сочинена,
Ее написала маменька,
Когда я спала (спалъ) въ колыбели,
И маменька не знала-бы,
Если-бы Лайма ей не сказала.

Ила:

Милая Лайма, дочь Бога,
Приходи сочинять пѣсени;
Скажи пѣсенку, пой сама
О молодыхъ, о старыхъ.

Лимбо:

Когда я пою, прекрасно пою,
Когда я плачу, жалобно плачу;
Какъ икъ прекрасно не пѣть,
Мари, сказительница пѣсент?
Какъ икъ жалобно не плакать,
Когда я была сиротинушкой?

„Я могу сиѣть всякую пѣсню“, говорить кара-киргизскій Akup (пѣвецъ): Богъ послалъ мнѣ въ сердце даръ пѣсень, такъ что мнѣ искать нечего: ни одной изъ моихъ пѣсень я не выучилъ, все вышло изъ меня, изъ нутра“.

Мифологический образъ Вуотана—Одина выработался постепенно: на сѣверѣ ему приписывали изобрѣтеніе рунъ, похищеніе мёда, сообщающаго даръ пѣсень, онъ Fimbulþulr, глава, начальникъ, покровитель рыцарей; онъ—отецъ саги. Позже, въ пору викинговъ, когда тицъ Одина получили воинственный характеръ, его стали представлять властителемъ, королемъ; у него дворецъ, дружина, а въ дружинѣ—пѣвецъ; не Одинъ теперь вицедомъ пѣсни, а Bragi; однъ изъ эпитетовъ Одина (англосакс. brego—princeps; сѣв. bragnar=герои, люди) отвлечено отъ него и стала самостоятельнымъ: онъ служитель Одина, украшеніе его стола, пѣвецъ боговъ, богъ поэзіи. Мы знаемъ обрядовое значеніе bragarfullr¹); теперь bragr—поэзія.

Ходный процессъ произошелъ на греческой почвѣ. Древнее представление Аполлона было разностороннее, смѣшанное по содержанию и разнообразию атрибутовъ; со временемъ изъ этого синкретизма выступаютъ яснѣе типы бога свѣта и солнца (Аполлонъ—Фебъ) и Аполлона, вооруженнаго киярой или лирой, которую изобрѣлъ Гермесъ; онъ-же снабдилъ семью струнами Аполлона Музагета. Муза, позднѣе

¹) См. выше стр. 18.

Музы, также вышли изъ подобнаго-же синкетизма и прѣмкнули къ культу Аполлона; отъ Музъ и Аполлона пошли аэды и киаристы, говорить Гезіодъ; Орфей и Линъ—сыновья Калліопы; музы вдохновляютъ гомеровскаго пѣвца, Демодока.

Муза его при рожденіи зломъ и доброму одарила:
Очи затмила еgo, даровала, за то пѣснопѣвце.

Она, дочь Дія, „пшушасть пѣвцу возгласить о вождихъ знаменитыхъ“, научила его пѣвію; по вмѣстѣ съ ней является Фебъ и боги вообще: остатокъ болѣе древняго, не специализированного представлениія. Демодокъ „даръ пѣсенъ пріязъ отъ боговъ“, божественнымъ пѣніемъ боги его одарили; я не отъ себя пою, богъ внушилъ мнѣ пѣсни—были, говорить Фемій (Od. X 347—8), Телесиакъ просить мать не препятствовать Фемію пѣть „что въ его пробуждается сердцѣ“; виноваты въ пѣснѣ не пѣвцы, а Зевсъ, посыпающій ее; Фемію судьба (*Néreos*) пѣть о несчастной долѣ Danaeъ (Od. I 345 слѣд.).

Внущеніе, передача пѣсни понималась въ началѣ реально, въ уровеніи съ представлениіями, что смышеніе корон устанавливаетъ родовую связь, что съѣсть сердце врага значитъ переселить въ себя его храбрость. Остатки такого рода идеи можно прослѣдить вполнѣ до теоріи вдохновенія. Даръ пѣсенъ сообщается чудеснымъ напыткомъ. Мы знаемъ значеніе обрядового Kvásir'a; индійскій Сома также принадлежитъ обряду: онъ творецъ пѣснопѣній, но и творецъ неба и земли, Агни и Суры, Индры и Вишну, что отвѣчаетъ индійскому вѣрованію о деміургической силѣ жреческой молитвы. „Васъ, о Ашвинны, призываю громкими пѣснями къ пятю Сомы пѣвецъ Атри, зову и я“, говорится въ одномъ гимнѣ Ригведы.—Я только напомню греческую Иппокрену на Геликонѣ и Касталійскій источникъ на Парнасѣ съ ихъ отношеніями къ музамъ и Аполлону. Дары Диониса также входятъ въ эту связь: Эсхила называли его товарищемъ, самъ богъ явился ему и посвятилъ въ трагическіе поэты; рассказывали, что онъ творилъ безсознательно ит. чаду вина.

Поззія, даръ слова—смѣль, нечто вкладываемое со стороны механически. Музы валиваютъ чудесную росу на уста властителей, которыхъ они взыскали съ колыбели, и изъ ихъ устъ выходятъ слова, сладкія, что мёдъ (Нес. Theog. 84 слѣд.). Романъ сталъ пѣснопѣвцемъ, съѣвъ хартію, которую въ сновидѣніи подала ему Богородица. Архангель Гавріиль явился къ Магомету и, вынувъ сердце, вложилъ новое съ хартію, на которой написана была суть Корана. Пастухъ Hallbjørg пригонялъ стадо къ могильному холму Скальды porleif'a

и проводилъ тамъ ночь. Часто приходило ему желаніе сложить хвалебную пѣсь про покойнаго, да не хватало умѣнья; начнетъ бывало: „Здѣсь покончен скальдъ“, а далѣе ничего не выходило. Спится ему однажды, что изъ холма вышелъ мужъ высокій ростомъ, хорошо одѣтый, и говорить: „Лежиши ты здѣсь, Hallbjörn, и затѣялъ чѣто, на что ты не способенъ: сложить пѣсню въ мою хвалу. Одно изъ двухъ: или этотъ даръ явится и дастся тебѣ больше, чѣмъ многимъ другимъ, на что я и надѣюсь; либо—оставь напрасный трудъ“. Онъ коснулся его языка и произнесъ четверостишіе; если, проснувшись, Hallbjörn его запомнилъ, изъ него выйдетъ толкъ. И Hallbjörn сталъ скальдомъ.

Въ другихъ разказахъ механическое перенесеніе замѣнено внушеніемъ: такова легенда о Кэдмонѣ, о Евгеміи Иберѣ: въ Константинополѣ онъ забылъ грузинскій языкъ; во время болѣзни явилась ему Богородица; „почему ты такъ плачешь“? спрашиваетъ Она его.—Я сильно боленъ, святая царица. „Встань и говори по грузински, ибо ты выздоровѣешь“. Онъ всталъ, и началъ говорить съ краснорѣчіемъ Гомера. Сходное разказывается о туркоманскомъ поэту Machdoun Kouli, котораго почитаютъ святымъ, его писалія богодухновенными. Однажды, когда онъ заснулъ на своемъ конѣ, онъ увидѣлъ себя въ Меккѣ, будто онъ сидѣтъ между пророкомъ и первымъ калифомъ. Сталь онъ оглядываться и увидѣлъ Омара, покровителя туркомановъ, который подозвалъ его къ себѣ, благословилъ и коснулся его яба. Съ тѣхъ поръ Machdoun Kouli сталъ поэтомъ.

По абиссинскому сказанію св. Духъ явился св. Яреду въ видѣ голубя и наставилъ его въ чтенія, письмѣ и музыкѣ.

Идея судьбы, доли, унаслѣдуемой въ родѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію, выражается матеръяльнымъ образомъ связи¹⁾). Даръ пѣсенъ, музыки переходилъ такимъ-же путемъ. По хорватскому повѣрью каждую пятницу передъ новымъ мѣсяцемъ съ неба спускается вила, садится на дерево, съ нею двѣ женщины, другія стоять вокругъ и ирядуть. Мудрыя наставлениа сообщаются имъ вещественно: другаго значенія не имѣть та черта, что, пока вила говорить, всѣ слушательницы внизу и вверху соединены между собою одною ниткою пряжи. Пѣсни „тчется“, какъ тчется судьба.

Наконецъ передача духа, одержимость чужими духами, сообщаютъ даръ пѣсни, что входить въ рядъ распространенныхъ представлений объ одержимости пророковъ, корибантовъ, людей, преславленыхъ эринніями

¹⁾ См. моя Размыканія XIII, стр. 208 слѣд.

и т. под. Австралийскій пѣвецъ получаетъ его во снѣ отъ духа умершаго, обыкновенно родственника; у грековъ поэты одерживали ими-фами, духомъ нифы, чорфолѣтка; музъ одного корня съ *μανία*, *μάντη*. Это основа учения о *вдохновеніи*, обѣ *энтузіазма*; онъ годился для древнѣйшаго развитія своей не материальною материальностью. Платонъ привелъ это учение въ систему, съ тѣхъ порь поэты повторяли его на всѣ лады, эстетики толковали. Изъ четырехъ родовъ восторга, *μανία*, одинъ исходить изъ музъ, говорить Платонъ. „Кто безъ маніи (хатохѣ—одержаніе). внушеной музами, приходить ко вратамъ познанія, думая, что искусствомъ (έх тѣхунѣс) изъ него сдѣлается хороший поэтъ, тотъ никогда не достигнетъ совершенства, и познанія его, какъ познанія разумного (тоб сифроуботос) будеть отличаться отъ познанія безумствующихъ“ (Федръ). „Какъ цѣль же лѣзныхъ колецъ заимствуетъ свою силу отъ магнита, такъ музы посыпаютъ вдохновеніе пѣвцамъ, которые сообщаютъ его другимъ, и такъ составляется цѣль людей вдохновенныхъ (θὰ δέ τοι ἀνθέψου τούτου ἀλλων ἐνθουσιασθεῖσιν ὄρμαθος ἔξαρταται). Въ самонъ дѣлѣ по искусствомъ, но энтузіазмомъ и вдохновеніемъ великие эпические поэты сочиняютъ свои.... произведения. Славные лирики также, подобно людямъ, волнистымъ безуміемъ кориантовъ, пляшущихъ вѣнѣ себя, не остаются въ умѣ своемъ, когда творятъ изящныя пѣснопѣнія: какъ скоро вошли они въ ладъ гармоніи и ритма, то преисполнены безуміемъ, объемлются восторгомъ, подобно восторгу вакханокъ, которая во время упоенія черпаютъ въ рѣкахъ молоко и мѣдь, что не бываетъ съ ними въ спокойномъ расположениіи духа. Въ душѣ лирическихъ поэтовъ въ самомъ дѣлѣ совершается то, чѣмъ они хвалятся. Они говорять намъ, что черпаютъ въ медовыхъ источникахъ, летаютъ подобно пчеламъ по садамъ и долинамъ музъ и въ нихъ собираютъ пѣсни, которая намъ поютъ. Они говорять правду. Поэтъ, въ самонъ дѣлѣ, существо легкое, крылатое и святое; онъ можетъ творить тогда только, когда объемлетъ его восторгъ, когда онъ выйдетъ изъ себѣ и разсудокъ покинетъ его; пока онъ при немъ, человѣкъ не способенъ творить все и изрекать пророчества. Поэтъ, по жребию Божію, успѣваетъ лишь въ томъ родѣ, къ которому музъ его призываютъ (въ днеарамбѣ, похвалной одѣ, плясовой пѣсенѣ, эпосѣ, ямбахъ), и всѣ будутъ слабы во всякомъ другомъ, потому что ихъ внушиаетъ искусство, а не божественная сила. Если-бы искусствомъ они умѣли творить, они могли бы успѣть въ разныхъ родахъ. А цѣль, ввиду которой богъ, отъемля у нихъ смыслъ, употребляетъ ихъ, какъ своихъ служителей, наравнѣ

съ пророками и гадателями, та, чтобы, знамая имъ, мы познавали, что не сами собою они говорять намъ вещи чудныя, ибо они виѣ своего разума, а что черезъ нихъ намъ глаголеть самъ богъ" (Іонъ).

Поэты усвоили эту теорію, то побрякивал ея формулами, какъ общимъ мѣстомъ, то прошикаясь ею до самочувствія, плодя новые, образы.

Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
А пѣсни ему не въ хвалу и не въ судъ,
Зане онъ падъ пою не смѣтъ.
Она, какъ рѣка въ половодье, сильна,
Какъ росовая ночь благотворна,
Темна и душиста какъ въ маѣ весна,
Какъ солнце прѣѣтна, какъ бури грозна,
Какъ лютая смерть несборна.
Охваченный ю не можетъ молчать,
Отъ раба ему чуждюю духа,
Возжаса ему въ труде вдохновенія печать,
Несолей иль солей—онъ долженъ отъчать,
Что слышать подвластное ухо.

Два теченія и, вмѣстѣ, два опредѣленія выяснились намъ въ праисторіи поэзіи къ той порѣ, когда ее понимаютъ уже какъ искусство и личный актъ. Къ первому пришли ирландскіе фили, подчеркнувъ идею труда и усоееніе преданій, что не всякому дается: въ родословной фила есть и Знаніе и Великая Наука, Размышленіе и Просвищеніе и отецъ поэта—Искусство. Второе опредѣленіе, называемое уяснить особенности личнаго поэтическаго процесса, въ сущности приижаетъ его, перенося его виѣ личности: теорія вдохновенія не далеко ушла отъ представленій поэзіи нацией и сидѣю. Поэтъ одержимъ „чуждымъ духомъ“ (вдохновеніе, одержаніе); онъ его рабъ, не владѣть своимъ умомъ, безумствуетъ, какъ корибанты (безуміе). Это такъ же мало объясняетъ природу того, что мы называемъ творчествомъ, какъ увѣреніе финскаго пѣвца, что свою пѣсни онъ подобралъ на дорогѣ, сметаль съ кустовъ, что ему ихъ павѣли вѣтры; какъ Гёте ское „Ich singe wie der Vogel singt.“ Разумѣется, образъ одержимости давно пересталъ ощущаться реально, но онъ на долго заслонилъ пониманіе личнаго психологическаго процесса, свойственнаго всѣмъ намъ, потенцированнаго у поэтовъ, у которыхъ

. . быстрый холодъ вдохновенія
Взды подпеваетъ на чѣлѣ. (Пушкинъ).

Пушкину знакомо и вдохновение, и Муза, „наперсница волшебной старины“, и демонъ, обладавшій его играми и досугомъ:

За мной повсюду онъ леталъ,
Миѣ звуки дивные шепталъ;

и настіе поэзіи:

Пробуждаются поэзія во мнѣ,
Душа стѣсняется лирическимъ волненіемъ,
Трепещетъ и звучить и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленіемъ.

Но когда онъ пытался уяснить самому себѣ сущность того, что въ немъ происходило, онъ забывалъ поэтические образы и, выключая изъ понятія вдохновенія ложно-классическую категорію „восторга“, предъявляя поэту требованія труда, работы мысли. Вдохновеніе, говорилъ онъ, „есть расположение души къ живѣшему принятию впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и къ объясненію оныхъ. Восторгъ исключаетъ спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ не продолжительенъ, не постояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвестъ истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоятъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго“. Борисъ Годуновъ—плодъ вдохновенія и труда: „писанная мною въ строгомъ удивленіи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постоянного труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣженіе, что мною употреблены были всѣ усилия“.

Мой своеирванный гений
Позапаль и тихій трудъ и между размышеній...
Учуясь удерживать вниманье долгихъ думъ.

—
Я зналъ и трудъ и вдохновеніе,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное положеніе.

Изучить общіе процессы этого волненія—задача психологіи; особенности и причины ихъ личнаго выраженія ускользаютъ отъ теоріи климата, врожденности и среды и даже отъ анализа доктора Тулузъ; Музы и вдохновеніе уволены въ арсеналъ старыхъ формулъ, ничего не значащихъ, но служившихъ поколѣніямъ для „свободнаго

проявленія" ихъ поэтическихъ думъ. Изъ такихъ формулъ состоять весь нашъ поэтическій языкъ; въ этомъ интересъ его изученія.

Наигрыши Добрыни.

(приложение къ стр. 20 слѣд.).

Къ материаламъ, сообщеннымъ выше для характеристики смысла пѣсни, я привлекъ и наигрыши Добрыни. Это требуетъ объясненія и поставитъ не сколько вопросовъ о мотивахъ, вошедшихъ въ составъ былины „о Добрынѣ въ отъездѣ“.

Уѣзжал, Добрыня заказывавъ жонѣ — ждать его столько-то лѣтъ, а потомъ пусть выходитъ замужъ, только не за брата названаго, Алѣшу Поповича. Въ небольшой группѣ былинъ жена просто не дождалась и готова выйтіи за Алѣшу (Гильф. №№ 23, 26, 33, 36), не послушала мужины наказа — обождать, пока голубь съ голубкой не оповѣстятъ ее о его смерти, или его конь не прибѣжитъ на дворъ (Гильф. № 80). Въ одномъ пересказѣ (Гильф. № 168) жена рѣшается выйтіи замужъ, получивъ ложную вѣсть о смерти Добрыни, но не отъ Алѣши, какъ въ большинствѣ варьянтовъ, изображающихъ его измѣнникомъ; въ западныхъ параллеляхъ къ нашему сюжету говорится о предателѣ, сообщающемъ именно такую коварную вѣсть и притязающемъ на руку вдовы.

На свадьбу своей жены съ Алѣшемъ является Добрыня въ личинѣ скомороха и поетъ, намекая на себя. Догадывается жена (Гильф. №№ 215, 222, 228, 306), присутствующіе на пиру (Гильф. № 5: что пріѣхали „удаіый русскій богатырь; № 107: видно Добрыня вернулся, „не бывать намъ на пиру никому живымъ“; № 290: „которые на пиру догадались, А мы заранѣ съ пиру убралиссе“; сл. № 292), или самъ Владимиръ (Гильф. № 65). Но эта догадка не приводить непосредственно къ признанію: оно совершается, когда Добрыня опустилъ свой перстень въ кубокъ съ виномъ. Замѣтишь, что въ пѣсняхъ и сказкахъ типа „мужа на свадьбѣ жены“, гдѣ онъ является лѣвцомъ или играцомъ (сѣверная баллада о Торѣ, пѣмѣцкая о Мѣрингерѣ), спознаніе также приводится не пѣсней, а кольцомъ, либо за игрой въ шахматы, какъ, наоборотъ, въ моравскомъ варьянтѣ у Sušil'a, 131, въ сербскихъ пѣсняхъ о Маркѣ и Ильѣ, въ польской о ланѣ Думбровѣ и сказкѣ объ Ашикѣ—Керібѣ развязкой дѣйствія служить пѣсня, не перстень. Возможенъ вопросъ: не являются-ли догадка по

пѣснѣ и признаніе по кольцу накоплениемъ однозначущихъ мотивовъ? № 215 Гильф. приводить ихъ въ слизь, одинъ какъ бы психологически подготавливаетъ другой: жена слышитъ пѣсню, догадывается и сама подать мужу кубокъ, въ который онъ и опускаетъ кольцо.

О чём же пѣлъ Добрыни? Въ одной былинѣ (Рыбн. I, 132) говорится, что онъ былъ у Царьграда, когда получилъ вѣсть о второмъ бракѣ жены; въ другой (Гильф. стр. 1018), что онъ стоялъ три года подъ Царьградомъ, три года подъ Иерусалимомъ. Было ли такъ разказано въ древнихъ о немъ былинахъ, или города эти попали въ нынѣшній ихъ составъ изъ напѣвокъ, напѣвшихъ Добрыни, уже услышавшихъ обратиться въ формулу—мы не знаемъ. Содержаніе напѣвшихъ опредѣлено имъ цѣлью: дать понять, что такой захожій скоморохъ. Онъ будетъ пѣть о Царьградѣ, а затѣмъ и о Киевѣ, гдѣ онъ, очевидно, у себя дома, всѣхъ знаетъ:

А играеть то Добринъ въ Кіевѣ,
А на выигрышь береть да во Царі-градѣ,
А отъ старого да всѣхъ до малаго
А повыиграль поименно. (Гамлѣ. № 5)

1160:

Играль ожъ въ Цариградѣ,
А на выигрышъ береть все въ Киевѣ (Лир. II. 37).

Либо является творчество: Царьградъ, Иерусалимъ, Киевъ; въ связи съ Киевомъ „походенія“ Добрыни; иногда они и стоять вмѣсто Киева; именно кievskія откровенія и должны были заставить догадаться, что пріѣзжій не кто иной, какъ Добрыня. Эта тройственность напгрыша полюбилась, стала формулой, которая развивалась и иска-жалась:

Есть игрище играль оть Царяграда,
Другое играль оть Еросолима
Третье играль оть Киева
И похожденије выигрывалъ Добрынины.
(Гл. 290; сл. № 292).

Лябо: оть Киева до Царьграда, оть Царьграда до Ёросалиму, съ Еросалима къ землѣ Сорочинской (Гильф. № 80); струночку играеть оть синя моря, Другую играеть оть Царяграда, А третью оть Еросалима, А все похожденьицо Добрынишкиво (Гильф. № 306);

Первый разъ игралъ отъ Цариграда,
Другой разъ игралъ отъ Йерусалима,
Третій разъ сталъ напривати,
Все свое похожденіе рассказывать (Рыбк. III, 16).

Далѣе являются уже искаженія: Онъ съ Кїева игралъ все до Новаграда, А й съ Новаграда все до Киева (Гильф. № 43); Тонцы новель отъ Новаграда, Другіе новель отъ Царяграда (Гильф. № 65); Ёнъ перву (струву) наладилъ съ града съ Киева, Ёнъ другую наладилъ изъ Чернигова, Ёнъ вѣдь третью изъ Каменной Москвы (Гильф. № 207).

Формула полюбилаась, приладилаась къ игрѣ Ставра, Соловья Будимировича, Садка; въ былинѣ о похищеніи Соломоновой жены со-вѣтуетъ поставить на корабль гуселышки,

Чтобы сами и гудыни и тонцы воли,
Тонцы то вели бы съ Царяграда,
Утѣхи то были Ерусалима,
Отиѣвали умъ-разумъ въ буйной головѣ.

Имеется ввиду волшебное дѣйствіе пѣсни, мелодіи, увлекающей къ любви неудержно, противъ воли. Съ такими мотивами мы познакомились выше¹⁾.

Какое значеніе имѣли наигрыши Добрыни помимо цѣлей песовершившагося или неполнаго признанія? О вліяніи Добрыниной пѣсни говорять: „всѣ на пару прутухи, сидѣть“, либо „призадумались, игры призаслушались“; такой игры „на свѣтѣ не слыхано, на бѣломъ игры не видано“. Но есть и болѣе рельефныя выраженія впечатлѣній: Добрыня играетъ сначала „по уныльному, по умѣльному“, и всѣ призаслушались; затѣмъ занграль по веселому: „какъ всѣ они тутъ да разскакались, какъ всѣ они затымъ вѣдь расплясались“. (Гильф. № 49). Таково вліяніе игры въ сагѣ о Бозѣ; пѣсня Добрыни дѣйствуетъ и того страшнѣе: по одному варьанту, когда онъ занграль, „всѣ на пиру оглянулись, всѣ на пиру ужаснулись“; замѣтимъ, что по одному пересказу (Гильф. № 80) въ Добрынинъ лукъ, „въ туной конецъ“, введенъ былъ гуселышки яровчаты и что когда товарищъ Добрыни, Иванъ Дубровичъ, занграль на этомъ лукѣ-гуселышъ, всѣ „игроки пріимолкли, всѣ скоморохи пріослушались“.

Мотивъ „страшной“ пѣсни примкнулъ къ нашимъ богатырскимъ каликамъ какъ общее мѣсто, настоящее положеніе котораго въ составѣ духовнаго стиха едва-ли отвѣтаетъ его назначенію. Калики просятъ милостины:

Скричать каликѣ зычными голосомъ,
Дрожитъ матушка сырь земля,

¹⁾ См. выше стр. 23 слѣд.

Съ деревъ вершины попадали,
Подъ кназемъ конь скочацися,
А богатыри съ коней попадали.

Съ теремовъ верхи повалилися,
А съ горицъ охлоны пошадали,
Въ ногребахъ ниты исколебалися

(Безсмоец, Каллики I, № 4, стр. 9—10; сл. № 5, стр. 21).

Я полагаю, что все это—разбросанные черты о „страшной игрѣ Добрыни, непонятныя въ настоящей ихъ связи, какъ загадочными являются гусельщики, влитые въ пуговки Чурилы, если не возвести ихъ къ искаженному въ нихъ оригиналу. Въ былинѣ о Добрынѣ въ отъѣздѣ могли слиться два мотива: а) мужъ возвращается съ отлучки на свадьбу жены, даетъ знать о себѣ перстнемъ, удалять соперника; б) жена похищена, мужъ является преодѣтый скоморохомъ, ужасаетъ всѣхъ своей игрой и пользуется суматохой, чтобы увезти жену. Послѣдний мотивъ „похищенія“ могъ указать старой пѣснѣ ея мѣсто въ свадебномъ ритуалѣ, въ связи съ обрядовымъ переживаніемъ „умыканія“; въ этомъ ритуалѣ она осталась (например въ Польшѣ и у болгаръ) и въ той формѣ, въ которой она теперь популярна, то-есть съ мотивомъ возвращающагося изъ отлучки мужа. Можетъ быть, и въ пѣснѣ о возвращеніи отразились бытовыя черты, связывавшія ее съ одной изъ древнихъ формъ брака, устранившихъ жизнью, но сохранившихся въ свадебной символикѣ. И имѣю виду обычай, по которому вдова становилась собственностью клана, который самовластно распоряжался ея вторичнымъ бракомъ; наиболѣе известенъ институтъ левирата, отдававшій вдову старшаго брата мъ жены младшему. Древняя легенда о женихахъ Пенелопы отразила, по мнѣнію Крука, такія именно отношенія: Одиссей въ отлучкѣ, его считаютъ погибшимъ, женихи Пенелопы—это члены клана, предъявившие свои притязанія по праву; Гомеру эти отношенія были уже неясны, и законное требованіе представилось ему насилиемъ.—Въ пѣсняхъ о „мужѣ на свадьбѣ жены“ ее принуждаютъ къ второму браку родные, отецъ, братья и сестры (скандинавская баллада, сербская пѣсня), тесть (албанская пѣсня); Владимиръ насилиемъ выдаетъ жену Добрыни за его названаго брата Алѣшу, притомъ меньшаго. Посагнуть на жену побратима такъ же преступно, какъ и въ подобныхъ отношеніяхъ кумовства¹); но зачѣмъ понадобился здѣсь этотъ

¹⁾ См. Гетериязъ и т. д., I. с. стр. 804.

мотивъ преступности? Въ западныхъ параллеляхъ къ нашему сюжету говорится о предателѣ, сообщающемъ ложную вѣсть о смерти мужа; этого достаточно; предателемъ является и Алѣша; его побратимство либо *double emploi*, либо замѣнило болѣе древнія представленія: онъ могъ быть родичемъ, братомъ мужа; оттуда его притязанія на вдову.

III.

Языкъ поэзіи и языкъ прозы.

I.

Никто не задумается отвѣтить на вопросъ, предполагаемый этимъ заглавиемъ, и отвѣтить фразой, выражющей огульное впечатлѣніе, въ которомъ личные вкусы, какъ бы они ни были разнообразны, сошлись въ единствѣ унаслѣдованнаго преданія. Изучить это преданіе въ его фактическомъ развитіи и генезисѣ, значило-бы объяснить или узаконить и самое влечатлѣніе. Въ слѣдующихъ строкахъ я назѣчаю лишь путь, по которому можно было-бы пойти изслѣдователю, если-бы всѣ необходимые для того факты были подъ рукою.

Дѣло идеть обѣ отличіи языка поэзіи отъ языка прозы. Мы скажемъ, не обинуясь: языкъ поэзіи съ лахвой орудуетъ образами и метафорами, которыхъ проза чуждается; въ ея словарѣ есть особенности, выраженія, которыхъ мы не привыкли встрѣчать въ ея обиходѣ, ей свойственъ ритмический строй рѣчи, которого, за исключеніемъ нѣкоторыхъ моментовъ аффекта, чуждается обыденная, дѣловая рѣчь, съ которой мы обыкновенно сближаемъ прозу. Я говорю о ритмическомъ строѣ, но имѣя ввиду ритмъ стиха, заостренного или незаостренного риѳомъ: если для Гете поэзія становится таковой лишь при условіи ритма и риѳмы (*Leben III, II*), то мы уже успѣли пріуться къ „стихотвореніямъ“ въ прозѣ (Тургеневъ), къ стихамъ, не знающимъ размѣра, но производящимъ впечатлѣніе поэзіи (*Walt Whitman*), какъ съ другой стороны знаемъ „циѣтущую“, поэтическую прозу, облекающую порой весьма цизмененное содержаніе. Шерерь допускаетъ и зносъ въ прозѣ, историческое произведеніе въ стилѣ эпопеи и не въ стихахъ; но мы, разумѣется, не сочтемъ поэзіей научную тему потому лишь, что она изложена стихами, съ обилиемъ образовъ и соответствующими реторическими приборомъ.

Таково наше впечатлѣніе, и мы, естественно, склонны заключить, что выборъ того или другого стиля или способа выраженія органически обусловленъ содержаніемъ того, что мы назовемъ поззіей или прозой по существу и къ чему подберемъ соответствующее опредѣленіе. Но ведь содержаніе иѣнялось и иѣняется: многое перестало быть поэтическимъ, что прежде вызывало восторгъ или признаніе, другое подворилось на старое иѣсто, и прежніе боги въ изгнаніи. А требованія формы, стиля, особаго языка въ связи съ тѣмъ, что считается поэтическимъ или прозаическимъ-дѣловымъ, осталось то-же. Это и даетъ право отнести къ поставленному нами вопросу определенно-формально: что такое языкъ поззіи и языкъ прозы? Отличіе ощущается, требуется, несмотря на историческія измѣненія, которыхъ могли произойти въ составѣ того или другого стиля.

Французскіе *Parnassiens* утверждали, что у поззіи такой-же специальный языкъ, какъ у музыки и живописи, и у него своя особая красота. Въ чёмъ-же состоять она? спрашиваетъ Бурже. Не въ страсти, потому что самый пылкій любовникъ можетъ излить свое чувство въ трогательныхъ стихахъ, далеко не поэтическихъ; не въ истинѣ идей, потому что величайшія истины геологии, физики, астрономіи едва ли подлежатъ поззіи. Наконецъ, не въ краснорѣчіи. И вмѣстѣ съ тѣмъ и краснорѣчіе, и истина, и страсть могутъ быть въ высшей степени поэтически — при извѣстныхъ условіяхъ, которыхъ и даны въ специальныхъ свойствахъ поэтическаго языка: онъ долженъ вызывать, подсказывать образы или настроение сочетаніями звуковъ, такъ тѣсно связанныхъ съ тѣми образами или настроеніями, что они являются какъ-бы ихъ видимымъ выраженіемъ.

Мы иѣть нужды останавливаться на разборѣ этой школьной теоріи; важно признаніе особаго поэтическаго стиля; это понятіе и слѣдуетъ поставить въ историческое освѣщеніе.

Различая языкъ поззіи отъ языка прозы, Аристотель (*Риторика*, кн. III, сл. 2) дѣйствуетъ, какъ протоколистъ, записывающій свои наблюденія надъ фактами, распредѣляющій ихъ по широкимъ категоріямъ, оставляя между ними переходные полосы и не подводя общихъ итоговъ. Главное достоинство стиля — это ясность, говорить онъ; стиль не долженъ быть „ни слишкомъ низокъ, ни слишкомъ высокъ“. Но долженъ подходить (къ предмету рѣчи); и поэтический стиль, конечно, не низокъ, но онъ не подходитъ къ ораторской рѣчи. Иль имена и глаголы тѣ отличаются ясностью, которые вошли во всеобщее употребленіе. Другія имена, которыхъ мы перечислили въ со-

чиненіи, касающемся поэтическаго искусства (Поэтика, гл. 23), дѣлаютъ рѣчи не низкой, а изукрашенной, такъ какъ отступлениія (отъ рѣчи обыденной) способствуютъ тому, что рѣчи кажется болѣе торжественной: вѣдь люди такъ-же относятся къ стилю, какъ къ иноzemцамъ—и своимъ согражданамъ. Поэтому-то слѣдуетъ придавать языку характеръ иноzemца, ибо люди склонны удивляться тому, что (приходитъ) издалека, а то, что возбуждаетъ удивленіе, пріятно. Въ стихахъ многое производить такое дѣйствіе и годится тамъ (то-есть въ поэзіи) потому, что и предметы и лица, о которыхъ (идеть) тамъ рѣчи, болѣе удалены (отъ житейской прозы). Но въ прозаической рѣчи такихъ средствъ гораздо менѣе, потому что предметъ ихъ менѣе возвышенъ; здѣсь было-бы еще цепріятіе, еслибы рабъ, или человѣкъ слишкомъ молодой, или кто нибудь, говорящій о слишкомъ ничтожныхъ предметахъ, выражался возвышеннымъ слогомъ. Но и здѣсь прилично говорить то принажал, то возвышеная слогъ сообразно (съ трактуемымъ предметомъ).

Холодность стиля продолжаетъ Аристотель (гл. 3), происходить: 1) отъ употреблениія сложныхъ словъ, 2) отъ необычныхъ выраженій, 3) отъ неудачаща пользованія эпитетами и 4) отъ употреблениія неподходящихъ метафоръ. Здѣсь мы снова переходимъ къ вопросу объ отличіяхъ поэтическаго слова: не слѣдуетъ употреблять эпитеты длинные, неумѣстно и въ большомъ числѣ: въ поэзіи, напримѣръ, вполнѣ возможно назвать молоко быльма, въ прозѣ же (подобные эпитеты) совершенно неумѣстны; если ихъ слишкомъ много, они обнаруживаются (реторическую искусственность) и доказываютъ, что разъ нужно ими пользоваться, это есть уже поэзія, такъ какъ употребленіе ихъ измѣняетъ обычный характеръ рѣчи и сообщаетъ стилю оттенокъ чего-то чуждаго... Люди употребляютъ сложные слова, когда у данного понятія нѣть названія, или когда легко составить сложное слово; таково, напримѣръ, слово *хроотрѣбѣн*—времяпрепровождение; но если (такихъ словъ) много, то (слово *дѣласпія*) совершенно поэтическимъ. Употребленіе двойныхъ словъ всегда свойственно поэтамъ, пишущимъ дигирамбы, такъ какъ они любители *ромкаю*, а употребленіе старинныхъ словъ—поэтамъ *этическимъ*, потому что (такія слова заключаютъ въ себѣ) нѣчто торжественное и самоувѣренное. (Употребленіе-же) метафоры (свойственно) имбическому стихотворенію, которыя.... пишутся теперь.... Есть метафоры, которые не слѣдуетъ употреблять, однѣ потому, что (онѣ имѣютъ) смѣшной смыслъ, почему и авторы комедій употребляютъ метафоры; другія потому, что

смыслъ ихъ слишкомъ торжественъ; кроме того (метафоры имѣютъ) неясный смыслъ, если (онѣ) заимствованы издалека, какъ, напримѣръ, Горгій говорить о дѣлахъ „блѣдныхъ“ и „кровавыхъ.“

И такъ поэтический языкъ не низкій, а торжественный, возбуждающій удивленіе, обладающій особымъ лексикономъ, чуждымъ прозы, богатымъ эпитетами, метафорами, сложными словами, производящими впечатлѣніе чего-то не своего, чуждаго, поднятаго надъ жизнью, „стариннаго“. Стороною затронутъ вопросъ и о *содержаніи* поэзіи: она трактуется о предметахъ возвышенныхъ, удаленныхъ отъ житейской прозы; но суть разсужденія сведена къ занимающей насъ цѣли: къ вопросу о сущности поэтическаго стиля. Мы увидимъ далѣе, что въ работахъ посвященныхъ языку поэзіи и прозы, это существенное отдѣленіе содержанія отъ стиля не всегда бывало соблюдено. Оттуда рядъ неясностей и призрачныхъ опредѣленій. Изъ многаго выберемъ немногое.

Для Гербера отдѣленіе поэзіи отъ прозы наступило съ появлениемъ литературы; тогда то въ человѣчествѣ обнаружилось двойное стремленіе: съ одной стороны усвоить себѣ міръ, какимъ онъ кажется, представляется существующимъ, для чего точная прозаическая рѣчь давала самый подходящій способъ выраженія, съ другой—вообразить себѣ тотъ же міръ, какъ символъ, призракъ, *Schein* чего-то божественнаго, чему и послужила чувственно-образная рѣчь, рѣчь первобытнаго индивидуума, которая, подплакая и облагороженная, продолжаетъ существовать въ нашемъ языкѣ, *in der Sprache der Gattung*; это и есть языкъ поэзіи. — Отличие крайне сбивчивое: вѣдь нашъ языкъ вообще, языкъ обыденной прозы, представляетъ не суть міровыхъ явлений и объектовъ, а наше о нихъ пониманіе, то, что кажется, стало быть, *Schein*, и тотъ же *Schein* долженъ характеризовать и языкъ поэзіи; тамъ и здѣсь безсознательно-условная, символическая образность, несущественная и неощущимая болѣе въ одномъ случаѣ (проза), живая и существенная въ другомъ (поэзія). И что такое поэтический языкъ первобытнаго „индивидуума“? Если подъ поэзіемъ понять не индивидуальность, а особь, то вѣдь языкъ—явление соціальное, хотя бы и въ узкомъ пониманіи этого слова. Проза, какъ особые стиль и родъ, выдѣлилась на памяти литературы; какъ стиль, ся начала лежать за историческими предѣлами, хотя бы въ формахъ сказки.

Штейнталь несолько разъ обращался къ занимающему насъ вопросу, въ статьяхъ *Zur Stylistik, Poësie und Prosa, Ueber den*

Still. Дѣло шло о стилѣ, а категорія содержанія, поэтическаго или прозаического, постоянно вмѣшивалась въ рѣшеніе, и болѣе или менѣе раздѣльного результата не получалось.

И разберу второе изъ указанныхъ выше разсужденій.

Авторъ выключаетъ изъ своего разсмотрѣнія *дѣловую прозу*, противоположную искусству и наукѣ съ ихъ общими, теоретическими цѣлями. Подъ прозой разумѣется *научная проза* (за выключеніемъ научныхъ формулъ) въ *краснорѣчіе*, которое характеризуется, впрочемъ, какъ побочное, присталое (*anhängende Kunst*) искусство, тогда какъ поэзія всецѣло входитъ въ его область. Неясныя отношенія, въ которыхъ здѣсь поставлены поэзія и краснорѣчіе (ораторское искусство), напоминаютъ постановку этого вопроса у Аристотеля. До сихъ поръ мы въ области стиля: дѣло идетъ о поэтическомъ языкѣ и о языкахъ прозы, но прозы эстетической; тутъ и другой противополагается обыденной, дѣловой прозѣ (*Sprache des Verkehrs*), какъ вообще практикѣ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ они отличны другъ отъ друга. Отличие это обосновывается разборомъ цѣлей практической дѣятельности, искусства и науки, но это указываетъ уже на другой критерій: не стиля и изложенія, а содержанія. Изъ области эстетической прозы исключается всѣдѣствіе этого философія и наука, опирющіяся отвлеченіями и общими понятіями, ибо ихъ процессы радикально расходятся съ процессомъ искусства, то есть поэзіи: поэзія раскрываетъ идею изъ особи, въ частномъ явленіи (*im Einzelnen*), въ образѣ, науки вѣдаютъ только идеи, абстракціи. Иначе поставлены исторія или исторіографія по отношению къ эстетической прозѣ, но когда авторъ разбираетъ отличіе пріемовъ работы и характера творчества у историка и поэта, категорія стиля, изложенія снова смѣшивается съ категоріей содержанія. То же слѣдуетъ сказать и объ отдѣль, посвященномъ „*поэтической прозѣ*“. Разумѣются романъ и новелла и поднимается вопросъ, почему этотъ любимый въ настоящее время литературный родъ обходится безъ стиха. Авторъ видѣтъ въ этомъ обстоятельствѣ необходимую ступень въ развитіи поэзіи, постепенно спускавшейся на землю, къ темамъ индивидуальной, семейной и соціальной жизни. Такимъ образомъ мы узнаемъ стороною, что стихъ — принадлежность поэзіи, еще не спустившейся съ облаковъ.

Еще разъ возвращаясь къ языку науки, авторъ разбираетъ, насколько допустимы въ неї элементы красоты, красоты присталой, *anhängende Schönheit*, которую такъ опредѣляетъ: это форма, которая, пріятно дѣйствуя на чувства, проявляеть въ предметѣ, къ ко-

торому пристала, исключительно утилитарное назначение в цѣли. — Искусство, поэзия, подскажемъ мы, преслѣдуетъ, стало быть, не утилитарная цѣль, оно безкорыстно. Одно изъ старыхъ опредѣленій признаковъ художественного творчества, построенное на категоріи содержанія и цѣли.

Анализъ Штейнталя представляетъ много тонкихъ наблюденій и интересныхъ обобщеній, но лишь мало приноситъ къ разясненію занимающаго насъ вопроса. Поэзія орудуетъ образами, особями; ей свойственъ стихъ; ея красота — не пристала; что въ это понятіе входитъ и стиль, понятно изъ соображеній о присталой красотѣ въ научной прозѣ. Но что же такое красота поэтическаго стиля?

„Essay“ Спенсера о „философіи стиля“ подошелъ къ решенію вопроса съ другой точки зрѣнія: психо-физической и, если хотите, экономической. Дѣло идетъ не объ отличіяхъ поэтической и прозаической рѣчи, а о стилѣ вообще, но въ результатѣ получается нѣсколько данныхъ для обоснованія специального языка поэзіи.

Главное требованіе, которому долженъ отвѣтить хороший стиль — это экономизация вниманія со стороны слушателя или читателя; это требованіе опредѣляетъ выборъ словъ, ихъ распорядокъ въ рѣчи, ея ритмичность и т. д. Слова, которыя мы усвоили въ дѣствѣ, намъ болѣе внятны, легче сuggестивны, чѣмъ равновѣснѣе имъ, либо синонимы, съ которыми мы усвоились лишь позднѣе. Авторъ береть примѣры изъ англійскаго языка съ германскими и романскими элементами его словаря: первыи богатъ дѣтской языкомъ, вторые входятъ въ оборотъ уже въ періодъ окрѣпшаго сознанія. Оттого будто бы to think болѣе выразительно, чѣмъ to reflect; русской параллелью было бы сопоставленіе: думать и размышлять, размышленіе и рефлексія. Той же экономіи вниманія отвѣчаютъ краткія по объему слова, хотя авторъ оговоривается, что краткость не всегда отвѣчаетъ цѣли — быстро остановить вниманіе, скорѣе вызвать впечатлѣніе: порой многосложныя слова, эпитеты, уже въ силу своего объема (size) выразительнѣе своихъ болѣе краткихъ синонимовъ, ибо они даютъ возможность слушателю долѣе остановиться на свойствахъ возбужденного ими образа. Примѣры: magnificent — и grand, vast — и stupendous и т. п. По поводу той или другой категоріи словъ слѣдуетъ замѣтить, что соединенные въ одной парѣ далеко не равновѣснѣе, а вызываютъ при одномъ и томъ же понятіи неодинаковыя ассоціации; что синонимовъ въ сущности нѣть, если подъ этимъ словомъ разумѣть нѣчто тождественное, покрывающееся безъ остатка,

что если допустить сосуществование *to think* и *to reflect* въ оборотѣ дѣтской рѣчи, они отразили бы безсознательно иѣкоторый отг҃анокъ пониманія, хотя и не того, съ какимъ мы ихъ употребляемъ. Съ этой точки зрѣнія можно защитить введение иностраннѣхъ словъ, если они плодятъ ассоціаціи идеи, которыя свои, народные синонимы не вызываютъ.

Экономія вниманія отвѣчаетъ и ономатопеи: слова съ звуковой образностью. Если вы выразили абстрактныи, неживописныи словомъ пониманіе удара, паденія и т. и., мысль должна поработать, чтобы представить себѣ реальное впечатлѣніе самого акта; эта работа становится лишней, когда вы услышите: бацъ, трахъ! И въ Лету бухъ! По той же причинѣ конкретныи слова выразительнѣе отвлеченныхъ, ибо мы мыслимъ не отвлеченіями, а частностями и особенностями, и намъ стоять труда перевести отвлеченное выраженіе въ образное.

Тотъ же принципъ, какой руководилъ выборомъ словъ, привлѣгается и къ конструкціи, къ послѣдовательности рѣчи. Авторъ выходитъ изъ примѣра: англичанинъ, іѣмецъ, русскій говорять: ворона лошадь; французы, италіанцы: лошадь вороная, *cheval noir*. Произнеся слово „лошадь“, вы вызываете въ слушателѣ извѣстный ему образъ, но непремѣнно окрашенный, и окраинный случайно: вы можете себѣ представить гиѣдью лошадь, саврасую и т. д., ибо элементъ „вороной“ еще не задержалъ, не упрочилъ вашего вниманія; когда онъ выраженъ, вы удовлетворены въ случаѣ его совпаденія съ той окраской, которую вы дали вашему внутреннему образу, въ противномъ случаѣ вы начнете разрушать его, чтобы пристроить къ нему навязанное вамъ впечатлѣніе. Иначе при конструкціи „вороная лошадь“: вы получали темный, черный фонъ, готовый къ воспріятію тѣхъ контуровъ, которые вамъ подскажетъ слово „лошадь“. Это — экономія вниманія. Отсюда выводъ, опредѣляющій взглядъ Спенсера на идеальную конструкцію рѣчи: опредѣляющее раньше опредѣляемаго, нарѣчіе раньше глагола, сказуемое раньше подлежащаго, все, относящееся къ усненію первого и второго ранье ихъ самихъ; подчиненное предложеніе ранье главнаго и т. д. „Велика Эфесская Діана“, красавище и экономичнѣе обычнаго: Эфесская Діана велика. Другими словами: нормальной является обратная, косвенная конструкція рѣчи, она, въ сущности, — прямая. Разумѣется, она рекомендуется съ ограничіями: въ сложной фразѣ или сочетаніи предложенийъ, гдѣ другъ за другомъ накапливаются опредѣленія, а опредѣлимое яв-

ляется гдѣ-то въ концѣ, трудно бываетъ разобраться, слѣдить за послѣдовательностью накопленій, ввиду ожидаемой, невыясненной пока цѣли. Для этого надо извѣстное усиленіе ума, a greater grasp of mind; усиление вниманія; гдѣ же тутъ экономія? Слабому уму, a weak mind, такая конструкція не по силамъ: сложное сочетаніе мыслей онъ выразить именно сочетаніемъ, сопоставленіемъ подъ рядъ отдѣльныхъ частей цѣлаго, нѣсколькихъ предложеній; я сказалъ бы: не сподчиненіемъ частнаго цѣлому, а координаціей. Спенсеръ говоритъ, что именно такая конструкція свойственна дикимъ, либо не культурнымъ людямъ. Они скажутъ: Воды, дай мнѣ; либо: Люди, они таинъ были и т. д.

Вся аргументація Спенсера, поскольку мы ее прослѣдили, построена на двухъ посылкахъ: экономіи силы и паблюденія *terre-à-terre* надъ современными требованіями отъ стиля; оѣ, видимо, поддерживаютъ другъ друга, но забыть немаловажный, эволюціонный факторъ, столь дорогой Спенсеру, и немудрено, что построенное имъ зданіе оказывается призрачнымъ. Стиль долженъ быть яснымъ — для слушателя; авторъ, писатель, не принимается во вниманіе; правда, онъ пишетъ для слушателя, языкъ, равно, какъ и стиль — явление соціального порядка, и въ этомъ отношеніи постановка вопроса не грѣшитъ. Ясность стиля обусловлена сбереженіемъ усилий вниманія: это психофизическая посылка; вторая выходитъ изъ нея и вмѣстѣ подсказываетъ наблюденіемъ надъ эффектностью, или лучше аффективностью непрямой, обратной конструкціи: Велика Діана Эфесская! Отсюда общій выводъ, оказывающійся, однако, въ противорѣчіи съ принципомъ сбереженія вниманія: простые люди, дикари, любятъ координировать впечатлѣнія и формы ихъ выраженія. Это — первый фактъ, изъ отмѣченныхъ Спенсеромъ, вводящій насъ въ историческую эволюцію стиля, особенно поэтическаго, въ сравнительную исторію синтаксиса, начонецъ въ вопросѣ о психологическихъ или другихъ причинахъ тѣхъ сочетаній, которыми авторъ типически выразилъ въ формулахъ: ворона лошадь и — лошадь ворона.

Вопросъ объ экономіи вниманія этимъ не исчерпанъ: фигуры рѣчи, синекдоха, метонимія, simile, метафора — всѣ онѣ отвѣчаютъ тому же требованію конкретности, чтобы спасти насъ отъ необходимости безсознательно переводить абстракціи въ образныя формы. Достоинство стиля состоять именно въ томъ, чтобы доставить возможно большее количество мыслей въ возможно меньшемъ количествѣ словъ; словъ суггестивныхъ — по привычкѣ, звуконодражательному элементу. конкретныхъ; такъ подскажетъ всякий, сѣжившій за соображеніями

Спенсера. Здѣсь мы и подходимъ къ вопросу объ особенностяхъ поэтическаго стиля. Постоянное употребление словъ и формъ, выразительныхъ (forcible) сами по себѣ и по возбуждаемъ ими ассоциаціямъ, и даетъ въ результатѣ тотъ особый стиль, который мы называемъ поэтическимъ. Поэтъ употребляетъ символы, эффективность которыхъ подсказываетъ ему инстинктъ и анализъ. Оттуда отличие его языка отъ языка прозы: неконченные періоды, частая элизія, опущеніе словъ, безъ которыхъ проза не могла бы обойдтись. Особое впечатлѣніе поэтическаго языка объясняется тѣмъ, что онъ сгодується законамъ разумительной (effective?) рѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ подраздѣляетъ естественному выражению аффекта: если содержаніе поэзіи — идеализація аффекта, то ея стиль — идеализованное ею выражение. Какъ композиторъ пользуется кадансами, въ которыхъ выражаются человѣческая радость и симпатія, печаль и отчалие, и извлекаетъ изъ этихъ зародышей мелодіи, подсказывающія тѣ же, но возросшія ощущенія, такъ и поэтъ развиваетъ изъ типическихъ формулъ, въ которыхъ человѣкъ проявляетъ свою страсть и чувства, тѣ особыя сочетанія словъ, въ которыхъ повышенный (concentrated) страсть и чувство находятъ свое настоящее выраженіе.

Переходя къ ритму и рилемъ, мы не оставляемъ поэзіи — и принципа экономіи вниманія. Объясненіе ритма послужить оправданіемъ и риомъ. Неравномѣрно паносимые шаги удары заставляютъ насъ держать мысклы въ излишнемъ, порой не нужномъ напряженіи, потому что повторенія удара мы не предвидимъ; при равномѣрности ударовъ мы экономизируемъ силу. Вотъ объясненіе ритма.

И такъ: поэзія употребляетъ выразительныя, конкретныя слова, вызывающія ассоциацію; инверсія и опущенія — въ ея обиходѣ. Все это, по Спенсеру, требованія стиля вообще, не поэмынаго. Поэтическому свойственны ритмъ и риома; по замѣчено, что тотъ и другая встрѣчаются и въ прозѣ, вторая болѣе спорадически, чѣмъ первый. Повышенность поэтическаго содержанія и аффекта объясняется идеализаціей аффекта. Аффектъ, повышенность нерѣдко отмѣчаются, какъ особыя свойства поэтическаго языка; такъ напримѣръ, у Кардуччи: миѣ кажется, говорить онъ, что, въ сравненіи съ прозой, поэзія, какъ искусство, и со стороны формы зиждется на посмѣшномъ, по крайней мѣрѣ, на одинъ градусъ, *настроеніи* (intonazione), ибо она предполагаетъ особое расположение духа въ творящемъ и воспринимающемъ, что и даетъ въ результатѣ тотъ художественный феноменъ, который мы зовемъ поэзіей, въ отличіе отъ другаго такого-же

феномена артистической прозы.—Въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о стилѣ. Относительно повышенной „интонаціи“ напомню слова Бурже по поводу парнасцевъ: вслѣдъ аффектъ повышаетъ выраженіе, но не всякое словесное выражение аффекта есть неизменно поэзія. Графъ Левъ Толстой (Что такое искусство?) не принялъ во вниманіе очевидности этого факта, когда главнымъ свойствомъ искусства призналъ „зараженіе“ другихъ тѣмъ чувствомъ, которое испытала самъ художникъ. „Видъ самого некрасиваго страданія можетъ сильношимъ образомъ заразить часть чувствомъ жалости или умиленія и восхищенія передъ самоотверженіемъ или твердостью страдающаго“. При чёмъ тутъ искусство? Искренность и сила аффекта всегда заразительны въ художественномъ ихъ выраженіи.

II.

Основы поэтическаго языка тѣ же, что и языка прозы: та-же конструкція, тѣ же риторическія фигуры синекдохи, метономіи и т. п.; тѣ-же слова, образы, метафоры, эпитеты. Въ сущности, каждое слово было когда-то метафорою, односторонне-образно выражавшей ту сторону или свойство объекта, которая казалась наиболѣе характерною, показательною для его жизненности. Обогащеніе нашего знанія объекта выясненіемъ другихъ его признаковъ совершалось на первыхъ порахъ путемъ сопоставлениія съ другими, сходными или несходными объектами по категоріямъ образности и предполагаемой жизнодѣятельности. Таковы основы того процесса, который я называлъ психологическимъ параллелизмомъ: въ сопоставлениі предметы взаимно освѣщались, выяснялись и нѣкоторые общія понятія, переносящіяся на оцѣнку новыхъ явленій, входившихъ въ кругозоръ. Чѣмъ шире становился кругъ сопоставлений, чѣмъ чаще ассоціациі по отдельнымъ признакамъ, тѣмъ полнѣше наше пониманіе объекта въ безсознательномъ противорѣчіи съ односторонне-графическимъ опредѣленіемъ слова—метафоры. Когда мы произносимъ слово: домъ, хата и т. п., мы соединяемъ съ нимъ какой-то общій комплексъ признаковъ (строение, назначенное для жилья, огороженное пространство и т. п.), который каждый дополняетъ согласно съ собственнымъ опытомъ; но если мы говоримъ не объ изѣбствомъ намъ домѣ, образъ которого почему бы то ни было запечатлѣлся въ нашей памяти, намъ дорогъ, а о домѣ вообще, о паймѣ дома и т. п., очертанія того, что мы обозначаемъ этимъ словомъ, намъ не присущи, мы ихъ себѣ не представ-

ляемъ. Слово стало носителемъ понятія, вызываетъ только ассоціацію понятій, не образовъ, которые могла бы вызвать новый сопоставленія съ другими образами и новые перспективы обобщеній. Въ результатѣ— объединеніе ассоціацій реально-живописныхъ и психологическихъ. Языкъ поэзіи, подновляя графіческій элементъ слова, возвращаетъ его, въ извѣстныхъ границахъ, къ той работѣ, которую когда-то продѣлалъ языкъ, образно усваивая явленія вицѣнаго міра и приходя къ обобщеніямъ путемъ реальныхъ сопоставленій. Всѣ мы, не поэты, способны, въ минуты аффекта, печального или веселаго, вживаться въ формы реальности, видимой или вызванной фантазіей, воспоминаніемъ, и отъ ея образовъ увлекаться къ новымъ видѣніямъ и обобщеніямъ. Но это явленіе спорадическое; въ поэзіи это органическая принадлежность стиля. Какъ она выработалась?

Начну съ музыкального элемента. Онъ присущъ звукамъ языка, мы его ощущаемъ, порой ищемъозвучій. Фонетика слова бываетъ показательна сама по себѣ, парнасы зашли слишкомъ далеко въ своеиъ пониманіи его звукового элемента, но психофизика (Фехнеръ) не отрицаєтъ самого факта. При музыкальномъ исполненіи эта сторона рѣчи должна была сказываться ярче; въ поэзіи родилась и долгое время существовала совмѣстно съ пѣніемъ.

Съ пѣніемъ, упорядоченнымъ ритмованной пляской.

Ритмъ, равномѣрная послѣдовательность движений, ударовъ и т. д., принадлежитъ къ органическимъ условіямъ и требованіямъ нашего физіологического и психического строя; на этомъ фонѣ развились и его позднѣйшія эстетическая цѣли. Экономія вниманія, о которой говорить Стенсеръ по поводу стиля, есть экономія силы; разбросанные во времени удары, разбрасываются и усиливая, употреблены для ихъ отраженія, равномѣрность напряженія сохраняетъ ихъ, нормируя размахъ и отдыхъ. Изданія изглѣстныи пѣсни, сопровождающія въ народѣ физіческій трудъ, совпадающія съ его кадансомъ и поддерживающая его: такова наша дубинушка, пѣсни египетскихъ женщинъ за ручнымъ жерновомъ, сардинскихъ крестильнъ на молотьбѣ и т. п.¹⁾). На степени, видимо, болѣе отдаленной отъ требованій чисто физіологического порядка,—наша любовь къ параллельно построеннымъ формуламъ, части которыхъ объединены одинаковыми на-дешемъ ударенія, иногда поддержаныиъозвучіемъ (броталеотомъ),

¹⁾ Си. мартовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пром.*, за текущій годъ, стр. 75—76.

риемой или аллитерацией и содержательно-психологическим параллелизмом членовъ предложенія. Примѣры: Ueber Stock und Stein; особенно часто въ старо-германскихъ юридическихъ формулахъ: toe grée ende grónð, toe séttin, toe héllen; mit téle and with réthe; веरтится, какъ бѣсъ, и повернка въ альсѣ (сорока); не ссыпайся травы съ поветкой, не ссыпайся молодецъ съ дѣвицей и т. п. Въ пѣснѣ, ритмованной сплошь подъ тактъ пляски, такого рода созвучія могли повторяться чаще; оттуда явленіе риѳмы; ея особое развитіе въ романской поэзіи могло быть поддержано влияніемъ и искусственной риторической прозы, унаследованной у классиковъ средневѣковою проповѣдью, но это не измѣняетъ вопроса генезиса. Удареніе выдвигало извѣстные слова надъ другими, стоявшими въ интервалахъ, и если такія слова представляли еще и содержательное соотвѣтствіе, то, что я разобралъ подъ названіемъ „психологического параллелизма“, къ риторической связи присоединялась и другая.

Такъ выдѣлялись формулы, пары или группы словъ, объединенныхъ отношеніями не только акта, но и образовъ и вызываемыхъ ими понятій. Формулы могли быть разнообразны; полюбились тѣ, которые были или казались суггестивны; отъ нихъ вошло дальнѣйшее развитіе. Соколъ унесъ лебедь бѣлую, молодецъ увезъ, взялъ за себя дѣвушку: вотъ схема, части которой объединены параллелизмомъ образовъ и дѣйствій; разномѣрное наденіе ритма должно было закрыть совпаденіе сокола—молодца, дѣвицы—лебеди, унесъ—увезъ, и т. д. Части этой формулы и другихъ, ей подобныхъ, такъ крѣпки другъ другу, такъ соприступи сознанію, что одна часть можетъ идти за другую: соколъ—лебедь можетъ вызвать представленіе о молодцѣ и дѣвушкѣ; соколъ становится показателемъ молодца, жениха; либо части схемы сливаются такъ причудливо, что дѣйствіе или образы одной переносятся въ другую, и наоборотъ. Такъ изъ психологического параллелизма, упроченнаго ритмическими чередованіемъ, развились символы и метафоры чисто-поэтическаго языка, и становится понятнымъ специальный источникъ его образности. Она должна была поднять вообще образный элементъ слова тамъ, где онъ уже успѣлъстереться въ обыкновѣ обыденной, немѣрной рѣчи: оживали въ новомъ окруженіи старыя слова—метафоры; облизѣ эпитетовъ, давно отмѣченное какъ признакъ поэтическаго стиля, отѣбачаетъ тому же требованію: изъ словъ подчеркивались реальная черты образа или одна какая-нибудь черта, которая выдѣляла его и часто становилась неотдѣлимой отъ слова.

Основы поэтическаго стиля—въ послѣдовательно проведенномъ и

постоянно действовавшемъ принципѣ ритма, упорядочившемъ психологически-образныя сопоставленія языка; психологической параллелизмѣ, упорядоченный параллелизмомъ ритмическимъ.

Наблюденія надъ пѣснями разныхъ народовъ, стоявшихъ въ круга обюдныхъ вѣцъ, приводятъ къ заключенію, что нѣкоторыя простѣйшия поэтическія формулы, сопоставленія, символы, метафоры могли зародиться самостоятельно, вызванныя тѣми же психическими процессами и тѣми же явленіями ритма. Сходство условій вело къ сходству выраженія; отличія бытовыхъ формъ, фауны и флоры и т. д. не могли не отразиться на подборѣ образовъ, по качеству отношеній, источникъ символизма, являлись тѣ же. Гдѣ не знали сокола, другой хищникъ могъ быть символомъ жениха, девушки—другимъ цвѣткомъ тамъ, гдѣ не цвѣтетъ роза.

Если относительно легко представить себѣ условія зарожденія поэтическаго стиля, то исторію его древнаго развитія и обобщенія можно построить развѣ гипотетически. Можно представить себѣ, что гдѣ-нибудь, въ обособленной мѣстности, въ небольшой группѣ людей, раздается, пляшется и ритуируется простѣйшая пѣснь и слагаются зародышины формы того, что мы называемъ впослѣдствіи поэтическимъ стилемъ. То же явленіе повторяется, самозарождается пососѣдству, на разныхъ пунктахъ того же языка. Мы ожидаемъ общенія пѣснѣ, сходныхъ по бытовой основѣ и выражению. Между ними проходитъ подборъ, содержательный и стилистический; болѣе яркая, выразительная формула можетъ одержать верхъ надъ другими, выражавшими тѣ же отношенія, какъ, напримѣръ, въ области гномики одно и то же нравственное положеніе могло быть выражено различно, а поправилось въ одной или двухъ схемахъ-пословицахъ, которыхъ и удержались. Такъ на первыхъ же порахъ изъ разнообразія областныхъ пѣсенныхъ образовъ и оборотовъ могло начаться развитіе того, что въ смыслѣ поэтическаго стиля мы можемъ назвать хоунѣ: таковъ стиль ювійскаго эпоса и дорійской хоровой лирики, диалогическая форма которой осталась обязательными для хоровыхъ партій аттической драмы V-го вѣка. Такъ слагался, изъ общенія говоровъ, и тотъ средній, центральный языкъ, которому суждено было направиться, при благопріятныхъ историческихъ условіяхъ, къ значенію литературнаго языка. Слѣдуючию признѣры касаются отношенія діалектовъ къ литературному хоунѣ, но освѣщаются и поставленный мною вопросъ: какъ обобщался поэтический стиль?

Уже И. Гриммъ, Гофманъ и Невель, а въ послѣднее время Бѣк-

кель и фонъ Гауфенъ обратили внимание на иѣкоторыя съ виду загадочныя явленія въ области западной народной пѣсни: народъ поетъ не на своихъ діалектахъ, а на литературномъ языке, либо на языке, новшествомъ, близкомъ къ литературному. Такъ въ Германіи, во Франціи, Австріи. Гофманъ объяснялъ это психологически: какъ народъ въ своихъ пѣсняхъ стремится въ сферу болѣе высокихъ чувствъ и міросозерцанія, возвышающаго его падъ прозаической дѣйствительностью, предпочитаетъ сѣдую древность своей неприглядной дѣйствительности, охотнѣе общается съ сказочными королями, маркграфами и рыцарями, чѣмъ съ своимъ братомъ, такъ и въ языке пѣсенъ онъ старается возвыситься надъ уровнемъ своего житейского говора. Иподобное мнѣніе высказывалъ Шанфлѣри, характеризуя языкъ французскихъ пѣсень: пѣвецъ, творящій пѣсню, ярко сознаетъ свою личность и для выраженія этого самосознанія выбираетъ и особую, оттѣняющую его форму, которую находитъ въ языке культурного класса,— Bockel видѣть въ этомъ выборѣ естественное желаніе поднять серьезную пѣсню, напримѣрь балладу, на высоту ея содержанія, котораго не выразить въ формахъ діалекта: діалекты слишкомъ не патетичны.

Наблюденія надъ языкомъ пѣсни оттѣняются наблюденіями надъ стилемъ сказки. Тогда какъ французскія сказки сказываются на діалектахъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ употребляется литературный языкъ, въ пѣсняхъ наблюдается обратное явленіе, и не только во Франціи, но и въ Норвегіи (но замѣчанію Мое) и на Литвѣ. Языкъ литовскихъ сказокъ сильно отличается отъ пѣсенного, говорить Бругманъ: послѣдній держится, такъ сказать, высокаго стиля, словарь и грамматика во многихъ случаяхъ разнятся отъ обычной разговорной рѣчи, суффиксы не даютъ возможности заключить о характерѣ мѣстныхъ говоровъ.

Мнѣ уже привелось коснуться повышенного „литературного“ языка народной пѣсни, и я поставилъ себѣ вопросы, не рѣшилъ ихъ: въ какихъ пѣсенныхъ областяхъ особенно проявляется эта склонность, или и не проявляется вовсе? Она казалась мнѣ понятною въ балладахъ, въ любовныхъ пѣсняхъ, переселяющихся изъ одной провинціи въ другую и перѣдко обличающихъ влияніе города; иное мы ожидаемъ отъ пѣсень дѣтскихъ, обрядовыхъ и т. п.¹⁾. Новѣйшія наблюденія подтверждаютъ эту точку зрѣнія, открывая и новыя.

¹⁾ Си. Новые книги по народной словесности, Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія ч. CCXLIV. отд. 2, стр. 172.

Оказывается, что въ областяхъ, отдѣленныхъ отъ большой исторической дороги, либо жившихъ когда то самостоятельную политическую жизнью, въ иѣсцѣ господствуютъ мѣстные діалекты: такъ въ Дитмаршѣ, у семиградскихъ иѣцевъ, въ швѣмецкихъ же поселеніяхъ, включенныхъ въ иноязычную среду, напримѣръ въ Kuhlandchen, въ Италии, Провансѣ, Гаскони. Иначе въ средней Германіи и на Рейнѣ: здѣсь уже съ XV-го вѣка происходило пѣсенное общение между отдѣльными областями, и діалекты настолько сближались, что усвоение народомъ пѣсни на общемъ-литературномъ языкѣ не представляло особыхъ затрудненій. Либо наблюдается отличие по категоріямъ иѣсень: въ Нормандіи, Шампани, въ области Меца и французской части Бретаніи иѣсни не обрядового, балладного и т. п. характера поются на общефранцузскомъ языке, тогда какъ другія, раздающіяся во время празднествъ, процессій — на діалектахъ; при этомъ интересно отмѣтить, что древнія и наиболѣе поэтические пѣсни послѣдней категоріи, напримѣръ майскія, также отличаются общефранцузскимъ типомъ языка, тогда какъ новыя и болѣе грубые предпочитаютъ мѣстный говоръ. Въ Швабіи, Баваріи, Фойтландѣ импровизованныя четверостишия, иѣсни на случай, сатирическія, принадлежать діалекту, большинство другихъ поются на языкахъ, близкомъ къ литературному.

Мнѣ думается, что эти факты можно обратить къ осмыслиенію занимающаго нась вопроса: объ образованіи народно-поэтическаго холуѣ. На большихъ историческихъ дорогахъ и вообще въ благопріятныхъ условіяхъ сосѣдства и взаимныхъ вліяній діалекты общались, сближались формы и словарь, получалось вѣчно среднее, дѣйствительно шедшее на встрѣчу литературному языку, когда онъ сложился въ томъ или другомъ центрѣ и сталъ районировать. Общались въ тѣхъ же условіяхъ и пиродныя областные пѣсни, и я объясняю этимъ общееніемъ подборъ и выборъ тѣхъ мелкихъ стилистическихъ формъ и приемовъ, которые мы предположили самозаражающимися въ началѣ всякой поэзіи. Такъ сложились, выдѣлившиися изъ массы частныхъ явлений, основы болѣе общаго поэтическаго стиля; его образность и музыкальность повышали его падъ перитмованнымъ просторѣчіемъ, и это требование новшества осталось въ сознаніи, даже когда выражалось нераціонально: французская и швѣмецкая иѣсни на „литературномъ“ языкѣ могли быть зачесаны изъ города и сохранить лингвистическую окраску центральнаго, не мѣстнаго говора, но могли и впервые сложиться въ его формахъ, потому что для западнаго крестья-

нина языкъ горожанъ, литературный, естественно казался чѣмъ-то особымъ, повышающимъ нѣспю надъ сѣрымъ колоритомъ діалекта.

Повышенный языкъ литовскихъ пѣсень въ сравненіи съ сказками, исключаетъ ли возможность литературныхъ воздействи? Специалистамъ рѣшить, чѣмъ объяснить это отличие: повышениемъ-ли пѣсенного языка и стиля надъ окружающими говорами, или арханизмомъ. Сказка болѣе свободна, постоянныя формулы являются враздробь, не связывая изложенія; изъ пѣсни, говорять, слова не выкинешь, что не справедливо, но формула крѣпче держитъ въ ней слово подъ охраной ритма.

Остановлюсь мимоходомъ на отношеніяхъ обрядовой—діалектической и балладной, литературной пѣсни. Языкъ второй—продуктъ общенія, языкъ первой крѣпокъ мѣстному обычая, формамъ быта, довѣряющимъ самимъ себѣ, не переносимъ, потому что они коренятся въ жизни. Можно-ли заключить изъ этого, что и соотвѣтствующія поэтическія формулы не переносились изъ одного района въ другой, гдѣ существовали тѣ-же условія быта? Я говорю о формулахъ иѣсколько сложныхъ, о которыхъ нельзя поднять вопросъ самостоятельнаго зарожденія. Они также могли переноситься, оттѣснивъ другія, сходныя и водворяясь въ переходныхъ и новыхъ формахъ языка, участвуя въ томъ общеніи, которое приводило постепенно къ поэтическому хоцю. Такъ иѣкоторые запѣвы проходять по всѣмъ говорамъ русскаго и польскаго языковъ, повторяясь и видоизмѣняясь. Гдѣнибудь они слышались впервые и повліяли заразительно. Если символъ овладѣвающей любви—срываніе цвѣтка объясняется самозарожденіемъ, то запѣвы: Зеленая рутонька и т. д., раскинувшись далеко, дѣло зараженія, то-есть общенія мѣстныхъ поэтическихъ стилей.

III.

Чѣмъ болѣе расширялись границы общенія, тѣмъ болѣе накоплялось матерьяла формулъ и оборотовъ, подлежащихъ выбору или устраниенію, и поэтический хоцю обобщался, водворяясь въ болѣе широкомъ районѣ. Его отличительная черта—это условность, выработавшаяся исторически и безсознательно обязывающая насъ къ одному и тѣмъ же или сходнымъ ассоціаціямъ мыслей и образовъ. Ихъ ряда эпитетовъ, характеризующихъ предметъ, одинъ какой-нибудь выдѣлялся какъ показательный для него, хотя-бы другіе были не менѣе показательны, и поэтический стиль долго шелъ въ колеяхъ этой услов-

ности, въ родѣ „бѣлой“ лебеди и „сирияхъ“ волнъ океана. Изъ массы сопоставлений и перенесений, выразившихся уже въ формахъ языка, отложившихся изъ психологического параллелизма пѣсни, впослѣдствіи обогащенныхъ литературными клиньями, отобрались искаженные постоянные символы и метафоры, какъ общія мѣста хоцѣтъ, съ болѣе или менѣе широкимъ распространениемъ. Таковы символы птицъ, цветовъ - растеній, цветовъ - красокъ, наконецъ чиселъ; упомяну лишь о широко распространенной любви къ троичности, къ трихотоміи. Таковы простѣйшія метафоры: зелень - молодѣть, тучи - враги, битва - молотьба, вѣличье, пиръ; трудъ - печали; могила - жена, съ которой убитый молодецъ на пѣки обручился и т. д. Сопоставленія народной пѣсни, въ которыхъ образы вышешей природы символически чередуются съ человѣческими положеніями, отличались въ условность средневѣковаго иѣмецкаго *Natureingang*. Источникомъ другаго рода общихъ мѣстъ являлись повторенія, объясняемыя захлѣпами пѣсенаго исполненія; реторические приемы, свойственные возбужденной рѣчи, какъ, напримѣръ, изъ южно-славянскихъ, мало-русскихъ, новогреческихъ, иѣмецкихъ пѣсняхъ формула вопроса, вводящая въ изложеніе, часто отрицающая вопросъ: *Wo ist bei und gori zeleno?* *Was doch si ab frem baubet?* *Was zog ir abe vom finger?* и т. п. Къ общимъ мѣстамъ относятся формулы: вѣнчихъ сновидѣній, похвальбы, проклятія, типическія описанія битвы; все это нерѣдко тормозитъ развитіе, но принадлежитъ къ условностямъ народной поэтики. Условность классическихъ и псевдоклассическихъ жанровъ не отличается по существу; протестъ романтиковъ во имя болѣе свободныхъ формъ народной пѣсни въ сущности обратился отъ одной условности къ другой.

Когда въ поэтическомъ стилѣ отложились такимъ образомъ извѣстные кадры, ячейки мысли, ряды образовъ и мотивовъ, которымъ привыкли подсказывать символическое содержаніе, другіе образы и мотивы могли находить себѣ мѣсто рядомъ съ старыми, отвѣчая тѣмъ же требованіямъ суггетивности, упрочиваясь въ поэтическомъ языкѣ, либо возвращаясь не надолго подъ вліяніемъ переходнаго вкуса и моды. Они вторгались изъ бытовыхъ и обрядовыхъ переживаний¹⁾, изъ чужой пѣсни, народной или художественной, наносились литературами вліяніями, новыми культурными течениями, опредѣлявшими,

¹⁾ См. арфъльскую книжку *Журн. Мик. Нар. Просв.* за текущій годъ, стр. 252.

вмѣстѣ съ содержаніемъ мысли, и характеръ ея образности. Когда христіанство подняло цѣнность духовной стороны человѣка, прини- зивъ плоть, какъ что-то грѣховное, подвластное князю міра сего, попытіе физической красоты потускнѣло и повышалось лишь подъ условиемъ одухотворенія; вмѣсто яркихъ эпитетовъ должны были явиться полутоны: color di perla—окраска жемчужины—таково впечатлѣніе красавицы у Данте и въ его школѣ. — Къ символамъ, выработаннымъ на почвѣ народно-поэтической психологіи, подошли другіе, навѣянные христіанствомъ, подсказанные отраженіями Александрийскаго „Физіолога“: солнечный лучъ, проникающій сквозь стекло, не разрушая и не видоизмѣняя его, сталъ иносказаніемъ дѣлственнаго зачатія; пошли въ оборотъ взятая изъ тѣхъ-же источниковъ аллегоріи феникса, василиска, слона, который, разъ упавъ, не въ силахъ подняться безъ помощи другихъ, тотчасъ-же являющихся на его ревѣ; оленя, который, будучи раненъ, все-же возвращается на зовъ охотника; исникапа и саламандры, пантеры, привлекающей заѣръ своимъ сладостнымъ ароматомъ; классическая легенда дали образы Нарцисса, Пелея, копье котораго врачевало напесенные имъ-же раны и т. п. Средневѣковая поэзія наполнилась такими символами, которыми кадры были открыты мѣстной выработкой поэтическаго стиля. И въ то-же время старые, пародные символы стали служить выражению новаго содержанія мысли, насколько оно вязалось съ болѣе древнимъ. Пѣтухъ вездѣ вѣстникъ утра, сминающаго ночь, бдительности; когда запоетъ пѣтухъ (рѣполовъ и т. д.), недалеко и до утра, поется въ одномъ Schnaderhüpfel; какъ вѣстникъ утра, онъ будитъ; въ христіанскомъ освѣщеніи онъ сталъ символомъ Христа, зовущаго отъ ирака къ свѣту, отъ смерти къ жизни. Воронъ вѣщаетъ что-то недобroe; въ библейскомъ разказѣ о потопѣ и въ попималіи христіанства онъ показатель опредѣленнаго злого начала: онъ—дьяволъ, голубь—Св. Духъ. Кукушка приноситъ весну, веселье (такъ у румынъ, нѣмцевъ и пр.), но она-же кладетъ яйца въ чужія гнѣзда; и вотъ румыны разказываютъ, что кукушка измѣнила куку, слюбившись съ соловьемъ, и съ тѣхъ поръ ищетъ его и жалобно кличетъ; оттуда у нѣмцевъ рядъ новыхъ значеній: кукушка, Gouch—дурень, блудникъ, бастардъ, обманутый мужъ, паконецъ эвфемизъ вмѣсто чорта; ея прилетъ сулитъ несчастіе.

Статистика общихъ мѣстъ и символическихъ мотивовъ поэтическаго стиля, возможно широко поставленная, дала бы намъ возможность приблизительно опредѣлить, какие изъ нихъ, простые и далеко

распространенные, могутъ быть отнесены къ формуламъ, вездѣ одинаково выразившимъ одинаковый психический процессъ, въ какихъ границахъ держатся другіе, не вліяя и не обобщаясь, показатели мѣстного или народнаго пониманія; въ какой мѣрѣ, наконецъ, и на какихъ путяхъ литературныя видѣнія участвовали въ обобщеніи поэтическаго языка. Въ такой статистикѣ всегда будуть недочеты. Явятся и новые категоріи вопросовъ, по которымъ распредѣлится материалъ; смышенія и переходныя степени, опредѣленный лишь частичнымъ анализомъ. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Древняя и народная поэзія любила выражать аффекты дѣйствиемъ, внутренній процессъ видѣніемъ. Человѣкъ печалится—падаетъ, клонится долу; сидитъ, пригорюнившись. *Сидѣніе*, и именно *на камнѣ*, стало формулой грустнаго, тихо-вдумчиваго настроенія. Такъ у Вальтера фонъ деръ Фогельвейде; онъ призадумался, какъ соединить несоединимое, честь съ богатствомъ и милостью Божіей:

Ich saz uf elme steine
Und dahte boin mit beine,
dar uf sast ich den ellenbogen;
ich hete in mine hant gesotgen
das kinne und ein min wange.

Въ нашихъ пѣсняхъ дѣвушка сидѣть на камнѣ, плачетъ, что не видитъ милаго; или:

По утру ранешенько, на зарѣ,
Щеботала ласточка на дворѣ,
Всплакала дѣвонюшка на морѣ,
На бѣломъ, горючемъ на камнѣ;

иначе:

Ой на морѣ каминъ мармуровый,
На пимъ сидѣть хлопецъ чернобровый,

горько ему на сердцѣ, онъ „гадоньку думайе“, нѣть у него „дружинъ“. Мармуровый камень—это „мраморный“ камень, marmelstein, pietra marmorea западныхъ заговоровъ и суевѣрныхъ молитвъ: на немъ сидѣть Богородица, І. Христосъ и т. д.

Вдали отъ своихъ, отъ милой, человѣкъ ловить всякий образъ, всякую реальную связь, видимо протягивающуюся отъ него на далекую чужбину. Летѣть ли съ той стороны птицы, или тянутся венрепицей облака или вѣеть вѣтеръ—они вѣсть подаютъ. Такъ у Вернарда de Ventadorn (Quan la douss' auge vent) и въ Lai de la Dame de Fayel:

E' quant cole douce ore vente,
 Qui vient de col douz pais
 Ou est cil qui m'atalente,
 Volontiers i tour mon vis;
 Adone m' est vis que j'el sento
 Par desouz mon mantian gris.

Птицу, вѣтеръ посыпаютъ съ вѣстями, наказываютъ съ ними поклонъ, пожеланія; на Мадагаскарѣ въ этой роли является облако; въ нѣмецкихъ, испанскихъ, баскскихъ, шотландскихъ, финскихъ, новогреческихъ, персидскихъ пѣсняхъ—вѣтеръ. „Вей, вѣтеръ, вей, понеси отъ меня вѣсточку въ Сакину, въ Астрabadъ, поется на южномъ берегу Каспія, обойми ее своими крыльями, прижмись грудью къ груди“. Птица—вѣстникъ принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ мотивовъ народныхъ пѣсень.

Образъ птицы встрѣтится намъ въ группѣ формулъ, типически отвѣчающихъ разнымъ стадіямъ любви. Отвлеките отъ народной лирической пѣсни ея, часто несложный сюжетъ, и въ остаткѣ получится условная символика языка (любить—склониться, виться, пить, замутить, топтать, срывать и т. д.), результатъ психологического процесса, и столь-же условные формулы — положенія, результатъ стилистическихъ наслоеній.

Начну съ а) формулы желанія: О еслибы я была (была) бы птичкой, полетѣть (полетѣла) бы и т. д.; Wenn ich ein Voglein wär, so geht ihr Gesang — Tage lang, halbe Nächte lang (Goethe, Faust, I Th., v. 2963—4).

Такъ выражается въ цѣломъ рядъ пѣсень (русскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, новогреческихъ, бретонскихъ) желаніе повидать далекую милую, свою сторонушку.

Въ нѣмецкой пѣснѣ молодецъ желалъ бы быть соколомъ, чтобы полетѣть къ любимой дѣвушкѣ, дѣвушка лебедемъ, дабы отецъ и мать не дознались, куда она удалилась;

Ah! si j'étais belle alouette grise,
 Je volerais sur ces mûrs de navire

(франц. пѣсня). Случайно мѣ попалась подъ руки относящаяся сюда пѣсня гребенскихъ козаковъ, судя по стилю, едва-ли изъ старинныхъ:

Кабы я та была на вольная пташничка,
 На вольная пташечка—салавеюшка,
 Куда здумала-бѣ, полетѣла-бѣ,

полетѣла бы въ чистыя поля, въ темный лѣсъ, къ синю морю, сѣла бы на березу; стой, бѣлая березопѣка, не шатайся,

Дай-же мнѣ, вольной шашички, насидаца,
На всѣ четыри староушки поглядѣца,
Которая та старушка изъ всѣхъ вислая,
Ва той та старушка мой другъ разлюбезный

Такого рода формула, поставленная въ запѣвѣ, могла дать поводъ къ различному развитію. Такъ напримѣръ, въ одной нѣмецкой пѣснѣ:

*Wer ich ein wilder Falke, so wolto ich mich schwingen auf,
Ich volt mich niederlassen auf eines reichen Schuhmachers Haus.*

Это вводить въ разказъ о похищениіи красавицы.

Наброски этого мотива встрѣчаются у классиковъ, въ разныхъ примѣненіяхъ: если у Еврипида (Финикианки 163 слѣд.) Антигона желала бы перенестись быстролетнымъ облакомъ, чтобы обнять своего брата, то въ Федрѣ (782 слѣд.) желаніе хора другое: перелетѣть стаей итицъ къ берегамъ Эридана и садамъ Гесперидъ, гдѣ зреютъ золотыя яблоки.

Примѣровъ изъ новой поэзіи много — вариаціи на старую тему; напомни хотя бы пьесу г. Лохвицкой: Еслибъ счастье мое было вольнымъ орломъ (чуднымъ цвѣткомъ, рѣдкимъ кольцомъ).

Формула желанія нашла и другое выраженіе, крайне разпообразное и, видѣтъ, сходное по замыслу. Влюбленный жадаетъ на этотъ разъ не то что перенестись къ милой, а быть чѣмъ-нибудь при ней, въ ея близи и окруженіи, подъ ея рукой. „О еслибъ я могъ висѣть золотой серыгой въ твоихъ ушахъ! Я наклонился бы и поцѣловалъ тебя въ твою румяную щечку“! Съ этимъ индійскимъ четверостишиемъ сравните греческій сколій: „О еслибъ я былъ прекрасной лирой изъ слоновой кости, дабы красивые юноши попесали меня въ торжественной плясѣ Диониса! Еслибъ быть мнѣ золотымъ треножникомъ, и несла его въ своихъ рукахъ пѣломудрая красавица“! У Феокрита влюбленный обращается къ Амараллайдѣ: будь я пчелкой, я проскользнула бы къ тебѣ въ гротъ сквозь папоротники и плющъ. Въ антологической пьесѣ Ріана онъ завидуетъ дрозду, которого поймалъ и держитъ въ рукахъ его любимецъ Дексіоникъ: онъ желалъ бы быть на мѣстѣ итичеки, стонать и проливать слезы. Это напоминаетъ воробышка Лесбіи у Катулла. „О еслибъ я былъ западнымъ вѣтромъ, а ты, палима солнцемъ, распахнула бы грудь мнѣ на встрѣчу; быть бы мнѣ розой, а ты сорвала бы ее своей рукой и

положила бы ее, пурпурную, на свою грудь". Такъ въ одной античной пьесѣ того-же характера; въ другихъ греческихъ чередуются и накапливаются другіе образы: влюбленный желалъ бы быть источникомъ, изъ которого его милая утоляеть жажду, оружіемъ, которое она носить на охотѣ, небомъ, съ его множествомъ звѣздъ-очей, чтобы всѣми наглядѣться я пее, звѣздочку. „Желалъ бы я быть зеркаломъ, чтобы ты глядѣлась въ меня, сорочкой, чтобы ты меня носила; готовъ обратиться въ воду, которой ты моешься, въ мишуру, которой умашаешь себя; въ платокъ на грудь, въ жемчужину на шею, въ сандалью, чтобы ты попирала меня своими ножками".

Такого рода элленистическая формулы перешли къ Овидію, вызвали византійскія подражанія; они знакомы и новымъ поэтомъ, Гейне. Мицкевичу:

Когда-бы я лентой стала, что золотомъ играетъ
На дѣственномъ чѣлѣ твоемъ,
Когда-бы одеждой стала, что перси облекаетъ
Твои воздушныи полотномъ,
Я-бы сердца твоего біенъямъ взять старался,
Отвѣта иѣть-ли моему,
Съ твоему бы грудью я и падаль и вздымался,
Дыханью вѣрный моему.
Когда-бы я въ вѣтерокъ крылатый превратился,
Что дышать, ясный день любя,
Отъ лучшихъ бы цветовъ въ пути я сторонился,
Ласкаль бы розу къ тебѣ

(пер. Бенедиктова).

Тѣ же мотивы встрѣчаются и въ народной пѣснѣ, что указываетъ на происхожденіе самой схемы. „Зачѣмъ я не шелковый платочекъ, покрываль бы я ея щечки подъ алымъ ротикомъ!", поэти въ XIII вѣкѣ Нейдгарть, очевидно, разрабатывая народный мотивъ: когда покрываль бы на часъ вѣтеръ, она попросила бы меня прильнуть къ ней поближе. „Зачѣмъ я не си конь.... и какъ бы жалаль я быть итничкой, сидѣть подъ оя фатой и кормиться изъ ея руки". Въ одной вѣмецкой пѣснѣ, известной по печатному изданію 1500 года, желанія влюбленного такія: быть зеркаломъ милой, ея сорочкой, кольцомъ, на конецъ, бѣлкой, съ которой она бы играла. Кое что въ этихъ образахъ напоминаетъ послѣднюю изъ приведенныхъ мною анакреонтическихъ пьесъ (зеркало, сорочка въ той-же послѣдовательности), но это еще не даетъ права считать вѣмецкую пѣсню переводомъ или подражаніемъ античной. Въ одномъ Schnaderhüpfel голубые глаза кра-

савицы вызываютъ въ парнѣ желаніе стать лорнетомъ, блокурые волосы — другое: обратиться въ прялку. Въ сербскихъ пѣсняхъ влюбленный хотѣль-бы очутиться жемчужиной въ ожерельѣ милой, дѣвушка — обратиться пѣ ручей подъ окномъ своего милаго, гдѣ онъ кунается, а она подошла бы ему подъ грудь, попытась бы покоснуться его сердца.

Наша формула продолжала видоизмѣняться и далѣе: влюбленный хотѣль бы превратиться въ какой-нибудь предметъ, близкій къ милой; осталось и ее подвергнуть подобной же метаморфозѣ, которая облегчила бы свиданіе, сближеніе. Она стала бы розой, онъ бабочкой (сербск.); она стала бы фиговымъ деревомъ, онъ влѣзъ бы на него, четками — онъ молился бы по немъ, въ Zuckerstock — онъ цѣловалъ бы его (нем.). Въ вѣмецкой пѣснѣ молодецъ желалъ бы, чтобы его милая обернулась розой, онъ упалъ бы на нее росинкой; она — пшеничнымъ зерномъ, онъ птачкой, унесъ бы ее; она — золотымъ ларчикомъ, а ключъ былъ быль-бы у него. Въ шведско-датской пѣснѣ желаніе такого рода вмѣняется дѣвушкѣ: парень былъ бы озеромъ, она уточкой; не ладно это, замѣчаетъ парень, тебя бы застрѣлили; такъ будь ты лицомъ, я травинкой у твоихъ ногъ. Неладно это и т. д.

Еще одинъ шагъ, и наша формула перейдетъ въ другую, также діалогическую, но съ обоюднымъ обмѣномъ желаній въ иреальныхъ метаморфозѣ¹⁾.

Она извѣстна пѣ цѣломъ родѣ вариантовъ, европейскихъ и восточныхъ (персидскомъ и турецко-персидскомъ). Общее положеніе такое: молодецъ предлагаетъ дѣвушкѣ свою любовь, она отвѣтываетъ: лучше я стану тѣмъ-то, измѣни образъ, лишь бы не принадлежать тебѣ. Парень отвѣтываетъ ей пожеланіемъ себѣ встрѣчной метаморфозы, которая опять поставитъ его въ уровень съ превращенной милой: если она станетъ рыбкой, онъ рыбакомъ, она птицей — онъ охотникомъ, она зайцемъ — онъ собакой, она цвѣткомъ — онъ косаремъ. Эта фантастическая игра въ желанія развивается разнообразно съ разными окончаніями. Въ румынской пѣснѣ спорятъ такимъ образомъ куклы — парень и горлица — дѣвушка: она обратится въ хлѣбъ въ печи, онъ въ кочергу, она въ тростинку, онъ сдѣлаетъ изъ нея свирѣль, бу-

¹⁾ См. мои Разысканія вми. Ш, стр. 67 слѣд. Съ тѣхъ поръ матеріалы сравнилъ значительно пополнились.

деть пѣть—играть, будеть ее цѣловать; она станеть иконою въ церкви, онъ причетникомъ, будеть ей кланяться, чествовать, приговаривая: Святой образокъ, стань пташкой, чтобъ намъ любиться, чтобъ намъ миловаться, подъ облаками при солнцѣ, въ прохладной тѣни листьевъ, при звѣздахъ и лунѣ, на вѣки—вмѣстѣ!

Какъ румынскій парень желалъ бы срѣзать дѣвушку-тростинку, чтобы играть на ней и ее цѣловать, такъ въ романѣ Лонга Хлоя хотѣла бы обратиться въ спринги своего Дафниса.

Тутъ нѣтъ заимствованія образа, какъ и къ самой схемѣ желаній нельзѧ приложить этого критерія, если онъ не вызванъ сложностью сходныхъ формулъ и совпаденіемъ послѣдовательности, чанце всого случайной, въ какой являются отдѣльныя части цѣлаго.

Иной критерій хотѣли приложить къ другому общему поэтическому мѣсту, къ b) *формулѣ пожеланія*. Въ Руодлибѣ (XI вѣка) герой посыаетъ къ красавицѣ своего пріятеля съ предложеніемъ руки и сердца. Она велѣтъ ему отвѣтить: Скажи ему отъ меня: сколько листьевъ на деревѣ, столько ему привѣтовъ, столько ликованья, сколько птичьяго воркованья, сколько зеренъ и цвѣтовъ, столько ему пожеланій.

Dic illi nunc de me corde fideli
Tantumdem liebes, veniat quantum modo loubes,
Et voluerum wunna quot sit, tot die sibi minna,
Graminibus et florum quantum sit, dic et honorum.

Одни видѣли въ этой формулѣ, знакомой вѣмецкой и датской пѣснѣ, вѣчно пра-германское, другіе чуть не отолосокъ до-исторической поэзіи, ибо сходныя съ нею существуютъ, напримѣръ, въ Индіи, но они замѣчены были и въ Бабліи и у классиковъ, Вирgilія, Овидія, Марціала, Катулла. Въ моравской пѣснѣ у Сушила 114 возвратившійся женихъ, неузнанный дѣвушкой, испытываетъ ее, увѣряя, что ея милый женился на другой, и онъ самъ былъ на ея свадѣбѣ; чего ты пожелаешь ему? „И желаю ему столько здоровыя, сколько въ этомъ лѣсу травы, столько счастья, сколько въ лѣсу листьевъ, столько поцѣлуевъ, сколько въ небѣ звѣздочекъ, столько дѣтокъ, сколько въ лѣсу цвѣтовъ. Сл. формулу изъ Зальцбурга:

So viel stern in der Heѣ,
So viel Tropfen in See,
So of grüess i di schen.

Едва ли идѣть здѣсь рѣчь о сохранности расовой или—племенной традиціі: простѣйшая психическая настроенія вездѣ могла быть выра-

жены одинаково, образно-схематично. Лишь не перечесть, любви не выражать вполнѣ; эта невыражаемость любви или отчаянія нашла себѣ и другую гиперболическую формулу распространенную отъ востока до запада, отъ Корана до Фрейданка, испанской и новогреческой иѣссы. Я обозначу ее, по слѣдамъ Р. Кѣлера, ея же начальнымъ образомъ: с) *Еслибъ небо было хартіей*. Еслибъ небо было хартіей, а море наполнено чернилами, мнѣ не хватило бы мѣста, чтобы выразить все то, что я ощущаю. Вотъ общее содержаніе, а вотъ и его выраженіе въ ново-греческомъ вариантѣ: „Еслибъ всѣ морскія волны были мнѣ чернилами, хартіей все небо, и я стала бы писать на ней безъ конца, вдали и вширь, во вѣки не выписалъ бы всего моего горя и всей твоей жестокости“. „Еслибъ всѣ семь небесъ были бумагой, звѣзды писцами, ночной мракъ чернилами и буквы были столь обильны, какъ песокъ, рыбы и листья, то и тогда я не сумѣль бы выразить даже на половину желанія видѣть моего возлюбленного“ (Виса о Раминѣ — въ грузинской поэмѣ XII вѣка Висраміани). Въ ново-греческой иѣссы по рукописи XV вѣка (*Αλφάρητος τῆς ἀγάπης*) черты мотива уже разложились и мы не признали бы его безъ сравненія съ основнымъ. Сѣтуетъ женщина: „Небо — письмо, звѣзды — буква, и это отравленное письмо я ношу въ сердцѣ, я читала его и плакала. Слезы были мнѣ чернилами, палецъ — перомъ; я сѣла и написала, какъ ты меня покинулъ, обманывалъ, какъ соблазнилъ, полюбилъ и оставилъ“. Тотъ же образъ подсказался и Гейне, но въ другомъ примѣненіи: на пескѣ у морскаго берега онъ чертилъ тростникой: Агнеса, я люблю тебя! Но волны смѣли написанное, оно не вѣрить на тростнику, ни песку, ни волнамъ.

Der Himmel wird dunkler, mein Herz wird wilder,
Und mit starker Hand, aus Norwegs Wäldern,
Reiss ich die höchste Tanne
Und tauche sie ein
In des Aetna's glüh'nden Schlund, und mit solcher
Feuergetränkten Riesenfeder
Schreibe ich an die dunkle Himmelsdecke:
„Agnes, ich liebe dich!“

(Der Nordsee 1-r Cyclus 5).

Влюбленные увѣряютъ себя, что ихъ страсть вѣчна: скорѣе совершится что-нибудь невѣроятное по ходу вещей, чѣмъ они разлюбить. Мы переходимъ къ *формуле d) невозможности*, примѣнѣй ко всему, чего не ожидаютъ, на что не надѣются. Скорѣе рѣки потекутъ вспять отъ безбрежнаго моря, времена года измѣнятъ

свой ходъ, чѣмъ измѣнится моя любовь, поѣтъ Проперцій (I, 15, 29), скорѣе поле обманчивымъ плодомъ наглумится надъ ратаемъ, солнце выѣдетъ на темной колесницѣ, рѣки потекутъ вспять и рыбы погибнутъ на сушѣ, чѣмъ я испытаю въ другомъ мѣстѣ печаль моей любви (Ib. III, 15, 31). Виргилій (Ecl. I, 59) противополагаетъ такія невозможности своему желанію лящесть цесаря. Въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ это юсце соптиціе, образно-типично отвѣчающій на вопросы, выражаютій отчаяніе или увѣренность: Не разлюбишь ли меня? Когда вернешься? Вернешься ли? Полюбашь ли? Будетъ ли конецъ гореванью? и т. д. Отвѣты такие: когда рѣки потекутъ вспять, когда на сѣбу проиностѣтъ виноградъ, на дубѣ выростутъ розы, на морѣ кипарисы и яблони, на камѣ шесокъ, кукушка запоетъ зимой, воронъ побѣльеть, либо станетъ голубемъ и т. д. Послѣдній образъ, выражаютій невозможность дорогимъ усопшимъ вернуться къ своимъ, извѣстенъ французскимъ, вѣмецкимъ, хорватскимъ пѣснямъ, греческимъ пѣснямъ и сказкамъ. Willie вернется съ того свѣта, когда солнце и луна будуть плясать на зеленомъ лугу, поется въ шотландской пѣснѣ; въ нѣмецкой молодецъ оплакиваетъ свою милую: его горе кончится, когда розы зацѣбутъ на горѣ. Въ малорусскихъ пѣсняхъ обычны въ такихъ случаяхъ образы камня, пускающаго корни, плавающаго поверхъ воды, тогда какъ тонетъ перо, разцвѣтающаго сухаго дерева; въ сербскихъ — соединеніе верхушками двухъ деревьевъ, стоящихъ по обѣ стороны Дунай; въ болгарской мать проклинаетъ дочь: у нея не будетъ дѣтей; будетъ, когда засиграетъ камень, заношено мраморъ, рыба проплынетъ.

Типичность нѣкоторыхъ изъ этихъ выражений „невозможнаго“ могла бы дать поводъ къ нѣкоторой ихъ группировкѣ по пѣсеннымъ областямъ, ихъ соприкасовеніямъ и литературнымъ вліяніямъ, которыя они могли испытать. Какъ широко напримѣръ распространены мотивъ ворона, которому никогда не стать бѣлымъ? Мотивъ этотъ, извѣстный уже классическому ипоу, принадлежитъ къ такъ называемымъ *légendes des origines*. Образъ сухой трости, жезла, зеденѣющихъ, разцвѣтающихъ пріоутлся въ легендахъ о Тангейзера, о покаявшемся грѣшникѣ; въ извѣстномъ эсхатологическомъ сказаніи такое чудо совершилось съ сухимъ стволомъ райскаго дерева, древо распятія, и невозможное станеть бѣллю.

Иное, шутливое приложеніе получила этотъ мотивъ въ пѣсняхъ, гдѣ молодецъ задаетъ дѣвушкѣ пеисполнимыя загадки — задачи; она отвѣчаетъ ему тѣмъ-же. Задачи такія: сшить платье изъ макова,

алаго цвету, черевички изъ кленового листу, напрясть дратвы изъ дождевой капли и т. п. Какъ для этихъ задачъ, такъ для мотива „невозможности“ въ пѣсняхъ предыдущаго цикла, можно указать литературныи и сказочный параллели въ загадкахъ царицы Савской, въ сказкахъ о Мудрой дѣвѣ и т. д.; для пѣсень о задачахъ №№ 457—458 у Соболевскаго (Великор. нар. пѣсни I) надо предположить литературный образецъ шуточнаго стиля (сл. № 457 изъ воронежской губерніи: Дѣвка платье мыла, звонко колотила, его въ морѣ раздавалось, на островѣ отсыпалось).

(Отъ грандиозныхъ желаній и такихъ-же увѣреній влюбленшаго перейдемъ къ болѣе спокойнымъ проявленіямъ чувства. „Ты моя, я твой“—вотъ фраза, встрѣчающаяся въ цѣломъ рядѣ народныхъ пѣсень; ты заключенъ въ моемъ сердцѣ, а ключъ потерянъ: съ этимъ лишнимъ образомъ формула становится поэтической и нашла извѣстное распространение. Древнійший чѣмѣцкій варьлянъ, XII вѣка, находится въ любовномъ посланіи у Wernher'a von Tegernsee:

Du bist min. ich bin du,
Des soll du gewis sin;
Du bist beslossen
In minem horzen.
Verloren ist das slizzelin,
Du muost immer drinne sin.

Эта формула е) ключъ къ сердцу извѣстна въ массѣ четверостишій, Schnaderhupfel, изъ Швейцаріи, Тироля, Эльзаса, Штиріи, Хорутаніи, нижней Австріи и т. д. Либо ключъ потерянъ и его никогда не найти, либо онъ въ рукахъ одного лишь милаго или милой. Тотъ-же образъ знакомъ шотландской, французской, каталонской, португальской, итальянской, новогреческой и галицкой пѣслямъ. У пея были ключи отъ моего сердца, я вручилъ ихъ ей однажды утромъ, поють въ Каталоніи:

Las claus del meu cor
Ella las guardava,
Jo las li entregai
Una matinata.

Такъ въ новогреческой пѣснѣ, но съ другимъ оборотомъ:

Νά είχα τὰ δοό τὰ χέρια μου κλειδιά μαλαγματένια,
Ν' ανοιχα τὴν καρδούλαν σου, ποῦ κλείδη δι' ἐμένα.

Художественная поэзія знаетъ этотъ мотивъ; у дантовскаго Pier delle Vigne два ключа отъ сердца Фридриха.

Милый заключенъ въ сердцѣ, его берегутъ, холятъ, не выпускаютъ. Намъ знакомо сопоставленіе народной пѣсни: молодца съ соколомъ, ястребомъ и т. п.; и вотъ образъ мѣняется: молодецъ—соколь, соловей, сойка занерты въ золотую, серебряную клѣтку, выпорхнули, и милая горюетъ. Такъ въ средневѣковой лирикѣ, во французскихъ, итальянскихъ и новогреческихъ пѣсняхъ. Либо соловей—дѣвушка вылетѣла изъ клѣтки охотника, попала въ руки другаго, который иллюзуетъ ее. Это формула f) птички въ клѣткѣ; она встрѣчается и въ другомъ примѣненіи: молодецъ—соколь вырывается изъ неволи¹⁾; за нимъ ухаживали, окружали иѣгой, но лишали свободы, либо надругались надъ нимъ. Къ подобному мотиву пристало въ одной русской пѣснѣ (Соболевскій I. с. I, № 48) имя князя Волхонского въ цикла пѣсень о немъ и ключникѣ; но только пристало:

Во селѣ-то во селѣ-то было Измайлово,
У князя было у Волхонского;

вылетѣла изъ терема „молодъ ясенъ соколь, итичка вольная“, за нимъ бѣжитъ слуга, жалуется: „За тебя-ли меня, младъ ясенъ соколь, казнить то хотять, вѣшати“; онъ отвѣчаетъ:

Воротись ты, воротись, слуга вѣрная!
Лѣ теперь, соколь, на своей волѣ;
Вечоръ-то вы надо мнай надругалися.
Кормили вы мнай, сокола, мертвю вороною,
Пояли сокола водою болотною.

Я не имѣю ввиду исчерпать всего богатства образныхъ формулъ, разсѣянныхъ по широкому пространству народныхъ пѣсень, видимо не общавшихся другъ съ другомъ; формулъ, выразившихъ одни и тѣ же жизненные положенія, но отлившися въ типически повторяющихся чертахъ.

Остановлюсь еще на формулѣ g) албы. Влюбленные, любовники видятся тайкомъ, подъ покровомъ ночи; „(о еслибъ я пробылъ съ ней одну лишь ночь и никогда не было-бы разсвѣта!“ (Petrarca sest. 1); „О Боже! Пусть не поеть пѣтухъ, не занимается заря! Въ монхъ объятіяхъ бѣлая голубка“ (новогреческая пѣсня). Но вотъ забрежило утро, надо разстаться, иначе ихъ застагнутъ. Народная пѣсни на эту тему принадлежать къ числу распространенныхъ (немецкія, чешскія, венгерскія, краинскія, сербскія, лужицкія, литовскія); по свидѣтельству

¹⁾ Сл. Психологический параллелизмъ, I. с., стр. 58—59; 'Αλφαρѣтос: τѣς ἀγάπης № 26.

Атенея онъ извѣстны были въ Великой Греціи: въ одномъ приводимомъ нынѣ отрывкѣ женщина будить своего милаго при первыхъ зу-
чахъ солнца, какъ бы не засталъ мужъ. Либо вѣстникомъ утра слу-
жить пѣніе птицъ; „Не могу я оставить тебя одну всю ночь! —
Слышь запѣла птичка, вѣщающей день“, поется въ Швабіи:

Ich kann dich wohl einer lassen
Doch nicht die ganze Nacht.
— Hörst du nicht das Vögelein pfeifen?
Verkündet uns schon den Tag.

Птицей, вѣщающей день, является пѣтухъ; въ русской пѣснѣ дѣвушка жалуется, что онъ рано поетъ, съ милюмъ спать не даетъ (Соболевскій I. с. IV, № 717), но это не альба; въ литовской дѣ-
вушка баюкаетъ молодца: Спи, спи, спи дорогой! Но затѣмъ припѣвъ жѣняется: Уже пропѣли пѣтухи, залаяли псы. Бѣги, бѣги, бѣги,
милый мой, голубчикъ! Отецъ замѣтить, въ спину пакладеть! Бѣги,
бѣги, бѣги, дорогой мой! — Въ черногорской альбѣ та же сцена проис-
ходитъ между младоженами: Іово бесѣдуетъ съ милой, пока не за-
нѣли пѣты. Тихо говорить онъ милой: Пора намъ разстаться (тес је vakat da se rastanemo). То не пѣтухи, отвѣчаетъ она

Progi se dragi, to su pjelji lašni,

то съ минарета раздался утренній призывъ. Снова говорить Іово, и
всякій разъ возвращается та же формула: Пора намъ разстаться!
Она отвѣчаетъ всякой разъ иначе: то это голосъ старого хаджи, онъ
не знаетъ, когда настаетъ утро (kad je sabah pravi), то это ребята
голосятъ на улицѣ, или ихъ поколотила мать. Но вотъ является
мать Іово и начинаетъ его корить; отвѣчаетъ Іованова люба: Сука
ты, не свекровь; если ты родила сына, то я его добыла:

I ako si ti rodila sina,
Ti ga rodi, ali ga ja dobich.

Слѣдующая китайская альба лучшеѣ всѣхъ говорить о самостоятельности этого народнаго мотива: дѣйствующія лица — царь и ца-
рица, неизвѣстно, почему ихъ тревожить приближеніе дня. „Уже
пѣтухъ пропѣлъ, на востокѣ занялась заря, говорить она; пора
ставать, во дворѣ уже собрался народъ.—То не пѣтухъ, а жуж-
жать мухи, не заря, а снѣтить мѣслицъ“.

Художественная поэзія овладѣла этимъ положеніемъ: напомню
альбу Дитмара фонъ Эйстъ¹⁾; у Чосера (Troilus and Criseide III

¹⁾ См. апрѣльскую книжку Журн. Мин. Нар. Просв., стр. 250.

1413) Крисенда обращается къ Троилу: Уже пропѣлъ пѣтухъ и утренняя звѣзда, вѣстникъ утра, разлила свои лучи. И онъ и она опечалены:

But when the cocke, common astrologer,
Gon on his breast to beate and astor crowe,
And Lucifer, the daies messenger
Gan to rise and out his beams throwe,
then anone Criseide
With herte sory to Troilus thus saide:
Mine hearte life, my trust, all my pleasaunce,
That I was borne alas, that is my wo,
That day of us mote make disceveraunce,
For time it is to rise and hence to go.

Такъ и у Шекспира; только у него эффектъ повышенъ и предупрежденіе распредѣлилось между двумя лицами, въ соревнованіи страсти и опасенія. Ромео хочетъ удалиться, онъ слышалъ пѣсню жаворонка, утро близко.—То былъ не жаворонокъ, а соловей, говорить Джулетта; всю ночь онъ поетъ на томъ гранатовомъ деревѣ.—Нѣть, то былъ жаворонокъ, вѣстникъ утра, не соловей. Посмотри, дорогая, какія завистливыя нолосы сѣбѣ раздѣли на востокѣ облака. Свѣточіи ночи потухли и веселый день уже стоитъ, поднявшись на концахъ пальцевъ, надъ туманными вершинами горъ. Надо идти—и жить, либо остаться и умереть.—То не свѣтъ для, это я знаю, а какой-нибудь метеоръ, испареніе солнца, онъ будетъ свѣтить тебѣ ночью на пути въ Мантую. Остаться, еще не время идти. — Такъ пусть же меня схватятъ и убьютъ; я счастливъ, если таково твое желанье. Скажу тебѣ: тотъ сѣрый отблескъ не отъ ока утра, а блѣдное отраженіе лица Цинтіи; то не жавронокъ, трели которого тамъ въ высотѣ бываютъ о сводѣ неба. У меня больше желанья остаться, чѣмъ уйти. И такъ, приди, о смерть, привѣтъ тебѣ; такъ хочетъ Джулетта. Что же, душа моя, побесѣдуемъ еще, вѣдь еще день не насталъ!—Насталъ онъ, насталъ! Бѣги, сиѣши! То жаворонокъ поетъ, такъ несогласно, такъ рѣзко; говорить, его пѣсни полна гармоній, согласныхъ дѣлений; насъ она раздѣляетъ!..

Вѣстникомъ утра и разлуки могъ быть голосъ ночнаго сторожа, какъ въ черногорской алѣбѣ призыва музѣана; предупреждая всѣхъ о наступленіи дни, сторожъ пополно становился въ какія то близкія отношенія къ влюбленнымъ, точно оберегалъ именно ихъ, заботился о нихъ. Это создавало въ пѣснѣ типичное положеніе, которое рыцарская лирика пріурочила къ феодальной обстановкѣ: въ художест-

венной альбѣ при двухъ влюбленныхъ очутилось еще третье обаязательное лицо пріятеля, заинтересованного въ ихъ судьбѣ; для нихъ онъ и есть, и предполагается, что его не слышать лишь тѣ, которые могли бы нарушить свиданіе¹⁾). Это и невѣроятно и не рѣально: ясно, что въ рыцарской альбѣ мы имѣемъ дѣло съ формулой, развившей извѣстное положеніе по требованіямъ эстетики, не считавшейся съ вѣроятностью. Предполагать вмѣстѣ съ иѣкоторыми новѣйшими исследователями альбы, что сторожъ, другъ ея рыцарскаго типа навѣянъ мотивомъ утренняго христіанскаго гимна, не представляется никакой нужды.

Если рыцарская альба развилась изъ народнаго, самозданнаго мотива, то она въ свою очередь могла оказать влияніе на позднѣйшія его вариаціи въ европейскихъ народныхъ пѣсняхъ. Но вопросъ влиятельный—сложный, часто оставляющій васъ на распутьи и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ выводящій на торную дорогу. Примѣромъ могутъ послужить поэтическія формулы *лебедя* и *королицы*. Въ старые годы русскіе люди рушали лебедь на пирахъ, красавица была для нихъ бѣлой лебедушкой; „лебеди на морѣ—князи, лебедушки на морѣ княгини“ поется у насъ о птицахъ. О музыкальномъ впечатлѣніи лебединой пѣсни показанія различны: въ свадебныхъ приговорахъ изъ ярославской губерніи у дѣвицъ—пѣвицъ, „бѣлыхъ лебедицъ“—„говаря лебединал“. Какъ понимать это „говаря? „Станеть рѣчи говорить, точно лебедь прокричть“ поется въ одной пѣснѣ (Шейнъ, Р. II, стр. 437), что невольно напоминаетъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ сравненіе телѣжнаго скрипа съ крикомъ вспугнутыхъ лебедей; либо бочки въ погребахъ гогочутъ, когда ихъ качаетъ вѣтеръ, „будутъ лебеди на тихихъ на заводахъ“ (Рыбин. I 282). Особо стоитъ образъ Бояна, пускающаго десять соколовъ-пальцевъ на стадо лебедей-струпъ: до какой онъ прежде коснулся, „та преди пѣснѣ пояше“. Нигдѣ не слѣда того особаго символизма, который отразился въ значеніи иѣмецкаго „schwanen“, а въ средневѣковой западной лирикѣ въ позже даль образы и сравненія. Когда въ Венеціанскомъ купцѣ (III, 2) Бассаніо идетъ посыпать счастья съ ларцами, Порція говорить: „Пусть раздается музыка, пока онъ творить выборъ; если онъ проиграетъ, онъ кончится, какъ лебедь, замреть въ мелодіи; а дабы сравненіе было подходящее, мои глаза будутъ ему рѣкой, плаканіемъ одромъ смерти“. Символизмъ шагающій классиками: Эліаномъ, Илионѣмъ,

¹⁾ См. аврѣльскую книжку *Журн. Муз. Нар. Искус.*, стр. 252.

Часть съсокшъ (1890, № 5), отд. 2.

Овидіємъ: будто-бы лебедь предчувствуетъ свою кончину и пѣсней прощается съ жизнью. Христіанская мысль также овладѣла образомъ: предсмертная пѣсня лебедя—это вопль Спасителя на крестѣ.

Сходное развитіе изъ подобныхъ же источниковъ представляетъ образъ голубя-горлицы. Что онъ получиль особое значеніе при съѣтѣ билейско-христіанскихъ идеи — на это указано было выше¹⁾; Богородица—голубица пришлѣжитъ тому же осеніенію. Рядомъ съ этимъ развивается издавна представление о горлицѣ, стѣтующей по своемъ голубкѣ, какъ символъ супружеской вѣрности. Символъ этотъ одинъ изъ популярныхъ въ средневѣковой поэтической и учительной литературѣ, онъ отразился и въ народныхъ пѣсняхъ, вѣмецкихъ и французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ и датскихъ. Обычная схема такая: горлица неутѣшина, потерявъ супруга, садится лишь на засохшія вѣтки, не пьетъ чистой воды, а только замученую. Замутиться—печалиться, это сопоставленіе знакомо народной пѣснѣ, какъ сидѣніе на сухой вѣткѣ (сухой въ противоположность къ зеленому—молодому, веселому) одонецкому причитанію вдовы: она кукустъ „какъ несчастнай ко-коша на сыромъ бору“, па „подсушной сидить“ на деревиночкѣ, на „горькой... на осиничкѣ“²⁾. Въ греческой пѣснѣ соловей, когда онѣ-чаленъ, не поетъ, ни по утрамъ, ни по полудни, не садится на дерево съ густою листвой, а когда приходитъ ему охота до пѣснѣ, понижаетъ голосъ, и тогда всѣ знаютъ, что онъ печалуется³⁾.

Василію Великому, Григорію Назіанзину и блаженному Іерониму знакомъ символъ горюющей горлицы; Іеронимъ цитуетъ по этому поводу и болѣе древнихъ авторовъ. Христіансское пониманіе образа такое: это христіанство, молчаливо скорбящее по Спасителю.

Выше мы видѣли примѣры такой - же христіанской перелицовки символовъ⁴⁾). Народная пѣснь останавливается здѣсь порой на наивномъ смышеніи своего чужаго, птицы-вѣстника съ символическимъ представлениемъ Св. Духа. Въ одной вѣмецкой пѣснѣ Пресвятая Дѣва сидить, птичка подлетастъ къ ней, съ сопутствуетъ прекрасный юноша. Онъ произносить слова благовѣстія, а птичку Пресвятая Дѣва приголубила на своеи лонѣ, обрѣзала ей крылышки, большое было имъ веселье:

¹⁾ См. выше стр. 52.

²⁾ См. Психологический параллелизмъ I. с. стр. 64, 70; 'Αλφάβητος τῆς ἀγάπης № 92.

³⁾ См. выше стр. 52 и Психологический параллелизмъ I. с. стр. 69—60.

Sie setzt sich zu ihm nider
 Und schloss in in ir schoß,
 Boschneid im sein gesider,
 Ir beider freud ja die war gross.

И коснулся лишь немногихъ мотивовъ, символовъ и образовъ и ихъ сочетаний, свойственныхъ поэтическому языку, то выработавшихся самостоятельно въ той или другой пѣсенной области и народности, то разсѣянныхъ по художественной или народной пѣснѣ изъ одного опредѣленного источника. Всѣ они произошли или были усвоены изъ почвѣ музыкально-ритмическихъ ассоціацій и составляютъ специальность поэтическаго словаря; всѣ они испытываютъ въ течениіи времени извѣстное обобщеніе, приближаясь къ значенію формулъ, какъ въ процессѣ, которому подлежитъ человѣческое слово вообще на пути отъ его древней образности къ отвлечению; но въ минуты возбужденія, на крыльяхъ ритма, въ рукахъ дѣйствительного поэта, они могутъ быть по прежнему опредѣленно суггестивны. Говоря о поэтическомъ стилѣ Уланцъ подчеркнулъ явленіе обобщенія, но, по моему, не достаточно остановился на суггестивности формулъ, именно какъ формулъ. Въ течениіи долгаго и разнообразнаго развитія поэтическаго дѣла постепенно образовалось значительное количество поэтическихъ образовъ и оборотовъ, всегда готовыхъ къ услугамъ всякаго вновь объявившагося пѣвца; но вслѣдствіе постояннаго употребленія къ этимъ образамъ и оборотамъ такъ приглядѣлись, что авторы и читатели едва ли соединяютъ съ ними какое-либо другое значеніе, кроме настоящаго и основнаго. Но тину этихъ привычныхъ выражений стали слагать и новыя на тотъ же ладъ, въ значеніи которыхъ столь-же мало даютъ себѣ отчета. Этимъ объясняется, что въ иныхъ поэтическихъ произведеніяхъ мы встрѣтимъ словообразованія, которымъ не подсказать никакого смысла, либо образы, не вызывающіе никакого представлія и взаимоподушкающіеся, потому что за ними не лежитъ личное непосредственное впечатлѣніе. „Всякій образъ, особенно изъ избитыхъ частыхъ употребленіемъ, долженъ быть на-ново воспринять изъ природы, либо изъ яснаго созерцанія фантазіи, иначе онъ грозить стать фразой. Роза—постоянно возвращающійся, неотъемлемый образъ юности, но лишь тотъ употребить сго поэтически, въ воображеніи котораго роза въ самомъ дѣлѣ разсѣвается въ своемъ пѣжномъ сияніи и ароматѣ“.

Итакъ, поэтический образъ оживаетъ, если онъ снова пережить художникомъ, воспринятый изъ природы или подновленный силой воображения; подновленный изъ воспоминанія—или изъ готовой пла-

стической формулы. На этомъ я остановлюсь, потому что это существенно для вопроса. Поэты, напримѣрь, никогда не видѣли пустыни, но онъ можетъ передать намъ живое впечатлѣніе этого невиданного днумил-тремя словами, которые, употребленныя въ дѣловой, доклады-вающей рѣчи, оставляютъ меня относительно равнодушными, у него же вызываютъ видѣнія. Когда сцѣна жива была въ поэтическомъ оборотѣ предсмертная пѣсня лебедя, она, очевидно, была суггестивна и для тѣхъ, которые никогда ее не слыхали; самъ Уландъ говорить, что роза вызываетъ въ насъ ассоціацію веселья. Дѣло въ томъ, что поэтический языкъ состоитъ изъ формулъ, которая въ теченіи извѣст-наго времени вызывали извѣстныя группы образныхъ ассоціацій по-ложительныхъ и ассоціацій по противорѣчію, въ мы пріучаемся къ этой работѣ пластической мысли, какъ пріучаемся соединять съ словомъ вообще рядъ извѣстныхъ представлений объ объектѣ. Это дѣло вѣковаго преданія, безсознательно сложившейся условности и, по отношенію къ той или другой личности, выучки и привычки. Виѣ уста-новившихъ формъ языка не выражаютъ мысли, какъ и рѣдкія иконо-введенія въ области поэтической фразеологии слагаются въ ея старыѣ кадрахъ. Поэтическія формулы—это первые узмы, прикосновеніе къ которымъ будить въ насъ ряды опредѣленныхъ образовъ, въ одномъ болѣе, въ другомъ менѣе, по мѣрѣ нашего развитія, опыта и способ-ности умножать и сочетать вызванныя образомъ ассоціаціи.

Мы можемъ перенести этотъ вопросъ и въ область болѣе слож-ныхъ поэтическихъ формулъ: формулы—сюжетовъ. Есть сюжеты по-воявленные, подсказанные наростающими спросами жизни, выводя-щія новые положенія и бытовые типы, и есть сюжеты, отвѣчающіе на вѣковѣчные запросы мыслы, не иссякающіе въ оборотѣ человѣче-ской исторіи. Гдѣ-то и кѣмъ-нибудь такимъ сюжетамъ дано было счастливое выраженіе, формула, достаточно растяжимая для того, чтобы воспринять въ себя не новое содержаніе, а новое толкованіе богатаго ассоціаціями сюжета, и формула останется, къ ней будуть возвращаться, претворяя ея значеніе, расширяя смыслъ, видоизменяя ее. Какъ повторялась и повторяется стилистическая формула „жела-нія“, такъ повторяются на разстояніи вѣковъ, напримѣрь, сюжеты Фауста и Донъ-Жуана; религіозные типы подлежатъ такому-же че-редованію пересказовъ: картина Рѣнина, которую мнѣ удалось иши-дѣть въ его мастерской, представляетъ блестящее доказательство того, что евангельскій разказъ объ искушении Христа еще далеко не ис-черпанъ художниками и способенъ вызвать новое поэтическое освѣ-

щеніе. Какъ въ области культуры, такъ, специальне, и въ области искусства, мы связаны преданиемъ и ширимся въ немъ, не созидал новыхъ формъ, а привязывая къnimъ новыя отношенія; это своего рода естественное „сбереженіе силы“. Къ числу многихъ парадоксовъ, наполняющихъ статью гр. Л. Толстаго объ искусствѣ, принадлежитъ и слѣдующій, особенно яркій, сдвѣ-ли имѣющій вызвать даже полемику: будто такъ называемые поэтические сюжеты, то есть сюжеты, заимствованные изъ прежнихъ художественныхъ произведений,— не искусство, а „подобіе искусства“. Примѣръ—сюжетъ Фауста. Пушкинъ уже отвѣтилъ на это: „Галантъ не воленъ, писать онъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе... признакъ умственной скучности, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые міры, стремясь по стезямъ генія“.

VI.

Языкъ прозы послужить для меня лишь противовѣсомъ поэтическаго, сравне-близайшему выдѣлению второго. Въ стилѣ прозы нѣть, стало быть, тѣхъ особенностей, образовъ, оборотовъ, созвучий и эпитетовъ, которые являются результатомъ послѣдовательного приживленія ритма, вызывающаго отклика, и содержательного совпаденія, создававшаго въ рѣчи новые элементы образности, подпишнаго значеніе древнихъ и развиинаго въ тѣхъ-же цѣляхъ живописный эпитетъ. Рѣчь, не ритмованная послѣдовательно въ очередной смынѣ паденій и повышеній, не могла создать этихъ стилистическихъ особенностей. Такова рѣчь прозы. Исторически поэзія и проза, какъ стиль, могли и должны были появиться одновременно: иное пѣлось, другое сказывалось. Сказка такъ же древня, какъ пѣсня; пѣсенный складъ не есть пепремѣненный признакъ древняго эпического преданія; сѣверныя саги, этотъ эпосъ въ прозѣ, не представляютъ собою единичный фактъ. Изъ примѣровъ чередованія стихотворнаго и прозаического изложенія, собранныхъ мною при другомъ случаѣ¹⁾, иные могутъ быть истолкованы, какъ поздняя попытка дополнить сказомъ забытые эпизоды иѣни, по другіе послужатъ къ характеристикѣ

¹⁾ Си. Эпическія повторенія I. с. стр. 299 слѣд.; Журналъ Министерства Народнаго Просвещенія, 1899, мартъ, стр. 115—116, 130.

древней смысли ритмованного и неритмованного слова. Это явление довольно распространенное, и едва-ли мы вправѣ объяснить подобную смыслу въ Aucassin et Nicolette взяліемъ кельтскаго (ирландскаго) зпоса, гдѣ она обычна. Грузинскія пѣсни о Тарізлѣ перемежаются прозаическимъ пересказомъ отдѣльныхъ моментовъ, въ замѣнѣ утраченного въ народной памяти пѣсенного повѣствованія; латышскія пѣсни то сказываются, то поются; Лайма, божья дщерь, поетъ ихъ и сказываетъ и т. д.

Обычное въ поэтикахъ положеніе, что проза явилась позже поэзіи, по ея слѣдамъ, обобщено изъ наблюдений надъ вышнѣмъ развитіемъ, главнымъ образомъ, греческой литературы. Пѣлись гомерическія поэмы, за ними уже возникаетъ проза логографовъ. Эта послѣдовательность обязываетъ развѣ къ тому выводу, что тексты въ прозѣ могли быть записаны ранѣе поэтическихъ, потому что послѣдніе хранились и еще хранятся въ памяти народа, несмотря на ихъ, иногда, значительный объемъ, запцищенные ритмомъ и складомъ, тогда какъ большая рѣчь прозы забывалась, искажалась и требовала другой защиты, кромѣ оберегаемой памяти. Въ пользу болѣе поздняго развитія прозы, какъ жанра, такой фактъ также мало доказательенъ, какъ ритмическая проза Корана, построенная по болѣе раннимъ метрическимъ образцамъ. Можно говорить объ усиленномъ развитіи прозаической литературы, дѣловой, философской и научной, послѣ того, какъ поэзія уже дала свой цвѣтъ. И это явленіе было обобщено: въ водвореніи прозы выдѣли ростъ личности, возможность личной оцѣнки и критики преданія, наконецъ преобладаніе демократіи, начало въ торжественное вшествіе науки. Все это можно принять, но съ оговорками. Вѣдь древняя пѣсня обряда и культа была не только поэзіей, но, ранѣе того, и наукой, и знаніемъ, и вѣрованіемъ и наставленіемъ (Солонъ); прототипы французскихъ *chanson de geste* сложились по слѣдамъ событий и, пока эпическая пѣсня не обставила общими мѣстами народной поэтики, не подверглась литературной обработкѣ, она была пересказомъ фактовъ, видѣнныхъ или слышанныхъ, съ элементами общихъ и личныхъ взглядовъ, и я не вижу большой разницы въ приемахъ логографа, смѣнившаго эпического пѣвца. Критическое отношеніе къ явленіямъ и даннымъ исторического прошлаго и общественной жизни въ области историографіи является въ результатѣ такого-же процесса, который вывелъ изъ народной пѣсни лирику личной мысли.

Если говорить о подъемѣ литературы въ прозѣ въ связи съ усиленіемъ демократическихъ интересовъ, то съ тѣмъ-же правомъ можно

выдвинуть и другой фактъ, ярче выясняющій тѣ-же отношенія. Я назвалъ-бы его аристократизаціей поэзіи. Когда она начинаетъ служить профессиональнымъ и сословно-кастовымъ цѣлямъ, ея содержаніе съуживается, и на открытыхъ мѣстахъ, отвѣчая интересамъ, отъ которыхъ она отошла, водворяется проза. Такъ могло быть вообще въ переходѣ отъ народного обряда къ поэзіи храмового культа. Крайнее развитіе крѣпко организованного кастового начала объясняеть и такое, по видимому, исключение, только подтверждающее правило: въ политикѣ брахмановъ, ревниво устранившій массу отъ успѣховъ знаній, Веборъ видѣтъ причину слабаго развитія санскритской прозы; знаніе было въ рукахъ жреческаго сословія и продолжало выражаться въ архаическихъ формахъ-переживаніяхъ: и поэтическія, и научныя темы, законы и обряды, и практическія наставленія—все это по прежнему облекалось въ стихи.

Другое обособленіе поэтическаго стиля произошло на почвѣ профессіи. Ивились, выдѣлившись на фонѣ народной пѣсни, професіональные пѣвцы, сказители, воспитавшіе постепенно къ сознанію поэзіи, не какъ обрядового или культового дѣла, а какъ акта самодѣлывающаго; начала художественной поэзіи, которая продолжаетъ развивать собственное стилистическое преданіе, вблизи и вѣстѣ въ сторонѣ отъ развитія дѣловой рѣчи. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло не съ противорѣчіями арханизма культовой поэзіи и новшества прозы, а съ двумя совмѣстно-развивающимися традиціями, при чемъ, быть можетъ, на сторонѣ поэтическаго стиля задерживающихъ элементовъ больше, въ ритмѣ, въ подборѣ унаслѣдованныхъ оборотовъ, въ преданіи риторики и школы, въ гильдіяхъ, какъ было въ Ирландіи и Уэльсѣ. Языкъ поэзіи всегда архаичнѣ языкка прозы, ихъ развитіе не равномѣрно, уравновѣшивается въ границахъ взаимодѣйствія, иногда случайного и трудно опредѣлимого, но никогда не стирающаго сознанія разности. „Бѣлый свѣтъ“ нашей народной пѣсни такая-же тавтологія, какъ „бѣлое молоко“; Аристотель считаетъ послѣднее сочетаніе возможнымъ въ поэзіи, неумѣстнымъ въ прозѣ; ему кажутся невнятными метаморфы Георгія: „кровавыя дѣла“ и даже „блѣдныя“; отъ послѣднихъ не отказался-бы и современный поэтъ; гр. Л. Толстой говорить о „черной темнотѣ“ (*Воскресеніе*).

Взаимодѣйствіе языка поэзіи и прозы ставить на очередь интересный психологический вопросъ, когда оно является не какъ незамѣтная инфильтрація одного въ другой, а выражается, такъ сказать, оптомъ, характеризуя цѣлымъ историческая области стиля, приводя къ

очередному развитию поэтической, цветущей прозы. Въ прозѣ является не только стремление къ канону, къ ритмической последовательности падений и ударений, къ созвучиямъ риомы, но и пристрастіе къ оборотамъ и образамъ, дотолѣ свойственнымъ лишь поэтическому словоупотребленію. Не всѣ смѣшия такого рода подлежать одной и той-же оценкѣ: когда начинатели классического возрождения обновили литературное значение латинской рѣчи, они еще не успѣли точно овладѣть критеріемъ поэтически и прозаически дозволенного, и ихъ стиль невольно отзыается центромъ неискусившихся искателей. Но когда подобный-же синкретизмъ встрѣчается въ перебояхъ литературныхъ и общественныхъ настроеній, въ греко-римской лазанізмѣ, въ эвфуизмѣ Елизаветинской поры, въ французскомъ *style gracieux*, вопросъ о психологическихъ поводахъ такого смѣшенія возникаетъ естественно: дѣло идетъ объ эпохахъ переходныхъ, полныхъ начинаний и переломовъ, когда мысль, чувство и вкусъ настроены къ выражению чего-то нового, желаемаго, чему иѣть словъ. И слова ищутъ въ преподнятомъ, потенцированномъ стилѣ поэзіи, въ цитатѣ изъ поэта, въ введеніи поэтическаго словаря въ оборотъ прозы. Это производить впечатлѣніе чего то первичаго, личнаго, сильнаго и слабаго вмѣстѣ, искусственной изнѣжности и искусственнаго бомбаста. Въ современной прозѣ, особенно французской, можно отыскать подобные-же признаки; переходный-ли это пунктъ передъ новымъ разграничениемъ, или указаніе на грядущій синкретизмъ и забвеніе упакованныхъ формъ поэтической рѣчи?

Языкъ поэзіи инфильтруется въ языкъ прозы; наоборотъ, прозой начинаютъ писать произведения, содержаніе которыхъ облекалось когда-то, или, казалось, естественно облеклось-бы въ поэтическую форму. Это явленіе постоянно надвигающееся и болѣе общее, чѣмъ разностороннее выше. И здѣсь приходится разобраться въ частностихъ, не рѣшая вопроса симъ. Когда *chansons de geste*, въ прежнее время пѣвшія и сказывавшія, начинаютъ излагаться въ прозѣ, опускаясь до народной книги, мы скажемъ себѣ, что живой, эмоциональный интересъ къ нимъ исчезъ, что онѣ уже „старина“, привлекающая не идеей, а сказочной схемой, очутившейся въ средѣ, где она не была пережита и перечувствована, абстрактна сказка. Но когда въ по-александрийскую эпоху ослабѣло сознаніе греческой народности, воспитавшей мѣстный эпосъ и сагу, и на почвѣ всеспѣтной монархіи, въ точеніяхъ космополитизма, центрами интереса явились

не политическая, а домашняя, личные отношения, схемы рассказа о себѣ, о личномъ горѣ и счастьи и признаніи не укладывались въ формы, увѣковѣченныя поэтическимъ преданіемъ, и вместо эпоса явился романъ въ прозѣ. Семейная драма въ прозѣ была результатомъ такого-же перелома въ общественныхъ интересахъ, какъ въ средніе вѣка новое содержаніе мысли и чувства потребовало въ романахъ бретонскаго цикла и новыхъ сюжетовъ и другой метрической формы.

Александъ Вессленскій.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ЯЗЫКА¹⁾.

(Сочиненіемъ М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Издание Императорской Академіи Наукъ. Томъ IV. С.-Пб. 1898 года).

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изслѣдованію начатаго нами вопроса, повторимъ вкратцѣ выводы, къ которымъ мы пришли въ своей первой статьѣ²⁾ по поводу академического изданія сочи-

¹⁾ Продолженіе. См. картовскую книгу „Журнала Министерства Народнаго Просвещенія“, 1898 года.

²⁾ „Журналъ Министерства Народнаго Просвещенія“ 1898 года № 8, стр. 150—176. Пользуясь случаемъ, чтобы исправить тѣ непріятныя для меня опечатки, которыхъ вкрались въ эту статью.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Должно было.
152	18-я снизу	1789 г.	1789 г.
156	4-я „	1788 года	1738 года
157	12-я сверху	войнъ	войнъ.
171	15-я „	седьмое	первое
171	11-я „	далъ	долъ
171	8-я „	Примѣчаніе 1-е Примѣчаніе 4-е на предыдущей стр.	См. примѣч. 4 См. примѣч. 7 на предыдущей стр.
171	5-я		
172	10-я сверху	есть	ѣсть
174	18-я „	1781 году	1781 году
174	15-я снизу	Драметь	Драматъ
174	8-я „	Грандалевскимъ	Грандилевскимъ

вений Ломоносова. Изучение этого издания дало намъ возможность, съ одной стороны, выставить рядъ положеній, необходимыхъ для уясненія живаго произношенія русской интеллигентной среды прошлаго вѣка въ общихъ столицахъ, съ другой,—опредѣлить значеніе Ломоносова въ исторіи нашего литературнаго языка. Положенія и выводы эти слѣдующіе: 1) Раннія произведенія пера Ломоносова сохранили въ себѣ много диалектическихъ особенностей его роднаго произношенія и лексикона; 2) эти особенности съ теченіемъ времени уменьшаются въ своемъ количествѣ подъ влияніемъ изученія Ломоносовымъ общициринятаго говора московской „благородной“ среды; такъ напр., перестаютъ встрѣчаться окончанія неопр. нарк.-ни и сравн. степени на—ле (IV 126, 226, 294, 199. Грам. § 218 стр. 95; 3) приспособленіе Ломоносова въ выбору и лексику московскаго „благороднаго“ общества, отражаясь въ его правописаніи и изложеніи его взглядовъ на языкъ, вмѣстѣ съ указаніями Тредьяковскаго и Сумарокова относительно этого предмета, дало намъ возможность опредѣлить различіе московскаго говора прошлаго вѣка въ простотѣ народѣ отъ современнаго ему говора московской интеллигенціи; 4) говоръ московской „благородной“ среды, интеллигенціи, „вразумленной книжному искусству“, заключаѣтъ въ себѣ известные элементы „малороссійскаго“ (=церковнаго) произношенія, котораго не знала чернь, не „вразумлявшая книжному искусству“; 5) Ломоносовъ, благодаря своимъ природнымъ дарованиямъ, а также благодаря своему непрерывно развивающемся желанію, вслѣдствіе условій его тогдашней литературной дѣятельности, желавшію—узнать и изучить московское „благородное“ и литературное народче, быстро замѣтилъ разницу въ говорѣ московской черни, московской образованной среды и въ своемъ собственномъ говорѣ; 6) крупнѣйшимъ дѣломъ Ломоносовскаго гenія надо считать то, что онъ подмѣтилъ въ языкѣ образованныхъ москвичей тѣ элементы, которые были жизнеспособны и подлежали дальнѣйшему развитію, такъ какъ поконились на началахъ живаго употребленія среди народа и сообщали рѣчи москвичей ея национальный колоритъ. Въ этомъ обстоятельствѣ кроется причина того, почему раннія провинціализмы рѣчи Ломоносова не привились къ литературному языку, не получили въ немъ жизни и развитія, и почему самъ Ломоносовъ не настаивалъ на нихъ, а понемногу эманципировался отъ нихъ и самъ отказался отъ большинства ихъ, сдѣлавшись послѣ упорныхъ занятій языккомъ почти совершенными москвичемъ; 7) пашедши русло теченія

живаго московскаго нарѣчія, Ломоносовъ расчистилъ это русло, предоставивъ свободный доступъ къ нему тѣмъ живымъ источникамъ, которые вливали въ это русло свою свѣжую воду. Этими Ломоносовъ какъ бы пригласилъ въ нашемъ литературномъ языкѣ тѣ элементы церковности, которые обречены были на мертвую жизнь въ книгахъ безъ задатковъ развитія и перехода въ живую рѣчь, какъ средство общенія мыслями. Наконецъ, 8) несмотря на такую работу генія Ломоносова, слѣды его роднаго лексикона и произношенія, естественно должны попадаться въ его литературныхъ трудахъ даже и позднѣйшаго времени,—и попадаются противъ его воли. Изученіе IV тома сочиненій Ломоносова подкрепляетъ и утверждаетъ насъ въ нашихъ выводахъ. Настоящій томъ содержитъ въ себѣ сочиненія Ломоносова, относящіяся къ области языкоznанія, и иѣсколько рѣчей, произведенныхъ авторомъ въ торжественныхъ собраніяхъ Академіи Наукъ. Изъ этихъ сочиненій наиболѣе важнымъ для насъ является „Россійская Грамматика“, въ которой изложены лингвистическая попытка и представлениія самого автора въ томъ видѣ, въ какомъ они сложились у него къ этому времени, то есть къ 1755 году, когда рукопись „Россійской Грамматики“ была представлена въ черновомъ видѣ Ломоносовымъ въ Академію¹⁾). 20-го сентября 1755 года Ломоносовъ поднесъ великому князю Павлу Петровичу свою Грамматку въ рукописи; 21-го сентября Ломоносовъ донесъ объ этомъ канцеляріи Академіи, приложивъ при донесеніи свою черновую рукопись Грамматики для печатанія; съ 17-го октября 1755 года, когда былъ помѣченъ „репортъ“ въ канцеляріи, какъ поданный въ этотъ день²⁾), хранится въ Академіи Наукъ эта рукопись, заключающая въ себѣ планъ Грамматики и поясненія къ ней. Рукопись эта подъ № 112 хранится нынѣ въ первомъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ и представляетъ изъ себя сборникъ черновыхъ бумагъ Ломоносова. Эта рукопись, содержащая въ себѣ, какъ теперь всякому видно, многіи объясненія, дополненія и разсужденія, касающіяся „Россійской Грамматики“, представляеть передъ нами ходъ лингвистическихъ мыслей самого Ломоносова, указываетъ намъ, съ одной стороны, на источники теоретическихъ свѣдѣній Ломоносова по грамматикѣ, на источ-

¹⁾ См. IV-й томъ Соч. Ломоносова. Примѣчанія М. И. Сухомлинова. Стр. 28. (Всѣ страницы примѣчаній помѣчены книгу).

²⁾ Ibid. Стр. 28—30.

никъ его терминологіи и грамматическихъ определеній, съ другой—на его собственныхъ грамматической и лингвистической представлениі вообще, на представлениі, которыя возникли въ немъ независимо отъ знакомства съ болѣе ранними грамматиками разныхъ языковъ, *независимо отъ тѣхъ теорій*, которыя существовали въ его время, и отличительной чертой которыхъ является ихъ *искусственность и отчужденность* отъ жизни самого языка, служащаго предметомъ теоретического разсужденія. Видно, что къ этому времени, къ 1755 году, у Ломоносона сложились въ общемъ такія привычныя лингвистическая вождѣнія и представлениія, которыя по правильности своихъ основныхъ положеній оставляли далеко за собой подобные представлениія прочихъ современниковъ и предшественниковъ. Изученіе этой рукописи № 112, насколько это изученіе возможно по новому изданію сочиненій Ломоносова, въ связи съ изученіемъ мыслей Ломоносова въ текстѣ самой „Россійской Грамматики“ даетъ возможность намъ въ желательной полнотѣ представить себѣ картину свѣдѣній Ломоносова по русскому языку и его пониманія предмета. Съ выходомъ IV-го тома мы получили возможность провѣрить свои выводы, сдѣланные нами изъ изученія первыхъ 3-хъ томовъ, и убѣдиться въ томъ, что мы изложили приблизительно вѣрно взгляды Ломоносова на русскій языкъ и его отношенія къ живому языку народа и интеллигентіи въ статьѣ, вышедшей до полнѣстія въ сѣть IV тома, такъ какъ въ этомъ томѣ вышеуказанные взгляды и отношенія Ломоносова развиваются въ самимъ въ разсужденіяхъ, которыя сохранены для насть главнымъ образомъ въ черновыхъ бумагахъ, хранящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ и писанныхъ рукою самого Ломоносова.

Прежде всего обратимъ вниманіе на тѣ мысли его сочиненій, гдѣ можно видѣть, съ какою подготою Ломоносовъ приступилъ къ изложенію грамматики русскаго языка. Затѣмъ отвѣтимъ на вопросъ: грамматику какою языка онъ излагаетъ въ своемъ сочиненіи? Даѣ,—кака она понимаетъ языкъ въ его грамматическомъ изложеніи; съ какомъ отношеніи стоитъ языкъ, грамматику которого онъ написалъ, къ языку, которымъ говорила окружавшая его интеллигентія и говорила простой народъ? На всѣ эти вопросы мы найдемъ отвѣты не только въ разсужденіяхъ самою Ломоносова,—послѣднее сдѣлать было бы не трудно, но и *изъ ею написаній, изъ ею обмолокахъ*, важныхъ для насть въ тѣхъ случаяхъ, когда они являются *бесознательными проявленіемъ* склада вождѣній автора на данный предметъ. Слѣдова-

тельно, источникомъ нашихъ свѣдѣй о живомъ, разговорномъ русскомъ языкѣ современниковъ Ломоносова въ средѣ образованныхъ людей и простолюдиновъ является въ данномъ случаѣ: 1) языкъ самого Ломоносова въ этотъ періодъ жизни его, то-есть, когда ему было 44 года, и когда онъ въ теченіе почти 20 лѣтъ прислушивался къ окружавшему его говору, изучалъ его, думалъ о немъ и отдался со всей своей страстью изслѣдованию его, съ такою же страстью, съ какой онъ отдавался наукѣ вообще¹⁾). 2) Свидѣтельства и разсужденія Ломоносова о современномъ ему русскомъ языке и 3) языкъ и произношеніе современныхъ намъ образованныхъ москвичей и современныхъ намъ крестьянъ (необразованныхъ) Московской губерніи и города Москвы.

Приступая къ вопросу о лингвистической подготовкѣ Ломоносова ко времени написанія имъ „Россійской Грамматики“, мы должны отмѣтить уже известныя намъ раньше постоянныя его вдумчивыя занятія русскимъ языкомъ со временемъ его возвращенія изъ-за границы и даже нѣсколько раньше. Эти занятія засвидѣтельствованы какъ тѣми „отчетами“, которые онъ подавалъ Академіи²⁾, такъ и „Посвященіемъ“, приложеннымъ къ „Россійской Грамматикѣ“ 1755 года, где самъ Ломоносовъ говорить о себѣ: „Меня долговременное въ Россійскомъ словѣ упражнение о томъ (о богатствѣ и изобразительности русского языка) совершенно увѣряетъ“³⁾). Наконецъ, эти занятія русскимъ языкомъ засвидѣтельствованы осмысленною ороографіею Ломоносова въ его даже ранніхъ произведеніяхъ и тюю литературною критикой, которая развилаась въ цѣлую полемику еще во второй половинѣ 40-хъ годовъ XVIII столѣтія, и на которую мы ссылались уже въ первой своей статьѣ о Ломоносовѣ.

Ко времени составленія Грамматики Ломоносовъ имѣлъ большой запасъ наблюдений и знаний по языку простонародному и языку образованного класса: это видно, между прочимъ, изъ тѣхъ его заклю-

¹⁾ Изъ примѣчаній академика Сухомлинскаго къ IV тому видно, что Ломоносову были известны идеалы тогдашней лингвистики, приемы и методы изученія языковъ, что онъ занимался даже исторіей иialectологіей русского языка. См. прим. стр. 248—269. Ср. А. Будиловича: „Ломоносовъ, какъ писатель“. Сборн. Отд. р. яз. и слов. А. Н. Томъ 8. Здѣсь указаны источники свѣдѣй Ломоносова по русскому языку и вообще по лингвистикѣ.

²⁾ Ibid. Стр. 27—28 въ примѣчаніяхъ.

³⁾ Соч. IV т., стр. 10.

ченій, которые вытекаютъ изъ непосредственныхъ наблюдений надъ живою рѣчью. Напримѣръ, отстаивая правописаніе именъ прилагательныхъ во множественномъ числѣ въ именительномъ падежѣ черезъ -е, -и, а не черезъ -ми, -и, Ломоносовъ основываетъ свое мнѣніе на слѣдующемъ наблюденіи: „Что-жъ надлежитъ до неявственного произношенія послѣдняго писменнаго (то есть звука *e* въ именительномъ падежѣ множественного числа именъ прилагательныхъ) въ тихъ разговорахъ, то хотя слухомъ и трудно распознать, однако сіе бываетъ яко въ двухъ случаяхъ: 1) когда одна другому изъ дали кричитъ, 2) въ письмахъ... Подобнымъ образомъ и въ произношеніи прилагательныхъ множественного числа пъ именительномъ падежѣ всяжъ усмишитъ у всѣхъ великороссіянъ, когда они громко говорятъ, и у всѣхъ увидитъ, которые, не думая о правилахъ, пишутъ, что оныя кончатся на *e* или на *я*, во всѣхъ родахъ безъ разбору, но больше на *e*, нежели на *я*, а на *и* никогда”¹⁾). Здѣсь мы имѣемъ самые различныя и тонкія наблюденія надъ живою рѣчью и надъ малограмотными написаніями по слуху.

Равнымъ образомъ только благодаря своему „упражненію“ въ русскомъ языку, Ломоносовъ дошелъ до убѣжденія, что теоретически невозможно разсуждать о живомъ языке, грамматика котораго всегда вытекаетъ не изъ предвзятыхъ и заимствованныхъ теорій, а изъ изученія живаго языка въ его употребленіи. Вотъ почему Ломоносовъ сказалъ: «Изъ сего всего явствуетъ, что къ постановлению окончаний прилагательныхъ множественныхъ именъ никакіе теоретическіе доводы не доказатъ; но какъ во всей грамматикѣ, такъ и въ семъ случаѣ одному употребленію повиноваться должно»²⁾.

Такое трезвое отношеніе къ живому языку исключаетъ возможность всякой сколастики у Ломоносова въ его филологическихъ сочиненіяхъ; такое изученіе *самыхъ свойствъ* языка обнаруживается на каждомъ шагу у него³⁾.

¹⁾ Соч. IV т., стр. 8.

²⁾ Соч., IV т., стр. 2. См. также обѣ употребленіи, какъ о силѣ, действующей въ языке, на стр. 100, 102, 104. Употребленіе названо общимъ повседневнымъ „учтеземъ“.

³⁾ См. IV т., стр. 4. О различіяхъ по родамъ окончаний *e* и *я* въ им. прилаг. Въ „Посвященіи“ на стр. 11 о происхожденіи грамматики отъ употребленія и о значеніяхъ грамматики живаго языка. И во многихъ другихъ мѣстахъ, вотов-

Нѣтъ никакого сомнѣнія поэтому въ томъ, что подыскивать въ печатной литературѣ оригиналы для Грамматики Ломоносова и указывать на зависимость этой грамматики отъ составленныхъ ранѣе грамматикъ другихъ языковъ значитъ заниматься вѣшней стороной великаго дѣла Ломоносова и оставить въ сторонѣ сущность заслуги его. Всѣкій изъ насъ тѣсно примыкаетъ къ своимъ занятіямъ по своей терминологіи, по распредѣленію материала, по опредѣленіямъ, принятыхъ въ наукѣ и по прочей обстановкѣ работы — къ трудамъ своихъ предшественниковъ, но не въ этой преемственности вѣшней обстановки труда заключается работа гения Ломоносова: онъ, собственно, не имѣлъ предшественниковъ¹⁾ для себя въ пониманіи свойствъ живаго русскаго языка и въ построеніи грамматики на изученіи этихъ свойствъ. Вотъ почему Буслаевъ въ своей оцѣнкѣ „Грамматики“ Ломоносова стоитъ гораздо глубже Грота, который искалъ зависимости между „Грамматикой“ Ломоносова и болѣе ранними грамматическими работами²⁾.

Переходя теперь къ слѣдующимъ вопросамъ, которыми мы задались выше послѣ изученія „Грамматики“ Ломоносова и его рукописныхъ замѣтокъ, мы должны отмѣтить то обстоятельство, весьма существенное и важное въ дѣлѣ изученія живаго языка прошлаго столѣтія по даннымъ, заключающимся въ сочиненіяхъ Ломоносова, что онъ строго различалъ языкъ извѣстнаго „штиля“ съ его произношеніемъ и лексикономъ, языкъ и произношеніе интеллигентіи, отъ языка и произношенія „обыкновенныхъ разговоръ“, языка, такъ сказать, безъ „штиля“. Первый изъ этихъ языковъ Ломоносовъ изучилъ, прислушиваясь къ говору образованныхъ людей, къ ихъ рѣчамъ, докладамъ и проч., и подмѣчая связь этого языка въ лексиконѣ и произношеніи съ языкомъ книгъ, сообщавшимъ особый оттѣнокъ и самому произношенію книжныхъ людей при посредствѣ традиціоннаго церков-

рмы будуть указаны ниже. Это же обнаруживается и въ его собственномъ правописаніи: сверхъ, твердить, первої, рассудить, прохожево, женатой.. См. примѣч., стр. 190, 148, 144. Тексты, стр. 56 и мн. друг.

¹⁾ См. замѣтки Ломоносова въ рез. № 112. Приведено въ примѣч. къ IV т. Соч., стр. 27.

²⁾ Отывы Буслаева и Грота приведены Сухомлинскимъ въ примѣчаніяхъ къ IV тому сочиненій Ломоносова, стр. 43 и 44. Это сопоставленіе отзывовъ наглядно указываетъ малъ и разницу въ пониманіи значенія „Грамматики“ Ломоносова Буслаевымъ и Гротомъ.

наго произношениі и при посредствѣ тѣхъ учителей, которые набирались къ русскому дворянству для обучения русской грамотѣ. Это былъ языкъ особый, „украшенный“, и рѣзкое его отличие отъ „простой бесѣды“, отъ „помѣстной рѣчи“ уже замѣчалось и въ XVI—XVII вѣкахъ и констатировалось въ разныхъ сочиненіяхъ нашихъ древянихъ „навыкшихъ“ литераторовъ¹⁾). Второй изъ этихъ языковъ Ломоносовъ усвоилъ при повседневномъ своемъ соприкосновеніи съ неграмотными людьми, произношеніе которыхъ помогло ему подмѣтать *свойства* русскаго языка и давало ему возможность опредѣленія въ живомъ русскомъ языку интеллигентціи того времени тѣхъ элементовъ, которые, сближая эту послѣдній съ языкомъ неграмотной массы, обладали способностью дальнѣйшаго развитія въ смыслѣ национализациіи языка.

Тонкій слухъ, специальная способности, лингвистической талантъ и любовь къ своему отечеству у Ломоносова дали возможность ему изучить русскій народъ въ его бытѣ и языкѣ и сообщили Ломоносову даръ тонкаго проникновенія въ особенности національного развитія русскаго языка. Его живое и непосредственное знакомство съ сѣверно-великорусскимъ и московскимъ говоромъ указали ему путь дальнѣйшаго развитія русского литературного языка и произношениія, а его страстная любовь къ наукѣ и изслѣдованію развила въ немъ то мужество и отвагу мысли, которая обнаружились во всемъ дѣлѣ построенія *первой „Россійской Грамматики“*. Вотъ почему и известное раздѣленіе русскаго языка „на три штиля“²⁾, еще до сихъ поръ многими не понимаемое съ надлежащею ясностью, явилось у Ломоносова не искусственно, а вытекло изъ изученія самою языка въ его жизни, наявъно самымъ реальнымъ отношеніемъ Ломоносова къ окружающей его жизни. Оно не дѣлило языкъ, положивъ въ основаніе этого дѣлѣнія предположеніе наимѣніе, а констатировалъ только факты существовавшаго уже дѣленія, не заинченіемъ другими, проходившими мимо этого факта, который для нихъ не существовалъ. Все это будеть видно въ дальнѣйшемъ изложеніи предмета.

¹⁾ Любопытные примѣры традиціоннаго литературнаго языка у насъ и отъменія отъ него въ сторону „помѣстной бесѣды“, къ которой пренебрежительно относились приложные литераторы, даны въ сочиненіи Н. В. Владимирова. Нѣсколько данныхыхъ для изученія свѣ-великорусского нарѣчія въ XVI и XVII ст. Казань, 1876, стр. 5—7 и примѣчанія.

²⁾ Соч.. IV т., стр. 225—232.

Прежде всего обнаруживается, что Ломоносовъ писалъ грамматику „штилевою“ языка, языка со „штилемъ“; въ ею Грамматикѣ изложены факты языка образованной среды, но самъ онъ пишетъ, самъ тою не замѣчая, языкомъ „обыкновенныхъ разговоровъ“, то-есть тѣмъ языкомъ, которымъ онъ привыкъ говорить не въ Академіи, не въ рѣчахъ и одахъ, а у себя дома. Это обнаруживается изъ его правописанія и изъ его собственныхъ грамматическихъ замѣчаній. Это обстоятельство повело къ неизбѣжнымъ при этомъ противорѣчіямъ между „правилами“ грамматики и ихъ примененіями. Кроме того, желаніе обосновать правило живымъ употребленіемъ и свойствами языка, который изучался Ломоносовымъ въ живомъ употреблении, повело къ постояннымъ сравненіямъ языка книжнаго и „штилеваго“ съ языкомъ просторѣчія. Эти сравненія проведены по всей Грамматикѣ.

Вотъ доказательства всего сказанного выше. Что Ломоносовъ ясно различалъ языкъ „стиля“ и языкъ простой, видно изъ его плана Грамматики, писанаго его рукою. Здѣсь онъ говорить слѣдующее: „Глава 3. О произношениіи писменъ Россійскихъ въ простыхъ разговорахъ. Глава 4. О произношениіи писменъ въ птиль“. (IV т., прм., стр. 49). „Писмы“ значить „буква“. Отсюда мы ясно видимъ, что произношеніе буквъ (= звуки) въ простыхъ разговорахъ отличалось отъ произношенія ихъ въ „птиль“. Что Ломоносовъ желалъ изобразить въ своей Грамматикѣ факты „штилеваго“ языка, видно далѣе изъ того, что онъ въ таблицѣ гласныхъ звуковъ называетъ звукъ *«e* „дебелымъ“, „туннымъ“, „острымъ“. Далѣе онъ, желая дать понятіе о разницахъ въ произношениіи буквы *e* въ началѣ слова и послѣ гласныхъ отъ звука *e* послѣ согласныхъ (то-есть звука съ ютомъ: *е* и безъ юта *ɛ*), говорить: „Напротивъ того *e* въ небо, какъ *e* въ Nebel“. (IV, стр. 45, § 92). Срв. нашу первую статью. Это указаніе его нельзія понимать, какъ указаніе на то, что въ произношениіи слова „небо“ мы имеемъ смыченное *e*, а не *e*, такъ какъ и въ такомъ случаѣ нельзія бы было назвать звукъ *e* *дебелымъ* и сравнивать произношеніе русскаго „небо“ съ нѣмецкимъ „Nebel“, гдѣ первый слогъ „Ne“ не равняется первому слогу „не“ русскаго слова „небо“. Для убѣжденія въ этомъ стоитъ только сопоставить рядомъ произношеніе нѣмецкаго „Nebel“ и русскаго „нѣбель“=народное произношеніе слова „мебель“). Слѣдовательно, отсюда мы вправѣ вновь подтвердить нашу догадку о произношениіи въ языкѣ „стиля“ въ прошломъ вѣкѣ такихъ словъ,

какъ „небо“, почти какъ „избо“. между тѣмъ какъ въ языке народа — „небо“. Да же, желаніе Ломоносова изобразить Грамматику „штилеваго“ языка и приблизить этотъ языкъ къ языку разговорному, показавъ его свойства, вытекаетъ изъ постояннаго сопоставленія и сравненія языка „штилеваго“ съ языкомъ простаго народа¹⁾). Во многихъ мѣстахъ Ломоносовъ сбивается даже на языкъ простаго народа, иногда неумышленно, а иногда съ умысломъ, такъ какъ въ послѣднемъ онъ видитъ свойства самого языка, сохраненные съ боль-

¹⁾ Неправильно понимать подъ терминомъ Ломоносова „просторѣчіе“ языкъ обыкновенныхъ разговоровъ среди грамотныхъ людей и интеллигентіи вообще, такъ какъ послѣднія боялись „опуститься въ подлость“ и въ обыкновенныхъ разговорахъ тоже говорила съ вм. ё и вообще „склонилась къ точному выражению буквъ“, перенеся отъ своихъ учителей и произношеніе церковнаго Ѳ и прочія особенности книжнаго языка. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоять только вникнуть въ языкъ, которымъ говорить Кутейкинъ у Фонвизина, или Странница въ комедіи Остромского: „Громъ“, „На всякаго мудреца довольно простоты“ и друг. Кроме того, сѣдніи старико (простаго пѣка) произношенія нашей интеллигентіи мы подмѣщаемъ до сихъ поръ въ разныхъ дворянскихъ семьяхъ г. Москвы. Напримеръ, слово „вѣрѣть“ неизвѣстно до сихъ поръ въ произношеніи семействъ, идущихъ отъ старой интеллигентіи; интересны также здѣсь произношенія: „мѣртвенныи“, (не мѣртвенный), „смѣртныи“ (не „смѣртныи“), „принесшій“ (не „принесшій“ и мн. др., также „разсѣкъ“ (не „рассѣкъ“); срв. „звѣздъ“, (не „звѣзды“). У Лермонтова слово „звѣзды“ не случайно римуется со словомъ „звѣзды“ въ стих. „Три пальмы“. Тогда такъ ясно говорили, и произношеніе „звѣзды“ — есть произношеніе новое, развившееся въ недавнее время въ слояхъ общества пародишааго буржуазнаго типа. Простому народу живущему вдалекъ отъ грамотныхъ умовъ, до сихъ поръ неизвѣстно произношеніе „звѣзды“, но здѣсь для этого существовали свои этимологическія причины: тѣмъ говорить, которымъ извѣстно извѣднее произношеніе „звѣздѣ“, неизвѣстно однако до сихъ поръ „звѣзды“, хотя и надо ожидать его появленія; говорятъ же, которымъ извѣстно только произношеніе „звѣздѣ“ и потому „звѣзды“, могутъ узнать произношеніе „звѣзды“ только при посредствѣ склоннія грамматики. Вотъ почему неправильны толкоанія академика Сухомлинова въ примѣрѣ IV тому сочиненій Ломоносова, на стр. 287. Сами Ломоносовъ боялся тоже „опуститься въ подлость“, но въ этой боязни сказывалась у Ломоносова духъ времени, и за эту боязнь выѣзди, конечно, его общественное положеніе и связи. Эта боязнь стала сказываться въ немъ послѣ вступленія его въ члены Академіи (1742 г.). Вотъ почему написать научную Грамматику въ его время, когда онъ рисковалъ тѣмъ, что ему скажутъ, что онъ „провертилъ московское научнѣе къ холмогорское“, было дѣломъ особенно труднымъ: надо было, не поступаясь своими научными взглядами, политично впустить въ Грамматику „штилеваго“ языка элементы языка живого, народнаго и тѣмъ отмѣтить самыя свойства языка. Такъ и сдѣлалъ Ломоносовъ.

шю наглядностью; онъ видѣть менѣе искусственности въ немъ. Вотъ почему ниже намъ придется указывать и примѣры нѣкоторой невыдержанности плана Грамматики, какъ изображенія фактовъ только „штилеваго“ языка. Говоря о діалектахъ русскаго языка, Ломоносовъ дѣлить русскій языкъ на *три* діалекта: 1) Московской. 2) Поморской (діалектъ самого Ломоносова *N.B.*). 3) Малороссійской. И даѣтъ разсужденіе: „Первой главной и при дворѣ и въ дворянствѣ употребительной, а особенно въ городахъ близъ Москвы лежащихъ“¹⁾. Слѣдовательно, языкъ „придворный“, „дворянскій“, или, что то же, языкъ образованной Москвы, грамотной среды, языкъ со „штилемъ“, который близко подходитъ къ языку подмосковныхъ городовъ, но, какъ увидимъ ниже, отличался отъ послѣдняго произношеніемъ буквъ „болѣе точнымъ“, составлять предметъ изложенія Ломоносовымъ въ его „Грамматикѣ“ на данныхъ сравнительного изученія его съ языками „просторѣчія“ или съ языками „простыхъ разговоровъ“. Въ главѣ 2 „О произношеніи буквъ россійскихъ“ (IV, 46—49) Ломоносовъ говоритъ: „выговариваются въ просторѣчіи: трѣхъ, везіопъ, огнѣбъ“ (трехъ, везешь, огнемъ), стр. 46 (и проч., см. на стр. 47). „Ходить и къ намъ“ выговариваются: „ходитицамъ“ (47). „О бѣль ударенія выговаривается какъ *A*, иѣсколько съ *O* смѣщенное (47). Произношеніе *h* вместо *z* осталось отъ словенскаго языка (гласъ — *hosподинъ* — государство, разглашаю..., стр. 48, глазъ — стр. 19, 21). „Моево“, „сильнаво“... въ простыхъ Россійскихъ словахъ и разговорахъ произносятъ“ (48)...

Дѣлая выводъ изъ всего сказаннаго о произношеніи звуковъ *c* какъ *č*, *o* какъ *a* (аканье), *i* какъ *i* (*h* — въ „штиль“). Срв. поэти. дружъ, но Божъ; Boha,hosподъ... лежкой, мягкой, моево..., стр. 48. Срв. примѣч., стр. 122: кромѣ приведенныхъ словъ, еще есть въ

¹⁾ IV т., примѣч., стр. 126. (Рнн. № 112, л. 105 об.). Подчеркнутыя иаки здѣсь слова Ломоносова „особливо въ городахъ“ означаютъ, что діалектъ „придворный“ и „дворянскій“, по совершенно вѣрной мысли Ломоносова, не есть чисто московскій, который въ чистотѣ видѣ слышанъ только въ городахъ близъ Москвы лежащихъ. Діалектъ же „дворянскій“ и „придворный“ есть діалектъ особый, въ основѣ которого лежитъ московскій, но съ произношеніемъ на церковный глаголь и съ лексикономъ книжнаго языка. См. предыдущее примѣчаніе. Отсюда очевидно, что и Ломоносовъ говорить о томъ, что языкъ Двора и дворянства въ его время былъ другимъ, чѣмъ языкъ подмосковныхъ городовъ. Дворянство говорило или по-французски, или церковно-книжнмъ языкомъ въ произношеніиъ.

произношениі интеллигентціі: „привлашаю“), а какъ в (въ окончаніяхъ -о), Ломоносовъ заключаетъ (§ 104, стр. 49): „Сие произношеніе больше употребительно въ обыкновенныхъ разговорахъ (следовательно ужъ не при Дворѣ...¹); а въ чтеніи книгъ и въ предложеніи рѣчей изустынишь къ точному выговору букву склоняется. Притомъ пристраивать должно, что буква е и п въ просторечіи вѣда импютъ чувствительную разность, которую въ чтеніи весьма явственно слухъ раздѣляетъ и требуетъ въ е дебелости, въ п тонкости“. (Срв. выше „небо“ — Nebel; срв. зѣздѣ — зѣст, стр. 48. Примѣч., стр. 122). Далѣе, Ломоносовъ указываетъ намъ произношеніе „пёрстъ“ (стр. 47), по слѣд., мѣжи (теперь: „мѣжъ“, но „слѣдѣ“ — въ народныхъ говорахъ), ibid., и тѣмъ помогаетъ намъ отвѣтить на вопросъ, въ какомъ это произношеніи? Очевидно, въ простонародномъ; такъ какъ въ интеллигентномъ кругу (въ „штиль“) и до сихъ поръ произношеніе „пёрстъ“ не слышится, а всегда — „пёрстъ“. Вотъ явный обращикъ зависимости интеллигентнаго московскаго произношенія отъ традиціоннаго церковнаго или книжнаго, несмотря на такую дѣятельность, какую проявилъ Ломоносовъ въ дѣлѣ сближенія языка и произношенія интеллигентціі съ языкомъ народа. Въ этомъ указаніи на произношеніе „пёрстъ“ Ломоносовъ обличилъ невольно свое собственное произношеніе и тѣмъ указалъ на отношеніе языка народа къ языку интеллигентціі. Этотъ приемъ сравненія и указанія онъ проводить по всей „Грамматикѣ“, не будучи въ состояніи обойдти безъ живаго языка простонародья. Уже въ началѣ „Грамматики“ онъ говоритъ, что „Отмыны выговора почти безконечны“ (IV, 21), и тѣмъ предупреждаетъ задолго современное намъ положеніе наукъ „Физиологии звуковъ рѣчи“ и „Сравнительной Грамматики“, которыхъ

¹) Оговоримся еще разъ въ виду того, что только при такихъ говоркахъ, преслѣдующихъ точность обозначеній мысли нашей, мы можемъ надѣяться на то, что Ломоносову не будутъ прописывать уже „дѣланія“, созданія языка. Дѣло въ томъ, что совершило же имѣть два разныхъ произношенія одному и тому же лицу на одномъ и томъ же языке. Здѣсь у Ломоносова дѣло идетъ о произношеніи звуковъ, а не объ употреблениіи словъ. Конечно, однѣ и тотъ же человѣкъ можетъ употреблять „въ обыкновенныхъ разговорахъ“ одинъ лексиконъ словъ, а въ офиціальной рѣчи — другой, по произношитъ различными образомъ п или е, о или а, ы или ы и проч. въ разговорахъ на разныхъ темы для одного и того же человѣка совершенно неизысканно: это значило бы нанимать человѣку неестественную и непосильную работу. Терминами „простые разговоры“, „просторечіе“ и под. Ломоносовъ пользуется для того, чтобы, „не опустившись рѣ подлость“, внести народный элементъ въ языкъ интеллигентціі.

теперь признаютъ, что въ сущности рѣчъ каждого индивидуума отличается особыми звуками отъ рѣчи всѣхъ прочихъ лицъ, принадлежащагъ одной и той же семье и къ одному и тому-же языку¹⁾). Этимъ своимъ строго научнымъ положеніемъ экспериментальной лингвистики Ломоносовъ далъ намъ указаніе на то положеніе, котораго онъ держится въ своей „Грамматикѣ“, и тѣмъ объяснилъ намъ причины, почему онъ постоянно говорить о *правилахъ* рядомъ съ *употребленіемъ*, о *правописаніи* рядомъ съ *произношеніемъ*, о формахъ языка церковно-русского книжного рядомъ съ формами языка народнаго, о словахъ языка „штилеваго“ рядомъ со словами языка народнаго. И при всемъ этомъ онъ самъ является въ „Грамматикѣ“ своей не какъ теоретикъ-схоластикъ, но какъ живой представитель извѣстной вѣтви живаго русскаго языка и пишетъ часто по произношенію, впадая иногда въ противорѣчія съ правилами. Такъ, напримѣрь, онъ говорить о правописаніи и произношеніи такихъ словъ, какъ *первый*, *твердитъ*, *верхъ* и т. п. слѣдующее: „Въ просторѣчіи *больше*, *пожели въ письмѣ*²⁾ изображается промежъ другими буквами: *твердитъ*—*пишемъ*, *и выговориваемъ*—*тесрадитъ*“ (§ 120, стр. 56, срав. въ примѣчаніяхъ стр. 130 по ржн. № 112: „между двуми плавкими славится ѿ: *караульня*, *первой...* Слово „плавкій“ принадлежитъ Ломоносову. См. примѣчаніе стр. 120, къ §§ 94—95. Это слово оставлено Ломоносовымъ въ „Табели грамматической“, переписанной чужою рукой, но исправленной Ломоносовымъ. См. примѣчаніе стр. 49). Дѣлая это замѣчаніе, Ломоносовъ однако самъ *вездѣ* пишеть: *сверхъ*—стр. 3, 10 (въ „Посвященіи“ *великому князю*), *верхніе*—29, *сверхъ*—37, 38 55, *церковныхъ*—51, 58, *верхъ*, *верху*—84, 87, 88, примѣчаніе 148, *первоъ*—примѣчаніе 120. (Это слово съ такимъ правописаніемъ не выдержано самимъ Ломоносовымъ и это, по всейѣроятности, оттого, что самъ Ломоносовъ долженъ былъ произносить: „*верхъ*“, но „*первой*“, такъ какъ „*первой*“—чисто московское произношеніе, извѣстное еще лишь нѣкоторымъ говорамъ, далекимъ отъ Москвы, кромѣ окружающихъ собою московской). Примѣчаніе

¹⁾ См. Ed. Sievers. Grundzüge der Phonetik. Leipzig. 1894*. Стр. 6, см. также Усогр. Экспериментальная фонетика. Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1897, II, кн. 4, стр. 938—939.

²⁾ Припомните, что произношеніе въ чтеніи и въ предложении рѣчей „въ точному выговору буквы склоняются“. Слѣдовательно, произношеніе ореографическое (грамотныхъ людей) противополагается просторѣчію.

126, 130¹). Слѣдовательно, не къ точному выговору буквъ склоняется онъ, то-есть не пишеть такъ, какъ самъ совѣтуетъ писать, и какъ пишутъ въ книгахъ и произосятъ при чтеніи книгъ или предложеніи рѣчей изустныхъ, а склоняется къ собственному произошенію и произношенію въ просторѣчіи и пишотъ по этому „просторѣчному“ произошенію. То-же мы увидимъ и на слѣдующихъ ниже примѣрахъ: Ломоносовъ пишетъ: *хто*—прим. стр. 27, *никакова*—стр. 58, *якovo*—стр. 237, *прохожево*—прим. стр. 144. *пѣвчего*, *нищего* и проч. *ibid.*, а въ парадигмахъ склоненія именъ прилагательныхъ ставить только окончаніе—*ю*: *прежнѣго*—стр. 79, (срав. § 200, стр. 91, гдѣ Ломоносовъ даетъ правило: „Имена съ причастіями и съ прилагательными сродныя, кончаціяся на—*ей* и *ой*, склоняются какъ прилагательныя: *пѣвчей*, *пѣвчаго...* и друг.“²). Самъ же этому правилу § 200 не слѣдуетъ. См. прим. къ § 161, стр. 144 и парадигмы въ § 161, стр. 77—80). Въ родит. пад. един. числа именъ прилагат. мужскаго рода Ломоносовъ послѣдовательно пишетъ—*ю*, какъ предлагаешь и правило (хотя—ою „приличнѣе“—стр. 186), но въ именит. пад. един. числа пишетъ *вездѣ* и послѣдовательно—*ой*,—*ей*. Напримѣръ, стр. 112, 129, 141, 156, 186, 187, 196, 201, 203, 226, 227, 279, 403, 415 и много др. Прим. стр. 341. Такжे интересно сопоставить разсужденіе Ломоносова объ окончаніи именъ сущ. въ род. един. числа *на*—*у* и въ предл. сд. числа *на*—*у* (въ основахъ *на*—*о*) съ примѣненіемъ его правила имъ же самимъ въ его языкѣ и правописаніи. Разсуждаетъ онъ такъ въ „Грамматикѣ“: „Имена втораго склоненія, кончаціяся на *а*, знаменующи животныхъ, родительный падежъ имѣютъ всегда *на*—*а*.“ (§ 171, стр. 83). Даѣте: „Происшествія отъ глаголовъ употребительнѣе имѣютъ въ родительномъ *у*, и тѣльше оное приимкимаютъ, чѣмъ даље отъ Словенскаго отходатъ: размаху, чесу, взгляду, взлгу, грузу, попрѣку, перюносу, возрасту, виду...“ (§ 172. стр. 83). Даѣте: „Мы (то-есть грамотные люди) юоримъ: Святаго

¹) См. также стр. 226, 227, 240 (церковныѣ); 229, 236, 245 (во-первыыхъ); 235, 245, прим. стр. 175, 177, (первово); 235, 246 (сперва); 280 (первоначальныѣ); спервъ 297, 309, 406; верху 309, 313, 378; поверхность 341, 367, 375, 411. Это правописаніе такихъ словъ (кромѣ „первый“) проведено послѣдовательно во всѣхъ сочиненіяхъ Ломоносова.

²) Для род. и. ед. ч. именъ прилагат. мужскаго рода Ломоносовъ въ парадигмахъ выставляєтъ даже окончаніе:—*ы*, рядомъ съ окончаніемъ—*ой*, и тѣмъ вновь дѣлаетъ уступку книжнымъ формамъ, хотя параллельно съ ними даетъ мѣсто и разговорнымъ. § 161.

Духа, человѣческаго долга..., а не Святаго Духу... Напротивъ того свойственіе говорится: розового духу, прошлогоднаго долгу, птичья голосу"... (§ 173, стр. 83). Само собой разумѣется, кто скажетъ: „розовио“ (=aho), тотъ, конечно, скажетъ и „духа“, а не „духу“. Равнымъ образомъ сочетаніе „прошлогоднаго долгу“ невозможно для говора одного человѣка: кто въ этомъ имени прилагательномъ („прошлогодній“) употребляетъ *твердое окончаніе* (какъ самъ Ломоносовъ), тотъ уже говорить на *дialektje* *произніціальномъ* и не скажетъ окончанія—*аю* (—aho), а кто скажетъ въ родительномъ падежѣ един. числа этого прилагательнаго—*ю* (—ho), тотъ произнесеть по книжному: „прошлогодняго“ (со звукомъ *h*). Слѣдовательно, „духу“, „долгу“... будетъ произношеніемъ „просторѣгія“; то-есть: разыгна духу и проч. Даѣте: Ломоносовъ говорить (§ 188, стр. 87): „предложный единственный падежъ неремѣняетъ часто на *у*...“. Какъ во многихъ другихъ слуаахъ (§ 190, стр. 87), такъ и здѣсь наблюдать надлежитъ, что въ штиль высокомъ, гдѣ Россійскій языкъ къ Словенскому клонится, окончаніе на *я* превращается: *въ ирнъ*, *въ домъ* („жить въ домѣ Бога вышняго“). Срав. Ев. Іоан. XIV, 1: *въ домѣ* оца моего обители иишиги сбыть. Эта форма и въ ново-церковно-славянскихъ книгахъ, и въ старо-церковныхъ книгахъ, и въ старо-славянскомъ языке: *въ домоу*). Здѣсь мы имѣемъ *третій примѣръ*, указывающей намъ на зависимость языка интеллигентіи прошлаго вѣка въ формахъ и произношенія отъ языка и произношенія книжнаго, причемъ книжное произношеніе, вступая въ сдѣлку съ произношеніемъ живаго говора, даетъ въ результатѣ *новообразованія по аналогіи* съ другими книжными формами; такъ получилось „въ высокомъ штиль“ произношеніе *въ домъ* по аналогіи съ большинствомъ формъ книжнаго языка на *-ю* въ этомъ падежѣ и склоненіи, и тѣмъ самымъ это произношеніе „высокаго штиля“ отошло отъ настоящей книжной формы, бывшей и въ живомъ языке—*въ дому*. Первые два примѣра мы видѣли въ произношеніи интеллигентіи слова „перстъ“ и слова „принлашаю“, при которомъ, конечно, существовали въ произношеніи интеллигентіи прошлаго вѣка и другія слова съ звукомъ *h*, произносимыя *по аналогіи* съ церковнымъ произношеніемъ этого звука, кроме тѣхъ, которая мы указывали выше изъ „Грамматики“ Ломоносова*. Сравн. наше теперешнее произношеніе въ Москвѣ: „принлашаю“. (См. указанія на этотъ счетъ Сумарокова и Тредьяковскаго въ нашей первой статьѣ о Ломоносовѣ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898, № 3, стр. 165, 166, 176). Даѣте Ломоно-

совъ приводить слѣдующіе примѣры (стр. 87 и 88): *въ поть, въ роѣ* (стр. 88), *въ сельѣ* и говорить: „но тѣ же слова *въ простомъ слогѣ* или *въ обыкновенныхъ разговорахъ* больше въ предложномъ у любить: *въ юрку, въ поту, на роу, въ сельту*“). Но примѣра *въ дому* Ломоносовъ почему-то не поставилъ. (Стр. 88, § 190).

Это *правила*. Теперь посмотримъ, что самъ Ломоносовъ употребляетъ *въ своемъ языке и правописаніи*: благословленного *дому* (родит. един. въ „*посвященіи*“ великому князю, IV, 12), для *разговору*—IV т. стр. 17, вмѣсто *разговору*—26, съ *примѣру*—32, безъ *разбору*—52, отъ *разговору*—56, до мужескаго *полу*—64, (см. парадигмы въ § 151, стр. 69: *пбода или пбоду; о ибодѣ или на пноводѣ*), *на послѣднемъ складу*—73, 85. (Парадигмы въ § 152, стр. 71: *роя или рбю; о рбѣ или въ рбѣ*), для *разбору*—85, въ нынѣшнемъ *стъку, на песку*—87, безъ *остатку*—100, и друг. См. также стр. 226, 227, 229, 274, 280, 239, (покою), 243, 275, 278, 338, 281 (запаху), 308, 320, (грому), 404, (жару). Итакъ, установивъ въ своей „Грамматикѣ“, какъ мы видѣли выше, различіе между языкомъ и произношеніемъ книжныхъ людей въ ихъ рѣчахъ, разговорахъ, въ ихъ чтеніи („*къ точному выговору буквъ склоняется*“), съ одной стороны, отмѣтивъ также правописаніе въ этомъ языкѣ, давши ясное понятіе объ отличіи этого языка отъ языка просторѣчія и тѣмъ нарисовавши обликъ этого просторѣчія,—съ другой стороны,—самъ Ломоносовъ однако въ своей „Грамматикѣ“ пишетъ языкомъ *просторѣчія*, въ своемъ правописаніи съдѣстуя *произношенію* этого *просторѣчія*, а въ лексиконѣ своего языка является даже *провинціаломъ* (см. ниже). Лишь только *въ одномъ случаѣ* онъ остался въ самъ вѣреиъ своимъ *правиламъ*: это въ правописаніи родительного падежа единственного числа именъ прилагательныхъ. Онъ сообщаетъ намъ: „Родительный падежъ прилагательныхъ количится *въ российскомъ языке всегда на -о,* кроме *въ письме сятаю, славнаю, великаю*“. (Прим. стр. 145, рук. № 112). И, дѣйствительно, онъ вездѣ пишетъ *-ою* (если вѣрою переданы его рукописи въ изданіи Академіи). Сопоставивъ съ этимъ *правиломъ* его же слова, что „*при чтеніи и въ предложеніи рѣчей* „*къ точному выговору буквъ произношеніе склоняется*“, мы должны будемъ сжидать, что и въ произношеніи въ указанныхъ Ломоносовымъ случаяхъ слышалось *-ою* (то-есть *-ою*; *h* не писалось за цеимѣшемъ буквы въ алфавитѣ, см. IV, стр. 19—20, § 22, „*выдумывать букву не должно*“; на стр. 246 сказано, что *i служить службу звука h*). А сопоставивъ эту нашъ выводъ съ требованіемъ Ломоносова, выраженнымъ въ слѣ-

дующей формѣ: „читать по славянскимъ книгамъ учиться грамотѣ и довольно въ томъ упражняться¹⁾). Она отъ Аза для перемѣны удареній и для аналогіи знать различать неотмѣнно надобно, какъ жъ отъ *e*, также и для *перораций*“ (прим. стр. 127, рук. № 112. л. 106), — мы должны будемъ признать, что самъ Ломоносовъ, какъ и прежде мы это видѣли, такъ и въ своей „Грамматикѣ“, стремится дать изображеніе языка „придворшаго“, языка „московскаго дворянства“, къ которому онъ приспособлялся поневолѣ въ своемъ произношеніи вслѣдствіе желанія не быть предметомъ насмѣшекъ со стороныничтожныхъ въ наукѣ, но влиятельныхъ въ обществѣ людей, и вслѣдствіе естественнаго научнаго стремленія изучить составъ современной ему литературной рѣчи, но, несмотря на свои разнообразныя и отмѣченныя нами стремленія, онъ также невольно, хотя и никогда и намѣрено, спускала струю народнаю языка въ свою „Грамматику“ и тѣмъ закладывалъ начало и давалъ толчекъ національному развитію русскаго литературнаго языка.

Въ самомъ дѣлѣ, самъ Ломоносовъ *аезды* пишетъ въ имп. падежѣ един. числа прилагат. мужскаго рода окончаніе *-ой*, но-ою не пишетъ въ родителе. падежѣ. (Однако въ пріимѣрахъ и таблицахъ склоненій онъ опять соединяетъ два окончанія: книжное и народное, разговорное: см. § 161, *ый*, *ой*; однако *ий* неѣть; даже: *Божей*).

Вотъ пріимѣры его правописанія: каждой человѣкъ — стр. 13, человѣческой разговоръ—16, мягкой, твердой голосъ—22, 23, великой, свѣтлой—29, горной, просвѣтлой, престуденой — 30, краткой спо-собы—31, россійской языку—32, 33, (срав. 36); иской дѣйстви-тельной глаголъ—37, выключенной глаголъ—40, полной разумъ—41, лехкой, мягкой—48, вопросительной звакъ—51 (и друг. знаки здѣсь),

¹⁾ Припомнимъ, что отъ недостатка упражненій въ чтеніи церковныхъ книгъ происходили, по мнѣнію Ломоносова, ошибки въ правописаніи москвичей, которые писали: *хочу*, *зашары* по произношенію. (IV, стр. 52—53, § 115). Чтобы избѣжать такихъ и подобныхъ ошибокъ, надо къ точному выговору буквъ склоняться въ перорацияхъ и отнюдь не писать и не печатать по выговору (*ibid.* и прим. стр. 127). Однако этому самъ Ломоносовъ далеко не всегда слѣдуетъ въ своемъ правописаніи, какъ мы видѣли и увидимъ еще ниже, и пишетъ, именно, часто по произношенію. Да и въ тѣхъ основаніяхъ, которыхъ положены мы въ идею правописанія (см. § 112, стр. 52), оно самъ требуетъ, чтобы оно не удавалось много „отъ числа по выговору“. Отъ какого выговора? Огь выговора точнаго буквъ, или отъ выговора людей неграмотныхъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ? Конечно, всѣ эти противорѣчія произошли у Ломоносова отъ желанія примирить въ „Грамматикѣ“ два начала: книжное и народное.

маленькой, хорошенькой—54, родительной — 55, мудрой, цѣлой пе-
риодъ, цѣлой разумъ—60, мужеской поль—62, первой примѣръ—65,
75, сотской, тысяцкой—91, дубовой—96, боярской—98, четвертой,
пятой—104 и друг. числите.—105 и мн. друг. ¹⁾). Лишь *въ самыхъ*
рѣдкихъ случаихъ встречаемъ мы у него окончаніе *-ый*, которое, если
не опечатка, то тоже стремленіе пропустить народную струю языка
сквозь книжную форму, которая была болѣе *по сердцу* тому кругу
людей, отъ которыхъ Ломоносову нельзя было совсѣмъ отстать, и
которые считали его „*мужикомъ*“.

Вотъ почему въ парадигмахъ мы видимъ: *ый*, *ой*, а въ правопи-
саніи самого Ломоносова—только *ой*, то-есть окончаніе живаго языка.
(Срав. прим. стр. 29, 130, 145). Этими же обстоятельствомъ объ-
ясняются всѣ ниже приводимые примѣры правописанія и словоупо-
требленія Ломоносова. Напримѣръ, онъ употребляетъ свои народныя
окончанія именъ прилагательныхъ *-ый* вмѣсто *-ий*: многолѣтній
стр. 11, искренній—12 (см. нашу первую статью) и друг. см. также
стр. 203, 229, 281, 308. Рядомъ съ этимъ однако пишетъ: частыми—
27, вещими—30, творъ надежъ мн. числа образы (съ удареніемъ)—
46, 48, языкахъ (съ книжнымъ удареніемъ вездѣ)—34 (произноше-
ніе церковное и семинарское), днѣвой (съ такимъ удареніемъ)—23,
степень—мужскаго рода вездѣ—30, 94, 100 и др. Приводить формы
въ родѣ: „*кажду*“—113; надѣется на возвратъ оборота *dativus abso-*
lutus—209. Глаголы *править*, *значить* сочиняютъ съ вин. падежемъ
безъ предлога—стр. 57, 59, 64 и друг.

Все, это, конечно, *книжныя формы*, *книжные обороты* и *ударенія*. Но рядомъ съ ними онъ пишетъ по собственному произношенію: рас-
судить—14, 55, 85, 94 и мн. др., исслѣдуя—25 и др. руковидка—
30, скрыну—16, облаки—39 (однако и облака), силошъ—59, грачи,
лучь и друг. слова ча-чъ мужскаго рода—68 и др. Пишетъ: ханъжа—
82 (срав. 62); прим. стр. 139; здѣмаль—119, 207; згибы—409; пле-
менникъ—прим. 160 стр.; короводъ—84, натти—206, противъ—прим.
стр. 126 (см. нашу первую статью); рекомендуетъ въ нужныхъ слу-
чаяхъ употреблять и написаніе *ід*, характерную особенность просторѣчія (см. выше)—стр. 44; говорить о народномъ произношеніи звука
иц—стр. 24, 43, пишетъ: вреиньшикъ, обманьшикъ и под.—прим.
стр. 160, образуетъ слова (провинціальныя): столинице, ручинице—
101, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онъ самъ сомнѣ-

¹⁾ Страницы для примѣровъ на это окончаніе см. выше.

вался: творител., надежъ войскъмъ—прим. стр. 143. За Тобольскамъ— прим. стр. 154. (Этими окончаниями онъ вводить опять примеръ роднаго произношения: онъ для нихъ не зналъ примеровъ изъ книгъ¹⁾). Наконецъ, особенно интересны приводимыя Ломоносовымъ слова въ „Грамматикѣ“ въ качествѣ примеровъ на окончаніяхъ родовъ и надежей. Казалось бы, что въ такомъ сочиненіи, какъ „Грамматика“—руководство для правильного произношения и употребленія русской рѣчи среди грамотныхъ людей, какъ требовало этого то время, не следовало бы приводить въ качествѣ примеровъ слова не литературнаго обихода, а слова провинциальными, такъ какъ такія слова не могутъ часто быть понятными для тѣхъ, для кого, именно, предназначается грамматика, а между тѣмъ у Ломоносова приводятся слова, именно, непонятныя безъ специальныхъ словарей людямъ, знакомымъ только съ литературнымъ лексикономъ. Ясное дѣло, что Ломоносовъ въ такихъ случаяхъ совершенно ошибочно считалъ приводимыя имъ слова обще-распространенными и общезѣстными. Вводилъ Ломоносовъ эти слова въ свою „Грамматику“, какъ провинціаль, для которого, несмотря на большое стараніе съ его стороны, легче усвоить себѣ стolичное и „дворянское“ произношеніе, чѣмъ отказаться отъ привычнаго и роднаго лексикона, усвоеннаго имъ съ дѣтства. Въ этомъ случаѣ Ломоносовъ вводилъ въ „Грамматику“ живую рѣчу неумышленно, и лексиконъ литературного языка всетаки и послѣ Ломоносова не увеличился тѣми провинциальными словами, которыя имъ введены въ „Грамматику“, не смотря на его желаніе, какъ мы видѣли въ первой своей статьѣ. Равнымъ образомъ не удалось Ломоносову навязать литературному правописанію и окончаній -ой, -ей въ прилагательныхъ; не удалось ему установить также правописаній: исследовать, здѣлать, гречь, сплошь, везіомъ; не удалось ввести въ литературный обиходъ формъ род. ед. и предл. ед. надежей на -у: безъ разбору, на складу и под.; не удалось привить провинциализмъ, въ родѣ: многолитній и не удалось утвердить правописаніе: первої, церковной, прохожево и под. Съ другой сто-

¹⁾ Всѣдѣ, гдѣ мы приводили примеры правописанія Ломоносова, мы брали ихъ не изъ одной его „Грамматики“, а изъ всего IV-го тома сочиненій, дабы показать, что Ломоносовъ и въ рѣчахъ и въ похвальныхъ словахъ держится одного правописанія, и не только въ ученыхъ сочиненіяхъ. Такимъ образомъ интересно сопоставить его филологическое сочиненіе—„Грамматику“, замѣдомо сочиненіе тенденціозное, какъ мы старались указать выше, съ его сочиненіями не филологического характера.

роны, ему не удалось сохранить и ту „славенщизну“, которая ему нравилась: различные формы причастий (стр. 170), дательный самостоятельный (209), окончание -ыми въ твор. п. мн. ч. и прочее.

Изъ этого мы видимъ, что даже генію не по плечу останавливать исторический процессъ движения и опредѣленнаго развитія языка, что языкъ самъ по себѣ пошелъ объ руку съ культурными явленіями въ исторіи народа по пути общаго развитія самосознанія въ средѣ русскаго общества, и дѣломъ генія Ломоносова было лишь подмѣтить и привести въ извѣстность своими сочиненіями по языку тѣ условия, при которыхъ должно совершаться дальнѣйшее развитіе русскаго литературнаго языка и опредѣлить то состояніе языка, въ которомъ онъ находился въ его время. Результатомъ этой работы генія явились его „Грамматика“, его „Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ“, его прочія филологическія статьи и его система правописанія.

Вотъ перечень тѣхъ интересныхъ словъ (провинціализмовъ), которые Ломоносовъ употребляетъ въ своей „Грамматикѣ“ въ качествѣ примѣровъ склоненія и спряженія безъ объясненія этихъ словъ и не подозрѣвая ихъ невразумительности для грамотныхъ москвичей того времени:

Тройды — стр. 20. (См. *Куликовскаю*. Слов. Олонец. парѣчід. Нетроз. у. Впрочемъ, это слово могло быть и московскимъ: оно есть у Кантснера *трижды*).

Ченѣе — 54. 89. (*Даль*. Словарь. С. в. Ченѣ: сѣв. расчищенное въ лѣсу, выкорчеван. мѣсто).

Самодуй — 63. (§ 141. Сущ. муж. р.). — Этого слова пѣть ни въ спец. словаряхъ, ни въ словаряхъ Академіи. У *Дамя* в. в. самъ: самодувная печь.

Пидень	— У <i>Куликовскаю</i> : пидѣть — попадать.
Сарынь	— 63. (§ 143. Сущ. ж. р.). — У <i>Подымсоцкаю</i> : стая волковъ. <i>Онеж.</i>
Свиль	— У <i>Подв.</i> (косослой) — дерево съ улиткообразными слоями послѣ снятія коры. <i>Повсем.</i>
Вязель	— У <i>Куликов.</i> вязель — вязкое мѣсто. <i>Коштуни.</i>
Жаль	— У <i>Подв.</i> Могильная насыпь. Муж. р. <i>Поморск.</i>
Клочъ	— У <i>Подв.</i> лѣсь на сырой мѣстности. Муж. р. <i>Мез.</i>
Комель	— 63. (§ 143. Сущ. муж. р.). — У <i>Подв.</i> стволъ дерева. <i>Мез.</i>
Простень	— У <i>Подв.</i> веретено съ навитой пряжей. <i>Повсем.</i>
Вехотъ	— У <i>Подв.</i> соръ. <i>Кем.</i>

Воробы — 64. (§ 145. Plur. tantum.). — У *Подв.* снарядъ для на-
матыванія нитокъ.

Подвѣска — 81. (§ 163. Род. п. мн. ч.). — У *Подв.* серыга. *Арх.*

Райна — 81. (§ 164. Род. п. мн. ч. См. нашу 1-ую статью). — У *Подв.* часть мачты. *Кол.*

Пижма — 81. (§ 165. Род. п. мн. ч.). — Только у *Далл.* с. в. дв-
кая рябина.

Колачь — 63. (§ 143). Это слово Ломоносовъ пишетъ по произно-
шению своему. См. *Подв.* с. в. = баранокъ. *Поссем.*

Ахка — 82. (§ 166. Род. п. мн. ч.). — Этого слова *ни въ*
одномъ Словарѣ, но слова съ подобными окончаніемъ есть: *пижкѣ* =
сіѣгъ на береговой дорогѣ. *Подв.* *Кол.* Ахкать — *Кулик.* Пт.

Водовикъ — 84. (§ 176. Род. п. ед. ч. муж. р.). — У *Куликов.* па-
лубное суденышко. (*Даль.* с. в. вода. *Олонец.*)

Однородецъ — 85. (§ 180. Род. ед. ч.). — Только у *Далл.* с. в.
одинъ = землякъ.

Прошелецъ — Только у *Далл.* с. в. прохаживатъ = пролазъ, проыра.
— 85 (§ 181. Род. п. ед. ч.).

Чистецъ — Только у *Далл.* с. в. чистый = ленъ вычищенный.
Растеніе.

Хвостецъ — Только у *Далл.* с. в. хвость = песчаная отмель,
коса. *Арх.*

— 86 (§ 182. Род. п. ед. ч.).

Серпецъ — Въ словаряхъ *нетъ* этого слова.

Тосну — првм. стр. 121. (Пропинціальное произношеніе: деръгаю —
прим. стр. 185) = *Подв.* грустить. *Холм.* *Поссем.* Такжѣ въ примѣ-
чаніяхъ по рукописи Ломоносова приведены слова:

Наслѣгъ — 148. (Слово древне-русское = почлегъ. См. Матер.
Срезневскую с. в. Встрѣчается у *Хемницера*. Нынѣ известно въ Новг.
Бят. говорахъ).

Устрецъ — 151. — Въ словаряхъ *нетъ* этого слова, какъ и слова
„наслѣгъ“. Къ такимъ-же пропинціализамъ слѣдуетъ отнести слова,
встрѣчающіяся и не въ „Грамматикѣ“.

Изневага — 236. 245. — Только у *Далл.* с. в. = насилие, неволя.
Ниж. Сиб.

Сподохи — 339. — У *Подв.* Сподохи = сѣверное сіяніе. *Поссем.*

Рухля — 399. — Только у *Далл.* с. в. = вялый, сыпучий, рыхлый.

Особенно много пропинціальныхъ словъ и, главное, —произнешеній

(срв. выше: деръгаю) встрѣчаемъ мы въ статьѣ о маюлахъ, среди примѣръ на глаголы:

Свою, поздаю—108. 119. Глонуль—109. 118. 146. Но: глотну—109. Бѣжу—112. Даваю, роню—112. Злю—118. Сопу—113. 145. Мичу—114. 125. Чуль, чутъ—115. 120. 128. (По поводу этого слова: „чуть” замѣтимъ кстати, что въ черновыхъ бумагахъ Ломоносова находятся нѣсколько поправокъ къ отдѣльнымъ статьямъ изъ „Грамматики”, писанныхъ чужою рукою какъ-бы въ отвѣтъ на запросы со стороны Ломоносова, и эта чужая рука сообщаетъ Ломоносову сълѣдующія по московскому языку, какъ-бы исправляя и поучая Ломоносова. Такъ, на стр. 190 примѣчай мы читаемъ: „Причастіе чутъ неупотребительно”. На стр. 187 находится замѣткіе: „Въ московскомъ діалектѣ давно прошедшее употребительно: блескивалъ, клеветывалъ...”). Уже и приведенныхъ словъ достаточно для того, чтобы признать въ Ломоносовѣ провинціала, который, несмотря на свое желаніе изучить „московское благородное нарѣчіе”, несмотря даже на большие успѣхи въ своемъ изученіи, всетаки не могъ отдѣлаться отъ своего провинциального лексикона, а иногда даже и отъ произношенія. При составленіи „Грамматики” Ломоносову, оказывается, нужны были „московские люди”—помощники, какъ видно изъ черновыхъ бумагъ Ломоносова, которые бы своими замѣтками и исправленіями относительно употребленій нѣкоторыхъ словъ и относительно произношенія ихъ въ московскомъ діалектѣ, такъ сказать, помогали бы Ломоносову въ его „Грамматикѣ” держаться блестящимъ московскимъ языкомъ и не выходить за его предѣлы. (Такъ, напримѣръ, еще въ примѣчаніи на стр. 183 мы читаемъ замѣтку, писанную чужою рукой: „Глаголы: лачу, лакалъ; мачу, макаль, въ Москве употребляются: лочу, локнудъ; мочу, мокнудъ... Здѣсь уже указано прямо произношеніе¹). Но ни собственные изученія Ломоносова, ни его московские помощники не уберегли Ломоносова отъ того, чтобы не помѣщать въ „Грамматику” такихъ словъ, которая въ ней совершенно неумѣстны и были излишни, въ особенности въ то время. (Напримѣръ, слово „ажка” совершені.

¹) Въ Грамматикѣ на стр. 117 § 305 Ломоносовъ пишетъ: „Чу перемѣняется въ казахъ: лачу, лакалъ; мочу, мокнудъ”.... А на стр. 119 § 310 оѣ же пишетъ: „Промѣняется однократное имѣть слѣдующіе глаголы: лочу, локнудъ; мочу, мокнудъ”.... Въ рукописи № 112 (прим. стр. 183) Ломоносовъ будто-бы пишетъ: лачу, лакалъ; мачу, макаль”. Очевидно, что здѣсь сказаны два произношенія: акающее и окающее. Объ этомъ идетъ рѣчь въ „Замѣткѣ”, писанной чужою рукой, которая исправляетъ Ломоносова.

никому не понятно, а между тѣмъ оно приведено среди образцовъ, долженствующихъ показать, что род. п. мн. ч. образуется со „вставнымъ“ звукомъ о передъ слогомъ: -ка: „ахокъ“. См. выше. Этого слова и въ специальныхъ словаряхъ по отдельнымъ нарѣчіямъ не отыщешь, а оно приведено безъ обясненія въ „Грамматикѣ“. И такихъ словъ много: мы еще не все перечислили.

Вотъ еще цѣлый рядъ словъ, бывшихъ въ произношениіи Ломоносова, но не необходимыхъ въ „Грамматикѣ“.

Стражу — строгаль — 117.

Мараю — марнуль — 118.

Плюскаю — 118. — Въ словаряхъ нѣть этого слова.

Плью — 120. 122. — У *Подв.* с. в. = тѣтъ, затѣтъ. *Онеж.* Холм. *Шенк.* Срв. у *Куликов.* с. в. = пытать.

Слизну — ослиз — 120, Въ словаряхъ нѣть.

Пнаю — 122. — Въ *Слов. Подземоискателю и Куликовскому* нѣть.

Цыты! — 192 — Срв. 216: „цыцъ“. („Цыть“ — областное произношение).

Назоромъ — 189. Срв. прим. стр. 204. („Налѣтомъ“, „назоромъ“...).

У *Подв.* = осмотръ. S. v. (см. здѣсь примѣръ).

Ворса — 144. Только у *Далля* с. в. = волосъ.

Восылибо — 189. (Но, напр., форма „хочемъ“ — не пристойна — 168).

(См. также много проянц. словъ въ ркп. № 112 на стр. 256 примѣчаній къ IV тому: „чать будетъ“, „восли бо будетъ“...).

Болю — 145.

Брячу — 145. 146. Повсемѣство въ свр. говорахъ вм. „бречу“.

Дорбжу — 146. — См. у *Далля* с. в. дорбга = провожу дорога?

Ложу — 143. (Въ губерніяхъ сѣверныхъ и восточныхъ вм. кладу такъ постоянно говорить народъ).

Полицу — венолстия — 147. — У *Подв.* с. в. поблестить = избивать, ерошить. *Онеж.* Холм. *Нип.* *Мез.* *Шенк.*

Оковъ ржи — 221. Стар. слово: хлѣбнал мѣра. (См. *Далля* с. в. обковывать). См. *Довернуа.* Матер. с. в.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно привести въ примѣръ употребленіе собственныхъ именъ существительныхъ, Ломоносовъ рѣдко обходится безъ упоминанія своихъ родныхъ названій изъ „Поморской“ страны. Такъ, постоянно онъ приводитъ изъ разныхъ надежахъ название города Архангельска: „У города Архангельского“ — 218. „Илыть къ городу Архангельскому“ — 219. „Отъ города Архангельского“ — 219, Имена отечественные „Холмогорецъ“ и „Холмогоръ“. „Важанинъ“ и

„Ваганъ“.—§ 235. Стр. 99. См. Словарь Арх. нарѣчія *Подъсоцкую* в. т. Ваганъ. Или: „Плыть Двиною“.—219. „На Куростровѣ“—217 и друг. „Приморское мѣсто Дубки называемое“—194 и мн. др.

Сопоставляя далѣе съ вышеприведенными провиниціальными словами, съ его произношеніемъ вообще (въ удареніяхъ и въ звукахъ) и въ этихъ словахъ въ частности, поскольку это произношеніе Ломоносова отразилось въ его правописаніи, сопоставляя со всѣмъ этимъ цѣлый рядъ его замѣчаній въ „Грамматикѣ“ относительно словопроизводства и формъ. Приводимыхъ имъ въ ихъ простонародной оболочкѣ, мы получимъ такое впечатлѣніе отъ его „Грамматики“, что *съ неї изображены параллельно собственно два языка: языкъ московской интеллигентіи времени Ломоносова и языкъ простого народа Москви съ значительной примѣстью диалектическихъ славеро-русскихъ элементовъ.* Такъ, Ломоносовъ ставитъ рядомъ двѣ формы: *чола* и *челъ* (чту)—116. (§ 301); ставить рядомъ съ формами неопределеннаго наклоненія *на-и:* *плести* и проч. также формы скресть, *плесть*, *весьть*, *вывѣсть*—126. 279 (форма „*вывѣсть*“ даже въ официальной рѣчи въ Академіи: „О пользѣ химіи“ 1761 г. Тутъ-же слова: въ счетѣ—274. *сроткаго вѣку*—274. *завостроватымъ*—275. Между тѣмъ обыкновенно: *осмь*—стр. 28 (безъ звука *в*). *Вѣсу*—род. ед. ч.—275. Но: *привлещи*—неопр. и.—275. Глубокой математикъ.—279. Но: *любопытный рабочий*—279. Или въ род. и. ед. ч. жен. р. „*пребогатыя госпожи своего*“—278 и под. смѣщеніе и параллельное употребленіе *приимчныхъ сму* формъ рядомъ съ формами книжнаго языка московскихъ дворянъ). Далѣе, сравняте также его правописаніе формъ *прич. прош. вр.* стр. залога—129; народныя формы причастій *ва-чи* даже отъ глаголовъ II-го спряженія—стр. 130. 131. 150. 170. Съ другой стороны обратите вниманіе на его замѣчанія о формахъ причастія *на-май*—стр. 184, гдѣ онъ говорить, что „*весма не пристойно производить эти формы отъ русскихъ глаголовъ.* То-же онъ говорить и о формахъ прич. *ва-мий*, однако самъ ихъ употребляеть даже отъ такихъ глаголовъ, отъ которыхъ эти причастія намъ теперь неизвѣстны. Формы *на-май*—см. 185; *даемый*—170. Далѣе мы читаемъ его замѣчаніе: „*Ее, въ просторѣчіи, ся въ штиль употреблять пристойнѣе*“—179. (Замѣтимъ, что *ея* и до сихъ пора говорятъ „*книжные люди*“ даже въ Москвѣ). И онъ рядомъ съ *стими книжными формами* Ломоносовъ даетъ мѣсто въ своей „Грамматикѣ“ и такимъ формамъ, оборотамъ и словамъ, которыхъ извѣстны лишь въ просторѣчіи: такъ, напримѣръ, онъ приводить отлагольныя междометія, среди которыхъ есть и меж-

дометіе „созвъ“ отъ глагола „совать“, стр. 175, гдѣ онъ говоритъ объ „особливомъ свойствѣ простаю (*sic!*) Россійскою языка“; приводить въ примѣръ сочиненія числительного съ существительнымъ выраженіе: „съ одиѣмъ дитятемъ“, 197; употреблять обороты въ родѣ: „бывало становѣть сказывать“, 209; повторяетъ предложеніе: „на горѣ на высокой“, 215; приводить примѣры употребленія предлога „на“ при именахъ городовъ: „на Москвѣ весело“, 217 и проч. Все это онъ узаконяетъ въ „Грамматикѣ“, оговариваясь однако жеоднократно о томъ, что „пристойно“ въ языкѣ „благородномъ“, и что означаетъ „нѣчто подлое“ (стр. 127), или что „весыма дико и слуху несносно“ (излпримѣръ, причастіе „качаємый“, трогаемый“, 185); или что „слуху досадно“ и „весыма странно“ (188, см. *passim*). Такимъ образомъ, мы наглядно видимъ, чому удѣлено място въ „Грамматикѣ“ Ломоносова, и какъ рядомъ съ фактами языка „штилевого“ здѣсь сообщаются *въ качествѣ примѣровъ и образцовъ съ разной силой и одинаковымъ достоинствомъ* въ рѣчи, какъ и факты языка „штилевого“, факты языка простонароднаго (припомнить род. и. ед. ч. на -у, формы: есть, и есть; форму: чолъ; выраженія въ родѣ: „на Москвѣ“ и мн. др.). Особенно важно, что всѣ эти факты идутъ рядомъ другъ съ другомъ *не въ языке самого Ломоносова только, но въ материалѣ самой „Грамматики“*, въ томъ материалѣ, съ которымъ имѣть дѣло, по мнѣнію Ломоносова, сама грамматика. На это обстоятельство я обращаю вниманіе потому, что можно было бы его трактовать, какъ согласное съ теоріей самого Ломоносова, который говорить, что „Въ прозѣ предлагать имъ (то-есть среднимъ штилемъ, смѣшаннымъ языць церковно-славянскіхъ и русскихъ речений) пристойно описанія дѣль достопамятныхъ и ученій благородныхъ. (О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ. IV, 228. Не ранѣе 1755 г. Примѣч., стр. 235. Слѣдовательно, написано *позже* „Грамматики“). А, такъ какъ „Грамматика“ есть, именно, ученое сочиненіе, то-есть „описаніе ученій благородныхъ“, то въ языкѣ ея должны быть *средній штиль*. Но въ томъ-то и дѣло, что эти „штили“ мы видимъ не только въ языкѣ, которымъ написана „Грамматика“, но и самая „Грамматика“-то составлена изъ обозрѣнія фактовъ просторѣчія рядомъ съ фактами „высокаго штиля“. Далѣе, „Грамматика“ поднесена великому князю, и въ „Посвященіи“—тоже факты просторѣчія, какъ мы видѣли выше. Кроме того, эти факты просторѣчія идутъ рука обь руку съ фактами „высокаго штиля“ и *въ языке обицаемыхъ речей* (см. выше), которыми должны бы быти и писаться и говориться „высокимъ штилемъ“ (см. верхъ, 250, 269. громчае,

253. рѣдае, 337. праведной славы достигли, 307. бесперерывный, 342, 409. Но: беспрестанно, 393. движими, 367. Но въ „Грамматикѣ“—движемый. Слѣзы, 390. Звѣзды, 256, 357. Цвѣты, 394. Удараеніе Ломоносовъ ставить надъ этими словами *послѣдовательно*, чтобы произносить ихъ со звукомъ *е*, а не съ *ё*. Другіе примѣры такого смѣщенія формъ и произношеній мы видѣли выше въ офиціальныхъ рѣчахъ: род. ед. ж. р. на *-ыя*, неопр. и. на *-ым* и мн. др.¹⁾). Ясное дѣло, что для объясненія предложенныхъ нами выше фактъ языка Ломоносова надо допустить только одно, что Ломоносовъ *расходился самъ съ собой въ словѣ и дѣльѣ*: въ своей теоріи (О пользѣ книгъ церковныхъ. Заключенія о штильѣ въ „Грамматикѣ“) онъ говорилъ *одно*, а самъ *дѣялъ другое*, не слѣдя часто своей теоріи. Это фактъ. Но вопросъ: *почему онъ такъ дѣялъ; сознательно, или безсознательно?* Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы выѣмъ во всемъ предыдущемъ изложеніи, въ обѣихъ нашихъ статьяхъ, посвященныхъ Ломоносову, его языку и его дѣятельности въ исторіи нашего языка. Дѣло въ томъ, что, подготавлившись къ составленію русской грамматики, Ломоносовъ къ этому времени вынесъ опредѣленные взгляды на значеніе народнаго языка въ исторіи нашего литературнаго языка, но предложить Грамматику, въ которой эти взгляды были бы послѣдовательно пропедены, значило въ его время сдѣлать такой шагъ, который въ самомъ своемъ началѣ былъ бы уже обреченъ на порицаніе, глумленіе и, главное, на *отверженіе*. Это значило „*провалить*“ Грамматику и ея результаты, но крайней мѣрѣ, на время. Вотъ по этимъ соображеніямъ Ломоносовъ долженъ былъ сдѣлать свое дѣло дипломатично и осторожно: онъ показалъ намъ свою точку зрѣнія на „*свойства*“ языка, отыскалъ эти „*свойства*“ въ языкѣ народномъ, пропустилъ элементъ народности и въ свои сочиненія и въ „Грамматику“, назначенню, конечно, какъ показываетъ „*Посвященіе великому князю*“, прежде всего для Двора и образованнаго дворянства; все это онъ сдѣлалъ, но сдѣлалъ тонко и умно: онъ мѣстами *умышленно* (мы это видѣли) скрылъ подъ общей оболочкой грамматическихъ правиль и замѣчаний истинныя начала, которыми должна питаться русская литературная рѣчь, а мѣстами ясно показалъ (мы это тоже видѣли) же-

¹⁾ Всѣ эти и подобные примѣры взяты и выше выбраны нами изъ различныхъ *южнославянскихъ* словъ, *торжественныхъ* речей и публичныхъ сообщеній Ломоносова, посвященныхъ въ IV т. его сочиненій. Филологическія его сочиненія оканчиваются въ IV томѣ 248 страницъ.

въя начала въ нашемъ языкѣ. Наконецъ, мѣстами онъ *неумышленно* (напримѣръ, въ словахъ провинціальныхъ, которыхъ приведено безъ *надобности* слишкомъ много) обнаружилъ въ себѣ провинціала, какъ и въ ранихъ своихъ произведеніяхъ, и тѣмъ, невольно слѣдилъ силѣ своего „материнскаго языка“, впавъ въ промахи, которые въ „Грамматикѣ“ рѣзко поражаютъ читателя.

Въ виду только что сказанного, его „Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ...“, можетъ быть, написано имъ тоже, съ одной стороны, для оправданія основы своей „Грамматики“, съ другой, — для того, чтобы не оскорбить традицій дворянства.

Исторія нашего литературнаго языка показала памъ уже по смерти Ломоносона, что онъ былъ правъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ обнаруживалъ свой взглядъ на самый языкъ, что онъ изобразилъ памъ дѣйствительное состояніе русскаго языка своего времени, что онъ предвидѣлъ дальнѣйшее его развитіе на почвѣ народныхъ элементовъ, но, съ другой стороны, исторія отвергла тѣ попытки Ломоносова, которыя касались не самого языка въ его жизни, а *правописанія и слова*. Попытка ввести свое правописаніе, попытка связать извѣстное содержаніе сочиненія съ извѣстнымъ слогомъ признаны въ теченіе времени неудачными, и, конечно, потому, что въ этихъ попыткахъ начало развивающейся по своимъ законамъ жизни языка Ломоносовымъ было отодвигнуто на второй планъ. То же можно сказать и о неудачной попыткѣ его внести въ рѣчь провинціальные слова архангельского нарѣчія. Нельзя сказать, чтобы Ломоносовъ самъ не понималъ трудности писанія фонетическаго правописанія: онъ говорить: „Ежели положить, чтобы по сему (по московскому) выговору всѣмъ писать и печатать, то должно большую часть Россіи говорить и читать снова переучить насильно“ (Грамматика, § 115, стр. 53). Идеаль сго иранописанія однако выражены имъ въ § 112 (стр. 52), гдѣ онъ говоритъ: „Въ иранописаніи наблюдать надлежитъ: 1) Чтобы оно служило къ удобному чтенію каждому знающему Россійской грамматѣ. 2) Чтобы не отходило далече отъ главныхъ Россійскихъ діалектовъ, которые суть три: Московской, Сѣверной, Украинской. 3) Чтобы не удалялось много отъ частаго выговору. 4) Чтобы не закрылись совсѣмъ слѣды произхожденія и сложенія реченій“. Само собой разумѣется, что это лишь теоретическое построеніе и навыполнимое желаніе, но важно, что здѣсь одновременно допущены и этиологическое, и фонетическое начала.

Такимъ образомъ, послѣ всего сказаннаго слѣдуетъ признать, что

Ломоносовъ не внесъ ни правописанія, ни словъ, ни соотвѣтствія между содержаніемъ литературныхъ произведеній и слогомъ языка въ нашъ литературный языкъ. Разысканія въ области языка и лингвистическихъ сочиненій самого Ломоносова убѣждаютъ насъ въ томъ, что Ломоносовъ сдѣлалъ сводъ всего того, что служило составомъ русского языка интеллигентія въ его время, что онъ указалъ намъ путь дальнѣйшаго развитія литературнаго языка и далъ намъ образцы произношеній въ разныхъ слояхъ общества своего времени. Онъ ничего своего въ языкѣ по „сочинилъ“, не „создалъ“, и его произведенія остаются лишь важными памятниками въ исторіи русского литературнаго языка, какъ памятники, въ которыхъ получаетъ дальнѣйшее развитіе и отраженіе народный языкъ. А его „Грамматика“ и прочія филологическія работы показываютъ намъ, что онъ умѣлъ связать прошлое нашего литературнаго языка съ его будущимъ и пытался поставить изученіе языка на надлежащую почву въ методологическомъ отношеніи.

Евг. Бурде.

ИЗЪ ИСТОРИИ СНОШЕНИЙ ГРУЗИИ СЪ РОССИЕЙ ВЪ XVIII В.

Царь Вахтангъ VI и императоръ Петръ Великій.

Золотая эпоха государственного и культурного расцвѣта Грузіи совпадаетъ съ укрѣпленіемъ въ ней династіи Багратидовъ въ теченіе X—XII вѣковъ, возрожденіемъ же своей мощи въ XVIII вѣкѣ, ослабѣвшій подъ тяжелыми ударами монголовъ, турокъ, персовъ и лезгинъ, она обязана въ политическомъ отношеніи царю Ираклію II (1744—1798), а въ культурномъ—царю Вахтангу VI (1675—1737), обретенному значительную часть жизни скитаться безъ скрипетра въ предѣловъ своей страны.

Судьба царя Вахтанга Левановича можетъ служить яркимъ при-
мѣромъ характеристического состоянія грузинскихъ правителей въ
періодъ ихъ вассальныхъ отношеній къ могущественной державѣ. Съ
раннихъ лѣтъ до гробовой доски надъ нимъ тяготѣлъ злополучный
рокъ, перегонявшій его поочередно то въ Грузію, то въ Турію, то
въ Персию и, наконецъ, въ Россію. Еще будучи пятнадцатилѣтнимъ
юношей, Вахтангъ былъ отправленъ въ качествѣ заложника дядей,
карталийскимъ царемъ Георгіемъ XI, по волюреніи шт. Имеретіи пра-
вителемъ страны Аргила, при содѣйствіи пашей эрзрумскаго и ахарг-
цихскаго. По возвращеніи на родину, онъ участвовалъ въ народномъ
возстаніи противъ Ираклія I, или Назарь-али-хана, назначенаго
шахомъ намѣстникомъ Карталиніи, то есть, Восточной Грузіи¹⁾.

Цѣль возстанія — возвратить престолъ вышеназванному Геор-
гію XI—была не достигнута, и Вахтангъ бѣжалъ въ Имеретію, где

¹⁾ *Histoire de la Géorgie*, II, p. 82—99.

въ 1694 г. женился на Русудани, дочери владѣтеля Черкессіи. Назаръ-али-ханъ торжествовалъ побѣду веселыми пирами, а Георгію XI (Гургенъ-хану) повелѣно было шахомъ усмирить возмутившихся авганцевъ и белуджистанцевъ. Въ награду за удачный походъ, шахъ, по просьбѣ Гургенъ-хана, предписалъ своему намѣстнику Назаръ-али-хану возвратить скрывавшемуся въ Имеретіи Вахтангу всѣ наслѣдственные его владѣнія. За умиротвореніе же дѣлъ въ Кандагарѣ Гургену-хану былъ пожалованъ престолъ Карталиніи, временнымъ правителемъ которой, по сверженіи Назаръ-али-хана, былъ назначенъ Вахтангъ Левановичъ (въ 1703 г.).

Двадцати-восьмилѣтній правитель Карталиніи, Вахтангъ, прозванный Гуссейнъ-кули-хапомъ, энергично взялся за дѣло, ему порученное. Правленіе его продолжалось лишь 8 лѣтъ (1703—1711), но за этотъ промежутокъ времени онъ сдѣлалъ для подъема своей отчизны столько, сколько ни одинъ изъ ближайшихъ его предшественниковъ. Онъ первый основалъ въ Тифлісѣ типографію, въ которой были отпечатаны богослужебныя и свѣтскія книги. Самъ, прекрасный знатокъ восточныхъ языковъ и писателей, занялъ выдающіеся мѣсто въ литературѣ, въ качествѣ переводчика и автора многочисленныхъ произведеній. Онъ впервые собрали въ одинъ сводъ грузинскія лѣтописныя свѣдѣнія и въ одинъ кодексъ дѣйствовавшіе издревле законы и обычай. Ему же принадлежитъ („Дастулама“) опредѣленіе государственныхъ повинностей и установленіе административного порядка. Къ этой сторонѣ дѣятельности мы еще вернемся, скажемъ теперь только, что въ интересахъ поднятія православія, Вахтангъ, воспользовавшись распадениемъ Персіи, снова перешелъ изъ ислама въ христіанство¹⁾, въ 1705 г. предоставивъ кафедру католикоса брату своему Доментію, вернувшемуся изъ Россіи, возстановилъ разрушенные при Иракліи I города и церкви. „Богоbezзечный, щедрый, смиренный и милосердый къ вдовамъ, сиротамъ и бѣднякамъ“, по словамъ лѣтописи, онъ оставилъ теплая воспоминанія въ сердцахъ народа²⁾. Онъ подчинилъ своему вліянію имеретинъ и кахетинцевъ (Кар.-Цховр. II, 71), возстановилъ порядокъ внутри страны, обезопасивъ ее отъ вѣшнихъ вторженій лезгинъ и

¹⁾ Буткоевъ, Матеріали для нової исторіи Кавказа, I, стр. 16, 61 (С.-Пб., 1869 г.).

²⁾ Ce prince dès son enfance, s'était montré religieux, sage, ami de la science, aimant à construire et orner les églises,... il était clément, pacifique, examinant mûrement et parlait avec gravité. Ibid., 100.

осетинъ, разрушивъ ихъ крѣпости, служившія средоточиемъ ихъ военныхъ силъ (Картл.-Цховреба II, 77).

Послѣдствія мудрой дѣятельности Вахтанга Левановича уже успѣли благотворно отразиться на спокойствіи и благосостояніи грузинскаго народа, но ему, по тяготѣвшему въ то время надъ Грузіей року, не долго суждено было оставаться во главѣ правленія. Шахъ, въ знакъ особой милости, пожаловалъ ему царскій титулъ и вызвалъ его къ себѣ въ Персию въ 1712 г. Повелѣніе изстари исполнялось безпрекословно, цари покидали тронъ свой, предоставляемъ страну игрѣ судьбы и случайныхъ обстоятельствъ. Вахтанга, поспѣшившаго ко двору шаха, принялъ съ подобающимъ торжествомъ и для вящшаго закрѣпленія государственныхъ узъ между сузереномъ и его вассаломъ предложено было послѣднему перейти въ исламъ. Вахтангъ уклонился произнести отреченіе отъ вѣры Христовой, и съ этого-то времени начинается рядъ его бѣдствій, не прекращавшихся до послѣднихъ дней его жизни. Прежде всего шахъ лишилъ Вахтанга трона, назначивъ царемъ Грузіи брата его, яраго мусульманина, Іессея, получившаго имя Али-кули-хана. Семья Вахтанга, опасаясь гоненій нового правителя, находить убѣжище въ Имеретії, а самъ низложенный царь, являясь и вѣтъ власти сильнымъ противникомъ ненавистнаго народу за безчинства Іессея, былъ отправленъ повелителемъ Ирана въ Кирманъ.

Но не долго бразды правленія оставались въ рукахъ и санаго решегата Іессея. По истечениіи же семи лѣтъ, гибель шаха Гуссейна постигъ его, вслѣдствіе обнаружешой ямъ неспособности обуздать хищныхъ леагинъ, — былъ смѣщенъ съ престола Карталиціи, управление которой снова поручается Вахтангу, притворно принявшему исламъ, какъ онъ писалъ впослѣдствіи въ 1718 г. русскому послу Волынскому. Вахтангъ приносить чрезъ Волынского благодарность царю Петру Великому за милости, оказанныя въ Россіи его родственникамъ, и считаетъ нужнымъ, во избѣженіе подвергнуться со стороны православной церкви проклятию за отступничество, объяснять, что онъ „отвергся Христа не для славы міра сего, не для богатства тѣлѣнаго, но только для того, чтобы освободить семейство свое изъ заключенія, и хотя онъ принялъ меракій законъ магометанскій, но въ сердцѣ остается всегда христіаномъ и падѣется опять обратиться въ христианство съ помощью царскаго величества“ ¹⁾).

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 31 (Москва, 1868).

Царь Вахтангъ, подъ именемъ Гуссейна-кули-хана, одновременно былъ назначенъ повелѣніемъ шаха „правителемъ Грузіи и сасала-ромъ (то-есть, военачальникомъ) Эрана и Тавриза“; поэтому ему пришлось остаться въ Персіи, а намѣстникомъ его объявляется сынъ его Бакарь, который, впрочемъ, оказался недостаточно энергичнымъ, чтобы положить конецъ набѣгамъ лезгинъ. Тогда шахъ отпускаетъ въ Карталанію Вахтанга, на которого возлагается обязанность умиротворить и обезопасить непрерывно расхищаемую Грузію. Вахтангъ дѣятельно взялся за дѣло. Онъ наказалъ своихъ противниковъ (сомнітскаго царя и князей Баграта Цинцишвили, Драмаша Херхелидзе и др.), въ короткое время обуздываетъ горцевъ, но прекратить вторженія лезгинъ и ему не удается. Власть его въ Грузіѣ еще невполнѣ укрѣпилась, влияніе на сосѣднія племена только намѣчалось, когда неопределеннное его положеніе тѣмъ болѣе осложнилось столкновеніемъ между Россіей и Персіей и роковымъ по своимъ послѣдствіямъ участіемъ, которое онъ принялъ въ борьбѣ названныхъ державъ.

Петръ Великій давно стремился создать на прибрежья Каспія прочные пункты торговли. Окончивъ тяжелую войну на Западѣ, царь устремилъ взоры на югъ и исполнителемъ своихъ предназначенній выбралъ Артемія Петровича Волынскаго, отправленного посломъ къ шаху Гуссейну. По собственноручно исправленной Петромъ Великимъ инструкціи, данной Волынскому, послѣднему предписывалось отправиться моремъ и вернуться сухимъ путемъ и ознакомиться, какъ съ самою Персіей, такъ съ ея владѣніями на Кавказѣ¹⁾. „Мнѣ мнится,— писалъ впослѣдствіи съ Кавказа Волынскій государю,— что здѣшніе народы привлечь политикой къ сторонѣ Вашей невозможно, ежели въ рукахъ оружія не будетъ“. Предусмотрительность его вскорѣ оправдалась, и вооруженное вмѣшательство Петра Великаго въ политику Востока стало неизбѣжнымъ. Случился неожиданный погромъ, погубившій въ самомъ зародышѣ мирное назначеніе Россіи въ Закавказье. Успѣшно развившійся торговый пунктъ Шемаха въ 1722 г. подвергся разоренію свирѣпыхъ лезгинъ, причинившихъ огромный уронъ русскимъ купцамъ. Это событие подкрутило доводы Волынскаго и склонило Петра Великаго въ пользу рѣшительныхъ дѣйствій. Обстоятельства премени способствовали къ осуществленію ви-

¹⁾ Бутковъ, Материалы для новой Исторіи Кавказа, I, 6: „Волынскій доставилъ государю подробнѣшія свѣдѣнія о Персіи во всѣхъ отношеніяхъ.“

довъ великаго преобразователя. Внутреннее разстройство Персіи достигло крайнихъ предѣловъ. Без силе шаха Гуссейна ободрило авганцевъ. Повелитель ихъ Махмудъ овладѣлъ персидскою столицею. Грозная Турція видѣла удобный случай завладѣть персидскими областями, а также утвердиться на Кавказѣ и Каспіі. Всі совокупность этихъ событій приводить къ тому, что персидскій походъ рѣшень. Петръ Великій самъ становится во главѣ этого труднаго предпріятія.

Союзникомъ государя становится царь Вахтангъ VI, который еще въ 1718 г., будучи главнокомандующимъ персидскою арміей, вступилъ чрезъ грузина Форсаданъ-Бека въ переговоры въ г. Шемахѣ съ Волынскимъ, прося у послѣдняго указаний, „какъ ему поступать съ персіанами“ ¹⁾). Въ 1720 г. Петръ Великій далъ наказъ Волынскому, назначенному уже астраханскимъ губернаторомъ, „чтобы принца грузинскаго (то-есть, Вахтанга) искать склонить такъ, чтобы онъ въ потребное время былъ надеженъ намъ и для посылки взять изъ грузинцевъ дому Арчилова“ ²⁾). Имѣется въ виду царица имеретинская, тетка Вахтанга, жившая въ то время въ Россіи. Волынскій съ успѣхомъ исполнилъ свою миссію. Сношенія его стъ царемъ Вахтангомъ, знатокомъ Персіи, постепенно усиливались. Онъ цѣнить мнѣнія Вахтанга и спѣшить сообщить ихъ своему государю. Въ августѣ въ 1721 г. Волынскій писалъ царю: „грузинскій принцъ“ ³⁾ (Вахтангъ) прислалъ ко мнѣ и къ сестрѣ своей съ тѣмъ, чтобы мы общѣ просили ваше величество, дабы вы изволили учинить съ нимъ милость для избавленія общаго ихъ христіанства, и показываетъ къ тому способъ: 1) чтобы ваше величество изволили къ нему прямо въ Грузію ввести войскъ своихъ тысячъ пять или шесть и повелѣли засѣсть въ его гарнизонъ, объявляя, что онъ видѣть въ Грузіи несогласіе между шляхетствомъ; а скажи войска ваши введены будутъ въ Грузію, то уже и поневолѣ принуждены будутъ многіе его партіи взять; 2) чтобы для лучшаго ему увѣренія изволили сдѣлать десантъ въ Персію тысячахъ въ десяти или больше, чтобы отобрать у нихъ Дербентъ или Шемаху, и безъ того вступить въ войну опасно; 3) просилъ, чтобы изволили сдѣлать крѣпость на рѣкѣ Терекѣ между Кабарды и гре-

¹⁾ Соловьевъ, оп. с., стр. 92.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Этимъ титуломъ, какъ увидимъ ниже, былъ недоволенъ Вахтангъ и доказывалъ русскому правительству, что иностраннными державами именуется царемъ, и подписывался *Vartanch orientalis Iberiae rex*. См. „Переписка“, 22.

бенскихъ казаковъ и посадить русскій гарнизонъ для свободной съ Грузіей комуникаціи и для его охраненія¹). Волынскій присоединилъ при этомъ къ сказанному, что „предполагаемые резоны Вахтанга не безсильны“ ему кажется. Вахтангъ не ограничивался одними совѣтами и указаниями относительно „способа“ дѣйствій. Онъ становится вооруженнымъ противникомъ сузерена и союзникомъ Россіи, обѣщаюю государю, если онъ воспользуется слабымъ состояніемъ Персіи и вступить въ войну съ нею, поставить въ поле отъ 30 до 40.000 человѣкъ и пройти до самой Испаганіи, „ибо онъ персіанъ бабами называется“.

Доводы Вахтанга и Волынского въ связи съ желаніемъ воспрепятствовать туркамъ утвердиться на Каспійскомъ морѣ побуждаютъ Петра Великаго вѣтомъ 1722 г. выступить въ походъ противъ Персіи. Обаяніе имени побѣдоноснаго царя обеспечиваетъ ему успѣхъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Правители Тарковскій и Аксайскій спѣшатъ ему заявленіемъ своей покорности. Царь овладѣваетъ Дербентомъ, но двигаться дальше не входить въ его планы: онъ рѣшился вернуться назадъ, удовольствовавшись закладкой гор. Св. Креста, между рѣками Агродазио и Сулакомъ, который долженъ прикрывать русскія границы вмѣсто прежней, признанной неудобной, Терской крѣпости. Возвращеніе Петра Великаго изъ Дербента было неожиданностью для царя Вахтанга, которому было назначено мѣсто между Дербентомъ и Баку для соединенія съ русскою арміей. 2-го іюня 1722 г. Петръ Великій изъ Астрахани отправилъ къ царю Вахтангу кн. Бориса Туркестанова, прибывшаго еще въ Москву отъ послѣдняго съ грамотой, написанной по-латыни римскими патерами. Государь извѣщалъ въ отвѣтъ Вахтанга, что онъ надѣется ко времени прибытія въ Грузію Туркестанова быть въ предѣлахъ Персіи и предлагать грузинскому царю въ интересахъ христіанства начасть смерна на дагестанцевъ, заграждавшихъ русской арміи движеніе въ Персію, а потомъ соединиться съ нимъ въ томъ мѣстѣ, которое ему онъ назначитъ, 8-го августа, по прибытію къ берегамъ Аграхани съ арміей, идущей на г. Терки. Грузинскій царь изъявлялъ, чрезъ Туркестанова же, свою радость²) по поводу получения отъ Петра гра-

¹⁾ Соломонъ, оп. с., стр. 84.

²⁾ Вахтангъ называлъ Петра неугасимою лампадкою при гробѣ Христовѣ и лѣнцемъ четырехъ патріарховъ, а себя потомкомъ Давида и Соломона, увѣрилъ въ своемъ послушаніи русскому государю, которого пришествія они всеѣ ждали, какъ Адамъ, сидя въ адѣ, ждалъ сопѣществія Христа избавителя. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 76—76. Ср. Нереникова..., стр. 139.

моты и извѣщалъ о своей готовности начать войну противъ лезгинъ, а затѣмъ стараться пробраться чрезъ персидскія ханства для соединенія съ русскимъ войскомъ, Туркестановъ объявилъ государю, что турки тоже присылали посланство къ Вахтангу, требуя, чтобы онъ поддался султану и соединилъ свои войска съ турецкими для войны противъ Персии, обѣщая ему власть надъ всѣми христіанскими подданными Порты въ Грузіи, но Вахтангъ отклонилъ этотъ союзъ, и осенью 1722 г. былъ уже въ походѣ противъ лезгинъ, которыми стать помогать изъ вражды къ Вахтангу кахетинскій царь Константінъ.

Вахтангъ явно сталъ измѣпникомъ шаха, своего сюзерена, отвергъ союзъ съ Турцией въ надеждѣ на дружбу съ Россіей, а между тѣмъ Петръ Великій, принятый въ Шамхальскомъ владѣніи и Дербентѣ безъ сопротивленія, оставилъ городъ отчасти по недостатку провіанта и возвратился въ Астрахань. Грузины были огорчены этимъ отѣздомъ, тѣмъ болѣе, что 6-го сентября, наканунѣ своего отѣзда изъ Дербента, Петръ Великій получилъ извѣстіе, что Вахтангъ съ 80-тысячнымъ грузинскимъ войскомъ стоитъ на Курѣ и ожидаетъ прибытия русской арміи къ Шемахѣ, чтобы двинуться далѣе (Бутковъ, оп. с., I, 30). Съ дороги изъ Дербента Петръ Великій отправилъ къ Вахтангу подпоручика Ивана Толстаго съ неожиданнымъ порученіемъ склонить царя, чтобы онъ убѣдила шаха уступить Россіи Каспійское прибрежье и христіанскія свои владѣнія, для сохраненія остального съ помощью императора отъ бунтовщиковъ и притязающей Порты. Прибывшій въ началѣ ноября Толстой далъ знать изъ Тифлиса, что онъ здѣсь не нашелъ Вахтанга, вмѣсто котораго править побочныій его сынъ Вахуштъ, пришедший въ ужасъ по поводу возвращенія императора. Вахуштъ представлялъ всю опасность, въ какой очутилась Грузія. Страна была обречена испытать гибель шаха и неизрѣзанъ султана за усердіе, проявленное къ Россіи Вахтангомъ. Эразрумскій наша, по указу султана, уже въ другой разъ присыпалъ съ угрозами, что если грузины не поддадутся Портѣ, то земля ихъ будетъ разорена. Вахтангъ не считалъ свое дѣло проиграннымъ и, прибывъ въ Тифлисъ, охотно взялся исполнить порученіе императора относительно мирныхъ переговоровъ съ шахомъ, которому не безызвѣстны были его отношенія къ Россіи. Результатомъ его переговоровъ было отрѣшеніе отъ грузинскаго престола за измѣну своему сюзерену. 30-го января 1723 г. въ Тифлисѣ полученъ былъ указъ шаха, коимъ онъ жаловалъ царство Карталинское кахетин-

скому владѣльцу. Послѣдній немедленно явился подъ Тифлисомъ, но Вахтангъ отказался добровольно уступить свой тронъ сопернику, а дальнее имъ сраженіе было проиграно, и онъ лишился престола, потерявъ кредитъ въ народѣ и поддержку со стороны прежнихъ союзниковъ. Турки въ то время заняли значительную часть Грузіи. Вахтангъ оставилъ Тифлисъ въ 1723 г. и перебрался въ горы съ русскимъ посломъ Толстымъ, когда Петръ Великій велѣлъ отправить изъ Астраханіи въ Грузію на помощь Вахтангу двухъ-тысячный отрядъ драгунъ подъ начальствомъ капитана Баскакова. Распоряженіе оказалось заноздалымъ и бесполезнымъ: вся Грузія уже была занята турками и персами. Наконецъ, въ 1724 г. Вахтангъ, пріютившійся въ Имеретіи съ 1723 г., получилъ приглашеніе отъ императора прибыть въ Россію¹⁾ съ малою свитою, предписавъ мѣстнымъ начальствамъ содѣйствовать зависящими отъ нихъ средствами его безопасному перѣѣзу.

Въ 1725 г., когда Петра Великаго уже не стало, прибылъ въ Москву Вахтангъ съ сыномъ Бакаромъ и братомъ Симеономъ въ сопровожденіи капитана Лопухина, отправленаго на встречу грузинскому царю въ Астрахань. Вахтангъ, прибывъ въ С.-Петербургъ, представилъ къ императрицѣ Екатеринѣ I, которая его принялъ милостиво и пожаловала кавалеромъ ордена Св. Андрея. Вступивъ въ переговоры съ русскими министрами относительно способовъ избавленія Грузіи отъ мусульманъ, Вахтангъ заявилъ, что онъ, во-первыхъ, „войдеть съ своей землей во владѣніе Россіи“, и, во-вторыхъ, необходимо построить крѣпость на минеральныхъ водахъ для прѣсченія сношенній левинъ съ Крымомъ. При дальнѣйшихъ объясненіяхъ Вахтангъ испрашивалъ 5.000 войска, съ помощью коего онъ надѣялся возвратить отторгнутыя земли и прибавки къ 24.000 руб., указомъ правительствующаго сената отпускаемыхъ ему съ семействомъ ежегодно со времени прибытія въ Москву. „По высокой породѣ своей“, Вахтангъ, являясь, вопреки донесенію Волынскаго, не простымъ принцемъ, а „сіательнымъ, сильнѣйшимъ и вѣльможнѣйшимъ королемъ иверскімъ“²⁾, какъ свидѣтельствуетъ употребляемый въ грамотѣ титулъ наѣбъ, считать невозможнымъ содержать себя назначающою малою

¹⁾ Переписка грузинскихъ царей съ россійскими государями отъ 1660 по 1770 г. (С.-Пб., 1861), стр. LXXV—LXXIX. *Буткофъ*, оп., с. L, стр. 51.

²⁾ *Illustrissimo et potentissimo Iberiae regi*; титулъ „сіательный“, по объяснению русскихъ министровъ, дается даже исчиновному шляхетству.

суммой и просить аудиенція у государыни. На жалобы свои Вахтангъ получилъ неутѣшительный отвѣтъ. Его упрекали въ томъ, что не съумѣлъ обуздать лезгинъ и соединиться съ русскими войсками къ предназначенномъ Петромъ Великимъ мѣстѣ между Баку и Дербентомъ, занявшиими частными ссорами съ кахетинскимъ ханомъ (царемъ Константиномъ); что онъ поспѣшалъ отдаться подъ покровительство султана, когда еще не было подъ Тифлисомъ турецкаго султана, не дождавшись отправленія къ нему на помощь войска въ 2.000 человѣкъ; что касается до построенія крѣпости близъ минеральныхъ водъ, то оно не состоится, такъ какъ „принцъ“ отказывается тамъ жить, трудно доставлять провіантъ и содержать тамъ войска для охраненія войска. Больѣе или менѣе отрадныи нушѣтъ въ отвѣтѣ коллегіи иностраннѣй дѣлъ гласить, что государыня обѣщаетъ, въ случаѣ переселенія грузинъ въ значительномъ числѣ въ предѣлы Россіи, обеспечить ихъ материально, а Вахтангу позволяетъ „жить въ нашемъ отечествѣ и ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ къ избавленію его государства отъ невѣрныхъ“¹⁾.

Вскорѣ возникли событія, въ которыхъ участіе Вахтанга „могло принести пользу“ правительству Екатерины I. Въ 1726 г. русское правительство задумало уклониться отъ вмѣшательства въ персидскія дѣла. Вслѣдствіе дороговизны содержанія и нездорового климата, и предполагалось вывести русскія войска изъ персидскихъ провинцій Гильяна, Мазандерана и Астрабада, куда со временеми персидскаго похода было отправлено болѣе 26 тысячъ человѣкъ,—то такъ, чтобы по уходѣ русскихъ, турки не могли утвердиться въ тѣхъ мѣстахъ. Отправиться въ Персию и вести переговоры съ шахомъ Таг-маспомъ было поручено Вахтангу „во уваженіе къ опытности и искусству его въ дѣлахъ персидскихъ, къ кредиту и славѣ его въ тамошнихъ краяхъ, къ благонамѣренности и радѣнію его къ пользамъ Россіи и своей собственной, при обѣцканіи иѣщаго покровительства Вахтангу и его семейству“. Съ Вахтангомъ въ Персию отправился назначенный туда главнокомандующимъ ген.-аншефъ князь Василий Долгорукій. Послѣ многихъ переговоровъ, бывшихъ между персидскими и россійскими министрами, при посредствѣ Вахтанга, обѣ договаривающіяся стороны признали трактатъ, предложенный Измаилъ-бекомъ²⁾, въ силу котораго передавались въ вѣчное владѣніе Россіи

¹⁾ Перееписка..., стр. CLXXX.

²⁾ Персидскій послъ къ россійскому двору. Булакъ, оп. с., Л, I, 88, 40—42 и 89.

Дербентъ, Астрабадъ и всѣ области, упомянутыя въ трактатѣ. Въ 1728 г. указомъ повелѣно было Вахтангу возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь Вахтангъ позабылъ свои ходатайства предъ государыней о защите грузинъ противъ турокъ, которые, по извѣстіямъ, получаемымъ ех-царемъ, грабили святыя обители, принуждали жителей къ обращенію въ исламъ, опустошали села и города. Онъ чрезъ вице-канцлера графа Остермана просилъ позволенія отправить въ несчастную родину одного изъ сыновей своихъ, съ прибытиемъ котораго могли бы прекратиться бѣдствія, объясняющіяся отсутствіемъ сильнаго властителя въ Грузіи. Въ 1733 г. генералъ Левашевъ изъ крѣпости Св. Креста доносилъ, что прибывшіе къ нему грузины просятъ о присылкѣ хотя сына грузинскаго царя, могущаго своимъ влияніемъ удержать земли, еще неподвластныя туркамъ¹⁾). Наконецъ, въ 1734 г. русское правительство признало нужнымъ, въ противодѣйствіе туркамъ и персамъ, возвести сноска на престолъ Вахтанга или его сына и поддерживать ихъ всѣми возможными способами, не давая впрочемъ русскаго войска въ интересахъ соблюденія мира между Россіей и Турцией.

1-го мая 1734 г. въ силу высочайшаго указа Вахтангъ съ сыномъ Бакаромъ отправился на Кавказъ. Въ инструкціи, данной ему въ руководство, повелѣно по пріѣздѣ въ Дербентъ, войти въ тайпія сношеннія съ патріархомъ и представителями армянъ, которые еще въ 1722 г. присыпали Петру Великому въ Астрахань депутацію, проси о помоціи и защите отъ испаныхъ. Вахтангъ долженъ былъ разобрѣдать, какимъ способомъ армянъ, съ давнихъ временъ расположенныхъ къ Россіи, привести въ русское подданство и побудить ихъ къ поднятію оружія противъ невѣрныхъ; требовалось собрать всѣ свѣдѣнія насчетъ христіанъ, живущихъ въ Грузіи, Имеретіи и другихъ смежныхъ областяхъ; стараться по возможности получать извѣстія о всѣхъ напреніяхъ и приготовленіяхъ турокъ противъ персіанъ и Россіи; принимать какъ можно больше грузинъ и горцевъ, даже не христіанъ, на русскую службу, могущихъ дѣйствовать выѣстѣ съ русскимъ регулярнымъ войскомъ; поручалось также разслѣдованіе различныхъ сторонъ политической жизни Персіи и ея влиянія на Кавказѣ.

По прибытіи Вахтанга съ сыномъ въ Дербентъ, началось совѣ-

¹⁾ Онъ объясняетъ опасность турокъ для Россіи занять пограничную съ нею часть Грузіи.

щаніе, въ результатѣ котораго было постановлено признать несовершенность исполненія вышеприведеннаго указа, вслѣдствіе чего Вахтангъ и Бакаръ возвратились въ Россію въ 1736 г. Опустошенія же Грузіи, Карталии и Кахетіи за это время со стороны Персіи и Турціи продолжались попрежнему. Кахетинскій владѣтель Теймуразъ-Николаевичъ описывалъ государынѣ бѣдственное состояніе своей страны и разореніе ея отъ турокъ и просилъ отправить къ нему на вспоможеніе грузинскаго царевича генералъ-лейтенанта Бакара¹), сына Вахтанга. Послѣдній также возобновилъ ходатайство передъ государыней чрезъ гр. Остермана оказать ему „содѣйствіе по рохомъ, свидѣцомъ и дѣпъгами“, обѣщацъ „каратъ враговъ Россіи и благотворить ея доброжелателямъ“². Въ случаѣ же неудовлетворенія въ требуемой имъ помочи, онъ просилъ его отправить въ Кизляръ или въ другое мѣсто, гдѣ на службѣ Россіи, не будеть щадить своей жизни³). Но дѣла приняли неожиданный оборотъ. По ганжійскому договору 1735 г. Россія уступила Персіи Баку, Дербентъ и Кубинское хозяйство, оставила крѣпость Св. Креста, и бывшее тамъ войско было переведено въ Кизлярскую крѣпость, вновь воздвигнутую на лѣвомъ берегу р. Терека. По грузинскимъ источникамъ можно заключить, что царь Вахтангъ, прибывъ въ Астрахань, не поѣхалъ больше въ Москву, разочаровавшись въ возможности осуществленія своей мечты — вернуться къ роднымъ пепелищамъ. Не долго, впрочемъ, ему оставалось жить въ Астрахани: опять умеръ здѣсь въ 1727 году 25-го—27-го марта⁴) и погребенъ былъ въ мѣстной соборной церкви⁵). Смерть его вызвала чувства глубокаго сожалѣнія, соединенные съ отчаяніемъ, выраженія которыхъ сохранились въ поэмѣ Давида Гурамишвили „Давиѣранъ“, современника и спутника злополучнаго царя.

А. Жахаметъ.

¹⁾ Буткоевъ, оп. с., I, 66.

²⁾ Нерениска..., стр. LXXXV—LXXXVIII.

³⁾ Царевичъ Вахушти, сынъ Вахтанга, считается днемъ смерти отца 27-е марта, лѣтоисчисление Сехнія Чхайдзе 26-е марта, а Картилисъ Цховреба 26-е марта См. „Нерениска“, стр. 220, Hist. de la Géorgie, II partie, 2 livr., p. 53.

⁴⁾ Въ 1762 г. рядомъ съ могилой царя Вахтанга былъ преданъ землѣ прахъ другаго царя Теймураза II, зата Вахтанга VI.

ЕЩЕ О СИКУЛАХЪ, УМБРАХЪ И ЛАТИНЯНАХЪ.

НОВЫЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ И ИХЪ ОЦѢНКА.

I.

Сикулы.

Кажется, еще такъ недавно я занималъ читателей *Журнала Министерства Народнаго Просвещенія* бесѣдой о сикулахъ, умбрахъ и латинянахъ, имѣя подъ руками самыя новыя археологическія даннныя, бросающія свѣтъ на отдаленнѣйшее прошлое этихъ народовъ и дающія иѣкоторый ключъ къ рѣшенію вопроса объ ихъ происхожденіи. Статья о сикулахъ появилась всего годъ и четыре мѣсяца тому назадъ¹⁾; статья о происхожденіи латинянъ, можно сказать, только что окончена²⁾, а между тѣмъ и та и другая требуютъ дополненій: иначе онѣ остались бы далеко позади имѣющихъся теперь на лицо матеріаловъ, частью шире и ярче освѣщающихъ предметъ, частью заставляющихъ стать къ нему въ несолько иное отношеніе. Археологическіе матеріалы, относящіеся къ до-историческому періоду Италии, растутъ безпрерывно, и едва успѣешь овладѣть одною ихъ группой, какъ возникаютъ новыя и на сѣверѣ, и въ центрѣ, и на югѣ полуострова, столь богатыми данными продолжительного человѣческаго существованія. Внѣ Италии слѣдить за ними своевременно нѣть возможности, особенно въ Россіи, гдѣ въ силу укоренившейся привычки считаться только съ вопросами, поднимаемыми въ немецкой

¹⁾ Въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвещенія*, 1897 г.

²⁾ Въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвещенія*, 1898 г.

наукѣ, до сихъ поръ ни одно ученое учрежденіе не позаботилось обзавестись всѣми необходимыми изданіями, въ которыхъ новые археологическіе материалы, относящіеся къ древнѣйшимъ эпохамъ Италии, публикуются. Но и въ самой Италии, даже въ Римѣ, обнародованіе этихъ материаловъ нерѣдко очень замедляется, и своевременноезнакомство съ ними можно получить, лишь благодаря связямъ съ учеными, на разсмотрѣніе или запѣданіе которыхъ они поступаютъ. Все это дѣлаетъ понятнымъ, почему авторъ этихъ строкъ, пробывшія полтора слишкомъ года въ Россіи, гдѣ его статьи о сикулахъ и латиниахъ писались, нашелъ по возвращенію въ Римъ, что наличность добытыхъ въ его отсутствіе материаловъ уже значительно обогнала представленная и разработанная имъ данныя и требуетъ дополнительной работы.

Начнемъ эту работу съ сикуловъ.

1) Слѣды промышленности и жилище у сикуловъ.

Сикуламъ вообще посчастливилось въ послѣдніе годы. Не дальше, какъ лѣтъ восемь-девять тому назадъ, о нихъ говорилось и могло говориться только на основаніи литературныхъ преданій, не дававшихъ никакой твердой точки для научнаго решенія вопроса, да и не менѣе шаткомъ основаніи филологическихъ комбинацій, приводившихъ къ заключенію, будто сикулы—народъ латинскаго племени. Съ вступлениемъ въ послѣднее десятилѣтіе текущаго столѣтія стали появляться на свѣтѣ въ юго-восточной Сициліи, въ болѣе или менѣе близкихъ окрестностяхъ Сиракузъ или, по-древнему, Сиракузъ, вообще въ мѣстности, въ которой и по древнѣйшему преданію, и по свидѣтельствамъ греческихъ писателей о современномъ имъ туземномъ населеніи жили сикулы, непосредственные памятники жизни и культуры этого народа, закрытаго отъ глазъ исторіи греческою колонизацией. Памятники эти извлекались по преимуществу изъ многочисленныхъ искусственныхъ пещеръ, которыя устраивались въ горахъ острова съ тѣмъ, чтобы служить могильами для обитавшаго тутъ населенія. Начавшій эти раскопки, нынѣшній директоръ Сиракузскаго музея, профессоръ Паоло Орса, вскорѣ замѣтилъ, что населеніе это, оставившее на юго-восточной сторонѣ острова многія сотни и даже тысячи могильныхъ помѣщений, прожило тутъ цѣлые періоды культурной эволюціи, переходя отъ начатковъ энеолитического періода

къ бронзовому, носящему явный отпечатокъ микенской торговли и культуры, и отъ бронзового къ желѣзному, развившемуся подъ вліяніемъ греческой торговли и затѣмъ колонизации. Эту до-историческую эволюцію сикульской культуры, хронологически восходящей по своимъ начаткамъ ко временамъ древнѣйшихъ поселеній на Гиссар-ликѣ, Орси раздѣлилъ на три ясно обозначающіеся периода, пріурочивъ ихъ въ 1892 году къ тремъ мѣстамъ своихъ раскопокъ: Мелилла (періодъ энеолитической), Шлеммирю (періодъ бронзовый) и Тременчано (начало желѣзного вѣка), и оставилъ въ этого круга эволюціи чисто неолитический періодъ населения, оставившаго важнѣйшіе слѣды своего пребыванія въ отбросахъ близъ Стентипелло II, какъ оно замѣчалъ тогда, не однаковаго съ сикулами. Продолжая раскопки, неутомимый и необыкновенно проницательный сицилійскій ученый умножалъ мѣста, съ которыми связывался то тотъ, то другой, то третій періодъ до-исторической жизни сикуловъ и которыхъ подтверждали его теоріи о переходѣ одного и того же населенія юго-восточнаго берега Сициліи изъ одного періода въ другой, и такимъ образомъ вывелъ на свѣтъ божій въ постепенно видоизмѣнявшейся въ теченіе столѣтій культурной обстановкѣ цѣлый народъ, о которомъ до тѣхъ порь не говорилось ничего точнаго и положительнаго, если не считать сообщеній греческихъ писателей пѣзъ его судьбы позднѣйшаго времени. Но всѣ эти богатыя данныя, па основаніи которыхъ Орси опредѣлилъ ходъ развитія культуры сикуловъ, добыты ины. за исключениемъ отбросовъ Кастеллуччо, изъ могиль. Онѣ дали намъ характеристическую форму, какую имѣли могилы этого народа, представляясь спаружи въ видѣ печного отверстія (поэтому называются *tombæ a forno*); познакомили съ устройствомъ погребальной камеры, видоизмѣнявшейся постепенно съ усовершенствованіемъ орудій и бывшей сначала круглою или эллітическою, затѣмъ квадратною, спачала болѣе низкою и тѣсною, потомъ болѣе высокою и помѣстительною; познакомили съ положеніемъ въ ней труповъ, бывшихъ почти всегда скорченными, и съ погребеніемъ ихъ въ скелетированномъ видѣ, съ могильнымъ убранствомъ. Состолишилъ изъ извѣстныхъ сосудовъ и орудій, видоизмѣнявшихъ мѣстѣ съ ходомъ культуры, равно какъ и съ личными украшениями покойниковъ, также представляющими болѣе цѣлости и разнообразія по мѣрѣ культурнаго развитія и усиленія виѣшнихъ вліяній. Но весь этотъ материалъ интересный и богатый, является до извѣстной степени условнымъ: онъ даетъ достаточное понятіе о культурѣ народа, о степени его

благосостоянія въ разные періоды, обѣ его сношенихъ съ другими народами, но онъ собирался для могиль, согласно съ требованиями похоронного обряда и религіозныхъ представлений о загробной жизни, изъ которыхъ этотъ обрядъ вытекаетъ, и не говорить обѣ явленіяхъ жизни повседневной, не представлять намъ народа въ разные моменты или въ какой-либо моментъ его дѣятельности. Благодаря тому же материалу, мы знаемъ, гдѣ и какъ сикуловъ погребали, но до сихъ поръ мы еще не видали, какъ и гдѣ этотъ народъ строилъ себѣ жилища.

Неутомимому Орси посчастливилося, однако, нанасть, съ одной стороны, на данная, которая настъ непосредственно вводить въ одну изъ областей дѣятельности сикуловъ, въ одну, если можно выражаться по современному, изъ сферъ ихъ промышленности, съ другой—на сѣды ихъ обиталищъ, и все въ той же сиракузской провинціи.

Оказывается, что населявшіе юго-восточную часть своего благодатного острова сикулы были большиѳ рудокопы и эксплуатировали окружавшія ихъ горы съ цѣлью добыванія изъ нихъ кремня, изъ которого выдѣлывали свои орудія (ножи, лаконечники стрѣль и т. п.) и который изъ обработаннаго и необработаннаго видѣ продавали въ мѣстности острова, гдѣ этого, столь важнаго въ неолитическій и въ энеолитической періодѣ материала, не было. Въ апрѣль 1898 года Орси нашелъ въ горѣ Табуто особый видъ пещеръ или гротовъ, не похожій на знакомый уже намъ видъ гротовъ а fornio, устраивавшихся для погребенія. О существованіи гротовъ въ этой мѣстности, съ остатками археологического материала было, правда, извѣстно и раньше, именно съ 1884 года, когда проводилась дорога отъ равнины Комизо до Рагузы—Кьярамонте, при чемъ и обнаружилось нѣсколько гротовъ, но на извлеченій оттуда матеріалъ въ то время не было обращено вниманія, и онъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ венецій, попавшихъ въ Сиракузскій музей, почти весь растерялся. Теперь Орси повсюду въ этихъ древнійшихъ коняхъ, проложенныхъ среди известковыхъ пластовъ горы, правильныя раскопки. Раскопки эти не были безопасны, такъ какъ сюды рудниковъ, обрушившися въ древности среди производства работъ, грозили не рѣдко новымъ обрушениемъ. Свидѣтельствомъ несчастій, происходившихъ въ этихъ подземныхъ коридорахъ въ древности, служить не малое количество найденныхъ рабочими Орси тамъ и сямъ скелетовъ рудокоповъ, застигнутыхъ несчастіемъ, три съ половиною тысячи лѣтъ тому назадъ, среди своего тяжелаго занятія. Въ одной

изъ такихъ минъ (№ 1) въ одномъ помѣщениі находилось до сорока скелетовъ, лежавшихъ подъ грудой обрушившимся камней, по, какъ это видно по всему, снесенныхъ въ одно мѣсто уже впослѣдствіи. Среди этой груды костяковъ найдено было немногого осколковъ посуды, которая, однако, вся принадлежала къ первому periodу культуры сикуловъ, какъ онъ былъ опредѣленъ Орси ранѣе ¹), и въ которомъ посуда представляется такъ или иначе раскрашенною. Такъ какъ въ дальнѣйшихъ раскопкахъ заваленныхъ минъ обыкновенно встрѣчалось въ какомъ-нибудь коридорѣ по одному трупу, то Орси считаетъ себя вправѣ предполагать, что падроможденіе скелетовъ, заваленныхъ впослѣдствіи обрушившимися камнями, въ наиболѣе обширномъ помѣщениі копей объясняется именно нарочитымъ ихъ снесениемъ туда изъ разныхъ коридоровъ рудокопной мины, послѣ того, какъ эта минная камера не представляла болѣе искомаго материала для извлечения и была покинута рудокопами. Подтвержденіе этому предположенію онъ основательно видѣть въ томъ, что то же явленіе повторяется и въ другихъ коняхъ. Что предположеніе можетъ поддерживаться и тѣмъ фактамъ, что здѣсь такъ мало найдено посуды, которая, еслибы всѣ погребенные тутъ рабочіе были одновременно въ дѣйствіи, должна была бы находиться въ гораздо большемъ количествѣ. Совсѣмъ другое дѣло—рудники №№ 2—4, гдѣ въ узкихъ коридорахъ найдены не только многочисленные кремневые осколки рядомъ съ отлично обдѣланными изъ нихъ кремневыми ножами, но и огромная масса керамическихъ остатковъ въ видѣ сосудовъ большой и малой величины, глиняныхъ кадокъ, боченковъ и кувшиновъ, содержащихъ очевидно воду для рабочихъ, равно какъ и въ видѣ кружекъ, чашекъ и мисокъ, сохранившихся, какъ и выше указанные сосуды, нерѣдко въ цѣлости ²). Это обстоятельство, то-есть, находку оставленныхъ на мѣстѣ множества предметовъ какъ самой горной промышленности, такъ и домашней посуды, вполнѣ годной къ употребленію, Орси объясняетъ внезапнымъ оставленіемъ минъ, произшедшими вслѣдствіе какой-либо катастрофы, напримѣрь, землетрясенія, которое заставило людей бѣжать изъ помѣщениія, и безъ того опаснаго, по дѣлавшагося вдвойнѣ опаснымъ при землетрясеніи. Въ

¹) Си. мою статью о Сикулахъ, въ *Журнале Министерства Народного Просвещенія*, 1897 (ноябрь); стр. 32 слд. отдѣльного изданія, особенно на стр. 42.

²) См. изображеніе типовъ найденной посуды на табл. XX *Bulletino di paleontologia Italiana*, 1898 (а. XXIV).

одномъ мѣстѣ оказалась копь только начатая, но брошенная, такъ какъ рудокопы встрѣтили такой твердый слой известняка, что ихъ орудія (обыкновено асфальтовый топоръ или кирка, заостренный коль) оказались безсильными пробивать его далѣе. Разказыная, какъ иногда едва преодолимыхъ трудностей стоило нанять Орси рабочимъ, пробиваться по покинутымъ, три съ половиной тысячи лѣтъ назадъ, минамъ, гдѣ тѣсное пространство, заваленное осколками камня, лишенное воздуха и свѣта, позволяло часто подвигаться впередъ лишь ползкомъ по одному человѣку и только изрѣдка въ скорченномъ положеніи, какъ это было именно въ рудникѣ № 5, гдѣ нашлось много оставленной и хорошо сохранившейся посуды и поллюжин скелетовъ, Орси невольно обращается мыслью къ страшной тяжести труда древнихъ сикуловъ и говорить¹⁾): „Пространство отъ устья А до крайняго пункта (мины) внутри составляетъ, по меньшей мѣрѣ, полсотни метровъ, и это показываетъ, въ какой степени ужасна и упорна должна быть борьба этихъ рудокоповъ, которые, будучи вооружены лишь базальтовыми кирками да заостренными кольями, оспаривали у внутренностей горы скудный, но драгоценный кремень, въней заключавшися, борьба продолжительная, суровая и оплачиваемая,—я въ этомъ не сомнѣваюсь,—цѣною человѣческихъ жертвъ. Остатки этихъ жертвъ благочестиво укладывались ихъ братьями въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 35 вѣковъ назадъ совершились въ маломъ видѣ тѣ же катастрофы, которыя еще теперь, при такой полнотѣ культуры, при такомъ развитіи механическихъ средствъ, часто омрачаютъ, и при томъ въ огромныхъ размѣрахъ. всякий центръ горной промышленности“.

Такимъ образомъ передъ нами раскрывается новая страница изъ жизни до-исторического народа, страница, которой мы напрасно стали бы искать въ письменныхъ памятникахъ, но которую начертали въ темныхъ подземныхъ коридорахъ сохранившіяся тамъ орудія изъ кремня, на мѣстѣ добытаго и обдѣланшаго, виѣстѣ съ осколками этого минерала, съ множествомъ посуды, которая была необходима для утоленія жажды и голода рабочихъ, и виѣстѣ съ скелетами несчастныхъ тружениковъ, работавшихъ въ условіяхъ, особенно тяжелыхъ въ тотъ отдаленный вѣкъ каменной культуры, который когда-то, тысячелѣтія назадъ, переживали, одни раньше, другіо позже, всѣ народы, и остатки котораго теперь сохранились только въ самыхъ захолустныхъ мѣстахъ.

¹⁾ *Bull. di paletn. Ital.*, p. 181—182.

земного шара. Въ этихъ минеральныхъ копяхъ горы Табуто въ юго-восточномъ углу Сицилії, мы встрѣчаемся въ первый разъ съ горною промышленностью не только этого острова, но и цѣлой Италии. Промышленность эта принадлежала тому народу, которому преданіе приписывается¹⁾ начало римской исторіи, что и заставляетъ насъ останавливаться на всемъ, что его касается. Въ существенныхъ чертахъ культура этого народа, благодаря разсмотрѣннымъ нами, полтора года тому назадъ, археологическимъ данными, стала намъ извѣстна. Теперь къ этимъ даннымъ прибавились новые, не только въ наличныхъ доказательствахъ его отважныхъ и упорныхъ занятій на юго-западѣ острова горюю промышленностью, но и въ новыхъ, т. е. до сихъ порь намъ неизвѣстныхъ, видахъ его керамики. И тутъ мы встрѣтимся въ первый разъ съ цѣльными сосудами, служившими прямо для потребностей повседневной жизни, а не для условныхъ требованій погребального культа, какъ мы обѣ этомъ уже замѣчили. Такимъ образомъ первый сикульскій періодъ на острогѣ, періодъ, по Орси, энеолити-ческій, къ которому принадлежатъ минеральные кости горы Табуто, представляется здѣсь, кроме извѣстныхъ намъ по могильной обстановкѣ сосудовъ, большими амфорами, боченками и кувшинами (гидриями), не требовавшимися для могильной обстановки, но неизбѣжными для практической жизни, когда требовалось переносить воду на мѣста работы и распредѣлять ее тамъ между многими лицами; мало того, Орси нашолъ въ овальныхъ бочкахъ²⁾ этихъ копей доказательство связи первого сикульского періода со вторымъ, такъ какъ совершенно сходныя бочки были найдены раньше въ могилахъ второго сикульского (то-есть, чисто бронзоваго) періода въ могильникахъ Коццо Пантано, Фанса и въ могилахъ переходнаго времени Кастеллуччо³⁾. На ту связь, хотя менѣе ясно, указываютъ по нему, какъ тазы съ конической ножкой и съ веревочными рельефами⁴⁾, такъ ручка съ ромбами⁵⁾, которая, рѣдкая въ этомъ періодѣ, дѣлается будто бы „нормальнымъ“ явленіемъ въ послѣдующей керамикѣ⁶⁾. Указаніе на связь въ керамикѣ 1-го сикульскаго періода представляющаго намъ раскрашенные сосуды, съ 2-мъ періодомъ, гдѣ раскрашенные сосуды совершенно отсутствуютъ, для Орси имѣть особенное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ бывшій по-

¹⁾ См. начальныи страници въ статьѣ „О происхожденіи Сикуловъ“.

²⁾ *Bullet. di paleont. Ital.* 1898, табл. XX, фиг. 28.

³⁾ *Bullet. di pal. Ital.* 1892, табл. II, фиг. 16.

⁴⁾ *Bullet. etc.* 1898, табл. XX, фиг. 21.

⁵⁾ *Ibid.* XXI, фиг. 11.

мощникъ его въ сиракузскомъ музѣй, теперь неаполитанскій профессоръ, Джованни Патрони выступилъ противъ своего руководителя, съ новою теоріей ¹⁾), совершенно отвергающею связь 1-го и 2-го (по счету Орси) сикульскихъ періодовъ и приписывающею керамику 1-го періода другой народности, именно сикуламъ, которымъ Орси отдавалъ только „до-сикульскій“ періодъ древностей Стентинелло ²⁾). Но этотъ интересный споръ, въ который довольно рѣзко вмѣшился первый секретарь германского археологического института въ Римѣ Петерсенъ ³⁾, мы пока оставимъ въ сторонѣ, чтобы скорѣе покончить съ остатками культуры сикуловъ въ минеральныхъ копяхъ горы Табуто. Орси обращаетъ наше вниманіе на то, что въ найденной здѣсь керамикѣ мы находимъ новое подтвержденіе постоянства и однообразія доказательной системы, какую въ неолитическій періодъ, мы находимъ везде, гдѣ только встречаются сикульские могильники или стоянки, и въ основаніи которой лежитъ техника плетенія, т. е. воспроизведеніе мотивовъ, представляемыхъ плетеными корзинами. При этомъ надо замѣтить, что извѣстному виду сосудовъ соотвѣтствуютъ и этой системѣ и опредѣленные декоративные мотивы. Противъ вывода этихъ мотивовъ, изъ подражанія плетенію корзинъ возстаетъ Петерсенъ ⁴⁾ и, какъ мы кажется, напрасно. Онъ держится того взгляда, что орнаментика 1 сикульского періода есть только дальнѣйшее развитіе декоративныхъ элементовъ, какіе представляютъ посуда „до-сикульскаго“ (по терминологии Орси) періода въ отбросахъ Стентинелло, періода, который Орси выдѣляетъ, какъ не принадлежацій Сикуламъ, и который Петерсенъ хочетъ связать съ первымъ періодомъ сикульской культуры. При этомъ онъ ищетъ опоры у такъ имъ мало цѣннаго Патроны, который, какъ мы уже замѣтили, до-сикульскій и 1-й сикульскій періода отдаетъ сикуламъ. Но къ этому вопросу мы еще возвратимся. Теперь, чтобы покончить съ древностями горы Табуто, упомянемъ, какъ новость въ керамической орнаментикѣ найденныхъ тамъ сосудовъ 1-го сикульского періода, употребленіе бѣлой краски по черному; замѣтимъ, что краски на сосудахъ сохранились, какъ это особенно отно-

¹⁾ Въ статьѣ „La civilisation primitive dans la Sicile orientale“, помѣщенной въ *Anthropologie*, t. VIII (1897), p. p. 130—148 и 294—817.

²⁾ См. „о нихъ въ моей статьѣ „О происхожденіи Сикулонъ“ въ *Журн. Муз. Нар. Просв.*, ноябрь, стр. 28—31 отд. изд.

³⁾ Въ *Mittheilungen* Германскаго археологического института въ Римѣ 1898 (Bd. XIII).

⁴⁾ *Ibid.* p. 177 вqq.

сится къ материалу, найденному въ руднике № 5, въ необычайно свѣжемъ видѣ и, наконецъ, отмѣтимъ фактъ находки поверхъ остатковъ древняго периода жизни сикуловъ эпохи съ греческимъ геометрическимъ орнаментомъ 9—8 ст. до Р. Хр; найдена она была въ руднике № 1 и можетъ свидѣтельствовать только о посыщении его, спустя много столѣтій послѣ того, какъ онъ былъ окончательно оставленъ кѣмъ то, неизвѣстно съ какою цѣлью.

Въ ту же самую археологическую кампанію Орси принялъ за изслѣдованія горы Монтерачелло, лежащей нѣдалекъ отъ горы Табуто, къ востоку. Счастливый, какъ и всегда въ своихъ раскопкахъ въ Сициліи, онъ нашелъ тутъ рядомъ въ одномъ могильнике разныя формы могиль, чего еще не встрѣчалось до сихъ поръ ни въ Сициліи, ни въ другихъ мѣстахъ. Именно, кромѣ типической формы могиль съ нечнымъ отверстиемъ *a forno*, тамъ, гдѣ свойство горы, по хрупкости камня, не допускало устройства этой правильной формы, приспособлялись для погребенія естественные пещеры (гrotы), а тамъ, гдѣ нельзя было ни устроить для погребенія искусственного грота *a forno*, ни воспользоваться естественною пещерой, устраивались на поверхности изъ каменныхъ плитъ каморки въ видѣ долмениевъ съ тѣмъ, чтобы быть слегка засыпанными землей на подобіе пашнихъ могильныхъ насыпей. Такъ какъ всѣ эти виды могиль: искусственные гrotы, естественные гrotы, и долмени существуютъ въ Италии и на ея островахъ и обусловливаются лишь мѣстностью, допускавшою или тотъ или другой видъ погребенія въ эпоху, предшествовавшую прибытію въ Италию арійскаго племени, которое принесло съ собой обрядъ сожженія труповъ, то Орси, который вообще воздерживается отъ выводовъ и очень остороженъ, когда ихъ нужно дѣлать, приходитъ къ заключенію, что на всемъ протяженіи полуострова и острововъ къ нему прилегающихъ, жила въ эту эпоху одна раса и была одна культура, конечно, съ своею особою окраской въ разныхъ мѣстахъ, сообразной географическимъ и геологическимъ условіямъ мѣстности и особенностямъ внѣшнихъ вліяній. Дѣлая это заключеніе, Орси только повторяетъ положеніе Пигорини, уже давно провозглашающаго племенное и культурное единство „разныхъ вѣтвей иберо-лигурійской семьи“. Но фактъ присутствія въ одномъ мѣстѣ трехъ типовъ могиль, употреблявшихся въ разныхъ мѣстахъ распространенія этого племени, прикладываетъ, по мнѣнію Орси, печать къ этому тезису знаменитаго исследователя террамаръ, директора до-исторического музея въ Римѣ. Въ этомъ-же фактѣ Орси почерпаетъ и смѣость окончательно про-

возгласить то, что было и результатомъ нашего изслѣдованія „О происхожденіи Сикуловъ“, именно, что „Сикано-сикулы обитатели дозиллинской Сициліи, принадлежать къ расѣ въ культурѣ совершило различныя отъ расы и культуры такъ называемыхъ италиковъ, аріевъ, которые никогда не знали могилъ этого рода, а употребляли почти исключительно обрядъ сожжения“¹⁾.

Но могилы Монтерачелло интересны не только разнообразіемъ своихъ типовъ, которое, какъ мы видимъ, ведеть къ столь значительнымъ выводамъ, но отчасти и по своему содержанію. Во-первыхъ, тутъ среди общей обстановки, принадлежащей по своему характеру къ 1 періоду, есть предметы, которые представляютъ собой переходъ ко 2 періоду сикульской культуры или общи съ нами. Таковы большія, не имѣющія окраски, двуконическая вазы, извѣстный бѣтас съ двумя ушками, чашка изъ глины свинцового цвѣта съ свѣтлой поливой на поверхности, бронзовый кланокъ и иѣкоторые другіе. Существование этихъ предметовъ, показывающихъ связь между двумя періодами, особенно важно для нась и дорого Орси послѣ того, какъ (мы уже замѣчали объ этомъ выше) Патрони, оспаривая правильность его дѣленія сикульской культуры на три (вноглѣдствіи на четыре) періода, сталъ отнимать у него сикуловъ энеолитического періода, приписывая культуру этого періода сиканамъ. Во-вторыхъ, въ числѣ предметовъ, найденныхъ въ могилахъ Монтерачелло, обращаетъ на

¹⁾ *Bullettino etc.*, 1898, p. 203.—Очень и очень странно звучитъ послѣ всего этого уѣреніе извѣстного историка Сициліи, проф. Гольма, недавно снова имѣвшесказанное въ рецензіи на мой трудъ „о происхожденіи Сикуловъ“ *Berliner philologische Wochenschrift*, 1899 (№ 12), р. 370, будто пріятіе родства Сикуловъ съ Латинянами „есть всетаки единственное возможное научное рѣшеніе вопроса о происхожденіи Сикуловъ“. Уѣреніе это, высказанное Гольмомъ, такъ сказать, рго domo sua, во-первыхъ показывается, какъ сильно и Германіи отстали отъ научнаго движенія, изванищаго новыми чрезвычайно интересными и богатыми данными, касающимися древнѣйшихъ судеб Италии, и во-вторыхъ, какъ самомнѣніемъ тамъ продолжаютъ трактовать научными только то, что выходитъ изъ подъ пера германскихъ учёныхъ. Между тѣмъ, живущие въ Италии немцы отказались считать Сикуловъ латинянами, какъ напр. Гельбигъ, прежде считавшій это мнѣніе такъ-же неизбѣгаемымъ, наравнѣ съ Гольмомъ, или какъ Петерсъ, напичкавшійся теперь археологическими данными, относящимися къ различнымъ народностямъ краинѣйшей Италии, и наразу не высказавшійся въ пользу прежней пѣмѣцкой теоріи въ упомянутой статьѣ о добытомъ Орси археологическомъ матеріалѣ въ *Mittteilungen* германского археологического института въ Римѣ (1898, p. 149 вѣд.).

себя внимание въ известной степени обилѣ мѣдныхъ предметовъ (ножи, кинжалы, топоры плоской формы). Это естественно порождаетъ вопросъ: откуда эти мѣдные предметы, коль скоро въ горахъ Сицилии этого металла не пишется? Вопросъ этотъ важенъ, такъ какъ онъ указываетъ на морскую торговлю съ островомъ до микенской эпохи, которая привозила туда уже бронзу. Можно думать, что мѣдные предметы привозились съ востока, гдѣ источникомъ мѣдной культуры служилъ ос. Кипръ; можно думать, что съ запада, изъ Испаніи, гдѣ мѣдныя руды были открыты очень рано, и откуда, быть можетъ, мѣдиая культура распространялась въ энеолитической періодъ и въ сѣверной Италии, гдѣ она теперь изслѣдуется съ такою тщательностью однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ и трудолюбивыхъ молодыхъ римскихъ ученыхъ¹). Положеніе Сициліи таково, что она одинаково могла вести сношенія какъ съ восточною торговлей Средиземного моря, такъ и съ западною, и если Орси отдаетъ, въ данномъ случаѣ, предпочтеніе западу, то это лишь потому, что формы мѣдныхъ ножей и кинжаловъ съ округленнымъ основаніемъ и безъ черенка, обычная въ этотъ періодъ въ Испаніи²), равно какъ и плоскіе топоры, прямо находятъ себя соответствующіе въ Сициліи (въ Табуто, Панталикѣ). Но что у Сициліи были сношенія съ востокомъ и въ до-микенскую эпоху, это также не подлежитъ сомнѣнію. Связь 1 сикульского періода съ древнейшею Троей мы видѣли не только въ формѣ и орнаментации сосудовъ, но и въ находкеніи въ Кастеллуччо тѣхъ трубчатыхъ и украшенныхъ шариками и рѣшетчатымъ узоромъ костей, о которыхъ у насъ говорилось въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ“³), и которая имѣютъ полное соответствіе съ экземпляромъ, найденнымъ во второмъ соинменномъ городѣ на Гиссарликѣ⁴). Трудно сказать, какой это былъ именно народъ, который въ отдаленнѣйшую, въ до-микенскую и въ до-финикийскую

¹) Я имѣю въ виду превосходный, хотя еще не оконченный трудъ проф. Дж. Анджело Колини, инспектора въ римскомъ *Museo preistorico*, директоромъ которого состоитъ Нигориани; трудъ г. Колини, печатавшійся въ теченіе цѣлаго года (1898) въ *Bullettino di palethnologia Italiana*, носитъ заглавіе: „Le vermicreto di Remedello-Sotto nel Bresciano e il periodo eneolitico in Italia“.

²) См. интересную работу Сирса (Ciret): *Les premiers âges du metal dans le Sud-Est de l'Espagne*. Anvers, 1897, fig. 449, 538.

³) Журналъ Министерства Народного Просвещенія, 1897, ноябрь; стр. 41 и 45 отд. изд.

⁴) См. у Шлимана въ *Hios*, fig. 983.

эпоху привозилъ одинъ и тѣ же вещи въ Трою и въ Сицилію, но это былъ, вѣроятно, тотъ самый народъ, который былъ также морскимъ посредникомъ между Сициліей и Испаціей.

Наконецъ на горѣ Монтерачелло Орса открыла слѣды сикульской хижинь. Изъ сохранившейся половины каменного основанія ея видно, что форма хижинь, какъ и сѣдовало ожидать¹⁾, была круглая. Между находками (осколки большихъ сосудовъ, поддюжинъ кремневыхъ ножей, куски кремня и обсидіана, осколка базальтоваго топора и др.) нашелся одинъ изъ тѣхъ глиняныхъ роговъ, какіе были находимы въ отбросахъ Кастеллуччо и въ разныхъ мѣстахъ Сициліи среди предметовъ культуры всѣхъ трехъ періодовъ, и которые видимо имѣли у сикуловъ символическое значеніе для домашняго очага, какъ объ этомъ у насъ говорилось еще въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ“²⁾ и какъ объ этомъ разсуждаетъ Орса по поводу найденаго профессоромъ Риццо новаго рога въ области Джирдженти близъ Катателло³⁾. Поселеніе, къ которому принадлежала открытая хижина, находилось на горномъ хребтѣ, какъ вообще любили строить свои поселенія не только сикулы, объ обычаяхъ которыхъ строиться такъ упоминаетъ еще Діодоръ Сицилійскій (V, 6), но до извѣстной степени и вообще иберо-лигурійское племя въ неолитическую и энеолитическую эпоху тамъ, где приходилось жить среди горъ, какъ это старалася выяснить цитатами изъ сочиненій, касающихся разныxъ народностей, Пинча въ своей статьѣ „Le civiltà primitive del

¹⁾ Объ этой формѣ прежде всего говорили древнѣйшія формы могилъ, которые и въ Сициліи, какъ и въ Италии, измѣнились изъ четвероугольныхъ по мѣрѣ измѣненія жилищъ, какъ это было и съ урнами арійскаго населения, соотвѣтствовавшими по формѣ жилищамъ. (См. мою статью „О томъ, откуда принадли и кто были знатиане“ въ Журнале Министерства Народного Просвещенія, 1898, декабрь, стр. 242; отд. изд. 57); затѣмъ ее стали подтверждать находками въ разныхъ мѣстахъ: острона основанія хижинъ, какъ, напримѣръ, въ Катателло близъ Джирдженти (см. *Bullett. di paletti. Ital.*, 1897, р. 111) и въ Катани (см. *Notizie degli scavi*, 1898, р. 222). Наконецъ, круглая форма хижинъ является типичною въ неолитической и энеолитической Италии, то-есть, среди населеній иберо-лигурійскаго племени, къ которому принадлежали сикулы. Эта типичность одинаково сохраняется какъ на югѣ, до Сициліи включительно, такъ и на крайнемъ сѣверѣ Италии. См. у Колини изъ его упомянутой работѣ о могильникахъ въ Remedello-Sotto въ Брешіанской провинціи, въ *Bullett. di paletti. Ital.* 1898, р. 103.

²⁾ Журналъ Министерства Народного Просвещенія, 1897, ноябрь; отд. изд. стр. 44.

³⁾ См. *Bullett. di paletti. Ital.*, 1897, (а. XXIII), р. 117.

Lazio¹), противъ которой въ другихъ отношеніяхъ я не мало спорилъ въ своей работѣ о происхожденіи латинянъ.

2) Сикулы въ Италии.

Въ то время, когда писалась моя работа о происхожденіи сикуловъ, начаты были раскопки въ южной Италии, именно въ провинціи Базиликатѣ, въ странѣ, въ которой, а равно и южнѣе которой, то есть, въ древней Эпирѣ греческихъ писателей, жили изгнанные, по преданію, изъ Лациума сикулы²). Раскопки эти дѣлали, по порученію министра народнаго просвѣщенія, молодой ученый, бывшій до того помощникомъ Орси въ Сиракузскомъ музѣѣ, а теперь неаполитанскій профессоръ и инспекторъ Неополитанскаго музея древностей Джованни Патрони. Отчетъ объ этихъ раскопкахъ печатался въ *Notizie degli scavi* 1897 года (мартъ, апрѣль и май), и въ концѣ его авторъ счелъ себя въ правѣ сдѣлать заключеніе, что „собралъ достаточно указаній для того, чтобы не могло быть болѣе сомнѣнія въ существованіи, согласно относящемуся къ сикуламъ древнему преданію, на югѣ полуострова народа родственнаго народу восточной Сициліи, и особенно сикуламъ бронзового вѣка“. Данныя эти были на первый взглядъ подозрительны, хотя нельзѧ сказать, чтобы были неожиданы. Отсутствіе подобныхъ данныхъ чувствовалось иною во все продолженіе моего труда, но я получилъ о нихъ первое извѣстіе (не самыя еще данные), уже тогда, когда трудъ мой былъ напечатанъ³). Ознакомившись съ ними, я ждалъ случая, чтобы воспользоваться ими для дальнѣйшихъ соображеній о происхожденіи сикуловъ и ихъ культурѣ. Случай этотъ и представляется мнѣ въ настоящую минуту. Но теперь у меня подъ руками не только частичныя дан-

¹) См. *Bullettino della Commissione archeologica comunale di Roma*, 1898, р. 58, в. 99.

²) См. въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ“, *Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія*, 1897, ноябрь, стр. 10—12 отд. изд.

³) Раньше чѣмъ дошла до меня въ Петербургѣ *Notizie degli scavi* 1897 года, мнѣ сообщили о находкахъ Патрони гейдельбергскій профессоръ фонъ-Дунъ, получившій мою брошюру „О происхожденіи сикуловъ“. Вопроſъ о сикулахъ въ то время интересовалъ его не менѣе, чѣмъ меня, и потому онъ интересѣлся, съ какимъ онъ отнесся къ много обѣщавшимъ раскопкамъ въ Базиликатѣ. Самый отчетъ Патрони въ *Notizie degli scavi* дошелъ до меня въ Петербургѣ нескользкими мѣсяцами позже.

ныя печатавшагося въ разное время отчета, но и цѣльная работа, соцердоточенная на одномъ пункѣ раскопокъ, подъ заглавіемъ „Un villaggio Siculo presso Matera nell'antica Apulia“ и напечатанная въ VIII томѣ (1898 г.) *Monimenti Antichi*, издаваемыхъ римскою академіей линчеевъ, и даже отдѣльный экземпляръ этой работы, любезно присланный миѳ авторомъ изъ Неаполя, чтоб даетъ миѳ возможность писать эти строки не въ библіотекѣ германскаго института или въ національной библіотекѣ Виктора-Эммануила, такъ какъ подобныя изданія, какъ *Monimenti Antichi*, на домъ не выдаются, а за письменнымъ столомъ въ своемъ кабинетѣ. Но только, какъ мы увидимъ, добытая Патрони данныя далеко не оправдывали тѣхъ ожиданий, какія, при первомъ извѣстіи о нихъ, были съ ними связаны.

Посланый для раскопокъ на счетъ суммъ неаполитанской дирекціи, завѣдывающей раскопками въ южной Италии, Патрони послѣ посѣщенія разныхъ мѣстностей древней Луканіи¹⁾ и Апуліи, о которыхъ онъ сообщилъ свѣдѣнія въ своемъ отчетѣ въ *Notizie degli scavi*, 1897 (мартъ, апрѣль, май), и остановился на окрестностяхъ Матеры, именно на Murgia Timone, где уже были находимы предметы глубокой древности. Тутъ то онъ и нашелъ слѣды того древняго поселенія, которое называеть „сикульскою деревней“ и которому посвящалъ особое изслѣдованіе.

Что тутъ было очень древнее поселеніе, это несомнѣнно. Объ этомъ свидѣтельствовали не только остатки каменныхъ орудій (кромѣ наконечники стрѣлъ и копій), и осколки грубой посуды, дѣланной безъ гончарного станка и обожженной на вольномъ огнѣ, но и каменные основанія хижинъ, такъ называемыхъ у итальянцевъ *fondi di cappane*, круглой формы. Въ серединѣ этихъ каменныхъ основаній находится дыра, но не для очага, такъ какъ слишкомъ узка, а очевидно для столба, служившаго для поддережки кровли, которая должна быть конической. Хижинъ такого вида не встрѣчаются или, по крайней мѣрѣ, не встрѣчались до сихъ поръ въ доисторической Италии. Поэтому Патрони, не желая оставлять ихъ въ исключительномъ положеніи, находить для нихъ родственницъ въ Африкѣ у готтентотовъ, обитателей Огненной земли, у населеній галласовъ и сомаловъ, у негровъ юго-западной Африки, наконецъ, у ашантіевъ, и въ заключеніе замѣчаетъ, что эти конические хижинъ,

¹⁾ Сюда между прочимъ относятся: Atena-lucana съ остаткомъ древней стѣны и Sala Consilina съ могильною утварью VI ст. до Р. Хр.

какъ это вообще показываютъ наблюденія этнографовъ относительно такого рода хижинъ, строятся или образуя собой кругъ, или въ разсыпную, но не по прямой линіи. какъ это бываетъ съ четвероугольными хижинами. Именно восемь изъ найденныхъ Патрони хижинъ были построены кружкомъ, остальные въ разбросъ. „Вѣроятно“, замѣчаетъ онъ, „первые образовали первоначальное ядро поселенія, которое потомъ расширялось съ возникновеніемъ новыхъ жилищъ“. На это мы съ своей стороны замѣтили, что были ли тѣ хижины, которая опъ напечь, первопачальнымъ ядромъ, или нетъ, мы не знаемъ, но знаемъ то, что устройство хижинъ не похоже на то, что мы знаемъ о сикульскихъ хижинахъ въ Сициліи, которая, имѣя круглое основаніе, сидѣли въ то же промя глубоко въ землѣ¹⁾), какъ и вообще хижины лигурійскаго племени²⁾), у которыхъ въ серединѣ устраивалась яма для очага³⁾, ничего подобнаго, выложеніе камнемъ круги, составлявшіе основанія до-историческихъ хижинъ Мурдзія Тавоне намъ не представляютъ. Во всякомъ случаѣ тутъ, то-есть въ этомъ пунктѣ, еще пять оснований говорить о сикульской деревнѣ въ окрестностяхъ города Матеры. Но мы только еще коснулись сообщенія Патрони. Поэтому всякие выводы о результатѣ его раскопокъ преждевременны.

Какъ и естественно было ожидать, около до-исторической деревни нашлись и до-исторические отбросы. Среди нихъ нашлись: малыхъ размѣровъ топоръ изъ обсидiana, ножъ изъ бѣлаго халцедона, топоръ изъ неизвѣстнаго минерала, stanite, хорошо сохранившіеся остатки ручного жернова, остроконечныя орудія изъ кости, разные кремневые осколки и многочисленные осколки большихъ сосудовъ съ толстыми стѣнками, дурной пасты, грубой работы, но при нихъ нашлась ручка съ боковыми изгибами и грубыми линейными украшеніями въ нижней части, а также ножка. Нашелся и небольшой сосудъ съ выпороченнымъ губами и съ маленькимъ ушкомъ лучшей пасты и работы. Вся эта керамика имѣла своимъ материаломъ красноватую глину. Но рядомъ съ нею есть осколки и изъ темной глины. Тутъ обращаетъ на себя вниманіе высокая ручка отъ чашки въ видѣ широкой ленты, но

¹⁾ См. у Орса въ его примѣчаніяхъ къ сообщенію проф. Риццо о сикульской деревнѣ въ Капателло въ *Bullett. di paletn. Ital.*, 1897 (XXIII), р. 113.

²⁾ См. у Колаша въ его „Il sepolreto di Remedello-Sotto“ etc. въ *Bullett. di paletn. Ital.*, 1898, р. 102 sqq.; въ отд. изд. р. 61 sqq.

³⁾ См. у Пиги въ его „Le Civiltà primitive de Lazio“ въ *Bullettino della Commissione archeologica comunale di Roma*, 1898, р. 60.

съ небольшимъ круглымъ отверстіемъ посерединѣ, напоминающимъ извѣстную ручку Фразасси. Патрони не сомнѣваются, что весь этотъ материалъ относится къ отдаленнѣйшой эпохѣ¹⁾), хотя, по его же замѣчанію, населеніе его до-исторической деревни уже получало предметы привозной (морской) торговли, между прочимъ бронзовыми украшеніями. Отдаленная древность этихъ остатковъ, если бы она нуждалась въ доказательствахъ, свидѣтельствуется, по замѣчанію автора статьи „О сикульской деревнѣ близъ Матеры“, и присутствуетъ среди этихъ остатковъ кости какого то большаго млекопитающаго „неопределенного вида“.

Но если бы глубокая древность отбросовъ Мурджіи Тимоне, въ которыхъ попадается ручка типа Фразасси, и не возбуждала никакого сомнѣнія, то во всякомъ случаѣ содержимое этихъ отбросовъ не больше придавнуло настъ къ сикуламъ Сициліи, чѣмъ основанія хижинъ, о которыхъ мы только что говорили. Заключеній, однако, мы и тутъ не дѣлаемъ. Передъ нами цѣлый рядъ важнѣйшихъ памятниковъ, заключающихся въ изслѣдованныхъ г. Патроши могилахъ.

Близъ „сикульской деревнѣ“ нашлось три могилы, изъ которыхъ одна двойная; слѣдовательно—всѣхъ четыре. Форма могилы № 1 представляется въ видѣ четырехъ-угольнаго колодца, расширяющагося къ низу въ видѣ пирамиды. Въ южной стѣнѣ колодца находится отверстіе, въ видѣ дверцы или окошка, которое составляетъ входъ въ погребальную камеру. Вышина этого входа—пр. 0,70, ширина пр. 0,60. Камера также четырехъ-угольная, и мѣсто иѣ вышину полтора метра (1,52), въ длину пр. 1,45 въ ширину—пр. 2,60 въ срединѣ, пр. 2,90—сзади. По мѣрѣ расчищенія колодца открывались скелеты и черепа. На глубинѣ пр. 0,65 показались четыре скелета въ скорченномъ положеніи, съ скрещенными руками и каждый подъ большими камнемъ. Три черепа лежали головой къ сѣверной стѣнѣ, четвертый къ восточной. Выше уровня этихъ скелетовъ, какъ и на одномъ съ ними уровняѣ валялись обломки сосудовъ черной глины, преимущественно чашекъ. Всего нашлось въ разныхъ слояхъ колодца этой могилы 22 скелета. Словоѣ этихъ можно было подмѣтить три. Помѣщеніе такого количества покойниковъ на столь тѣсномъ пространствѣ показываетъ, что погребались лишь очищенные отъ мяса скелеты, какъ это видѣли въ Сициліи и какъ это практиковалось по

¹⁾ *Monimenti antichi VIII*, p. 440 (стд. изд. 20): „Non v'ha alcun dubbio che tutto questo materiale risalga ad epoca remotissima“.

многихъ мѣстахъ у лагуровъ неолитического и энеолитического периода. Въ самой погребальной камерѣ, входъ въ которую оказался открытымъ и которая видимо служила обиталищемъ для хищныхъ животныхъ, лисицъ или куницъ, по предположенію Патрони, цѣльныхъ скелетовъ не нашлось, но зато огромная масса костей и не меньше 54 череповъ, большая часть которыхъ была не въ полномъ видѣ. Лучше сохранившіеся изъ нихъ были посланы для изслѣдованія римскому профессору Серджи, который нашелъ въ нихъ три разновидности ¹⁾), но всѣ одного типа, средиземноморского, то-есть основного типа древнихъ италійскихъ поселеній, предшествовавшихъ вторженію арійского элемента, который у Серджи, вопреки принятой филологами и историками терминологіи, называется „иностраннымъ“. Такимъ образомъ, какъ положеніе скелетовъ и погребеніе ихъ послѣ произведенной надъ трупомъ операциіи очищенія его отъ мяса (*scarificamento*, по итальянски), такъ и характеръ череповъ, долихокефальный, заставляетъ видѣть въ населеніи Мурджіи Тимоне отрасль того самого лигурійского или иберо-лигурійского племени, къ которому принадлежали сикулы; но тутъ еще неѣтъ полныхъ оснований для заключенія, что именно эта-то отрасль лагуровъ и перешла въ Сицилію, сдѣлавшись тамъ представительницей культуры, называемой сикульскою и начинающейся, какъ думаетъ (описочно) авторъ, со 2-го периода по счету Орси, о чмъ мы замѣчали раньше и къ чмъ еще возвратимся. Къ сикуламъ часъ тутъ приближаетъ форма могилы *a forno*, но гроты съ вертикальнымъ колодцемъ (*pozzetto*) для входа въ могилу, хотя и встречаются въ Сициліи, въ провинціяхъ Джирджента, Палермо и даже Сиракузы, не составляютъ, однако, наиболѣе типической особенности сикульскихъ могилъ, которая заключается въ горизонтальномъ устройствѣ погребальныхъ гробовъ въ стѣнахъ горъ, и извѣстны на островахъ Сардиніи, Пьяноотѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Патрони даетъ подробное описание двухъ другихъ могилъ, изъ которыхъ одна двойная. Форма четырехъ-угольная. Погребальная камера въ нихъ помѣстительниче, чѣмъ въ могилѣ № 1. Длина одной изъ камеръ могилы № 2-й—ш. 3,12, ширина т. 2,20, вышина въ среднемъ т. 1,80; длина другой камеры этой могилы т. 3,25, ши-

¹⁾ *Ovoides, pentagooides и ellipsooides*. Сдѣланное Серджи описание череповъ со всѣми ихъ измѣненіями приведено авторомъ тутъ-же подъ текстомъ статьи, на стр. 48—46.

рина почти такая-же, а высота отъ ш. 1,20, до ш. 1,50. Длина камеры могилы № 3 только ш. 2,80, но за то ширина ея—ш. 3,80; высота ш. 1,65. Могилу № 2 Патрони нашелъ давно расхищеною; относительно же состояния, въ какомъ находилась могила № 3 въ моментъ ея разрытия, онъ не можетъ дать никакихъ опредѣлениыхъ указаний, такъ какъ она была раньше раскопана другими безъ надлежащаго надзора. Такимъ образомъ погребальная утварь, на которую теперь намъ слѣдуетъ обратить вниманіе, представляется преимущественно могилой № 1.

Рядъ этихъ предметовъ погребальной утвари открывается въ описании автора бронзовыми предметами, которые не могутъ ничего говорить о народности населения, ихъ потреблявшаго, такъ какъ это предметы привозные. Они говорятъ только, что зноха, которую мы созерцаемъ въ этихъ могилахъ, не ранняя. Это кольца изъ бронзовыхъ витей, изъ которыхъ виты спиралью, витые спиралью диски, выбитыя изъ бронзы бляхи для украшения, на чтѣ указываютъ дырочки, книжалъ или ножъ съ черенкомъ и съ частью ноженъ—все изъ битой бронзы, слѣдовательно не раннаго бронзового периода. Затѣмъ слѣдуютъ продырявленные шарики изъ стеклянной пасты, служившіе для ожерелья, хотя Патрони считаетъ болѣе вѣроятнымъ, что по бѣдности населения они скорѣе служили ему въ видѣ отдѣльныхъ привѣсокъ къ другимъ шейнымъ украшениямъ или же просто хранились въ отдѣльныхъ зернахъ, какъ рѣдкость. Малочисленность найденныхъ въ могилѣ такихъ шариковъ (15), по видимому, оправдываетъ это предположеніе. Отсюда то-же слѣдуетъ сказать и относительно шариковъ изъ смолистой пасты, которая при химическомъ анализѣ не была признана янтаремъ. Этихъ шариковъ или зеренъ найдено было всего около 30. Все это предметы иностраннаго ввоза,—не многочисленные, но свидѣтельствующіе о существованіи въ этихъ мѣстахъ, не очень удаленныхъ отъ южнаго моря, предметы иностраннай торговли. Къ ней, конечно, нужно отнести и сферической формы зерна изъ cristal de roche, также съ дырочками, указывающими на ихъ употребленіе для ожерелей или въ видѣ отдѣльныхъ привѣсокъ. Но рядомъ съ привозными украшениями тутъ находятся и мѣдныя. Таковъ желтоватый камешекъ въ формѣ трапеции, служавшій привѣской, таковы предметы изъ пастейныхъ дисковъ съ отверстіями, кабаний зубъ продырявленный и т. п.; къ этого рода украшениямъ мѣстного производства относятся раковины.

Болѣе интереса представляеть керамика. Патрони говоритъ, что

въ могилахъ онъ нашелъ керамику только темной пасты, которая состоитъ изъ смѣси жирной и нечистой глины съ известковыми элементами; разломъ ся губчатый, следовательно, эта паста не хорошо сдавлена. Производство сосудовъ было ручное, обжигъ на большомъ огнѣ. Для муравы поверхности употреблялось патирание еще горячаго суда жирными веществами. Въ зависимости отъ болѣе или менѣе неоднороднаго состава пасты и не одинакового обжига цѣхъ наружной стороны переходилъ отъ черно-коричневаго къ красновато-темному. Но важно не это, а другое, именно то, что представляетъ собой эта керамика.

Тутъ слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что въ двухъ могилахъ, въ которыхъ она имѣется, она различна и представляетъ собой неодинаковую степень культуры; изъ третьей могилы имѣются только фибулы, которыхъ вовсе не даютъ двѣ другихъ могилы. Эти обстоятельства имѣютъ немаловажное значение. Впрочемъ сначала остановимся на самихъ данныхъ, которымъ обусловливаются это значеніе.

Керамика могилы № 1 заключается въ кувшинахъ съ горлышкомъ, въ чашахъ съ ручками и безъ ручекъ, далѣе въ большихъ сосудахъ для воды, замѣняющихъ наши кадки или бочки, съ двумя ручками, изъ которыхъ (въ двухъ имѣющихся сосудахъ) сохранилось по одной съ правой стороны, наконецъ въ маленькихъ чашечкахъ съ ручками лентой, но при этомъ съ круглою, а въ одномъ случаѣ съ трехъ-угольною дырой посерединѣ, которая служила къ тому, чтобы можно было такую чашечку носить съ собой на ворсикѣ для утоленія жажды вдали отъ дома у натуральныхъ источниковъ: такъ думаетъ Патрони, и не безъ основанія. Такимъ образомъ въ этой могилѣ намъ представляются лишь образчики посуды для питья, и надо думать, что лишь по случайности изъ сохранившихся обломковъ не могло составиться никакого экземпляра посуды для їды.

Такая посуда сохранилась въ могилѣ № 2, тамъ найдены, а именно во 2-й камерѣ, двѣ миски ¹⁾, обѣ съ большими ушками, двѣ другихъ, большей величины, но въ обломкахъ, съ ушкомъ, идущимъ непосредственно отъ губы сосуда ²⁾ и одинъ обломокъ миски, типъ которой не легко определить, хотя видно, что она имѣла видъ полуширообразной ³⁾). Но большая часть сосудовъ и въ этой могилѣ имѣла

¹⁾ См. рисунки 93 и 94.

²⁾ Рисунки 96 и 97.

³⁾ Рисунокъ 98.

своимъ назначениемъ содержать воду или быть орудіями для питья. Это—тазы, кружки, чашки и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на себѣ украшениія или выпуклые, веревочныя, или нарѣзныя вмѣстѣ съ наколотыми (pointillé). Самый орнаментъ необыкновенно простъ: въ одномъ случаѣ такъ-называемые волчьи зубы, обращенные вверхъ, и въ другомъ пѣчто въ родѣ меандра, чтѣ заставляетъ г. Патрони, по нашему мнѣнію, совершенно некстати, сказать о томъ, какъ шатко мнѣніе, что меандръ на италійской почвѣ есть продуктъ греческаго привоза: словно меандръ греческихъ вазъ и ряды точекъ на варварскомъ судѣ Апуліи одно и то-же. Изъ неорнаментированныхъ патейныхъ сосудовъ обращаетъ на себя вниманіе кружка съ высокою ручкой, выступающею вверху за края сосуда и поворачивающейся къ его корпусу. Нашелся, наконецъ, обломокъ сосуда, сдѣланного на гончарномъ стакѣ, изъ чистой и хорошо обожженной глины: это заставляетъ Патрони предполагать, что могила была посыпана съ цѣлью грабежа въ эпоху эллинистическую или по крайней мѣрѣ въ римскую¹⁾). Не знаю, не имѣлъ ли пленіи на такое предположеніе случай находки греческой или греконодражательной эпохи, сдѣланной Ореи въ одномъ изъ рудниковъ горы Табуто среди сстатокъ энеолитического периода. Но только вполнѣ умѣстное тамъ заключеніе о вторженіи IX—VIII вѣка до Р. Хр. въ 14—15-й, которому неоспоримо принадлежалъ давно покинутый рудникъ, здѣсь можетъ имѣть лишь наименование приложеніе, такъ какъ во-первыхъ отъ сосуда остался только осколокъ и во-вторыхъ, время, которому принадлежитъ могильникъ близъ Матеры, было временемъ, когда иноземныя венцы проникали туда путемъ торговли, какъ мы это видѣли уже на бронзовыхъ украшенияхъ, и какъ еще дальше увидимъ, когда коснемся могилы № 3, къ которой мы и перешли бы сейчасъ, если бъ по пути не столкнулись съ однимъ замѣчаніемъ Патрони, котораго мы не можемъ оставить безъ вниманія.

Указать на то, что, въ то время какъ могила № 1 дала только сосуды для содержанія воды и для утоленія жажды, а могила № 2 доставила намъ и сосуды для єды, молодой неаполитанскій археологъ счелъ нужнымъ высказать по этому случаю свое мнѣніе о причинѣ положенія труповъ со скорченными ногами. Обыкновенно думаютъ, что такое положеніе, чаще всего на боку (по преимуществу, на лѣвомъ) есть положеніе человѣка спящаго, отдыхающаго. Для Патрони

¹⁾ См. *Bullettino di palctn. Ital.* 1898 р. 172.

же не подлежит сомнѣю, что здѣсь надо видѣть положеніе человѣка, спящаго за столомъ¹⁾). Такого мнѣнія держится и Петерсенъ, и не только держится, но и усиленно защищаетъ его²⁾. Мы не станемъ входить здѣсь по этому вопросу въ полемику, которая отвлекла бы насъ отъ нашего предмета, и допускаемъ основательность мнѣнія Натропи и Петерсена относительно скелетовъ съ согнутыми ногами, находящихся въ сидячемъ или, лучше, въ полусидячемъ положеніи, какое встрѣчается и въ сицилійскихъ некрополяхъ³⁾, и какое наблюдалось въ некоторыхъ мѣстахъ въ лигурійскомъ населеніи Лациума⁴⁾). Можно также допустить значеніе скорченія ногъ для участія въ трапезѣ и по отношенію къ скелетамъ, лежащимъ на спинѣ, какими Натропи нашелъ скелеты въ развалѣ могилы № 1, гдѣ они лежали съ скрещенными руками⁵⁾). Но какъ примирить такое мнѣніе съ положеніемъ на боку, то-есть, съ явно спящимъ положеніемъ человѣка? Что мертвый, какъ и спящій человѣкъ, проснувшись, можетъ захотѣть есть, это другое дѣло: такое вѣрованіе относительно мертвыхъ сохраняется во многихъ мѣстахъ и понынѣ, и это оправдываетъ какъ заготовку для него ёды и питья въ языческихъ могилахъ, такъ и тризны, справляемыя на могилахъ у христіанскихъ народовъ. Во всякомъ случаѣ положеніе спящаго у скелета въ скорченномъ положеніи нельзя отрицать по крайней мѣрѣ тогда, когда онъ лежитъ на боку; этого „спанья“ не отрицаютъ и Петерсенъ, какъ видно изъ приведенной пами выше цитаты. Если же Натропи высказывается въ пользу своего мнѣнія такъ рѣшительно („a me

¹⁾ *Monum. Antichi VIII*, p. 496. „A me pare evidente, dopo le cose esposte, che ci volesse dare allo scheletro la posizione, che l'individuo soleva assumere in vita durante il pasto.“

²⁾ *Mittheilungen* Германскаго института въ Римѣ 1898, p. 160 sqq. Онъ говоритъ: Die Mahlzeit und wozu anders als zur Mahlzeit und Schlaf werden jene Menschen daheim verweilt haben?—der Todten bezeugt uns das um sie aufgestellte vielen Ess und Trinkgeschirr (p. 161).

³⁾ Напримеръ, въ Мелизия въ могилахъ №№ 12 и 82 (Opera Bull. di pal. Ital. 1897, p. 111 и 120), въ Кондо Нантаво и др.

⁴⁾ См. у Колини (въ *Bull. di paletn. Ital.*, 1898, p. 239), дѣляющаго ссылку на Ceselli, Scoperta di un sepolcro dell'epoca neolitica alle Caprine. Roma, 1873: „Cadaveri e raro collocati seduti, guardando l'Oriente“.

⁵⁾ Бѣда только въ томъ, что скелеты Натропи, положеніе которыхъ онъ описываетъ, именно четыре скелета, встрѣченные имъ прежде всего, лежали каждый подъ большими камнями, ciascuno sotto un grande sasso. Очевидно, такое положеніе мало соотвѣтствовало идеѣ спящія за столомъ.

pare *evidente*"), то онъ, по нашему мнѣнію, поступаетъ слишкомъ смѣло.

Но возвратимся къ своему предмету.

Могила № 3 была разрыта раньше Патрони, за счетъ д-ра Ридолы (Ridola), но разрыта была безъ соблюденія необходимыхъ правилъ и безконтрольно. Изъ нея сохранились только бронзы, находящіяся у означеннаго доктора: именно фибулы змѣинаго типа съ двумя глазками, обозначаемаго авторомъ *tipo a drago*, булавка отъ фибулы согнутая на саму себя *per servire da spilla di sicurezza*, кольцо для пальца змѣей со скрещенными головами, пуговочка изъ литой бронзы. Кроме того, тутъ же оказалась "новая или римская" желѣзная пряжка, нахожденіе тутъ которой Патрони старается объяснить "случайнымъ" проникновеніемъ съ верхнихъ слоевъ, такъ какъ трудно предположить ограбленіе могилы "въ виду нахожденія бронзы".

Присутствіе въ этой могилѣ фибуль такой сравнительно поздней формы, какова *"fibula a drago con doppio occhiello"*, нореносить чашъ къ желѣзному вѣку, чтѣ относительно Сициліи доказывать и самъ Патрони въ цитируемой имъ же здѣсь статьѣ „La fibula nella necropoli Siracusana del Fusco“¹⁾). Только страннымъ образомъ авторъ не хочетъ допустить этой хронологіи для своихъ фибуль, найденныхъ въ могильникѣ Мурджіи Тимоне, отося ихъ здѣсь къ бронзовому вѣку. Такое стремленіе связано у него съ его теоріей о предшествованіи бронзовой культуры въ области Матеры передъ Сицилійскою, что, однако,ничѣмъ не подтверждается. Въ особенности могила № 3 разрушаетъ его теорію о древности археологического материала имъ найденного въ могильникѣ Мурджіи Тимоне, какъ и самого могильника. Чтобы поддержать защищаемый имъ фактъ этой древности, онъ на основаніи расчета о количествѣ скелетовъ, которыхъ по его предположенію (математическому), должно было быть въ четырехъ камерахъ 304 ($76 \times 4 = 304$), для населения въ 18 хижинъ, съѣды которыхъ тутъ найдены, онъ полагаетъ, что эти четыре камеры служили мѣстомъ погребенія въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ съ несколькими десятками, такъ что культурный материалъ, представляющій едва начало вліянія заморской торговли въ могилѣ № 1, имѣлъ время шагнуть далеко впередъ въ могилѣ № 3 и дойти до змѣевидной фибулы съ двумя глазами. Авторъ полагаетъ, что сначала мѣстомъ об-

¹⁾ Въ *Bullett. di paletn. Ital.* 1896 (а. XXII).

щаго погребенія скелетовъ была 1-я могила; когда она наполнилась, вырыли вторую съ двумя камерами, а когда и эта наполнилась, вырыли третью, которая хронологически уже приблизилась къ желѣзному вѣку. Да и топографически эта могила является послѣднею отъ деревни, следовательно—позднѣйше.

Съ исторіей могильника, какъ ее рисуетъ г. Патрони, мы можемъ согласиться безъ затрудненія, именно въ томъ, что могила № 1 представляетъ саму раннюю его фазу, а могила № 3 саму позднюю, какъ пожалуй, и въ томъ, что могильникъ служилъ для употребленія долгое время, два столѣтія приблизительно. Но все-таки, древность его трудно считать такою, какою предполагаетъ ее Патрони. Неаполитанскій археологъ относить возникновеніе 1-й могилы за полторы тысячи лѣтъ до Р. Хр. Мы не будемъ слишкомъ останавливаться на томъ, что въ этой могилѣ встрѣчаются ручки съ отверстіемъ по серединѣ и съ ушами на верху, имѣющія почти полную аналогію съ такъ называемою ручкой Фразасси (изъ Апеннинской провинціи), которую Нигорини¹⁾ не безъ основанія относить къ началу желѣзного вѣка, какъ и экземпляры ея, найденные въ гротѣ Фелачи на ос. Калри, имѣющіе сходство съ ручками на сосудахъ изъ некрополя Суэссулы, относящагося какъ известно, къ желѣзному вѣку: это предметъ спорный, такъ какъ подобныя ручки, какъ на это считаетъ нужнымъ указать Патрони²⁾, найдены были Орси въ могильникахъ чисто бронзоваго периода,—къ Коццо Пантано и Оансѣ. Но мы должны имѣть въ виду, что и самая ранняя могила Мурджіа Тимоне, все-таки, представляетъ доказательства полного развитія въ ней бронзоваго периода, какими могутъ служить украшенія изъ битой и витой бронзы и бронзовый кинжалъ, въ ней найденный. Бронзовая эпоха въ Средиземно-морскихъ странахъ есть микенская эпоха. Расывать этой эпохи тамъ на мѣстѣ, въ земляхъ, омываемыхъ волнами Эгейскаго моря, мы не имѣемъ права относить дальше половины втораго тысячелѣтія до Р. Хр. Поэтому требуется некоторая смѣлость для того, чтобы переносить этотъ моментъ развитія бронзовыхъ украшеній и оружія въ такую сравнительно глухую часть южной Италии, какова была западная Апулія, не имѣвшая морской торговли, переносить именно къ половинѣ втораго тысячелѣтія.

¹⁾ *Bullett. di paletti. Ital.* 1895 (a. XXI), въ статьѣ „La grotta Frasassi presso Fabriano“, p. 109 sqq.

²⁾ P. 107 своего мемуара.

лѣтія. Гораздо болѣе осторожный Орси относить, какъ мы видѣли, неолитический періодъ горы Табуто въ Сиракузской провинціи не дальше, какъ за 35 — 34 столѣтія отъ нашего времени, то есть, не многимъ дольше того времени, въ которое Патрони вводить бронзовыя украшенія и книжалы въ окрестности Матеры. Мы могли бы, пожалуй, допустить, что Орси въ данномъ случаѣ беретъ слишкомъ позднюю дату для неолитического періода, который, по приводимымъ имъ же археологическимъ даннымъ, равно какъ и по его же хронологіи, соотвѣтствуетъ до-финикийскому періоду ос. Кинира и Трои, соотвѣтствуетъ вообще первой половинѣ втораго тысячалѣтія до Р. Хр., но по видимъ основанію, чтобы считать бронзовую культуру Мурджін Тимоне древнѣе по времени соотвѣтствующей ей сицилійской, особенно когда мы возьмемъ во вниманіе весь комплекс находящихся у Патрони археологическихъ данныхъ, которая въ концѣ концовъ приводятъ насъ къ началу желѣзного вѣка, и это — въ теченіе двухъ съ небольшимъ столѣтій, положенныхъ самими Патрони на существованіе апулійской деревни близъ Матеры.

Дѣло въ томъ, что Патроши выработали себѣ взглядъ, будто бронзовая культура была принесена на Сицилію изъ южной Италии и что, следовательно, здѣсь она началась раньше, чѣмъ на островѣ. Она была, какъ онь убѣждены, принесена туда уже готовою сикулами, съ прибытіемъ которыхъ и начался де въ Сициліи бронзовый періодъ. Мы то же въ своемъ трудѣ о сикулахъ заявляли соображеніе ²⁾, что сакулы, живя въ Италии въ періодъ неолитической культуры, благодаря столкновенію съ праишельцами арійской расы, успѣли усвоить себѣ нѣкоторые начатки бронзовой культуры, съ которыми и явились на островъ, гдѣ мало-по-малу, подъ вліяніемъ иноzemной торговли, и развилась у нихъ культура со всѣми особенностями бронзового вѣка, какъ ее представляютъ могильники Планинрія, Оанса, Кондо Наптана и Напталики, и которой она уже показываетъ признаки перехода къ началу желѣзной эпохи. Предположеніе наше, что сакулы начатки бронзовой культуры получили отъ столкновенія съ новою расой, вторгнувшуюся въ Италию изъ Средней Европы, можно оспаривать, тѣмъ болѣе, что лигурійское или, лучше, иберо-лигурійское племя, составлявшее коренное населеніе полуострова отъ Альпъ

¹⁾ См. въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ“ (ноябрь, 1897), отд. изд. стр. 46.

²⁾ Тамъ же, стр. 52 с.д. отдельного изданія.

до Йонійского моря, имѣло, какъ оказывается, свой энеолитический периодъ, о которомъ пишетъ теперь также интересное и основательное изслѣдованіе молодой римской археологъ и этнографъ Колини. Можно, если кто такъ настроенъ, отвергать и самый фактъ перехода сикуловъ на ихъ островъ съ итальянского материка, о чмъ повѣствуютъ греческіе историки, имѣя во главѣ Фукидида. Но требуется очень большая смѣость, чтобы отрицать фактъ, что весь процессъ отъ энеолитического периода, на какомъ застаютъ раскопки сикульское населеніе на восточной сторонѣ Сициліи, до своего полнаго подчиненія греческому влиянию, сикулы совершили на островѣ. Между тѣмъ Патрони въ извѣстной мѣрѣ отрицаютъ этотъ фактъ, утверждая, что сикулы принесли съ собой на островъ уже готовую бронзовую культуру, которую онъ только предоставляетъ имъ развить тутъ далѣе. Такъ поступить онъ имѣть бы право, еслибъ нашелъ для этого достаточные данные на самомъ островѣ. Но у него такихъ данныхъ въ распоряженіи нѣть; то, что ему дали могилы и отбросы Мурджіи Тимоне, не только не имѣть рѣшающаго въ его смыслѣ значенія, но представляется прямо недостаточнымъ для того, чтобы могло составиться вполнѣ опредѣленное заключеніе объ отношеніи этихъ данныхъ къ археологическому матеріалу, добытому Орси въ юго-восточной части Сициліи¹⁾. Достаточно и того, что форма могиль Мурджіи Тимоне въ связи съ одинаковыми погребальными обрядами, общими впрочемъ иберо-лигурійскому населенію въ многихъ мѣстахъ Апеннинского полуострова, говорить намъ о племенной связи населенія этого послѣдняго съ населеніемъ Сицилія. Связь эта во всякомъ случаѣ настолько ясна, что Патрони могъ до извѣстной степени по праву назвать древнѣйшее поселеніе Мурджіи Тимоне „сикульской деревней“.

3) Сиканы и Сикулы.

По древнему преданію, которое единогласно поддерживается греческими писателями, говорившими о до-исторической Сицилія, древнейшими обитателями Сициліи, если не считать баснословныхъ ки-

¹⁾ Неаполитанскій археологъ обижается въ особомъ труде съ надлежащимъ полнотой и подробныемъ сравненіемъ сицилійскихъ археологическихъ данныхъ съ его данными доказать, что культура его „сикульской деревни“ близъ Матеры, представляеть лишь болѣе древнюю фазу бронзового периода Сициліи. См. I. c., р. 108.

клоновъ и лестриголовъ, были сиканы. Оукайдъ, Фианстъ и ихъ последователи утверждаютъ, что сиканы были по происхождению иберы и что они прибыли въ Сицилію съ Иберійскаго (Пиренейскаго) полуострова. Самы же сиканы считали себя автохтонами на островѣ¹⁾.

Какъ появилась въ Сициліи сиканы, то-есть, древнѣйшее населеніе острова, называемое сиканами, это вопросъ, еще не разысченный. Пришли ли они изъ Италии, какъ говорить преданіе, смѣшивавшее ихъ, повидимому, съ сикулами, пришли ли они изъ Иберіи, какъ то утверждаютъ поименованные греческіе писатели, или они появились на островѣ, пришедши туда прямо изъ Африки, какъ на этотъ счетъ мы высказывались въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ“²⁾, во всякомъ случаѣ древнѣе этого народа въ Сициліи намъ никакія данныхъ не указываютъ. Остатки палеолитической эпохи, особенно въ западной Сициліи, которая ближе къ африканскому материку, остатки, на которые въ первый разъ опредѣленно было указано Андріаномъ³⁾, даютъ намъ поводъ думать, что сиканы появились на Сициліи еще въ четверичную эпоху, когда эта страна представляла собой еще часть Африки⁴⁾, спаянную съ южнѣйшимъ Тунисомъ, то-есть въ эпоху, недавнюю еще въ геологическомъ смыслѣ, но настолько почтенную въ исторіи распространенія человѣческаго рода, что племена, къ ней принадлежащія, не могли помнить потомъ о своемъ прибытіи въ извѣстную иѣстность и считали себя живущими тамъ отъ начала, то-есть автохтонами. Это была эпоха, когда вообще распространялось иbero-лигурійское царство по южной и западной Европѣ⁵⁾. Будучи однороднымъ съ населеніемъ другихъ острововъ въ западной части Средиземного моря, лежащихъ теперь между

¹⁾ См. обѣ этомъ въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ“, ноябрь, 1897; отд. изд. стр. 12 слѣд.

²⁾ См. тамъ же стр. 18 отд. изд. и опредѣленіе въ латинскомъ разомѣ отд. изд., стр. 90.

³⁾ Въ его „Prähistorische Studien aus Sizilien“, помѣщенныхъ въ *Zeitschrift für Ethnologie*, 1878 (Berlin).

⁴⁾ За немѣцкимъ въ данную минуту подъ руками „Beiträge zur physischen Geographie der Mittelmeerländer“ Теобальда Фишера, указано на его геологическо-географическій очеркъ Италии въ итальянскомъ переводѣ проф. Ловеры (Lovera), подъ заглавиемъ: „Schizzo descrittivo d’Italia e caratteri fondamentali del suolo d’Italia“. Salò, 1895, р. 9.

⁵⁾ Въ статьѣ „О происхожденіи сикуловъ“ (декабрь, 1897) и указывалъ на результаты изслѣдований въ этомъ смыслѣ Исселя въ его капитальномъ труде: „La Liguria geologica e preistorica“ (Genova, 1892), II р. 856.

Пиринейскимъ и Апеннинскимъ полуостровами, древнѣйшее населеніе Сициліи могло считаться греческими писателями иберійскимъ, то-есть походить, на ихъ взглядъ, болѣе на населеніе Сардиніи, Балеарскихъ острововъ и Пиринейского полуострова, чѣмъ на лигурійское населеніе Апеннинского полуострова и на отпрыскъ его въ Сициліи—сикулловъ. Очевидно, этихъ послѣднихъ нельзѧ было смѣшивать съ сиканамъ даже въ эпоху, когда стали заниматься исторіей Сициліи греческие писатели, то-есть въ V вѣкѣ до Р. Хр., иначе они не проводили бы между ними рѣзкаго дѣленія и не указывали бы разности ихъ происхожденія. Фактъ этотъ надобно имѣть въ виду, когда говорить о культурной разницѣ и племенной близости этихъ двухъ народностей. Племенная близость существовала, но существовала и разница. Сиканы, то-есть древнѣйшее населеніе Сициліи, всецѣло принадлежали острову; сикулы, болѣе новый элементъ, прибыли туда изъ Италии.

Взявъ на себя задачу написать для парижского журнала *Anthropologie*, по просьбѣ его редактора, статью о допсторической эпохѣ Сициліи, Патрони хорошо поступаетъ, что не прецебрегаетъ литературнымъ изученіемъ древности, какъ это часто случается съ палеонтологами и археологами и признаетъ отдѣльность сикановъ и сикулловъ, приписывая тому и другому народу особую культуру, какъ и по могло быть иначе, колѣ скоро онъ, согласно съ литературнымъ преданіемъ, считаетъ несомнѣннымъ прибытіе сикулловъ въ болѣе позднее время изъ Италии. Но при этомъ онъ, какъ пами уже было раньше замѣчено, рѣзко расходится съ Орси въ распределеніи того, что принадлежитъ сикуламъ. Орси, отдавая сиканамъ, то-есть болѣе древнему населенію восточной части острова, неолитическую культуру, найденную имъ въ отбросахъ Стентинелло, начинаетъ сикульскую культуру съ энеолитического периода могильниковъ Мелиллы и Кастеллуччо. Патрони, становясь въ рѣзкое, чтобы не сказать—обидное противорѣчіе съ знаменитымъ сицилійскимъ археологомъ, приписываетъ энеолитическую эпоху сиканамъ и дѣлаетъ это не въ видѣ предположенія, а прямо и рѣшительно, озаглавливая главу объ энеолитической эпохѣ такъ: III. „*Époque énéolithique (Sicanes)*“. Слѣдовало ожидать, что онъ имѣлъ очень важныя основанія отшивать у сикуловъ столь важный народъ ихъ до-исторического бытія и приписывать его имена, которое Орси нашелъ лишь обладателемъ чисто неолитической культуры. Но никакихъ важныхъ основаній разрывать связь между энеолитическою и бронзововою культурой Сициліи у него

безусловно нѣтъ. Это ему было доказано уже Петерсеномъ, который, разбирая ¹⁾ его соображенія одно за другимъ, приводить ихъ болѣею частью къ нулю. При этомъ и критической топъ г. Петерсона идеть въ уровень съ самоупрѣренностью автора, приписывающаго энеолитическій періодъ одному народу, а бронзовый другому.

„Мы, говорить Патрони,—здѣсь, какъ въ другомъ мѣстѣ ²⁾, предложили и приняли безъ колебанія отожествленіе энеолитического вѣка съ вѣкомъ сикановъ, бронзоваго и желѣзного вѣка (въ восточной Сициліи) съ вѣкомъ сикуловъ исторіи. Перечислимъ основанія и факты, мотивирующіе это отожествленіе ³⁾.

Приступая къ разбору этихъ „основаній и фактовъ“, Петерсенъ ⁴⁾ говорить: „Если бъ аргументація была также тверда, какъ властный тонъ, въ какомъ она высказывается, то она была бы неоспорима“. Но вотъ и самыя доказательства г. Патрони:

1) „Могилы бронзоваго вѣка представляютъ значительныя видоизмѣненія, между прочимъ введеніе шиней, свидѣтельствующихъ о новомъ похоронномъ обрядѣ“.

Слабѣе этого доказательства и быть не можетъ. Видѣть, новый похоронный обрядъ въ устройствѣ нишней, которая, къ тому же, встрѣчаются иногда и въ могилахъ энеолитического періода, равно какъ и въ могилахъ Джирдженти, область которого считается строго сиканской, и часто не встрѣчаются въ могилахъ бронзоваго вѣка ⁵⁾, нѣть ни малѣйшаго основанія, тѣмъ болѣе, что самъ Патрони выставлялъ раньше на видъ, что этотъ „rite funéraire pouchean“ вводится постепенно, смышиваясь вначалѣ съ прежнимъ энеолитическимъ образомъ и постоянно приобрѣтая новую почву ⁶⁾. Петерсенъ спра-ведливо замѣчаетъ, что тутъ и совсѣмъ не можетъ быть рѣчи о „новомъ похоронномъ обрядѣ“, который, по его мнѣнію, можно бы было видѣть въ томъ случаѣ, еслибы къ бронзовый періодъ были остав-

¹⁾ *Mittheilungen* Германскаго археологическаго института въ Римѣ, 1898, р. 171.

²⁾ Патрони имѣть здѣсь въ виду свою брошюру: „Guida del R. Museo archeologico di Siracusa“, 1896.

³⁾ *Anthropologie* VIII (1897), р. 813; отд. изд. р. 49.

⁴⁾ *Mittheilungen*, 1898, р. 171.

⁵⁾ Какъ напримѣръ въ большей части могиль на островѣ Оносѣ, где, по вѣрному замѣчанію Петерсена, найдено больше всего микенскихъ вазъ, или въ Коцю Нантано, на что также указываетъ Петерсенъ.

⁶⁾ *Anthropologic*, 1897, р. 295.

ленъ обычай скелетированія¹⁾ труповъ и хоронились бы трупы вмѣсто скелетовъ. Между тѣмъ прежній обычай продолжается еще долгое время. Такимъ образомъ, никакого нового похороннаго обряда съ не- переходомъ изъ энеолитического периода въ бронзовый не произошло и, значитъ, первое основаніе теоріи Патрони совершило отпадаетъ.

2) „Населеніе бронзового вѣка имѣть воинственный характеръ, котораго не достаетъ вѣку неолитическому“. Доказательствъ для этого положенія, по нашему мнѣнію, совсѣмъ нѣтъ. Петерсенъ, съ своей стороны, указываетъ только на увеличеніе (въ бронзовый вѣкъ) вида металлическаго оружія, что, конечно, никакъ не говорить о новомъ народѣ, связанномъ съ бронзовымъ вѣкомъ. Въ раннюю эпоху (энеолитическую) у народа металлическое оружіе было рѣдкостью, въ эпоху развитія торговыхъ сношеній его стало больше. Какимъ образомъ это вызываетъ идею о новомъ народѣ? Петерсенъ не безъ остроумія замѣчаетъ: „Негры съ огнестрѣльнымъ оружіемъ остаются неграми, какъ были ими съ луками и стрѣлами“.

3) „Керамика бронзового вѣка совершило различна отъ неолитической. Поляхромія вдругъ прекращается. Нѣтъ ни одного примѣра (?) связи сосудовъ типа Кастеллуччо съ сосудами типа Коццо Пантапо, ни переходныхъ ступеней или посредствующихъ типовъ“.

Петерсенъ и съ этимъ аргументомъ раздѣляется также просто, какъ и съ предыдущими. опираясь на неоднократныя указанія Орси на родство керамики энеолитического периода съ бронзовымъ. Мы же, съ своей стороны, должны сказать, что это—единственное соображеніе Патрони, съ которымъ еще можно считаться. Въ самомъ дѣлѣ совершенное отсутствіе раскраски сосудовъ, господствовавшее въ предыдущемъ періодѣ, указываетъ на глубокую перемѣну въ культурѣ народа. Можно было бы ожидать, что съ увеличеніемъ культурного развитія раскраска сосудовъ не уничтожится, а усовершенствуется, обогатится новыми мотивами. Между тѣмъ она прекращается. Орси, какъ вслѣдъ за нимъ и Жоржъ Перро²⁾, стараются объяснить такої

¹⁾ Этотъ обычай Патрони связываетъ съ энеолитическимъ періодомъ и следовательно принадлежитъ его сикапамъ, Си. *Anthropologie*, р. 138. Но опъ видимо забыть объ этомъ, когда писалъ мемуаръ о Villaggio siculo близъ Матери, где все найденные трупы были скелетированы и, по замѣчанію автора, даже вскорѣ послѣ смерти. См. въ рѣчище указаніонъ мемуарѣ р. 508 въ *Monimenti Antichi*, 56 отд. изд.

²⁾ Соображенія Орси и Перро подробнѣе приведены въ статьѣ „О происхождѣніи сикаповъ“ (поябрь, 1897); стр. 47—48 отд. изд.

переломъ вліяніемъ металлической мишенской посуды, которая стала образцомъ для подражанія въ приготовленія глиняной посуды, а такъ какъ бронзовая посуда не знаеть раскраски, то ее потеряла и глиняная. Соображеніе это безъ сомнѣнія, очень серьезно, но оно все-таки представляется недостаточнымъ. Его восполняютъ только немалочисленные (вопреки уѣренію Патрона) примѣры явного существованія переходныхъ формъ сосудовъ, соединяющихъ энеолитический періодъ съ бронзовымъ, на что мы указывали выше, когда рѣчь шла о керамикѣ горы Табуто и Монтерачелло.

4) „Есть некрополи (например Панталика), принадлежащіе частью бронзовому, частью желѣзному вѣку. Различныя группы могилъ сближаются, такъ что продолжающееся пребываніе одного и того же населенія на мѣстѣ удостовѣрено. Но никогда не находить энеолитического некрополя съ типическими могилами бронзового вѣка; напротивъ, пересекаются къ желѣзному вѣку (на примѣрь Кастеллуччо и Тременувано). Это—самое поразительное доказательство исчезновенія безпрерывности существованія (*continuité*)“.

Этотъ аргументъ, съ виду такой сильный, на самомъ дѣлѣ совершилъ несостоятельность. Можно, въ опроверженіе его, удовольствоваться замѣчаніемъ Петерсена: „Видимо, тутъ нѣть никакого нового аргумента, но (онъ служитъ) лишь къ большему пониманію, какъ Патрони представляетъ себѣ смысль сикановъ сикулами, хотя въ прямомъ противорѣчіи съ первымъ положеніемъ и съ приведенными въ напоминаніе къ нему фактами“.

5) „Мѣстности, которымъ преданіемъ приписываются исключительно сиканамъ, вообще доставили лишь материалы, аналогическіе съ материалами Кастеллуччо“...

Опроверженіе этого положенія находится въ примѣчаніи къ нему самого же Патрона, который долженъ былъ указать на сообщеніе Орса¹⁾ о новыхъ материалахъ, доставленныхъ въ Сиракузскій музей изъ территоріи Джирдженти и особенно изъ высѣченной въ скалѣ могилы въ Кальдаре, принадлежащей къ бронзовому вѣку. Тамъ есть и ниши, полукруглые, и одноцѣпѣтныя (нераскрашенныя) керамики съ формами, „болѣе или менѣе аналогичными“, какъ выражается Патрони, съ экземплярами восточной Сициліи, то есть чисто сикульскими.

6) Напротивъ, южная Италия, хотя еще мало извѣстна, представляетъ не мало аналогій съ бронзовыми и желѣзными вѣками Сициліи.

¹⁾ Въ *Bullett. di paleon. Italia*, 1897 (XXIII), p. 899.

Орси обнародовалъ произведенія примитивной керамики, найденные въ калабрійскомъ Редмо и хранящіяся тамъ въ Museo civico (Bull. lottino di palete., 1890, р. 47 стр.). Они имѣютъ очень большую аналогію съ сосудами Племмірія и Коццо Пантано. Могилы, аналогичныя съ могилами Сициліи, были указаны, хотя не въ опредѣленыхъ чертахъ, въ Базиликатѣ. Въ недавнемъ путешествіи, о которомъ будетъ данъ отчетъ, я не только призналъ существованіе этихъ аналогій, особенно съ могилами желѣзного вѣка, но и открылъ, близъ Матеры, могилу а formo типической формы сикульского бронзоваго вѣка съ ся небольшою горизонтальной нишой... Въ томъ же отчетѣ я разчитывалъ указать на керамику, съ такою же красноватою мурвой, какъ въ Панталікѣ. Аналогіи эти должны быть поставлены въ связь съ преданіемъ, приписывающимъ сикуламъ и италійское происхожденіе".

Петерсенъ оспариваетъ значеніе фактovъ, говорящихъ объ аналогіи культуры населенія южной Италіи съ культурой сикуловъ, и обнаруживаетъ скептицизмъ, не оправдываемый данными, какія имѣются въ нашемъ распоряженіи. Съ этимъ методомъ систематическихъ при-
дарокъ къ тѣмъ даннымъ, выводамъ и заключеніямъ, какія выходятъ изъ-подъ нера представителей противнаго взгляда, нельзѣ дойти ни до чего положительнаго. Существованіе могиль а formo одинаково какъ въ Сициліи, такъ и въ Базиликатѣ, гдѣ онѣ констатированы, несомнѣнно говорить о близости южно-италійскаго населенія бронзоваго вѣка къ сицилійскому и эта близость не ослабляется указаніемъ на то, что и на островѣ Пілотовѣ есть свои *formi*, какъ съ претензіей на остроуміе выражается германскій археологъ на римской почвѣ. Родство по крайней мѣрѣ, извѣстной части древнѣйшаго населенія юга Италіи съ сицилійскимъ, независимо отъ свидѣтельства Фукидіда¹⁾ о томъ, что и въ его время еще живутъ въ Италіи Сикулы (*εἰσὶ δὲ καὶ τοῦ ἐτι ἐν τῇ Ἰταλίᾳ Σικυλοί*), вызываетъ въ нашемъ представлѣніи самимъ фактомъ географической близости обоихъ населеній и удобства сообщенія полуострова съ островомъ, и было бы болѣе удивительно, еслибы это не было, чѣмъ существованіе данныхъ, его подтверждающихъ. И неѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшія раскопки въ Базиликатѣ и Калабріи сдѣлаютъ его яснымъ для всѣхъ и неопровергнімы. Ошибка Патрони заключается исъ томъ, что онъ ищетъ аналогій тамъ, гдѣ онѣ естественны и предста-

¹⁾ VI, 2.

вляются сами собой уже изъ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыхъ добыты едва только начатыми раскопками, а въ томъ, что ему хочется доказать *per fas et nefas*, что южно-италийскій бронзовый вѣкъ предшествуетъ сицилійскому, когда ему на первый разъ было бы достаточно того, что существуютъ несомнѣнныя аналогіи между бронзовую и желѣзною кутикурами у сикуловъ на островѣ и ихъ соплеменниковъ на полуостровѣ.

7) „Во всей южной Италии нѣтъ ни одного черепка отъ сосуда, который бы походилъ на сосуды типическаго некрополя Кастеллуччо близъ Ното (Сиракузы). Археологический слой представляемый означеннымъ некрополемъ, составляетъ исключительную принадлежность Сициліи“.

Тутъ Петерсенъ правъ, когда говоритъ, что этотъ аргументъ имѣть мало вѣса до тѣхъ поръ, пока сосуществованіе сосудовъ и 2-го периода (то есть бронзового) въ Италии не лучше доказывается, чѣмъ какъ это дѣлаетъ Патрони въ 6-мъ доказательствѣ. И въ самомъ дѣлѣ мы не знаемъ, что могутъ дать въ южной Италии раскопки, къ которымъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ (если исключить окрестности Неаполя) почти не приступали. Правъ Петерсенъ и тогда, когда онъ прибавляетъ, что аргументъ обращается противъ тѣхъ, кто керамику Кастеллуччо выводить изъ Италии, чего однако никто еще не дѣлаетъ.

8) „Энеолитический народъ не былъ знакомъ съ искусствомъ каменной постройки. Народъ бронзового вѣка, не будучи большими строителями, безъ сомнѣнія пріобрѣлъ извѣстные архитектонические принципы“. Затѣмъ авторъ доказываетъ, что это искусство сооружений изъ камня сикулы пріобрѣли отъ пелазговъ, которые будто бы изгнали ихъ изъ Италии и которымъ принадлежать видѣнныя авторомъ пелазгическая стѣны въ Луканіи.

Дѣйствительно у Патрони одно произвольное заявление слѣдуетъ за другимъ безъ перерыва. И Петерсенъ вполнѣ правъ, заявляя, что, такъ какъ архитектонические начатки въ Сициліи оказываются тамъ, где находятъ микенскія вазы, и обнаруживаются прежде всего въ украшеніи на микенскій образецъ дверей, то ясно, откуда вышелъ толчекъ къ строительному искусству, изъ камня, и что принесеніе этого искусства, неизвѣстнаго въ Сициліи въ энеолитической периодъ изъ Италии, съ одной стороны, неизбѣжно, когда оно легче всего могло быть привнесено прямо моремъ, съ другой—ничѣмъ не доказано. Наконецъ, „хронология предаша находится въ такомъ согласіи съ

хронологіей бронзового вѣка въ Сицилії, что этотъ аргументъ одинъ быль бы достаточенъ для того, чтобы дать предложеному нами отожествленію высшую степень вѣроятности". Авторъ отвергаетъ хронологію Фукидіда, какъ не считающуюся съ мѣстными преданіями и полагающую прибытіе сикуловъ въ Сицилію слишкомъ поздно (послѣ троянской войны), и говорить: „Но сицилійскіе писатели, которые безъ сомнѣнія принимали во вниманіе мѣстныя преданія, сравнивая ихъ съ датами греческой логографіи, всѣ согласно полагаютъ эмиграцію сикуловъ (изъ Италии) приблизительно за столѣтіе до взятія Трои. Мы имѣемъ въ такомъ случаѣ промежутокъ отъ пяти до шести столѣтій, и выходимъ къ началу XIII или концу XIV вѣка до нашей эры. Это какъ разъ дата, пригодная для наиболѣе архан-ческихъ сицилійскихъ некрополей бронзового вѣка, гдѣ впервые начинаятъ появляться „микенскіе элементы“.

Хронологический аргументъ, приводимый г. Натрони, быль бы очень важенъ въ решеніи вопроса, если-бы онъ опирался на какія-нибудь прочныя даты. Но такъ какъ онъ исходить изъ даты троянской войны, отъ которой считаются въ данномъ случаѣ греческіе историки въ ту и другую сторону, неизвѣданнымъ положительного о выходѣ сикуловъ изъ Италии, то ясно, что аргументъ г. Натрони построенъ на крайне шаткой почвѣ и научнаго значенія не можетъ. Поэтому мы не удивляемся рѣзкому тону, въ какомъ по обычаю немецкихъ ученыхъ въ подобныхъ случаяхъ, высказывается относительно такого аргумента г. Петерсенъ. Вотъ что говорить онъ: „Для того, чтобы быть въ состояніи строить такую аргументацію, требуется во всякомъ случаѣ имѣть больше вѣры, чѣмъ критика, требуется, вопреки новой исторической школы, противъ которой воз-стаетъ Натрони, давать цѣну каждому свидѣтельству самому по себѣ нѣкто того, чтобы братъ его въ общей связи, древнаго предація, требуется въ такомъ случаѣ и въ критикѣ рукописей снова, какъ было прежде, каждую рукопись оцѣнивать саму по себѣ. Такой поворотъ уже не разъ замѣчается въ Италии, и во всякомъ случаѣ нужно, чтобы сначала умерла критика, прежде чѣмъ получать возможность распространенія „извѣстныя стремлениія“, о которыхъ еще будеть идти рѣчь“.

Такимъ образомъ, Натрони не удалось отнять у сикуловъ энеолитического периода, то есть 1-го периода Орса, и доказать, что новый народъ, пришедший въ Сицилію, гдѣ жили до тѣхъ поръ сиканы, и получившій имя сикуловъ, явился туда прямо съ бронзовую куль-

турой, уже воворившую будто бы въ южной Италии. Энеолитический, 1-й периодъ, и бронзовый, 2-й периодъ жизни сикуловъ на островѣ, остаются между собой связанными, и теорія Орси остается непоколебленною. За нее вступилась и пѣмецкая наука въ лицѣ первого секретаря Германского археологического института въ Римѣ. Но, оставаясь неуязвимою относительно сикуловъ, она продолжаетъ поддаваться ударамъ относительно сикановъ.

Какъ уже было сказано, культуру энеолитического периода Сицилии, Патрони приписываетъ сиканамъ, считая ее продолженiemъ того до сикульской, по Орси, неолитического периода, представителемъ которого служать отбросы Стентинелло. И въ этомъ пунктѣ онъ не только не встрѣчаетъ со стороны Петерсена колкостей въ опровергній, но, напротивъ, полную поддержку. Петерсенъ называетъ „основательными“ возраженія, которыхъ Патрони дѣлаетъ на стр. 139 и затѣмъ на стр. 145 своего этюда, которымъ мы только что занимались. Возраженія же эти заключаются во 1-хъ въ томъ, что „нельзя допустить“ (?), чтобы народъ энеолитической, какимъ по теоріи Орси, пришли сикулы на островъ, могъ быть народомъ завоевателемъ, имѣя то же самое (каменное) оружіе, какимъ обладалъ народъ, подвергшійся его нападенію, и что, слѣдовательно, въ энеолитическую эпоху никакого вторженія на островъ Сицилию не было, а произошелъ переходъ изъ неолитического периода въ энеолитической у сикановъ подъ влияниемъ пропникновенія на островъ элементовъ культуры Востока, во 2-хъ въ томъ, что главный или, лучше, единственный аргументъ, на который опирается Орси, именно что керамика неолитического и энеолитического периода совершенно различна и можетъ принадлежать лишь разнымъ народамъ, не состоятельенъ. Если Орси особенно напираетъ на то, что раскрашенная керамика энеолитического периода ниже нераскрашенной неолитической и что поэтому было бы странно видѣть народъ ухудшающимъ со временемъ выдѣлку своихъ сосудовъ, то Патрони заявляетъ, что худшій обжигъ раскрашенныхъ сосудовъ произошелъ именно отъ того, что ихъ стали раскрашивать; что же касается до орнаментальныхъ мотивовъ, то, если анализировать каждый мотивъ отдельно, самъ въ себѣ, окажется, что они очень сходны и можно удивляться, какъ были мало изобрѣтательны живописцы, раскрашивающие сосуды Кастеллучо. „Это все тѣ же связи линий въ зигзагахъ, ромбы и волчьи зубы, которые преобладаютъ въ керамикѣ Стентинелло. Есть только слабыя и рѣдкія попытки къ

обогащению геометрическихъ формъ и къ подражанію формамъ растительнымъ"¹⁾.

Воть эти-то возраженія, грубость или, чтобы выразиться мягче, натянутость которыхъ бросается въ глаза каждому, кто хоть немного знакомъ съ предметомъ, Петерсенъ называетъ основательными! Дѣло въ томъ, что эти „*begründete Einwendungen*“ совпадаютъ съ собственнымъ стремленіемъ германо-римского археолога доказать постепенность развитія сицилійскаго орнамента изъ простѣйшихъ элементовъ на его первой степени иъ болѣе сложную группировку ихъ на второй и третьей степени. Спора иѣть, онъ ведеть свое доказательства очень искусно, привлекая къ дѣлу осколки неолитической посуды и изъ другихъ мѣсть Сициліи (изъ кавернъ Виллафрате, и изъ Моарды близъ Монреала) въ провинціи Палермо, обнародованные частію Андріаномъ, частію Салинасомъ, и указывая на связь этихъ парѣзныхъ или выдавленныхъ орнаментовъ съ керамическими орнаментами 2-го сикульского (бронзоваго) и даже третьяго периода, но не умѣя только справиться съ серьезною разницей между неолитическими и непосредственно слѣдовавшими за ними 1-мъ сикульскимъ периодомъ (энеолитическими). Безнomoщность его въ этомъ случаѣ сказывается въ томъ, что съ одной стороны онъ ссылается на авторитетъ Патрони, находящаго, несмотря на различную технику, связь орнаментики Стентинелло съ раскрашенною орнаментикой Кастеллуччо; съ другой на самого Орси, который основательно видѣтъ въ керамикѣ 1-го периода черты, связывающіе ее съ керамикой 2-го периода, а такъ какъ этотъ послѣдній, по доказательствамъ Петерсена, имѣть связь съ до-сикульскимъ, то, значитъ, имѣть съ нимъ связь и первый. Правда, трудно указать связь до-сикульского периода со 2-мъ сикульскимъ по формамъ сосудовъ, особенно потому, что изъ до-сикульского сохранилось очень мало цѣльныхъ сосудовъ, но за то есть формы сходныя между до-сикульскимъ и 1-мъ сикульскимъ периодомъ. Въ подробности аргументаціи Петерсена, очень кудрявой и, если угодно, тонкой, но не вполнѣ удобовразумительной, я не вхожу, такъ какъ считаю это въ дальнемъ случаѣ неумѣстнымъ. Но смыслъ ея тотъ, что пыраско искать какихъ-то сикаловъ и приводить со стороны къ нимъ сикуловъ, когда такъ легко доказать постепенную эволюцію сицилійской культуры на керамикѣ, особенно на ея орнаментациі. Это голосъ археолога специалиста въ орнаментикѣ, который

¹⁾) *Anthropologie*, VIII, p. 147—148.

увѣренъ, что при помощи *одной* его специальности и хитросплетенныхъ разсужденій о линіяхъ въ рисункѣ можно решать съ одинаковымъ успѣхомъ какъ вопросы, касающіеся искусства, такъ и вопросы этнографическіе, историческіе, хронологическіе и т. д.. а если это не удается, то лучше всего считать такие вопросы не существующими. Какъ легко ряются подобныя точкіи сплетенія, это доказалъ Петерсену Пигорини по поводу его статьи „Comparazioni fra le antichità le Italiche e greci-micenee“, напечатанной въ журналь посвѣдняго (*Bullett. di paletn. Ital.*, 1897, p. 81 sqq.).

Но нельзя устранить изъ Сициліи сикуловъ, которыхъ тамъ знали древніе, и въ лицѣ которыхъ мы видимъ тамъ древнѣйшее населеніе острова, какъ нельзя и устраниТЬ вопросъ объ отношеніи къ нимъ сикуловъ, которыхъ преданіе и греческие историки приводятъ на островъ изъ Италии. Археологически это отношеніе выражается памятниками, свидѣтельствующими о разныхъ культурахъ. Культура сикаповъ—неолитическая, связанныя съ погребеніемъ, а въ извѣстной степени и съ обитаніемъ въ натуральныхъ гротахъ²⁾ и съ керамикой монокромною, но не лишенною извѣстной доброды по материалу, обжигу и даже полировкѣ и изящества, съ ихъ нарѣзными или выдавленными украшеніями не только въ видѣ прямыхъ линій, но и въ разной ихъ комбинаціи о чёмъ у меня говорилось въ статьѣ „о происхожденіи сикуловъ“³⁾ и образцы чего можно теперь легче всего видѣть въ статьѣ Петерсена⁴⁾. Культура сикуловъ, сначала энеолитическая, потомъ бронзовая и желѣзная, съ первого раза выразилась въ особомъ похоронномъ обрядѣ съ устройствомъ для покойниковъ искусственныхъ гробовъ съ погребальными камерами, предшествуемыми небольшими коридорами, камерами, воспроизведившими своимъ видомъ жилище и сообразно видоизмѣненіемъ послѣдняго переходившими отъ болѣе или менѣе круглой формы со сводами къ квадратной съ ровными потолками. Снаружи видѣ этихъ могилъ имѣть свою типическую форму, названную италіанцами *печной* (поэтому —

¹⁾ Въ *Bullett. di paletn. Ital.* 1897, p. 86—89.

²⁾ Еще недавно Орси открылъ одно изъ такихъ обиталищъ близъ Нахово (на юго-восточномъ берегу Сициліи) со множествомъ кремневыхъ ножей, костей, раковинъ и съ остатками ёды. Остатки посуды представляются родственными съ найденными въ Стентинелло. См. *Notizie degli scavi*, 1898, p. 35.

³⁾ Журналъ Министерства Народного Просвещенія 1897, ноябрь; отд. изд. стр. 29.

⁴⁾ *Mittheilungen*, 1998, pp. 168, 176 и 178.

tombe a forno). Внутри эти могилы, служившія сначала для цѣлыхъ семействъ покойниковъ, а съ теченіемъ времени все для меньшаго числа лицъ, и даже для одного лица, снабжались извѣстною утварью глиняною и металлическою, оружіемъ и личными украшеніями изъ бронзы, стекла, янтарной пасты и т. п. Въ энеолитическій періодъ и въ значительный промежутокъ бронзового покойники клались въ видѣ скелетовъ и притомъ въ скорченномъ или въ сидячемъ положеніи, а затѣмъ уже въ видѣ труповъ, распостертыхъ на спинѣ съ каменною подушкою подъ головой. Этотъ, продолжавшійся многія столѣтія и постепенно видоизмѣнявшійся въ своихъ выѣщихъ формахъ, по въ сущности остававшійся однимъ и тѣмъ же, погребальныи обрядъ видимо принадлежалъ одному и тому же народу, съ нерѣвныхъ временъ своего появленія на островѣ испытывавшему влияніе иноземной торговли (до-микенской, микенской и греческой) и мало по малу утрачивавшему свои этническія особенности, чтобы съ теченіемъ времени всецѣло подчиниться эллинской образованности. Этотъ процессъ окончательного подчиненія эллинской культуры, составивший 4-й періодъ жизни сикуловъ, Орпі прослѣдилъ на недавно изслѣдованнымъ имъ некрополѣ Ликодіи Эубейской ¹⁾, где обнаруживается, съ какою могучею силой эллинская культура все болѣе и болѣе захватывала лишившееся самостоятельности или полунезависимое населеніе, которому Сицилія обязана своимъ названіемъ. Такое состояніе эллинизациіи сикуловъ продолжалось съ конца VIII съ половины V столѣтія до Р. Хр., когда о сикулахъ, потерявшихъ свой языкъ и даже название ²⁾, на островѣ уже неѣть болѣе рѣчи.

Какъ греки закрыли собой съ теченіемъ времени сикуловъ, такъ сикулы закрыли собой сикановъ, о которыхъ мы можемъ судить только по остаткамъ ихъ неолитической культуры, сохранившейся особенно въ западной части острова. Самое рѣзкое различіе между ними и сикулами, кроме типичнаго погребального обряда у этихъ послѣднихъ, котораго и слѣда мы не находимъ у неолитическихъ обитателей Сициліи, заключается въ роскошной посудѣ сикуловъ энеолитического періода, которая, представляя шагъ назадъ, сравнительно съ посудой Стентинелло и при-Палермскихъ естественныхъ гротовъ, въ каче-

¹⁾ См. его прекрасную работу, напечатанную въ *Mittheilungen* германскаго археологическаго института въ Римѣ, 1898, pp. 805—866, подъ заглавиемъ: "Lo necropole di Licodia Eubea ed i Sassi geometrici del quarto periodo Siculo".

²⁾ Diod., V, 6 въ концѣ.

стѣ пасты и обжигѣ, тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ совершенно особый характеръ вкуса и промышленности у населенія, ее производившаго. Но точно опредѣлить расовыя отношенія между сикулами и сиканами не легкое дѣло. Это уже видно изъ того колебанія, которое можно наблюдать въ Орси относительно опредѣленія своего положенія въ данномъ вопросѣ. Сначала¹⁾ онъ считалъ тотъ и другой народъ очень близкими по племени, но, разобравъ отбросы Стентинелло, онъ пришелъ къ заключенію²⁾, что культура, обозначаемая этими отбросами принадлежитъ народу иберо-лигурійского племени, „родственному съ населеніемъ дальменовъ, но отличному отъ сикуловъ“. Такое же заключеніе онъ дѣлаетъ и несколько позже, когда разобрался въ археологическомъ материалѣ Мелинли, представляющемъ первую стадію сикуловъ на островѣ, и сравнивая его съ отбросами Стентинелло, заявляетъ, что этотъ послѣдній материалъ принадлежитъ „различному (отъ сикуловъ) племени и болѣе древнему, чѣмъ сикулы“. Но затѣмъ въ статьѣ о сакульскихъ сосудахъ въ провинціи Джирдженти, признаваемой областью сикаповъ, онъ выразилъ колебаніе въ другую сторону и сталъ находить, что не существуетъ никакой глубокой, существенной этнической разницы между сиканами и сикулами³⁾). Наконецъ въ самое послѣднее время, подъ впечатлѣніемъ заявлений Патрона, отнимающаго у него энеолитическій періодъ въ пользу сикаповъ, Орси уже говорить о „сикаво-сикулахъ“, „обитателяхъ до-эллинской Сициліи“, какъ о представителяхъ одной и той же иберо-лигурійской расы, противопоставляя только ихъ общую „расу и культуру“ расѣ и культурѣ такъ называемыхъ италиковъ, арійцевъ, съ которыми у нихъ нѣть ничего общаго въ устройствѣ могилы и въ похоронномъ обрядѣ⁴⁾). Онъ какъ бы уже и упрекаетъ Патрона, думающаго объ „этническомъ различіи между сиканами и сикулами“⁵⁾.

Не подлежитъ сомнѣнію, что совѣтская жизнь въ теченіе столѣтій до того сгладила особенности сикаповъ, что мы, начиная съ энеолитического періода, видимъ въ Сициліи однихъ сикуловъ, культуру которыхъ мы наблюдаемъ не только въ натуральныхъ гrotахъ

¹⁾ *Bullet. di paletn. Ital.* 1889 (n. XV), p. 218.

²⁾ *Bullet. di paletn. Ital.* 1890 (XVI), p. 198.

³⁾ *Id. Bull.* 1891 (XVII), p. 75.

⁴⁾ *Id. Bull.* 1896 (n. XXI), p. 84.

⁵⁾ *Id. Bull.* 1898 (n. XXIV), p. 203.

провинції Катавії¹⁾ и Сиракузы²⁾), но и на собственной территории сикановъ въ области Джирдженті (Агригента)³⁾. Начатки этого сближенія мы видимъ уже и во время сохраненія сиканами своей культурной особенности, какъ напримѣръ въ слѣдахъ раскраски чернымъ по красному на нѣкоторыхъ осколкахъ сосудовъ гrotа Лаццаро близъ Модики, на посудныхъ осколкахъ изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ (Джераче, Виллафрата, Пьетрапока), исследованныхъ Андріанонъ, Мауджини и другими, а равно и въ сближеніи самыхъ формъ керамики⁴⁾. Иначе и быть не могло. Живя рядомъ, населенія постепенно сближаются. Какъ вноследствіи сикулы вполнѣ сблизились съ греками, слились съ ними въ языкѣ и культурѣ, такъ это было раньше и съ сиканами, принявшими, послѣ болѣе или менѣе продолжительного тренія съ своими сосѣдями, болѣе развитую культуру сикуловъ.

В. Медестовъ.

(Окончаніе следуетъ).

¹⁾ *Notisie degli scavi* 1898, p. 239: „La distinzione etnica fra Sicani e Siculi che egli (Patroni) crede di avere luminosamente provata, riceve dai nuovi rinvenimenti una evidente smentita“.

²⁾ *Ibid.*, p. 222.

³⁾ *Ibid.*, p. 36.

⁴⁾ *Bull. di paletn. Ital.* 1898 (a. XXIV), p. 1 sqq., 106 sqq.

⁵⁾ См. разсужденія объ этомъ у Петерсена въ *Mittheilungen* германского археологического института, 1898, p. 180 sqq., и у Коллин въ *Bulletino di paletn. Ital.* 1898, p. 286 sqq.

НАКАЗЫ ТРЕТЬЯГО СОСЛОВІЯ ВО ФРАНЦІЇ ВЪ 1789 Г.¹⁾.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Давленіе и избирательная борьба въ приходахъ.

Приходскія собранія (*assemblée de paroisse*) были основною и кореннюю такъ сказать кѣтчаткой выборовъ. Здѣсь составлялись первичные наказы крестьянъ и горожанъ, здѣсь избирались ихъ излюбленные люди въ составъ окружныхъ собраний высшаго порядка, для сводки пожеланій всѣхъ поселковъ округа въ окончательные наказы, вручаемые депутатамъ 3-го сословія на генеральныхъ штатахъ. Въ приходскихъ собраніяхъ участвовало подавляющее большинство населения Франціи, всѣ достигшіе 25-тилѣтнаго возраста французы, внесенные въ податной окладъ (*sompris au rôle des impositions*), что при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ сводилось почти къ всеобщей подачѣ голосовъ²⁾.

Только здѣсь могъ высказаться простой народъ, несшій на своихъ плечахъ все бремя дорогой, плохо устроенной государственной машины и тягость разлагавшейся общественной организаціи. Поэтому въ нихъ, въ этихъ собраніяхъ, слѣдуетъ искать истинно народной подкладки знаменитыхъ „*Cahiers*“, составленныхъ отъ имени французского народа.

¹⁾ Продолженіе си. августовской книжки *Журнала Министерства Народного Просвещенія* за 1898 годъ.

²⁾ Таково общепринятое мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ списки не вносились лишь голь-перекатная. Сельскіе батраки не составляли значительной группы населения, городской пролетариатъ былъ немногочисленъ, въ деревняхъ же въ податные списки были внесены серви, половники, чиновники, всѣ мало-мальски ховаственные крестьяне.

I.

Первостепенную важность имѣть вопросъ, насколько могли приходскія собранія высказываться свободно и безъ стѣсненій? Небольно зарождается сомнѣніе, если принять въ соображеніе, что даже въ округахъ, при широкой возможности огласки, избиратели, сравнительно образованные и независимые, чувствовали тяжелую руку мѣстного начальства. Гдѣ же былъ удержъ хозяйствичанью сильныхъ міра сего въ мелкихъ городкахъ и глухихъ деревушкахъ?

Все дѣло выборовъ, сверху до низу, было въ рукахъ судей. Въ приходскихъ собраніяхъ низшая судебная власть — мѣстные судьи были по закону необходимыми предсѣдателями и руководителями. Безъ ихъ засвидѣтельствованія или подписи ихъ замѣстителей, наказы и протоколы первичныхъ собраній признавались недѣйствительными. Такимъ образомъ уже въ этой первой ступени народнаго представительства распоряжался человѣкъ, къ которому въ усиленной степени примѣнно все, сказанное о значеніи лейтенантовъ въ окружныхъ собраніяхъ — руководство преніями въ глухой деревушкѣ съ неизѣстеннымъ, почти безправнымъ народомъ, скованнымъ нуждой и связаннымъ сѣстью житейскихъ отношеній, слишкомъ легко могло свестись къ простому захимашю рта.

Мало того, по особенностямъ своего общественного положенія, низшіе судьи почти во всѣмъ должны были стоять поперегъ дороги избирателямъ. Понятно, какъ неохотно они допускали разговоры о преобразованіи низшаго суда, злоупотребленія котораго были для судей источникомъ дохода. Между тѣмъ неустройство въ этой части было явной французской деревни, однимъ изъ оплотовъ царившаго въ ней произвола и беспорядка. Правый судъ былъ, можетъ быть, единственою политическою гарантіей, доступною уму крестьянина. Въ самомъ дѣлѣ, о какой политикѣ могли толковать французскіе мужики на приходскомъ собраніи? Не о далекой Бастилії, потерявшей уже прежнее значеніе и куда мужику все равно не попасть, такъ какъ расправа съ простонародьемъ была гораздо проще. Не о пресловутыхъ „lettres de cachet“, министерскомъ деспотизмѣ, непонятныхъ для первобытнаго ума политическихъ гарантіяхъ; не о дефицитѣ, упоминаніе о которомъ попадало въ одинъ первичный наказъ въ искаженной формѣ „difficile“. Очевидно также, что крестьяне не могли рассматривать метафизическихъ основъ „конституцій“, какъ ее понимали книжники и политические

борцы XVIII вѣка. Очевидно, что тирады наказовъ, касающіяся такихъ предметовъ, были всецѣло дѣломъ рукъ образованныхъ редакторовъ, а народъ тутъ не при чемъ. О чёмъ же могли толковать сами крестьяне въ отношеніи чисто политическомъ? Какъ видно изъ послѣдующаго, французскій мужикъ оправдалъ и на этотъ разъ по-словицу: что у кого болить, тотъ о томъ и говоритъ. Онъ жаловался на бѣдность и необезпеченность своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, въ связи съ произволомъ, которымъ была насыщена вся тогдашняя обстановка, особенно на низшихъ ступеняхъ общественной жѣсткости.

Конечно жестокія черты общественныхъ и административныхъ правовъ временъ Людовика XIV въ значительной мѣрѣ смягчились къ концу XVIII вѣка¹⁾; и это, несмотря на то, что оставались въ силѣ законы, отправлявшіе на галеры людей простаго званія за самыя ничтожныя провинности (вспомнимъ чудовищную организацію габели, при которой нарушители мелочныхъ правилъ относительно продажи или потребленія соли приравнивались почти къ фальшивымъ monetчикамъ; вспомнимъ строжайшіе указы противъ нищихъ, тучами бродившихъ по странѣ, при отсутствіи серьезной борьбы съ голодонками). Итакъ не будемъ сгущать красокъ; тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что вся общественная и административная атмосфера была насыщена произволомъ, противъ которого безъ достаточнаго успѣха боролись тогда лучшіе представители самой администраціи и общества.

„Наказы 1789 г. сочуществуютъ королевской власти, но дышать ненавистью къ произволу“²⁾). Токмо отмѣчаютъ воиніющіе случаи необезпеченности личности низшихъ слоевъ населенія и крайностей административнаго самоуправства въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго вѣка³⁾.

¹⁾ Н. Н. Ардашевъ („Пропагандылая администрація по Франції иъ послѣднюю пору старого порядка“ см. „Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія“ за январь 1809), спранедавши иродосторонность противъ огульно хвалебныхъ или наоборотъ отрицательныхъ приговоровъ относительно этихъ послѣднихъ годовъ на основаніи фактовъ, подобранныхъ „безъ разбора“ изъ различныхъ эпохъ, начиная отъ Людовика XIV. Старый цорядокъ не былъ неподвижнымъ, строго опредѣленнымъ и застывшимъ строемъ, а представлялъ эволюцію. Поэтому нельзя при характеристикѣ временъ Тюрго ссылаться на случаи, происходившіе въ эпоху Кольбера.

²⁾ Tosquemville. L'ancien régime et la Révolution (изд. 1887 г.) 410—413. 391.

³⁾ Ронсін. Les cahiers de 89. (Paris изд. 1887) 230. Авторъ — тенденціозный защитникъ старого порядка; поэтому такое признаніе имѣетъ значеніе въ его устахъ.

На дурное обращеніе съ народомъ жаловались не только наказы 3-го сословія, но и привилегированныхъ; злоупотребленія административного усмотрѣнія отмѣчаются всѣми сословіями. Для наглядности представимъ яркій образчикъ такого порядка вещей, изображенный въ наказѣ деревни Messy, (Парижского округа).

Жители иронизируютъ по поводу распространенной въ ту эпоху моды на поощреніе земледѣльческихъ улучшений посредствомъ премій и наградъ: лучшее средство поощрить земледѣліе „заключается въ приданіи значечія (*considération*) земледѣльцамъ, а не въ выдачѣ имъ медалей и жетоновъ“... „съ одной стороны имъ выдаютъ медали, съ другой — при малѣшнемъ сопротивлѣніи произволу (*volontés arbitraires*) пизшихъ правительственныхъ властей ихъ тащутъ въ тюрьму“... „Нѣть! никогда феодальный режимъ не приносилъ столько вреда деревнямъ, сколько нынѣшній способъ управлениія ими! Прежде, по крайней мѣрѣ, земледѣльцы зависѣли лишь отъ одного господина; нынче, если только по соѣдству у нихъ есть люди съ положеніемъ (*en place*) и знакомые съ правительственными чиновниками, то земледѣльцамъ угрожаютъ на каждомъ шагу дорожной барщиной (*coguée*), которая не позволяетъ дать приличной обработки землѣ и доводить ихъ до самой ужасной нищеты. Они еще не могутъ выяснить, освобождены ли они отъ этого разорительного налога? хотя они отбывають „согуѣ“ деньгами, нынѣ ежедневно напоминаютъ старыя повинности, выхлопотанные частными лицами въ свою пользу“. Въ видѣ примѣра жители указываютъ на двухъ сеньоровъ (M. d'Aguesseau et M. Lenoir) „которые пользуются репутацией людей человѣколюбивыхъ“. Одинъ построилъ себѣ замокъ и немедленно провелъ къ нему дорогу натуральною повинностью жителей; „такъ какъ онъ пользовался грознымъ вліяніемъ (*crédit redoutable*), то всѣ толкались на этой работѣ, боясь тюрьмы“. Другой провелъ тѣмъ же способомъ дорогу къ своимъ двумъ мельницамъ, при чемъ это бремя было возложено въ 1781 году на 12 приходовъ, по соответствующей деяльги начали взыскивать въ 1789 году, хотя эти приходы потерпѣли отъ градобитія 13-го іюля 1788 г. убытокъ свыше 800.000 ливровъ. „И этотъ самый годъ выбрали для уплаты согуѣ. Забрана была мебель земледѣльцевъ; въ виду ихъ великой нищеты, дальнѣе не пошли. Судите по этому примѣру о спокойствіи, какое могутъ испытывать деревни!“ Жители объясняютъ, что проведеніе дороги (мощеной) къ мельницамъ сдано съ подряда за 40.000 ливровъ, а между тѣмъ соѣдній помѣщикъ провелъ подобный же путь.

на свои средства за 8.000 ливровъ. „Отюда видно, что мы щедры, когда наимъ это ничего не стоитъ. Какъ же, при такихъ пріемахъ, имѣть людей въ средѣ земледѣльцевъ? Нѣтъ, нужны рабы (serfs)¹!“¹.

Эти жалобы, повторяемыя 14 лѣтъ спустя послѣ реформъ Тюро, коснувшагося дорожной повинности, показываютъ всю силу мѣстнаго произвола, совершило ускользавшаго отъ воздействиія центральной власти, но связанныаго съ ей неудовлетворительною организацией.

Однако такое сложное и обобщенное понятіе, какъ произволъ, было чуждо народному міросозерцанію. Темный людъ тяготился неурядицей въ деревенскомъ быту, мелкими и крупными злоупотребленіями, отъ которыхъ не находилъ управы, необеспеченностью своихъ правъ, неопределенностью и крайнею растяжимостью своихъ обязанностей. Въ этомъ смыслѣ (но косвенно и безсознательно), темный народъ въ нѣкоторомъ родѣ подавалъ руку дѣятелямъ буржуазіи и передового дворянства, косвенно освящая усилия людей, провозгласившихъ права человѣка и гражданина²). Такова крестьянка Шампани, отвѣчавшая 12-го іюля 1789 года на разспросы Аргура Юнга, что ей передавали, будто нашлись богатые люди, желающие что то сдѣлать въ пользу бѣдныхъ³); дальше этого ея пониманіе не шло.

Наиболѣе непосредственные крестьянскіе наказы жаловались главнымъ образомъ на разнаго рода поборы, прижимки и утѣсненія⁴;

¹) Сборникъ Лорана и Мавидала „Archives Parlementaires“ IV, 702. 708. Въ концѣ наказа жители повторяютъ, что безъ уничтоженія права охоты и т. д. „Не нужно пробовать воощить земледѣлье и оживлять деревни“.

²) Шампанс (Édme Champion). La France d'apr s les cahiers de 1789. Paris 1897), поленизируетъ сть историками, думающими, что французскіе крестьяне искали только равенства, а не свободы. Правда, приходскіе наказы часто не говорятъ о тѣхъ волностяхъ, которыя окружные наказы хотѣть ввести въ конституцію, но, въ сущности, крестьяне „на свой ладъ“ требуютъ того же, что и образованнныя сословія. Шампъ иль справедливо указываетъ, что феодальныхъ правъ сводятся къ значительной степени къ разнаго рода запрещеніямъ и стѣсненіямъ свободы—защищаться отъ дикихъ змѣй, огораживаться, снимать жатву до извѣстнаго времени, ипродавать пшено, обращаться въ любую мельницу, держать собакъ, зажигать свѣты (за это приходилось платить въ Бретаніи и Ировансѣ). Одніи словомъ „все это сводится къ желанію свободы въ самой смѣренной ея формѣ“. Къ этому нужно прибавить, что различеніе политическихъ и соціальныхъ явлений должно приниматься весьма относительно: эти двѣ стороны всякаго историческаго события взаимно одна другую обусловливаютъ.

³) On lui a dit qu'il y a des riches qui veulent faire quelque chose pour les malheureux de sa classe.

⁴) Они постоянно толкуютъ о свободѣ, но какой? Деревня Агсу-сюр-Сир, напримѣръ, жалуется на притѣсненія сеньера, жаждаетъ „свободы для жатвы“, „своб-

тутъ выступало требование суда доступнаго, скораго, праваго и милостиваго, чтобы можно было найти въ немъ упраvu противъ этихъ золъ. Такое желаніе было тѣмъ живѣе, что, судя по многочисленности тяжбъ и процессовъ, французскій крестьянинъ очень охотно обращался въ судъ и съ чрезвычайнымъ упорствомъ защищалъ свои права, несмотря на судебнную волокиту.

Но тутъ, при внесении въ наказъ требованій о преобразованіи юстиції, приходилось считаться съ предсѣдателемъ—господиномъ судьей, прямо заинтересованнымъ въ сохраненіи старыхъ непорядковъ.

II.

Независимо отъ этого, въ предсѣдательствѣ судей на приходскихъ собранияхъ заключалась другая, еще болѣе серозная опасность. Дѣло въ томъ, что въ значительной части деревенской Франціі низшая юстиція была вотчинною (*justice seigneuriale*); сеньеръ¹⁾ назначалъ и смѣщалъ судью и понятно, что послѣдній всецѣло зависѣлъ отъ воли господина своего. Всѣдѣствие этого предсѣдатель приходского собранія стоялъ наперегъ дороги избирателей также и въ соціальномъ отпошениі, сталкиваясь съ грознымъ вопросомъ о феодальныхъ правахъ, имѣвшимъ рѣшающее значеніе въ послѣдующихъ событияхъ.

Сеньеріальный судья по своему положенію долженъ быть не только отстаивать вотчинную юрисдикцію, около которой онъ кормился, но и всю совокупность феодальныхъ правъ своего господина. Между тѣмъ ихъ упраздненіе составляло, если не исключительное содержа-

боды, на которую можетъ расчитывать всякий француузъ²⁾. Они требуютъ не свободы вообще, а свободы въ каждомъ данномъ случаѣ, въ зависимости отъ пристрастій, жертвой которыхъ они являются. (Сборникъ *Demay. Cahiers des paroisses du bailliage d'Auxerre* (Paris 1885) тексты наказовъ), см. также *Rey. Cahiers de St.-Prix* (Paris 1892) 207—209.

1) Чаще всего помѣщники, епископъ, аббатъ, наконецъ собирательная единица, какъ монастыри и города. Въ случаѣ тяжбы сеньера съ вассаломъ, господинъ являлся одновременно судьей (черезъ своего агента) и стороной. Злоупотреблениемъ и безпорядкомъ, вкравшись въ низшую юстицію, были жгучимъ вопросомъ для французской деревни прошлаго вѣка, какъ видно изъ богатѣйшаго архивнаго материала по этому предмету. Сфера распространенія сеньеріальной юстиціи и ея отношеніе къ району королевскаго суда не определены. Не сдѣлано даже попытки выяснить этотъ важный вопросъ.

ніє приходскихъ наказовъ¹⁾), то центральный пунктъ, около котораго вращалась избирательная борьба въ деревняхъ. Въ серіяхъ „Въ“ и „Въ III“ национального парижского архива материалы, касающіеся первичныхъ собраний, почти цѣлкомъ занимаются (прямо или косвенно), феодальными правами. Крестьяне подаютъ прошенія по этому предмету, прибавляя, что не посмѣли внести въ наказъ истинныя свои желанія изъ боязни отвѣтственности передъ судьями или фискальнымъ прокуроромъ. Даѣще десятками попадаются документы чрезвычайной важности — жалобы деревень или ихъ представителей на то, что требование приходского наказа объ отменѣ сеньеріальныхъ правъ не было внесено въ окружной наказъ. Если присоединить сюда всевозможныя жалобы на давление, а также разъясненія, добавленія къ наказу, просыбы о скорѣшемъ осуществленіи того, что крестьяне просили и т. п., то все это выѣстъ взятое составить очепь вышительное дѣло, въ которомъ сеньеріальный режимъ стойти на первомъ мѣстѣ. Этотъ выводъ, прямо вытекающій изъ указаній архивного материала, подкрѣпляется совокупностью всѣхъ предшествующихъ и послѣдующихъ событий рассматриваемой эпохи.

Въ соціальномъ отношеніи переворотъ конца прошлаго вѣка быть окончательнымъ торжествомъ буржуазіи надъ феодальными земельными старой Франціи. Замѣчательно, что именно наканунѣ своего крушенія феодальное начало сильно подняло голову и, не ускользнувъ изъ своихъ начинанийъ, возбудило сугубую испаність, какъ буржуазіи такъ и народа. Консервативно настроенный Шерер²⁾ разъяснилъ, какъ много повредило дворянству и самому трону то общественное теченіе, которое онъ именуетъ феодальною реакцией (*réaction féodale*).

Послушаемъ также, что говорили современники. Въ офиціальной запискѣ, поданной Аженскимъ окружнымъ судомъ, по вопросу объ организации народного представительства, заявлено: „Конечно съ

¹⁾ Приходскіе наказы иногда полны литературныхъ украшеній и требованій, явно подсказанныхъ или навязанныхъ крестьянами; поэтому къ нимъ слѣдуетъ относиться съ крайней осмотрительностью. Между тѣмъ историки прямо классифицируютъ эти требованія и затѣмъ выдаютъ ихъ за желанія французской деревни! Гораздо прочіе и надежнѣе неофиціальный архивный материалъ, заключающійся въ разнаго рода жалобахъ, доказеніяхъ и т. д., косвенно относящихся къ тѣмъ же наказамъ.

²⁾ Chertet. *Chute de l'ancien régime* (Paris, 1884). Въ высшей степени безпристрастный авторъ подошелъ къ революціи съ чувствомъ, скорѣе враждебнымъ, но примирился затѣмъ съ ея неизбѣжностью.

1614 года наши права измѣнились, гуманные чувства замѣнили суровость феодальной системы; но по мѣрѣ смягченія нашихъ правовъ, потребности наши увеличились, сословіе дворянъ умножилось и болѣе чѣмъ когда либо претензіи пріурочиваются къ дворянству и его привилегіямъ¹⁾.

Особенно важное значеніе имѣлъ сравнительно мало разработанный историками вопросъ о такъ называемыхъ феодальныхъ правахъ, лежавшихъ на личности и имуществахъ крестьянского населенія. Этотъ пережитокъ старины получилъ полную жизненность, именно въ послѣдніе, уже сочтенные, годы существованія старой Франціи.

Причины тому лежали въ хозяйственныхъ условіяхъ эпохи, въ связи съ окончательнымъ переходомъ къ денежному хозяйству. Быстро и неудержимо разорявшееся дворянство искало новыхъ источниковъ дохода, съ своей стороны разночищцы, скупавшіе дворянскія земли и снимавшіе связанный съ ними права, старались извлечь возможно большую выгоду изъ такихъ предпріятій.

Не говоря уже о кое гдѣ сохранившихся сервахъ или полузаисимыхъ мениортабляхъ, крестьяне-собственники окрестныхъ съ имѣніемъ деревень, а также сидящіе на господской землѣ чиншевики²⁾ (*censitaires*) и иные зависимые люди различныхъ категорій обязаны были отправлять въ пользу помѣщика различные повинности деньгами, трудомъ и продуктами³⁾. Замѣтимъ, что народолюбивая литература XVIII вѣка не помѣщала обостренію этихъ обязательствъ и отношений, на нихъ основанныхъ. Особенно тяжело отзывалось на крестьянствѣ широко распространившееся явленіе возобновленія такъ называемыхъ „*terrriers*“, то-есть, описей доходовъ имѣнія, гдѣ перечислялись также повинности, лежавшіе на крестьянахъ. Для праведенія имѣнія въ благоустроенный видъ и увеличенія его доходности, помѣщики содержали особыхъ специалистовъ (фавдистовъ), извлекавшихъ пзъ феодальныхъ архивовъ свѣдѣнія о всѣхъ когда либо ле-

¹⁾ Archiv. Nat. Bd 9 I. 2. 1°. В III 1, 28. *Mémoire des officiers du sénéchal d'Agenois en faveur du tiers état de la sénéchaussée 17 Decembre 1788.* Перепечатано у Монденара.

²⁾ М. М. Ковалевскій принялъ этотъ переводъ, какъ близко подходящій къ сущности дѣла.

³⁾ Феодальная барщина (*corvée seigneuriale*) въ отличие отъ дорожной повинности (*corvée*), выходила, впрочемъ, изъ употребленія. Однако Н. И. Карцевъ, въ противоположность Токвилью, думаетъ, что она была все-таки болѣе распространена, чѣмъ пришто полагать.

жавшихъ на крестьянахъ повинностяхъ, въ томъ числѣ давно вышедшихъ изъ употребленія или замѣненныхъ другими, новыми сбарами. Ссылаясь на исторію, стали наваливать на крестьянъ всю совокупность въ разное время возникавшихъ правъ и тяготъ. Между 1786 и 1789 годами, по словамъ Шеро, въ феодальной средѣ появляется странное, необычное движеніе; съ одного конца Франціи до другого сеньеры приступаютъ къ провѣркѣ своихъ „titres“, предуменываютъ новые поборы и охотно вчиняютъ вски противъ своихъ вассаловъ. Феодальная реакція, происходившая буквально наканунѣ крушения старого порядка, была поэтому существомъ бѣдствіемъ для народа—обстоятельство, недостаточно подчеркнутое большинствомъ историковъ, ограничивающихся глухимъ заявленіемъ, что въ XVIII вѣкѣ лично зависимыя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ почти исчезли, но за то нѣсколько обострилась денежная зависимость, вслѣдствіе нужды помѣщиковъ въ деньгахъ. Вопросъ о феодальныхъ правахъ составлялъ злобу дня въ массѣ деревень, запутавшихся въ безконечныхъ и чрезвычайно раззорительныхъ тяжбы съ владѣльцами; XVIII вѣкѣ наполненъ подобного рода процессами и выборы 1789 г. застали помѣщиковъ далеко не въ ладу съ крестьянами. Невозможно поэтому, при изученіи выборовъ, не коснуться, хотя бы и мимоходомъ, вопроса о томъ, что такое представляли эти права и каково было ихъ значеніе въ послѣднія 15 лѣтъ существованія старого порядка¹⁾.

Токвиль, несмотря на свои аристократическія симпатіи, даѣтъ, съ свойственнымъ ему безпристрастіемъ, блестящую характеристику этого пережитка сѣйдѣй старины, не думавшаго вымирать наканунѣ революціи. „Вообразите себѣ, пожалуйста, французскаго мужика въ XVIII в.... такъ страстно привязаннаго къ землѣ, что онъ тратить на ея покупку всѣ свои сбереженія и приобрѣтаетъ ее за любую цѣну. Для этого ему сначала надо уплатить пошлину: не правитель-

¹⁾ Н. И. Карцевъ въ 1878 году указалъ на общій недостатокъ разсужденій о феодализмѣ въ прошломъ вѣкѣ: историки рассматриваютъ его за 8 столѣтія, не выдѣляя извѣстія, относящіяся къ послѣдней четверти XVIII вѣка, пѣръ всѣхъ остальныхъ (Крестьяне и крестьянскій вопросъ стр. 85). Въ 1899 году другой русскій ученикъ, Н. Н. Ардашевъ, открылъ ту же методологическую ошибку въ разработкѣ всѣхъ вообще вопросовъ, касающихся старого порядка. Желательно, чтобы эти замѣчанія первостепенной важности, сдѣланные на разстояніи 20 лѣтъ и одинаково вѣрныя, какъ въ 1878 такъ и въ 1899 году, перестали, наконецъ, быть глазомъ воющіаго въ пустынѣ.

ству, а другимъ сосѣднимъ землевладѣльцамъ... Онъ владѣеть нако-
нецъ (этой землей) и вкладываетъ въ нее свою душу выѣсть съ зер-
номъ.

Но вотъ приходитъ тѣ же сосѣди, отрываютъ его отъ
поля и принуждаютъ идти работать въ другое мѣсто бесплатно. За-
хочетъ ли онъ защитить урожай противъ ихъ дачи, тѣ же (сосѣди)
препятствуютъ въ этомъ; они же поджигаютъ его при переправѣ че-
резъ рѣку, чтобы выскать мостовая ношлны. Онъ встрѣчаетъ ихъ
слова на рынке, гдѣ они продаютъ ему право продавать свой соб-
ственный урожай и когда, вернувшись домой, онъ хочетъ обратить
на свое потребленіе остатки ржи, той ржи, которая выросла на его
глазахъ и отъ труда его рукъ, онъ не можетъ этого сдѣлать иначе,
какъ пославъ ее молоть на мельницу и отправивъ печь въ пекарню
тѣхъ же самыхъ людей. Часть дохода отъ его маленькаго участка
обращается въ ихъ пользу и все это не можетъ подлежать дѣйствію
давности и не можетъ бытъ выкуплено. Что бы онъ ни сдѣлалъ, онъ
всегда встрѣчаетъ на своей дорогѣ этихъ неудобныхъ сосѣдей, смущающихъ
его удовольствіе, стѣсняющихъ его трудъ, съѣдающихъ его
продукты; когда же онъ покончитъ съ ними, являются другіе, одѣтые
въ черное (духовенство), и отбираютъ лучшую часть жатвы. Вообра-
зите себѣ положеніе, потребности, характеръ, страсти этого человѣка
и расчитайте, если можете, сокровища ненависти и зависти, накоплен-
ные въ его сердцѣ¹⁾. Токвиль касается здѣсь только незначитель-
ной части феодальныхъ правъ, не упоминая о самыхъ существенныхъ
въ экономическомъ отношеніи—о цизѣ и шамиарѣ. Но и сказавшаго
вполнѣ достаточно для того, чтобы имѣть понятіе объ ихъ тягости.

Историки, раздѣляющіе взгляды Токвиля, но не обладающіе его
глубокимъ знаніемъ эпохи и лишенные его высокаго беспристрастія²⁾,
склонны считать жалобы на феодальные права преувеличенными и
ищутъ центръ тяжести народной бѣдности въ государственномъ по-
датномъ обложеніи.

Но эти разсужденія должны считаться устрашенными съ появле-
ніемъ работы Н. И. Карбѣева³⁾ о крестьянскомъ вопросѣ въ XVIII

¹⁾ *Tocqueville. L'ancien régime et la révolution* кн. II, гл. 1.

²⁾ Таковъ Понсент (*Ponscet. Les cahiers de 89*) авторъ извѣстнаго сочине-
нія, не имѣющаго научнаго значенія. Авторъ на стр. 137 и 1324 (изд. 1887 года)
между прочимъ различно, со словъ Ланерии, заявляетъ, что крѣпостное право со-
хранилось только среди крестьянъ монастыря св. Клавдія на Юрѣ. Между тѣмъ въ
самыхъ „cahiera“ можно найти опроверженіе этихъ словъ.

³⁾ Разныи „Histoire des paysans“ составлены бывъ всякаго историческаго

вѣкѣ и окончательно теряютъ значеніе послѣ труда М. М. Ковалевскаго о происхожденіи современной демократіи.

Тягость феодальныхъ правъ не можетъ и не должна опредѣляться въ цифрахъ. Дѣло заключалось не только въ обремененіи крестьянскаго хозяйства добавочными и въ этомъ смыслѣ непосильными расходами, а въ подрывѣ самой доходности и успѣшности веденія этого хозяйства.

Такъ внесеніе шампара, то-есть уступка сеньеру части урожая въ натурѣ, сопряжено было съ разными неудобствами для крестьянскаго хозяйства: земледѣлецъ терялъ золотое время, ибо не могъ начать уборки хлѣба, не извѣстивъ объ этомъ сеньера впередъ за 24 часа, кроме того онъ иногда обязывалъ быть самъ вывезти господину отходящую ему долю жатвы, наконецъ земля истощалась, такъ какъ господинъ отбиралъ часть соломы, нужной для удобренія. Кое-гдѣ, а можетъ быть и во многихъ мѣстахъ, сохранило еще силу право сеньера опредѣлять время жатвы (*van pour les moissons*).

Повсемѣстно и полновластно распространенное право охоты какъ королевской, такъ и сеньеральной, прямо подрывало доходность крестьянскаго хозяйства; земледѣлецъ былъ стѣсненъ на каждомъ шагу: не имѣть права войдти въ свое поле, чтобы выдергивать сорную траву, не могъ даже косить траву, пока куропатка не вывѣдила своихъ цыплятъ, не могъ огораживать своего поля и т. д. Крестьяне, которымъ строжайше было воспрещено убивать дичь на своихъ земляхъ, принуждены были почкою охранять урожай отъ безчисленныхъ зайцевъ и кроликовъ, буквально пожирающихъ значительную часть полей, на которыхъ къ тому же сеньеры охотились до уборки хлѣбовъ; съ другой стороны охотничья стража (*gardes*) была безпощадна, народу воспрещалось держать собакъ или вѣлько перебивать заднія ноги, подвѣшивать колодки и т. п., чтобы онѣ не гоняли дичи¹⁾. Что же касается десятины, то она лишала крестьянъ со-

метода и безъ достаточной фактической обосновки. Въ общемъ, среди большинства историковъ революціи поражаетъ полнѣйшее незнаніе съ политической экономіей и чрезвычайная смѣлость въ обобщеніяхъ экономического характера. Послѣ Каррѣева едва ли не единственными учеными работами въ томъ же направлѣніи слѣдуетъ считать труды М. М. Ковалевскаго и И. В. Лучицкаго, то есть опять такихъ русскихъ ученыхъ, почти незавѣстныхъ на Западѣ до самаго послѣдняго времени.

¹⁾ Жалобы на право охоты составляли общее мѣсто въ наказахъ, современныхъ прошеніяхъ, запискахъ, публицистикѣ. О природѣ его см. въ особенности у Каррѣева, *Cherest* (II 525—530), Ковалевскаго.

ломы, нужной для унавоженія земли, препятствовала своеевременної уборкѣ хлѣба, служила тормазомъ для перехода къ травосѣянію и другихъ улучшений въ сельскомъ хозяйствѣ, между тѣмъ какъ въ литературѣ и земледѣльческихъ обществахъ царила мода на улучшеніе культуры, а на очередь дѣйствительно стоялъ вопросъ о поднятіи доходности земли¹⁾). Отдельные феодальные денежные сборы были не высоки сами по себѣ, но общая ихъ сумма становилась въ итогѣ чрезвычайно винушительной.

Самая организація ихъ взиманія порождала неисчислимое количество золь. Такъ цензъ, самъ по себѣ не особенно высокий, сопровождался разными побочными поборами, становился совершенно непосильнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сеньеръ пользовался своимъ правомъ взыскивать единовременно недоники по цензу за 29 лѣтъ на задъ. При покупкѣ земли плательщики налога „lods et ventes“ въ пользу помѣщика не были достаточно обеспечены въ прочности покупки. Запутанность земельныхъ правъ на почвѣ феодализма порождала безконечные, раззорительные процессы, неувѣренность крестьянъ въ прочности своихъ правъ, въ законности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей и нежеланіе поэтому вводить земледѣльческія улучшения, о которыхъ такъ много и горячо говорилось въ модныхъ агрономическихъ обществахъ и книгахъ.

Крестьяне были опутаны прямо неимовѣрнымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ обязательствъ въ пользу сеньера, начиная съ банаитета, то-есть обязанности молоть зерно, печь хлѣбъ и выживать вино на сеньеріальныхъ мельницахъ, печахъ, точилахъ.

Перечислять всѣ эти права нѣтъ никакой возможности, (для этого нужны цѣлые тома специальныхъ изслѣдований съ подробнымъ анализомъ мѣстныхъ особенностей, сообразно царившей въ старой Франції крайней нестротѣ учрежденій и обычаевъ)²⁾. Достаточно указанія

¹⁾ „La dîme tend à enrichir les riches et appauvrir les pauvres... Elle enlève les pailles, que les riches seuls peuvent racheter, et il s'ensuit que les terres engrangées par ces pailles s'améliorent progressivement, tandis que celles des pauvres, sans cesse dépaillées, deviennent de plus en plus mauvaises“ (наказъ Немурскаго бальжа). „La récolte... exposée à l'intempérie des saisons... le cultivateur ne pourra enlever ses grains avant que le receveur n'ait compté les gerbes“ (пактъ Этаппа). Сборникъ Лорана и Маридоля *Archives Parlementaires* IV, 192, III, 285.

²⁾ Во многихъ работахъ производится всколывъ краткій разборъ феодальныхъ правъ на основаніи пактовъ. Но эти перечисленія слишкомъ пеподны, отрывочны, составлены безъ всякаго метода и представляютъ не изслѣдованіе, а иллю-

на ихъ многочисленность для того, чтобы понятно стало, почему вопросъ объ отменѣ феодальныхъ правъ такъ сильно занималъ деревенскихъ избирателей въ 1789 году.

Особенно обострились отношения помѣщиковъ и крестьянъ наканунѣ революціи также, въ виду борьбы изъ за общепопулярныхъ крестьянскихъ угодій и сервитутныхъ правъ крестьянъ (*usages*) на землѣ помѣщиковъ, особенно права пастибища (*vaine pâture, droit de parcours*). М. М. Ковалевскій полагаетъ даже, что эта сторона дѣла имѣла болѣе серьезное значеніе, чѣмъ самыя феодальные права, какъ таковыя.

Что феодальная реакція была въ самомъ разгарѣ именно наканунѣ крушения всего старого строя, видно изъ множества жалобъ крестьянъ во время выборовъ 1789 года.

Жители деревни *Bez* (Лангдокъ) сообщаютъ, что ихъ сеньеръ испросилъ черезъ интенданта ордонансъ, лишившій вассаловъ права насти козъ въ пустыряхъ, такъ что нечѣмъ больше кормить дѣтей¹⁾.

Отъ имени жителей *Urbent* (Пиринеи) подробнѣ и высокопарно изложена борьба съ сеньеромъ, за послѣдніе 40 лѣтъ, причемъ проводится параллель между прежнимъ и новымъ помѣщикомъ, но конечно далеко не въ пользу послѣдняго²⁾.

Въ *Lavelanet* 20-го мая 1789 года жители официально вносятъ въ протоколь, что въ настоящую годину бѣдствія сеньеръ только что запретилъ (*vient de défendre*) выгонять скотъ въ пустыри (*terres vaines, vacants, bruyères et garrigues*), несмотря на пользованіе крестьянъ этими правомъ испоконъ вѣковъ (*de temps immémorial*). Они грозятъ совершенно бросить землю, если сеньеръ не возвратить имъ права пастьбы и рубки сухолѣсъ (*racage et lignérage*), такъ какъ эта местность (въ Пиринеяхъ) гориста, бесплодна и очень холодна, а кромѣ того они платятъ сеньеру за „*racage et lignérage*“; сеньеріальные права постоянно усиливаются, начиная съ

стражу вопроса. Единственно цѣнную попытку научной разработки крестьянскихъ наказовъ представляетъ глава, посвященная этому вопросу у Ковалевскаго (Происхожденіе современной демократіи т. I). Изъ „иллюстрацій и эскизовъ“ отмѣты, какъ наиболѣе удачные: *Edme Champion. La France d'après les cahiers de 1789* (Paris 1897) 138—154. *Idem. Esprit de la Révolution* (Paris 1887) 37—59. *Chartasse. Cahiers des paroisses et communautés du bailliage d'Antun* (1895 предисловие 60—70. *Chassin. Elections de Paris IV* 57—62.

¹⁾ Archiv. Nat. B. III, 166, 819, 820, ст. 11 наказа, присланного Неккеру взамѣнъ официального текста, вынужденного сеньеріальнымъ агентомъ.

²⁾ Archiv. Nat. B. III, 168, 74—78.

1614 года: такъ увеличенъ размѣръ ценза, а шампаръ доведенъ до десятой части урожая (*au dixième*). Въ посльднія 15 лѣтъ сеньеры хотятъ распространить взимаціе шампара на всѣ произрастанія (а не на одинъ хлѣбъ), напримѣръ на бобы и капусту, которую вассаль кладеть въ варево. (*Quelle infamie!*⁴ восклицаютъ жители). Баналь-ная мельница такъ плоха, что въ прошломъ году изъ за этого чуть было не разгорѣлся бунтъ; сами сеньеры въ нижніи почти не показываются, но ихъ агенты, „эти существа, извлеченные изъ грязи“, являются всегда естественными врагами „вассаловъ“, платящихъ, по словамъ наказа, въ 4 раза больше сеньеріальныхъ повинностей, чѣмъ королевскихъ налоговъ¹).

Въ тѣхъ же Пиренеяхъ одинъ сеньерь просилъ содѣйствія интенданта его претензіи на право отбирать языки всѣхъ убиваемыхъ воловъ, объясняя: „мы постепенно возобновили многія сеньеріальные права“²).

Жители Mussy l'Evêque въ Шампані сообщаютъ Неккеру, что хотя они—свободные собственники алодіальныхъ земель, тѣмъ не менѣе „ихъ свободѣ угрожаетъ опасность, уже имъ указываютъ на ложный и несправедливый принципъ—*ville terre sans seigneur*“³).

Изъ жалобы города Рошешуара (Пуату) видно, что гнѣть феодаль-ныхъ правъ стала усиливаться съ 50-хъ годовъ, выражаясь въ назна-ченіи муниципалитета, въ барщинѣ, баналятѣ, отведеніи ключевой воды и т. д.⁴) и сопровождаясь абсентензіомъ самого сеньора. Жители St. Maixans (Бордо) протестуютъ противъ возстаношенія сенье-рами старыхъ обязательствъ и желаютъ отмѣны (съ выкупомъ) бана-лятетовъ и заставныхъ сборовъ (*péages*)⁵). Въ томъ же краѣ жители Salles en Bush называютъ фавдиста разбойникомъ и ужаснымъ гра-бителемъ; они обременены тяжелою сеньеріальною барщиной, сеньерь говорять оши, „постоянно пытается лишить насъ права пасти толь-ко многочисленный скотъ, который у насъ остался“; 1-го февраля 1789 года онъ для огражденія своего права охоты произвелъ съ помошью

¹⁾ Archiv. Nat. B. III, 169, 378—428 наказъ и „déliberation de la commu-nauté de Lavelanet 20 mai 1789“.

²⁾ Vidal. Histoire de la Révolution dans les Pyrénées Orientales (Perpignan 1885) I, 40. M. de Blanes, seigneur de Millas.

³⁾ Archiv. Nat. B. III 170, 1.141—1.150.

⁴⁾ B. 69 I. 162. 4°, 1°. B. III 171, 944—993. Requête des habitants libres de la ville de Rochechouart.

⁵⁾ Archiv. Nat. B. III 172, 500—517

полації повальний обыскъ въ домахъ и отобранъ оказавшееся оружіе съ наложениемъ 10 ливровъ штрафа на каждого нарушителя запрещенія носить оружіе¹). Жители мѣстечка Sommières (Лангдокъ) объясняютъ, что ихъ ярмарка и рынокъ опустѣли вслѣдствіе нового сбора съ зерна, введенаго предшественникомъ²) пышнаго сеньера.

Н. И. Карбевъ извлекъ изъ архива цѣлый рядъ любопытныхъ свидѣтельствъ того же порядка³); Шере, Шампіонъ, Бюсьерь и другіе вынесли то же впечатлѣніе изъ бѣглого обозрѣнія приходскихъ наказовъ⁴). Всюду сеньеры расширяютъ свои права, ссылаясь на постановленія обычного права въ родѣ „droit d'enclave“ или правила „nulle terre sans seigneur“, пользоваясь возобновленіемъ *terriers* и. т. д.

Неудивительно, если отношенія между помѣщицами и крестьянами были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настолько обострены, что выливались не въ форму однихъ прошеній, жалобъ, тяжбъ, а кончались даже аграрными преступленіями. Такъ въ Арманьякѣ одинъ молодой сеньеръ, затѣявшій съ крестьянами столько процессонъ, что въ послѣдніе 4, б. лѣта съ ними судились поочереди всѣ его вассалы, былъ 14-го февраля 1789 года, то-есть за мѣсяцъ до выборовъ, убитъ наповалъ 2 выстрѣлами; убийцы были такъ хорошо скрыты, что до нихъ никакъ не удалось добраться; сеньеріальный же судья не рѣшился послѣ этого вернуться къ отправленію своихъ обязанностей⁵).

Въ приходскихъ наказахъ феодальная реакція составляетъ предметъ безчисленныхъ жалобъ, переходящихъ иногда и въ окружные наказы. Такъ третью сословіе Ренца⁶) заявляетъ, что въ послѣднія „20 лѣтъ въ особенности“ вассаловъ стала лишать ихъ правъ на „*terres vagues et communes*“ (ст. 145), сеньеры перекопали много нужныхъ дорогъ (ст. 152), введена натурадльная повинность почивки помѣщицкихъ мельницъ („это современная узурпациія феодализма, не имѣющая основаній въ нашей кутюмѣ“), практикано „послѣднее время“

¹) Archiv. Nat. B III 178, 368—386.

²) B III 178, 679—719 прошеніе королю.

³) „Крестьяне и крестьянскій вопросъ“ 85—90. Важны ссылки на серію д. національнаго архива, которая не входила въ основаніе настоящей работы.

⁴) *Cherest. Chute de l'ancien régime I*, 51—54, 72—74. *Champion. La France d'apr s les cahiers de 1789. 160—164. Bussi re. II* 104—105, и т. д.

⁵) Archiv. Nat. B № 236. Seigneur haut justicier Lamarq : cadet, 28 лѣтъ. „человѣкъ бѣдный, но предпринимчивый и честолюбивый“. Передъ убійствомъ онъ получимъ чѣсколько предстороженій и былъ жертвой нѣсколькихъ хѣ неудачныхъ покушеній.

⁶) *Proust. Archives de l'Ouest III* 317, см. также въ *Archives Parlementaires*

разбивать крестьянскія ручныя мельницы для размола зерна (ст. 171), голубятни страшно размножились и расширились за послѣднее столѣtie (172), за потравы въ лѣсахъ взыскиваются штрафы, хотя эти лѣса не огорожены (146) и т. п. Гиенская сенешальссея желаетъ установлениія 30-лѣтней давности для сеньеріальныхъ правъ пастьбы на общинныхъ земляхъ¹⁾.

Третье сословіе Немура увѣряетъ, что нѣкоторые сборы (шампарь) не взыскивались уже цѣлые вѣка или долгіе годы, а теперь сеньеры вызываютъ ихъ къ жизни одной властью фискального прокурора; „есть въ бальзѣ такіе сборы, которые начали взыскиваться такимъ образомъ 8 лѣть тому назадъ“; сеньеры ссылаются также на „droit d'enclave“, для наложеія шампара на земли, никогда ему не подлежавшія, но окруженнymi участками, имъ обложенными²⁾). Дуз (Doux) желаетъ, чтобы сеньеры не стѣсняли крестьянъ въ правѣ пастьбы и чтобы „всѣ акты, совершенные въ противность этому за послѣдній 20 лѣть, были отмѣнены“³⁾). Округъ St. Sauveur le Vicomte (secondaire de Coultances) заявляетъ, что многіе города и деревни некони владѣютъ разными болотами и пустошами (marais, landes), которыхъ во всѣ времена возбуждали жадность людей сильныхъ, вызывали многочисленные процессы, и понынѣ „приводящіе въ отчаяніе и разоряющіе многіе города и села“⁴⁾) Въ Гех дворянство и третье сословіе жалуются на арепдатора⁵⁾ государевыхъ имѣній, нѣсколько лѣть назадъ захватившаго каменоломни въ общинныхъ лѣсахъ 4-хъ деревень, такъ что люди, живущіе среди скаль Альпъ и Юры, „принуждены покупать у фермера Вашего Величества даже камни, которые природа щедро имъ расточаетъ для постройки жилищъ“. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, король слѣдовалъ примѣру сеньеровъ; въ особенности много жалобъ раздается на расширение королевскихъ парковъ и охотъ въ улцерѣ крестьянамъ и помѣщикамъ сосѣднихъ мѣстностей, равно страдавшимъ отъ размноженія дичи. Многіе наказы округовъ⁶⁾ требуютъ возвращенія сенье-

¹⁾ Proust. III 115. Guyenne.

²⁾ „Archives Parlementaires“ IV, 196.

³⁾ Ibidem, III, 182, ст. 54 окружного наказа.

⁴⁾ Ibidem, III 70.

⁵⁾ Ibidem, 393—396. Наказы дворянства и 3-го сословія.

⁶⁾ Ibidem, I, 779 (Gray), III, 612 (Lyon), III, 613 (Macon), IV, 259 (Nevers), V, 640—641. (St. Pierre le Moûtier), VI, 84, 85. (Troyes), VI, 212 (Vitry le Fran ois).

рами захваченныхъ у крестьянъ общинныхъ угодій, что, по словамъ макоццевъ „безусловно необходимо для земледѣлія“.

Но наиболѣе цѣнныя свидѣтельства о широкомъ распространеніи феодальной реакціи слѣдуетъ искать не въ окружныхъ, а въ приходскихъ наказахъ. Въ нихъ ярко выступаютъ двѣ стороны этого исторического явленія: 1) расхищеніе общинныхъ угодій и нарушение сервитутныхъ правъ—продолженіе исторического процесса, начавшагося уже давно, по мѣрѣ разложенія средневѣковаго хозяйства; 2) возобновленіе или даже прямо зарожденіе феодальныхъ правъ, давно забытыхъ или никогда въ данной мѣстности не существовавшихъ—фактъ новый, относящийся къ самыи послѣдніи годамъ существованія старого порядка.

Авторъ наиболѣе серьезной попытки изслѣдованія, на основаніи наказовъ, крестьянского хозяйства этой эпохи, М. М. Ковалевскій¹⁾), ствергаетъ ходячій терминъ феодализма въ примѣненіи къ даннымъ явленіямъ.

Съ этимъ нельзя согласиться. Терминъ: „феодальная реакція“, принятый Шере, вполнѣ покрываетъ оба указанные разрода фактоў. Съ разложеніемъ средневѣковыхъ хозяйственныхъ отношеній феодализма, помѣщики перестали быть заинтересованными въ благополучіи сидящихъ на ихъ землѣ держальцевъ, а потому стремились къ захватамъ общинныхъ пустырей, къ округленію фермъ, къ прямому, какъ въ Англіи, „clearing of estates“, къ крупному фермерству и обезземеленію крестьянъ. Русскій ученый видитъ въ этомъ отрицаніе феодализма, который былъ основанъ па хозяйственной солидарности господъ съ народомъ. Но можно съ полнымъ правомъ называть эти явленія феодальною реакцией, или отраженіемъ на наслѣдникахъ бывшихъ феодаловъ измѣнившихъ условій хозяйственного строя. Къ тому же феодальные права являлись прямымъ орудіемъ этой реакціи, безсознательно стремившейся къ обезземеленію оброчныхъ крестьянъ. Таковы случаи выселенія недонимщиковъ ценза, который можно было сразу взыскивать за 29 лѣтъ назадъ. Поэтому нѣть никакой необходимости отказываться отъ ходячаго слова „феодализмъ“ для обозначенія всей совокупности явленій, представляющихъ борьбу сеньеровъ съ крестьянами наканунѣ революціи.

¹⁾ И. В. Лучицкій, въ своей полемикѣ съ нимъ, правъ въ томъ смыслѣ, что приходские наказы—единственный и въ самѣй достовѣрный источникъ для изученія экономического быта народа. Тѣмъ не менѣе цѣнность такого изслѣдованія не подлежитъ сомнѣнію, въ особенности при современномъ состояніи науки.

Конечно, этамъ не исчерпывается сущность тѣхъ неустройствъ, которыми тяготилась французская деревня. Конечно, королевскія по-даты были чудовищны по своей тягости и неравномѣрности, а одинъ соляной налогъ въ мѣстностяхъ „grande gabelle“ былъ ножалуй тяжелѣе шампана. Но не эта сторона дѣла должна быть выдвинута въ работѣ, посвященной выборамъ 1789 года. Вѣдь борьба, разыгрывавшаяся въ нихъ, вращалась главнымъ образомъ около феодального начала, не желавшаго поступаться своими правами и прямо заинтересованного въ давлѣніи на крестьянъ въ указанномъ смыслѣ. Напротивъ того, государство, въ лицѣ Людовика XVI и Неккера, откровенно признало несостоятельность старой своей организаціи, добросовѣстно приглашало своихъ подданныхъ къ открытому принесенію жалобъ на старый порядокъ вещей и ничуть не думало стѣснять при этомъ избирателей. Вотъ почему въ настоящемъ изслѣдованіи феодальныи отишепіемъ отведено первое мѣсто, а это въ свою очередь обусловливаетъ необходимость сдѣланныго въ указанномъ смыслѣ отступленія отъ прямой задачи—то-есть изученія выборовъ для разбора наказовъ, какъ исторического источника.

Здѣсь не мѣсто разбирать степень вреда, причиняемаго феодальными правами крестьянству и народному хозяйству вообще наканунѣ крушенія монархіи. Неопределенность этихъ правъ и неразработанность экономической исторіи прошлаго вѣка такъ велика, что въ настоящее время этотъ вопросъ долженъ считаться пока неразрѣшимыи. Въ какомъ отношеніи находилась государственная податная тягость къ бремени сеньеральнихъ повинностей? Этого пока сказать нельзя, если не довольствоваться опытами статистики, основанной на изученіи отдельныхъ примѣровъ мало доказательныхъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи старый порядокъ, какъ и во всемъ прочемъ, представляетъ самую крайнюю нестроту¹⁾. Тюрго находилъ, что въ богатыхъ и развитыхъ провинціяхъ тягость феодальныхъ правъ была незначительна, наоборотъ въ мѣстностяхъ бѣдныхъ и отсталыхъ—очень велика. Болѣе точныхъ свѣдѣній не могъ дать даже этотъ человѣкъ, бывшій самымъ серіознымъ государственнымъ дѣятелемъ и въ тоже время величайшимъ мыслителемъ XVIII вѣка. Наблюдательный англійскій путешественникъ, Артуръ Юнгъ, также не могъ себѣ составить определеннаго мнѣнія о значеніи феодальныхъ правъ въ народномъ хозяйстїи Франціи. Онъ, правда, всегда поражался многочислен-

¹⁾ О сложности и запутанности этого вопроса см. у Карбера, Шерса и др.

нностью жалобъ, выводицъ изъ этого заключеніе, что феодальныя права „вездѣ гораздо тягостнѣе, чѣмъ это кажется“, но только послѣ ихъ отмѣны, 4-го августа 1789 г., понять всю важность этого вопроса, когда изъ разговоровъ съ сенѣрами и изъ ихъ жалобъ узналъ „что главный доходъ многихъ доменовъ состоялъ лишь изъ феодальнихъ повинностей“¹⁾.

Во всякомъ случаѣ для цѣли настоящаго изслѣдованія совершенно достаточно того наблюденія, что эти права возбуждали особенную ненависть въ народѣ. Это прямо признаетъ осторожный Токвиль, говоря о „trésors de haine et d'envie“, накопившихся въ душѣ мужика, несмотря на то, что, по мнѣнію этого ученаго, феодальныя права были легче и безобиднѣе во Франціи, чѣмъ въ остальной Европѣ²⁾.

Гораздо менѣе беспристрастный Тэнъ, подобнымъ же образомъ отрицая особую тягость этихъ правъ, тѣмъ не менѣе преклоняется передъ очевидностью факта, что феодализмъ былъ „наиболѣе ненавистнымъ“ явлѣніемъ стараго порядка³⁾.

¹⁾ Arthur Young. Voyages en France. Traduction Léonard (Paris 1882), I, 886, II, 201, 202, 425 — 430, 486, 487. Dans mon passage à travers les provinces de France, j'avais été frappé des plaintes... mais je ne m'imaginais pas la multiplicité... Je l'apris ensuite, dans mes entretiens avec les seigneurs, dans leurs plaintes sur les progrès de la Révolution, je sus alors que le principal revenu de bien des domaines ne consistait qu'en services féodaux.

²⁾ Tocqueville. L'ancien régime et la révolution (изд. 1887 г.). Глава 1-я второй книги такъ и озаглавлена: „Pourquoi les droits féodaux étaient devenus plus odieux en France que partout ailleurs“. Но его объясненію феодальный экономический строй отжилъ свой вѣкъ и во Франціи еще ранѣе революціи развилась мелкая крестьянская собственность, для которой сенѣріальные повинности являлись совершенно неоправдываемыми стѣсненіемъ, тѣмъ болѣе, что крестьяне едва сводили концы съ концами (847—350, 377, 378). Взглядъ Токвиля на распространеніе мелкой собственности до революціи оспаривается, но онъ недавно нашелъ очень сильного защитника въ лице проф. Лучицкаго (Київській Університетський Науковий „Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франції до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ“ (1894). „Крестьянская поземельная собственность во Франції до революціи и продажа національныхъ имуществъ“ (1896). См. также его статью въ „Revue Historique“ и книгу о мелкой собственности до революціи, вышедшую на французскомъ языкѣ (Paris, Champion 1897).

³⁾ Тэнъ объясняетъ это психологическими причинами: народъ замѣчаетъ, что съ правами сенѣровъ не соединялось болѣе общественныхъ обязанностей,—а потому считалъ феодальныя повинности несправедливыми, не соотвѣтствующими оказываемымъ услугамъ.

III.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что крестьянство 1789 г. со своею враждой къ феодализму было въ этомъ отношеніи до иѣкоторой степени предоставлено самому себѣ, своимъ собственнымъ силамъ. Въ чисто хозяйственномъ отношеніи не одно дворянство, но и значительная часть буржуазіи¹⁾ была заинтересована въ сохраненія сеньеріального режима или по крайней мѣрѣ беспокоялась, какъ бы его уничтоженіе не повлекло за собой, при выкупѣ, невознаградимыхъ потерь для помѣщика. Это настроеніе главнымъ образомъ крупной буржуазіи проявлялось подчасъ очень рѣзко на окружныхъ собраніяхъ. Въ общемъ наказы бальяжей и сенешоссей касаются феодальныхъ правъ гораздо осторожнѣе и нерѣшительнѣе, чѣмъ приходскіе. Во многихъ мѣстахъ требование выкупа феодальныхъ правъ проходили въ окружномъ собраніи только послѣ горячей борьбы, въ которой защитниками дворянскихъ правъ, во имя священныхъ принциповъ собственности, выступали представители „haut tiers“, то-есть высшая буржуазія. Въ общемъ наказы, составленные окружными собраніями, обнаруживаютъ двойственное, а подчасъ и двусмысленное отношеніе къ феодальнымъ правамъ²⁾.

Что же касается мыслителей и политическихъ дѣятелей, рукополившихъ движениемъ, то хотя они принципіально осудили феодальные права, но въ общемъ передовые люди не давали себѣ яснаго отчета въ глубокой и неотложной важности этого вопроса. Недаромъ физиократъ Dupont de Nemours замѣтилъ при составленіи Немурскаго наказа, что до прочтенія крестьянскихъ жалобъ они, горожане, не имѣли никакого понятія о степени ненависти крестьянъ къ феодальнымъ правамъ.

Правда въ литературѣ вопросъ о выкупѣ сеньеріальныхъ повинно-

¹⁾ Высшая буржуазія (*haut tiers, bourgeois vivant noblement*) взадѣла бывшими дворянскими иѣніями, или состояла въ родствѣ съ дворянами, представители же ииашей буржуазіи и даже народа, состоя сеньеріальными агентами или съемщиками господскихъ правъ, всячески противились разрушенію режима, около которого пятались.

²⁾ Уже И. И. Карбенъ отмѣтилъ „двойственное отношеніе третьего сословія къ феодальнымъ правамъ“. (Крестьяне и крестьянскій вопросъ“ 391). Къ этому придется еще вернуться. Отмѣтимъ пока окружные собранія въ Condom, Caen, Poitiers, Meaux и т. д.

стей былъ уже отчасти поднять¹⁾), а Тюрго, еслибы ему дали время и возможность действовать, осуществилъ бы это великое преобразование²⁾), не ожидая пожара замковъ и ужасовъ народной жакеріи 1789 года. Правда также, что передъ революцієй вопросъ этотъ по-сился въ воздухѣ и въ окружные наказы 1789 г. попало всетаки не мало разсужденій о вредѣ феодализма, и его пережитковъ. Тѣмъ не менѣе, какъ разъяснилъ Н. И. Карбевъ, крестьянскій вопросъ не былъ поставленъ въ XVIII вѣкѣ во всей его полнотѣ и широтѣ, а французская буржуазія занялась имъ только „между прочимъ“, под-гоняя мал грозными событиями. Мало того, какъ видно изъ работы Н. И. Карбева и М. М. Ковалевскаго³⁾, ликвидацией феодального режима произведена была революціей безъ надлежащаго вниманія, урывками, такъ сказать между дѣломъ и главнымъ образомъ подъ влияниемъ событий, прямо стучавшихъ въ окно. Изученіе выборовъ 1789 г. покажетъ, что въ началѣ руководившіе тогдашнею политической передовыми людьми, боясь сопротивленія дворянства и поглощенные политическими, а не соціальнымиъ вопросомъ, держались предложеній Сіесомъ тактики: въ отвѣтъ на отказъ дворянства отъ податныхъ изѣйтій, они выдвигали исключительно конституціонный во-

¹⁾ Вспомнимъ взгляды (30-хъ годовъ) д'Аржансона и осужденіе феодализма физиократами.

²⁾ Вспомнимъ исторію съ бронюю егодержа Бонсерфа (*Boncerf. Les inconvenients des droits féodaux* 1776) сожженой рукою налача, въ пику великому реформатору, за предложеніе выкупа феодальныхъ правъ.

³⁾ Замѣчательно, какъ до сихъ поръ французскіе историки склоняются около этого вопроса, подобно своимъ предкамъ временъ революціи. Названные русскіе ученые восполнили этотъ существеннѣйшій, коренней проблѣмѣ въ исторіи переворота, но ихъ труды мало известны заграницей и не дали толчка дальнѣйшимъ работамъ (Карбевъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ XVIII вѣкѣ. Москва 1879. Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Москва 1894—1897. 8 т.). Въ этомъ смыслѣ оказался не совсѣмъ исправль германскій публицистъ Кауцкій, высказавшій парадоксъ, что русскіе ученые лучше всего способны понять французскую революцію (см. рецензію на книгу Б. Минцеса (Boris Minzes. „Die Nationalgüterveräußerung während der französischen Revolution“ въ „Neue Zeit.“ 1898. I). Въ любопытномъ этюдѣ о революції (*Kauzky. Die klassenengesetzte von 1789. Stuttgart* 1899) Кауцкій ссылается съ большими похвалами на проф. Карбеву, случайно раздобывши переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его книги. Инѣи Кауцкаго имѣть въ дальнемъ случаѣ нѣкоторое значеніе, такъ какъ этотъ публицистъ, при полномъ незнаніиѣ съ первоисточниками и не взирая на тенденціозныи патяжки по склону Маркса, составилъ очень удивительный и цѣнныи очеркъ внутреннихъ соціальныхъ пружинъ, движавшихъ революцію.

прось въ надеждѣ на союзъ съ дворянствомъ противъ „министерскаго деспотизма“ и замысловъ придворной элиты¹⁾). Уже было указано, что въ окружныхъ наказахъ третьяго сословія отмѣна феодальныхъ правъ далеко не была выдвинута на первый планъ и часто сводилась къ общимъ мѣстамъ или платоническимъ разсужденіямъ.

Въ различныхъ проектахъ и инструкціяхъ для избирательныхъ собраний относительно редакціи наказовъ проводится все одна и та же мысль, что феодальные права представляютъ неотчуждаемую собственность²⁾). Тутъ повторялась теорія, официально освященная правительствомъ въ опубликованномъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ Неккера отъ 27-го декабря 1788 года: „Никогда не войдетъ въ голову третьяму „сословію стремиться къ уменію северіальныхъ или почетныхъ прерогативъ, отличающихъ 2 первыя сословія, ни въ ихъ собственности, ни въ ихъ личности; иѣть ни одного француза, который бы „не зналъ, что эти прерогативы суть собственность, столь же почтенная, какъ и всякая другая, что многія изъ нихъ связаны съ осповами монархіи и что Ваше Величество никогда не дозволить напасті имъ малѣйшаго ущерба“³⁾.

Но события показали, что на дѣлѣ французы думали иначе и вопросъ о феодальныхъ правахъ былъ тайною пружиной, движавшею переворотъ, вопреки указаннымъ разсужденіямъ. Въ національномъ собраниі дворянство не хотѣло слиться съ палатой третьяго сословія именемъ въ виду своей неувѣренности, что всѣ французы считаютъ феодальные права собственностью, не допускающею принудительного

¹⁾ Извѣстный руанскій публицистъ Thouret (адвокатъ) въ брошюре „Avis des bons Normands à leurs frères“, вышедшей въ февралѣ 1789 г., и въ „Suite de l’avis des bons Normands, dédié aux assemblées des bailliages, sur la rédaction des cahiers“ прямо заявляютъ: „les prérogatives rebelles, telles que les attributs scédaux attachés aux terres“ не подвергаются никакой опасности, что феодальные права „sont des propriétés“, что третье сословіе должно расѣять недовѣрие дворянства, такъ какъ „l’exagération des prétentions qu’on lui a supposées a été l’aliment de la défiance“. Туре предлагаетъ ограничиться вопросомъ о конституції и на этой почѣ слиться съ наказами всѣхъ сословій. Hippocrate. Les Elections de 1789 en Normandie (Paris 1869) издание документовъ.

²⁾ Въ національной библіотекѣ въ Парижѣ сохранилось множество брошюръ этого рода, въ особенности въ серии I. b². Въ „Recueil d’articles pour les cahiers du tiers état dans les pays de Bresse, Dombes, Bugey et Gex“ авторъ „громко протестуетъ“ о своихъ добрыхъ чувствахъ къ вышшимъ сословіямъ, заявляя „que le tiers état respectera toujours leurs propriétés“ то-есть феодальныхъ права.

³⁾ Archives Parlementaires I 495.

отчуждениа. Королевская декларација 23-го іюня 1789 г., возбудившая общее неудовольствие, гарантировала сохранность „феодальной и сенъеріальной собственности“ ¹⁾.

Сами депутаты третьего сословія не думали сразу поднимать этого вопроса; поглощенные борьбою съ дворомъ, они пробовали отложить разрѣшеніе этой насущной потребности на неопределенный срокъ. Только тогда, когда вспыхнули замки и загорѣлись феодальные архивы, вдругъ, однимъ голосованіемъ рѣшена была участъ феодальныхъ правъ, упраздненныхъ уже на дѣлѣ народнымъ движениемъ. Замѣчательно при этомъ, что въ знаменитую ночь 4-го августа третье сословіе совершило стушевалось. Не буржуазія потребовала удовлетворенія народныхъ желаній, а сами привилегированные сословія взяли на себя инициативу этого дѣла ²⁾. Затѣмъ, когда въ образованномъ при палатѣ феодальномъ комитетѣ стала постепенно осуществляться ликвидация сенъеріальныхъ правъ, то работа эта, какъ показали исследования русскихъ ученыхъ, была ведена не вполнѣ удовлетворительно и беспристрастно, и производилась съ чрезвычайною медлительностью и многочисленными колебаніями въ пользу владѣльческихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе выкупъ феодальныхъ правъ такъ расположилъ народъ въ пользу нового порядка вещей, что несмотря на несочувствие крестьянъ къ дѣйствіямъ революціонного правительства, направленнымъ противъ церкви и престола, народъ грудью сталъ въ защиту границы и нового порядка вещей противъ эмигрантовъ съ ихъ иностранными союзниками, грозившими возстановленіемъ прежнихъ владѣльческихъ правъ ³⁾. Крестьянское насе-

¹⁾ М. М. Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи (Москва 1895) II 14—22, 42—49 и т. д. Здѣсь изложена сословная борьба и роль власти во время первыхъ шаговъ национального собрания. Настроение и скрытая побужденія дворянства выясняются изъ рѣчей Д'Антрега — представителя большинства, нежелавшаго соединенія сословій, и позражений либеральнаго Лалли-Толендаля. Первый заявлялъ, что старая конституція служить лучшей гарантіей для торжественного признания среднимъ сословіемъ „неирисованныхъ почетныхъ привилегій и сенъеріальныхъ правъ“. См. также донесенія венецианского посла Кацелло.

²⁾ М. М. Ковалевскій. Происхожденіе демократіи II 100—130. И далѣѣ разсказ. Н. И. Карлеевъ. Крестьяне и крестьянской вопросъ. Глава VIII. („Рѣшопіе крестьянскаго вопроса“).

³⁾ Тэн (La Rевolution I, 391) приводить любопытную картишку неудачной попытки поднять народъ на югъ противъ революціонного правительства. Ils disaient aux paysans catholiques: „Allons mes enfants, vive le Roi!“—Cris d'enthousiasme.

ление поставило главное ядро той знаменитой арміи, которая прямо отъ сохи, подъ руководствомъ „организатора побѣды“ Карно отразила виѣшняго врага и эмиграцію, а затѣмъ выросла въ армію Наполеона, когда крестьянство, уже успокоившись на счетъ сохраненія пріобрѣтенныхъ правъ, стало выказывать полѣйшее равнодушіе къ перемѣнамъ въ образѣ правленія, исходившемъ изъ Парижа.

Изъ всего сказанного видно, почему на вопросъ объ отношеніи народа къ феодальнымъ правамъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, тѣмъ болѣе, что самый характеръ материала, хранящагося въ картонахъ Ва и фоліантахъ ВІІІ цевольно напоминаетъ мысль именіе въ эту сторону.

Деревенскіе выборы 1789 г. до сихъ поръ слишкомъ мало изучены. Если расширить и углубить изысканіе на почвѣ сырого материала, то станетъ яснымъ, что пережитки феодализма дали существенное, если не исключительное содержаніе избирательной борьбы въ деревняхъ.

Если борьба съ агентами сеньеровъ прошла относительно позамѣченной, то это объясняется тѣмъ, что бури клокотала внутри, мало выступая на поверхность: у крестьянъ не было здѣсь влиятельного союзника, способнаго прокричать повсюду, умѣющаго разуть вопросъ и привлечь къ нему общественное вниманіе.

Буржуазія, господствовавшая въ окружныхъ собраніяхъ, и публичисты, задававши толь въ печати, оставались въ сторонѣ отъ этого движения. Истолкователии крестьянскихъ нуждъ въ этомъ отношеніи были случайные добровольцы изъ захолустной интеллигентіи и заступничество ихъ проходило едва замѣченнымъ. А между тѣмъ борьба предстояла не легкая. На первый взглядъ, судя по содержанію приходскихъ наказовъ, собранія, ихъ составившія, пользовались широкою свободой слова. Никто не избѣгалъ крестьянамъ жаловаться на бѣдность, на обремененіе налогами, на неустройство, неурядицу, произволъ, царившіе въ деревнѣ. На противъ того, высшія сословія, образованные люди всѣхъ направлений сами подсказывали полуграмотному и безграмотному народу цвѣтистыя и патетическія тирады, покадающіяся во множествѣ въ первичныхъ наказахъ. Вѣдь въ виду всеобщаго экономического подомоганія всѣхъ классовъ общества, жалобы на бѣдность

сiaame.—„Ces scélérats de démocrates, il faut en faire un exemple, rétablir les droits sacrés du trône et de l'autel!“—„Comme vous voudrez, répondraient les campagnards dans leur patois; mais il faut garder la Révolution, car la dedans il y a de bonnes choses“. Итакъ крестьяне сочувствуютъ королю и релігіи, но ни за что не хотятъ отказаться отъ революціи, принесшей имъ пользу.

стали общимъ мѣстомъ, повторяемымъ одинаково самыми крайними сторонниками движенія и самыми ярыми поборниками старины. Никто также не мѣшалъ крестьянамъ высказывать въ наивной или напыщенной формѣ тѣ искреннія надежды, которыя народъ возлагалъ на своего доброго короля „новаго Генриха IV“, бывшаго въ глазахъ тогдашняго простолюдина естественнымъ заступникомъ слабыхъ противъ прозвала сильныхъ. Облегченіе бремени налоговъ казалось неминуемымъ въ эту эпоху, полную радостныхъ упований, поэтому жаловаться на нихъ никто не препятствовалъ. Но крестьяне не знали, какъ будетъ поступлено съ сеньеральными правами, и когда прекратится таинственная феодальная реакція? И вотъ, какъ только мужикъ пробовалъ заняться обѣ этомъ щекотливыхъ дѣлѣ, вдругъ выростала цѣлая стѣна всевозможныхъ препятствій. Тутъ крестьянинъ вмѣль противъ себя и дворянинъ, и многочисленныхъ представителей буржуазіи, начиная съ своего брата, выбившаго въ люди мужика, ставшаго сеньеральнымъ агентомъ, и кончая богатымъ купцомъ, живущимъ по барски (*vivant noblement*) на купленной у дворянина землѣ.

Либеральный адвокатъ и депутатъ Руава, *Thouret*, прямо говорить въ очень распространенной въ ту эпоху брошюрѣ, что такъ какъ всѣ граждане всѣхъ сословій могли владѣть фефами (т. е. землями, съ которыми связаны были феодальные права) то они заинтересованы въ сохраненіи феодальныхъ правъ, представляющихъ собственность.

Вліятельные люди толковали мужикамъ, что феодальные права представляютъ собственность, неотчуждаемую и священную, какъ право собственности вообще. Вмѣсто ихъ отмѣны крестьянамъ совѣтовали заполнить бумагу смутно для нихъ понятными разсужденіями о конституції (*constitution*), периодичности штатовъ и иныхъ подобныхъ требованіяхъ.

По странной ироніи судьбы знаменитый вождь революціоннаго движенія, Мирабо, былъ самъ феодаломъ и принималъ личное участіе въ феодальной реакціи. Будущій народный трибунъ помогалъ въ составленіи новаго *„terrier“* своему отцу—извѣстному подъ наименованіемъ „друга людей“, этой, по выражению Токвиля, феодальной головѣ, въ которую ворвались демократическая идеи. Будущій революционеръ неудачно судился съ крестьянами изъ за общинной пустоши (*terres gastes*), при чемъ однажды дѣло дошло до наложной расправы. Консервативный его бiографъ Фдко замѣчаетъ по этому поводу, что когда 15 лѣтъ спустя, то-есть, въ 1789 г. провансальская деревня облетѣла слухъ о пламенныхъ воззваніяхъ помѣщика Мирабо, то

крестьяне его должно быть недовѣрчиво покачивали головой¹). Въ самомъ дѣлѣ не мало скрытой ироніи заключается въ наказѣ прихода Mirabeau²). По словамъ избирателей, еслибы можно было зѣстить себѣ надеждой, что не переведутся такие сеньеры, какъ „другъ людей“ и его сынъ — „другъ народа,“ славный защитникъ третьаго сословія, то они не подняли бы голоса за отмѣну тягости феодальныхъ правъ, ожидая всего отъ благотворительности „друга людей“ и „друга народа“. Но такъ какъ дѣло идетъ объ общемъ возрожденіи, то они жалуются на злоупотребленіе сеньеральными правами; „если жители Мирабо имъ иногда и подвергаются, то отвѣтственность за это падаетъ на самый феодальный режимъ“, поэтому они вѣрятъ, что самъ сеньеръ (Мирабо) лучше всякаго другого сумѣеть разъяснить и сокрушить „тиранію феодализма!“ Исторія однако показала, что ни Мирабо, ни вообще національное собраніе не собирались еще сокрушать этой твердыни, пока не грянула громъ народнаго бунта.

А нѣсколько мѣсяцевъ до того, въ чреватую великими событиями пору, которой посвящено настоящее изслѣдованіе, т. е. во время выборовъ 1789 г. руководители движенія подобнымъ же образомъ почти просмотрѣли первое дѣйствие будущей исторической драмы,—просмотрѣли глухую, но упорную борьбу приходскихъ собраній съ сеньеральными судьями или его замѣстителемъ.

IV.

Еще до созванія избирательныхъ собраній, во время волненія, охватившаго Францію передъ наступавшими великими событиями, раздавались громкіе голоса противъ господства сеньеральныхъ судей на избирательныхъ собраніяхъ. Въ этомъ смыслѣ составлялись торжественные резолюціи и громкія посланія, подписанныя представителями городовъ и разныхъ корпорацій. Но центръ тяжести этой агитации вращался около права судей быть избранными въ депутаты приходы. Поэтому, если бы даже правительство и выяло этимъ требованиями, влиявіе „человѣка сеньера“ (*l'homme du seigneur*) на редакцію первичныхъ наказовъ ничуть бы этимъ не было устраниено. Впрочемъ правительство, стѣснившее свободу избирателей предсѣдательствомъ судей, провозгласило, во имя этой самой свободы, право

¹) *Loménie. Les Mirabeau* (Paris 1889). III, 72—80.

²) См. текстъ его въ *Archives Parlementaires*. (VI 355).

выбирать въ депутаты судью. Такимъ образомъ послѣдній оказался хозяиномъ положенія.

Уже въ январѣ иѣсяцѣ раздаются жалобы на политические пропагандисты сеньеральныхъ агентовъ. Такъ въ Жеводанѣ (Gévaudan), въ предѣлахъ епископальной юрисдикціи, прокуроры епископа останавливаютъ по дорогѣ крестьянъ для подписанія петицій, а тѣ не смѣють сопротивляться; жалобщикъ (графъ) заявляетъ, что пока судь не станетъ королевскимъ (то-есть государственнымъ, а не вотчиннымъ) „мы будемъ всегда угнетены“ ¹⁾.

Недаромъ представитель того же судейскаго сословія писалъ Неккеру объ опасностяхъ, „грозящихъ нашему бѣдному народу“, — не столько со стороны первыхъ двухъ сословій, сколько отъ привилегированныхъ членовъ треть资料о сословія — „это всѣ судейские и прочие притѣснители народа... Великое несчастіе для бѣдныхъ земледѣльцевъ и деревенскихъ ремесленниковъ, что первачные выборы должны производиться передъ балыи и судейскими: они станутъ господами ихъ голосовъ для выбора депутатовъ, заинтересованныхъ въ скрытіи злоупотребленій. Ахъ! если бы нашъ дорогой Освободитель, еслибы Вы, Монсеньеръ, органъ его доброго сердца и покровитель треть资料о сословія, еслибы вы знали наше положеніе, Вы, конечно, обратили бы вниманіе на предложеніе, которое я уже принялъ смѣлость сдѣлать, (а именно) попросту дать каждой общинѣ право собираться съ ихъ общественными управленіями подъ предсѣдательствомъ синдика ²⁾). Вы были бы увѣрены въ свободномъ выборѣ этихъ добрыхъ людей“ Особенную силу даетъ этому предложенію личность предлагающаго — балыи Гелля. Онъ желаетъ, чтобы его товарищи по профессіи имѣли только право присутствовать въ первичныхъ собраніяхъ, какъ члены треть资料о сословія, притомъ только въ мѣстахъ постоянного жительства и лишь „съ правомъ голоса, параванѣ со всяkimъ другимъ жителемъ“. Этимъ путемъ онъ надѣялся бы избѣжать „великаго поудобства составленій наказаній, гдѣ эти добрые люди стѣснены присутствиемъ и руководительствомъ тѣхъ, кто является для нихъ главнымъ зломъ; не могу скрыть отъ Васъ, чино мною изъ моихъ собратій—балыи суть причины раззоренія ихъ торго-

¹⁾ Archiv. Nat. B III 85, 152 — 155, письмо Comte de Noizières Неккеру 26-го января.

²⁾ Старосты въ мѣстностяхъ; они избирались сельскими общеустройствами, въ другихъ назначались администрацией или сеньеромъ. Вопросъ о нихъ не разработанъ.

дикциіи и въ этомъ одна изъ существеннѣйшихъ статей нашихъ по-желаній. Равенство въ обложеніи, обеспеченіе противъ ябеды (*chicane*), ростовщичества и произвола, вотъ что *намъ нужно, а Вы можете намъ все это даровать только въ ущербъ этимъ юсподамъ*¹⁾). Драгоцѣнныя указанія, особенно если сопоставить ихъ съ слѣдующею картиной выборовъ²⁾), възь анонимнаго посланія министру: „Какъ только въ приходахъ получены были распоряженія на счетъ выборовъ, судебскіе—эти по большей части піавки народа—поспѣшили явиться на собраніе съ показнымъ усердіемъ (*ostentation de zèle*), удивившимъ бѣднаго земледѣльца, всегда стѣсненнаго (en impose) въ присутствіи этихъ лицъ. Несмотря на общее къ нимъ недовѣріе, по робости ли, по привычкѣ ли, или изъ страха имъ не понравиться, эти органы юстиціи—судья, фискальный прокуроръ, бальи—овладѣли голосами и явились въ собраніе бальяжей облеченные выпрошенными или вынужденными довѣріемъ³⁾. Анонимный авторъ поясняетъ, что среди судей находятся, правда, иногда честные люди, но за то на каждомъ шагу попадаются такіе, которые жертвуютъ бѣднымъ въ пользу сеньера—притѣснителя вассаловъ. Въ окружныхъ собрашахъ, по его словамъ, царяла та же самая интрига—суды избрали на генеральные штаты людей своей профессіи или связанныхъ съ ними дѣловыми отношеніями.

Если здѣсь иѣть преувеличенія, то нужно сказать, что избиратели предвидѣли все это. Многіе города и поселки передъ выборами заранѣе протестовали противъ предсѣдательства судей. Особенно громкие голоса раздавались въ городкахъ, где выѣтѣльные думцы (*officiers municipaux*), желавшіе руководить выборами, по примѣру своихъ коллегъ въ большихъ городахъ⁴⁾, поддерживали справедливыя сѣтованія противъ избирательного законодательства⁵⁾. Въ окрестностяхъ Парижа⁶⁾ думцы городка *Luzarches* жалуются на зависимость судей отъ сеньеровъ, объясняя, что городское управление прекраснѣ

¹⁾ Archiv. Nat. B III 145, 178—181. *Hell, bailly de Landser et Procureur Syndic provincial du tiers état d'Alsace* (письмо Неккеру 1-го марта 1789).

²⁾ Archiv. Nat. B 8 № 236. 5-го мая 1789.

³⁾ Въ болѣе значительныхъ городахъ, внесенныхыхъ въ особый списокъ, предсѣдательство возложено закономъ на муниципальная власть.

⁴⁾ Между муниципальными и сеньеральными судами во время выборовъ происходили нередко столкновенія. См. *лааримѣръ*, II 54. I 130 (*Mont de Marsan*) B III 173, 427. (столкновеніе мера съ прево въ *Saugues*).

⁵⁾ *Chassin Elections et cahiers de Paris en 1789*. IV, 4—7.

могло безъ посторонняго вмѣшательства созвать избирателей. Въ Trel вопросъ былъ поставленъ на личную почву: жаловались на злоупотребленія судьи Рожери; „И передъ этимъ судьей придется собираться“ восклицали думцы, поддержанные парижскимъ прево; но министръ юстиціи отвѣчалъ, что обвишеніи, изведенныи на судью, требуютъ разслѣдованія, а между тѣмъ дѣло не терпить...

Городокъ Poissу ставилъ вопросъ на болѣе принципіальную почву, ссылаясь на свое историческое прошлое, указывая, что въ немъ родился Людовикъ Святой; тѣмъ не менѣе дума не удостоилась отвѣта и предсѣдательство осталось въ рукахъ судьи. Городокъ Pont de Veyle (Bresse) жаловался, что ст. 25 регламента лишаетъ ихъ свободы на выборахъ, тѣмъ болѣе, что судьи назначаются сенѣрами, а слѣдовательно зависятъ отъ своего довѣрителя ¹⁾.

Городокъ Chaourge въ Шампани ²⁾ законически заявляетъ, что подъ предсѣдательствомъ судей первичныя собранія изберутъ этихъ судей, а послѣдніе въ округахъ не будутъ имѣть собственнаго министерства. Такъ оно отчасти и случилось.

Впрочемъ здѣсь слѣдуетъ сдѣлать оговорку. Силою веший судьи не могли повсюду предсѣдательствовать на первичныхъ собраніяхъ; судей не хватало на каждую деревушку Франціи, такъ что одно должностное лицо приходилось часто на цѣлую группу поселеній.

Рѣдкость, а потому отдаленность судей отъ населенія была даже одной изъ язвъ, на которыхъ жаловались наказы.

Между тѣмъ, за краткостью времени, первичныя собранія происходили почти одновременно въ каждомъ данномъ округѣ, да и разѣзди судей ³⁾уднялись плохимъ состояніемъ дорогъ и дорожной передвиженія. Поэтому статьей 25-й общаго регламента было предусмотрѣно, что въ случаѣ отсутствія или задержки судьи, избиратели будутъ собираться подъ руководствомъ „всякаго другаго должностнаго лица“ (*officier public*). Въ отнѣтии на запросы, вызванные неопредѣленностью этого выраженія, министерствомъ разъяснялось, что здѣсь слѣдуетъ разумѣть нотаріуса или иного судейскаго, а въ крайнемъ случаѣ—даже синдика, то-есть, старосту. Такого рода указанія были даны по округу Кале ⁴⁾, гдѣ не было патримоніальной юстиціи

¹⁾ Archiv. Nat. B^a 23 l. 89. B. III 36, 626—631.

²⁾ B III 167, 558. B^a 83 l. 206—206. 10°. Adressе du 25 Janvier.

³⁾ B III 41, 9. 22. Запросъ Президенту департамента Calais 13-го февр. и отвѣтъ министра.

(justice patrimoniale), а судебная власть принадлежала муниципалитетамъ. Тоже случилось по округу Сен-Ло, гдѣ совсѣмъ не было судей на мѣстахъ и не вездѣ находились нотаріусы¹⁾). Изъ округовъ Гавра²⁾, St.-Sauveur Lendelin³⁾, Pont-l'Evêque⁴⁾ и т. д., лейтенанты свидѣтельствуютъ также о недостаточности количества судейскихъ. Изъ Ноннекура⁵⁾ сообщаютъ, что въ Нормандіи не такъ, какъ въ Иль-де-Франсѣ, гдѣ на каждый приходъ имѣлось по одному „officier public“: адѣсь на 20 или 30 приходовъ встрѣчается иногда по одному только нотаріусу или табеліону. Въ Сенlis⁶⁾) приходилось по одному судью на 20 или 30 мѣстечекъ.

Независимо отъ этого, судейские могли не явиться на приходскія собрания по самымъ разнообразнымъ причинамъ, начиная отъ отсутствія съ ихъ стороны доброй воли и кончая не видащими обстоятельствами.

Въ Beaune⁷⁾ лейтенантъ жаловался передъ выборами министру, что большинство судей не намѣрены являться на деревенскія собрания, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ разрѣшено замѣщаться другими должностными лицами; впрочемъ онъ всячески этому стремленію противодѣйствовалъ путемъ увѣщаній и продленіемъ срока окончанія первичныхъ выборовъ, чтобы судьи, имѣвшіе много подсудныхъ деревень, могли всюду поспѣть.

Въ Gray⁸⁾), при провѣркѣ исѣномочій, оказалось, что въ двуѣ деревняхъ (Bonboillon, Chanceney) полномочія депутатовъ подписаны лишь учительемъ, въ другѣ деревнѣ (Rochette)—свищеникомъ, а въ четырехъ (Escuelle, Cult и т. д.) ешевенами, „по причинѣ задержки

¹⁾ Въ III 54, 250—251. Въ 35 I. 70. 9° — 10°. St. Ld secondaire de Coutances 18-го февраля.

²⁾ Въ III 48, 648. Въ 30 I. 54. особая связка, запросъ 12-го февр.

³⁾ Въ III 54, 388. Въ 35 I. 70. 11°. 14-го февр.

⁴⁾ Въ III 132, 747. Въ 76 I. 177. 14. secondaire de Rouen.

⁵⁾ Въ III 65, 369—373. письмо лейтенанта 21-го февр. (secondaire d'Evreux).

⁶⁾ Въ III 142, 18—20. письмо королевского прокурора 14-го февр. Министръ отвѣчалъ, что судей можно замѣщать синдиками.

⁷⁾ Въ концѣ концовъ исходить выборовъ отвѣчалъ его желаніемъ, такъ какъ судьи дали себя замѣстить собратьями по ремеслу (confrères) или городскимъ ходатаямъ (praticiens), которые, въ качествѣ судейскихъ, были, по его мнѣнію, образованы и беспристрастны. Другими словами вліяніе осталось въ рукахъ судейскихъ. Archiv. Nat. Въ 37 I. 77. 2° Въ III 60, 130, 137—139 письма отъ 27-го февраля и 6-го марта. (Beaune secondaire de Dijon).

⁸⁾ Secondaire de Vesoul Archiv. Nat. Въ III 6. Протоколъ 20-го марта.

(empêchement) судейскихъ и невозможности найти нотаріусовъ"; собрание согласилось признать полномочія дѣйствительныхъ.

За то въ Chatillon-sur-Indre¹⁾) протоколь высказываетъ недовольство тѣмъ, что многія полномочія подписаны синдиками, "которыхъ нельзя (!) считать за officiers publics".

Въ Тулузѣ²⁾) предсѣдатель окружнаго собранія согласился закрыть глаза „въ видѣ милости“ (grâce) на то, что всѣ сельскія общества, входящія въ составъ diocèse de Rieux, собирались подъ предсѣдательствомъ своихъ консуловъ, а не судей или другихъ „hommes publics“.

Въ какой же степени суды сами являлись предсѣдательствовать на первичныхъ собраніяхъ и въ какой мѣрѣ они были замѣщены другими лицами?

Если взять для примѣра въ Булонской сенешоссѣ материалы по провѣркѣ полномочій и возстановить³⁾ количественное отношеніе предсѣдателей приходскихъ собраній по профессіямъ, то оказывается, что въ приходахъ этого округа предсѣдательствовало 68 синдиковъ, 1 бывшій синдикъ, 1 ешевенъ въ 1 меръ, то-есть, 71 представитель до нѣкоторой степени мѣстнаго самоуправлія⁴⁾). На долю же судейскаго и феодальнаго начала приходилось: 36 бальи и lieutenants de bailli, 12 „hommes féodaux“, 3 „'nnes de fief“, 5 „procureurs d'office“, 2 „procureurs fiscaux“, 1 „ailly royal“ и 1 „féodal et syndic“, то-есть 60 человѣкъ.

Понятно, что изъ этой статистики невозможно выводить никакого общаго заключенія, но она ярко иллюстрируетъ приведенную выше оговорку.

Впрочемъ, еслибы даже задаться цѣлью произвести подобную работу для всей Франціи, на основаніи протоколовъ первичныхъ собраній и другихъ уцѣльвшихъ документовъ по провѣркѣ полномочій, то и такой египетскій трудъ⁵⁾ не далъ бы отвѣта на поставленный вопросъ о вліяніи судей на составленіенаказаній и самыя выборы.

¹⁾ Secondaire de Tours. Archiv. Nat. B° 83 l. 202. 11° В III 150, 644.

²⁾ В III 148, 599.

³⁾ Assemblées du Boulogneais. Etats Généraux de 1789. (Boulogne-sur-Mer 1889. 4°) перепечатка документовъ мѣстнаго архива.

⁴⁾ Самоуправліе относительное, тѣмъ болѣе, что нестрогіи обычаевъ и учрежденій старого порядка не позволяютъ и здѣсь давать вполнѣ точныхъ опредѣленій. Синдики очень часто прямо назначались сенѣрами, или провинціальной администрацией.

⁵⁾ Для одного человѣка онъ совсѣмъ непосильенъ, такъ какъ пришлось бы

Дѣло въ томъ, что въ сферѣ сеніеріального вліянія отъ помѣщика зависѣли одинаково всѣ должностныя лица въ деревнѣ, не исключая синдиковъ, консуловъ (на югѣ), моровъ (въ городкахъ).

Лейтенантъ бельфорскій писалъ министру, что „все сенѣрально въ этой странѣ“; нотаріусы, табеліоны, секретари (*greffier*) равнозависятъ отъ сенѣровъ и подозрительны народу, такъ что избиратели связаны въ редакціи наказовъ¹⁾.

Въ сферѣ дѣйствія вотчинной юстиціи все должностныя лица были одншаково креатурами помѣщика, а самъ судья часто мало чѣмъ отличался отъ безграмотнаго старосты. Такъ на сѣверѣ, на границѣ Бельгіи, можно встрѣтить *procureur fiscal*, взятаго изъ прислуги, и кабатчика, исполняющаго должностнѣсть секретаря ^{2).}). На югѣ, въ Пернгорѣ, деревни жалуются, что сенѣріальный судья васѣдастъ въ кабакахъ, что судья малограмотны и принадлежать къ подонкамъ общества ^{3).}

Муниципальные власти во многих местах были заодно съ судейскими ⁴⁾: „всѣ эти мелкія деревенскія особы, по словамъ священника, слишкомъ явно дорожатъ могущественнымъ сословіемъ, претендующимъ нынѣ на всебѣшнее господство; они (*les officiers des différentes municipalités*) вдохновляются прымѣромъ сеньориальныхъ судей”. Случается, что сидкомъ деревни состоитъ фискальный прокуроръ или иной агентъ сеньюра, попавшій на это мѣсто по волѣ господина.

На югѣ мѣстечко Вез жалуется на сообщничество консуловъ⁵) съ сеньоромъ во время выборовъ: консулъ не имѣютъ никакой самостоятельности, „слишкомъ близки къ сеньору, которому боятся неизнравиться, ибо отъ него исключительно получили свое мѣсто“, а потому исполняютъ, въ ущербъ народу, все, что угодно помѣщику.

Изъ этого видно, что даже при отсутствіи судьи находились дру-

исследовать не только департаментские архивы, но и городские, даже деревенские. Къ тому же часть материала утеряна, я то, что сохранилось, не приведено въ извѣстность.

¹⁾ Archiv. Nat. B III 27, 99. 2-го марта.

¹⁾) Legrand. *Senac de Meilhan* 117—120. Толковый очеркъ судебнаго устройства въ Hainaut. Cambrésis.

^{*)} Bussière. La révolution en Perigord. (Bordeaux 1877, 1885) II, 109 „dans la classe des hommes les plus vils et les plus abjects“.

⁴) Archiv. Nat. Ba 6 1. R № 17. Remoissenet curé de Selongey en Bourgogne
письмо к ММНСТДУ от 10-го декабря 1788 г.

⁴⁾ Archiv. Nat. в III 166, 811—812. Консулы на югѣ соответствовали мерамъ и становкамъ. Тоже повторяетъ деревня Brassac. Ibidem. 704—708.

гія должностныя лица, творившія тѣ же самыя дѣла въ мѣстностяхъ, гдѣ сеньеріальный режимъ былъ въ полной силѣ. Вездѣ, куда ни обратиться, между крестьяниномъ и генеральными штатами стоять лица, связанные съ вотчинною властью.

Современники называютъ ихъ піяпками, гарпіями, вамирами и иными нечестными прозвищами. И принадлежать эти рѣзкія выраженія не однімъ жалобщикамъ и не однімъ радикальнымъ публицистамъ: то же повторяютъ прокуроры, субделегаты, однимъ словомъ начальство. Королевскій прокуроръ Денобль¹⁾, ссылаясь на опытъ своей 38-ми лѣтней практики, изображаетъ ихъ министру „маленькими піявками“. Субделегатъ Шатлеъ²⁾ называетъ ихъ гарпіями, описывая интенданту суассонскому происки судейцевъ на выборахъ.

Въ Парижѣ дворянинъ и королевскій совѣтникъ Boucher d'Argis представилъ въ дворянское собраніе брошюру противъ сеньеріальной юстиціи, гдѣ клейнилъ ея неустройство, чрезвычайное размноженіе различныхъ агентовъ, корыщихся около нея; называть ихъ вамирами съ загребущими руками (*mains dévorantes*), обвинялъ въ пыществѣ, жадности, поощреніи сутяжничества³⁾ и т. д.

Что же касается самихъ заинтересованныхъ лицъ, то и они не замѣяютъ красокъ.

Въ наказахъ то и дѣло встрѣчаются выраженія въ родѣ требованія деревни Argy-sur-Cure⁴⁾: „Всѣ сеньеріальные суды должны быть отмѣнены; должностные лица сеньеровъ—это піавки, принимающія такія мѣста только для того, чтобы обогатиться быстро и всѣкими путями“.

¹⁾ Archiv. Nat. B^a 8 l. D. № 84. „Je puis assurer à votre Grandeur, que tous ceux qui tiennent à quelque justice seigneuriale, fatiguent plus les particuliers et occasionnent plus de désordres que les impôts qu'ils payent, quoique très mal répartis. En mettant un frein à l'avilité de ces petites sanguines, que de millions d'âmes élèveront leurs voix pour bénir vos vues bienfaisantes! (Desnobles, procureur du Roi honoraire. St Jean d'Angely 8 Avril 1789).

²⁾ Fleurys. Elections aux Etats g  n  raux de 1789. (Laon 1872)письмо Chate-lain subd  l  gu   d'Hirson 10 Mars. „Des avocats et procureurs de la ville de Guise ont   t   dans les villages sollicitant des procurations; et s'ils   taient juges de quelques villages, ils couraient pour se faire d  put  ... La plupart de ces harpies ajoutent qu'ils se feront payer par les paroisses“.

³⁾ „Cahier d'un magistrat sur les justices seigneuriales et l'administration de la justice dans les campagnes“. Chassin. „Les Elections de Paris en 1789“. IV, 58—54.

⁴⁾ Demay. Cahiers des paroisses du bailliage d'Auxerre (Auxerre 1885) текстъ приходскихъ пакажонъ.

А между тѣмъ въ рукахъ этихъ людей было сосредоточено руководство приходскими собраниями.

О томъ, какъ суды воспользовались этимъ обстоятельствомъ, сохранилось множество свидѣтельствъ въ высшей степени жизненныхъ въ своей простотѣ и непосредственности. Это факты, сами за себя говорящіе, лучше всякихъ разсужденій, толкованій современниковъ и общихъ оцѣнокъ со стороны историческихъ авторитетовъ.

Поэтому пересмотрѣть ихъ придется съ самыми большими вниманиемъ и въ мельчайшихъ подробностяхъ, памятуя, что именно мелкія, обыденныя житейскія явленія даютъ почву для наиболѣе правильныхъ и надежныхъ выводовъ.

Суды иногда приносятъ на приходское собраніе уже готовый, заранѣе сопоставленный наказъ и, не давая людямъ какъ слѣдуетъ выскажаться, требуетъ подписей, послѣ чего это произведеніе подносится въ округѣ въ качествѣ выраженія народной воли.

Въ деревнѣ Longpont¹⁾ судья, состоявшій сенѣтеральнымъ агентомъ, обошелся при этомъ весьма просто: „онъ отобралъ и сунулъ себѣ въ карманъ“ проектъ наказа, составленный однимъ изъ жителей, а затѣмъ предъявилъ свой собственный, причемъ заставилъ замолчать несогласныхъ.

Въ Blessy, въ виду неявки балы и его секретаря, избиратели предложили мѣстному землемѣру составить наказъ, но, когда послѣдній былъ уже почти оконченъ, вдругъ прїѣзжаетъ молодой балы съ готовымъ проектомъ, составленнымъ въ главномъ городѣ, и требуетъ его подписанія, отвергнувъ наказъ, составлявшійся на мѣстѣ²⁾. При этомъ въ деревнѣ образовалось двѣ партіи: на одной сторонѣ были судейскіе (*gens de loi*) въ союзѣ съ мѣстными богатѣями, на другой—мелкота (*petits*) и бѣдняки.

Въ Durfort произошло напротивъ столкновеніе власти съ силами Благородства, при пассивномъ отношеніи массы. о темнотѣ которой свидѣтельствуетъ неумѣніе консула подписать свое имл. 8-го марта из-

¹⁾ Пропинія Шерінь, Mortagne. Archiv. Nat. B III 116, 610—612. Жалоба Claude Morel Неккеру 6-го априля на судью Langle. Обиженній авторъ присыпаетъ свое отвергнутое твореніе; оно совершенно несостоитъ и судья совершенно правильно отвергъ его. Но не ему слѣдовало осудить проектъ, а самому собранію, которому судья навязалъ свой наказъ.

²⁾ Archiv. Nat. B 15 I. 14. 11me прошеніе Неккеру Hue, арпентeur — gÃ©omÃ©tre jurÃ© de la province d'Artois 29 июня (Aire secondaire d'Arras). Имя балы—Saison.

биратели мѣстечка созывы были судьей и королевскимъ прокуроромъ; тутъ консулъ представилъ собранію проектъ наказа, составленный купцомъ Gouges-Carton, самымъ крупнымъ плательщикомъ талія, (то-есть самымъ богатымъ членомъ третьяго сословія); по прокурору, догадавшись, чьихъ рукъ это дѣло, заявилъ консулу „съ гнѣвнымъ и угрожающимъ тономъ“, что слѣдополо спрашивать совѣта только у него, прокурора и въ отвѣтъ на почитательныя возраженія консула, продолжалъ съ нимъ на ты: „Я говорю, что ты не долженъ быть выслушивать иного совѣта, кромѣ моего“. Затѣмъ, при содѣствіи суды, прокуроръ силою отобралъ наказъ и разорвалъ его на мелкіе куски, утверждая, что проектъ никакуа не годится. Когда приступили къ выборамъ, первые 30 голосовъ поданы были за лицъ неугодныхъ судьямъ, въ томъ числѣ и за Gouges Carton, но суды стали „все тѣмъ же гнѣвнымъ тономъ“ кричать, что это кулацъ, господинъ, держащій ихъ подъ своимъ игомъ, что онъ давить и душить ихъ произвольными штрафами за потравы. Въ прошеніи жителей преизвѣсто описывается, какъ они пандротивъ посвхалили этого чоловѣка, что если онъ и скапаетъ земли частныхъ лицъ, „то за это хорошо платить“, что если онъ даетъ „деньги въ долгъ, то довольствуется линь его погашеніемъ“. Однако, въ виду крика и угрозъ вызвать воинскую команду, смущенные избиратели назначили другихъ депутатовъ¹⁾. Впрочемъ и съ этими послѣдними начальство мало стѣснялось: вызвали ихъ въ церковный домъ (presbytère de St. Martin), гдѣ прокуроръ и судья занялись составленіемъ наказа и, продержавъ депутатовъ до 9 часовъ вечера, отослали спать; на слѣдующее утро депутаты, явившись снова къ священнику, узнали, что прокуроръ и судья уѣхали обѣдать къ другому священнику—сигѣ de St. Hubert, куда требуютъ ихъ для подписанія протокола и наказа. Тамъ только къ 6 часамъ вечера насталъ конецъ ихъ мытарствамъ и скитаніямъ: они получили протоколь и наказъ, „но кайе, соотвѣтствующій желаніямъ общества, былъ поредѣланъ и искаженъ, а многія статьи его измѣнены²⁾“.

Въ другомъ концѣ Франціи, въ окрестностяхъ Парижа, деревню

¹⁾ Самъ Gouges Carton попалъ въ депутаты отъ сосѣднаго города Moissac не только второстепенный округъ Lauzerte, но въ главныи — Cahors, гдѣ былъ избранъ комиссаромъ, и наконецъ на генеральныя штаты.

²⁾ Archiv. Nat. В III 126, 747—761. Mémoire contenant plainte pour le sieur Andrieu, consul et collecteur, съ подиціями депутатовъ (Lauzerte secondaire de Cahors).

Nantouillet постигло подобное же несчастіе. Сенъеріальний агентъ (Либту, ресигненг fiscal) и синдикъ созвали приходское собрание колокольнымъ звономъ безъ предварительного уведомленія; предсѣдатель заявилъ, что первый, кто заговорить, подвергнется штрафу мѣстный священикъ, бывшій во главѣ недовольныхъ, изгнанъ изъ собранія, а за нимъ ушло большинство избирателей. Тогда, въ присутствіи деревенскихъ властей, родни синдика и нѣсколькихъ работавшихъ на фискального прокурора возвиковъ (charretiers), проектъ наказа былъ прочтены для виду, а вернувшимся тѣмъ временемъ, по совѣту священика, избирателямъ предложено подписываться на бѣломъ листѣ бумаги, съ тѣмъ, чтобы текстъ наказа былъ вписанъ туда позднѣе. Все это было совершено въ 1¹/₂ часа, а въ послѣдующіе дни прокуроръ и синдикъ на досугѣ заполнили бумагу по своему усмотрѣнію ¹⁾.

Подобная же явленія, какъ ниже будетъ показано, происходили во многихъ мѣстахъ. Недаромъ раздаются жалобы и до министровъ доходятъ многочисленныя заявленія отъ имени крестьянъ, что не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на ихъ приходской наказъ, такъ какъ они не хотѣли высказаться чистосердечно изъ страха передъ сенъерами.

Литературно составленная жалоба деревни Forges-les-Eaux ²⁾ въ Нормандіи утверждается, что благодаря произвольной и роковой власти сенъеровъ, а также небѣжестіенному подчиненію крестьянъ, изъ наказовъ устраниено все, что могло живописать тяжелое положеніе народа и помочь бѣдѣ.

Депутатъ деревни St. Maixans ³⁾ около Бордо сообщаетъ Неккеру,

¹⁾ Шассенъ (Elections de Paris IV, 93), приводи эту жалобу, написанную рукой священника и имъ подписанную, замѣчаетъ, что неудивительно, если въ наказѣ не имало требованій противъ сенъеровъ. Это не совсѣмъ точно: въ ст. 4 содержится, несмѣя скромнос, правда, требованіе по ихъ адресу. Далѣе неудободѣльствіе священника можно объяснить статьями 16 и 18 наказа, требующими чтобы отлучающійся священикъ оставлялъ замѣстителя, и чтобы дорожной пошлины подлежало также дворянство и духовенство. Тѣмъ не менѣе суть дѣла отъ этого не меняется. Текстъ наказа см. въ Archives Parlementaires IV, 747. 748.

²⁾ Arch. Nat. B III 48, 70 — 80. (Caux) см. также Картье. Крестьянинъ и крестьянскій вопросъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ (приложение 17) и Hippocrate. Les Elections de 1789 en Normandie (Paris 1869) 241.

³⁾ Archiv. Nat. B III 172, 499—517. 10 марта (M. Joly) „Loi odieuse et opprimente d'imprincipabilité, que les seigneurs se sont arrogés ou attribués de leur propre et indépendante volonté... Combien (d'actes) ne fait on pas revivre?“ см. также у Картье.

что составленный имъ проектъ наказа былъ сначала принятъ, но затѣмъ отвергнутъ подъ вліяніемъ нѣсколькихъ привилегированныхъ „имѣющихъ всегда большое значеніе въ деревняхъ и мелкихъ городахъ“; приложенный къ жалобѣ проектъ касался въ умѣренныхъ выраженіяхъ тираніи сеньеровъ и ихъ судей, а также самымъ категорическимъ образомъ высказывался противъ феодальной реакціи.

Ходатай сельскихъ обществъ должны *La Valdedagne*¹⁾ жаловаться на подобныя же явленія, при чёмъ объясняется, что жители не посмѣли внести этого въ наказъ, который былъ составленъ сеньеральными судьями.

Изъ глуши неверского округа аббать *Gasté* присыпаетъ Неккеру замѣчательную записку въ формѣ наказа деревни *Asnan*, съ жалобой, что официальный кайе этого прихода не выражаетъ истинныхъ желаній избирателей. „Депутаты, избранные въ неверское собраніе, составили или скорѣе заказали (*fait faire*) наказъ, не спросивъ предварительно мнѣнія прихода. Они быстро прочли это на приходскомъ собраніи и заставили подписать. Эти члены заставили працються около общихъ вопросовъ“, а не касаются ближайшихъ нуждъ деревни — преобразованія суда и полиціи; особенно тѣгостны злоупотребленія фискального прокурора, преданного сеньеру, интенданту и субдепелату. „Страхъ заставилъ выбрать его въ синдики. Страхъ же послать его депутатомъ въ неверское собраніе и дать ему въ товарищи одного изъ его собратій. Тотъ же страхъ снова зажалъ бы ротъ всѣмъ жителямъ, еслибы не увѣренность, что ихъ жалобы хранятся въ надежной тайнѣ и что нечего бояться ихъ оглашенія“²⁾.

Въ деревнѣ *Savonnière* (Туренъ) синдикъ также изъ фискальныхъ прокуроровъ, не согласился подписать членовитой о нуждахъ жителей для представленія въ Турское собраніе и за его прямѣромъ по-

¹⁾ Diocèse de Carcassonne Archiv. Nat. B. III 169, 288. 15 марта. „N'ayant pas osé l'insérer dans le cahier des doléances publiques, parcequ'elles ont été faites par le Sr Cicéron, notaire, avocat et juge du seigneur du lieu“. Подписано адвокатомъ *Dubonnet*, не скрывающимъ, что жалобщики, почти повсюду безграмотные, не присутствовали при составленіи жалобы (*absents de mon étude*). Рѣшился подписать лишь одинъ изъ жителей деревни *Arquettes*, по имени *Simon Combès*.

²⁾ Archiv. Nat. B. 58 I. 149, 7°. Въ III 97, 850—882. *Labot. Convocation des Etats généraux et législation électorale de 1789* (Nevers 1886) 261. *Archives l'Parlementaires IV*, 264. См. также у *Картье* 347. Аббать объясняетъ, что у него тайно хранится подписанная членовитна.

слѣдовало, „боясь себя скомпрометировать“, большинство умѣвшихъ подписать свое имя, почему записка была отвергнута въ Турѣ¹⁾).

Иногда въ самыхъ наказахъ просвѣчиваетъ противодѣйствіе, оканчивающее со стороны выясненію истины.

Такъ деревня Puyloubier заявляетъ, что рѣшается сказать правду, „хотя намъ и внушаютъ, что мы когда нибудь дорого поплатимся за усиленіе отдѣлаться отъ рабства“²⁾.

Авторъ анонимаго посланія министру говоритьъ, что его помѣщикъ — „seigneur honoraire“ прихода, его старшій сынъ — фермеръсосѣдняго священника, а младшій — фермеръ монаховъ „сеньоровъ и патроновъ“. Поэтому они боятся разоблачать (*dévoiser*) на приходскомъ собраниі злоупотреблія, выгодныя для сеньоровъ и духовенства, язвы деревни, „которыя большинство землевладѣльцевъ принуждены, подобно мнѣ, обойдти молчаніемъ“³⁾.

Нужна была конечно большая смѣлость, чтобы не испугаться угрозъ сильныхъ мира сего.

Кромѣ того, помимо страха имъ внушаемаго, суды и ихъ замѣстители имѣли еще другое могущественное средство для попущденія избирателей, гдѣ и самые твердые люди могли не устоять. Для этого не нужно было, ни грозить, ни кричать. Достаточно было того, чтобы судья отказался подписать неугодный ему наказъ и протоколь неприятнаго для него избранія; въ такомъ случаѣ и протоколь и наказъ были недѣйствительны.

Такъ какъ министръ не считалъ возможнымъ обязать сеніеральнихъ судей къ предсѣдательствованію лично въ приходскихъ собраніяхъ, вопросъ же объ ихъ замѣстителяхъ былъ недостаточно ясно предусмотрѣтъ закономъ, возбуждая недоумѣніе самихъ лейтенантовъ, то суды пользовались этимъ для того, чтобы покидать непокорные собранія до окончанія выборовъ и отказывать строптивымъ избирателямъ въ утвержденіи наказа и полномочій. Боясь, что окружное собраніе признаетъ такие выборы недѣйствительными, и не зная, гдѣ шайти законныхъ замѣстителей, люди „уступали, по словамъ Бретта, самымъ ненавистнымъ вліяніямъ изъ опасенія быть лишенными вся-

¹⁾ Archiv. Nat. B 2, I. B N° 123. Mémoire pour être présenté au roi съ подписью Bodin Dumortier, conseiller du roi, notaire, chirurgien 26-го марта.

²⁾ Sénechaussée d'Aix. Archives Parlementaires, VI, 387.

³⁾ Archiv. Nat. B 8, № 29. 29-го марта 1789.

каго представительства и возможности представить въ окончательный собраниі шакопившіся въ течсніи нѣсколькихъ ноколѣній жалобы¹⁾).

Лейтенантъ эсскій сообщаъ Неккеру, что такъ какъ со стороны судей и сеніеральнихъ секретарей (*greffiers*) нѣкоторые приходы встрѣтили препятствія въ отношеніи составленія наказовъ и протоколовъ, „я счѣль необходимымъ разрѣшить имъ собираться безъ нихъ (судей)²⁾). Недаромъ приходскіе наказы этой сенешоссен (*Aix*) такъ обильны жалобами на сеніеральный режимъ³⁾.

Лейтенантъ тулузскій сообщаетъ министру юстиціи жалобу деревни Bonrepos, гдѣ сеніерь воспротивился какимъ бы то ни было избирательнымъ дѣйствіямъ, боясь, что жители доведутъ до свѣдѣнія монарха о захватѣ имъ общинныхъ земель, исконнаго достоянія деревни⁴⁾.

Въ Nissergues судья „потребовалъ, чтобы ему показали наказъ, вращавшійся около скверного обращенія и вреда, приносимаго деревнѣ бенедиктинцами ихъ сеніерами и десятиппицками (*décimateurs*). Судьи Montagnel, душой и тѣломъ преданный этимъ монахамъ, не хотѣлъ, чтобы паша жалобы достигли подножія трона; вотъ единственная причина его отказа⁵⁾), вслѣдствіе котораго выборы не могли состояться.

Жителямъ мѣстечка Moëres удалось завершить избирательныя дѣй-

¹⁾ *Bretto. Recueil des documents relatifs à la convocation des Etats Généraux* Archiv. Nat. B III, 60, 108, 110. „Нельзя заставлять сеніеральныхъ судей являться для предсѣдательствованія въ собраніе“ отвѣчалъ министръ упомянутому уже лейтенанту Бонскому (*Beaupre*), обенѣдоенномъ тѣмъ, что большинство этихъ судей намѣрены были отъ этого уклониться.

²⁾ Archiv. Nat. B III, 2, 187, 27-го марта. „Plusieurs communautés ont trouv e des difficult es de la part des lieutenants de juge et des seigneurs pour r  diger leurs d l  berations et leurs dol ances; j’ai cru devoir les autoriser ´ s’assembler sans eux“.

³⁾ Изданія въ *Archives Parlamentaires*.

⁴⁾ Archiv. Nat. B III, 126, 395. (*Montauban*) qui se plaint d’avoir   t   empêch  d’ob ir au r  glement fait par le roi pour la nomination des d p t  s, par les men es du sieur Reden, leur seigneur, qui de concert avec le secr  taire de ladite communaut , s’est oppos    ce qu’il fut convoqu  aucune assembl e, quoiqu’elle  t  t   t   demand e par les consuls..... l’opposition de ce seigneur a eu pour motif la crainte o  il a   t  , que ses vassaux ne fissent parvenir au pieds du tr  ne leurs justes r  clamation au sujet des usurpations qu’il a faites, des patrimoniaux de ladite communaut .

⁵⁾ Archiv. Nat. B III, 171, 89, lettre du syndic forain, ancien capitaine de grenadiers et chevalier de St. Louis Неккеру 13-го априля.

ствія только послѣ борьбы и сопротивленія, такъ что ихъ представители явились съ наказомъ въ округъ слишкомъ поздно¹⁾.

Въ Bachivilliers²⁾ предсѣдательствовавшій синдикъ — „союзникъ сеньера“, открылъ засѣданіе 8-го марта, не предувѣдомивъ никого наканунѣ во время всенощной; когда избиратели, созванные всего пѣсколькими ударами въ колоколь, роптали на неожиданность созыва, то синдикъ рѣзко (avec insolence) оборвалъ, что у него импутьются болѣе спѣшили дѣла, созывъ же генеральныхъ штатовъ обусловленъ желаніемъ короля добыть побольше денежнъ (quo tout ce que le Roi faisait n'etait que pour tirer de l'argent), а между тѣмъ онъ, синдикъ, не знаетъ, куда дѣться отъ хлопотъ (qu'il ne savait plus de quel cdté donner la tete). Наказъ, направленный противъ феодальныхъ правъ, синдикъ отказался подписать и не засвидѣтельствовалъ протокола; многие недоимщики (relicataires) послѣдовали его примѣру, будучи „союзниками сеньера изъ страха высыканія по недоимкамъ за цензъ, въ 3 раза превышающій королевскія подати, вслѣдствіе чего сеньеръ и его барышня (demoiselle)“ держать въ рукахъ населеніе, при содѣйствіи синтика. Такимъ образомъ депутаты деревни явились въ округъ безъ надлежаще засвидѣтельствованныхъ полномочій.

Въ Камбрези муниципалитеты, имѣвшіе тамъ судебную власть, прибѣгли къ подобной же тактике въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такъ какъ протоколы и наказы не считались дѣйствительными безъ подлиннаго этихъ должностныхъ лицъ, то „муниципальная власть — агенты монастырей или сеньеровъ, или формеры тѣхъ и другихъ, воспользовались этими обязательными формальностями. Предсѣдательствуя въ собраніяхъ, они хотѣли тамъ главенствовать и дѣйствительно оказались господами въ большей части приходовъ; они редактировали наказы по своей фантазіи или отказывались подписывать протоколы и наказы, когда въ нихъ задѣты были (blesses) частные

¹⁾ Bd 18, l. 21, 21°. B. III, 20, 648. (Bailleul) 26-го марта избранъ былъ одинъ депутатъ, „Mais par interruption dans l'assemblée, occasionnée par un homme attaché à la régie, la compagnie s'est séparée vers le soir, et n'ayant ni église, ni syndic, ni commissaire à la tête de notre assemblée, nous n'avons pu reprendre qu'avec beaucoup de peine, pour former notre cahier de doléances, qui n'a pu avoir lieu les 29 et 30 Mars, et plusieurs habitants n'osaiient paraître, sachant que les régisseurs disaient que cela n'était pas nécessaire; l'huisquier étant parti avec le règlement, nous étions privés de toutes instructions nécessaires“.

²⁾ (Chamont en Vexin). Archiv. Nat. B III, 46, 321—327. Прощеніе на Высочайшее имя и жалоба наследнику престола (Monsieur) 17-го апрѣля.

интересы ихъ самихъ или господь. Они отвергали жалобы бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, говоря, что ихъ требование неразумны". Деревни, желания которыхъ сводились къ отменѣ „остатковъ феодальныхъ правъ, существующихъ еще въ этой провинціи болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было", возбуждали протесты, но какъ извѣстно¹⁾, главный балль издалъ ордонансъ, чтобы „поддержать" муниципальная власти и „смутить третье сословіе"; а именно приказано было произвести новые выборы тамъ, гдѣ происходили смуты (то-есть гдѣ муниципальная власти нашли смуту), при чемъ избирателей предупредили, что не будутъ принять выборы депутатовъ „изъ людей безъ репутаціи и правъ которыхъ мало извѣстны" (ордонансъ 7-го апрѣля 1789 г.). Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ жалобщикъ оказался правъ, говоря, что „созвали деревню такъ, чтобы (можно было) зажать ей ротъ"²⁾.

Слѣды подобной же тактики можно найти въ самихъ приходскихъ наказахъ.

Наказъ деревни Eterpigny гласитъ, что „въ виду отказа балль собрать упомянутое общество", они сошлись 25-го марта подъ предсѣдательствомъ ешевена Marteloi. Зато самое содержаніе кайѣ дышетъ духомъ независимости: въ краткихъ выраженіяхъ упраздняются всѣ язвы сенѣріального режима и административного произвола, при чемъ сообщается о захватѣ сенѣромъ общинныхъ пустошей, вслѣдствіе чего жители почти не могутъ больше держать скота и добывать топливо³⁾.

Наказъ деревни Arcy sur-Cure, обзывающей сенѣріальныхъ судей піявками, сообщаетъ, что „они не краснѣя отказали нижеподписавшимся въ услугѣ проредактировать ихъ челобитья"⁴⁾; за то этотъ документъ, подписанный синдикомъ, перечисляетъ феодальные права

¹⁾ См. выше глава первая.

²⁾ Archiv. Nat. B^e 21 B № 31. Письмо Неккера отъ P. Ph. Baudouin dit Point du jour à Quiévi (29 Avril 1789).

³⁾ Bailliage de Douai. Текстъ наказа въ *Archives Parlementaires* Лорана и Мавидая III 239. *Ardomin Dumas et Le Nord en 1789.* (Paris 1889) 121. Авторъ видѣть въ этомъ уже предѣстники революціи.

⁴⁾ Текстъ см. у *Detay. Cahiers des paroisses du bailliage d'Auxerre* (1885). Это слишкомъ строго. Конечно піавки съ своей точки зрѣнія правы, но желая редактировать подобныхъ по своему адресу любезности. Но отъ этого дѣло не мѣняется и данный случай наглазно показываетъ, какъ силою вещей сенѣріальные суды повсюду должны были стоять наперегорь дороги избирателямъ.

сеньера, захваты общинныхъ земель, прижимки относительно прогоновъ, стѣсненія въ производствѣ жатвы и т. д. Совсѣмъ иного рода наказъ получился бы, вѣроятно, еслибы синдикъ, какъ это часто было, держался за одно съ сеньеромъ и судьями.

Во время окружного собрания въ Валансьель¹⁾) явился нѣкто L. Betremieux, житель мѣстечка Verchin, съ заявлениемъ, что его односельчане не составили наказа и не избрали депутатовъ, такъ какъ баллы отказался внести въ наказъ все то, чего желали избиратели. Тогда отпрали на мѣсто происшествія совѣтника округа, M. Tomboise, передъ которымъ избиратели составили наказъ и утвердили полномочія депутатовъ. Эти стойкие люди настояли на своемъ благодаря участію окружного собрания и потому, что нашелся человѣкъ, способный вызвать это участіе, но много ли было такихъ внимательныхъ собраній какъ Валансиенское, такихъ людей, какъ Louis Betremieux, и деревенскихъ избирателей одного закала съ вершенцами?

Косвеннымъ и притомъ отрицательнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить самое содержаніе нѣкоторыхъ наказовъ, явно подсказанныхъ или прямо навязанныхъ страхомъ.

Этимъ именно дѣйствиемъ страха объясняетъ провинциальный историкъ Бюссіеръ²⁾), почему напримѣръ въ Перигорѣ приходскіе наказы такъ рѣдко жалуются на сеньеральную юстицію: нужна была для этого „необыденная смѣлость“.

V.

Иногда самъ помѣщикъ выдвигается при этомъ на первый планъ. Таковъ герцогъ Люксембургскій; въ четвергъ 12-го февраля онъ пріѣхалъ въ свой замокъ Chatillon sur Loing, а во вторникъ 17-го созвалъ зависящихъ отъ него горожанъ и купцовъ — своихъ поставщиковъ и довѣренныхъ людей — для соответствующаго внушенія; съ тою же цѣлью вызваны были синдики и священники изъ деревень его обширныхъ владѣній. Имъ преподаны были указанія на счетъ будущихъ генеральныхъ штатовъ, назначены „кreatуры“, которыхъ герцогъ желалъ видѣть избранными, дано предостереженіе противъ

¹⁾ Archiv. Nat. B III 128. № 71. l. 169, 9° протоколъ собрания prѣvôté et comité de Valenciennes.

²⁾ Bussière. Etudes historiques sur la Révolution en Perigord. II, 111.

тѣхъ независимыхъ адвокатовъ, которые способны были внести въ наказы жалобы на злоупотребенія сенѣріальныи юстиції. Внушенія эти не прошли даромъ. Мэръ уваженнаго городка, душево и тѣломъ преданный сенѣрь (âme damnée), отстранилъ секретаря и самъ записывалъ избирательные голоса, такъ что, конечно, избранными оказались онъ самъ и нѣсколько людей сенѣра; наказъ былъ составленъ имъ самимъ и конечно въ немъ не было ни слова о сенѣріальныхъ правахъ. То же произошло въ городкѣ Champignelles и другихъ приходахъ, гдѣ предсѣдательствовали сенѣріальный судья, фискальный прокуроръ и довѣренныи лица сенѣра (*gens affidés au seigneur*¹⁾).

Въ окрестностяхъ Парижа, въ Jagny, сенѣръ, узнавъ, что буржуза Гури составилъ проектъ наказа для приходскаго собрания, разспрашивалъ жителей насчетъ его содержанія „и въ частности спросилъ, касается ли онъ сенѣріальныхъ правъ, охоты и пониженія цѣнъ на хлѣбъ“. И вотъ 16-го апрѣля сенѣръ подоспалъ въ собраніе женщины²⁾ съ другимъ проектомъ наказа; когда Гури прочелъ свой кайе, „она прочла другой, въ которомъ 1-я статья требовала сохраненія сенѣріальныхъ правъ“; послѣдній былъ принятъ, какъ какъ никто не рѣшился протестовать, кромѣ одного добродѣтельного землевѣльца и его сына—фермера, спившаго въ аренду даже феодальная права сенѣра. Наказъ³⁾, такимъ образомъ утвержденный, призываетъ

¹⁾ Archiv. Nat. B III 90, 85—88. 137—142. Письма Serret Lierda, écuier, avocat en Parlement, Неккера. Авторъ утѣшается надеждой, что наказы, составленные при такихъ условіяхъ, не будутъ приняты во вниманіе собраниемъ округа (Montargis).

²⁾ Archiv. Nat. B III 102, 618 — 621. Письмо Гонту Исклеру 17-го апрѣля. (Paris). Гури называетъ ее женщиною, разведенной съ лучшимъ изъ мужей, интриганкой, клузиницей (processive), вмѣшивающейся во все, кромѣ добрыхъ дѣлъ, нарушительницей общественного порядка, не брезгающей никакими средствами.

³⁾ Archives Parlementaires IV, 610. 611. Parlons nous de la suppression des droits d'un seigneur, dont le souvenir des biensfaits semble imposer silence, droits consacrés par l'usage, peut être plus que par le temps? Mais une fois la lumière sortie des ténèbres nous promet de la part de notre seigneur tous les sacrifices dus au besoin d'une réforme vraiment nécessaire, et quand un bon roi demande, qui ne peut accorder? Воирю о дорогѣ въ ст. 7. Начинаются наказы съ текста мѣтисма. Раздробленный Гури называетъ это отъратительной рапсодіей, компиляцией изъ скверныхъ языковъ, отъ которой дѣлается тошно и т. п. Его отвергнутый проектъ былъ прямо направленъ противъ сенѣровъ (особенно

незыблемость правъ сеньера, но ожидаетъ отъ него всѣхъ необходимыхъ жертвъ, безъ всякаго ихъ опредѣленія; въ уклончивой формѣ все ставится въ зависимость отъ личнаго усмотрѣнія сеньера; жители желали бы также позстановленія дороги, которую сеньеръ пересѣкъ паркомъ съ оградой, но и тутъ готовы идти на уступки, „чтобы сообразоваться съ желаніями M. le duc Geayges“.

На Югѣ, въ деревнѣ Uzgent, сеньеръ, судившись съ жителями уже болѣе 10 лѣтъ, внесъ смуту въ собраніе и добивался въ округѣ (Foix) признанія выборовъ недѣйствительными.

Въ Лангедокѣ, жители трехъ деревень (Bez, Brassac de Castelnau, Brassac de Belfourfes) были сознаны консулами и сеньеральными судьюю (Viterde) въ Brassac de Castelnau 13-го марта; туда же явился и сеньеръ de Belfourfes, для того вѣроятно, чтобы стѣснить собраніе или по другой намѣрѣ невѣдомой причинѣ¹. Деревня Безъ жалуется, что составители наказа — судья, оба консула и депутатъ, назначенный „по ихъ фантазіи“—отказались внести въ текстъ многія требованія, несмотря на настоянія и мольбы избирателей, „подъ тѣмъ предлогомъ что отъ этого легче не будетъ (*qui'on ne serait pas plus avancé*), что его величество оставить эти жалобы безъ всякихъ уваженій; все для того, чтобы не сказать, что они не хотѣли непонравиться сеньеру“.

То же случилось и съ сосѣдними деревнями, гдѣ сеньеральный агентъ добивался отиѣни требованій, уже внесенныхъ въ паказъ, что вызвало сильнѣйшее неудовольствіе и борьбу (*terribles contestations*). Иль присланнаго Неккеру отвергнутаго проекта наказа видно, что требованія крестьянъ касались главнымъ образомъ сеньерального гнета: тутъ и зависимое отъ сеньеровъ положеніе консуловъ, ограниченіе въ правѣ охоты, рыбной ловли и пастьбы скота, дурное обращеніе съ народомъ (*les seigneurs qui nous traitent comme on ne peut pas*), тягость поборовъ; особенно настойчивы жалобы относительно права пастьбы (*article 11*), котораго крестьяне лишились „по распоряженію, испрошенному сеньеромъ“ у высшей мѣстной администраціи, такъ что бѣдняки не могутъ болѣе держать козъ и нуждаются поэтому въ молокѣ особенно для дѣтей¹).

ст. 7—10. 16). Статья 10 гласитъ: *La suppression de tous droits seigneuriaux; ces droits sont illusoires, abusifs, avilissants; ils écrasent le pauvre cultivateur et sont contraires au droit public.*

¹⁾ Archiv. Nat. B. III, 168, 307—820. diocèse de Carcassonne жалоба жителей Bez и Неккера. Ом. также у Карбеза.

Въ одной современной брошюре¹⁾ изображается графъ, предписывающій своимъ арендаторамъ и половникамъ избирать въ депутаты дворянъ, сенешаловъ, фискальныхъ прокуроровъ и другихъ агентовъ сеньера; онъ задаѣтъ священникамъ большой обѣдъ, а тѣ имѣли слабость (*lâcheté*) въ качествѣ редакторовъ паказовъ упразднить (*supprimer*) желаніе избирателей и обмануть тѣмъ довѣrie наставы.

Въ *Vermandois* духовные сеньеры грозили своимъ фермерамъ „примомнить въмъ это къ истечению срока арендъ, если они изберутъ въ третьемъ сословіи лицъ, неугодныхъ духовенству“.

Авторъ анонимной записки къ министру сравниваетъ присутствіе сеньера среди зависимыхъ отъ него людей съ появлениемъ монарха на генеральныхъ штатахъ; „это неудобство было замѣчено во всѣ времена“ и парламенты всегда требуютъ удаленія сеньера не только отъ предсѣдательства, но даже отъ присутствія на сельскихъ сходахъ; люди никогда не будутъ свободно разсуждать передъ сеньеромъ: „Какой смѣльчакъ рѣшится подать противное мнѣніе? Онъ останется одинъ и будстъ раскаинваться за себѣ или за своихъ. Удивительно, Монсеньерь, сколько существуетъ деспотовъ среди сеньеровъ, особенно среди судейскихъ“²⁾. Строптивые члены общества впадутъ въ немилость передъ могущественною партіей сеньера, не будутъ въ состояніи явиться на собраніе, „тогда сеньерь, предсѣдательствуя надъ 5 или 6 земледѣльцами или ремесленниками своей сеньеріи, будетъ дѣлать, что ему угодно“ среди вассаловъ, живущихъ по большей части на его харчахъ (*qui mangent le plus souvent sa soupe*), при участіи судей, всецѣло ему преданныхъ, ибо существуютъ только въ силу словъ, начертанныхъ на ихъ полномочияхъ: „доколѣ намъ (то-есть сеньеру) будетъ угодно“ (*pour tant qu'il nous plaira*)³⁾.

Въ другой запискѣ конца 1788 года⁴⁾ проводится та мысль, что крестьяне сравнительно счастливы тамъ, где нѣть сеньеровъ, гдѣ они образуютъ сельскія общества, выбираютъ синдиковъ, сборщиковъ податей и т. д., гдѣ имѣются общины угодья. „Изъ этихъ прихо-

¹⁾ Bibliothèque Nationale L b^o — 1242. „Lettre à un seigneur d'Anjou accusé de tromper le peuple“ (Angers 1789).

²⁾ *Fleury. Elections aux Etats généraux de 1789.* (Laon 1872). Introduction 82.

³⁾ Archiv. Nat. B^a 8 № 27. 28-го февраля 1789 года.

⁴⁾ Archiv. Nat. B^a 8 № 16. Mémoire d'un patriote en faveur du tiers état contre la trop grande autorité des seigneurs de paroisse (12-го ноября 1788 года).

довь выходить люди, воспитанные на свободѣ, и ко всему пригодные; напротивъ тамъ, гдѣ пребываютъ сеньеры, жители низкопоклонны, ползаютъ (*rampants*), гибки безъ энергіи, безъ способности къ добру⁴. Эти деревни, „polisées par la présence des seigneurs“ не стоятъ тѣхъ, которыхъ пользуются свободой: „пусть въ нихъ поютъ хвалу сеньерамъ, пусть эти послѣдніе приходятъ къ нимъ на помощь, однако способъ оказанія (этой помощи) мышаетъ ихъ любить“. Сеньерамъ ничего не стѣть провести въ сидѣніи своего главнаго судью, „а члены прихода посмѣютъ ли противиться сеньеру и судѣ? Нѣтъ! опять это ежедневно показываетъ“. Авторъ повторяетъ изреченіе, что мало на свѣтѣ крестьянъ столь несчастныхъ, какъ французскіе, вслѣдствіе сеньеральнихъ правъ; онъ настоятельно просить прежде всего уничтоженія „рабства“ сеньеральной юстиціи.

Не слѣдуетъ однако придавать слишкомъ распространительное толкованіе указаннымъ фактамъ и приведеннымъ разсужденіямъ. Переосмотрѣвъ 88 картоновъ серіи „В“ и 174 фоліанта серіи „В III“ національного архива въ Парижѣ, пельзя не замѣтить, что въ избирательной борьбѣ, охватившей французскую деревню въ 1789 году, личность помѣщика въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ потѣ совершило стушевывается. Помѣщикъ, повидимому, отсутствуетъ, или ли во что не вмѣшивается, давленіе же производить разныя лица изъ мелкой буржуазіи или выбывшаго въ люда крестьянства. Эти люди дѣйствуютъ, повидимому, даже безъ всякаго уговора съ помѣщикомъ, а на свой страхъ, будучи тѣсно связаны съ сеньеральнымъ режимомъ, около котораго кормятся. Сеньеральный судъ давалъ просторъ „піявкамъ“, противъ которыхъ былъ такъ озлобленъ народъ, феодальная права вызывали къ жизни самые разнообразные источники доходъ, создавалъ разнообразныя профессіи законниковъ (*homme féodal, homme de fief*), приказчиковъ, сборщиковъ, съемщиковъ разнаго рода. Защищая помѣщичья права, эти люди отстаивали свое собственное дѣло.

Самъ же помѣщикъ рѣдко, сравнительно, вмѣшивался въ выборы крестьянства. Это объясняется отчасти абсентеизмомъ знати, отчасти свойственнымъ человѣку равнодушіемъ къ тому, что прямо на его интересахъ не отражается¹). Къ тому же вмѣшательство сеньера

¹⁾ Будущаго предвидѣть было невозможно. Историческіе генеральные штаты были земскими соборами, мнѣніе которыхъ не было обязательно для монарха, политическихъ же программъ, какъ въ конституціонныхъ государствахъ еще не было надлежащимъ образомъ выработано.

являлось бы прямымъ нарушениемъ закона, да и само настроение дворянства въ это тревожное время, полное смутныхъ надеждъ и серьезныхъ опасений, противорѣчало такому поведенію. Дворянство боялось за свои привилегіи, но чувствовало, что отъ нихъ придется частью отказаться.

„Всѣ такъ тяготились дворомъ и министрами, что большинство (провинциального дво-^{рства}) были демократами“¹⁾). Дворянне оказывали предпочтеніе язвимъ революціонерамъ передъ министерскими угодниками²⁾; такие люди, какъ Петіонъ и Бриссо попали въ национальное собраніе при содѣйствіи епископа, графа и графини; виконтъ д'Автрегъ писалъ зажигательныя брошюры. Во время выборовъ дворянѣ въ родѣ маркиза de Noailles³⁾, виконта d'Ermenonville⁴⁾ и другие блистали своимъ либерализмомъ, не говоря уже о Лафайетѣ, Марбо или аббатѣ Сіїесѣ, ставшихъ во главѣ всего движенія.

Конечно дворянство наканунѣ переворота не было сознательно сплоченіемъ съ общими интересами и единою программой. Различія въ достаткѣ и образѣ жизни порождали цѣлую пропасть въ средѣ одного и того же сословія. Бѣдные помѣщики, перебивавшіеся въ медвѣжьихъ углахъ своихъ имѣній, ненавидѣли придворную знать, жившую пенсіями и всевозможными подачками отъ казны, блестящихъ кавалеровъ, озолотившихъ свои гербы (*redorer le blason*) браками съ дочерьми откупщиковъ, спекулянтовъ, банкировъ.

Тѣмъ не менѣе, при всемъ разнообразіи настроеній и потребностей, наблюдалось въ вѣдрахъ дворянскаго сословія, несомнѣнно, что въ общемъ итогѣ народолюбіе XVIII вѣка и общее смягченіе правовъ сладили до неузнаваемости грубыя черты старого феодала, требовавшаго отъ крестьянъ безпрекословной покорности.

Правда, можно подмѣтить единичныя вспышки старого духа. Такъ въ Сомурскомъ окружномъ собраніи священникъ обвинилъ аристократа M. de Montsabert, явившагося съ полномочіями трехъ деревень, въ отзывѣ, что третье сословіе, это свора гончихъ, которыхъ надо хлыстомъ загнать въ псарню⁵⁾.

¹⁾ *Ferrière.*

²⁾ *Chrest., Chute de l'ancien régime*, I, 147, 161, 174, 267, 277, 296; II, 575, 576. Шерер цѣлесообразно обрисовалъ это настроеніе, съ его колебаниемъ и ужко сословной подкладкой многихъ его проявленій.

³⁾ Сенешаль въ Немурѣ.

⁴⁾ Въ Сенаксѣ онъ отказался засѣдать въ дворянскомъ собраніи, но въ депутаты 3-го сословія не пошелъ, хотя горячо ратовалъ за его интересы.

⁵⁾ *Archiv. Nat. B III, 140, 582, 514. „Comme des chiens de meule qu'on fait rentrer au chenil à coup de fouet.“*

Въ Сансѣ (Sens) кто то изъ привилегированныхъ сказаъ про народъ: „Чего вы хотите отъ этихъ людей? это звѣри, это лошади“, на что горожанинъ отвѣчалъ, что они не звѣри, а французы ¹).

Въ Кутансѣ дворянинъ, гуляя съ дамой, сдѣлали неумѣстное замѣчаніе мельнику, щавшему на осль, и ударили его палкой, но мельникъ поколотилъ барина и сломалъ его шлагу. Узнавъ объ этомъ происшествіи, дворянское собраніе, возмущенное поведеніемъ своего сочленя, предложило раненому мельнику денежное пособіе (отъ которого тотъ отказался), а третье сословіе сдѣлало сvacію этому герояу дня, котораго возили по городу на осль, украшенномъ лавровыми вѣтвями ²).

Однако такія единичныя проявленія стариннаго дворянскаго своеобразія представляли повиданому исключеніе, а послѣдній анекдотъ лишний разъ показываетъ, какъ сильно измѣнилось дворянство подъ влияніемъ „духа времени“ и обстоятельствъ. Въ его средѣ проявлялись различныя идеинныя теченія: „большинство боится гибели своихъ привилегій, остальные, увлекаемы чувствомъ справедливости, политическими расчетомъ или энтузіазмомъ, пожертвовали общему благу и общему облегченію—своими (податными) привилегіями“ ³). Лафайетъ ⁴) опредѣляетъ наказы своего сословія, какъ симѣсь великихъ принципій и ничтожныхъ мелочей, популярныхъ ідей и феодальныхъ воззрѣній; „il y a 200 ans d'un article à l'autre“. Равнодѣйствующею этихъ двухъ теченій явилось примирительное направление, предлагавшее третьему сословію компромиссъ на почвѣ отказа дворянства отъ податныхъ изыятій, подъ условіемъ сохраненія всѣхъ его остальныхъ преимуществъ и прерогативъ. При такихъ условіяхъ даже дворянне старого закала, вѣроятно, не считали удобнымъ раздражать сильно уже повысившую топъ буржуазію вышательствомъ въ крестьянскіе выборы.

¹) Объ этомъ столкновеніи см. главу первую.

²) *Luchet, Mémoires pour servir à l'histoire de l'année 1789.* (Paris. 1790), I, 250; un gentilhomme se promenait avec une dame, près d'eux passait un meunier, monté sur son âne, qui dans ce moment laisse échapper avec bruit ce que dans certaine comédie on appelle un vent échappé par derrière. Fî le vilain, dit le gentilhomme en se retournant et apostrophant le meunier. C'est mon âne, Monsieur, dit le meunier.

³) *Archiv. Nat. B^e 2 I. A. № 7. „Réflexions d'un citoyen“, съ препроводительнымъ письмомъ Albisson de Montpellier 19-го апрѣля.*

⁴) *Chassin, Génie de la Révolution*, I, 253.

Во всякомъ случаѣ о насильственномъ воздействиѣ не могло быть и рѣчи. На противъ, дворяне считали или выставляли себя естественными союзниками крестьянъ противъ буржуазіи. Во многихъ брошюрахъ ари стократического направленія указывается на антагонизмъ города деревни, земледѣлія и промышленности, крестьянства и буржуазіи: дворяне толкуютъ о четвертомъ сословіи¹⁾, предлагая ему свои услуги для борьбы съ третьимъ. Радикальные публицисты запальчиво полемизировали противъ этой попытки „посѣять раздоръ въ третьемъ сословіи“.

Какъ бы то ни было, совершенно ошибочно представлять дворянъ грозными господами во время приходскихъ собраний. На противъ, радикальные публицисты обвиняютъ ихъ въ ухаживаніи и замыкаваніи передъ народомъ, съ заднею мыслью повѣдѣть на судьбу выборовъ въ смыслѣ благопріятномъ для сохраненія привилегій.

Радикальный анжуйскій депутатъ Вольней въ брошюре, обращенной къ „деревенскимъ жителямъ, фермерамъ, половицамъ и нассаламъ пѣкоторыхъ сеньоровъ, обманывающихъ народъ“, возражаетъ противъ рѣчей, будто города враждебны деревнѣ, а также защищаетъ отъ нареканій помѣщиковъ изъ разночинцевъ. Дворяне, по его словамъ, пользуются довѣрчивостью крестьянъ: „вы видите, какъ въ настоящую минуту они осыпаютъ васъ любезностями, берутъ однаго за руку, хлопаютъ другого по плечу“²⁾.

Въ другой брошюре, выпущенной тамъ же обществомъ „буржуа, соединившихся для защиты правъ народа и инструкций крестьянамъ“ ведется любопытная полемика съ нѣкоторымъ графомъ, разославшимъ по деревнямъ проекты наказовъ. Его обвиняютъ въ подговариваніи дер-

¹⁾ Въ брошюре „Le seul intérêt de tous par un gentilhomme de Normandie“ проводится та мысль, что неравенство въ состояніяхъ производить ту же рознь, какъ и прерогативы рождения. Въ 8-ъемъ сословіи нѣсколько классовъ, начиная съ „haut tiers“. Авторъ защищаетъ феодальную праву, но вѣѣтъ съ тѣмъ предлагать сдѣлать большия уступки земледѣльцамъ; если треттое сословіе будетъ раздѣлено на крестьянъ и горожанъ; первые изъ нихъ имѣтъ много общихъ интересовъ съ дворянствомъ и должны образовать особое сословіе, по примеру Швейціи. (*Hippocrate. Elections de 1789 en Normandie*).

²⁾ Bibliothèque Nationale L b^o 1856. Lettre des bourgeois aux gens de campagne, fermiers, m tayers et vassaux de certains seigneurs qui trompent le peuple (Angers Mars 1789. 8°). 9. „Mais nous messieurs, nous sommes bien r ellement vos amis, et pour en juger par vous m mes, ouvrez nos cahiers de dol eances. (21) Voyez vous qu'en ce moment ils vous comblient de politesses, ils prennent la main & celuci frappent sur l' paul  de celui-l .

вень противъ городовъ, въ проповѣди „довѣрія сеньерамъ приходовъ и должностнымъ лицамъ ихъ судовъ“, въ ловкихъ „совѣтахъ“ выбирать дворянъ благожелательныхъ и друзей народа; графъ далъ священникамъ обѣдъ для того, чтобы тѣ обманули довѣріе своей паства при редакціи наказовъ. Буржуа иронически спрашиваютъ, правда ли, что графъ каждое утро бѣгаетъ гусеницей (*en chenille*) по окрестностямъ, входитъ въ фермы, садится на кончикъ скамейки и, грызя съ видомъ аппетита кусокъ чернаго хлѣба, ласкаетъ ребенка, занимаетъ мать, бесѣдуетъ о птичникахъ и хозяйствѣ и кончаетъ разговоромъ о податномъ вопросѣ¹⁾.

Разговоры о четвертомъ сословіи, объ „ordre des paysans“ шли главнымъ образомъ изъ дворянской среды²⁾). Дворяне разсыпали по деревнямъ циркуляры, предлагая себя въ защитники народа противъ городовъ, буржуазіи³⁾, администраціи. Буржуазія очень беспокоилась по поводу этого, боясь вліянія дворянства на выборахъ; ревность ея проявлялась на каждомъ шагу. Въ Дижонѣ, въ отвѣтъ на принципіальный отказъ дворянства отъ податныхъ изъятій, появились прокламаціи, чтобы народъ этому не вѣрилъ, такъ какъ дворянство хочетъ его заманить (амогсег), пустить пыль въ глаза и т. д. Въ Шартрѣ, въ отвѣтъ на „циркуляр“ въ пользу дворянства, судебные приставы раздавали вмѣстѣ съ созывными грамотами „Avis aux habitants des campagnes“ съ предостереженіемъ противъ дворянъ, предлагающихъ свои услуги, чтобы поставить народу ловушку (*pièges*) и обмануть его довѣріе.

Изученіе матеріаловъ, относящихся къ деревенскимъ выборамъ, приводить къ убѣжденію, что дворянство не осталось совершенно въ сторонѣ отъ крестьянскихъ выборовъ: иногда сеньеръ самъ пишетъ

¹⁾ Bibliothèque Nationale L b 89 1242. Lettre à un Seigneur d' Aujoü, accusé de tromper le peuple (Angers 1789. 8°).

²⁾ Chassin. Génie de la Révolution I 127. 406—409. Карнег. Крестьяне и крестьянскій вопросъ 827—383. 392—394.

³⁾ Bibl. Nat. L b 791. „S'il est de l'intérêt du tiers état de se choisir des représentants dans son sein exclusivement“ 8°. Le tiers semble craindre d'être mal défendu par les nobles, parce qu'il leur suppose des intérêts très opposés aux tiens. Rien n'est plus faux néanmoins, du moins pour la très grande partie. Les communautés, les priviléges, les maîtrises qui sont dans les villes, ont des intérêts bien plus opposés à ceux des campagnes, que les seigneurs de fiefs, qui en cette qualité sont eux m mes des habitants de la campagne. C'est par eux que les paysans sont aid s, secourus dans leurs besoins, ce sont eux qui les font travailler et qui y portent leur argent.

приходской наказъ или является въ окружное собрание съ полномочиями своей деревни. Но сами враги этого сословія обвиняютъ послѣднее не въ насилии, а наоборотъ въ коварномъ замыкаваніи передъ народомъ. При такихъ условіяхъ говорить о давлениі съ ихъ стороны не приходится.

Такимъ образомъ, съ какой стороны ни посмотретьъ на роль дворянства во время выборовъ, несомнѣнно, что избирательная борьба въ деревняхъ велась не столько съ личностью помѣщика (все равно, дворянинъ ли онъ, или разночинецъ), не столько съ дворянскимъ сословіемъ, сколько съ безличнымъ сенѣверіальнымъ строемъ, съ безличными остатками феодальной старины. Эти феодальные права, осужденные на смерть переживавшія другихъ временъ (которые мирно похоронилъ бы Турго, еслибы исторія создавалась только исключительными личностями), были дороги не однимъ дворянамъ, а многому множеству людей нашего званія. Въ этомъ смыслѣ нужно внести поправку или во всякомъ случаѣ сдѣлать существенные оговорки въ республиканской исторіографіи, строгой по отношенію къ дворянству, но склонной черезъ чурь идеализировать роль буржуазіи наканунѣ крушения старого порядка. Глубокая пропасть лежала одинаково между дворянствомъ и народомъ, какъ между народомъ и буржуазіей. Во Франціи было не три сословія, а 4 или даже 5, хотя люди прошлаго вѣка въ большинствѣ случаевъ¹⁾ этого не видѣли или не хотѣли видѣть.

Если разбирать деревенскіе выборы 1789 г. на основаніи архивнаго материала, а не опытнокъ современныхъ публицистовъ, то въ деревняхъ, какъ участникахъ въ избирательной борьбѣ, упоминать не приходится. Въ силу вещей они стояли въ сторонѣ и недостаточно соприкасались съ народомъ, чтобы лично оказать прямое воздействиѣ въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ. Нѣкоторые дворяне можетъ быть и склонны были къ этому, но оказывались въ положеніи того сенѣчера мѣстечка Hondichoote, который проѣзжалъ наказъ, враждебный его сенѣверіальному правамъ, и спохватился только послѣ выборовъ, „узлавъ, къ своему удивленію“ и „совершенно случайно“, что зависящіе отъ него люди предъявили требования („которые были отъ меня

¹⁾ Многія брошюры толкуютъ прямо о 4-омъ сословіи; въ частной и административной терминѣ никогда несмысла рѣзко выдѣляется буржуазія изъ народа. Уже во время выборовъ 1789 г. раздавались голоса въ пользу имущественного ценза, тѣль скоро вымытшаго наружу во время революціи. Правительство Людовика XVI было въ этомъ смыслѣ гораздо демократичнѣе многихъ буржуа, даже либеральныхъ.

скрыты до сего днѧ⁴⁾) въ смыслѣ упраздненія вотчинааго суда, права охоты и т. п., съ обязательнымъ выкупомъ феодальныхъ повинностей⁵⁾).

Въ большинствѣ случаевъ не дворянне производили давленіе на крестьянъ, а многочисленные и гораздо болѣе близкіе къ народу члены третьаго сословія: мелкая сошка, питавшаяся около сбора феодальныхъ повинностей и отправлениія вотчинааго суда — вотъ гдѣ была главная опасность въ смыслѣ давленія.

Изъ всего сказанного слѣдуетъ съ несомнѣнною очевидностью, что прежде всего и рѣзче всего посыгали на искренность выраженія народной воли мѣстные суды и замѣняющія ихъ лица, начиная отъ фискального прокурора и кончая синдиками, консулами. Съ ними, какъ съ предсѣдателями приходскихъ собраній, крестьянамъ приходилось считаться самымъ серіознымъ образомъ. Судя по уцѣлѣвшимъ источникамъ, эти руководители были иногда орудіемъ сеньеровъ въ прямомъ значеніи слова, и почти всегда поборниками сеньеріального режима вообще. Правда добрая слава лежить, а худая бѣжитъ, жалобы же на злоупотребленія неизбѣжны вездѣ и всегда. Но сила этого ограниченія устраниется, если подумать, сколькимъ людямъ съ другой стороны страхъ сковывалъ уста.

А. Фму.

(Продолженіе следуетъ).

⁴⁾ Archiv. Nat. B^e 18 I. 21, 20° B III 20, 577—609. В III 166, 51, письмо Неккеру отъ 7-го июня и „m moire pour le seigneur de la ville et jurisdiction d'Hondtchoote“ (Baillieu).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Новые издания греческихъ апокрифовъ.

ANONIMI BYZANTINI DE COELO ET INFERNO КРЫСТАЛА. Edidit L. Radermacher. Leipzig. 1898.

ADDENDA къ изданию А. Васильева „АНВОДО ГРАЕСО-БЫЗАНТИНА“. Н. Ф. Красносельская. Одесса. 1898.

Работа г. Радермахера нашла уже себѣ справедливую оцѣнку у проф. Крумбахера¹⁾). Насколько издание апокалипсиса интересно и важно въ литературномъ отношеніи, настолько же оно неудовлетворительно съ виѣшней стороны. Издание текстовъ византійской литературы еще не установлено во всѣхъ своихъ частностяхъ; однако цѣ-которые пріемы уже выяснены. Крумбахеръ указываетъ на непослѣдовательность издателя въ исправленіи итацизмовъ. Издатель говоритьъ, что онъ рѣшился въ тѣхъ случаяхъ, где написаніе указывается на вся-кое отсутствіе правильности и имѣть только ореографическое зна-ченіе итацизы приводить въ критическомъ аппаратѣ, напримѣръ, при *εἰσὶν* въ критическомъ аппаратѣ мы видимъ *εἰσίν*, при *λίμνῃς* — видимъ *λόρνης*. Но где написаніе, по словамъ издателя, болѣе или мен-ѣе правильно, тамъ итацизы удерживаются, поэтому издатель пи-шетъ — *παράδισος*, *λιτοργία*, *ἀμελίας*, *γονῆς ἵρης* и т. д. Крумбахеръ ука-зываетъ на неудобство того и другого пріема. Издание византійскихъ текстовъ, особенно такихъ, где очевидна примѣсь народнаго языка, представляетъ всегда немало трудности. Въ послѣднемъ отношеніи

¹⁾ *Byz. Zeitsch.*, т. VIII, стр. 835—837.

полезною является недавно вышедшая брошюра г. Шмитта¹⁾). Но оставляя въ сторонѣ впѣшие пріемы изданія, нужно признать содержаніе изданнаго памятника очень любопытнымъ—не потому, чтобы онъ давалъ много такого, что не было бы известно раньше, но потому, что очень ярко характеризуетъ пріемы византійскаго комилятора. Изданній апокалипсисъ не является совершенно новымъ въ литературѣ. Газе въ *Notices et Extraits*, IX, сдѣлаѧ о немъ нѣсколько замѣчаній, а также Жидель въ *Nouvelles Études sur la littérature grecque moderne*, и академикъ Веселовскій догадывался о тождествѣ текстовъ, бывшихъ подъ руками у того и другаго²⁾). Содержаніе апокалипсиса состоитъ въ описаніи путешествія по аду и раю. Начало его не сохранилось; оно открывается новѣствованіемъ, какъ путешественникъ увидѣлъ сидящаго человѣка и около него множество дѣтей, и узналъ отъ сопровождавшаго его ангела, что человѣкъ есть Авраамъ, а дѣти—убитые Иродомъ младенцы. Среди дѣтей были четыре женщины, это были ἡ ἄγια Θεοτόκος, ἡ ἄγια Τετράδη, ἡ ἄγια Παρασκευὴ и ἡ ἄγια Κορικῆ. Издатель указываетъ, что ἡ ἄγια κορικὴ встрѣчается въ апокалипсисѣ Богородицы и что св. Пятница до сихъ поръ въ Россіи почитается какъ лицо; нужно, конечно, добавить, что на олицетвореніе Пятницы вліяло и житіе мученицы Параскевы³⁾). Такъ какъ далѣе въ апокалипсисѣ замѣчается соприкосновеніе съ „Епистолеи Христа“, а въ нѣкоторыхъ ея греческихъ и славянскихъ текстахъ встрѣчается рядомъ съ „недѣлей“ и „пятницей“, и такъ какъ, съ другой стороны, съ „пятницей“ въ отношеніи почитанія была перазлучна и „среда“, чтѣ видно изъ слова Шахомія „о средѣ и о пятнѣ“⁴⁾—то можно думать, что авторъ апокалипсиса нашелъ именно въ „Епистолѣ“ рядомъ съ κορικῇ также и τετράδη и παρασκευὴ. Точное указаніе на знакомство автора съ Епистолеи указываетъ упоминаніе о самомъ посланіи: καὶ ἀκέσταλα ἴδιας χροὶ καὶ οὐκ ἐκπειθόστε (24, 19). Уже греческіе списки Епистоли говорятъ о нѣсколькихъ посланіяхъ Христа; ср. δὲ ἐπιστολὴ μου γ'⁵⁾, и ясно въ другомъ спискѣ—καὶ

¹⁾ *Johann Schmitt, Über phonetische und graphische Erscheinungen im Vulgärgriechischen*, Leipzig. 1898; см. *Byz. Zeitschr.*, VIII, 628.

²⁾ Веселовскій, Опыты по истории развитія христіанской легенды въ *Журнал Министерства Народного Просвещенія*, 1877 г., ч. 189, стр. 189.

³⁾ Ср. Веселовскій, *ibid.*

⁴⁾ *Православный Собесѣдник*, 1859, часть I.

⁵⁾ Васильевъ, *Anecdota*, 28, при чемъ Васильевъ замѣчаетъ: post γ' попуilla excidiisse videntur.

πάλιν ἐπιστολὴν στέλλει πρὸς ἑαύτης τοῦς ἀνθρώπους καὶ ἔστελλε αὐτοὺς καὶ διλήγει ἐπιστολὴν πρότερην¹). Гораздо яснее говорится въ новоболгарской текстѣ Епистоліи въ рукописи Григоровича въ Новороссійскомъ университѣ № 63, напримѣрь, л. 183-й: паки γέγονος: проклетъ да єтъони кои не вѣрбуть епистолю сию. азъ πρώτη прыва и втора и сіа бисть третія.

Въ отвѣтъ на жалобу слышится голосъ, проклинающій работающіхъ отъ девятаго часа субботы до второго часа воскресенія.—Наконецъ, издатель указываетъ на заключеніе апокалипсиса, взятое, по его мнѣнію, изъ Епистоліи. Заключеніе—обычное изъ такого рода проповѣденіяхъ: μακάριος ὁ ἀνθρώπος ἡχεῖος δὲ λαβὼν τὴν ἐπιστολὴν ταύτην καὶ ἀντιγράφη ἐν ἑτέρῃ τόλμῃ. Само по себѣ такое заключеніе не можетъ указывать непремѣнно на заимствованіе изъ Епистоліи; подобныя же встрѣчаются и при другихъ памятникахъ, какъ напримѣрь, при русскихъ спискахъ „Сна Богородицы“ или, напримѣрь, уже въ греческихъ спискахъ апокрифического мученія Никиты—какъ бываетъ фраза καὶ πίστεως ἐπίτελέσαι τὴν ἀθλητὴν τῆς ἐναρέτου πράξεως τοῦ ἄγιοῦ καὶ ἐνδόξου μάρτυρος καὶ θαυματουργοῦ Νικῆτα, ἀφίονται αἱ ἀμαρτίαι αὐτοῦ ἐπὶ ἡμέρας ἐπτὰ καὶ φεύγει αὐτὸν ὁ δαιμῶν ἐπὶ ἡμέρας ὥστραχον²). Подобные заключенія выработались, повидимому, изъ молитвъ, которыя произносятъ очень часто передъ смертью мученики, напримѣрь, св. Петка молится: „имѣ молить те Ги и день мои праздновать, избави й, вѣко, ю всакое нужди и бѣди илы на сїде или на пѣти или на вѣсакомъ мѣсте. идаже име мое кто призовѣть или храмъ съзиждѣть въ имѣ мое, спаси ихъ Хе и даждь имъ Ги всѣ бѣга и елика тробдеть на земли и пльни дома ихъ нѣса бѣга, вина масло и пшеницу и вѣсе елика хотеть дажь имъ Ги“³). Такія же молитвы произносятъ—Харлампій, Власій, Евдоксій и др.⁴) Но издатель указываетъ на ближайшее сходство апокалипсиса съ Епистоліей въ словахъ—ἀλλ᾽ ἔχει ἀμαρτίας ὅπερ τὰς τρίχας τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ, ἔχει ἔξαλεψίως αὐτάς. Нужно, впрочемъ имѣть въ виду, что подобныя же выраженія встрѣчаются въ тѣхъ спискахъ Епистоліи, который имѣютъ не древній характеръ, будучи уже написаны на языкѣ ново-греческомъ; отсюда является во-

¹) Ibid. 29.

²) Си. Вѣнской Придворной библіотеки, cod. histor. 128, л. 10-й; см. мое изслѣд.—Апокрифическое Мученіе Никиты, стр. 69, Одесса, 1899.

³) Ад. Белич, Запѣтка о славянскомъ житіи св. Петки—Извѣстія отд. рус. языка и слав. Акад. Наукъ, т. II (1897), стр. 1057.

⁴) См. Апопр. Муч. Никиты, стр. 80—88.

простъ, не является ли приведенная подробность тамъ и тутъ изъ общаго источника?

Описаніе ада, гдѣ мучатся разнообразные грѣшники, сходится съ таковыми же описаніями въ другихъ апокалипсисахъ и принадлежитъ, следовательно, къ такимъ, которые стали общими мѣстами. Въ описаніи рялъ встречаются пѣкоторыя новыя подробности, какъ напримѣръ, κανδήλια πολλὰ... τὰ δὲ μετά τὰ δὲ ἀπόκενα τὰ δὲ αἴβοιρα τὰ δὲ καλὰ τὰ δὲ ἑξατράπτοντα τὰ δὲ κλήγη σκοτεινά (21, 15—17). Ангель объясняетъ, что καὶ αὐτὰ τῶν δικαιῶν εἰσὶν τῶν ζώντων καὶ τῶν ἀποθανόντων καὶ καθὼς ἔχαστος ἐποίησεν ἐλεημοσύνην, περιμένει αὐτά, καὶ τὰ μὲν καλὰ ἑξατράπτοντά εἰσιν τῶν δικαιῶν, τὰ δὲ σκοτεινά τῶν ἀμαρτωλῶν (21, 17—20). Издатель думаетъ, что основаніемъ для этой детали послужила притча объ умныхъ и неразумныхъ дѣвахъ. Скорѣе надо думать, что притча эта могла доставить нѣсколько новыхъ подробностей, но основаніе коренится, несомнѣнно, па пародию вѣрованія, что каждый человѣкъ имѣеть свою особую лампу, которая горить, пока онъ живетъ: земная жизнь представляется въ видѣ горѣнія на небѣ. На это указываютъ первыя слова объясненія ангела, которое въ общемъ выходить спутаннымъ. Въ раю ангелы приходятъ ежедневно къ Господу и отдаютъ ему отчетъ въ томъ, что они видѣли, и издатель указываетъ на параллельное мѣсто въ апокалипсисѣ апостола Павла. Разница только въ томъ, что въ послѣднемъ обѣ этомъ событии передается кратко, въ рассматриваемомъ же описаніи явленіе апгеловъ отличается полнотой. Не нужно видѣть адѣсь заимствованіе непремѣнно изъ апокалипсиса Павла: па это доказательствъ нѣть. Вѣроятнѣе всего, что авторъ самъ разработалъ па цѣлую картину извѣстное сказаніе обѣ отданіи отчета ангелами о дѣлахъ человѣческихъ.

Съ апокалипсисомъ Богородицы рассматриваемый сходится въ томъ, что въ обоихъ упоминается πρεσβύτερος αὐτίνες τοὺς πρεσβυτέρους οὓς ἐτίμησαν, въ нашемъ — πρεσβυτέρισσα ἡ μὴ τιμῶσα τὸν πρεσβύτερον αὐτῆς. Отмѣчу кстати одну подробность списка апокалипсиса Богородицы русскаго Патрелеймонопольскаго монастыря на Аоспѣ, № 572: Богородица, послѣ того какъ она видѣла, какъ мучатся πρεσβυτέρισσαι, видѣть другихъ женщинъ, которыхъ єхолающо, и спрашивавшъ о нихъ; архистратигъ отвѣчаетъ ей: αὗται εἰσιν, Παναγία μου, διακόνισσαι, καὶ οὐκ ἐτίμησαν τοὺς ἰδίους διακόνους, ἀλλὰ ἐλεγάν· δταν χίνουν πρεσβύτεροι, тѣтѣ θέλομεν τιμῆσει αὐτούς. καὶ διὰ τοῦτο οὗτως; хολαζονται.

Упоминаніе о небесныхъ воротахъ издатель сравниваетъ съ указаніемъ нѣсколькихъ воротъ въ книгѣ Еноха.

Что касается времени составления апокрифа, то издатель, вслѣдъ за Газе, относить его къ X вѣку, на томъ основаніи, что путешественникъ видѣть въ аду Ioanna Цимисхія, убійцу императора Никифора. Очевидно, говорить онъ, апокрифъ составленъ подъ живымъ впечатлѣніемъ событий, ибо въ XV вѣкѣ, къ которому принадлежитъ сама рукопись апокрифа, не было никакого основанія помѣщать Цимисхія въ адъ (стр. 11). Но проф. Крумбахеръ справедливо замѣчаетъ, что это событие было хорошо известно въ позднее время, и авторъ легко могъ заимствовать его изъ хроникъ. Нельзя, конечно, ручаться, что Цимисхій съ Никифоромъ не поставленъ здѣсь вместо какихъ-либо другихъ лицъ, напримѣръ, Канна съ Авелемъ.

Съ утвержденіемъ издателя, что составленіе апокалипсиса имѣть характеръ политической сатиры, никакъ нельзя согласиться. Одного упоминанія исторического события—убіенія Никифора Цимисхіемъ, слишкомъ недостаточно, чтобы признавать за нимъ значеніе политической сатиры. Издатель связываетъ съ такимъ значеніемъ вѣшний характеръ апокрифа—форму письма: для сатиры, говорить онъ, эта форма была наилучшеною. Но дѣло въ томъ, что совершенно напрасно издатель считаетъ изданный имъ апокалипсисъ написаннымъ въ формѣ письма. Онъ вывелъ свое заключеніе, повидимому, изъ послѣднихъ словъ апокалипсиса—μαχαρίος ὁ ἀνθρώπος ἐκεῖνος, δε λαβὼν τὴν ἐπιστολὴν ταῦτην καὶ ἀντιγράφη ἐν ἑτέρᾳ πόλει καὶ χώρᾳ. Но это, несомнѣнно, есть если не позднейшая прибавка, то во всякомъ случаѣ довольно общее выраженіе, что переносить его на все произведеніе рискованно. Въ Епистоліи Христа неоднократно упоминается, что это есть именно письмо. Нашъ же апокалипсисъ не слѣдуетъ отдѣлять отъ множества другихъ подобного рода произведеній и должно видѣть въ немъ ничто иное какъ трудъ благочестиваго монаха, пачитавшаго въ подобной литературѣ и составившаго по чужимъ образцамъ свою компиляцію.

Подъ вторымъ заглавиемъ вышелъ послѣдній трудъ недавно скончавшагося проф. Н. Ф. Красносельцева, предназначенный войти въ томъ „Труды византійского отдѣленія Историко-филологического общества при Новороссійскомъ университѣтѣ“. Издание примыкаетъ къ раньше выпущеннымъ нѣсколькимъ работамъ Красносельцева, касающимся литературной истории „Бесѣды трехъ Святителей“. Издание греческихъ и одного славянского текстовъ предполагало краткое введеніе историко-литературного характера. Изъ текстовъ изданы слѣдующіе: 1) двѣнадцать списковъ „Бесѣды трехъ Святителей“, изъ которыхъ одни упоминаютъ послѣднихъ—трехъ или двухъ, какъ № 1—Диалогъ

тоб ἀγίου Васιλείου καὶ тоб ἀγίου Γρηγορίου тоб Θεολόγου, № 2—тоб ἀγίου Гρηγορίου тоб Θεολόγου καὶ Ἀθανασίου, иные не указываются на святителей, а два списка, №№ 4 и 5, приписываются Льву Мудрому; греческий текст (№ 4-й) изданъ по двумъ спискамъ — по списку Ерусалимской библиотеки св. Саввы № 429 съ сличеніемъ Афонской Кутлумушской списка № 251; подъ № 5 паданъ русскій переводъ съ турецкой рукописи, принадлежащей Афонской Пантелеимоновской библиотекѣ; № 13 представляется 'Еρωτήμата διάφορα тоб ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου τοῦ Μεγάλου πρὸς Γρηγόριον τὸν μέγαν Θεολόγον περὶ ἱερῶν, № 14—Пренія Панагію съ Азимитомъ, 15—Διδασκαλіа тоб Куріоū ἡμῶν Ἰησοῦ Христοῦ ἐρωτησάντων τῶν ἀγίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Ιακώου ὄμοιώς καὶ тоб ἀγίου Φιλίππου καὶ περὶ διορθώσεως καὶ μοναχῶν καὶ λαϊκῶν, № 16—Πρόκλου ἀρχιεπισκόπου λόγος καὶ διάλυσις; тоб ἀγίου Πάτερ ἡμῶν, № 17—'Ερωταποκρίσεις περὶ тоб ἀγίου Πάτερ ἡμῶν тоб ἐπιτινόσκοντος τὸν χριστῶνυμον λαὸν καὶ ἐπὶ πάντα ἀνθρώπον, № 18—Тоб ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου тоб Χρυσοστόμου λόγος; διδασκαλίας ἐπειδειμένου πρὸς τὸν Κύριον καὶ ἐπερωτήσαντος περὶ τῆς ἀγίας Κοριακῆς καὶ τῆς Νεᾶς λειτουργίας, № 19—славянскій переводъ второй части предыдущаго списка ').

Относительно „Бесѣды трехъ Святителей“ проф. Красносельцевъ высказывается за существование по крайней мѣрѣ одной древней, вполнѣ опредѣленной и законченной греческой редакціи, именно той, которая начинается словами—Πότε ἔπλασεν ὁ θεὸς τὸν Ἀδὰμ; φὸς λόγος δημιουργίας ἐν ἑκτῷ ἡμέρᾳ; она издана имъ (безъ начала) въ статьѣ „Къ вопросу о греческихъ источникахъ Бесѣды трехъ Святителей“, Одесса, 1890. Красносельцевъ указываетъ на ея, такъ сказать, неприосновенность въ порядкѣ вопросовъ и изложенія; она встречается и въ славянскомъ переподѣ. Относительно же опредѣленія другихъ редакцій проф. Красносельцевъ не рѣшается высказать что-либо опредѣленное за недостаткомъ пока материала. Относительно истоиниковъ „Бесѣды“ Красносельцевъ говоритъ, что „песо-мѣнно, что не во всякое время они были одни и тѣ же; въ разное время одни смѣнялись другими, одни устраивались, другие привлекались“. Важность „Бесѣды“ заключается между прочимъ въ томъ, что иные списки ея сохранили остатки апокрифовъ, исчезнувшихъ изъ употребленія; таковъ, напримѣръ, разказъ о баранѣ, принесенномъ Авраамомъ въ жертву вмѣсто Исаака (№ 10, вopр. 53—56);

1) Рукопись Синодальной библиотеки, № 318—591.

Часть сочин. (1890, № 5), отд. 2.

или, напримѣръ, вопросъ о мурѣ, которымъ Марія помазала ноги Господа, извѣстный и изъ русскихъ текстовъ¹); теперь мы имѣемъ и греческій оригиналъ его (№ 5, вопр. 18). Очевидно, въ греческой письменности существовало не мало разказовъ, передающихъ исторію различныхъ предметовъ, имѣвшихъ какое-либо значеніе при тѣхъ или другихъ событіяхъ. Въ XIII вѣкѣ Саломонъ, епископъ Басры (Басзора), написалъ книгу, названную имъ „Пчелой“ и содержащую въ себѣ краткую исторію съ сотворенія міра, кончая описаніемъ всемирнаго суда. Среди другихъ источниковъ онъ пользуется въ обильной степени апокрифами и попутно разказываетъ иногда исторію различныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ,—тридцати сребренниковъ. Встрѣчая подобная же исторія въ греческихъ спискахъ, мы должны заключить, что и подъ рукою Саломона были въ переводѣ съ греческаго всеѣ такого рода компиляціи.

Въ числѣ изданныхъ текстовъ одинъ списокъ носить название—поѣтра хбр Аѣонтос той софой, вар. софотатои (№ 4); турецкій текстъ также надписывается именемъ Льва—„На вопросы Льва цари потребные отвѣты его премудраго учителя на основанія даннаго Моисею Пятикнижія“ (прим. къ № 4). Вопросо-отвѣты обычнаго характера, напримѣръ, 2-й вопросъ: πόσα χωρούχτα ἐποίησεν ὁ θεός; τὸν παράδεισον ἐφέσεσεν, τὸν ἀνθρώπους ἐπλασεν καὶ τὸν ἄγραφον. Проф. Красносельцевъ не рѣшается признавать авторомъ вѣкъ императора Льва Мудраго и склоняется на сторону другаго Льва, также носившаго эпитетъ мудраго—Льва, бывшаго митрополита солунскаго, современника Фотія, учителя Константина философа, впослѣдствіи св. Кирила, и думаетъ, что вопросы, надписанные именемъ Льва Мудраго, составляютъ отголосокъ школьнѣхъ уроковъ этого знаменитаго въ свое время преподавателя (стр. 8). Но кажется, не слѣдуетъ придавать особаго значенія надписанію: одинаково возможно, что здѣсь разумѣлся императоръ Левъ Мудрый. Другой вопросъ, писалъ ли онъ, дѣйствительно, подобнаго рода произведения: на это нѣть указаний. Левъ Мудрый оставилъ довольно много своихъ сочиненій и кромѣ подлинныхъ ему приписывается „Оракулъ“, извѣстный и въ славянскомъ переводе. Ничего нѣть удивительного, если съ именемъ Льва Мудраго, императора, соединялось представление какъ объ авторѣ вопросо-отвѣтовъ, хотя причина могла быть и чисто вѣшняя: стоило читателю встрѣтить въ рукописи вслѣдъ за хризмой, надписываю-

¹) Ср. Порфирий, Апокрифическое сказание о новозавѣт. лиц. 395.

ицейся именемъ Лéонтē; той софою той βασιλέως; тѣс Константиноуپóлесос, понросо-отвѣты безъ указанія автора, какъ съ полнымъ правомъ онъ могъ считать и послѣдніе произведеніемъ того же Льва.

Издатель обратилъ вниманіе на два вопроса, которые, хотя и встрѣчаются въ довольно позднемъ спискѣ¹⁾, однако, по его мнѣнію, восходятъ къ отдаленной старинѣ. Это вопросы — Халхѣонітѣс еї ѿ; Νεατοριανὸς еї ѿ; Кириллѣтѣс еї ѿ; покойный профессоръ указываетъ, что подобные вопросы „могли имѣть мѣсто только вскорѣ послѣ четвертаго Вселенскаго собора въ половинѣ V вѣка и указываютъ на писателя, современника несторианскихъ споровъ... Цитованные вопросы-отвѣты... составляютъ вставку, но вставка эта писомънѣнико взята изъ Бесѣды подобного же рода, явившейся въ половинѣ V вѣка“ (стр. 10).

Подъ № 14 издано „Преніе Παναγіота съ Αιγιπитонъ“. По Аеонской рукописи оно было уже издано Красносельцевымъ въ VI т. Лѣтописи историко-филологического общества при Новороссийскомъ университѣтѣ. Тамъ же приложено къ изданію обстоятельное введеніе. Изъ настоящемъ изданія Преніе взято изъ рукописи Аеонскаго Кутлумышскаго монастыря XVI—XVII вѣковъ. Славянскіе тексты, а также изданный у Васильева, не имѣютъ эпилога (изданный у Васильева, впрочемъ, не сохранилъ конца), аеопскій же текстъ предлагаетъ эпилогъ, записанный стихами, чтѣ являемся болѣе позднимъ явленіемъ. Кутлумышской текстъ удержалъ прозаическій эпилогъ, который по его важности не лишилъ будгть привести вѣдѣсъ: Καὶ ἀθυμήσαντος τοῦ ἀνυμίτου καὶ μὴ ἔχοντος ἀπολογηθῆναι, ἀπῆλθεν ὁ Βέκος Ἰωάννης πρὸς τὸν βασιλέα λέγων· οὐκ ἀκούεις, δέσποτα, διτι ὁ Παναγιώτης ἀνανθεματίζει τὴν βασιλείαν σου πρὸς τὴν ἡμᾶν μετριότητα. κέλευσον ἵνα ἀκούθανῃ πικρδ;. ὁ δὲ βασιλεὺς ἐκέλευσεν, ἵνα ἀπακεφαλιούθῃ Παναγιώτης. ὁ δὲ Παραστομολᾶς καὶ ὁ Τζικαντηλῖτης λαβόντες αὐτὸν εἰς τὸ μέσον ἤστησαν. ὁ δὲ Παναγιώτης; στὰς εἰς προσευχὴν εἰπεν· εὐχαριστῶ σοι, Κύριε, διτι κατηξίωσάς μα διὰ τῆς καλῆς σου ὄμολογίας ἀποθανεῖν, καὶ ποιήσας τὴν ἐν Χριστῷ σφραγίδα εἰπεν· δόξα σοι, Κύριε μου, δόξα σοι, διτι ὑπὲρ τὴν ἀλήθειαν τὴν μαρτυρίαν ἐδεξάμην μετὰ τῶν μαθητῶν σου, Χριστέ. ταῦτα εἰπὼν καὶ κλίνας τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ ἀπέτεμον αὐτόν. καὶ οὗτως ἐτελειώθην ὁ καλὸς σοφὸς κύριος; Κωνσταντῖνος ὁ Παναγιώτης εἰς ἀναίρεσιν τῶν ἀζυμιτῶν.

Наиболѣшее значеніе имѣеть изданное подъ № 15, по рукописи Аидреевскаго скита, Διδοκοκαλіа той хуриоу ἡμᾶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐρωτη-

¹⁾ Cod. Bourbonicus, II, C. 34, XVI вѣка.

самътън тѣн агіон апостолън Ше́троу хай Па́лоу ѿмоіас хай тої агіон Філіппоу хай парі дюрмъзев; хай монахън хай лаїхън. Эта Дида́скалия есть оригиналъ славянскаго текста, изданного М. И. Соколовымъ по рукописи XIII — XIV вѣка проф. Сречковича въ „Матеріалахъ и замѣткахъ по старинной славянской литературѣ“ (Москва, 1888). Въ переводѣ она носить название „Шкърьенне стын апокрифа“. Акад. Ягичъ въ своей рецензіи на книгу М. И. Соколова издалъ греческий текстъ, но не полный, по Патмосской рукописи № 379. Патмосский текстъ точно опредѣляется содержаніе апокрифа — Διδάсқалиа тѣн агіон апостолън парі тѣс агіас тессарахоэти. Начало апокрифа сходится въ славянскомъ и Андреевскомъ: „Въ шви дви по въшьстви Га нашего іс Іса ю горы юлианыски пришепле ѿ ученикъ въ юдолъ плачевноу и помыслъше комужо ихъ в родѣ вѣрнѣмъ члѣвъсцѣмъ = єн таіс Ѯмерат; єхеінаг мета тѣ аналѣфѣнаг тон Куріон Ѯмън „Ітросуи Христуи єхъ тої броис тѣн „Елкішън, хатѣлъно оі іп апостолън єн тѣ хоіладѣи тої „Івасафат хай діеносуи єхастос пері аутѣн тѣс چенгас тѣс апістос тѣн „Андрішпав; въ Патмосскомъ — єн таіс Ѯмерат єхеінаг мета тѣ анастѣнаг тон куріон Ѯмън „Ітросуи Христуи хай ємфаниотѣнаг автѣн тої агіос; маѳетаіс хай апостолън, вѣта хай аналѣфѣнаг ві; тѣ броис тѣн „Елкішън, хатѣлъно оі маѳетаіс оі дѣдѣхъ єн тѣ хоіладѣи тої „Івасафат хай єнєвомѣтіо єхастос єз аутѣн пері тѣн апістос андрішпав. Даље въ славянскомъ переводе пропущено вопросеніе Павла, которое въ Андреевскомъ сп. ошибочно приписано Петру; Андр. єхеі той апологіан доўнаіе понравляется Пати. чтеніемъ—о порнос оўх єхеі ті апологіан доўнаіе. Противъ Андр. въ Пати. въ вопросеніи Павла есть добавленіе—хай сб пхрѣрхонта тої; хронон; апѣлѡн; оі пантес; аллѣ вѣрнуетес хай єгуржородунtes єн прасеухаіс хай нтратеіас хай єлєпимашунас; хадѡ; юмѣс апантас єхеі дідѣхъ ѿ мунѣстос; юмън патѣр; хай пневматихъс; хай єан ѿтас діспрактамѣтіа; хлѣрономои چеномѣтіа хай василеіас; оўраунав. Таки какъ здѣсь находится простое распространение мысли, выраженной кратко даље—ві дѣ єпіенуас оўтои пантес єн таіс асальгейас; аутѣн, сбаі аутоі єстаі — то сдѣдуется видѣть въ этомъ распросраненіи позднѣйшую вставку съ цѣлію усиленія основной мысли—необходимости отстать отъ грѣховъ. Въ вопросеніи Андрея оба греческихъ текста сходятся, въ славянскомъ же пропускъ. Если онъ былъ и въ оригиналѣ, то онъ тѣмъ не менѣе случайный, такъ какъ Андрей просить Христа показать ему тѣн єпта Ѯмерѣн тѣс єзборнѣдос єн поіф дѣдѣ пхрѣстанакъ, и Господь разказываетъ ему о всѣхъ шести дніхъ. На вопросеніи јомы оканчивается Патмосский списокъ. Даље, въ славянскомъ

вянскомъ и Андр. идеть рядъ наставлений, обращенныхъ къ духовнымъ лицамъ. При нѣкоторомъ отличіи обоихъ текстовъ, все же мы видимъ близкое сходство:

Диакономъ христовоемъ быти всѣмъ незлобивомъ и проказивомъ, юдиноп женѣ моужеви вѣрноу прѣбывающи въ завѣтѣ, хранещися чѣть блoudа и ѿть клеветы и ѿ ппїнности. аще ли тако вълазить въ цркви божию и тако се комкаєть, достояннѣ єсть смирити. или .в. ю женоу поиметь дѣлакъ ѿтълоучиться Г лѣта. аще свидѣтельство имать прѣдь вѣрными моужими, да приметь и цркви.

Δεῖ τὸν χληρικὸν ἀμυητικάκον, ἀχενόδοκον ἀψυλάργυρον ἀκλοπον πρῶτον ἡσυχον ἀματάδοτον, μίας γοναικός, τῷ πίστει εὐτερηγμένος καὶ τὴν διαθήκην τῆς ἑπαγγελίας φυλάττων, ὁ πορνεύων ἢ λαιδορῶν ἀφορίζεσθω ἐκ τοῦ θυσιαστηρίου καὶ μὴ προσφανέτω τῶν ἀχράντων καὶ ἀγίων μυστηρίων.

Какъ видимъ, славянскій текстъ отличается отъ греческаго длиннотами, но такого рода произведенія, какъ собраіе нравственныхъ предписаний и угрозъ въ случаѣ ихъ неисполненія, легко могли быть укорачиваемы и удлиняемы по произволу, такъ что остается неизѣстными, гдѣ въ данномъ случаѣ искать первоначальное чтеніе. Въ отрывкѣ этомъ и слѣдующемъ рѣчь идетъ о соблюденіи воскресенья, то-есть, о томъ, о чёмъ говорять и „Епистолія о недѣлѣ“ и „Святокъ Іерусалимскій“, и тамъ мы видимъ, что наставленія не ограничиваются кругомъ воскреснаго дня, а захватываютъ множество случаевъ изъ обыденной жизни. Вся эта часть, недостающая въ Патмоскомъ спискѣ, является позднѣйшою вставкой, и причиной ея было то, что передъ этимъ Андрей и Іаковъ спрашивали Господа о святой недѣлѣ и о средѣ и пятницѣ. Это и дало поводъ въ вопрошеніе ѡомы вставить цѣлый рядъ наставлений, занимствованныхъ изъ того же источника, изъ которого ишла и „Епистолія“, если только не изъ самой „Епистоліи“. Въ славянскомъ текстѣ послѣ указанной вставки, оканчивающейся обращеніемъ Христа ко всѣмъ 12 апостоламъ, продолжаетъ вспрошать Варооломей, и его вопрошеніе является естественнымъ продолженіемъ вопросенія ѡомы, которое должно оканчиваться словами — „да молитвоу възметь ѿте попа и възмѣ компакніе да вънидеть въ црковь“=послѣдніи словамъ Пати. списка — «вълѹгѣтai ὅπο τοῦ ἀρχεπίστας καὶ καθίσταται πάλιν εἰ; τὴν ἑστοῦ τάξιν». Андр. списокъ не сохранилъ вопрошенія Варооломея, но вместо этого распространилъ

вставки объ угрозахъ, группирующися около недѣли. Вмѣсто обращенія къ 12 апостоламъ начинается рядъ предписаній, обращенныхъ ко всѣмъ людямъ: 'Ακούσατε οὖν, πάντες φιλακροάμονες, λόγους ἀπέστειλα διὰ τῶν προφητῶν καὶ ἀποστόλων μου καὶ οὐκ ἡκόύσατε αὐτούς... затѣмъ идутъ угрозы за всевозможные грѣхи—сдѣлай тоиς μὴ ἀπερχομένοις ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ τῇ κυριακῇ οὐαὶ τοῖς μὴ ἀκρωμένοις τῆς ἀγίας λειτουργίας μετὰ φόβου καὶ πίστεως διτὶ τῷ ταρτάρῳ παραδώσω αὐτούς. οὐαὶ τοῖς ἀπολιμπανομένοις τῆς τοῦ θεοῦ ἐκκλησίας ἐν ὑμέρᾳ κυριακῆς καὶ πασῶν τῶν ἀρτῶν διὰ δικαιούντων διτὶ τῷ πορὶ παραδώσω αὐτούς и т. д. Подобные возгласы мы находимъ, напримѣръ, въ распространенной редакціи „Епистолія о педѣлѣ“, изданной Васильевымъ въ Anecdota gr. byz., стр. 28—38. Угрозы не совпадаютъ буквально, хотя въ нихъ уже также забывается первоначальная цѣль—показать святость воскресенья, напримѣръ, οὐαὶ τοὺς ἵερεῖς οἱ μετὰ μάχας τῷ ἵερῷ προσδραύοντες, сдѣлай таѣ монахачас таѣ хаталадѣтряис єн сіс тѣ γηїкоис καὶ πόρνας καὶ μοιχაлібас. οὐαὶ τοὺς μέγοντας οἰκίαν πρὸς οἰκίαν καὶ γείτονας πρὸς γείτοναν καὶ δοῦλον πρὸς τὸν αὐτοῦ δεσπότην καὶ τοὺς μὴ λέγοντας τὴν τοῦ θεοῦ ἀλήθειαν καὶ τοὺς βάλλοντας ἀδύνατον εἰς δυνατοῦ χειρας и т. д. (стр. 26). Подобное сопоставленіе двухъ текстовъ Епистоліи и Диадаскаліи способно навести на предположеніе, что рассматриваемая часть Диадаскаліи Андреевскаго списка вышла изъ какой-нибудь редакціи Епистоліи. Несовпаденіе текстовъ не можетъ говорить противъ этого. Уже наличные списки греческой Епистоліи,—а ихъ пока имѣемъ три — указываютъ, что они сильно расходились по своимъ подробностямъ, оставаясь одинаковыми по общему духу и содержанию. То же наблюдается и въ славянскихъ текстахъ, особенно въ новоболгарскихъ. При томъ, можно думать, что въ Андреевскомъ спискѣ мы имѣемъ только часть Епистоліи, послужившей оригиналомъ для него. Такимъ образомъ, благодаря издальному Андреевскому у насъ опредѣляется иѣсколько литературная исторія Диадаскаліи. Патмосской списокъ ближе другихъ по составу стоитъ къ оригиналу, но онъ не есть оригиналъ: онъ допустилъ иѣсколько незначительныхъ дополнений и утратилъ конецъ. Съ другой стороны отъ оригинала пошелъ другой списокъ, на который иѣсколько повлияла уже Епистолія; къ этому списку восходитъ и оригиналъ славянского перевода, удержавшій вопрошеніе Вареодомея, и Андреевскій списокъ, не сохранившій послѣднаго вопрошенія, но подвергшій вторичному еще большему вліянію со стороны одной изъ редакцій Епистоліи.

№№ 16-й и 17-й содержать апокрифическое толкование „Отче папъ“. Первое толкование надписывается именемъ Прόхλοου ἀρχιεπίσκοπου, другое — безъ имени. Оба толкования представляютъ двѣ редакціи одного памятника; форма обонихъ одна и та же: апостолы — Петръ, Павелъ и Иоаннъ — спрашиваются у Иисуса Христа объясненія на каждое прошеніе молитвы. Подъ № 18 издано: Той єν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Χριστοτόμου λόγος διδασκαλίας ἐπιβεβαίενος πρὸς τὸν Κύριον καὶ ἀπερτήσαντος περὶ τῆς ἀγίας κοριακῆς καὶ τῆς θείας λειτουργίας. Изложеніе идетъ въ видѣ вопросовъ Иоанна Златоуста и отвѣтствъ Иисуса Христа; Иоаннъ Златоустъ попалъ, конечно, на мѣсто Иоанна Богослова. Здѣсь обращается особленное вниманіе на почитаніе воскресенія, и въ этомъ отношеніи Слово стоять въ связи съ Епистоліей о недѣльѣ. Такъ на вопросъ Иоанна, πόσαι ἀμαρτίαι εἰσὶν τοῦ κόσμου ἀσυγχώρητοι, Господь отвѣчаетъ, что трітѣ ἀμαρτίαι, εἰ τις τὴν ἀγίαν κοριακὴν ὁ τιμῷ, εἰ μὴ τῶν δὲ ἡμερῶν τὰς ἀποκρίσεις φιλεῖ καὶ τὴν ἡμέραν τῆς κοριακῆς οὐ τιμῇ, αὐτοὶ ἀπελεύσονται εἰς τὴν αἰώνιαν κόλασιν. На вопросъ же Иоанна, что такое κοριακή, Господь говоритъ: Κοριακὴ ὁ Κύριος καὶ ὁ Κύριος κοριακή, ὁ τιμῶν τὴν κοριακὴν τιμήσει αὐτὸν ὁ κύριος ἐνώπιον ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων. ὁ τιμῶν τὴν ἀγίαν κοριακὴν μετὰ παντὸς τοῦ οἴκου αὐτοῦ καὶ ἀπὸ ὥρας ἐννάτης τοῦ σαββάτου ἀφήσει τὸ ἔργον αὐτοῦ καὶ ἀπέλθῃ εἰς τὴν ἐκκλησίαν εὐχαριστῆσαι τῷ θεῷ καὶ ἐκτελέσαι τῆς ἀναστάσεως κορίον τὴν εὐχήν, λοτρῦται τῆς ἀμαρτίας τῶν δὲ ἡμερῶν καὶ εὐλογεῖ αὐτὸν ὁ κύριος φέ τὸν Ἀβραάμ и т. д.

Подъ № 19 изданъ славянскій переводъ толкованія церковнаго устройства, начинаящійся словами — „Црквиа есть храмъ бжиии, а алтарь есть гробъ гбъ“¹). Статья состоить изъ двухъ частей; оригиналъ первой читается въ изданномъ текстѣ подъ № 13, гдѣ удержался вопросъ — Διὰ τί ἐκκλησία и. т. д., а отвѣтъ соотвѣтствуетъ славянскому: ή μὲν ἐκκλησία ἐστίν ὁ οἶκος τοῦ θεοῦ, τὸ δὲ βῆμα ἐστίν τὸ μνῆμα τοῦ κορίου... Вторая часть представляетъ бесѣду Иоанна Златоуста съ Господомъ о церковныхъ предметахъ и соотвѣтствуетъ предшествующему греческому тексту.

В. Нетринъ.

¹) Рукопись Синод. Бил., № 818 (691), XVI вѣка.

С. Жебелевъ. Изъ истории Аениъ. 229 — 81 годы до Р. Хр. С.-Пб. 1898. XVI + 365 стр.

Въ нашихъ журналахъ и сборникахъ, болѣе или менѣе посвященыхъ классической филологии или охотно открывавшихъ ей свои страницы, въ послѣднее десятилѣтіе приходилось очень часто встрѣчать имя С. А. Жебелева подъ разнообразными самостоятельными изслѣдованіями, обзорами новѣйшихъ открытій и рецензіями литературныхъ новинокъ въ области греческой эпиграфики, древней исторіи, исторіи искусства и т. п. Въ этихъ трудахъ всегда замѣтно было серьезное отношеніе и къ крупнымъ и къ мелкимъ вопросамъ, стремленіе къ детальной разработкѣ и упроченію выводовъ на основаніи документовъ, содержательность, сжатость и спокойный тонъ изложенія. Содержаніе одного ряда статей уже позволяло предполагать, что С. А. Жебелевъ готовить большой трудъ по аттической эпиграфикѣ или по аениской исторіи. Такой трудъ и появился лѣтомъ этого года. Не отрывочные этюды даютъ намъ онъ подъ скромнымъ заглавіемъ „*Изъ истории Аениъ*“, а полный сводъ и подробный разборъ всего, что до сихъ поръ извѣстно изъ политической преимущественно исторіи Аениъ за время съ 229 до 81 г. до Р. Хр., ограничивая изложеніе только нѣкоторыхъ вопросовъ выводами, если они уже раньше были сдѣланы, отчасти въ его же собственныхъ статьяхъ, и не вдаваясь безъ особенной нужды въ догадки для заполненія значительныхъ пробѣловъ въ нашихъ извѣстіяхъ объ этомъ времени. Прежде эти пробѣлы, въ которыхъ изслѣдователь не мало не виноватъ, были вполнѣ ясны только для того, кто самъ работалъ по источникамъ въ предѣлахъ этого периода, и такихъ работниковъ было не особенно много. Теперь, именно благодаря настоящей книгѣ, они стали еще очевиднѣе и для болѣе широкаго круга изслѣдователей. Уже это одно составляетъ огромную, такъ сказать, прикладную заслугу труда С. А. Жебелева. Онъ даетъ возможность всякому ориентироваться въ наличности источниковъ и современномъ уровнѣ ихъ толкованія, решать по возможности то окончательно, то гипотетически многіе спорные вопросы и отмѣщать возникающія сомнѣнія. Для всякаго нового приращенія въ области источниковъ по этому періоду теперь гораздо легче отыскать соотвѣтствующее мѣсто и опредѣлить его значеніе, а слѣдовательно легче и двигаться поступательно какъ въ заполненіи пробѣловъ, такъ и въ видозмѣненіи прежнихъ не вполнѣ прочныхъ выводовъ, зависящихъ и отъ недостаточности и отъ самого

характера имѣющихся источниковъ. Намѣреваясь въ заключеніи обзора книги говорить о другихъ качествахъ книги, здѣсь я скажу только, что уже по одной указанной причинѣ она является необходимою для всякаго изслѣдователя не только азиатской, но и вообще греко-римской исторіи II и I вѣковъ до Р. Хр. Къ этому прибавлю, что, будучи первою по полнотѣ и обстоятельности трактованія написанныхъ до сихъ порь разбросанныхъ и отрывочныхъ источниковъ, эта работа въ изслѣдователь по смежнымъ областямъ невольно будетъ много вопросовъ и подсказываетъ иногда новыя соображенія и решенія, и въ этомъ состоять другое важное значеніе ея. Работая самъ надъ тѣмъ же періодомъ, хотя и относительно другаго города, я чрезвѣльно заинтересовался книгой С. А. Жебелева и убѣдился въ ее важности для изслѣдователей эллинистическо-римского времени. На послѣдующихъ страницахъ я намѣренъ прослѣдить въ главныхъ чертахъ содержаніе изслѣдованія и подѣлиться съ читателями общимъ впечатлѣніемъ и нѣкоторыми частными замѣчаніями, вызванными чтеніемъ книги. Обзоръ содержанія придется дать довольно подробный и въ виду обычной заброшенности охватываемаго книгой періода и для того, чтобы мои замѣчанія не оказались совсѣмъ отрывочными. Замѣчанія послѣ первого ознакомленія съ книгой носятъ, конечно, иногда характеръ только вопросовъ и недоумѣній и могутъ, пожалуй, иногда показаться мелочными и придирчивыми, но подробный разборъ ихъ потребовалъ бы особаго изслѣдованія и отвлекъ бы насъ далеко отъ самой книги, а чтобы ни самъ авторъ, ни прочие читатели не заподозрѣли меня въ придирчивой критикѣ, я долженъ напередъ заявить, что, если въ моихъ замѣчаніяхъ окажется нѣчто цѣнное, то эти опи обязаны самой книгѣ, которая ихъ вызвала и облегчила, упрека же въ мелочности поправокъ, надѣюсь, мнѣ не сдѣлаются, по крайней мѣрѣ, тѣ читатели, которымъ приходится работать по источникамъ, да еще по такимъ, какіе мы имѣемъ для изслѣдуемаго въ книгѣ періода: тутъ именно неудачное освѣщеніе иной мелочи приводитъ иногда на долгое время къ неправильности и общихъ выводовъ.

Полагая, что для возсозданія „общей исторіи эллинизма“ необходимо „прозвести рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій главнымъ образомъ въ такъ называемой политической исторіи III вѣка и послѣдующихъ“¹⁾), авторъ смотритъ на свою задачу—разборъ главнымъ обра-

¹⁾ Часто и дальше я буду цитировать словами автора, но безъ нужды не буду испещрять текстъ вводными кавычками.

зомъ политической истории Афинъ со времени освобождения ихъ отъ македонской зависимости до Актійской битвы—какъ на одно изъ такихъ изслѣдований, хотя и „старается, по мѣрѣ возможности, не терять изъ виду общій нити хода событий, где это представляется существенно необходимымъ“. Ограничивая свою задачу указанными пунктами, дѣйствительно представляющими собою известныя грани въ афинской исторіи, онъ имѣлъ въ виду, что съ одной стороны для этого периода можно воспользоваться значительнымъ количествомъ надписей, этихъ „краеугольныхъ камней всей науки классической древности“, правда, большинствомъ бѣдныхъ по содержанию и отчасти дошедшіхъ въ печальномъ видѣ, но все же остающихся краеугольными камнями, съ другой стороны оказывалось не лишнимъ въ некоторыхъ случаяхъ подвергнуть критическому разбору и тѣ даже хорошия литературные источники, которые отчасти имѣются для исторіи II и I вѣковъ.

Первая глава посвящена событиямъ 229—205 г. Предварительно авторъ заявляетъ, что въ книгѣ, на половину трактующей обѣ отношенияхъ между Римомъ и Афинами, онъ не касается культурныхъ связей междуими разѣ рассматриваемаго языка периода. Я вполнѣ согласенъ, что можно было обойдти безъ этой части труда и что упомянутыя связи могутъ составить предметъ специального всестороннаго изслѣдованія; въ предѣлахъ поставленной задачи совершенно достаточно было констатировать тотъ фактъ, который для меня не представлялъ сомнѣній, что дипломатическія сношенія Рима съ Афинами начались съ 229/8 г., со времени первого римскаго похода въ Иллирию, а не съ 201-го только, какъ никогда думалъ Э. Курціусъ.

Какъ разъ около этого времени, когда въ Македоніи послѣ смерти царя Димитрія II власть за малолѣтство сына его (Филиппа V) перешла къ Антигону Досону, Аѳенины вернули прежнюю независимость, заплативъ 150 талантовъ Діогену за то, что онъ согласился вывести изъ Аттики македонскіе гарнизоны, находившіеся подъ его командой. Значительную часть этой суммы денегъ соудилъ афинианъ знаменитый дѣятель ахейской симполії Аратъ, но часть денегъ пришлось признать въ другихъ мѣстахъ, между прочимъ въ Оивахъ и Феспіахъ. Послѣднее выводится изъ оиванскихъ и феспійскихъ надписей (IGS. I, 2405—2406 и 1737—1738), но для этого нужно было доказать, что оиванскіе надписи относятся не ко времени Кассандра и Диметрія Поліоркита, 307 г. (мѣніе С. Кумашу-

диса, В. В. Латышева и др.), а именно къ событіямъ данного времени (Диттенбергеръ¹⁾), что авторъ и дѣлаетъ, рассматривая съ одной стороны содержаніе этихъ плохо сохранившихъся документовъ, съ другой — событія и 307 и 229 г. и тѣ аттическіе документы (CIA, II, 252. IV, 2,252 d), которые привлекались къ сравненію съ еванскими въ пользу первого мѣнія. Доводы автора въ пользу 229 приходится признать вѣроятными²⁾). Часть необходимыхъ денегъ была собрана путемъ „добровольныхъ пожертвованій (ἐπιδόσεις) на спасеніе города“, какъ это видно изъ сохранившагося списка пожертвованій времени архонта Демедолта (CIA, II, 834), котораго авторъ рядомъ разныхъ по значенію и содержанію аргументовъ точно пріурочиваетъ къ 230/29 г. (229/8 Ф. Ф. Соколовъ, 234 — 229 А. Н. Щукаревъ). Своему освободителю Діогелу аенияне даютъ право гражданства, возвращаютъ божескія почести и посвящаютъ участокъ земли, подобно богамъ и героямъ; изъ честь его учреждается празднікъ Діогеніи и именемъ его, можетъ быть, какъ основателя, называется одинъ изъ аенискихъ „гимнасіевъ“ (почти все это опять изъ надписей). Нумизматическія данныя показываютъ, что около этого времени въ Аениахъ возобновляется чеканка монеты. Подъемъ національного и демократического духа былъ весьма сильный. Въ декретѣ о сборѣ упомянутыхъ пожертвованій были опредѣлены размѣры ихъ отъ 50 до 200 драхмъ, и въ списокѣ вѣтъ суммъ выше 200. Но находились отдельные жертвователи и благодѣтели, которые оказывали народу гораздо болѣе крупныя услуги и словомъ и дѣломъ. Къ числу ихъ С. А. Жебелевъ относить нѣкого Тимосеена, о которомъ говорить почетный декретъ архонтства Иллодора, помѣщаемаго авторомъ на 229/8 г. (CIA, IV, 2, 385b). Но на первомъ мѣстѣ несомнѣнно стоять братья Евріклидъ и Микіонъ, тогдашніе „предстоятели народа“, то-есть, руководители аениской политики. Разбирая попутно много

¹⁾ Къ стр. 7: Есть еще третье мѣніе о еванскихъ надписяхъ: Мейстеръ, который въ Bezzemberger'овыхъ Beiträgen V, p. 197 сдѣловалъ Кунапудису, у Collitz'a SGDI. I, p. 287 № 712 относить ихъ уже къ 287 году. Съ этимъ мѣніемъ С. А. Жебелевъ не считается, хотя и цитируетъ обѣ публикаціи Мейстера.

²⁾ Къ стр. 18: Авторъ отмѣчаетъ различіе между CIA. IV, 2, 252 и IGS. I, 2405—2406 (Фипы) по употребленію стопроцентъ въ первой и отсутствію его въ послѣднихъ. Изъ этого различія однако, при разномъ мѣстѣ происхожденія надписей, едва ли чтонибудь слѣдуетъ. Дialektъ и ореографія еванскихъ надписей оставлены безъ вниманія, вѣроятно, по невозможности выводовъ изъ этихъ признаковъ; только на стр. 8¹ сдѣлана ссылка на Диттенбергера о строѣ еванского декрета.

другихъ документовъ того же времени, авторъ особенно останавливается на отрывкѣ декрета въ честь Евриклида (CIA. II, 379). Мы видимъ, какъ этотъ богатый гражданинъ патріотъ то одинъ, то вмѣстѣ съ братомъ несетъ разныя общественныя обязанности, старается добыть деньги для государства, неоднократно изъ собственныхъ средствъ помогаетъ и крупнымъ и малымъ суммами и заботится объ урегулированіи афинскихъ финансовъ, о заѣздѣ полей, запущенныхыхъ по причинѣ войнъ, укрѣпленіи города и гаваней, вносить какіе то законы, устраиваетъ зрелица и состязанія, возстановляетъ портики и святилища и пр., а въ дѣлахъ иностранной политики онъ между прочими пѣлеиς Ἐλληνῖδας καὶ σύμμαχος προστῆσετο¹). Спрашивается, кого разумѣть подъ этими пѣлеиς и (съ)ммачоис. Одни государства въ то время держатся воинственной политики, — это Македонія, въ лицѣ Антигона Досона и потомъ Филиппа V, и Сирія (Антіохъ III), другія — мирной: Родось, Пергамъ, Египетъ, отчасти этолійская симпатія. Послѣднія стараются дружить съ Римомъ, и миръ дорогъ особенно для торговыхъ сношеній Родоса и Египта. Поэтому авторъ и предполагаетъ, что подъ греческими городами нужно разумѣть Родось съ сферой его покровительства (онъ теперь игралъ прежнюю морскую роль Аѳинъ, но не притѣснялъ союзниковъ), а подъ [съ]ммачоис — Египетъ, Пергамъ и, можетъ быть, Римъ. Богатый эпиграфический материалъ говорить намъ объ исконої дружбѣ между Аѳинами и Египтомъ при Птолемеѣ I, II (Филадельфъ) и III (Евергетѣ). Здѣсь же С. А. Жебелевъ сообщаетъ итоги своей прежней работы о посль-клиссееновскихъ филахъ (въ Στάφαυς Θ. Θ. Соколову) относительно учрежденія въ Аѳинахъ особой филы въ честь Птолемея III, которое онъ относитъ къ 225—221 годамъ. Приимая эту дату, онъ передвигаетъ на нѣсколько лѣтъ известный списокъ архонтовъ CIA. II, 859, и при этомъ передвиженіи оказывается вѣроятнымъ, что

¹) Къ стр. 27²: Я не вполнѣ согласенъ, что „доописанію Кѣлеры σύμμαχος довольно вѣроятно“ (хотя оно признается и Диттгенбергеромъ въ S.J.G. и др.); такое сопоставленіе съ пѣлеиς Ἐλληνῖδας, кажется, неудобно, потому что и эти пѣлеиς, конечно, были привлечены въ качествѣ съммачоис. Скорѣе въ царствованіе годилось бы βασιλέας (или даже βαρβάρους). Ср. CIA. IV, 2, 65ъ пѣлеиς τѣς Ἐλληνῖδας изъ противоположеніи еракійскимъ царимъ; 264с ἀποστελόμενος ὅπὸ τῶν βασιλέων πρεσβυτῆς ἐπὶ τѣς Ἐλληνῖδας πραθείας; II, 809, ст. 227 хай Ἐλλήνων хай τѣнъ βαρβάρων сі тѣлоутес. Для конца III вѣка я считаю βαρβάρους менѣе вѣроятнымъ. Конечно, не въ словѣ дѣло, но если бы слово сохранилось (βασιλέας или 'Ρωμαιοис!), то оно уяснило бы дѣло прямѣе, чѣмъ выводы изъ „довольно вѣроятного“ дополненія.

этотъ списокъ начался въ древности съ 280 — 229 года, то-есть, съ года освобождения Афинъ.

Необходимость охраны македонскихъ границъ, а также вѣроятно и внутренія неурядицы въ Македоніи заставили, въ 229 году Антигона Досона „нахнуть рукой” на отпаденіе Афинъ. Въ это время онъ находится въ союзѣ съ Ахейской симполітіей, которая съ 224 г. ведетъ т. н. Клеоменовскую войну, закончившуюся въ 222 году битвой при Селласія¹). Въ промежутокъ 229—222 Аратъ неоднократно пытаются присоединить Афины къ ахейской симполітіи, по всѣ старанія его остаются безъ результата. Афиняне, твердо руководимые своими „предстоятелями“ Евриклидомъ и Микіономъ, послѣдовательно держатся нейтралитета „честнѣшества“. Они желаютъ, „сохраняя строгій нейтралитетъ, искать для себя болѣе надежной опоры за предѣлами Греціи“. Тѣмъ не менѣе они стараются быть на готовѣ противъ всякихъ случайностей; Аттика въ это время, какъ видно изъ надписей, на военномъ положеніи,—войска стоять въ лагеряхъ въ пограничныхъ стратегическихъ пунктахъ и по берегамъ. Тогда-то имъ безъ сомнѣнія нужна была дружба и Птолемея III в., можетъ быть, Рима. Свободныя Афины, безъ македонскихъ гарнизоновъ, должны были принять мѣры и противъ набѣговъ пиратовъ. Приблизительно къ году освобожденія Афинъ относится упоминаніе въ декретѣ архонта Илодора, то-есть, по автору, 229—228 г. (CIA. IV, 2, 885 с.), о набѣгѣ на Аттику, „этолійского пирата Вукрида“ (сына Даита изъ Навпакта) и обѣ уводѣ имъ гражданъ и другихъ жителей на Критъ; выкупъ изъ нихъ потребовалъ по 20 талантовъ, внесенныхъ²) уроженцемъ критской Кидоніи Евмаридомъ, въ честь которого и состоялся упомянутый декретъ³); этотъ Евмаридъ оказалъ при этомъ и другія услуги

¹) Къ стр. 36²: Дата 222 г. для битвы при Селласія будеть принятъ и въ II части *Geschichte der griech. und maked. Staaten* B. Niese, появленіе которой ожидается въ очень скромъ времени, см. *Pomѣow* въ *N. Jahrbücher für Phil.* 155 (1898) р. 704, ср. 785³ (онъ уже пользовался корректурными листами этого изданія).

²) Къ стр. 41: Всѣ ли „деньги, до 20 талантовъ, назначенные для выкупа“, внесъ одинъ Евмаридъ? Надпись гласить: προσιστεύχα υρήματα (сф. промисфора) ἐκ τῶν Ιδίων εἰς τὰ ἔκκος τάλαντα τὰ συνφωνηθέντα ὑπὲρ τῶν αἰχμαλότων.

³) Къ стр. 40 - 42: „Вукридъ“ въ надписяхъ аттической и дилосской (Bull. de corr. hell. XV 369) называется только въ nomin. и accus.: Βοῦκρις, Βοῦκριν. А въ дельфійскихъ амфіктононскихъ декретахъ архонта Нивагора (WF. 454, LB. II 840 и BCH. VII р. 428—Pomѣow N. Jahrb. 149 р. 525, 580, 582) въ числѣ этолійскихъ іеронимоновъ стоять имя „Βοῦκριος“ (въ genitiv.). Я готовъ признать

содѣйствиу между прочимъ сохраненіе дружелюбныхъ отношеній Аѳенъ съ критянами¹⁾). Нѣсколько близкихъ по времени надписей говорить о сношеніяхъ съ этолійцами и съ Атталомъ, также о набѣгахъ,²⁾ пѣнахъ, о частной и общественной благотворительности и т. п. (CIA. IV, 2. 385, f, c, II 384, 385, 357 и др.), и авторъ здѣсь опять самостоятельно перерѣщаетъ нѣсколько вопросовъ хронологіи аттическихъ архонтовъ³⁾.

тожество этого іеронимона съ иратомъ, ставя выступление изъ первой роли раньше послѣдней. Тожество признаетъ и Помторъ (*N. Jahrb.* 155 p. 844¹¹): *Vik-tis gehört also in den Jahren 280—215 zu den aitolischen Nauphelden*; иратьство Вукриа онъ съ Омаллеемъ, которого теперь опровергаетъ С. А. Жебелевъ, относитъ къ 220—218 гг., а іеронимонъ, то-есть, дельфійскій архонтъ Инеагора приблизительно къ 281 году (см. р. 847). Эта дата однако до публикаціи новыхъ дельфійскихъ открытій должна оставаться въ числѣ предположій.

¹⁾ Къ стр. 56 сл.: Однѣ изъ декретовъ, опубликованныхъ на «одномъ камнѣ съ упомянутымъ декретомъ о заслугахъ самого Евмаріда, именно состоявшій при архонте Фанархидѣ» (CIA. IV, 2. 385 с., третій декретъ), говорить въ объ услугахъ сына Евмарідова Харміона (Θεορὸς ἀπεστάλησθε; εἰ; Δέλφοι;) и внuka—Евмаріда. Определѧя приблизительно время арх. Фанархіда, С. А. Жебелевъ отрицає хронологическое значение въ упоминаніи о дельфійской веорії Харміона, побудившемъ Омаллу думать о жрецемъ олимпійскомъ годѣ, т.-есть годѣ празднованія большихъ Піѳіа, и ссылается на то, что ио мнѣнію Ф. Ф. Соколова, въ промежуточныхъ между этими большими праздниками годы происходили ежегодныя, такъ сказать, малыя Піѳіа. Я также вполнѣ готовъ признавать мнѣніе Ф. Ф. Соколова, но до сихъ поръ по крайней мѣрѣ въ дельфійскихъ документахъ помѣта Піѳіоис служила достоточно надежнымъ указаниемъ именно на 8-й олимпійский годъ, и отказываться отъ этого хронологического признака неѣ основанія, пока документально не будетъ доказана его немадежность. Малыя Піѳіа могли совершасться ежегодно, но Веоры были отправляемы въ Дельфы другими городами вѣроатно только на большой праздникъ. Вирочемъ объ этомъ скажу когданибудь въ другое время. Возвращать противъ Омаллы по поводу данного мѣста возможно скорѣе потому, что здѣсь не сказано, что Харміонъ былъ отирающы имено сѣ тѣ Піѳіа. Даѣе С. А. Жебелевъ для опредѣленія времени Фанархіда прибѣгаетъ къ генеалогическимъ расчетамъ относительно фамиліи Евмаріда, которые оказываются очень неточными, если примѣняются въ такихъ случаяхъ, гдѣ возрастъ лицъ намъ неизвѣстенъ и не можетъ быть определенъ даже приблизительно. Если мы разсуждаемъ такъ: допустимъ, что N въ году a было x лѣтъ, сайдъ въ году b ему могло бѣть у лѣтъ, въ его сыну въ т. д., то изъ такого соотставленія неизвѣстныхъ могутъ быть выводы съ точностью, вожалуй, только до 40-50 лѣтъ. См. ниже прим. 60-ое.

²⁾ Къ стр. 52²: Самъ авторъ собственно видѣтъ въ CIA. II 357 упоминаніе „о какихъ-то бѣглецахъ ([χα]тадрамбуту)“.

³⁾ Къ стр. 48. Переводъ изъ CIA. IV, 2 385 в.; пусть народъ дастъ „безвозмездно на приданое ихъ дочерей, сколько бы они не пожелали“ сдѣлали соответствуетъ словами: διδόναι τὸν δῆμον προῖκα δεῦται.

Во время союзнической войны, т. е. войны ахейско-македонской симмахии противъ этолийцевъ (220—217), уже при Филиппѣ V, аенинне, по прежнему руководимые Париклидомъ и Миклономъ, хранять нейтралитетъ. Падпись въ честь Дименета (СИА. IV, 2, 619 б) показываетъ, что этотъ аениннинъ между 221/0—217/6 гг. „многократно“¹⁾ отправлялся посломъ къ этолийцамъ и къ Филиппу V въ интересахъ дружбы и мира. Онъ трижды былъ стратилемъ Елевсинскаго округа, отличался справедливостью, неподкупностью, заботливостью о своихъ отрядахъ, щедростью, тратилъ „не мало“ своихъ денегъ и напоминаетъ намъ известныхъ уже „предстоятелей“. Рядъ одновременныхъ документовъ говоритъ о подобныхъ же отношеніяхъ другихъ аениннипъ и о пожертвованіяхъ на укрепленіе города. Очевидно, что Аенины и теперь должны были держаться на военномъ положеніи и что состояніе общественной казны было не блестящее. Союзническая война оканчивается въ 217 г. Навпактской конференціей. Изъ рѣчи, которую по Поливию, тамъ произнесъ этоліецъ Агелай, видно, что общее вниманіе на Балканскомъ полуостровѣ уже было обращено на западъ, съ котораго нахло грозой—или отъ Рима, или отъ Кареагена, смотря по тому, кто побѣдить. Поэтому Агелай призывалъ всѣхъ къ единенію, по крайней мѣрѣ, на время²⁾.

Филиппъ не воспользовался временнымъ единодушіемъ грековъ въ 217 году для общей борьбы противъ Рима. Онь началъ одинъ воен-

¹⁾ Къ стр. 61: Эти „многократны“ послыства (капычки у самого автора), пожалуй не сколько гиперболическій переводъ слова πλεονάκις (также и πλεονάκις ἀκελεύσθε—„многократно хвалилъ“); я предпочелъ бы „не разъ“, „неоднократно“,ср. напр. Collège III 8206 (изъ Корниля): ἀθέσθαι δὲ—ἐνδρας τρεῖς εἰς Ινιαντὸν τοῦδε δυνατεστάτος τοῖς ἐρήμασι καὶ πλεονάκις τοῖς αὐτοῖς, βιολικόντας ἑτη δύο и др. Можетъ быть, и пятымъ капычкамъ при „многократцо“ намокреть на гиперболу, такъ сказать, выжилости или почета (у частъ въ благотворительныхъ этафахъ иногда говорятъ: „Н. Н. пожертвовалъ значительную сумму“, не называя её точно по сравнительной по значительности).—Ibid. μηδὲ ὅφ' ἔνος περιστωμένη ἡ πλέιστη, „дѣль городъ не обижасмыи ни тѣмъ ни другимъ“ (то-есть, ни этолийскимъ союзомъ, ни Филиппомъ); также А. И. Шуклевъ въ Журн. Мих. Нар. Пр. 1888, VI, 59, а въ Bill. de corr. hell. XII р. 72—шепасбѣ. Не слѣдуетъ видѣть прямое указаніе на попытки обѣихъ сторонъ улечь аениннинъ за собой, вывести изъ нейтралитета?

²⁾ Къ стр. 72: „Какъ тонко Агелай понималъ ходъ событий“, замѣчаетъ С. А. Жебелевъ. Вѣроятно скорѣе нужно видѣть здѣсь пониманіе самого Польпія.—О прекращеніи войнъ между греками на всегда Агелай и теперь не мечталъ, какъ это можетъ показаться по передачѣ начала его рѣчи у С. А. Жебелева.

вать съ римскимъ союзникомъ, иллірійскимъ княземъ Скердиландомъ, но и въ этой безплодной войнѣ дѣйствовалъ нерѣшительно. Съ Аннибаломъ онъ заключилъ договоръ только въ 215 году, послѣ битвы при Каннахъ. Во главѣ посольства къ Аннибалу посредникомъ съ македонской стороны былъ аенининъ Ксенофанъ Клеомаховъ. С. А. Жебелевъ предполагаетъ, что къ этому времени Евриклида и Микюона вѣроятно уже не было въ живыхъ и что аенинапе, можетъ быть, „хотя временно“ стали на сторону Филиппа, были вмѣстѣ съ нимъ „не прочь“ вступить въ союзъ съ Аннибаломъ¹⁾). Между тѣмъ греки скоро отшатнулись отъ Филиппа, и римляне безъ особеннаго труда подняли противъ него этолійцевъ (въ 211 г.), а къ нимъ пристали всѣ непроположенные къ Македоніи: элѣзы, лакедемони, Аттахъ пергамскій, Плеврать еракійскій, Скердиландъ иллірійскій. Аенинапе, по мнѣнію автора, держались пока выжидательной политики: че пристали къ Риму, но не присоединились къ Филиппу съ ахейцами, о чёмъ, можетъ быть, и говорилъ Полівій (X, 40, 1)²⁾.

Въ этой первой македонской войнѣ римляне помогали греческимъ союзникамъ лишь въ предѣлахъ необходимости удержать Филиппа отъ соединенія съ Аннибаломъ. Греки собственной Эллады сами взаимно содѣйствовали разоренію и ослабленію своей страны и облегчали Риму возможность послѣдующаго хозяйственчанія. Было однако иѣсколько государствъ, которыхъ принимали мѣры къ прекращенію войны между Филиппомъ и этолійцами, и мы знаемъ о двухъ посольствахъ, явившихся съ этой цѣлью къ Филиппу въ 208 и 207 году³⁾). Въ

¹⁾ Однако Ксенофанъ могъ попасть въ посольство Филиппа къ Аннибалу и не изъ Аенинъ; онъ могъ быть изъ числа аенинапе, находившихся при македонскомъ дворѣ, переселившихся туда, напр., въ качествѣ сторонниковъ македонскаго режима. Иное дѣло, если бы хоть какойнибудь Ксенофанъ былъ наимѣнѣйший въ ряду аенинскихъ патріотовъ того времени. См. слѣд. примѣчаніе.

²⁾ Къ стр. 80: Предположеніе, само по себѣ вѣроятное, основывается на отрывочной фразѣ, дошедшей изъ поляхъ одной рукописи Полівія: τὸ γὰρ τοιοῦτον ὃς δει φύλατται ή τῶν Ἀθηναίων πόλεων. Разъ мы согласимся съ авторомъ относительно выжидательной политики Аенинъ 211 года, то предположеніе, что въ посольствѣ Филиппа къ Аннибалу Ксенофанъ былъ въ качествѣ гражданина Аенинъ, окажется малоѣроятнымъ.

³⁾ Къ стр. 88². Авторъ возстаѣтъ противъ отнесенія первого посольства къ 209 году, то-есть противъ признанія хронологической лутациіи у Лівія, ссылаясь на то, что упоминаніе о немецкомъ празднике, служащемъ основаніемъ такого отнесенія, не можетъ быть хронологическимъ признакомъ въ виду ежегодности этого праздника въ III вѣкѣ (Ф. Ф. Соколовъ). Однако и по сравненію 22-й гг. съ 80-й въ XXVII вѣкѣ Лівій и, повидимому, во положенію соотвѣтствую-

перномъ изъ нихъ, рядомъ съ представителями Птолемея IV Филопатора, Родоса, Хиоса, Византія (и Митилины) называются и аенискіе, и въ этомъ можно видѣть съ авторомъ видѣть доказательство нейтралиста Аенінъ. Отсутствіе упоминанія о нихъ во второмъ посольствѣ авторъ, не отрицая возможности чисто случайного пропуска, старается объяснить толкованіемъ запутанной замѣтки Павсанія о Кифисодорѣ (I 36, 5—6), предполагая, что около 207—206 года уже до втораго посольства, Аеніны прінкнули къ этолійско-римскому союзу, стояли слѣдовательно на одной изъ воюющихъ сторонъ. Я вполнѣ готовъ признать вероятность этого предположенія, хотя самъ авторъ крайними граляцами для перехода Аенінъ на римскую сторону и становить годы 207—205, слѣдовательно не настаиваетъ на своемъ предположеніи¹⁾). Во всякомъ случаѣ этолійцы заключили сепаратный миръ съ Филиппомъ. Для римлянъ, не развязавшихъ еще съ антипаторовской войной, было выгодно воевать противъ Филиппа чужими

рукъ имъ поддѣлывемыхъ отрывковъ, а также по положению отрывка Птолемія X 41—47 подъ годомъ олимпійскихъ игръ, — въ этомъ отрывку у Ливія соответствуетъ разказъ о 207 годѣ,— мы кажется, что всетаки, даже оставшая въ стопонѣ Немей, у Ливія въ XXVII, 22—33 скорѣе нужно видѣть разказъ о 208, а не о 206 годѣ. Посольства въ эти годы переходили то къ Филиппу, то къ этолійцамъ вѣроятно не два только раза: у Птолемія въ рѣчи какого-то Фрасибрата (родосскаго, какъ думалъ *Hultsch*, — въ его изданіи къ X (5), 1, — впрочемъ безъ достаточнаго прочнаго основанія, см. F. A. Scott *Macedonien und Rom während des Hannib. Krieges*, Berlin 1873, p. 15) предъ этолійцами читается: об ўар ѹон тѣтотон оубі деутерон поюбумба прѣс ѿрдѣс перѣ тѣс еірчунс лбуюс.

(¹) Я думаю, что римляне постарались обезпечить Аеніны за собой, при тѣхъ, вѣроятно, неоднократныхъ навѣдненіяхъ въ Грецію, которыхъ вызывались неподвластностью этолійского союза. Ливій въ XXVII 35, 3 говорить, что въ Римѣ решено было, чтобы L. Manlius trans mare legatus iret vibrereque, quae res ibi gererentur; simul quod Olympiae Iudicium ea aestate futurum erat (смѣд. въ 208 г.), quod maximo coetu Graeciae celebraretur, ut, si tuto per hostem posset, adiret id concilium, ut, qui Siculi bello ibi profugi aut Tarentini cives relegati ab Hannibale essent, domos redirent scirentque sua omnia iis, quae ante bellum habuissent, reddere populum Romanum. Невѣдѣти, что дѣжалъ Манлій въ Греція, но вѣроятно, что они побывали и въ Аенінахъ и не изъ любопытства только quae res ibi gererentur. Еще: въ союзѣ этолійцевъ съ Римомъ 211 года въ числѣ приниженныхъ къ союзу на первомъ хѣстѣ называны, какъ мы видѣли, злѣцы. Я думаю, что такое предпочтеніе имъ дано потому, что они были за одно съ этолійцами. Въ мирномъ договорѣ съ Филиппомъ 206—4 г. этолійцевъ нетъ (см. ниже о причинахъ), а злѣцы называны съ римской стороны. Не обеспечила ли и ихъ Маслій въ 208 году на случай, если этолійцы пойдутъ на соглашеніе съ Филиппомъ?

руками и они, конечно, были крайне недовольны поступкомъ этого царя, пытались даже расторгнуть ихъ миръ съ Филиппомъ. Когда имъ это не удалось, они сами поспѣшили покончить войну съ Филиппомъ 205—4 г. Въ договорѣ рядомъ съ піонцами, Атталомъ, Плевратомъ, македонскимъ Навидомъ, зелѣцами и мессенцами съ римской стороны названы были и аѳиняне (этоты, какъ заключившіе отдѣльный миръ, не были упомянуты ни съ римской, ни съ македонской стороны). Итакъ съ 205-го года или на нѣсколько лѣтъ раньше Аѳинь уже опредѣленно перешли на сторону Рима. Одновременно упрочиваются дружественные отношенія Аѳинъ съ Атталомъ I, Птолемеемъ IV, Родосомъ, а также и съ Кратомъ. Наиболѣе искренно и безкорыстно относился къ Аѳинамъ Атталъ; онъ, можетъ быть, уже около 229 г. помогалъ при постройкѣ аѳинскихъ укрѣплений и постоянно покровительствовалъ умственнымъ и художественнымъ интересамъ Аѳинъ.

Этимъ оканчивается I глава книги, какъ мы видѣли, написанная въ значительной степени на основаніи однихъ эпиграфическихъ данныхъ.

Вторая глава— „205—150 года“ (цифра 150 обозначаетъ вѣроятно просто половину II вѣка, — слѣдующая глава начинается 146 годомъ). Миръ былъ непродолжительный. Филиппъ съ одной стороны и союзѣ съ Антіохомъ III сирійскимъ расчитывалъ подѣлить египетское царство, съ другой—началъ войну противъ Родоса и Пергама, нарушая уже этимъ договоръ 205—4 г. Этихъ событий авторъ не касается. Онъ переходитъ прямо къ II-й македонской войнѣ, открывшейся, такъ сказать, у аѳинскихъ воротъ. Наиболѣе обстоятельно онъ трактуетъ о первомъ годѣ войны (стр. 97—142) въ виду хронологическихъ затрудненій въ литературныхъ источникахъ. Читатели *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* отчасти знакомы съ этимъ первымъ годомъ, потому что статья о немъ С. А. Ж. была напечатана въ 11 и 12 книжкахъ журнала за 1894-й годъ. Я имѣлъ возможность прочитать ее при печатаніи моихъ „Дельф. эпигр. этюд. I—VI“ (1894/5), но тогда пришлось только кратко заявить, что „я считаю возможнымъ остаться при взглядѣ Ниссена“ (стр. 248), то-есть признать, что Ливій въ разказѣ о началѣ II-ой македонской войны соединилъ подъ 200-мъ годомъ въ XXXI книгѣ события 200 и 199 года, тогда какъ С. А. Жебелевъ и тогда и теперь видѣть у Ливія события только 200 года. Свое прежнее изложеніе онъ теперь въ однихъ пунктахъ сокращаетъ, въ другихъ су-

щественно дополняет эпиграфическими данными. Я отыщу въ хронологическомъ развищении автора только нѣкоторыя событія, главнымъ образомъ, касающіяся Аеній. Аттика въ первой половинѣ 200 года пришлось вынести четыре македонскихъ опустошения. Одно было въ январѣ при падѣніи Никанора, совпавшемъ съ посѣщеніемъ Аенія римскими послами, бѣхавшимъ съ дипломатическими порученіями въ Египетъ и Сирію, и Атталомъ, который предъ этимъ преслѣдовалъ возвращавшагося изъ Азіи (Каріи) Филиппа. Аеніяне торжественно встрѣтили гостей и въ отвѣтъ на прокламацію Аттала постановили объявить войну Филиппу; тогда же вѣроятно было въ принципѣ решено учредить въ честь Аттала особую флаву—Атталиду. Вторично Аттика была опустошена акарнанцами вмѣстѣ съ македонскимъ отрядомъ подъ начальствомъ Филокла въ концѣ марта или началѣ апрѣля. Въ первой половинѣ апрѣля прибылъ уже въ Аполлонію консулъ П. Сульпицій Гальба, которому поручена была македонская война, объявленная Филиппу въ срединѣ марта „за обиды и непріязненные дѣйствія по отношенію къ союзникамъ римского народа“. Аеніяне получили отъ консула помошь въ видѣ части флота подъ командой Центона, который вскорѣ разграбилъ занятую македонскимъ гарнизономъ Халкиду. Филиппъ, успѣвшій предъ тѣмъ, приблизительно въ срединѣ апрѣля, взять наконецъ Авидъ послѣ упорной осады, въ юнѣ въ отместку Центону быстрымъ маршемъ является подъ стѣнами Аеній; но ему не удается захватить городъ. и онъ ограничивается страшнымъ опустошениемъ окрестностей (3-е опустошеніе). Послѣ кратковременной поѣздки въ Аргост на ахейское собраніе онъ возвращается въ Аттику и вмѣстѣ съ своимъ префектомъ Филокломъ производить еще болѣе ужасное опустошеніе (4-ое) и удаляется на сѣверъ, въ Македопію. Тогда-то въ Аеніахъ рѣшили уничтожить всѣ слѣды памяти о македонскихъ царяхъ, отмѣнили обѣ македонскія филы, выскобили всюду имена македонскихъ царей и пр. Къ ближайшимъ днямъ въ концѣ юна относится посѣщеніе Аенія римскими адмиралами Апостіемъ и Атталомъ. Теперь прибылъ уже весь римскій флотъ и соединился съ пергамскимъ. Со стороны аеніянъ были оказаны союзникамъ *immodici honores*: осуществленъ проектъ о флотѣ Атталидѣ, учреждено жречество Аттала и тогда же вѣроятно посвященъ былъ „портикъ римлянца“ и введены игры 'Рома' (культъ Рима, если онъ вообще когда либо существовалъ отдельно, отосится не къ этому времени) и пр. Послѣ этого соединенный флотъ предпринимаетъ продолжительную экспедицію на острова згейского моря и от-

части на береговые пункты материка. Она оканчивается къ осеннему равноденствию 200 г., при чмъ Апостій возвращается въ Коркиру, гдѣ была стоянка римского флота, а Атталъ снова посѣщаетъ Аениы и остается тамъ до большихъ мистерій. Самъ Сульпицій сначала, быть можетъ по болѣзни, довольно долго бездѣйствовалъ, и за то время на области къ западу отъ собственной Македоніи предпринималъ набѣгъ только Апостій, еще до отплытія его на флотъ. Къ осени 200 г. относится вѣроятно походъ на македонскія провинціи самого Сульпиція. Преемникъ его, консулъ 199 г. П. Виллій прибыль не раньше средины лѣта 199 г., можетъ быть, даже осенью, и при немъ войны не подвинулась ни на шагъ: ему пришлось входить въ компромиссы съ бунтовавшими ветеранами, прибыль онъ поздно, а на смѣну ему консулъ 198 г. Т. Квинкцій Фламиній явился сравнительно рано.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ распределеніе событий у С. А. Жебелева, тогда какъ обычно прибытіе Сульпиція, согласно съ Лиціемъ, помѣщается только *autumno fere exacto* 200 г. и слѣд. всѣ дѣйствія римлянъ во время его командованія размѣщаются на конецъ осени 200 г., на ближайшую зиму и на весну и лѣто 199 года, а сообразно съ этимъ совершенно иначе распредѣляются и ближайшая предшествующія ей одновременные события собственно греко-македонскія. Авторъ въ концѣ концовъ называетъ свой взглядъ наиболѣе вѣроятнымъ для него и ждетъ окончательного решения отъ будущихъ находокъ, такъ или иначе относящихся къ 200 г.

Встрѣтивши этотъ взглядъ на события вторично въ печати, я отнесся къ разбору его съ большимъ вниманіемъ, чмъ въ 1895 году, но всю относящуюся сюда часть моей работы я не рѣшаюсь сообщить здѣсь. Пришлось прослѣдить тотъ путь, которымъ авторъ пришелъ къ своему взгляду, разобрать всѣ, какъ замѣченныи имъ, такъ и укрывшіиися отъ него, препятствія, встрѣчающіяся на этомъ пути. Въ результатѣ разборъ пятидесяти страницъ книги занялъ въ моей рукописи больше половины того мѣста, которое занимаетъ настоящая рецензія. Меня онъ привелъ къ убѣжденію, что можно согласиться только съ нѣкоторыми частными комбинаціями С. А. Жебелева, относительно же хронологического размѣщенія событий взглядъ его не можетъ быть принять, и обычный прежний взглядъ въ общихъ чертахъ заслуживаетъ безусловного предпочтенія и, на мой взглядъ, представляется единствено возможнымъ, если только мы не рѣшимся произвести радикальную ломку въ нашихъ источникахъ. Переправ-

зять Сульпіція изъ Італії на востокъ *весной* (а не *августом*), я думаю, невозможно. Конечно, и на пути тѣхъ, которые приходятъ къ обычному взгляду, попадаются нѣкоторыя препятствія, но сравнительно легко устранимыя. Обо всемъ этомъ подъ вліяніемъ интереса, возбужденного исследованіемъ С. А. Жебелева, хотѣлось бы поговорить въ видѣ отдельной статьи, однако съ одной стороны у меня нѣтъ подъ руками ни одной изъ повѣдѣшихъ работъ по римской хронологии, съ которыми всетаки нужно считаться, съ другой—сдѣланнія уже (только не опубликованныя) открыты въ Дельфахъ и въ Этоліи нѣроятно скоро приведутъ къ ясности въ нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ устройства этолійскаго союза, соприкасающихся съ даннымъ вопросомъ. Если, даже безъ всего послѣдняго, окажется, что дельфійскій архонтъ Мантій относится къ 200/199 г., какъ это сказано въ моихъ Дельф. эпиграф. этюд., а слѣдовательно и Дамокріть былъ этолійскимъ стратигомъ въ томъ же 200/199 г. (на два мѣсяца позднѣе), то данный спорный хронологический вопросъ въ десяти строкахъ можно решить съ большою очевидностью, чѣмъ теперь на десяткахъ страницъ. Въ сущности лично я уже теперь, послѣ сдѣланнаго пересмотра, въ этомъ решеніи не сомнѣваюсь.

Возвращаясь къ книгѣ, мы видимъ дальше разборъ дѣятельности консула 198 г. Т. Квинкція Фламиніна, главнымъ образомъ, на сколько она стоять въ связи съ Аейнами. Брать его Луцій Квинкцій, получивъ отъ него соответствующее распоряженіе, посыпаетъ лѣтомъ 198 г. изъ-подъ Коринфа пословъ на ахейское собраніе въ Сикіонѣ (а не въ Эгіи, слѣдовательно экстраординарное, по словамъ автора), чтобы склонить ахейцевъ къ войнѣ; тутъ среди представителей Македоніи, Пергама и Родоса были и аейнскіе¹⁾, которые не мало ораторствовали противъ Филиппа. Вѣроятно они были и на свиданіи Фламиніна съ Филиппомъ въ Накеѣ (Малійской) зимой 198—7 г., потому что въ отправленномъ послѣ свиданія посольствѣ въ Римъ называются и аейнскіе послы отъ тері Куртиободоровъ²⁾. Наконецъ, „допустимо, что аейняне были и на темпейской конференціи союзниковъ,

¹⁾ Въ наложениія начала стр. 152 неясность. Только что сказано, что Фламинінъ осаждалъ Элатею, а затѣмъ: „Фламинінъ, прежде чѣмъ приступить къ штурму Коринфа, хотѣлъ склонить на свою сторону ахейцевъ“. Подъ Элатеей была Титъ, а подъ Коринфеомъ—Луцій.

²⁾ Къ стр. 152 въ копцѣ: „два представителя отъ обѣихъ симполітій“, Аристенъ и Ксанофонтъ³⁾. Но оба они—отъ одной ахейской симполітіи (Pol. 18, I, 3), а этолійские называются ниже: Феней и „многіе другіе“ (=πλε(ος)).

предъ третиимъ свиданіемъ консула и цари, уже послѣ битвы при Киносекефалахъ, въ 197 году. Руководителемъ афинской политики уже десятокъ лѣтъ является все Кифисодоръ, хотя точное извѣстіе о немъ впервые собственно теперь. Авторъ подмѣчаетъ, что несмотря на политическую незначительность афинянъ при римлянахъ продолжаютъ выступать рядомъ съ крупными государствами, какъ Пергамъ, Родосъ, ахейцы, этолійцы. Когда у Фламинина произошли крупныя недоразумѣнія съ віотійцами зимой 197—6, онъ соглашается на переговоры только при посредничествѣ ахейцевъ и афинянъ¹). Въ 196 прибыло изъ Рима 10 полномочныхъ пословъ для мира съ Филиппомъ и устройства греческихъ дѣлъ. Авторъ разбираетъ традицію объ условіяхъ мира²) въ о наградахъ, особенно афинянамъ. Допускай неточности у Валерія Ациатскаго, но существу онъ ему довѣряетъ. Афинянамъ будто бы даны Лимнось, Имвросъ, Дилюсь, Сквросъ. А. С. Жебелевъ предлагаетъ еще ввести по макицкой рукописи въ текстъ списка у Ливія Наросъ, не замѣниши имъ Лимноса, какъ предлагалъ Клеръ. Оспованіе — въ энграffitiческихъ указанияхъ о принадлежности Нароса во 2-й половинѣ II вѣка Афинамъ. Но, разумѣется, Лимнось и Дилюсь названы Валеріемъ ошибочно: они были даны Афинамъ только въ 166 году, а въ 196 афинянамъ, по словамъ автора, можетъ быть, только просили ихъ. Обширный и интересный экскурсъ посвященъ тутъ (163—175) исторіи Лимноса съ 338 года по паднисанію и Фаларху, хотя для ближайшей цѣли автора достаточно и сказанного на 175-й стр., что во 2-ю македонскую войну этотъ островъ принадлежалъ Филиппу. На коринескомъ собраниі весной 196 г. афинскій посолъ разсыпался въ благодарностяхъ предъ Фламининомъ и Римомъ. Чрезъ годъ въ Коринѣ же послѣдовала прокламація Фламинина о свободѣ всѣхъ греческихъ государствъ. Гаранзона римскіе были выведены даже изъ „ключей Греціи“ (Димитріады, Халкіды и Акрокорінеа). Афинянамъ, сильные въ сущности только litteris verbisque, вышли послѣ этой войны, благодаря римской политикѣ Кифисодора, съ наиболѣшими выгодами. Когда вскорѣ въ Римѣ рѣшено было воевать

¹⁾ Къ стр. 154: „Заблужденіе віотійцевъ [они вдругъ издумали рабодонії] дѣлалось недолго: они знали, что будетъ съ ними, какъ только римляне удалятся въ Италию, и вотъ они рѣшили убить Врахмаза“ [македонского сторонника, только что выбранного въ віотархі]. Очевидно авторъ разумѣеть не всѣхъ віотійцевъ, а только прежнихъ римскихъ сторонниковъ?

²⁾ Показаніе Евтропія рядомъ съ Ливіемъ едва ли тутъ имѣть какое либо значеніе.

противъ Антіоха спірійского, а этолійцы склонялись на сторону по-слѣдніго, то Фламінінъ, прибывъ опять въ Грецію во главѣ посольства въ 192 г., дѣйствовалъ па этолійцевъ осенью того года чрезъ посредство асінніт, между прочимъ, *propter urbis dignitatem*. Но не помогло даже и личное появление Фламініна. Римлянамъ съ ахейцами пришлось воевать противъ этолійцевъ и Антіоха. Аеини были обеспечены ахейскимъ гарнизономъ въ 500 человѣкъ. Можетъ быть, вслѣдствіе этого, а также и подкупа со стороны Антіоха, въ Аеинахъ едва не вспыхнуло восстание сторонниковъ царя съ Аполлодоромъ во главѣ. Однако Фламінінъ былъ близко, и, по обвиненію Леонта¹⁾, Аполлодора присудили къ изгнанию. Съ этихъ поръ дружба съ Римомъ долго не нарушается. Пирей служитъ станцией для римского флота. Римляне иногда дѣлятся хлѣбомъ съ асінніями и союзниками. Аеиняне продолжаютъ выступать въ роли дипломатическихъ посредниковъ, именно въ 190 г. Ехедимъ съ товарищами отправляется къ легату П. Сципіона, брату его Луцію, хлопотать за этолійцевъ. Этого Ехедима кидаонійца изъ аристократической фамиліи авторъ ставить на одну линію съ Евріклидомъ, Микіономъ, Кифісодоромъ. Когда въ слѣдующемъ (189) году этолійцы снова начали войну до истечения перемірія, асінніе, на этотъ разъ съ родосцами, опять хлопочутъ за нихъ и предъ консуломъ М. Фульвіемъ Нобіліоромъ и въ сенатѣ. Глава ихъ посольства въ Римъ, Леонтъ Кихісіевъ эксонеецъ²⁾ „убѣдилъ сенатъ“ дать миръ этолійцамъ (къ этимъ событиямъ авторъ предположительно относить СЛА. II 424).

Въ 3-й македонской войнѣ асінніе готовы были дать римлянамъ все войско, весь флотъ и исполнить всѣ ихъ приказанія. Римляне предпочли взять у нихъ только 100.000 модіевъ пшеницы. За то въ 166 году, по паденіи Македоніи, Аеины опять извлекли для себя выгоды: имъ была отдана область разрушенного Аліарта (въ Віотії) и, какъ упомянуто выше, Лимносъ и Дилюсъ. Послѣдній погомъ былъ объявленъ портофранко³⁾. Присоединеніе новыхъ владѣній не обо-

¹⁾ Этотъ Леонтъ вѣроятно одно лицо съ упоминаемымъ ниже посломъ. Онъ вѣроятно былъ такъ же во главѣ римской партіи, какъ раньше Кифісодоръ и въ то-же время Ехедимъ. Въ свою очередь Аполлодоръ былъ вѣроятно не только дѣятелемъ антіоховской или анти-римской партіи, но и вообще національно-демократической.

²⁾ Соответствующее исправленіе текста Полівія и Лівія было предложено одновременно и авторомъ, въ одной изъ подготовительныхъ работъ, и Киргнеромъ.

³⁾ Римляне отказались отъ асінніского флота и войска. Очевидно игра не

шось безъ непрѣятностей для слабосильнаго государства. Экономическое положеніе было „не блестящее“, потому что расходы были большиe, а доходовъ мало; въ торговлѣ былъ застой вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, да и кромѣ того Шарей уже не могъ соперничать съ Родосомъ и Дилосомъ. Въ 156 г. аениане въ силу необходимости и вслѣдствіе бѣдности (*Raus.*) даже ограбили Оропъ. Сиконцы, разбиравшіе, по волѣ сената, оропское дѣло, присудили аенианъ уплатить оронцамъ 500 талантовъ штрафа, что, разумѣется, было не по силамъ городу. Тогда въ 155 г. прибыло въ Римъ знаменитое посланство изъ трехъ философовъ: Карнеада, Диогена и Критолая. Они силой убѣждения заставили (*Aelian.*) сенатъ уменьшить штрафъ до 100 тал. Аениане и того не уплатили, а по какому-то соглашенію даже поставили въ Оропъ гарнизонъ и взяли съ города заложниковъ. Между гарнизонными воинами и жителями возникли недоразумѣнія, и аениане пытались поработить жителей, что повело къ выселенію послѣднихъ и къ жалобѣ на аенианъ ахейцамъ, къ попыткѣ вмѣшательства послѣднихъ и окончательному разгрому Орона аенианами, какъ это видно изъ надписей (*IGS. I 44*¹⁾).

Послѣ обзора отношеній Аенинъ къ Риму²⁾ разбираются отно-

стона свѣтъ. Создавая портофранко на Дилосѣ, римляне подрывали могучій Родосъ, какъ правильно замѣчаетъ авторъ, а самая отдача Дилоса Аенианъ, я думаю, была просто временною заслонкой для Рима. Припомните, какою богатою римской торговью колонией является въ это время Дахъсъ.

¹⁾ Въ Оропской „исторіѣ“ всегда есть что-то неясное.

²⁾ Отношения аенианскія къ Риму представляются мало симпатичными въ смыслѣ слишкомъ раннаго занесенія у Рима. Но они вы演化лись, можетъ быть, необходимостью. Съ тѣхъ поръ, какъ Римъ сталъ во главѣ всей Италии и Сициліи съ греческими колоніями, грекамъ оставалось или объединиться всѣмъ и соединяться съ Македоніей въ виду грозы съ запада, или искать ностальгію въ мирныхъ договорныхъ отношеніяхъ съ Римомъ, какъ поступили Аенины въ концѣ III вѣка. Первое было невозможно при греческихъ представленіяхъ о свободѣ и при соперничествѣ двухъ большихъ символій того времени и при отношеніяхъ македонскихъ царей къ грекамъ. Но отчасти по тѣмъ же причинамъ не состоялось и второе. Пришлось вести борьбу противъ Рима группами, при чёмъ почти всегда одна группа встрѣчала рядомъ съ римлянами или за нихъ симпатией другую греческую же группу. Подчиненіе Македоніи въ Греціи такимъ образомъ было весьма облегчено для Рима, а страва за времена ст. I-й македонской войны до паденія Коринѳа безспорно ослабила и потеряла навсегда энергію и возможность вынуждивши въ национальныхъ дѣлахъ. Если бы примѣръ Аенинъ этого времени встрѣтилъ подражаніе, то мы не видѣли бы такого упадка, до которого дошла Греція за эти годы.

шения ихъ къ другимъ государствамъ, при чмъ авторъ опять переходитъ па почву почти исключительно энтиграфическую. Дружба съ Египтомъ продолжается и при Итолемеѣ V Епианѣ и при VI Физонаторѣ. О хорошихъ отношеніяхъ къ преемнику Аттала пергамскаго, Евмену II, говорить портикъ его имени у южнаго склона Акрополя и почетная статуя пергамскихъ царей. Всѣ братья Евмена, въ томъ числѣ и его преемникъ, Атталь II, обнаруживаютъ большой интересъ къ Аениамъ, и подобно египетскимъ царямъ посыщаются знаменитый городъ. Нѣкоторые изъ нихъ (можетъ быть, и всѣ) получаютъ аениское гражданство. Иногда они живутъ въ Аениахъ, слушая лекціи философовъ, иногда участвуютъ въ аенискихъ состязаніяхъ. Атталь II сооружаетъ огромный портикъ для цѣлей торговли, „торговые ряды“, служившіе украшеніемъ Аени. Граждане, конечно, стараются отплатить своимъ благодѣтелямъ имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами, главнымъ образомъ *Litteris verbisque*, которымъ я сохранились отчасти въ надписяхъ того времени. Одинъ изъ самыхъ новѣйшихъ по времени открытій документовъ, декретъ аениского общества діонисовскихъ артистовъ, къ сожалѣнію найденный въ печальномъ видѣ, сообщаетъ не мало подробностей о вниманіи даже Ариарао V (163—130) кappадокійскаго и его супруги Нисы къ художественной жизни Аени¹). Его щедрость въ расположеніе къ городу едва ли подлежать сомнѣнію въ виду нумизматическихъ указаний. Есть нѣкоторыя известія подобнаго характера и о сирійскихъ царяхъ—о Селевкѣ Никаторѣ, объ Антіохѣ IV Епианѣ, ко-

¹) Документъ былъ изданъ пока безъ транскрипціи и только съ нѣкоторыми дополненіями Perdrizet и Colin'a въ *Bull. de corr. hell.* XIX р. 541 в. С. А. Жебелевъ даетъ его въ транскрипціи, отчасти повторяя французскія дополненія, отчасти вводя свои. Въ стр. 5 фр. лоп. „διασφη[γ]ήγειν φύφις[ματος]“ сомнительное и второе слово въ виду отсутствія членка, должно быть, глагольная форма. Нѣкоторыя оставленные въ иакоуклахъ остатки словъ (8—16) отчасти могутъ быть также транскрибированы, но эти остатки такъ жалки, что все равно мало говорять о содержаніи. Въ стр. 12 рѣчъ вѣроятно о просыбѣ, если дополнять παρίκαλεσ.. Въ 16 —, можетъ быть, о иссольствѣ: καὶ ἐξαπέστειλ... и т. п. Въ 35 υπερέτην только опечатка. Въ 36, конечно, скорѣе стефачубъ или стефачубас, чѣмъ „ο[τέ]φα[γ]ου?“ Въ 42 εἰ δὲ μή, ζητιοῦν тонъ μὴ πεποιη[χ]ότα, я думаю, несомнѣнно. Въ 43 случайный недосмотръ καὶ ἐνιαυτόν вѣсто КАТ копія. Въ 64 [πτρὰ τῆς εἰκόνος] С. А. Жебелева явилось вѣроятно случайно вѣсто французскаго тѣ; εἰκόνας, которое лучше даже, чѣмъ тѣу εἰκόνα. Отъ дальнѣйшихъ возваніеній лучше отказаться до точной копіи (на коніи въ В. С. Н., особенно въ „Nouvelles et согревоидписсе“, полагаться не всегда можно).

торый давалъ Афинамъ деньги на продолжение постройки храма Зонса олимпийскаго.

Среди гражданъ по прежнему находятся заботящіеся о нуждахъ города. Система добровольныхъ взносовъ (*επιδόσεις*) продолжается. Въ одномъ спискѣ таковыхъ (СIA. II 988, около 180 г.), считая только достаточно сохранившіяся имена отдельныхъ жертвователей, можно насчитать болѣе 150 гражданъ; многие изъ нихъ жертвуютъ и за своихъ близкихъ родныхъ. Попадаются среди жертвователей и иностранцы изъ разныхъ мѣстностей. Пожертвованія дѣлаются однако въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ лѣтъ 50 назадъ: тогда были поставлены границы отъ 50 до 200 драхмъ, здѣсь встрѣчаются сумма только отъ 5 до 30. Въ половинѣ II вѣка на такія пожертвованія было построено новый театръ въ Пиреѣ.

Въ третьей главѣ—„146—31 годы“—авторъ не рѣшаетъ вопроса, обратилась ли въ 146 году Греція въ римскую провинцію формально, и, отлагая разсужденіе о иеремѣахъ въ афинскомъ государственномъ строѣ до послѣдней главы, приступаетъ прямо къ изложению фактовъ.

Первые 57 лѣтъ почти неизвѣсты. Отмѣчаются за это время только два восстанія рабовъ, работавшихъ въ серебряныхъ лаврійскихъ рудникахъ: одно незначительное около 134—133, другое, сопровождавшееся занятіемъ Суїской цитадели и продолжительными опустошеніями, въ 104—103 или годомъ позднѣе. Объясняются они упадкомъ добычи серебра и цѣнности рабовъ и ухудшившимся отъ этого обращеніемъ съ рабами.

Къ тому же времени относится декрѣтъ въ честь іудейскаго первосвященника Иоанна Ирканы, датированный архонтомъ Агаюкломъ и говорящій о дружественныхъ сношеніяхъ Аѳинъ съ Іudei. Въ датировкѣ Агаюкла и документа ученые расходились почти на 100 лѣтъ (отъ 132—129 до 47—40 года), но авторъ присоединяется къ Омоляю, который по дилосскимъ надписямъ отнесъ Агаюкла къ 106—105 г., то-есть, послѣднему году правленія Ирканы *перваго*¹⁾.

¹⁾ Эта датировка (стр. 220 сл., ср. 299, 301) вытѣчаетъ общесъ подтверждение въ появившемся уже во выходѣ книги С. А. Жебелева *послѣднемъ выпускѣ Bull. de corr. hell.* XXI (1897). На стр. 600 *Colin* сообщается, что по исподианнымъ еще дельфійскимъ надписямъ Агаюклъ соотносится дельфійскому архонту Ксенократу Агисидею, а послѣднаго (изѣстнаго только изъ СIA. II 550) и (въ Дельф. ан. I—VI р. 239, см. прим. 286) отнесенъ уже къ IX—XII жреческимъ эпохамъ, то-есть, ко времени не раньше послѣднихъ десятилѣтій II вѣка

Наконецъ приблизительно къ тому же времени относится и декретъ о почестяхъ египетскому Птоломею VIII Ласиру¹).

Большая часть III главы (стр. 222—264) отведена первой войнѣ римлянъ съ Миерадатомъ Евнаторомъ, для которой мы имеемъ цѣлый рядъ историковъ. Стоявшіе болѣе ста лѣтъ на сторонѣ Рима аеншияне вдругъ отпадаютъ отъ него и переходятъ на сторону понтійскаго царя. Этотъ „послѣдний взрывъ демагогизма и послѣдній подъемъ национального чувства“ авторъ объясняетъ тѣмъ, что греки въ послѣ 146 года не переставали мечтать объ утраченной свободѣ, только не надѣялись на свои силы для восстания противъ Рима (быть въ ахейской Димѣ—примѣръ такого настроения). Аенилии могли болѣе другихъ грековъ чувствовать перемѣну положенія, а тутъ представлялся такой могучій и надежный союзникъ въ лицѣ Миерадата, самое имя которого иногда пугало римлянъ.

Дружественные связи Аениль съ фамиліей Миерадатовъ существовали еще съ IV вѣка. Авторъ ссылается на постановку статуи Платона въ академіи Миерадатомъ I, сыномъ Родовата или Оронтовата, и на взамышленыя услуги аенилии и сына его, возмущившагося противъ Артаксерса II фригійского сатрапа Аріоварзана²). Миерадатъ III Филопаторъ и Филадельфъ Евергеть (169—121?) оставили память о своихъ отношеніяхъ къ Аениламъ своими ділоскими приношеніями богамъ³). Есть на Ділосѣ и вѣсколько посвященій и въ честь самого

и не позже первыхъ 10—15 лѣтъ I; его жреческая эпоха точно еще неизвѣстна. То же самое говорятъ Птолемеи въ *N. Jahrb.* 149 (1894) р. 674.

¹) Въ датѣ его правлѣнія, повидимому, дѣлѣ опечатки: „117—118 и 88—91“ вѣкотио вѣдѣто 117—108 и 88—81. Новой книгой *M. L. Strack Die Dynastie der Ptolemäer* (Berlin 1897) С. А. Жебелевъ еще не пользовался. Strack p. 185 въставилъ этого Птоломея на 115 (или 116) — 108—107 и 88—81.

²) Къ стр. 227 сл.: Здѣсь, какъ и вообще. С. А. Жебелевъ пользуется первымъ (французскимъ, 1890 г.) изданіемъ книги Т. Рейнака о Миерадатѣ Евнаторѣ, хотя и немецкій переводъ Götz'a (1895) былъ въ его распоряженіи (см. напримѣръ стр. 235¹). Въ пѣменномъ изданіи первая глава, необходимая здѣсь для С. А. Жебелева, по собственному заявленію Рейнака (р. 1¹), является въ соперничество новой, самостоятельной обработкѣ. Да и *Ed. Meyer* въ *Gesch. des Königreichs Pontos* р. 84¹ также не находилъ доказательствъ, что этотъ Аріоварзанъ сынъ названнаго Миерадата.

³) Почему авторъ этого Миерадата считаетъ III (=Reinach), а ближайшаго послѣдующаго, то-есть, Евнатора или Великаго,—VI (=Ed. Meyer)? Ср. стр. 228, 227, 230. Ср. къ *Revue Numism.* 1897 № 3-й въ статьѣ Т. Рейнака о понтійскомъ Миерадатѣ IV (150?—121).

Многада VI Евпатора и его приближенныхъ, и отъ его именемъ, —
она относятся ко времени еще до союза его съ Аединами.

Начало союза было положено во время пребывания у Миорадата аениского „посла“, перипатетика Аениона, осенью 89 года. „Зимой 88 года“ онъ вернулся въ Аении ¹⁾). Авторъ подробно разказываетъ о прибытии Аениона, о встречѣ его, о его рѣчи, объ избраниіи его „военнымъ стратигомъ“, о „провозглашеніи“ имъ себя тиранномъ и о самомъ времени тираннія, которая, по традиції, не только не уступала знаменитой тиранніи тѣу триахонта, но была даже, пожалуй, ужаснѣе ²⁾). Рассказъ подробностей ³⁾) необходимъ для автора потому, что

¹⁾ На стр. 231 авторъ говорить о зимѣ 88 г. Извѣ привѣчанія ясно, что разумѣется зима 88—87 г., такъ какъ сказано, что „зобѣды Миерадата въ Переадицѣ Азіи одержаны еще лѣтомъ 88; осеню этого года Аенионъ могъ отправляться къ Миерадату, а въ концѣ его вернуться въ Аенинъ“. Цитируется *Beckhardt Chronologie der Mithrad. Kriege*, который посольство Аениона ставить между зимой 89—88 и зимой 88—87 г. Но дальше С. А. Жебелевъ вводѣ называетъ зиму 89—88 года: стр. 286 прибытие Аениона „зимой съ 89 на 88 г., 237—тиранія Ае.“ самое большое полгода, съ зимы 89—88, когда они прибыли въ Аенинъ, до лѣта 88 г., когда началась тираниія Аристотія; 238—отпаденіе Аенинъ „въ началѣ 88 г.“; 921—рѣчь Аениона по возвращеніемъ отнесена „къ концу 89 или, вѣрѣте, въ началу 88 года (аттическій годъ будеть и въ томъ и въ другомъ случаѣ 88)“ [авторъ вѣроятно хотѣлъ сказать адѣль обѣ аенинскому архонтатѣ—Од. 172, 4—89—88]; на конецъ, 320 стр. продолжительность аенинской революціи—два года съ небольшимъ“, „съ начала 88 до 1-го марта 86 г.“. Но зимы неизвѣ особенно наставлять (стр. 231) на основаніи болѣ ҳамшос ёюхлубе: Последній,—Reinach p. 394 вѣмъ. изд. переводитъ der Sturm. По ходу событий, конечно, скопѣ дѣло было осенью или зимой.

²⁾ Впрочемъ вся традиція о тираниі Аєпіоніа и Аристоктіона представляется очень преувеличеною. Возможно, что при иныхъ окружающихъ обстоятельствахъ рѣчь была бы не о тираниі, а дѣйствительно о возстановленіи демократіи.

³⁾ Процущена одна важна замітка Псисидонія: Аеніонці по зборах їх стра-
тили соргатостісъєв єасутѣ тойс їллюс ѿрдоутас, ѿн єбоуїсто ѿпофаїшъ тѣ ѿнѹшта. На
нее недостаточно обращено внимания и въ IV гл. (см. ниже). Не передавая по-
дробностей изложения автора, остановимся только на двухъ-трехъ частностихъ.
На стр. 231: „Въ городѣ, въ святилищѣ Діониса, приносились жертвы по случаю
прибытія Аеніонія. Глашатамъ торжественно объявляли о заключеніи договора
между Аеніонами и почитѣйскимъ царемъ“. Это по Псисидонію (*Atticen.* V 212): *ἐν δὲ*
τῷ τεμένει τῶν τεχνιῶν θυσίαι τε ἐπετελοῦτο καὶ μετὰ κύρος προαναγγέλλεται
*επούαι. Ζδέσι τέρμας; діонісовськихъ артистовъ отожествляется съ тѣрмосомъ діо-
ниса Меліномена съ ссылкой на Мильхгѣфера (1893 г.). Тожество признаиваютъ и
Тѣнпера (*Att. Geneal.* p. 192 а.,—онъ указываетъ, что синклона въ Ваксису было
того же мѣсяція).—Откуда „заключеніе договора“? Конечно, не изъ стопува, ибо
тому что предъ этимъ только что артисты приглашали Аеніоніона єспѣ тѣу хогнї.*

онъ, вопреки мнѣнію большинства о тожествѣ Аеніоніа у Посидонія (у Аеніея) съ Аристіономъ другихъ писателей, настаиваетъ на различіи того и другаго тиранна, становясь вмѣстѣ съ Вилькеномъ на сторону мнѣпія Низе. Отъ Вилькена, да пожалуй, и отъ Низе, онъ отличается только признаніемъ нѣсколько большей продолжительности власти Аеніоніа— „самое большое полгода“,—такъ какъ возвращеніе его отъ Мирадата ставить на зиму 89—88 г.¹⁾ С. А. Жебелевъ, призналъ истиннымъ мнѣпіе Низе, большую частью повторяетъ и его же доказательства или соображенія, по которымъ нельзя признать Аеніоніона п Аристіона за одно лицо²⁾). Но въ сущности важнѣе ихъ его

естіаі хай таіс кері тауту аўхъд; та хай скондаіс. Интересны пѣкоторыя параллели изъ одного декрета аеніонскихъ ліонісовскихъ архістовъ очень близкаго времени (СІЛ. II 628, по С. А. Жебелеву 80—76 г., см. стр. 263): стр. 8 Ηύειν хай спѣвѣдіен, 10 скондаіс хай паканас єпісевлѣі, стр. 19 καλларѣас — таіс — скондаіс хай єпіхъдес і хай паканас— єпітѣллес, 40 єхалліртес таіс θесіс хай таіс καтріос скондаіс єпітѣллес, упоминается и (едевскій?) τέμαнос тѣн тэхунтамъ. Можетъ быть, иль прѣстарѣфіонъ? Но оно вѣроятно обозначаетъ только сакральную подробность, соотвѣтствующую εўхал приглашенію. У Аристофана (Рас. 433 въ.) Тригей, можно сказать, тоже хиррѣті, говоря: скондаі скондѣ | εўфѣміеіте εўфѣміеіте. | спѣвѣдіес εўхъдмѣса тѣн νѹн ѡмѣрау | "Εлл҃енів δрѣаі πакіс коллѡн κаѣзѣдѡн. Примѣнительно къ обстоятельствамъ чѣтко подобное провозглашалъ вѣроятно въ глашатай техниковъ по случаю прибытія „вѣстника нового Діоніса“ (ср. у Arist. Ibid. 442 ѿ Δіоніс, δнac),—у техниковъ несомнѣнно было всегда на готовѣ много поддающихся формулъ. Но о заключеніи договора тутъ наѣдно прямо не говорилось. Только на другой день Аеніоніопъ говорить первую рѣчу предъ народомъ и не столько прѣглашаетъ на сторону Мирадата, сколько хъ возвестапленію независимой отъ Рима демократіи. Сократъ съ Мирадатомъ разнился не только отпаденію отъ Рима, а прямо переходу на сторону врага. Говорить о немъ публично было неудобно, пока нѣть вѣлики Мирадатовской помощи. Самъ Аеніоніопъ и погомъ, по словамъ Посидонія, тѣ Ромаіонъ фронеіи проскоеіето. Низе думаетъ даже, что формальный союзъ съ Мирадатомъ состоялся только вѣтомъ 88 г., уже по падежіи Аеніоніона, вслѣдъ за прибытіемъ Аристіона и Архелая съ понтийскимъ войскомъ—стр. 282: огромное количество денегъ пришлось прятать въ колоды—ω; хай фрѣата плѣрѣб-са: πлѣіона.—Еще см. ниже, по поводу IV главы.

¹⁾ При различеніи тиранновъ, кажется, лучше сокращать власть Аеніоніона. Низе (*Rh. Mus.* 42 р. 578) даетъ на нее только einige Monate des Sommers 88, то-есть, слѣд., прибытие Архелая и Аристіона ставить подъ осень 88. Вилькена (у Pauly-Wissowa), какъ указано у С. А. Жебелева, — только нѣсколько недѣль. Разумѣется, тутъ все зависитъ отъ связей аеніонскихъ событий съ прочими и отъ хронологіи послѣднихъ, которой авторъ не касается специально.

²⁾ При многихъ чертахъ различія между Аеніономъ и Аристіономъ, и Низе и С. А. Жебелевъ усматриваютъ почти одно только сходство между пими, однако но вполнѣ согласно другъ съ другомъ: по Низе это—die Verfolgung der Freunde

собственное соображение, по которому оказывается, что Посидоній, который одинъ только и сообщаетъ намъ объ Аенионѣ, говорилъ въ своей исторіи также и о тираннѣ Аристонѣ по поводу осада Аоніи Суллой. Это именно должно сдѣлывать изъ цитаты у Свідь в. в. ү-фурісфу, приводимый подъ именемъ Полівія: С. А. Жебелевъ въ одной изъ подготовительныхъ работъ доказываетъ, что невозможное тутъ имя Полубіос нужно замѣнить чрезъ Посайдоніос¹). Итакъ, полагаетъ авторъ, съ начала 88 года до лѣта того же года правиль Аениони Аристонъ, а затѣмъ прибыль съ Архелаемъ, вождемъ Мирадата, Аенионъ, къ которому и перешла власть на время до взятія города Суллой, то-есть, до 1-го марта, или, по исправленному календарю, 21-го февраля 86 года. За это послѣднее время въ Аениахъ даже монета чеканилась съ мирадатовскими символами,—за полный годъ имѣются монеты съ именами 'Аристону-Філлу и за нѣсколько мѣсяцевъ съ фасіла(б); Мирадатъ-'Аристону; первую серію относятъ къ полному аттическому году 88—87, вторую къ части 87—86, что и служить однимъ изъ хронологическихъ основацій.

О дѣйствіяхъ Суллы въ Греціи съ весны 87 года говорится опять довольно подробно, но главнымъ образомъ только въ связи съ осадой Аении и Пирая; прочіе походы только вкратцѣ затрагиваются, такъ что для болѣе яснаго представленія хода событий приходится обращаться къ источникамъ или другимъ изслѣдованіямъ²). Послѣдовав-

der Röher und Feinde der Demokratie, по С. А. Жебелеву — «они оба преслѣдуютъ сторонниковъ римской партіи, оба они враги демократіи». Иправъ тутъ, думаю, Ниже, такъ какъ эти тираны оправились на Ѳілос, на бою бѣро; ՚тъ тобѣ бѣро тѣ тараҳдѣс, имѣмъ за собой Мирадата и воевавши противъ поддерживаемыхъ Римомъ олигарховъ.

¹) Доказательство изложено въ *Журнале Министерства Народного Просвещенія* 1897, IX, стр. 138—136. Лучше, можетъ быть, только объяснить Полубіосъ извъ Посайдоніосъ; не палеографически, а просто тѣмъ, что цитаты изъ Полівія уже слишкомъ часто попадаются у Свідь (этимъ же вѣроятно объясняются и цитаты изъ Аппіава, Діонасаі Аликарнасскаго, Іоанна Антіохійскаго и др. также подъ именемъ Полівія). Ошибка могла произойти или отъ одной невнимательности, или была тинъ сказать *Verachlirung* какого нибудь малослѣдущаго спрашщика. Иной путь происхожденія ошибки—подъ влияніемъ заглавія сочиненія Посидонія, то-есть если, напримѣръ, въ источникахъ стояло: Посайдоніос ів тѣ історія тѣ матѣ Полубіосъ (или даже ів тої матѣ Полубіосъ). Можетъ быть, идея С. А. Жебелева оказалась бы подозрѣна, еслибы ее примѣнить къ иѣко-ториимъ другимъ Polybiata (и не только къ несомнѣнныи спругіа) у Свідь.

²) Напримѣръ, на стр. 240 отрывочно говорится о дѣйствіяхъ противъ Архелая чьего-то легата Бруттія Суры [легата тогдашняго правителя Македоніи Г.

тельность главныхъ дѣйствій представляется слѣдующею. По взятіи города Аеинъ Сулла оставляетъ часть войска осаждать Акрополь, въ которомъ заперся Аристонъ, а самъ спѣшить на Пирей; покончивъ съ Пиреемъ довольно скоро, идетъ въ Біотію и разбиваетъ Архелая у Хероніи; пе имѣя флота, а слѣд. и возможности преслѣдовывать понтийцевъ, останавливается на время въ Фивахъ, возвращается въ Аеинъ послѣ сдачи Акрополя для разслѣдованія виновныхъ и расправы съ аристоницами; далѣе слѣдуетъ маршъ на сѣверъ, лѣтомъ 86 г., на встречу новому консулу Л. Валерію Флакку, избранному въ Римѣ враждебною Суллѣ партіей и шедшему отчасти противъ самого Суллы; столкновеніе между враждебными римскими вождями однако не произошло¹⁾; Сулла вернулся изъ Фессалии въ Біотію и при Орхоненѣ одержалъ рѣшительную победу надъ соединенными силами Архелая и только что прибывшаго Дорилая. Дѣйствія Суллы въ Азіи авторъ не разбираетъ и переходитъ къ посѣщенію Аеинъ Суллой уже на обратномъ пути изъ Азіи, вѣроятно, въ сентябрѣ—октябрѣ 84 года.

Еще до взятія Аеинъ окрестности ихъ потерпѣли ужасное опустошеніе: для осадныхъ работъ и сооруженій были уничтожены рощи Ликея и Академіи и разобраны остатки „длинныхъ стѣнъ“, этихъ „погъ“ города, когда-то соединявшихъ его съ Пиреемъ; разоренъ былъ отчасти и Елевсинъ. При взятіи Аеинъ была безпощадная рѣзня жителей и грабежъ города, который прекратился, говорять, только вслѣдствіе заступничества римскихъ сенаторовъ и консуловъ изгнавшихъ римской партіи (между прочимъ Мидія и Каллифона), бывшихъ въ лагерѣ Суллы. Сулла простилъ „немногихъ ради многихъ, живыхъ ради умершихъ“²⁾,—подобныя изреченія историки впрочемъ любили повторять при разказѣ о всякой пощадѣ Аеинъ. Можетъ быть, для дальнѣйшей расправы было неудобное время, или не было въ ней и необходимости. Пирей былъ разоренъ и сожженъ. По сдачѣ

Сентія Сатурнина]. На 241 позваны два легата Суллы (Л. Гортеній и Мунатій), а наиболѣе, повидимому, энергичный и несомнѣнно талантливѣйший (Л. Лицилій Лукудъ) упомянуть только на 246. Есть и другія неясности. Авторъ впрочемъ здѣсь по намѣрѣ очевидно перерѣшать хронологическихъ вопросовъ всей I македонской войны самостотельно.

¹⁾ Флаккъ самъ не расчитывалъ на преданность своего войска и предпочелъ идти къ переправѣ въ Азію, а Сулла получилъ вѣсти о прибытии понтийскихъ подкрайненій подъ командой Дорилая.

²⁾ „Опь вспоминать здѣсь съ похвалой о прежнихъ величияхъ—έγκωμιον тѣ тѣхъ падающу Αθηναῖον ὀπειτκόν (Plutarch.). Не прочитать ли онъ какоенибудь стихотвореніе? У Аппіана (гр. 103) стоять διεξελθόν вмѣсто ὀπειτκόν.

акрополя Аристотель и все болѣе или менѣе близкіе его сотрудники и соучастники, были казнены. Изъ акропольской казны Суллой было забрано вѣроятно все, что тамъ нашлось: до 40 фунтовъ (литрас) золота и 600 серебра. Законы онъ далъ „приблизительно тѣ же, чѣмъ прежде были опредѣлены римлянами“ (Appian.).

На пути Суллы изъ Азіи очевидно уже состоялось полное примиреніе его съ ассирийцами. Вѣроятно уже успѣли вернуться всѣ римскіе сторонники, изгнанные при тиранахъ, и порядки пошли угодные Риму. Сулла принялъ посвященіе въ елевсинскія мистеріи. Ассирии учредили въ честь его праздникъ (Хулла), и поставили статую. Однако на память объ Ассирияхъ Суллой и тутъ было прихвачено нѣсколько художественныхъ произведеній въ колонны, предназначавшіяся для храма Зевса Олимпійскаго.

Всѣй Греціи войной былъ нанесенъ сильный ударъ. Святилища Олимпіи, Епидавра и Дельфъ понеслились своими драгоценностями, понадобившимися Суллѣ, потому что онъ въ сущности велъ войну на свой страхъ, не имѣя помощи изъ Рима, а скорѣе встрѣчая препятствія. Не обошлось и безъ поборовъ съ жителей. Особенно, конечно, пострадали области сѣверо-восточныя, служившія театромъ войны: Фессалія, Біотія и всего болѣе Аттика. Нирей обратился въ груду развалинъ, надолго остался деревней и потерялъ торговое значеніе; Афини были раззорены. Государство обѣдило. Прекратили чеканку серебряной монеты, ограничившись бронзовой.

Ближайшее время было не легче. Усилились законные и незаконные поборы. Г. Верресь, легатъ киликійскаго пропретора Т. Корнелія Долабелла, въ 80 году увезъ, по Цицерону, grande aurum pondus изъ храма Аѳинъ¹⁾. Ираты, господствовавшіе на Средиземномъ морѣ, преиятствовали торговымъ спопеченіямъ. Когда Помпей, направляясь на востокъ для борьбы съ ними, заѣжалъ въ Аочны, граждане, конечно, торжественно встрѣчали его и провожали, но послать на помощь флоту могли только безшалубныя военные лодки и то вѣроятно въ ничтожномъ количествѣ. Въ честь „чапарха“, то-естъ адмирала этой эскадры вырѣзана надпись CIA. II 1359.

Ассирии начали торговатъ своимъ правомъ гражданства. Но оно уже не имѣло прежней цѣны и доходовъ большихъ не приносило, а превращало только ассирийцѣ въ nationum colluvies. Иной иностранецъ

¹⁾ Едва ли однако и было тамъ много золота. Цицеронъ, конечно, преувеличиваетъ.

въроятно даже сторонился от чести попасть въ число такихъ аенинскихъ гражданъ. „Благодѣтелей“ среди самихъ гражданъ было уже трудно найти. Аеняне ищутъ ихъ среди владѣтельныхъ или влѣтельныхъ иностранцевъ и иногда находятъ. Каппадокійскій царь Аріоварзапъ II (63—62—52—51) возстановляетъ имъ сожженный въ миорадатовскую войну одеонъ¹⁾). Ему и за какія то услуги его преемнику Аріоварзапу III, дается титулъ благодѣтелей и ставится статуи. Знаменитый дружбой съ Цицерономъ Т. Помпоній Аттиѣ помо-галь Аеняна въ покупкой хлѣба и денежнымиссудами, не бера (будто бы) большихъ процентовъ, не требуя скорой уплаты; проведя въ Ленинахъ лѣтъ двадцать (едва ли безъ нерывовъ), онъ, конечно, имѣлъ случай оказывать тамъ и другіе услуги; провожая его, говорятъ, со слезами²⁾). Помпей, возвращаясь послѣ III миорадатовской войны изъ Азіи, далъ городу „на починку“ 50 талантовъ; на эти деньги, можетъ быть, и была построена пирейская дигма, то-есть биржа, какъ называетъ Ульрихсъ³⁾ (въ одной надписи говорится: той бѣгущаго, той анатефѣтоса отъ Магуоса).

Къ первому же вѣку относится въроятно постройка Андроникомъ Кирристомъ сохранившейся до нашихъ дней такъ называемой „башня вѣтровъ“ въ Ленинахъ. Въ срединѣ I вѣка Августъ Клавдій Пульхръ началъ постройку малыхъ пропилей въ Елевсинѣ.

¹⁾ Къ стр. 268: и въ приведенномъ текстѣ CIA. III 541 процитировано при печатаніи ими Мешалиппа: Στάλλοι Γαῖοι οἰοὶ καὶ Μενάλιππος ἐστῶν εὐεργέτην.

²⁾ Авторъ подъ вліяніемъ Непота, кажется, представляетъ отношенія Аттика къ Аенямъ въ череатурѣ розовомъ спѣтѣ. Иначе смотрѣть на греческіе генеалогіи Аттика, напримѣръ, *Boissier Ciceron et ses amis*, заканчивающій характеристику его словами: „Единственный похвала, которую онъ вполнѣ заслужилъ и которую такъ любезно произносить его бiографъ, состоитъ въ томъ, что онъ былъ самымъ ловкимъ человѣкомъ своего времени; но мы знаемъ, что есть похвалы и получше этой“ (стр. 138 русскаго перевода). Мое общее впечатлѣніе также не вполнѣ благопріятно для Аттика. Ему съ извѣстными свободными ка-питаломъ было выгодно жить въ Греціи въ пору экономического кризиса послѣ миорадатовской войны. Умѣренные проценты и сидеременная уплата долга былиуть интересахъ самого Аттика, извѣстного своей осторожностью: въ то время легко возможныхъ случасевъ банкротства онъ опасался, соблазнившись большимъ тѣкосъ, чѣмъ тѣ ἀρχαὶ ἀποβλεῖν. Онъ зналъ это въроятно и по опыту (приходилось лѣдь ему отправляться въ сикионскій походъ). Хорошъ онъ былъ въроятно только въ сравненіи съ Верресомъ и компаніей, и потому можно поверить, что въ 51 году о немъ почти на каждомъ шагу спрашивались какъ о нужномъ человѣкѣ.

³⁾ *Ulrichs. Reisen und Forschungen*, II, p. 179.

Въ борьбѣ между Цезаремъ и Помпеемъ Аениы хотѣли было сблюсти нейтралитетъ, но когда это оказалось невозможнымъ, перешли на сторону Помпея, пользуясьшагося на востокѣ послѣ войны съ Мнерацатомъ большими симпатіями и явившагося для грековъ представителемъ „законнаго порядка“, а для Аеній и великимъ благодѣтелемъ¹). Но ка борьба была не решена, аенияне стойко держались Помпея; они починали городъ на столько, что не сдавались осаждавшему ихъ Калепу, легату Цезаря, но послѣ Фарсальской битвы, конечно, перешли на сторону побѣдителя. Въ честь его позднѣе была поставлена статуя, и на его средства построены потомъ „ворота рынка, существующія и теперь. Послѣ его смерти однако республиканскія настроенные аенияне самопазируютъ Brutу и Кассію и ставятъ ихъ статуи подаѣтъ статуй своимъ торонихъ². Въ борьбѣ ихъ съ Октавіаномъ и Антоніемъ обошлось безъ участія Аений, а послѣ битвы при Филиппахъ уже Антоній, заѣхавъ въ Аении, посвящается въ мастеріи и встрѣчаетъ, конечно, блестящій приемъ. Въ 41 году, находясь въ Ефесѣ, онъ принимаетъ между прочимъ и аениское посольство—'Αθηναῖοις δὲ εἰς αὐτὸν ἀλθοῦσι μετὰ Τίγρους Αἴγυπτον ἔδωκε καὶ Ἰκούς καὶ Κέσφιον καὶ Παταρόθον (Appian). С. А. Жебелевъ считаетъ наиболѣе подходящимъ исправление странного мета Тігруса, предложенное ему М. Н. Крашениниковымъ, въ метѣ єхεіновъ³). Очевидно Антоній былъ особенно расположенъ къ аениянамъ, и они его благодарятъ по мѣрѣ силы. Аениы становятся его главной резиденцией, тамъ радушно встречаютъ и его первую жену, Фульвію, и потомъ вторую, Октавію, и всѣхъ его сторонниковъ. Его зовутъ „попыть Діонисомъ“, празднуютъ въ честь его „Антошевы Панаоицемъ“, его именемъ замѣняютъ имена Аттала I и Евмена II подъ ихъ статуями, и онъ иногда вполнѣ входитъ въ роль „новаго Діониса“, кутя въ специальнѣ устроенномъ на діонисовскій манеръ гротѣ надъ театромъ Діониса⁴). Аенияне въ 32 году такъ же охотно встрѣчали его съ Клеопатрой, какъ раньше съ Октавіей, и въ 31 году съ attica fides сражались за него при Актіи.

Глава IV—„реформы въ государственномъ устройствѣ“. Аениы въ римское время были единственной въ Ахайи civitas foederata.

¹) Здѣсь предложена новая попытка толкованія Appian. B. C. II, 70.

²) Я думалъ о мета τίγρου, по тогда уже Аїгиптъ лучше превратить въ Ἀλλων. Или мета τίγρου Αїγυπτου? Ср. приводимое у автора чтение Ватиканской рукописи.

³) Что значитъ: „оттуда [изъ грота] Антоній устроилъ торжественный сходъ на акрополь“? Ср. Hertzberg I, p. 480.

Какъ союзная община, городъ имѣлъ свое самоуправление, законодательство, судопроизводство, *ius exiit*, право чеканки монеты, не платить подати, песть повинности, только определенный въ договорѣ, но не имѣлъ права самостоятельной внешней политики. Произошли однако некоторые изменения и въ государственномъ строѣ въ смыслѣ усиления значенія аристократическихъ и демократическихъ элементовъ, выразившагося 1) въ усиленіи значенія совѣта и ареопага, на счетъ народнаго собрания, 2) въ усиленіи власти стратига ёкі та бѣла и 3) въ назначеніи главныхъ властей выборомъ, а не жребиемъ. Но когда произошли эти перемѣны: послѣ 146 года, или при Суллѣ, или при Цезарѣ? Путемъ толкованія литературной традиціи, преимущественно Посидонія, Стравона и Аппіана, и посредствомъ интереснаго, хотя и „точительного“ для непосвященныхъ сопоставленія документовъ этого времени¹⁾ и критики кѣлеровской хронологической теоріи о четырехъ разрядахъ эфіническихъ надписей, С. А. Жебелевъ приходитъ къ выводу, что уже между 146—186 годомъ вслѣдствіе римскихъ „распоряженій и законовъ“ дѣло постепенно клонилось къ указаннымъ выше измѣненіямъ, хотя до Суллы народъ по прежнему выступаетъ въ декретахъ и послѣдніе отличаются отъ декретовъ древнѣйшихъ только выступленіемъ на видъ стратига и глашата ареопага. Сулла же въ 86 году произвелъ въ прежнихъ распоряженіяхъ дальнѣйшія „измѣненія, но не существенныя“; однако усиленіе совѣта, ареопага и высшихъ властей въ ущербъ „народу“ дошло до того, что послѣ Суллы народъ искаженное время не имѣлъ права даже издавать почетные декреты, слѣдовательно полномочія его дошли до минимума. Авторъ, кажется, въ этомъ случаѣ дѣлаетъ вполнѣ правильное общее заключеніе, не рѣшаясь относить эти крайнія ограничія ко времени Цезаря. Сулла несомнѣнно вымѣшивался въ дѣла Орона, также, можетъ быть, въ дельфійскія, занимался устройствомъ азіатскихъ городовъ. Трудно допустить, чтобы въ Аѳинахъ онъ оставилъ все по старому. Не даромъ именно эпоха Суллы очень сильно отразилась въ традиціи обѣ Аѳинахъ. По документамъ отчасти можно

¹⁾ Къ стр. 298^a: Дата „Діонісія—послѣ—Парамона“ по В. А. Шефферу 114—113 очень близка къ истинной, можетъ быть, даже истинная, если допустить, что *Colî* на одинъ годъ ошибся: онъ въ Вен. XXI р. 600 сообщаетъ, что этотъ архонтатъ падаетъ на 113—112 г. Къ стр. 806^b: Архонтъ Евандомъ упоминается еще въ дельфійской надписи Вен. XVII, табл. 22, стр. 581=—*Orysius, Die delphischen Hymnen* р. 82, притомъ въ ионійскомъ году. Помтова ставить его предположительно на 38 годъ до Р. Х.

слѣдить за постепеннымъ отраженіемъ перенѣть въ аенискомъ государственномъ строѣ. Мы видимъ, какъ на первое мѣсто выдвигается совѣтъ шестисотъ и рядомъ съ нимъ ареопагъ и стратигъ єгипетскага (интересенъ экскурсъ объ этомъ стратигѣ и другихъ, стр. 814 сл.). Усиленіе власти послѣдняго началось уже со II вѣка. Избирались на эту должность знатные и богатые граждане. Съ вицѣйшей стороны она была почетна наравнѣ съ должностю архонта—эпонима, а по значенію вѣроятно превосходила послѣднюю. Ареопагъ, въ которомъ выдающееся мѣсто начинаетъ занимать его глашатай, заботится, по надписи, между прочимъ о воспитаніи юношей, наказываетъ виновныхъ въ поддѣлкѣ мѣръ и вѣсовъ. Это, конечно, только случайная извѣстія о его компетенціи, которая несомнѣнно уже въ разбираемомъ періодѣ стала гораздо шире. Особенностью строя по крайней мѣрѣ съ начала I вѣка является также повторяемость должностей, не только военныхъ, какъ было прежде, но даже и эпонимата¹). Тенеръ извѣстенъ двукратный эпониматъ Аргія въ 97—96 и 96—95 (СЛА. II 985) и четырехкратный Мидія въ 100—99 годахъ (*Ibid.* и три раза подрядъ по перечню архонтовъ СЛА. III 1014). Этотъ перечень много разъ изслѣдовали, но до сихъ поръ, по автору, окончательно не истолковали. За тремя эпониматами Мидія тамъ слѣдуетъ ἀναρχία, то есть годъ безъ архонта. Основательно опровергая мнѣнія Бергка и Омолля, хотя и приблизившіяся уже къ истинѣ, авторъ доказываетъ, что это та самая ἀναρχіа, о которой говорилъ Аенионъ по возвращеніи отъ Миорадата, приглашая аениянъ прекратить ее, слѣдовательно она соотвѣтствуетъ „88“ году до Р. Х. (точнѣ, можетъ быть, слѣдовало бы назвать 89—88 годъ, если слѣдовать принятой авторомъ хронологіи начала тираніи Аениона, см. мое примѣчаніе 31)²).

¹⁾ Въ Дельфахъ мы также встрѣчаемъ съ повтореніемъ эпонимата только въ римское время. При наличномъ состояніи документовъ оно можетъ быть отмѣчено только для времени посль Р. Х., но Помтому, съ половиною I вѣка по Р. Х. (см. тексты надписей, приводимыхъ имъ въ *Philologus* 54 (1895) р. 210 и 244); оно для Дельфъ объясняется вымирашеніемъ древнихъ фамилій и уменьшеніемъ гражданства. Но это не исключаетъ и объясненія С. А. Жебелева, которое можетъ быть, пожалуй, даже предпочтено.

²⁾ Отожествленіе ἀναρχіа Аениона (Песидоніа), хотя я понимаю ее не сколько иначе (см. дальше), съ ἀναρχіа въ СЛА. III 1014 и для меня весьма вѣроятно. Исследователи, повидимому, постепенно все болѣе и болѣе приближались къ истинѣ, и вѣроятно скоро удастся истолковать перечень СЛА. III 1014 вполнѣ точно или съ вѣроятностью на каждойнибудь годъ. Именно, перечень Мідіос—Мідіос—Мідіос—ἀναρχіа и пр., при точкѣ аркніи С. А. Жебелева, допускаетъ

Что же касается упомянутого Мидія, то, по его мнѣнію, это однолично съ Мидіемъ, римскимъ сторонникомъ, который въ качествѣ изгнанника находился въ лагерѣ Суллы (см. выше) и хлопоталъ о пощадѣ Ленинъ. Отожествление это очень заманчиво, хотя я долженъ замѣтить, что Мидій—архонтъ по надписямъ и монетамъ пишется *Μύδιος*, тогда какъ Мидій—изгнаникъ у Плутарха (*Sull. 14*) названъ *Μειδίας* (*Μειδίου*,—у меня подъ рукой только стерсотинъ *Sintenis'a*) и послѣднее имя также попадается въ Аттическихъ надписяхъ и вообще въ аттической опоматологіи. Если согласиться относительно этого отожествленія и имѣть въ виду и повторяемость его власти и то, что вину въ упомянутой *ἀναρχίᾳ* Аенионъ такъ или иначе сваливаетъ на сенатъ, то очевидно, что архонтъ (а вѣроятно и другое, но крайней мѣрѣ, высшая власть) назначался въ то время не жребiemъ, а избраниемъ, притомъ изъ знатныхъ лицъ и римскихъ сторонниковъ, и что избраніе его утверждалось римскимъ сенатомъ. Власти „народа“, какъ замѣчено уже, послѣ Суллы совсѣмъ незамѣтно въ надписяхъ. Авторъ заканчиваетъ разборомъ пумизматическихъ данныхъ и на основаніи ихъ полагаетъ, что послѣ 86 года аенионъ были или на столько ра-

холебаніе только на одинъ годъ. Онъ находится во второмъ столбцѣ надписи. Въ первомъ же столбцѣ пишется: *Διούσιος*—*Διούσιος*—*Θεοδωρίδης*—*Διότιμος* (послѣдніе три соотвѣтствуютъ по строкамъ тремъ годамъ Мидія). Но сообщенію *Colin'a* въ ВСН. XXI р. 600 въ неопубликованныхъ еще дельфійскихъ надписяхъ *Διούσιος*, которого онъ считаетъ за братъ *Лихіхоча*, современенъ дельфійскому Пирросу. Хотя этотъ Пиррос у *Colin'a* близко не опредѣленъ, но для меня несомнѣнно, что это Пирръ IX жрецкой эпохи, для которого какъ несомнѣнны *terminus post quem* я въ Дельф. эп. эт. I—VI р. 237 поставляю годы 139—138. Его несомнѣнны *terminus ante quem* 101—100 годъ, но можно уже и теперь не сомнѣваться, что Пирръ былъ архонтомъ въ Дельфахъ не позже 130 года. Такимъ образомъ дата упомянутаго *Διούσιος*—Пирру у Шеффера—137—136—очень возможна, хотя пока въ необязательна. Точную дату Пирра вѣроятно удастся определить. Уже теперь известно, что въ его годъ была ленинская триподофорія (ВСН. XVIII р. 92), другая же триподофорія въ парфорія извѣстна отъ года атт. *Αργεία*—дельф. Ментора, то-есть 97—96—95—94. Далье, мой перечень писавшихъ въ Гермесъ XXVIII р. 620 съ порфоросъ Ѳ єу Δέλφων и съ б єті τὰς ἀκαρυάς но какими то новыми данными отнесенъ къ атт. Агаюклу—дельф. Ксенократу Агисиласу въ ВСН. XX р. 639. Наконецъ важенъ документъ СЛА. II 985 объ *ἀκαρυά* и др. Ср. *Romano Philolog.* 54 р. 593,—онъ Пирра ограничиваетъ годами 136—120. При взаимномъ содѣствіи дельфійскихъ, аттическихъ и дельфійско-аттическихъ надписей возможно будетъ точно опредѣлить разстояніе отъ *Διούσιος* братъ *Лихіхоча* до *ἀκαρυά* и узять точные размѣры столбцовъ перечня и такимъ образомъ приурочить отдельныхъ архонтовъ. Но пока нужно подождать публикаціи документовъ.

зорены, что были не въ состояніи чеканить серебряную монету, или прямо лишины права чеканки монеты. Послѣднее онъ считаетъ болѣе вѣроятнымъ.

Я прибавлю здѣсь (уже не въ подстрочномъ примѣчаніи) отъ себя иѣсколько замѣтокъ, такъ какъ вѣкоторые пункты извѣстій Посадовія объ Аѳеніонѣ, пожалуй, нуждаются въ дальнѣйшей интерпретаціи или иномъ освѣщеніи. Еще въ письмахъ изъ Азіи Аѳеніонъ смущающій гражданъ надеждами иже монетъ тѣмъ єѣтіеромѣнѹю ѡфлігативу ѿслободѣнѹас (ан) єн ѿмоюїф (ѣн), алла хай тѣмъ бѣмохратіаю ѿактѣрасмѣно: хай бареаю мегалѡн түхеи, ідіа хай ѿпросїф. С. А. Жебелевъ ограничивается (стр. 231 и 237) замѣчаніемъ, что въ первыхъ словахъ обѣщалось уничтоженіе долговыхъ обязательствъ. Но почему оно связывается съ єн ѿмоюїф (ѣн), какъ бы съ послѣдствіемъ, и почему представляется какъ бы шагомъ къ возстановленію демократии? Почему та ѡфлігата названы єѣтіеромѣна?—Другой пунктъ: Аѳеніонъ въ своей рѣчи убѣждаетъ иже ѿнѣхеомаи тѣс аѳархіас, ѿнъ Ѵ'Рифаіону ѿуѣхлѣтос єїюхеомѣна текоірхен, єшс (ан) айтѣ бахімасоу парі тоо тѣк юмас політевеомаи дей. С. А. Жебелевъ въ виду извѣстнаго отрывка списка архонтовъ СЗт. II 1014 съ упоминаніемъ аѳархіа доказываетъ, что въ обоихъ случаяхъ аѳархіа обозначаетъ не анархію, не „беззначаліе“, а „годъ безъ архонта“ и прв томъ одиинъ и тотъ же исторический годъ. Я въ сущности вполнѣ согласенъ съ нимъ, то-есть, готовъ видѣть одиинъ и тогъ же годъ, не сомнѣваюсь, что аѳархіа въ надписи==одиинъ безъ архонта, но думаю, что въ устахъ Аѳеніона аѳархіа нужно понимать шире, то-есть, въ смыслѣ отсутствія по крайней мѣрѣ главныхъ архіа. Что тогда ихъ дѣйствительно не было, это видно изъ того мѣста Посадовія, которое, какъ недостаточно разобранные, я отмѣтилъ въ прим., стр. 236—237. Аѳеніонъ былъ избранъ стратигус єїпі та єплა, слѣдовательно, этого стратига тогда не было. Если онъ ѿуїхатѣструен єсотѣ тоо єллоас єрхуетас и, разумѣется, не самъ, а чрезъ народное собрапіе, какъ это видно изъ ѿнъ єроулето ѿпоралѡн та єнурата, то, думаю я, слѣдуетъ, что и „прочихъ должностныхъ лицъ“ (не одного архонта и не однихъ архонтовъ) тогда также не было. Аѳеніонъ, такъ сказать, заново образуетъ цѣлое министерство. А за призвомъ иже ѿнѣхеомаи тѣс аѳархіас онъ тотчасъ же приглашалъ не смотрѣть сквозь пальцы на то, что храмы заперты, гимназіи запущены, театръ—аѳеххлѣхеомаи, суды беззаконствуютъ, пиякъ—аѳѣрхтас тоо бѣмо, а также и на то, что „умолкъ священный гласъ Іакха, закрытъ священный храмъ богини и легкіи философовъ безгласны“ (=школы философовъ

безмолвствуютъ). Связь всего этого съ *ἀναρχία* несомнѣна. Но С. А. Жебелевъ съ Гильбертомъ думаютъ, что Аенионъ все преувеличилъ, и доказываетъ это тѣмъ, что *ἐκκλησία* єв тѣ *θεάτρο* упоминается въ близкихъ по времени документахъ и что надписи того же времени о „гимназіяхъ“ говорить совсѣмъ не то, что Аенионъ. Но эти документальные данные еще не опровергаютъ показаній Аениона относительно ближайшаго предшествующаго времени, (угор *kurzem*, какъ говорить Низе) то-есть, тѣхъ иѣсяцъ или года, чтѣ предшество-валъ возвращенію Аениона, потому что нельзя доказать, что упомянутые документы относятся какъ разъ къ этому испроложительному промежутку. Краски сгущены, по суть отрицать нельзя. Храмы заперты, конечно, не буквально, но разумѣется, что нѣть торжественныхъ праздниковъ, требовавшихъ активнаго участія властей. Гимназіи названы *σωδιοῦτα*, конечно, слишкомъ сильно, но значить, что теперь нѣть соотвѣтственныхъ властей и гимназіи не функционируютъ. Тѣ *θέατρον* *ἀνεκκλησίαστον*, — почему, сразу не ясно, но рѣчь, разумѣется, о народныхъ собраніяхъ, *ἐκκλησίαι*. Суды безмолвствуютъ, потому что, опять нѣть властей, руководящихъ судопроизводствомъ. Пниксъ *ἀφήρηται* тобѣ *δῆμο*. Что это значитъ? С. А. Жебелевъ передаетъ словами: „на пниксѣ нѣть народа“ (294) или „пниксъ лишенъ слушателей“ (232). Стало быть, рѣчь во второй разъ о народныхъ собраніяхъ? Но почему тогда не рядомъ съ тѣ *θέατρον* *ἀνεκκλησίαστον*? Тутъ приходится прибѣгнуть къ слѣдующему соображенію. Рoll. VIII 182, говорить, что въ позднѣйшее время *ἐνεκκλησίαστον* — тѣ *μὲν ἄλλα* єв тѣ *Διονυσιακῷ θεάτρῳ*, *μόνας δὲ τὰς ἀρχαὶρεσίας* єв тѣ *ποκχνί*. Hesych. s. v. *Πνύξ* — — *νονὶ δὲ ἄπαξ*, *βαυ* *στρατηγὸν χειροτονῶσαν*. Оснований отрицать эти показанія нѣть, и они обыкновенно признаются правильными. См. *Gilbert Staatsaltert. I^o* 320, *Schömann-Lipsius I* p. 407, et. *Hermann-Thümser I* p. 508. Во второмъ изъ указанныхъ рукоподѣтии наше мѣсто даже цитируется рядомъ съ Полидевкомъ и Исихіемъ о пниксѣ, какъ о иѣстѣ только избирательныхъ собраній. Итакъ выраженіе: „Пниксъ отнять у народа“ въ картиинной формѣ, какъ и всѣ предшествующія, обозначаетъ, что у народа *отнято* даже право избранія должностныхъ лицъ, поэтому, я думаю, тутъ и употребленъ такой глаголъ, какъ *ἀφαιρέω*, указывающій какъ бы на насильственное ограниченіе народныхъ правъ; поэтому и къ тѣмъ *ποκχнамъ* прибавлено тѣмъ *θεῶν χρηματοῖς καθώσιμεντρ*. Вторая группа вещей, на которыхъ Аенионъ совѣтуетъ не смотрѣть сквозь пальцы, особенно настѣ не интересуетъ: тамъ рѣчь

о культи елевсинскомъ и философскихъ школахъ. Но разобранный даетъ почти полную картину прекращенія народовластия: на первомъ мѣстѣ та іерархія, какъ и естественно, потомъ эфивы, о которыхъ такъ стали заботиться въ позднее время, потомъ обсуждающая и рѣшающая дѣятельность народнаго собранія (въ театрѣ), его же дѣятельность въ судѣ и избирательная на пликсѣ. Ни слова о совѣтѣ. Но это молчаніе такъ многозначительно, что его можно принять за аргументum. Совѣтъ, очевидно, функционируетъ при томъ въ полный ущербъ, въ отрицаніе народнаго собранія. У насъ не разъясено еще, почему тѣ Ѹеатровъ амвонъ-дѣятелей. Теперь причина, пожалуй, ясна: потому, что противъ этого совѣтъ, потому, что притоны не созываютъ народныхъ собраній. И послѣ разбираемой зажигательной рѣчи асияне безъ всякаго участія совѣта (его мы вовсе не видимъ у Помпидонія) сочрѣдѹючи еїсъ тѣ Ѹеатровъ для избрація Аениона въ стратеги. Но почему же не на „освященный оракулами богомъ пниксъ“? Если позволяльно догадываться, то я сказалъ бы: потому, что онъ афуртка, потому, что на него не пускаютъ, вѣроятно, имъюнции въ распоряженіи совѣта полицейскими средствами, а, можетъ быть, устроены были и вѣцественные преграды. Избирательное собраніе не на пликсѣ, конечно, не вполнѣ законно съ точки зреінія афинской конституціи, но при давныхъ пепоримальныхъ условіяхъ это было уже вѣтшней мелочью, потому что по конституціи и избирательное собраніе не могло обойдтисъ безъ пребоѣлеумъ: бѣлѣ пребоѣлеумъ γινεσθαι καὶ περὶ τούτων (*Arist.* 'Αθ. тол. 44, 4). Это время было революціонное, хотя революція, какъ я и выше отмѣчалъ (прим. па стр. 236—237), была пока внутренняя: асияне вопреки волѣ или вѣяніямъ изъ Рима только возобновляли демократію, въ надеждѣ, конечно, на Миорадата, но еще не промѣнявъ на него окончательно Римъ. Какъ *civitas foederata*, они могли призывать за собой право на это и смотрѣть на выѣшательство Рима въ строй государства, какъ на нарушеніе права съ формальной стороны.

И такъ вѣроятнѣе, что предъ революціей властей вообще не было, что демократія фактически была упразднена, что ее приходилось анактізасфас. С. А. Жебелевъ передаетъ мѣсто рѣчи Аениона объ анакрхіа словами: 'анакрхіа „которую устронъ римскій сенатъ“ (232), и разсуждать, что „сенатъ, раздумывая, какое государственное устройство слѣдуетъ дать Аениамъ, не могъ вводить у нихъ того, что мы понимаемъ теперь подъ словомъ „анакрхія“, что слѣд. рѣчь идетъ только объ утвержденіи одного „перваго архонта“, которое (какъ вѣроятно и

и утверждение другихъ наиболѣе важныхъ должностей, напр. стратига єкі та бѣла) зависѣло отъ римскаго сената". Мысль объ утверждении властей сенатомъ и считаю вполнѣ правильной, но неужели въ Аенинахъ стали бы такъ въ это время воюоваться изъ-за одного „перваго архонта", когда тамъ не было и упомянутаго стратига? Это во первыхъ. Во 2-хъ сенатъ, конечно, не „устраивалъ анархію" въ современномъ смыслѣ. Этого и не говорить Аенионъ (Посидоній). Сенатъ только пекоітхев єкіохѣмѣуас тѣу *анархіа*, то-есть, виновенъ только въ томъ, что анархія затянулась. Глаголь, а которомъ идетъ рѣчь, имѣеть копечно, широкое значеніе. Въ упомянутомъ уже декрѣтѣ аенинскихъ артистовъ СЛА. II 628, напр., сказано: *ಂ (то-есть, скончаны) хай тай-уону* єкіохѣмѣнсу єкі єтї хай *плаконава*, очевидно, въ смыслѣ „были прерваны". Здѣсь, конечно, это значеніе не годится. Но не годится и пониманіе автора, которое возможно было бы въ выраженіи тѣу *анархія* єкіохѣуас (тѣу *полиу*). Я думаю, слѣдуетъ понимать, что сенатъ устроилъ дѣло такъ, что „анархія призадержалась, затянулась" (*qui status ut duraret* переведено въ Fr. H. Gr. III р. 268, если стоять ссылаться на тотъ непрѣдѣлъ). Сенатъ только не утверждалъ новозбранныхъ должностныхъ лицъ, потому что они были не угодны или ему или его аенинскай партіи, что въ сущности одно и то же. Не думаю что выборы въ свое время вовсе не состоялись и что отсюда началась анархія. „Выводить анархію", конечно, было не въ интересахъ сената, но призадержать утверждение властей онъ могъ безъ особаго ущерба, если за это время дѣйствовалъ въ римскихъ интересахъ совѣтъ. Но какъ же произошли такіе неугодные сенату выборы, которые онъ медлилъ утверждать, задумываясь при этомъ о томъ, тѣс дѣятъ; *Аѳт-утіо;* *політебеофа?* Этому виной, я думаю, была наступившая въ Аенинахъ *стачка*. Возвращаюсь къ тому, съ чего началъ: мы эту *стачку* знаемъ изъ писемъ Аениона, обѣщающаго, что аенинне будутъ жить *ಂ броноава*, которой тогда, очевидно, не было. Потому-то *изъстановленіе броноава* и является шагомъ къ *анахтетаас* тѣс *бѣмохратіас*. Для того, чтобы достичь *броноава*, нужно *аполоѳуас* тѣу *єпирероренуас* *օֆлурмату*. Эта *стачка* слѣд. напоминаетъ намъ досолоповскую, то-есть, были также экономическая причины раздора партій. Бѣдные задолжали богатымъ, и аенинскии гражданамъ и римлянамъ, не такимъ осторожными, какъ Аттика. Извѣстный цензъ для гражданскаго соучастія въ дѣлахъ, конечно, существовалъ. Многимъ грозила потеря участія въ дѣлахъ государства. Могъ быть поднять вопросъ объ *атціа* тѣу *ಂ феілобу-* *су* вообще. При такихъ условіяхъ толпа, шедовольная тѣиа, кого

прежде звали тиферцо и т. п., конечно, могла наконецъ, избрать на данный годъ въ должностные лица тѣхъ, кто ей одной былъ любъ, не слушаясь умѣренныхъ согражданъ и сторонниковъ Рима, а послѣдовавши за какимъ нибудь руководителемъ изъ числа тѣхъ, которыхъ самъ С. А. Жебелевъ называетъ (стр. 227) модными софистами, досужими политиками, не могшими забыть величія своего прошлаго, не желавшими мириться съ существующимъ порядкомъ" (отъ этого въ давнинѣ году я тѣмъ философамъ алѣатрѣвѣ аѳѳономъ). Существование сильной римской партии известно изъ преданія о тиранніи. Раздѣленіе на бѣдныхъ и богатыхъ можетъ быть выведено изъ общихъ сопрѣжений о положеніи Аттики во II вѣкѣ. Страна была разорена, и хотя внѣшній блескъ отчасти восстановился, всетаки поправилась и разбогатѣла не масса, а только меньшинство, въ родѣ того дилосскаго купца-богача, у которого остановился Аенніонъ по возвращеніи изъ Азіи (стр. 281). Я не могу согласиться съ тѣмъ замѣчаніемъ Р. Вейля, которое С. А. Жебелевъ приводить (стр. 227), считая не лишеннымъ значенія: *Die Handelseifersucht wider die römischen und italischen Kaufleute auf Delos hat jedenfalls nicht zum wenigsten dazu beigetragen die Athener von ihrer Treue gegen Rom abwendig zu machen.* Тѣ, кто могъ заниматься торговлей, да еще такой, съ которою соперничала дилосская, могли ужиться съ римлянами, за немногими вѣроятно исключеніями. „Революція, какъ признаетъ С. А. Жебелевъ (311), исходила отъ народа, возстаютъ не богачи, а бѣдн., и на Делосъ съ Апеллионтомъ пра Аенніонѣ отправляются, конечно, бѣдн., но наѣдно не для торговли, а для болѣе легкой и быстрой наживы. Существование рѣзкой разницы въ экономическомъ положеніи разныхъ слоевъ населенія едва ли опровергается тѣмъ внѣшнімъ блескомъ Аенина, который замѣчается въ довольно продолжительное мирное время II вѣка до Р. Х. Этотъ блескъ, конечно, теперь, при римскомъ режимѣ, обнаруживался не въ томъ направлении, какъ въ былое время. Усиливать флотъ и вообще боевую готовность было очень неудобно подъ зоркимъ присмотромъ—гласный и не гласный—со стороны римлянъ. За то какъ разъ для 2-й половины II вѣка мы знаемъ о процѣданіи въ Аенинахъ обширного общества діонисовскихъ артистовъ. Какъ разъ къ этому времени и къ первымъ годамъ I вѣка относятся извѣстія о пышныхъ піеїйскихъ процесіяхъ изъ Аенина въ Дельфы, сопровождавшихся приношеніемъ начатковъ, ширфоріей и тріподафоріей. Цѣлый рядъ сакральныхъ и гражданскихъ властей, въ томъ числѣ и членовъ совѣта, представители старинныхъ родовъ и аѳинская моло-

дежъ принимаютъ тутъ участіе. Аеннале увѣковѣчиваютъ память объ этихъ процессіяхъ въ Дельфахъ-же собственными каменными публикаціями, которая пополняются специально дельфійскими. Безъ сомнѣнія на эти процессы требовалось не мало средствъ, но, вѣроятно, и главная іниціатива тутъ принадлежала привилегированнымъ классамъ; на бѣдный классъ относительное участіе могло ложиться только лишней тяжестью. Римъ могъ смотрѣть на такое оживленіе *pietas* къ піоїскому богу довольно спокойно, даже, пожалуй, содѣйствовать такому пастроенію. „Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плачало“. Съ разгрома Аенна Суллой публикациіи обѣ аенинскихъ піоандахъ въ Дельфахъ прекращаются (см. ВСН. XX р. 707 и др.). Вѣроятно, и благосостояніе богатаго класса населенія было въ конецъ подорвано революціей (документы пока еще не опубликованы).

Но какъ *civitas foederata* дошла до того, чтобы при выборѣ своихъ властей всякий разъ испрашивать утвержденія Рима? Вѣроятно въ силу теченія событий аеннале сами пріучили римскій сенатъ вмѣшиваться туда, куда бы и не слѣдовало. Фактъ существованія въ Аеннахъ особой каеедры для римскихъ стратугоў, своего рода *rostra* (съ нея и говорилъ рѣчь Аеніонъ), очень вѣроятнѣй, чтобы оспаривать его значеніе (стр. 295 сл.). Пусть это не „вторженіе въ Аенинскія дѣла“, пусть юридически эти стратугоў, не могли приказывать Аеннамъ, но фактически исполнялось вѣроятно все, что съ этой каеедры слышалось. Въ это время всѣ взоры были обращены въ Римъ. Отъ Рима ждали решений въ разныхъ спорахъ и за ними туда обращались, когда и не слѣдовало. Это мы знаемъ изъ другихъ греческихъ документовъ, но очень интересныя данныя, относящіяся къ Аеннамъ, скоро прочитаемъ въ обѣщанной Collin'омъ серіи дельфійско-аттическихъ надписей о спорахъ между обществами діонисовскихъ артистонъ; некоторые относятся къ 112 году и раньше (пока, см. ВСН. XXI р. 584 в.). Итакъ, началось, вѣроятно, съ простой вѣжливости, съ извѣщеніемъ сената о выборахъ, но постепенно это вошло въ *usus*; возможно, что и раньше иногда попадали на *árhois* граждане не вполне пріятные сенату, но сенатъ могъ съ этимъ мириться. А тутъ, когда и въ Римѣ было неспокойно и въ Азіи гроза, когда тутъ были избраны власти антиримского духа, пришлось подумать, кѣс тобѣς 'Αθηναῖος πολιτεύεσθαι δεῖ.

Отъ текстовъ Посидонія я уклонился. Въ вложенномъ толкова-ніи они для меня ясны, хотя, можетъ быть, я допустилъ ошибку, tolkuy ихъ на манеръ эпиграфическихъ текстовъ. Не ясно для меня

éπιφέροντα при та óфлýмата. Каждель въ соотвѣтствующемъ текстѣ вставилъ частицу ἀν, замѣтивъ, что *altius fortasse mendum haec est*. С. А. Жебелевъ (стр. 294¹) совсѣмъ игнорируетъ éπιφеромéнѡн. Это причастіе вполне понятно при хýбоновъ, тóлемо, хрéта, хахá, айтіас (ср. у того же Посидовія éπιφéрон айтіас и др.) и т. п., но съ óфлýмата оно какъ-то мало вяжется. Слѣдуетъ ли понимать такъ, какъ маючи или морючъ éπιφéраи у Геродота (VI, 112, I 181)? Или тутъ такой же оттѣнокъ, какъ иногда въ éπιφéреи айтіас, то-есть въ дѣйствительности óфлýмата неѣть, а они только éпифéроутас? Или въ текстѣ у Аенией между éπιφеромéнѡн и óфлýматѡн иронично хахá или айтіон хай тóн? Наконецъ, не было ли первоначально тóн éπιφеромéнѡн (éγχλη-
матѡн хай тóн) óфлýматѡн (или прямо éγχληматѡн вмѣсто óфлýматѡн)? Ср. Eurip. Orest. 766 ιδίον ἡ κοινὴ πολίταις ἐπιφέρων ἔγχλημά τι; если бы рядомъ была рѣчь о возводимыхъ обвиненіяхъ и о долгахъ, это было бы весьма кстати при общемъ контекстѣ, но на концептуарѣ, конечно, ничего нельзя строить. Кстати: разъ я говорю о долгахъ, какъ о причинѣ отас, то „упичтоженіе долговыхъ обязательствъ“ (231 и 237) въ смыслѣ precedента гражданскаго единодушія, конечно, нельзя понимать за дѣйствительное уничтоженіе или отмычу существующихъ долговъ безъ всякой уплаты; скорѣе обѣщаніе Аениона понималось такъ, что нечáдѡн бореѡн ιδíп хай бтисоќ будеть достаточно, чтобы покрыть всѣ эти долги съ остаткомъ для самихъ должниковъ. Къ подобнымъ подачкамъ со стороны восточныхъ царей звaniе, какъ и другіе греки, давымъ-давно привыкли.

Въ *приложении*: „Къ исторіи афинскихъ художниковъ II вѣка“, связанный съ главнымъ изслѣдованиемъ въ сущности одной „общей эпиграфической почвой“, авторъ прежде всего доказываетъ, что по литературнымъ и документальнымъ даннымъ мы знаемъ только одного художника Еввулида и одного художника Ехира, художественная же дѣятельность другаго Еввулида неизвѣстна, такъ что о ней можно говорить только предположительно на основаніи наследственности и преемственности таланта и художественной профессии, а пельзя данную фамилию приводить въ примѣръ такой преемственности въ иль сколькихъ поколѣніяхъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ трудахъ по исторіи греческаго искусства¹). Такое же иносѣвшее заключе-

¹) На стр. 332 въ списѣ всѣхъ надписей обь Ехирѣ и Еввулидѣ почему-то не назана афинская надпись 'Ефы. Арх. 1892 р. 158, цитируемая одноко на стр. 399¹. — На стр. 338 не совсѣмъ удачны выкладки въ генеалогическихъ

не устрашается авторомъ да же въ относительно художниковъ Дія и Канкосеиа. Наконецъ, въ перечиѣ художниковъ у Плінія (XXXIV 52) подъ Polycles Atheneus нужно разумѣть не Поликла афинскаго, а двухъ художниковъ: Поликла и Аения.

Мы кончили обзоръ книги. Читатель видѣть, что авторъ сдержанъ свое обѣщаніе дать обзоръ и изслѣдованіе преимущественно политической исторіи Аенія. Онъ не входитъ въ изслѣдованіе, напримѣръ, о философскихъ школахъ въ Лопинахъ, о гимнастическомъ дѣлѣ, объ обществахъ діонисовскихъ артистовъ и о другихъ вопросахъ культурной исторіи, и не входитъ не безъ достаточнаго основанія: подобные вопросы отчасти уже обработаны на основаніи наличныхъ источниковъ, отчасти сначала нуждаются въ той работѣ, которую произвелъ авторъ, отчасти должны быть обработаны въ недалекомъ будущемъ, то-есть послѣ публикаціи новыхъ эпиграфическихъ открытій, содержаніе которыхъ пока известно только въ общихъ чертахъ. Безъ перезаслѣданія же политической исторіи онъ не могъ обойдтись, потому что иначе нельзя было ни воспользоваться всѣмъ обширнымъ эпиграфическимъ материаломъ, ни произвести надъ послѣднимъ тѣхъ новыхъ интересныхъ изслѣдований, которыми изобилуетъ книга С. А. Жебелева. Обойдтись готовою историческою канвой на основаніи прежнихъ историческихъ работъ оказалось невозможнымъ при привлечении указанного материала; нужно было пересмотрѣть всѣ источники въ полномъ объемѣ и разобрать всѣ события въ общей связи, на сколько послѣдняя стала доступна теперь. Такимъ образомъ изслѣдованіе, по преимуществу эпиграфическое, по необходимости превратилось въ весьма цѣнное и необходимое теперь общее изслѣдованіе исторіи Лопіз за двѣсті лѣтъ. Самъ авторъ навѣро такжѣ смотрѣтъ на свой трудъ какъ на хат'-ѣх'ох'ун эпиграфической. Надписи подробнѣе всего трактуются въ книгѣ. Въ надписяхъ „всякая деталь имѣть свое значеніе и должна быть принята во вниманіе“, говорить С. А. Жебелевъ и точно слѣдуетъ этому принципу. „Приложенія“ связаны съ книгой общею „эпиграфической почвой“. Изъ присоединенныхъ къ книгѣ указателей (за которые также нужно поблагодарить!) самый по-

расчетахъ въ родѣ поитовскихъ (ср. прим. 8-ое): если въ семидесятыхъ годахъ II вѣка (то-есть 180—190) Евнулиду—сыну было лѣтъ 10—20, то въ концѣ второй половины II вѣка (то-есть 120—100), ему было бы по крайней мѣрѣ 60—80, а не 40—50, какъ сказали у С. А. Жебелева.—Надпись на стр. 337 съ упоминаниемъ Евхира Евнулидова среди іеромиллоновъ Помпіонъ въ N. Jahrg. 1891 р. 662 относилась ко времени около 178 года.

дробный и большой—указатель надписей, привлеченныхъ и разобранныхъ въ книгѣ. Очевидно, надписи для С. А. Жебелева—главное, и это объясняется не только направлениемъ его главныхъ научныхъ работъ, но и действительнымъ положениемъ источниковъ: упрочивать старое или говорить нечто новое въ исследуемыхъ имъ вопросахъ чаще всего возможно только по надписямъ. А для последнихъ въ высшей степени важна возможно точная и, разумѣется, правильно обоснованная хронология. Иначе онъ окажутся (и оказывались) капиталомъ или мертвымъ или даже вреднымъ. Правильная интерпретація ихъ (отъ которой *vice versa* часто зависитъ и хронология) оказывается безъ хронологии невозможной, а предлагаемая въ видѣ возможной ведеть иногда къ дальнѣйшимъ ошибочнымъ историческимъ построеніямъ. Не безъ причины, слѣдовательно, авторъ всегда строго и внимательно относится къ эпиграфической хронологіи. Не даромъ ему приходится постоянно считаться съ эпиграфическимъ „чутьемъ“ и взглядами У. Кѣлера и съ изслѣдованіями О. О. Соколова, А. П. Шукарева, В. А. Шеффера, Омоля и другихъ, работавшихъ на той же сферѣ. Не даромъ онъ не пренебрегаетъ никакими даже малѣйшими прицѣлками и въ документахъ и въ литературной традиціи (используясь иногда основательно даже мѣстомъ находки надписей). Здѣсь имеющіе всегда у него даются такія цѣнныя соображенія, толкованія и выводы, что съ ними безусловно обязать считаться всякой будущій научный работнику въ греческой эпиграфикѣ и истории. И весьма сожалѣю, что результаты именно этой стороны работы, основанные на разборѣ и сцѣпленіи мелкихъ деталей, мнѣ, можетъ быть, не удалось достаточно отѣпить въ моемъ обзорѣ книги. Въ этомъ именно отношеніи изслѣдованіе С. А. Жебелева не имѣть теперь равнаго себѣ въ западной ученой литературѣ, и возможно, что тамъ исправимые взгляды на иные вопросы еще не разъ будутъ повторяться вслѣдствіе трудности ознакомленія съ русскою книгой (какъ до сихъ поръ повторяется многое, что у насъ уже устранило О. О. Соколовымъ). Я разрѣшилъ бы себѣ сдѣлать здѣсь только одинъ упрекъ автору, можетъ быть, не вполнѣ справедливый: повидимому, онъ недостаточно пользуется аттическими генеалогіями. Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ къ нимъ прибѣгааетъ и на основаніи собственныхъ изслѣдованій и по сдѣланымъ уже соображеніямъ и сводамъ преимущественно Кѣлера, Кирхнера¹), Тѣнфера и др. (см. стр. 76, 184, 324

¹) Въ *Hermes* XXVIII. Другой подобной работы Кирхнера — *Beiträge zur*

и др.). Но мнѣ, безъ собственныхъ однако опытовъ въ аттической области, казалось бы, что здѣсь можно достичь еще нѣкоторыхъ хронологическихъ результатовъ, если взяться за скучный трудъ систематического следепія богатаго теперь аттическаго материала аенисскихъ личныхъ именъ, приблизительно въ томъ видѣ, какъ это дѣлалъ Кирхнеръ для нѣкоторыхъ аттическихъ и Помтовъ для дельфійскихъ фамилій. Этотъ трудъ, конечно, не помѣстился бы въ книгу за 200 лѣть аениской исторіи. Можетъ быть, онъ уже и исполненъ самимъ авторомъ, только онъ не рѣшился ссылаться на свои манускрипты (какъ это позволяль себѣ я въ Дельф. эп. эт. I—VI). Если да, то я первый попросилъ бы подѣлиться съ читателями результатами этого труда, хотя бы въ отдѣльныхъ статьяхъ. Подобная генеалогія полезна не столько для освѣщенія аениской исторіи въ отношеніи отдѣльныхъ личностей, выступавшихъ въ той или другой общественной дѣятельности (хотя и это иногда возможно,—это видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ книги А. С. Жебелева), сколько для дальнѣшаго упроченія хронологіи эпиграфическихъ источниковъ, какъ уже имѣющихся, такъ и ожидающихся отъ обильной ими аттической почвы. Иногда автору въ хронологіи событий приходилось сталкиваться съ такими пачими терміями и спраѣа, какъ Немейскій праздникъ, орденарія собранія въ ахейской симполії, хронологіческія вычисленія по прескринтамъ аттическихъ декретовъ (54, 67) и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ онъ ограничивался ссылками на существующія изслѣдованія и решенія подобныхъ вопросовъ или общими указаніями. Кто знакомъ съ разнообразіемъ и непрочностью такихъ решеній, зависящими отъ состоянія источниковъ, тотъ не въ правѣ быть требовать, чтобы авторъ и здѣсь вновь приступилъ къ переизслѣдованию ихъ, хотя съ другой стороны результаты его книги и могутъ пробудить въ другихъ желаніе вновь заняться этими вопросами.

Послѣ безспорной эпиграфической заслуги автора слѣдуетъ поставить въ существенную заслугу ему и привлеченіе пумизматическихъ данныхъ. Хотя онъ скромно и заявляетъ, что тутъ, какъ неспеціалистъ, онъ пользуется лишь чужими выводами, однако замѣтно, что онъ и здѣсь старается исчерпать по возможности все, что было въ связи съ его задачей (см. стр. 16, 75, 93, 174, 191, 212, 260, 264, 325, 326 и др.).

Geschichte attischer Familien (въ Festschrift zum Jubil. Friedr.-Wilh. Gymnas., Berlin 1897) иной еще не удалось видѣть, такъ что не знаю, на сколько она относится къ II къ I вѣку до Р. Х.

Въ случаѣ необходимости онъ затрагиваетъ и вопросы воинской топографіи и археологии и исторіи искусства и пр. и здѣсь вездѣ, хотя часто и ссылается на труды Ваксмута, Курціуса и многихъ другихъ, обнаруживаетъ основанное на самостоятельномъ изслѣдованіи отношеніе къ дѣлу, не вдаваясь однако въ излишнія гипотезы тамъ, где наши источники пока въ печальномъ состояніи, или гдѣ ему пока не достаетъ личнаго ознакомленія съ мѣстностью, памятниками, остатками.

Какъ я уже замѣтилъ, авторъ не могъ обойдти безъ изслѣдованія и всей литературной традиціи о разбираемомъ періодѣ. Ни одна работа у насъ теперь не можетъ обойтись безъ двухъ устоевъ: одного эпиграфическаго, очень прочнаго, массивнаго по качеству отдѣльныхъ частей, но часто неочно сложеннаго, слабо связанныаго, чувствующаго недостатокъ въ цементѣ, и другаго — литературнаго, построенаго часто изъ матеріала очень хрупкаго и ненадежнаго, за то такъ или иначе въ порядкѣ сложеннаго и связаннаго при помощи цѣлаго ряда старыхъ работниковъ, древнихъ писателей. Зданіе упрочивается, если намъ удается съ одной стороны воспользоваться болѣе прочнымъ матеріаломъ, съ другой — взять въ очищенномъ и неиспорченномъ видѣ связанные и связующіе элементы. Этихъ то элементовъ преданія С. А. Жебелевъ не теряетъ никогда изъ виду, а иногда и посвящаетъ имъ цѣлые отдѣлы изслѣдованія, главнымъ образомъ, когда говорить о римско-македонскихъ войнахъ и объ азиатской исторіи при тиранахъ и Суллѣ. Тутъ, разбирая шагъ за шагомъ всѣ извѣстія, онъ старается всегда стоять на той степени критики источниковъ, какая теперь достигнута трудами многочисленныхъ изслѣдователей и главнымъ образомъ тѣхъ, которые пишутъ уже „*Über die Quellen*“, а не „*De fontibus*“.

Когда дѣло касается самого текста древнихъ писателей, почти ни одно важное спорное мѣсто не ускользаетъ отъ автора, и онъ разсуждаетъ всегда на основѣ рукописнаго преданія и критической оцѣнки предложенныхъ исправокъ, а иногда заботится о получении новыхъ рукописныхъ сличеній и предлагаетъ свои решенія для установления текста. Читатель найдетъ въ книгѣ и пресходный реальный комментарій къ нѣкоторымъ текстамъ разбираемыхъ авторовъ, убѣждаясь ноюю, какъ тѣсно связаны взаимно всѣ филологическая дисциплины.

Само собою разумѣется, что не на каждой изъ 850 страницъ сказано что либуть новое. Заслугой изслѣдователя часто теперь служить не новизна самаго решенія, а новизна и основательность пред-

почтенія или выбора между разнообразными уже предложенными решеніями. Эти решения авторъ береть и изъ старой и изъ новой и изъ новѣйшей ученої литературы и въ достаточной полнотѣ, насколько можно судить, безъ особенныхъ поисковъ въ мелкой литературѣ, часто не легко доступной и трудно обозримой, да большую частью и лишеннай уже или въ че имѣвшей значенія¹). Съ выборомъ его между решениями большую частью можно согласиться. Если я въ некоторыхъ мѣстахъ возражаю и возражаю именно въ вопросахъ изъ литературныхъ источниковъ²), то и я большою частью не говорю нового и, можетъ быть, ошибаюсь вмѣстѣ съ другими исследователями, и это показываетъ лишь, какъ трудно разобраться въ нашихъ извѣстіяхъ и толкованіяхъ. Если, повторяю, сказанное въ самомъ началѣ, мнѣ удалось гдѣнибудь защитить пониманіе, съ которымъ не согласель С. А. Жебелевъ, то это заслуга его книги, которая всякому облегчаетъ трудъ разобраться въ спорныхъ пунктахъ. Мне приходилось указывать мое несогласіе съ его взглядами, но у меня не было возможности перечислять цѣлые десятки, даже сотни случаевъ, гдѣ онъ при обычномъ критическомъ отношеніи понравляетъ существенные и менѣе существенные ошибки и неточности Курціуса, Драйзена, Диттенбергера, Гардтгаузена, К. Ф. Германна, Гертцберга, Омолля, Кѣлера, Моллинга, Т. Момизена, Низе, Рейнака и многихъ другихъ.

Ножалуй, можно было бы иногда для большей ясности пожелать, чтобы рамки изслѣдованія были нѣсколько расширены за предѣлы аѳинской исторіи, чтобы она иногда не казалась какъ бы вырванной изъ связи съ прочими событиями. Иногда, особенно въ македонскихъ войнахъ, авторъ и затрагиваетъ эту связь. Я же имѣю въ виду здѣсь главнымъ образомъ дѣйствія Суллы и марадатовскихъ войскъ,—обзоръ ихъ недостаточно уясняетъ ихъ теченіе. Можетъ

¹) С. А. Жебелевъ приписываетъ въ соображеніе и мои дельфійскія проприція. Желательно, чтобы они сбылись, но возможно, что, какъ сдѣланныя не *post factum*, они окажутся ложными предсказателями. До сихъ поръ они сбываются меньше, чѣмъ я ожидалъ, если судить по предварительнымъ сообщеніямъ французовъ, кончающимъ въ Дельфахъ. Однако, можетъ быть, какъ и при прежнихъ раскопкахъ, многаго еще не докопали или не спасли или не додѣдали.

²) Особенно въ вопросѣ о началѣ II-й македонской войны. Я долженъ впрочемъ замѣтить, что то или другое рѣшеніе этого вопроса повсе не можетъ отразиться на ущербъ цѣлой книжѣ: детальная точность хронологіи тутъ едва-ли имѣть существенное значеніе помимо общаго стремленія къ истинѣ.

быть, краткость здѣсь объясняется существованиемъ книги Т. Рейнака. Въ свою очередь, пожалуй, не вполнѣ необходима полнота передачи разказа источниковъ, напримѣръ, обь Аенионѣ, обь осадѣ Аени и Пирая, о нападеніи Филиппа на Аени (231 сл., 244 сл., 126). Правда, эти разказы довольно характерны, и у автора отчасти тутъ были мотивы излагать обстоятельства, какъ я указывалъ и въ обзорѣ.

Что касается вѣтшнихъ сторонъ, то нельзя не поблагодарить за то, что почти всѣ важные тексты источниковъ даны въ самой книжѣ въ подлинникѣ или въ переводѣ, а часто и такъ иначе. Книга выросла, но читается гораздо легче и скорѣе мнѣ небольшой книжки съ голыми цитатами. Для широкаго круга читателей она, разумѣется, не предназначена. Лишняго въ ней не имѣется. Иногда, кажется, попадаются монторсія, но это происходитъ отъ недостаточности или однообразія нашихъ источниковъ, напримѣръ, при общихъ характеристикахъ положенія Аени въ разные періоды, на которые разбито 200-лѣтіе: сходство объясняется неизвѣстностью деталей. Испое и точное изложеніе господствуетъ во всей книжѣ, кроме очень немногихъ исключеній. Въ переводахъ древнихъ текстовъ стремленіе къ точности лишь изрѣдка приводятъ къ тяжеловатости. Цѣѣты вольнаго краснорѣчія, вошедшіе въ послѣднее время въ моду какъ бы для оживленія изложенія, почти отсутствуютъ. Спокойствіе тона полное даже тамъ, где авторъ полемизируетъ и уличаетъ другихъ въ значительныхъ промахахъ. Въ спискѣ „важнѣйшихъ опечатокъ“ не мѣшило бы упомянуть еще о слѣдующихъ недосмотрахъ, которые все-таки могутъ вводить читателя въ недоумѣніе, хотя бы и непродолжительное: стр. 71² τφ = τῶ, 14₂ τῶν=ζῶν; 22, горожане = граждане; 47₁, до 225 = послѣ 225; 55¹⁷ и какъ теперь и ранѣе = теперь, какъ и ранѣе; 83₁ ἐπισταφορέας = ἐπισκιφορέας; 141¹⁷ Инь = Икъ; 147₁ κατεῖχεν=κατεῖχεν; 148₁ ἀπείργειν = ἀπείργειν; 148₁ ἐστίασι = ἐστίασι; 151₆ προερῶντο=προερῶνто; 156₂₄ τάλαντα=τάλανта хай Атраптюроу τὸν οἴον; 196₁₁ Lalenburgerscheichs — Vorgehen = Lalenburger-streuchs—Vorgehen tritt; Ich würde eine andere Auffassung als du; 210⁷ post quem=ante quem; 227¹⁸ hatten das=hatten dort; 239, in = vi; 244₆ XV, 6—7 = XV, 1, 6—7; 259₁₈ 50 фунтовъ=40 фунтовъ; 275¹⁴ post quem = ante quem; 289¹⁵ τὸν βίον Σῆλον = τὸν τοῦ βίου Σῆλον; 292, vetustate=vetustas.

Въ сущности къ такимъ же большему частью вѣтшнимъ недостаткамъ относятся и многія изъ многихъ отдѣльныхъ поправокъ и замѣ-

чаний. Можетъ быть, это зависитъ отъ нѣкоторой поспѣшности автора при самомъ изданіи книги. Исправляя подобныя мелочи, я руководился тѣмъ соображеніемъ, что хорошая книга этого заслуживаетъ.

А. Ніенштедтъ.

С. Библиография. О библиотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтии. Москва. 1899.

Библиотека московскихъ царей имѣть свою довольно легендарную исторію. Въ концѣ XVI вѣка въ Римѣ ходилъ слухъ, что Кремль обладаетъ драгоценными греческими рукописями; говорили, что послѣдній византійскій императоръ Иоаннъ присыпалъ ихъ туда наканунѣ паденія Византія, чтобы спасти ихъ отъ невѣжественного хищничества турокъ. Вопросомъ этимъ заинтересовался кардиналъ Санть-Джорджо и наводилъ справки въ Москвѣ.

Приблизительно въ то же время, въ 1600 годахъ писалъ свою ливовскую хронику Ніенштедтъ. Онъ разсказываетъ подъ 1565 г. о высылкѣ вѣцѣ изъ Юрьева царемъ Иоанномъ IV и въ числѣ ихъ упоминаетъ о пасторѣ магистрѣ Веттерманѣ, который не пожелалъ разстаться съ свою паствой и отправился вѣтѣть съ нею въ изгнаніе. „Его, говорить Ніенштедтъ, какъ ученаго человѣка, очень уважалъ великий князь, который даже вѣтѣль въ Москвѣ показать ему свою либерею (библиотеку), которая состояла изъ книгъ на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ и которую великий князь въ древнія времена получилъ отъ константинопольскаго патріарха, когда московитъ принялъ христіанскую вѣру по греческому исповѣданію. Эти книги, какъ драгоценное сокровище, хранились замурованными въ двухъ сводчатыхъ подвалахъ“.

Нѣсколько позадиѣ, въ первой половинѣ XVII вѣка составлено было неизвѣстнымъ авторомъ сказаніе о Максимѣ Грекѣ. Въ этомъ сказании говорится, что по пріѣздѣ въ Москву Максимъ былъ введенъ въ книгохранилище великаго князя Василия Ивановича и ему показали безчисленное множество греческихъ книгъ. „Максимъ въ многоразышеленомъ удивленіи бысть о толикомъ множествѣ безчисленнаго трудолюбного собранія и съ клятвою нарече предъ благочестивымъ государемъ, яко же въ Грецѣхъ толикое множество книгъ сподобихся видѣти; сего ради, преславный самодержъче и государь, изъ Грецескія земли въ западныя страны отъ молодыхъ поггей вдахся

на ученіе, понеже не обрѣтохъ во гречествѣ странѣ философскаго ученія ради великия скудости книжныя: егда убо безбожные тури обладаша царствующемъ градомъ, тогда иѣмцы и благочестиви взяша множественное множество греческихъ книгъ, хотяще собиости благочестія вѣру, да не до конца. Угаспеть свѣтило греческое православіе отъ безбожныхъ и богомерзкихъ турокъ, и тако отплыша моремъ въ Римъ. Латынствіем же людіе тицеславни зѣло и отъ многихъ лѣть жалаху восточныхъ учителей списанія видѣти, но гречестію цари не изволиша сему быта ради отступленія ихъ отъ православія. Егда же улучиша время, принесенный убо отъ грекъ книги во свой римскій языкъ преложиша, греческія же книги всю огнемъ сожгоша; и тако конечное оскудѣе у грекъ философія. Азъ же и мыѣ, православный государь, Василій самодержьче, никогда только видѣхъ греческаго любомудрія, якоже ваше сіе царское рачительство о божественномъ сокровище".

На основаніи свидѣтельствъ Максима Грека и Ніенштедта ученые историки стали говорить о библіотекѣ московскихъ царей. Правда еще въ прошломъ вѣкѣ Бакмайстеръ и Маттеи указывали на недостовѣрность разказа Ніенштедта: „объявленный въ ляфляндской лѣтописи анекдотъ, писалъ Бакмайстеръ, будто бы царь Иванъ Васильевичъ поручилъ иѣкоему Веттерману привезти въ порядокъ многочисленную библіотеку, привезенную за сто лѣть прежде изъ Рима и хранимую до того времени въ подземныхъ погребахъ, не достоинъ нашего вниманія, потому что къ подтвержденію своему не имѣеть достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Ибо не отваживаюсь сказать, чтобы сіи книги были привезены въ Москву по случаю бракосочетанія великаго князя Ивана Васильевича съ прибывшою изъ Рима княжною Софию Фоминишною. Такія обстоятельства требуютъ подтвержденія отъ исторіи, а исторія ничего о томъ не упоминаетъ".

Но Карамзинъ отнесся иначе къ разказу Ніенштедта. Знаменитый историографъ категорически заявилъ, что царь Иванъ IV велѣлъ Веттерману разобрать царскую библіотеку, въ коей послѣднай нашелъ множество рѣдкихъ книгъ, привезенныхъ иѣкогда изъ Рима царевной Софией.

Въ 30-хъ годахъ профессоръ Дерптскаго университета Классіусъ нѣсколько лѣть занимался вопросомъ о библіотекѣ царя Иоанна IV и написалъ объ этомъ отдѣльную статью, появившуюся въ одно и тоже время на русскомъ и иѣменецкомъ языкахъ (*Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1884 г. ч. II и *Dorpatser Jahrb. für Lit.* u.

Kunst 1884 г. ч. III). Онъ былъ увѣренъ въ существовании обширной библиотеки московскихъ царей, богатой греческими рукописями, но думалъ, что эта библиотека не сохранилась до нашего времени.

Большинство историковъ, следуя Клоссіусу и авторитету Карамзина, повторяютъ какъ несомнѣнныи фактъ, что у московскихъ царей хранилось большое количество драгоцѣннѣйшихъ рукописей (Иконниковъ, Горскій, Цвѣтаевъ). Шевыревъ, напримѣръ, утверждалъ: „не можетъ быть сомнѣнія, что рукописи царской библиотеки, о которой говорятъ Максимъ Грекъ и Веттерманъ перешли въ библиотеку патріаршую. Всѣ творенія Греціи и Рима, хранящіяся въ библиотекѣ, ведутъ начало свое отъ библиотеки Василія и Іоанна“.

Никѣмъ основательно не провѣренное извѣстіе о библиотекѣ московскихъ царей попало въ справочныи изданія, и профессоръ Страсбургскаго университета Тремеръ прочелъ въ *Dictionnaire numismatique* Бутковскаго, что знаменитая Лейденская рукопись Гомера происходитъ изъ библиотеки великой княгини Софія Палеологъ и что для этой, по тому времени очень обширной, библиотеки были въ此刻ствованіе царя Ивана IV составленъ каталогъ дерптскимъ насторомъ Веттерманомъ.

Вслѣдствіе этого указания профессоръ Тремеръ отправился въ 1891 г. въ Москву и старался найти слѣды царской библиотеки въ разныи книгохранилищахъ. Поиски его одноко не увѣничались успѣхомъ, и онъ рѣшилъ, что драгоцѣнныи рукописи принадлежавшія Іоанну Грозному ладо искали подъ землей, что они зарыты въ какихъ-то кремлевскихъ тайникахъ.

Несмотря на отрицательные результаты поѣздки Тремера, у насъ появились изслѣдованія профессора Соболевскаго и профессора Лихачева, которые пользовались старыми и новыми аргументами доказывали, что у московскихъ царей существовала библиотека богатая греческими и латинскими рукописями и что библиотека эта можетъ быть найдена при раскопкахъ въ Кремль.

Вопросъ о библиотекѣ московскихъ государей до мельчайшихъ подробностей разобранны въ изслѣдованіи г. Бѣлокурова. Авторъ напечаталъ 336 страницъ текста и 524 страницы приложений. Нельзя сказать, чтобы это было мало для рѣшенія вопроса, котораго всетаки нельзя назвать крупнымъ.

Чрезмѣрно толстый томъ получился отъ недостатка системы въ изложениі и отъ увлечения авторомъ всякими подробностями не имѣющими почти никакого отношенія къ избранной имъ темѣ.

Начало изслѣдованія г. Бѣлокурова уже указываетъ на его манеру. На 23 страницахъ онъ доказываетъ, что Маттеи, бывшій профессоръ Московскаго университета въ началѣ нынѣшняго вѣка похищалъ рукописи изъ Синодальной библіотеки. Доказать хищенія Маттеи вообще автору понадобилось для того, чтобы показать, что очень цѣнную рукопись, содержащую Иліаду и гимны Гомера и находившуюся теперь въ Лейденѣ, похитилъ тотъ же Маттеи. А исторія Лейденской рукописи понадобилась г. Бѣлокурову потому, что онъ счѣлъ необходимымъ разказать всѣ подробности поѣздки Тремера. Еслибы Тремеръ не заинтересовался Лейденской рукописью и не еслибы онъ не нашелъ въ словарѣ Бутковскаго, что рукопись эта принадлежала Софії Палеологъ, онъ не имѣлъ бы ни малѣйшаго представленія о библіотекѣ Иоанна Грознаго и не пріѣхалъ бы въ Москву разыскивать ее.

Г. Бѣлокуровъ печатаетъ все, что накопилось у него въ письменномъ столѣ, боясь чтобы какой-нибудь черновой листъ не пропалъ для потомства. Такъ напримѣръ онъ очень любезно сообщаетъ намъ, что разыскивая заграницей рукописи, похищенные профессоромъ Маттеи, онъ, таковыхъ не нашелъ въ Парижѣ; при этомъ онъ подробнѣ разказываетъ кто ему помогалъ въ его безполезныхъ поискахъ, и такъ какъ онъ узналъ, что въ Национальной библіотекѣ имѣется много греческихъ рукописей привезенныхъ съ Аѳонса, то печатаетъ и это свѣдѣніе.

Желая доказать, что рукописей принадлежавшихъ Иоанну Грозному не можетъ быть въ библіотекѣ московскаго архива министерства иностраннѣхъ дѣлъ, авторъ на 82 страницахъ излагаетъ исторію этой библіотеки. Говоря о библіотекѣ посольскаго приказа, унаследованной коллегію и потомъ министерствомъ иностраннѣхъ дѣлъ, авторъ сообщаетъ, что въ 1690 году собраніе Посольского приказа иноязычныхъ книгъ и рукописей увеличилось греческими рукописями и печатными книгами, принадлежавшими рабѣ сего греческому архимандриту Македонскаго Николаевскаго монастыря Діонисию и поступившими сперва въ Малороссійскій приказъ, а впослѣдствіемъ переданными въ Посольскій. Понятно, что это обогащеніе собранія Посольского приказа не имѣть никакого отношенія къ библіотекѣ московскихъ царей. Тѣмъ не менѣе авторъ на четырехъ страницахъ (стр. 51—56) излагаетъ все, что ему удалось собрать обѣ архимандритѣ Діонисіи и сожалѣть, что такихъ свѣдѣній у него не много.

Г. Бѣлокуровъ печатаетъ все, что онъ узнавалъ мимоходомъ при

своихъ изысканіяхъ. Такъ, напримѣръ, говоря о хищеніяхъ Маттея, онъ сообщаетъ, что кромѣ греческихъ рукописей и книгъ Маттея Дрезденской библіотекѣ было продана еще 15 арабскихъ и татарскихъ рукописей съ коробкой, въ которой лежали разные образцы многоразличныхъ рукописей, находящихся большей частью въ Англіи, а также турецкій паспортъ (стр. 18).

Далѣе авторъ переполняетъ свою книгу множествомъ совершенно мальчишнихъ подробностей. Едва-ли кому-нибудь изъ читателей нужно знать, что Тремеръ занимался въ архивѣ министерства иностраннѣнъ дѣлъ съ 20-го марта до половины августа и что онъ сдѣлалъ въ мартѣ 10 посыпѣй, въ апрѣль 18, въ маѣ 17, въ юль 21 и въ августѣ 6, а всего 84 посыпѣя (стр. 28). Съ одинаковыми правами г. Бѣлокуровъ могъ бы скрыть отъ насъ, что Тремеръ присыпалъ ему свою брошюру чрезъ находившагося тогда въ Москвѣ д-ра Глэя и что на этой брошюре сдѣлана была такая-то латинская надпись (стр. 190).

Приложения, интересныя сами по себѣ, имѣютъ отдаленную связь съ библіотекою московскихъ царей, а вѣкоторые никакого отношенія къ этому вопросу не имѣютъ. Напримѣръ, реестры книгъ и рукописей библіотеки Московского главнаго архива министерства иностраннѣнъ дѣлъ въ 1784 г. (74 страницы). „Эти весьма любопытныя реестры, говорить авторъ, изданы мною для того, чтобы дать ясное представленіе о библіотекѣ архива въ 1784 г., объ ея составѣ, какія именно непечатныя книги и рукописи были въ ней въ то время. Однако реестры конца прошлаго вѣка не могутъ дать ни малѣйшаго представленія о библіотекѣ Иоанна Грознаго.

Г. Бѣлокуровъ разрѣшаетъ въ своемъ изслѣдованіи два вопроса: 1) существовало ли въ библіотекѣ царя Ивана IV множество иноязычныхъ рукописей? 2) где искать въ настоящее время остатковъ этой библіотеки? Авторъ занимается сначала вторымъ вопросомъ, а потомъ первымъ. Онъ прибѣгаєтъ прежде всего къ отрицательнымъ доказательствамъ и разказываетъ на 111 страницахъ, что остатковъ библіотеки царя Ивана IV нельзя искать въ библіотекѣ Московского главнаго архива министерства иностраннѣнъ дѣлъ, на 34 стр. (стр. 116—149) что этихъ остатковъ нельзя искать въ Синодальной библіотекѣ, на 33 стр. что этихъ остатковъ нельзя искать въ типографской библіотекѣ (стр. 153—185). Вслѣдъ затѣмъ авторъ доказываетъ положительно, что въ библіотекѣ московскихъ царей могло быть лишь самое ничтожное количество греческихъ рукописей и

если бы она дошла до насъ въ полномъ составѣ, она все-таки не представляла бы для насъ ничего новаго.

Автору слѣдовало начать со второй половины своего труда, и тогда онъ не написалъ бы обширной первой главы (въ 191 стр.) „Поискъ въ Москвѣ Тремеромъ царской библіотеки“, во сколько случаѣ не придалъ бы ей такого объема. Если въ библіотекѣ московскихъ царей было 2—3 греческия рукописи, само собою разумѣется, что остатковъ ихъ не зачѣмъ искать въ разныхъ рукописныхъ отдѣлахъ Москвы. Достаточно было бы вкратцѣ упомянуть, что поиски Тремера не увѣличились успѣхомъ, чѣмѣцкій профессоръ уѣдился, что собранія греческихъ рукописей въ Москвѣ составились гораздо позже временъ Грознаго и привезены съ Востока.

Обидно, что г. Бѣлокуроѳ приготовилъ плохую участъ своей книги. Лица интересующіеся библіотекой Ивана Грознаго едва ли будутъ имѣть терпѣніе прочесть обширный томъ, гдѣ такъ много лишняго; всѣ ли историки будутъ знать, что въ трудѣ, посвященномъ библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи, надо искать исторію библіотекъ архивныхъ и синодальныхъ и новыхъ материаловъ для исторіи нашего просвѣщенія вообще и Максима Грека въ частности.

Между тѣмъ трудолюбіе автора заслуживаетъ полнаго вниманія. Онъ изучилъ 243 рукописи, содержащія произведенія Максима Грека. Для исторіи рукописнаго собранія посольского приказа онъ просмотрѣлъ всѣ дѣла Московскаго Главнаго Архива министерства иностраннѣхъ дѣлъ, въ которыхъ было что-либо касающееся библіотеки этого учрежденія, для исторіи синодальной библіотеки онъ просмотрѣлъ всѣ извѣстныя ему описи ея XVII—XIX в., равно какъ и дѣла московской синодальной конторы, касающіяся этой библіотеки; для исторіи типографской библіотеки онъ изучилъ кромѣ описей ея XVII—XIX в. дѣла архива типографіи, относящіяся до ея библіотеки. Изъ каталога архивной библіотеки, составленного въ 1816—1820 г., г. Бѣлокуроѳ сдѣлалъ выборку всѣхъ книгъ, изданныхъ по 1896 г. Въ архивной библіотекѣ всѣхъ такихъ книгъ оказалось 88⁰; чтобы выдѣлить изъ числа ихъ книги, поступившія въ архивъ въ XVIII в., имъ были просмотрѣны всѣ эти 88⁰ книгъ, съ цѣлью, судя по имѣющимся на книгахъ отмѣткамъ, опредѣлить какія когда поступили.

Думается, что трудъ г. Бѣлокурофа значительно выигралъ бы, если бы онъ разбилъ его на нѣсколько сочиненій, издалъ бы отдельно исторію московскихъ библіотекъ, отдельно материалы касающіеся Мак-

сама Грека и отдельно небольшую книгу о библиотекѣ московскихъ царей.

Какъ бы то ни было, авторъ пришелъ къ очень прочнымъ выводамъ, которыхъ нельзя не принять. Ничего нельзя возразить противъ следующихъ строкъ, основанныхъ на кропотливомъ изученіи описей и рукописей: „Исторія постепенного роста трехъ главныхъ московскихъ собраний иностранныхъ книгъ и рукописей, въ которыхъ можно было бы предполагать существование остатковъ царской библиотеки XVI вѣка, паглядно показываетъ, какъ они постепенно составлялись. Почти ни одно изъ этихъ собраній не существовало въ XVI в., они положили свое начало только въ XVII вѣкѣ, почти исключительно со временемъ патріарха Никона или съ царствованія Алексея Михайловича. По отношенію къ греческимъ рукописямъ ихъ безспорно, что эти рукописи были сперва почти все изъ числа привезенныхъ съ Востока Арсениемъ Сухановымъ, къ которымъ потомъ уже присоединились и другія, доставленныя разными лицами съ Востока же. Изъ этой исторіи происхожденія московскихъ собраній иноязычныхъ рукописей и книгъ ясно также, что искать среди нихъ иноязычные рукописи, принадлежавшія московскимъ великимъ князьямъ и царямъ XVI вѣка совершенно напрасно (стр. 186)“.

Самое важное и положительное доказательство авторъ приводить въ самомъ концѣ своего обширного изслѣдованія. Это новое свѣдѣніе, недавно обнародованное о. Парлангомъ (*La Russie et le Saint Siège*, t. II (1897), p. 376). Въ 1600 г. изъ Варшавы былъ отправленъ въ Москву Левъ Санѣга—поздравить Бориса Годунова съ воцареніемъ. Кардиналь Джоржо поручилъ одному умному греку, Петру Аркудію, сопровождать Санѣгу и павести справки въ Москвѣ, дѣйствительно ли имѣются въ Кремлѣ драгоценныя языческія рукописи, присланныя будто бы послѣднимъ византійскимъ императоромъ. Аркудій обратился сначала къ russкамъ, которые рассказали ему чудеса о византійскихъ рукописяхъ своего патріарха; но, продолжая свой допросъ, Аркудій замѣтилъ, что иниция сокровища сводились на обыкновенные церковные книги, псалтыри, евангелія, минеи и другія въ этомъ же родѣ. Греки, находившіеся на службѣ царя, знали не больше, а прижатые къ стѣнѣ объявили опредѣленно, что въ Кремлѣ не было никакой византійской библиотеки. Аркудій со своей стороны убѣдился и, въ письмѣ изъ Можайска отъ 16 марта 1601 г., дрожа отъ холода, подъ убогий кровомъ, изложилъ кардиналу Санѣ-Джорджо результатъ своихъ разысканій, не будучи въ состояніи объяснить отсутствіе греческихъ книгъ иначе, какъ разными гипотезами. Вотъ, говорить г. Бѣдо-

куровъ, новое свидѣтельство о царской библиотекѣ XVI вѣка, говорящее прямо и положительно, что въ Кремль не было никакой византійской библиотеки (стр. 306).

Автору слѣдовало начать съ этого важного факта, засвидѣтельствованного современникомъ, и затѣмъ уже перейти къ болѣе позднимъ показаніямъ. г. Бѣлокуроў очень основательно опровергаетъ мнѣніе ученыхъ, доказывавшихъ существованіе обширной библиотеки московскихъ царей, богатой греческими рукописями. Онъ несомнѣнно правъ, говоря, что „приписываемыя Максиму Греку слова о велиокняжеской библиотекѣ не принадлежитъ ему и находятся въ одномъ только сказаніи изъ всѣхъ девяти доселѣ извѣстныхъ“. Сказаніе это съ отзывомъ Максима Грека о велиокняжеской библиотекѣ составлено по современниками Максима Грека и не въ XVI вѣкѣ, а въ первой половинѣ XVII вѣка. Кромѣ свѣдѣній достовѣрныхъ, почерпнутыхъ авторомъ изъ сочиненій Максима Грека, въ сказаніи находятся и ошибочная извѣстія, составляющія плодъ фантазіи автора. Къ числу послѣднихъ относятся и все то, что авторомъ сообщается о велиокняжеской библиотекѣ, осмотрѣ елъ Максимомъ Грекомъ и произнесенныхъ имъ словахъ. Все это исторически не достовѣрно (стр. 244—245)“.

Нельзя не согласиться съ г. Бѣлокуровымъ, когда онъ разбираетъ новыя свидѣтельства, привлеченные проф. Соболевскимъ и доказываетъ что Памій Лигаридъ просилъ у царя дозволить ему просмотрѣть греческія и латинскія рукописи Патріаршой библиотеки, а не царской (стр. 289), и что одно мѣсто Степенной книги, говорящее якобы о греческихъ рукописяхъ велиокняжескаго книгохраніща ничего ровно не доказываетъ (стр. 297).

Слабѣе разборъ хроники Ніенштедта. Здѣсь г. Бѣлокуроў вѣсколько погрѣшаѣтъ противъ правила исторической критики. По основанію разказа Ніенштедта авторъ говорить съ одной стороны, что осмотрѣ царской библиотеки могъ быть только въ маѣ—июлѣ мѣсяцахъ 1570 г. (иначе не могъ бы присутствовать пасторъ Шрафферъ), а съ другой стороны, что этого осмотра совсѣмъ не было. При этомъ авторъ пользуется большей частью отрицательными и очень слабыми аргументами. Напримеръ, онъ спрашивается: „зачѣмъ царь Иванъ IV станеть приближать къ себѣ еще новое лицо, станеть просить Веттермана остатся въ Москвѣ и заняться переводами, когда бывшие въ Москвѣ иноземцы могли исполнить это порученіе. (стр. 261)“ Но кто же можетъ отвѣтить на такие вопросы? Даѣше авторъ замѣчаетъ, что въ 1570 г. особымъ расположениемъ царя Ивана IV пользовались

ливонцы Краузе и Гаубе, оставившие намъ свои записки. Въ своихъ запискахъ они сообщаютъ любопытныя сѣдѣнія о царѣ Иванѣ IV и событияхъ его времени; но ни слова не говорятъ объ осмотрѣ царской библиотеки (стр. 262)⁴. Подобное умолчаніе, однако, доказываетъ очень мало и спрашивается, почему авторъ придаетъ такое большое значеніе 1570 году?

Если г. Бѣлокуровъ вѣрить подробностямъ хроники Ніенштедта и не сомнѣвается, что при осмотрѣ царской библиотеки присутствовалъ пасторъ Шрафферъ, прибывшій въ Москву въ маѣ 1570 г., то почему же онъ не вѣрить, что осмотръ этотъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто. Допустимъ, что Ніенштедтъ сочинилъ, будто Веттерману показывали царскую библиотеку; какое же значеніе имѣютъ тогда подробности этого вымыщенного разкала, будто при осмотрѣ присутствовалъ пасторъ Шрафферъ.

Мнѣ кажется, что въ виду другихъ вѣскихъ доказательствъ, собранныхъ авторомъ, разкazu Ніенштедта нельзѧ придавать большаго значенія: Ніенштедтъ писалъ со словъ Веттермана, що писалъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти послѣдняго и память конечно могла ему измѣнить. Только приблизительно помнилъ онъ имѣла дьяковъ (Андрей Солтанъ вѣсто Андрей Щелкаловъ, Высrovатый вѣсто Высковатый) и также приблизительно записалъ онъ слова Веттермана. А послѣдній не указывалъ на количество рукописей, да и вообще могъ имѣть только самое смутное представление о царской библиотекѣ. Ему вынесли иѣсколько книгъ, неизвѣстно на какомъ языкѣ написанныхъ (можетъ быть греческихъ, а можетъ быть и латинскихъ), и онъ, бѣгло просмотрѣвъ ихъ, рѣшилъ, что они могли бы принести много пользы христіанству. Не показали ли Веттерману иѣсколько богословскихъ рукописей.

„Отвергая достовѣрность всѣхъ показаний въ пользу существованія въ XVI вѣкѣ особой царской библиотеки, состоявшей изъ громаднаго количества иностычныхъ рукописей, г. Бѣлокуровъ въ то же время не отрицаєтъ ни самого факта существованія въ XVI вѣка у московскихъ государей книжного собранія въ томъ или другомъ размѣрѣ, ни возможности нахожденія въ немъ иѣсколькихъ, немногочисленныхъ иностычныхъ рукописей и книгъ (стр. 309)⁴. Такому выводу не противорѣчитъ иѣсколько преувеличенный въ подробностяхъ разкazъ Ніенштедта.

Въ высшей степени правдоподобными представляются слѣдующія предположенія и соображенія г. Бѣлокурова, „Что касается библіо-

такъ царя Ивана IV и Бориса Годунова, то нужно предполагать, что онѣ погибли въ смутное время, когда поляки ходили въ московскому кремлю, раскraли царскую казну и царский архивъ. Если мы приложимъ въ какомъ положеніи быть царскій дворецъ и всѣ дворцовые постройки ко времени избрания на царство Михаила Феодоровича Романова, то нисколько не удивимся исчезновенію рукописей царскихъ библиотекъ. Если царскія палаты и хоромы были безъ кровли, половъ и лавокъ, безъ окошечъ и дверей, то какъ могли уцѣлѣть въ сихъ палатахъ рукописи. Предположеніе о томъ, что библиотека царя Ивана IV скрывается подъ землей, невозможно допустить. До насъ дошли описи царской казны начала XVII вѣка, въ каковыхъ встрѣчаемъ довольно подробное перечисленіе всего царского имущества, которое приводилось въ извѣстность, отыскивалось въ разныхъ дворцовыхъ помѣщеніяхъ. Почему же при этомъ случаѣ оставлена была въ забвѣніи такая большая царская библиотека, состоявшая изъ 600 рукописей. Почему о ней ничего не знаетъ патріархъ Филаретъ Никитичъ, который и при Грозномъ занималъ одно изъ видныхъ мѣстъ и долженъ быть знать о ней. Если бы эти рукописи были спрятаны подъ землей, то зачѣмъ было патріарху Филарету Никитичу посыпать на Востокъ спраятся, есть ли въ греческихъ книгахъ слова „и огнемъ“ Для чего было потопъ при патріархѣ Никонѣ посыпать Сухонова на Востокъ нарочно за рукописями и тратить весьма большія деньги (до 50 тысячъ рублей), когда можно было сдѣлать это гораздо проще, сходивъ въ подвалы царские. (стр. 331, 335)."

Послѣ обстоятельного и подробного изслѣдованія г. Бѣлокурова вопросъ о царской библиотекѣ можетъ считаться исчерпаннымъ, и отыскивать слѣды минимыхъ рукописныхъ сокровищъ Ивана IV становиться только ученымъ, увлекающійся беспочвеннымъ воображеніемъ и не довѣряющей исторической критикѣ.

II. Всегдаронъ.

Zářísek R. I. ŠAFÁŘKA O PRÁCÍCH BIBLIOTÉKÝCH A ROMÁSKÁCH BIBLIOTÉKÝCH
ÚTĚMISTV. Ráspěvky k studiu bibliothéekich soustav a zařízení. Podání
Dr. Čeněk Zářísek. U Praze, 1898. 15+55 litograf. str.

Въ будущемъ жизнеописаніи II. I. Шафарика, періодъ двѣнадцатилѣтней дѣятельности его въ должностіи библиотекаря, Императорской публичной и университетской библиотеки въ Прагѣ долженъ составить особую главу, и биографу Шафарика нельзѧ будетъ, пройти безъ

вияванил мимо тѣхъ богатыхъ материаловъ, которые просмотрены въ названной нами выше брошюре д-ра Ч. Зибтара и хранятся нынѣ въ библиотекѣ музея королевства чешскаго. На скромную должность библиотекаря университетской библиотеки П. И. Шафарикъ назначенъ былъ въ 1848 году, послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ жизненныхъ невезгодъ и жестокихъ испытаний, и оставался въ ней вплоть до рокового дня 23-го мая (новаго стиля) 1860 года, когда въ przypadкѣ душевной болѣзни онъ бросился въ Витаву. Спасеній еще на пѣкоторое время для жизни, еще болѣе безрадостной, чѣмъ была вся предшествовавшая, Шафарикъ погибъ уже для науки, погибъ и для университетской библиотеки, которая песомиѣю многимъ ему обязана. Благодаря его заботамъ библиотека обогатилась покупкой частныхъ библиотекъ различныхъ ученыхъ, неоднократно получала специальная пособія на расширение чѣкоторыхъ отдѣловъ, приобрѣла новые штаты чиновниковъ и т. п. Сдѣлавшись библиотекаремъ, П. И. Шафарикъ, въ высшей степени основательный и строго добросовѣстный во всѣхъ своихъ научныхъ работахъ, не могъ я въ новой области занятій быть инымъ: онъ считаетъ свою обязанностью вооружиться вполнѣ всѣми необходимыми для библиотечныхъ занятій знаніями и свѣдѣніями; онъ усердно знакомится съ разнообразными библиотечными системами, организацией и устройствомъ различныхъ европейскихъ библиотекъ, самъ составляетъ, для руководства себѣ, всякаго рода практическія пособія, замѣчанія, дѣлаетъ обширныя и обильныя выписки изъ разнообразныхъ пособій и источниковъ по занимающему его предмету, и все это тщательно группируется имъ по одѣльнымъ тетрадямъ и папкамъ. Изъ каждой строчки этихъ выписокъ изъ чужихъ трудовъ и оригинальныхъ, самостоятельныхъ наблюдений въ явѣстной области библиотечаго дѣла вы видите, какимъ искрепленіемъ желаніемъ достигнуть наилучшихъ результатовъ въ устройствѣ библиотеки одушевленъ былъ этотъ великий труженикъ-идеалистъ; какъ строго относился онъ къ своимъ обязанностямъ, видя въ новой своей должности не исключительно источникъ средствъ къ существованію; какъ дорого было для него совершенное по возможности устройство того учрежденія, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ.

Снѣтливый образъ геніального труженика возстаетъ предъ нами во всемъ своемъ величіи и изъ этихъ сухихъ, повидимому, незначительныхъ и случайныхъ выписокъ и замѣтокъ, имѣющихъ однако одну общую цѣль, связанныхъ другъ съ другомъ единствомъ оживляющей ихъ мысли. Пропиленутый въ полной мѣрѣ сознаніемъ высокой отвѣт-

ственности не только библиотекаря, но и всякаго библиотечнаго чиновника, Шафарикъ строго требуетъ отъ нихъ, наряду съ основательнымъ знаніемъ западно-европейскихъ и славянскихъ языковъ, совершенного и всестороннаго образованія, солидныхъ познаній, главнымъ образомъ—литературио-историческихъ, широкаго кругозора въ области книговѣдѣнія, при всемъ этомъ вполнѣшаго безпредвзятія, тоинаго чувства порядка, аккуратности, практичности и основательности въ исполненіи всѣхъ обязанностей библиотечной службы, начиная съ серьезно-обдуманной въ цѣломъ системы каталогизаціи и кончая мельчайшими деталями чисто механической работы переписчика-писца.

Выписки, касающіяся устройства библиотекъ и библиотечныхъ занятій составляютъ въ бумагахъ Шафарика особую тетрадь съ надписью: „Miscellen über Bibliotheken. Nachtrag zum Plan und Classification-Normativ. 1855“. Многія изъ нихъ могутъ имѣть цѣну для специалистовъ библиотечнаго дѣла еще и въ настоящее время, и, благодаря всякаго рода замѣчаніямъ и припискамъ самого Шафарика, которыя являются, очевидно, результатомъ его практической дѣятельности, они особенно интересны и цѣнны. Первая статья носитъ заглавіе: „Normativ füer Beschreibung der Bücher in der k. k. Hofbibliothek“; въ другой, болѣе обширной: „Kön. Hof-und Staatsbibliothek zu München“, Шафарикъ подробиѣ останавливается на описаніи библиотеки, ходѣ библиотечныхъ работъ, раздѣленіи библиотеки и особенное вниманіе посвящаетъ системѣ каталогизаціи въ придворной мюнхенской библиотекѣ, выписывая тутъ же полную схему каталоговъ ея. Дальнѣйшія выписки („Bibliothekssystem, Friedrich, 1835“, „Namur, Bibliographie, 1838“) касаются главнымъ образомъ разнообразныхъ системъ каталогизаціи; подробнѣе отмѣчаетъ онъ тетради „K. K. Hofbibliothek zu Wien“ рядъ замѣтокъ о недостаткахъ Императорской и королевской придворной библиотеки въ Вѣнѣ, всякаго рода соображенія относительно обязанностей чиновниковъ библиотекъ, контроля ихъ занятій и т. п.; далѣе слѣдуетъ рядъ выписокъ, касающихся библиотеки Парижской („Die Kais. Bibliothek in Paris“); выписки подъ заглавіемъ: „Bibliothécaire, ses devoirs“; подробнѣя соображенія касательно способа распределенія чешскихъ книгъ въ алфавитномъ порядке, снабженныя цѣльмъ рядомъ практическихъ, основанныхъ на опыта, указаній и т. д. Въ особой тетрадѣ: „Memorabilia bibliothecae, 1853“, Шафарикъ записываетъ инструкцію для описаній рукописей и печатныхъ книгъ. Тетрадь, озаглавленная: Collectanea bibliographi-

са*, заключаетъ въ себѣ тщательно собранную литературу по вопросамъ, касающимся устройства библиотекъ, описанія отдельныхъ замѣчательныхъ библиотекъ и собраній частныхъ и общественныхъ и т. д. Здѣсь отмѣчены выдающіяся библіографическая пособія вообще и въ особенности справочныя литературно-историческія изданія („Subsidia bibliographica“); подъ заголовкомъ: „Incunabula sine l., a. et typ. nomine“, въ алфавитномъ порядкѣ представлено обзорѣніе инкунабулъ безъ обозначенія года, мѣста изданія и типографіи, при чемъ Шафарикъ во многихъ случаяхъ или указываетъ на таковыя, или исправляетъ ошибки въ указаніяхъ чужихъ. Тутъ же находимъ рядъ любопытныхъ замѣтокъ о старинныхъ типографіяхъ и ихъ изданіяхъ, — книгахъ и отдельныхъ листахъ, чрезвычайно важный хронологический списокъ типографій отъ начала книгопечатанія до 1500 года и пр. Объемистая тетрадь съ надписью: „De typographis et typographiis. 1850—1854“, заключаетъ обильный материалъ, почерпнутый изъ разнообразныхъ источниковъ, для исторіи книгопечатанія въ отдельныхъ странахъ и городахъ, при чемъ обращено вниманіе и на типографіи славянскія вообще и чешскія въ частности.

Сознавалъ, очевидно, необходимость имѣть подъ рукой при библиотечныхъ занятіяхъ, разыскиваніи и каталогизаціи книгъ, списокъ типографій въ алфавитномъ порядкѣ распределенія ихъ по отдельнымъ городамъ, Шафарикъ составилъ „Indices civitatum typographiis insign. 1854“, длинный перечень латинскихъ старинныхъ названий съ присоединеніемъ къ каждому современного имени и съ указаніемъ года основанія типографіи; паконецъ, Шафарикъ составилъ такой же указатель именъ вымышленныхъ, апокрифическихъ (помішна аростгурна et ficta). Хотя подобного рода перечни Шафарикъ и могъ найти въ различныхъ исторіяхъ книгопечатанія, въ такъ-называемыхъ „библіографіяхъ“ и библіографіяхъ въ тому подобныхъ руководствахъ, но очевидно они не удовлетворяли его, и онъ, тщательно пропроверивъ по различнымъ пособіямъ ихъ указанія и исправивъ ошибки, вносилъ ихъ въ свою тетрадь. Такъ какъ эти указанія Шафарика отличаются отъ своихъ предшественниковъ тѣмъ, что въ нихъ отведено подобающее мѣсто и типографіямъ славянскимъ. не отмѣчаемымъ и неизвѣстнымъ трудамъ западно-европейскимъ, то понятно, что они еще иныѣ не утратили вполнѣ своего значенія, и авторъ названной брошюры хорошо поступилъ, извлекши ихъ изъ бумагъ Шафарика и присоединивъ къ своему очерку. Для библиофиловъ и библіографовъ такие указатели могутъ быть очень полезны. Къ сожалѣнію, очеркъ

д-ра Зибрта изданъ въ количествѣ всего 100 экземпляровъ, изъ коихъ только 50 поступило въ продажу. Для будущаго біографа П. И. Шафарика названная брошюра даетъ хотя и скромный, но интересный материалъ, и является новой страницей въ жизнеописаніи великаго ученаго.

В. А. Франценъ.

Книжные новости.

Памятная книжка и календарь Вятской губерніи на 1899 г. Изданіе Губернского статистического комитета. Вятка. 1898. 144 + 369 + 188 стр. Цѣна 1 р. 25 к.— Почтеннное вятское изданіе, выступившее въ 20-й годъ своего существованія, по обыкновенію, даетъ несолько статей, касающихся местной исторіи. Изъ числа ихъ двѣ принадлежать перу извѣстнаго изслѣдователя по исторіи Вятского края, скрывшаго свою фамилію подъ инициалами *A. B.* и подъ псевдонимомъ *A. Бугеско*, и представляютъ образцовые провинциальные работы какъ по свѣжести и полнотѣ материала, такъ и по строгости критического отношенія къ нему. Каждая статья г. В. составляетъ прочное достояніе науки, значительно облегчающее дальнѣйшіе шаги ея по затронутымъ изслѣдователемъ темамъ; каждая статья скромнаго вятскаго исторчка—монографія. Псевдонимомъ отмѣчено продолженіе статьи „Эпизоды изъ жизни основателя Вятской семинаріи“, представляющей очеркъ жизни епископа Лаврентія Горки и характеристику провинциального быта его времени. Въ настоящемъ очеркѣ излагается исторія хиротоніи епископа Лаврентія, пребываніе его въ Москвѣ, управление Астраханскимъ епархіемъ и назначеніе въ Устюгъ; въ связи съ Лаврентіемъ выступаютъ Феофанъ Прокоповичъ, Феофилактъ Лопатинскій, Гедеонъ Вишаевскій, Симѣонъ Холмскій, Е. А. Марковичъ. Интересны помѣщенные въ статьѣ свѣдѣнія о библиотекѣ епископа Лаврентія, о грузинскихъ епископахъ въ Астрахани, о положеніи Астраханской епархіи, о крещеніи инородцевъ, о впечатлѣніи первыхъ указовъ Св. Синода, о самоволіи извѣстнаго астраханскаго губернатора А. Н. Волынскаго, о бывшей въ духѣ времена отеческой расправѣ съ виновными. Инициалами помѣчена статья: „Рѣдкій масонъ изъ Вятки 30-хъ годовъ“ (стр. 348—369). Это одинъ изъ учредителей Союза Спасенія А. Н. Муравьевъ, попавшій въ Вятку изъ Сибири въ качествѣ представителя уголовнаго суда. Интересна исторія отношеній Муравьева къ извѣстному вятскому священнику о. Аварію Шиллегодскому, изложенная на основаніи переписки и дневника о. Аварія. Третью статью историческаго содержанія въ календарѣ является работа: „Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края“ (стр. 159—262)—длинная, весьма сомнительного достоинства коммиліція, не представляющая никакого интереса. Наконецъ въ изданіи помѣчена еще юбилейная статья: „Празднованіе столѣтія Вятской губернской типографіи“. Кроме перечисленныхъ статей Памятная книжка заключаетъ въ себѣ богатый статистический отдѣлъ въ свѣдѣніи административнаго характера.

Труды Саратовской ученої архивной комиссии. Выпускъ XXI. Саратовъ. 1898.—Кромѣ протоколовъ засѣданій комиссіи за 1894—1897 г. въ настоящій выпускъ включены: двѣ небольшіе замѣтки А. Н. Миаха: „Курганы Тюркской балки, Царицынского уѣзда” и „Ключевская камоппала баба Аткарского уѣзда” (послѣднія памятка любопытна, тѣмъ болѣе, что свѣдѣній о камонныхъ бабахъ въ Саратовской губерніи очень мало); статейка Ф. В. Духовникова о „Пенкорахъ Саратовской губерніи”, гдѣ авторъ указываетъ на новыя пять ценцеръ въ дополненіи къ приведеннымъ въ „Археологическихъ изысканіяхъ и замѣткахъ” за 1894 г.; поправка А. Г. Тянкова, доказывающая, что находящіяся въ архивѣ комиссии три рѣдкихъ восточныхъ монеты отчеканены при царѣ Тудаменту, а не Токты, какъ опредѣлилъ баронъ Тизенгаузенъ; „Библиографіческій указатель трудовъ А. Ф. Леопольдова”, сдѣланній г. С. Дегенонъ, въ материалахъ. Послѣдніе составляютъ: 1) „Историческіе материалы по топографіи города Саратова и его ближайшихъ окрестностей” (копіи съ императорскихъ указовъ, реестровъ, купчихъ, доказаний и т. п. бумагъ XVIII вѣка, заимствованныхъ изъ фамильного архива Шахматовыхъ); 2) „Изъ дѣлъ архива царицынской городской думы”. Изъ 300 дѣлъ за періодъ съ 1797 до 1812 г., просмотрѣнныхъ г. Соловьевымъ, извлечены наиболѣе интересныя для исторіи г. Царицына, и затѣмъ півѣщія „общественно-историческій интересъ”, каковы: высочайший указъ о ябедникахъ и ябедническихъ прошеніяхъ 1806 г., предписаніе сената всѣмъ начальникамъ откладать отъ себя „всякія приношенія и угощенія” и опубликованное иѣстинъ губернаторомъ предложеніе думѣ министра внутреннихъ дѣлъ (В. П. Кочубея) выписать „Санкт-Петербургскій Журналъ”, какъ заключающій въ себѣ „интересныя для любителей проевѣнія свѣдѣнія”; 3) „Копіи съ бумагъ, хранящихся въ архивѣ царицынской городской управы 1800—1808 гг.”. Среди нихъ наиболѣе интересны дѣла о развитіи шелководства въ Саратовской губерніи и „условіе, заключенное въ 1808 г. городской думой съ отставнымъ сержантомъ Власовымъ”, который взялся обучить дѣтей царицынскихъ гражданъ „въ надлежащемъ совершенствѣ читать, писать и прописи въ цифровый щетъ, я ариѳметикѣ въ 4-хъ частяхъ”, за 150 р. въ годъ; 4) „Извлечения изъ дѣлъ саратовского окружнаго суда” (три дѣла о раскольникахъ), и 5) „Архивъ гр. Нессельроде. I часть. Изъ бумагъ гр. Вильгельма Нессельроде, 1760—1807 г.”. Бумаги названнаго архива наиболѣе интересны изъ всѣхъ „материаловъ”—и содержать: а) изъ коню съ формулярного списка гр. Вильгельма Нессельроде, б) Высочайший указъ 1778 г. коллегіи иностранніхъ дѣлъ о назначеніи Нессельроде посланникомъ въ Лиссабонъ, в) пять различныхъ промеморій, г) инструкція Фридриха Вильгельма I подполковнику фонъ-Роховъ относительно воспитанія своего сына Фридриха, 1729 г. (на лѣтнѣкомъ и русскомъ языкахъ), д) шесть писемъ Фридриха Вильгельма I одианъ черновикъ письма послѣдняго первому, 1769—1775 гг. (въ это время Нессельроде состоялъ камергеромъ при берлинскомъ дворѣ), е) коню съ письма Доротеи, герцогини курляндской, Екатерины II, 1790 г., ж) письмо Фридриха Вильгельма II гр. В. Нессельроде и коню съ письма его же великому князю Павлу Петровичу, 1788 г. (въ послѣднемъ прусскій король утверждаетъ великаго князя въ своей къ нему

дружбѣ, высказываетъ неудовольствіе и опасенія по поводу сближенія Россіи съ Австріей и объѣщаетъ „энергическій“ противодѣйствовать русскому вліянію въ Швеціи; и в) черновое письмо гр. В. Нессельроде великому князю Павлу Петровичу, отъ 20-го марта 1790 г. Всѣ документы, кроме „инструкціи“, напечатаны на французскомъ и русскомъ языкахъ и въ русской исторической литературѣ появляются впервые.

Извѣстія Историко-Филологического Института кн. Бизвородко въ Нижнемъ. Т. XVI. Нижний, 1898.—Содержаніе XVI тома „Извѣстій“ составляютъ: Отчеты о состояніи Института за 1894—1897 г., правила библіотеки, некрологи: А. А. Фогеля и И. А. Левицкаго, обширный трудъ проф. А. В. Добиаша: „Опыты синасиологии частей рѣчи и ихъ формы на почвѣ греческаго языка“, и „Замѣтки о рукописяхъ Бѣлградскихъ и софійской библіотекъ“ проф. М. Н. Сперансаго. Трудъ г. Добиаша, который поставилъ себѣ главною цѣлью „очистить науку сравнительного языкознанія кое-гдѣ отъ нарощеній на ея искусственныхъ наслойній“ (стр. 87), распадается на 7 отдѣловъ: въ первомъ—„Определеніе задачъ“—говорится о началахъ синтаксиса у Гумбольдта, синтаксической системѣ Бенкера, ученіи Штейнгеля о языкахъ, теоріи Потебнаго о грамматическомъ мышленіи, о томъ, что такое синтаксисъ, и въ концѣ излагаются „предварительныя замѣчанія къ синасиологии частей рѣчи и ихъ формъ“. Темою втораго отдѣла является—„глаголь въ смыслѣ verbi finiti“, третьяго—„общія положенія объ именіи“, четвертаго и пятаго—„предлоги и определеніе значеній падежей“, шестаго и седьмаго—частицы и нарѣчія. Г. Сперансакъ въ своихъ „Замѣткахъ“ излагаетъ соображенія краткій сравнительный разборъ рассматриваемыхъ имъ: трехъ паремийниковъ, Восьмикнижія съ 4-ми книгами Царства 1568 г., вѣскоіхъ еванголій, сборника начала XV вѣка сербскаго письма, двухъ словъ о Оеофанѣ корчмарциѣ и о Соломонѣ и его женѣ, и новѣсти о паденіи Цариграда; затѣмъ приводятъ выписки изъ рукописей Бѣлградской народной библіотеки—молитву отъ непріятеля, слово св. Анастасіи, молитву Сисиніи, и наконецъ дѣлаетъ вѣсколько замѣчаній о Синодикѣ царя Бориса и объ отреченныхъ книгахъ, находящихся въ Софійской библіотекѣ.

Дѣйствія Нижегородской Губернской ученої архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Т. III. 1898 г. Н.-Новгородъ. Стр. VI+269+41+43.—Открывается „Сборникъ“ „Очеркомъ исторіи больницъ въ Нижнемъ-Новгородѣ“ Г. И. Родзевича, удачно составленнымъ въ связи съ исторіей врачебнаго и больничнаго дѣла вообще на Руси. Слѣдующая статья г. А. Можаровскаго—„Къ исторіи Нижегородской духовной семинаріи“—является дополненіемъ, сообщающимъ изъкоторыми детали изъ начальной жизни семинаріи, съ выписками изъ документовъ и переписью: состава ея въ 1766 г., въ подробной исторіи его же, печатавшейся въ мѣстныхъ „Епархиальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1894 и 1895 гг. Далѣе идетъ изслѣдованіе В. Е. Магнитскаго, подъ заглавиемъ: „Нѣчто о чувашихъ, татарахъ и имшарахъ“. Автору, хорошо освѣдомленному съ литературой своего предмета, удается высказать вѣсколько новыхъ свѣдѣній, напримѣръ, относительно того, что имъ чувашечъ впервые встрѣчается въ памятникахъ не въ 1524 г. (Карамзинъ) и не въ 1551 г. (Сбоевъ), а въ 1548 г., въ грамотѣ, данной

„Каринскимъ татарамъ“; что мѣстомъ жительства ихъ были кроме извѣстныхъ доселѣ губерній еще *Нижегородскія* и *Вятскія*; что мишари (или „Мижеры“) есть національное племя монголковъ и менчера и потому должны быть отдѣлены отъ татаръ, и др. Затѣмъ, послѣ небольшаго замѣтка А. В. Смирнова: „Наѣдныи пиведы въ Нижнемъ-Повгородѣ (1710—1712)“ и „О земляхъ кн. Д. М. Пожарского въ Клинскомъ уѣздѣ“, встрѣчаемъ довольно соодержательную статью г. Спѣжневскаго о „Крестьянскихъ крестьянахъ и помѣщикахъ Нижегородской губерніи наканунѣ реформы 19-го февраля и первыхъ годахъ послѣ нея“. Въ ней авторъ, основываясь на данныхъ мѣстного исторического архива, подробно слѣдитъ за крестьянскими движеніями, указываетъ ихъ причины, въ числѣ которыхъ одною изъ главныхъ были „кепомѣрные“ оброки и барщины и „жестокое тиранство“ помѣщиковъ и особенно ихъ бурнестровъ и ярко характеризуетъ взгляды нижегородского дворянства на реформу, па основаніи трудовъ губернскаго комитета по устройству и улучшению быта помѣщичьихъ крестьянъ. Во второй отдѣлѣ „Сборника“ вошли двѣ описи В. И. Спѣжневскаго: а) журналы изъ Нижегородскаго намѣстническаго правленія за 1781 и 1783 гг. (ивого материала о приказныхъ людахъ и бѣглыхъ) и б) дѣлалии того же правленія за 1790—1799 гг. (много сѣдѣній о состояніи административной части губернскіхъ учрежденій, о заводской и фабричной промышленности; о городахъ и т. п.), и одна В. Г. Короленко — дѣланіе балахнинскаго городового магистрата, за время 1748—1776 г., относящіеся преимущественно до торговопромышленнаго сословія. Третій и послѣдній отдѣлъ рассматриваемой книги составляютъ материалы архива комиссіи: 1) списокъ съ правовой грамоты, данной въ 1694 г. Александру Вешнякову па помѣстья измѣнника Асаля Абдулаташа пособника Степана Розина въ Керенскомъ и Радомскомъ уѣздахъ; 2) грамота 1698 г. арзамасскому воеводѣ И. К. Коалову о сосланныхъ въ Арзамасъ стрѣльцахъ; 3) Отрывокъ изъ рядной записи иона Еремѣя съ прихожанами села Сарги, 1690 г.; 4) Сыскное дѣло арзамасской приказной избы 1698 г. о кражѣ денегъ и имущества у черпаго иона арзамасскаго троицкаго монастыря Варсонофія; б) грамота балахнинскаго стольника и воеводы П. Ю. Казацкаго объ отдачѣ на откупъ кружечныхъ дворовъ въ городѣ Балахнѣ и его уѣзда; б) материалы о мѣрахъ правительства къ пресѣченію пугачевскаго бунта въ 1771 г.; 7) два документа о чумѣ въ Нижегородской губерніи въ XVII столѣтіи и 8) формуларный списокъ о службѣ В. И. Даля, составленный въ 1858 г.

А. Киримов. 1797—1897. Материалы для истории Владимирской губернской типографии, къ столѣтнему юбилею. Владимир на Клязьмѣ, 1898 г. — предстаиваетъ довольно любопытный материалъ для истории типографскаго дѣла вообще на Руси. Въ ней авторъ обозрѣваетъ исторію типографіи, начиная съ 1797 г., когда была основана пранорщицомъ Матвѣемъ Петровичемъ, Попомареніемъ, при субсидіи отъ губернскаго правленія до нынѣшнаго ея состоянія. Изъ этого обзора видно, что владимирская губернская типографія улучшалась крайне медленно и скучно; когда же въ 1860 и 1870-хъ гг. она была „поднята до настоящаго состоянія“, ей пришлось бороться съ частными типографіями, что также не могло не отозваться на ея производ-

дитольности. Попутно съ исторіею типографій г. Кириловъ указываетъ всѣ напечатанныиа М. И. Пономаревымъ книги въ теченіе 1798 — 1802 гг., что довольно цѣнно для нашей древнѣшней библіографіи, такъ какъ у Сопикова указаны не все тѣ изданія, которыя приведены г. Кириловымъ, на основаніи архивнаго матеріала, и съ возможной подробностью останавливается на распространеніи "Владимирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" въ первые два-три года. Распространенію ихъ шло официальными порядкомъ, и почти повсюду не только частныи лица, но и учрежденія отказывались отъ подписки.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА¹).

Ів. Іоанкою. ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА прымѣнительно къ русской. Харьковъ. 1898. Ц. 1 руб.

Книга отпечатана довольно исправно (непріятное впечатление производитъ то, что въ греческихъ печатныхъ словахъ на стр. 191 и слѣдующихъ конечная буква с имѣеть форму с = st, что ведеть къ недоразумѣніямъ), шрифтъ довольно четокъ и цѣна книги недорогая. Для ея нового изданія сообщаемъ нѣсколько замѣтокъ и указаний, которыя, думаемъ, могутъ пригодиться автору.

Стр. 91 „In gemisco“ вздыхаю. Болѣе употребительной является форма „ingemisco“.

Стр. 116 „minor“ угрожаю чѣмъ (выставляю). Слѣдовало бы привести какую-нибудь болѣе опредѣленную конструкцію, въ которой „minari“ дѣйствительно имѣло бы значеніе „выставляю“.

Стр. 117 „Obire mortem (diem supremum) найти смерть“. Лучше было бы передать по-русски черезъ: „выдти на встрѣчу смерти“ или „послѣднему дню“.

Стр. 124. Не согласны съ русскимъ языкомъ выраженія: *Nomine* по имени, „согономіе“ по прозванию, „genere“ по происхожденію, „natu“ отъ рода, „specie“ на видъ, „гѣ“ на дѣлѣ, и нѣкоторыя др. Но развѣ нельзѧ сказать по-русски, согласно съ латинскими: „именемъ, прозваніемъ, происхожденіемъ, родомъ, видомъ, дѣломъ?

Стр. 134. Неправильно указано количество въ словѣ „Pisidas“. Въ немъ второй слогъ отъ конца кратокъ, а не долгъ.

¹) Помѣщенные здесь рецензіи имѣлись въ виду учеными комитетомъ министерства народного просвѣщенія.

Стр. 143. Если при сказуемомъ главшаго предложения есть отрицаніе, то вмѣсто „quoniam“ и „ne“ можетъ быть „qui“; иногда это необходимо (смотри § 220, в). Послѣднюю прибавку слѣдовало бы пояснить, ибо безъ поясненія она не имѣетъ смысла.

Стр. 171. Грубая опечатка: "Venigret" вмѣсто Venigret".

Lhomond. De viris illustribus Romanis Imperii. Для учениковъ III-го класса мужскихъ гимназій. Обработалъ В. Боруховскій. Тифлісъ. 1897. Ц. 50 к. 74 стр. въ 16-ю долю листа.

Текстъ книжки Lhomond'a уже давно извѣстенъ преподавателямъ элементарной латыни. Трудъ г. Боруховскаго состоялъ, сверхъ первопечатки текста, въ снабженіи его краткимъ обзорѣніемъ содержания, примѣчаніями и латино-русскимъ словаремъ, расположеннымъ въ порядке латинскаго текста, а не въ алфавитномъ. Къ сожалѣнію, трудъ г. Боруховскаго не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ, вслѣдствіе массы неточностей и опечатокъ. Для примѣра укажемъ нѣкоторыя: стр. 29 „Вестѣ былъ построенъ круглый храмъ, служившій подобиемъ земли“. Стр. 30 „Виминальскомъ“ вмѣсто „Виминальскомъ“. Стр. 33 „Полководецъ, отправляясь на войну, шелъ въ храмъ Марса и, потрасая оружіемъ, произносилъ: „Бодрствуй, Марсъ“. Неизвѣстно, откуда почерпнулъ эту подробность авторъ. Стр. 35 „Терренскими“ вмѣсто „Тирренскими“. Стр. 36 „Послы, отправляемые для объявленія войны, назывались legati fetiales въ числѣ 15 человѣкъ и избирались пожизненно“. Послы назывались просто „fetiales“, и о томъ, чтобы они избирались пожизненно, мы не имѣемъ свѣдѣній. Стр. 37 „Рѣки Мокры“ вмѣсто „Макры“. Стр. 38 „Praetexta, бѣлая тога, обшита цурировою полосой“, что невѣрно. Стр. 39 „Gabii“ древнѣйшій городъ въ Лациумѣ, основавъ царемъ Альбаонгой“. Послѣднее не точно. Стр. 39 „Діана, дочь Юпитера и Лето“ вмѣсто: Латоны. Въ словарѣ мы замѣчаемъ опечатки, вродѣ „Auguisiae“ вмѣсто „Augustiae“, „coelum“ вмѣсто „caelum“, „umerus“ вмѣсто „umerus“, и т. д. Цѣна книги неизвѣстна высока (50 к.).

Квантъ Гораций Флаккъ. Оды. Книга первая. Переводъ въ стихахъ съ примѣчаніями П. Порфириоза. С.-Пб. 1898. Стр. 14 + 61. Цѣна 50 коп.

Русская литература уже обладаетъ стихотворнымъ переводомъ оды Горация, сдѣланымъ такимъ художникомъ, какъ А. А. Фетъ. Но и при существованіи перевода Фета, трудъ г. Порфириоза не представляется излишнимъ: главный недостатокъ перевода Фета состоять въ

тому, что переводчикъ мало знакомъ съ латинскимъ подлинникомъ и обращается съ нимъ довольно свободно. Между тѣмъ, передача Гораций на основаніи точнаго изученія латинскаго текста, представляется дѣломъ далеко не излишнимъ, и въ переводѣ г. Порфирия мы имѣемъ хороший образчикъ этой передачи. Внимательно сличивъ переводъ г. Порфирия съ подлинникомъ, мы видимъ, что послѣдній изученъ имъ основательно, и ошибокъ противъ его пониманія мы не замѣчаемъ. Кое-какія замѣтки можно сдѣлать относительно частностей, но замѣтки эти будутъ касаться только деталей и могутъ быть устраниены переводчикомъ при новомъ изданіи. Вотъ онѣ: Ода I, стихъ 1-й. „О, прадѣдовъ царственныхыхъ сынь, Меценатъ“. Врядъ ли удобно Мецената называть сыномъ прадѣдовъ.

Ода I, стихъ 28 „Коль вепрь изъ капкана прорвался въ испугѣ“. Послѣдній словамъ пѣть соответствующей картины въ подлиннике.

Ода II, стихъ 13 и слѣд. „За слезы Сильвіи жестоко отомщая въ супружнѣй вѣрности, и волнами рѣки затопленъ лѣвый берегъ, хоть месть была такая отцу вселенной вопреки“. *Hae dum se pinnium querebent—Jactat ultorem, vagus et sinistra—Labitur ripa Jove non probante uxoris ambris.* Переходъ скрѣпѣе перефразируетъ, чѣмъ передаетъ подлинникъ.

Ода III, стихъ 13 „Порывовъ Африка, кто съ аквилономъ въ спорѣ“. Не лучше ли здѣсь сказать: „что“, а не „кто“?

Ода VII, стихъ 2-й „Городъ Эфесъ ли, Коринѳъ ли двуморскій“. Слово „городъ“ не находить себѣ соответствія въ подлиннике, да оно и лишнее.

Ода XII, стихъ 2. „Какого мужа ты героя или бога прославишь лирою, свирѣлью влюблой мѣѣ, о Кlio?“ *Quem virum aut heros luta vel acri—Tibia nimis celebrare, Clio?*“ О свирѣли въ подлиннике нѣть рѣчи.

Тамъ же: стихъ 45-й „Растетъ какъ дерево изъ сѣмени потайно“. Такого слова въ русскомъ языке нѣть.

Ода XVII, стихъ 17 „Въ уединеніи долинъ ты здѣсь уйдешь жары“. Опущеніе предлога „отъ“ здѣсь неудобно.

Тамъ же, стихъ 21 „Спокойно будешь пить далекая заботъ“. Эта грецизмъ врядъ ли удобенъ.

Ода 19, стихъ 8-й „Сжигаютъ милыя безстыдныя манеры, и взоръ для взоровъ роковой“ *Urit grata protervitas—Et vultus nimis iubricius adspici*“. Но формѣ переводъ не совсѣмъ удаченъ.

Ода 26, стихъ 2-й „На море Критское счастія вѣтранъ свобод-

нимъ". „Tradam protervis in mare Creticum—Portare ventis". Наше слово „свободныи" гораздо слабѣе латинскаго „protervis".

Ода 27, стихъ 1-й „Кубаками, что служать къ веселью, еракий-цамъ лишь драться обычно". По русски говорится: „кубаками".

Тамъ же: стихъ 6-й „Нейдетъ къ возліянию и сиѣточамъ пирныи". Послѣднее слово есть иеологизмъ, по русски не употребительный.

Тамъ же: стихъ 9-й „Хотите, чтобы крѣпкаго я за компанію выпилъ фалерна". Оборотъ слишкомъ модернизованный. По латыни: „Vultis severi me quoque sumere Partem Falerni?

Ода 35, стихъ 30-й „Молодежи достанеть она необорная". То же иеологизмъ, по русски не употребляемый.

Ода 36, стихъ 13-й „Пусть пьють по скискому обычью безъ глотковъ". Выраженіе не совсѣмъ удачное.

Ода 37, стихъ 18 „За слабыи голубемъ такъ коршуунъ ичить порой". Здѣсь „ичить" имѣть значеніе „ищется".

Издана книжка весьма изящно и остается пожалѣть, что переводчикъ ограничился только одною первою книгой Оды. Желаемъ, чтобы она подарила нашу литературу полныи переводомъ произведеній Горациі.

КРАТКАЯ НѢМЕЦКАЯ ГРАММАТИКА. Составилъ К. Г. Гохъ. Kurze Deutsche Grammatik. Bearbeitet und herausgegeben von Karl August Hoch Oberlehrer an der Scheibler'schen Schule zu Lodz. Лодзь. 1898. Стр. 55. Цѣна 35 коп. въ переносѣ.

Нѣмецкая грамматика г. Гоха предназначается для употребленія въ начальныхъ училищахъ, въ коихъ преподается нѣмецкій языкъ. Составлена она, какъ говорить авторъ, параллельно къ учебному матеріалу, помѣщеному въ изданий имъ же въ 1888 году нѣмецкой хрестоматіи.

Предлагаемый г. Гохомъ учебникъ составленъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ хорошо, что, по нашему убѣждѣнію, онъ можетъ служить весьма полезнымъ руководствомъ при изученіи нѣмецкаго языка не только въ начальныхъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ коихъ преподованіе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

На 47-ми страницахъ ясно и точно изложены обѣ части нѣмецкой грамматики, этимологія и синтаксисъ, учение о знакахъ препинанія, о сокращеніи словъ и правописаніи иностраннѣхъ словъ. Къ этимъ частямъ еще прибавлены въ видѣ приложенийъ, на 9 страницахъ, „при-

мѣры для диктанта и разбора"; далѣе—образцы счетовъ, расходныхъ книгъ, расписокъ, заемныхъ писемъ и аттестатовъ.

Всѣ правила изложены въ весьма краткой, но тѣмъ не менѣе совершенно ясной и точной формѣ. За каждою отдельною статьей какъ этимологіи, такъ и синтаксиса слѣдуютъ, кроме ясныхъ, точныхъ примѣровъ, ореографическія правила и задачи для устныхъ и письменныхъ упражненій съ цѣлью примѣненія только что объясненныхъ грамматическихъ правилъ. Таблицы и парадигмы напечатаны весьма наглядно. Вообще нужно сказать, что типографская сторона книги весьма хороша: бумага и печать вполнѣ удовлетворительны, опечатокъ мы не замѣтили. Можно было бы желать, чтобы шрифтъ орографическихъ правиль и задачъ быть немного крупнѣе; но мы думаемъ, что большая отчетливость шрифта легко искупаетъ этотъ недостатокъ.

Исторія Тридцатилѣтней войны Ф. Шиллера въ избранныхъ отрывкахъ, съ примѣчаніями и словарями. Изданъ А. Баронъ. Москва. 1889. Стр. V+110+204. Цѣна 80 коп.

Какъ уже видно изъ заглавія вышенопоменованной книги, въ ней предлагается для чтенія и перевода на русскій языкъ не все столь извѣстное сочиненіе Шиллера: „Тридцатилѣтняя война”, но только избранныя иѣста, заключающія въ себѣ самые важные и наиболѣе интересные эпизоды этой войны, а именно: 1) Wallensteins erstes Austreten; 2) Belagerung von Stralsund; 3) Wallensteins Absetzung; 4) Gustav Adolf; 5) Uebergang der Schweden nach Deutschland; 6) Tilly; 7) Eroberung Magdeburgs; 8) Schlacht bei Breitenfeld; 9) Gustav Adolf in Bayern; 10) Die Sachsen in Böhmen; 11) Wallensteins Wiederkehr; 12) Belagerung von Nürnberg; 13) Schlacht bei Lützen; 14) Wallensteins Ende и 15) Deutschland nach dem Prager Frieden.

Нѣкоторые изъ этихъ отрывковъ, какъ, напримѣръ, приведенные подъ №№ 4, 7, 13 и 14, рекомендованы новыми учебными планами для чтенія въ VII, VIII классахъ гимназій,—остальные прибавлены издателемъ какъ „находящіеся съ первыми въ болѣе или менѣе тѣсной связи”. Что же касается текста этихъ отрывковъ, то въ предисловіи къ разбираемой книгѣ мы читаемъ слѣдующее: „Отступленія отъ подлинного текста (въ изданіи Котты) допущены лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда, по тѣмъ или другимъ причинамъ, они казались намъ необходимыми”. Соглашаясь съ тѣмъ, что въ сочиненіяхъ самыхъ выдающихся представителей какъ отечественной, такъ и иностранной

литературы можетъ иногда представляться необходимость незначительныхъ измѣненій текста, если рѣчь идетъ о школьныхъ изданіяхъ, мы тѣмъ не менѣе жалѣемъ о томъ, что г. Барону не было угодно указать на тѣ причины, которыя его побудили даже въ текѣтъ замѣствованіемъ изъ „Cotta's Schulausgaben“ опять допустить новыи отступленія отъ подлиннаго текста, принадлежащаго самому писателю.

Такимъ образомъ г. издатель лишаетъ насъ возможности убѣдиться, были ли допущенные имъ отступленія въ данномъ случаѣ дѣйствительно необходимы или нѣтъ. Мы не можемъ не придавать этому обстоятельству особаго значенія въ виду того опасенія, какъ бы скоро въ рукахъ нашихъ учениковъ не очутились подъ фирмой извѣстныхъ корифеевъ иностраннай литературы тексты, настолько измѣненныи, что весьма трудно будетъ различить, кому собственно они припадлежать, тому ли автору, имя котораго носитъ сочиненіе, о которомъ рѣчь идетъ, или тому преподавателю немецкаго языка какой-либо провинциальной гимназіи, который является издателемъ этого сочиненія. А это легко можетъ случиться, если каждому издателю будетъ позволено по собственному благоусмотрѣнію и безъ всякаго объясненія прачинъ измѣнять тексты издаваемыхъ имъ сочиненій.

Ни введенія, ни біографія писателя въ изданіи г. Барона нѣть; но за то оно снабжено довольно богатыми примѣчаніями, заключающими въ себѣ преимущественно свѣдѣнія историческаго и географическаго характера. Есть въ книгѣ и два словаря: одинъ построчный, въ которомъ даются болѣе рѣдкія слова и выраженія въ порядке слѣдованія ихъ въ текстѣ. Здѣсь иногда дается и переводъ отдѣльныхъ мѣстъ, заключающихъ въ себѣ особенности грамматического или лексического свойства. Другой словарь, алфавитный, содержитъ всѣ слова I—XI главы, встрѣчающіяся въ нихъ болѣе одного раза и всѣ слова главы XII—XV, то-есть до конца текста.

Въ концѣ книги еще находится таблица измѣненія основныхъ гласныхъ въ правильныхъ глаголахъ сильнаго спряженія и списокъ отступающихъ и неправильныхъ глаголовъ. Цѣль этой таблицы, какъ объясняетъ издатель, облегчить ученикамъ при встрѣчѣ въ текѣтъ той или другой формы означенныхъ глаголовъ, скорѣйшее ихъ пріискавіе въ алфавитномъ словарѣ. Типографская сторона книги не совсѣмъ удовлетворительна: бумага не особенно хороша и шрифтъ, хотя довольно крупный, не достаточно чистый и отчетливый, такъ что читается не безъ труда. Лучше шрифтъ словарей. Въ концѣ

текста помещается список замѣченныхъ опечатокъ; — ихъ немного и кромѣ приведенныхъ мы другихъ не нашли.

Л. Манжель. Элементарная ботаника. Перев. съ 3-го французского издания Н. И. Мамонтова, подъ ред. А. Н. Петушкикова, съ 2 хромолитографическими таблицами, 444 полутипажами и 2 картами распределенія растеній. Москва. 1899 г. XVI + 392. Ц. 2 р. 50 к.

Разматриваемый учебникъ состоять изъ трохъ частей: первая — трактуетъ о растеніи и его жизнедѣятельности вообще; вторая представляетъ систематический обзоръ различныхъ группъ растеній; и наконецъ третья — посвящена географіи растеній. По объему главное имѣсто занимаетъ вторая часть, но съ учебной точки зрѣнія таковою, конечно, является первая.

Авторъ начинаетъ съ изученія составныхъ частей растенія путемъ эмбріологическимъ, то-есть рассматриваетъ развитіе и постепенную дифференцировку растенія изъ семени, клубня, луковицы. Затѣмъ последовательно рассматриваетъ корень, стебель и листъ, причемъ сперва описываетъ строеніе каждой изъ этихъ частей, затѣмъ отправленіе, потомъ различная модификаціи этихъ частей и наконецъ практическое примѣненіе. Слѣдующія главы трактуютъ о размноженіи растеній и органахъ воспроизведенія, и наконецъ послѣдняя глава этой части объясняетъ соотношеніе между питаніемъ растенія и условіями существованія, напримѣръ, значеніе сѣвооборота, а равно даетъ понятіе о сравнительной продолжительности жизненнаго цикла растеній.

Означенный порядокъ изложенія имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. При такомъ изложеніи съ полною наглядностью вырисовывается роль каждой части растительного организма, но за то общее соотношеніе частей между собой нагляднѣе выступаетъ, если фізіология растенія составляетъ въ изложеніи иѣчто цѣльное.

Не отрицая научныхъ и учебныхъ достоинствъ рассматриваемой книжки, можно упрекнуть ея автора въ нѣсколько конспективномъ характерѣ изложенія съ одной стороны, а съ другой стороны можно бы пожелать чтобы болѣе было обращено вниманія на сравнительно-морфологическое значеніе органовъ, напримѣръ отдѣльныхъ частей цветка и т. п., всколько это доступно пониманію учениковъ. Примерная сторона изложена настолько кратко и сжато, что почти теряетъ всякое значеніе, если не будетъ сопровождаться подробными разясненіями преподавателя.

Что касается до второй части, то она слишкомъ подробна для элементарного курса и вообще въ такомъ курсѣ центръ таємствъ долженъ лежать, на мой взглядъ, въ физиологии и морфологии растеній, а не въ систематикѣ. Третья часть, въ которой рассматривается не только распространеніе растеній, но вліяніе условій на мѣстообитаніе растеній, составляетъ весьма желательное и обстоятельное прибавленіе. Съ точки зрѣнія ясности терминологіи и изложенія, укажемъ на пѣкоторую сбивчивость физиологической терминологіи. Такъ на стр. 50 говорится, что листья дышать, причемъ совершенно правильно объясняется значеніе дыханія въ смыслѣ выдѣленія угольной кислоты и поглощенія кислорода; но на стр. 48 говорится о томъ, что листья „выдыхаютъ“ водяныхъ пары. Такой способъ выраженія, заимствованный изъ житейской терминологіи, невольно заставляетъ читающаго предположить, что дыханіе представляетъ гораздо болѣе сложный процессъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Но всѣ указанные недочеты имѣютъ лишь второстепенное значеніе, а по существу своему книжка Манжена заслуживаетъ полнаго вниманія.

Н. Скворцовъ. Записки по педагогикѣ. Часть вторая. Общая дидактика. С.-Пб 1899, стр. 117. Цѣна 75 коп.

Записки г. Скворцова состоятъ изъ введенія и 9 отдельъ, озаглавленныхъ слѣдующимъ образомъ: 1) Домашнее и школьное обученіе; 2) Классная и предметная система обученія; 3) Расположеніе учебнаго материала; 4) Методъ обученія; 5) Формы обученія; 6) Учебныя средства; 7) Общія дидактическія положенія; 8) Школьные порядки; 9) Личность учителя.

Въ введеніи авторъ даетъ понятіе о дидактицѣ, которая есть часть педагогики: въ общей педагогикѣ излагаются правила воспитанія дѣтей, а въ дидактицѣ правила обученія дѣтей; но это опредѣленіе совершенно словесное, ибо ничего не говорится о томъ, что такое воспитаніе и, что такое обученіе, въ чёмъ ихъ сходство и различие; правда, этому предмету посвящена цѣлая глава, но она имѣеть такой общий характеръ, что ею дѣло нисколько не разъясняется; говорится напримѣръ: что, „обученіе развиваетъ силу воли“, что „даже виѣшняя дѣятельность человѣка удобнѣе дисциплинируется, когда она управляется дисциплинированнымъ разсудкомъ“, что „обученіе, наконецъ, даетъ содержаніе и направление характеру“. Все это фразы, частью лишенныя доказательности, частью же не совсѣмъ понятныя; къ таковыми

я отношу вышеприведенную, что „внѣшняя дѣятельность человѣка удобаѣте дисциплинируется, когда она управляется дисциплинированнымъ разсудкомъ“. Доказательствъ тому, что обученіе развиваетъ волю, что, обученіе даетъ содержаніе характеру, не приведено. Этотъ общиі и отвлеченній характеръ разсужденій я считаю главнымъ недостаткомъ записокъ г. Скворцова. Какое напримѣръ, понятіе получать ученицы о значеніи дидактики (стр. 3 — 5), когда имъ говорять, что дидактика есть теорія обученія, но въ то же время она есть плодъ многообразія опыта; однако относительно личного опыта, совершенно правильно замѣчено, что онъ носить отрывочный, случайный и неустойчивый характеръ. Если дидактика есть теорія, то она должна давать общія предписанія, которые должны быть правильными на практикѣ, ежели же она есть отвлеченіе отъ практики, систематизація личного опыта нѣсколькихъ лицъ, то она не можетъ быть теоріей, а только систематизаціей болѣе или менѣе полезныхъ свѣдѣній и не представляетъ признаковъ науки. Но дѣло въ томъ, что въ дидактицѣ есть и теоретическіе элементы, вытекающіе изъ психологіи, и практическіе, вытекающіе изъ исторіи, и дѣло пишущаго дидактику состоять въ строгомъ разграничениі этихъ разнородныхъ элементовъ. Благодаря отвлеченностіи въ общности разсужденій г. Скворцова весьма трудно сказать, ошибочны ли его утвержденія или же онъ можетъ истолковать ихъ и въ такомъ смыслѣ, что они получать значеніе: на страницѣ 6 онъ, напримѣръ, говорить, что „сторонники формальпой цѣли образования полагаютъ, что для ребенка важно не самое содержаніе знаній, по существу своему элементарныхъ и не имѣющихъ практической цѣлности, но развитіе способности къ усвоенію знаній, и т. д.“ Что сказать объ этой мысли, когда авторъ не называетъ, кого онъ считаетъ защитникомъ формальной цѣли, не опредѣляетъ, что значитъ элементарное знаніе и не объясняетъ, почему элементарное знаніе не имѣсть практической цѣлности, когда казалось бы наборъ, что знаніе ореографіи и ариѳметики (несомнѣнно элементарныхъ знаній) имѣютъ несомнѣнное примѣненіе въ жизни. Или возьмемъ напримѣръ, мысль, выраженную на страницѣ 9: „При отсутствіи надлежащаго общаго образования, специалистъ въ своей дѣятельности является не болѣе какъ ремесленникомъ, мастеровымъ, вся работа коего сводится къ механическому подражанію работъ учителя и слѣдовательно лишена самостоятельности, творчества, движенія впередъ“. Эта мысль можетъ быть и спраподливо и совершенно ложью въ зависимости отъ того, что авторъ разумѣеть подъ понятіемъ общаго образования,

а опредѣлениі общаго образованія у автора мы не находимъ; несомнѣнно, что указанія автора оказали бы большую пользу, еслибы они были даваемы съ большою опредѣленностью, и мысль получала бы болѣе полное развитіе; мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что указанія автора бесполезны и неправильны. Только относительно одной главы, названной „методъ обученія“, мы дѣйствительно прѣдлагаемъ такою же критику: авторъ въ этой главѣ трактуетъ обѣ анализъ и синтезъ, какъ о приемахъ обученія, между тѣмъ анализъ и синтезъ вовсе не суть приемы обученія, а пути мышленія вообще; трактовать обѣ анализъ и синтезъ слѣдуетъ въ логикѣ (авторъ слѣдовательно могъ помѣстить эту главу въ I часть общей педагогики), а вовсе не въ дидактицѣ; сверхъ того и то, что авторъ говорить обѣ анализъ и синтезъ, весьма неправильно: онъ отожествляетъ анализъ съ индукціей, а синтезъ съ дедукціей; анализъ и индукцію считаетъ движениемъ мысли отъ частнаго и сложнаго къ общему и простому, а дедукцію или синтезъ,—движениемъ мысли отъ общаго и простаго къ частному и сложному (стр. 32); но итѣшю автора сложеніе и умноженіе есть синтезъ, слѣдовательно дедукція, а вычитаніе и дѣленіе анализъ (то-есть индукція) (стр. 37). Итакъ выходитъ, что при сложеніи мысль движется отъ общаго къ частному, а при дѣленіи отъ частнаго къ общему. Авторъ забываетъ, что сложенію можно прѣдатъ видъ вычитанія и наоборотъ, слѣдовательно здѣсь совершение однородные процессы мысли.

Глава о формахъ обученія трактуетъ обѣ акроаматическомъ и эвристическомъ (катехизическомъ и эвристическомъ) обученіяхъ, при чёмъ на страницѣ 42 сказано: „На практикѣ акроаматическая форма сообщенія учебного материала имѣть самое широкое распространение“..., а на страницѣ 44: „Наибольшее примѣненіе и дѣлъ обученія имѣть такъ называемая эвристическая форма“. Которая же болѣе примѣняется? Относительно эвристической формы сказано на страницѣ 45, что „для учениковъ старшаго возраста она уже мало пригодна“, но въ примѣчаніи упоминается, что Сократъ постоянно пользовался эвристической формой. Неужели авторъ думаетъ, что Сократъ занимался съ „учениками изъшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній“? На страницѣ 52 сказано, что „вопросы... пріучаютъ его къ привычкѣ“; что вопросы не должны быть ни слишкомъ легкими, ни слишкомъ трудными“, и для того, очевидно, чтобы не было недоразумѣній, прибавлено, что „легкие вопросы не требуютъ труда“. На страницѣ 54 говорится: „Вообще учитель долженъ

быть въ данномъ отношеніи образцомъ для учениковъ, чтобы и отъ нихъ требовать того же", то-есть чтобы ученики были бы образцомъ для учителя? Въ этой же главѣ (формы обучения) довольно подробно трактуется о системахъ оцѣнки знаній учениковъ, при чемъ подробно объясняется, что значить балль единица, два, три и т. д. Мнѣ кажется, что эту систему обозначенія и оцѣнки знаній ученицы, дошедшія до 8-го класса, изучили уже превосходно, такъ что въ подробнѣхъ объясненіяхъ нѣть надобности (стр. 58—61).

Во главѣ „Учебные средства“ авторъ говоритъ о показываніи, обѣ упражненіяхъ и задачахъ, о заучиваніи наизусть и повтореніи, обѣ испытаніяхъ, но почему то забываетъ о самомъ обычномъ учебномъ средствѣ: обѣ объясненія уроковъ, о задаваніи уроковъ на дому и о спрашиваніи заданаго. То, что авторъ говоритъ въ главѣ о школьной дисциплинѣ (стр. 75 и слѣд.), въ большинствѣ случаевъ совершенно правильно; сдѣлаю только нѣсколько незначительныхъ замѣтокъ. На страницѣ 79 авторъ рекомендуетъ для цѣлей дисциплины „даже гимназическая упражненія“ во время урока. Такой способъ проведения дисциплины врядъ ли цѣлесообразенъ. Во главѣ о наградахъ и наказаніяхъ на страницѣ 87 авторъ пишетъ: „Наоборотъ у беспорядочного въ споихъ дѣйствіяхъ пусть работа считается неоконченной или возвращается ему для исправленія“. Но, ежели безпорядочный окончить свою работу, то на какомъ же основаніи, она ему будетъ возвращена? На той же страницѣ, авторъ въ числѣ наградъ называетъ „предоставленіе ученикамъ какого-либо удовольствія“, а на слѣдующей говорить о „лишеніи удовольствія“. Такъ какъ удовольствие есть состояніе субъективное, то оно ни кѣмъ не можетъ быть предоставлено и не можетъ быть отнято; къ этимъ удовольствіямъ на страницѣ 88 причислены и „раздача и собираніе тетрадей“. Здѣсь же читаемъ слѣдующее: „ученики должны разсаживаться по инымъ соображеніямъ: такъ на переднихъ скамьяхъ или ближе къ учителю должны сидѣть блазорукіе, тугоухіе, шаловливые, слабые по успѣхамъ“ и т. д. О тѣлесныхъ наказаніяхъ авторъ выражается очень нѣжно, называя ихъ „такъ называемыя тѣлесныя наказанія“; почему же такъ называемыя? На страницѣ 90 опечатка: „лучше учить немногому, но основательно“ переведено: non *multum*, *sed multum*.

Въ послѣдней главѣ авторъ весьма основательно говоритъ, что въ школѣ „въ концѣ-концовъ все сводится къ личности учителя“, при чемъ (стр. 116) „нельзя, конечно, требовать, чтобы каждый учитель являлся образцомъ всевозможныхъ совершенствъ, иначе не достоинъ

быть учителемъ". Этюю, не совсѣмъ понятною фразой и заканчиваются "Записки".

Въ общемъ, какъ сказано, я считаю главнымъ недостаткомъ записокъ ихъ слишкомъ общий и отвлеченный характеръ, хотя вовсе не хочу отрицать въ авторѣ педагогической опыта, благоразумія въ высказываемыхъ имъ совѣтахъ, и видѣть съ тѣмъ иѣкоторой возможной пользы отъ прочтенія его книги. Исключить лишь слѣдуетъ главу объ анализѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

УЧИТЕЛЬСКИЯ СЕМИНАРИИ ВИЛЕНСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

„Учтесь и учите въ духѣ любви къ нашей святой православной вѣрѣ, къ возлюбленному нашему царю и дорогой нашей Руси“. Такой завѣтъ въ 1869 году преподалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, впослѣдствіи незабвенный Царь-Миротворецъ, Александръ Александровичъ, воспитанникамъ Молодечненской учительской семинарии, а вмѣстѣ съ нею и воспитанникамъ всѣхъ прочихъ учительскихъ семинарій Виленского округа, начертавъ эти высокознаменательныя слова на пожалованномъ имъ въ названную семинарию свою портретѣ по случаю учрежденія въ ней Виленскимъ Свято-Духовскимъ братствомъ стипендій Его Августѣшаго Именія. Этотъ же Государь Императоръ, въ бытность его Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, пожаловалъ въ даръ для домовой церкви Молодечненской учительской семинарии икону Спасителя, благословляющаго дѣтей, и для такой же церкви Поневѣжской семинарии—икону св. Александра Невскаго; обѣ иконы очень изящной работы въ серебряныхъ позлащенныхъ ризахъ. Фактъ такого высокаго вниманія къ первой изъ учительскихъ семинарій въ Россіи (Молодечненской) и затѣмъ къ семинаріи, находящейся на инородческой окраинѣ ея (Поневѣжской), гдѣ много вліяній, враждебныхъ русской школѣ и проводимыхъ ею начальниками, свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о томъ, что почившій Царь-Миротворецъ придавалъ большое значеніе названнымъ учебнымъ заведеніямъ въ дѣлѣ истиннаго просвѣщенія народа, а съ другой—о томъ, что это просвѣщеніе

Голжно происходить подъ покровомъ православной церкви, въ духѣ православно-русскихъ началь. Со времени этого исторического момента прошло уже около 30 лѣтъ. Учительскія семинаріи Виленскаго учебнаго округа, увеличившіяся въ числѣ, не только опредѣлились въ своемъ характерѣ и направленіи, но усилили уже пристпи и значительную пользу по распространенію чрезъ своихъ питомцевъ истиннаго просвѣщенія въ массѣ сельскаго населенія сѣверо-западнаго края Россіи. Поэтому, быть можетъ, будеть не излишне, хотя бы въ общахъ чертахъ, охарактеризовать дѣятельность названныхъ учебныхъ заведеній, какъ она сказывается въ учебно-воспитательномъ строѣ и направленіи ихъ, въ занятіяхъ воспитанниковъ, ихъ образѣ жизни и поведеніи, а выѣстъ съ тѣмъ опредѣлять, насколько названные учебныя заведенія въ своей жизни и дѣятельности соответствуютъ тѣмъ высокимъ задачамъ, которыми указаны въ вышеприведенныхъ высокознаменательныхъ словахъ Царя-Миротворца, въ бытность его Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

Въ Виленскомъ учебномъ округѣ имѣется пять учительскихъ семинарій: Молодечненская, Полоцкая, Поневѣжская, Несвижская и Свислочская. Первая изъ названныхъ семинарій открыта въ 1864 г. въ м. Молодечнѣ, Виленской губерніи, вмѣсто существовавшей тамъ прогимназіи. Полоцкая гимназія открыта въ 1872 г. въ городѣ Полоцкѣ, Витебской губерніи, вмѣсто существовавшаго въ немъ уѣзднаго училища и въ зданіяхъ этого послѣдняго. Въ томъ же 1872 г. и также вмѣсто уѣзднаго училища учреждена учительская семинарія въ городѣ Поневѣжѣ, Ковенской губерніи. Несвижская семинарія открыта въ 1874 г. въ Несвижѣ, заштатномъ городѣ Минской губерніи, и помѣщена въ зданіяхъ бывшаго доминиканскаго монастыря. Свислочская семинарія начала свое существование въ 1875 г. и находится въ м. Свислочи, Гродненской губерніи, вмѣсто существовавшей тамъ въ прежнее время гимназіи, открытой графомъ Тышкевичемъ и воспитывавшей юношество въ исключительныхъ началахъ католицизма и полонизма. Такимъ образомъ изъ шести губерній округа только одна Могилевская не имѣть учительской семинаріи и изъ пяти семинарій округа—двѣ находятся въ мѣстечкахъ, двѣ—въ уѣздныхъ городахъ и одна—въ заштатномъ городѣ.

Всѣ мѣстности, въ которыхъ существуютъ учительскія семинаріи округа, имѣютъ печальную извѣстность, какъ пункты, въ которыхъ съ особенною интенсивностью велась польско-католическая пропаганда.

Въ Молодечнѣ дѣйствовали отцы піары, построившіе монастырскія зданія, въ которыхъ теперь помѣщается учительская семинарія, а раньше помѣщалась прогимназія, руководимая въ прежнее время тѣмъ же монахами. Полоцкъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ центромъ дѣятельности іезуитовъ, раскинувшихъ свои сѣти на весь Западный Край. Въ Несвижѣ, при горячей поддержкѣ князей Радзивилловъ, сначала протестантовъ, а потомъ усерднѣшахъ католиковъ, занимались просвѣтительскою дѣятельностью доминиканцы, создавшіе въ мѣстномъ городскомъ населеніи сильный оплотъ католицизму и полонізму и превратившіе нѣкогда православный Несвижъ въ городъ совершенно католический. Въ Свислочи, какъ замѣчено выше, утвержденіе и распространеніе началь католицизма и полонізма происходило подъ благосклоннымъ протекторатомъ графа Тышкевича. Поневѣждъ, небольшой городъ Ковенской губерніи, находится въ центрѣ Жмуди, где все русское и православное не пользуется симпатіями мѣстного населения. Такимъ образомъ учительская семинарія округа вмѣстѣ съ существующими при нихъ начальными училищами уже по самому положенію своему созданы быть просвѣтительскимъ центрамъ для мѣстного населенія на началахъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какія утверждались въ этомъ населеніи раньше, въ прежнее время, вслѣдствіе чего названныя заведенія получаютъ значеніе боевыхъ яунктовъ, где католичеству и полонізму противопоставляется православіе и русская народность, где учать „учить народъ въ духѣ любви къ святой православной вѣрѣ, возлюбленному нашему царю и дорогой Руси“.

Поневѣждская семинарія помѣщается въ специальнѣ построенномъ для нея домѣ, остальные—въ надлежаще приспособленныхъ для сей цѣли домахъ. Во всѣхъ семинаріяхъ округа центральная зданія, въ которыхъ находятся церковь, классы и библиотека, каменные—одноэтажныя (въ Свислочской семинаріи) и двухъэтажныя (во всѣхъ прочихъ семинаріяхъ округа). Положеніе семинарскихъ зданій, исключая семинаріи Полоцкой, находящейся въ самомъ центрѣ города и потому испытывающей всѣ неудобства отъ городского шума, очень удобны. Молодечненская семинарія ограждена отъ улицы обширнымъ дворомъ, зараженнымъ деревьями; сзади и по сторонамъ къ семинарскому зданію прилегаетъ довольно обширный (до трехъ десятинъ) садъ-огородъ. Свислочская семинарія ограждена, довольно большимъ скверомъ, разведеннымъ исключительно трудами учениковъ; по сторонамъ семинарскаго

зданія имѣются небольшіе сады-огороды. Несвижская семинарія хотя своимъ фасадомъ и выходитъ на торговую площадь, но классныя комнаты обращены во дворъ, такъ что уличный шумъ не препятствуетъ занятіямъ. Къ семинарскимъ зданіямъ, съ задней стороны примыкаетъ небольшой садъ. Черезъ улицу находится другой, большой (около двухъ десятинъ) садъ, также принадлежащий семинаріи. Поневѣжская семинарія расположена на одной изъ малолюдныхъ улицъ города и имѣть довольно обширный (около десятины) садъ, прилегающій къ задней сторонѣ семинарскаго зданія. Нахожденіе при всѣхъ семинаріяхъ округа, исключая Полоцкой, садовъ-огородовъ имѣть весьма важное значеніе въ гигиеническомъ и воспитательномъ отношеніяхъ, такъ какъ здѣсь воспитанники семинарій находять отдыихъ отъ своихъ занятій и пріучаются исполнять всѣ огородные и садовые работы.

При всѣхъ семинаріяхъ округа имѣются домовыя церкви, помѣщающіяся въ центральныхъ зданіяхъ семинарій, такъ что воспитанники имѣютъ полную возможность посещать ихъ. Насколько это обстоятельство имѣеть большое значеніе въ воспитательномъ отношеніи для учениковъ семинарій, будетъ сказано ниже. Въ данномъ случаѣ замѣтимъ только, что домовыя церкви учителскихъ семинарій округа, украшенныя многими пожертвованіями постороннихъ лицъ, а также учащихся, по своему убранству въ благочинію совершаемаго въ нихъ богослуженія, являются вполнѣ благолѣпными храмами.

Другою особенностью семинарій округа являются имѣющіяся при всѣхъ ихъ общеученическія квартиры. Эти послѣднія помѣщаются въ особо устроенныхъ или приспособленныхъ для этой цѣли каменныхъ (въ семинаріяхъ Полоцкой, Поневѣжской и Свислочской) или деревянныхъ (Молодечненской и Несвижской) домаѣ. Общеученическія квартиры при семинаріяхъ округа, исключая квартиры при семинаріи Полоцкой, настолько обширны, что въ нихъ помѣщаются всѣ наличные воспитанники семинарій. Недостаточная помѣстительность квартиры при Полоцкой семинаріи для наличного числа воспитанниковъ ея вынуждаетъ наимѣнѣвать въ городѣ, у мѣстныхъ мѣщанъ, двѣ довольно обширныя квартиры для своеокоштныхъ учениковъ семинаріи и для учениковъ приготовительного класса. Благодаря существованію ученическихъ квартиръ при семинаріяхъ округа воспитанники этихъ заведеній имѣютъ для себѣ сухое, сѣтьлое и теплое помѣщеніе съ кроватью, столикомъ для книгъ и другихъ вещей и шкафомъ для верхняго платья.

Существование при семинарияхъ округа общеученическихъ квартиръ имѣть большое значеніе и въ воспитательномъ отношеніи. Благодаря квартирамъ жизнь учениковъ устраивается по опредѣленному порядку, строго согласованному съ воспитательными и гигиеническими требованіями, за точнымъ исполненіемъ которыхъ, вслѣдствіе нахожденія воспитанниковъ семинарій въ одномъ мѣстѣ, дежурные наставники, директоръ и законоучитель имѣютъ возможность слѣдить съ полнымъ удобствомъ.

Благодаря существованію общеученическихъ квартиръ при учительскихъ семинарияхъ округа, съ давняго времени содержаніе воспитанниковъ этихъ заведеній организовано на артельныхъ началахъ. Такой порядокъ веденія ученическаго хозяйства, какъ показалъ опытъ многихъ лѣтъ, оказывается самымъ лучшимъ въ видахъ предупрежденія всякихъ недоразумѣній между воспитанниками и семинарскими начальствомъ. Всѣ воспитанники, живущіе въ общежитіи, равнopravo несутъ расходы: на общий столъ, отопленіе, освѣщеніе, прислугу, мытье бѣлля и прочія хозяйственныя пужды. Всѣ необходимые продукты и материалы для содержанія артели или доставляются подрядчикомъ по условленной заранѣе самими же воспитанниками цѣнѣ, или же покупаются въ лавкахъ или на рынкѣ по вольнымъ цѣнамъ. Прѣемъ продуктовъ отъ подрядчиковъ и выдача ихъ на кухню производится особо выбранными воспитанниками - артельщиками, подъ наблюденіемъ и руководствомъ завѣдывающаго хозяйственной частью артели наставника семинаріи. Приходъ продуктовъ записываются завѣдывающей артелью наставникъ въ свое журналь, а артельщикъ въ свое. Расходъ ведутъ артельщики, сообразуясь съ расписаниемъ блюда, составленнымъ завѣдывающимъ хозяйствомъ артели наставникомъ и врачомъ семинаріи и утвержденнымъ директоромъ семинаріи. Въ расписаніи обозначено количество извѣстнаго продукта на извѣстное блюдо, дневной расходъ продуктовъ, а также стоимость содержанія артели въ день. По истеченія мѣсяца завѣдывающій хозяйствомъ артели наставникъ по своему журналу опредѣляетъ мѣсячный расходъ продуктовъ и общую ихъ стоимость, артельщики же сводятъ такой же счетъ по имѣющемуся у нихъ журналу. По сличеніи счетовъ, производится окончательный расчетъ и объявляется воспитанникамъ сумма, причитающаяся за мѣсячное содержаніе въ артели каждого воспитанника. Мѣсячный расходъ воспитанника записываютъ въ свои расчетныя книжки. Эти книжки, имѣю-

щіасъ у каждого воспитанника, куда записываются рѣшительно всѣ расходы воспитанниковъ, равно какъ и получаемыя ими казенные и частныя суммы, даютъ возможность въ каждый данный моментъ определить наличныя средства каждого воспитанника семинаріи.

Артельное содержаніе воспитанниковъ семинаріи значительно уменьшаетъ хозяйственныя ихъ расходы, которые вообще не велики, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ за три послѣднія года. Ежемѣсячный расходъ на содержаніе каждого воспитанника въ артели съ отоплениемъ, освѣщеніемъ, прислугой, мытьемъ бѣлля и прислугою въ 1895 г. равнялся: въ Молодечненской семинаріи 5 руб., Полоцкой 6 руб. 50 коп., Поневѣжской 4 руб. 36 коп., Несвижской 4 руб. 50 коп. и Свислочской 4 руб. 5 коп.; въ 1896 г.—въ Молодечненской семинаріи до 5 руб., Полоцкой 6 руб., Поневѣжской 4 руб. 46 коп., Несвижской 5 руб. и Свислочской 4 руб. 33 коп.; въ 1897 г.—въ Молодечненской семинаріи—до 5 руб., въ Полоцкой отъ 5 руб. 50 коп. до 6 руб. 50 руб. Поневѣжской 4 руб. 65 коп., Несвижской—4 руб.—4 руб. 75 коп. и Свислочской—4 руб 63 коп.—въ мѣсяцъ. За столь недорогую плату воспитанники семинарій имѣютъ простой, сытный и свѣжій столь (завтракъ, обѣдъ и ужинъ), отопленіе, освѣщеніе, прислугу и мытье бѣлля. Вследствіе того, что содержаніе учениковъ стоять вообще не дорого, изъ получаемыхъ учениками стипендій остается сумма, вполнѣ достаточная на приобрѣтеніе одежды, бѣлля и обуви. У цѣкоторыхъ учениковъ, вслѣдствіе экономіи въ расходахъ, къ концу семинарскаго курса образуется остатокъ въ нѣсколько десятковъ рублей. Въ видахъ пріученія семинаристовъ къ сбереженію своихъ маленькихъ средствъ имъ рекомендуется вносить эта послѣднія, какъ бы они малы ни были, въ мѣстную сберегательную кассу, чѣмъ многие изъ нихъ и пользуются. Не мало также встрѣчается среди воспитанниковъ семинарій округа лицъ, которыхъ изъ своихъ скучныхъ сбереженій помогаютъ бѣднымъ роднымъ.

Таковъ хозяйственный бытъ учениковъ учительскихъ семинарій Виленскаго учебнаго округа.

Въ учительскихъ семинаріяхъ округа и состоящихъ при нихъ приготовительныхъ классахъ учатся главнымъ образомъ дѣти крестьянъ; разночинцы среди нихъ рѣдкое и притомъ мало желательное явление: въ то время какъ изъ дѣтей крестьянъ въ учительскія семинаріи поступаютъ обыкновенно лучшіе ученики народныхъ училищъ, изъ раз-

ночинцевъ въ нихъ нерѣдко попадаютъ неудачники, побывавшіе уже въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и вынужденные удалиться оттуда по малоуспѣшности и другимъ причинамъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ общемъ числѣ учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ округа дѣти крестьянъ составляли: въ 1895 г. въ нормальныхъ классахъ семипарій 86% и въ приготовительныхъ 90,8% всего числа учащихся; въ 1896 г. въ нормальныхъ классахъ 85,8% и приготовительныхъ 87,8% и въ 1897 г. въ нормальныхъ классахъ 87,4% и приготовительныхъ 86%. Таковое же процентное отношеніе лицъ крестьянскаго сословія къ общему числу учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ округа было и въ прежнее время, то-есть въ числѣ учениковъ семипарій разночинцевъ было не болѣе 15%. Такимъ образомъ учительская семинария Виленского учебного округа всегда оставалась вѣрны принципу учить народъ посредствомъ лицъ изъ народа же. Въ указанномъ обстоятельствѣ заключается важное преимущество и залогъ успѣха названныхъ учебныхъ заведеній предъ такими же заведеніями, но съ контингентомъ учащихся изъ разночинцевъ. Лица крестьянскаго сословія, поступающія въ семинарія, являются въ огромномъ большинствѣ съ лучшими качествами, которыя характеризуютъ нашъ простой народъ: они отличаются искреннею религіозностью, сердечностью отношений къ ближнимъ, любовью къ простому народу, простотою вкусовъ и привычекъ. Изъ этихъ лицъ по окончаніи семинаріи выходятъ лучшіе народные наставники, знающие нужды и потребности народа, знакомые съ свѣтлыми и темными сторонами его быта, любящіе народъ, преданные дѣлу учительства, которому они нерѣдко посвящаютъ всю свою жизнь. У разночинцевъ этихъ качествъ часто не бываетъ. Многолѣтнія наблюденія показываютъ, что проступки разнаго рода наиболѣе часты среди учениковъ семипарій изъ разночинцевъ.

Процентъ учащихся изъ крестьянскаго сословія не во всѣхъ семинаріяхъ округа одинаковъ—въ однихъ онъ больше, въ другихъ—меньше. Наибольшій % разночинцевъ въ числѣ учащихся наблюдался въ семинаріи Поневѣжской: въ 1895 г. такихъ лицъ въ ней было 15,4%, въ 1896 г.—28,8% и въ 1897 г.—26,4% всего числа учащихся въ названной семинаріи. Въ остальныхъ семинаріяхъ округа % сказанныхъ лицъ въ числѣ учениковъ колеблется между 7—14%. Причина указанного явленія въ Поневѣжской семинаріи заключается въ томъ, что православное крестьянское населеніе Ковенской губерніи очень незначительно и вслѣдствіе этого не можетъ доставлять

вполнѣ достаточный контингентъ учащихся для учительской семинарии, который вслѣдствіе этого пополняется лицами изъ разночищея. Въ зависимости отъ указанного обстоятельства въ названной семинарии наблюдается и другого рода явленіе: въ то время, какъ во всѣхъ прочихъ семинарияхъ округа контингентъ учащихся крестьянскаго населенія пополняется почти исключительно уроженцами тѣхъ губерній, где находится учительская семинария, въ семинарии Поневѣжской этотъ контингентъ составляется изъ лицъ, принадлежащихъ преимущественно къ уроженцамъ другихъ губерній округа.

Общее число учащихся во всѣхъ семинарияхъ округа простирается ежегодно до 450 чел., то-есть до 90 чел. на каждую семинарию округа въ среднемъ. Количество желающихъ поступить въ учительскія семинаріи округа ежегодно далеко превышаетъ количество имѣющихся вакансій; такъ, въ послѣдніе годы къ вступительнымъ экзаменамъ явилось: въ 1895 г.—362 чел., въ 1896 г.—409 чел. и въ 1897 г.—402 чел., то-есть вдвое болѣе сравнительно съ числомъ имѣвшихся вакансій. Изъ числа принятыхъ въ семинарии округа на собственномъ содержаніи многие выбываются изъ семинарій по недостатку средствъ содержанія. Это обстоятельство служитъ причиной того, что учительскія семинаріи округа не отличаются желательною численностью учащихся, особенно въ виду необходимости увеличенія числа народныхъ учителей по причинѣ открытия съ каждымъ годомъ новыхъ народныхъ училищъ.

При всѣхъ семинарияхъ округа имѣются приготовительные классы. Существование ихъ вызывается недостаткомъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ двухклассныхъ училищъ министерства народного просвѣщенія, ученики которыхъ могутъ представить вполнѣ подготовленный контингентъ для названныхъ учебныхъ заведеній. Приготовительные классы при семинарияхъ по своему курсу соответствуютъ симъ училищамъ. Насколько важное значение названные классы имѣютъ для учительскихъ семинарій округа въ отношеніи подготовки учениковъ къ поступленію въ эти заведенія, видно изъ того, что составъ воспитанниковъ въ семинарияхъ округа комплектуется главнымъ образомъ изъ учениковъ сихъ классовъ. Лицъ, поступающихъ непосредственно въ семинарии округа, обыкновенно бываетъ очень мало, не болѣе 10 чел.

Въ учительскихъ семинарияхъ Виленского учебнаго округа, согласно положенію о нихъ, равно какъ и въ приготовительныхъ при

сихъ заведеніяхъ классахъ, обучаются лица исключительно православнаго исповѣданія.

Учебный курсъ учительскихъ семинарій Віленского учебного округа укаланъ съ достаточнотю опредѣлленностью инструкціей для сихъ западеній 4-го юля 1875 г., по тѣ постановкѣ иѣкоторыхъ предметовъ преподаванія имѣются иѣкоторыя особенности.

Преподаваніе въ семипаріяхъ закона Божія совершається подъ живымъ вліяніемъ церкви. Въ основу преподаванія закона Божія положено изученіе подлинныхъ иѣсть Св. Писанія и изъ богослужебныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ истины вѣры и благочестія, излагаемыхъ въ разныхъ отдѣлахъ курса закона Божія. Избранныя иѣста изъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ читаются въ классѣ съ надлежащими объясненіями и съ религіозно-правственнымъ выводомъ изъ нихъ для учащихся относительно жизни и поведенія сихъ послѣднихъ. Многія изъ иѣсть Св. Писанія, а равно праздничныя евангельскія и апостольскія чтенія, а также и иѣкоторые изъ псалмовъ заучиваются наизусть. Кроме того заучиваются праздничные тропари, догматики, ирмосы каноновъ воскресныхъ и праздничныхъ. Вообще все преподаваніе закона Божія направлено къ тому, чтобы сдѣлать учащихся добрыми христіанами, честными гражданами и полезными учителями народа. Въ приготовительномъ классѣ семинарій изъ курса закона Божія проходится священная история ветхаго и нового завѣта, въ I классѣ—церковная исторія, во II — катехизисъ и въ III классѣ—изучается богослуженіе православной церкви съ повтореніемъ всего пройденаго. Усвоеніе учащимися богослужебныхъ иѣсонопѣй, апостольскихъ и евангельскихъ чтеній облегчается вслѣдствіе дѣятельнаго участія, въ качествѣ чтецовъ и пѣвцовъ, воспитанниковъ семинарій во всѣхъ праздничныхъ и воскресныхъ богослуженіяхъ.

Преподаваніе церковно-славянскаго языка, распределенное между законоучителемъ и учителемъ русскаго языка, идетъ въ тѣсной связи съ преподаваніемъ закона Божія: на урокахъ этого языка читаются, объясняются и переводятся на русскій языкъ тѣ иѣста Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, которыя подлежатъ изученію на урокахъ закона Божія. Вмѣстѣ съ этимъ изучаются формы церковно-славянскаго языка, чтѣ облегчаетъ изученіе языка русскаго. Все преподаваніе названного предмета направлено къ тому, чтобы научить воспитанниковъ семинарій понимать текстъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, толково и правильно читать и иѣть въ церкви и обучать этому языку учениковъ народныхъ училищъ. Введеніе

съ 1888 г., по предложению попечителя округа, въ кругъ занятій воспитанниковъ семинарій церковно-славянское письмо, въ видахъ лучшаго ознакомленія съ славянскимъ языкомъ, продолжаетъ существовать и въ настоящее время и оказывать надлежащес содѣствіе достиженію указанной цѣли. Большинство воспитанниковъ въ искусствѣ, церковно-славянского письма достигаетъ значительный степени совершенства; большая часть работъ ихъ отличается не только правильностью, но и изяществомъ исполненія.

Преподаваніе русскаго языка, принаровленное къ практическимъ потребностямъ учащихся, какъ будущихъ народныхъ наставниковъ, имѣть въ виду научить ихъ правильно говорить и писать на родномъ языкѣ, а также сообщить умѣніе обучать другихъ родному языку. Преподаваніе ведется практическимъ путемъ и основывается на обязательномъ чтеніи и изученіи прозаическихъ и поэтическихъ отрывковъ, а также цѣлыхъ произведений образцовыхъ русскихъ писателей. Въ виду особенностей белорусского говора, которымъ отличается рѣчь большинства поступающихъ въ семинаріи окружныхъ лицъ, наставниками русскаго языка, равно какъ и прочими преподавателями, обращается самое строгое вниманіе на правильность рѣчи учащихся, и при отвѣтахъ тщательно исправляется каждая по грѣшность въ этомъ отношеніи. Въ некоторыхъ семинарияхъ округа на рукахъ у учащихся имѣются составленные наставниками рукописные словари, въ которыхъ въ алфавитномъ порядкѣ записаны наиболѣе встрѣчающіяся въ рѣчи воспитанниковъ ошибки, противъ каждой изъ которыхъ указано и правильное произношеніе слова. При помощи такихъ словарей учащіе значительно исправляютъ свою рѣчь. Умѣніе правильно излагать свои мысли на письмѣ воспитанниками семинарій округа достигается посредствомъ классныхъ и домашнихъ письменныхъ работъ. Домашнія работы воспитанниковъ по всѣмъ предметамъ учебнаго курса на избранныя заранѣе педагогическимъ совѣтомъ семинаріи и одобренныя попечителемъ округа темы исполняются учениками приготовительнаго и I классовъ каждые 7 дней, учениками II класса—каждые 10 дней и учениками III класса—каждые 20 дней. Классныя письменныя работы назначаются ученикамъ по мѣрѣ надобности. Всѣ письменныя работы учениковъ какъ по русскому языку, такъ и по другимъ предметамъ учебнаго курса, исправленныя преподавателями и просмотрѣшия директорами семинарій, сохраняются въ семинарияхъ въ теченіе трехъ лѣтъ для предъявленія ихъ лицамъ, ревизующимъ семинаріи.

Преподаваніе отечественnoй истории, наряду съ вышеуказанными предметами семинарскаго курса, въ виду историческихъ особенностей прошлой судьбы сѣверо-западнаго края Россіи, составляетъ предметъ, пользующійся особымъ вниманіемъ. При проходженіи курса познаніаго предмета особенно подробно излагается история мѣстнаго края, при чёмъ выясняются не только главныя события, имѣвшія рѣшающее влияніе на судьбу его, но и второстепенныя. При этомъ въ каждой семинаріи округа съ особенною подробностью разрабатывается история данной мѣстности, напримѣръ въ Полоцкой семинаріи история Полоцкаго и Витебскаго княжествъ, въ Несвижской — история княжествъ Пинскаго, Туровскаго и др., бывшихъ въ предѣлахъ нынѣшней Минской губерніи; въ семинаріи Поневѣжской съ особенною подробностью излагаются свѣдѣнія о Литвѣ и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ посредствомъ разнаго рода изданий учащіеся знакомятся съ памятниками православно-русской старини, сохранившимися въ сѣверо-западномъ краѣ. Вооруженные такими историческими знаніями воспитанники учительскихъ семинарій округа по выходѣ изъ заведений являются лицами съ правильнымъ взглядомъ на судьбу своего отечества вообще и своего роднаго края въ частности. Они оказываются способными дать отвѣтъ всѣмъ и особенно тѣмъ, которые намѣренно извращаютъ судьбу западнаго края Россіи.

Наряду съ вышеуказанными предметами преимущественное вниманіе обращается также на обученіе воспитанниковъ семинарій пѣнью какъ церковному, такъ и свѣтскому. Во всѣхъ семинаріяхъ округа обучаются пѣнью всѣ воспитанники; непоющіихъ насчитывается очень мало—не болѣе одного, двухъ человѣкъ въ каждомъ классѣ. Преподаваніе пѣнія воспитанникамъ семинарій направлено не только къ тому, чтобы развить въ учащихся художественное музыкальное чувство и способность понимать музыкальную грамоту съ умѣніемъ пользоваться ею, но и къ тому, чтобы познакомить воспитанниковъ съ церковнымъ и свѣтскимъ пѣніемъ настолько, чтобы они сами впослѣдствіи могли обучать пѣнію въ народныхъ училищахъ. Сообразно съ этими цѣлями учебный курсъ пѣнія состоитъ изъ слѣдующихъ частей: изученіе съ воспитанниками церковныхъ пѣснопѣній всего круга православнаго богослуженія, сообщеніе свѣдѣній, необходимыхъ для пѣнія по потамъ, и ознакомленіе учащихся съ лучшими образцами свѣтскаго пѣнія, преимущественно съ народною и литературною русскою лѣнией. Все преподаваніе имѣетъ строго практическій характеръ: всѣ сообщенные учащимся свѣдѣнія по теоріи пѣнія и музыки

выводятся изъ примѣровъ и образцовъ, разучиваемыхъ по классѣ. Учащіеся ознакомлены съ образцами произведеніями духовныхъ и свѣтскихъ композиторовъ, которые исполняются ими на литературно-вокальныхъ вечерахъ и существующихъ при семинаріяхъ воскресныхъ и праздничныхъ чтеніяхъ. Всѣ пѣснопѣнія годичного круга православнаго богослуженія воспитанники знаютъ твердо и стройно исполняютъ ихъ на два хора въ домовыхъ семинарскихъ церквяхъ. Нѣкоторыя пѣснопѣнія всевоющаго бѣнія и литургія исполняются всѣми учащимися.

Въ связи съ преподаваніемъ пѣнія стоять производящееся во всѣхъ семинаріяхъ окружаго обученіе воспитанниковъ этихъ заведеній музыкѣ. Музыкой занимаются всѣ воспитанники нормальныхъ классовъ, исключая малоспособныхъ и неусиѣвающихъ, которые отъ этихъ занятій освобождаются. Обученіе музыкѣ за плату, вносимую учащимися изъ собственныхъ средствъ, производится или особыми, специальными учителями, или же капельмейстерами мѣстныхъ полковъ. Занятія музыкой происходятъ во вѣчебно, преимущественно послѣбѣдное время. Учащіеся занимаются главнымъ образомъ игрою на скрипкѣ, но имѣются также играющіе и на другихъ инструментахъ, такъ что изъ учащихся составлены небольшіе оркестры. Эти послѣдніе обыкновенно играютъ на устраиваемыхъ въ семинаріяхъ отъ времени до времени вокально-музыкальныхъ вечерахъ.

Во всѣхъ семинаріяхъ окружаго производится обученіе военной гимнастикѣ, подъ руководствомъ офицеровъ или состоящихъ въ запасѣ нижнихъ чиновъ.

Въ Поневѣжской учителской семинаріи производится преподаваніе жмудскаго языка, такъ какъ воспитанникамъ ея по окончаніи курса приходится служить въ должности народныхъ наставниковъ въ такихъ мѣстностяхъ, где знаніе этого языка для успѣха учебнаго дѣла существенно необходимо. На урокахъ жмудскаго языка разрабатывается главнымъ образомъ материалъ, подлежащий изученію въ I отдѣлѣніи народныхъ училищъ, такъ какъ ученики старшихъ отдѣлѣній уже научаются владѣть русскимъ языкомъ. На этихъ урокахъ переводится съ русскаго языка на жмудскій статьи, подлежащія чтенію въ I отдѣлѣніи изъ принятой въ школахъ книги для чтенія, а также ариѳметическая задачи, которыхъ должны быть решены въ этомъ отдѣлѣніи, и ведется такъ называемый учебный разговоръ. Къ концу учебнаго курса учащіеся приобрѣтаютъ навыкъ достаточно свободно объясняться по-жмудски. Какъ результатъ успѣшныхъ занятій уч-

никовъ жмудскимиъ языкомъ можетъ быть указанъ сдѣланный ими переводъ на жмудскій языкъ книжки Греяля: „Доходное плодоводство“.

Насколько успешно проходится учебный курсъ въ семинарияхъ округа видно, между прочимъ, изъ того, что % переведенныхъ въ старшіе классы учениковъ колеблется между 82% и 90%, и что количество лицъ, выбывающихъ изъ выпускнаго класса семинарій округа со свидѣтельствами о времени пребыванія въ семинаріи, не бываетъ ежегодно болѣе 2—8. Въ яные годы такихъ лицъ совершенно не бываетъ.

Успешное выполненіе учебнаго курса учениками учительскихъ семинарій округа засвидѣтельствовано мѣстными архипастырями и другими почетными лицами, посѣдавшими эти учебныя заведенія въ учебное время или во время производившихъ въ нихъ экзаменовъ и оставившими записи въ книгѣ для почетныхъ посѣтителей о вынесенніи ими впечатлѣній отъ посѣщенія семинаріи. Таковы записи въ книгѣ молодечненской учительской семинаріи: „20 и 21 сентября 1886 года Алексій, архіепископъ литовскій, слышалъ прекрасное чтеніе воспитанниковъ въ церкви и пѣніе и посѣтилъ семинарію, призывавъ на нее Божіе благословеніе и помоць трудящимся въ обученіи другихъ и себя“. „12 июня 1887 года Антонінъ, епископъ ковенскій, викарій литовской епархіи, съ полнымъ удовольствіемъ слушалъ разумные, обстоятельные и основательные отвѣты воспитанниковъ семинаріи“. 26-го мая 1888 года Антонінъ, епископъ ковенскій, присутствовавшій на испытаніи учениковъ молодечненской учительской семинаріи по закону Божію, „нашелъ успѣхи ихъ по этому предмету вполнѣ удовлетворительными“. „1890 года мая 18-го дня на экзаменѣ по закону Божію успѣхи воспитанниковъ III класса нашелъ вполнѣ удовлетворительными. Кириллъ, епископъ ковенскій“. „9-го марта 1896 г. посѣтивъ Молодечненскую учительскую семинарію и съ наслажденіемъ прослушалъ стройное пѣніе ученическаго хода. Виленскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Фрезе“ и т. д.

Столь же лестные отзывы сдѣланы въ книгахъ и другихъ семинарій посѣдавшими ихъ мѣстными іерархами, высшими представителями мѣстной администраціи, представителями дворянства и т. д.

Эти записи свидѣтельствуютъ о вполнѣ основательномъ усвоеніи учащимися главнаго предмета учебнаго курса—Закона Божія, опредѣляющаго нравственный складъ и направленіе учащихся. Нѣкоторые изъ записей свидѣтельствуютъ объ успѣшности учащихся и

по другимъ предметамъ курса, о правильной постановкѣ всего обученія и воспитанія. Въ такомъ же листномъ духѣ оставлены записи въ книгѣ Молодечненской учительской семинаріи: м'нистрами народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстымъ и гр. И. Д. Деляновымъ, начальниками края Альбединскимъ и Кохановымъ, архіепископомъ Макаріемъ и др.; въ книгѣ для почетныхъ посѣтителей Несвижской семинаріи—Симеономъ, епископомъ минскимъ и туровскимъ; въ такой же книгѣ Поневѣжской семинаріи—vikарными епископами Христофоромъ, Григориемъ и Кирилломъ и т. д.

Выѣстѣ съ изученіемъ учебнаго курса въ учительскихъ семинаріяхъ округа шли и практическія упражненія воспитанниковъ этихъ заведеній въ учебной практикѣ въ находящихся при семинаріяхъ начальныхъ училищахъ, которые, вслѣдствіе ихъ многолюдства, представляли для такой практики большія удобства. Практическія занятія воспитанниковъ были организованы въ общемъ согласно съ указаніями по сому предмету инструкціи для учительскихъ семинарій министерства народнаго просвѣщенія, по въ частностяхъ въ иѣ-которыхъ семинаріяхъ округа существовали небольшія отлічи, въ этомъ отношеніи. Всѣхъ практическихъ уроковъ въ 1897 г. было дано: въ Молодечненской семинаріи 181, Полоцкой 172, Поневѣжской 179, Несвижской 239 и Свислочской 222. Изъ всего числа данныхъ практическихъ уроковъ только 13 были признаны педагогическими собраними по разбору уроковъ неудовлетворительными. Столь утѣшительные результаты въ педагогической практикѣ воспитанниковъ семинарій округа объясняются тѣмъ, что каждый изъ практикантовъ, во время посѣщенія училища, ежедневно даетъ по одному и по два урока подъ руководствомъ учителя начального училища, вслѣдствіе чего еще прежде исполненія уроковъ по назначенню, по предварительно составленному плану, учащіе уже привыкаютъ и къ школѣ и къ веденію въ ней учебнаго дѣла.

Выѣстѣ съ учебно-практическими занятіями происходятъ упражненія выпускныхъ семинаристовъ и въ воспитательномъ надзорѣ за учениками начального при семинаріи училища. Практиканты наблюдаютъ за всеми учениками начального училища въ школѣ и въ церкви: они слѣдятъ, чтобы ученики начального училища своевременно являлись въ классъ, чтобы одежда ихъ была въ порядкѣ, чтобы руки и лицо ихъ были тщательно вымыты, чтобы ученики занимали одни и тѣ же мѣста въ классѣ и въ церкви, чтобы они въ церковьшли попарно и благоговѣйно стояли бы въ ней; въ свободное отъ занятій

время наблюдатели стараются занять учащихся соответственными играми или чтением книгъ. Кромѣ того, каждый изъ выпускныхъ воспитанниковъ наблюдаетъ за извѣстною группой учениковъ училища въ теченіе всего года—слѣдить за ихъ успѣхами и поведеніемъ и является отвѣтственнымъ въ этомъ отношеніи предъ директоромъ семинаріи.

Обученіе ремесламъ въ учительскихъ семинаріяхъ Виленского учебного округа имѣть практическій характеръ, установившійся уже въ теченіе пѣсколькихъ лѣтъ: оно направлено главнымъ образомъ на удовлетвореніе текущихъ нуждъ семинарій въ настоящемъ и неотложныхъ надобностей въ сферѣ хозяйственной обстановки самихъ воспитанниковъ въ будущемъ. Вслѣдствіе этого въ семинаріяхъ округа преподаются столярное, токарное и отчасти выпильное ремесла. Несмотря на краткость времени (2 часа въ недѣлю), назначенного на занятія ремеслами, учащіеся достигаютъ удовлетворительныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи: пріобрѣтаютъ умѣніе владѣть инструментами и усваиваютъ навыкъ изготавливать разныя простыя вещи для домашняго обихода. Учащіеся также занимаются ручнымъ трудомъ, хотя въ самомъ элементарномъ видѣ, вслѣдствіе отсутствія надлежаще подготовленныхъ къ тому учителей.

Въ Молодечненской семинаріи въ 1897 г. всѣхъ предметовъ было сдѣлано воспитанниками 211; изъ нихъ 116 по столярному, 78 по токарному и 22 по выпильному ремесламъ. Изъ столярныхъ работъ обращаютъ на себя вниманіе сдѣланныя для физического кабинета центробѣжная машина и коллекція геометрическихъ тѣлъ.

Воспитанниками Полоцкой семинаріи въ томъ же году, кромѣ мелкихъ предметовъ, въ родѣ ложекъ, рамокъ и т. п., были сдѣланы футляры для скрипокъ, чеходапы, шкатулки и шкафики для общежитія.

Въ Поневѣжской семинаріи въ 1897 г. было сдѣлано воспитанниками до 600 работъ. Семинарія участвовала въ 1896 г. на Всероссійской промышленно-художественной выставкѣ экспонатами по ручному труду, которые были замѣчены экспертами и заслужили одобрение.

Воспитанниками Несвижской семинаріи въ 1897 г. сдѣлано: 10 сосновыхъ табуретовъ для квартиръ и больницъ, большой сосновый шкафъ, наклонная гимнастическая лѣстница, отталкивающая гимнастическая доска и чѣмъ къ ней стойки для прыганья въ высоту.

Ученики II и III классовъ Свислочской семинаріи въ 1897 г. исполнили слѣдующія работы: улей системы Левицкаго для семинар-

ской пасѣки, 10 оградокъ въ видѣ треугольной усѣченой пирамиды для защиты молодыхъ деревьевъ, два улья системы Дацана, шесть сосновыхъ табуретовъ и др.

Занятія садоводствомъ и огородничествомъ производятся во всѣхъ семинарияхъ округа, исключая Полоцкой, где отсутствіе свободной земли и нахожденіе семинаріи въ центрѣ города дѣлаютъ эти занятія совершенно невозможными.

Въ Молодечненской семинаріи курсъ огородничества и садоводства изучается отдельно, въ теченіе двухъ лѣтъ каждый; огородничествомъ занимаются ученики приготовительного и I классовъ и садоводствомъ—ученики II и III классовъ. Воспитанники на опыты, при обработкѣ семинарскаго сада и огорода, въ достаточной мѣрѣ усваиваютъ кругъ годичныхъ работъ по устройству сада, питомника и огорода и уходу за ними. Весь опытный огородъ разбитъ на участки по числу воспитанниковъ-огородниковъ. Каждый воспитанникъ получаетъ въ свое завѣдываніе небольшой, въ 3 грядки, участокъ земли, который онъ долженъ своевременно воздѣлывать, обсыпывать и ухаживать за растеніями въ немъ. Дѣло ведется такъ, что каждый воспитанникъ-огородникъ культивируетъ всѣ виды русскихъ овощей, свойственныхъ местному климату. Каждой работе учениковъ предполагается краткая бесѣда наставника-руководителя, закрѣпляющаяся тутъ-же личнымъ его опытомъ. Всѣ собранные продукты съ ученическаго огорода поступаютъ въ собственность ученической артели.

Благодаря усиленіемъ работамъ учениковъ по садоводству Молодечненская семинарія въ 1897 г. имѣла возможность расширить кругъ своей дѣятельности по проведенію въ народную среду полезныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній, оказать содѣйствіе народной школѣ материальною поддержкою въ видѣ надѣленія школы прививками плодовыхъ деревьевъ изъ семинарскаго питомника. Въ этомъ году были снабжены прививками 9 училищъ Вилейской губерніи и 1 училище Гродненской, по 20 штукъ каждое. Кроме того, семинарія располагаетъ вырошенными трехъ-и четырехлѣтними прививками плодовыхъ деревьевъ въ количествѣ достаточномъ, для надѣленія еще 60—65 школъ, считая на каждую по 20—25 штукъ деревьевъ. Прививки разсыпаются школамъ по просьбамъ учителей или волостныхъ правленій безмездно.

Воспитанники Поневѣжской семинаріи, въ установленную очередь, весною и осенью исполняютъ всѣ садовые работы. Въ 1897 г. перепривиты 17 деревьевъ и, между прочимъ, 3 сливы окулированы абри-

косомъ. Уже испытанныя въ прежніе годы въ условіяхъ мѣстнаго климата устойчивость и плодоношеніе привитыхъ на сливѣ абрикосовъ расположили надеждой на успѣхъ сдѣлать эту новую, можетъ быть, слишкомъ смѣлую пробу. Въ февралѣ и мѣсяцѣ воспитанники старшаго класса въ свободные отъ учебныхъ занятій часы упражняются въ зимней копулировкѣ дичковъ яблонь и грушъ. Всего привито ими въ 1897 г. до 560 штукъ. Въ апрѣлѣ же ихъ трудами эти прививки высажены въ питомникъ. Весной 1897 г. были засажены на восьми площадяхъ, послѣ перекопки ихъ на переваль, новый питомникъ плодовыхъ деревьевъ, высажены въ парникахъ и на паровыхъ грядахъ ранняя зелень, овощи и разсада для цвѣтниковъ и огорода. Послѣдніе дали воспитанницамъ весною хорошую практику въ посѣвѣ огородныхъ растеній и уходѣ за ними, а осенью щедро вознаградили ихъ за труды.

Въ теченіе послѣдніхъ лѣтъ начата безмездная разсыпка посадочного матеріала для садиковъ при народныхъ училищахъ Ковенской губерніи. Въ 1897 г. выслано весною и осенью 680 деревьевъ, что вмѣстѣ съ высланными въ прежніе годы составляетъ 1792 шт.

Ученики Несвижской семинарии занимаются исполненіемъ разнаго рода садовыхъ и огородныхъ работъ въ имѣющихъся при семинарияхъ садахъ, а также поддерживаютъ чистоту въ нихъ. На дворѣ семинарии въ 1897 г. произведена посадка парковыхъ деревьевъ и кустарниковъ.

Занятія по садоводству и огородничеству въ Свислочской семинарии производятся въ имѣющихъся при семинарии небольшомъ садѣ, питомникѣ и огородѣ. Въ 1897 г. въ питомникѣ произведенъ на семи грядахъ посѣвъ сѣмянъ яблони, груши, дуба, граба и каштана; на двухъ грядахъ посажено 80 экз. однолѣтнихъ кленовъ и каштановъ; пересажены прошлогодніе сѣянцы яблоневыхъ, грушевыхъ и вишневыхъ дичковъ, произведена прививка яблоневыхъ игрушевыхъ дичковъ, и т. д. При участіи воспитанниковъ всѣхъ классовъ въ семинарскомъ скверѣ посажено 18 экз. деревьевъ разнообразныхъ листевыхъ породъ. Въ томъ же скверѣ воспитанниками поддерживаются порядокъ и чистота дорожекъ и площадки. Въ семинарскомъ огородѣ были посажены сѣмена разныхъ овощей лучшихъ породъ. При усердномъ уходѣ со сторогъ воспитанниковъ за огородомъ получился обильный урожай, давшій воспитанникамъ большой запасъ овощей на зиму.

Для занятій по пчеловодству при семинарии существуетъ небольшая пасѣка, открытая въ 1896 г. Въ 1897 г. она состояла изъ пяти

пчелыныхъ семействъ. Теоретическая свѣдѣнія по пчеловодству сообщались воспитанникамъ на урокахъ естествовѣдѣнія и касались подробнаго ознакомленія съ жизнью пчелъ и составомъ пчелиной семьи. Практическія свѣдѣнія по тому же предмету сообщались учащимся весною и осенью во внѣурочное время на пасѣкѣ. Къ практическимъ занятіямъ привлекаются преимущественно воспитанники старшаго класса семинаріи.

Воспитательный строй учительскихъ семинарій Виленскаго учебнаго округа организованъ во всемъ согласно съ указаниями инструкціи для учительскихъ семинарій министерства народнаго просвѣщенія (4-го іюля 1875 г.) и особо установленными правилами для воспитанниковъ учительскихъ семинарій Виленскаго учебнаго округа (1-го августа 1877 г.). Главная цѣль воспитательной дѣятельности всѣхъ членовъ педагогическихъ корпораций названныхъ учебныхъ заведеній состоять въ томъ, чтобы насадить и возрастить въ учащихся сѣмена вѣры и благочестія въ духѣ православной христіанской церкви, подготовить изъ нихъ честныхъ, илицемѣрныхъ и преданныхъ слугъ государства, искренно любящихъ Государа и Отечество, а также и то трудное и отвѣтственное дѣло, къ которому они специально готовятся — дѣло просвѣщенія крестьянскаго населенія Сѣверо-Западнаго края Россіи. Воспитательная дѣятельность учебнаго персонала семинарій округа съ особенностью настойчивостью должна преслѣдоватъ утвержденіе указанныхъ началъ въ сознаніи учащихся; такъ какъ условія ихъ будущей жизни и дѣятельности нерѣдко оказываются мало благопріятными для сохраненія этихъ началъ: народному учителю иногда приходится жить вдали отъ православной церкви, вращаться въ кругу людей иногда мало расположенныхъ къ Россіи и къ русскимъ, приходится выслушивать не вполнѣ лестныя сужденія объ учительской должности и т. и.; и много нужно нравственной устойчивости, чтобы при такихъ условіяхъ не смутиться, сохранить твердость православно-русскихъ убѣждений, оставаться вѣрными сыномъ православной Церкви и Отечества и искромѣя проданнымъ своему трудному и недостаточно въ материальномъ отношеніи обезпеченному дѣлу.

Къ достижению указанной цѣли во всей ея совокупности направлена всѣ усилия всѣхъ педагогическихъ корпораций названныхъ учебныхъ заведеній и сообразно съ нею организованъ весь строй семинарской жизни.

Имѣющіяся при всѣхъ учительскихъ семинаріяхъ округа домовыя

церкви, какъ замѣчено выше, обставлены весьма благолѣпно. Божественные службы совершаются въ нихъ съ подобающею чинностю и торжественностью, при пѣніи двухъ хоровъ, и при нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ — и всѣхъ учащихся. Воспитанники въ церковныхъ службахъ принимаютъ живое и дѣятельное участіе: они поютъ, читаютъ, прислуживаютъ въ алтарѣ, исполняютъ должности уставщиковъ, помогаютъ церковному старостѣ (одному изъ наставниковъ семинаріи) въ исполненіи его обязанностей, убираютъ церковь и т. п. Съ цѣлью пріученія учениковъ къ правильному церковному чтенію, пріобрѣтено въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ округа „Пособіе къ церковному чтенію, положенное на ноты“, свящ. Лебедева. Воспитанники, подъ руководствомъ законоучителя и учителя пѣнія, при помощи скрипки разучивали тоны и мотивы разныхъ церковныхъ чтеній, и многіе читали въ церкви весьма хорошо. Въ церковномъ чтеніи, въ установленной очереди, обязательно участвуютъ ученики всѣхъ классовъ. При богослуженіи обязательно присутствуютъ всѣ члены педагогическихъ корпораций. Въ воскресные и праздничные дни предъ литургіей неонустительно происходятъ религіозно-нравственныя собесѣдованія о. законоучителя по поводу апостольскихъ и евангельскихъ чтеній. При утреннихъ и вечернихъ молитвахъ воспитанниковъ присутствуютъ законоучитель и дежурный наставникъ. Предъ обѣдомъ и ужиномъ и послѣ нихъ поются воспитанниками установленная молитвы. Классныя занятія ежедневно, кроме молитвы предъ ученiemъ, начинаются чтеніемъ зачала изъ евангелія, по указанію законоучителя. Въ тѣхъ же видахъ поддержанія и развитія въ воспитанникахъ семинаріи округа любви къ исполненію всѣхъ христіанскихъ обязанностей, воспитатели обращаютъ особенное вниманіе на пріученіе воспитанниковъ исполнять благочестивые обычай и постановленія православной церкви: строго соблюдать посты, ставить предъ иконами свѣчи, поминать на проскомидіи живыхъ и умершихъ и т. п.

Въ видахъ религіозно-нравственного воздействиа не учащихся путемъ ближайшаго ознакомленія ихъ съ особенностями богослуженій, совершаемыхъ въ дни Страстной седмицы и въ праздникъ Пасхи, воспитанники выпускного класса означенную седмицу и первый день Пасхи проводятъ въ семинаріи, также принимая непосредственное участіе во всѣхъ церковныхъ торжествахъ.

Съ цѣлью воспитанія у учениковъ семинарій округа любви и преданности Престолу и Отечеству всѣ высокоторжественные дни проводятся въ семинаріяхъ при особой обстановкѣ: въ эти дни въ семи-

нарскихъ церквяхъ богослуженіе совершається съ особенной торжественностью, произносятся приличныя слушаю рѣчи, устраиваются торжественные собрания съ произнесениемъ приличныхъ слушаю стихотвореній и пѣніемъ народного гимна и патріотическихъ пѣсень; зданія семинарій украшаются флагами и вечеромъ иллюминируются. Наиболѣе торжественное собрание въ 1897 г. было устроено въ Свислочской семинаріи 6-го декабря, въ день тезоименитства Государя Императора. Въ этотъ день послѣ богослуженія было предложено воспитанникамъ навидательное чтеніе по брошюре Ломана: „Его Императорское Величество, Государь Императоръ Николай Александровичъ, Самодержецъ Всероссійскій“. Чтеніе это было дополнено свѣдѣніями (Циркуляръ Виленского учебного округа 1897 г. № 9) о пребываніи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ августѣ и сентябрѣ 1897 г. въ предѣлахъ Гродненской губ. и въ частности о Высочайшихъ посѣщеніяхъ учебныхъ заведеній. Среди чтенія семинарскимъ хоромъ было исполнено нѣсколько соотвѣтствующихъ торжеству номеровъ пѣсія, а въ заключеніе всѣми воспитанниками съ одушевленіемъ было пропѣть народный гимнъ.

Въ видѣ содѣйствія установлению близкихъ, болѣе или менѣе сердечныхъ отношеній къ крестьянской средѣ будущихъ народныхъ наставниковъ, начальства семинарій принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы воспитанники ихъ не отрывались и не отчуждались отъ нея и съ этой цѣлью воспитателя заботятся, чтобы воспитанники сами убирали свои комнаты, прислуживали поочередно за столомъ своимъ товарищамъ, ёли простую пищу, носили теплую, но простую одежду и т. п. Обычною одеждой каждого воспитанника, до установлениій формы, была красная рубашка съ кушакомъ и брюками въ сапоги, фуражка съ синимъ бархатнымъ околышемъ и поддевка или пальто обычного покрова. Такая одежда дѣйствительно рѣзко отличаетъ учениковъ семинарій округа отъ мѣстныхъ крестьянъ, среди которыхъ употребленіе рубашекъ мало распространено, и если онѣ начали входить въ употребленіе, то только благодаря семинаристамъ.

Всѣ занятія воспитанниковъ точно распределены по часамъ дня: въ 6 часовъ утра воспитанники встаютъ и убираютъ свои постели, въ 7 час. утренняя молитва и послѣ нея завтракъ; отъ 8 до 2 часовъ—учебная занятія, послѣ которыхъ обѣдъ. Послѣ обѣда одни изъ учениковъ идутъ въ мастерскія, другіе въ садъ или огородъ, третьи занимаются музыкой; въ Поневѣжской семинаріи въ нѣкоторые дни не дѣлали въ эти часы бывають уроки жмудскаго языка. Въ эти же часы-

бывает разборъ данныхъ практическихъ уроковъ. Въ 5 часовъ начинаются вечернія занятія и продолжаются до 8 час. вечера. Въ 9 час. бываетъ ужинъ и вечерня молитва. Желающимъ разрѣшается заниматься до 11 час. вечера. Такимъ образомъ рѣшительно весь день, съ ранняго утра и до поздняго вечера у воспитанниковъ семинарій округа занять то умственнымъ, то физическимъ трудомъ. Такой режимъ поддерживается со всюю строгостью и благопріятно вліяетъ на нравственность семинаристовъ. Они живутъ замкнутою, трудовою жизнью, посвящая все время то умственнымъ, то физическимъ занятіямъ и рѣшительно не имѣютъ досуга предаваться пустымъ, а тѣмъ болѣе предосудительнымъ развлеченіямъ. Вся жизнь воспитанниковъ семинарій находится подъ самыи бдительныи надзоромъ всей педагогической корпораціи. Существующія при всѣхъ семинаріяхъ округа общеученическія квартиры, а также имѣющіяся при Полоцкой учительской семинаріи частныи квартиры ежедневно по нѣскольку разъ посѣщаются дежурными по семинаріи наставникомъ. Дежурный наставникъ присутствуетъ при утренней и вечерней молитвѣ, а также во время завтрака, обѣда и ужина и, кромѣ того, разновременно нѣсколько разъ въ день провѣряетъ, все ли ученики находятся дома и чѣмъ и какъ они занимаются. Этому же помогаютъ и всѣ другіе наставники семинаріи и директора. Каждый классъ поручается оѣбому попеченію и руководству одного изъ наставниковъ, который наблюдаетъ за воспитанниками этого класса въ теченіе всего семинарскаго курса и, между прочимъ, слѣдить за правильностью расходовъ изъ стипендіальныхъ средствъ учениковъ и хранить ихъ деньги у себя или въ сберегательной кассѣ.

Всѣ члены педагогическихъ корпорацій собственнымъ примиѳромъ и другими средствами стараются развить въ учащихся чувства долга, честности,уваженія къ чужой собственности, любовь къ труду и порядку, доброжелательность и предупредительность къ окружающимъ.

Старанія педагогическихъ корпорацій въ указанномъ отношеніи не остаются безрезультатными: всѣ воспитанники семинарій округа отличаются искреннею религіозностю, глубоко развитымъ патріотическимъ чувствомъ, почтительнымъ отношеніемъ къ своимъ начальникамъ и учителямъ, сильно развитымъ чувствомъ долга, аккуратнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, любовью къ труду, доброжелательностью къ товарищамъ, сочувствіемъ къ чужому горю и проч. Исключенія изъ этого встрѣчается рѣдко.

Слѣдующіе факты убѣдительно спидѣтельствуютъ о сильно раз-

витомъ у воспитанниковъ семинарія какъ религіозномъ, такъ и патріотическомъ чувствѣ. Домовыя церкви семинарій, какъ замѣчено выше, украшены многими довольно цѣнными пожертвованіями учениковъ, принесенными ими въ даръ совмѣстно съ служащими въ семинаріи лицами по случаю разнаго рода важныхъ событий, или же иногда по чувству усердія и благодарности къ воспитавшему ихъ заведенію. Домовую церковь Молодечненской семинаріи украшаютъ слѣдующія такого рода пожертвованія: икона св. Архистратига Михаила, сооруженная по случаю 25-лѣтія семинаріи 8-го ноября 1889 г. на пожертвованія учениковъ, изъ которыхъ учителей, получившихъ образование въ Молодечненской семинаріи, а также служившихъ въ ней лицъ; икона св. Александра Невскаго и св. Іосифа Піснописца, сооруженная въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора Александра II отъ руки злодѣя 4-го апрѣля 1866 г.; икона Вознесенія Господня, приобрѣтенная на деньги воспитанниковъ семинаріи III и IV выпусківъ въ память чудеснаго спасенія жизни Императора Александра II отъ покушенія злодѣя въ Парижѣ 25-го мая 1868 г.; въ этотъ день въ томъ году былъ именно праздникъ Вознесенія Господня; икона Христа Спасителя, сооруженная въ память события 2-го апрѣля 1879 г.; икона св. Сергія Радонежскаго, пожертвованная бывшимъ ученикомъ семинаріи Выдрицкимъ; икона Архистратига Михаила, пожертвованная бывшимъ ученикомъ семинаріи Южакомъ; одежды на жертвенникъ и на престоль, приобрѣтенные на средства учениковъ; въ 1897 г. на пожертвованія учениковъ обновлены священные сосуды.

Въ домовой церкви Полоцкой учительской семинаріи имѣются слѣдующія ученическія пожертвованія: икона св. Николая Чудотворца, пожертвованная воспитанниками при освященіи семинарской церкви въ 1875 г., икона св. Александра Невскаго и святыхъ, празднуемыхъ 2-го апрѣля, сооруженная въ память события 2-го апрѣля 1879 г.; икона св. ап. Архиппа, пожертвованная воспитанниками въ память 25-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; икона Покрова Пресвятой Богородицы, сооруженная воспитанниками и служащими въ семинаріи въ память события 17-го октября 1888 г.; иконы св. Иоанна Златоустаго и преп. Илларіона Великаго, пожертвованные бывшимъ ученикомъ семинаріи Цыбулькінымъ.

Изъ наиболѣе цѣнныхъ пожертвованій воспитанниковъ Полоцкій семинаріи въ домовой церкви ея имѣются: икона Сурдекской Божіей Матери, сооруженная въ воспоминаніе о чудесномъ событии

17-го октября 1888 г. икона св. виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія, сооруженная въ память события 29-го апрѣля 1891 г. на средства, собранныя учителями Ковенской губерніи, въ числѣ которыхъ особенно много воспитанниковъ Поневѣжской семинарии, бывшими на гимнастическихъ курсахъ въ семинарии въ 1891 и 1893 гг.

Въ домовой церкви Несвижской семинарии находятся слѣдующія пожертвованія учащихъ и учащихся: икона св. Александра Невскаго, сооруженная въ память события 2-го апрѣля 1879 г., икона св. вел. князя Владимира, приобрѣтенная въ память 900-лѣтія крещенія Руси въ 1888 г.; икона свв. Александра Невскаго и Маріи Магдалины, сооруженная въ память чудеснаго события 17-го октября 1888 г., икона Христа Спасителя, пожертвованная бывшимъ ученикомъ семинарии Юшко.

Воспитанниками Свислочской семинарии совмѣстно съ учащими въ семинарии пожертвованы въ семинарскую церковь: икона Христа Спасителя — въ память события 17-го октября 1888 г.; облаченіе для аналоя изъ атласной матеріи подъ эту икону; икона св. Николая Чудотворца отъ учителей народныхъ училищъ Гродненской губерніи, въ числѣ которыхъ особенно много воспитанниковъ Свислочской семинарии, въ ознаменованіе закона 12-го мая 1897 г. о надѣлѣніи народныхъ училищъ землею; на сооруженіе иконы Знаменія Божія Матери, въ память чуда въ Курскѣ 8-го марта 1898 г. собрано отъ учащихъ, учащихся и частію отъ богомольцевъ 62 руб. 85 коп.

Перечень сдѣланныхъ воспитанниками учительскихъ семинарій округа пожертвованій въ пользу домовыхъ церквей этихъ заведеній показываетъ, что почти всѣ радостныя события государственной жизни позднѣйшаго времени, нашли себѣ откликъ въ сердцахъ воспитанниковъ семинарій и побудили ихъ запечатлѣть свои религіозно-патріотическія чувства соответствующими пожертвованіями, изъ которыхъ многія имѣютъ значительную цѣнность и свидѣтельствуютъ о щедрости жертвоположителей.

Кромѣ указанныхъ болѣе или менѣе крупныхъ пожертвованій учащіеся въ семинаріяхъ округа приносятъ свои посильные жертвы въ пользу церкви при всякомъ богослуженіи, покупая свѣчи, просфоры для проскомидіи и т. п., а иногда жертвуя извѣстную сумму въ пользу церкви; такъ въ 1897 г. однимъ изъ воспитанниковъ Несвижской семинарии пожертвовано 10 руб., а воспитанниками Свислочской семинарии — 14 руб. 72 коп. Въ 1895 г. двое изъ окончив-

шихъ курсъ воспитанниковъ Несвижской семинарии съ мѣста своей службы прислали въ семинарскую церковь пожертвованія — одни 5 руб., а другой — 3 руб., какъ результаты первыхъ трудовъ въ благодарность Богу и воспитавшему ихъ заведенію. Доходы семинарскихъ церквей настолько значительны, что ими покрываются расходы по содержанию церквей, а иногда дѣлаются и довольно цѣнныя приобрѣтенія. Такъ въ Свислочской семинарии на сказанныя средства въ недавнее время приобрѣтены: полное траурное облаченіе для священника, цѣною 40 руб., чугунный золоченый купольный крестъ, цѣною 114 руб. 68 коп., бѣлое глазетовое облаченіе для священника, цѣною 27 руб., напрестольная плащаница, цѣною 10 р. 80 к. Точно также цѣнныя приобрѣтенія сдѣланы въ послѣднее время на такія же средства въ домовой церкви Несвижской семинарии.

Учащіеся усердно поддерживаютъ благочестивые обычая ставить въ церкви свѣчи, подавать на проскомидія поминанія о живыхъ и умершихъ, дѣлать пожертвованія при тарелочномъ сборѣ, служить молебны и панихиды. Исполненіе въ храмѣ нѣкоторыхъ обязанностей во время богослуженія, напримѣръ, уставщика, церковника (прислуживающаго въ алтарѣ), помощника старосты и т. п. считается у нихъ за особенную честь, которой они помогаются другъ передъ другомъ. Также охотно жертвуютъ они свои лепты на построеніе храмовъ Божіихъ. Когда директоромъ Свислочской семинарии въ 1895 г. черезъ квартирного старшаго было передано воспитанникамъ воззваніе, приглашающее къ пожертвованіямъ на сооруженіе храма въ г. Rossi, Волковыскаго уѣзда, Гродненской губерніи, то они собрали между собою 25 руб. 50 коп., при чемъ не оказалось ни одного воспитанника, который бы не далъ копѣчной лепты на это святое дѣло.

Установленные православною церковью посты соблюдаются воспитанниками со всею строгостью. Не рѣдки факты, что воспитанники семинарии, несмотря на предписаніе врача, отказываются отъ употребленія скромной пищи въ посту.

Религіозно-нравственная настроеність семинаристовъ сказывается также въ томъ, что они приобрѣтаютъ въ собственность книги религіозно-нравственного содержанія. Воспитанниками Свислочской семинарии такихъ книгъ приобрѣтено въ 1896 г. на 42 р. и въ 1897 г.— на 19 руб. 85 коп.

Патріотическія чувства учащихся выражаются съ особенною силой по поводу разнаго рода событий, имѣющихъ государственное зна-

ченіе. Такія чувства особенно проявлялись въ печальные дни болѣзни и смерти почившаго Государя Императора Александра III и затѣмъ въ радостные дни сиященаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Освѣтлой. При первыхъ же извѣстіяхъ о болѣзни Царя-Миротворца ученики семинарій, по собственному почину, просили отслужить молебны объ исцѣленіи болящаго. Затѣмъ въ теченіе болѣзни Государя Императора дѣлали это нѣсколько разъ и ежедневно, во время утреннихъ и вечернихъ молитвъ, читали молитву объ исцѣленіи болящаго. Послѣ смерти почившаго Государя Императора учащіеся въ теченіе сорока дней также ежедневно, по собственному желанію, возносили молитвы объ упокойніи праведной души его. День священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ былъ проведенъ учащимися съ неподдѣльнымъ чувствомъ восторга и патріотического воодушевленія, что сказывалось рѣшительно во всемъ, что происходило въ стенахъ учительскихъ семинарій въ этотъ день. Характернымъ фактомъ въ указанномъ отвешеніи служить между прочимъ то, что ни одинъ изъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій округа не былъ заподозренъ въ политической неблагонадежности.

. Въ учащихся сильно развита отзывчивость къ чужой нуждѣ и къ чужому горю. Ежегодно воспитанники стипендіаты въ каждой семинаріи содержать на свой счетъ трехъ-четырехъ бѣдныхъ своихъ товарищѣй; многимъ бѣднякамъ оказываются помощь книгами и письменными припадлежностями. Воспитанники Сапасічской семинаріи въ 1896 г. собрали въ пользу крестьянъ и. Свисоччи, у которыхъ пожаромъ были истреблены рѣшительно всѣ хозяйственныя постройки, 31 руб. 7 коп. и, кроме того, рѣшили помочь погорѣльцахъ хлѣбомъ до конца учебнаго года, что и было ими въ точности исполнено. Въ Полоцкую семинарію въ 1896 г. явился держать вступительный экзаменъ одинъ крестьянскій мальчикъ изъ Могилевской губерніи, но по слабости здоровья онъ не былъ допущенъ къ испытаніямъ и долженъ былъ возвратиться на родину. Оказалось, что у него не только нѣть средствъ на дорогу, но нѣть даже средствъ на пропитаніе. Воспитанники, по своему почину, рѣшиликазать всомоществование этому мальчику и обратились съ просьбою къ директору отправить его на родину на счетъ ихъ стипендіальныхъ средствъ. Желаніе воспитанниковъ было охотно удовлетворено.

Среди воспитанниковъ семинарій лишь въ видѣ очень рѣдкаго

явления оказываются лица, нежелающие учиться; огромное же большинство трудится весьма усердно и ведет себя вполне примѣрно. Случай увольнения воспитанниковъ семинарій за неодобрительное поведение весьма рѣдки: за послѣднія семь лѣтъ изъ всѣхъ пяти семинарій округа уволено только 18 чел. Уволенные воспитанники принадлежать большей частию къ младшимъ классамъ и причиною ихъ увольненія большей частию служило похищеніе чужой собственности. Этими порокомъ отличаются преимущественно дѣти изъ бѣднѣихъ и разночинцевъ.

О хорошей нравственности учениковъ семинарій округа свидѣтельствуютъ священники въ надписяхъ на отпускныхъ ученическихъ билетахъ, которые предъявляются учениками сияценнникамъ для засвидѣтельствованія при окончаніи отпуска. Вотъ некоторые изъ такихъ надписей — „Всегда скромный, тихій и утивый, пишетъ свящ. Котлинскій на билетѣ одного изъ воспитанниковъ III класса Молодечненской учительской семинаріи, во все время бытиости въ домѣ своихъ родителей постоянно являлъ себя замѣчательно прилежнымъ къ чтенію хорошихъ книгъ и самообразованію. Любя книги и чтеніе, онъ, между прочимъ, дѣлился этимъ предметомъ занятій и съ своими грамотными односельчанами, читая имъ въ свободное время избранныя статьи, большую частію религіозно-нравственного содержанія. Въ церковно-богослужебномъ отпоешеніи онъ попрежнему продолжаетъ быть усерднымъ посвѣтителемъ храма Божія и полезнымъ участникомъ на клиросѣ, въ хорѣ мѣстныхъ пѣвчихъ, украшая своимъ пѣніемъ богослуженіе и въ то же время привлекая этимъ слушателей. Причть Ганитской церкви и прихожане весьма благодарны ученику N. за оказанную его дѣятельность, и они отдаютъ честь учебному заведенію, имѣющему подобныхъ воспитанниковъ“. Настоятель Туровской церкви Минской губерніи, свящ. Могильницкій 20-го августа 1896 г. на билетѣ одного изъ воспитанниковъ Несвижской семинаріи написалъ: „Велъ себя въ отпуску прекрасно, неопустительно посвѣщалъ храмъ Божій, принимая горячее участіе на клиросѣ въ чтеніи и пѣніи. Выѣзжая и внутренняя качества его, чужды вліянія времени, даютъ право предвидѣть въ немъ трудолюбиваго народного педагога, полезнаго помощника священнику, примѣрного христіанца и симпатичнаго члена общества. Дай Богъ встрѣчаться съ такими воспитанниками побольше!“

Наконецъ о правильной постановкѣ учебно-воспитательного дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ округа имѣется свидѣтельство г. ви-

тебскаго губернатора въ его всеподданѣйшемъ отчетѣ за 1895 г., вызвавшее отмѣтку Его Величества Государя Императора. Въ 1897 г. управляющій дѣлами комитета министровъ уведомилъ г. министра народнаго просвѣщенія, что во внесенномъ, по Высочайшему повелѣнію, въ сей комитетъ всеподданѣйшемъ отчетѣ за 1895 г. о состояніи Витебской губерніи, по объясненію объ особомъ вниманіи, „котораго заслуживаетъ Полоцкая учительская семинарія, какъ по образцовой постановкѣ въ ней учебнаго дѣла, такъ и по патріотическому ея направленію“, послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества отмѣтка „Утѣшительно“.

Этот послѣдній фактъ служитъ лучшимъ отвѣтомъ на вопросъ объ успѣшности и правильности направленія учебно-воспитательной дѣятельности учительскихъ семинарій Виленскаго учебнаго округа, такъ какъ всѣ они преслѣдуютъ одни и тѣ же цѣли и совершенно одинаковы по своему направленію.

Въ послѣднее время при всѣхъ семинаріяхъ округа происходятъ воскресныя и праздничныя чтенія, иллюстрируемыя свѣтловыми картинаами и сопровождаемыя пѣніемъ семинарскими хорами соотвѣтствующихъ чтеній духовныхъ пѣснопѣній и свѣтскихъ пѣсень. Чтенія имѣютъ огромный успѣхъ: слушателей бываетъ столько, сколько можетъ вмѣстить помѣщеніе.

四、①—四七

А. Ф. БЫЧКОВЪ.

(15-го декабря 1818—2-го апреля 1899).

2-го апреля текущаго года, въ пять часовъ по полудни, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни, скончался здѣсь въ Петербургѣ одинъ изъ извѣстѣйшихъ дѣятелей въ русскомъ ученомъ мірѣ и на степеняхъ высшей администраціи, маститый и достоуважаемый Аѳанасій Федоровичъ Бычковъ.

Онъ началъ свою дѣятельность почти шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ учеными работами; съ теченіемъ времени онъ открыли ему путь и къ административной дѣятельности, но научныхъ занатій онъ не покидалъ никогда до самой смерти; проведя всю свою службу по вѣдомству народнаго просвѣщенія, онъ кончилъ жизнь въ званіи ординарного академика Императорской Академіи наукъ, директора Императорской Публичной Библіотеки, предсѣдателя Археографической Комиссіи и члена Государственного Совета. Его многочисленныя работы по изданію историческихъ памятниковъ, по археографіи и библіографіи надолго останутся украшеніемъ отечественной науки; его разумное и плодотворное трудолюбіе съ полнымъ правомъ можетъ быть названо образцовыми, а его благоволительный характеръ и простота его обращенія, которыя привлекали къ нему всѣхъ, кто его зналъ, и кого онъ въ свою очередь цѣнилъ, на многіе годы сохранять его свѣтлую память.

Редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, на страницахъ котораго появлялись раннія литературныя работы А. Ф. Бычкова, надѣется вскорѣ представить болѣе подробныя свѣдѣнія объ его жизни и трудахъ.

Вестникъ.

Въ живыхъ... Вели и повторю: онъ умеръ...

ЭЛЕКТРА.

О, зоркая, о Правда... Наконецъ!
Но разкажи мнѣ самый ходъ убийства,
Ты каждый шагъ повѣдай намъ, гонецъ.

Вестникъ.

Стопы подъяви отъ этого порога,
Вступили мы на двухколейный путь
И славнаго Микенскаго владыку
Увидѣли. Онъ по саду гулять
Среди ручьевъ, срѣзая вѣтка мицта,
Чтобы вѣнокъ потомъ изъ нѣжныхъ свить.
Увидѣли насъ и говорить: „Привѣтъ вамъ,
О путники, откуда вы и путь
Къ какой землѣ направили?“ а братъ твой
Ему въ отвѣтъ:—Фессалия насъ плеть,
На берега Алфей. къ Олимпійцу.
Отцу боговъ съ дарами мы идемъ...
Эгисъ опять: „Ко мнѣ прошу сегодня
На сѣйтый пиръ—я нимфамъ заколоть
Тельца веду, а завтра, вставъ съ зарею,
Вы можете ускорить шагъ. Войдемъ“.
И сталъ онъ насъ упрашиватъ—проходу
Намъ не давалъ—а какъ въ чертогъ привезъ,
Кричитъ: „Скорѣй, подайте имъ умыться,
Блязъ алтаря поставлю я гостей“.
Орестъ ему на это: „мы проточной
„Струей рѣки ужъ умывались, царь,
„Но если памъ съ аргосцами прикажешь
„Тебѣ помочь при жертвѣ, то опять
„Очиститься не откажусь, конечно“.
Но разговоръ былъ прерванъ. Отложивъ
Оружіе—тѣлохранитель царскій,
И рабъ его за дѣло всѣ гурьбой...
Кто несть фалъ для крови, кто кошница

Священныхъ крупъ, а тамъ, на очагъ.
 Раздувъ огонь, кувшины разставляли.
 Чертогъ гудѣлъ... Но вотъ, крупы твой вотчимъ
 На жертвеннакъ подбросить возгласилъ:
 „О, нимфы скалъ, пускай не разъ мнѣ жертву
 „Здѣсь приносить и, счастьемъ увѣичавъ
 „Главу цара съ цареци Тандаридой,
 „Враговъ его казните!“—онъ тебя
 Здѣсь разумѣлъ съ Орестомъ. А царевичъ
 Тотъ шепотомъ молился, чтобъ ему
 Отцовскій домъ вернуть.

И ножъ напулавъ

Въ кошницѣ взялъ Эгисъ: онъ тельчай волость
 Десницаю въ огонь священный ввергъ...
 И закололъ распяленную жертву
 Въ рукахъ рабовъ, державшихъ ноги ей...
 И вновь тогда взываетъ онъ къ Оресту:
 „Средь доблестей въ Фессалии у васъ,
 „Я слышалъ, два искусства процвѣтаютъ:
 „Тамъ мастера вы туши разнимать,
 „Да на коня узду пакинуть ловки,
 „Не откажи увѣрить въ первомъ насы“.
 —И вотъ, въ рукахъ Ореста ножъ дорійскій.
 Вмигъ сорванъ съ плечъ его красивый плащъ
 Съ аграфами—въ подручные Пилада,
 А челядь прочь; вотъ ногу захватилъ
 Онъ тельчую и, напрягая мускуль,
 Глядимъ,—на сгибъ всю кожу намоталъ.
 Обнажена лежить, блѣдя, жертва...
 А времени... да ва бѣгахъ скорѣй
 Не пробѣжитъ атлетъ два раза стадій...
 Когда же жертву вскрыли, и Эгисъ,
 Священную пріявъ ея утробу,
 Сталъ изучать: у печени главы
 Онъ не нашелъ, пузырь же и ворота
 Переполняла желчь, и тѣмъ они
 Гадателю недоброе сулили:
 Эгисъ блѣднѣеть, видимъ—и къ нему
 Съ вопросомъ нашъ владыка: „Что кручиненъ?“

А тотъ въ отвѣтъ: — „О гость, меня страшить,
 „Бѣда извѣй: для дома-жъ нѣть опаснѣй
 „Атридова отродья“.— „Какъ? Эгисъ,
 „Греческѣшь ты скитальца козней? Царство-ль—
 „Тебѣ не щитъ? Однако дай же ишь,
 „Чтобъ лакомства добыть изъ этой жертвы,
 „Нокрѣвиче ножъ, съ закаломъ Фессалійскимъ,
 „Дробящимъ кость“

И вотъ ударъ ножа

Вскрываетъ грудь. И только что надъ сердцемъ
 Внимательно склонился тотъ, Орестъ
 На цыпочки приподнялся и ножъ
 Царю всадилъ въ загривокъ, а ударомъ
 Ему хребетъ ломаетъ. Рухнулъ врагъ
 И заметался въ иухахъ, умиралъ.
 Къ оружію кидается рабы
 И на двоихъ толпой. Но сотрясая
 Въ рукѣ копье, ишь мужи не сдались,
 И вотъ Орестъ взываетъ: „Не разбойникъ
 „Пришелъ на пиръ: домой вернулся царь...
 „Я вашъ Орестъ несчастный: не ищите-жъ
 „За то, что я съ убійцей порѣшилъ,
 „Меня губить, рабы Агамемнона...“
 Отпрянула толпа ихъ, а Орестъ
 Былъ скоро тамъ какими-то старцемъ признанъ.
 Торжественно увѣчанный тебѣ
 Онъ голову—не бойся не Медузы—
 Эгисса ненавистнаго весеть.
 О, заплатилъ злодѣй сегодня съ лихвой
 За кровь, чтѣ здѣсь когда-то проливалъ.

Хоръ.

Строфа.

Вплетаясь въ хороводъ нашъ дѣва,
 Какъ легкая лапъ въ зеиръ,
 Вздыхайся пятой веселой!
 О, ярче вѣнцовъ побѣды

Съ бреговъ Алфея славныхъ боецъ не уноситъ,
 (Электра не хочетъ присоединиться къ танцующимъ).
 Какие братъ твой добыть.

О, пой же, дѣва, пой!
 И подъ свѣтлыѣ напѣвъ мы плясать пойдемъ.

ЭЛЕКТРА.

О, свѣтъ, о блескъ, о, колесница бога.
 Земля и ночь, царица слезъ моихъ,
 И вы опять на божій свѣтъ свободно
 Отверзтыя зѣныци. Да, Эгисъ,
 Злодѣй, отца убійца—онъ не встанетъ...
 Всѣ, всѣ сюда уборы и вѣнцы!
 А вы со мной его вѣничайте дѣвы.

(Во время пѣнія слѣдующей антистрофы первое непоющее полухоріе входитъ къ дому и выносить оттуда понишки, діадемы, цѣты).

Антистрофа.

Укрась ему кудри пышно,
 Мы-жъ, музамъ покорны,
 Затѣмъ веселый танецъ.
 О, радость! цари былье
 Опять надъ нами будуть любимые царить...
 Неправедный не встанетъ—онъ правою убить.
 Ты-жъ, о флейта, звуки, солнцемъ лейся пѣсни...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ-жъ.

Орестъ и Пиладъ (откуда пришли).

(За ними свита несетъ трупъ Эгиска).

ЭЛЕКТРА

(послѣ пласти вѣстѣ съ хоромъ подходитъ къ Оресту, вѣтви хъ Пиладу:
 Оресту—діадему, Пиладу—цѣты).

О, славный сынъ вѣничаннаго отца
 Въ лучахъ его неизрѣвущей побѣды

Дай локоны обвить тебѣ, Орестъ.
 О, ты пришелъ не съ бѣга, не на призы:
 Ты играя натѣшился,—врага
 Ты одолѣлъ, отцовскаго злодѣя. (Пиладу)
 И ты, вѣнецъ награду дѣлъ прими,
 Воспитаный благочестивныи мужемъ
 На радость наимъ, Пиладъ, а боги вамъ
 Да иисношлютъ благой удѣль обоимъ!

Орестъ (отклоняя діадему).

Боговъ почти Электра, пимъ воздай
 Хвалу, судьбы властителямъ могучимъ:
 Покорный рабъ ихъ воли и судьбы,
 Эгисеа я убиль, и это правда,
 А не моза,—а чтобы всякий могъ
 Прорѣзть насъ, такъ вотъ тебѣ—убитый.

(По его знаку слуги ставятъ посилки, и ость сдергивается съ трупа покрываю).

И если ты скормить его звѣрямъ,
 Иль пугаломъ для птицъ, дѣтей зеира,
 Прибить на столбъ захочешь, онъ на все
 Согласенъ—онъ твой рабъ, тиранъ вчерашнй...

Электра.

Миѣ совѣстно, но рѣчи жгутъ уста...

Орестъ.

Такъ говори. Кого-жъ тебѣ бояться?

Электра.

Глумленія надъ трупомъ не простятъ.

Орестъ.

Но чей же гнѣвъ возбудишь ты, царевна?

Электра.

Микенскій людъ угрюмъ и злорѣчивъ.

Орестъ.

Все-жъ волю дай желаньями... Намъ съ Эгисеомъ,
 Живымъ или убитымъ, мпра пѣть.

ЭЛЕКТРА.

И такъ съ чего жъ начну я чѣмъ закончу,
 Въ срединѣ что скажу я?.. А зари
 Я ни одной не провела, чтобы въ мысляхъ
 Не размотать весь тотъ клубокъ рѣчей,
 Которымъ бы свободная Электра
 Ему въ лицо швырнула.

Часъ приспѣль.

(Къ трупу Эгисея).

Услышь-же, что еще живой ты долженъ
 Быть выслушать. Проклятый, безъ вины
 Сиротами за что ты насъ оставилъ?
 Съ женой вождя слюбившись, вражьюхъ стѣнь
 Ты не видаль... И въ глупости падмешной
 Убійца, воръ и трусъ мечтать ты смѣль
 Что взятая пролюбодѣйствомъ будетъ
 Тебѣ женой примѣрной.—Если кто,
 На ложе ласкъ обманомъ преклонивши
 Замужнюю, ей мужемъ станетъ и
 Вообразить, что скромною подругой
 Его чертогъ украсился, назвать
 Его нельзя счастливымъ. О, ты не былъ
 Такъ счастливъ съ ней, какъ можетъ быть мечталъ.
 Нечестія лобзанья не смывали
 Съ ея души, и низости твоей
 Средь пылкихъ ласкъ она не забывала,
 И оба вы вкусили горький плодъ
 Она твоихъ, а ты ея пороковъ.
 Но всѣмъ устамъ ходилъ среди Микенъ...
 „Царицынъ мужъ“, а мать—женой Эгисея
 Не звалъ никто. О, горшій изъ позоровъ
 Когда въ семье жена главой, а мужъ
 Такъ жалокъ, такъ пригніженъ, что въ народѣ
 По отчеству не кличутъ и дѣтей.
 Да, истинно завидный бракъ—изъ дома
 Богатаго и знатнаго добыть
 Жену и стать при ней еще ничто жнїй...
 На золото позарился Эгисей:
 Онъ имъ мечталъ себѣ прибавить вѣсу...

Иль мы богатствомъ прочны? Нѣтъ, сердецъ
Сокровища природныя, не деньги
Насъ вызволять изъ жизненныхъ тисковъ.
А золото съ клеймомъ обидъ и зла
На мигъ блеснетъ въ чертогѣ и пропало...
Про женщинъ и Эгиса не рѣшусь
И говорить, какъ дѣвушка. Но будетъ
Довольно и намека. Онь преградъ
Себѣ не зналъ, кичась богатствомъ пашимъ
И красотой своей. О, если миѣ
На выборъ бы давали... Этихъ куколь
Изнѣженныхъ суровому лицу
Не предпочла бы я. Ареемъ дышать
Отважный мужъ, а съ этими куда?
Иль въ хороводъ?

Иди же въ прахъ, невѣжда!
Ты думалъ вѣкъ царить—и ножъ одинъ
Могъ вразумить тебя. А тѣло это
Для всѣхъ урокъ: на играхъ пробѣжалъ
Въ одинъ конецъ, не обогнувши даже
Меты, побѣдъ своихъ не объявляй...

Корифей.

Онь отдалъ вамъ за кровь богатый выкупъ,
И мощенъ былъ исконной правды судъ.

Орестъ.

Гей! Тамъ, рабы! Возьмите трупъ и въ уголъ
Да потемиѣ запрячьте (къ сторону) чтобы матъ
Съ любовникомъ не свидѣлась до гроба.

(Групъ уносить съ носилками въ ворота дома).

Электра

(живо оборачивается и не глядя на брата).

Оставь его... Предъ нами новый путь.

(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ и всматривается вдаль).

Орестъ.

Что видишъ-ты? Микенскіе отряды?

Электра (раздольно и тихо)

Нѣть... Мать, меня носившую, Орестъ. (Науза).

Орестъ (смотри въ ту же сторону)

Сиянье разъ на блескѣ колесницы...

Электра.

И въ темнотѣ разставленная сѣть.

Орестъ.

Намъ убивать ее, подумай только...

Электра.

Иль этотъ блескъ разжалобилъ тебя?

Орестъ.

Увы! Увы!

Она меня носила и кормила:

Какъ ножъ на грудь ея я подниму?

Электра.

Какъ? говоришь... ты могъ-бы поучиться
У ней, когда покончила съ отцомъ.

Орестъ.

О, Фебъ! Въ тебѣ тогда болталъ невѣжда...

Электра.

Невѣжда-Фебъ? Кто-жъ мудрый у тебя?

Орестъ.

Не смѣть сыни убить ее, не смѣть...

Электра.

А кровь отца онъ смѣть забывать?

Орестъ.

Въ ея крови—клеймо и судъ Оресту.

ЭЛЕКТРА.

Иль выбрать проклятие отца?

Орестъ.

Гнѣвъ матери карать убийцу будеть.

ЭЛЕКТРА.

Забудь отца,—и бозъ тебя казнить.

Орестъ (подумавъ)

Такъ демонъ бытъ подъ маской Аполлона.

ЭЛЕКТРА.

Иль завладѣть треножникомъ онъ могъ?

Орестъ.

Нѣть, нѣть... сюда оравуль не подходитъ...

ЭЛЕКТРА (касалась его руки, шепотомъ)

Стыдись впадать въ уныніе... Не трусь,

И хитрости, которыми Эгисеа

Убилъ, яви и надъ его женой...

Орестъ (останавливаясь передъ входомъ)

О, страшный путь и ты, ужасный подвигъ,

Богами мнѣ указанный, тебя,

О, горький грузъ, подъемлю какъ невольникъ.

(Входить въ домъ).

ЗВЛЕНИЕ ЦЫТНАДЦАТОЕ.

На сцену выъезжаетъ богатая колесница съ Клитемнестрой и несколькими отяжелевшими, но все еще прекрасной; она расчесана, разряжена и нарядимпена. Пышная свита изъ рабовъ и фригийскихъ плонницъ въ богатыхъ пурпурныхъ и оранжевыхъ пеплосахъ съ золотыми брошками. Нѣкоторые изъ нихъ, покрасневші и понарядивші, подута за царицей на колеснице.

ХОРЪ.

О славься, царица Аргосскихъ полей!

О чадо Тицдара,

Ты храбрыхъ Кронида сестра сыновей,
 Чѣдъ въ звѣздномъ сіанѣ земра живуть
 И факель горащій надъ бурей морской
 Для путника смертнаго держать...
 Блаженныи подобна ты, слава тебѣ!
 Въ сіанѣ и счастѣй богатства живи!
 Я въ прахѣ предъ славой твою лежу
 И блескомъ твоимъ, Тиндарида...

Клитемнѣстра (съ колесницы).

Насилу-то... Но прежде вы, Троянки,
 Спуститесь внизъ—вы будете опорой
 Для царскихъ ногъ.

(Разсѣянно смотрѣть вокругъ и обращается больше къ хору. Электра безмолвно и неподвижно стоитъ передъ входной дверью. Рабыни спускаются съ колесницы).

Благодарить боговъ
 Фригийскою горитъ чертогъ добычей,
 А этотъ цвѣтъ Троянскихъ жень за дочь
 Убитую, конечно, жалкій выкупъ,
 Но нашихъ залъ Микенскихъ не тѣснить.

ЭЛЕКТРА

(приближаясь къ матери и протягивая имѣстѣ съ рабынами руки для ея поддержки).

Дозволь рабѣ, изъ отчага чертога
 Исторгнутой подъ этотъ бѣдный кровъ,
 Блаженныхъ руку, о мать, твоихъ коснутся.

Клитемнѣстра (отстраняя ея руки).

На это есть рабыни... Не трудись. (Спускается).

ЭЛЕКТРА.

Иль пльна я не видѣла, иль дома
 Не лишена, иль не добыча я
 Подобно имъ, че сирота вдобавокъ?...

Клитемнѣстра.

Отца вини, малютка. Вѣчно онъ
 Вражды искалъ, терзая самыхъ близкихъ.

Безъ ихъ вины. (Хору)

Вы жъ слушайте, и пусть
 За словою и рѣчъ мою порочить,
 Какъ водится, пристрастный судъ толпы...
 Чеснить такъ за дѣла, и если точно
 Кто ненависть дѣлами заслужилъ,
 Терпи ее, а если ненавидятъ,
 Но разсудиевъ, что толку? Твоему
 Отцу меня вручая, дѣдъ не думалъ
 Что дочь и вѣсъ убийцѣ отдастъ...
 А между тѣмъ Атридъ, на бракъ съ Ахилломъ
 Склонивъ дитя, въ окованную гладь
 Авалидскую увезъ ее обманомъ
 И лилію скосилъ надъ алтаремъ...
 О, я бы все простила, если городъ
 Иначе имъ не взять бы, если-бъ домъ
 Или дѣтей спасаль онъ этой жертвой,
 Но опъ убилъ малютку за жену
 Развратную, за то, что мужъ не смыслилъ
 Измѣницу достойно наказать.
 О, я тогда смолчала—я къ забвенью
 Готовила ужъ сердце и казнить
 Атрида не сбиралась. Но изъ Трои
 Мэнаду царь безумную привезъ
 На брачную постель и стать въ чертогѣ
 Двухъ женъ держать. О, жены, нашъ удѣль
 Слѣпая страсть. Пускай неосторожно
 Холодность мужъ намъ выкажеть, сейчасъ
 На зло ему любовника заводимъ,
 И настъ же всѣ потомъ винять.
 Заводчиковъ обиды забывалъ... (Помолчавъ)
 А если бъ былъ украденъ Менелай,
 И я бъ Ореста смертью выкупала
 Сестрѣ ея утѣху, иль отецъ
 Стерпѣль бы твой?

Такъ значить смеять близкихъ
 Мопхъ казнить Атридъ, а мнѣ терпѣніе
 Предписано и жертвы? (Раздумчиво).

Да, его

Убила я—мнѣ не было дороги
 Иной, какъ въ станъ его враговъ. Друзья
 Ему бъ обидъ моихъ не отомстили...
 Ну, отвѣчай свободно... Колы убить
 Неправдой онъ, ты мнѣ докажешь это.

КОРИФЕЙ (дарицѣ).

Ты выиграла позорнейший процессъ...
 Нѣть, женщины, коли умомъ здоровы,
 Мужьями во всемъ покорны, о больныхъ
 Я говорить не стану—тѣхъ со счетовъ...

КЛІТЕМНІСТРА.

И повторю, Электра, не таись.

ЭЛЕКТРА.

Потомъ упрекъ слезой не отольется?

КЛІТЕМНІСТРА.

Нѣть, сладко мнѣ увидѣть дно души...

ЭЛЕКТРА.

Мать, я начну съ желанія. О, если бъ
 И сердце ты имѣла, какъ лицо,
 Прекрасное. Съ Еленою вы обѣ
 Прославились красою. Но увы!
 Вы Кастора не стомите, и даромъ
 Одна вѣсъ мать носила. Чародѣю,
 Не споря съ нимъ, Елена отдалась,
 Ты-жъ лучшаго межъ греками убила...
 Месть, говоришь, тебѣ точила ножъ?..
 О, лги другамъ, а мы давно знакомы.
 И дочь еще жила, и мужъ уйдти
 Едва успѣлъ, а золотыя косы
 Предъ зеркаломъ ты убирала, мать...
 А та жена, которая безъ мужа
 Нарядится—недобрая жена...
 Иль побѣжитъ красотой своей, безъ цѣли

И безъ дурной, она народъ давить?..
 Но даље... ты, ты одна въ Элладѣ
 Успѣхъ враговъ вѣничала блескомъ глазъ
 И радостью, а если счастье тылоинъ
 Вставало къ нимъ, дарила ихъ слезой,
 Боговъ молл чтобъ мужъ не возвращался...
 А какъ легко ты вѣрною женой
 Могла бы оставаться. Иль Эгисеу
 Уступить мужъ, котораго вождемъ
 Эллада нарекла?

Въ самбѣ Еленѣ

Быль для тебя, жена, богатый прязь:
 Даеть и зло урокъ полезный добрынь.
 Ты говоришь, что дочь твою убиль
 Ея отецъ. А мы съ Орестомъ развѣ
 Обидѣли тебя? Зачѣмъ же домъ
 Ты отобрала отчий и, зарѣзавъ
 Отца, себѣ на наши деньги мужа
 Купила, мать? И почему Эгисеъ
 Въ изгнаніи Ореста не засѣнть?
 Какъ жить даешь ему? казнивъ жреца
 Моей сестры, ты-ль палячу Электры
 Весь ужасъ муки ея прощаешь, мать?
 О, если кровью крови омыть мы властны,
 Орестъ и я за отчую твою
 Пролить должны, и если справедливо
 Судила ты, то ты осуждена...
 А человѣкъ, порочную пріявшій
 Въ свой домъ за блескъ одеждъ и знатный родъ,
 Онъ вѣрно слѣпъ. И не милѣе ль бѣдныій,
 Но скромностью украшенный пріютъ.

Корифей.

На все судьба, иной такъ счастливъ въ бракѣ,
 Другому же одна бѣда съ женой.

Клитемнѣстра.

Я не дивлюсь рѣчамъ твоимъ. Обычно,
 Что дочери привязаны къ отцу,

А сыновья къ носившой ихъ пѣжиѣ.
И не сержусь. Увы, тоскою грудь
Сжимается и у меня, какъ вспомнию
Что я его убила... эти козни...
Весь этотъ гнѣвъ безумный... Горе мнѣ...

ЭЛЕКТРА.

О, поздно, мать—ты раны не залѣчишь:
Отецъ убить—но какъ до этихъ поръ
Ты не вернешь домой скитальца сына?

КЛІТЕМНЕСТРА.

О, дочь, боюсь: своя печаль больнѣй.
Онъ, говорять въ изгнаніѣ злобу конить.

ЭЛЕКТРА.

Иль ярость ты въ Эгисоѣ не смиришь?

КЛІТЕМНЕСТРА.

Да, онъ суровъ. Но вѣдь и ты упрямая.

ЭЛЕКТРА.

Безсильная, я гнѣвъ свой подавлю.

КЛІТЕМНЕСТРА.

Тогда и онъ къ тебѣ добреѣ будеть.

ЭЛЕКТРА.

О, какъ онъ гордъ. Забыть, что мой жилецъ!

КЛІТЕМНЕСТРА.

Опять огонь потухшій раздуваешь?

ЭЛЕКТРА.

Молчу—въ душѣ одинъ глубокій страхъ...

КЛІТЕМНЕСТРА.

Оставимъ лучше это. Посыдала
За мною ты, датя мое?

ЭЛЕКТРА.

О, да.

Я—мать, тебѣ, конечно, говорили...
Молю-жъ замѣтой будь у алтаря
Неопытной. Луна сегодня сылу
Десятый разъ свой факель зажигаетъ...

КЛИТЕМНЕСТРА.

Повившая пусть жертву принесеть...

ЭЛЕКТРА.

О, мать, сама я повивала сына.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Иль никого у вась друзей окресть?

ЭЛЕКТРА.

Кого-жъ опа приманить, дружба пищихъ?

КЛИТЕМНЕСТРА.

И ты, едва покинувъ ложе муки,
Безъ ванны и въ лохмотьяхъ. О, войдемъ же!
Я жертвою десятую луну
Отпраздновать готова для малютки.
Не медли-жъ: ждеть меня священный пиръ
Въ честь сельскихъ нимфъ. А вы коней ведите,
Ихъ ясли ждутъ. (Женщинамъ) едва освобожусь
Отъ жертвы, мы немедля уѣзжаемъ...
Не лишнее и мужу угодить. (Уходитъ).

ЭЛЕКТРА (сопровождая ее).

Войди въ нашъ бѣдный домъ. Но осторожнѣй,
Чтобъ копотью отъ черныхъ стѣнъ его
Ты пеплосъ не испортила. О, жертву
Ты должна безсмертнымъ принесешь. (Вглядъ ей)
Кошница ждеть, и пожъ жреца отточень:
Зарѣзанъ быкъ, а рядомъ мѣсто есть...
О, тамъ во тьмѣ Эреба, какъ подъ солнцемъ,
Ты ложе съ нимъ раздѣлиши. Получай
Свой долгъ сполна и расплатись со мною... (Уходитъ).

ТРЕТИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРИАКТЬ.

Хоръ.

Отрофа.

Отмщеніе злу! И нового вѣтра въ чертогѣ дыханье —
 Тогда надѣя ранкою царь
 Поникъ главою вѣчданной,
 И отдали крикъ и мраморный фразъ, и стѣны тогда,
 Исполненныи муки:
 „Злодѣйка-жена, не десять ли лѣтъ,
 Свѣданья съ родимой землей
 Я ждалъ — и зарѣванъ?“

Антистрофа.

Но мести волна, дыханіемъ правды гонима, блудницу
 Къ нимъ въ сѣть примчала... О, ты
 О, ты, что муха убила
 Межъ каменныхъ глыбъ, гдѣ долго его дворецъ ожидалъ,
 Сѣкирой-желѣзной
 Въ преступной рукѣ... О, сколько бы муки
 Ты здѣсь ни подъяла, жена,
 Бузумно дѣянье.

Эподъ.

Словно львица тамъ, въ черной тымѣ лѣсовъ,
 Ты кровавый свой совершила грѣхъ...

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

На сценѣ никою.

Голосъ Клитемнѣстры (за сценой).

О, милосердіе... Я мать... Не убивайте...

Корифей.

Ты слышишь... крики тамъ?

Голосъ Клитемнестры.

О страшно! Ой, больно мнѣ!

Корифей.

Она въ рукахъ дѣтей—о, горькій жребій!
Судъ божій свершится и правда придетъ.
О, страшная доля, о звѣрскій трофей
Преступной расправы!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Открывается задній планъ сцены со трупами Клитемнестры, пла-вающей въ крови, и Эгисса. Блѣдный со потухшимъ взоромъ и бе-зоружный Орестъ, и порозовѣвшая Электра, въ которой еще не угас-лосъ волненій—глаза у нея горятъ искрами.

Корифей.

Идуть, идуть... Пропитанные кровью
Изъ матери зарѣзанной... О, видъ
Трофея ихъ побѣды нечестивой...
Нѣть дома, нѣть несчастіе тебѣ,
Домъ Тантала... злосчастій и не будетъ...

Отрофа I.

Орестъ.

О, матерь земля и ты, о небо, о стражи!
О, смертныхъ зоркіе стражи!
О, вотъ вамъ два трупа —
Кровавое дѣло десницы моей,
Расплата за муки Ореста...

ЭЛЕКТРА.

О, тяжекъ грѣхъ, но онъ не твой, а мой:
И на пеє, родимую, напала,
Браждой палимал.

Отд. классич. физол.

ХОРЬ.

Увы! о, мать, какъ злють удѣль
Носившей и убитой.
Ты въ море слезъ погружена, —
Пускай права была ихъ месть, —
Дѣтей родныхъ руками, мать.

Антистрофа I.

Орестъ.

О, Фебъ Аполлонъ, твой гласъ карать повелѣлъ мнѣ.
На свѣтъ исчадія мрака
Воззвалъ ты, о вѣщій...
И кровью десницу его загрязнивъ,
Изгнанье судилъ ты Оресту...
О, кто-же, кто праведный дастъ мнѣ
Прють, убившему мать?

ЭЛЕКТРА.

Увы! увы! куда пойду теперь?
Подруги, гдѣ и кто Электру приметъ
На ложе брачное?

ХОРЬ.

О, какъ покорна сердцемъ ты
Дыханію вѣтра, дѣва...
Такъ святы стали помыслы
Теперь твои. Увы, давно-ль
На зло толкала брата ты?

Строфа II.

Орестъ.

Выдала-ль ты, какъ горькая изъ подъ одежды
Достала грудь, чтобы у убійцы дрогнуль ножъ?
Увы, увы! какъ мнѣ она
Тамъ на колѣняхъ ползая терзала сердце?

ХОРЬ.

О, сколько муки ты вытерпѣлъ, увы,
Внимая стонамъ иѣжныхъ усть
Родимой матери!

Антистрофа II.

Орестъ.

Она къ лицу убийцы руки протянувъ,
 Рыдала тамъ... „О, сжался надо мной, дитя!“
 И шею такъ въ мольбѣ она
 Мвѣ обвила, что уронилъ и мечъ убийца...

Хоръ.

Несчастная! Какъ этотъ страшный видъ
 Ты снесъ ея предсмертныхъ муки,
 Убийца матери?

Строфа II.

Орестъ.

Межъ складками плаща лицо я спряталъ,
 И мечъ тогда занесъ,
 И въ грудь ей погрузилъ клинокъ

ЭЛЕКТРА.

Звала тебя, толкала я,
 Съ тобою мечъ вадымала я...

Хоръ.

О, горе вамъ, преступные!

Антистрофа III.

Орестъ.

Сестра, набрось лоскуть на это тѣло
 И раны ей закрой. (Къ трупу)
 Убийца своихъ носила ты

ЭЛЕКТРА

(пабросивъ одежду на трупъ Клитемнѣстры)

Покойся-жъ подъ плащомъ моимъ,
 Любимая, постыдая...

Хоръ.

Конецъ тебѣ, о славный домъ!

Корифей

(открываетъ словами исходъ. Во время слѣдующихъ словъ его падъ домомъ вырисовываются изъ бѣлого тумана фигуры Діоскуровъ).

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Но что тамъ надъ домомъ въ земрѣ?
 Иль демоны это? иль съ выси святой
 Небесные боги? Стопа человѣка еще
 Туда не ступала... Могу я
 Боговъ различить... Но развѣ
 Имъ мѣсто межъ нами?..

КАСТОРЪ.

Внемли, о сынъ Атрида, Діоскурамъ
 И братьямъ той, которой ты рожденъ.
 Я Касторъ, вотъ близнецъ мой Полидевкъ...
 Въ пучинѣ мы едва воленые злое
 Утишили, какъ Аргосъ намъ явилъ
 Здѣсь трупъ сестры, твоей несчастной жертвы.
 Она была достойна кары, но...
 Но не твоей, Орестъ. Объ Аннлонѣ,
 Какъ о царѣ своемъ, я умолчу,
 Иль преступить ума не можетъ мудрый?
 Но покорись: а жребій и Кронидъ
 Судьбу твою рѣшили: вотъ послушай:
 Ты въ жены давъ сестру Пиладу, самъ
 Родной предѣлъ покинешь, непристойно
 Убившему родную мать входить
 Въ Аргосскій кремль. Какъ тѣнь метаться будешь,
 А за тобою прыгать неустанно
 И страшныя, и злые псицы: ихъ
 Божественная природа—это Смерти.
 Въ скитаніяхъ когда придешь, Орестъ,
 Въ Аѳинѣ, тамъ есть истуканъ Паллады
 Прижмись къ нему,—и въ тотъ же мигъ тебѣ
 Покинуть фуріи, тебя эгидой стоять
 Ей осѣнить и очаруетъ змѣй...
 А въ городѣ есть холмъ Арея: дреавле
 Впервые тамъ судился богъ войны
 Когда убилъ исчадье Посидона,
 Ругателя дочеряяго казни.

Рѣшепія Ареопага святы,
 И хоть теперь должны звучать они
 Изъ смертныхъ усть — все-жъ слово непреложно...
 И ты, Орестъ, свой прамешь приговорь
 Съ того холма. И половина скажетъ
 Виновенъ ты, а половина — нѣть,
 Но Локсія, оракуломъ смутившій
 Тебя, вину Орестову возьметъ...
 И съ этихъ порь войдетъ въ законъ, коль мнѣнья
 Гдѣ поровну подѣлятся — прощать.
 Эринній-жъ, сраженный обидой,
 У самого холма поглощены
 Жерломъ подземныи будуть, чтобы послѣ
 Изъ пропасти, пожравшій ихъ, вѣщать.
 Оттуда путь тебѣ къ брегамъ Алфея,
 Въ Аркадію, гдѣ дивенъ Зевсомъ храмъ.
 А трупы пусты — Эгисеонъ похоропятъ
 Аргосскіе сограждане, а мать
 Царь Менелай, вернувшись изъ Трои,
 Землѣ съ сестрой Еленой предадутъ.
 Въ Протеевомъ таилася чертогъ
 Сестра моя Елена: только тѣль
 Ея Кронидъ явилъ предметомъ тяжкихъ
 И распрай, и убийства. Пусть Пиладъ
 Теперь беретъ себѣ Электру въ жены
 И съ ней идеть въ Ахайю, а того,
 Который былъ твоимъ названнымъ зятемъ
 Пускай пошлетъ въ Фокиду и съ дарами...
 А ты, Орестъ, стопы направь па Истмъ,
 Къ брегамъ Кекропіи блаженнѣй ближе...
 О, тяжесть иукъ убийцы переживъ,
 Свободенъ ты и долго счастливъ будешь.

Корифей.

О, Зевса сыны! божественный слухъ
 Мы вашъ утрудить дерзнемъ ли мольбой?

Касторъ.

Дерзайте: васъ кровь, о дѣвы, не кроетъ!...

Орестъ.

А въ рѣчи Ореста склоните-ль вниманье?

Касторъ.

О, да Аполлонъ подъемлетъ вину
И крови, и зла.

Корифей.

Вы боги, и братьями были
Убитой жены...
Зачѣмъ же, зачѣмъ этотъ ужасъ?...

Касторъ.

Тяжелый младъ судьбы сковалъ
Худую рѣчъ для вѣщихъ усть.

ЭЛЕКТРА.

Иль и меня его глаголь
Кровь матери пролить опуталъ?

Касторъ.

На общее дѣло одна васъ сковала
Обоихъ судьба,
Проклятие въ родѣ сгубило...

Орестъ.

Сестра дорогая! Тебя не видаль я
Такъ долго и ласки минутной лишаюсь,
Тебя покидая, тобою покинуть.

Касторъ.

Ей домъ остается въ мужъ, и ее
Не въ горѣ покинешь; но городъ
Аргосскій ей точно не видѣть...

ЭЛЕКТРА.

О, есть ли въ груди стенанья болище
Стенаний разлуки съ отчизной?

Орестъ.

Увы! отъ палатъ отцовскихъ вдали
Чужими судимъ я буду за кровь
Родимой.

Касторъ.

Дерзай! ты придешь
Къ священнымъ стѣнамъ Паллады... дерзай!

Электра.

О милый Орестъ! Ты грудью ко мнѣ
Прижмись и нѣжнѣе:
Оторваны мы отъ сѣни отцовъ
О, матери кровь, проклятьемъ твоимъ.

Орестъ.

Ты, къ сердцу прильни и плачь надо мнѣ,
О, плачь, какъ надъ мертвымъ въ могилѣ!

(Сцена плача).

Касторъ.

Прощальная рѣчъ... Какъ страшно звучишь
Ты въ сердцѣ бессмертномъ!
Вы жь, о муки людей обреченныхъ страдать,
Вы слезой закипаете въ богѣ...

Орестъ.

Не видѣть тебя!

Электра.

Лучами очей не сливаться!

Орестъ.

Съ нѣжныхъ усть, о послѣдний правѣть...

Электра.

Ты, о городъ, прости
Будьте счастливы долго подруги. (Собирается уходить).

Орестъ.

Уходишь... такъ скоро... а дружба и клятвы?

ЭЛЕКТРА.

Лицо мое слезы покрыли.. Прости мнѣ...

(Уходить съ Пиладомъ).

Орестъ (во сѣдѣ Пиладу).

Прощай же и ты, о Пиладъ,
Будь мужемъ Электры и счастливъ.

(Мимическая сцена. Орестъ болѣемо съеживается и дышитъ прыжкомъ. Глаза его беспокойно горятъ и блѣгаютъ. Онъ готовъ бѣжать).

КАСТОРЪ.

Оставь ихъ... а самъ скрываися, бѣги
Къ Аейнамъ... Ты видиши ужъ вотъ онѣ, вотъ:
Собаки ужасныи рвутся къ тебѣ;
Не лапы, а эмѣи, какъ уголь черны,
И сладки имъ муки людскія...

(Орестъ убѣгаестъ, дрожа, большиими прыжками)

А мы къ Сицилійскимъ волнамъ поспѣшили
Спасать корабли среди бури.
Преступное сердце съ зеирныхъ высотъ
Снасопыя отъ насъ не увидить,
Но тотъ, кто и правду, и долгъ свой хранилъ
И жизнь не позорить, тотъ милъ намъ:
Его и подъ грузомъ нужды сбережемъ.
О, смертный: обидъ и нарушенныхъ клятвъ
Страхися, и святы, и свободенъ...
Тебѣ говорю, какъ бессмертный и богъ. (Изчезаетъ).

КОРИФЕЙ.

О, радуйтесь... вы, кому радость дана.

Кто бѣствія чуждъ и не страждеть,
Не тотъ-ли между смертными счастливъ?

Хоръ молча покидаетъ сцену, подъ жѣрные звуки ударныхъ инструментовъ, отбивающихъ тактъ..

И. Апраксіевъ.

ЗАМѢТКИ ПО ДРЕВНЕЙ ГЕОГРАФИИ СЪВЕРНАГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЧЕРНАГО МОРЯ.

V ¹⁾.

Объ островѣ св. Эверія.

Константина Багрянородный въ посвященномъ сыну Роману сочиненіи, обыкновенно цитируемомъ подъ латинскимъ заглавіемъ „De administrando imperio“, описывая „путь изъ Варягъ въ Греки“, говоритьъ, что Россы по совершении обычныхъ жертвоприношеній на островѣ св. Григорія, лежавшемъ на Днѣпрѣ ниже пороговъ (обыкновенно отождествляемомъ съ о. Хортицею ²⁾), продолжаютъ плаваніе чѣтыре дня, пока не достигнутъ лимана, который составляетъ устье этой рѣки и на которомъ лежитъ островъ св. Эверія; приставъ къ этому острову, путники отдыхаютъ на немъ два или три дня и приводятъ въ порядокъ свои „однодеревки“; а такъ какъ, продолжаетъ авторъ. устье рѣки, какъ сказано, есть лиманъ, доходящій до моря, и къ морю лежитъ островъ св. Эверія, то оттуда они уходятъ къ рѣкѣ Диңпру и тамъ снова отдыхаютъ, а затѣмъ, выждавъ благопріятнаго времени, отправляются къ рѣкѣ Бѣлой и т. д. ³⁾. Затѣмъ въ извѣстномъ до-

¹⁾ См. Журналъ Министерства Народного Просвещенія (отд. юл. физ.) за апрѣль и августъ 1892 г., апрѣль 1894 г. и ноябрь 1898 г.

²⁾ См. объ этомъ островѣ Еруна Черноморье ч. II, стр. 868 сл.

³⁾ Const. Porphyrug. De admn. imp. cap. IX, ed. Bonn. v. III (1840) p. 78:... εἰλί οὗτος ἀποκινδύνεις; ἐξ αὐτοῦ [sc. τοῦ νησίου τοῦ Ἀ. Γρηγορίου] μέχρι τεσσάρων ἡμερῶν ἀποκέουσιν ἕως οὗ καταλάβωσιν εἰς τὴν λίμνην τοῦ ποταμοῦ επόμειον οὐδενὶ ἐν ᾧ ἔστι καὶ ὡς τοῦ ἀγίου Αἰθερίου. καταλαβόντες οὖν οὗτοι τὴν τοιαύτην νῆσον προσενεπτεύουσιν ἐσυτοὺς ἔκεισε ἕως δύο καὶ τριῶν ἡμερῶν, καὶ πάλιν τὰ ἑαυτῶν

говорѣ Игоря съ греками между прочимъ заключается условіе, чтобы русскіе не творили никакого зла херсонцамъ, ловящимъ рыбу въ устьяхъ рѣки Днѣпра, и не занимали ни здѣсь, ни въ Бѣлобережье, ни „у святаго Ельферья“, но съ наступленіемъ осени возвращались домой, въ русскую землю¹⁾). Мѣстность „у святаго Ельферья“ почти всѣми исследователями (кромѣ Лерберга) отождествляется съ островомъ св. Эеерія, упоминаемымъ у Константина.

Этотъ островъ уже Байеръ, Пейсонель и Шлецеръ искали предъ устьемъ Диїпировскаго лимана²⁾). Карамзинъ отождествилъ его съ островкомъ Березанью³⁾, лежащимъ прямо передъ входомъ въ Диїпировскій лиманъ, и это тождество до сихъ поръ остается общепринятымъ въ наукѣ⁴⁾, хотя и были иѣкоторыя попытки пріурочить островъ св. Эеерія къ другимъ мѣстностямъ⁵⁾.

Въ „Новороссійскомъ календарѣ“ на 1854 г. известный исследователь исторической географіи южной Россіи проф. Ф. К. Брунъ помѣстилъ специальную статью объ островѣ св. Эеерія, въ которой впервые поднялъ вопросъ, почему именно этотъ островъ получилъ то имя, подъ которымъ онъ былъ известенъ греческому императору. Желая дать поводъ къ решенію сего вопроса, говорить авторъ, я почитаю немаловажнымъ представить на обсужденіе критиковъ мнѣніе, что древній островъ Борисеонъ новое свое имя получило по одному изъ семи Свяценномуучниковъ, епискоцизовавшихъ въ Херсонѣ и утвердившихъ тамъ своими подвигами христіацкую вѣру,—епископа Херсонскаго св. Ееерія, который, заболѣвъ на обратномъ пути изъ Константиноополя въ свою епархію, преставился на островѣ Аасъ, гдѣ надъ гробницей его былъ поставленъ памятникъ».

μονόδουλα εἰς δοας ἀν λείπωνται χρεῖ σ περιποιοῦνται, τὰ τε ἄρματα καὶ τὰ κατάρτια καὶ τὰ αὐχένα ἀπερ ἐπιφέρονται ἐπεὶ δὲ τὸ στόμιον τοῦ τοιούτου ποταμοῦ ἔστιν ἡ τοιაστὴ λίμνη, καθὼς εἴρηται, καὶ κρατεῖ μέχρι τῆς θαλάσσης, καὶ πρὸς τὴν θάλασσαν κεῖται ἡ νῆσος; τοῦ ἀγίου Αἰθερίου, ἐκ τῶν ἐκεῖσε ἀπέρχονται πρὸς τὸν Δάσκαλον ποταμόν, καὶ διασωθέντες ἐκεῖσε πάλιν ἀναπαύονται. ήνικα δὲ γένηται καρπός ἐπιτήδειος, ἀποσκαλώσαντες ἐρχονται εἰς τὸν ποταμὸν τὸν ἐπιλεγόμενον Ἀσπρὸν κτλ.

¹⁾ Дѣтонисъ по Лавр. списку, изд. Археогр. комм. (С.-Пб. 1872), стр. 50.

²⁾ См. Брунъ, Черноморье, ч. I, стр. 14.

³⁾ Ист. Госуд. Росс. т. I, гл. VI (подъ 6-мъ изд. Щиперлинга, С.-Пб. 1842,—стр. 93) и прим. 365 (стр. 97). Карамзинъ ссылается при этомъ на Меног. popul. (Stritter'a) II, 984, гдѣ приведенъ латинскій переводъ давнаго мѣста Константина.

⁴⁾ Ср., напр., Н. И. Варсоѳ., Очерки русской истор. геогр., изд. 2. (Варш. 1885), стр. 21 и 134 и прим. 47 на стр. 223.

⁵⁾ Объ этихъ попыткахъ (Бурачкова и Мурзакевича) скажемъ ниже.

Указавъ, далѣе, на то, что источникомъ свѣдѣній о св. Эоерія служить для насъ житіе его, помѣщенню въ „Книгѣ житій святыхъ“ св. Дмитрія Ростовскаго (подъ 7 марта) и взятое, какъ свидѣтельствуетъ приписка на полѣ книги, „изъ рукописныхъ греческихъ“, и приведя относящіяся къ данному вопросу подлинныя слова житія, Брунтъ высказалъ рядъ справедливыхъ соображеній въ пользу того, что „островъ, носившій впослѣдствіи имя св. Еоерія, былъ тотъ самый, который принялъ въ нѣдра свои земные останки святителя“, и затѣмъ весьма подробно и съ огромнымъ ученымъ аппаратомъ доказывалъ мысль о томъ, что островъ *Ласъ*, переименованный въ честь умершаго на немъ св. епископа, не могъ быть никакими другимъ кромѣ Березаніи. Сущность дѣла заключается въ томъ, что по мнѣнію Бруна название *Ласъ* почти тождественно съ однимъ изъ наименованій рѣки Днѣпра въ средніе вѣка, именно *Озо* или *Узу*, и что это название легко могло перейти и на островъ, лежащій при устьѣ Днѣпра. Мы не будемъ рассматривать подробно эти доказательства, такъ какъ вся искусственная постройка Бруна, какъ мы сейчасъ увидимъ, оказалась совершенно напрасною въ заимъ въ настоящемъ можетъ быть признана только заслуга первой постановки вопроса о происхожденіи названія острова св. Эоерія.

Въ срединѣ 70-хъ годовъ Брунтъ задумалъ соединить свои статьи по исторической географіи южной Россіи, въ дополненномъ и переработанномъ видѣ, въ сборникъ подъ заглавіемъ „Черноморье“¹⁾ и первую часть этого сборника представилъ въ рукописи въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе Уваровской преміи въ 1878 году. Профессоръ С.-Петербургскаго университета (нынѣ академікъ) В. Г. Васильевскій по порученію Академіи написалъ подробнную рецензію, въ которой тщательно разсмотрѣлъ всѣ 12 статей, вошедшихъ въ составъ сборника, въ томъ числѣ и интересующую насъ теперь статью объ островѣ св. Эоерія²⁾.

¹⁾ Первая часть сборника вышла въ Одессѣ въ 1879 г. (въ XXVIII томѣ „Записокъ Имп. Новоросс. университета“ и отд.), вторая—въ 1880 г., уже послѣ смерти автора (въ XXX томѣ тѣхъ же „Записокъ“). Статья объ островѣ св. Эоерія папелатана въ 1-й части на стр. 14—32.

²⁾ Отчетъ о двадцати первомъ присужденіи наградъ графа Уварова (Прилож. къ XXXVI тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ, № 5, С.-Пб. 1880), стр. 73—77. Послѣ выхода изъ свѣтѣ 1-й части „Черноморья“ В. Г. Васильевскій помѣстилъ о ней рецензію въ Журналъ Министерства Народного Просвещенія за ноябрь 1879 г., стр. 84—112. Отъявъ о статьѣ объ островѣ св. Эоерія въ обѣихъ рецензіяхъ совершенно одинаковъ.

Соглашаясь съ конечнымъ результатомъ изслѣдованія Бруна,— что островъ св. Зеерія есть именно Березань, а не Гендра, какъ не задолго передъ тѣмъ утверждалъ П. О. Бурачковъ¹⁾, В. Г. Васильевскій замѣтаетъ (стр. 74), что „все это обиліе ученоſти, весьма цѣнное само по себѣ, пришлось бы считать напрасно и непроизводительно расточаемымъ, если бы оно всегда приводило къ такимъ выводамъ, какой далѣе слѣдуетъ у Ф. К. Бруна“ (то-есть, что название рѣки *могло* перейти на островъ, лежащий у ея устья), въ что „такой способъ заключенія никогда не будетъ пользоваться большими кредитомъ въ ученої критикѣ“, такъ какъ „намъ нужны положительныя доказательства, что это не только могло быть, но и на самомъ дѣлѣ было“. Обращаясь затѣмъ къ названію острова *Ласома*, почтенный рецензентъ находить, что „самая исходная точка всего разсужденія была весьма сомнительна“, такъ какъ кромѣ той редакціи житія херсонскихъ мучениковъ, которою пользовался Брунъ, имѣются гораздо лучшіе источники этого житія, на основаніи которыхъ слѣдуетъ отвергнуть самое чтеніе *Ласа*, какъ совершенно ошибочное и невѣрное, именно 1) греческій текстъ житія, изданный послѣ первого появленія статьи Бруна въ печати²⁾ и 2) славянская редакція въ

¹⁾ *Зап. Одесск. общ. исторіи и древн. т. IX*, стр. 40 сл. Ср. его же „Замѣтки по древней географіи Новоросс. края (письма къ проф. Ф. К. Бруну)“ въ *Извѣстіяхъ Имп. Русскаго Географ. общества т. XI* (1875 г.), вып. 8, стр. 181—188. На мѣніе Бурачкова ссылается м. ир. д. И. НАОЧАЙСКІЙ въ *Исторіи Россіи*, ч. I (М. 1876), стр. 293, прим. 13.—В. Г. Васильевскій замѣтаетъ объ этомъ мѣніи: „Наирасно этотъ послѣдній [то-есть, Бурачковъ] указываетъ на то, что островъ Березань не находится на пути плаванія изъ Цареграда въ Корсунь. Въ греческомъ текстѣ житія островъ *Ласос* и не предполагается лежащимъ на таковой дорогѣ, потому что тамъ говорится о „противныхъ вѣтрахъ“. Сверхъ того, выраженіе „ἐν τοῖς μέρεσι τοῦ Δανάκρεως πεταῖαι = „въ странахъ рѣки Дынапра“, конечно, болѣе идетъ къ Березані, чѣмъ къ Гендрѣ и т. д.“

²⁾ Греческій текстъ житія былъ изданъ по копіи рукописи, присланной изъ Москвы никоніемъ Неструевымъ, въ *Запискахъ Од. Общ. исторіи и древностей*, т. VII (1868 г.), стр. 120—131, съ русскимъ переводомъ прот. С. Серлфимова. Замѣтимъ, что въ *Запискахъ* нѣтъ указаній, изъ какой рукописи была заимствована эта копія, г. Васильевскій говоритъ, что „всегда можно утверждать, не боясь ошибки, что греческій текстъ житія былъ выписанъ изъ знаменитой Минеи XI стол., украшенной миниатюрами... и вообще составляющей одно изъ лучшихъ сокровищъ Московской синодальной библиотеки“. Мѣсто о пребываніи св. Зеерія на острову *Ласос* принадено г. Васильевскому по собственному сличенію. (Отмѣчаемъ это потому, что греческій текстъ въ *Запискахъ* изданъ крайне небрежно, съ массой промаховъ въ удареніяхъ, приданіяхъ и проч.). Справка изъ новомъ каталогѣ архимандрига Владимира (*Систематич. описаниіе*

Супрасльскомъ сборникѣ, изданномъ Миклошичемъ¹⁾ раньше этой статьи, но не обратившемъ на себя вниманія изслѣдователя.

Въ первомъ источнику читается, что св. Эоерій былъ прибитъ противными вѣтрами „Եւ таи սոս ձլօսօ աշորագեանդ և տու մերա տօ Ճառակրած լուսաց թրօքագեանդ“, а по-второму—что онъ „приврѣженъ быстъ въ островъ нарицаемыи Алось въ страпахъ рѣки Днепра“. Отмѣтишь, что по этимъ обѣимъ древнѣйшимъ редакціямъ Эоерій умеръ на этомъ островѣ не на возвратномъ пути послѣ путешествія въ Царьградъ, а при первомъ путешествіи въ Херсонъ, никогда не видавъ своей епархіи, В. Г. Васильевскій заключаетъ: „Какъ бы то ни было, островъ въ страпахъ рѣки Днепра, на которомъ умеръ св. Эоерій, назывался первоначально не Ласъ, а Алось или еще того вѣрлѣ Алось (какъ въ Супрасльской рукописи)²⁾.

Такимъ образомъ В. Г. Васильевскій свелъ къ нулю все ученое разсужденіе Бруна. Но мы позволяемъ себѣ сомнѣваться въ томъ, что стоящую въ Супрасльской рукописи форму названія интересующаго насъ острова—Алось—следуетъ считать болѣе вѣрною, нежели греческую форму "Ալօսօ". Намъ кажется, наоборотъ, что греческая форма есть истинная, а форма Алось произошла изъ нея путемъ порчи или фонетического измѣненія³⁾, равно какъ и Ласъ или еще Ласъ⁴⁾. Дѣло въ

рукописей Московской синод. (патріаршій библіотеки", ч. I, М. 1894, стр. 684) вполнѣ подтверждаетъ указаніе г. Васильевскаго. Рукопись поставлена въ каталогѣ о. Владимира подъ № 376. Мы надѣемся вернуться къ этому „Житію“ въ другомъ мѣстѣ.

¹⁾ *Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi ed. F. Miklosich* (Vindob. 1851), стр. 414—425: Житіе и страсть святыхъ отъца и епископуъ бывшихъ Василія, Капитона, младенчихъ въ Херсонѣ.

²⁾ Здѣсь возможны два предположенія: 1) переводчикъ могъ оставить въ славянской текстѣ форму Алось съ греческимъ окончаніемъ (ср. „Христосъ, яростъ, икона и т. п.) и затѣмъ эта форма могла быть искажена при перепискѣ выпущеніемъ буквы с; 2) греческое окончаніе οι могло быть отброшено и тогда получилась форма Альсъ, въ которой по требованію фонетики древняго церковно-славянскаго языка послѣ я передъ согласнымъ должно было явиться з, то-есть, это слово должно было писаться Альзъ, а затѣмъ вместо Альзъ могло явиться написаніе Алось. Это второе предположеніе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, нежели первое. Прекрасную analogію къ нему представляетъ указанная намъ А. А. Шахматонъ форма κίνος=κίνπъсъ=չկնօս (сепия), о которой см. О. И. Буслаева въ „Материалахъ для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ“ (М. 1855), стр. 81. Вполнѣ аналогично также происхожденіе формы исаломъ изъ исалъмъ=ֆալմէс. Разныя формы этого слова (въ томъ числѣ фальмъ, фаломъ и др.) см. у Миклошича, *Lexicon palaeoslovenico-graeaco-Latinum*, Vind. 1862—1865.

³⁾ Форму Ласъ (Laz) даетъ Кѣне, *Изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ города*

томъ, что название "Άλσος" не есть *άκας σιρημένου* въ греческомъ житії херсонскихъ мучениковъ: оно встрѣчается уже у древнихъ авторовъ и, повидимому, представляетъ собою прочно установленвшееся топографическое обозначение, существовавшее въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, но прилагавшееся, кажется, не къ одной и той же мѣстности. Древнѣйшимъ изъ авторовъ, у которыхъ мы встрѣчаемъ это название, является Стравонъ. Упомянувъ въ VII, 8, 17, что передъ устьемъ рѣки Борисеена (Днѣпра) находится островъ съ гаванью, онъ далѣе въ § 19 говорить, что за этимъ островомъ сейчасъ къ востоку идетъ морской путь къ мысу Ахиллова бѣга, лишенному растительности, но *μαζίγαμομу рощею* и посвященному Ахиллу, а затѣмъ идетъ Ахилловъ бѣгъ (Μετὰ δὲ τὴν κρό τοῦ Βοροθέανος υπρὸν ἔξτης πρὸς ἀνασχούτα τὴν ὁ πλοῦς ἐπὶ ἄκραν τὴν τοῦ Ἀχιλλείου δρόμον, φιλὸν μὲν χωρίον, καλούμενον δὲ ἄλσος, ἵερὸν Ἀχιλλείος δρόμος κτλ.). Ясно, что Стравонъ разумѣть подъ "Ахилловой рощей" крайнюю (съверо-западную или, точнѣе, съверную, такъ какъ конецъ косы обращенъ къ съверу) оконечность Ахиллова бѣга, то есть мытищій Тендры. Название "рощея" мѣстности, лишенной растительности, объясняется тѣмъ общизвѣстнымъ фактомъ, что слово *ἄλσος* у грековъ служило обычнымъ названіемъ посвященныхъ богамъ участковъ, хотя бы и не покрытыхъ растительностью¹). Птолемей (Geogr. III, 5, 2) называетъ западный мысъ Ахиллова бѣга иначе, именно *Ιερὸν ἄκρον*, и ставить его подъ 57° 50' долг. и 47° 30' шир., а нѣсколько съвернѣе его (58° 30' долг., 47° 45' шир.), между обозначеніями положенія устья рѣки Ианица и перешейка Ахиллова бѣга, ставить мысъ подъ названіемъ *ἄλσος Ἐκάτης*, очевидно не тождественный съ Стравоновой "рощей Ахилла". Въ другомъ мѣстѣ (III, 10, 9) Птолемей называетъ островъ Борисеениду подъ 57° 15' долг. и 47° 40' шир. Этотъ островъ обыкновенно принимаютъ за Березань, но въ такомъ случаѣ положеніе его опредѣлено невѣрно²). Позднѣе

Херсоніса Тавріческаго (С.-Пб. 1848), стр. 123, безъ указанія источника. Обѣ эти формы, то-есть *Алсъ* и *Ласъ*, мій кажется, имелись въбѣгъ *Алса* по ошибкѣ первомицкіхъ.

¹⁾ Объ этомъ ясно говорить самъ Стравонъ въ IX, 2, 38 (p. 412): οἱ δὲ ποτυταὶ κοσμοῖσιν ἄλση καλεῦνται; τὰ ἱερὰ πάντα καὶ ὑ φιλά. Cp. Stengel, Griech. Kultusaltertümter (въ Iw. Müller's Handb. d. kl. Alt.)¹ p. 18: „Ein mit Bäumen bewehrtes Tärmēnos hieß albos, und dieser Name wurde für derartige Heiligtümer so gewöhnlich, dass selbst ein baumloses, einem Gott geheiligtes Stück Land so genannt werden konnte“.

²⁾ Cp. Ukers, Geogr. d. Griechen u. Römer, III Th. 2 Abth., Skythien (Weim. 1846), стр. 450.

безыменный авторъ перипла Понта Евксинского какъ бы смѣшалъ свидѣтельства Стравона и Птолемея, называвъ западную косу Ахиллова бѣга „священнюю рощею Экаты“ (*ιερὸν ἄλσος τῆς Ἐκάτης*, § 58); при этомъ онъ ставить эту рощу въ 200 стадіяхъ или 26²/₃ миляхъ отъ Борисеона и совершенно ясно отличаетъ ее отъ „весьма маленькаго, пустыннаго и безыменнаго островка“, который называется далѣе (§ 61) въ 60 ст. отъ Борисеона и въ 80 ст. отъ Одисса, слѣдя въ описаніи этого островка *Appianu* (Рег. § 31). Этотъ островокъ—несомнѣнно Березань. Наконецъ Аміапъ Марцеллинъ (XXII, 8, 99) говорить неопредѣленно, что въ мѣстностяхъ около Каркинитскаго залива и рѣки того же имени была священная роща Тривіи, то есть Экаты (*religiousus reg eas terras Trivias lucis*). Слѣдуетъ еще отмѣтить показаніе неизвѣстнаго автора „Стравоновской хрестоматіи“: близко держась въ другихъ случаяхъ текста Стравона, эпитоматоръ отступилъ отъ него въ указаніи мѣстоположенія Ахилловой рощи и поставилъ ее *на материкъ*. Вотъ его слова¹⁾: „Устья рѣки Борисеона и островъ Борисеонъ [=Березань] находятся въ углу Тамиракскаго залива, а рѣка Каркиніть впадаетъ въ уголъ сопливаго залива. Между этими двумя заливами лежать въ видѣ полуострова Тавроскоія, южная часть которой представляетъ собою вѣдущій по прямой линіи берегъ, Ахилловъ бѣгъ... Сейчасъ же за островомъ Борисеономъ къ востоку на материкѣ паходитъ голая мѣстность, но называемая рощей, посвященная Ахиллу. Затѣмъ слѣдуетъ Ахилловъ бѣгъ“ и т. д. (“Οτι μετὰ τὴν νῆσον τὸν Βοροσθένην ἐξῆς πρὸς ἀνατολὰς ἐν τῷ ἡπείρῳ φιλόυ χωρίον, καλούμενον ἄλσος, οἱρὸν Ἀχιλλέως· εἴτα δὲ Ἀχιλλέος δρόμος κτλ.). Еслибы эпитоматоръ не прибавилъ словъ „*εν* тѣ *ἡπείρῳ*“, то можно было бы сказать, что онъ просто сократилъ текстъ Стравона; но эта прибавка подаетъ поводъ думать, что онъ имѣлъ подъ руками другіе источники, руководствуясь которыми исправилъ показаніе своего автора, при чёмъ, быть можетъ, смѣшалъ Ахиллову рощу съ рощею Экаты.

Какъ бы то ни было, во всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствахъ *ἄλσος Ἀχιλλέως* или *ἀ. Ἐκάτης* никоимъ образомъ не могутъ быть отождествлены съ нынѣшней Березанью. Но и независимо отъ этого намъ кажется, что все изслѣдователи, пріурочивавши къ ней островъ св. Эзерія, не обращали достаточнаго вниманія на описанное Константиномъ Багрянороднымъ положеніе этого острова и значеніе его

¹⁾) Цитируемъ по нашимъ „Извѣстіямъ др. писат. о Скілії и Кавказѣ“, вып. I, стр. 166.

на путі плаванія Россовъ. Константинъ ясно говоритьъ, что островъ св. Эеерія лежить въ Днѣпровскомъ лиманѣ, тогда какъ Березань находится уже за лиманомъ (хотя и недалеко отъ него) въ открытомъ морѣ. Здѣсь Россы останавливались днія на 2—3 и приготавливали свои „однодеревки“ къ опасностямъ морскаго плаванія. Для этого необходима была удобная, защищеннія отъ вѣтровъ стоянка, которой у Березани не было, такъ какъ островъ этотъ открыть для всѣхъ вѣтровъ¹⁾, и было бы крайне странно, еслибы Россы выходили сюда, минуя подходящія стоянки въ лиманѣ. Оснастивши ладьи, Россы снова уходили въ Днѣпръ и тамъ выжидали удобнаго времени для того, чтобы пуститься въ открытое море. Опять является совершенно непонятнымъ, зачѣмъ было имъ выходить изъ лимана въ открытое море, тамъ приготавлять ладьи и затѣмъ снова возвращаться въ Днѣпры. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что приготовленіе къ морскому пути происходило до выхода въ море,—а въ такомъ случаѣ островъ св. Эеерія не можетъ быть отождествленъ съ Березанью. Затѣмъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что по свидѣтельству житія св. херсонскихъ мучениковъ на мѣстѣ погребенія св. Эеерія произволеніемъ Божіимъ выросли деревья, которыхъ издалека указывали могилу святаго; между тѣмъ, по словамъ г. Пренделя²⁾, старожилы помнить на Березаніи только одно грушевое дерево, мѣсто котораго отмѣчено даже по картѣ г. Пренделя, и, судя по описанному имъ геологическому строенію острова, на немъ никогда не могло быть болѣе или менѣе значительной древесной растительности³⁾.

Гдѣ же искать островъ св. Эеерія, принимая тождество его съ дѣлосъ житія херсонскихъ мучениковъ? Приведенный нами свидѣтель-

¹⁾ См. карту острова, приложенную къ статьѣ Р. А. Пренделя „Археологическіе разслѣдованія на островѣ Березаніи“ въ Трудахъ ГІ археол. съѣзда въ Одессѣ, т. I (Од. 1866), стр. 216 — 219. Н. О. Бурачковъ, отличный знатокъ современной топографіи южной Россіи, по поводу свидѣтельства Шгорова довора прямо говоритъ (Зап. Од. Общ. IX, стр. 44), что „о. Березань представляетъ къ физической невозможности для зимовки большому количеству ладей“.

²⁾ Ук. ст. стр. 217. Ср. обѣ этой пресловутой грушѣ гр. Уварова Извѣдованіе о древностяхъ южной Россіи, стр. 141, и Бурачкова въ Зап. Од. Общ. т. IX, стр. 42.

³⁾ О геологическомъ строеніи Березаніи ср. также статью Н. А. Соколова „Замѣтка обѣ островѣ Березаніи и дислокацияхъ континентальныхъ отложенийъ въ области Сиваша и Перекопского залива“ въ Извѣстіяхъ геол. коміссіона, т. XIV (1895), вып. 6—7, стр. 241 — 258. Авторъ говоритъ, между прочимъ (стр. 244), что поверхность этого острова является какъ бы клошкомъ новороссійской степей, отдѣленнымъ отъ материка моремъ.

ства древнихъ авторовъ заставляютъ различать двѣ „роща“, — *ἄλσος 'Αχιλλέως* и *ἄλσος 'Εκάτης*¹), тогда какъ на основаніи словъ „Житія“ слѣдуетъ думать объ одной мѣстности, иносившій во времена св. Эеерія, то-есть въ первой четверти IV вѣка по Р. Хр., название *ἄλσος* безъ всякаго опредѣленія. Отсюда приходится заключить, что одна изъ двухъ „роща“ съ течениемъ времени потеряла это название, а другая сохранила, и это сохранившееся название стало употребляться безъ имени божества, которому роща была посвящена. Теперь вовиникаетъ вопросъ, которая „роща“ удержала свое название до IV вѣка и даже, можетъ быть, дальше? Приведенный выше свидѣтельства древнихъ авторовъ, мнѣ кажется, даютъ намъ право съ полной увѣренностью рѣшить этотъ вопросъ въ пользу „роща Экаты“: ее знаютъ Птолемей, Аміанъ Марцеллинъ и Безыменный, тогда какъ Ахиллову рощу называютъ только Стравонъ и, конечно, его эпитетаторъ. Птолемей, называя окончность Ахиллова бѣга *'Ιερὸν ἄκρον*, даетъ намъ основаніе предполагать, что въ его время название *ἄλσος 'Αχιλλέως* уже не употреблялось. Во всякомъ случаѣ эта „Ахиллова роща“ Стравона не можетъ быть отождествлена съ Константиновимъ островомъ св. Эеерія, такъ какъ она находилась далеко отъ Днѣпровскаго лимана, на которомъ лежалъ этотъ островъ по ясному свидѣтельству Константина. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что *ἄλσος 'Житія* или островъ св. Эеерія есть не что иное, какъ *ἄλσος 'Εκάτης* Птолемея и Аміана Марцеллина.

По общераспространенному мнѣнію, Птолемеева „роща Экаты“ соотвѣтствовала нынѣшней Кинбурнской косѣ²). Въ недавнее время противъ этого пріуроченія высказался Ф. А. Браунъ³) въ слѣдующихъ словахъ: „Эта роща [то-есть, Гекаты] не лежитъ также на Кинбурнской косѣ, где ее обыкновенно ищутъ. Кинбурнскій мысъ совпадаетъ съ устьемъ Борисеена, а роща Гекаты отстоитъ отъ послѣдняго, по Птолемею, на 503,5 стад.=87,1 в. Если перенести это разстояніе на нашу карту и считать отъ устья Днѣпровскаго лимана вдоль берега, принимая во вниманіе Игорлыцкій заливъ, то 85-я⁴) верста приведетъ насъ къ запад-

¹) Ср., напримѣръ, K. Neumann, *Die Hellenen im Skythenl.* (Berl. 1855), стр. 968 сл. и карту; Tomaschek въ Pauly-Wissowa, *Real-Encyklop.* в. v. 'Αχιλλέως *ἄλσος*.

Ср. Neumann, ук. соч. стр. 872; Бруни, *Черноморье*, II, стр. 21 и др.

²) Въ статьѣ „Нѣсколько словъ о 'Υλαѣ и 'Αγιλлѣ: δρόμος“, помѣщенной въ *Commentationes philologicae* въ честь И. В. Номяловскаго (С.-Пб. 1897), стр. 108—108.

⁴) Здѣсь, вѣроятно, опечатка вместо „88-я“.

Озд. киевск. филол.

ной оконечности Ягорлыцкаго полуострова: и здѣсь, съдовательно, лежала роща Гекаты". Въ подстрочномъ примѣчаніи авторъ прибавляетъ, что оправданіе его расчетовъ читатель найдеть въ его книгѣ „Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній”, которая до сихъ поръ еще не вышла въ свѣтъ. Поэтому мы лишены пока возможности узнать, какимъ образомъ получено г. Брауномъ разстояніе въ 503,5 стадій. Кромѣ того, для насть остается неяснымъ, почему собственно почтенный изслѣдователь подъ Ворообѣюсъ потройѣхъ разумѣть устье Днѣпропскаго лимана, а не впаденіе рѣки въ лиманъ, и почему онъ игнорировалъ указанное уже Нейманомъ затрудненіе въ соглашеніи разныхъ показаний Птолемея ¹), а также и то, что по словамъ этого писателя роща Эката есть ѿхро, а на Ягорлыцкомъ полуостровѣ, насколько можно судить по картамъ ²), мысовъ или сколько-нибудь значительныхъ косъ нѣть. Наконецъ, если принимать тождество острова св. Эверія съ рощей Эката, согласно вышеупомянутымъ доводамъ, то перенесеніе послѣдней на Ягорлыцкий полуостровъ будетъ невозможно и потому, что онъ лежить не въ Днѣпровскомъ лиманѣ, гдѣ находился островъ св. Эверія по ясному показанію Константина Багрянороднаго, и не „въ страахъ рѣки Днѣпра“, какъ сказано объ ѣлсо; въ житіи херсонскихъ мучениковъ.

Возможно, мнѣ кажется, предположить, что подъ ѣлсомъ „Житія“ и островомъ св. Эверія у Константина слѣдуетъ разумѣть не одну только Кинбурскую косу, а весь Кинбурский полуостровъ 'до Бузовой, гдѣ находится самое узкое мѣсто перешейка между Днѣпровскимъ лиманомъ и Ягорлыцкимъ заливомъ, не превышающее мышъ

¹) Die Hell. im Skythenl. стр. 372: „Leider fhrt nun eine Vergleichung der Lage aller benachbarten Orte, wie sie von Ptolemaios angegeben wird, mit der dem Hainc der Hekate angewiesenen Position zu der Ueberzeugung, dass zwischen diesen Angaben kein Zusammenhang obwaltet, dass Ptolemaios vielmehr die geographische Lnge und Breite des Haines der Hekate nach einer besondern, vereinzelten Entfernungsgabe berechnet hat und so zu einem Resultate gelangt ist, welches mit den brigen Ortsbestimmungen der Umgegend nicht im Einklang steht.“

²) Мы пользуемся главнымъ образомъ 8-верстной военно-топографической картой, исправленной по рекогносцировкѣ 1865 г., и 10-верстной картой, изд. военно-топографическомъ отдѣломъ главнаго штаба подъ редакціей генерал-лейтенанта Стрѣльбицкаго въ 1898 г., а также специальными атласомъ Чернаго моря по окнамъ Мамімарк (Никол. 1841, fol.), въ которомъ особенно важны въ дашомъ случаѣ листы 23 и 24. Лицно наше Ягорлыцкій полуостровъ извѣстенъ.

3—4-хъ верстъ¹⁾), или часть полуострова до Прогнайска. Нѣть ничего удивительного въ томъ, что название *блосс* съ окончности полуострова могло распространяться на весь полуостровъ, никакого названія ранѣе не носившій. Минь возразить, однако, что это *полуостровъ*, а между тѣмъ *блосс* въ „Житії“ прямо называется *островомъ*, а равно и Константипъ дважды называетъ *островъ* св. Эеерія. Охотно признаю, что это—самое сильное возраженіе противъ предполагаемаго мною отождествленія. Но при этомъ нельзя забывать, что между временемъ этихъ свидѣтельствъ объ „островѣ“ и нашимъ временемъ прошло болѣе 900 лѣтъ²⁾), въ теченіе которыхъ очертанія Днѣпровскаго лимана и окружающихъ его мѣстностей могли значительно измѣниться. Подробныя геологическая, гидрографическая и естественно-историческая изслѣдованія Днѣпровской дельты и лимана доказываютъ, что здѣсь непрерывно происходятъ естественные процессы, благодаря которымъ взаимная отношенія и очертанія воды и суши измѣняются, можно сказать, на глазахъ наблюдателей³⁾). Изслѣдователь Днѣпровской дельты и лимановъ сѣвернаго побережья Чернаго моря М. Е. Крендовскій говорить⁴⁾), что древность Днѣпровской дельты въ предѣлахъ между Херсономъ и вынѣшимъ устьемъ—около шести столѣтій, то-есть, иначе говоря, что „выполненіе лимана плавнами въ окрестностяхъ Херсона началось не позже XIII или XIV вѣка по Р. Хр.“. И дѣйствительно, итальянскія морскія карты XIV и XV вѣковъ, изслѣдованныя Ф. К. Бруномъ⁵⁾, виѣсто вынѣшняго вида

¹⁾ Крендовскій, Наслѣд. Бугского, Днѣпр. и др. лимановъ (Труды общ. испыт. природы при Имп. Харьк. унiv. т. XVIII и отд. инд. Харьк. 1884), стр. 42.

²⁾ Константипъ VII Багрянородный царствовалъ, какъ известно, съ 912 по 959 г. Относительно житія Херсонскихъ мучениковъ В. Г. Власиевскій (Русско-византійскій изслѣд., вип. II, С.-Пб. 1893, стр. ССХХII) замѣчаетъ: „Ученые, конечно, стали бы сомнѣваться въ древности и первоначальности подобного корсунскаго посѣщаванія, еслибы не существовало столь убѣдительное свидѣтельство о возможности относить его къ десятому вѣку или даже ранѣе, какое представляется фактъ наличнаго славянскаго перевода въ Супрасльской рукописи XI вѣка“. Наиѣ кажется, что первоначальная редакція „Житії“ значительно дреcнѣ X вѣка, но здѣсь мы не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе этого вопроса.

³⁾ Имею въ виду главнымъ образомъ работы гг. Крендовскаго и Соколова. Ср. также G. R. Credner, Die Deltas, ihre Morphologie, geogr. Verbreitung und Entstehungs-Bedingungen, Gotha 1878 (ErgÃ¤nzungsheft No. 56 zu Petermann's „Geogr. Mittheilungen“).

⁴⁾ Изслѣдованіе Днѣпровской дельты (Труды общества испыт. природы при Имп. Харьк. унiv. т. XIV и отд. инд. Харьковъ 1881), стр. 42.

⁵⁾ Берегъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ по морскимъ картамъ XIV и XV столѣтій (Черноморье, ч. I, стр. 72—97).

дельты показываютъ при устьѣ Днѣпра одинъ или два большихъ острова. Другой исследователь происхожденія лимановъ южной Россіи, Н. А. Соколовъ замѣчаетъ слѣдующее¹⁾: „Принимая во вниманіе огромную массу наносовъ, выносимыхъ въ море рѣками южной Россіи, протекающими, какъ известно, по большей части среди рыхлыхъ, легко размываемыхъ породъ, а также условія передвиженія матеріала въ прибрежной полосѣ моря, въ особенности же имѣя въ виду полное отсутствіе въ Черномъ морѣ значительныхъ суточныхъ колебаній морскаго уровня (прилива и отлива), нельзя и предполагать чего-либо иного при неизмѣняющемся отношеніи уровней моря и рѣкъ, кроме усиленного прироста суши близь устьевъ рѣкъ и постепенного выдвижанія въ море дельтъ“. Въ другомъ мѣстѣ того-же труда (стр. 24) г. Соколовъ пишетъ: „Въ отличіе отъ остальныхъ лимановъ съверныхъ береговъ Чернаго моря, имѣющихъ меридіанальное или близкое къ меридіанальному направлѣніе, огромный Днѣпровскій лиманъ, достигающій до 60 верстъ въ длину и до 15 верстъ въ ширину, протягивается съ востока на западъ. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что этотъ лиманъ со времени своего образования значительно перемѣстился по направлѣнію къ западу, какъ это совершенно основательно замѣтилъ Браунеръ [О происхожденіи лимановъ. Сборн. Херс. Зем. 1890, № 2, стр. 4]. Съ одной стороны Кинбурнская коса изъ намытыхъ моремъ песка и ракуші представляетъ собою, какъ мы только что замѣтили, образованіе позднѣйшаго времени. Рацѣ образованія этой косы Днѣпровскій лиманъ едва ли простирался на западъ многое дѣлье и. Станицы. Съ другой стороны не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что къ востоку Днѣпровскій лиманъ продолжался прежде значительно дальше, чѣмъ въ настоящее время“ и т. д. При такихъ обстоятельствахъ тѣ маленькия озера и лужи, которыми нынѣ въ изобилии покрытъ Кинбурнскій полуостровъ²⁾, въ прежнія времена весьма легко могли быть въ связи между собою и образовать проливъ, соединявший Днѣпровскій лиманъ съ Ягорлыцкимъ заливомъ. Этотъ проливъ скорѣе всего могъ существовать около Прогнайска и имѣть направление отъ съвера-востока къ юго-западу. Еще на большихъ картахъ конца прошлаго вѣка, напримѣръ, де-Рибаса³⁾ и Дево-

¹⁾ О происхожденіи лимановъ южной Россіи (Труды геол. комитета т. X, № 4, С.-Пб. 1895), стр. 17.

²⁾ Бурачковъ (Зап. Од. Общ. IX, стр. 49) насчитываетъ ихъ 800 на пространствѣ 40 км. верстъ.

³⁾ „Гидрограф. карта съв. берегамъ Чернаго моря. Снятая и промѣнена Черно-

занта¹), у Прогнайска показанъ заливъ лимана, развѣтвляющійся на три части, изъ коихъ средня идеть сначала къ юго-западу и затѣмъ загибается къ сѣверу, а съ южной стороны Кинбурнского полуострова показаны два длинныхъ и узкихъ залива, соединяющіеся одинъмъ устьемъ съ Ягорлыцкимъ заливомъ; восточный изъ этихъ заливовъ имѣетъ направление прямо къ сѣверу и сближается съ вышеупомянутую среднюю частью Прогнайского залива, такъ что расстояніе между ними не превышало двухъ верстъ. Здѣсь-то и могъ быть, какъ намъ кажется, искомый проливъ²). Что касается до устройства упомянутыхъ озеръ, то, по описанію Крендовскаго³), „они болѣею частью имѣютъ круглую, а не длинную и узкую форму, указывающую на текущую воду въ нихъ, какая свойственна лиманамъ, происходящимъ изъ рѣчныхъ долинъ и овраговъ, и не вдаются въ материкъ, но представляютъ мелкіе озерные бассейны съ солоноватою водою, расположенные на новѣйшихъ прибрежныхъ рѣчныхъ или морскихъ наносахъ. Геологическое строеніе береговъ и дна этихъ озеръ показываетъ, что они произошли отъ углубленій морского дна, при чёмъ сообщеніе ихъ съ моремъ заносилось морскимъ пескомъ и морскими раковинами и трапою, доставляемыми сюда прибоемъ волнъ... Наполненіе этихъ озеръ соленою водою совершается главнымъ образомъ во время бурь. Приносимая водою морская трава, песокъ и раковины частью вызываютъ берега озера, а частью засоряютъ прежніе свои пути—изменности, даже самыя озера“.

Если возможно, такимъ образомъ, предположить существованіе пролива на нынѣшнемъ Кинбурнскомъ полуостровѣ, то отдѣленная этимъ проливомъ къ западу часть полуострова и могла быть остров-

морскаго гребнаго флота и инжен. корпуса офицерами... по повелѣнію видѣадмирала и кавалера де-Рибаса". Годъ изданія на картѣ не показанъ, но по свидѣтельству И. М. Кумана въ „Запискахъ гидрограф. департамента морскаго министерства" ч. II (С.-Пб. 1844), стр. 834, съемка и описание береговъ происходили въ 1793 году. (Послѣднія справки мы обязаны любезности А. Н. Старкова).

¹) Карта географическая изображающая область Озы или Едзгата, иначе называемомъ (sic) Очаковской землею и присоединенную нынѣ къ Россійскому государству въ силу заключенного въ Яссахъ декабря 1791 г. мирного договора. Инженер-маJOR и кавалеръ Десоламъ. — Эта карта приложена проф. В. И. Григоровичемъ къ „Запискамъ о пособіяхъ къ изученію южно-русской земли, находящихся въ поепно-ученомъ архивѣ Главнаго Штаба" (Записки Имп. Новгорода. универс. т. XX, 1876 г.).

²) На современныхъ картахъ этихъ заливовъ уже нѣть и расположенія озеръ показано совершенно иначе.

³) Источникъ Бугского, Дизар. в др. лимановъ, стр. 145.

вомъ св. Эеерія. Такое предположеніе какъ нельзѧ лучше согласуется съ данными, сообщаемыми Константиною и житіемъ херсонскихъ мучениковъ: 1) островъ лежалъ въ лиманѣ (или, по житію, въ странахъ рѣки Диѣпра) по направлению къ морю; 2) Россы могли приставать къ нему именно въ предполагаемомъ проливѣ и здѣсь, въ уютномъ и защищенному отъ вѣтровъ мѣстѣ снаряжать свои лады къ морскому плаванію, а затѣмъ выходить снова въ Диѣпръ (то-есть, въ ламань) и тамъ выжидатъ удобнаго времени, чтобы пуститься въ море; 3) Кинбурнскій полуостровъ и ионычъ имѣть въ разныхъ мѣстахъ древесную растительность¹⁾), а стало быть тѣмъ болѣе могъ имѣть се въ давнія времена, и могла св. Эеерія дѣйствительно могла быть осѣнена высокими, издалека замѣтными деревьями. Но какъ бы то ии было, для того, чтобы доказать существование предполагаемаго нами острова, необходимо было бы пересмотрѣть всѣ существующія описанія Диѣпровскихъ дельты и лимана или упоминанія о нихъ, а также и всѣ карты, начиная съ средневѣковыхъ итальянскихъ и кончая новѣйшими. Не имѣя возможности въ настоящее время сдѣлать это, мы не можемъ вполнѣ увѣренno настаивать на нашемъ предположеніи, но отрицательный результатъ нашего изслѣдованія, то-есть, что островъ св. Эеерія не тождественъ съ Березанью, считаемъ достовѣрнымъ.

Намъ могутъ еще возразить: если съ геологической точки зрѣнія возможно допустить, что предполагаемый нами островъ дѣйствительно нѣкогда существовалъ, то почему же о немъ не упоминаютъ древніе авторы, описывающіе интересующія насъ теперь мѣстности? Но вѣдь ни у одного изъ нихъ нѣтъ прямыхъ упоминаній и о полуостровѣ. Даже Діонъ Хрисостомъ, давшій намъ въ своей „Борисоглѣтской рѣчи“ наиболѣе подробное описание Диѣпровско-Бугскаго лимана, ничего не говорить объ южномъ его берегѣ, то-есть, мышьшнемъ Кинбурнскому полуострову. Иродотъ, безъ сомнѣнія вводящій его въ районъ своего „Полѣсъя“ (*Глгіа*), могъ и не знать, что здѣсь существуетъ протокъ, отдѣляющій западную часть Полѣсъя въ видѣ острова. Остальные описанія намѣчаются только болѣе или менѣе значительные пункты, лежавшіе на путі обычныхъ прибрежныхъ плаваній грековъ, а на мѣстности, удаленныхъ отъ этихъ путей, не обращаютъ вниманія и обходять ихъ молчаніемъ. Такъ, мы не встрѣчаемъ,

¹⁾ Свидѣтельства см. у Бурачкова въ Зап. Од. Оби. IX, стр. 3 сл. Ср. описание Кинбурнского полуострова у Bonnell, Beiträge zur Alterthumskunde Russlands т. I (S. Peterab. 1882), стр. 89 сл.

папримѣръ, упоминаяй объ Ягорлыцкомъ заливѣ, не знаемъ названій заливовъ, образуемыхъ Тендрою и Джарылагачкою косою съ материкомъ, и т. п. Подобнымъ образомъ и предполагаемый нами проливъ могъ казаться не заслуживающимъ упоминанія, такъ какъ путь съ моря къ Борисеопу и Иланиду шелъ не чрезъ него, а чрезъ устье лимана между укрѣплениемъ Алектора и рощей Экаты, то-есть, между Очаковомъ и Кинбурнской косой¹⁾). Можно подозрѣвать, однако, что Стравонъ, помѣщая предъ устьемъ Борисеона острѣвъ съ гаванью (см. выше стр. 78), разумѣлъ не Березанъ, какъ думаютъ обыкновенно, а именно предполагаемый нами островъ: специальное упоминаніе о гавани заставляетъ думать, что это была хорошая, удобная пристань, имѣвшая значение для мореплавателей; между тѣмъ на Березанѣ гавани не имѣть и, судя по устройству ея, никогда не могло быть²⁾).

Въ заключеніе справедливость требуетъ замѣтить, что уже покойный И. Н. Мурзакевичъ въ своихъ „поясненіяхъ“ къ переводу житія херсонскихъ мучениковъ³⁾ предлагалъ искать иѣсто погребенія св. Эверія на Кинбурнской косѣ, указывая на отсутствіе древесной растительности на Березанѣ и на положеніе ея вѣтѣ Днѣпропетровского устья. Но его мнѣніе, очевидно, показалось Бруну (при обработкѣ „Черноморья“) и В. Г. Васильевскому не заслуживающимъ вниманія, такъ какъ они не упоминаютъ о немъ ни единимъ словомъ, и осталось не замѣченнымъ⁴⁾.

В. Латышевъ.

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что и объ „укрѣпленіи Алектора“ имѣется упоминаніе только въ 36-й рѣчи Диопа Христостома и значительно позднѣе у Равеннскаго географа (Alestigit или Alecturia).

²⁾ Вотъ что говорить объ устройствѣ береговъ Березанѣ *Л. А. Соколовъ* (Ипп. геолог. комитета т. XIV, стр. 243): „Крутые, почти отвесно поднимающіеся скалистые берега и мелководное прибрежье, усыпаное подводными камнями — отторженцами почтическаго известняка, слагающаго основаніе острова Березанѣ, дѣлаютъ этотъ острѣвъ трудно доступнымъ. Только на сѣверо-восточной сторонѣ острова значительно болѣе низкій береговой уступъ окаймленъ полоской измѣнчивааго памятнаго берега, сложенной изъ песка и галечника и представляющей удобное иѣсто для высадки“.

³⁾ Зап. Од. Оби. VII, стр. 132.

⁴⁾ О мнѣніи Мурзакевича упоминаетъ, впрочемъ, Бурачковъ въ Зап. Од. Оби. IX, стр. 42.

ПО ПОВОДУ НОВЫХЪ РЕКОНСТРУКЦІЙ ТРЕХЪ АНТИЧНЫХЪ ФРОНТОНОВЪ¹⁾.

Западный фронтонъ Паренона. Реконструкція Шверцека.

Реконструкція западнаго фронтонна Паренона, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь обращаемся, принадлежитъ вѣнскому скульптору Шверцеку. Археологическая критика отнеслась къ результатамъ его попытки весьма различно: Фуртвенглеръ называетъ его композицію дилетантской и не придаетъ ей ровно никакого значенія²⁾; Зауэръ же, который тоже можетъ считаться специалистомъ по вопросу о композиції фронтонныхъ группъ Паренона, указавъ на рядъ недостатковъ въ реконструкціи Шверцека, замѣчаетъ, что „das Ganze aber von entschiedenem Werth ist.“³⁾. „Литература о Паренонѣ“ какъ говорить Зауэръ въ началѣ своей рецензіи, „вступила опять въ періодъ пр『лива. Значительное число ново найденныхъ фрагментовъ и вновь открытыхъ фрагментовъ, затерявшихся съ теченіемъ времени, публикація старыхъ рисунковъ, нахожденіе новыхъ указаний къ по знанію и установлению того, что безнадѣжно утрачено, все это во многихъ отношеніяхъ обогатило ту картину, которую четверть вѣка тому назадъ съ преданной дѣлу тщательностью и точностью представилъ нашимъ глазамъ Михазлисъ. Вмѣстѣ съ этимъ данная проблема, какъ и некоторые другія, изъ сферы филологическихъ временно передвинулась болѣе въ сторону сферы техники и едва ли художникъ

¹⁾ Продолженіе. См. январскую книжку Журнала Министерства Народного просвещенія, за текущій годъ.

²⁾ Berliner philolog. Wochenschrift, 1896, столб. 1592 сах.

³⁾ Wochenschrift f. klass. Philologie, 1897, столб. 94.

могъ выбрать болѣе удобный моментъ для самостоятельного сотрудничества".

Шверцекъ самъ написалъ объясненія къ своей реконструкціи, напечатанныя въ видѣ отдельной брошюры съ приложеніемъ хорошо исполненной геліографіи¹), что даетъ возможность и лицамъ, не видавшимъ самихъ моделей, судить, какъ обѣ исполненія ихъ, такъ и о причинахъ, заставившихъ скульптора въ каждомъ изъ данныхъ случаевъ примкнуть къ тому или другому высказанному до него мнѣнію или держаться самостоятельного взгляда.

Нашъ скульпторъ, очевидно, считаетъ себя призваннымъ къ разрешенію подобныхъ проблемъ въ сферѣ античнаго ваянія: „Мои студіи съ антиковъ", говорить онъ въ первомъ отдѣлѣ брошюры „Ueber die Entstehung und die Art der Herstellung der Rekonstruktion", „уже въ свое время (1870—1872) возбуждали среди профессоровъ Императорской Королевской Академіи Изобразительныхъ Искусствъ особое вниманіе, такъ что они неоднократно желали имѣть и приобрѣтали слѣпки съ моихъ студій и считали нужнымъ высказаться въ томъ смыслѣ, что такихъ студій въ Вѣнѣ еще не бывало. Такъ какъ я и кромѣ того въ качествѣ самостоятельного художника во многихъ работахъ не разъ доказывалъ мое особенное пониманіе классического искусства, то, не будучи нескромнымъ, имѣлъ право считать себя, болѣе чѣмъ кто либо другой изъ вѣнскихъ художниковъ способнымъ сдѣлать опытъ и заняться своеобразной, чрезвычайно интересной, но столь же трудной задачею реконструировать одинъ изъ фронтоновъ Паренона".

„Я считаю себя обязаннымъ", продолжаетъ авторъ, „привести это замѣчаніе для объясненія въ виду того, что иѣкоторые современные художники, занимающіе выдающееся положеніе, однако не приведшіе еще доказательствъ своего вѣрнаго пониманія классическимъ искусства, стараются отказать мнѣ въ художественной способности къ выполненію такого рода задачи".

Такое заявленіе скульптора, не свободное отъ значительной доли самохвалыства, очевидно, повліяло на тоѧніе рецензіи Фуртвенглера, который, по поводу приведенныхъ словъ, єдко замѣчаетъ: „die Leute hatten gewiss Recht"²). Но Фуртвенглеръ, какъ известно, весьма рѣзкий критикъ, а въ оправданіе Шверцека можно привести, что онъ

¹⁾ Erlauterungen zu der Rekonstruktion des Westgiebels des Parthenon, von Karl Schwerzek, Bildhauer. Wien, Selbstverlag des Verfassers, 1896.

²⁾ См. указанную рецензію, столб. 1692.

не ученый, а художникъ; кроме того, онъ былъ, по видимому, раздосадованъ тѣмъ, что въ его собственномъ кружкѣ его реконструкція не встрѣтила того сочувствія, на которое онъ, очевидно, считалъ себя въ правѣ надѣяться въ виду положенного труда; да же, надо замѣтить, что Шверцекъ приступилъ къ своей работѣ не легкомысленно; во всякомъ случаѣ ему нельзя отказать въ томъ, что онъ, по мѣрѣ возможности, старался подготовиться къ своей задачѣ: получивъ побужденіе къ подобному предпріятію отъ профессора фонъ Люцова и познакомившись съ литературою данного вопроса, Шверцекъ изгото-
вилъ сперва маленький эскизъ, приобрѣтенный въ свое время Вѣнскай Академіей за 500 гульденовъ. Въ 1892 году, на средства мецепата Николая Думбы, Шверцекъ посѣтилъ Аеннахъ и Лондонъ для ознакомленія съ сохранившимися оригиналами фронтоновъ. Въ Аеннахъ онъ съ археологомъ Вольтерсомъ рассматривалъ находящіеся въ Акропольскомъ музѣѣ фрагменты, а въ Лондонѣ пользовался указаніями директора античнаго собранія Британскаго музея Murray'я и его ассистента A. Smith'a (послѣдній же, по словамъ Шверцека, ввелъ его и въ изученіе вазовой живописи¹⁾). Въ Лондонѣ Шверцеку удалось доказать, что торсъ, отнесенный Михазисомъ къ метопѣ XIV южной стороны Парфенона, на самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ западному фронту и представляетъ собою часть фигуры мальчика, обозначаемаго археологами для краткости буквою P²⁾). Нельзя отрицать, что это послѣднее обстоятельство, свидѣтельствуетъ въ пользу пониманія античнаго искусства вѣнскимъ скульпторомъ³⁾). Передъ поѣздкой въ Лондонъ Шверцекъ имѣлъ письменные и устные переговоры съ известнымъ знатокомъ интересующаго его вопроса А. Михазисомъ. Передъ окончаніемъ моделировки фигуръ Шверцекъ, по своему заявленію, подробнѣ переговорилъ еще обо всемъ съ О. Бенцдорфомъ, который „особенно живо интересовался прекрасной гармоніей (Zusammenstimmung) фронтонной группы въ цѣломъ“⁴⁾). Правда, изъ словъ Шверцека не видно, насколько дѣятельное участіе въ его реконструкціи принимали упомянутые ученые; во всякомъ случаѣ никто изъ нихъ не заявилъ въ печати о той роли, которую онъ игралъ въ исполненіи задачи. Въ этомъ Фуртвенглеръ усматриваетъ большой недостатокъ;

¹⁾ Erlauterungen, стр. 8 и слѣд.

²⁾ Объ этомъ открытіяхъ Шверцека въ свое время напечатала статью A. Smith въ Journal of Hellenic studies 1892—1893, стр. 90, табл. V.

³⁾ Эта заслуга признается Фуртвенглеромъ.

⁴⁾ Erlauterungen, стр. б.

но его мнѣнію, „за такую задачу можетъ приняться только ученый, который соединился бы съ подходящимъ художникомъ,—руководство въ отвѣтственность долженъ быть принять на себя археологъ“. Думаю, что съ замѣчаніемъ Фуртенглера нельзѧ не согласиться.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію реконструкціи вѣнскаго скульптора. Модели представлены въ $\frac{1}{2}$, величины оригиналъ и притомъ вылѣплены такъ, что гипсовые слѣпки ихъ могутъ быть удалены и замѣнены другими, если окажется, что та или другая фигура реконструирована невѣрно. Такую предусмотрительность, конечно, нужно отмѣтить; остается только пожелать, чтобы скульпторъ дѣйствительно принялъ во вниманіе возраженія археологовъ.

Общее впечатлѣніе, производимое реконструкціею Шверцека, врядъ ли удовлетворитъ человѣка, хорошо знакомаго съ остатками оригиналъ — на композиціи Шверцека лежитъ отпечатокъ чего-то безсильнаго, можно сказать даже болѣе, нѣсколько слашиваго. Это впечатлѣніе обусловливается, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что головы большинства статуэтокъ, если только не всѣхъ, малы и повороты ихъ жеманы, къ чему присоединяется еще аффектированное движеніе рукъ. Стоять посмотрѣть на такъ называемаго Фясея, чтобы убѣдиться, что отношенія головы къ тѣлу, принятыя реставраторомъ, едва ли соответствуютъ отношенію соответствующихъ частей въ оригиналѣ; достаточно затѣмъ взглянуть на факсимиле съ рисунковъ Каррея, не свободного въ свою очередь отъ нѣкоторой академической условности, свойственной его вѣку, чтобы замѣтить, что посадка головъ была простая и естественная, а не та кокетливо-пустая, бьющая на граціозность, которая придана головкамъ Шверцека. Эти замѣчанія, относящіяся къ большей или меньшей степени ко всѣмъ фигурамъ, особенно ясно иллюстрируются такъ называемымъ Кефисомъ: маленькая изящная головка, склоненная къ правому плечу и смотрящая куда то въ облака, совсѣмъ не вляжется съ атлетическимъ сложеніемъ корпуса (и подобно эти фигуры хранятся въ Акропольскомъ музѣѣ), и если бы не это атлетическое сложеніе, то всякий призпалъ бы въ фигурѣ Шверцека женщину, въ нозѣ изѣстной сидящей на корточкахъ Афродиты. Подобную фигуру мы часто видимъ и на вазахъ—это женщина во время или послѣ купанія. Такое сравненіе напрашивается тѣмъ болѣе, что Шверцекъ придалъ правой руки (предплечія и кисти лѣвой не видно), держащей драпировку, такое положеніе, какъ будто купальщица фrottirуетъ себѣ спину полотенцемъ—мотивъ не изѣстный изъ античнаго искусства. Игрушечный щитъ на руки Аенны, отставлен-

ный притомъ слишкомъ далеко оть корпуса, и безмысленный жестъ правой руки Посидона тоже производить весьма неудовлетворительное впечатлініе. Кони, несомнѣнно, малы. Положимъ, что Фуртвенглеръ преувеличиваетъ, утверждая, что „весь корпусъ коней врядъ ли много гимъ толще ляшкъ возницъ“; но навѣрное неправъ и Зауэръ, говоря: „что у коней такие маленькие корпусы, въ томъ Шверцекъ не виноватъ“. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что кони не только малы, но и слишкомъ круто подняты на дыбы, съ чѣмъ согласенъ и Фуртвенглеръ, ссылаясь на рисунокъ Каррея. Ссылка на Каррея, теперь, конечно, когда открыты самые торсы лошадей, не имѣеть особеннаго значенія; скорѣе нужно уже сослаться на Заузера, у которого зарисованы эти фрагменты¹⁾, а изъ рисунка его легко убѣдиться, что кони были крупнѣе, хотя въ общемъ ихъ слѣдуетъ признать малорослыми, какъ и коней фриза того же Паренонна; остается только удивляться, почему Зауэръ по поводу этого вопроса высказался, какъ приведено выше. Совершенно вѣрно и то, что передняя часть коней была приподнята не такъ wysoko, какъ это представлено у Шверцека. Положеніе коней во фронтонахъ, какъ остроумно замѣтилъ самъ Зауэръ, точно опредѣляется изрѣзывающими поверхность ихъ тѣла параллельными бороздами—результатъ дождевой воды, скатывающейся по нимъ въ теченіе вѣковъ²⁾). Стоить этимъ линіямъ изъянновъ придать вертикальное направленіе, и положеніе коней опредѣляется точно. На основаніи этихъ данныхъ, какъ мнѣ помнится, кони не поднимались такъ wysoko, какъ въ реконструкціи Шверцека. Имѣя точныя измѣренія торса Посидона и корпусовъ коней въ оригиналѣ въ моделяхъ нашего скульптора, не трудно было бы доказать, соблюдено ли Шверцекомъ дѣйствительное отношеніе между фигурами фронтона. Не располагая таковыми измѣреніями, приходится ограничиться лишь кое-какими соображеніями, которая, однако, полагаю, могутъ считаться до вѣкоторой степени убѣдительными: легко усмотрѣть, что у коней Шверцека шеи сравнительно съ корпусами очень длинны и массивны, между тѣмъ какъ у коней на фризѣ шеи, хотя и толстыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и короткия; а такъ какъ нѣтъ никакого основанія принимать такую разницу между конями фриза и фронтона, то шеи у коней Шверцека слѣдуетъ значительно укоротить. Тогда окажется, что надъ головами послѣднихъ даже при

¹⁾ Antike Denkmäler I (1090), таблица 58 с.

²⁾ Athenische Mittheilungen, 1891, стр. 78.

крутоя постановкѣ, каждую мы имѣемъ въ реконструкціи, образуется апачительный пробѣлъ, что, очевидно, противорѣчить всей композиціи. Итакъ, оригиналы копей были сравнительно больше, нежели модели ихъ, вылѣпленныя Шверцекомъ.

Съ подставками подъ копями, какъ бы они ни рѣзали нашъ глазъ, памъ, по мѣткому замѣчанію Зауэра, надо примириться¹⁾)—можетъ быть окраска дѣлала ихъ менѣе замѣтными въ оригиналѣ.

Къ особенностямъ реконструкціи вѣнскаго скульптора, имѣющимъ вліяніе на общее впечатлѣніе, производимое композиціею, относится еще то, что между второй и третьей фигурой того или другаго угла оставленъ значительный промежутокъ и что руки нѣкоторыхъ фигуръ, а въ одномъ случаѣ и голова (такъ называемаго Кифиса) выходятъ изъ-за рамки образуемой гисономъ. Фуртвенглеръ, говоря о рисункѣ, приложенномъ для поясненія реконструкціи восточнаго фронтона того же храма, замѣчаетъ: „головы и оконечности фигуръ, разумѣется, приходятся всѣ внутри фронтона, а не выходятъ отчасти за предѣлы его, какъ въ томъ дилетантскомъ опыте реконструкціи Шверцека²⁾). Иначе судить Зауэръ: „Такъ называемый Кифисъ высовываетъ голову изъ-за рамки фронтона; какъ бы странно это ни казалось, оно вѣрно“³⁾). Не отрицалъ возможности, что голова угловой фигуры нѣсколько высовывалась—вѣдь известно же, что для ближайшей изъ лошадей четверки Селины была вырѣзанъ кусокъ гисона, такъ что голова копия не только выдавалась впередъ, но еще и свѣшивалась нѣсколько внизъ, пересѣкая въ данномъ мѣстѣ карнизъ (гисонъ),—мы должны замѣтить, что эта фигура, по видимому, слишкомъ отодвинута къ углу; во всякомъ случаѣ не трудно усмотретьъ, что она не занимаетъ вполнѣ соотвѣтствующаго мѣста со своимъ панданомъ—женщиной въ правомъ углу, которая еще до сего времени находится на старомъ мѣстѣ. Такое предположеніе, правильность котораго я, къ сожалѣнію, не имѣю возможности проверить, тѣмъ болѣе кажется вѣроятнымъ, что Шверцекъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ выкроить нѣкоторый промежутокъ между фигурами А* и В, а этотъ промежутокъ ему нуженъ, такъ какъ между У и V остается нѣкоторое пространство, которое, по мнѣнію скульптора, не было занято какою-либо фигурою.

Итакъ, если допустить, что Кифисъ помѣщенъ слишкомъ близко

¹⁾ См. рецензію Зауэра въ *Wochenschrift f. klass. Philologie* за 1897 г., столб. 92, а также *Athen. Mitth.* 1891 г., стр. 78 и слѣд.

²⁾ Ср. *Intermezzi*, стр. 30.

³⁾ *Wochenschrift f. klass. Philol.*, 1897, столб. 93.

къ углу, и что голова его могла быть менѣе закинута назадъ, то, пожалуй, онъ и не высовывался бы такъ замѣтно изъ-за гисона. Въ самой реконструкціи Шверцека пренебреженіе къ архитектурной рамкѣ, выразившееся въ реставраціи Кифиса, не рѣзalo бы настолько глазъ, еслибы состѣдная съ нимъ фигура не была въ буквальномъ смыслѣ втиснута въ ту же рамку. Эта послѣдняя фигура, скомпонованная всецѣло Шверцекомъ, несомнѣнно самая неудачная — въ ней ясно сказывается стѣсненіе, налагаемое на художника этой архитектурной рамкою.

Коснемся еще нѣкоторыхъ особенностей въ реконструкціи Шверцека, отмѣченныхъ уже, правда, Заузромъ¹⁾: дерево, созданное Аопиою, неправильно отодвинуто чѣсколько вправо — оно на самомъ дѣлѣ помѣщалось какъ разъ въ серединѣ, какъ ясно показываетъ отверстіе, сохранившееся на поверхности гисона и, несомнѣнно, служившее мѣстомъ прикрепленія священной оливы. Между ногами Посидона представленъ бьющей фонтаномъ ключь; этотъ какъ бы застыпшій ключъ производить весьма непрѣятное впечатлѣніе и врядъ ли имѣлъ мѣсто въ оригиналѣ. Съ своей стороны я скорѣе предположилъ бы въ этомъ мѣстѣ дельфина (можетъ быть на волнѣ), — условное обозначеніе морской воды въ античномъ искусствѣ. Заузръ замѣтилъ группу маленькихъ отверстій около заднихъ ногъ коней Аеяны, которыхъ, по его мнѣнію, никакъ не могли служить для укрѣпленія лошадиныхъ копытъ, а указываютъ на какой-нибудь атрибутъ богини въ этомъ мѣстѣ; онъ самъ предполагаетъ змѣю, хотя не настаиваетъ на томъ²⁾. Змѣя такимъ образомъ могла бы служить панданомъ къ дельфину (?), зарисованному Карреемъ передъ колесницею такъ-называемой Амфитраты; все же я долженъ отнести къ гипотезѣ Заузра скептически: во-первыхъ, змѣя, какъ искажается, находилась бы слишкомъ далеко отъ богини, а во-вторыхъ, это противорѣчило бы памятникамъ, представляющимъ споръ Аеяны съ Посидономъ, созданнымъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ нашей фронтонарной композиціи и представляющимъ змѣю подлѣ дерена. Пока мы не имѣемъ достаточныхъ оснований для отрицанія подобнаго же положенія змѣи во фронтонѣ, было бы методически неправильно не придавать никакого значенія Керченской вазѣ³⁾ и аттическимъ монетамъ⁴⁾.

¹⁾ Ibid., столб. 92.

²⁾ См. указан. выше табл. и ср. *Wochenschrift f. kl. Phil.* 1897, столб. 92.

³⁾ См. Отч. Имп. Арх. Комм., атласъ за 1872 г., табл. I.

⁴⁾ Imhoof Blumer and Percy Gardner, A numismatic commentary on Paussias, табл. LII, XI, XII, XIV, XVI.

Къ страннымъ недоразумѣніямъ, наконецъ, слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что въ моделяхъ, какъ это не скрылось и отъ Зауера, не представлены кузовы колесницъ, хотя нѣть никакого основанія принимать такое ощущеніе въ оригиналѣ; напротивъ, они, несомнѣнно, были изображены тамъ и навѣрное имѣли ту легкую форму съ изящно изогнутыми Ѳ-точками, какую мы видимъ и во фризѣ¹⁾.

До сихъ поръ имѣлась въ виду преимущественно художественная сторона реконструкціи Шверцека — рассматривалась его композиція болѣе или менѣе независимо отъ того, соответствуетъ ли она даннымъ, добытымъ археологію; теперь надо обратиться къ нѣкоторымъ спорнымъ вопросамъ, давно уже выдвинутымъ изслѣдователями фронтональныхъ фигуръ Паренонса. Нельзя сказать, что Шверцекъ ихъ совсѣмъ обходитъ, но во всякомъ случаѣ онъ разрѣшаетъ ихъ слишкомъ легко и аргументы его порою положительно наивны. Такихъ спорныхъ вопросовъ три:

- 1) Слѣдуетъ ли между U и V принимать еще одну фигуру?
- 2) Тождествена ли фигура, къ которой принадлежалъ торсъ J, съ фигурою, зарисованною Карреемъ позади коней Посидона и обозначаемой буквою N?
- 3) Обнаженная фигура S, сидящая на колѣняхъ у T, женская или мужская?

Правда, Фуртвенглеръ въ своемъ капитальномъ труде „Meisterwerke der griechischen Plastik“ (Leipzig—Berlin 1893) обстоятельно разбралъ эти три вопроса и выразилъ то же мнѣніе, которое я признавалъ вѣрнымъ и до появленія его книги; однако я не считаю лишнимъ остановиться на этихъ вопросахъ, во-первыхъ, потому, что изслѣдованіе мюнхенскаго профессора издано было раньше статьи Шверцека, а по-вторыхъ, потому, что могу прибавить еще пѣсколько аргументовъ, подкрепляющихъ, по моему мнѣнію, рѣшеніе вопросовъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ отвѣчаетъ на нихъ Фуртвенглеръ²⁾.

¹⁾ Зауэръ въ своей рецензіи по этому поводу пишетъ (столб. 92): ...den Eingeweihten strt empfindlicher, ist aber leicht abzustellen, der Mangel der Wagenksten, deren Unatehrlichkeit dem Knstler offenbar niemand klar gemacht hat. Jochnagel sind nachgewiesen, die Deichsel am Sdgespann ziemlich wahrscheinlich; also waren die Wagen getreu der Wirklichkeit ausgefhrt, und Carrey sah nur noch den festen Kern, von dem die dnnernen Randstcke abgefallen waren.

²⁾ Два изъ этихъ вопросовъ были ипою же затронуты въ статьѣ Zum Westgiebel des Parthenon въ Jahrbuch d. kais. deutsch. arch. Institut за 1897 г., стр. 92 и слѣд.

Столъ посмотрѣть на горизонтальный гисонъ, то-есть на гисонъ, на которомъ стояли фигуры, въ наиболѣе точномъ рисункѣ Зауэра въ *Antike Denkmäler*, чтобы замѣтить, что на иѣкоторомъ разстояніи отъ угловъ того и другаго фронтона плиты въ трехъ случаяхъ отколоты, при томъ уже, по видимому, давнѣмъ давно, это — плиты 28 восточнаго и 4 и 26 западнаго фронтона¹⁾.

Такой фактъ объясняется тѣмъ, что по механическому закону покатый гисонъ съ самою, сравнительно съ соотвѣтствующими мѣстомъ горизонтальнаго, оказывается болѣе слабымъ — при сотрясѣніи находящемся здѣсь плиты могутъ обрушиться раньше другихъ²⁾). Такое обрушеніе имѣло мѣсто и въ Паренонѣ, что особенно ясно иллюстрируется правымъ угломъ восточнаго фронтона храма въ рисункѣ Каррея: тутъ недостаетъ части гисона съ самою приблизительно отъ послѣдней фигуры М до коней. Въ рисункѣ Каррея видна еще обломанная плита, свалившаяся, но застрявшая вмѣстѣ съ тѣмъ въ данномъ мѣстѣ — плита отколота на половину, при чемъ была сбита съ своего мѣста такъ называемая Селина, которой Каррэ уже не видалъ; какъ известно, торсъ ея найденъ былъ впослѣдствіи и при знаніи Lloyd'омъ. Менѣе пострадали фигуры лѣваго угла того же фронтона, гдѣ, по рисунку Каррея, обвалилась лишь сима, которая должна была упасть въ площади, занимаемой фигурами; но зато въ западномъ фронтона, судя по разрушенню плитъ 4 и 21, поврежденіе имѣло совершенно аналогичный характеръ какъ и въ первомъ случаѣ³⁾: и

¹⁾ Обозначаю плиты тѣми же цифрами, какими они обозначены у Зауэра, на самомъ дѣлѣ каждый изъ горизонтальныхъ гисоновъ состоялъ не изъ 25, а изъ 29 плитъ, но на двухъ крайнихъ мѣстахъ каждого конца фигуръ не ломѣщалось, поэтому они и не зарисованы у Зауэра, см. Ant. Denkm. табл. 58 A/B/C.

²⁾ На аналогичное обрушеніе отлогихъ гисоновъ въ западномъ фронтона храма Зевса въ Олимпіи указываетъ то обстоятельство, что угловыя фигуры этого тимпана были со временемъ отчасти замѣнены новыми (по всей вѣроятности, коніями со старыхъ), отчасти реставрированы. Подробности см. у Трея: *Olympia. Die Ergebnisse der von dem deututschen Iteicise veranstalteten Ausgrabungen*, т. III, стр. 93 и слѣд. Отмѣчу еще, что фигуры сѣвернаго угла воспроизводили больше, чѣмъ фигуры южнаго. Въ Паренонѣ только въ одномъ углу, а именно юго-восточномъ, сохранились все угловыя фигуры. Изъ этого, какъ мнѣ кажется, можно вывести заключеніе, что кромѣ механическихъ законовъ здѣсь разрушительницей, правда побочную, является и непогода, дѣйствующая особенно на сѣверную сторону зданія — сѣверная сторона совершенно покорѣнѣла и покрылась лишайами.

³⁾ Въ рисункѣ Дальтона въ лѣвой половинѣ западнаго фронтона между фигурами А и В показана тоже вывалившаяся изъ отлогаго гисона плита, застряв-

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ
(10-й годъ издания)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Содержание альманаха, имѣющей выйтти въ началѣ мая, слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Обзоръ современного состоянія начального образования во вѣтвевропейскихъ странахъ. М. И. Страховъ; 3) очерки по истории русской школы. (Продолженіе). З. В.; 4) Къ исихологіи падшыхъ подростающихъ поколѣній. (Продолженіе). И. П. П.; 5) Мысли о воспитаніи и обученіи. (Продолженіе). И. П. Яновскаго; 6) Римъ desideriши преподавателя греческаго языка. Б.—а; 7) Подготовка педагога. Я. Н. Колубовскаго; 8) Къ вопросу о педагогической подготовкѣ преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній и объ улучшеніи материальнаго положенія ихъ. Я. Г. Гуревича; 9) Начальная школа министерства народного просвѣщенія. В. И. Фармановскаго; 10) Деятельность губернскихъ земствъ по народному образованію въ 1898 года. (Окончаніе). И. П. Бѣлоусовскаго; 11) О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ линейской гимназіи. (Продолженіе). П. А. Семашкова; 12) Нѣмецкая и русская методика ариѳметики за текущее столѣтіе. М. И. Успенскаго; 13) О значеніи генетического принципа въ методикѣ начальной ариѳметики. (Окончаніе). И. М. Тихонирова; 14) Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени. (Продолженіе). В. П. Вахтерова; 15) Труды съѣзда дѣятелей по среднему и низшему сельско-хозяйственному образованію при Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ въ январѣ 1899 года. 16) Критика и библиографія (болѣе 10-ти рецензій); 17) Педагогическая хроника: а) Классическое и реальное направление въ Западной Европѣ. Б. А. Градовскаго; б) Изъ хроники народного образования въ Западной Европѣ. Е. Р.; с) Хроника народного образования. Я. В. Абрамова; д) Хроника народныхъ библиотекъ. Его-же; е) Хроника воскресенскихъ школъ. М. Н. Салтыковой и Х. Д. Алчевской; ф) Хроника профессионального образования. В. Б.—ча и многія другія статьи и замѣтки; 18) Разныя извѣстія и сообщенія; 19) Объявленія.

Журналъ „РУССКАЯ ШКОЛА“ въ 1899 году будетъ выходить ежемѣсячно книжками не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая.

Всѣдѣствіе увеличенія объема книжекъ подписанная цѣна увеличена на одинъ рубль. Подписанная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки—СЕМЬ руб.; съ доставкой—7 р. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—ВОСЕМЬ руб.; заграницу—ДЕВЯТЬ руб. въ годъ.

По сельскимъ учителямъ, выписывающимъ журналъ за свой счетъ, могутъ по прежнему получать журналъ ЗА ШЕСТЬ рублей въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающимъ не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Литовская ул. 1, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Нового Времени“ и Карбасникова.

Журналъ „РУССКАЯ ШКОЛА“ за 1896 и 1897 годы одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народного Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ среднє-учебныхъ заведеній, а также для учителскихъ библиотекъ городскихъ училищъ.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кроме правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Июнгуродные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписанная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкою въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношении съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прошіе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.

ЧАСТЬ СССХХІІІ.

1899.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашевъ и К°. Наб. Фонтанки, д. 95

1899.

СОДЕРЖАНИЕ.

Василий Григорьевич Васильевский (Некрологъ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ

73

- Двадцатое присуждение премий Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерстве народного просвещенія

1

Г. В. Форстенъ. Оношенія Швеціи и Россіи во второй половинѣ XVII вѣка (1648—1700) (продолженіе)

277

Г. Е. Груйт-Гржинайло. Почему китайцы рисуютъ демоновъ рыжеволосыми?

340

Д. И. Овсяннико-Куликовскій. Оптическія наблюденія

398

Н. Г. Аникинъ. Нѣсколько мыслей о поэзіи Тютчева.

446

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Г. Васильевский. Византійскій Временникъ за пять лѣтъ существованія (1894—1898) (окончаніе)

471

В. К. Нормандійскій. А. Альбертъ. очерки изъ жизни языка. Москва. 1889

494

А. Н. Нечаевъ. Benno Erdmann und Raymond Dodge. Psychologische Untersuchungen über das Lesen, auf experimenteller Grundlage. Halle. 1898

608

- Книжныя новості

512

- Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ)

13

СОВРЕМЕННАЯ ЖИТОПИСЬ.

- Императорская Публичная Библиотека въ 1896 году

29

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. К. Мальбергъ. По поводу новыхъ реконструкцій трехъ античныхъ фронтоновъ (продолженіе)

97

Н. И. Холодницкъ. О некоторыхъ типахъ римскихъ метрическихъ надгробій (окончаніе).

102

ВЪ ПРИЛОЖЕНИИ:

- Указатель статей, помещенныхъ въ неофициальной части Журнала Министерства Народного Просвещенія за время съ 1867 года по 1891 годъ (к. 26)

401

ОВЪЯВЛЕНИЕ.

За редактора Э. Радлена.
(Всимиа 1-го июня).

ЖУРНАЛЪ МЕНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.

ЧАСТЬ СССХХIII.

1899.

ИЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Наб. Фонтанки, 96.

1899.

В. Г. Васильевский.

(Род. 31 января 1838 г., ум. 13 мая 1899 г.).

13-го мая въ 6 часовъ утра скончался во Флоренціи редакторъ *Журнала Министерства Народнаго Просвещенія*, ординарный академикъ и профессоръ, тайный советникъ Василий Григорьевичъ Васильевский. Похороны состоялись въ Воскресенье 16-го мая на кладбищѣ Аллори, находящемся по дорогѣ къ Чертозѣ. Печальную процессію сопровождала семья усопшаго, русское духовенство и знакомые. Профессоръ В. И. Модестовъ, другъ покойнаго, произнесъ надъ могилою прочувствованную рѣчь.

Это тяжелая, незамѣнная утрата для науки и просвѣщенія въ Россіи! Продолжительная болѣзнь, не подававшая никакой надежды на излеченіе, не сломила духовныхъ силъ больного, и онъ до послѣднихъ дней сохранилъ ту ясность міросозерцанія, которая была его отличительной чертой. Незадолго до смерти В. Г. Васильевский строилъ планы относительно научныхъ работъ, задуманныхъ имъ, приступить къ вы蝗енію коихъ ему не было суждено. Въ настоящей книжкѣ *Журнала* мы помѣщаемъ его послѣднюю статью; надъ обработкою ея онъ трудился, когда былъ застигнутъ смертью.

Оценка разносторонней научной дѣятельности, а также характеристика этого удивительнаго по качествамъ ума и сердца человѣка, будесть дана на страницахъ этого журнала въ одной изъ ближайшихъ книжекъ. Тесерь же мы хотимъ помянуть по-

койного лишь нѣсколькими словами, какъ редактора руководи-
мого имъ журнала.

Сынъ священника, онъ первоначальное образование получилъ въ Ярославской семинаріи. Онъ охотно вспоминалъ дѣтскіе годы, протекшіе въ селѣ Ильинскомъ, Любимского уѣзда Ярославской губерніи, и съ юморомъ разказывалъ эпизоды изъ семинарской жизни. Условіями дѣтства и юности объясняются любовь къ русскому народу и пониманіе религіозной жизни, свойствен-
ные В. Г. Васильевскому. Онъ былъ истиннымъ патріотомъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, и истинно религіознымъ человѣ-
комъ; но въ патріотизмѣ его не было узкаго национализма, въ религіозности не было ни капли нетерпимости. Въ Главномъ не-
дагогическомъ институтѣ, а потомъ на историко-филологическомъ
факультетѣ С.-Петербургскаго университета, въ которомъ онъ
пробылъ одинъ годъ, и, наконецъ, въ заграниценныхъ университетахъ
В. Г. Васильевскій приобрѣлъ отличное знаніе древнихъ языковъ и исторіи; это знаніе въ соединеніи съ блестящими при-
родными дарованіями сдѣлали его первокласснымъ представите-
лемъ исторической науки и ревностнымъ защитникомъ гумани-
тарного образования. Все его служеніе Россіи спачала въ качес-
твѣ преподавателя древнихъ языковъ въ Виленской гимназіи и
въ 6-й С.-Петербургской, потомъ въ качествѣ профессора, члена
Ученаго Комитета, академика и редактора *Журнала Министер-
ства Народнаго Просвещенія*, было направлено къ насажде-
нію истинно научного духа и къ защите гуманитарного обра-
зованія.

Ученая дѣятельность В. Г. Васильевскаго тѣснѣйшимъ обра-
зомъ связана съ *Журналомъ Министерства Народнаго Прос-
вещенія*, въ которомъ онъ былъ спачала сотрудникомъ, потомъ
помощникомъ редактора, и наконецъ, въ теченіе десяти лѣтъ,
главнымъ руководителемъ. Духовныя качества нокойшаго дѣлали
его идеальнымъ редакторомъ: будучи глубокимъ знатокомъ из-
бранной имъ научной специальности и основателемъ школы

русскихъ византистовъ, онъ въ то же время обладалъ широкимъ общимъ образованіемъ и былъ тонкимъ извѣнителемъ литературы, которую любилъ и за которой, среди пепрерывной ученої дѣятельности, постоянно следилъ. Его обширное знаніе не было мертвой ученостью; онъ отличался живымъ пониманіемъ дѣйствительности и вполнѣ самостоятельнымъ къ ней отношеніемъ. У него была настоящій умъ философа, обнаруживавшійся въ каждой имъ написанной страницѣ, въ каждой его бесѣдѣ. Во всѣхъ вопросахъ, за которые онъ брался, В. Г. Васильевскій умелъ всегда находить вполнѣ оригиналную точку зренія.

Въ *Журналѣ Министерства Народного Просвещенія* В. Г. Васильевскій сталъ сотрудничать съ 1864 года и въ течениі 35-ти лѣтъ помѣстилъ на страницахъ этого изданія большую часть своихъ ученыхъ трудовъ. Здѣсь была напечатана его магистерская диссертациѣ, равнымъ образомъ и его труды, за которыхъ Московскій университетъ удостоилъ его степени почетнаго доктора русской исторіи; надо надѣяться, что многочисленныя статьи покойнаго будутъ извлечены изъ *Журнала Министерства Народного Просвещенія* и изъ другихъ изданій, илъ коихъ печатались, и увидятъ скѣты изъ полнаго собранія его сочиненій. Научное значеніе его работъ признано какъ у насъ, такъ и на Западѣ: только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти В. Г. Васильевскаго издатель Bollandiana Analecta H. Delehaue, ходатайствовалъ объ обмѣнѣ изданіями, мотивируя свою просьбу необходимостью имѣть подъ руками работы покойнаго.

Другая сторона дѣятельности В. Г. Васильевскаго менѣе замѣтная и блестящая, но не менѣе важная, состояла въ выборѣ статей для *Журнала* и въ приготовленіи ихъ къ печати. Только близкостоявшія къ покойному лица знаютъ и въ состояніи оцѣнить трудъ и заботливость, вносимые имъ въ это дѣло. При выборѣ статей В. Г. Васильевскій руководился исключительно научной цѣнностью ихъ и былъ чуждъ всякой партійности, благодаря

чему научное значение Журнала, поставленное на надлежащую высоту предшественниками нынешнего, еще возросло. О статьяхъ, присыпаемыхъ В. Г. Васильевскому для печатанія, онъ заботился какъ о своихъ собственныхъ; начинающимъ ученымъ онъ давалъ полезныя указания, незамѣтно, незатрогивая ихъ самолюбія, исправлять погрѣшности, а иногда вносилъ поправки, благодаря коимъ печатаемое получало научное значеніе. Въ личныхъ переговорахъ съ авторами В. Г. Васильевскій, уже пріобрѣтшій славу первокласснаго ученаго, оставался все тѣмъ же скромнымъ человѣкомъ, какимъ его знали, когда онъ занималъ невидный постъ преподавателя гимназіи; даже въ самую тяжелую обязанность редактора, въ необходимость отклонять иѣкоторыя изъ предлагаемыхъ статей, онъ умѣлъ вносить столько деликатности и доброжелательства и такъ мотивировать свое мнѣніе, что не разъ получалъ изъявленіе благодарности даже за самый отказъ.

Заботы В. Г. Васильевскаго простирались не только на печатаемое въ Журналѣ, но и на всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыми ему приходилось соприкасаться. Намѣть о немъ и о его добротѣ будетъ всегда жить въ сердцахъ его сотрудниковъ.

Наука въ лицѣ В. Г. Васильевскаго потеряла блестящаго представителя, Россія просвѣщеннаго дѣятеля и защитника гуманитарного образования, близкіе его потеряли въ немъ высоко нравственную личность, вносившую во всѣ отношенія согласіе и ясность, Журналъ же потерялъ въ немъ незамѣннаго руководителя.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШИЕ УКАЗЫ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

17-го апреля 1899 года. „Почечителя С.-Петербургского учебного округа, почетного опекуна Опекунского совета ведомства учреждений Императрицы Марии, по с.-Петербургскому оного присутствию, доктора международного права, действительного тайного советника Капустина — Всемилостивейше увольняемъ, согласно прошению, отъ упомянутой должности почечителя“.

18-го апреля 1899 года. Действительныхъ статскихъ советниковъ: члена совета министра внутреннихъ дѣлъ, главного редактора газеты „Правительственный Вѣстникъ“, члена особаго отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, причисленнаго къ главному управлению государственаго коннозаводства, въ званіи камергера, Константина Случевской, министра-резидента при его королевскомъ высочествѣ великомъ герцогѣ саксенъ-веймарскомъ и при его высочествѣ герцогѣ саксенъ-альтенбургскомъ, въ званіи камергера, барона Андрея Будберга, завѣдывающаго земельно-заводскимъ отдѣломъ кабинета Нашего, Александра Стевена, управляющаго Императорскими С.-Петербургскими театральными училищами, въ званіи камергера, Ивана Рюмина, управляющаго канцелярию дворцоваго коменданта, въ званіи камергера, Григорія Федосѣева и предсѣдателя временнаго управлениія Александровскаго губернскаго дворянскаго банка въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ должностяхъ гофмейстера, Филиппа Шилова — Всемилостивейше пожаловали Мы въ гофмейстеры Двора

Нашего; члена совѣта главного управления государственного конно- заводства, въ должности шталмейстера, Степана *Иловайского*, члена совѣтовъ: министра финансовъ и по дѣламъ казенной продажи питей, причисленнаго къ министерству народного просвѣщенія, почечителя Охтенскаго ремесленнаго училища и почетнаго мироваго судью Керенскаго уѣзда, въ должности шталмейстера, Владимира *Охотникова*, и причисленнаго къ главному управлению государственного коннозаводства, главнаго директора и управляющаго Московскою Голицынскою больницею, въ должности шталмейстера князя Сергея *Голицына* — въ шталмейстеры двора Нашего, а въ должностнѣ церемоний- мейстеровъ, коллежскихъ совѣтниковъ: помощника статсъ-секретаря государственного совѣта Іосифа *Ромейко-Гурко*, варшавскаго вице- губернатора графа Константина *Палена* и чиновника особыхъ пору- ченій VI класса при министерствѣ иностраннѣхъ дѣлъ графа Дмитрия *Толстого* — въ церемониймейстеры — двора Нашего, съ оставлениемъ всѣхъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛЕНІЯ.

4. (15-го февраля 1899 года). *Объ увеличеніи кредита на содер- жаніе Императорской Публичной Библиотеки.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, объ увеличеніи кредита на содержаніе Императорской Публичной Библиотеки, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: Предсѣдатель государственного совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединеніи съ департаментахъ госу- дарственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраний, разсмотрѣвъ представление министерства народного просвѣщенія объ увеличеніи кредита на содержаніе Императорской Публичной Библиотеки, мнѣ- ниемъ подложилъ:

1. Высочайше утвержденный, 1-го июня 1895 г., штать Импе- торской Публичной Библиотеки (собр. узак. и расп. прав. 1895 г., № 137 ст. 986) дополнить одною должностною младшаго помощника

библиотекаря, съ присвоеніемъ ей служебныхъ правъ и преимуществъ, а также оклада содержанія, предоставленныхъ другимъ такимъ же должностямъ.

II. Отпускать изъ средствъ государственного казначейства: 1) на содержание упомянутой (отд. I) должности по одной тысяче двѣстѣ руб. въ годъ, съ 1-го января 1899 г.; 2) на содержаніе зданій и хозяйственныя расходы Императорской Публичной Библиотеки, въ дополненіе къ выѣтъ отпускаемыхъ на означенные предметы суммамъ: въ 1899 г.—семь тысяч пятьсотъ руб., въ 1900 г.—десѧть тысяч семьсотъ тридцать руб. и начиная съ 1901 г.—по двѣнадцати тысячамъ семисотъ тридцати руб. въ годъ, въ томъ числѣ на содержаніе и обмундированіе служителей, въ 1899 г.—девять тысяч руб., а начиная съ 1900 г.—по девять тысячамъ семисотъ тридцати руб. въ годъ, и 3) единовременно въ 1899 г. на покрытие расходовъ по перенесенію части книгъ изъ старого зданія въ новое—девять тысяч рублей.

Подлинное исполнение подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

III. ВЫСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

(17-го апреля 1899 года). Назначаются: адъюнкты-профессоры С.-Петербургскаго технологического института императора Николая I, инженеръ-технологи, статские советники: *Богасовъ* и *Денизъ*—профессорами того же института, первый—по химической технологии и проектированию, а второй—по устройству паровыхъ котловъ и проектированию; директоръ народныхъ училищъ Ставропольской губерніи, действительный статский советникъ *Красновъ*—директоромъ Ставропольскихъ женскихъ Ольгинской и св. Александры гимназій; инспекторъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реального училища, статский советникъ *Франтовъ*—директоромъ народныхъ училищъ Ставропольской губерніи.

Увольняется, согласно прошенію, попечитель С.-Петербургскаго учебного округа, почетный опекунъ опекунскаго совѣта вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, по с.-петербургскому онаго присту-

ствію, докторъ международнаго права, дѣйствительный тайный советникъ Капустинъ—отъ упомянутой должности попечителя.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, почетный попечитель Кишиневской 1-й, гимназіи дворянинъ Катакази.

(1-го мая 1899 года). Производится, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе советники: библіотекарь Императорской публичной библіотеки Бычковъ—съ 1-го февраля 1899 г.; по Московскому учебному округу, учитель Смоленской гимназіи Немецкій—съ 15-го февраля 1898 г.; по Харьковскому учебному округу: учителя гимназій: Харьковской 3-й, Межлаукъ—съ 14-го августа 1898 г., Пензенской 2-й, Фруктовъ—съ 1-го сентября 1898 г., Елатомской, Георгиевъ—съ 14-го сентября 1898 г., Таганрогской, Карташевъ—съ 5-го ноября 1898 г., Ахтырской прогимназіи: Соловецкій—съ 9-го октября 1898 г. и Маринскій—съ 30-го октября 1898 г., Волчанскої учительской семинаріи (сверхштатный) Косороговъ—съ 4-го ноября 1898 г., реальныхъ училищъ: Воронежскаго: Козаковъ—съ 5-го августа 1894 г. и Поповъ—съ 20-го октября 1898 г., Новочеркасскаго: Родионовъ—съ 20-го ноября 1896 г., Черничкинъ—съ 11-го сентября 1897 г. и Буханицевъ—съ 18-го сентября 1897 г., Ростовскаго на-Дону Петровскаго, Кораблевъ—съ 7-го апреля 1898 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе советники: помощникъ правителя дѣлъ канцеляріи правленія Императорской Академіи Наукъ Кеппенъ—съ 15-го марта 1899 г.; по Харьковскому учебному округу, бывшій преподаватель Бѣлгородского учительскаго института, нынѣ инспекторъ народныхъ училищъ Курской губерніи, Ильинскій—съ 1-го августа 1898 г.; учителя: гимназій: Таганрогской, Фонсовъ—съ 4-го мая 1897 г., Ростовской-на-Дону Екатерининской женской, Литовъ—съ 28-го мая 1898 г., Новочеркасской, Генераловъ—съ 18-го сентября 1898 г., Корочанской Александровской, Гукъ—съ 8-го ноября 1898 г., реальныхъ училищъ: Курскаго: Алферовъ—съ 12-го сентября 1895 г., Лебедевъ—съ 1-го августа 1896 г., Радкевичъ—съ 21-го июля 1898 г., Воронежскаго, Поль—съ 1-го декабря 1897 г.; по управлешю учебными заведеніями Примурскаго края, учитель Благовѣщенскаго ремесленнаго училища Предтеченскій—съ 29-го июня 1897 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные советники: по Харьковскому учебному округу, помощникъ прозектора при каѳедрѣ оперативной хирургіи съ топографической анатоміей Императорскаго Харьковскаго университета Пенскій—съ 8-го мая 1898 г.; сверхштатные ассистенты Императорскаго Харьковскаго университета: при

клиническомъ отдѣленіи накожныхъ и сифилитическихъ болѣзней, *Типпесъ*—съ 22-го марта 1895 г., при пропедевтическомъ терапевтическомъ отдѣленіи, *Затворницкій*—съ 8-го августа 1895 г.: враѣъ Курской женской прогимназіи *Лееданскій*—съ 29-го июля 1890 г.; учитель-инспекторъ Путівльского городского училища Курской губерніи *Брмановъ*—съ 18-го сентября 1898 г.; учителя: гимназій: Борисоглѣбской Александровской, *Ставровскій*—съ 16-го декабря 1895 г., Корочанской Александровской, *Палтесъ*—съ 81-го августа 1897 г., Харьковской 2-й: *Вальтеръ*—съ 25-го июля 1896 г., *Краевскій*—съ 14-го августа 1896 г. и *Харціевъ*—съ 5-го сентября 1896 г., Харьковской 3-й, *Юмансенъ*—съ 21-го октября 1895 г., женскихъ: Харьковской Маріинской: *Савса*—съ 27-го августа 1892 г., *Мощенко*—съ 30-го октября 1893 г., Маріинской Донской, *Вомносъ*—съ 7-го октября 1896 г.; реальныхъ училищъ: Усть-Медведицкаго, *Прейсъ*—съ 5-го мая 1897 г., Тамбовскаго, *Дробязко*—съ 15-го октября 1897 г.; помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Курскаго, *Сорокина*—съ 1-го мая 1898 г., Урюпинскаго, *Филипповъ*—съ 8-го августа 1898 г., Пензенскаго, *Скворцовъ*—съ 1-го января 1899 г.; по Киевскому учебному округу, штатный смотритель Кременецкаго двухкласснаго училища *Палий*—съ 1-го января 1899 г.; изъ титуллярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: по Харьковскому учебному округу: лаборанты Императорскаго Харьковскаго университета: при физическомъ кабинетѣ, *Кутненчъ*—съ 1-го октября 1892 г., при технической лабораторіи, *Федоровскій*—съ 22-го февраля 1897 г., сверхштатный ассистентъ при каѳедрѣ хирургической патологіи Императорскаго Харьковскаго университета *Маклецоффъ*—съ 27-го апреля 1893 г.; учителя: уѣздныхъ училищъ: Шацкаго, Тамбовской губерніи, *Грековъ*—съ 4-го ноября 1897 г., Купянскаго, Харьковской губерніи, (сверхштатный) *Заводовскій*—съ 20-го сентября 1898 г., приготовительного класса Тамбовскаго реальнаго училища, *Касименковъ*—съ 6-го сентября 1898 г., Коротоякскаго городскаго трехкласснаго училища Воронежской губерніи, *Медведевъ*—съ 31-го августа 1898 г.; по управлению учебными заведеніями Приволыскаго края, учитель Благовѣщенскаго народнаго училища *Никитинъ*—съ 15-го июня 1895 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титуллярные совѣтники: помощникъ завѣдывающаго читальными заломъ Императорской публичной библіотеки *Гавриловъ*—съ 1-го февраля 1899 г.; по Харьковскому учебному округу: лаборанты Императорскаго Харьковскаго университета: при агрономической лабораторіи, *Красускій*—

съ 1-го апреля 1896 г. и при зоологическомъ кабинетѣ *Каменскій*—
съ 5-го августа 1896 г.; штатный смотритель Шацкаго уѣзднаго учи-
лища, Тамбовской губерніи *Окороковъ*—съ 27-го мая 1897 г.; учи-
теля: приготовительного класса: Таганрогской гимназіи, *Попово*—съ
1-го августа 1898 г., Сумскаго реальнаго училища, *Цыциенко*—съ
12-го ноября 1894 г., Спасскаго городскаго трехкласснаго училища,
Тамбовской губерніи, *Калмыкинъ*—съ 28-го сентября 1895 г.; уѣз-
дныхъ училищъ: Воронежскаго: *Грачевскій*—съ 19-го октября 1897 г.
(сверхштатный) *Назаровъ*—съ 7-го февраля 1898 г., Кирсановскаго,
Тамбовской губерніи, *Подшиваловъ*—съ 6-го сентября 1897 г.; исправ-
ляющій должностія письмоводителя и бухгалтера Харьковской 2-й
гимназіи *Аркадій*—11-го сентября 1896 г.; письмоводитель Курскаго
реальнаго училища *Афанасьевъ*—съ 7-го октября 1898 г.; помощ-
ники классныхъ наставниковъ: Харьковской 2-й гимназіи, *Соколовъ*—
съ 31-го августа 1894 г., реальныхъ училищъ: Курскаго, *Амелина*—
съ 15-го августа 1896 г., Тамбовскаго, *Гостевъ*—съ 10-го октября
1896 г., Воронежскаго, *Велемесовъ*—съ 1-го октября 1893 г. и *Лосевъ*—
съ 1-го января 1897 г.; по Одесскому учебному округу, помощникъ
классныхъ наставниковъ Керченской Александровской гимназіи *Пла-
кида*—съ 16-го августа 1897 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе се-
кретари: по Харьковскому учебному округу: почетные смотрители
уѣздныхъ училищъ: Землянскаго, Воронежской губерніи, *Бондаревъ*—
съ 29-го мая 1874 г., Липецкаго, Тамбовской губерніи, *Тимченко*—
съ 14-го ноября 1897 г.; письмоводитель и бухгалтеръ Екатеринин-
скаго учительскаго института въ городѣ Тамбовѣ *Акаевскій*—съ 9-го
сентября 1897 г.; письмоводитель Сумскаго реальнаго училища *Пол-
тавцевъ*—съ 11-го августа 1896 г.; учителя уѣздныхъ училищъ
Тамбовской губерніи: *Козловскаго*, *Калашниковъ*—съ 28-го сентября
1895 г., Елатомскаго, *Кононенковъ*—съ 23-го ноября 1897 г.; по За-
падно-Сибирскому учебному округу, исправляющій должностія помо-
щника столонаачальника канцеляріи попечителя *Кашинскій*—съ 24-го
июня 1898 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе се-
кретари: по Харьковскому учебному округу: учителя: городскихъ при-
ходскихъ училищъ Тамбовской губерніи: Усманскаго (бывшій, пынѣ
въ отставкѣ) *Сухина*—съ 30-го июня 1895 г., Кирсановскаго, *Ка-
занскій*—съ 17-го 1898 г., Бѣлгородскіхъ, Курскай губерніи: 1-го,
Кудрявцевъ—съ 31-го августа 1898 г., 2-го, *Гайденъ*—съ 1-го сеп-
тября 1898 г., Воронежской Нечаевской двухклассной народной
школы, *Неотеровъ*—съ 16-го октября 1898 г.; въ коллежскіе речи-

старатормъ: по Харьковскому учебному округу: учителя: городскихъ приходскихъ училищъ: Николаевской губерніи: Наровчатского, Котельниковъ—съ 20-го августа 1897 г., Чембарского, Сергиевскаго—съ 16-го сентября 1898 г., 1-го Борисоглѣбскаго, Тамбовской губерніи, Бояловенскаго—съ 24-го ноября 1897 г., Новохоперскаго, Воронежской губерніи, Архиповъ—съ 24-го сентября 1898 г., Елизаветовскаго двухклассаго приходского училища, Донской области, Воиновъ—съ 1-го сентября 1898 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: коллежскаяко совѣтника: по Харьковскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ: Тамбовской губерпіи: коллежскій ассесоръ Павловскій—со 2-го сентября 1897 г., Сеславинскій—съ 14-го октября 1894 г., Курской губерніи, губернскій секретарь Городовъ—съ 1-го сентября 1894 г.; надворнаю совѣтника: по Харьковскому учебному округу: преподавателя Харьковскаго технологического института императора Александра III: Гавриловъ, Гейбовичъ и Воскресенскій, всѣ трое—съ 1-го сентября 1898 г.; коллежскаяко ассесора: по Харьковскому учебному округу: пачальникъ Волчанскої учительской семинаріи Павличко—съ 26-го августа 1894 г.; учителя: гимназій: Харьковской 1-й, Масловъ—съ 4-го ноября 1894 г., Харьковской 3-й, Лаврентьевъ—съ 11-го октября 1890 г., Курской Шандымбінъ—съ 21-го сентября 1894 г., Маріїнскихъ женскихъ: Харьковской, Бобинъ—съ 28-го сентября 1892 г., Воронежской. Сторожевскій—съ 28-го февраля 1894 г., прогимназій: Бобропской, губернскій секретарь Одарченко—съ 22-го августа 1894 г., Харьковской, Венца—съ 19-го сентября 1894 г., реальныхъ училищъ: Воронежскаго, Соловьевъ—съ 5-го октября 1892 г., Курскаго, Макушевъ—съ 15-го августа 1894 г., Ростопскаго-на-Дону Петровскаго, Вареницовъ—съ 17-го августа 1894 г., Урюпинскаго, Игманъ—съ 26-го октября 1894 г.; по управлешю учебными заведеніями Туркестанскаго края, учитель Ташкентскаго реального училища Гречаниновъ—съ 30-го июля 1892 г.; титуларнаю совѣтника: по Харьковскому учебному округу: врачъ Ростовской-на-Дону Екатерининской женской гимназіи Козловъ—съ 11-го марта 1892 г. и сверхштатный ассистентъ при терапевтической госпитальной клиникѣ Императорскаго Харьковскаго университета Футранъ—съ 15-го марта 1893 г., оба—по степени лѣкаря; учитель чистописанія, черченія и рисованія Екатерининскаго учительского института въ городѣ Тамбовѣ Ерудинъ—съ 8-го апреля 1893 г.; по Оренбургскому учебному округу, учитель Оренбургскаго ремесленаго училища Литвиненко—

со 2-го сентября 1894 г.; коллежскому секретарю: дежурный чиновникъ при читальномъ залѣ Московского публичного и Румянцовскаго музеевъ *Соколовъ*—съ 1-го марта 1899 г., на основаніи ст. 68 уст. служб. прав. т. III, изд. 1896 г.; по Харьковскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Ростовской-на-Дону гимназіи *Заникеевичъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; помощникъ лаборанта при технической лабораторіи Императорскаго Харьковскаго университета *Дыбокій*—съ 31-го мая 1895 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; по Одесскому учебному округу, учитель Симферопольской татарской учительской школы *Ястребковъ*—со 2-го сентября 1893 г.; по Кавказскому учебному округу, учитель приготовительного класса Закавказской учительской семинаріи *Полевскій*—съ 3-го сентября 1893 г.; губернскому секретарю, по Харьковскому учебному округу, учитель Ахтырскаго уѣзданого училища *Киселевичъ*—съ 1-го августа 1894 г.; коллежскому регистратору, по Харьковскому учебному округу, домашній учитель *Ситенко*—съ 21-го июня 1897 г.

(1-го мая 1899 года). Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Императорской публичной библиотеки, предсѣдатель археографической комиссіи министерства, ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Бичковъ*, съ 2-го апреля.

(16-го мая 1899 года). Назначается: вице-президентъ и ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, членъ археографической комиссіи министерства, магистръ русской словесности, тайный совѣтникъ *Майковъ*— предсѣдателемъ археографической комиссіи, съ оставленiemъ его въ занимаемыхъ имъ должностяхъ по Академіи.

Утверждается отставной корнетъ гвардіи *Тацінъ*—почетнымъ попечителемъ новочеркасскаго реального училища, согласно избранію, на три года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, почетный попечитель С.-Петербургской десятой гимназіи, дѣйствительный статской советникъ *Топоровъ*.

IV. ВЫСОЧАЙШИЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, ко дню Св. Пасхи, нижепоименованныхъ лицъ, за отличное усердіе и особые труды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, орденами, съ. *Линны: второй степени:* предсѣдателя совѣта братства св. Кирилла и Меодія, учрежденнаго при Нижегородской гимназіи для испомоществованія бѣдныхъ ученикамъ, потомственнаго почетнаго гражданина, первой гильдіи купеческаго брата Митрофана *Рукавишникова* и почетнаго попечителя Тифлисской второй мужской гимназіи, Бакинскаго первой гильдіи купца Михаила *Арамянца* и *третьей степени:* почетнаго блюстителя Нароенинскаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища при фабрикѣ товарищества Воскресенской мануфактуры и попечителя Акуловскаго начального народнаго училища Звенигородскаго уѣзда, отставнаго коллежскаго секретаря Владимира *Якуникова*, предсѣдателя попечительскаго совѣта Ново-восторгской Александровской женской прогимназіи, потомственнаго дворянина Ипполита *Кулешевича*, попечителя Воронежской Нечаевской двухклассной народной школы, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана *Нечаева* и старосту церкви при Новочеркасской гимназіи, личнаго почетнаго гражданина Петра *Лазарькова*, въ съ. *Станислава: второй степени:* состоящаго по найму помощникомъ классныхъ наставниковъ и учителемъ военной гимнастики Тифлисской второй мужской гимназіи, отставнаго подполковника Степана *Мелика-Муратова*, почетнаго смотрителя Новгородскаго городскаго трехкласснаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина Григорія *Смытанина* и попечителя Сергиевскаго городскаго начального въ Нижнемъ-Новгородѣ училища, потомственнаго почетнаго гражданина, второй гильдіи купца Александра *Сергеева* и *третьей степени:* депутата мѣстечка Зугдиды, отставнаго губернскаго секретаря Дмитрия *Жданія*, учителя пѣвія Ташкентской женской гимназіи, отставнаго коллежскаго регистратора Вячеслава *Лейсека*, эстляндскаго дворянина, неимѣющаго чина барона Леонгарда *Штейнеля* и потомственнаго почетнаго гражданина Петра *Данина*.

Нижепоименованныя лица, согласно представлению министерства народнаго просвѣщенія, за труды ихъ по народному образованію. Всемилостивѣйше пожалованы ко дню Св. Пасхи, серебряными медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношения на груди, на Алексан-

дровской лентѣ: губернскіе секретари: учителя училищъ: городскихъ приходскихъ, Тобольской губерніи, Тюменскихъ: Успенскаго, Алексѣй Кудрявцевъ, Знаменскаго, Михаилъ Ромадинъ и Никольскаго Никандръ Насыбинъ и Копальниковскаго начального народнаго земскаго, Пермскаго уѣзда, Михаилъ Мельниковъ; коллежскіе регистраторы: завѣдывающіе училищами: Моздокскимиъ Кирилло-Мефодіевскимиъ городскимиъ приходскимиъ, Михаилъ Абрамасьевъ и Хасавъ-Юртовскимиъ двухкласснымиъ слободскимиъ, Алексѣй Руссовъ и учителя училищъ: Холявинскаго начального народнаго, Черниговскаго уѣзда, Николай Рашко и Медведѣскаго сельскаго, Каинскаго округа, Иванъ Покровскій; неимѣющіе чиновъ: завѣдывающій Камышловскимиъ приходскимиъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Алексѣй Салтыковъ, учителя приходскихъ училищъ: Шилянского двухкласспаго, Звенигородскаго уѣзда, Александръ Воокресенскій, Пудожскаго, Алексѣй Фаевъ; Вилейской губерніи: Лядскаго, Михаилъ Голубовичъ и Вилейскаго, Косыма Павловецъ; Ковенскихъ: Новогородскаго, Иванъ Мищенко и Слободскаго, Василій Рудковскій, Дрогичинскаго, Вѣльскаго уѣзда, Никифоръ Замулко, Селецкаго, Пружанскаго уѣзда, Александръ Тарасевичъ, Вѣлостокскаго уѣзда: Тростянскаго, Сафоній Потѣхинъ, Хорошанскаго, Григорій Хомичъ и Хорошанскаго лютеранскаго, Илья Константичъ; городскихъ приходскихъ: Псковскаго Александровскаго, Василій Марковскій, Курмышскаго, Григорій Егоршинъ, Белебеевскаго, Александръ Шумиловъ, Тамбовскаго первого, Михаилъ Жмуринъ, Борисоглѣбскаго третьяго, Михаилъ Шурковъ, Козловскаго втораго, Яковъ Даниловъ и Измайлскаго шестаго, Иванъ Розенфельдъ; учителя церковно-приходскихъ школъ: Бердянскаго уѣзда: Мунтаяской мѣценантской, Бергардъ Нейфельдъ и Нейгофъ-Нунгстальской лютеранской, Яковъ Курцъ; учителя-завѣдывающіе начальныхъ еврейсками училищами: Абаньевскимъ однокласснымъ, Абишъ Бернштейнъ, Велижскими, Осипъ Цильштейнъ, Погоцкимъ, Миронъ Крамнинъ и Свенцианскимъ, Григорій Каценельсонъ; завѣдывающіе одноклассными училищами: Рагулинскими, Новогригорьевскаго уѣзда, Иванъ Щиринъ-Бродиженко и Новогеоргіевскимъ первымъ, Ставропольскаго уѣзда, Андрей Гончаровъ; старшій учитель Вѣлостокскаго втораго еврейскаго народнаго училища, Гродненской губерніи, Абрамъ Менаховскій; учителя училищъ: двухклассныхъ: Ташлинскаго, Оренбургскаго уѣзда, Михаилъ Соколовъ и Грязновскаго, Тимскаго уѣзда, Иосифъ Какуринъ, министерства народнаго просвѣщенія: Конобѣевскаго, Шацкаго уѣзда, Дмитрій Покровскій, Равсказовскаго

начального народного Тамбовского уезда, Иванъ Баниковъ и сельскихъ: Бобровскаго уезда: Бутурлиновскаго, Лука Микулинъ в Маловскаго, Филиппъ Союзовъ, одноклассныхъ сельскихъ министерства народного просвещенія: Каргопольскаго уезда: Волосовскаго, Егоръ Лямкинъ и Устьмошскаго, Александръ Замошскій, Шенкурскаго уезда: Конецгорскаго, Савватій Здроевъ, Устьважскаго, Андрей Растопинъ п Устьнаденскаго, Иванъ Поповъ, Бѣлецкаго уезда: Петрушинскаго, Иванъ Лихъ и Дануценскаго, Игнатій Труновъ, Измайлъскаго уезда: Еликовскаго, Георгій Манойловъ, Каракуртскаго, Иванъ Скульскій, Дракульскаго, Василій Харманскій, Борисовскаго, Степанъ Барановъ и Хаджи-Курдскаго, Борисъ Василевскій и Атяшкинскаго начального, Бунинскаго уезда, Степанъ Коноваловъ; учитель приготовительного класса Одесскаго втораго двухкласснаго еврейскаго начального училища Яковъ Герценштейнъ; учителя училищъ: Белебеевскаго уезда: Комай-Максимовскаго, Архипъ Максимовъ, Ново-Матинскаго, Василій Михайловъ и Сактинскаго, Аркадій Цареградскій, Златоустовскаго уезда: Златоустовскаго Никольскаго, Иванъ Хрушевъ, Купашинскаго, Николай Блюзъ и Дувалскаго мужскаго, Василій Смириновъ, Чердынского уезда: Кольчужскаго, Федоръ Шелеповъ, Ганинскаго, Федоръ Сурсяковъ, Юксѣевскаго, Федотъ Холмоюровъ, Кутинскаго, Илья Постниковъ, Покчинскаго мужскаго, Николай Белдыкій, Кочевскаго, Лавръ Ташкиновъ, Чураковскаго, Иванъ Щеголихинъ, Монастырскаго, Александръ Поповъ и Морчанскаго, Федоръ Бабичевъ, начальныхъ: Борзенскаго уезда: Гужовскаго, Василій Ревинъ, Мартыновскаго, Андрей Ревинскій и Поселевскаго, Петръ Романъко, Солдатскаго, Фатежскаго уезда, Михаилъ Афанасьевъ и еврейскихъ: Ковенскаго, Конель Волоцкій и Россіенскаго, Давидъ Берловичъ, Вятскаго третьяго городскаго мужскаго начальпаго, Алексѣй Березовскій, Гнаденфельдскаго меннонитскаго начального, Бердянскаго уезда, Абраамъ Браунъ, народныхъ: Геническаго, Мелитопольскаго уезда, Павель Капустинъ, Бегимъ-Чокракскаго, Бердянскаго уезда, Максимию Ковалевичъ, Владимірскаго, Вилейскаго уезда, Степанъ Кисель, Трокскаго уезда: Олавскаго, Иванъ Водцюховичъ, Кроньскаго, Владимирий Шацукеевичъ, Меречскаго, Николай Дреко и Кошедарскаго, Иванъ Веремей, Свенцицкаго уезда: Лытупскаго, Петръ Шутилло и Свирскаго, Ермолай Сурено, Конявскаго, Лидскаго уезда, Александръ Личко, Россіенскаго уезда: Россіенскаго, Федоръ Сѣрикъ, Нельменскаго, Павель Налисъ, Колтынянскаго, Федоръ Скобинъ, Скопинъскаго, Петръ Липинскій и Шанкайцкаго.

Константи́нъ *Простокши́нъ*, Тельшевскаго уѣзда: Ольсядскаго, Иванъ *Можейко* и Паунгянскаго, Андрей *Ерощенко*, Вилкомірскаго уѣзда: Упянскаго, Давідъ *Посохъ* и Константиновскаго Иванъ *Шишко*, Понемунскаго, Новоалександровскаго уѣзда, Осипъ *Сереутъ*, Поневѣ́жско-Пневскаго, Поневѣ́жскаго уѣзда, Николай *Кузьминский*, Гродненскаго уѣзда: Мостовскаго, Иванъ *Калиновский* и Скидельскаго, Константи́нъ *Крышемъ*, Мозырскаго уѣзда: Туровскаго, Евфимій *Лемишука*, Лемчицкаго, Михаиль *Голубовичъ* и Комаровчкаго, Николай *Юшковъ*, Порѣ́чскаго, Пинскаго уѣзда, Павелъ *Крачевский*, Кияницацкаго, Могилевскаго уѣзда, Петръ *Кишкурино*, Рогачевскаго уѣзда: Стрѣшнинскаго, Феодосій *Чумаковъ*, Солонскаго, Павель *Юшкинъ*, Кистеневскаго, Алексій *Цибулькинъ*, Ново-Громыкскаго, Василій *Громыко* и Меркуловичскаго, Лавръ *Апрельевъ*, Старосельскаго, Мстиславскаго уѣзда, Алексій *Цекунъ*, Гомельскаго уѣзда: Пакалюбичскаго, Иванъ *Тихановичъ*, Старосельскаго, Андрей *Соловьевъ* и Ереминскаго, Никита *Кожановъ*, Маслаковскаго, Горецкаго уѣзда, Иванъ *Галецкий*, Замочскаго, Свішецкаго уѣзда, Маркъ *Федосенко*, Дубровицкаго, Чериковскаго уѣзда, Степанъ *Шайтуровъ* и Новгород-съверскаго уѣзда: Вовнянского, Николай *Катокъ* и Ивотскаго, Михаиль *Короткевичъ*, одноклассныхъ народныхъ: Цыковскаго, Кажанецкаго уѣзда, Григорій *Мельниковъ*, Тынненскаго, Ушацкаго уѣзда, Василій *Бѣлянскій*, Кукавскаго, Могилевскаго уѣзда, Северіанъ *Габрилевичъ* и Удаловскаго, Литинскаго уѣзда, Иннокентій *Жигаловский*, начальныхъ народныхъ: Марковецкаго, Козелецкаго уѣзда, Иванъ *Буримовъ*, Березовскаго, Новгород-съверскаго уѣзда, Петръ *Спиржевъ*, Черниговскаго уѣзда: Грабовскаго, Василій *Бобиковъ* и Ковчинскаго Василій *Данилевичъ*, Тупичевскаго, Городнянского уѣзда, Діонисій *Варлычина*, Ніжинскаго уѣзда: Веркіевскаго первого, Степанъ *Кононенко*, Безугловскаго, Василій *Фурса*, Смолянского, Семенъ *Шунько* и Дрогинскаго, Николай *Ребинский*, Псковскаго уѣзда: Иваново-Волотскаго, Андрей *Труслитъ*, Селищенскаго, Александръ *Липманъ* и Пешковскаго, Григорій *Горский*, Островскаго уѣзда: Будаевскаго, Ефимъ *Артемьевъ* и Шиковскаго, Всеядольдъ *Бойко*, Духновскаго, Новоржевскаго уѣзда, Антона *Петровъ*, Версинскаго, Перискаго уѣзда, Петръ *Дружининъ*, Казачье-Лагерскаго, Дзыровскаго уѣзда, Михаиль *Солохінъ*, Бердянскаго уѣзда: Строгановскаго первого, Кириллъ *Стояновский*, Новотроицкаго втораго, Василій *Старобоатовъ*, Нижне-Курлакскаго, Николай *Грищаникъ*, Бѣлецкаго втораго, Николай *Захаровъ*, Райновскаго, Іона

Фуклевъ, Покровскаго втораго, Семенъ **Дулычевъ**, Шалязонскаго, Иванъ **Петковъ** и Софиевскаго, Иванъ **Гордеевскій**, Курскаго уѣзда: Старо-Геремошнянскаго, Владимира **Шумаковъ** в Ямскаго первого мужскаго, Василій **Воробьевъ**, Щигровскаго уѣзда: Красно-Полянскаго, Димитрій **Чебрановъ** и Покровскаго, Сергій **Козловъ**, Заолешенскаго, Суджанскаго уѣзда, Гаврилъ **Королевъ**, Верхнеопоченскаго, Тимскаго уѣзда, Александръ **Титовъ**, Богородскаго, Новооскольскаго уѣзда, Александръ **Шафрановъ**, Старооскольскаго уѣзда: Ямскаго мужскаго, Матвій **Болотовъ** и Чуевскаго, Василій **Ручковскій**, Ольховатскаго, Фатежскаго уѣзда, Николай **Васильевъ**, Ново-Покровскаго, Тамбовскаго уѣзда, Петръ **Поповъ**, Уваровскаго, Борисоглѣбскаго уѣзда, Михаилъ **Оржевскій**, Теньгушевскаго, Темниковскаго уѣзда, Георгій **Яковлевъ** и Спасскаго уѣзда: Дракинскаго, Иванъ **Соболевъ**, Зарубинскаго, Степанъ **Наюровъ**, Виндряевскаго, Василій **Телевевъ**, Спасскаго волостнаго, Степанъ **Райскій** и Салазгорскаго, Николай **Гавриковъ**, сельскихъ: Троицкаго, Бердянскаго уѣзда, Эмануилъ **Креслевъ**, Семено-Макаровскаго, Белебеевскаго уѣзда, Григорій **Ильинчевъ**, Зырянского, Маріинскаго округа, Иванъ **Щербининъ** и Каневскаго округа: Крутологовскаго, Иванъ **Кирилловъ**, Каргатско-Форпотскаго, Евфимій **Соловьевъ**, Чистоозерскаго, Діомидъ **Козловъ** и Аянсимовскаго, Александръ **Бурматовъ**, сельскихъ начальныхъ: Неймышевскаго, Тобольской губерніи, Семенъ **Сѣрмакъ**, Ситинскаго, Нолинскаго уѣзда, Николай **Треубовъ**, Орловскаго уѣзда: Великорѣцкаго, Андрей **Овчинниковъ** и Верхопижемскаго, Николай **Поповъ**, Закаринскаго, Слободскаго уѣзда, Дмитрій **Иахтиевъ**, Буйнского уѣзда: Помаевскаго, Александръ **Корчакинъ** и Туруновскаго, Александръ **Нолетаевъ**, Аллатирскаго уѣзда: Напольновскаго, Дмитрій **Винокуровъ** и Сурско-Майданскаго, Николай **Воротниковъ**, Симбирскаго уѣзда: Карлинскаго, Яковъ **Мениловъ** и Тужинскаго, Василій **Чернилкинъ**, Бектишкинскаго, Сеягиевскаго уѣзда, Василій **Воробьевъ**, Карсунскаго уѣзда: Уренско-Карлинскаго, Семенъ **Лоначевъ**, Чуизинскаго, Александръ **Демкинъ**, Потьминскаго, Иванъ **Ярославский**, Больше-Шуватскаго, Иванъ **Антоновъ** и Судосевскаго, Иванъ **Утьхина**, Курмышскаго уѣзда: Кочетовскаго, Владимира **Грязновъ**, Четаевскаго, Алексѣй **Веткасовъ** и Верхне-Талыгинскаго, Андрей **Постниковъ**, Сызранскаго уѣзда: Рызлейскаго, Дмитрій **Шереметевъ**, Головцевскаго, Алексѣй **Добросмысловъ** и Винновскаго, Степанъ **Кузминъ**, Бобровскаго уѣзда: Велико-Архангельскаго, Михаилъ **Олейниковъ**, Сѣриковскаго, Николай **Митропольскій**, Озерскаго, Василій

Турбина и Колодьевского, Андрей Госифовъ, Песковского первого, Новохоперского уѣзда, Константина Колдаева и Славяносербского, Тираспольского уѣзда, Георгій Федоровъ, Пушкинского сельского народнаго, Новгородсѣверского уѣзда, Алексѣй Малярский, сельскихъ общественныхъ: Пинежского уѣзда: Вотскаго, Михаилъ Левашевъ и Труфаногорского, Максимъ Макаровъ, Бѣгдницкаго земскаго, Петергофскаго уѣзда, Григорій Быстровъ, земскихъ начальныхъ: Подбережскаго, Новоладожскаго уѣзда, Семенъ Судбининъ и Каргопольскаго уѣзда: Красновскаго первого, Василій Ленинъ и Полуборскаго, Федоръ Матросовъ, сельскихъ земскихъ, Пудожскаго уѣзда: Корбозерскаго, Антонъ Рачковскій и Песчанскаго, Николай Кофырінъ, Троицко-Никольскаго однокласснаго земскаго народнаго, Верхотурскаго уѣзда, Николай Топоринъ, инородческихъ: Златоустовскаго уѣзда: Верхне-Кичинскаго, Гизятулла Губайдуллинъ, Кулбаковскаго, Абрахамъ Гамбаровъ в Мунаевскаго, Мухамедъянъ Абдулмалимовъ в Ново-Покровскаго, Орскаго уѣзда, Иванъ Казанцевъ, Еланчихинскаго русско-башкирскаго, Осинскаго уѣзда, Сафіулла Гамбаровъ, Нагаевскаго русско-татарскаго, Карсунскаго уѣзда, Хабитулла Бикмурзимъ; содѣржатель частнаго еврейскаго мужскаго училища 3-го разряда въ гор. Одесскѣ Илья Спиваковъ; бывшій учитель-содѣржатель частнаго училища 3-го разряда въ гор. Кутаисскѣ Степанъ Ходжесавановъ; учительницы Тифлісской второй женской Великой Княгини Ольги Феодоровны гимназіи: Евгенія Скуратова, Эмила Ручесичъ и Екатерина Льсноноясенко; начальница Зарайской женской прогимназіи Глафира Красильникова, надзирательница и учительница той же прогимназіи Серафима Инфелицина; учительницы женскіхъ прогимназій: Зарайской, Надежда Геденнова, Переславской, Аполлинарія Гниловская и Челябинской, Марія Черкасова; учительница приготовительного класса Ейской женской гимназіи Вѣра Орлова; учительницы завѣдывающіе двухклассными женскими приходскими училищами: Бѣлецкимъ городскимъ, Анна Худзинская и Новорженскимъ, Екатерина Банштейнъ; учительницы приходскихъ училищъ: Коротонскаго, Воронежской губерніи, Марія Томилина, Виленскаго Зарѣбчаго, Ириана Пальцева, мужскіхъ: Вятскаго втораго, Евгенія Введенская и Оренбургскаго третьаго, Евгенія Варлова и женскіхъ: Оренбургскаго первого, Елена Эрастова и Псковскаго, Клавдія Зaborовская, городскихъ приходскихъ: Новгородсѣверскаго, Марія Демьяновичъ, Кирсановскаго, Тамбовской губерніи, Анна Шумская и женскіхъ: Нѣжинскаго: Ульяна Аксютина и Евдокія Ладонко, Тамбовскаго, Марія

Шишкова в Ткацкого Успенского, Тобольской губернії. Зинаїда *Омбенина*; завѣдывающія училищами: двухклассными женскими: Мюдокскимъ, Наталія *Бурова*, Штигорскимъ городскимъ Марія *Тихченко-Преображенко* и Грозненскимъ Татьяна *Воробьевева*, одноклассными: Большѣ-Джалгизскимъ, Новогригорьевскаго уѣзда, Александра *Шевцова*, Меднѣженскаго уѣзда: Горько-Балковскимъ, Ольга *Худобашева* и Лопанскимъ, Елена *Милогидова* и Александровскаго уѣзда: Ногутскимъ вторымъ, Марія *Руднева* и Султановскимъ, Антонина *Доброзвольская*, городскими начальными: Воробьевскимъ, Юлія *Лысякова*, Фортадскимъ, Наталія *Вильскова* и Желобовскимъ, Надежда *Есипова* и Старошавловскимъ стапичными, Вѣра *Ротачева*; учительницы женскихъ смѣнь при приходскихъ училищахъ: Бѣлостокскому, Навляна *Червяковская* и Бѣльскомъ, Софія *Тарановичъ*; учительницы училищъ: двухклассныхъ: Чердынского, Александра *Филимонова* и Воронежскаго - Александровскаго втораго, Евгения *Казачковская*, Нижне-Деревенскаго однокласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Льговскаго уѣзда, Софія *Халанская*, Бобровскаго уѣзда: Верхне-Тишанскаго, Марія *Кузьмина*, Азовскаго, Серафима *Базилевская* и Семено-Александровскаго, Прасковья *Харламова*, Владимирапскаго-Мозинскаго, Софія *Николаева*, Томско-Казанскаго, Ольга *Аксимова*, Слоповскаго, Оренбургскаго уѣзда, Надежда *Курбатова*, Златоустовскаго уѣзда: Тюбелясскаго, Валентина *Соболева* и Саткинско-Пристанинскаго, Миросія *Касимовская*, женскіхъ: Юрьевскаго, Златоустовскаго уѣзда, Татьяна *Бисярина* и Курашинскаго, Перискаго уѣзда. Екатерина *Безрукова*, начальныхъ: Усть-Гаревскаго, Перискаго уѣзда, Анна *Кузнецова*, Кареунскаго волостнаго, Марія *Дехтерева*, женскіхъ: первого, Надежда *Мухачева* и Клавдія *Ухова*, втораго, Анна *Шиллеродская* и третьяго, Александра *Оочинникова*, Алешковскаго, Днѣпровскаго уѣзда, Екатерина *Бурдунова*, Фастовецкаго, Борзенскаго уѣзда, Александра *Власъяновичъ* и Очерскаго, Оханскаго уѣзда, Александра *Нолова*, городскихъ начальныхъ: Алатырскаго третьяго, Параксена *Маринина* и Павловскаго, Татьяна *Песчанская*, народныхъ: Мейшагольскаго, Виленскаго уѣзда, Навла *Баландовичъ*, Коловичскаго, Вилейскаго уѣзда, Марія *Орлова*, Стоклишскаго, Трокскаго уѣзда, Эмілія *Бирюковичъ*, Трошкупскаго, Вилкомирскаго уѣзда, Александра *Киселенкова*, Видасскаго, Новоалександровскаго уѣзда, Эннілія *Голубева*, Бѣлосточанскаго, Бѣльскаго уѣзда, Евдокія *Рождественская*, Копаткевичскаго, Мозырскаго уѣзда, Марія *Шолковичъ*, Могилевскаго уѣзда: Павловскаго, Ма-

рія *Корженця* и *Бѣлыничского*, Зипанди *Новицкая*, Рогачевского уѣзда: *Луковского*, Людмила *Лизлова* и *Шерстинского*, Юлія *Шимковича*, *Забѣльшинского*, Климовичского уѣзда, Агафія *Прудникова*. Чечаковского уѣзда: *Бѣлицкаго*, Анна *Цитовича*, Конаровичского. Евдокія *Леоніская* и *Чаусского*, Анточина *Стратановича*. Дубровского, Горецкаго уѣзда, Елена *Мостынська*, Вознесенского, Оханского уѣзда, Вѣра *Прошкоальниковая*, Прокоповского, Новгородсьверского уѣзда, Варвара *Солодкай*, Щигровского уѣзда: *Ново-Слободского*, Ольга *Моисеева* и *Карапаковского*, Вѣра *Попова*, Суджанского уѣзда: *Пушкарского*, Варвара *Праведникова* и *Песчанского*, Іуліанія *Ахтирська*, Ольшанского мужскаго, Новооскольского уѣзда, Марія *Рыбцова*. Шумаковского, Курского уѣзда, Анна *Мильєва*, однокласныхъ народныхъ: Каменецкаго уѣзда: Гавриловецкаго, Марія *Мисюреевича* и *Збрижской*, Марія *Демченко* и *Студеницкаго*, Ушицкаго уѣзда, Ольга *Сайковская*, начальныхъ народныхъ: Черниговского уѣзда: Слабинского, Неоніла *Смирнова*, Брусиловского, Евфросинія *Ноюда* и *Ковчинского*, Татьяна *Данилевичъ*, Нѣжинского уѣзда: Новоскаго первого, Евфросинія *Лозницкая* и Веркіевскаго втораго, Марія *Герасименко*, Шатохинского, Фатежскаго уѣзда, Ольга *Медведева*, Бѣловскаго, Темниковскаго уѣзда, Марія *Кадомская*, Каждодескаго, Спасскаго уѣзда, Марія *Славина*, Пичаевскаго, Моршанскаго уѣзда, Александра *Громковская*, Ново-Сеславинскаго, Козловскаго уѣзда, Тамсія *Боголюбская*, Псковскаго уѣзда: Зарайскаго, Екатерина *Иванова*, Печерскаго, Ольга *Бѣльєва*, Скрыповскаго, Евгенія *Колосова*, Слободскаго, Александра *Бѣльевская* и Сюнскаго, Марія *Крылова*, Островскаго уѣзда, Грибулевскаго, Анна *Станкевичъ* в Домахинскаго. Анна *Віертъ*, Новоржевскаго уѣзда: Оршанскаго, Зипанди *Кржижаницкая* и *Ашевскаго*, Марія *Щукіна*, Порховскаго уѣзда: Бѣшковицкаго, Анна *Большакова*, Жаборовскаго, Марія *Боролови* и Ролібіцкаго, Марія *Малиновская*, Верхъ-Очерскаго, Оханскаго уѣзда, Евфрасія *Попова* и Бердянскаго, Лисковскаго перваго, Софія *Курдиманова*, сельскихъ: Томскаго округа, Николаевскаго, Стефанія *Голодникова*, Колпашевскаго, Анна *Сасина* и Тутальскаго, Александра *Ефодкимова*, Каніскаго округа: Шапіцінскаго, Александра *Мельникова*, Казаткульскаго, Марія *Добротова*, Вознесенскаго, Ольга *Красноженова*, Таскаевскаго, Александра *Тлірова*, Кожевниковскаго, Павла *Бойданова*, Бѣлоарскаго, Марія *Бієва*, Повалихинскаго, Марія *Зиріна*, Тюменцевскаго, Екатерина *Змобіна*, Берскаго, Анточина *Лоєвська* и Койновскаго, Софія *Квятковская*, Енісейскаго, Бійскаго округа,

Липа *Птицина* и Зм'яногорского округа: Зыряновского, Глафира *Колокольникова*, Красноярского, Маріл *Боюлобова*, Зм'яногорского: Феозза *Печеркина* и Жерновского, Аполлинария *Анисимова*, сельскихъ начальныхъ: Турицкого округа: Коркинского, Александра *Булатова*, Усениновского, Липа *Енбаева*, Шухрумовского, Минодора *Петрова* и Кузиновского. Марія *Панаева*, Курганского округа: Саламатовского. Липа *Миринова*, Куреневского, Лидія *Шестакова* и Чапинского, Нараскова *Русинова*, Вятского уѣзда: Березинского, Клавдія *Королева*, Медяно-Фабричного, Лидія *Глазырина*, Роменского, Липа *Лопатина*, Филейского, Елизавета *Шубина* и Хлыновского, Глафира *Лихевская*, Орловского уѣзда: Верхопского, Нелагея *Мышкина* и Коршинского, Марія *Блинова*, Слободского уѣзда: Демьянского, Юлія *Кибардина*, Полянского, Александра *Косарева*, Березинского, Александра *Косарева*, Омсинского, Аполлинария *Косарева*, Заозеринского, Софія *Пухова*, Ильинского, Софія *Вадиковская*, Треключинского, Липа *Бехтерева*, Юсовского, Надежда *Братчикова*, Николаевского, Юлія *Нопетова* и Иващевского, Марія *Паткина*, Бунинского уѣзда: Архангельского, Олимпіада *Ласточкина* и Еделевского, Нараскова *Павлова*, Карсунского уѣзда: Городищенского, Феоктиста *Дронина* и Должниковского, Липа *Полетаева*, Курмышского уѣзда: Языковского, Любовь *Вашлянская* и Мединского, Юлія *Нестерова*, Шиловского деревенского, Симбирского уѣзда, Александра *Корнеева*, Тирапольского уѣзда: Ангелиновского, Вѣра *Кумишъ* и Суклейского, Екатерина *Бараболь*, Аианьевского уѣзда: Голтянского, Татьяна *Туровская*, Свято-Троицкаго, Дарья *Тихонова* и Ставропольского, Любовь *Воскудская*, Московского, Воронежского уѣзда, Александра *Данилова*, Тресоруковского, Коротоякского уѣзда, Марія *Дьякова*, мужскихъ: Вятского уѣзда: Кашиинского, Глафира *Овчинникова*, Куменского, Марія *Братухина* и Загорского, Александра *Вершинина* и женскихъ: Волковского, Слободского уѣзда, Елизавета *Вибанская*, Алатырского уѣзда: Астрадамовского, Евдокія *Малина* и Промзипинского, Марія *Волкова*, земскихъ начальныхъ: Ижинского женского, Ирина *Мохирса* и Новоладожского уѣзда: Пульницкаго, Надежда *Нрадионова*, Усть-Воронинского, Раиса *Голубцова* и Изсадского, Марія *Чеснокова*, Нечниковского земского сельского, Каргопольского уѣзда, Вѣра *Тихвинская* и Косинского сельского начального земского, Слободского уѣзда, Елена *Бердинкова*; содержательница частного третьяго разряда училища въ гор. Ставрополѣ-Кавказскомъ, Евгения *Карякина*; помощницы учителей училищъ: Каменецкаго-Александров-

скаго городскаго приходскаго, Евгения Каминской, Усадицкаго, Новодожскаго уѣзда, Лариса Осиновской, Чернышевскаго уѣзда, юскаго. Наталья Михайлова и Косинского, Евгения Королева; помощницы учительницы училищъ: Савинскаго народнаго, Оханскаго уѣзда, Мария Девятиновская, начальныхъ: Бобинскаго, Вятскаго уѣзда, Мария Васнецова и Слободскаго уѣзда: Демьянскаго, Александра Козулина и Шестаковскаго, Варвара Путиловская, слободскихъ городскихъ начальныхъ: мужскаго, Людмила Наумова и женскаго, Екатерина Наумова в Медянскаго сельскаго начального, Курмышскаго уѣзда Мария Федорова и бывшіе учительницы училищъ: Псковскаго Ольгинскаго, Елена Лебедева и Берскаго сельскаго. Мария Бартковичъ.

Нижепоменованныя лица, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы, 6-го мая сего года, медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношения на шею, на лентахъ: Андреевской—запѣдывающей метеорологическою станціею въ Перновѣ, лоць-командиръ шкаперъ 1-го класса Христіанъ Мейбаумъ; Александровской—почетный смотритель Пермскаго уѣзданаго училища, первой гильдіи купецъ Николай Мѣшковъ; Владимѣрской: староста церкви Ташкентской мужской гимназіи, второй гильдіи купецъ Александръ Блиновскій и почетный блюститель Нижне-Курмоярскаго и Кравекаго приходскихъ училищъ, Донской области, отставной урядникъ Григорій Мазановъ; Аннинской: второй гильдіи купцы: почетный попечитель Омскаго Императора Александра III изшаго механико-техническаго училища и староста церкви Александровскаго Тюменскаго реальнаго училища Александръ Россоинъ, почетные смотрители городскихъ училищъ: Пржевальскаго двухкласснаго, Семирѣченской области, Дмитрій Ильинъ и Алешковскаго четырехкласснаго, Вильгельмъ Шредеръ и почетный блюститель Евпаторійскаго втораго городскаго приходскаго училища Илья Васильевъ и Станиславской: запѣдывающей метеорологическою станціею Николаевской главной физической обсерваторіи въ Попыновкѣ, потомственный почетный гражданинъ Александръ Толкачевъ, личные почетные граждане: попечитель Верхъ-Исетскаго мужскаго начального народнаго училища Порфирий Медведевъ, вольно-наземный писецъ канцелярии С.-Петербургской третьей гимназіи Алексѣй Стапан кузевичъ и служитель канцелярии попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, Иванъ Кузнецовъ, предсѣдатель попечительного совѣта Бахмутской женской гимназіи, второй гильдіи купецъ Іосифъ Клейменовъ, попечитель Мокрийскаго начального училища, временный ин-

жегородскій купецъ Иванъ Мореновъ и членъ комитета училища для лѣтей бѣдныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ, прусскій подданный Бернардъ Глазовъ и серебрянами на лентахъ: *Владимирской*: попечитель Петрозаводскаго приходскаго женскаго училища, петрозаводскій купецъ Моисей Постплюсъ и почетный блюститель Кривокосскаго приходскаго училища, Донской области, казакъ торгового общества Левъ *Мастеровъ*; *Ачинской*: первый учитель Манскаго двухкласснаго городскаго начальнаго мужскаго и воскреснопремесленнаго училищъ, Плоцкой губерніи, Антошъ-Андрей Громовальдъ; учителя одноклассныхъ гимниныхъ общихъ начальныхъ училищъ, Ломжинской губерніи: Мазовецкаго, Іосифъ *Коссаковскій*, Мавковскаго, Иванъ *Станкевичъ* и Чижевскаго, Романъ *Черминскій*, попечители училищъ: Ростовскаго-на-Дону третьяго мѣщанскаго начальнаго, второй гильдіи купецъ Николай *Гавалла* и Спасо-Никольскаго начальнаго народнаго, Великолуцкаго уѣзда, купеческій сынъ Дмитрий *Боженовъ*, почетный блюститель Ладвинскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, торгующій по второй гильдіи, крестьянинъ Алексѣй *Кипрушкинъ*, исполняющій обязанности журналиста канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, отставной писарь унтеръ-офицерскаго званія Илья *Щичиковъ* и вольно-наемный писецъ той же канцеляріи, отставной писарь 1-го класса унтеръ-офицерскаго званія Иванъ *Зайкинъ* въ *Станиславской*: старшіе учителя двухклассныхъ мужскихъ училищъ, Сѣдлецкой губерніи: Межирѣчскаго городскаго начальнаго, Василій *Янушевичъ* и Иновскаго гимнинаго начальнаго, Андрей *Демидовичъ*, учитель-завѣдывающій Глодяпскимъ двухкласснымъ мужскимъ сельскимъ училищемъ, Бѣлецкаго уѣзда, Дмитрий *Еллади*; учителя училищъ: первого Сѣдлецкаго однокласснаго мужскаго начальнаго и воскреснопремесленнаго, Иванъ *Демчука*; народныхъ, Псковскаго уѣзда: Великопустынскаго, Семенъ *Бобровъ* и Славковскаго, Семенъ *Верещагинъ*; городскихъ одноклассныхъ начальныхъ мужскихъ, Сѣдлецкой губерніи: Сѣдлецкаго втораго, Иванъ *Рышкевичъ* въ Радинскаго, Филимонъ *Палько*; одноклассныхъ начальныхъ общихъ: Сѣдлецкой губерніи: Малашевичскаго, Игнатій *Коцюбинскій*, Прогалицкаго, Александръ *Семенюкъ*, Головенскаго, Косьма *Краочинскій* и Русско-Вольскаго, Феодоръ *Наливайко* и Райгородскаго, Ломжинской губерніи, Станиславъ *Гриневичкій*; одноклассныхъ сельскихъ начальныхъ общихъ Голубльскаго, Сѣдлецкой губерніи, Климентій *Петручукъ*, Ломжиской губерніи: Червонскаго, Доминикъ *Миланчъ* и Ясенецкаго, Осинъ

Смъяжко; одноклассныхъ гимнныхъ начальныхъ, Ломжинской губерніи: Плонского, Станиславъ Ласковскій и Танискаго, Андрей Марцинкевичъ; одноклассныхъ городскихъ начальныхъ общихъ: Островецкаго, Радомской губерніи, Антонъ Добровольскій и Гарволинскаго, Сѣдлецкой губерніи, Константина ПетражицкогоЯ, Тыкоцинскаго одноклассного городского еврейскаго общаго начального, Ломжинской губерніи, Абрамъ Шацкій; одноклассныхъ гимнныхъ начальныхъ общихъ Ломжинской губерніи: Бѣлашевскаго, Иванъ Годлевскій, Вознавесьскаго, Антонъ Йонкайтисъ, Сокольскаго, Анастасій Клеселевичъ, Богутскаго, Іосифъ Крашевскій, Щучинскаго, Мартинъ Миланчъ, Ко-былинскаго, Войцѣхъ Маковскій, Бендскаго, Станиславъ Пухалскій, Длугоседловскаго, Александръ Седзеневскій, Говоровскаго, Михаель Ставиковскій и Киколскаго, Плоцкой губерніи, Владиславъ-Раймундъ Дембскій, младшій учитель Лапскаго двухклассного сельскаго мужскаго начального училища, Ломжинской губерніи, Эдуардъ Глауровскій; почетный блюститель Миасскаго первого мужскаго начального училища, Оренбургской губерніи, второй гильдіи купецъ Навель Дунаевъ; почетный смотритель Таганрогскаго городскаго четырехкласснаго училища, временный второй гильдіи купецъ Петръ Илько; учителя гимнастики Казанской татарской учительской школы, отставной Фельдфебель Мифта-Хутданъ Шамсутдиновъ; отставные унтеръ-офицеры служители: Астраханской гимназіи Николай Прянишиновъ и Казанскаго городскаго четырехкласснаго училища Константина Семеновъ, десятыникъ при постройкѣ зданій Читинскаго ремесленнаго училища, мѣщанинъ Николай Губановъ и почетный блюститель Синявскаго приходскаго училища, Донской области, казакъ торгового общества Маркіанъ Бондаревъ и для поискія на труда, золотыми на лентахъ, Аннинской—почетный смотритель Камышловскаго уѣзданаго училища, Пермской губерніи, купеческій сынъ Владимиръ Кутынинъ, временные второй гильдіи купцы: почетные блюстители приходскихъ училищъ, Донской области: Веселовскаго, Моисей Кулешовъ и Верхне-Митякинского Игнатій Славишенскій, швейцарь Череповецкаго реальнаго училища, запасный унтеръ-офицерь Максимъ Иконниковъ, служитель Оренбургской женской гимназіи, отставной унтеръ-офицерь Никита Горбуновъ и почетный блюститель Юрьевскаго первого приходскаго училища, Донской области, казакъ торгового общества Иванъ Смѣловъ и Станиславской—швейцарь С.-Петербургскаго учительскаго института, запасный унтеръ-офицерь Прокопій Познанскій, служитель при С.-Петербургской пятой гимназіи, запасный рядовой Петръ Ильинъ.

скій и классная надзирательница Пермской женской гимназіи Надежда Еюрова и серебрями, на лентахъ, Аннинской: почетный блюститель Титовского приходского училища, Донской области, купецъ Василий Маликовъ, вольнопасемый писецъ канцеляріи первого Донского окружного училища, урядникъ Иванъ Пономаревъ и служитель городского училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, отставной рядовой Егоръ Трусовъ и Станиславской: попечитель Чердынского городского приходского училища, чердынский купецъ Семенъ Реминиковъ, почетные блюстители училищъ: сельскихъ министерства народного просвѣщенія, Измаильского уѣзда: Баймаклійского однокласснаго для дѣтей обоего пола, гражданинъ города Рени Викторъ Шерперъ и Конгазского мужского двухкласснаго, поселянинъ с. Конгагъ Навель Занетъ и приходскихъ, Донской области: Екатерининского, отставной урядникъ Борисъ Харлановъ, Петровского и Дурновского, казакъ Иванъ Губановъ, Плетневскаго, казакъ Евграфъ Пупкоевъ и Шлатовскаго калмыцкаго бакша Шлатовскаго хурула Боку Кулюшоевъ, швейцарь при Нековской мужской гимназіи, мѣщанинъ Виллемъ-Филиппъ Кронъ; служители при С.-Петербургской седьмой гимназіи, отставной стрѣлокъ Степанъ Худа, при музѣ физиологической анатомии Императорскаго Казанскаго университета, отставной рядовой Гимадутдинъ Хасановъ, при ботаническомъ кабинетѣ того же университета, отставной рядовой Гатіатулла Хисматуллинъ и при физиологическомъ кабинетѣ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, отставной рядовой Миндубай Мусинъ, разсыльный при управлении Кавказскаго учебнаго округа, отставной рядовой Иванъ Пуза, служители: Оренбургской гимназіи, отставной рядовой Григорій Пляниковъ и при канцеляріи Николаевской главной физической обсерваторіи, запасный рядовой Андрей Нестеровъ, нижній служитель Рижской Александровской гимназіи, запасный рядовой Климентъ Романенковъ, служители: при физическомъ кабинетѣ Императорскаго Казанскаго университета, причисленный въ ратники ополченія Степанъ Ваньшевъ, при зоологическомъ кабинетѣ Казанскаго ветеринарнаго института, крестьянинъ Сабіть-Абдуль Нафиковъ и Маріупольской гимназіи, крестьянинъ Леонтій Голевецъ, мастеръ столярнаго дѣла при механическихъ мастерскихъ Технологического института Императора Николая I, крестьянинъ Петръ Цельковъ, исполняющій обязанности мастера столярно-модельной мастерской того же института, крестьянинъ Михаилъ Полозовъ, попечители училищъ: Ахъ-Шейхскаго народнаго, Перекопскаго уѣзда, крестьянинъ Лукьянъ Борщъ, Елисаветовскаго

сельского, Екатеринославской губерніи, крестьянинъ Антипъ Гюесъ, сельскихъ начальныx: Кошукскаго, Туринскаго округа, крестьянинъ Алексѣй Хвастуновъ и Першинскаго, Курганскаго округа, крестьянинъ Александръ Поморцевъ, Березовскаго двухкласснаго министерства народного просвѣщенія, Пермской губерніи, крестьянинъ Семенъ Черныхъ и Шахаровскаго начальнаго народнаго, крестьянинъ Миронъ Смолынковъ и завѣдывающая кухней при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, мѣщанка Анна Балкъ.

Нижепоменованнаго лица, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народного просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы, ко дню св. Насхи, медалями со надписью „за усердіе“, для ношения на шее: золотыми на лентахъ: *Андреевской*—староста Александро-Невской церкви при Орловской гимназіи, второй гильдіи купецъ Тимофей Клейменовъ; *Александровской*: членъ попечительского совѣта Одесскаго еврейскаго спортивскаго дома, потомственный почетный гражданинъ, первой гильдіи купецъ Яковъ Рабиновичъ, предсѣдатель попечительского совѣта Таганрогскаго греческаго частнаго училища втораго разряда, первой гильдіи купецъ Илья Науміоти Комминаки и почетный смотритель Бѣжецкаго городскаго училища, второй гильдіи купецъ Сергѣй Короскинъ; *Владимѣрской*: почетный блистатель Дубровенскаго начальнаго еврейскаго училища, Могилевской губерніи потомственный почетный гражданинъ, первой гильдіи купецъ Илья Шеффера и попечитель Юрьевскаго начальнаго училища, Корчевскаго уѣзда, личный почетный гражданинъ Василий Сизовъ; *Аннинской*: почетные блистатели училищъ: Мартыновскаго двухкласснаго министерства народного просвѣщенія, Корчевскаго уѣзда, 1-й гильдіи купецъ Илья Тунцовъ, Новочеркасскаго первого приходскаго, Донской области, 1-й гильдіи купецъ Никита Черновъ, Богдановскаго однокласснаго сельскаго министерства народного просвѣщенія, Любимскаго уѣзда, 2-й гильдіи купецъ Федоръ Климановъ в Привокзальнаго приходскаго, Донской области, 2-й гильдіи купецъ Василий Симбирцевъ, попечатель Тоузаковскаго и Батмановскаго сельскихъ училищъ, Аразмасскаго уѣзда, езабужскій купецъ Сергѣй Петровъ и почетный смотритель Вышневолоцкаго городскаго училища, купеческій сынъ Сергѣй Болотинъ и Станиславской: инспекторъ ремесленнаго при Виленской талмудъ-торѣ училища, потомственный почетный гражданинъ Адольфъ Гордонъ, почетный попечитель Иркутской учительской семинаріи, потомственный почетный гражданинъ, прaporщикъ запаса Александръ Второвъ, учитель за-

вѣдывающій Виленскимъ первымъ начальныи еврейскимъ училищемъ, потомственныи почетный гражданинъ Илья Лазаревъ, попечитель Лихоборскаго, Московскаго уѣзда, земскаго начального училища временно московскій первой гильдіи купецъ Георгій Рюхардъ, староста церкви при Императорскомъ Харьковскомъ университѣтѣ, первой гильдіи купецъ Яковъ Трофименко и второй гильдіи купцы: почетный смотритель третьяго Московскаго городскаго училища Александъръ Юрченко, попечитель Тростяпскаго, Донской области, начальнаго народнаго училища Яконъ Комаровъ, предсѣдатель общества попеченія о бѣдныхъ учащихся учебныхъ заведеній города Славянска Яковъ Асокинъ и староста церкви Аккерманской прогимназіи Георгій Спилюти и почетный блюститель Новочеркасскаго приходскаго училища, Донской области, казакъ торгового общества Филиппъ Шапошниковъ и серебряными на лентахъ: Александровской—крестьянинъ села Дмитріевскаго, Даниловскаго уѣзда, Николай Копыловъ; Владими́рской—нижній служитель Императорскаго Московскаго университета, старшій унтеръ-офицеръ Діомидъ Феоктистовъ; Аннинской: казакъ торгового общества: почетные блюстители приходскихъ училищъ, Донской области, Нопочоркасскаго втораго Семенъ Шапошниковъ и Мѣшковскаго Емельянъ Поповъ и Станиславской: почетный блюститель Верхне-Сѣрагозскаго сельскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища Мелитопольскаго уѣзда, первой гильдіи купецъ Ааронъ Склоговскій, вольнопнаемный писецъ канцеляріи правленія Императорскаго университета сп. Владимира Даміанъ Павловскій, почетные блюстители училищъ: Сморгонскаго, Виленской губерніи, еврейскаго народнаго, первой гильдіи купеческій сынъ Леонъ Карасикъ и Моздокскаго Кирилло-Мефодіевскаго городскаго приходскаго, второй гильдіи купецъ Соломонъ Аладатовъ, староста церкви при Ахтырской мужской прогимназіи, второй гильдіи купецъ Василій Долмаревъ, учителя училищъ: Староушицкаго городскаго приходскаго Іоанникій Крачковскій, Нижне-Бѣлоомутскаго мужскаго сельскаго, Зарайскаго уѣзда, Никита Барановъ и одноклассныхъ народныхъ: Ушицкаго уѣзда: Томашовецкаго Григорій Харжевскій, Зелено-Куриловецкаго Евфимій Петринскій, Миньковецкаго Пётръ Крулевскій и нестеровецкаго Евгеній Бычковскій, швейцарь частной женской гимназіи Бессъ въ Москвѣ, отставной старшій фейерверкеръ Пётръ Михайлова, нижній служитель Московской первой гимназіи, запасный фейерверкеръ Захаръ Солнцевъ, фельдшеръ Новоторжской учительской семинаріи, отставной унтеръ-офицеръ Меркурій Короп

таевъ, исправляющій должностъ письмоводителя Кубанской учительской семинаріи, отставной медицинскій фельдшеръ Гавріа́ль Пучкинъ, почетный блюститель Кисловодскихъ слободскихъ училищъ, мѣщанинъ Яковъ Семеновъ, вольнонаемный писецъ канцеляріи попечителя Киевскаго учебнаго округа, запасный старшій писарь Дмитрій Кукиль и садовникъ при Кубанской учительской семинаріи, мѣщанинъ Григорій Бѣллесъ въ для пощенія на труда: золотыми: на лентахъ: Апининской: начальницы: жепскихъ гимназій: Владивостокской, вдова штабсъ-капитана Елизавета Семенова, Керченской, вдова титулярнаго совѣтника Марія Хвостова и Тифлісской третьей, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Вильгельмина Струве, женскихъ прогимназій: Смоленской, изъ дворянъ Варвара Ромейко-Гурко и Мещевской, изъ дворянъ Марія Григорьевна и Кутаисской женской бесплатной школы, дочь генераль-мариора Марія Тимченко-Рубанъ, главная воспитательница Варшавской первой женской гимназіи, жена полковника Надежда Туркова, почетные блюстители училищъ: Свиаревскаго приходскаго, Донской области, 2-й гильдіи купецъ Николай Булатовъ и Наурскаго двухкласснаго, 2-й гильдіи купецъ Яковъ Марцвеладзе, староста церкви при пансионѣ Рязанской гимназіи, Рязанскій цеховой Гавріа́ль Федотовъ и казаки торгового общества: почетные блюстители приходскихъ училищъ, Донской области: кагальницкаго двухкласснаго Андрей Грековъ и Теникинского Степанъ Есафовъ и Станиславской: второй гильдіи куницы: почетные блюстители училищъ: Нижне-Сѣрагозскаго сельскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Мелитопольскаго уѣзда, Іосифъ Жамоцевъ и Ново-Дмитровскаго однокласснаго, Медвѣженскаго уѣзда, Иванъ Текеджіевъ и серебряными, на лентахъ: Апининской: почетные блюстители одноклассныхъ училищъ: Круглогорскаго, Александровскаго уѣзда, крестьянинъ Андрей Сифоновъ и Дависенскаго, Ново-григорьевскаго уѣзда, крестьянинъ Гавріа́ль Годиновъ, крестьянинъ села Воржи, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Василий Масловъ и попечитель Паноминскаго начальнаго училища, Вышневолоцкаго уѣзда, крестьянинъ Никель Аксаковъ и Станиславской: почетные блюстители одноклассныхъ училищъ: Надеждинскаго, Ставропольскаго уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Навель Тишинъ и Новогригорьевскаго уѣзда: Предтеченскаго, кунецъ Трофимъ Крыловъ и Чиподѣлинскаго, крестьянинъ Евгений Калининъ, нижніе служители гимназій: Московской первой, отставной рядовой Федоръ Золотарьовъ, Пермской женской, отставной рядовой Авдіянъ

Чижова, Московской первой, запасный рядовой Илья Тарасенковъ и Бѣлоцерковской мужской, запасный рядовой Гаврілъ Гавренко, запасные рядовые: швейцарь Орловской Николаевской женской гимпазіи Михаилъ Шатовъ и служители: Петровскаго Александровскаго пансионъ-приюта Московскаго дворянства Егоръ Зусъ и Серпуховскаго казенного начальнаго въ Москвѣ училища Иванъ Ермоловъ, нижний служитель Ярославской Марининской женской гимпазіи, мѣщанинъ Акинѣ Комаровъ, почетные блюстители училищъ: Государственнаго Станичнаго, мѣщанинъ Сергѣй Швецовъ, Ново-Егорлыкскаго, Медвѣженскаго уѣзда, мѣщанинъ Михаилъ Потапинъ, одноклассныхъ: Александровскаго уѣзда: Чернолѣбскаго, мѣщанинъ Сергѣй Синельниковъ и Сергѣевскаго первого, мѣщанинъ Георгій Аспидовъ и Булацкаго, Новогригорьевскаго уѣзда, мѣщанинъ Александръ Боломоловъ, учитель мѣстечка Зугдидъ, мѣщанинъ Максимъ Чичачава, нижние служители: при зоологическомъ кабинетѣ Императорскаго университета св. Владимира, крестьянинъ Владиславъ Знасекскій и гимназій: Бѣлоцерковской женской, крестьянинъ Лаврентій Хоменко и Московской первой, крестьянинъ Василий Рябухинъ, служители Петровскаго Александровскаго пансионъ-приюта московскаго дворянства: крестьянинъ Алексѣй Козловъ и крестьянинъ Алексѣй Зуевъ, нижний служитель Новоторжской учительской семинаріи, пѣвъ крестьянинъ Федоръ Федотовъ, швейцарь Кутаисскаго шестикласснаго городскаго училища, крестьянинъ Софонъ Абусеридзе, почетные блюстители училищъ: Александровскаго двухкласснаго, крестьянинъ Павелъ Борисовъ и одноклассныхъ, Новогригорьевскаго уѣзда, Петровскаго втораго, крестьянинъ Евдокимъ Волоховъ и Величавскаго, крестьянинъ Нетръ Руденко и десятиникъ при постройкѣ зданій для С.-Петербургскаго пившаго химико-техническаго и С.-Петербургскаго втораго реальнаго училищъ, крестьянинъ Николай Усичъ.

Приженоименованія лица, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, за труды ихъ по народному образованію Все-милиостивѣйше пожалованы 6-го мая сего года серебряною медаляю, со надписью „за усердіе“, для ношенія на груди на Александровской лентѣ: губернскіе секретари, учителя приходскихъ училищъ, Донской области: Алексѣевскаго двухкласснаго Митрофанъ Михайлова, Грушевскаго Исидоръ Автономова, Ольгинскаго Иванъ Лавренова, Правоторовскаго Федоръ Мишаревъ, Разуваевскаго Иванъ Себряковъ, Акишевскаго Федоръ Субботинъ и Трехъ-Островянскаго Александра Александровъ; пеиніющіе чиновъ: учитель-завѣдывающій Шабскимъ.

приходскимиъ французско-нѣмецкимиъ двухкласснымиъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Аккерманскаго уѣзда Игнатій Кулаковъ; учителя приходскихъ училищъ: Донской области: Ваклановскаго Иванъ Брызгальинъ, Новочеркасскаго первого Никифоръ Босовъ и Кепинскаго Александръ Минаевъ, Павловскаго Воронежской губерніи Федоръ Мокровъ и Вороццовскаго первого, Павловскаго уѣзда, Василій Нашибочниковъ, учителя городскихъ приходскихъ училищъ: Бунинскаго Николай Кофтынъ и Балашовскаго первого мужскаго Василій Сорокина, учитель Мешенскаго нѣмецкаго церковно-приходскаго училища, Перекопскаго уѣзда, Симонъ Альбрехтъ, учителя, завѣдывающіе училищами: Кубейскимъ сельскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія, Аккерманскаго уѣзда, Константина Кошеревъ-Бобока и Дубовскимъ начальнымъ народнымъ, Царыцинского уѣзда, Иванъ Кузнеццовъ, старшіе учителя двухклассныхъ начальныхъ общихъ училищъ: Богданскаго, Сѣдлецкой губерніи, Артемій Сорока и Пыздрскаго гминнаго Францъ Палюшкевичъ, учителя училищъ: двухклассныхъ гминыхъ начальныхъ: Тышовецкаго, Люблинской губерніи, Лонгинъ Литвиновичъ, общихъ: Дробинскаго, Плоцкой губерніи, Иванъ Надземскій, Пугачевскаго однокласснаго, Люблинской губерніи, Романъ Рудницкій и Грабовскаго двухкласснаго, Варшавской губерніи, Петръ-Брошилавъ Боровый, Ломжинскаго двухкласснаго городскаго мужскаго начальнаго Иванъ Ждановичъ, Верхне-Бугалышскаго русско-башкирско-черемисскаго, Красноуфимскаго уѣзда, Александръ Изабаевъ, начальныхъ, Аспинскаго, Осинскаго уѣзда, Александръ Виноградовъ и при С.-Петербургской земской учительской школѣ: Степанъ Михеевъ и Кузьма Верковскій, Кузнецкаго четвертаго городскаго Маркель Большаковъ, Ершовскаго народнаго, Осинскаго уѣзда, Николай Басиновъ, начальныхъ народныхъ: Хвалынскаго уѣзда, Акатно-Мазинскаго Козьма Кузнеццовъ и Елшанскаго Николай Костинъ, Перновскаго земско-общественнаго Балашовскаго уѣзда, Сергій Тюрикъ, Ардатовскаго уѣзда: Макаловскаго, Степанъ Лазаревъ, Сайгутскаго Иванъ Кандалинскій и Шейпъ-Майданскаго Иванъ Лукьяній, Алатирскаго уѣзда: Мамадышскаго Иванъ Оччинникова и Утесовскаго Василій Кашировъ, Гуляевскаго, Донской области, Евгений Горбачевъ, Павловскаго уѣзда: Вороццовскаго третьяго Иванъ Костиновъ, Гороховскаго Василій Склобовскій и Мамоновскаго Митрофанъ Натрицкій и Смагліченскаго, Богучарскаго уѣзда, Осдорпъ Удовъ, одноклассныхъ: Ломазскаго начальнаго мужскаго, Сѣдлецкой губерніи, Демьянъ Жукъ, Резинскаго сельскаго, Оргievскаго уѣзда,

Максимъ *Обертасъ*, Слуцкаго сельскаго начальнаго, Радомской губерніи, Антонъ *Зброжина* и министерства народнаго просвѣщенія: при желѣзно-дорожной станціи „*Тапсъ*“, Эстляндской губерніи, Александръ *Скворцовъ*; сельскихъ: Пирканскаго, Оргѣевскаго уѣзда, Георгій *Плопъ* и Аккерманскаго уѣзда, Тараклійскаго Ерем'ѣй *Андомеевъ* и Купоранскаго Оеодоръ *Чебанъ* и Покровскаго начальнаго народнаго, Ардатовскаго уѣзда, Михаилъ *Листовъ*, одноклассныхъ городскихъ начальныхъ: мужскихъ: Варшавской губерніи: Радоминскаго Феофиль-Дыдакъ-Маріанъ *Бурматовскій*, Гостишинскаго Станиславъ *Лампартскій* и Сохачевскаго Францъ *Станкевичъ*, Козеницкаго, Радомской губерніи, Викторъ *Шлезингеръ* и Бѣльскаго, Сѣдлецкой губерніи, Николай *Барановскій*, земскихъ начальныхъ: Царскосельскаго городскаго Тихонъ *Казанскій* и сельскихъ: Еглинскаго, Царскосельскаго уѣзда, Василій *Нарышкинъ*. Дудергофскихъ: втораго Фома *Хирвоненъ* и переходнаго Вильгельмъ *Финнъ*. Шляссельбургскаго уѣзда: Порѣчскаго Александра *Лавровъ* и Тюковскаго Семенъ *Типоненъ*; одноклассныхъ начальныхъ общихъ: Калинскай губерніи: Ярошевицкаго Францъ *Перчинскій*, Даликовскаго Францъ *Пржигонскій*, Загуровскаго Петра *Ликовскій* и Чайковскаго Йосифъ *Краевскій*; Кѣлецкой губерніи: Ново-Бржескаго Йоакимъ-Константина *Липинскій*, Вержбновскаго Матвѣя *Тарко*, Пояловицкаго Йосифъ *Иташникъ*, Гебдовскаго Войцѣхъ *Клюзнякъ*, Велько-Лапскаго Антона-Иванъ *Мазурекъ*, Метычевскаго Иванъ *Раулушекевичъ*, Ошацковицкаго Ипполита *Желязкевичъ*, Грембоцянскаго Йосифъ *Вечерекъ*, Мочидловскаго Йосифъ *Вороникайтисъ*, Насѣховицкаго Францъ-Фаддей *Цвиклинскій*, Ваврженчицкаго Йосифъ-Иванъ *Эзельманъ*, Мунявицкаго Романъ *Оборжинскій*, Благоцицкаго Францъ *Захцяла*. Гебултовскаго Петра *Цепель*, Смардзовицкаго Феликсъ-Петръ *Кицинскій*, Сулошовскаго Матвѣя *Филипскій*, Соколинскаго Иванъ *Цюрикъ*, Тарнавскаго Валентій-Андрей *Бржоска*. Зютскаго Александра-Францъ *Яхимовскій*, Петрковицкаго Феофиль-Францъ *Кухарскій*, Скалскаго Войцѣхъ *Новакъ*, Козловскаго Францъ-Петръ *Гайдзинскій*, Пелчскаго Йосифъ-Людовикъ *Василевскій*, Зборовскаго Иванъ *Червинскій*, Чарковскаго Михаилъ *Войташекъ*, Горяковскаго Францъ *Балласинскій*, Ставлинскаго Станиславъ *Дзедзицъ*, Потокскаго Михаила *Вальковичъ*, Хмѣльникскаго Романъ-Матвѣй *Марусинскій*; Сѣдлецкой губерніи: Зачепскаго Николай *Гончаровъ*, Руднянского Навель *Корчуна*, Вулько-Добрынского Михаила *Несторовичъ*, Миляновскаго Иванъ *Единакъ*, Ортель-Княжескаго Петра *Тредіаковскій*, Желишевскаго Йосифъ *Прокуратъ*, Дубово-Колодскаго

Левъ Кукавскій, Ярнацкаго Матвѣй-Вакентій *Лаукусъ*, Воскресицкаго Осипъ *Назаревичъ*, Ганненскаго Василій *Остапчукъ* и Хоропинскаго Яковъ *Протасевичъ*; городскихъ: Варшавской губерніи: Варскаго Эдуардъ *Абенъ* и Нешавскаго Генрихъ *Роллеръ*, Люблинскаго четвертаго Осипъ *Пражилускій* и Мілавскаго втораго, Плоцкой губерніи, Михаилъ *Король* и сельскихъ: Варшавской губерніи: Мѣд涅вицкаго Александъръ *Антощукъ*, Пржедечскаго Іосифъ *Битнеръ*, Лясоцинскаго Феофиль-Федоръ *Біяковскій*, Геленовскаго Фридрихъ-Робертъ *Больманъ* Воля-Непкошевскаго Яковъ *Бражозовскій*, Збиковскаго Валентій-Романъ *Вилковичъ*, Бржезенскаго Станиславъ *Гнайдзинскій*, Заборовскаго Іосифъ *Даушко*, Новодушновскаго Константъ-Станиславъ *Завадскій*, Косцельно-Весьскаго Михаилъ-Лука *Залицкій*, Чистенскаго Антонъ-Іванъ *Каменскій*, Слуцкаго Максимилианъ-Францъ *Каспржицкій*, Липецкаго Георгій *Кемуракісъ*, Гроховскаго Станиславъ-Войцѣхъ *Конколецкій*, Львовскаго Іванъ *Минцъ*, Глуховскаго Іванъ *Осінскій*, Служевскаго: Петръ-Людовикъ *Собайдковскій* и Іосифъ *Сквара*, Недзвядскаго Францъ *Стронкъ*, Салемейскаго Константина *Фридецкій*, Коцержевскаго Іосифъ *Щепаникъ* и Щеніловицкаго Владиславъ *Літчукъ*, Едльянскаго, Радомскай губерніи, Антонъ *Колятковскій* и Ломжинскай губерніи: Нетковскаго Игнатій *Крыницкій*, Яблонскаго Іванъ *Ковалъскій*, Гелчинскаго Игнатій *Новакоскій*, Вонсопскаго Францъ *Петрайтисъ*, Вонсевскаго Францъ *Петровскій* и Маріановскаго Эдуардъ *Топкъ* и Кличевскаго, Плоцкой губерніи, Іванъ *Піонтковскій*, Рыхвальского начального гимнаго общаго, Калишской губерніи, Михаилъ *Марциніякъ*; одноклассныхъ гимнаго начальныхъ: Турковицкаго, Люблинской губерніи, Осипъ *Левко* и Дровджевскаго, Ломжинской губерніи, Францъ *Круглевскій*, общихъ: Варшавской губерніи: Неборовскаго Іванъ *Бельта*, Езерняпскаго Іванъ *Войцѣховскій*; Борисскаго Людовикъ *Габрисъ*, Лышковицкаго первого Іванъ *Галидыкъ*, Закржевскаго Єома-Адамъ-Степанъ *Дзюлель*, Нуша-Карабиевицкаго Станиславъ *Дуда*, Стржелецкаго Іосифъ *Дущникъ*, Рацніжскаго Станиславъ *Каменскій*, Брудновскаго Семенъ *Курнєвскій*, Александровскаго Брониславъ-Леопольдъ *Малиновскій*, Витовскаго Флоріашъ *Мацльевскій* и Германовскаго Іванъ *Новицкій*, Люблицкой губерніи, Солецкаго Осипъ *Браницукъ*, Сольмицкаго Александъръ *Бережницкій*, Чернівецкаго Степанъ *Германскій*, Наньковскаго Петръ *Коба*, Берестскаго Леонтій *Кириловичъ*, Кульянецкаго Іванъ *Лукъянецъ*, Тарноватскаго Антонъ *Прокоповичъ* и Уржедовскаго Францъ *Томашувнасъ*, Ломжинской губерніи, Ржевишскаго Матвѣй *Якимовичъ*, Прже-

ходского Григорій *Храшусъ*, Плонявского Антонъ *Лодышусъ*, Пржитульского Юланъ *Мочидловский* и Вышонковского Иванъ *Мацкевичъ* и Плоцкой губерніи: Зеленского Станиславъ *Голашевский*, Зеньбокского Осипъ *Доброжинецкий*, Волнувского Леопольдъ *Длужневский*, Гуйского Францъ *Киселевский*, Скельского Владиславъ *Мюдуский* и Бржозувского Иванъ *Очурекъ*; одноклассныхъ начальныхъ и воскресно-ромесленныхъ: Вышегродского городского мужского, Плоцкой губерніи, Генрихъ *Навроцкий* и общихъ: Желеховского, городского, Седлецкой губерніи, Альбинъ *Гесснеръ* и Климонтовского гмишаго, Радомской губерніи, Иванъ *Каспржицкий*, одноклассовыхъ посадскихъ начальныхъ: Варшавской губерніи: мужскихъ: Писечновского Иванъ *Протазюкъ*, и Жихлинского Осояфилт *Соколовский* и общихъ: Окуневского Сигифридъ-Казимиръ *Горбатовский*, Ходечского первого Войцѣхъ *Дронжекевичъ*, Карчевского Иванъ *Кржевицъ*, Гродненского Петръ *Крупинский*, Цегловского Антонь-Адольфъ *Мусиковский*, Ядовского Николай-Болеславъ *Ненковский*, Любенского Костань-Романъ-Лаврентій *Соботковский*, горно-кальварийского второго Фердинандъ *Шраммъ* и Блендовского второго Рейнгольдъ-Августъ Энель и Заимбровского одноклассного сельского еврейского общаго начального, Ломжинской губерніи, Исаакъ *Калеръ*, помощникъ учителя Воронцовского первого сельского приходского училища, Навловского уѣзда, Григорій *Колмбихинъ*, учитель закона еврейской вѣры Мелитопольского реальнаго училища Веніаминъ *Шахоръ*, бывшіе учителя одноклассныхъ общихъ начальныхъ училищъ: Иигродского, Кѣлецкой губерніи, Владиславъ-Левъ *Шидловский* и Седлецкой губерніи: Чекановского Давидъ *Симоновичъ*, Кривопольского Феодосій *Андієвичъ* и Безвольского Влади-міръ *Рутцукъ*, классная надзирательница и исполняющая обязанности учительницы Мариупольской женской гимназіи Александра *Минакова*, классная надзирательница Тифлісского женского учебнаго заведенія св. Пипы: Елена *Шевченко*, Лидія *Фольбрандъ*, Марія *Купцова* и Нина *Молсурова*, учительница того же учебнаго заведенія Нина *Мищенко*, учительницы Балашовского второго городского приходскаго женскаго училища: Александра *Закражевская* и Елизавета *Смирнова*, учительница-завѣдывающая Буппскимъ женскимъ городскимъ двухкласснымъ училищемъ Анна *Сиземская*, старшія учительницы двухклассныхъ городскихъ начальныхъ училищъ: Калишского пятаго еврейскаго Етта *Бандъ* и Люблинского женскаго Анила *Орель*, учительницы училищъ: Бунинского городского двухкласснаго женскаго Надежда *Архангельская*; начальныхъ: Федоровского, Осинского уѣзда, Асап-

сія *Россохина*, Стефанідовськаго, Царицькаго уѣзда, Марія *Барашева*, при С.-Петербургской земской учительской школѣ Елена *Келленбенца* и Царскосельского Марія *Соколова*; С.-Петербургскихъ городскихъ начальныхъ: мужскихъ: Спасскихъ: седьмаго Елисавета *Данквартъ* и двѣнадцатаго Александра *Дементьевъ*, Московскаго 14-го Марія *Фигурина*, Александро-Невскихъ: десятаго Зинаида *Крестоносцева* и двѣнадцатаго Антонина *Яковлева* и Коломенскаго 9-го Варвара *Четыржкина* и женскихъ: Спасскаго 8-го Елена *Ворожейкина*; Нарвскихъ: восьмаго Олимпіада *Галанина* и двѣнадцатаго Надежда *Ласъ*, Выборгскаго 5-го Вѣра *Яковлева*, Васильевскаго 12-го Серафима *Ряпина*, Адмиралтейскаго 8-го Елена *Кипарисова* и Московскаго во-гребовскаго Ольга *Быляевская*, Радомскаго 3-го городскаго одноклас-снаго женскаго Марія *Бойданевская*, одноклассныхъ женскихъ город-скихъ начальныхъ, Варшавской губерніи: Мщоповскаго Изабелла *Ильинская*, Варскаго Марія-Непомуцена *Ропелевская* и Сохачевскаго Елена-Марія *Станкевичъ*, Яновскаго, Люблинской губерніи, Влади-слава *Рудольфа*, Тыкоцинскаго, Ломжинской губерніи, Юлія *Балице-вичъ* и Добржинскаго, Плоцкой губерніи, Марія *Залевская*, Шаблин-скаго народнаго, Камышловскаго уѣзда, Марія *Парышева*; началь-ныхъ народныхъ: Тохтамышскаго, Красноуфимскаго уѣзда, Апполи-варія *Попова*, Павловскаго уѣзда, Гнилушенскихъ: первого Ольга *Понкратова*, втораго Антонина *Ильина* и третьаго Ольга *Шевлякова*, Нижне-Мамонскихъ: перваго Евдокія *Саломанина* и третьаго Федосын *Рослякова*, Николаевскаго Евгешія *Красникова*, Ливенскаго Евгенія *Зацепина*, Александровскаго донскаго Варвара *Семерникова*, Верхне-Мамонскаго 1-го Анна *Никитина*, Воронцовскаго, третьаго Марія *Орлова*, Ольховатскаго Анна *Аполлосова*, Гвозданскаго первого Ефро-сиіи *Анненкова*, Шестаковскаго первого Прасковыи *Данилевская* и Лосевскаго первого Марія *Смирнова* и при заводѣ Бѣльневыхъ, Шин-сельсбургскаго уѣзда, Екатерина *Феодорова*, сельскихъ начальныхъ: Царскосельскаго уѣзда: Выборгскаго Антонина *Иванова*, Тацкаго Александра *Александрова* и Пулковскаго (частнаго) Нараскова *Кип-кова*; Кодъ-Китайскаго женскаго сельскаго однокласснаго министер-ства народнаго просвѣщенія Евдокія *Терновская*; одноклассныхъ сель-скихъ начальныхъ: Дзержковицкаго общаго, Люблинской губерніи, Марія-Анна *Кубицкая* и Лапскаго женскаго, Ломжинской губерніи, Марія *Глинская*, одноклассныхъ гимніыхъ начальныхъ: Маркскаго женскаго, Варшавской губерніи, Марія *Галадыкъ* и Дорогузскаго общаго, Люблинской губерніи, Ольга *Бариловичъ* и Радѣвскаго жен-

скаго однокласснаго посадскаго начальнаго, Варшавской губерніи, Сальмея-Бронислава Ропелевскаго, содергательница и учредительница частнаго училища въ слободѣ Краснопольѣ, Донской области, Татьяна Красноватитова, помощница учителя Симбирскаго 2-го мужскаго начальнаго училища Александра Лебедева и помощница учительницъ училищъ: Алатырскаго женскаго начальнаго Клавдія Муравьеву и Уткинскаго перваго народнаго, Красноуфимскаго уѣзда, Лидія Дроздова.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, 6-го мая 1899 года, ниженоименованныхъ лицъ, за отличное усердіе и особые труды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщевія орденами: св. рицкопапостольскаго князя Владимира: третьей степени—директора Владимира земскаго ремесленнаго училища имени дѣятельнаго тайного советника И. С. Мальцева, инженеръ-механика Дмитрия Соловькова и четвертой степени—почетнаго попечителя Тифлісскаго реальнаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина Александра Манташева; св. Анны: второй степени: корреспондентовъ Николаевской главной физической обсерваторіи, завѣдывающихъ метеорологическими станціями: въ гор. Вѣрномъ, отставшаго полковника Константина Ларіонова и въ гор. Омскѣ, отставшаго коллежскаго советника Павла Еретичама и почетнаго блюстителя Миасскаго втораго мужскаго начальнаго училища, Оренбургской губерніи, потомственнаго почетнаго гражданина Георгія Симанова и третьей степени—старосту церкви при Оренбургской гимназіи, отставшаго надворнаго советника Илью Рогожина и св. Станислава: второй степени—корреспондента Николаевской физической обсерваторіи, завѣдывающаго метеорологическою станцію въ Лохвицѣ, отставшаго капитана Петра Гладуна и третьей степени: отставшаго губернского секретаря Петра Просвирнова, попечителя Добрянскаго мужскаго начальнаго народнаго училища, Пермской губерніи, отставшаго коллежскаго регистратора Якова Дружинина, корреспондентовъ Николаевской главной физической обсерваторіи, завѣдывающихъ метеорологическими станціями: въ гор. Сердобскѣ дворянинна Александра Хотлинцева и въ имѣніи Ленкени, Ковенской губерніи, дворянинна Ивана Керновскую и попечителей училищъ: Миритиницкаго начальнаго народнаго, Великолуцкаго уѣзда, дворянинна Владимира Шмидта и Тверскаго ремесленнаго, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Морозова.

Государь Императоръ, согласно представлению министерства на-
частъ съсѣхъ (1899, № 6), отд. I.

родного просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на награжденіе 6-го мая сего года, воспитанница Прилуцкой женской гимназіи, дочери дворянинна Ольги Адамовича, за совершенный ею подвигъ често-вѣколюбія, серебряную медалью съ надписью „за спасеніе погибшихъ“, для ношения ее постригу, на Владимірской лентѣ.

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

22. (30-го апрѣля 1899 года). Циркуляръ 1. министра народною просвѣщенія юсподину попечителю учебнаю округа.

Разсмотрѣвъ отзывы начальствъ учебныхъ округовъ на циркулярное предложеніе министерства народного просвѣщенія отъ 22-го декабря 1898 г., за № 31106, по вопросу объ измѣненіи § 23 дѣйствующихъ правилъ объ испытаніяхъ учениковъ реальныхъ училищъ, я признаю цѣлесообразнымъ, по соображеніямъ, изложеннымъ въ упомянутомъ предложеніи, дополнить § 23 означенныхъ правиль слѣдующимъ разясненіемъ:

„Ученикъ, не выдержавшій по какимъ-нибудь предметамъ испытания до канікулъ, можетъ быть допускаемъ къ дополнительнымъ испытаніямъ по сімъ предметамъ послѣ канікулъ, если число предметовъ, по которымъ ученикъ обнаружилъ неудовлетворительная познанія, включая въ это число и тѣ предметы, по которымъ онъ имѣть неудовлетворительный годовой отмѣтки (2), не превышаетъ двухъ, и если педагогическій совѣтъ найдетъ, что ученикъ можетъ воспользоваться канікулярнымъ временемъ для пополненія пробѣловъ въ своихъ познаніяхъ по сімъ предметамъ“.

При этомъ само собою разумѣется, что правило о назначеніи, на основаніи § 23 сихъ правилъ, повѣрочного устнаго испытанія до канікулъ остается въ своей силѣ.

Объ этомъ покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить педагогическимъ совѣтамъ реальныхъ училищъ вѣреннаго вамъ округа, для руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

23. (31-го марта 1899 года). Положеніе о стипендіи имени коллежскаго ассесора Матвѣя Андреевича и жены его Елены Андреевны Бутковыхъ при Астраханскомъ реальному училищу.

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу сто руб.,

пожертвованного статскимъ советникомъ Петромъ Матвеевичемъ Бутковымъ, учреждается въ память отца его коллежского ассесора Матвѣя Андреевича и матери Елены Андреевны Бутковыхъ, одна стипендія ихъ имени при Астраханскомъ реальному училищѣ.

§ 2. Проценты съ означенного капитала назначаются на взносы платы за право ученія одного бѣднаго ученика реального училища русскаго происхожденія, православнаго вѣроисповѣданія и, преимущественно, уроженца г. Астрахани, оказывающаго при отличномъ поведеніи хорошия успѣхи въ наукахъ.

§ 3. Пожертвованный капиталъ хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ помянутаго училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность училища.

§ 4. Назначеніе стипендіата зависитъ отъ жертвователя, а по смерти его право это переходить къ прямымъ его наследникамъ, а по смерти же наследниковъ къ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ, по усмотрѣнію педагогического совѣта, или присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи, или выдаются въ пособіе стипендіату.

§ 6. Стипендіатъ, не перешедшій въ высшій классъ по прошествіи одного года по лѣнотѣ или слабымъ способностямъ, или по прошествіи двухъ лѣтъ по болѣзни, лишается стипендіи, по опредѣленію педагогического совѣта.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

24. (7-го апрѣля 1899 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Дмитрія Андреевича Толстаго при Мариупольской Александровской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ ежегодно ассигнуемыхъ Мариупольской городской думой средствъ учреждается при Мариупольской Александровской гимназіи стипендія имени бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Дмитрія Андреевича Толстаго.

§ 2. Стипендія эта предначинается для взноса ежегодно въ гимназію платы за ученіе одного изъ бѣднѣшихъ учениковъ уроженцевъ г. Мариуполя, безъ различія вѣроисповѣданія.

§ 3. Стипендія обезпечивается ассигновками въ сорокъ рублей

изъ общихъ городскихъ средствъ, вносимыхъ ежегодно въ городскую смѣту.

§ 4. Стипендіатъ избирается Мариупольской городской думой изъ кандидатовъ, представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

Примѣчаніе. Въ случаѣ плохаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендиї по опредѣленію педагогическаго совѣта.

§ 5. Пользованіе стипендией не налагаетъ на стипендиата никакихъ обязательствъ.

25. (7-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендиѣ имени директора Мариупольской Александровской гимназіи и основателя ея Феодиста Аврамовича Хартахая при той же гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ ежегодно ассигнуемыхъ Мариупольской городской думой средствъ учреждается при Мариупольской Александровской гимназіи стипендиа имени бывшаго директора этой гимназіи и основателя ея Феодиста Аврамовича Хартахая.

§ 2. Стипендиа эта предвзимается для взноса платы за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи изъ уроженцевъ г. Мариуполя, безъ различія вѣроисповѣданія.

§ 3. Учреждаемая стипендиа обеспечивается ассигновками въ сорокъ рублей изъ общихъ городскихъ средствъ, вносимыхъ ежегодно въ городскую смѣту.

§ 4. Стипендиатъ избирается Мариупольской городской думой изъ кандидатовъ, представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

Примѣчаніе. Въ случаѣ плохаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ стипендиатъ можетъ быть лишенъ стипендиї по опредѣленію педагогическаго совѣта.

§ 5. Пользованіе стипендией не налагаетъ на стипендиата никакихъ обязательствъ.

26. (7-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендиѣ имени митрополита Игнатія при Мариупольской Александровской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей учреждается при Мариупольской Александровской гимназіи одна стипендиа имени митрополита Игнатія, основателя города Мариуполя.

Примѣчаніе. Означеный капиталъ образовался изъ 520 руб.,

внесенныхъ Мариупольской городской думой изъ общихъ городскихъ суммъ, и 480 руб., поступившихъ отъ продажи книги „Мариуполь и его окрестности“, составленной преподавателемъ гимназии и изданной на средства почетного попечителя ея Д. А. Хараджаева.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ или гарантированныхъ правительствою процентныхъ бумагахъ, хранится въ жѣсткомъ казначействѣ или въ отдѣлении государственного банка въ числѣ специальныхъ средствъ гимназии, составляя неотъемлемую собственность сего заведенія и оставалась навсегда не-прикосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ стипендіального капитала употребляются на взносъ платы въ гимназію за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ изъ уроженцевъ г. Мариуполя, православнаго исповѣданія, отличного поведенія.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназии, по соглашенію съ Мариупольской городской управой.

Примѣчаніе. Въ случаѣ плохаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ, стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи по опредѣлению педагогического совѣта.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ преобразованія гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

27. (7-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго попечителя Одесского учебного округа тайного советника Сергея Платоновича Голубцова при Мариупольской Александровской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ ежегодно ассигнуемыхъ Мариупольской городской думой средствъ учреждается при Мариупольской Александровской гимназии стипендія имени бывшаго попечителя Одесского учебного округа тайного советника Сергея Платоновича Голубцова.

§ 2. Стипендія эта предназначается для взноса ежегодно въ гимназію платы за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ изъ уроженцевъ г. Мариуполя, безъ разлиचія въ религіи.

§ 3. Учреждаемая стипендія обезпечивается ассигновками въ со-

рокъ рублей изъ общихъ городскихъ средствъ, вносимыхъ ежегодно въ городскую смыту.

§ 4. Стипендіатъ избирается Мариупольской городской думой изъ кандидатовъ, представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

Примѣчаніе. Въ случаѣ плохаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи по опредѣленію педагогического совѣта.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

28. (12-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени Александра Сергеевича Пушкина при Киевской 1-й гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ рублей, пожертвованного почетнымъ попечителемъ Киевской 1-й гимназіи Александромъ Николаевичемъ Терещенко, учреждается при Киевской 1-й гимназіи стипендія имени Александра Сергеевича Пушкина, въ память столѣтія со дня его рождения.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, составляетъ неотъемлемую собственность Киевской 1-й гимназіи и хранится въ мѣстномъ казачьествѣ, оставаясь палсегда неприкословимъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ въ казну 5% государственного сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе одного воспитанника Киевской 1-й гимназіи. Остальная процентная деньги съ пожертвованного капитала за время пользованія учениковъ стипендіей выдаются стипендіату при окончаніи имъ полнаго курса гимназіи, въ видѣ пособія.

Примѣчаніе. Могущіе почему-либо образоваться остатки прачисляются къ пожертвованному капиталу.

§ 4. Въ стипендіаты избирается одинъ изъ учениковъ двухъ послѣднихъ старшихъ классовъ изъ русскихъ подданныхъ, православнаго исповѣданія, отличающійся благонравіемъ, отличными успѣхами по русской словесности и удовлетворительными успѣхами по всѣмъ остальнымъ предметамъ.

Примѣчаніе. Педагогическому совѣту и жертвователю предоставляется право лишить ученика стипендіи, если онъ перестанетъ удовлетворять указаннымъ въ предыдущемъ пункте требованиямъ.

§ 5. Выборъ стипендіата принадлежить жертвователю Александру Николаевичу Терещенко. Послѣ же его смерти право это переходить къ педагогическому совѣту названной гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

29. (12-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго секретаря Альберта Матвеевича Городницкаго при Каменецъ-Подольской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, завѣщанного коллежскимъ секретаремъ Альбертомъ Матвеевичемъ Городницкимъ, учреждается при Каменецъ-Подольской мужской гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4%, свидѣтельствѣ государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ соціальныхъ средствъ названной гимназіи, составляя неотъемлемую собственность сего заведенія и оставалась навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означенного капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственного налога, выдаются въ пособіе одному изъ бѣдныхъ учениковъ поминутой гимназіи, римско-католического вѣроисповѣданія, на взносы платы за ученіе.

§ 4. Право избрания стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на учениковъ никакихъ обязательствъ.

30. (5-го апрѣля 1899 года). *Положеніе о стипендіи при Нерчинской Софійской женской прогимназіи имени умершей попечительницы и начальницы сей прогимназіи, потомственной почетной гражданки Капитолины Александровны Бутиной.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Нерчинской Софійской женской прогимназіи учреждается стипендія имени умершей попечительницы и начальницы означенной прогимназіи Капитолины Александровны Бутиной на проценты съ капитала въ тысячу руб., пожертвованного съ этой цѣлью Нерчинскимъ городскимъ общественнымъ управлениемъ,

иѣщанскімъ обществомъ и гражданиами города, въ память 28-тилѣтней плодотворной дѣятельности Бутиной въ должностяхъ попечительницы и начальницы гимназіи.

§ 2. Стипендиальный капиталъ, по обращенію въ государственные или гарантированные правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназии, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендиального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственного сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносы платы за ученіе избранной стипендиатки или выдаются въ пособіе бѣднѣйшимъ ученицамъ прогимназіи.

§ 4. Стипендией пользуется бѣднѣйшая изъ числа ученицъ прогимназіи, дѣтей жителей города Нерчинска, отличающая хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендиатки предоставляется усмотрѣнію попечительного совѣта Нерчинской Софійской женской прогимназіи.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендиального капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендиї.

§ 7. Пользованіе стипендию не налагаетъ на стипендиатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Нерчинской Софійской женской прогимназіи въ какое либо другое учебное заведеніе, стипендиальный капиталъ передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго для употребленія по назначению.

31. (31-го апреля 1899 года). *Положеніе о стипендиѣ имени потомственныхъ почетныхъ гражданъ Петра Матвѣевича и Пелагеи Архиповны Мануиловыхъ при Новгородской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала одну тысячу шестьсотъ пятьдесятъ рублей, пожертвованного по случаю 45-тилѣтія свадьбы потомственныхъ почетныхъ гражданъ Петра Матвѣевича и Пелагеи Архиповны Мануиловыхъ членами этого семейства, учреждается при Новгородской мужской гимназіи одна стипендия имени потомственныхъ почетныхъ гражданъ П. М. и П. А. Мануиловыхъ.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты хранится въ Новгородскомъ губернскомъ казна-

чействъ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означенного капитала, за удержаніемъ 5%, государственного налога, употребляются: а) на вапоѣ платы за учение одного будущаго ученика называемой гимназіи, лучшаго по успѣхамъ и поведению, изъ уроженцевъ Крестецкаго уѣзда, Новгородской губерніи, а за неимѣніемъ такового—изъ уроженцевъ Новгородской губерніи и б) на покупку для него книгъ, остатки же отъ процентовъ употребляются на ежемѣсячные выдачи тому же стипендіату пособія по постановленію педагогического совѣта.

§ 4. Право назначенія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Ученикъ, получившій стипендію, пользуется ею до выхода изъ гимназіи и можетъ быть лишенъ стипендіи только по постановленію педагогического совѣта за малоуспѣшность, происходящую отъ лѣнности, и за дурное поведеніе и тогда же замѣняется другимъ, по выбору совѣта.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ, равно какъ и могущія вновь поступить на сей предметъ суммы, причисляются къ основному капиталу.

§ 7. О выборѣ стипендіата, а также о лишеніи его стипендіи педагогический совѣтъ доводить своевременно до свѣдѣнія гг. Министровъ, а по окончаніи учебнаго года ихъ же уведомляетъ о состояніи капитала.

VI. ОПРЕДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определеніями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Краткій синтаксисъ греческаго языка. Составилъ Я. Моръ, директоръ 6-й С.-Петербургской гимназіи. С.-Пб. 1899. Стр. VIII + 110“—рекомендовать какъ весьма полезное руководство по греческому языку для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ преимущественно для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведений. Ма-

терьамъ для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіи учебнаго года и темы для письменныхъ испытаний. Составили *В. Арбубузовъ*, *А. Мининъ*, *В. Мининъ*, *Д. Назаровъ*, преподаватели Московскіхъ гимназій. Къ сборнику приложено собраніе задачъ, слушавшихъ арифметическими темами на испытаніяхъ зрѣлости во всѣхъ учебныхъ округахъ Россійской Имперіи. Издание шестое. Москва. Издание книжного магазина В. Думнова, подъ фирмой „Наслѣдники бр. Салаевыхъ“. 1899. Стр. IV + 81. Цѣна 50 коп.“—одобрить для употребленія въ качествѣ учебнаго пособія въ старшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ и въ учительскихъ институтахъ и семинарияхъ.

— Издание: „Учебный географический атласъ. 46 главныхъ картъ, 127 дополнительныхъ картъ и чертежей на 45-ти таблицахъ. Э. Ю. Петри. С.-Пб. Издание А. Ф. Маркса. Цѣна 2 руб., въ коленкоровомъ переплѣтѣ съ кожанными корешкомъ и углами—2 руб. 60 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарий.

— Книгу: „Научно-образовательная библіотека. Ари. Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII столѣтія. Переводъ съ англійскаго съ предисловіемъ проф. А. И. Чупрова. М. 1898. Стр. XIX + 329 + III. Цѣна 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Les doublets dans la langue franâaise, par J. Bastin, suivis des principaux affixes, par A. Pachalery. Odessa. 1899. Издание Акционерного Южно-Русского общества печатнаго дѣла. Стр. 72. Цѣна въ папкѣ 45 коп. (безъ пересыпки)“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго подъ редакціей П. Адріанова. Томъ IV. Книги XXX — XLV. Издание наслѣд. А. Г. Кузнецова. М. 1899. Стр. IV + 679 + VII. Цѣна 3 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Учебникъ исторіи древней русской литературы. Устная словесность и книжная литература—переводная и оригинальная. Составилъ М. Павловичъ. С.-Пб. 1899. Стр. VI + 204 + III. Цѣна

85 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Альфредъ Фуллье. Критика новѣйшихъ системъ морали. Переводъ съ французскаго Е. Максимовой и О. Конради. С.-Пб. 1898. Издание редакціи журнала „Образованіе“. Стр. 404. Цѣна 2 руб."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжку: „Русскіе поэты о Пушкинѣ. Юбилейный сборникъ стихотвореній, составленный М. Н. Араповой. Съ портретомъ А. С. Пушкина. С.-Пб. 1899. Стр. 78. Цѣна 50 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Хрестоматія къ руководству для теоретического изученія литературы. Владимира Стоюнина. С.-Пб. 1879. Часть I—325 стр., часть II—217 стр. Цѣна 1 руб. 20 коп. за обѣ части" — одобрить для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Классная русская хрестоматія для младшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Составленная Владимиромъ Стоюнинымъ. Издание третье, перепечатанное безъ перемѣнъ со второго изданія, одобренного ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. С.-Пб. 1893. Стр. 316. Цѣна 80 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

VII. ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определеніями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжку: „Александръ Сергеевичъ Пушкинъ. Чтеніе для школъ и для народа. I. Чѣмъ великъ и славенъ Пушкинъ. II. Изъ жизни А. С. Пушкина. III. Изъ сочиненій А. С. Пушкина. Съ приложениемъ портрета А. С. Пушкина, факсимиля и рисунка памятника въ Москвѣ. Составили Е. и Д. Тихомировы. М. 1899. Стр. 86. Цѣна

10 коп.⁴ — одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— „Книгу: „*А. Барановъ*. Добрая съмена. Книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. Часть I, выпускъ первый. Русскій и церковно-славянскій букварь, съ материаломъ для упражненій въ постепенномъ чтеніи, прописями, письменными упражненіями и рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. Стр. 68. Цѣна 12 коп.—Часть I, выпускъ второй. Первая послѣ букваря книга для чтенія, съ объясненіями словъ и выраженій, вопросами для устныхъ пересказовъ, письменными упражненіями и рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. Стр. 159. Цѣна 30 коп. — Часть II. Вторая послѣ букваря книга для чтенія, съ объясненіями словъ и выраженій, вопросами и планами для устныхъ пересказовъ, письменными упражненіями и рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. Стр. 237. Цѣна 45 коп.—Часть III, выпускъ первый. Третья послѣ букваря книга для чтенія, съ объясненіями словъ и выраженій, вопросами и планами для устныхъ пересказовъ, письменными упражненіями и рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. Стр. 333. Цѣна 65 коп. — Часть III, выпускъ второй. Сборникъ духовно-нравственныхъ статей на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. С.-Пб. 1898. Стр. 159. Цѣна 30 коп.“—одобрить для употребленія въ низшихъ училищахъ и начальныхъ школахъ.

— Издание: „Энциклопедический словарь, издаваемый Акционернымъ обществомъ „Издательское Дѣло“, бывш. „Брокгаузъ и Ефронъ“, начатый подъ редакціей проф. *И. Е. Андреевской* и продолжаемый подъ редакціей *К. К. Арсеньева* и заслуженного проф. *Ѳ. Ѳ. Петрушевской*. Полутомы: 1—15, 28—36 и 41—50. Цѣна каждого полутома 3 руб. въ переплѣтѣ и 2 руб. 70 коп. безъ переплѣта“—допустить въ учительскія библиотеки городскихъ, уѣзденыхъ и двухклассныхъ приходскихъ училищъ, а также въ учительскія библиотеки учительскихъ семинарій.

— Книги и брошюры: 1) „Русскій воинъ. I. Главнѣйшія события изъ русской военной исторіи. II. Подвиги русскихъ воиновъ. Составилъ *С. Е. Кедринъ*. М. 1898. Стр. 332. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—2) „Сочиненія протоіерея *Петра Смирнова*, настоятеля С.-Петербургскаго Исаакіевскаго кафедральнаго собора. Выпуски 1, 2, 3 и 4. С.-Пб. 1896—1898. Цѣна каждому выпуску 80 коп.“—3) „Жизнь и подвиги святыхъ Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянъ. Издание С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительного общества. С.-Пб.

1885. Стр. 31⁴. — 4) „Сибирское переселеніе въ 1899 году (Что нужно знать каждому ходоку). С.-Пб. 1899. Стр. 27. Цѣна 5 коп.” — включить въ „Каталогъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ”, а брошюру подъ № 3 допустить также и для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ.

— Учебникъ: „Л. Григорьевъ и В. Оленинъ. Русское слово. Книга для классного чтенія, руководство къ обученію русскому языку въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступлениі не умѣютъ говорить по-русски. Выпускъ второй. 2-й годъ обученія. 3-е изданіе, исправленное. Рига. 1898. Стр. 102 + II. Цѣна 80 коп.” — Выпускъ третій. 3-й годъ обученія. 3-е изданіе, исправленное и дополненное. Рига. 1898. Стр. 158 + II. Цѣна 40 коп.” — допустить въ тѣ школы, въ которыхъ дѣти при поступлениі не умѣютъ говорить по-русски.

— Книгу: „Н. Пилькевича. О сберегательныхъ кассахъ и ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Замостье. 1898. Стр. 84. Цѣна 40 коп.” — допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры, изданныя редакціей „Журнала Московскаго Отдѣла Россійскаго общества покровительства животныхъ”: 1) „Отношенія христіанина къ неразумной природѣ. Протоіерея Стефана Остроумова. М. 1898. Стр. 22. Цѣна 5 коп.” — 2) „Какъ нужно обращаться съ животными. Заслуженного проф. А. Бонданова. Издание 3-е. М. 1898. Стр. 50. Цѣна 10 коп.” — 3) „Любовь къ животнымъ. Наконецъ то я увѣличаюсь. Эмиль Золя. Переподъ С. Н. Быховской. М. 1898. Стр. 32. Цѣна не обозначена” — допустить въ ученическия библіотеки среднихъ и низкихъ учебныхъ заведеній, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для нубличныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюры: 1) „Братъ и братъ (№ 19). М. 1897. Стр. 36.” — 2) „Францискъ Асписский. Разказано Е. Сольниковой (№ 11). М. 1895. Стр. 35.” — 3) „Бѣдность — не порокъ. Взято изъ комедіи А. Н. Островскаго Е. Сольниковой. М. 1895. Стр. 33.” — допустить въ ученическия библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „А. Сливницкій. Исторія одного домика. Рассказъ для дѣтей средняго возраста. Со многими оригинальными автотипіями. М. 1898. Стр. 109. Цѣна 80 коп.” — одобрить для ученическихъ, младшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книжку: „*Новская*. Книга для детей. Съ 18-ю рисунками. М. 1899. Стр. 120. Цѣна не обозначена“.—Допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „Когда и какъ нужно поливать сады и огороды. Составилъ Л. А. Золотаревъ. Издание В. Н. Маракуева. М. 1896. Стр. 36. Цѣна 20 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ еи изданіи цѣна брошюрокъ была понижена до 10 коп.

— Книгу: „*Женскіе подвиги и добродѣтели въ живыхъ разказахъ*. Составилъ Орловъ. М. 1899. Стр. 276 + III. Цѣна 50 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Издание: „*Картишнй географическій атласъ*. 215 рисунковъ, служащихъ пособіемъ при изученіи географіи Россіи, математической, физической и всеобщей географіи. Составила М. Т. Ирошенская. М. 1899. Цѣна 2 руб.“—допустить, въ качествѣ учебнаго пособія, въ среднія и низшія учебныя заведенія съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ его изданіи было обращено вниманіе на замѣчанія ученаго комитета.

— Брошюру: „*Подольскій народный католицизъ*. Иль Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Каменецъ-Подольскъ. 1898. Стр. 30. Цѣна не обозначена“.—Допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ Подольской губерніи.

— Учебникъ: „*B. Правдинъ*. Книга для чтенія въ начальныхъ народныхъ училищахъ (преимущественно на окраинахъ Имперіи). Курсъ 2-го и 3-го года обученія. Рига. 1898. Издание К. Г. Зихмана. Стр. 147. Цѣна 40 коп.“—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ Рижскаго учебнаго округа.

— Книги: 1) „*Генрикъ Сенкевичъ*. На ясномъ берегу. Повѣсть. Переводъ съ польского В. М. Лаврова. Издание редакціи журнала „Русская Мысль“. М. 1897. Стр. 103. Цѣна 30 коп.“—2) „*Генрикъ Сенкевичъ*. Повѣсти въ разказы. Переводъ В. М. Лаврова, съ предисловіями В. А. Гольцева. Второе удешевленное изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. М. 1898. Стр. 325. Цѣна 1 руб.“—3) „*Библіотека „Русской Мысли“*. VIII. Очерки итальянскаго возрожденія. Проф. М. С. Корелина. М. 1896. Стр. 360. Цѣна 1 руб.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

VIII. ОПРЕДЪЛЕНИЯ ОТДЪЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

Определениями отдельения ученого комитета министерства народного просвещения по техническому и профессиональному образованию, утвержденными его превосходительствомъ господиномъ товарищемъ министра народного просвещенія, постановлено:

— Брошюру: *A. Голюбская: „Механическое ткачество въ примененіи къ производству хлопчато-бутиажныхъ тканей. Съ 8-ю таблицами чертежей. Издание В. Гебеля. Москва. 1898 годъ. III+50 стр. Цѣна 80 коп.“* — рекомендовать, какъ учебное пособіе, для тѣхъ промышленныхъ училищъ, гдѣ введено преподаваніе технологіи волокнистыхъ веществъ.

ОТКРЫТИЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію попечителя Киевскаго учебнаго округа, 28-го марта сего года открыто на станціи Киверцы Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ предѣлахъ Луцкаго уѣзда, одноклассное сельское желѣзнодорожное училище, при 25-ти учащихся.

ДВАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМІЙ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
УЧРЕЖДЕННЫХЪ
ПРИ МІНІСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I. Для соисканія въ 1899 году премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, по разряду гимназій назначена была группа: „исторія и географія, всесообщая и русская“.

Къ опредѣленному положенію о преміяхъ срока въ учепный комитетъ министерства представлены были по означенной группѣ два печатныхъ сочиненія. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій при учепномъ комитетѣ была образована, подъ предсѣдательствомъ члена комитета С. О. Илліонова, особая комиссія, въ составъ коей вошли: профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Г. В. Форстенъ и наставникъ-руководитель гимназіи Императорскаго историко-филологическаго института М. А. Андреевъ.

Комиссія, обсудивъ, на основаніи подробныхъ рецензій ея членовъ, достоинства переданныхъ ей для разсмотрѣнія конкурсныхъ сочиненій, признала одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ: „Въ помошь учащимся. Родная Старица. Отечественная исторія въ рассказахъ и картинахъ (съ IX по XVII столѣтіе). Составилъ В. Д. Смыковскій“ (Въ трехъ выпускахъ), — заслуживающимъ большой преміи (въ 2.000 руб.). Основанія для такого заключенія комиссіи изложены въ помѣщеннемъ ниже разборѣ названного сочиненія.

Другое сочинение комиссия не признала заслуживающимъ преміи.

Ученый комитетъ, всесторонне обсудивъ представленные комиссией подробные отзывы о разсмотрѣнныхъ ею сочиненіяхъ и соглашаясь съ заключеніями комиссіи объ этихъ сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) За сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Въ помощь учащимся. Родная Старина. Отечественная история въ рассказахъ и картинахъ съ рисунками въ текстѣ. Составилъ В. Д. Сиповскій. Выпускъ I (съ IX до XIV столѣтія). Пятое изданіе. С.-Пб. 1897. Выпускъ II (съ XIV до XVI столѣтія). Четвертое изданіе. С.-Пб. 1896. Выпускъ III (съ XVI до XVII столѣтія). Третье изданіе. С.-Пб. 1896. (Издание Д. Д. Полубояринова)“, — присудить вдовѣ дѣйствительного статского советника В. Д. Сиповскаго О. И. Сиповской и сыну его В. В. Сиповскому большую (въ 2.000 рублей) премію Императора Петра Боликаго.

2) Другое сочиненіе, представленное на сей разъ для сомніанія премій, отъ присужденія премій устраниТЬ.

и 3) Въ вознаграждение трудовъ предѣдателя особой комиссіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, С. О. Илатопова, и членовъ ея: Г. В. Форстена и М. А. Андреянова, выдать имъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

Опредѣленія ученаго комитета утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія.

II. По разряду начальныхъ народныхъ училищъ была назначена „Книга для чтенія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ“. Къ опредѣленному положенію о преміяхъ срока было представлено въ ученый комитетъ пять сочиненій (одно въ рукописномъ и четыре въ непечатномъ видѣ). Для разсмотрѣнія сихъ сочиненій была образована при особомъ отдѣлѣ ученаго комитета особая комиссія изъ членовъ этого отдѣла А. Г. Филонова, А. И. Кочетова и А. Ф. Соколова, съ приглашеніемъ къ участію въ ея занятіяхъ члена В. В. Федорова. Предѣдателемъ комиссіи его пре-
восходительство г. министръ назначилъ члена А. Г. Филонова.

Ознакомившись съ представленными на конкурсъ сочиненіями, комиссія нашла, что четыре изъ нихъ не удовлетворяютъ условіямъ, предъявленнымъ ученымъ комитетомъ для получения преміи, и потому оной не заслуживаютъ, и лишь одно сочиненіе, именно: „А. Барановъ. Добрыя сѣмена. Книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. С.-Пб. 1898. Часть I, выпускъ 1-й. Стр. 63. Цѣна 12 коп.; выпускъ 2-й. Стр. 150. Цѣна 30 коп.; Часть II. Сгр. 237. Цѣна 45 коп.; Часть III, выпускъ 1-й. Стр. 383. Цѣна

65 коп., выпускъ 2-й. Стр. 159. Цѣна 30 коп." можетъ быть признано отвѣщающимъ всѣмъ требованиямъ конкурсной программы и заслуживающимъ большой (въ 2.000 руб.) преміи Императора Петра Великаго. Основанія для такого заключенія комиссіи изложены въ помѣщенной ниже подробной рецензіи.

Особый отдѣль ученаго комитета, обсудивъ представленное комиссией заключеніе о разсмотрѣнныхъ ю сочиненіяхъ, большинствомъ голосовъ опредѣлилъ:

- 1) признать сочиненіе „Добрая сѣмена“ А. Баранова заслуживающимъ большой преміи (въ 2.000 руб.) Императора Петра Великаго;
- 2) остальная четыре конкурсныхъ сочиненія отъ присужденія премій устранить;
- 3) въ вознагражденіе трудовъ вышепоименованныхъ предсѣдателя и членовъ особой комиссіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, выдать сімь лицамъ учрежденія на этотъ предметъ золотыя медали.

Опредѣленіе особаго отдѣла ученаго комитета утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.

III. По разряду книгъ для народаю чтенія была назначена „Исторія Россіи для народа“. Къ опредѣленному положеніемъ срока было представлено въ ученый комитетъ восемь сочиненій (шесть рукописныхъ и два печатныхъ съ рукописными исправленіями и дополненіями). Для разсмотрѣнія сихъ сочиненій была образована при особомъ отдѣль ученаго комитета особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета С. Ф. Платонова, въ составъ коей вошли члены особаго отдѣла В. В. Федоровъ и Н. А. Майковъ. Комиссія, обсудивъ достоинства переданныхъ ей для разсмотрѣнія конкурсныхъ сочиненій, признала одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ: „Книга для чтенія въ сельскихъ училищахъ по русской исторіи. Киевъ. 1891. Въ 8-ку долю. Стр. II+284“, заслуживающимъ малой преміи (въ 500 руб.) Императора Петра Великаго. Основанія для такого заключенія изложены въ помѣщенной ниже подробной рецензіи. Остальные семь сочиненій были признаны комиссией, какъ не отличающіяся никакими особыми достоинствами, не заслуживающими этихъ премій.

Особый отдѣль ученаго комитета, обсудивъ представленные комиссией отзывы о разсмотрѣнныхъ ю сочиненіяхъ и соглашаясь съ общими о нихъ заключеніями, опредѣлилъ:

- 1) признать сочиненіе: „Книга для чтенія въ сельскихъ учили-

щахъ по русской истории. Киевъ. 1891. Стр. II + 284^а заслуживаю-
щими малой преміи (въ 500 руб.) Императора Петра Великаго;

2) прочія се́мь конкурсныхъ сочиненій отъ присуждения премій
устранить;

3) въ вознаграждение трудовъ вышепоменованныхъ предѣдателя
и членовъ особой комиссіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій,
выдать имъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

Определеніе особаго отдѣла ученаго комитета утверждено г. мини-
страмъ народнаго просвѣщенія.

Разборъ сочиненій, удостоенныхъ въ 1899 году премій Импе-
ратора Петра Великаго.

I.

Въ помощь учащимся. Родная Старина. Отчественная история въ разказахъ
и картинахъ, съ рисунками въ текстѣ. Составилъ В. Д. Симонескій.
Выпускъ I (съ IX до XIV столѣтія). Пятое издание. С.-Пб. 1896 г. Вы-
пускъ II (съ XIV до XVI столѣтія). Четвертое издание. С.-Пб. 1896 г.
Выпускъ III (съ XVI до XVII столѣтія). Третье издание. С.-Пб. 1896 г.
(Издание Д. Д. Полубояринова).

Дать русскому учащемуся юношеству такое пособіе къ школьн-
ному курсу отечественной истории, которое, дополненія и освѣща-
факты, изложенные въ общеупотребительныхъ учебникахъ, давало бы
по возможности болѣе живое представление обо всемъ достопамятномъ
въ отечественной истории, особенно же о внутреннемъ строѣ жизни
и бытѣ нашихъ предковъ, притомъ не въ видѣ отрывочныхъ эпизо-
довъ, а въ связномъ послѣдовательномъ разѣзѣ,— вотъ та цѣль, ко-
торую имѣлъ въ виду авторъ „Родной Старинѣ“, издавалъ 20 лѣтъ
тому назадъ первый выпускъ своего труда. Чрезъ небольшіе сравни-
тельно промежутки времени появился: въ 1881 году второй, а въ
1884 году—третій выпускъ, которымъ и закончилось изданіе „Родной
Старинѣ“. Авторъ предполагалъ продолжать свой трудъ, издавъ года
черезъ два, уже подъ другимъ названіемъ, разѣзы изъ отечественной
исторіи XVIII вѣка; но этому не суждено было осуществиться: много-
сложность служебныхъ обязанностей помѣшила В. Д. Симонескому
исполнить въ свое время его намѣреніе, а затѣмъ (въ 1895 году) на-
ступила преждевременная смерть, которая унесла въ могилу всѣ его

планы и лишила русскую педагогическую семью одного изъ лучшихъ ея представителей. „Двѣнадцатилѣтняя учительская практика въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ—говорить г. Сиповскій въ предисловіи къ своему труду—убѣдила насъ въ необходимости такой книги, которая, при общедоступномъ изложеніи, по возможности ярче и живѣе представляла бы события, лица и внутреннюю жизнь нашихъ предковъ, словомъ—всю родную старину, и которая могла бы послужить нерѣдко ступенью отъ учебника къ урокамъ учителя къ научнымъ сочиненіямъ по русской исторіи“. „Учебники исторіи, даже и наилучшіе,—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ—представляютъ по самой сущности своей сжатое и сухое изложение фактовъ, усвоить которые надо памятью. Объясненія учителя касаются смысла событий, значенія ихъ, причинной связи между ними и пр. и дѣйствуютъ преимущественно на разсудочную способность. Воображенію и чувству учащихся уроки исторіи, особенно отечественной, даютъ обыкновенно слишкомъ мало пищи... Сухое же изложение фактовъ, не затрогивая воображенія и чувства, плохо держится въ памяти; частыя и притомъ скучныя повторенія одного и того же мало помогаютъ бѣдѣ. Особенно же печально то, что при этомъ нерѣдко гибнетъ у учащихся интересъ къ родной исторіи“... Между тѣмъ, продолжаетъ авторъ, „отечественная исторія и словесность считаются краеугольными камнями национального воспитанія... Только тотъ въ образованныхъ людей можетъ полюбить свой народъ,—не говоримъ уже жить, однѣмъ сердцемъ ст. писать,—кто хорошо знать пережитое и передуманное имъ“... „Только тотъ можетъ быть полезнымъ, сознательно дѣйствующимъ гражданиномъ, кто знаетъ и любить свое отечество; а знать и любить его сколько-нибудь разумно, не вѣдая его прошлаго, пельзя“. Чтобы вызвать и поддерживать въ учащихся интересъ къ отечественной исторіи, надо позаботиться о томъ,—говорить нашъ авторъ—„чтобы съ первыхъ же шаговъ изученія она не ложиласъ только тяжелымъ бременемъ на память, но производила бы впечатлѣніе на чувство учащихся, давало бы пищу и воображенію ихъ. Для этого необходимо кромѣ учебника, кромѣ объясненій учителя, подспорье въ самостоятельномъ чтеніи учащихся“.

Вотъ этой цѣли и должна служить составленная В. Д. Сиповскимъ книга для чтенія по русской исторіи подъ заглавіемъ „Родная Старина“.

Не имѣя значенія строго-научнаго труда, обработаннаго исключительно по первоисточникамъ, „Родная Старина“ не имѣть въ то же

время характера исторической хрестоматии, представляющей, по самой сущности своей, рядъ отдельныхъ статей изъ области исторической литературы, статей, не приведенныхъ въ тѣсную связь между собою и нерѣдко излагающихъ одинъ и тотъ же вопросъ съ различныхъ точекъ зренія; она не есть также сборникъ занимательныхъ рассказовъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ наиболѣе выдающіеся моменты изъ прошлой жизни русского народа. „Родная Старина“ представляетъ въ связномъ послѣдовательномъ изложеніи всю исторію до Петровской Руси, примыкая къ тѣмъ требованіямъ, какія ставятся школьному курсу этой исторіи, и къ содержанію обыкновенныхъ учебниковъ, предназначенныхъ для употребленія въ школѣ. „Мы не опускали, говорить авторъ въ предисловіи, ни одного вопроса, затронутаго учебниками, и старались даже не нарушать общепринятыхъ въ нихъ рубрикъ, располагая разказы по книжнѣямъ“. Но при всемъ видимомъ сходствѣ между обыкновенными учебниками и „Родною Стариной“ относительно содержанія и расположения матеріала, посѣдѣнія представляетъ и искрійная весьма существенная отличія отъ первыхъ; вмѣсто сжатаго и сухаго изложенія событій, составляющаго особенность учебниковъ, разказы, помѣщенные въ „Родной Старинѣ“, даютъ живое представление о событіяхъ въ лицахъ, благодаря тѣмъ подробностямъ, которыя авторъ внесъ въ свои разказы и которыя придаютъ изложению больше занимательности и картинности. Въ этомъ лучше всего сказалось какъ педагогическая опытность автора, такъ и пониманіе имъ особенностей дѣтской природы, которая не удовлетворяется отвлеченными изложеніемъ, действующими исключительно на разсудочную способность, но требуетъ образности и картинности, которая затрагиваютъ воображеніе и чувство дѣтей. Къ этому нужно прибавить еще одно немаловажное достоинство труда г. Сиповскаго, придающее ему въ высшей степени цѣнное значеніе какъ книги, предназначеннай „въ помощь учащимся“ при изученіи ими курса древней русской исторіи. Мы имѣемъ въ виду тѣ многочисленные рисунки (около 450), которые помѣщены среди текста и представляютъ изображенія различныхъ памятниковъ русской старины (зданія, оружіе, домашняя утварь, одежда, монеты, портреты историческихъ дѣятелей и пр.). Занимавшіеся изъ сочиненій, имѣющихъ научное значеніе (Прохорова, Ровинскаго, Савватіова, Стремилова и др.), эти рисунки прекрасно иллюстрируютъ бытовую сторону древней русской жизни, которая, благодаря этому, въ изложеніи г. Сиповскаго пріобрѣтаетъ большой интересъ и производить болѣе

глубокое впечатлѣніе, чѣмъ то отвлеченное описание древне-русскаго быта, какое находится въ обыкновенныхъ учебникахъ. Если къ этому прибавить ясное и простое, доступное пониманію учащихся, наложеніе, пропитанное любовью къ предмету и искренніемъ патріотическимъ чувствомъ, то достоинства труда г. Сиповскаго съ педагогической точки зоркія будутъ нами исчерпаны. Но это только одна сторона дѣла. Если и нельзя къ книгѣ, пред назначенной для употребленія въ школѣ, предъявлять строго-научныхъ требованій, требовать, чтобы она была самостоятельнымъ ученымъ трудомъ, обработаннымъ по первоисточникамъ, то во всякомъ случаѣ отъ нея требуется вѣрия передача тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришла наука въ лицѣ своихъ авторитетныхъ представителей; въ ней не должно быть мѣста спорнымъ вопросамъ, не установившимся въ наукѣ положеніямъ; она должна быть въ строгомъ соотвѣтствіи съ современнымъ состояніемъ науки. Только при такомъ условіи подобная книга можетъ быть признана соотвѣтствующею своему назначенію, предлагая юнымъ читателямъ цѣнныій въ научномъ отношеніи матеріалъ, не требующій отъ нихъ критического анализа, который имъ недоступенъ по степени ихъ умственнаго развитія. Прилагая эти требованія къ рассматриваемому нами труду, мы должны сказать, что „Родная Старина“ вполнѣ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, такъ какъ авторъ ея строго придерживался тѣхъ соображеній и выводовъ, которыя изложены въ трудахъ авторитетныхъ русскихъ историковъ, каковы: С. М. Соловьевъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, И. Е. Забѣлинъ, Н. И. Костомаровъ, И. Д. Бѣллевъ, В. О. Ключевскій, митрополитъ Макарій и др.; но въ то же время она является въ значительной степени и самостоятельнымъ трудомъ, такъ какъ авторъ ея не оставлялъ безъ вниманія и первоисточниковъ, обращался и къ произведеніямъ народнаго творчества, и къ литературнымъ памятникамъ древне-русской старины, и къ сочиненіямъ иностранцевъ, съ цѣлью показать, какъ события и дѣла историческихъ дѣятелей отразились въ сознаніи современниковъ. Большая часть очерковъ и разказовъ, помѣщенныхъ въ „Родной Старины“, составлена по источникамъ, которые, по справедливому замѣчанію автора, „перѣдко гораздо живѣе и картиниче предстаиваютъ события чѣмъ научные сочиненія“; при чемъ нѣкоторые памятники или переданы почти дословно, или подробно пересказаны авторомъ съ дословною передачею наиболѣе характерныхъ мѣстъ. Отдавая предпочтеніе фактамъ внутренней жизни предъ событиями вышними, авторъ подробнѣе останавливается на такихъ памятникахъ, которые

даютъ знакомство съ міровоззрѣніемъ, понятіями, нравственными идеалами и качествами русскихъ людей до-Петровской эпохи (Поученіе Владимира Мономаха, Слово о полку Игоревѣ, житіе св. Феодосія Печерскаго, Стоглавъ, Домостро́, переписка Грознаго царя съ княземъ Курбскимъ, Русская Правда, Судебники, Соборное Уложение и пр.), и съ этою же цѣлью отвелъ не мало мѣста вопросамъ церковной исторіи въ виду того, что въ ту эпоху умственные и нравственные силы русскихъ людей почти исключительно сосредоточивались на церкви и религіи. Но при всемъ томъ бытовая сторона древне-русской жизни не занимаетъ въ „Родной Старинѣ“ преобладающаго мѣста: ей отведено всего 150 страницъ, а остальная 850 страницъ посвящены изложению фактовъ вышней и внутренней политической жизни русского государства. Мы не считаемъ нужнымъ дѣлать подробный разборъ труда г. Сиповскаго, такъ какъ научныя и педагогическія достоинства его „Родной Старинѣ“ извѣстны всѣмъ тѣмъ, кому приходилось имѣть дѣло съ этой книгою при преподаваніи въ учебныхъ заведеніяхъ курса древней русской исторіи, и полагаемъ, что самая предиречавая критика была бы не въ состояніи найти въ ней сколько-нибудь важныхъ съ научной точки зрењія недостатковъ. Ограничимся поэтому краткою передачею содержанія „Родной Старинѣ“, съ цѣлью показать, на какія стороны древней-русской жизни авторъ обратилъ вниманіе. Первый выпускъ „Родной Старинѣ“ (247 стр.), въ которомъ изложены события отъ начала русского государства до княженія Дмитрія Донскаго включительно (съ IX по XIV столѣтіе), начинается вступленіемъ („откуда узнаемъ мы наше прошлое“), за которымъ помѣщены слѣдующія главы: 1) „Восточная Европа до начала русского государства“ (природа страны, древнійшіе обитатели Восточной Европы; славяне: разселеніе ихъ, бытъ, нравы, обычаи и вѣрованія ихъ за тысячу лѣтъ назадъ; сосѣди восточныхъ славянъ); 2) „Преданія о первыхъ русскихъ князьяхъ“ съ очеркомъ „быта русскихъ въ IX—X столѣтіи“; 3) „Принятіе христіанства и распространеніе его на Руси“ (Владимирь-язычникъ; сказание объ испытаніи вѣрь; крещеніе Владимира, киевлянъ и новгородцевъ, первоучители славянъ — Свв. Кириллъ и Меѳодій; Владимира-христіанинъ; народныя былины о Владимирѣ—Красномъ Солышкѣ и его богатыряхъ; усобицы по смерти Владимира; княжение Ярослава; Русская Правда, отношенія съ иноzemцами); 4) „время удѣльныхъ смутъ и усобицъ“ (усобицы при сыновьяхъ Ярослава; усобицы при внукахъ Ярослава; ослаѣленіе Василька; новыя усобицы; борьба съ половцами;

Владиміръ Мономахъ; поученіе Владимира Мономаха; усобици при сыновьяхъ и внукахъ Владимира Мономаха; сказаніе о походѣ Игоря); 5) „Монашество и просвѣщеніе на Руси въ XI и XII столѣтіи“ (начало русского монашества; св. Феодосій; значеніе кіево-печерскаго монастыря; борьба съ язычествомъ; просвѣщеніе); 6) „Новгородъ и Владимиръ“ (древній Новгородъ и его торговля; новгородская община; бывшии новгородекія; новгородскіе церкви и монастыри; Суздальская область; Андрей Боголюбскій; Всеволодъ III; борьба Суздalia съ Новгородомъ; государственный строй и бытъ русскихъ XI—XIII столѣтія); 7) „Злые времена татарскіи“ (первая встрѣча русскихъ съ татарами; татары: ихъ нравы и обычай; нашествіе татаръ на южную Русь; нашествіе татаръ на южную Русь; поѣзdkи русскихъ князей въ Орду; Даниилъ Романовичъ; Александръ Невскій; смуты при сыновьяхъ Александра Невскаго; Юрий и Иванъ Даниловичи; состояніе русской земли въ XIII—XIV столѣтіи; сѣверные монастыри; Симеонъ Гордый, Иоаннъ II и Дмитрій Донской; Куликовская битва; нашествіе Тахтамыша). Второй выпускъ „Родной Старины“ (364 стр.), въ которомъ изложены послѣдующія события до конца смутнаго времени (съ XIV до XVI столѣтія), состоять изъ слѣдующихъ главъ: 1) „Москва и Литва“ (кияненіе Василія Дмитріевича: усиленіе Москвы, нашествія Тамерлана и Эдигея; Литва: литовцы и вѣронавія ихъ, литовцы и крестоносцы; Гедемілъ, Ольгердъ и Кейстутъ, Ягелло и Витовтъ; кияненіе Василія II (Темнаго): усobiцы между московскими князьями; Флорентійскій соборъ; паденіе Константинополя; кияненіе Ивана III: паденіе Новгорода; Софья Палеологъ; конецъ татарскаго ига, уничтоженіе удѣловъ; борьба съ Литвою; церковныя смуты; внутренній дѣла; кияненіе Василія III: отношеніе Государя къ боярамъ, паденіе Пскова и другихъ удѣловъ, войны съ Литвою и татарами, церковныя дѣла, семейная дѣла и смерть великаго князя; Московія XV—XVI столѣтія по разказамъ иновѣщевъ: страна, пріемъ пословъ, власть государя, военное дѣло, нравы и обычай, городъ Москва, промышленность и торговля); 2) „Грозный царь“ (царствованіе Ивана IV: правленіе Елены и бояръ, дѣтство царя Ивана, вѣничаніе на царство Иоанна IV и первые годы его царствованія, судьи управлениe, Стоглавъ, Домострой, покореніе Казаніи и Астрахани, книгопечатаніе въ Москвѣ, войны со Швеціей и Ливоніей, удаленіе Сильвестра и Адашева, измѣна Курбскаго и перенеска его съ царемъ, посланіе Курбскаго, посланіе царя, Александровская слобода и опричники, митрополит Филиппъ, разгромъ Новгорода и московскія казни,

войны съ сосѣдями, Автоній Поссевинъ, покореніе Сибири, послѣдніе дни царствованія Грознаго); 3) „Царь Феодоръ и Борисъ Годуновъ“ (царствованіе Феодора Ивановича: боярскія смуты, домашняя жизнь цара, войны и сношенія съ сосѣдями, учрежденіе патріаршества, убіеніе царевича Дмитрія, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, избраніе Бориса Годунова на престолъ; царствованіе царя Бориса; русскіе нравы и обычаи по разказамъ иностранцевъ; начало смуты въ царствованіе Бориса, Лжедмитрій I); 4) „Смутное время“ (царь Феодоръ Борисовичъ: измѣна Басманова и гибель Годунова; царствованіе Лжедмитрія I; полуцарь; восстанія противъ Василія; Тушинскій воръ, осада Троицкой Лавры, разореніе земли тушинцами, Скопинъ-Шуйскій, сведеніе съ престола Василія Ивановича; междуцарствіе: поляки въ Москвѣ, московскіе послы подъ Смоленскомъ; патріархъ Гермогенъ, народное движеніе противъ поляковъ, страстная недѣля 1611 года въ Москвѣ, русское ополченіе подъ Москвою, взятие Смоленска поляками, лихолѣтье, Мининъ въ Пожарскій, освобожденіе Москвы и избрание царя). Третій выпускъ „Родной Старины“ (390 стр.), въ которомъ изложены судьбы московского государства при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ съ обзоромъ состоянія западно-русскихъ земель подъ владычествомъ Польши (съ XVI до XVII столѣтія), заключаетъ въ себѣ слѣдующія главы: 1) „Царствованіе Михаила Феодоровича“ (воцареніе его и вѣнчаніе на царство, очищеніе русской земли отъ внутреннихъ враговъ, Столбовскій миръ, война съ Польшей и Деулинское перемиріе, патріархъ Филаретъ и его дѣятельность, вторая война съ Польшей, Азовское дѣло, иноземцы въ Россіи, послѣдніе годы царствованія Михаила Феодоровича); 2) „Западная Русь въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка“ (Люблианская унія, іезуиты въ Литвѣ и Западной Руси, состояніе западно-русской церкви въ концѣ XVI столѣтія, церковная унія, борьба православія съ уніей, Петръ Могила, казаки и борьба ихъ съ турками и татарами, казацкія думы о турецкой неволѣ, казацкія восстанія противъ Польши, угнетеніе крестьянъ, новые восстанія казаковъ, Запорожская сѣчь); 3) „Царствованіе Алексія Михайловича“ (смуты въ началѣ царствованія, Соборное Уложение и судебное дѣло, присоединеніе Малороссіи: Богданъ Хмельницкій, восстаніе на Украинѣ, борьба Польши съ казаками, вторая война Хмельницкаго съ Польшей, Переяславская рада, Малороссія; война съ Польшей и Швеціей, смерть Хмельницкаго и смуты въ Малороссіи, денежные затрудненія въ смуты въ Москвѣ, царь Алексій Михайловичъ, возвышеніе Никона, патріар-

шество Никона, исправление богослужебныхъ канонъ и обрядовъ, разладъ между царемъ и Никономъ, судъ надъ Никономъ, борьба съ расколомъ, восстание Разина, новые люди въ Москвѣ, Ординъ-Нащокинъ и Матвеевъ, послѣдніе годы царствованія Алексея Михайловича); 4) „Царствованіе Феодора Алексеевича“ (придворныя дѣла и паденіе А. С. Матвеева, вѣшнія события, уничтоженіе мѣстничества, церковныя дѣла и просвѣщеніе); 5) „Состояніе Русской земли къ концу XVII столѣтія (страна, деревни, села и города; Москва; составъ населенія и государственный строй; войско; государственные доходы, промышленность и торговля; домашній бытъ (жилище, внутреннее убранство его, утварь, одежда, пища); распорядокъ повседневной жизни (дневныя занятія, выѣзды, приемъ гостей, пиры и братчики); семейный бытъ (взглядъ на женщину, жена, положеніе женщины, семейные обычаи: родины и крестильные, венчаніи, сватовство и свадьба, новоселье, похороны); состояніе образованности (народная поэзія, книжная словесность, обученіе грамотѣ, искусства, умственное развитіе); удовольствія и развлечепія (взглядъ на удовольствія, скоморохи, кулачные бои, корыстная игры: зернь, тавлеи, карты и проч.); заключеніе.

Изъ этого перечня помѣщенныхъ въ „Родной Старины“ статей видно, какимъ обилиемъ и полнотою исторического материала отличается трудъ г. Синопского, заключающій въ себѣ всѣ вопросы, имѣющіе отношеніе къ судьбамъ Русской земли въ до-Петровскую эпоху. Предъ глазами читателя проходитъ вся прошлая жизнь русскаго народа, въ тѣ восемь вѣковъ, которые протекли отъ начала русскаго государства, въ послѣдовательной сменѣ пережитыхъ имъ событий и тѣхъ перемѣнъ, какія произошли во внутреннемъ складѣ его жизни, при чемъ выясняется вся громадность подвига, совершенного русскимъ народомъ, несмотря на тѣ бѣдствія и непрѣгоды, какія выпадали на его долю: онъ „взростилъ огромное, сильное государство съ могучимъ властелиномъ во главѣ и сберегъ въ своей небожности православную вѣру“. Но при всемъ этомъ онъ „сильно отсталъ отъ западныхъ народовъ въ знаніяхъ, въ просвѣщеніи“, и эта отсталость стала чувствоватьться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше приходилось русскому народу сталкиваться съ просвѣщенными народами запада; то же невѣжество начинало угрожать и тѣмъ главнымъ силамъ, на которыхъ поконилось русское государство: „невѣжество все болѣе и болѣе глушило православіе, приводить церковь къ расколу; то же невѣжество уже начинаетъ подрывать и высшую власть: нѣть обра-

зованныхъ государственныхъ дѣятелей, нѣть дальневидныхъ совѣтни-
ковъ и сколько-нибудь просвѣщенныхъ и честныхъ исполнителей,
нѣть гражданъ, способныхъ заботиться объ общихъ выгодахъ, а не
только о себѣ, и государь при всемъ своемъ могуществѣ и добромъ
желаніи не въ силахъ быть избавить государство отъ страшныхъ вну-
треннихъ потрясений"... Вотъ тотъ выводъ, къ которому приводить
читателя авторъ „Родной Старины“ въ заключительной главѣ своего
труда, посвященной выясненію тѣхъ задачъ, какія должны были вы-
пасть на долю послѣдующихъ государственныхъ дѣятелей. „Чтобы
помочь бѣдѣ, — говорить авторъ — надо учиться! Но где? Византія
уже въ конецъ заглохла. Неужели пойти за наукой на латинскій
еретическій западъ? Сильно противъ этого стоять многіе ревнители
древняго благочестія; всѣ бѣды они приписываютъ тому, что пору-
шена святая старина; что заводятся богохерескія новшества; одно зна-
ніе имѣть цѣну въ ихъ глазахъ,—знаніе божественныхъ книгъ. Но
уже давно западно-европейская пушка громогласно возвѣстила рус-
скимъ, что есть человѣческія знанія, которыми пренебрегать опасно,
показала, что мѣнять въ бою своихъ десять головъ на одну непрія-
тельскую очень тажело... Подъ Москвою уже выросла цѣлая слобода
западныхъ „хитрыхъ мастеровъ“. Чаще и чаще встречаются и рус-
скіе люди, которые начинаютъ жить по европейски, увлекаются даже
наукой... Еще въ XVI столѣтіи русскій царь пытается пробить пря-
мой путь на западъ къ Балтійскому морю. Послѣ смутной поры рус-
скіе совсѣмъ отрѣзаны отъ него, и шведскій король съ великой ра-
достью объявляетъ объ этомъ на сеймѣ. Исконный врагъ Москвы—
шведамъ и полякамъ—было очень важно, чтобы невѣжество, вну-
треннія смуты и отсталость, особенно въ ратномъ дѣлѣ, продержа-
лись подольше въ Московскому государствѣ; при этихъ услоіяхъ
враги не теряютъ надежды еще справиться съ нимъ, расхитить его
владѣнія, какъ это отчасти и удалось имъ въ смутную пору. Для
Московскаго государства стало быть является вопросомъ жизни сбли-
женіе съ западомъ. Очистить туда дорогу прямобажную, которую за-
легла вражья сила, и обновить русскую землю европейскими зна-
ніями,—вотъ первая задача, которую ясно и опредѣленно выставила
наша старина будущимъ государственнымъ дѣятелямъ. На ряду
съ этой задачей и въ тѣсной связи съ ней выдвигалась, хотя и не
такъ ясно, другая великая задача—поднять слишкомъ приниженнюю
въ Россіи человѣческую личность на степень гражданина, могущаго
сознательно относиться къ своимъ обязанностямъ, повиноваться за-

кону не только страха ради, но и по совѣсти, способного заботиться и о себѣ, и о своихъ согражданахъ. Наша старина, въ силу государственныхъ нуждъ и обстоятельствъ закабалившая работника, привѣшившая крестьянина къ землѣ, представляла и противоположный явленія: хѣлялись попытка завести вѣчто въ родѣ земскаго самоуправлія; горячій ревнитель старины, извѣстный составитель Домостроя, отпускаетъ своихъ холоповъ на волю; наконецъ, многіе благочестивые русскіе люди предъ смертью, заботясь о спасеніи души своей, давали свободу нѣкоторымъ изъ рабовъ своихъ, словно чувствовали, что по смыслу христіанскаго ученія о смиреніи и любви къ ближнему порабощеніе людей—тяжелый грѣхъ”...

Въ концѣ каждого выпуска „Родной Старинѣ“ помѣщены родословныя таблицы и „примѣчанія къ рисункамъ“, въ которыхъ даны объясненія помѣщенныхъ въ текстѣ рисунковъ съ указаніемъ тѣхъ сочиненій, изъ которыхъ эти рисунки заимствованы.

Тотъ успѣхъ, какой имѣла „Родная Старина“, выдержанная въ сравнительно короткое время нѣсколько изданій и заслужившая одобрительные отзывы отъ тѣхъ учрежденій, въ вѣдѣніи которыхъ находятся общеобразовательныя училища какъ мужскія, такъ и женскія, служить лучшимъ доказательствомъ какъ съ одной стороны дѣятельной необходимости въ подобной книгѣ, такъ съ другой стороны удачнаго выполненія задуманнаго авторомъ дѣла, польза и цѣлесообразность которого были надлежащимъ образомъ оценены какъ специалистами-преподавателями исторіи, пашедшими въ трудѣ г. Синовскаго цѣнное подспорье для своихъ уроковъ, такъ и учащейся молодежью, для которой „Родная Старина“ всегда была одною изъ любиѣйшихъ книгъ для чтенія при изученіи курса древней отечественной исторіи.

Въ заключеніе нашего отзыва о трудѣ г. Синовскаго, мы должны сказать, что его „Родная Старина“, представляя выдающееся по своимъ достоинствамъ какъ педагогическимъ, такъ и научнымъ, и весьма полезное учебное пособие къ школьному курсу отечественной исторіи, вполнѣ заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, поощренія въ видѣ награжденія ея полную премію имени того русскаго Вѣнцесоса, сердцу которого были такъ близки интересы русскаго просаѣнія.

II.

„А. Барановъ. Добрыя съмна. Книга для классного и выѣкласнаго чтенія въ начальныхъ училищахъ. С.-Пб. 1898. Часть I. выпускъ 1-й. 63 стр. Цѣна 12 к. выпускъ 2-й. 150 стр. Ц. 30 к. Часть II. 237 стр. Ц. 45 к. Часть III, выпускъ 1-й. 338 стр. Ц. 66 к. выпускъ 2-й. 159 стр. Ц. 30 к.“.

Сочиненіе „Добрыя съмна“ А. Баранова, представленное на премию Императора Петра Великаго, можетъ быть признано отвѣчашимъ всѣмъ требованіямъ конкурсной программы. Такъ, въ книгѣ этой заключается „достаточно материала какъ для класснаго, такъ и для выѣкласнаго чтенія учениковъ“; по содержанию своему, она „развиваетъ въ дѣтяхъ религиозно-нравственное и патротическое чувство, сообщаетъ имъ полезныя свѣдѣнія изъ русской исторіи, географіи, этнографіи и естествовѣдѣнія, знакомить дѣтей съ правильнouю литературную рѣчью“; каждый отдѣлъ книги „состоитъ изъ статей, доступныхъ пониманію крестьянскихъ дѣтей того возраста, для кото-
рого онъ предназначается“, при отсутствіи въ нихъ „искусственной поддѣлки подъ дѣтскій или народный языкъ“, при чёмъ однако не устрашаются, „особенно въ статьяхъ для старшаго возраста, такія слова и выраженія, которыя хотя и не употребительны въ народной рѣчи, но знакомство съ которыми можетъ оказаться необходимымъ при чтеніи общедоступныхъ литературныхъ или научныхъ произведе-
ній“. Согласно требованію Ученаго Комитета, въ книгѣ помѣщено много статей религиознаго содержанія (нѣкоторыя священно-истори-
ческія события, житія святыхъ, описанія святынь, духовныя поученія
и т. п.) и къ каждой части книги приложены, въ видѣ особаго отдѣла,
упражненія въ чтеніи на церковно-славянскомъ языке, въ указан-
номъ Комитетомъ объемѣ и соотвѣтствующаго содержанія. Имѣется
въ книгѣ г. Баранова и надлежащий материалъ для письменныхъ
упражненій учениковъ и, наконецъ, книга снабжена весмыя толковою
объяснительною запискою, въ которой изложенъ планъ автора и даны
указанія относительно употребленія книги.

Удовлетворяя, такимъ образомъ, общимъ своимъ планомъ тѣль требованіямъ, которыя были предъявлены Ученымъ Комитетомъ со-
ставителямъ „книгъ для чтенія“ въ объявлениі о конкурсѣ, книга
„Добрыя съмна“ и по содержанию своему представляется заслужи-
вающею полнаго одобренія. Разнообразие и богатство материала, из-
влеченнаго изъ лучшихъ нашихъ писателей, представление въ содер-

жанрів статей по преимуществу святыхъ сторонъ жизни, глубокое религиозное направление, объемлющее всѣ выпуски этого издания, преимущественное избрание статей патріотического характера, обстоятельное и притомъ общедоступное по изложению описание нашей родной страны въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношении, множество статей новыхъ, едва-ли не первый разъ встречающихся въ учебныхъ книгахъ подобного рода, постепенность въ подборѣ статей—сначала легкихъ, а потомъ болѣе и болѣе трудныхъ, обилие цѣлесообразныхъ письменныхъ упражнений, приложение толковыхъ объясненій и словарей, прекрасные въ большинствѣ случаевъ рисунки,—всѣ эти хорошия качества книги „Добрый съмѣна“ даютъ основаніе признать ее лучшую въ настоящее время книгою для чтенія въ нашихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Книга г. Баранова состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

„*Добрый съмѣна*. Книга для классного и вѣкѣклассного чтенія въ начальныхъ училищахъ. Часть I, выпускъ 1-й. Русскій и церковнославянскій букварь, съ материаломъ для упражненій въ постепенномъ чтеніи, прописями, письменными упражненіями и рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. Въ 8-ку, 63 стр. Ц. 12 к.“

„То же. Часть I, выпускъ 2-й. Первая послѣ букваря книга для чтенія, съ объясненіями словъ и выраженій, вопросами для устныхъ пересказовъ, письменными упражненіями и рисунками. Стр. 150. Ц. 30 к.“

„То же. Часть II. Вторая послѣ букваря книга для чтенія, съ объясненіями словъ и выраженій, вопросами и планами для устныхъ пересказовъ, письменными упражненіями и рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. Стр. 237. Ц. 45 к.“

„То же. Часть III, выпускъ первыи. Третья послѣ букваря книга для чтенія, съ объясненіями словъ и выраженій, вопросами и планами для устныхъ пересказовъ, письменными упражненіями и рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. Стр. 333. Ц. 65 к.“

„То же. Часть III, выпускъ второй. Сборникъ духовно-правственныхъ статей на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. С.-Пб. 1898. Стр. 159. Ц. 30 к.“

„Часть первая, выпускъ 1-й“ представляетъ собою букварь. Его содержаніе разнообразно и изложено въ строгой постепенности. Рассказы для первоначального чтенія въ букварѣ небольшіе, сначала изъ двухъ, трехъ, ияти строкъ, а потомъ изъ большаго ихъ количества, въ всѣ они заслуживаютъ одобрения по внутреннему своему содержанію.

Въ церковно-славянскомъ отдѣлѣ первой книжки (то-есть въ Букварѣ), кромѣ азбуки церковно-славянского языка, указаны знаки надстрочные и строчные, буквы, сходныя съ русскими и отличныя отъ нихъ (стр. 59), словосокращенія (стр. 61), и предложенъ рядъ краткихъ изречений изъ Слова Божія (стр. 58—68) съ присоединеніемъ подъ текстами разныхъ объясненій словъ церковно-славянскихъ русскими. Среди церковно-славянскихъ текстовъ только одинъ трудный для пониманія дѣтей, именно на стр. 63: „Иже погубить душу свою мене рѣди и Евангеліа, той спасеть ю“.

Письменныя упражненія въ Букварѣ придуманы съ педагогическою опытностью. На стр. 19-й (внизу) предлагается рядъ словъ, въ которыхъ пропущена буква ё или е. Понятливый ученикъ, относящійся со вниманіемъ къ дѣлу, непремѣнно сообразить, где ему поставить е или ё, потому что слова, данные для упражненія, передъ этимъ были ему предложены для чтенія.

При слѣдующемъ изданіи надо исправить прописи, такъ какъ нѣкоторыя буквы написаны небрежно.

„Часть I, выпускъ второй. Первая послѣ букваря книга для чтенія“. Содержитъ въ себѣ 192 рассказа, болѣею частью заимствованыхъ изъ нашихъ образцовыхъ писателей; нѣкоторыя статьи составитель измѣняетъ, сообразно цѣлямъ педагогическимъ, и такія статьи отмѣчены въ изданіи особымъ знакомъ (звѣздочкою).

Всѣ статьи безукоризнены по своему содержанию и целикомъ по объему, кромѣ сказки Пушкина „О рыбакѣ и рыбкѣ“, которая раздѣлена на нѣсколько отдѣловъ и потому тоже не представляетъ трудности для усвоенія памятью дѣтей.

Каждая статейка сопровождается вопросами и, по мѣрѣ надобности, объясненіями словъ, находящихся въ статьѣ.

Отдѣлъ письменныхъ упражненій (140—146) хороши: онъ служить, въ порядкѣ постепенности, продолженіемъ письменныхъ упражненій, предложенныхъ въ „Букварѣ“.

„Часть II. Вторая послѣ Букваря книга для чтенія“. Содержитъ въ себѣ 279 статей, сверхъ того предлагаются отрывки изъ книгъ Ветхаго и Нового Завѣта и пѣснопѣній, изъ Богослужебныхъ книгъ (и то въ другое на церковно-славянскомъ языке).

И здѣсь подборъ статей, какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ, слѣдуетъ признать весьма хорошимъ. При имени писателя въ этой книжкѣ сообщены—что весьма кстати—хронологическая сѣдѣнія о рождении и смерти его. Стихотворенія и басни подобраны та-

кія, которая имѣютъ, по содержанию своему, связь съ помѣщеннымъ тутъ же прозаическими статьями.

Вопросы и планы для устныхъ и задачи для письменныхъ упражнений имѣютъ въ виду дать надлежащія точки опоры для разъясненія содержанія статьи (стр. 212—227), или составленія ея пересказа, или передачи плана ея. Здѣсь же даются и образцы, какъ отвѣтчать на ту или другую задачу. Безъ всякаго сомнѣнія, эти педагогическія указанія должны принести существенную пользу дѣлу правильного преподаванія роднаго языка.

Статьи по естественной исторіи во второй части представляютъ небольшіе отрывки, часто заимствованные изъ извѣстныхъ писателей, напримѣръ, статьи: „Заяцъ“, „Окуни“, „Ершъ“, „Щука“, „Журавль“—взяты изъ Аксакова. Описанія кратки и касаются главнѣйшихъ вышнихъ признаковъ описываемаго растенія или животнаго, а также пользы или вреда, ими приносимаго. Въ статьяхъ: „Липа“, „Какъ всходитъ сѣмѧ“, „Почка вишневаго дерева“, „Какъ изъ цвѣтка яблони образуется яблоко“ мы находимъ краткое, совершенно понятное и въ то же время точное описание цвѣтка, развитія почки и плода. Затѣмъ мы встрѣчаемъ группировку статей на основанія сопромѣстнаго пребыванія животныхъ, описываемыхъ въ этихъ статьяхъ, въ природѣ. Такъ, за описаніемъ хлѣбныхъ растеній слѣдуетъ описание животныхъ, живущихъ на хлѣбныхъ поляхъ, именно грача, крота, хомяка и суслика, хлѣбнаго жука. На подобномъ же основаніи сгруппированы описанія: окуня, ерша, щуки, лягушки, утки, ивы. Тутъ же помѣщены хорошия картины, где все предметы, составляющія одну группу, помѣщены вмѣстѣ.

„Часть III, выпускъ первый“ состоять изъ семи отдѣловъ: отдѣль 1-й—разказы изъ Русской исторіи съ нѣкоторыми подготовительными къ нимъ статейками; отдѣль 2-й—разказы изъ Русской географіи; отдѣлы 3, 4, 5 и 6-й посвящены разнымъ сторонамъ естествовѣдѣнія, въ отдѣль 7-мъ—объясненіе словъ и выраженій въ напечатанныхъ статьяхъ, вопросы и задачи и словарь.

Отдѣль 1-й занимаетъ около 140 страницъ и заключаетъ въ себѣ рядъ статей различной величины, расположенныхъ въ хронологическомъ порядке; взятыя въ совокупности, статьи эти знакомятъ читателя съ главными событиями и личностями Русской исторіи. На ряду съ историческими статьями, составленными неизвѣстными авторами, или заимствованными изъ историческихъ сочиненій (Соловьевъ, Карамзинъ, Бестужевъ-Рюминъ, Майкова, Водовозова, П. Полеваго).

помѣщены произведенія поэтическія исторического содержанія (стихотворенія, отрывки изъ романовъ, повѣстей, поэмъ), напримѣръ, стихотворенія Языкова — „Подвигъ Евнатія Коловрата“ (во время татарскаго нашествія); гр. А. Толстаго — „Ночь предъ приступомъ“ (во время осады поляками Троицко-Сергіева монастыря); „Кто онъ?“ — Майкова; „Основаніе Петербурга“, „Полтавскій бой“ — Пушкина; „Ломоносовъ“ Майкова; „Бородино“ Лермонтова; „Наполеонъ подъ Москвою“ Пушкина; „Манифестъ 19-го февраля 1861 года“ Майкова; небольшія отрывки изъ Загоскина „Юрій Милославскій“ и гр. Л. Толстаго „Война и миръ“.

Помѣщеніе поэтическихъ произведеній исторического содержанія въ значительной степени способствуетъ оживленію статей историческихъ и болѣе твердому запоминанію историческихъ событий.

Изъ статей историческихъ значительное количество занимаетъ по нѣсколько страницъ и знакомить весьма обстоятельно съ главными историческими событиями и личностями; таковы, напримѣръ, статьи: О крещеніи Руси (4 стр.), Завоеваніе Руси татарами (6 стр.), Александръ Невскій (8 стр.), Мамаево побоище (4 стр.), Смутное время на Руси (12 стр.), Петръ Великій (18 стр.), Ломоносовъ (5 стр.), Екатерина II (5 стр.), Отечественная война (10 стр.), Царь-Освободитель (8 стр.). Статьи, за весьма немногими исключеніями, сообщаютъ историческія свѣдѣнія безъ ошибокъ, проникнуты патристическими духомъ, изложены удобо понятно. Термины и иностранныя слова, по большей части, объяснены.

Одну статью слѣдовало бы исключить, именно № 40 „Отчего произошли смуты“ П. Полеваго. Въ ней обвиняется Борисъ Годуновъ въ убийствѣ Царевича Дмитрия въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Борисъ Годуновъ задумалъ злое и страшное дѣло: онъ рѣшился умертвить Царевича Дмитрия. При помощи подосланныхъ имъ въ Угличъ убийцъ, Дмитрий Царевичъ былъ умерщвленъ“. „Онъ былъ жестоко наказанъ Богомъ за свои злодѣянія, его короткое царствованіе было рядомъ смуты и народныхъ бѣдствій“ (стр. 62, 63).

На страницѣ 109 невѣрно изложенъ раздѣлъ Польского королевства: Россія досталась Курляндія (на берегу Балтійскаго моря) и есъ тѣ русскія земли, которыми завладѣла Польша въ прежнее время". Слѣдовало сказать: „русскія земли за исключеніемъ Червонной Руси“. На страницѣ 139 не точно сказано, что „есъ важнѣйшія дѣла въ новыхъ судахъ разбираются открыто, при публикѣ, гласно, и въ разбирательствѣ ихъ принимаютъ участіе не только суды, но и особы

выборных изъ всѣхъ сословій лицъ, такъ называемые присяжные за-сѣдатели". Вместо „всѣ важнѣйшія" — лучше сказать: „многія уго-лопны" дѣла. На страницѣ 128 слѣдовало бы исключить подробно-стіи сраженія при р. Альмѣ во время Крымской войны.

Въ третьей же части книги „Добрыя сѣмена" заключаются связ-ныя и систематическая свѣдѣнія изъ физики, минералогіи и гигіиены. Спѣдѣнія изъ физики, составляющія третій отдѣлъ первого выпуска третьей части, озаглавлены названіемъ „Тепло и холода". Здѣсь излагаются очень краткія, но весьма понятныя данныя о вліяніи теплоты на тѣла, обѣ устройствѣ термометра, отчего вершины горъ покрыты снѣгомъ, отчего происходит вѣтеръ, о паровыхъ машинахъ и желѣзныхъ дорогахъ, обѣ атмосферныхъ метеорахъ и составѣ воз-духа. Можно только замѣтить, что статья 198 на страницѣ 249 „От-чего происходит вѣтеръ" основана на устарѣломъ въ неправильномъ объясненіи вѣтра, хотя и находящемся въ нашихъ учебникахъ гео-графіи (например, у Смирнова). Здѣсь взять известный примѣръ двухъ комнатъ, имѣющихъ различную температуру и соединенныхъ дверью. Свѣчка, помѣщенная на различныхъ высотахъ открытой двери, указываетъ отклоненіемъ пламени, что воздухъ изъ холодной комнаты входить въ теплую по низу, а изъ теплой въ холодную по верху. Въ этомъ усматриваются объясненіе всѣхъ движений воздуха на землѣ. Но такое объясненіе допускаетъ на поверхности земли только холодные вѣты и совершиенно не можетъ служить аналогіей того, что происходит на землѣ, какъ это показалъ проф. Войковъ въ своей книжѣ: „Климаты земного шара". Въ настоящее время рас-пределеніе воздушныхъ течений приводится въ связь съ давленіемъ воздуха. Поэтому статью „Отчего происходит вѣтеръ" слѣдовало бы или совсѣмъ устраниТЬ, или видоизмѣнить, введя понятіе о давленіи воздуха и барометрѣ. Отдѣлъ минералогіи, составляющій IV отдѣлъ третьей части, заключаетъ въ себѣ описание гранита, песчаника, известняка, торфа, каменного угля, различныхъ почвъ и главнѣй-шихъ металловъ. Все изложено очень просто и понятно; особенно хорошо изложенъ отдѣлъ о почвахъ и ихъ плодородіи и пригодности къ землѣдѣлію.

Пятый отдѣлъ третьей книги заключаетъ краткое описаніе чело-вѣка, его пищи и питья, и какъ предохранять себя отъ заразныхъ болѣзней.

Что касается до описанія животныхъ въ шестомъ отдѣлѣ третьей

части, то эти описания составляют въ сущности заключенія тѣхъ географическихъ свѣдѣній, которыхъ находятся въ этомъ отдѣлѣ.

Статьи по географии, числомъ 41, заключаютъ свѣдѣнія по отечествовѣдѣнію и расположены въ систематическомъ порядкѣ. Въ началѣ помѣщено описание съятинъ города Москвы, а потомъ слѣдуетъ описаніе областей: Московской, Озерной, Прибалтійскаго края, Западнаго и Привислянскаго края и т. д., всѣхъ областей Европейской Россіи, Кавказа, Сибири и Туркестана. Въ описаніяхъ главнымъ образомъ обращено вниманіе на народонаселеніе и его занятія, поверхность же, растительность и климатъ находятся на второмъ планѣ, а иногда и вовсе не упоминаются. Волгѣ посвящено семь статей. Почти все статьи взяты изъ извѣстныхъ русскихъ писателей и поэтовъ, какъ то: Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Гоголя, А. Толстаго, Аксакова, а также и другихъ. Восемь статей взято у Меча. Между прозаическими статьями вставлены стихотворенія, какъ, напримѣръ, „Кievъ“ А. Хомякова, „Малороссія“ гр. А. Толстаго, „Двѣрь въ порогахъ“ Розенгейма, „Крымъ“ Пушкина и др. Всѣ статьи и стихотворенія хорошо подобраны и производятъ живое, пріятное впечатлѣніе.

Въ началѣ первого выпуска третьей части, передъ разказами изъ русской исторіи, помѣщено начало курса родиновѣдѣнія, при чёмъ правильно и довольно подробно указанъ ходъ занятій, начинай съ обозрѣнія классной комнаты и ея плана. Курсу данъ характеръ геометрический, чертежный.

Въ концѣ первого выпуска третьей части находится шестой отдѣль, въ которомъ заключается нѣсколько статей по математической географии. Название статей: 1) Есть ли гдѣ конецъ земли, 2) Отчего бываютъ день и ночь, 3) Части свѣта и океаны, 4) Отчего происходятъ времена года, 5) Гдѣ находятся жаркія, умѣренныя и холодныя страны, 6) О народахъ и государствахъ, 7) Вселенная. Трудно согласиться съ тѣмъ объясненіемъ временъ года, которое здѣсь приводится. Правда, оно шаблонно и находится почти во всѣхъ учебникахъ, но, тѣмъ не менѣе, изъ этого объясненія дѣла мало поймутъ, также какъ и изъ приложенного чертежа. Времена года можно еще нѣсколько уяснить помощью теллурія или съ глобусомъ въ рукахъ, перемѣщая его въ разныя мѣста относительно постоянной точки, то есть солнца.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ двухъ статей: „Отчего происходитъ вѣтеръ“ и „Отчего происходятъ времена года“, всѣ статьи

географического характера и естественно-исторического содержания въ книгѣ „Добрая съмѣна“ слѣдуетъ признать очень хорошими.

Выпускъ 2-й части III-й представляетъ сборникъ духовно-нравственныхъ статей на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. Въ этой, хорошо составленной, книгѣ напечатаны житія нѣкоторыхъ святыхъ, свѣдѣнія о знаменитыхъ обителяхъ въ Россіи и чудотворныхъ иконахъ Богоматери; помѣщены подробное описание Святой Земли и иѣсколько глубокихъ, притомъ просто изложенныхъ, нравственныхъ поученій о крестномъ знаменіи, молитвѣ за умершихъ, о полевыхъ работахъ, о милованіи скота и др. Въ отдѣлѣ церковно-славянского чтенія напечатаны житія великихъ учителей церкви: Св. Василія Великаго, Григорія Богослова и Иоанна Златоустаго, святителя Николая чудотворца и святыхъ московскихъ митрополитовъ Петра и Алексея, а также нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія, съ присоединеніемъ объяснений церковно-славянскихъ словъ. Эта книга содержитъ въ себѣ прекрасный материалъ для духовно-наиздательного чтенія.

На основаніи всего вышепизложеннаго, комиссія находитъ, что указанную выше позначительные недостатки, легко устранимые при слѣдующемъ изданіи, не препятствуютъ признать книгу „Добрая съмѣна“, какъ лучшую изъ существующихъ хрестоматій для пародныхъ школъ и вполнѣ отвѣщающую условіямъ объявленного министерствомъ конкурса, заслуживающею полной преміи Императора Петра Великаго.

III.

Книга для чтенія въ сельскихъ училищахъ по русской истории. Киевъ. 1891.
Стр. II+284.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ, то-есть въ изданіи 1891 года, настоящій трудъ заключаетъ въ себѣ двадцать восемь краткихъ статей, посвященныхъ лицамъ и событиямъ всѣхъ периодовъ отечественной истории. Первые семнадцать статей касаются древнѣйшихъ вѣковъ, до „Смутнаго времени на Руси“ включительно. Составлены они уже покойнымъ преподавателемъ Листопадомъ. Три статьи (18-я—20-я) имѣютъ предметомъ судьбы православія въ Южной и Западной Руси. Авторомъ ихъ былъ выпущъ также умершій профессоръ Киевской Духовной Академіи Малышевскій. Слѣдующія статьи (21-я—27-я) посвящены важнѣйшимъ моментамъ новой русской истории и соста-

влены профессоромъ университета св. Владимира П. В. Голубовскимъ. Наконецъ, послѣдній очеркъ „Нынѣшнее состояніе Россіи“ принадлежитъ Листопаду. Къ 28-ми статьямъ первоначального изданія во второмъ изданіи—училищного совѣта при св. Синодѣ—прибавлено восемь новыхъ очерковъ и сверхъ того послѣдній очеркъ первого изданія замѣненъ особою статьею объ Императорѣ Александрѣ III Александровичѣ. Судя по стилю и общему литературному пріему, восемь новыхъ очерковъ принадлежать тѣмъ же авторамъ, а послѣдняя статья представляетъ компилиативный трудъ, составитель коего намъ неизвѣстенъ.

Авторы первоначального изданія (которое собственно и подлежитъ въ настоящее время разбору и оцѣнкѣ) не имѣли въ виду требованій конкурса и примѣрной программы „Исторія Россіи для народа“. Они преслѣдовали свою собственную, такъ сказать мѣстную цѣль. Дѣйствуя въ Киевскомъ учебномъ округѣ, они сообразовались съ потребностями школъ даннаго района и, рядомъ съ темами общегосударственного значенія, обращали особое вниманіе на темы мѣстной исторіи. Въ особенности очерки проф. Малышевскаго имѣютъ близкое отношеніе къ самому коренному вопросу мѣстной исторической жизни, то-есть къ отношеніямъ народностей и вѣроисповѣданій въ юго-западномъ краѣ. И въ другихъ статьяхъ вниманіе разказчиковъ вездѣ, гдѣ надобно, останавливается на частностяхъ, важныхъ для мѣстного населения. Такимъ образомъ „Книга для чтенія“ не совсѣмъ подходитъ къ требованіямъ конкурса; но ея содержаніе и направленіе имѣсколько не противорѣчать этимъ требованіямъ въ ихъ основѣ, напротивъ, совершенно удовлетворяютъ пожеланіямъ, выраженнымъ въ §§ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ Объявленія о конкурсѣ на преміи за „Исторію Россіи для народа“.

Исполненіе разбираемаго труда отличается положительными достоинствами. „Книга для чтенія“ написана очень литературно: простымъ, точнымъ и яснымъ языкомъ, доступнымъ для пониманія самого широкаго круга читателей. Авторы достигли единобразія и согласованности во вышнихъ пріемахъ изложенія. Ихъ фраза вездѣ коротка и проста; слова и выраженія обдуманны; нѣть риторическихъ украшений и субъективныхъ разсужденій. Только въ статьяхъ проф. Малышевскаго строй предложенийъ несколько сложнѣе и способъ выраженій не такъ общедоступенъ; но это обусловлено самимъ предметомъ его статей. Исторія вѣрованій и просвѣщенія, церковнаго устройства и вѣроисповѣдныхъ отношеній требуетъ болѣе отвлеченной и специальнѣ-

точной речи. Степень научной и литературной самостоятельности въ разныхъ статьяхъ разбираемой книги различна. Та часть труда, которая исполнена Листопадомъ,—то-есть, первыю сомнадить очеркъ,—составлена главнымъ образомъ на основаніи „Родной Старины“ В. Д. Синовскаго. Рассказчикъ заимствовалъ у Сиповскаго не только фактическій материалъ, но иногда и самыя фразы. Обладая литературнымъ чутьемъ, онъ очень умѣло сокращалъ пространное изложеніе Сиповскаго, извлекалъ у него наиболѣе важныя и яркія подробности и удачно слагалъ свое собственное краткое и сжатое повѣствованіе. Что дѣло было именно такъ, можно убѣдиться изъ сличенія страницъ разбираемой „Книги для чтенія“ съ „Родною Стариной“ (т. I, изд. 1893 г.; т. II, изд. 1888 г.). Достаточно сравнить, напримѣръ, страницы:

Книги для чтенія: <i>Родной Старины</i> :		Книги для чтенія: <i>Родной Старины</i> :	
9—10	I, 36—37	45	196—197
11	39	51	201
13—14	44—46	53	205—206
31—32	96—97	73—74	221—222
34—35	147, 149, 150	75	224—225
36—37	177—178	76—77	225—227
38—39	179—180	89	II, 152, 153, 154
41—41	184—185	90	154, 156
42—44	186—188		

Необходимо, впрочемъ, оговориться, что мы не намѣрены обвинять Листопада въ рабскомъ подражаніи чужому труду или въ скрытомъ заимствованіи чужой речи. Здѣсь указывается лишь главный источникъ, откуда Листопадъ черпалъ свой материалъ, исторический и литературный. Обработка же этого материала въ общедоступную форму рассказа „для народа“ была самостоятельной работой Листопада, и должно признать, что онъ исполнилъ ее вполнѣ удачно. Части книги, обработанныя гг. Малышевскимъ и Голубовскимъ, отличаются полною литературною независимостью и большимъ разнообразiemъ пособій. Они имѣютъ характеръ не компилятивной работы, а такого труда, который и задуманъ и выполненъ совершенно самостоятельно.

Таковы свойства разбираемой „Книги для чтенія“. Она представляеть собою одно изъ рѣдкихъ явлений въ русской педагогической литературѣ, соединяя въ себѣ положительныя достоинства изложения съ доброкачественностю исторического материала и научной его обра-

ботки. Ученый советъ при св. Синодѣ виѣлъ полное основаніе остановить свой выборъ на этомъ трудѣ и, дополнивъ его, издать отъ своего имени подъ новымъ заглавіемъ „Всѣды по русской исторії“ (С.-Пб. 1895). Отдельные мелкія погрѣшиности первого изданія, отчасти корректурнаго, отчасти стилистического свойства, уже устраниены въ синодальномъ изданіи „Книга для чтенія“ и потому здѣсь не указываются.

Принимая во вниманіе, что „Книга для чтенія“, не соотвѣтствуя частнымъ указаніямъ объявленія о конкурсе на премію Императора Петра Великаго за „Исторію Россіи для народа“, въ то же время не противорѣчить, какъ по содержанію, такъ и по изложенію своему, ни одному изъ требованій конкурса и вполнѣ удовлетворяетъ точному смыслу §§ 3—5 сказанного объявленія, — особая комиссія для разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ для сопоставленія премій за „Исторію Россіи для народа“ считаетъ справедливымъ удостоить разбираемый трудъ малой преміи Императора Петра Великаго.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Для представлениі сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначенъ съ разрѣшеніемъ г. министра, слѣдующій порядокъ.

I. *По разряду гимназій:* на преміи 1900 года—группа „математика, математическая географія и физика“; на преміи 1901 года—группа „языки французскій и иѣменскій“; на преміи 1902 года—группа „русскій языкъ со словесностью и логикой“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію за сочиненіе по логикѣ; на преміи 1903 года—группа „языки греческій и латинскій“, съ преимущественнымъ правомъ на премію за русско-греческій словарь.

II. *По разряду реальныхъ училищъ:* на преміи 1900 года—„коммерческая географія“ и „сравнительная географія для VI класса реальныхъ училищъ“, съ предпочтительнымъ правомъ на премію за сравнительную географію; на преміи 1902 года—„естественная история“.

Выборъ метода изложения учебника по естественной истории для реальныхъ училищъ, а также выборъ материала и вообще определеніе всего характера учебника, предоставляются составителямъ его; но при этомъ требуется, чтобы учебникъ былъ кратокъ, наученъ и соответствовалъ программѣ реальныхъ училищъ. Желательно, чтобы объемъ учебника не превышалъ 15 печатанныхъ листовъ. Эта краткость легко можетъ быть достигнута, если составитель откажется отъ второстепенное и детальное, имѣющее значение лишь фактическаго балласта, въ родѣ, напримѣръ, подробного описания окраски птицы и т. п. и остановится лишь на фактахъ первостепенныхъ, необходимыхъ для пониманія общей связи излагаемыхъ данныхъ. Точно также составитель можетъ избѣжать повтореній при описаніи вѣнчайшей и внутренней организаций, если дѣло идетъ объ особенностяхъ, описанныхъ раньше у представителей другого отряда. Научность учебника должна выражаться въ отсутствіи ошибочныхъ или неточныхъ данныхъ, а также и въ томъ, чтобы все данные стояли на уровне современныхъ научныхъ свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи могутъ быть допущены отступленія отъ программы, но лишь по формѣ изложения, а не по существу. Такъ, напримѣръ, ластоногія могутъ быть помѣщены рядомъ съ хищниками, а не съ китообразными, какъ это было раньше и какъ этодержано въ программахъ; можетъ быть введенъ въ изложеніе отрядъ сиреновыхъ (*strenia*), который включенъ программой въ отрядъ китообраз-

ныхъ, чего нельзя сдѣлать при теперешнемъ состояніи науки. Во всѣхъ прописанныхъ ученымъ комитетомъ министерства народного просвѣщенія не считается удобнымъ стѣснять составителей какими-либо указаниями.

III. *По разряду начальныхъ народныхъ училищъ и кнмз для народного чтенія.* Въ виду того, что отъ конкурса вышеннаго года остались невыданными двѣ преміи: одна большая (въ 2.000 руб.) за книгу для народного чтенія и одна малая (въ 500 руб.) за книгу для классного и вышеklassного чтенія въ сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ, конкурсъ для соисканія этихъ премій за вышезначенныя книги продолжается, съ разрешенія его превосходительства г. министра народного просвѣщенія, на 1 годъ, съ назначеніемъ срока для представленія сихъ сочиненій въ ученымъ комитетъ 1-го ноября сего года.

На преміи 1901 года—учебникъ геометріи для двухклассныхъ и другихъ начальныхъ училищъ, гдѣ преподается этотъ предметъ, согласно съ требованиеми и примѣрною программою, комъ будуть объявлены въ одной изъ ближайшихъ книжекъ *Журнала Министерства Народного Просвѣщенія*.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученымъ комитетъ министерства народного просвѣщенія въ течеіи года, предшествующаго назначенію премій, не позже 1-го ноября. Учебные руководства и пособія, равно какъ и книги для народного чтенія, принимаются, для соисканія премій, какъ печатныя, такъ и рукописныя, но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представляемы и безъ обозначенія имени автора, подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожительство.

СНОШЕНИЯ ШВЕЦИИ И РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЬ XVII ВЪКА 1648—1700^{1).}

IV.

Въ 1667 году резидентомъ въ Москву назначенъ былъ Адольфъ Эбершельдъ; онъ оставался въ русской столицѣ до 1674 года и за этотъ періодъ времени присыпалъ своему государю рядъ любопытнѣйшихъ донесеній. Къ обычнымъ обязанностямъ резидента, то-есть обязанностямъ чисто экономическихъ и торговыхъ, присоединялись въ инструкціи Карла XI къ Эбершельду рядъ чисто дипломатическихъ „компсей“: резидентъ долженъ быть внимательно наблюдать за всѣмъ, что дѣлалось при дворѣ царя — *vmb solche mit allem fleiss beyun zaarischen hoff zu observiren und nach mungkinheit zu verrichten*, следить за резидентами и посланниками другихъ европейскихъ государствъ и тотчасъ же обо всемъ доносить въ Стокгольмъ^{2).}

Первая миссія Эбершельда состояла въ томъ, чтобы въ виду мира, заключеннаго Россіей съ Польшей, ходатайствовать передъ царемъ объ уменьшениі таможенныхъ поборовъ, въ особенности же объ уменьшениі транзитной пошлины въ Новгородѣ—ненавистнаго двухпроцентнаго сбора^{3).} Въ Нашокинѣ, которому поручено было снестись съ шведскимъ резидентомъ, послѣдній встрѣтился упорного, какъ

¹⁾ Продолженіе. См. юльскую кн. *Журналъ Министерства Народного Продовольствія за 1898 годъ.*

²⁾ См. въ Стокгольмскомъ архивѣ Residenten A. Eberskiölds bref till K. M. 1667—1674.

³⁾ Das man in Naugradt die durchgehende Zollen 2 Procento abschaffet und dass es nach dem alten möge bleiben.

онъ выражается, человѣка, безъ всякой надобности возвращавшагося при переговорахъ къ разнаго рода фактамъ и мелочамъ давно минувшихъ лѣтъ, всегда обнаруживая при этомъ „ein böses gemühte gegen Schweden“. Въ Москвѣ, узнаемъ мы изъ письма нашего резидента отъ 13-го марта 1667 года, настроение къ иностранцамъ очень недружелюбное; сильно ноговаривали о томъ, что иностранцы будутъ лишены своихъ прежнихъ торговыхъ привилегий внутри Россіи и что иль разрѣшено будетъ пріѣзжать съ своими товарами только до Архангельска. Исключение сдѣлано будетъ для однихъ шведовъ; отъ остальныхъ иностранцевъ потребуютъ перехода въ русское подданство. Эбершельдъ думаетъ, что множество иностранцевъ теперь будутъ стекаться на шведскій дворъ и тамъ просить покровительства, чтобы такимъ образомъ сохранить свои торговыя привилегіи¹⁾). Но скоро оказалось, что и шведамъ прежде временно было считать себя привилегированною націей. Нащокинъ готовилъ иль „рядъ непріятностей“. „Тайный врагъ Швеціи“, онъ замышляетъ противъ неї много нового, недоброго; онъ такъ силенъ, что несогласные съ инымъ бояре молчать, не рѣшаясь высказать своихъ несомнѣнныхъ симпатій къ шведамъ²⁾). Нащокинъ старался совершенно изолировать шведского резидента, не допускать къ нему иностранныхъ переговорчиковъ, писцовъ и др. „ненадежныхъ“ лицъ. Вскорѣ онъ сталъ паставить уже на совершенно небывалыхъ притязаніяхъ, а именно, чтобы шведы всѣ свои товары сохранили не на шведскомъ дворѣ, а въ русскомъ гостишномъ складѣ³⁾), чтобъ, по именію шведского резидента, прямо являлось нарушеніемъ условій Кардисскаго мира. Въ

¹⁾ Hier gehe die Rede stark, dass des Zahren order werde kommen, dass alle ausslender ausserhalb der schwedischen Untertanen, sage kauffleute, dafern diejenige sich nicht vorh des zaaren untertanhnen wollen schreiben, so sollen sie alsobald auss dem lande gantz hinauss, vndt im künftige nicht weiter als biss Archangel gelassen werden; dieses kommt gahr wohl Eur. K. M. Unteraassen, den sie behalten allein die freyheit vmb jn lande auff ihre schwedische hofe zu bleiben, hierdurch werden sich viehl vnter Eur. K. M. setzen, nuhr vmb die freyheit zu geniescen.

²⁾ Dass Naschokin ein heimlicher seindt Schweden sey vndt erdenckt viel neues und nichts gutes; er hat auch viehl Herren zu seinde, dörfien sichs aber gegen ihm nicht merken lassen. Sonsten spüre ich von anderen herren nicht anderes als dass sie Schweden geaffectioniret sein vndt ist jhnen lieb dass sie frieden mit uns haben.

³⁾ Dass sie Ihre wahren auff dem ruschen gasthof, vndt nicht auff dem schwedischen verordneten hoff sollen halten.

Москвѣ—опять-таки по инициативѣ Нашокина—на иностранные товары вводятся новые налоги, повышаются акцизы и пр.¹⁾). Нашокинъ разжигаетъ недовѣріе къ шведамъ, поддерживая слухи о дипломатическомъ сближеніи Швеціи съ Царѣвой противъ Россіи; онъ доказываетъ непадобность резидентовъ при русскомъ дворѣ; онъ, *„etotъ russkій Ришелье“*, распространяетъ свои стѣснительные для шведскихъ торговцевъ указы и на Новгородъ, и на Псковъ; нечего, говорить онъ, сохранять за шведами ихъ крупныя привилегіи, иначе всѣ захотятъ быть на положеніи шведовъ—*„sonsten würden alle die anderen auch schwedisch werden“*. И все, что говорить Нашокинъ—законъ²⁾). Въ 1667 года шведы стали подвергаться въ Новгородѣ и Псковѣ небывалымъ стѣсненіямъ: трапезные пошлины доведены до 26%, акцизы до 60 риксадлеровъ. Никогда не слыхивали ничего подобного!³⁾ На всѣ доводы и указанія Эбершельда отвѣчали, что царь поленъ въ своихъ земляхъ вводить новыя пошлины или возвышать старыя, что русскихъ купцовъ еще больше стѣсняютъ въ Швеціи—*dass sie ganz keine freyheit im schwedischen Reich hetten*, гдѣ имъ по разрѣшаютъ торговать съ иностранцами. Эбершельдъ въ свою очередь указывалъ на большія привилегія русскихъ въ Ревель, Нарвѣ и Ниенѣ, гдѣ они безпошлино торгуютъ и гдѣ имъ открыты сношенія съ иностранцами⁴⁾). Онъ сталъ развивать при этомъ налюбленную идею шведского правительства о перенесеніи столиця изъ Бѣлого моря въ Балтійское. Онъ склонялъ къ этому проекту и иностранцевъ, бывшихъ въ Москвѣ, проектировалъ тѣсный договоръ между Швеціей, Англіей, Голландіей и Гамбургомъ съ тѣмъ, чтобы, если Московскій дворъ будетъ продолжать упорствовать, не посыпать

¹⁾ Sonsten hatt man hier viehl verenderung mit verhöherung der zollen vndt aufsetzung newer accisen gemacht. 22 маѣ: Die kauffleute müssen von ihren wahren, wen sie über See zu Archangell ankommen, also baldt mit spec. Rdr. 10 pro cento zoll bezahlen, in Moscow mit den wahren kommende, wen sie dieselbe verkaussen 6 pro % vor die wahren, so sie wieder einkauffen vnd nach Archangel bringen, davon sollen sie zu Archangel wiederumb 10 pro cento bezahlen, ohn dass seitn den noch die grosse accisen auff die weine...

²⁾ Cp. письмо отъ 22 маѣ. Alles was N. nuhr redet oder angibt dass muss vor sich gehen.

³⁾ Welche zollen sich vohr in vndt auss dem lande gebndo Wahren auff 26 procento belauffen, vndt auff das getrenck haben sie eine greuliche hohe accise gelegt (60 r. d.): es ist solch ein greulich verenderung gemacht, dass dergleichen hier niemahls gehört worden.

⁴⁾ Dass sie (russkie) besser freyheit den die Schweden selbst in Schweden hetten.

ни одного корабля въ Архангельскъ, а сосредоточить стапель въ Ревель, Нарвѣ и Нюенѣ. Рано или поздно русскіе станутъ прѣѣзжать сюда въ виду громадныхъ выгода для торговли ¹⁾).

Осенью 1667 года Нашокинъ сталъ искать политического сближенія съ Швеціей: оно нужно было ему для достижениія при посредничествѣ этой державы прочнаго мира съ Польшей. Онъ имѣлъ въ виду дипломатическій съѣздъ представителей Швеціи, Россіи и Польши, „дабы обратить въ вѣчный миръ заключенное съ Польшей перемиріе“. Присутствіе шведскаго резидента Нашокинъ считалъ необходиимъ въ виду Ливоніи и Ливонскихъ дѣлъ ²⁾). Торговые интересы оставались пока на второмъ планѣ — den dieser Naschokin tut allein wass er will.

Въ приказѣ иностранныхъ дѣлъ, куда приглашены были шведскій резидентъ, Нашокинъ подробно разъяснялъ передъ ними свои проекты. Онъ указывалъ на мирный трактатъ, заключенный въ Бредѣ между Англіей и Голландіей при шведскомъ посредничествѣ; такого же трактата, сказаъ онъ, желаетъ теперь и Россія съ Польшей. „Не скрою отъ тебя, продолжалъ Нашокинъ, что царь твердо рѣшился избрать шведскаго короля въ посредники между собою и Польшей. Теперь можно ожидать отъ Польши лучшихъ условій, чѣмъ черезъ

¹⁾) Dass niemandt von Ihnen mit jhr gut nach Archangel ginge, sondern den andern weg nach dor Ostsee auf Revall, Narwa vndt Nyen Ihre roise vortstellen, vndt dass so wohl die fremibden alss Ihr. K. M. untertabnen mit Ihren wahren sich nicht anhero begeben m鰎chten, sondern die russen zu sich erwahrten; wan die reussen dass merckten, sie wrden sich alsda nicht lange seumem, sondern sich baldt (weilen sie da oha zollen handeln) mit ihren wahren zu ihnen über die grentze verfgen, vndt ist solcher vielh besser vohr beyden Parteyen, insonderheit weilen die russen hier einen geringen zoll vndt über die grentzen gahr nichts zahlen, wen aber von Ew. K. M. seitens einige wahren auher solten gebracht werden, da mssen grosse zollen vohr ein vndt aussgehende wahren in alles 26 procento vor bezahlet werden, welches die russen doch alles tragen vndt bezahlen mssen, weilen die Ausslender wegen der hohen Zollen ihre wahren hier desto hher würden verkauffen, auch besser kauff einkaufien, so khlme es dahin auss die russen an, darumb sollen die rusche unterthanen lieber resoluiren mit ihren wahren nach vnser seitens zu gehn, aber Nassokin solte ea lieber sehen, dass die schwedische vndt andre frembde Nation mit ihren Wahren mgten nach russlandt kommen, so knnten sie einen grossen schatz durch die hohe zollen zu Ducauen vndt Reichstahler sammeln, sofern aber wehnig oder gahr keine ausslender zu Ihnen kommen, so würde dasselbe fhlslaghen.

²⁾) Und wehre es vor Schweden ohn dass voll hoch nötig wegen Lifflandt mit dabee zu sein.

пять лѣтъ. Въ октябрѣ въ Москву ожидаются польскіе послы. Мирный конгрессъ всего удобнѣе открыть въ Минавѣ¹.—Эбершельдъ отвѣчалъ Нашокину, что раньше всого слѣдуетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ его государя относительно торговли и торговыхъ привилегій шведскихъ подданныхъ. „Обожди прибытія польскихъ пословъ“, сказалъ Нашокинъ; „разъ уложено будетъ дѣло съ Польшей, царь дастъ полное удовлетвореніе всѣмъ желаніямъ шведского короля; подданные обоихъ государствъ будутъ сравнены, воистинѣ совершенна дружба, такъ что уже не на что будетъ жаловаться. Въ этомъ резидентъ можетъ быть совершенно увѣренъ“¹).

Нашокинъ совсѣмъ перемѣнился, напечь въ октябрѣ Эбершельдъ, онъ сталъ доступнѣе, общительнѣе, любезнѣе.

17-го октября въ Москву прибыли польскіе послы. Эбершельдъ передаетъ въ своихъ письмахъ рядъ интересныхъ подробностей о нихъ. Прежде всого любопытны ихъ дипломатическіе пріемы: они начали съ указанія, что Турція противъ примиренія короля съ Москвой, грозить даже первать съ нимъ, если опять заключить миръ съ царемъ. Да же—послы польскіе, естественно, должны были отвергнуть посредничество Швеціи и съ своей стороны предлагали избрать посредниками англійского короля и императора. Наконецъ они высказали желаніе, чтобы миръ съ Россіей былъ укрѣпленъ брачнымъ союзомъ королевскаго и царскаго домовъ²).

При личномъ свиданіи съ шведскимъ резидентомъ польскіе послы дали волю выраженню своей антипатіи къ московитамъ. Если бы, скажаль одинъ изъ пословъ, мы пришлось продолжительное время спонситься съ этой націей, я впалъ бы въ полное отчаяніе³). Нашокинъ, между тѣмъ, не переставалъ мечтать о съѣздѣ представителей Москвы, Польши и Швеціи. Онъ проектировалъ „оборонительный

¹) Also—will dier hiermit zu vertrauen nicht verhalten, dass Ihr Z. M. vollenkommen geresolviret Ihr K. M. zu Schweden von Ihrer seiten zu Ihren Mediato ren zwischen Pholen vndt Ihnen freundt nachbarlich dar zu zuersuchen.... So woltten sie untereinander eine solche gleichheit machen vndt alles was schädlich wehre, mit uns endern vndt verbessern, dass man keines fehles sich sollte zu beschwehren haben vndt sollte ich dessen gantz verairchert sein...

²) Объ этомъ говорится еще въ письмѣ Эберш. отъ 19-го июня: „dass er—король II.—woll gesonnen werde vmb eine von des Zaren Princessen anzuhalten“... „Der Zar soll gantz nicht da zu geneigt sein“.

³) ... „dass er sehr malkontent vndt gesagt, dass wen er lange mit dieser nation sollte umbgehen, so würde er desperat werden“.

аккордъ" всѣхъ ихъ; на конгрессѣ всего легче добиться удовлетворенія желаній всѣхъ трехъ націй.

1667 годъ приближался къ концу. Большинство дипломатовъ держалось того миѳнія, что Польша никогда не приметъ предложенія Москвы о вѣчномъ мирѣ. *Miseur de la Vallée*, находившійся въ свитѣ польского посольства, замѣтилъ, что среди самихъ поляковъ громадное разногласіе на этотъ счетъ. Посредничество шведовъ было также къ концу декабря рѣшительно отклонено поляками.

Несмотря на это Нащокинъ настаивалъ на съездѣ представителей трехъ державъ. Эбершельдъ недоумѣвалъ относительно цѣли такого съзыва послѣ того, какъ поляки отвергли шведское посредничество. Не кроется ли въ этомъ какого нибудь коварства со стороны Нащокина, спрашиваетъ онъ; не желаетъ ли онъ этимъ только отсрочить отвѣтъ на представленія и требованія шведского правительства?

Въ началѣ 1668 года царь отправилъ шведскому королю письмо, коню съ котораго Нащокинъ прочелъ резиденту. Царь просилъ короля прислать уполномоченныхъ въ Ригу для разсмотрѣнія взаимныхъ недоразумѣній¹⁾ и искалъ его посредничества для примиренія съ Польшей.

Въ юнѣ Нащокинъ и самъ отправился въ Курляндію. Царь далъ ему въ путь образъ Богородицы. Враги Нащокина—Долгорукіе—обрадовались его отѣзду²⁾. По миѳнію Эбершельда на съездѣ трехъ державъ въ Курляндіи съ шведской стороны слѣдовало выдвинуть прежде всего торговые вопросы, затѣмъ вопросъ о пѣнныхъ и границахъ, съ тѣмъ чтобы все осталось при кардисскомъ и плюсскомъ соглашеніяхъ. О торговлѣ же необходимо заговорить въ виду интригъ противъ Швеціи стараго Марселія, который въ глазахъ Нащокина пользуется болѣшимъ довѣріемъ. Всѣ стѣснительныя мѣры, изданныя Нащокинъ по отношенію къ шведскимъ подданнымъ, несомнѣнно были навѣяны ему старымъ датчаниномъ. Марселій, между прочимъ, предостерегалъ Нащокина отъ слишкомъ большаго довѣрія къ шведамъ; расширять ихъ привилегіи во вредъ другимъ иностранцамъ—это зна-

¹⁾ ... vndt weilen die drey Potentaten grosse grcntzen mit einander hetten vndt auch die Unterthanen grossen handell vndt Wandell mit einander treiben... vndt die Unterthanen sich allerseits daruber beklagten.

²⁾ ... Sonsten ist dem Naschokin hier bey nicht alzu wohl, hat auch viel feinde, die ihm nicht viel gutes gynnen, weilen er allein viele auff sich nicht zuverrichten, vndt ist in grosser feindschafft mit Knes Jurgi Dolgaruka, welcher hier auch gross ist.

чить склонить послѣднихъ отдаваться подъ шведское подданство. Оба они—и Нашокинъ и Марселий—*heimliche Feinden der Schweden.* Нашокинъ везь съ собою для подарковъ и гратификацій 40.000 рублей! ¹⁾

Резидентъ, воспользовавшись отъездомъ Нашокина, отправилъ въ посолскій приказъ подробное донесеніе о торговыхъ ствѣненіяхъ, какими подвергаются шведы, о плѣнныхъ и о пограничныхъ спорахъ, и, надѣждѣ, что теперь легче получить удовлетвореніе по всѣмъ этимъ пунктамъ; но его даже не удостоили отвѣта: направление Нашокина продолжало господствовать. Большимъ ущербомъ для шведовъ въ другихъ иностранцевъ было въ постановлѣніе, сдѣланное по предложенню Марселя относительно почтовыхъ сообщеній. Помимо установленной почты запрещено было пересылаться письмами чрезъ частныхъ лицъ; въ Псковѣ и Новгородѣ за этимъ очень строго сдѣлили; „песльхалное дѣло“, восклицаетъ папъ резидентъ, „чтобы нельзя было отправлять писемъ съ кѣмъ и когда пожелаешь“! ²⁾ Жалобы смыкались и отъ другихъ иностранцевъ: письма ихъ вскрывались, прочитывались, иногда и конфисковались.

Нашокинъ очень часто писалъ въ Москву съ дороги въ Ригу; во всѣхъ его письмахъ были жалобы по адресу шведовъ: то они задерживали безъ видимой причины русскихъ при перѣѣздѣ границъ, то отказывали въ нужномъ количествѣ подводъ; на грааницахъ расположены вооруженные отряды и т. д. *Ceterum censeo* Нашокина было—внима-

¹⁾ ... dass wegen der grossen verenderung in den Commercien vndt vorhrent-haltung der gefangenen auch justirung der grentanyl mit ernst mōchte gesprochen werden, damit es bey dem Kardischen Schluss vndt Plūsischen Abschiedt verbleiben möge. Weilen der K. in Dennemarcken auch seine gesandten nach den Pohl-nischen tractaten nach Churlandt wirt senden, so practicirte der alte Marsellus dass er vom König darzu als Gesandten oder als Adjuncten möge beordret vndt gebrauchet werden, er ist gross ursach dazu, dass die Commercien so verendet vndt beschwehret seint worden, den mehrtheilss alles was Naschokin nuhr begunnen ist durch dessen eingebet gescheen..

²⁾ ... weilen Marsellus, nach dem er das Postwesen eingerichtet zu wege gebracht, dass ausserhalb seines Postes, man mit keinem sich solte vnterstehen einige briefe vohtzusenden; auch desswegen so woll in Pleskou als Nowgorodt scharffe aufficht auch auf den wegen, an unterschiedlichen öhrtern scharffe wache vndt visitationes gehalten werden; welches an keinem Ohrt erhöret, dass man ausserhalb der ordinaire Posten seine Briefe mit gute gelegenheit oder mit Expressen nicht solte frey haben vohtzusenden, welches manchem Kauffman in seiner handlung grosse schaden vndt verhindernüss würde geben.

тельно слѣдить за шведами и категорически настоять на удаленіи изъ Москвы резидента, въ которомъ нѣтъ рѣшительно никакой надобности.

Въ сентябрѣ обнаружились и реальные послѣдствія „настаиванія“ Нащокина. Эбершельда позвали въ приказъ и тутъ заявили ему отъ имени царя, что, такъ какъ въ вѣчномъ мирѣ Россіи съ Швеціей о резидентахъ не упоминается, не имѣется надобности въ таковомъ въ течерѣ. Эбершельду разрѣшается, поэтому, вернуться въ Швецию. Резидентъ отвѣтилъ, что не можетъ покинуть своего поста раньше, чѣмъ не получить отъ своего государя какого нибудь приказанія. Русскимъ, сказалъ онъ, слѣдовало предварительно извѣстить о своемъ рѣшеніи короля. То, что Эбершельду преподнесли въ приказѣ, было для него тѣмъ большимъ сюрпризомъ, что еще въ мартѣ сами же русскіе писали Карлу, что признаютъ Эбершельда его резидентомъ въ Москвѣ. Какъ же быть, заявилъ онъ царскимъ совѣтникамъ: съ одной стороны просьба къ королю взять на себя посредничество въ дѣлѣ нашего царя съ Польшей, съ другой безпринципное удаленіе его резидента, котораго присутствіе имѣло теперь, въ виду новыхъ дипломатическихъ осложненій, представляется всего необходимѣе. Короля это рѣшеніе ваше сильно поразитъ. Удаленіе резидента равносильно разрыву дипломатическихъ сношеній¹⁾). Эбершельду возражали, что отвѣтъ на всеѣ его заявленія дадутъ по прибытии въ Москву шведскаго envoуѣ, котораго теперь поджидаютъ; миссія этого посланца была, однако, совершенно неизвѣстна Эбершельду, почему онъ и заявилъ, что раньше чѣмъ не получить отъ своего государя приказанія оставить свой постъ резидента, не покинеть Москвы. При этомъ онъ просилъ дать отвѣтъ на тѣ запросы, о которыхъ трактуется въ привезенной имъ на имя царя королевской грамотѣ. Дохтуронъ, ведшій всѣ переговоры съ резидентомъ, обѣщалъ донести царю о его заявлениі.

¹⁾ Ja, sagte ich, wie soll den dass nuhn verstanden werden, weilen Ihr nich von hier haben wollet, dahr jzt die tractaten in Churlandt sollen vohr sich gehn, vndt Ihre K. M. grosse gesandten als Mediatore mit darbey sein werden, vndt nuhn billig ein Resident am n鰆tigsten hier wehre, so will man ihn weg haben! Dieses warden Ihr K. M. gahr frewbd auffnehmen vndt sich wunderliche gedanken machen, den bey allen Potentaten, da Residenten am hoff wehren, da wehre gutt verstandnus vndt freundtschaft zwischen Ihnen aber so baldt sie vom hofe weg gesandt oder abgef ordert werden, so muss die Freundschaft nicht so richtig sein.

Въ концѣ 1668 года до Эбершельда дошли слухи обѣ интригахъ польского правительства противъ Швеціи. Польскій король будто бы склонялъ царя порвать съ Швеціей, на что послѣдній отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, указавъ на то, что къ разрыву съ Швеціей нѣть никакихъ основаній¹⁾. Эти свѣдѣнія о Польшѣ любопытно сопоставить съ тѣмъ, что писалъ о польско-шведскихъ отношеніяхъ Наполеонъ. Изъ его писемъ видно, что Швеція рѣшительно отвергла проектъ родственнаго сближенія Польши съ Москвою, которое бы открыло послѣдней путь къ польской коронѣ.

28-го декабря въ Москву прибылъ шведскій епуроѣ Кронманъ. Сначала на совѣщанія его съ царскими совѣтниками не желали допустить Эбершельда и только послѣ энергическихъ протестовъ Кронмана резиденту пустили въ приказъ. До февраля тянулись переговоры, но вместо отвѣта на заявленія резидента и Кронмана царскіе совѣтники указывали на стѣсненія, перетерпѣваемыя русскими отъ шведовъ²⁾. Въ отвѣтѣ царя не заключалось ничего опредѣленного ни относительно торговыхъ привилегій, ни обѣ обмѣнѣ плѣнныхъ или пограничныхъ измѣненіяхъ. Выражено лишь рѣшеніе царя болѣе не имѣть шведскаго резидента при московскомъ дворѣ.

Во время переговоровъ съ Кронманомъ въ Москву прибылъ съ рекомендательными письмами отъ датскаго короля докторъ медицины— Іоаннъ Адерссенъ, котораго шведскій резидентъ въ началѣ принялъ за дипломатическаго агента, по всякия страхи скоро разсѣялись у министерскаго шведа, о чёмъ онъ самъ испѣшилъ заявить въ своемъ донесеніи въ Стокгольмъ³⁾.

¹⁾ er(Zar) hette keine uhrsach mit schweden einen krieg anzufangen vndt merckte er woll das Polen solches zu ihrer vorteil suchten, vmb desto besser conditioes künftig bey schließung dess ewigen friedens mit Moskow zu erhalten.

²⁾ sondern vermeinen in allen recht zu haben vndt Ihre eigene beschwer fast grösser als wir die vnserc machen; vindt sich zu keinen dingen bis dato (2-го февраля) haben verstehn wollen, mit vorwenden dass sie woll vermeint hetten, dass ihr K. M. Ihre grosse gesanten hetten nach Churlandt abgesant, aber solches wehre durch des Residenten Eberschildts schreiben an Ihr K. M. verhindert worden. 11-го февраля brachten sie (pyccxie) auf vnsere eingelagte schrift antwort, wohrin aber gantz nichts geantwortet wirt, dass etwas auf vnser eingabe gedienet hette.

³⁾ Es ist ein dänischer Doctor Medicinae Iohan Aderssen gesandt mit Recommendation schreiben von dem K. zu Dänemarken an dem Zaaren, welcher, wie ich vernebme, nicht auf Lieflandt zu, sondern durch Churlandt auch mit Re-

Съ отъездомъ резидента Эбершельда изъ Москвы отношениа Россіи къ Швеціи оставались вполнѣ мирными. Въ Москвѣ нашелся даже средь царскихъ сановниковъ человѣкъ, съ большою симпатіей относившійся къ Швеціи и желавшій тѣснѣшаго сближенія съ ней Россіи—это былъ Артамонъ Матвѣевъ ¹⁾). И самъ царь, по словамъ шведовъ, оставался при твердомъ намѣреніи заключить съ шведами тѣсный алліансъ и сосѣдственную дружбу ²⁾.

Въ началѣ 1673 года въ Москву ожидалось велико шведское посольство; объ этомъ известилъ царскихъ сановниковъ извѣстный намъ уже Эбершельдъ, явившійся въ Москву теперь въ качествѣ чрезвычайного посла. Записка, которую онъ подалъ въ приказъ, заключала въ себѣ 12 §§; оны отмѣчены 4-мъ февраля 1673 г. Иль цихъ всего любопытнѣе 3-й, въ которомъ указывается на громадную выгоду, которую Россія могла бы извлечь изъ торговли съ западомъ, какъ скоро стапель бы перенесенъ изъ Бѣлого моря въ Балтійское—*dass die Archanglische fahrt auf die Ostersee deriviert werden mœchte.* Вместо одной поѣздки въ Архангельскъ иностранцы успѣвали бы совершасть три поѣздки въ одну изъ балтійскихъ гаваней. Даѣте въ § 3 говорится: въ тѣсномъ союзѣ съ Швеціей Россія нашла бы обеспеченіе какъ во внѣшнихъ политическихъ осложненіяхъ, такъ и на случай какихъ-нибудь внутреннихъ смутъ. Это подтверждается ссылками на царствованіе Михаила Федоровича ³⁾.

commendation von H. Naschokin vohr wehniger zeit alhier angekommen. Welcher sehr wohl auffgenommen vndt stattlich beschencket worden, vmb ju Ihr Z. M. diensten zu verbleiben... dass er was geheimes muss mitgebracht haben, vndt weilen er der schwedischen Lander vorbey gereist, so muss es was gegen Schweden sein.

¹⁾ Ср. слѣдующія замѣненія о томъ Эбершельда, когда онъ вторично прибылъ въ Москву уже съ титуломъ extraordinaire envoys: Artemon M. skall vara mycket benägen till at bringa sin nation i ett godt förstånd med Sverige... Efter alt apparence är bemelte Artemon emot oss utländere mycket benägen och befoderligh.

²⁾ ... das der Zahr annoch fest intentioniret mit Eur. K. M. mittelst adju-stirung derer abhandenen Zwisten zum praefixum scopum zu collimiran eine estoite alliance zu schliessen vndt also eine sichere nachbahrlieche Freundschaft zu befestigen.

³⁾ ... würden Ihr Z. M. missgunstigen nachbahren sich besser in ihreu greutzen halten, auch würden Ihr Z. M. im fal einige derro eigenen unterthanen sich empören vndt wie vor diesen geschehen einige rebellion erwecken würden, diesselbe desto besser zwingen vndt ihm zaum halten, wan sie an Schweden seie in fester sicherheit stehet vndt würden dieselbe vmb desto weniger sich unterstehen

Царь выразилъ свое полное удовольствіе по поводу упомянутаго прибытія великихъ пословъ и заявилъ о своемъ искреннемъ желаніи подтвердить дружбу съ Швеціей новымъ алліансомъ и союзомъ.

Во главѣ шведского посольства, отправленнаго въ 1678 году въ Москву, стояли Оксеншерна, Тизенгаузенъ и Будбергъ. Инструкція, давшая имъ королемъ, отмѣчена 28-го июня 1673 года. Первые 10 §§ касаются разныхъ церемоніальныхъ деталей при приемѣ у царя и его совѣтниковъ. „Послы должны быть особенно внимательны ко всему, что касается чести и величія шведской короны“ ¹⁾.

Въ 11 § указана и главная цѣль посольства—тѣснѣйшій алліансъ и договоръ съ Московскимъ царемъ, чтѣ дасть возможность уничтожить всѣ тѣ несогласія и недоразумѣнія, какія существовали между обими союзными народами. Такъ какъ неисполненіе и нарушеніе трактатовъ дѣжалось со стороны царскихъ подданныхъ, король ищетъ за причиненный его государству ущербъ удовлетворенія. Послы должны очень внимательно присмотрѣться къ положенію дѣлъ въ Россіи и въ переговорахъ съ царскими совѣтниками указать на всѣ нарушенія русскими Кардисского трактата ²⁾.

Въ 12 § указанъ и поводъ, вызвавшій новое посольство: царскій полковникъ Никлаусъ-фонъ-Стаде, прибывшій въ 1672 году изъ Москвы

wieder Ihr Z. M. etwas wiederliches zu tentiren wan sie wissen dass Ihr Z. M. auf der seite mit Schweden fest und sicher sitzet, wodurch das viel bluetvergiessung vndt verherning der lender vorgekommen vndt verhütet werden würde.

¹⁾ Напримѣръ, § 2, гдѣ говорится: Wed deres acceptioner och allehanda tillfellen, så uti skrifwande som uti takl och andra ceremonier låta dne sigh angeligit wara, att taga uti act alt dhet, som lender till H. K. M. högehet och respect, efter dhet bruuk och maneer, som medh dhen nationen wanliget Ihr till att agera.

²⁾ § 11. Och efftersom H. K. M. utaf den anledning, som Tzarens Ministerer Artemon Sergewitz igenom öfwersten Niclas von Stade der tillgifwit hafwer, är sinnat igenom gesanterne att handla med Tzaren om een nermare Alliance och förbundh och sändant till den ända på det att H. K. M. mätta kunne wed närvrändre sakernes coniuneturer i Ryssland igenom detta medlet bringa alle des irringar och missförståndh som her till emellan begge Potentaterne warit hafwer till een säkrare och bättre richtighet, såsom och erhålla een billig satisfaction och nöye, för den stora tort och skada, som H. K. M. och des underskärtare hafwer derigenom måst lyda, att man på Tzarens syda icke hafwer fullgiort och efterkommit pacta: Dvä befianer H. K. M. nödigt wara, att dec först månge blifwa rätt informerade så wähl om tillfallet och orsaken till detta wercket, som och om sjelfwe statu quæstionis, som emellan H. K. M. och Tzaren, alt sedan det Kar-diske fredslutet hafwer warit och ännu är stridigh.

въ Ригу, передасть по поручению царя, какъ самъ онъ утверждалъ, генераль-губернатору графу Класу Тотту грамоту—въ формѣ царской декларации по вопросу о проектировавшемся альянсѣ между обоями государствами; Артамонъ Сергеевичъ Матвеевъ велѣлъ Стаде сказать, что самый проектъ онъ, Стаде, еще раньше получилъ изъ рукъ графа Тотта и другихъ королевскихъ министровъ. Въ своей декларации царь высказываетъ готовность дать шведамъ требуемую имъ сatisфакцію, какъ скоро король пришлеть въ Москву какого-нибудь полномочного ministра. Стаде говорилъ затѣмъ, что причина всѣхъ недоразумѣй и несогласій между Швеціей и Россіей—въ Нашокинѣ, врагѣ Швеціи, который все, касавшееся этого государства, представлялъ царю въ искаженномъ видѣ; замѣнившій теперь Нашокина въ посольскомъ приказѣ Артамонъ Сергеевичъ, напротивъ того, очень расположень къ Швеціи¹⁾.

¹⁾ Tillfallet och orsaken, som hafwer bracht H. K. M. till sôdane tancker, är denne att een Tzarens Öfwerste Niclas von Stade med namn, warande förledet är ifr n Moscow till Riga ankommen, hafwer den samma stodes efter Tzarens besfallning, som han d  berättade, öfwer lefwererat till general Gouverneuren Grefwe Clas Tott een skrift som war uti form af Tzarens förklaring öfwer en proiecterat alliance emellan begge Potentaterne, hwilket project han von Staden skall efter Artemon Sergewitz ordre, hafwa föregifvit sig utaf Ryks feitherrhen grefwe Tott, sampt andra hans K. M. generals personer hafwa, d  han äret tillf rende, uti een Tzarens f r ttning reste igenom Riga, warit ombeden p  H. K. M. wegnar f r Tzaren att proponera, efter som det med mehra ar till att see och f rnimma af Grefwe Totts bref derom till H. K. M., och emedan Tzaren uti ofwanbemelte sin f rklaring p  dhet gjorde projectet hafwer uthl tit sig wela gifwa hans K. M. uti des r ttm tige praeensioner ett billigt och sk gligt n ye, der H. K. M. n gon fullm ktig till den andan i th Muscov aff rda wille, och Öfwersten von Stade der hoos ber ttat, att orsaken till des h r till dags emellan H. K. M. och Tzaren warande stridigheter b rflyta af Nassokins owlilia och wydrigheat emot Cronau Swerie, som alldrig hafwer wela informera Tzaren om Sweries r ttm tige sk hl, utan alt wr ngeligen och till dhet v rsta udhtyder, dheremot Artemou Sergewitz, som nu ar f rordnat uti Nassokins stello öfwer Posolski Pricasset, skall vara Swerie mycket w hl affectionerat, och s kia till att f rskaffu H. K. M. een billig satisfaction, p  det han f rmedelst upr ttandet af een s ker wenskap och f rtrolighet emellan begge Potentatorne m tte kunna wijsa dhet Nassokins maxime hafwer warit utan grund och derigenom s  mycket mehra estabiliera och fasta sin credit hoos Tzaren. Hwarf re alldenstundt H. K. M. jcke fulkom-meligen kunde s ttia troo till denne von Stades anbringande, utan fast mehra pr ssumerande s dant wara een jlfundigheit utaf Rysserne till att f rleda H. K. M. uti den intention, att emedan Tzaren f rmedelst den igenom Stenka Raisin yppade och d  tillwuxne rebellion, jcke lytet uti sitt Ryke hade till att befahra, han f rdenskull w hl wetandes sig utaf Cronau Swerie f r beg gna fredsbrott jcke

Въ дальѣйшихъ §§ инструкціи трактовалось о пленныхъ, о торговыхъ привилегіяхъ, границахъ и о денежномъ вознагражденіи. Въ § 15 выдвигалась великая польза для Россіи отъ союза съ Швецией въ особенности въ виду угрожающаго положенія Турціи. „Король никогда не захочеть воспользоваться какими бы то ни было комбинациями во вредъ царю“. Въ § 16 посланъ предписывается уклоняться отъ всякихъ споровъ о томъ, кому принадлежала инициатива алліанса. Всего лучше въ алліансѣ усмотрѣть полю Всевышняго на великую пользу обоихъ государствъ и всего христіанскаго міра въ эти столь

nägot godt hafwa förskylt sökte härigenom icke alienast till att winna tyden och upphölle H. K. M. med sifning förhoppning, utan och under skoon af godh correspondence och förtroligheet med Cronan Swerie och der ifrän förvantande secours, dempa rebellernes mood och hålla sine undersåtare Gemüter upprätt, som elliest med des Regemente icke warandes tillfreds, der dhe sigt ifrän denne sydan och så nägot skulle hafwa till att befahra, skulle utan twyfwell redigeras till desperata consilia. Dy besfan H. K. M. godt och rädeliget vara, att affärda Adolph Ebersköld till Moscow, och honom committera, att eftersom ofwanb-te Öffwerste von Stade icke ware med nägot serdeles Creditiv utaf Tzaren autoriserat, churu wäl hans K. M. hans anbringande uti behörlig consideration hade tagit, han fördenskull kunde förnimma Tzarens egen förklaring der öfwer, med försäkran, att så framt Tzaren behagade skicka een Express hyt till H. K. M. och sökia att antingen Tzarens Gesandter kunne komma hyt till Stockholm eller och till mötes medh H. K. M. Gesandter på græntzer, att bringa alt sädant till richtigheet, wille H. K. M. låta finna sig benägen att tråda med Tzaren uti een närmare wenskap och förbundb sedan H. K. M. uti sine rättnätlige prætensioner ett noje eftter pacterne wore skedt och wederfærit. Och endoch Tzaren uti sitt swar här på till H. K. M. med Adolph Ebersköld tilbaka och Tzarens Minister uti des förklaring öfwer bemelte Eberskölds ingifne Memorial icke wela tillstå, att ett sädant project först kommo ifrän dem, som synes utaf Lit: F. och ofwan be-te lit: B. lykwähl emedan H. K. M. jempsförändres dee discourser, som Öfwersten von Stade medh Grefwe Tott fört hafwer, som utaf ofwanb-te Lit: F. är till att förnimma sampt det brefwet som bemelte Öfwerste till Ebersköld scrifwit hafwer med det swar, som Ebersköld hafwer med sig tilbaka bracht nogssamt der af kon skönia, att Artemon S. hafwer welat bruks att sädant expedient, lyka som det hade warit utaf H. K. M. föreslagit, till att kunna bringa det wärket på balhus och der med på den ena sydan betaga Tzaren dhe tanckar som Nag-sokin honom gifwit hafwer om Sweries owillia emot Ryssland och på den andra sydan icke låta Swerie märckia dhet Storfursten sädant först requirerade, på dhet H. K. M. icke skulle tänckia, nit kunna derigenom winna någon fördelh uti conditionerne, utan Öfwerste Stade skulle taga skulden på sigh, och föregifwa att han utaf eget bewog—for begge Rykerne båsta skull hæde det samma på H. K. M. wegnar för Tzaren proponerat, lyka som han, utaf H. K. M. ofwanbemelte Minister der om hade warit ansökt. Så att H. K. M. utaf allt detta så wähl som utaf Artemon S. sedermora till grefwe Tott igenom Öfwer-

тяжелыя времена¹). Но аллансъ можетъ быть заключенъ не раньше, чѣмъ выяснены будутъ всѣ спорные пункты и недоразумѣнія (§ 17²). §§ 18 и 19 говорятъ о пленныхъ; за невыданныхъ—послы должны требовать сatisfaktion. Всего обстоятельнѣе въ § 20 говорится о торговыхъ сношеніяхъ. Послы должны были въ этомъ дѣлѣ исходить изъ § 5 Тявзинскаго договора, 14—Столбовскаго, 10—Кардисскаго и 4—Плюсскаго договоровъ. Фундаментомъ торгового соглашенія должны служить слѣдующія пять положеній³): 1) свободная торговля по всѣмъ землямъ царя, во всякое время года, на суше и на водѣ; 2) торговля со всѣми подданными царя и со всякаго рода товарами; 3) и 4) торговая пошлины должны быть одинаковы для шведовъ и для русскихъ; 5) товары уплачиваются ходячей монетою—med curant mynt.

Тотчасъ послѣ Кардисскаго мира, посыпается далѣе въ § 20, начались со стороны русскихъ нарушенія этихъ основныхъ положеній. Исключены были вѣкоторые товары—какъ поташъ, сало, юфть, ленъ и конопля: ими не должны были торговаться шведы. Затѣмъ шведамъ разрѣшалось торговать только во время ярмарокъ и съ жителями только тѣхъ городовъ, где они находились и только еп gros, а не еп minute, введена новая транзитная пошлина, платить заставляютъ риксадерами и дукатами. Результатомъ всѣхъ этихъ противодоговорныхъ нововведеній явился значительный ущербъ торговымъ людямъ, за что послы и должны потребовать сatisfaktion сначала въ количествѣ 600 тысячъ рублей, а затѣмъ спустить эту сумму можно было до 200 тысячъ, но на этомъ стоять, какъ на ultimatum'ѣ. Любопытно,

sten von St. de jukomne bref, om samma hÃ¤rrende icke annat sluta kan, än att Tzaren der medh skall hafwa ett alswar; Dy hafwer H. K. M. detta tillfÃ¤lle icke welat utslÃ¤, utan entelig fÃ¶r godt befunnit sine gesandter i th Muscov till duen Andan att afferda pÃ¤ dhet H. K. M. utaf twenne ting ettera mÃ¤ kunna winna, nembl. antingen fÃ¶rmedelst een nermare wÃ¤nskape och fÃ¶rbunds uprättande kunna fÃ¶rmodeligen sÃ¤ mycket bettre erhÃ¤lla nÃ¶gon satisfaction uti des skÃ¤lige desiderier till pacternes fullbordan, uti dhe kÃ¤terstÃ¤nde strydigheter och sÃ¤ledes sÃ¤ttia sig och lyka uti stÃ¶rre trygg och sÃ¤kerhoet, eller och uti wydriget fall komma alldeles der med utur drÃ¶mmen, att kunna derigenom erfara det yttersta som hoos den nationen stÃ¤r till att wenta, pÃ¤ dhet H. K. M. sedan der effter mÃ¤ kunna sÃ¤ mycket bÃ©tire taga sinc inscurer.

¹⁾ Dy wele due sÃ¤dsant heller upplaga sÃ¶som ett wÃ¶rck, det gudh synuerligent pÃ¤ detta sÃ¤ttet hafwer welat skicka uti dessse fahrлиge tyder till begge Potentaters och hela christenhetens gagn och bÃ¤sta.

²⁾ ... ingen alliance eller fÃ¶rbund emellan begge Potentaterne kan uprÃ¤ttas fÃ¶rr än all missfÃ¶rstÃ¤ndh och irring Ã¤r utaf wagen rÃ¶gd.

³⁾ Desse efterfÃ¶llande fem moments till ett fundament.

что въ секретной инструкціи, данной посламъ, разрѣшается этотъ пунктъ о сatisфакціи и вовсе оставить. Да и въ самой инструкціи, въ послѣдующихъ ея §§, какъ напримѣръ 35, предписывается въ дѣлѣ о сatisфакціи дѣйствовать съ большою осторожностью. Послѣдніе §§ инструкціи, съ 37 по 48, снова посвящены торговыми вопросамъ. Посламъ и здѣсь предписывается настоять на томъ, чтобы торговля шведовъ была допущена по всему Московскому государству и не только съ русскими, но и съ иностранцами. Отмѣчены были слѣдующіе города: Гдовъ, Исконъ, Повгородъ, Тихвинъ, Влади-миръ, Вологда, Ярославль, Переяславль, Вязьма, Москва, Нижний, Казань, Астрахань и Терская земля, затѣмъ свободная торговля по Волгѣ, Двинѣ и Западной Двинѣ. Русскимъ разрѣшается торговать въ Швеціи, Эстляндіи, Ливоніи и Ингерманландіи, во всѣхъ городахъ безразлично, и со шведами, и съ иностранцами. § 39: за разрѣшеніе шведамъ юдить въ Персію русскимъ будетъ разрѣшено черезъ шведскія владѣнія отправляться въ западно-европейскія государства. Въ § 40 посламъ предписывается указать русскимъ, что шведскому королю подвластны нѣкоторые города, сохранившіе спаси особыя привилегіи, противъ которыхъ ему идти нельзя, поэтому и русские должны будуть въ этихъ городахъ подчиняться мѣстнымъ обычаямъ и законамъ, такъ напримѣръ: торговля гостя съ гостемъ можетъ быть разрѣшена въ Ревелѣ, Нарвѣ и Пюспѣ; въ Ригѣ же она не разрѣшена; городъ пользуется извѣстными привилегіями и пренимуществами передъ другими¹⁾). § 42: просьба уравнять шведовъ и русскихъ относительно таможенныхъ высканій. § 43: если бы русские стали жаловаться на высокую пошлину, взимаемую за мѣдь въ Швеціи, отвѣтить, что мѣдь и мѣдная руда составляютъ регалии ко-

¹⁾ . men sifte som derunder lykwahl sticker en stoor htskilinad hwilcket B. K. M. ochsѣ her med intenderar till att winna i dhet att när H. K. M. unders tare s  nuuta samma fryheit till att handla utj Ryslandb som Tzarens egne unders tare, hafwa dee mackt b de uti gross och minut altyd och allesteden att handla g st med g st. Men der emot igen, fast om H. K. M. effterlister Tzarens unders ster lyka fryhet med sine egne unders tare her uti Ryket, s  kunna dhe lykwahl med s dant wilkor dhet samma jntet htsnifta, emedan hwarz och eens stads serskilt Privilegier hindra, att H. K. M. egne unders tare uti den ena staden icke hafwa mackt uti den andra staden uthom Marcknads tyder att handla g st med g st, hwarcken uti gross eller uti minut; hwarf re ar dhet n digtt att gesanderne detta w hl obserwera, och f rdenskull nndfly igenom n gra ner-mare particulariter uti denne materien, att opna Rysserne wydare b gona s  framt de sielwe dhet icke f rm rcka eller n got inkast deremot g ra.

роля и король передалъ многимъ частнымъ лицамъ привилегию на торговлю мѣдью; взимаемая за мѣдь сумма—не столько пошлина, сколько законная доля, приходящаяся королю¹⁾.

Послѣдний § 50 предписываетъ посламъ слѣдить за тѣмъ, чтобы при составленіи текста алліанса не допущено было словъ и выражений двусмысленныхъ въ темныхъ—ambigua, aequivoica och obscura. Къ основной инструкціи король присоединилъ еще такъ называемую добавочную (By Memorial) и секретную. Главное содержаніе первой вертится около вопроса о перенесеніи стапеля изъ Бѣлого моря въ Балтийское, о перенесеніи торгового центра изъ Архангельска въ Ревель, Ригу или другой какойнибудь Балтийскій портъ. Такъ какъ, однако, трудно ожидать, чтобы русскіе безвозвездно сдѣлали это, послы во время переговоровъ должны вести дѣло такъ, будто бы у короля есть еще проектъ, прямо уже выгодный для русскихъ, но онъ можетъ быть исполненъ только послѣ того, какъ король заручится согласіемъ Московскаго правительства на перенесеніе торговли съ Бѣлого моря въ Балтийское. Послы должны были затѣмъ указать, что съ этимъ перенесеніемъ вовсе не связывается только выгода для однихъ шведовъ, но и для русскихъ. Многіе иностранцы, напримѣръ, прямо воздерживаются отъ торговыхъ поѣздокъ въ Архангельскъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго разстоянія его отъ всѣхъ прочихъ рынковъ; да и русскимъ самимъ не легко доставлять туда свои товары. Далѣе—иностранцамъ нельзѧ расчитывать даже на одну поѣзdkу въ годъ въ Архангельскъ, тогда какъ въ Балтийскія гавани они могли бы прѣѣзжать гораздо чаще. Русскимъ много легче доставлять свои и иностраннѣе товары въ Балтийскіе города, чѣмъ въ отдаленную Бѣломорскую гавань. Если бы русскіе указали на опасность прѣѣзжать во время войны въ шведскія гавани или выразили опасеніе произвольныхъ новышеній пошлинъ и тарифовъ со стороны Швеціи, послы должны отвѣтить, что король готовъ обѣщать, что никогда съ его стороны пошлины не превысятъ уже установленной таксы, гарантію возьмутъ на себя Англія, Франція и Голландія. Наконецъ царь можетъ и не закрывать Архангельской гавани, а продолжать пользоваться ею, но на риду съ этимъ для самихъ русскихъ въ высшей

¹⁾ att koppar grufwan är ett haus K. M. Rogale, och emedan H. K. M. densamma till stakilliga sine undersättare på wisse wilkor hafwer lätit förpackta, kan det som för kopparen gifwes, när han uthskeppat blifwer, icke så mycket kallas en tull, säsom een recognition, som H. K. M. deraf för sin rätt tillkommer.

степени выгодно одновременное существование стапеля въ Балтийскихъ гаваняхъ^{1).}

Посламъ разрѣшалось далѣе войти въ сдѣлку—по возможности выгодную—съ русскими относительно доставленія имъ, на случай войны съ Турцией, муниципіи, оружія или просто денегъ, но должны они это предложить частнымъ образомъ, не отъ имени короля. Всего же важнѣе добиться преобладающаго положенія Швеціи на русскихъ рынкахъ. Что торговые интересы всего болѣе преслѣдовались настоящими носольствомъ, видно изъ того, что съ послами отправленъ былъ и ассесоръ коллегіи торговли Іоаннъ Пёттеръ Лилліенгофъ, „чтобы давать посламъ нужные советы и самому, быть можетъ, заключить ка-

¹⁾ Efter sÃksom K. M. gerna skulle Ãnska, att hela den Archangelske negocien konna derifrÃn bliwa diverteradt till H. K. M. hambnar wed Östersiön och nog-sampt kan skönia, att ehuru wähl dee conditioner uti Commercierne, som H. K. M. fÃrmedelst denne tractaten lerer fÃrmodeligen konna erhÃlla, fuller mycket der till helper, men lykwähl fÃr hans K. M. UndersÄttares ring Capital skull, som icke fÃrmÃl allena hela den handelen att bestryda, jntet kan gÃra der till fyllest, med mindre Rysserne utaf deras egen profit och nyitta der till lÃckade, wele ochsÃ sielfwe herefster sÃkia den wÅgen; hwarfÃre alldenstundh hans K. M. nogsampt kan tÃnckia, att Rysserne swÃrligen lere nÃgat bewillia till dhet som dee konna fÃrmÃrckia serdeles lenda till H. K. M. och des UndersÄttares nyitta och upkomst. Dy hafwer Gesandterne sÃdant pÃ detta sättet att mesnagera, att dhe sig under warande tractat sig der med betiâna, lykanom dhe hade nÃgot merckeligt nti reservo, hwor med H. K. M. will bewysa Tzaren een serdeles obligation, sedan alt ar bracht till ett godt och lyckeligit sluth och ândskap, och nÃr det skedt ar, konna dhe fÃregifwa sig wara utaf H. K. M. beordrade till ett prof af H. K. M. gode och wÃlmemente intention emot Tzaren, att gifwa Tzaren ett sÃldant fÃrslag wed banden, som skall konna lenda till Tzarens och des undersÄttares merckelige nyitta och fÃrkofring, nembl. att der Tzaren wille her effter tillhÃlla sine undersÄttares, som fÃr detta hafwa sendt deras wahror till Archangell, att dhe sÃigh hÃrefster af H. K. M. hambnar wed Östersiön betiâna, sÃ skulle handele och Commercierne uti Rysslandh mycket mchra tiltaga, hwar af Tzarens tullar och des UndersÄttares nÃring till ett stort fÃrmehrabs och fÃrkofras skulle, efftersom 1) Archangell ar een sÃl wydt aflegen ohr, att mÃnge fremmande nationer derifrÃn afhÃllas, alle Ryske wahror ey heller beqwmelingen konna dyt fÃras eller wed swenske grÃntzen belegne Ryske Provincier dÃadan ifrÃn med alle fremmande wahror fÃrsees, hwarigenom deras handell mycket studsar och fÃr dem een stoor winst fÃrhindras. 2) Kunna icke heller den fremmande gÃra mehr än een resa dyt om hÃret i stallet att man tres reesor igenom Östersiön gÃra kan och 3) Kunna ryssarne med mindre beswÃrlighet och omkostnad fÃra af och till H. K. M. platzet wed Östersiön bÃlde deras och fremmande wahror, än till och ifrÃn Archangell, med hwad mehra skÃhl som gesanterne dertill allegera konna.

кіе nibудь выгодные торговые контракты¹⁾). Затѣмъ и самъ Карлъ XI по отъѣздѣ пословъ еще разъ 9-го декабря 1673 года пишетъ имъ, чтобы они своей миссіи придали исключительно коммерціальный характеръ. Онъ просить своихъ пословъ добиться отъ царя, чтобы на случай войны между обими государствами торговые сношенія все-таки поддерживались, товары, деньги и люди не конфисковались, такъ какъ выгоды отъ торговли значительнѣе выгоды отъ конфискаціи²⁾). Такого нейтралитета для торговыхъ людей король добивается, главнымъ образомъ, имъ въ виду иностранцевъ—англичанъ, ганзейцевъ, голландцевъ, которые, быть можетъ, откажутся выѣсто Архангельска прѣѣхать въ Балтійскія гавани именно въ виду возможности столкновенія и войны между Швецией, Россіей и Польшей. Въ этомъ письмѣ король, наконецъ, напоминаетъ еще посланъ, чтобы они постарались добиться для шведовъ права вѣзти въ Персию; подымаетъ онъ и вопросъ о резидентахъ. Въ post-scriptumъ посланъ рекомендуется, въ виду смерти польского короля, вним-

¹⁾ Skulle Rysarna deremot befara, att sedan den Arch. Handelen wore wänd hyt till Östersön skulle den sedan stå under H. K. M. discretion densamma medh nya tullar att grava, när H. K. M. så behagade, och elliest uti ofredige tyder vara underkastade all hinder och wederwärlicheit; så kanna Gesanterne dem swara, att H. K. M. will sig der till obligera, det H. K. M. aldrig skall besvåra dem med någrent nya tuller, qfwer den taxa som nu är, och att Frankryke, Engeland och Holland skole derföre blifwa garanter. Och sedan begerer jcke H. K. M. att den Archangelske farten skall alldelens blifwa afskafsat, utan den legenheet står ändå Tsaren altydh öpen, till att nyttia och bruka ner honom behager.

²⁾ Om Grefwe Gabriel Oxenstjerna kan och wed detta tillfälle låta ingå och sluta med Rysserne någon tractat om munition och gewähr emot penningar eller andre gode och courante wahror, efter det föralag, som han hafwer gifvit wed handen, derutaf H. K. M. skall kunna hafwa een serdeles och merckelig profit, så är H. K. M. dermed wähl tillfreds, att sädant skeer, doch under privatorum namn, och skulle H. K. M. gerna önska, om dhet kunde skee att man derutinan ginge något widare i sâ mätto, att flere privat köpmans handell der till concurrerade, på det man således wed desse tyder kunna göra een godh begynnelse til att draga dhe Ryske wahrorne till H. K. M. charter wed Östersön, till hwilken ända H. K. M. hafwer i nädet anbefallet des Assestor uti General Commerce Collegio Jochum Pötter Lillienhof att föllia med Ambassaden, på dhet han må kunna gifwa Gesandterne dertill någrent gode förslag wed handen, och derutinan sielf slutta och ingå något contract, om der med så wyda kan komma. Mätte lykwäl på ingenthera sydhan hwarcken gods, penningar eller någon skuldfordran blifwa confisquerat, utan bægge sydhors undersäthare wara skyllige sâdhaut till rätta ägandhen att erläggia och bethala.

тельно присмотрѣться къ настроенію русскаго двора, наводить справки о его намѣреніяхъ и т. д. Это событие можетъ дать совершенно неожиданное направление Московскому правительству и отразиться на его отношеніяхъ къ Швеціи.

Въ сентябрѣ 1673 года шведскіе послы прибыли въ Ревель¹⁾; 15-го ноября они выѣзжали изъ Нарвы и 27-го были въ Новгородѣ. Движеніе пословъ къ Москвѣ значительно замедлялось самими русскими; шведы приписывали это смерти польскаго короля, вызвавшей безъ сомнѣнія въ Москвѣ не малую тревогу. „Осторожность русскихъ приставовъ чрезвычайная“, такъ—при встречѣ на пути къ Москвѣ бранденбургскаго посла, они внимательно слѣдили за тѣмъ, чтобы шведы не завязали съ нимъ разговора. Судя по приготовленіямъ, какія дѣлались для приема великихъ пословъ короля, шведы были убѣждены въ искреннемъ желаніи царя жить съ королемъ въ дружбѣ и довѣріи (*leffwa medb E. K. M. uthi godh w nskap och f rtrolligheet*).

31-го декабря былъ выѣздъ шведскіхъ пословъ въ Москву. 3-го января назначена пхъ первая аудіенція, но она не состоялась, такъ какъ послы отказались явиться на неѣ съ непокрытыми головами. По этому вопросу долго спорили. Русскіе давали шведамъ письменное удостовѣреніе, что и они, когда будуть въ Стокгольмѣ, явятся на аудіенцію съ непокрытыми головами. Споры принимали все большіе размѣры; къ шведамъ никого не пускали и самимъ имъ запрещено было выходить съ шведскаго двора. Пристава грозили имъ совершиенно порвать съ ними и выслать обратно въ Швецію: говорили, что царь черезъ нарочнаго собирается принести королю жалобу на упорство пословъ. Впродолженіе восьми дней не могли прийти ни къ какому соглашенію. Рѣшено было отправить нарочнаго къ королю за разрѣшеніемъ возникшаго затрудненія. До его возвращенія послы должны были жить на собственный счетъ.

Изъ этихъ предварительныхъ несогласій, вызванныхъ простою формальностью, шведы заключали о малой надеждѣ на удовлетвореніе требованій ихъ государя „in punctum commerciorum och den moderation uthi Tullen“. Отъ некоторыхъ русскіхъ они узнали, что царь намѣревался добиться помощи короля въ предстоящей войнѣ своей съ Турцией.

15-го января послы въ подробномъ донесеніи извѣщали короля

¹⁾ Стокг. арх. *Muscovitica. Legaterne Oxenstjernas, Tisenhausens, Budbergs bref till K. M. 1673—1674.*

обо всѣхъ инцидентахъ, наївшахъ мѣсто со времени прибытія ихъ въ Москву, и просили его снабдить имъ деньгами—такъ какъ они терпѣли большую нужду. Къ этому времени они получили и сами оть короля новую инструкцію, въ которой король просилъ ихъ употребить всѣ силы, чтобы проникнуть въ намѣренія царя относительно Польши. Послы отвѣчали королю, что ничего не могли узнать, такъ какъ распоряженіемъ царя изолированы оть всего міра; даже пристава, приходившіе къ нимъ время отъ времени, тенденціозно избѣгаютъ всякихъ политическихъ темъ. Едва ли, думаютъ послы, поляки согласятся на избрание русскаго государя, кажется, они потеряли уже вѣру въ объѣданія русскихъ и сильно недовольны (*malcontent*) послѣдними. Русскіе никогда бы не согласились за польскую корону отказаться отъ приобрѣтеній Аандрусовскаго перемирия. Считаться приходилось, стало быть, только съ кандидатурой Конде и герцоговъ Лотарингскаго и Нейбургскаго.

Пытались послы проникнуть въ воззрѣнія иностраннѣхъ купцовъ по вопросу о перенесеніи стана изъ Архангельска въ одну изъ Балтійскихъ гаваней¹⁾). Едва ли можно, пишутъ они королю, расчѣтывать на успѣхъ этого проекта. Во-первыхъ, иностранцы указываютъ на возможность разрыва мирныхъ отношеній между Швеціей и Россіей; тогда имъ уже будетъ очень рисковано пріѣхать въ шведскія гавани. Затѣмъ сами русскіе такъ мало склонны вообще къ нововведеніямъ, такъ они подозрительны, что едва ли когда-нибудь безпристрастно отнесутся къ проекту короля. Послы попробуютъ прибѣгнуть „къ другимъ средствамъ“²⁾), рекомендованнѣемъ королемъ, то-есть, по-просту къ подкупамъ, чтобы добиться для шведовъ права торговать во всѣхъ русскіхъ городахъ, на морѣ и на сушѣ, и во всѣ времена года; въ особенности же они подчеркнутъ Казань, Астрахань и Терскую область. Быть можетъ обѣщаніе короля дать русскимъ свободный проѣздъ чрезъ свою нѣмецкія владѣнія сдѣлаетъ ихъ уступчивѣе.

Съ отѣзdomъ Эбершельда въ концѣ января положеніе шведскаго пословъ стало еще хуже. „Къ намъ, пишутъ они, относятся со все возрастающей холодностью“³⁾). А тутъ еще и разнаго рода нелѣные

¹⁾ hvarigenom den Archangelske farten kundhe deriveras pâ E. K. M. Stadher och hambnar vidh Österrioen.

²⁾ att wy mätte iganom *andra medell* sökia att inducera Th. M. ministrar, att the sändart för deres egen nyttja skall sielfwe wele projectera.

³⁾ att dee oas hvar dagh medh större och större kallainnighet och härdheet handtera.

слухи, распространяемые въ иностранныхъ *avviser* и сильно беспокоющіе поляковъ, напримѣръ, слухъ о томъ, будто бы главною цѣлью шведскихъ пословъ является брачный союзъ короля съ одной изъ дочерей царя и т. д.

17-го февраля пристава, павѣщавшіе пословъ, предложили послѣднимъ до возвращенія *express'a*, отправленного въ Стокгольмъ, заняться разсмотрѣніемъ дѣлъ и жалобъ частныхъ лицъ (*private besv\u00e4rg och fodringar i Rysland*), чтобы затѣмъ уже къ этимъ вопросамъ не возвращаться. Послы согласились, но къ какимъ пришли они результатамъ по этимъ вопросамъ — мы не знаемъ. 19-го марта возвратился нарочный отъ короля — Эозандеръ. Спорный вопросъ рѣшенъ былъ такъ, какъ того желали русскіе; рѣшено было, чтобы впередь на всѣхъ аудіенціяхъ и шведскіе, и русскіе послы являлись съ непокрытою головой¹⁾). 30-го марта состоялась, наконецъ, аудіенція шведскихъ пословъ; 2-го апрѣля — конференція съ царскими совѣтниками. Угощеніе пословъ съ царского стола было роскошнымъ; послы лично благодарили за „*Tractamenterne*“. Для переговоровъ съ послами назначены были князь Юрій Алексеевичъ Долгорукій, его сынъ Михаилъ, стольникъ Матвѣевъ и думный дьякъ Григорій Богдановъ съ товарищами. „Совѣтники, вѣдь въ залѣ конференціи, объявили, что именно на нихъ паль выборъ царя, протянули посламъ руки, пожелавъ счастливаго успѣха дѣлу“). Первымъ вопросомъ конференціи былъ вопросъ о новомъ алліансѣ Россіи съ Швеціей. Послы стали очень пространно доказывать, какую громадную пользу и выгоду для Россіи представлялъ бы такой алліансъ. Онъ гарантировалъ бы Россіи полный миръ со всѣми ея съсѣдями. Шведскій король такъ цѣнилъ дружбу царя, что не воспользовался ни однимъ изъ представлявшихся случаевъ извлечь выгоды изъ тяжелыхъ внутреннихъ смутъ въ его государствѣ²⁾). Король и теперь готовъ помочь царю противъ турокъ. Онъ желалъ бы, чтобы въ основу нового алліанса легъ Кардисскій миръ, почему и необходимо отмѣнить въ немъ нѣкоторыя детали, дающіе поводъ къ недоразумѣніямъ, какъ вопросы о пленныхъ, о торговыхъ сношеніяхъ и т. д. Долгорукій отвѣчалъ, что царь съ радостью заключить алліансъ съ королемъ, что уже самимъ приемомъ его великихъ пословъ доказалъ, какъ онъ отличаеть Шве-

¹⁾ Но этому пустому вопросу мы имѣемъ цѣлую переписку.

²⁾ Att H. K. M. sikh aldrigh hafwer af n\u00e4gon occasion till sin f\u00f6rdeel smooth H. Z. M. beti\u00e5na welat.

цию отъ другихъ державъ. Интересно знать лишь, на какихъ условіяхъ предполагалъ король заключить новый договоръ съ царемъ; вѣдь надо, замѣтилъ Матвѣевъ, чтобы онъ былъ одинаково выгоденъ для обѣихъ сторонъ и чтобы онъ не вызвать въ сосѣднихъ державахъ какаго-нибудь неудовольствія¹⁾.

Трактать, возражалъ одинъ изъ пословъ, не можетъ быть заключенъ ранѣе, чѣмъ исправлены будутъ всѣ нарушенія старыхъ договоровъ, раньше чѣмъ достигнуто будетъ по спорнымъ пунктамъ (плѣнны, торговля и т. д.) полнѣшее соглашеніе²⁾). Изъ письма короля, однако, видно, сказалъ Матвѣевъ, что первѣйшимъ дѣломъ пословъ долженъ быть новый алліансъ; онъ долженъ служить компасомъ для нихъ³⁾. О старыхъ договорахъ и всемъ, въ нихъ не доказанномъ, теперь нечего толковать, слѣдуетъ прямо перейти къ разсмотрѣнію условій нового договора⁴⁾.

Надолго завязался споръ между царскими совѣтниками и шведами. Послѣдніе хотѣли непремѣнно сначала выяснить всѣ вопросы о нарушеніяхъ старыхъ договоровъ, а русские прямо желали поднять вопросъ объ алліансѣ⁵⁾). Сначала, сказали шведы, они — по инструкціи своего государя — должны добиться, чтобы старые договоры были восстановлены во всей ихъ силѣ, а затѣмъ уже на ихъ основаніи перейти къ переговорамъ о новомъ союзѣ⁶⁾.

¹⁾ „på hwad mance och conditioner E. K. M. ärnade medh H. T. M. ett sâldant forbundu sluta lita, hwlcket sk maste vara beskaffat, att thet kan lânda begge hoge Potentater till nyta, och andre angrântzande Potentater som man stâr i wânskap medh till ingen Praejudice“.

²⁾ utan een fullkomlig fôrschuingh och remedieringh af dhet som emooth dhe forre afhandlingar kan vara föreluppit.

³⁾ compass som wy skulle rätta oss efter.

⁴⁾ Аргамонъ: Den Hellige skrift seyer, hvor enigheest är, där är och kärlek och wânskap, och när som wy om Alliancen först enige ähre, så lärer alt dhet andra och gifwa sigh.

⁵⁾ Dhe Tzariak Commissarierne sökte sich een hielp af dhe orden uthi E. K. M. Creditiv „efter sist oprättade ewigwarande fredsfödragh“, willandes bemelta ordh sâledes uthyda, efters eller sedanom att dhet ewig wahrande fredsfödragh were slutat, so wore nu detta om alliancec ett nytt wârk, som à part och först borde handlas om. Wy informerade dhem dheremot om rätta förståndet aff detta ordet, efters wârt swânska språks egenskap, nemligen, att dhet betydde sk myckit som, i krafft eller till föllis af Pacterne, sk att ingen annan meeningh kunde eller borde dherutaf fattas.

⁶⁾ Att pacterne mätte uthi dheras fullkomliga vigeur satta blifua; och när thet akeer, så är thet dhen rätta och fastaste grundewahlen till een närmare wânskap och förbindelse.

„А когда царь самъ желалъ для этой цѣли, то-есть, для исправленія старыхъ договоровъ съѣхаться съ представителями Швеціи въ одномъ изъ курляндскихъ городовъ, шведы же упорствовали и не пожелали прибыть въ назначенный для конгресса пунктъ“.

„Теперь уже не мѣсто возвращаться къ старому; надо перейти къ условіямъ новаго договора, который чѣмъ скорѣе будетъ заключенъ—тѣмъ лучше, въ виду хотя бы угрозы со стороны турокъ“. Вотъ возраженія Матвѣева и Долгорукаго; послѣдній, требуя скорѣшаго решенія вопроса, ссылался на свою старость и нездоровье, не дозволяющее ему долго сидѣть на конференціи¹⁾). Они просили еще шведовъ довести до общаго свѣдѣнія и другіе §§ своей инструкціи, чтобы разсмотрѣть ихъ всѣ въ совокупности.

Рѣшено было, что обѣ стороны къ слѣдующей конференціи приготовить свои проекты алліанса. Разставаясь, Матвѣевъ сказалъ, что по его мнѣнію алліансъ долженъ преслѣдовать слѣдующія цѣли: безопасность одного изъ потентатовъ со стороны другаго во время войны, взаимопомощь аммуниціей и людьми. Секретные же пункты не должны быть опубликованы²⁾.

Новое письмо Карла XI къ Алексѣю Михайловичу, полученное во время пребыванія пословъ его въ Москвѣ, какъ нельзя лучше передавало все страстное желаніе короля тѣснѣйшимъ образомъ соединиться съ царемъ; новый алліансъ, писалъ король, лучшее средство укрѣпить наша прославленные на весь міръ скипетры и короны, которые, съ божьей помощью, на вѣки будутъ процвѣтать и крѣпнуть и будутъ страшными для враговъ двухъ соединенныхъ народовъ³⁾.

Въ концѣ первой конференціи, когда русскіе комиссары „точно одумавшись“ потребовали, чтобы шведы первые представили свой проектъ на ихъ разсмотрѣніе, Матвѣевъ на прощаніе замѣтилъ: если мы снова станемъ перебирать всѣ спорные вопросы старыхъ договоровъ,

¹⁾ Han wore en gammal man, och folle bonom svÃ¤rt at lÃ¤nge sittia och intet fÃ¶rratta.

²⁾ Artamon: denne Alliancen bestÃ¶r fÃ¶rst af 8 Puncter som Ar: 1) at dhen ene Potentaten uthi krigstyder intet har at befruchta sig fÃ¶r den andra. 2) Ammunition. 3) Succurs af folck. Sedban wore andra secrete conditioner som intet plÃ¶ga hwarriom och enom kundgiÃ¶ras.

³⁾ thet eendeste sÃ¤kraste och fastaste medell Ar, hverigenom begges Edhers hÃ¶ga M-ters oefwer heela werlden sÃ¤ widt berÃ¶mda scheptrer och chronor, nÃ¤st Gude alsmÃ¤ltigc erhollande, stÃ¤dse florer, stadfÃ¤stas, ja och lyka som eterniseeras kunna, sÃ¤som och emooth theras allgemeene Illwiliare altydh sÃ¤kra och formidable giÃ¶ras.

напримѣръ, о титулахъ, то попадемъ въ такую кашу, изъ которой не скоро выберемся¹). Шведамъ нечего беспокоиться за содержаніе своего проекта, такъ какъ это вѣдь еще не окончательный алліансъ²). Шведы обѣщались представить царскимъ соѣтникамъ свой проектъ, но съ условиемъ, чтобы до его обсужденія, заняться все-таки исправлениемъ старыхъ погрѣшностей. Это требование шведовъ, по ихъ желанію, занесено было въ протоколъ.

Проектъ шведовъ состоялъ изъ восьми пунктовъ³). Между Швеціей и Россіей на вѣчныя времена заключается неразрывная и крѣпкая дружба и довѣріе; въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ они будутъ оказывать другъ другу расположение и почтѣ, содѣйствуя взаимной пользѣ и охраняя другъ друга отъ всего гибельного⁴). Алліансъ и договоръ между двумя великими государями долженъ быть на столько прочнымъ, что бы ни одинъ изъ нихъ не полагалъ вѣры въ какіянибудь митриги или недоброжелательства, разсѣваемыя ихъ врагами; какъ скоро одинъ изъ государей узнаеть о такого рода слухахъ, онъ

¹) Matwejeff sade, skole wy begynna medh dhe strydige saker, sã blifwer dhet een aldan röra af och een aldan läns, som gudh weeth hwem kan uplösa. See, sade han i fredsfördraget stär sã skrifuit, laas sã upp heela andra Puncten i det Cardiske fördraget om Tittlarne och winkade på hufwudet. Или: надѣемся, что съ нашей стороны никогда не было нарушенія титуломъ. Артемон: I hoppas dhet, men jagh säger, om fagh int hot visto dhet ware skedt, och kunde bewijeat, sã talade jagh in het therow.

²) att såsom brukslighet är allestädes at Projecter intet biuda een till nÿgot för än sielvus saken är kommen tili fulkombligit sluuth och vunderkrift; altsä kan dhet som på een eller annan sydha projecteras, hwarckou hafwa någon krafft eller ländha någon dhene Potentaten till någon förkleenering. Om K. M. gesandter intet wele igenom dheres schrift gifwa dheres Tanckar til at först, hwsdh skole wy då berätta H. Tz. M. Elliest så bordhe dhem effter alt maneer i werlden gifwa först tillkänna huadh dhe hafwer till att fördraga. Wy wele strax därpå swara. Och begiärer at K. M. gesandter wele sig häruthinna beqwähma och settia dheres andre mehnig afsydhes.

³) Skall een ouplösligh och stadigvarande wanskap och förtrooligheit häresser emellan begge höge Potentaterne till ewige tyder förblifwa, i sã mäatto, att dhe sigh inbördes medh all affection och beeder bemötha, hvor andras basta i alla mäatto befrämja, och hwad skadeligit är altydh sökia dhen eene ifrån dheu andre trooligen till att awärja och undanböja.

⁴) när dhen eene Potentaten behöfwer att tillsyta dhen andre om hjelp och assistance, näga dhe hvor andre therom säkert aminoda, och förmödelst seu theröfwer föregängen wänlich afhandlingh effter tydernes och lägenheternes beskaffenheit sigh therom foreena.

долженъ донести объ этомъ другому¹⁾). Если одному изъ государей придется вести войну съ какимъ либодъ недругомъ, онъ долженъ быть гарантированъ со стороны своего союзника въ сохраненіи полнаго мира²⁾). Ни одинъ изъ союзниковъ не долженъ поддерживать враговъ другаго ни соѣтомъ, ни дѣломъ, ни тайно, ни явно, какимъ бы то ли было образъ³⁾). Если одинъ изъ государей будетъ нуждаться въ помоющи и поддержкѣ, онъ долженъ извѣстить своего союзника и, поскольку позволять обстоятельства, согласиться по этому вопросу⁴⁾). Въ случаѣ возникновенія какого либодъ недоразумѣнія между обоими государями, оно не должно ослабить заключенный договоръ о дружбѣ, а подлежать тотчас же разсмотрѣнію особыхъ на этотъ случай назначенныхъ комиссаровъ, которые соберутся въ одноимъ изъ пограничныхъ городовъ и мирно рѣшать дѣло⁵⁾). Для большей дружбы и взаимной пользы, процвѣтанія и роста подданныхъ обоихъ государей, должна быть установлена свободная торговля въ силу старыхъ договоровъ и нового алліанса. Если бы—чего Боже сохрани—между Швецией и

¹⁾ Och skall denne närmare alliance och forbundh smellan begge höge Potentaterne vara så fast och förtrooligh, att dhe ingen troo sättia skole till någon illwilliandes onda stämpplingar, son sökia missförståndh och oenigheet dhem emellan att stiftsa uthan närlänt skeer, skall dhen eene Potentaten vara skyldigh dhem andre sädant att communicera och tillkienna gifwa.

²⁾ Såsom och om eendhers af due begge höge Potentater blifwer uthi krihg och öhrlich medh någon fiends engagerat, skall dhen Potentaten för dhen andre, så länge uthi ingen mätto sigh att befahra hafua.

³⁾ Ey heller skall dhen Potentaten på något sätt hwarcken medh rädh eller gjärningar, heemligen eller uppenbahrigen, byapringa och assistera dhen andre fiender på hwadu sätt dhet och hälst vara mä, uthan fast mehra.

⁴⁾ Om något missförståndh that man icke will förmoda skulle een eller annan tydh kunna mellan begge höge Potentaterne upväxa, skall sädant uthi ingen mätto kunne förminka denne så fast och obrettsligen upprättade och stiftade wänskapen them emellan, minder något krihg therföre begynnas, uthan dhen Potentaten som sinner sigh besvärat, gifwa dhen andre sädant uthi all wänligheet tillkänna, dä Commissarier på begges sydor förordnas skola, som på gräntzen tillsammankomma och sädant uthi bästa mätto byläggis och componera kunna.

⁵⁾ Till mehra wänskaps förökelse emellan begge Potentaterne skall och till theras Rykens sampt Undersäthares inbördes nyta, flor och upkomst een fry och oturberat handeli städse förblifwa aldeles efter dherofuer för detta uthi förra Pacta, så wäl som och uthi een särskildt affattade och gjorde föreningh belefvat och afhandlat är. Sk och att om någre irringer eller missförståndh framdeles begge Rykerne emellan, dhet dock Gudh nödelen afwända wille, smooth ail förmadan förefalla skulle, ingendhers sydas undersäthare ther före till dheras handell gods och egendoms någott uppehohda eller mehr skola hafwa att befahra.

Россіей возникла какія набудь политическая несогласія, торговля не должна изъ-за этого подвергаться какимъ либо стѣсненіямъ. Въ прежней силѣ остаются всѣ прежніе договоры между обоми государствами, подтвержденные трактатами въ Валлісари, Кардисѣ и Плюсѣ, „да сохранятся они на вѣчныя времена“ ¹⁾.

Шведскій проектъ, составленный въ такихъ широкихъ и неопределенныхъ, а потому и крайне эластичныхъ выраженіяхъ, очень мало говорилъ русскимъ; въ немъ не было никакихъ определенныхъ, реальныхъ обѣщаній. Отсюда крайне скептическое отношение къ проекту Долгорукова, Матвѣева и др. Послы писали королю въ началѣ мая, что едва ли можно надѣяться на какое нибудь серьезное отношение русскихъ къ предложенному королемъ альянсу ²⁾. На второй и съдующихъ конференціяхъ съ послами совѣтники цара требовали категорического отвѣта, на какую помошь государь можетъ надѣяться отъ короля въ борьбѣ съ турками. Не получивъ отвѣта на этотъ вопросъ, они отказались разсуждать о другихъ. Послы не имѣли полномочія давать опредѣленного отвѣта о субсидіяхъ, это казалось подозрительнымъ русскимъ, и дѣло мало подвигалось впередъ.

Русскіе требовали болѣе опредѣленныхъ обѣщаній, такъ, по ихъ мнѣнію слѣдовало бы точно опредѣлить число вспомогательныхъ силъ, ихъ должно быть не менѣе 10.000 чел. Вырабатывать условія договора, когда уже турки займутъ Польшу и Литву, будетъ слишкомъ поздно. Слѣдуетъ теперь же покончить со всѣми деталями проектируемаго альянса. На пятой конференції (18-го мая) Долгорукій рѣшительноѣ прежняго сталъ требовать болѣе опредѣленныхъ данныхъ по вопросу о помощи Швеціи въ войнѣ съ турками. „Мы ворѣ уже въ пятый разъ сходимся здѣсь, сказалъ онъ, и ни до чего не можетъ договориться; время уходитъ даромъ, на этотъ разъ мы должны придти къ окончательному рѣшенію по вопросу обѣ альянсѣ“. Не даромъ же, прибавилъ Алмазовъ, и въ письмѣ короля, которое онъ передалъ Украинцеву, вопросъ обѣ альянсѣ стоять на первомъ мѣстѣ. Шведамъ анти-турецкая лига съ Россіей будетъ выгодна

¹⁾ Säsom och i lyka mätto alla dhe Pacta, hwilcke härtill begge höge Potentater emellan, sū wäl igenom dhe walliesariske som dhe Cardiske och Plüsiske Tractaterne belefvade, sluter och bekräftfude äre, obrottsgligen til alla sine styrker i ackt tager och på bude sydor til ewiga tyder hollue och observerade bliwsa.

²⁾ Kunndandes af dhet wy aff Ryssarne bekommit haftuer, ännu oss föga hopp göra något rätt alffwar på deras syda.

„ratione Livoniae“. Если, сказаъ Долгорукій, они, русскіе, такъ настороживо добиваются указанія на число войска, какое король долженъ доставить царю, то для того только, чтобы этимъ внушить туркамъ страхъ.—Не уполномоченные трактовать о деталяхъ союза противъ турокъ, шведы отвѣчали, что въ царскомъ проектѣ также ничего не говорится о количествѣ войска.

„En mutuel resistance“ требовали русскіе и противъ поляковъ; на нихъ вы не полагайтесь, сказали они. Шведы стали указывать на Оливскій миръ.—Долгорукій прибѣгнулъ къ послѣднему средству: если сказаъ онъ, послы ничего не хотятъ рѣшать объ алліансѣ противъ турокъ, они ничего не добьются для своей торговли въ Россіи. Матвѣевъ былъ мягче настроенъ и сказалъ въ концѣ конференціи, что то, относительно чего теперь не могли договорится, быть можетъ, пойдетъ успѣшнѣе на новомъ пограничномъ стѣзѣ¹⁾). 19-го числа шведы отвѣтили русскимъ цѣлымъ протестомъ, въ которомъ оправдывали свое поведеніе и упрекали русскихъ въ томъ, что они, противно первоначальному намѣренію государей, вместо алліанса вообще противъ враговъ Швеціи и Россіи, выдвинули специальный вопросъ о помощи Шведовъ противъ Турціи, не представляя при этомъ Швеціи никакой взаимной гарантіи. Вся выгода такого договора была бы на сторонѣ однихъ русскихъ²⁾.

¹⁾ Dolgoruki: pѣ dhet sattet at K. M. gesandter sigh skledes f鰎v鋍gra att sluta om succurser emot Turkene torde soga commercio kunna driftas, i hvilken tal Artermon S. f鰎l, sylandes at all frampt denna g鋘gen icke n鰍got fruktbarligt skulle kunna for抯tas, s鰍 kunde wahl andѣ andra medel och uthw鋍gar finnas at sих antingen pѣ grentzen eller elliest f鰈rebna.

²⁾ K. M. gesandter gifwe H Tz. M. Conferenzherrar w旤nigen till kienna, att s鋒som dhem uthi dou i gÃ¤hr oss emellan holne conference icke behagade medh oss f鰎werens komma f鰎ver den 5 puncten uthi den projecterade n鋑rmare alliance angÃ¤ende een inbordes och general assistance uthi förfallande hÃ¤ndelser utan i stället dÃ¤rföre alienast wille ther uthi försattat hafwa een special succurs nu emot den turkiske sultan, men wy, dÃ¤rföwer s鋒som ett nytt hwarcken nÃ¶gire ordres baswe eller f鰎 giÃ¶rligit och practicerligit ansee kunne, att i stället f鰎 een s鋒dan mutuel och inbordes forbindelse emot begge hoge Potentaters hwarishanda fiender ett s鋒dant specielt och eensydigt f鰎bundh skall kunna giÃ¶ras, f鰎medels hvilket H. K. M. skulle altydh wars f鰎obligerat att assistera H. Z. M. emoth dess angrÃ¤ntzende fiender, och deremot ingen reciproque assistance emoth dess fiender hafwa af H. Tz. M. igen at f鰎moda... hvilket emoth ali billigheet och i beeles werlden f鰎lige bruck strafwer, f鰎medels hvilket alla tractater och bebindelser inrättas sÃ¶ borer, att begge theruthi interesserade Potentater altydh lyka nyta och f鰎del dheraf hafwa kunna och icke all fördelen een allena i händer falla.

Вопросъ объ альянсѣ трактовался и на конференціи 27-го мая. Матв'євъ предложилъ формулировать спорный вопросъ такъ: заключень будеть альянсъ противъ всѣхъ враговъ, исключая лишь тѣхъ, кто живетъ во ту сторону моря (Балтійскаго?); о Турциі нечего и упоминать, такъ какъ она—врагъ всего христіанства¹⁾). Редакцію эту шведы не прняли²⁾; они отъ себя предложили новую, которую русские называли весьма подозрительною, а именно—каждый изъ двухъ государей (шведский король и царь) можетъ въ крайнихъ случаяхъ обратиться другъ къ другу за помощью и, если окажется возможнымъ

¹⁾ Dhe ville sluta generaliter om Alliance emot alle fiender, undantagandes dbe på andra sydan om sön, och intet nembla turken, hvilken dess förtuan är christenhetens algemeنهе fiendhe. Och efter wy nu os säledes hafwe beqvämhet, så förmodhe wy, att K. M. gesandter dhet samma ochaž i dheras syda werde giörandes.

²⁾ Dhet är längt ifrån oss, att wy skulle hålla för illa vara, hwad som är talat om ett special förbundh emot Turcken utan dhet fast mehre för nödigt. Men at wy inge ordrer hafwe derom at sluta, dhet hoppas wy oss intet kunna tilakrifwa. Utan wy kunne nu som för detta försäkra, at där H. Z. M. skulle wela igenom doss beskickning lita gjöra därörom någon ansökning hos H. K. M., at H. K. M. värder sig så deröfwer förklahrandes, som kan öfwerens komma medh vänskapen och fahran för turcken. Sedhan såsom blef sagt, at hwad discursawys wore talt, hade ingen kraft eller wore derföre fullkombligen slutit, såsom och att man mätta emådan som man intet kunde sig förlýka om mehningen och rätta forståndhet af K. M. bref, settia den Punkten uti till Potentaten wydare förenig deröfwer, hvilket dbe ändå warde giörandes, så ähre wy dhermedh och tilfreds. Och såsom wi althi vår skrift hafwe förmält, dhet skulle snarare vara Pohlen anstötigt, om wy oss emot Pohlen expresslig sätledes förbindat skulle, så hafwe wy nu försummit H. Okolnitzens mening vara at dhet förbundet mätte ske i tydh och allenast eventualiter på ofwanbemelte händelse, nembl. där antingen Turcken eller en sidan K. i Pohlen skulle blifwa, som ville sökia at recuperera dhe länder som wore af Pohlen tilförende cederade till den ene eller andre Potentaten. Bedie derföre at være ordh intet så attydas som hade wy H. Z. M. Conferensherrar förwylt at dheres försäghe ware sädant, at Pohlen skulle deraf fatta en jalousie, utan här mehning hado warit, at dhet syntes, om wy nu skulle specialiter förbinda oss emot Pohlen at dhet werde försakande någon jalousie hos den Nationen.

För det 4, at Confer. herrar behagado at pâmianna, at om något gott skall kunna stiftas, så mässt sakerne jämkas på bâdhe sydor, dhet sâne wy och för dhet skäligt i werden.

...at så omöyeligen dhet wore K. M. at skicka sitt folck till Ukrainen, som då mäste sendes antingen igenom Pohlen eller H. Z. M. landh, så omöyeligen wore och H. Z. M. at senda folck och succurs öfwer sion, ey heller kan Romerske keysaara af den general alliance fatta någon umbrage, eftersom H. K. M. står medh honom uti godh vänskap.

такую прислать, они должны переговориться о количествѣ людей ¹⁾). Послѣдняя оговорка была въ особенности не по душѣ Матвѣеву, онъ возставалъ противъ словъ „*byständ som møyeligen wara kan*“²⁾, говоря: государи, когда помощъ одному изъ нихъ будетъ крайне необходимо, всегда могутъ сказать, что теперь именно оказать ея не представляется никакой возможности и пр. въ такомъ родѣ: „*wahrandes dhet ordet om møyeligt intet fast at gä uppå utan mechtas dubieust*“.

Долгіе споры завязались изъ за двухъ новыхъ формулировокъ алліанса. Шведы заявили, что не прочь принять формулировку Матвѣева какъ проектъ и представить его своему государю, когда они вернутся въ Стокгольмъ, подписать же еб теперь они отказываются ³⁾.

Торговый вопросъ былъ темой послѣднихъ конференцій; и тутъ не пришли ни къ чему опредѣленному. Матвѣевъ началъ съ того, что рѣшительно отвергъ необходимость шведамъ имѣть своихъ резидентовъ въ Москвѣ. Онъ же, указавъ на то, что въ Москвѣ всѣ жалобы и недоразумѣнія купцовъ рассматриваются въ посольскомъ приказѣ, потребовалъ, что бы и въ Швеціи русскихъ напрасно не влекли по многочисленнымъ судебнымъ инстанціямъ, а рассматривали ихъ жалобы въ королевскомъ судѣ. Шведы отвѣчали, что для удовлетворенія такого требованія пришлось бы измѣнить законы и статуты королевства. Оставьте тогда по старому, возразилъ Матвѣевъ, мы плакать не будемъ, но и вашихъ купцовъ будемъ изъ Москвы отправлять къ областнымъ воеводамъ ⁴⁾.

Шведы перешли къ вопросу о таможенныхъ сборахъ и др. пошлинныхъ, взимаемыхъ съ торговыхъ людей; они требовали равенства съ

¹⁾ att den Ene Potentaten må på fordranne högst nödvendige fall och händelser säkert kunna anmoda den andra om ett gjörligt och møyeligt byständh, och där dhe wele hafwa den Puncten på det sättet stält, så ähre wy dermedh tillfreds. ...at denne alliance skall vara emot alla fiender undantagandes dhe som ähre på andre sydhan om siön.—Шведы стояли на словахъ: i högste nödfall och på ett gjörligt och møyeligt sätt, hwilke formalier bläst wore at bruks, helst emådan dhet ändå wore dhet samma. Аргументъ: i samma punct mäste och stå, att Potentaterne mäste hwarannan beskicka när dhen ene behöfwer om något at tillsyta den andra.

²⁾ Säsom ett project wele wy giärna taga emot H. Z. M. Conferentzherrars förslagh och wysa dhet H. K. M. wdyh wär öfwerkomst, men intet kunna wi dhet underskrifwa.

³⁾ Lät dä blifwa derwidh, jagh lärer intet gräta deröfwer, men när K. M. undersättare komma medh sine klagomähl, will jag wysa dem till underrätterne och i provincierne till woiwoderne.

обѣихъ сторонъ, „att en lykhet skall vara å b de sidor“¹⁾). Имъ отвѣчали, что измѣненія въ пошлинахъ дѣлаются и со шведской стороны. „Не грѣхъ уменьшать пошлины, а грѣхъ ее увеличивать“, сказаъ одиць изъ пословъ. „Едва ли васъ назначили сюда въ качествѣ судей нашихъ грѣховъ“, раздражительно возразилъ Матвѣевъ; каждый преслѣдуетъ свою выгоду, и если король уменьшилъ пошлинъ, то дѣлалъ это въ своихъ же выгодахъ²⁾). Когда Шведы сослались на Францію, Испанію и др. государства, русскіе отвѣтили, что имъ дѣла нѣть до взаимныхъ отношеній короля къ своимъ союзникамъ въ Западной Европѣ; для нихъ выше всего—воля ихъ государя³⁾). Пусть шведы помнятъ, что если русскій не будетъ открыта свободная торговля въ Ригѣ, Ревелѣ и др. городахъ королевства, какъ со шведами, такъ и съ иностраннными гостями, то и шведамъ не позволять торговать въ Россіи въ другихъ городахъ, кроме Москвы⁴⁾.

Въ одной изъ послѣднихъ конференцій русскіе пожелали узнать мѣнія пословъ о взаимномъ сближеніи Россіи и Швеціи противъ Польши, но и на это не послѣдовало никакого опредѣленного отвѣта⁵⁾.

Напрасно шведскіе послы просили отложить вопросъ обѣ алліансѣ и перейти къ другимъ пунктамъ ихъ инструкціи, русскіе не поддавались, обнаруживая этимъ какъ свое упрямство, такъ и нежеланіе разобраться въ существующихъ между обоими народами торговыхъ недоразумѣніяхъ. Посламъ ничего не оставалось, какъ въ новомъ меморіалѣ потребовать рѣшительного и категорического отвѣта⁶⁾:

¹⁾ Artamon: huru kan man d  (въ виду того, что въ трактатѣ не опредѣлено количества пошлинъ) gi ra en wiss tulltaxa, som legaterne hafwa proponerat..

²⁾ Jag tror intet at i  re satte till domare att d mmma om syndh och saligheet... шведы: Lyka som tw nne w rdshus som ligga n r ihoopa, p  det ene s llyes f r mycket b tter k op  n p  det andra, dyt l pa m nga, hyt komma f r eller inge. Men det motte vara en lykhet.

³⁾ Wy m tte regulera oss efter w r store Herres H. Z. M. order.

⁴⁾ Om icke i Riga, Rewal och andra K. M. st der tillst tes H. Z. M. unders thare en fry handel *efter pacta*, s t at dhe f  handla medh hwem dhet helst vara m , s  med inbyggare som fremmande, l hrer ey helier tillst tes H. K. M. unders thare handla annorst des thn i Muscou p  samma s tt som Tz. M. unders tare fry gifwes p  K. M. sida

⁵⁾ Edher K. M. tankar  fwer een mutuel f rbindelse smooth Pohlen, dh rvidh hwariehanda h udelse, antingen igenom Turckens progresser eller dhet nya konungawablet i Pohlen, n gondhena deelen n got skulle framdeelers hafwa att befahra i regard af dhe af Chronen Pohlen bekomme l nder.

⁶⁾ Hafwa wy  ther l tit f rf rdiga ett memorial d ruthinna wy nu anholla om een Andteligh och cathegorisk resolution.

или приступить къ разсмотрѣнію вопросовъ о торговлѣ, пльниыхъ, границахъ и долгахъ, или отпустить пословъ домой. Настоящее замедленіе дѣла—унизительно для чести короля.

16-го іюня послы пишутъ королю: рушились всѣ надежды на расширеніе торговыхъ привилегій¹⁾; русскіе и слушать не хотятъ о свободной торговлѣ шведовъ въ предѣлахъ ихъ государства; они выставляютъ на видъ, что и ихъ торговцамъ запрещены непосредственная торговля съ иностранцами въ Ригѣ. Только въ трехъ городахъ разрешено шведамъ вести торговлю съ русскими—въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ. Объ уменьшеніи пошлины—не допускаются и рѣчи. Чусть, сказали совѣтники, король увеличиваетъ въ своемъ королевствѣ пошлины съ русскихъ товаровъ—тогда они будутъ въ расчетѣ. Что же касается до спорныхъ вопросовъ о границахъ, то, по мнѣнію русскихъ, такие вопросы удобнѣе всего решаются на пограничныхъ съѣздахъ. О сатисфакціи шведамъ русскіе и не отвѣчали²⁾. Въ виду всего этого, заключаютъ свое донесеніе послы, имъ оставалось только просить отпуска домой. Очевидно русское правительство имѣть въ виду другіе планы. Не даромъ же польскому резиденту Свидерскому говорятъ теперь, что шведы прѣбываютъ подымать царя противъ Польши³⁾. Слухъ о намѣреніи шведского правительства соединиться съ Россіей противъ Польши получилъ всеобщую огласку, обѣ этомъ говорили и въ Польшѣ, и въ Курляндіи; составлялись даже проекты раздѣла Польши между Россіей и Швецией.

19-го іюня послы были на прощальной аудіенціи у царя, послѣ которой немедля (23-го числа) и покинули Москву⁴⁾.

Въ своихъ донесеніяхъ королю шведскіе послы очень несочувственно характеризуютъ Долгорукова и Матвѣева. Первый—московскій аристократъ, знающій себѣ цѣну, съ болѣшимъ пренебреженіемъ говорившій о малыхъ государствахъ, какъ Швеція, Польша и др. Стоять ли, замѣтилъ онъ, говорить такъ много о торговлѣ и торго-

¹⁾ Och sÃs som dhe sÃ alldelal allt hopp oss betagit hafwa att nÃgat anhÃlla till bemelte commerciernas beforderande och dhe hÃga tullarnes affiskaffan och lindrande я т. д.

²⁾ Satisfactionen hafwa dhe alldelal uthslagit.

³⁾ att wy sÃkte med Tzaren en alliance emot Pohlen. Свидерскій и самъ этому, будто бы, не поверилъ: ehuruval han elliest trodde detta wars blott och allena een updikta finesse och lust efter denne nationens art och wabna.

⁴⁾ На разставаніи Матвѣевъ заявилъ шведамъ: at onbÃdigt Ãr nÃgon afskiedsskrift oprÃttat.

въхъ привилегіяхъ, съ Швеціей торговыя сношениа Россіи такъ ничтожны и незначительны; другое дѣло Англія или Голландія. И пограничные споры не стоять большаго вниманія. Дѣло идеть о незначительномъ ключкѣ земли близь Нейгаузена. Цѣлый мѣсяцъ, сказаль онъ, мы потеряли съ вами по пустому.

Что касается до Матвѣева, то послы спѣшатъ прежде всего заявить, чтобы король не придавалъ никакой вѣры тѣмъ, кто говорить о его расположениіи къ шведамъ, о его искренности къ нимъ, желаніи установить вполнѣ дружественныя отношенія и т. д. Матвѣевъ одинъ изъ вреднѣйшихъ людей при Московскому дворѣ для шведовъ и ихъ интересовъ. въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ всѣхъ ранѣе его бывшихъ въ совѣтѣ царя. И онъ, какъ Долгорукій, постоянно имѣть въ виду лишь высокое значеніе своего государства, съ которымъ не можетъ стать наравнѣ Швеція или какое-нибудь другое мелкое государство. Выше всего для Матвѣева интересы его государя ¹⁾.

Въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича отношенія Россіи къ Швеціи очень обострились. Это вызвало не малую тревогу въ Швеціи, чѣмъ и объясняется частая пересылка агентовъ, парочныхъ, пословъ и пр. Шведы имѣли полное основаніе искать причины измѣнившагося къ нимъ вастроенія въ Москвѣ въ интригахъ датского правительства, а отчасти въ Австріи. Давно уже, въ царствованіе Карла X, въ Швеціи съ неудовольствіемъ смотрѣли на довѣріе, какими въ Москвѣ пользовались агенты Даніи. Марселяй причинялъ шведамъ не мало тревогъ. Теперь, когда вовникъ вопроса о польской коронѣ, Данія усердно доказывала царю, что французскую партию всего больше поддерживаетъ Швеція, что она возстановливаетъ поляковъ противъ императора, Бранденбурга и Москвы. Въ виду имѣлось противопоставить французско-шведскому альянсу союзъ Россіи, Бранденбурга, Даніи и императора. Традиціонная мечта Коленгагенскаго кабинета, осуществившаяся лишь въ XVIII столѣтіи, въ Великой съверной войнѣ!

Въ Москвѣ агитацией датскихъ дипломатовъ очевидно производила желательное дѣйствие. Предъ нами одинъ любопытный документъ отъ

¹⁾ Hollandes wy honom f r een Man, som Sverige fast skadeligare  r,  n n gon af de andre Tsarenas Ministerer, som f r honom dhet namnet hafwer... Han s ker s rdeles Tsaren h gheets och dess stats och w laendes p raefererande f r andre Potentaters.

начала октября 1674 года, изъ котораго мы узнаемъ объ угрозѣ Россіи по адресу Швеціи, если только послѣдняя будетъ поддерживать французскую партію въ Польшѣ. Царь не допустить этого. онъ тотъ-часъ велитъ сдѣлать вторженіе въ Ливонію, для чего уже на готовѣ значительныя силы подъ командою Хованскаго.

Движеніе Хованскаго къ Великимъ Лукамъ сильно встревожило шведовъ. Они выставляли на видъ все вѣроломство датской политики, которая разъ уже вызвала нарушеніе русскимъ мира съ Швецией; иъ интересы шведовъ не можетъ войти поддержка французскаго кандидата; отношенія ея къ императору не оставляютъ ничего желать. Въ послѣдніе годы политика Швеціи направлена была къ поддержанію всеобщаго мира въ Европѣ; для достиженія этой цѣли она не жалѣла ни средствъ, ни силъ. Агенты ея, графъ Тоттъ, Спарре, Делагарди, Оксеншерна и др. ходатайствовали о такомъ всеобщемъ мирѣ въ Англіи, Франціи и Голландіи, а также и при Вѣнскомъ дворѣ. Если король и вѣльможъ имѣть на готовѣ военные силы въ Бременѣ, Помераніи и Финляндіи, то исключительно ради поддержки мира. Если же ктонибудь вызоветъ Швецію на борьбу, она окажется готовою къ ней¹⁾.

¹⁾ *Ao 1674 d. 10 oct. ist von hoher handt, welcher der vornemste Minister in Moscow ist befohlen an unterschiedliche Personen dass man solle an die vornemste Minister der Chron Schweden schreiben, dass in fall die Chron Schweden warden die französische partey erwehnen contra dass Römische Reich oder Brandenburg, so würde Ihre Z. M. nicht still sitzen, sondern strax ein Einfall in Lifflandt würde thun, darzu auch auf die grentze der Chovanski mitt der armee schon fertig liege; hatt aber darbey befohlen seinen nahmen nicht zu nennen, welcher sonsten woll bekant, und es mitt den Dänischen Resident alles conferiret.*

An solche schlechte drauworth hatt man sich nicht kehren wollen, und nicht würdig geacht solches zu schreiben, biss hernacher selbige Minister publique vor vielen Kaufleuten erwehnet hat, und auch täglich anhalten umb zu schreiben auch Respons zuerhalten, und auch dem Dänischen Resident täglich ihm die ohren voll geblasen contra die Chron Schweden, welcher hernacher durch mittell ein contervers gemacht hatt, und den dänischen Minister sein credit geschwachet hatt. Monsieur Salut. Въ другомъ извѣстіи читають по поводу экспедиціи Хованскаго: welches unsern Ministrie allhie eine grosse alteration verursachet und verwundern sich sehr darüber dass es aldabey Euch in so kurtzer zeit vor alteriret ist, nach dehm-mahnen es wissent ist dass die Chron Schweden mit Ihre Z. M. in guther freundschaft leben, undt wünscheten dass es da möchte den vornehmsten Ministro angetragen werden, dass sie alda den dänischen Ministro nicht zu viel glauben geben noch sein rath zu folgen, welches viel und mehr friedsame nachbarschaft erwecken möchte, den es weldtkundig ist dass die Chron Dannemarken Ihre Z. M. beweget haben dass arme Lifflandt zu übersiehen da doch kein widerstand

Осеню 1675 года рѣшено было отправить въ Москву новое посольство; во главѣ его стали бароны Эрихъ Иоаннъ Крейтцъ, Гансъ Генрихъ фонъ Тизенгаузенъ и Іонасъ Клингстедтъ¹). Инструкція посланъ отмѣчена 16-го октября и заключаетъ въ себѣ 25 параграфовъ. Содержаніе ея таково: такъ какъ царь самъ предложилъ королю на пограничномъ съѣзда разсмотрѣть всѣ спорные вопросы въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, то король готовъ испробовать еще это крайнее средство, чтобы наконецъ устранить всѣ несогласія между своими подданными и русскими²). Какъ скоро окажется, что русские комиссары приближаются къ назначенному для съѣзда мѣсту, послы должны двинуться туда же изъ Нарвы. Всѣ обычныя церемоніи должны и на этотъ разъ строго соблюдаться. Желая выяснить всѣ „контроверсіи“ между обоми государствами, король и на этотъ разъ полагаетъ *status quaestionis* въ 4 пунктахъ—плѣнныя, торговля, гра-

gefunden wart, und hernacher den frieden mit der Chrou Schweden gemacht ohne wissen vndh willen Ihr Tz. M. welches exempla genug ist ihnen nicht mehr zu trauen. Wir setzen dass im fall Ihr Tz. M. einige assistance oder assistensvoleker begerent wehre da wirh es woll wissen dass dieses nicht von nôthen haben, da wärde sich noch der Röm. Kayser, Chron Dennemark noch Brandenburg hierin finden lassen, lass die welt judiciren, wass sie wolle, dass die Chrou Schweden sollte die französische partey erwehlen contra das Römische Reich, da von ist noch kein feder dran gesetzt, und ist die Chrou Schweden nicht so publique in ihren rath und vornchmen dass es sollte weltkündig sein, weltkündig ist es aber dass die Chrou Schweden mitt ihre hohe ministris und grosse umkostung diese zwei jahren lang laborirst haben den general frieden im römischen Reich zu beforderu, da der graf Tott in Cölln, Hollandt, Engelland und Franckreich agirest hatt, nach seinem tothe itzo der Baron Sparre, der gr. Gustaf Delagardie im Reich agirit, auch in Engelandt und Hollandt, itzo der gr. Bengt Oxenstjerna beym Röm. Keysern agiret und wunschet die Chrou Schweden dass es zum General frieden kommen möchte und die general armeen nachm Erbfeindt zu wenden.... Es ist wahr dass die Chrou Schweden haben ihre völcker lassen zusammen ziehen in Stift Brehmen, Pommern, Schweden und Finlandt, vndt wissen noch von kein feindt, aber der sie attaquaren wirdt, der wirdt sie fertig finden.—24 Nov. 1674.

¹) Въ Стокгольмскомъ архивѣ 9 фоліантовъ посвящены этому посольству: два фоліанта писемъ пословъ къ королю, одинъ фоліантъ письмо короля къ посламъ, одинъ фоліантъ письмо рата къ посламъ, 1 фоліантъ письмо пословъ къ риксканцлеру, 1 фоліантъ письмо Клингстедта гофрату Беркеальму, 2 фоліанта протоколовъ и одинъ—различного рода акты.

²) dä Tzaren tillbidut H. K. M. att weia förmedelat een tractat igenom begge sydors gesandter uppå gräntzen sökkia det samma ånnu till att afhälpa... король согласенъ: рѣтъ дѣлъ H. K. M. ånnu mѣ kuuna försökia det yttersta att reeda sigh med denna Naboen uthur all widhlyftigkeit om det möylegit år.

ицы, сатисфакция. Отъ послѣдняго пункта можно отказаться въ виду того, что король окружены многими врагами и не желалъ бы довести еще и отношение къ восточному сосѣду до разрыва. Послы должны однако вести дѣло такъ, чтобы русскіе не замѣтили никакого опасенія разрыва со стороны короля. Въ вопросѣ о пленныхъ послы должны опираться на 10 § Валлесарского договора, 20—Кардисскаго и 3—Плюсскаго; въ вопросѣ о торговлѣ—на 5 пунктъ Тявзинскаго, 14—Столбовскаго, 10—Кардисскаго и 4—Плюсскаго договоровъ. Добиваться слѣдуетъ тѣхъ же торговыхъ привилегій, что и въ посольство 1672 года. 28-й пунктъ инструкціи трактуетъ обѣ алліансѣ. Послы должны только рго fogша поднять этотъ вопросъ, такъ какъ сдавали такой алліансъ принесетъ Швецію какую нибудь выгоду¹⁾. Если царскіе послы сами не заговорятъ обѣ алліансѣ, и королевскіе не должны поднимать рѣчъ о немъ. Условія алліанса, какъ и въ 1672 году, самаго общаго содержанія: нерушимая дружба, обѣщаніе взаимной поддержки, извѣщеніе о всякаго рода тайныхъ проискахъ сосѣдей и т. д.

По вопросу о торговлѣ посланъ предписано было указать на слѣдующія четыре обстоятельства: 1) королевскимъ подданнымъ разрѣшалось только во время ярмарокъ торговатъ гость съ гостемъ, въ другое же время продавать свой товаръ исключительно жителямъ тѣхъ трехъ городовъ (Москвы, Новгорода и Пскова), въ которыхъ имъ разрѣшена торговля, при этомъ продавать не en gros, а en minute, что идеть совершенно въ разрѣзъ съ свободною торговлей прежнихъ лѣтъ и противорѣчить всѣмъ прежнимъ трактатамъ²⁾. 2) Систематическое пониженіе пошлинъ достигло уже до 16%, считая и транзитную, не говоря уже о неслыханныхъ пошлинахъ на вино—до 60%³⁾. 3) Шведскіе купцы подлежать большей пошлины, чѣмъ русскіе подданные⁴⁾,

¹⁾ ty hafwa gesandterna alleenast in genere medh dem pro forma een skdan tractat att slutha som kan kallas een alliance och forbundh, fast det icke sÅ stort ahr uthi sig sielfft.

²⁾ ...som styger till 10%, med durchfarts tullen sammanrcknad, fôrthan den chôrliga tullen, med hwilken kthskilliga slags wyn ahr graverade.

³⁾ att H. K. M. underskârare icke mläge uthom marknads tyder uthi Tsarens Städer handla gäst med gäst uthan skola försällia dheras wahrer till Stadens inwöhñare aliena, der doe wistas, och det icke i gross, uthan i minut, whilket omkullkastar den fryheet, som H. K. M. underskârare uthi alla tyder tillförende kthnotit bafwa och fördensknll sträfwar emot ofwanbemelte Tractater.

⁴⁾ ahrre H. K. M. underskârare medh högre tull graverade än Tsarens egna under-

тогда какъ по § 4 Тявзыскаго договора они должны быть сравнены въ этомъ отношеніи съ русскими¹⁾). 4) Подданные короля принуждаются платить за все риксдалеры и дукатами, тогда какъ въ Плюсѣ решено было допустить и мелкую монету, положивъ риксдальеръ равнымъ 17 алтынамъ.

Пограничный съездъ шведскихъ пословъ съ царскими комиссарами открылся уже по смерти царя Алексея въ Ниенгузенѣ 18-го июля 1676 г. Въ февралѣ царь Федоръ Алексѣевичъ въ грамотѣ къ Карлу XI извѣщалъ его о смерти своего отца и о своемъ вступлении на престолъ. 7-го апреля Карлъ отвѣчалъ новому государю Москвы; онъ глубоко огорченъ вѣстью о смерти своего доброго и великаго друга (*een godh och stoor wann*), желаетъ его наслѣднику счастливаго царствованія, выражаетъ желаніе и съ нимъ поддерживать прежнія дружескія отношенія, просить подтвердить Кардисскій договоръ и прислать комиссаровъ для пограничного съезда. Царскаго посланника подъзачаго Семена Протопопова онъ изъ особаго расположенія и любви къ царю отпускаетъ чрезъ Данію, не смотря на то, что онъ съ по-слѣднею въ открытой борьбѣ²⁾.

Шведскіе послы прибыли въ Ниенгузенъ въ началѣ июня. Вѣсти, какія они получали изъ Москвы, были самаго тревожнаго характера; „датскій король изъ всѣхъ силъ старается возстановить Россію противъ Швеціи, идти въ Москву преувеличенныя вѣсти о своихъ побѣдахъ надъ шведами, о покореніи Готланда; наступилъ моментъ, писалъ онъ царю, когда и царь безъ труда могъ бы подчинить себѣ Эстляндію и Лифляндію“³⁾). Рядомъ съ такими сообщеніями получались и другія, а именно, что русскимъ комиссарамъ предписано на пограничномъ съездѣ потребовать отъ шведовъ добровольной уступки

sätare, i det Tsarens egna undersätare icke betala den durchfahrts Tullen, som H. K. M. undersätare moste undergå.

¹⁾ ...att på båda sydor skole båggas undersätare lyka tull erläggia.

²⁾ att detta för ett serdeles wenskaps och kärleeks tecken optages och skattas mä.

³⁾) notificerandes honom gotlands eröfrande medh tilbudh at eftersom han därigenom war kommen Lyf och Estlandh så mycket närmare, wille och kunde Tsaren så mycket bättre emot dhesse ohrter secundera, föruthan dhet at den Ryske fæltherren Troeschuroff... собираетъ войска около Пскова.

Ингерманландіи в Карелиї¹⁾). Послѣдняя вѣсть очень скоро оправдалась.

Съездъ открылся 18-го юла. Одинъ изъ царскихъ комиссаровъ, Бутурлинъ, указалъ на желаніе своего правительства прийти къ полному соглашенію съ шведами; до сихъ поръ обмѣнивались посольствами, подымали рѣчи объ алліансѣ, но ни къ какимъ результатамъ прийти не могли. Царь Алексѣй Михайловичъ передъ смертью завѣщалъ своему послѣднику жить въ мирѣ со всеми своими сосѣдями; послѣдній съ этой цѣлью и снарядилъ настоящее посольство²⁾).

Послѣ Бутурлина говорилъ Прончищевъ. „Намъ поручено, сказалъ онъ, узнать: уполномочены ли вы вести съ нами переговоры объ алліансѣ или нѣтъ³⁾; если да, то каковы ваши полномочія на этотъ счетъ?“ Шведскіе комиссары отвѣчали, что желали бы методически вести переговоры, то-есть сначала выяснить всѣ существующія между обоями государствами недоразумѣнія, а затѣмъ уже перейти къ алліансу⁴⁾. Фундаментомъ переговоровъ долженъ служить Кардисский миръ; изъ послѣдняго вытекаетъ и болѣе тѣсный алліансъ между державами. Не порѣшивъ всѣхъ спорныхъ пунктовъ, нельзя говорить о новомъ договорѣ⁵⁾. Нельзя заранѣе сказать, каковы будутъ основанія алліанса, все зависитъ отъ рѣшенія оставшихся между Россіей и Швеціей старыхъ несогласій. Русскіе на это отвѣчали, что имъ только необходимо знать условія, на какихъ шведы думаютъ заключить новый договоръ⁶⁾.

Шведскіе комиссары рѣшили тогда еще разъ убѣдить русскихъ приступить сначала къ разсмотрѣнію нерѣшенныхъ еще несогласій;

¹⁾) att dhe Ryske gesanterne äbre beordradhe till at urgera på Ingemanlands restitution.

²⁾) . altså wore dbe til sÃ¶dhan Andha befatte at trädha medh H. K. M. Gesandter på gräntzen tilsamman, kstundandes fördenskull nu at förnimma hwad dhe hafwa til att proponera.

³⁾ wy begärta att wetta om j Åhren beordrade at tractera om Alliancen eller inthet?

⁴⁾ at man ville handla methodice, nembligen först om dhe stycker som höra til den Kardiska freden och sedhan om Alliancen.

⁵⁾ Om wy skulle dhet föruth kunna seja (på hwad sätt man skall tractera och sluta alliancen), så wore dhet den förste tractat som i werlden på dhet sättet wore sluten. Man mäste ju först wetta, på hwad grundh och med hwad conditoner något skall slutas, hwilcket sjelfua tractaten sedan mäste uthwysa.

⁶⁾ Wy begärta allenast at discurera och höra huarandro om Conditionerna till alliancen. Dörföre är han inthet strax sluten.

если же послѣдніе будутъ слишкомъ настаивать, то открыть имъ и свои условія альянса¹).

На второмъ съездѣ 20-го юля споры продолжались на ту же тему. Русскіе комиссары потребовали на этотъ разъ письменного удостовѣренія, что послы имѣли полномочіе вести переговоры объ альянсѣ противъ турокъ, татаръ и поляковъ. Послы согласились дать письменное удостовѣреніе, но не иначе, какъ если и русскіе представятъ имъ письменно же свои соображенія въ проекѣ альянса. Предложеніе шведовъ совмѣстно трактовать и о нарушеніяхъ старыхъ договоровъ, и о новомъ (*tractera conjunctum*) было отвергнуто русскими. Послѣдніе стояли на своемъ, они желали узнать прежде всего намѣренія шведскаго короля о новемъ союзѣ; они еще детальнѣе, въ концѣ второго съезда, формулировали свое желаніе, а именно: на какую помощь Швеціи могла бы Москва расчитывать, еслибы Польша вздумала вернуть себѣ земли, отвоеванныя у нея царемъ.

Послы подчинились. Королю они писали, что не могли дольше настаивать на свое, такъ какъ русскіе тогда совсѣмъ бы порвали переговоры. Приходилось идти на компромиссъ—представить русскимъ свой проекѣ альянса, тѣмъ болѣе, что извѣстія о враждебномъ настроеніи московскаго кабинета къ Швеціи все болѣе и болѣе оправдывались; говорили, что, если только переговоры на сей разъ не увѣличатся успѣхомъ, русскія войска, сгруппировавшіяся въ количествѣ 15.000 чл., у Пскова, немедленно двинутся къ ливонскимъ границамъ.

Шведскій проекѣ альянса состоялъ изъ 6 пунктовъ. Первые пять заключали въ себѣ буквально то же, что и проекѣ 1672 года; новостью явился только послѣдній пунктъ, въ силу котораго Швеція и Россія соединялись противъ Турціи и Татаръ, если бы послѣдніе вторглись въ Польскія земли и заняли одну изъ областей, раньше уже завоеванныхъ шведами или русскими²).

¹) Conclusum: att man mätte til dhet yttersta sökia at förmä Ryssarne till att först afhjälpa dhe saker, som böhra remedieras efter den Kard. fredhen, men om dhe ingaledes skulle stå dertill at bringas, at man då condescenderade til at begynna om Alliance puncten.

²) Вотъ шесть §§ нового проекта: 1) Skall een ouplöslig och stadig wahrundhu vänskap och förtrolighet härrefter emellan begge höga Potentaterne till ewige tydher förblifwa i så mätto, at dhe sigh intbördes med all affection och heder bemöta, hwarandres båsta i alla motto befrämja och hvarad skadheligit är altydh sökia den ena ifrån den andra troligen till at aqwärja och undanböja. 2) Och skall

На съездѣ 26-го июля рассматривали и четыре основныхъ пункта о границахъ, плѣнныхъ, торговлѣ и сatisfaçї. Живою границей, сказали русскіе, должна служить рѣчка Meusitz, впадающая въ Piwscha¹⁾). Что касается до невыданныхъ еще шведскихъ плѣнныхъ, то едва ли такие еще имѣются; но для точнѣйшаго выполненія кардискихъ условій царь согласенъ издать новое возвзваніе къ городамъ, чтобы тамъ разыскивали шведскихъ плѣнныхъ²⁾). Съ своей стороны царь наставлялъ на выдачѣ перебѣжчиковъ изъ его подданныхъ, скрывающихся въ шведскихъ городахъ. Какъ царь, такъ и король должны бы подъ угрозою смертной казни запретить своимъ подданнымъ переходить въ сосѣднія государства. О свободѣ торговли не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ шведы сами стѣсняютъ русскихъ торговцевъ (указаны были случаи). Всѣ случаи какихъ либо столкновеній русскихъ со шведами разбирались въ Москвѣ въ посольскомъ приказѣ; таковой долженъ

denne närmare alliance och förbundh emillan begge höga Potentaterne vara så fast och förtrolig, at dhe ingen troo settia skohla till någon illwillandes ondhä stemplingar, som sökia missförståndh och oenigheet dhem emillan at stifta, uthan när sâdhant skeer skall dhen eene Potentaten vara skyldig den andra sâdhant at communicera och tilkienna gifwa. 3) Ey heller skall den ene Potentaten på nägåt sätt, hwarcken medh râdh, eller glärningar, hemligen eller uppenbahrlijgen byspringe eller adeistera den andres fiender, på hwadå sätt dhet och helst vara mäss, uthan fast mehra 4) når dhen ene Potentaten behöfwer at tillita dhen andre om hielp och assistance mäge dhe hvarandre däröm säkert ammodha och förmehdhet een therbiwer föregängen wänlig afhandling, efter tydernes och jägenheternas beskaffenheit sigh däröm föreena. 5) Vthj lyka mätto skohlo alle pacta huilka härtill begge höga Potentaterne emillan, så wähl igenom dhe wallisariska som kardiske och Pflüsische tractaterne belefvadie, slutne och bekräftade åhro, obrotsligen till alle sine stycker i acht tagne och på bâdhe sydor till ewige tydher holdne och observerade blifwa. 6) Til dhet sidsta, skall vara ett förbundh emillan begge store Potentaterne emot den turiske sultan och tartar chan, så at om konungariket Pohlen skulle, dhet god nädeligen afwende, af Turkens och tatarens store macht blifwa kastat öfwer Ånda och inkrächstadt och dhen Turiske sultan och Tartar Chan skulle sedan H. K. M. landh Lyfflandh och H. Z. M. l'provincier och Ländher som H. Tz. M. af Konungeryket Pohland wunnit hafwer, fiendteligen angrypa, hafwa begge store Potentaterne sig medh dheres macht emot bemelte fiendher at sammansettja, till at göra honom motståndh.

¹⁾ att den rätta, tiänlige och lefwande gräntzen efter bâcken Meusitz mätte giöras, och icke efter warma stenen.

²⁾ Och är nu widare intet att söckia efter några fänger, efter som intet annat är till förmoda än att dhe uti dhe åtakillige tiderns efter så många oprochningar och utlefwereringar ähre alle in på K. M. sida afslätne. Dock lykwâll till att fulgiöra dett Cardiske fördraget läter Tz. M. skicka sine herrisks bref utj Tz. M. städär till att afhöckia fängerne, ehuruwahl man intet tror några där finnes.

быть учрежденъ въ Стокгольмѣ, такъ какъ практикуемый теперь судъ ратмановъ и бургомистровъ всегда очень пристрастенъ и несправедливъ; всѣ эти люди, разумѣется, дѣйствуютъ въ пользу шведовъ (*favoriserar sina svenska*). Далѣе коснулись пунктовъ о греческой церкви Св. Николая въ Ревелѣ, о постоянныхъ и торговыхъ дворахъ въ Ригѣ и др. городахъ, о вѣсахъ, о задержкахъ торговыхъ людей и разнаго рода другихъ злоупотребленіяхъ.

8-го Августа русскіе выступили съ тѣми неожиданными для шведовъ требованіями сatisfaktion, о которыхъ давно уже ходили упорные слухи; они потребовали себѣ уступки всей Ингерманландіи и Карелии, подъ которой разумѣли Кексгольмъ съ областью. Можно себѣ представить изумленіе шведовъ. Претензіи, высказанные царскими комиссарами, такъ неожиданы и новы, сказали они, что они вынуждены раньше всякаго отвѣта извѣстить объ этомъ своего государя. Если говорить о сatisfaktion, то лишь о той, какую русскіе должны шведамъ за неоднократное нарушение заключенныхъ договоровъ¹⁾). Русскіе продолжали стоять на своемъ, причемъ выступили съ цѣлью рядомъ новыхъ упрековъ по адресу шведской дипломатіи. Между царемъ и Бранденбургомъ заключенъ былъ уже договоръ о взаимной помощи противъ Турокъ, но курфюрстъ не могъ прислать царю обѣщанной помощи изъ за шведскаго короля, который какъ разъ тогда вторгся въ его земли, и курфюрстъ былъ вынужденъ обороняться противъ шведовъ. Не одна Россія пострадала отъ союза Швеціи съ Франціей, которымъ обусловлено было вышеупомянутое вторженіе шведовъ въ Бранденбургъ; находившіеся въ Москвѣ послы отъ императора, Даніи, Голландіи и Бранденбурга—всѣ въ одинъ голосъ сѣтуютъ на шведскую дипломатію, изъ которой всѣ эти державы вовлечены въ войну и лишены возможности дѣйствовать за одно съ Москвою противъ турокъ.

13-ое и 14-ое августа прошли въ сильныхъ спорахъ между комиссарами Швеціи и Россіи. Русскіе требовали Ингерманландіи со всѣми ея городами, какъ удовлетворенія за нарушеніе шведами Кардисскаго міра²⁾. Шведы и устно, и письменно протестовали противъ

¹⁾ Legaterne swaradhe, att dhenne prætensionen på Ingemanland were ett aldeles nytt, hwarom man aldrigh något hadbe kunnat täckia. Och hadbe man på K. M. sydha wähl mehr at beglära satisfaction före, om wy inhet skulle handla som christine.

²⁾ hafwa rundt uth beglärat Ingemanland medh dhess städher igen till satisfaction för dhe Contraventioner som dhe föregifwa vara på H. K. M. sydha förelupna emot dhen Kardiske freden.

такой беззаконной претензіи. Между вашими и нашими притязаніями такое же разстояніе, какъ между небомъ и землей, сказали они. Русские отвѣчали съ большимъ спокойствіемъ, что если не послѣдуетъ требуемое удовлетвореніе, отъ котораго ихъ государь никогда не откажется, онъ прибѣгнетъ къ силѣ, къ кровопролитію¹⁾). Шведы тогда стали просить прервать конференцію на десять недѣль, чтобы извѣстить о новомъ поворотѣ дѣла своего государя, но русскіе дали имъ всего четыре недѣли сроку. Шведы остались въ этомъ довольны, хотя данного срока было недостаточно для пересылки письма въ Стокгольмъ и обратно; довольны они были потому, что могли по крайней мѣрѣ извѣстить начальниковъ пограничныхъ крѣпостей обѣ ожидающей ихъ участіи, а они успѣли бы собрать нужный провіантъ, приготовиться къ защите и пр.

Прошелъ четырехнедѣльный срокъ. Русскіе рѣшительнѣе чѣмъ прежде стали требовать категорического отвѣта на свои требованія. Такъ какъ шведскіе послы еще не успѣли получить отъ короля отвѣта на свое донесеніе о неслыханныхъ требованіяхъ русскихъ, то они могли только отъ себя отвѣтить, что государь ихъ, разумѣется, никогда не согласится исполнить ихъ требованія о территоріальныхъ уступкахъ. Всего лучше отказаться отъ этого вопроса, замѣтили они, и перейти къ другимъ. Русскіе однако на это не согласились и теперь уже, кромѣ Ингерманландіи, стали требовать уступки царю и Карелии. Тонъ ихъ рѣчи становился все заносчивѣе; они ставили посланъ на видъ потери, понесенные шведами въ датской войнѣ, потерянны Сконе, Норвегія и Бременъ.

Если шведскій король добровольно не откажется отъ требуемыхъ царемъ областей, онъ обратится, какъ сдѣлали это датскій король и курфюрстъ бранденбургскій къ силѣ. „Мы знаемъ уже, где Выборгъ, легко доберемся и до Упсалы“, сказали они²⁾). Если бы, пишутъ послы Карлу XI, мы еще не уступили русскимъ въ ихъ требованіи расширить титулъ царя, пѣтъ сомнѣнія—война была бы объявлена

¹⁾ Och eftersom dhe fasteligen stodhe därpå, säsom på Tsarens dhem expressse gifne ordres, seyandes dhet wy icke mätte inbillia oss, at Tsaren hwarken nu eller i ewigheet täncker ifräni dhen resolutionen et afstå, uthan sökia den fullfollia, om icke annors, dä medh krygh och blodsutghudelse, säsom dheras formallier icke een uthan mängre gängor wero.

²⁾ Dhe wiste wähl hwarest Wiborgh ähr belägit, ja dhe kundhe och finna väghen till Ubsala...

намъ чрезъ какихънибудь пять дней.¹⁾ Отношения къ шведамъ, дѣйствительно, становились уже прямо враждебными. Изъ Москвы они не могли получать никакихъ извѣстій, всякая корреспонденція съ столицей была запрещена²⁾. Шведскихъ агентовъ и нарочныхъ останавливали на пути, подвергали обыскамъ, называли шпionами, отводили нерѣдко даже въ пѣнъ, грозили имъ войною³⁾, позволяли себѣ оскорбительно отзываться о королѣ, о его министрахъ побѣдахъ, послѣ которыхъ ему оставалось только отступить къ Стокгольму. На всѣ наши заявленія, пишутъ послы, русскіе отвѣчали однѣмъ категорическимъ требованіемъ уступки Ингерманландіи и Карелии. Вы, сказали они, къ датскому королю не желали добровольно уступить Сконе, и что же: вспыхнула война, король силою добился своего⁴⁾. И теперь такой исходъ болѣе чѣмъ возможенъ. Какую, однако, сatisфакцію вы бы намъ предложили?⁵⁾ Шведы отвѣчали, что отношенія

¹⁾ Så frampt wy icke giordhe dhem dhet nöye som dhe hadhe begjärat för Tzarens Tituls laesion, skulle wy iunan 5 dagar wore til ända hafwa kryget på halssen.

Клингстадтъ изъ Москвы, 12 сентября 1676... dass die bieigen auf den stück ihrer Lander wieder zu haben wollen stehen bleiben, und wird nunmehr alhier viel geredet, dass Dänemark, Brandenburg und andere vor diesem gehabte lander gahr glücklich von die Chron Schweden wiedererobert, worumb sollte man von dieser seiten solches ebenfalls nicht suchen... Also wirdt noch grosse mühle angewandt die biesigen wider Schweden aufzuwiegeln.

²⁾ och wäre uthskickade till dhem ofta medb äthlöye och spätske ordh undfängit, seyandes, att dhet skulle komma suurt brennewyn ifrån Pleskou för dhem som hadhe lust at handla dhet till sigh, hwarmedh dhe förstodhe dheras krygsfolk som skulle vara på wägen därifrån, och moquerandeas sigh öfwer E. K. M. erholne victoria som j berömma edher öfwer närr j förlöre eder Provincier och eder Konungh mäste retirera sigh till Stockholm och at dhe nu på sidatonne inthet hafwa welat emottaga wäre skriffter, shuru höfligen dbe och hafwa warit stälte, uthan sedhan dhe hafwa bört dess innehäldh skickat dhem oss tillbakar och sagt, at dhe inthet annat begjära, än dhet wy wille sendha dhem en skrift på cessionen af Ingemanlandh och Carelen.

³⁾ sedhan dhe all correspondens ifrån dheres sydha oss hadhe afskurit.

⁴⁾ Kon. i Danmark har och medh godho sökt at bekomin Skähne igen. Och efter dhet inthet är skedt, sii seor man hwadh för een eldh däruthuf är entstädnen. Hvilket här och kan skeo.

⁵⁾ Hwad för satisfaction skole wy dū bekomma? Dhen består däruthi, som wy oss förklahrat hafwa, nembligen att H. K. M. är okiärt at sā är af förseendho tillgängit medh dheas titul, och at dhet aldrigh mehra skall skee. Och wore een stark förhindring af een trogen wänskap fast mehra än all annan satisfaction och fast högre tillskattades, än dben förhoppning, som dhe sigh göra kundbe, medh sā stort åfwentyr at recuperera dhe provincier som dhe praetendera.

установились бы всего лучше и прочище, если бы заключенъ быль новый аллансъ между обоями государствами. Если въ титулѣ царя и сдѣланы были съ шведской стороны иѣкоторыя измѣненія, то отнюдь не преднамѣренно. Русскіе отвѣчали: если мы ни къ какой резолюціи не придемъ, наѣтъ всего лучше разѣхаться¹⁾).

21-го сентября, однако, комиссары снова сѣѣхались съ той и другой стороны. Русскіе были увѣрены, что шведы уже полуѣчили отпѣтъ отъ своего короля, но скрываютъ его; разубѣдить ихъ не было никакой возможности. Пренія принимали все болѣе острый характеръ. Шведскіе послы повторяли, что считаютъ ни съ чѣмъ не сообразнымъ отдавать безъ всякой видимой причины часть своей территоріи какъ сатисфакцію тому или другому изъ своихъ сосѣдей. Въ исторіи не найдется примѣра такого беззаконія. Ни въ бытность свою въ Москвѣ не слышали они ничего о такихъ претязаніяхъ, ни въ письмѣ царя къ королю о нихъ не упоминается²⁾). Русскіе отвѣчали, что во вѣки не откажутся отъ законно требуемой за нарушеніе царскаго титула сатисфакції³⁾). Вѣдь изъ-за титула возникла съ Польшей цѣлая война. Исперманландія и Корелія издавна принадлежали Московскімъ государямъ, поэтому царь требуетъ возвращенія только своего, онъ не требуетъ ни Риги, ни Ревеля, ни Нарвы. И пускай шведы не вздумаютъ третировать царскихъ комиссаровъ такъ, какъ они сдѣлали съ датскими, когда послѣдніе были въ Стокгольмѣ и тамъ требовали возвращенія Сконе⁴⁾.

Шведскіе послы могли теперь убѣдиться въ полной бесполезности продолжать переговоры съ русскими; они удалились въ Киркемпѣ въ разстояніи 8 или 4 миль отъ Нюенгузена, но своимъ удаленіемъ, но собственнымъ словами пихъ, по иѣтили повсе въ виду совершенно

¹⁾ Men kunne wy ingen resolution dÃrÃfwer erhÃlla, sÃr inthet annat Ãfrigit kan att man giÃr een afskeedsskrift.

²⁾ Wy hafwa sagt, at wy fÃr wÃre Persohner hÃlle fÃr irraesonabelt, at uihni otvaak gifwa landh och folck bort och hwiste af inge historier nÃgat sÃdan exempl, och troo dhet ey heller nu kunnen skec, wettandes elliest inthet, hura H. K. M. sielf sigt dÃrpÃ resoverandes wader.

³⁾ Dhet bewilliades skledes, at man mÃtte pÃ bÃdhe sydor afsydes och nu strax fÃr an man skildes kth, wydh dhenne conferencen fÃrfÃrdiga een afskedsskrift.

⁴⁾ och K. M. Legater mÃl intet sÃ ringa aestimera som det skedde i Stockholm nÃr konungens Legate af Dannemarck begjÃrte igen SchÃne, hafwer Ricks Cantzleren hÃgmodeligen swarat, at dhe wille medh sconerne (иера словъ Сконе и сконоръ) sparka bort dem.

порвать всякия союзенія съ царскими союзниками. Русскіе сочли это однако за полный разрывъ и уѣхали. Шведы излагали впослѣдствіе дѣло такъ, будто бы прервали переговоры не они, а русскіе. Изъ Киреипа шведскіе комиссары уѣхали въ Дерптъ, а русскіе прямо направились во Псковъ и далѣе въ Москву.

Свои притязанія на территоріальную сatisfactionъ русскіе, какъ извѣстно, основывали на нарушеніи шведами 2 параграфа Кардисскаго мира, гдѣ дѣло шло о должномъ соблюденіи титуловъ. По этому поводу они переслали шведамъ составленный ими докладъ въ 18 стр. in folio¹⁾). Начинается докладъ слѣдующимъ высокопарнымъ вступленіемъ: Настанетъ время намъ, царскаго величества великимъ и полномочнымъ послать, вамъ, королевскаго величества великимъ и полномочнымъ послать, говорить о великому и высокому и главному дѣлѣ, то-есть о второй кардисской вѣчной договору статьѣ, которая такъ со стороны королевскаго величества нарушена, что намъ его царскаго величества великимъ и полномочнымъ послать нетокмо объявлять жалостно, но и помышлять болѣзнино, какъ о томъ послѣдующее явить предложеніе. И всякъ умъ имѣй разсудить, что честь высокихъ Божескою милостью монарховъ и великихъ государей многихъ и иныхъ трудности превосходить и превышаетъ многою и несравненнью мѣрою, и всякъ вѣрный радъ слыша или вида, а напаче превысайшаго государя своего безчестуема и отъ имѣющихъ разумъ, а правду забывшихъ поносима и сердцемъ уязвляется и совѣтствомъ возмущается, и до толь душою неуспокомится, доколь превысокаго государя своего безчестія отложенно и удовольствованіе за него со стороны тѣхъ, которые безчестятъ подобающее учинено и совершенно видѣти сподобится²⁾).

¹⁾ Этотъ докладъ на русскомъ и шведскомъ языкахъ — въ Стокгольмскомъ архивѣ.

²⁾ Для интереса приводимъ и шведскій переводъ этого истуканіемъ: Dett är nu den tydh, pâ hvilken wy... Eder... om en stoer, hög och rätt hufwudsak... hvilken pâ K. M. sydha åhr sâ högt bruten, at wy det icke allouast med ängsligheet kunnas optäckta, utan och med förtret påtäncka, som wär följande proposition wydare wysar, och hvor och en, som förstånd hafuer dömma kan, at dte med Guda näde Stoore Monarchs och store Regementers respect öfvergår altannat med ett stoort och olykeligt mätt. Hwarföre hvor och en trogen tiänare seende eller hörande sin herres den högste schimpf, utaf sådanna som skola hafwa förstånd, men lykwall all rätt och billigheiet afhides sätta, sâ för han som ett sär i sitt hjerta och i sitt sinne sâ conturberas, sâ att han intet kan hafwa någon roo, för än som hans höge herres skympf aldeles blifwer afvägentagen och

За вступлениемъ ядетъ перечисленіе цѣлаго ряда случаевъ нарушенія шведами царскаго титула. Такъ 1) въ письмѣ шведскихъ регентовъ къ Ioannu Kazimiro Польскому о томъ, чтобы послѣдній не посыпалъ своихъ пословъ въ Курляндію, во многихъ мѣстахъ умалялся царскій титулъ; 2) въ письмѣ самихъ регентовъ къ царю послѣдній названъ лишь великимъ княземъ 3); въ бытность русскихъ пословъ въ Стокгольмѣ о здоровіи царя справлялся не самъ король, а его секретарь Клингстедтъ. 4) Во время бунта Разина въ Ригѣ и другихъ шведскихъ городахъ печатались „авизы“ (avviser), въ которыхъ унижалось царское достоинство. „И такие то полные лжи куранты подданными короля распространялись по всей Европѣ“ ¹⁾). 5) Въ 1655 году въ Ревель вышелъ недостойнѣйший пасквиль на московскихъ царей. Авторомъ пасквиля былъ Ioanъ Швабъ, его книга посвящена магистрату Ревеля и снабжена еще стишками, авторами которыхъ были все шведские подданные, какъ то Georg Goesius, Michael Ludwich, Isak Hedrag, Ioan Hartman. Въ этой пасквили Иванъ Васильевичъ названъ не царемъ, а тиранномъ ²⁾; затѣмъ въ ней говорится, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ русскіе стали такъ своевольно тиранствовать въ Лавонії, что достойны того, чтобы имя ихъ покрыто было вѣчнымъ мракомъ. Царь уподобился Герострату, сжегшему храмъ въ Эфесѣ ³⁾). 6) Рижскій генераль губернаторъ Ферзенъ въ письмѣ къ стольнику и воеводѣ псковскому—Петру Васильевичу Шереметеву—назвалъ царя Федора Феодоромъ Михайловичемъ, вместо настоящаго отчества царя—Алексѣевича.

Въ виду всѣхъ этихъ недостойныхъ и оскорбительныхъ для царя уменій его титула и титула его предшественниковъ онъ вынужденъ потребовать отъ шведского правительства сатисфакціи—уступки Ингерманландія и Кореліи съ городами Ивангородъ, Кекстоліи, Нотебургъ, Ямъ, Копорье и др.

en satisfaction kan sees blifwa giord utaf deras syda som dän wanheder hafwer tilfogat.

¹⁾ Men samma falska och orimlige tryckte och skrefne contranter hafwa K. M. undersättare uthfaridt i alla landh, sâ att dett K. M. undersättares falska och orimliga utlîfrande ännu wahrer uti hela Europa och Italien.

²⁾ Ryske Rykets tyrann och Marteraren.

³⁾ Muscoviterne hafwa under storförsten i Muscou Alexei M. begynnat at öfwa utj Liefland ett sâ stoort tyrannie, att dhe därföre ähre wâlde att et ewigt mörcker skulle deras namn öfwertäckia, sâsom är skrifvit om Herostratus namn i Epheso... Herostratus hwilken war en gemen bondhe och utj Epheso upbrände ett afsgude tempell.

Съ вачала 1677 года въ Москвѣ ожидались значительныя перемѣны. Шведы ожидали лучшихъ временъ съ немилостью, постигшей Матвѣева; теперь, писали они, можно ожидать, что царь вернется къ болѣе разсудительной политикѣ¹⁾). Датскіе агенты, правда, дѣлали свое и теперь, когда въ войнѣ успѣхъ сталъ склоняться на сторону шведовъ; они съ большою еще энергию старались поднять русскихъ противъ Швеціи. Находившійся въ Москвѣ шведскій агентъ Кохъ подробно доносилъ въ Стокгольмъ и Ревель объ этихъ датскихъ пронескахъ²⁾). Такъ какъ датчане дѣйствуютъ подкупами, то и Кохъ просить снабдить его тысячью-другой дукатовъ, надѣясь, что тогда число сторонниковъ Швеціи несомнѣнно увеличится. Шведскіе комиссары писали своему государю изъ Ревеля, что Коху можно было бы вполнѣ довѣрить такую сумму денегъ, онъ человѣкъ осторожный и вѣрно идетъ къ цѣли³⁾).

Къ осени 1677 года шведское правительство снова начинаетъ добиваться пограничного съѣзда, надѣясь уже на болѣе благоприятный исходъ его⁴⁾; прошло много времени, а отъ русскихъ не приходило никакого отвѣта—только и слышно было, что объ интригахъ Даніи поднять Россію противъ Швеціи. *Danicus minister omnem lapidem movit ad discordias promovendas et bellum inter vestram et hanc gentem ineundum et aggrediendum* — пишетъ Кохъ изъ Москвы. Только къ концу 1680 года московское правительство рѣшилось, наконецъ, назначить трехъ лицъ для пограничного съѣзда съ шведскими коммі-

¹⁾) Att Tsaren medh Guds hiepl lare komma pâ rai sonnablare tanckar.

²⁾) Hurledes den danske Envoyen bemöder sig der sammastades på det högsta och igenom allahanda konster söker till att animera Ryssarna emot H. K. M. och Cronan Swerighe, men at han än intett haffwer näghet kuunat uthräätta, och at om han Koch i medler tydh hadhe 1000 ducater och näghet mehra uthi henderne, wille han tilltroo sigh dher medh at kunna göra den anders negociation till intett och beredhe väghen till en godh ändskap uthi dhe stridigheeter som äbre emillan H. K. M. och Tzaren...

³⁾) Wy troo det Christian Kock, som hällies vara en förfu stig man, hwilkem bädhe förstår Ryssernes staat och kener väl gemütherne, lare häruthinna; vara cautus och intet gâ widere, än han seer sigh det säkert kunna göra.

⁴⁾) 11-го октября 1677: sedan E. K. M. swar till Tzaren föruth war bortsckat—hafwa wi skrifvit Her General Gouverneuren i Narven till och begärat det han wille lätha wojwoden i Nougarden förstâ, at sâ frampt Tzaren skulle vara sinnat at sända sine gesandter till gräntzen igen, till att reassumera tractaten hafwe H. K. M. gesandter också bekommit H. K. M. nädighe ordre, att hölla sigh der till färdighe.

сарами—Ивана Асанасьевича Прончанцева, Григорія Карповича и Бобынина. Ожидаютъ отъѣзда ихъ изъ Москвы въ концѣ декабря¹⁾.

Споры возникли однако уже съ самаго начала изъ за мѣста новаго съѣзда. Шведы предложили Шлюсу, русскіе прежнее мѣсто, что и въ 1676 году—Нюгузенъ. Переписка на эту тему продолжалась до апреля 1681 года²⁾.

¹⁾ 30-го ноября 1680: Ich weiss nicht anders gleich jüngstes gemeldet, als dass Iwan Offonassiewitsch Prontschoff und Grigorij Karpowitz (welcher vor dem Dumnoj Diack in der Posolschen Pricass gewesen) nebst Bobinin nach denen Schwed. Grentz Tractate zu geben beordret sein, und will man vor gewisse sagen, dass sie noch vor weihenachten von innen ahreisen werden.

²⁾ Остановимся на наиболѣе любопытныхъ моментахъ этой переписки. 9-го января русскіе писали въ понясненіе своего требованія собраться именно на новомъ мѣстѣ слѣдующее:... въ прошлыхъ лѣтахъ послѣ Мѣузицкаго посольскихъ съѣздовъ въ разныхъ числахъ, такъ же и въ прошломъ году іюля 5-го дня къ великому государю нашему его королевское величество писать съ резерандаремъ съ Сомондомъ Зосандеромъ, что его королевское величество съ великимъ государемъ нашимъ въ дружбѣ и любви быти и кардискій вѣчный мирный договоръ исправить и во исполненіе привести желаетъ; и того бы ради для договору заходящихъ трудностей того кардисского вѣчного миру поврежденныхъ статей, которыя на прежнихъ съѣздахъ совершился не могли обойти великими и полномочными послами сѣѣхатъ, и чтобы великий государь нашъ для того изволилъ слать великихъ и полномочныхъ пословъ на границу, а его королевское величество на тѣ съѣзда назначитъ вѣст; а съѣзданіи бы быти изъ рѣкѣ Шлюсѣ, а есть ли великий государь памъ того мѣста на рѣкѣ Шлюсѣ принять неизволитъ, тогда бы съ обояхъ сторонъ обояхъ великихъ государей нашихъ посланъ къ тѣмъ съѣзданіямъ высланныхъ между собою учинить пересыпку о иномъ мѣстѣ, и августа въ го числѣ его царское величество къ государю нашему стъ тѣмъ же резерандаремъ изъ своей царской грамотѣ писать изволить, что его царское величество воспріявлъ о томъ вѣдомость указать по желанию королевскаго величества на тѣ съѣзда назначить нась споихъ полномочныхъ пословъ, а съѣзданіи бы быть на прежнемъ мѣстѣ на рѣкѣ Мѣузицѣ и сѣѣхатъ бы обомъ намъ великимъ и полномочнымъ посланъ въ январѣ мѣсяцѣ, сего настоящаго года на томъ выше именованномъ мѣстѣ, а не на Шлюсѣ, и по тому его царскаго величества изволенію мы — для договору и постановленія поврежденныхъ со стороны королевскаго величества кардисского вѣчного мира статей на съѣздѣ съ вами къ назначенному времени изъ царствующаго великаго града Москви отпущенны, и въ великий Новгородъ пришли генвари въ первыхъ числахъ, а изъ великаго Новгорода ко Искову пойдемъ мы сего же числа, и въ пути медлить нигдѣ не будемъ, а сѣѣхатъ бы намъ обомъ посланъ на прежнемъ мѣстѣ, на которомъ прежде сего сѣѣжались по изволенію обояхъ великихъ государей нашихъ обои же великие и полномоченные послы межъ Нечерского монастыря и Новагородка на рѣчкѣ Мѣузицѣ, где и нынѣ общее строеніе стоять въ цѣлости, а что къ тому для нынѣшняго зимнаго времени съ нашей стороны доведется прибавить, и то

Въ 1679 году шведское правительство для своихъ торговыхъ дѣлъ

по указу его царского величества строить насконо, чтобъ затѣмъ нашихъ пословъ стѣздали медленіе не было, и вами бѣ тому нынѣшнему мѣсту на рѣчу Мѣбунцу для сѣзду стъ вами бѣхать изъ генваря мѣсяца, а къ которому числу того генваря мѣсяца вы къ тому мѣсту прибудете и о томъ мы... ожидати будемъ вами королевскаго величества пословъ отвѣтѣ во Псковѣ; а съ симъ листомъ послали къ вамъ новгородскаго подьячаго Сидора Родионова, при семъ листѣ предаемъ въ соображеніе всемогущему Богу и желаемъ съ вами видѣтися на томъ вышесказанномъ общемъ сѣзданіи мѣстѣ дружелюбно вскорѣ.

18-го апрѣля русскіе потребовали категорического отвѣта отъ шведовъ, заявивъ, что никогда не сѣдѣтъ со шведами въ имень мѣстѣ, какъ на рѣкѣ Мѣбунци у Никугена. (Så sÃ¤ga wy utan till yttersta vÃ¶r tvenning, at uti sÅ fÃ¶rsta sammankomstas orten pÃ¥ Megositz anstlÃ¶ det ingalunda af sammankomstne pÃ¥ nÃ¶gon annan ort, och hafwe wy dÃ¶r till ingen Z. M. ordre och warde wy aldrig kommandes medh eder tillhopa annorstades än pÃ¥ Megositz). Шведы „rotunde“ отвергли Никугена и стояли на Плакт. Ихъ предполагавшаго вограничаго сѣзда ничего не вышло.

15-го февраля русскіе послы писали съ Родионовымъ: на посланный ими въ вами листъ обѣдали вы прислати отвѣтѣ и свою мысль вами объявить черезъ нарочного, посланнаго своего; ругодинскій переводчикъ Эрихъ Гофманъ вручилъ имъ листъ вами писанный въ Ругодинѣ февраля 3-го дня, изъ котораго мы выразили, что великаго государя нашего его цар. въ-ва посланники бывшиѣ у государя вами въ прошломъ году въ отвѣтахъ повѣришь царскаго величества грамоты будто предлагали и искали того-же, дабы его кор. въ-во послалъ своихъ пословъ на рубежъ, чтобы сѣхадились паки договоры начать, и вскип спорныхъ дѣлъ, которыхъ между обеими государствами нашими выросли, успоконть, но итчному кардискому мирному договору и будто по предложению тѣхъ нашего царя, въ-ва посланниковъ его кор. въ-о съ своей стороны то учинить склонилса, и вѣсть своихъ пословъ послать на рубежъ изволить,—на то мы Вамъ чинимъ отвѣтѣ: мъ прошломъ году его ц. в. посланники къ государю нашему посланы потому, понеже до послыши еще тѣхъ цар. въ-ва посланниковъ за долгое время послѣ первыхъ посланскихъ мѣбунцкихъ сѣздовъ вскорѣ въ прошломъ году октября въѣхъ величеству государю нашему въ грамотѣ своей писалъ, которая писана въ аѣзъ году въ Шкоенской землѣ въ Ронебергѣ мая кс дни, чтобы ихъ спорные и поврежденныя статьи, которыхъ въ нынѣшнихъ мѣбунцкихъ сѣздахъ совершенія своего не мосирія паки чрезъ договоры лучше на сѣздахъ исколи пространными грамотами пересматраться совершиться могли, и что доведется говорить и о томъ бы дабы паки обонь послать на рубежъ сѣхадиться вскорѣ и чрезъ договоры тѣ спорныя и тажкия дѣла уговорить и успоконть, и того ради его кор. въ-о назначилъ нынѣшнихъ своихъ пословъ, желая того, чтобы его ц. въ-о на тѣ сѣзы своихъ пословъ послать указать, по коему кор. въ-ва желанію и царское въ-о на то склониться изволить, и тогда же великихъ пословъ своихъ назначить указать, и къ кор. въ-у изъ своей грамотѣ писать того же году октября въѣхъ, и тѣ его ц-аго въ-ва посланники будучи кор-аго въ-о съ думными людьми въ отвѣтахъ говорили, когда кор-ое въ-о съ великимъ государствомъ нашимъ въ

спарядило въ Москву Христофора Коха уже съ титуломъ королевскаго

дружбѣ и любви быти и кардиск. договору поврежденныя статьи исправить желаєтъ, а своихъ пословъ на съѣзы посыаетъ и во его кор. в-а желанію и по грамотѣ его ц-а в-о своихъ пословъ на съѣзы послать изволилъ же, только бы тѣ его кор. в-а послы были съ полной о договориваніи (удовольства), по предложению его ц-аго в-а пословъ, на Мѣузицѣ бывшихъ, мочью, а не такъ какъ его кор. в-а послы, будучи на мѣузицкихъ посольскихъ съѣздахъ въ прошломъ во иные году, учинили необыкновенно, не соверша съѣзовъ и обоихъ вел. государей дѣлъ и невидѣвшись съ послами его цар. в-а съ посольского стану уѣхали тайно, чего было чинить пѣмъ негодилось, и тѣмъ ц. в-а посланикомъ к-аго в-а высланные въ отвѣты по указу королевскаго в-а въ третьемъ отвѣтѣ объявили, что съ величіемъ госу-емъ нашимъ его кор. в-о въ дружбѣ и любви быти и кард. договору нарушенныя и поврежденныя статьи во исполненіи привести желаєтъ, а успокопть бы лихъ такимъ способомъ какъ его кор. в-о до приѣзу тѣхъ ц. в-а посланиковъ къ его ц. в-у въ грамотѣ своей посланной изъ ронетъберга маѣ бѣ числа писаль, чтобы паки съ обоихъ сторонъ величіемъ посльямъ на рубежѣ съѣзжатись и тѣ спорныя дѣла успокоять, о чёмъ въ грамотѣ своей къ его ц. в-у его кор. в-о съ тѣми же его ц-аго в-а посланиками и паки писаль, какъ и сверхъ того и парочными своимъ посланикомъ съ Самоиломъ Эосандеромъ въ третьей своей кор-аго в-а грамотѣ прошлаго году иссалъ же, что его и-ое в-о для договора на съѣзы назначилъ и высыпаетъ вами своихъ пословъ, и по тому кор-аго в-а желанію и письму ц-а в-о и нась своихъ великихъ и полномъ пословъ на съѣзы для успокенія заходящихъ трудностей и поврежденныхъ со стороны к-аго в-а кардискаго договору статей слати изволилъ, и то вы — в-аго государы нашего на посланиковъ о желаніи съѣзовъ причитаете иpareкаете мимо правды, потому что о съѣздахъ желаніе начало быть со стороны к-аго в-а, какъ вами о томъ подлинно и правдиво объявили мы выше сего, тоюко и мы имъ къ вамъ больше и пространнѣе о томъ писать венохотѣли, дабы во многихъ нашихъ пространно писанныхъ пересылкахъ долгое время безъ дѣла напрасно не проходило, а учнемъ съ вами говорить о томъ, дасть Богъ, когда время будетъ на съѣздахъ, а что въ листѣ же вашемъ написано—о съѣздахъ по Шлюссѣ, то сего не бываетъ и т. д. Царь послѣ даетъ говорить: но повелѣнія его ц-аго в-а мы къ памѣренію съѣзжу мѣсту въ рѣчкѣ Мѣузицѣ въ первыхъ числахъ января отпраив., и ожидаемъ вашего приѣзу и тому же мѣсту... На другомъ мѣстѣ, на Мѣузицѣ— послы никогда не съѣдутся: и вами бы по нашему къ вами прежнему и вынѣшнему объзвавленію къ тому вышеннеменованному съѣзжу мѣсту на рѣчку Мѣузицу прибытие свое учинить безъ всякаго отлагательства и пременія и мно-гихъ обсылокъ, скорѣ, чтобы въ такихъ отлагательныхъ пременіяхъ и многихъ обсылкахъ обоихъ государей нашихъ великихъ государственныхъ дѣламъ и пашинъ посольскихъ съѣздахъ продолжать и провозложки и убытковъ доля сего не чинилось, понеже тому дѣлу иныхъ времена настоитъ.

15-го июня послѣдовалъ отвѣтъ русскихъ на предложенное шведами tertium Iosuitъ съѣзда. Съѣздъ, писали русскіе, можетъ состояться только на Мѣузицѣ, потому что то мѣузицкое мѣсто по грамотѣ великаго государя нашего посланной еще въ прошломъ году государь нашъ принялъ безспорно и до сего времени

коммерція-фактора¹⁾). Король предписалъ ему—по выполненіи имъ данной миссіи—остаться нѣкоторое время въ Москвѣ для своихъ частныхъ дѣлъ, на самомъ же дѣлѣ, разумѣется, для того, чтобы тамъ высматривать положеніе дѣлъ²⁾.

Путешествіе Коха сопряжено было съ цѣлью рядомъ неудобствъ и происшествій, его подолгу задерживали, „подозрительно осматривали“; 3-го апрѣля онъ прибылъ въ Новгородъ. 19-го числа онъ былъ подъ Москвою, гдѣ въ с. Черкизовѣ (*Zirkisowa*) выжидалъ прибытія пристава. Тутъ загорѣлся домъ, гдѣ поселился Кохъ, и онъ едва спасся: огонь сразу охватилъ весь домъ. Все имущество Коха погибло³⁾. 22-го числа Кохъ прибылъ въ Москву, гдѣ на 7-е мая назначено было соѣщаніе царскихъ совѣтниковъ. 7-го мая проходила конференція въ посольскомъ приказѣ по поводу миссіи Коха; въ ней принялъ участіе думный дьякъ Ларіонъ Ивановичъ, дьякъ Василій Ивановичъ Бобынинъ и дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Українцевъ. Послѣдній заявилъ, что изъ письма короля Карла усматривается желаніе его имѣть по торговымъ дѣламъ въ Москвѣ представителя, которому надлежало надзирать за торговыми дворомъ шведовъ, вступаться за ихъ права и содѣйствовать ихъ торговыми предпріятіямъ. Царь

не спорить и къ царскому величеству о пременемъ того мѣста не писать, а государю вашему пытъ стѣжаго мѣста обмѣрить недоведется для того, что въ прошлыхъ годахъ на рѣкѣ Нарѣ сѣзы были многие по желанію со старовы королевскаго величества, а на Мѣузиѣ по изволенію великаго государя нашего, сѣздѣть было только въ одно время, которымъ дѣла того сѣзду и по се время совершенія своего еще не воспиряли, и нынѣ сѣзду довѣрѣть быти по самой суцѣлѣ правдѣ на пременемъ же мѣстѣ на рѣкѣ Мѣузиѣ, а по на Нарѣ къ не въ иныхъ мѣстахъ, да и потому вами доведется на стѣжее мѣсто на Мѣузицу щѣхать безъ медленія, а о иномъ мѣстѣ дѣлъ сего спору не чинить.

¹⁾ ...dass ich mich anhero in E. Z. M. grosse Residentz begeben und den Ewigen Friedens Pacten gemäss dafür sorge tragen sollte, so woll dass der Handell zwischen beyder grossen Herren Reichen, Staten und Unterthanen zu deren beyder grossen nutzen und unterhaltung vertraulicher Freundt und nachbarschaft in flor und auffnehmen gebracht, und was zu beyder grossen herrn und deren unterthanen wollstand dienlich auff beste befordert würde, als auff den Schwediischen Commercienhoff gute acht zu haben und denselben in behörigen zustande und baulichen wesen zu erhalten.

²⁾ mit solcher ordre, dafern der Zaar mich bey diesen zeiten in Muscov nicht dulden würde, ich mich wegen meiner particulier angelegenheiten und schuldforderungen daselbst noch eine zeit lang zu verweilen und die correspodence mit Ewr. K. M. Cantzelers in Stockholm zu continuiren suchen sollte.

³⁾ Dass nebst den gantzen hofe auch schier alle meine Habseligkeit in schneller Eile angegriffen und zu Asche gemacht war.

удивленъ, какъ это король, самъ нарушишій миръ умаленіемъ царскаго величія и отозваніемъ своихъ пословъ изъ Нюгузена, теперь ходатайствуетъ объ учрежденіи должности прежнихъ торговыхъ агентовъ. „Царь, какъ глазъ свой, бережетъ вѣчный миръ“, король же нарушаетъ его па каждомъ шагу и отказывается при этомъ отъ требуемой сatisфакціи. Если новые послы, которыхъ царь намѣренъ отправить къ королю съ требованіемъ сatisфакціи, принесутъ удовлетворительный отвѣтъ, царь съ удовольствіемъ разрѣшитъ Коху остаться въ Москвѣ въ качествѣ резидента, въ противномъ же случаѣ ни одному агенту Швеціи не будетъ разрѣшено пребываніе въ Москвѣ¹⁾.

Дальнѣйшія представленія Коха послѣ такого категорического заявленія царскихъ совѣтниковъ были напрасны; на его указанія о томъ, сколькимъ лишеніемъ и опасностямъ онъ подвергался на пути въ Москву, одинъ изъ дьяковъ напомнилъ ему исторію Іова²⁾). Коху не безъ злорадства указывали на необыкновенный „фаворъ“, какимъ

¹⁾ Стокг. арх. Muscovitica. Commissarien i Moskwa Christoffer Kochs (von Kochen) resseberättelse samt bref till Hofrådet Bergenhelm. 1679—1683. Письмо 12-го мая 1679: „...dass Ihre Z. M. auss Ihr K. M. brieff wie auch aus mein vollmacht Jhrer K. M. meinung erschen, welcher gestalt Jhr K. M. mir alhier zu verbleiben, den Kön. Schwedischen Handels hausse zu bebauwen, dero unterthanen zu hiesigen hoeffe im Ihrer rochtmässigen sacho vorstehen und die Commercien beforderung auchen sollte, weyln aber Jhrer K. M. den Frieden selbst gebrochen in dem Sie Ihrer Z. M. hoheit überssehen hetten, und dass Jhrs K. M. grosse und gevollmächtigte Herren Gesandten, wieder gebrauch von denen gräntzen zu Me gositz ohne Rechten abscheid gewichen, auch bis dato keine satisfaction von Jhrer K. M. an Jhrer Z. M. desswegen erstattet hetten, zu dem so geschehe Jhrer Z. M. unterthanen, in Jhrer K. M. Stätton, so viel gewalt und beschwer, dass den Ewigen frieden auch zuwieder wehre, dagegen Jhrs Z. M. den Ewigen Frieden, wie eines Menschen auge in acht zu nehmen allemahl anbefohlen, weyln den in eine solche grosse sache keine richtigkeit gemachet, noch satisfaction an Jhrer Zar. M. gegeben worden, so werden Jbre Z. M. Jhre Abgesandten als Stolnick und Polkofnick Jurie Petrovitz Lutochin und Diaeck Wassillij Jwanowitz Bobinin an Jhrer K. M. ablassen, wan alsdan einige satisfaction von Jhrer K. M. an Jhrer Z. M. gegeben und in allem einige richtigkeit geschlossen werden sollte, als den würde Jhr Z. M. einen von Jhrer K. M. an hiesigen hoeffe zu halten sich nicht weigern, anitso aber wehre von Jhrer Z. M. gäntzlich resoluiret worden, dass wegen oberzahlter ubrsachen (und so lange die hauptasche nicht abgethan, in einer kleinen sache insonderheit von handlungen, die nichts zu achten soin etwas bewilligt werden) keine alhier von Jhrer K. M. verbleiben könnte, deshalbien Ich mit einen brieff wieder abgefertiget werden solte.“

²⁾ dass es gottes wille so wehre und erzehlete mir Hiobs Historie.

датскій резидентъ и коммерціи факторъ, Генрихъ Бутенантъ (Henrich Butenant), пользовался въ Москвѣ. До Коха доходили извѣстія и о дипломатическихъ интригахъ Копенгагенского кабинета съ цѣлью поднять Россію противъ Швеціи.

Кохъ добился права по своимъ частнымъ дѣламъ оставаться еще некоторое время въ Москвѣ, откуда присыпалъ своему правительству любопытныя донесенія не только о чисто торговыхъ и политическихъ вопросахъ, но и о своихъ культурныхъ наблюденіяхъ надъ русской жизнью.

Русскіе не были довольны его долгимъ пребываніемъ и требовали его отѣзда. 13-го мая онъ переслалъ чрезъ своего пристава и переводчика Мейсснера въ посольскій приказъ списокъ долговыхъ обязательствъ, по которымъ онъ еще долженъ былъ получить кое какіе долги въ Москвѣ. Заявленіе его прочли, но тутъ же потребовали отъ Коха, чтобы онъ скорѣе устраивалъ свои дѣла и покидалъ Москву. Къ ююно это требованіе стало высказываться въ болѣе категорическомъ тонѣ, наконецъ, оно приняло даже характеръ угрозъ и Коха лишили содержанія. Но онъ все упорствовалъ, говоря, что до Рождества никакъ не можетъ покончить своихъ дѣлъ, ссылался на рекомендательное письмо своего короля¹⁾). Вскорѣ онъ узналъ, что отъ короля ожидается новый express съ письмомъ къ царю, онъ заявилъ объ этомъ въ посольскомъ приказѣ и тогда только его оставили въ покой²⁾). 5-го января пришло письмо короля, только 20-го февраля Кохъ

¹⁾) Weil ich nun Kundtschaft hatte, dass mir E. K. M. gnädigstem Willen gemäss in der ersten qualität allda zu verbleiben nicht würde gestattet werden, habe Ich E. K. M. Recommendation schreiben wegen meiner privat-schuldsforderung den 13 dito durch den translatoren Meissner und meinen Pristaven in der Posolschen Pricass überreichen lassen, auch auff begehrn eine Specification meiner aussstehenden Schulden eingesant, die mir hernach wieder zurucke geliefert, mit vermeiden, es sollte zwar so viel möglich von meinen Schulden eingetrieben werden, Ich aber musste mich inzwischen nicht desto weniger zu meiner abreise fertig halten.

²⁾) aber den 19 Juni die abkundigung des tractaments und tagtäglich die erinnerung meiner abreise, die Ich... bis nach weinachten versagen, da man die ermahnung zu schärfen und mich mit grossem ungestumb von dannen schier zu vertreiben begunte; ich erhielte aber zu rechter Zeit auch die nachricht, dass der Translator Hafman mit einem anderwertigen Schreiben E. K. M. an den Zaaren unterwegen, welches von mir solte übergeben werden, dasselbe notificirte ich in der Posolscher Prikas und befreyste mich dadurch des fernern antriebs zur reise, erhielt auch solch schreiben den 5 Juni.

могъ передать его по назначенію. 5-го марта послѣдовалъ отъѣздъ царя королю.

Послѣ этого приставы снова стали напоминать Коху о необходимости покинуть Москву. Видя, что противиться было бы теперь безполезно, Кохъ составилъ обстоятельную протестацію, въ которой перечислялъ всѣ несправедливости и притѣсненія, какими его подвергали въ бытность его въ Москвѣ, и пересказалъ ее думному дьяку Ларіону Ивановичу. 12-го марта Кохъ въ сопровождении Якова Гюттиера оставилъ Москву¹⁾). На жалобы Коха о плохомъ и скучномъ содержаніи Гюттиеръ замѣтилъ, что всего лучше было бы представить иностранный посланъ и агентамъ жить на счетъ своего правительства, какъ это ведется во всѣхъ европейскихъ государствахъ, тогда прекратились бы безконечные неудовольствія и жалобы, да и свиту пословъ, прибавилъ онъ, слѣдовало бы уменьшить²⁾). Русскіе въ переговорахъ съ Кохомъ указывали ему, какъ много русскимъ торговымъ людямъ приходится терпѣть въ шведскихъ городахъ; въ случаяхъ, напримѣръ, какихънибудь судебныхъ процессовъ, ихъ влекутъ изъ инстанціи въ инстанцію, заставляютъ терять столько времени, что русскіе предпочли бы потерять совсѣмъ свое дѣло, чѣмъ подвергаться столькимъ униженіямъ и затратамъ. Такой случай былъ съ однимъ псковитяниномъ, Семеномъ Фомичемъ Меншиковымъ, судившимся съ однимъ ревельскимъ купцомъ, Томасомъ Цуррюленомъ. Сначала дѣло ихъ разбиралось въ Нарвѣ, затѣмъ оно перенесено было въ гоферихъ въ Дерпѣтъ, отсюда, наконецъ, въ Ревель, и это на

¹⁾ Und weil ich woll verspüret, dass ich jhrem ungestüm länger nicht würde wiederstehen können, habe ich wegen des mit mir vorgenommeneu harten verfahrens und anderer dem Ewigen friedem zu wieder lauffenden proceduren copialiter bey gefugte Protestation sub Lit. B. an den Dumnoj Diack Larriwon Iwanowitz durch E. K. M. Translatoren Erich Hafman übergeben lassen, und mich darauff den 12 Martij in begleitung Jacob Hüttner aus Mosco begeben, der mich auch als Priaſav bis an Ew. K. M. gruentzen convoyret.

²⁾ Ob nicht dienlich wehre, bey künftiger grätz tractaten vorschulzlagen und wo möglich es dahin zu bringen, dass jedweder Potentaten Abgesante und Ministri sich nach der an andern Europäischen Höffen üblichen gewonheit auf Jhres Principalis eigenen kosten, bestes sie selbst wolten verpflegen müsten, ohn allein dass gleichwohl die Schüssnung die man sonst offters vor geldh nicht zur gnüge haben kan, wie vorhin frey und exempt bleiben müste. Dergestalt würden dergleichen beschwerden über den mangel gebührlichen tractaments auffhören, und die Reussen Jhre seite bedencken tragen, E. K. M. königlichen Hoff mit so starcker suite, wie sie bishero gewolnt gewesen, zu belästigen.

томуъ основаниі, что такъ какъ здѣсь первоначально заключенъ быль торговый контрактъ Меншикова и Цурмюлена, то здѣсь же только онъ могъ быть и окончательно разобранъ. Кохъ съ своей стороны указываетъ королю, какъ въ данномъ случаѣ справедливы жалобы русскихъ и какъ важно было бы на будущее время отмѣнить всѣ эти затруднительные процедуры и разбирать дѣла тамъ, где они случились, не переноси ихъ изъ одной инстанціи въ другую¹⁾.

¹⁾ Letzlich kan ich auch nicht umbhin E. K. M. eine beschwerde welche die Reussen hart drücket, und sie zu eifriger fortsetzung der negotie in E. K. M. Ländern und Städten sehr unlustig macht zur allernädigsten remedirung gehorsambst vorzutragen. Den sie beschweren sich, dass wan sie über den handel mit E. K. M. kauffleuten streitig werden, und die sache also vor den Richter gredyet, man sie mit ordentlichen Processen durch alle instantien gravire und müde mache, auch woll da bereits eine sache vor dem gerichte einer stadt, dahin sie zugehören gäntzlich geglaubet worden, ausgeföhret, die Obergerichte auf des gegenthels anhalten selbe wol gantz nach einerandern weiter entliegen stadt verweisen, dorten aufs neue auf zu nehmen und also wieder durch alle instantien zu schleppen, dass sie eher sich ihren rechts zu begeben, als solche geldt fressende und ihuen allerdings ungewöhnliche weitläufigkeiten ausszuhalten öfters resoluiren müssen, altermassen dan ein Plescowiter Semón Fominain Menschikoff sich höchst beschwert, dass da Er mit einen Revalischen Kauffman Thomas zur Mühlen vor dem Stadt gerichte zu Narva neulich in quaestio gerathen und gäntzlich geglaubet, Er versierte von den rechten foro, weil selbe Stadt zum orthe der ablieferung und handels consumation von beydeu seiten beliebet, dass K. Hoffgerichte Dorpat, solche Sache die bereits zur Narva ausgeföhret und entschieden gewehsen, nacher Reval, wo selbst der Contract anfänglich geschlossen umb daselbst aufs neue auf genommen zu werden verwiesen. Wäre demnach mein unvergrießlicher unterthänigter vorschlag, ob E. K. M. nicht für guth befinden möchten guhdigst zu resolviren, das zu beforderung der negotie dero unterthanen schuldig sein solten, an welchem orthe sie von denen Reussen zuerst angetroffen und belanget werden, bevorab an dem orthe, da die Lieferung beyder seitigen Wharen und gelder geschehen soll, als woselbst der mangel einer oder ander seite am ersten betroffen wirdt, und am negsten remediret werden kan, Jhnea zu antworten, die gerichte aber verpflichtet in solchen fällen dass summarische oder gastrecht ausser einigen weitläufigkeiten und andern etwan nicht sonders nötigen formalitäten zu exercieren und dass schliesslig das Kön. Hoffgericht, dasfern die action durch appellation dahin gredyet, gleichfalls befehligt werde, unerwartet der ordinaires Session, die jährlich nur einmal gehalten wirdt, selbe auffzunehmen und mittelst herumbändigung der acten gleich in criminalibus und andern fällen, die keine moram leiden, üblich denn was recht und dem kauffmau styl gemäss zu erkenuen.

Klingstedt искаль еще въ февралѣ 1678 года о желаніи русскихъ, „at öfwerstatthällarn i Stockholm General gouerneurerne och gouerneurer, skools sielfwa den samma—justiti—wesendiet—administreera på wär sjda, lyka som det skeer hoos dem uthaff Woiwoderne; ty sidst hafwer dhe ryake Legaterne förkilarat

Въ 1680 году въ Москву отправленъ былъ Эосандеръ¹⁾. Его аудиенція состоялась 30-го июля. Къ послу сильно придираясь, разказываетъ самъ Эосандеръ, Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, обвинявшій его въ томъ, будто бы тотъ не достаточно почтительно привѣтствовалъ царя. Эосандеръ, донося объ этомъ, утверждаетъ, что Долгорукій былъ совершенно невѣнчанъ, такъ какъ сильно выпилъ. Изъ переговоровъ съ царскими совѣтниками выяснилось, что уполномоченные вести переговоры со шведами отправляются въ январь 1681 года на границу. Много спорили о мѣстѣ будущаго съезда, но по пред-

at Tsaren will i widriget fall fördöra nägret aff borgerkapet uti sina städer, som skoole göra dhe svenska undersåthare så stor orätt, som borgemästare och Rådh uthi våra Städer göra deras undersåthare,—så som deras egne skamlösa ordh lydde.—Zatåm: att få fritt handle uthi alla H. K. M. städer och serdeles uthi Ryga, både uthi gross och minut, såsom och gäst med gäst.—Въ письмѣ отъ 23-го февраля: Det ähr till beklagha at wär armee som skulle marchera till Prysens, haffwer måst komma tillbaka igen, och Gudh gifwe at wy derigenom icke räka uthi näghon widlyftigheit medh Konungen och Republiquen Polandh; först eftersom alle magnater, dhe fåt undantagendes som här till haffwe warit aff Konungens partie, och störste deelen uthi heele Ryket, intet draga nägat gätt sinne till oss, enkannerligen Lithouerne, som gerna skulle see, om dhe kunde recuperera Lifland, hwilcket så mycket mehra ähr der uthaff till märckia, som dhe föra ännu starostierne i Liflandh uthi deras titlar, och emedhan dhe nu samptligh förnimma, at wy haffwer giort en alliance medh Konungen à part, kan händha, att dhe uthytha den samme till præjudice aff deras libertet och fryheit; och såsom at eftersom K. i PMlaudh förmärker, att icke allenast heela hans dessein igenom wärt dröbymäbl blifwer förrykt uthan och att han sielff kommer uthi afwigh missänka hos sine undersåthare och jagh dessförunt icke aldeles uthan orsack befruchtar, det högath. Kon. kunde herefter få näghon efterrättelse om the instructioner, som H. Ex. saligh Her Bengt Horn ähre gifne, och om han deruthaff skulle kunna förnimma, att dhe icke uthi allmäatto komma öfverens medh dhe concepter, som han sigh gjordh haffwer, tordhe han uthaff alt siktant wända den affection, som han fördelte till oss dragit haffwer, för det lucrum, som han uthaff wär alliance hadhe förmodat, uthi en animositet emot oss, för den skuldh, som han till afwentyrs lära oss imputera, icke allenast contrarij eventus, uthan och befahradt widlyftigkeit med sine egne undersåthare, hälst eftersom högtbem. Kon. iblandh dhem mängde sine fiender haffuer, som kanske gerna skulle söka tillfälle att giöra en confoederacion emot honom. Hadhe man taget tidhen i ackt, så förmearar man wist att wy medh 4 à 5000 ducater väl haffwer kunnat ställa Lithowske feltherrn Pac tillfreds, sii att han intett skulle haffwa giort oss nägot mootatändh. При такихъ то обстоятельствахъ пѣть сомнѣнія, что—буде Польша захотѣла бы объявить памъ войну—Россія соединится съ ней съ тѣмъ, чтобы захватить Ингерманландію, а Польши Ливонію.

¹⁾ Ср. Eosanders Relation om dess beskickningh till Russland 1680. Ср. Acta angående gräntzemöten med Ryska gesandterne ghr 1675, 1676 och ghr 1681.

ложению Эосандера сошлись на томъ, чтобы уполномоченные съ обѣихъ сторонъ сами рѣшили этотъ вопросъ по прибытии своемъ въ Нарву и Новгородъ¹).

14-го августа Эосандеръ получилъ свой отпускъ. На аудіенціи царь слегка лишь коснулся шапки, когда передавалъ поклонъ королю, чому Эосандеръ придалъ большое значение. Начавъ по этому поводу разговоръ съ приставами, онъ не могъ однако ничего добиться и сказалъ, что донесеть объ этомъ своему королю. Шведскій король, сказали ему, также точно поступалъ въ послѣдній разъ, когда свой поклонъ передавалъ царю чрезъ русскаго экспресса. 19-го августа Эосандеръ уѣхалъ изъ Москвы.

Вторая половина 1681 года богата разнаго рода свѣдѣніями изъ Москвы и другихъ русскихъ городовъ. Съ ожидавшою смертью царя Федора соединялись самыя разнообразныя предположенія. Всего больше общество интересовалось вопросомъ о его наследникѣ. Старшаго брата характеризовали какъ совершенно негодного для правлѣнія, младшаго хвалили за его бойкость, здоровье, отъ него многаго ожидали. „Сторонники Ивана и сами называли послѣдняго не иначе какъ неуклюжимъ бревномъ“²).

Нѣсколько ожили въ Москвѣ только съ заключенiemъ 20-лѣтняго мира съ Турцией. Голландскій резидентъ думаетъ, что съ этимъ событиемъ измѣняется еще къ худшему отношеніе съ Швеціей: дипломаты заговорять съ ней еще болѣе рѣшительнымъ топомъ. Опь съ своей стороны энергично убѣждалъ русскихъ жить въ мирѣ съ шведами, положеніе которыхъ теперь значительно улучшилось³).

Турецкій миръ праздновался съ большою торжественностью. Мы имѣемъ описание такого празднованія въ Новгородѣ⁴). Прочтена была

¹⁾ men blef omsider efter min instructions lydelse beslutit, att n r store Gassanderne   b de sydor komma till Narwa och Nogorden. skola de sielfwe sinsemellan derom correspondera och f rllykas.

²⁾ Iohan-alldeles oduglig till Regementet, warandes hullen f r deen som intet hafwer sine alle sinnen... att fast han  n intet mehra wore  n een stock som hafwer lyf uthi sig. Peter – een frisk och quick herre, gyfwere een stoer f rhopning om sigh.

³⁾ 10-го мая 1681 г.: De dumpoi diaeck, Emelian Ukraintzoff sei naer de Turck voor Envoy  gaen, daer nu vreede voor 20 Jaeren moet hebben, nu beginnt men de Heere Swedes te dreyyen, seggen verscheyde plactsen wecrum willou hebben, dat den tijdt sal leeren.

⁴⁾ Heute (17-го мая) haben die Reussen hier ein Danckfest, wegen den Turkischen und Tartarischen Frieden (so auf 20 Jahren geschlossen). Des

всеноардно царская грамота (о чемъ предварительно оповѣстили народъ торжественнымъ звопомъ колоколовъ). Радость общая; многимъ раздали награды. Русскіе высоко подняли голову; новгородскіе купцы въ особенности. Но городу ходили самые разпорѣччивые толки, выявленные между прочимъ извѣстіемъ о скромъ пріѣздѣ въ Новгородъ изъ Пскова датскаго спугоуѣ — Габеллы. Все предвѣщаетъ скорую войну¹⁾: русскіе не отступить отъ своихъ требованій сatisfactionis, то-есть отъ Ингерманландіи и Корели²⁾). Придирчивость русскихъ приставовъ становится прямо вызывающею; разыскивая старые акты, они отмѣчаютъ въ нихъ рядъ ошибокъ, такъ шведы пишутъ *oblada-tell*, вместо *oblaadatel*, *Fedor* вместо *Feodor* и т. д. Шведы съ своей стороны откѣчали на это указаниемъ разныхъ нарушеній титуловъ и въ русскихъ актахъ, привели и возмутительный, по ихъ мнѣнію, фактъ, что въ одномъ письмѣ русскихъ вместо королевское величество написано „*koroffskoe welitzestwo*“. Понятно, что при такомъ взаимномъ частроеніи о пограничномъ сѣѣздѣ нечего было и думать, и когда шведы предложили русскимъ, оставивъ Плюсу и Ниугузенъ, остановиться на какомъ-нибудь третьемъ мѣстѣ, послѣдовала рѣши-тельный отказъ въ такой формѣ: или Мегозитцъ, или сѣѣздъ не со-

Zaaren brieff so desswegen anhero gesant ist offentlich verlesen worden, und haben vorher über 2 stunden mit der grosse Glocke geläutet, darmit der gemeine man sich nach dem schloss verfligen und des Zaaren brieff anhören solten. Die Reussen sein anitso sehr hochmütig. Hiesige kaufleuten stehen anitso in dubio ob sie Jhre wahren nach Stockholm absenden, sondern vors erste absenhen was der Reussischen Legaten Expresser aus Moscow mit bringen wirdt, wornach sie sich richten wollen. Zumahin die Reussen sehr stoltze sein und gehen alhier wunderliche Reden umb. Innerhalb 8 Tagen wirdt ein Konigl. Dänischer Abgeschickte alhier von Pleskow erwarthet, welcher seine reyse aufs Moscow zu befördern sehr schleunig suchen solle.

¹⁾ Sonsten gehen alhier allerhande unfreuntliche Reden im schwange auch so, dass es schwerlich friedlich abgehen wirdt.

²⁾ Псковъ, 18-го мая... dass man zu letzter zeit wachsam sey, mit versicherung dass nichts anders sue vermutben, als eine ruptur, denn sie, die Legaten ordre haben fest auf ihren vorigen praetensionen zue verharren, nemt. dass sie Ingermanlandt vndt Corelen wieder begehren. Es möchte gar leicht dieser seitens der friede gebrochen vndt ehe wier uns vermuthen, mit Ihren Völkern überzogen werden, beiastet mir, es an gebährdenden Ohrt zu binterbringen, dass wir uns bey vorfallen vorzusehen haben bestant zue sein... In summa es scheinet, dass sie durch diesen stillstandt einen muth schöpfen... Es ist so unter der gemeine aussgebracht, dass nichts anders, als ein krieg zwischen Ihr K. M. und denen hiesigen erfolgen werde.

стоится¹⁾). Разрывъ представлялся многимъ шведамъ неминуемымъ, несмотря на то, что Пронищевъ считался сторонникомъ дружествен-ной политики по отношенію къ Швеціи²⁾.

На предложеніе Коха послѣдовала слѣдующій отвѣтъ русскимъ (12-го августа): „Сего августа намъ вручили вашъ присланной листъ королевскаго величества комисаръ Христофоръ Кохъ, въ которомъ написано, будто о съѣзжемъ мѣстѣ немадобные споры и задержанія обоихъ государей великими дѣлами чинятся отъ насъ, потому что мы вашего намѣренія о договорѣ иного мѣста не приняли, которое вы объявляли намъ будто по правдѣ, и по послѣднему нашему намѣренію его королевское величество узналъ наше о томъ упорство, что радѣнія и охоты у насъ къ тому будто нѣть, и чаете вы, что будемъ мы на съѣздахъ нѣкакія дѣла противныхъ мирныхъ договорамъ распространять и съ которыхъ ни малаго полученія не будетъ, токмо ожидати нѣкоторыхъ противностей, и впредь бы мы напрасно никогда ни мало надежды въ томъ не имѣли, дабы нѣчто отъ его королевскаго величества себѣ получить, а сверхъ того вручали вы о томъ намъ объявляти изустно тому вышеобъявленному Христофору и что онъ намъ учнетъ объявлять, тому бы вѣрить, и чрезъ то могли бы вы наше послѣднее намѣреніе провѣдать, а присланный вашъ Христофоръ Кохъ намъ именемъ васъ предложилъ, что вы для договариванія обоихъ государей великихъ государственныхъ дѣлъ на съѣзы съ нами на рѣчуку Мѣузицу никогда не поѣдете и имѣтете о томъ королевскаго величества крѣпкой у себя присланный новый указъ, а обрати бы намъ съ вами для съѣзовъ отстави Мѣузицу и Плюсъ иное мѣсто, да при томъ онъ же Христофоръ Кохъ предлагалъ намъ нѣкоторыя иныхъ дѣла, о которыхъ было не токмо ему довелось съ нами говорить, но и объявить ему непристойно, понеже

¹⁾ och att w re uthschickade skole komma tillsammans at tala om een annan sammankomst ort an Megositz ar intet w rdt. Письмо Коха отъ 6-го сентября 1681 г.: Praeses der Posolsk. Prikas Larion Iwanowitz hat dem d nischen secretarius es also forthwissen und darbey sagen lassen, dass sie Ihnen Grossem Gesandten solche ordre gegeben, nicht von dem Tractat orth Megositz zu wichen, oder auch den Schweden Krieg ansudeten. Dieses alles hat mir der D nische Secretarius selber berichtet.

²⁾ письмъ 25-го мая: Mit M. Meissnern habe ich m ndlich geredt, er r uhmet allemahl den H. Pronciusen, das er recht ein guther Schwedenfreundt wehre.... m chte also nicht anders als eine Ruptur hierauff erfolgen, riethen das wir uns wohl vorzusehen hetten und bey sciten wachsam wehren oder viel mehr in Positar setzen, damit wir nicht von Ihnen  bersalet wurden.

такія великия государственныя дѣла, кромеъ самихъ посольскихъ особыъ во объявленіи и въ разговорахъ не бывають, также и письмами прежде времени до начала посольскихъ съѣздовъ о такихъ великихъ дѣлахъ пересылокъ чипить не годится, и того для мы вамъ съ тѣхъ великихъ дѣлахъ пынѣ отпойдти прежде времени не чинимъ, а даемъ отпойдти на присланной вашъ листъ и на словесное присланнаго вашего объявление, только о съѣзжемъ мѣстѣ". Отъ убытковъ и потерь, (которые мы изъ за васъ терпимъ), „вы никогда не отговорите и во свое время о томъ объявлено вамъ будетъ".

Большую сенсацію среди шведовъ произвело прибытіе въ Новгородъ въ іюнѣ русскаго енвоуѣ—Михаила Тарасова, который отправлялся въ Стокгольмъ съ извѣстіемъ о заключенномъ съ Турцией мири. „До его возвращенія изъ Стокгольма ни о какомъ трактатѣ не можетъ быть рѣчи”—это будто бы высказалъ самъ Тарасовъ въ Дерптѣ¹⁾). Въ Ревелѣ Тарасова встрѣтили съ большими торжествами; онъ внесъ свое имя въ дворянскую книгу, остановился въ лучшемъ домѣ въ городѣ; за угощеніе и гостепріимство онъ, однако, ничего не заплатилъ, говоря, что боится, какъ бы слухъ объ этомъ не дошелъ до царя и онъ, Тарасовъ, не впалъ бы въ немилость²⁾.

Миссія Тарасова, по слухамъ, заключалась въ томъ, чтобы выставить на видъ шведскому правительству, что изъ-за него царю пришлось поспѣшить заключеніемъ турецкаго мира при условіи нѣ-которой территоріальной потери, возмѣстить которую онъ желаетъ присоединеніемъ Ингерманландіи и Кореліи. Пусть король пришлетъ на границу своихъ пословъ, чтобы по этому вопросу прийтіи къ какому нибудь рѣшенію. Тарасовъ увѣрялъ городское начальство Ревеля, что миръ Швеції съ Даніей, какъ они сами увидятъ, далеко не прочень; стонуть только королю на дѣлѣ показать, что онъ вѣрешь новому курсу своей политики или, другими словами, что онъ будетъ

¹⁾ at ingen tractat lärer skee för än han kommer tilbaker, hwilket också samma envoyé utbi Dorpt hafwer lätit forliuda.

²⁾ Reval, 23 Jul: Vor 8 Tagen war Er (Tarasoff) auf das Haus der Schwarzhaupter, alwo er mit losbrennung 4 Stücken wie auch Pauken vnd Trompetten bewillkommen worden. Er hat seinen nahmen in das Adhelbuch geschrieben, vnd dass er alda ist tractiret worden. An dass Haus hat er aber nichts verehret, vorgebende Er befurchtete dass solches möchte dem Tzaren zu ohren kommen und ihm nicht lieb sein wordurch er möchte in ungnaden kommen.

въ союзѣ съ императоромъ дѣйствовать противъ французовъ, Дація не преминеть соединиться съ Людовикомъ XIV¹).

Карлъ XI съ удивительнымъ спокойствіемъ относился ко всѣмъ грознымъ слухамъ, приходившимъ изъ Москвы. Предиславъ своимъ посламъ, какъ мы видѣли, осторожно относяться къ русскимъ, которыхъ враги Швеціи подымаютъ противъ нея, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять честь и достоинство шведской короны, король былъ совершенно спокоенъ относительно воинственныхъ проектовъ Россіи, о которыхъ такъ много и разнорѣчно говорили. Готовый встрѣтить вторженіе съ востока, онъ писалъ своимъ комиссарамъ, что и внутреннія дѣла Россіи далеко не въ цвѣтущемъ положеніи, да и отношенія къ Польшѣ крайне неустойчивы. Дація и Бранденбургъ, на которыхъ Россія очевидно сильно расчитываетъ, едва ли нарушать недавно заключенные трактаты. Въ царствование Федора опасаться разрыва съ Россіей нечего. Да и въ натурѣ ли русскихъ, спрашиваетъ король, шумѣть и кричать, если они дѣйствительно тантъ враждебная и воинственная намѣрѣнія? Въ такихъ случаяхъ они вѣдь всегда дѣлаютъ видъ, будто все обстоитъ какъ нельзя болѣе благополучно. Русскіе обыкновенно среди дипломатического затишья вдругъ неожиданно для сосѣда объявляютъ ему войну. Карлъ XI какъ будто предусматривалъ будущее. Когда, казалось, отношенія къ Швеціи были болѣе дружественными и обезнеченными, какъ не въ девятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія, а въ 1700 году война была уже объявлена.

Карлъ XI на всякий случай предлагаетъ своимъ посламъ поставить на видъ царскимъ совѣтникамъ, что онъ только что возстановилъ договоры съ Франціей, Англіей и Голландіей. Эти три державы, чтобъ въ особенности надлежало выдвинуть, обязались помочь королю противъ всякаго, кто посягнетъ на его владѣнія²). Ведутся,

¹) Sein anbringen vernehme ich zu sein, aldioweil sie wegen Schweden haben müsssen mit den Turken friede machen und ein stück landt davor an ihm abstehen, als wolten sie Ingermanlandt wieder haben, wo es aber nicht anders sein könnte, so möchten die Gesandten auf die Grenzen solches suchen abzuthun. Dabey habe ich von ihm vernommen, dass wir uns auf den frieden mit Dennewmarck nicht so sehr zu verlassen hetten, insonderheit wen Frankreich wieder das Römische Reich wass attentieren, und Schweden mit den Keyser in alliance treten, und ihn wieder Frankreich secundiren und zu hülffe kommen solte, also den Dannemarck in die stelle sich mit Frankreich verbinden möchte.

²) Emot dhen som oss på nägot sätt skulle wela praejudicera.

наконецъ, и переговоры объ алліансѣ съ императоромъ. Чтобы еще болѣе отрезвить русскихъ, король снабдилъ свои гарнизоны въ Ливоніи, Эстляндіи и Ингерманландіи всѣмъ нужнымъ и сдѣлалъ распоряженіе о мобилизациіи военныхъ силъ въ Финляндіи¹⁾). Посламъ король, наконецъ, вообще рекомендуется „inesbranslable fermeté“ по отношенію къ русскимъ.

Въ видѣ курьеза король, наконецъ, предлагаетъ своимъ посламъ, когда русскіе въ требованіи satisfactioni окажутся слишкомъ назойливыи, съ своей стороны потребовать уступки королю Новгорода и Искова на томъ основаніи, что и они когда то были во власти шведовъ. Король все принялъ въ расчетъ, онъ въ мирѣ со всѣми своими сосѣдами, даже въ Даніи царю ничего противъ него не подѣлать²⁾; союза короля ищутъ враги Россіи, какъ, напримѣръ, ханъ татарскій.

И шведскій рать былъ столь же оптимистически настроенъ, старался впушить королевскимъ комиссарамъ бодрость и энергию, сообщаю имъ обо всемъ, что дѣжалось дома³⁾). Изъ его долесеній послы могли видѣть, что королемъ своевременно приняты были въ расчетъ всѣ могущія встрѣтиться затрудненія при столкновеніи съ Даніей⁴⁾), флотъ поддерживалъ постоянная сношевія между обоями побережьями Балтійского моря⁵⁾), съ Голландіей успѣшно велись переговоры объ алліансѣ. Нѣть сомнѣнія, пишутъ ратманы, что скоро присмирѣются и русскіе и согласятся собраться въ Плюсу на съездъ.

Король былъ такимъ образомъ солидаренъ съ ратомъ. 6-го августа 1681 года опять пишетъ своимъ посламъ, чтобы они отправили какого нибудь надежнаго человѣка—напримѣръ, Христофора Коха —

¹⁾ Wy Åhre i medlertydh sinuade; at läta garnisonerne i Lyff — Ehst och Ingermanland med alle behör försees och sedan wäre finske trupper motera sigh, hvilket och förmödeligen lärer kunna hafwa gott werkande till att modera Ryssarnes härdhet.

²⁾ Ty hvard Danmark widkommer, hafwa wy sköledes där fåst wärt wärck, att Tzaren förmödeligen tådan efter förgäfwas flatterar sigh med något som oss wirdiget vara skulle.

³⁾ Elliest tillståndet här hemma i Ryket anlangande, så är det gudhilof efter dessa tyders coniuncturer drägeligt.

⁴⁾ Att förmödeligen tådan efter ingen surprise eller hastigt inbrätt shall ståa att besfahra.

⁵⁾ Задача флота—атт underhålla correspondentien mellan bågge sjökanterne, secundera den desseinen som med Wolgasts recupererande förehafwes, hvilket Grefwe Königsmarck aldeles holler bloqueradt.

къ русскимъ, который бы передалъ посльднииъ, что король ни на минуту не задумался бы послать своихъ полномочныхъ на Megosits, еслибы только могъ усмотреть какіенибудь резоны къ такому требованію русскихъ. Если это съ ихъ стороны одно упраимство, то оно будетъ стоить дорого для обоихъ государствъ; изъ за него простиранится дѣло мира и альянса¹⁾). Кохъ однако имѣть также мало успѣха, какъ и другіе экспрессы, отправлявшіеся до него къ русскимъ²⁾). Изъ этого пессимиста дѣлали съ ихъ точки зренія вѣрный выводъ: dass die Reussen den frieden mit Schweden nicht lenger werden halten und 30 t. zu ross und fuss nach die liefländische Grenze ordintren.

Къ концу царствованія Феодора Матвѣевъ снова сдѣлался persona grata при дворѣ. Это сильно встревожило шведовъ. Самъ по себѣ царь миролюбиво настроенъ³⁾; всѣ эти Языковы, Лихачевы и другіе его окружающіе царедворцы никакого политического вѣса не имѣютъ, да и въ государственныхъ дѣлахъ вообще они очень мало понимаютъ, почести и богатства — откуда бы они нешли къ нимъ, хоть изъ ада — они ставятъ свою высшую цѣлью. Въ мирное время это взяточничество всегда легче, чѣмъ въ военное. За возвращеніе Матвѣева къ милости въ особенности ходатайствовалъ Язы-

¹⁾ Till at remonstrera dhem huruledes pâ H. K. M. syda intet betänkiande skulle hafwa warit at consentera till traktatsohrten Megositz, där H. K. M. hade kunnat see, dhem där till någon rätt hafwa, och icke mehra uthaff ett ringa alfare till att sättia begge Rykerne uthi fordersahm inbördes föreningh söcht tillfallen till att förhindra än at befördra ett så gott och hälsosamt wärck.

²⁾ Och blifwer där uthi ingen förändringh någonsin.. aber es wirdt unzrer seiten nun und in ewigkeit kein auder obrt als Megositz darzu angenommen. Cp. Memorial för H. K. M. Commissarius Ehreboren och Wälbetrodde Christopher Koch som han kan taga i acht och hafwa sigh at efferrätta, widt det som wy honom afdragit hafwe, hoos H. Z. M. stoore och fullmyndige gesandter at förrätta.

³⁾ Moscon, 26 juli 1681: Jhr Tx. M. sei eines sehr friedliebends gemüthes, die jetzige Regenten als Jezikow vndt Ligatzow seind von Geringen herkommen, wissen das geringste nicht von Staat vnd Regierung, sie nehmen Ihre Zeit in acht vndt nehmen nun was sie bekommen können, wen es auch was aus der Helleo wehre, und diesee konnen sie in friedens zeit besser thun als in krieg. 12-ro a.m.p. 1681. Iwan Maximowitz Jasikoff und die Lichataschowen haben die gantze Regierung in händen, die andere Führnehmbete und älteste Herrn und Patrioten haben nicht das geringste zu sagen, vnd wer jtzo an besten schmieren kan, der ist der beste Fuhrman, es gehe auch über Bergh, Hügell und Tahl.

ковъ. Предвидя, что по смерти царя избранъ будетъ Петръ, къ которому Матвѣевъ былъ такъ близокъ, Языковъ, возвращая Матвѣева ко двору, надѣялся въ будущемъ получить свое отъ послѣдняго. Такъ объясняли дѣло шведы.

Матвѣевъ цѣлою головою выше прочихъ царедворцевъ, враждебное его настроеніе къ Швеціи известно, онъ—авторъ чудовищной сатисфакції¹⁾). Стало быть теперь, думаютъ шведскіе комиссары, виды на алліансъ совершило рушились.

Настроеніе къ иностранцамъ въ Москвѣ самое недружелюбное; въ мартѣ 1682 года всѣ немецкіе и другіе иностранные офицеры были отпущены, кто же желалъ безъ жалованья оставаться на службѣ—могъ оставаться. Но отношенію къ иностраннымъ купцамъ также предпринимались всякия стѣснительныя мѣры. Къ тѣмъ изъ иностранцевъ, кто принимаетъ православіе, отношенія совершенно иные: ихъ вознаграждаютъ землями, ласкаютъ и выдвигаютъ передъ другими²⁾.

Г. Форстенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Och om det skier, sÅ hafwer man intet till fôrvânta att han nÅgret goda officia fôr Sverie lärer gibrâ, eftersom 'man altyd uthaf honom hafwer förtport een widrigheit emoot wår nation, och han allena är author till dee prætensioner som Zaaren emoth H. K. M. begynt hafwer.

²⁾ Москва, 28-го марта 1682: das gestern Ihr. Z. M. alle teutsche oder aussländische Officiere wie auch die eingebohren aussländer die als eygene vormahls gehalten und nicht aus dem lande gelassen worden, haben abdancken lassen, dass also ein jetweder mit Fraw und Kinder, wer nur will, soll auss dem lande gelassen werden, dia aber ohne gagie sich alhier auffhalten wollen, ist vergönnet alhier zu verbleiben, wortber die hiesigen Herrn Officiere sehr besturzett stehen und viele resoluiiren werden einen langen Rock anzuziehen umb ferner in gagie zu verbleiben. Mit denen aussländischen kauffleuten ist auch eine veränderung abhanden, wass nun selbige vor einen ausschlag bekommen werden, lernt die Zeit. — Иль Новгорода, 18-го апрѣля, то же, съ слѣд. подробностями; sondern der ferner bleiben und nicht wegbreysen will, der kan in der slobod bey Moscow wohnen, die sich aber wollen umbtauffen lassen, sollen Landt gûther bekommen, dass sich also viele von die alt teutschen oder vorlängst eingebohrne zu der reussischen religion begeben werden, es werden auch viele auss dem lande gehen.

ПОЧЕМУ КИТАЙЦЫ РИСУЮТ ДЕМОНОВЪ РЫЖЕВОЛОСЫМИ?

(Къ вопросу о народахъ блокурой расы въ Средней Азии).

Изслѣдованіе вопроса о томъ, почему китайцы рисуютъ демоновъ рыжеволосыми, привело меня къ выжеслѣдующимъ выводамъ:

Однимъ изъ до-китайскихъ народовъ, населявшихъ бассейнъ Желтой рѣки, были рыжеволосые ди.

Эти ди, дѣлившіеся на множество общинъ, которыхъ управлялись выборными старшинами, вышли побѣжденными изъ борьбы съ китайцами, распространявшими свою власть изъ Шань-си, и цинами, спустившимися въ Китайскую низменность съ Тибетского нагорья. Часть ди ушла при этомъ на сѣверъ отъ Гобійской пустыни, часть же выселилась въ Сы-чуань и Юнь-нань, гдѣ встрѣтила родственныя племена, уже успѣвшія перемѣщаться съ автохтонами южного Китая, принадлежавшими къ негритосской расѣ.

На сѣверѣ ди дали съ черноволосыми маньчжурскими, тюркскими и финскими элементами цѣлый рядъ смѣшанныхъ племенъ, къ числу коихъ въ древности относились — ухуань, тоба, уйгуры и киргизы, а, можетъ быть, и угорскія племена; въ настоящее же время наиболѣе дикихъ черть сохранилось у тунгусовъ и сойотовъ;ѣроятно также, что иѣкоторые енисейскіе роды являются прямymi потомками дисцевъ; послѣдній же слѣдуетъ принять и, такъ называемыя, чудскія могилы.

Подобное же поглощеніе рыжеволосаго элемента черноволосымъ происходило и на югѣ, но тамъ процессъ этотъ замедлился, благодаря топографическимъ условіямъ страны.

Не смотря на столь незавидную судьбу, постигшую ди, они успѣли

оставить глубокий следъ въ китайской исторіи. Чжоу были дисци. На почвѣ религіозныхъ воззрѣній послѣднихъ возникли въ Китаѣ конфуціанство и даосизмъ. Дискій культь предковъ (гуевъ) перешелъ и къ китайцамъ, которые стали, по традиції, изображать ихъ рыжеволосыми, при чемъ въ пихъ представлениі гуи перестала уже быть предками, а явились лишь духами-демонами.

Поводомъ же къ настоящему изслѣдованію послужила живопись, которой украшены были внутреннія стѣны старой кумирни въ предмѣстіи Нань-гу-чэна (южного старого города), городка, лежащаго къ югу отъ Гань-чжоу-фу, въ провинціи Гань-су.

Линь-вань.

Картина изображаетъ иѣкоторые отдѣлы ада, въ которыхъ грѣшниковъ подвергаются всевозможнымъ истязаніямъ: ихъ варятъ въ кипяткѣ, распинаютъ на крестѣ головой вверхъ и головой внизъ, имъ вылупливаютъ глаза, вырываютъ языки, ихъ четвертуютъ, рѣжутъ на куски, обдираютъ съ нихъ кожу, сажаютъ на колъ, толкуютъ въ ступы, поджариваютъ на сковородѣ, скальпируютъ, распиливаютъ пополамъ, у пихъ вырѣзаютъ внутренности, имъ разбиваютъ черепъ и предаютъ множеству другихъ мученій. Все это дѣлаютъ „гуи“—демоны по приказанию князей—вановъ, управляющихъ десятью отдѣлами ада. Фигуры этихъ палачей и одного изъ десяти князей ада — Линь-вана въ точныхъ копіяхъ представлены на прилагаемыхъ здѣсь рисункахъ. Въ художественномъ отношеніи они не заслуживаютъ, конечно, особеннаго вниманія, но за то они представляютъ крупный интересъ въ другомъ отношеніи.

Художникъ хотѣлъ придать „шоу-гумъ“ отталкивающій, свирѣпый видъ, князь же ада нарисованъ безъ всякой утрировки: это рыжеволосый, краснолицій и широкоскулый субъектъ съ большими, круглыми носомъ и голубыми, глубоко сидящими глазами, густыми наивысшими бровями, столь же густыми усами и бородой клиномъ. Это не плодъ воображенія художника, это—портретъ. Но кто могъ слушать ему оригиналъ? Ужъ, конечно, не современій европеецъ, такъ какъ китайцы только потому и величаютъ европецевъ „янъ-гуй-циы“—заморскими чертами, что своихъ гуевъ искона рисовали рыжеволосыми.

Въ послѣднее время вновь было сдѣлано нѣсколько попытокъ доказать, что китайцы пришли въ бассейнъ р. Хуанъ-хэ (то-есть въ „Страну цвѣтовъ“) съ запада¹⁾. Но нѣкоторые синологи²⁾ отнеслись

¹⁾ *Terrien de Lacomperie* (труды, въ которыхъ онъ проводилъ эту мысль, сдѣланные: „Early history of Chinese civilisation“ (1880); „The Yh-king“ въ „The Athenaeum“, 1882, № 21, Jan., 9 и 90 Sept.; „Chinese and Akkadian Affinities“ въ „The Academy“, 1883, № 20 Jan.; „Early Chinese literature“, ib., № 28 Jul.; „The affinity of the Ten Stems of the Chinese cycle with the Akkadian Numerals“, ib., № 1 Sept., „The Chinese mythical kings and the Babylonian Canon“, ib., № 8 Oct.; „Traditions of Babylonia in early Chinese documents“, ib., № 17 Nov.; „The oldest book of the Chinese and its authors“ въ „Journ. R. Asiat. Soc.“, n. s., 1882, XIV, 4, 1883, XV, 2; „Babylonian and old Chinese measures“ въ „The Academy“, 1885, № 10 Oct.; „Babylonia and China“, ib., 1886, № 7 Aug.; „The languages of China before the Chinese“, 1887; „Origin from Babylonia and Elam of the early Chinese civilisation“ въ „Babylonian and Oriental Record“, 1889, №№ 3—8 и 10; „The old Babylonian characters and their Chinese derivatives“, ib., 1888, № 4; „From ancient Chaldea and Elam to early China: an historical loan of culture“, ib., 1891, № 2—4, и др.). Къ нему примкнула *de Harlez* („Les r旤igions de la Chine“ въ „Muséon“, 1891, стр. 157). Но еще раньше высказала ту же мысль *Duguisse* („Mémoire dans lequel on prouve que les Chinois sont une colonie égyptienne“, 1768; полемическую литературу по этому предмету см. у *Cordier* — „Bibliotheca sinica“, I, стр. 230), а затѣмъ *Biot* („Le Tchou-li ou rites des Tcheou“, I, стр. V, и „Études sur les anciens temps de l'histoire chinoise“ въ „Journal Asiatique“, 4 série, VII, стр. 174—175), *Legge* („The Chinese Classics; with a translation, critical and exegetical notes, prolegomena and copious indexes“, III, I, prolegomena, стр. 189, V, proleg., стр. 134) и мн. др. См. также *Richter* — „China“. I, стр. 389—348 и 428; *Георгиевский* — „О корневомъ составѣ китайского языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ“, стр. 61, 66; оба выводятъ китайцевъ изъ бассейна Тарима; наконецъ, *Klaproth* („Asia polyglotta“, стр. 366) полагаетъ, что китайцы спустились изъ долину Хуанъ-хэ съ Куэн-хуемъ. Того же мнѣнія держался и *Biot*.

²⁾ *Hirth* („Über fremde Einflüsse in der Chinesischen Kunst“, 1896, стр. 2); *Chavannes*, „Journal Asiatique“, 1897, стр. 531).

попрежнему къ этой гипотезѣ отрицательно; однако, и тѣ въ другіе сошлись въ томъ, что, примѣрно, за ХХV столѣтій до Р. Хр. китайцы занимали лишь пичтожную часть территории современной Китайской имперіи, а именно, южную половину Шаньси съ прилегающими къ ней частями провинцій Шэнь-си, Хэ-нань и Чжи-ли¹). Эта страна называлась „Страною цветовъ“; во всѣ же стороны отъ нея въ необозримую даль уходили лѣса и луга, заселенные дикими пастушескими и охотниччьими племенами²).

Шоу-гу.

Шоу-гу.

Много вѣковъ прошло прежде, чѣмъ китайцы, раздвигая свои владѣнія въ ширь и глубь, вырубая лѣса и осушая болота, побѣждая дикственную природу и оттесняя дикарей, достигли, наконецъ, береговъ Линь-цизы-цзяна и Желтаго моря³). Ихъ колонизационное движение въ восточной Азіи въ эту эпоху можно сравнить съ колонизациопннымъ движениемъ европейцевъ въ Сѣверной Америкѣ. Подобно

¹) См., однако, Riekhofen — „China“, I, стр. 940—341.

²) Riekhofen, op. cit., стр. 844—845; Георгиевский — „Первый периодъ Китайской истории“, стр. 258.

³) Plath — „Ueber die Verfassung und Verwaltung China's unter den drei ersten Dynastieen“ въ „Abhandlungen der k. bay. Akademie der Wiss.“, I Cl., X, 2, стр. 7; Terrien de Lacouperie — „Les langues de la Chine avant les Chinois“ въ „Le Muséon“, 1887, VI, стр. 107, и др.

краснокожими народами, автохтоны, населявшие бассейны огромных китайских рек, уходили перед китайцами, не столько побеждаемые оружием, сколько надвигавшиеся на них культурой.

Это было время Яо, Шуня и Юя, славных устроителей Китайского государства¹⁾.

И такъ, китайцы уже на зарѣ своей исторической жизни являются культурными народомъ; разсадникомъ же этой культуры служить страна, обнимающая едва $\frac{1}{2}$ часть современного Китая. Лучи китайской культуры освещаютъ нынѣ болѣе половины старого континента; но никто изъ синологовъ, отрицающихъ гипотезу *Terracotta de Lacouperie*, не отвѣтилъ еще на вопросъ, какъ могла эта культура зародиться, развиться и достичь высокаго совершенства у однокаго небольшаго племени короткоголовыхъ²⁾, разобщеннаго со всѣми остальными міромъ волнами дикихъ народовъ и необъятными пространствами дѣйственныхъ странъ. Hirth довольствуется тѣмъ, что указываетъ, что въ области чистыхъ искусствъ Китай развивался самостоятельно до начала нашей эры, когда впервые на его орна-

¹⁾ Китайцы никогда не забывали ставить въ примѣръ своимъ государственнымъ дѣятельмъ этикъ первыхъ вождей китайского народа. Такъ, въ „Го-юѣ“ мы читаемъ: „Les anciens rois faisaient briller leurs vertus et ne montraient point leurs armes (ils gagnaient, soumettaient les peuples bien plus par leurs vertus et leur gouvernement que par la force des armes)“, говорилъ Ма-фу, князь удѣла Цзи, князь Му-вану... „Ainsi nos anciens rois ne recourraient pas principalement aux armes. Ils avaient surtout à cœur de montrer leur bienveillance au peuple en ses peines, de lui donner la paix et d'écartier de lui tous les maux. Ainsi nos anciens rois réglaient les choses de leur domaine à l'intérieur de leurs états particuliers et celles des princes feudataires en dehors de ces états“ (*de Harlez — Koue-Yu ou Discours des Royaumes* въ „Journal Asiatique“, IX серія, II, стр. 879—888).

Замѣчательно, что слова — „правительство“ и „течениѣ рѣки“ обозначались у китайцевъ однимъ и тѣмъ же іероглифомъ. Это доказываетъ, что государственный строй Китая развивался постепенно изъ первобытнаго земледѣльческаго коммунизма, центральная же власть появилась впослѣдствіи и обранила своимъ возникновеніемъ ирригационной системѣ и необходимости поддерживать ее изъ порядка (см. *Красицкий — Антропология*, стр. 188).

²⁾ Георгиевскій, оп. сіл., стр. 259, высказываетъ предположеніе, что первобытные китайцы были бѣлокурой расой; но приводимое имъ въ защиту этого предположенія доказательство (іероглифъ „хуанъ“, обозначающій понятие „государь“, состоять изъ іероглифовъ „бай“ — бѣлый и „ванъ“ — царь) опровергается ниже вмѣнѣ самимъ; у монголовъ, говорить онъ, князья именуются „бѣлой костью“.

ментахъ стали обнаруживаться чуждая западная вліяння¹⁾). Но такъ-ли это, и на столько-ли намъ известна археология Востока, чтобы строить такія смѣлые заключенія? Не окажутся ли, напримѣръ, такъ называемыи „гу“—высокія башни, возникшія государями Чжоуской династіи и совершиенно забытыя только при Юаняхъ, копіями съ уступчато-пирамидальныхъ храмовъ Ассирии? А ирригационное искусство? Оно могло зародиться въ сухой Сиріи и Иранѣ, но не въ „Странѣ цвѣтковъ“, не въ прежнемъ Китаѣ, обильномъ лугами и лѣсами и прекрасно орошеномъ огромными водными системами Хуанъ-хэ и Йнъ-цзы-цзяна. Нынѣ Китай весь распаханъ, его лѣса уничтожены, его лѣсовая поверхность изрѣзана оврагами и тальевыми; все это въ совокупности высушило его почву, во много разъ увеличивъ и ея испаряемость; теперь онъ, дѣйствительно, нуждается въ орошении; но тогда? Конечно, нѣтъ. А между тѣмъ мы видимъ китайцевъ, занимающихся канализацией уже за двадцать вѣковъ до Р. Хр. Ясно, что при обработкѣ полей ими примѣнялись не иные саниллы выработанные, а унаследованные пріесы. Но доказываетъ-ли это, что китайцы были пародомъ пришельцами, а неaborигенами земель бассейна р. Хуанъ-хэ? Но если они были пришельцами, то откуда же, какъ не изъ окрестностей того древнѣйшаго очага культуры, который находится въ передней Азіи и куда искони сходились народы разныхъ расъ и языковъ какъ бы для того только, чтобы сложить тамъ въ одну сокровищницу знаній созданія своего гenія²⁾?

¹⁾ „Ueber fremde Einflüsse in der chinesischen Kunst“; „Zur kulturgechichte der Chinesen“, Sonderabdruck aus der Beilage zur „Allgemeinen Zeitung“, № 147 и 148, vom 6 und 7 Juli, 1898, стр. 8).

²⁾ Припомнимъ также, что китайцы понятіе „умереть“ выражаютъ словами „гу-й-си“, что значить—возвратиться на западъ, что у нихъ существует легендарное сказание о томъ, что они пришли въ бассейнъ Желтой реки съ запада (см. Георгиевскій—„О корневомъ составѣ китайского языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ“. стр. 61).

Наконецъ, пельзя также не обратить вниманія на тождественность китайскихъ словъ для обозначенія — „обрабатывать землю“ (ли, лю) и соха (лэй) съ соответствующими словами западныхъ пародовъ; но тогда какъ у китайцевъ они имѣютъ узкотехническое значеніе, на западѣ они захватываютъ и понятія, свойственные менѣе высокой культурѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ:

- I. Въ арійскихъ языкахъ:
корни типа RK
RUK греч. ὄρύσσω, болѣе древнее ὄρυχ (рыть); латинск. — гылко (копать).
RU русск.—рить, рымъ, реять, и т. д.

Китайцы пѣкогда называли себя „народомъ ста семействъ“¹⁾, какъ бы указывая на свою первоначальную малочисленность. Иначе они называли себя еще „черноволосыми“²⁾, можетъ быть, въ отличіе отъ племенъ, тогда обитавшихъ къ сѣверу отъ Желтой рѣки³⁾.

О послѣдніхъ китайцы сообщаютъ намъ лишь самыя скучныя свѣдѣнія; тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ были рижеволосами⁴⁾.

Уже за XV столѣтій до Р. Хр. китайцы различали четыре расы дикарей. Жившихъ на сѣверѣ они называли „ди“, жившихъ на востокѣ — „и“, на югѣ — „мань“ и на западѣ — „жунъ“. Георгіевскій такъ и говорить, что инородцы различались китайцами по четыремъ странамъ свѣта⁵⁾. Но такое разселеніе главныхъ инородческихъ расъ, составлявшихъ первобытное населеніе Китая, конечно, только случайность; къ тому же мы видимъ жуновъ не только на западѣ, но

ARU греч. ἀρού, русск. ораять, и т. д.

RIK дрэни. roika=рѣка; RJGH латинск. rigare (орошать), готскoe—rign (дождь).

RIV, RI латинск. rivus (ручей, потокъ, канава), русск. римутъся, касаться. rēnos (Рейнъ).

II. Въ семантическихъ языкахъ:

RWJ { еврейск. ri, болѣе древн. rati (орошеніе). temel (орошаемый). арабск. rama(j) (орошать), ra(j)m, болѣе древн. ramyml (дождь).

Наконецъ, въ тибетскомъ письменномъ языке имѣются также слова этого типа; такъ, rko значить—онъ роетъ (канаву), rka — отверстіе изъ большого водоема въ меньшій, място размѣщенія аркы, място выхода аркы изъ рѣки. Конечно, и слово „аркы“ того же происхожденія. Бѣльгіи называютъ сентябрь—ораха-ай, то есть мясцемъ жасеня.

Этой справкой я обязанъ г. Маршалю, которому я приношу здѣсь глубочайшую благодарность.

¹⁾ Plaik. ib.; Biot, ib.; de Harles—„Les religions de la Chine“ въ „Le Muséon“, 1891, стр. 157; Terrien de Lacouperie не соглашается съ такимъ объясненіемъ слова „ба-ци-си-инг“ (peh-kia-sing). См. „Le Muséon“, 1888, стр. 208—209.

²⁾ De Harles, ib.; Plaik, ib.; Biot, ib.; ср., однако, Георгіевскаго—„Первый періодъ китайской исторіи“, стр. 240, примѣчаніе.

³⁾ Biot, ib., говорятъ даже: „sans doute par opposition à la couleur diff rente ou m l e  des cheveux de la race indig ne“ etc.: см. ето-же.—„Etudes sur les anciens temps de l’histoire chinoise“ въ „Journal Asiatique“, 4 серія, VII, 1846, стр. 174. Того же взгляда держится и Legge — „The Chinese classics“, III, 1, proleg., стр. 191.

⁴⁾ Правильнѣе было бы сказать: „не черноволосыми“, потому что у китайцевъ и японцевъ подъ именемъ „рыжихъ“ были наимѣнъ не только, дѣстительно, рижеволосы племена, но и блонкуры, а также темнорусы.

⁵⁾ „Первый періодъ китайской исторіи“, стр. 286.

и въ провинціяхъ Хэ-нань, Ань-хой, Чжи-ли и Шаньдунъ¹), изъ чего не можемъ не заключить, что китайцы различали окружающихъ ихъ яиородцевъ не по мѣсту ихъ жительства, а по расовыми ихъ особенностямъ.

Къ какимъ же расамъ относились эти четыре группы яиородцевъ? Объ этомъ судить теперь съ достовѣрностью трудно, но вообще принято думать, что „и“ по языку и по расѣ принадлежали къ тагало-малайскому типу, „жуны“ по языку къ тибетско-бирманскому, по расѣ же къ переходному типу между малайскимъ² и монгольскимъ, „мани“ по языку частично къ индо-китайскому, частично же къ тибетско-бирманскому, по расѣ же, главнымъ образомъ, къ европейскому типу, зачательно, однако, смѣшавшемуся съ первобытными черными. Къ европейскому же типу отношу я и „ди“.

Яиородцевъ „ди“ принято почему то считать народомъ тюрко-монгольской расы и языка³). Я постараюсь доказать, что мнѣніе это ошибочно.

Первыми тюрками, съ которыми насы знакомить исторія Средней Азіи, были хуны.

Сы-ма-цинь говорить: „еще до временъ государей Тхапъ (Яо) и Юй (Шушь) находились неколѣнія „хань-юпъ“ и „хунь-юй“⁴), Цзинь-чжо, комментируя это мѣсто „Шы-цинь“, пишетъ: „во времена государя Яо (хуны) назывались „хунь-юй“, при династіи Члоу — „хань-юнь“, при династіи Цинь — „хунь-ну“⁵). Вообще же, мы никогда у китайскихъ историковъ не встрѣчаемъ отождествленія ди съ хуннами⁶). Что же касается первыхъ, то у Сы-ма-циня мы находимъ слѣдующія, относящіяся къ нимъ, указанія: При упадкѣ благоустройства въ государствѣ Са (2205—1766), пишетъ онъ, Гунь-лю зашевъ

¹) Георгиевский, ib., стр. 287—288.

²) Малайскій типъ въ свою очередь является смѣшаннымъ; вѣроятно, здесь говорится объ индонезійцахъ, наиболѣе чистыми представителями которыхъ являются нынѣ даяки (о. Борнео), баттаки (о. Суматра) макассары и бугисы (о. Цалебесъ).

³) Даже Тетгіен де Ласуреріа держится этого взгляда. См. „Le Muséon“, 1887, стр. 148, примѣчаніе. Георгиевский („О корневомъ составѣ китайского языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ“, стр. 79) очень увѣренно высказывается даже за ихъ тунгусское происхожденіе!

⁴) Іакиніфъ — „Собрание свѣдѣній о народѣ. Средн. Азія“, I, 1, стр. 1.

⁵) Іакиніфъ, ib., стр. 2.

⁶) Наоборотъ, у этихъ историковъ мы находимъ, напримѣръ, такое опредѣленіе границъ хуннскихъ земель: на западѣ они простираются до юэчжи, южнѣ къ ди (Іакиніфъ — „Собрание свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, I, 1, стр. 15).

быть должностя главного попечителя земледѣлія. Онъ бѣжалъ къ западнымъ инородцамъ и построилъ городокъ Бинь¹). По прошествіи слишкомъ 300 (болѣе 400) лѣтъ инородцы „жунъ-ди“ стали тѣснить потомка Гунъ-лю, князя Шань-фу. Послѣдній бѣжалъ къ горѣ Ци-шань, гдѣ построилъ городъ, и положилъ основаніе дому Чжоу²). Далѣе же сказано: „Вынь-Бунь, князь удѣла Цзинь, прогналъ „жунъ-ди“, поселившихся въ Хэ-си, между рѣкъ Инь-шуй и Ло-шуй, подъ названіями „чи-ди“ и „бай-ди“³).

Отсюда видно, что „жунъ-ди“ были предками красныхъ въѣхъ ди; дѣйствительно, во всѣхъ тѣхъ случаихъ, гдѣ у Іакинфа переведено „жунъ-ди“, Георгіевскій говоритъ или о „жунахъ“ или только объ однихъ „ди“⁴). Plath также пишетъ: „Als Tscheou Thaiwang (Tan-fu, у Іакинфа—Шань-фу), 1827 v. Chr., in Pin (Бинь) wohnte, machten, nach Mengtszeu, I, 2, 15 1, die Ti-jin (Männer) beständig Einfälle“). „Der Sse-ki Tscheou pen-ki B. 4. f. 4, v. fig. lässt die „Jung“ und „Ti“ den alten Tan-fu angreifen. Nach f. 2 und 15 gab Pu-kho, der Nachkomme Heu-tsi's (der Dynastie Tscheou), dessen Amt auf und entfloß zwischen den „Jung“ und „Ti“. Der 2 Nachkomme Kung-lieu nahm, obwohl er mitten zwischen den „Jung“ und „Ti“ war, Heu-tsi's Amt indess wieder auf, beackerte das Feld, etc.“).

Итакъ ясно, что Гунъ-лю удалился къ „ди“, гдѣ и принялъ въѣхъ полукочевой образъ жизни, „претворился въ жуна“, по выражению Іакинфа⁵). Его потомки положили основаніе удѣлу Чжоу, а засимъ

¹⁾ Въ проз. Шань-си. См. Biot—„Etudes sur les anciens temps de l'histoire Chinoise“, въ „Journal Asiatique“, 4 серія, VII, стр. 407.

²⁾ Іакинфа, ib., стр. 3.

³⁾ Іакинфа, ib., стр. 6.

⁴⁾ Ср., напримѣръ, Іакинфа, ib., стр. 6, и Георгіевскій — „Первый периодъ китайской истории“, стр. 102.

⁵⁾ „Die fremden barbarischen Stämme im alten China“ (Sitzungsber. d. philos.-philol. Cl. der Akademie d. Wiss., 1874, I. стр. 457).

⁶⁾ Ib., стр. 468, и далѣе стр. 463.

⁷⁾ Ib., стр. 8. Китайцы, переселяясь въ страну дикарей, принимали ихъ образъ жизни, одежду и крои; даже татуировались; см. Biot—„Etudes sur les anciens temps de l'histoire chinoise“ въ „Journal Asiatique“, 4 серія, VII, стр. 410. То же совершаются и понынѣ. У *marquis d'Hervey de Saint-Denys*—„Ethnographie des peuples étrangers de Ma-touan-lin“ („Atsume Gusa“), II, стр. 40, читають: „Les Chinois... subissent l'influence de leurs (Yao) usages, acquièrent leur agilité robuste, exercent les mêmes industries et contractent des mariages avec eux“.

в китайской династии Чжоу (1122—225), которая была *рыжеволосой*¹⁾). Такъ какъ Гунъ-лю былъ китаецъ, то свѣтлый цвѣтъ волосъ у царей династіи Чжоу могъ явиться только какъ результатъ метисаціи съ илородцами дн. О случаяхъ подобной метисаціи говорить намъ и исторія²⁾). Китайскій іероглифъ „ди“ составляется изъ двухъ іероглифовъ: огонь и собака; поэтому Plath переводить слово „ди“ выражаетъ: „Hunde, die sich am Feuer wärmen“³⁾. Но не проще ли передать этотъ іероглифъ словами „огненная (то-есть рыжія) собака“? Что „ди“ принадлежали къ бѣлой (и, вѣроятно, бѣлокурой) расѣ, подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что среди нихъ были великаны (чанъ-ди)⁴⁾.

Terrien de Lacouperie допускаетъ, что народъ Чжоу, то-есть метисы китайцевъ и ди, а, стало быть, и эти ди, имѣли примѣсь арійской крови⁵⁾; но съ этимъ выводомъ не вполнѣ соглашаются другие ориенталисты; такъ, de Harlez, напримѣръ, пишетъ: „Дармштадтеръ правъ, высказывая сомнѣніе въ арійскомъ происхожденіи⁶⁾ народа чжоу (tcheou), такъ какъ въ пользу такой гипотезы можно привести лишь этническія особенности этого народа и сходство его правовъ

¹⁾ „Toutes les contrées soumises au grand empereur (Yu) n'etaient point placées directement sous son autorité; plusieurs avaient conservé leur chef propre qui se reconnaissait simplement vassal du monarque suprême. Il en était ainsi spécialement de l'état de Tcheou situé au nord-ouest de la Chine actuelle, à l'ouest du coude formé par le Hoang-ho et habité par une population préchinoise. Ce dernier fait est attesté et par la couleur des cheveux de ce peuple qui est uni formément signalé comme étant de couleur rousse, et par les traditions chinoises soigneusement conservées (Legge—„The Chinese classics“, IV, p. 484) et par le témoignage même du Shi-king dans les odes consacrées à la gloire de la maison de Tcheou“ (de Harlez — „Les religions de la Chine“ въ „Le Muséon“, X, 1891, стр. 158). См. также Terrien de Lacouperie—„Les langues de la Chine avant les Chinois“ въ „Le Muséon“, VII, 1888, стр. 216. Китайцы также считаютъ династію Чжоу илородческой; по крайней мѣрѣ, илородцевъ „по мію“ они считаютъ потомкамъ чжоуцевъ (см. Ивановский—„Материалы для исторіи илородцевъ юго-западнаго Китая“, I, 1, стр. 99).

²⁾ Іакинфъ, ib., стр. 6; Plath. ib., стр. 464.

³⁾ Ib., стр. 451.

⁴⁾ Ib., стр. 469, 471.

⁵⁾ „Le Muséon“, VII, 1888, стр. 215—216; этотъ ученый замѣчаѣтъ также: „C'est l'explication scientifique la plus vraie qui puisse être fournie au sujet des mots aryens qu'on trouve en chinois“.

⁶⁾ Это выражение должно бытъ оставлено: есть арійская группа языковъ, но пѣть арійской группы народовъ, такъ какъ на арійскихъ языкахъ говорятъ самыхъ различніихъ человѣческихъ расъ.

съ нравами арійцевъ, чого, конечно, еще недостаточно для приданія ей желательной достовѣрности; вотъ почему въ своей книгѣ „Les religions de la Chine“ я и назвалъ чжоу’цевъ народомъ докитайскимъ, приближающимся къ арійцамъ своими обычаями¹⁾.

Но вѣдь подобное предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго? Въ доисторическія времена бѣлая раса имѣла совершенно иное распространеніе, чѣмъ теперь. Ея остатки въ различныхъ градаціяхъ метисациіи и теперь еще сохранились на островахъ Полинезии и Зондскихъ (индонезійцы—даїки, баттаки, съ острововъ Самоа и т. д.), въ Индо-Китаѣ (въ горахъ Ассама, Бирмы, Чаттагонга), въ южномъ Китаѣ (о нихъ мы будемъ говорить ниже²⁾), въ Маньчжу-

¹⁾ „La nationalité du peuple de Tcheou“, въ „Journal Asiatique“, 8 série, 1892, XX, стр. 835—836.

Darmesteter не возражалъ, однако, de Harlez’у. Онъ замѣтилъ только: „Cette religion (то-есть религія первобытныхъ китайцевъ), relativement pure et simple, s’altère, selon M. de Harlez, sous la dynastie des Tcheous qui développent le culte des esprits, obscurcissent la personnalité de Schang-ti, introduisent dans la religion à la fois le naturalisme et l’apothéose des héros. M. de Harlez considère cette dynastie comme étrangère et comme ayant subi des influences aryennes. Il y a la une idée certainement nouvelle et qui étonne un peu d’abord, et l’on voudrait trouver exposées avec plus de développement les raisons qui forcent à voir l’action aryenne dans cette vieille période de l’histoire chinoise, les traits précis ou les textes qui la révèlent ou l’attestent, et les voies par lesquelles elle se serait introduite“ („Rapport annuel“ въ „Journal Asiatique“, 1882, стр. 130—131).

²⁾ Здѣсь, однако, я считаю умѣстнымъ привести нижеслѣдующую выдержку изъ книги Desgodins — „Le Thibet d’apr s la correspondance des missionnaires“, стр. 255—256, о вѣнчаніемъ видѣ населения юго-восточныхъ окраинъ Тибета.

„On rencontre aussi un certain nombre d’individus au Thibet qui ont absolument le type caucasique ou europ en, surtout dans leur jeunesse: figure ovale, front droit, yeux grands et horizontaux, pommettes non saillantes, nez aquilin. Une autre observation est celle-ci: c’est que presque tous les enfants à leur naissance ont les cheveux d’un brun p le qui disparaît peu à peu et tourne au noir brillant vers l’âge de dix à douze ans. Quelques-uns conservent la couleur ch tain fonc  toute leur vie. Les yeux thib tains sont bruns ou d’un jaune tr s fonc ... „La race mosso (это „мост“ въ перевѣдѣ Ивановскаго; о нихъ ниже) est venue dans la partie S.-E. du Thibet par la conquête, il y a peut  tre trois ou quatre cents ans. Le roi mosso de Ly-Kiang-fou, pour maintenir son autorit  pla a des colonies de distance en distance, et ces colonies form rent des villages que l’on rencontre encore aujourd’hui sur les bords de la Salouen, du M kong et du Fleuve-Bleu, jusqu’que vers le 30° de lat. nord. Toutes les forteresses sont actuellement en ruines, mais la race mosso s’est perp t u , a conserv  son langage plus ou moins alt r , et a pris presque toutes les coutumes thib taines. Pour connaître le vrai Mosso, il faudrait aller l’ tudier près de Ly-Kiang-fou dans le Yun-nan. Les Thib tains

ри, въ Японії (высшій классъ населенія, айно), на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири (коряки, чукчи) и въ Сѣверной Америкѣ (калоши и др. племена) ¹); наконецъ, въ сѣверномъ Китаѣ и по настолѣщее время сохранился еще длинноголовый типъ ²). Слѣды крови бѣлой расы

m  pissent les Mosso incorpor  s au Thibet, tr  s probablement m  tis  s et surtout d  grad  s. Quand aux traits physiques, ils sont bien alt  r  s et ne repr  sentent plus le vrai type mosso; cependant on peut encore le reconnaître à certains caract  res: front plus fruyant, nez plus aquilin, les os maxillaires inf  rieurs moins ´ cart  s, menton plus fruyant que chez le Thib  taine. Ces diff  rences donnent quelque chose de plus d  licat à la figure des enfants et des jeunes gens³.

Не менѣе интересны и замѣткіи Colborne Baber'a о черныхъ холо (хэй-холо).

„Les Holos sont d'une race dont la taille d  passe beaucoup celle des chinois; leur taille d  passe m  me peut  tre celle d'aucun peuple d'Europe. Ils sont, presque sans exception, remarquablement bien b  tis, sveltes et muscl  s. Leur poitrine est forte... Leur r  sistance à la fatigue et l'allure rapide avec laquelle ils escaladent leurs montagnes sont prodigieuses et devenues proverbiales parmi les chinois. De grands yeux horizontaux ´ clairent leur belle face ovale qui est brun rouge chez ceux qui vivent le plus au grand air. L'os des pommettes est saillant sans exag  ration, le nez est arqu   et plut  t large, la forme pointue de leur menton ´ pil   est caract  ristique“ („Travels and Res  arches in the interior of China“, стр. 58, и слѣд.; цитировано по Dev  ria—„La fronti  re sino-annamite“, стр. 148—145).

Francis Garnier пишетъ о Но-nhi (во-ни у Ивановскаго): „La population de T'a-lang se m  lange dans une proportion tr  s consid  rable de sauvages auxquels les chinois donnent le nom de Ho-nhi. Ils ressemblent comme costume aux Khas khos, mais ils sont plus beaux et plus forts: ce sont les t  tes, qui se rapprochent le plus de notre type occidental. Les femmes sont excessivement vigoureuses... A Yunn-kiang la physionomie des habitants est assez profond  m  nt alt  r  e par le m  lange avec les races sauvages des environs, surtout avec les Ho-nhi, pour perdre presque compl  tement son caract  tre chinois“ („Voyage d'exploration en Indo-Chine“, I, стр. 437; цит. по Dev  ria, op. cit., стр. 186—187).

Kretzner (op. cit., стр. 298), въ свою очередь, напоминаетъ у племени Ра-ю особынности кавказского типа ясно выраженнымъ.

Возможно также, что отрасль дисцевъ, въ доисторическихъ времена проинклировавшая далеко на югъ, до центральныхъ провинцій Индіи, должны считаться и такъ называемыми арійскими племена, удержавшими еще свою независимость, напримѣръ, „бильсы“, живущіе въ горахъ бассейна верхней Нербуды. Ихъ характеризуютъ въ такихъ выраженіяхъ: „бильсы отважные и воинственные горцы. Они распадаются на многочисленные роды, находящіеся во взаимной враждѣ. Поселки ихъ окружены изгородью; каждая хижина является въ то же время и укрѣпленіемъ. Охотка на бедрахъ составляетъ весь ихъ костюмъ. Земледѣліе въ соединеніи съ охотою — ихъ главные источники существованія“. Эти слова могли бы быть съ полнымъ правомъ отнесены и къ любому изъ дисскихъ племенъ, продолжавшихъ и понынѣ жить въ южномъ Китаѣ (см. ниже).

¹) Топикаръ—„Антропология“; Кржижевскій—„Антропология“.

²) Какъ известно, китайцы отпускаютъ себѣ бороду лишь въ врѣмь воз-

видны и въ современныхъ тангутахъ. Бель пишетъ даже, что встрѣченные имъ ганьсуйскіе тангуты напомнили ему цыганъ¹). То же говорить и Пржевальскій²). Среди сфотографированныхъ нами тангутовъ имѣется одинъ съ римскимъ профилемъ³). Правда, некоторые антропологи полагаютъ, что тангуты произошли отъ сѣщенія желтыхъ короткоголовыхъ съ дравидійскими племенами, подобно населенію некоторыхъ частей Бутана, Непала и Кашмира, чѣмъ, между прочимъ, будто-бы, и объясняется ихъ длинноголовость, темный цветъ кожи, прямо поставленные глаза и тонкій, прямой носъ; но подобное предположеніе ничѣмъ не доказано.

Итакъ, изъ вышеприведенного нельзя, какъ кажется, не вывести заключенія, что племя „ди“ было рыжеволосымъ (можетъ быть, правильнѣе было бы сказать — бѣлокурымъ?); среди нихъ попадались люди атлетического сложенія (чань-ди), тоже этническая особенность, указывающая на то, что въ жилахъ этихъ „ди“ текла если не чистая кровь бѣлой расы, то въ прямѣси очень значительной. Въ дальнѣйшемъ мы, впрочемъ, увидимъ не мало подтверждений этой гипотезѣ.

Въ VII вѣкѣ до Р. Хр. да распались на два отдела — бѣлыхъ и красныхъ ди⁴), и множество родовъ, изъ коихъ китайскіе историки называютъ: „сянь-юй“, „фэй“ и „гу“ среди бѣлыхъ ди и „цзя-ши“, „гао-ло-ши“, „чань-цаю-жу“, „лу-ши“, „лю-сюй“ и „до-чань“ среди красныхъ ди⁵).

Всѣ эти роды жили частью въ Чжилійской, частью въ Шаньсійской провинціи. Но сверхъ того были поколѣнія „ди“, которыхъ жили и въ западныхъ провинціяхъ Китая, а именно въ Ганьсу и Сы-чуань. Многочисленныя данные, сохраненные намъ исторіей, убѣжддаютъ насъ въ томъ, что ди были даже единственными коренными обитателями этихъ провинцій, исчезнувшими только съ теченіемъ вѣковъ, подъ напоромъ двухъ темноволосыхъ родственныхъ расъ: цяновъ съ запада и китайцевъ съ востока⁶). Это исчезновеніе было вызвано съ

растѣ и притомъ очень рѣдко; и все же въ Ганьсу наѣ вошло несколько мѣстныхъ уроженцевъ, имѣвшихъ большие усы и бороды

¹⁾ „The Tangutans ressemble Gipsies... (op. cit., стр. 68).

²⁾ „Монголія и страна тангутовъ“, I, стр. 228.

³⁾ Этотъ снимокъ будетъ приложенъ къ III тому моего „Описания путешествія въ Западный Китай“.

⁴⁾ Platn — „Die fremden barbarischen Stämme im alten China“, стр. 483.

⁵⁾ Platn, ib., стр. 484; Георгиевскій — „Первый периодъ китайской исторіи“, стр. 287.

⁶⁾ Предположеніе, высказанное Тетріен де Лакомперіс („Le Muséon“, стр. 55),

одной стороны плохо организованою, но не прекращавшеюся борьбой съ пришельцами, съ другой смѣшаніемъ побѣдителей съ побѣдленными, о чемъ говорять намъ китайскіе историки, перечисляющіе смѣшанные роды жуновъ и ды, жившіе въ Гань-су¹); несомнѣнно также, что такими же смѣшанными народомъ были и чжоу'цы, овладѣвшіе въ 1122 г. до Р. Хр. Китайской имперіей.

О ганьсуйскихъ и сычуаньскихъ ды китайская исторія говорить намъ очень мало; тѣмъ не менѣе и этого немногаго вполнѣ достаточно для того, чтобы восстановить постепенный ходъ угасанія здѣсь этой расы.

„Сянь, князь удѣла Цинь, говорить эта исторія, прошелъ съ войсками къ первинамъ р. Вэй-лунъ, гдѣ и покорилъ ды-жуновъ и вань-жуновъ²). Его же преемникъ, князь Сяо, царствовавшій съ 861 по 337 годъ до Р. Хр., еще далѣе распространивъ свои владѣнія, отославъ ко двору 92 старшинъ жуновъ и ды³).

Эти завоеванія вызвали массовыя переселенія ды на югъ, въ горы дебри Шу-цзюня (Чэнъ-ду-фу) и Хань-чжуна. Среди переселившихся туда въ эту эпоху родовъ наиболѣе значительными были: „иаопу“ (косматыхъ буйволовъ) и „бо-ма“ (пѣхихъ лошадей); съ отдалѣніемъ этихъ племенъ мы будемъ имѣть еще случай встрѣтиться на сѣверѣ, въ горахъ Алтайской системы.

Но далеко не всѣ „ды“ ушли на югъ; оставшіеся въ провинціи Ганьсу просуществовали тамъ еще семь вѣковъ. По крайней мѣрѣ,

что „ди“ вторглись въ Китай лишь за XIII вѣковъ до Р. Хр. основано, какъ кажется, на томъ соображеніи, что первымъ извѣстіемъ о столкновеніяхъ китайцевъ и ды относится къ этому времени. Но въ „Исторіи младшей династіи Хаш“ сказано: „Als Thai-khang, der 8 Kaiser der 1 Dyn. Hia (1957—1055) das Reich verließ, fielen die vier Barbaren alle ab. (Plat—„Fremde barbarische Stämme im alten China“, стр. 457). Упоминаются они также и въ древней китайской географіи „Шу-цзинь“: V, 22, 14, stellten sie (то-есть „ди“) nach Tsching-wang's Tode bei der Thronbesteigung von Tschao-wang Schirme mit Verzierungen auf“ (Plat, ib.). Наконецъ, не надо забывать, что китайцы сычуаньскихъ и ганьсуйскихъ ды (ша-примѣръ, „ба-цзиньскихъ ды“) считаютъ потомками Цинь-ху, пѣхой собаки императора Дику (2435—2376). Ср. также Исааковскій—„Матеріалы для исторіи иностранныхъ юго-западнаго Китая“, I, 1, стр. 93—94, гдѣ говорится, что ивородцы, жившіе къ западу отъ Шу (Чэнъ-ду-фу), къ востоку отъ Жань-мань (Мао-чжоу), принадлежали къ различнымъ племенамъ „ди“, изъ коихъ племя „бо-ма“ было самойѣмъ.

¹⁾ Іакингф — „Собрание свѣдѣній о пародахъ Средней Азіи“, I, стр. 7.

²⁾ Іакингф — „Исторія Тибета и Хухнуора“, I, стр. 15.

³⁾ Іакингф, ib., стр. 18.

мы имѣемъ относящіяся къ нимъ извѣстія, помѣченныя 328 годомъ; именно, въ этомъ году, по словамъ китайскаго историка¹⁾, Чэнь-ань, правитель области Цинь-чжоу, отложился отъ дома Чжао и возвратился въ Лунъ-си²⁾, гдѣ тамишніе цяны и ды поддались ему³⁾.

Что касается до поколѣй „мао-ю“ и „бо-ма“, то имъ еще долго суждено было играть видную роль въ исторіи Сы-чуана и южной Гань-су⁴⁾.

Бо-ма поселились въ скалистыхъ, высокихъ и неприступныхъ горахъ Чэу-чи⁵⁾. Съ течениемъ времени они настолько усиливались, что китайцы вынуждены были признать за нихъ главаремъ право на княжескій титулъ. Такимъ образомъ съ 322 г. по Р. Хр. официально было признано существованіе дискальского княжества (царства Ву-ду⁶⁾), одно время (въ концѣ V и въ началѣ VI вѣка) распространявшаго свою власть на сѣверъ до Цинь-чжоу и Ци-шань (нынѣ округъ Фынъ-сань-фу), на востокъ до Хань-чжуань-фу и на югъ до Лянъ-чжоу. Въ 436 году дискальский князь (царь) Янъ-нань-дэнъ провозгласилъ

¹⁾ *Лакміфъ*, ib., стр. 101.

²⁾ Область Лунъ-си заключала въ это время земли двухъ вышеннѣхъ областей Лянъ-чжоу-фу и Гунь-чань-фу.

³⁾ Еще подъ 394 годомъ значится: „Князь (царь) Ли-дишъ (очевидно ді'енъ, такъ какъ былъ двоюроднымъ братомъ ву-ду'скаго князя (цара) Ли-шана), въ Лунъ-си, выступилъ съ 30.000 войска противъ Ци-фу-цинь-гуя, воѣдь убить“ (*Лакміфъ*, ib., стр. 102).

⁴⁾ Исторія племени мао-ю извѣстна намъ только въ отрывкахъ. Оно поселилось въ области Чань-ду-фу. Въ китайской исторіи упоминается о немъ въ послѣдній разъ въ 128 г. по Р. Хр.

⁵⁾ Несомнѣнно, — Лунъ-мынь-шань. Одно время столицей ихъ былъ городъ Лѣ-линъ.

⁶⁾ Это наименованіе дано было Бо-ма'ской землѣ еще при Ханахъ (см. Ивановскій, ор. cit., I, стр. 100).

Бо-ма въ Ву-ду вставали уже населеніе, состоявшее изъ дисцевъ поколѣй „ба“ (ба-ди), которые управлялись князьями изъ фамиліи Ли. Столицей этого княжества былъ городъ Лѣ-ань. При князѣ Ли-тэ „ба-ди“ овладѣли Лянъ-чжоу и Чань-ду-фу. Преемникъ Ли-тэ—Ли-сань въ 306 году провозгласилъ себя императоромъ. Но уже сорокъ лѣтъ спустя это царство впало (*Ивановскій*, I, 1, стр. 15—16, примѣчаніе; *d'Hervey de Saint-Denys*, ор. cit., стр. 51—53) и на смѣну ему стало возникшее царство дисцевъ „бо-ма“.

Китайцы также передаютъ, что въ Юнь-нани издавна существовало „Бѣлое царство“ (Бо-го), населенное „бо-минь“ (бѣлымъ народомъ), извѣстными еще подъ наименованиемъ — „а-бо“, „бо-ръ-цзы“ (бѣлые сыновья) и „минь-цзя-цзы“. Но имѣни этого царства даже вся провинція Юнь-нань называлась до II вѣка до Р. Хр. Бо-го (см. *Deveria*—„La fronti re sino-annamite“, стр. 181).

себя государемъ великаго царства Цинь; онъ „учредилъ штать чи-новъ, подобный императорскому; но не смотря на сie неупустительно представлялъ дань обовиъ дворамъ: Вэй и Сунь, то-есть съверному и южному¹⁾“. Послѣ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ успѣховъ государство это, паконецъ, пало въ 506 году, истощенное непосильною борьбой съ съвернымъ Китаемъ (имперіей Юань-вэй), при чемъ царство Ву-ду переименовано было въ область Дунь-и-чжоу²⁾.

Дальнѣйшая судьба дисцевъ рода „бо-ма“ намъ неизвѣстна³⁾, какъ равно неизвѣстна судьба и другихъ сы-чуаньскихъ поколѣній дн, жившихъ въ округахъ Инь-чинь (въ области Лунь-ань-фу), Пинь-гу (Лунь-ань-фу), Янь-ши (округъ, находившійся, какъ кажется, къ западу отъ Пинь-гу)⁴⁾ и во многихъ другихъ⁵⁾. Вѣроятно, они были

¹⁾ *Лакинѣфъ*, ib., стр. 104.

²⁾ *Лакинѣфъ*, ib., стр. 109. Въ послѣдній разъ о ву-ду'скихъ инородцахъ китайская исторія упоминаетъ подъ 1074 годомъ (*Исановскій* — „Матеріали для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая“, I, 1, стр. 151).

³⁾ Не ушли ли они на западъ, гдѣ нѣкоторыя долины и мѣстности сохранили еще и до сихъ поръ наименование этого племени; такъ, можно указать, напримѣръ, на страну „Цоин“, къ западу отъ р. Лу-цзы-циана, и на долину „Бомъ“, къ западу отъ Батава (*Desgodins* — „Le Thibet d'aprѣs la correspondance des missionnaires“, стр. 344 и 347). О странѣ Но(бо)-ми читаемъ у Крейтнера (op. cit., стр. 290), что она знаменита своимъ лошадьми. Ср. *Исановскій*, op. cit., I, стр. 168, гдѣ читаемъ: Цѣй-цины потомки дисского рода „бо-ма“. Это значитъ, что дисцы смѣшились съ цианами. Можетъ быть также въ черныхъ холо (хѣй-холо; это не племенное имя, а китайское прозваніе, сами же они называютъ „хо-су“ или „о-су“) мы должны видѣть если не прямыхъ потомковъ, то одну изъ вѣтвей „бо-ма“. По крайней мѣрѣ, вотъ, что читаемъ мы у *Deveria*: Однажды старшина, указывая на статую, подтвердилъ, что она изображаетъ Нэй-ро, древняго лолоскаго царя, которому поклонялись четыре могущественные роды: Лиу, Конг, Ма и Онан; онъ назвалъ его по китайски Ма-вань, то-есть, „пархозадъ“, такъ какъ, будто бы, онъ могъ пробѣгать тысячу ли въ часъ времени. Онъ былъ убитъ китайцами, которые сѣялъ его сердце. Это преданіе написано и китайцами, которые говорятъ: хѣй холо поклоняются Ма, изображенію блѣдой лошади (бо-ма; „ils adorent Ma, désignation d'un cheval blanc“ (р-ма)). Эту часть легенды я объясняю такъ, что Нэй-ро принадлежалъ къ роду „бо-ма“, вѣроятно самому могущественному изъ дисскихъ родовъ, что, впрочемъ, видно и изъ исторіи этихъ родовъ. А если такъ, то и на хѣй-холо нельзя смотрѣть, какъ на потомковъ „бо-ма“ (*Deveria* — „La fronti re sino-annamite“, стр. 150—151).

⁴⁾ *Лакинѣфъ*, ib., стр. 107.

⁵⁾ Такъ, въ Чань-ду-фу (области Шу) жили какіе то „ди“ девяты родовъ — „цию-ди“. См. *Исановскій*, op. cit., I, 1, стр. 129; *d'Hervey de Saint-Denys*, op. cit., II, стр. 167. Однѣ изъ этихъ девяти родовъ былъ родъ „бо-ма“, *Исановскій*, ib., стр. 94.

частью истреблены, частью поглощены соседними пародностями; возможно, однако, допустить, что послѣ разгрома 506 года вѣкоторые роды ихъ откочевали еще дальше на югъ, гдѣ продолжаютъ существовать и понынѣ. Такъ, напримѣръ, китайцы сообщаютъ намъ, что въ горахъ Ба-цинъ-шань, окружающихъ озеро Динь-чи (Чжань-чи), къ югу отъ города Юнь-нань-фу, и въ горахъ округа Нинь-чжоу живутъ дикии „пу-тэ“, имѣющіе рыжіе бороды¹⁾; въ горахъ близъ города Яо-чжоу живутъ другіе дикии — „ѣ-жень“ (дикіе люди), имѣющіе рыжіе волосы и желтые зрачки²⁾, и т. д. Сверхъ того рыжеволосыя племена сохранились еще въ наиболѣе недоступныхъ кѣстахъ сѣверо-восточной Бирмы (катты)³⁾ и въ приграничныхъ частяхъ Юнь-наньской провинціи⁴⁾. Однако, нѣкогда рыжеволосыя племена занимали значительно болѣй районъ, что доказывается существованіемъ въ южномъ Китаѣ племенъ, несомнѣнно происшедшими отъ смѣшанія съ народомъ бѣлой расы; такъ, напримѣръ, китайцы намъ говорятъ, что у живущаго по рѣкѣ Юань-цзяну племени „ди-янъ-гуй“ зрачки желтые⁵⁾, что племя „хай-ли-су“, населяющее окрестъ У-динь-чжоу, имѣетъ высокіе носы и глубоко-сидящіе глаза⁶⁾, что у „маней“ области Юнь-чжоу⁷⁾ высокій ростъ и впалые глаза⁸⁾, и т. д.

Дѣ, населявшіе Чжилійскую и Шаньсійскую провинціи, были частью покорены, частью вытѣснены отсюда китайцами уже въ V вѣкѣ до Р. Хр.⁹⁾; но въ Ганьсускій провинціи, какъ мы видѣли выше,

¹⁾ Ивановскій — „Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая“, I, 2, стр. 38.

²⁾ Ивановскій, ib., стр. 84.

³⁾ Топкинъ — „Антропологія“, стр. 441.

⁴⁾ Палладій Каеваровъ — „О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ“ въ Запискахъ Императорской Русской Географической Общности, IV, 1850, стр. 258.

⁵⁾ Ивановскій, ib., стр. 72.

⁶⁾ Ивановскій, ib., стр. 49.

⁷⁾ Вероятно имѣтъ Нань-минь-фу, въ провинціи Гуань-си.

⁸⁾ Ивановскій, op. cit., I, 1, стр. 65.

⁹⁾ См. Platn — „Die fremden barbarischen Stämme im alten China“, стр. 457—471, который говоритъ объ истребленіи (Verничтung, стр. 463, 465 и слѣд.) „дѣ“ въ сѣверномъ Китаѣ. Что, однако, „дѣ“ не только не были вѣдь истреблены, но даже въ теченіе послѣдующаго времени пользовались внутреннимъ самоуправлѣніемъ, видно изъ того, что въ первой половинѣ VI вѣка по Р. Хр. имъ удалось объединиться и подъ управлѣніемъ дійской династіи Фу, родомъ изъ Лѣ-ана (то-есть, принадлежавшей къ роду „бо-ма“?), образовать могущественное госу-

ди продержались до IV вѣка по Р. Хр. Къ этому именно времени относится и темное сказаніе китайцевъ о переселеніи дисцевъ на сѣверъ.

дарство. Въ 360 г. дійскій князь Фу-цзянъ перешелъ Хуанъ-ху (изъ провинціи Шань-сі) и овладѣлъ Чанъ-анью (близъ города Си-ань-фу), а въ слѣдующемъ проклонгасилъ себѣ императоромъ великаго царства Цинь. Въ 370 г. Фу-цзянъ II овладѣлъ столицей Мумовъ и завоевалъ весь сѣверный Китай, послѣ чего перебралъ въ Чанъ-ань до сорока тысяч синьбійскихъ семействъ. Въ 378 году его полководецъ Янь-аль (очевидно, также дінецъ изъ известной бома'ской фамиліи Янь) покорилъ царства Хань-чжунъ и Шу (область Чэнъ-ду-фу, въ провинціи Сы-чуань); въ 376 году было докончено покореніе царства Хань-чжунъ и взята столица его—городъ Лань-чжоу; въ 379 году былъ взятъ городъ Санъ-янъ (въ Си-ань-фу), остававшійся еще въ рукахъ циньцевъ, послѣ чего Фу-цзянъ II окружилъ свои владѣнія на счетъ земель южнаго Китая и овладѣлъ многими его городами. Въ 381 году онъ былъ уже настолько могущественъ, что 62 владѣтеля поспѣшили признать себѣ его вассалами. Но всіимъ, уже въ слѣдующемъ году, это вѣферное царство стало неминѣйно быстро клониться къ упадку. Въ императорской семье возникла распри. Муюни поспѣшили имъ воспользоваться и отняли у дисцевъ сѣверный Китай; а затѣмъ началось и быстрое разложение огромной монархіи. Въ 385 году никто Ло-чантъ объявилъ себѣ независимыемъ царемъ въ Бэй-ди, затѣмъ избѣгъ и умертвилъ Фу-цзянъ II. Преемники послѣдняго продержались еще до 394 года; наконецъ, послѣдній изъ нихъ вынужденъ былъ бѣжать въ Ву-ду, къ царю Янь-наань-дану, вѣстѣ съ которымъ и погибъ въ томъ же году въ войнѣ съ Ци-фу-циань-гуемъ.

Такимъ образомъ, дисское царство просуществовало въ сѣверномъ Китаѣ ровно 60 лѣтъ, съ 334 по 394 г. (см. *Лакицѣфъ* — „Исторія Тибета и Хухунара“, I, стр. 118—119).

Terrien de Lacomperie высказываетъ предположеніе (см. „Les langues de la Chine avant les chinois“ въ „Le Muséon“, 1888, стр. 35), что одніи отдалъ „красныхъ ді“, а именно родъ „лу-ши“, отчевалъ въ 592 году на югъ и поселился въ долинѣ Лу-цзи-цзяна (на границѣ Бирмы, Ассама, Тибета и Юнь-нани; см. карту, приложенную къ *Desgodins* — „Le Thibet d'apr s la correspondance des missionnaires“, 1885, 2 édition), гдѣ и удержалъ свое древнее наименование „лу“ (лу-ци). Отъ основывается это предположеніе на сходствѣ начертанія іероглифовъ (*écrit d'une manière analogue*) древнихъ и современныхъ „лу“. Въ бывшихъ намъ доступныхъ трудахъ по исторіи этого периода мы не находимъ подтверждавшихъ это предположеніе данныхъ, но въ его пользу говорить слѣдующая китайская характеристика Дунь-чуаньскихъ „лу-ци“: „Ихъ предки принадлежали къ полойнію восточныхъ юнъ (?); они называли покорность при Юаняхъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ странную наружность, вѣтъ же, вообще, очень некрасивы; жевущіи ихъ и дѣвушки еще болѣе гадки (подобны же образомъ китайцы отмѣнѣлись къ другимъ западнымъ народамъ кавказскаго типа). Характеръ ихъ жестокий и дурной: когда разсердятся, то убиваютъ другъ друга. При первоначальномъ поселеніи въ области Дунь-чуань они имѣли три фамиліи: Чжако, Ли и Янь (фамилія Янь была самой значительной и у „бо-ма“); теперь же поколѣнія

Именно, у Іакинфа мы читаемъ¹⁾:

„Въ продолженіи великихъ перемѣнъ, послѣдовавшаго въ Китаѣ въ послѣдней половинѣ III вѣка предъ Р. Хр. красные кочевые вытѣснены были въ степь, гдѣ они уже подъ названіемъ „ди-ли“ заняли пространство отъ Ордоса къ западу. Въ 338 году по Р. Хр. они поддались дому Тоба; но въ самомъ концѣ IV вѣка ушли на сѣверную сторону песчаной степи, и тамъ, вместо прежняго названія „ди-ли“ получили наименование „гаогюйскихъ (?) динлиновъ“. Далѣе у Іакинфа сказано, что „гаогюйцы суть потомки древнаго поколѣнія чи-ди“. Но это очевидная ошибка, такъ какъ гаогюйцы или чилэ были предками уйголовъ. Этую путаницу, противорѣчашую какъ вышеупомянутымъ фактамъ, такъ и дошедшемъ до насъ преданіямъ уйголовъ²⁾, произвелъ авторъ „Бэй-ши“ (исторія сѣверныхъ дворовъ), и такъ какъ онъ одинъ только и выводить гаогюйцевъ изъ Заордосскихъ степей, то мы и вправѣ игнорировать это указаніе; справедливымъ же остается лишь фактъ переселенія динлиновъ³⁾ на

ихъ многочисленны” (см. Исаакіевскій, ор. сіт., I, 2, стр. 44—45). Судя по небольшому словарю, языкъ этихъ „лу“ заимствованый, такъ какъ изъ 111 словъ 39 взяты изъ тибетскаго языка, остальные же частью изъ китайскаго, частью изъ языковъ сосѣднихъ инородцевъ—„доло“, „мосо“ и др. Слѣдуетъ также заметить, что одно изъ вымершихъ иныхъ племенъ (ибатские остатки), о коихъ будетъ говорено ниже, удержало въ своемъ языке слово „лу-ци“ для обозначенія демона, то-есть, своего предка.

Сказанное относится, главнымъ образомъ, къ краснымъ ди; о бѣлыхъ же ди читаемъ у *Plath'a*: „Die weissen „Ti“ erhielten sich bis über die Periode des Tschibun-tahieu (479) hinaus und einer ihrer Stämme nahm zur Zeit der streidenden Reiche den Königs-Titel an und kämpfte mit den andern Prätendenten um den Besitz der ganzen Herrschaft der Tschau“ (л. с., стр. 463).

Наконецъ, мы имѣемъ еще одно извѣстіе, относящееся къ переселенію „ди“: „Часть инородцевъ ди, пишетъ Георгиевскій („Первый періодъ китайской исторіи“, стр. 247), выступила изъ Китая, всѣдѣствіе начавшихся съ 463 года нападеній со стороны князей Ханиского, Вайского и Чжаоскаго“. Въ другомъ своемъ сочиненіи—„О корневомъ составѣ китайскаго языка иъ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ“, стр. 68 и 79, Георгиевскій прибавляетъ, что эти ди выселились на сѣверъ. Къ сожалѣнію, онъ, однако, и тутъ не сообщаетъ, къ какому отдельно ди принадлежали эти переселенцы.

1) „Собрание свѣдѣній о народахъ Средней Азии“, I, 2, стр. 247—248.

2) См. выше, стр. 28.

3) Что ди-ли тождественны съ динлиновами, видно, между прочими, и изъ словъ китайской надписи на орхонскомъ памятнику Кюль-тегину, воздвигнутому въ 783 году. Эта надпись гласитъ, что песчаная страна, граничащая съ Китайской имперіей (очевидно—Заордосье, вообще южная окраина Гобійской пустыни), была родиной динлиновъ (она же была родиной и „ди-ли“).

съверъ и ихъ смѣшенія тамъ съ тюркскими элементами¹⁾.

О древнихъ хагасахъ, отличавшихся высокимъ ростомъ, рыжими волосами, румянымъ лицомъ и голубыми (зелеными) глазами, китайцы такъ и пишутъ, что они произошли отъ смѣшенія первобытныхъ жителей этой страны (Гань-туны) съ дивлинами²⁾.

Хагасы въ Танскія времена говорили уже на одномъ изъ тюркскихъ діалектовъ³⁾. По соображенію, однако, съ ними жили племена, которыхъ походили на хагасовъ, но говорили другимъ языкомъ⁴⁾. Эти племена носили разныя наименованія, изъ коихъ для насъ имѣютъ значение: „бо-ма“⁵⁾, одинъ изъ отѣловъ котораго,

Im sandigen Nachbarreiche,
Im Vaterlande (des Volkes) Ting-ling,
Haben zahlreiche Helden sich erhoben.

(*Vasimovъ* въ „Die altturkischen Inschriften der Mongolei“, *Радлова*, 1895, стр. 168).

Schlegel переводить это мѣсто китайской надписи пѣсколько иначе:

Dans la r gion de Cha-sai, dans le pays de Ting-ling,

Des guerriers valeureux se sont  lev s en masse contre vos anciens rois.

(„La st le fun raire du Teghin Gieogh“, отд. оттиск изъ „M moires de la Soci t  Finno-Ougrienne de Helsingfors“, 1892, III, стр. 42).

Что главная масса дивлиновъ перешла пустыню задолго до начала нашей эры (не въ VI ли вѣкѣ до Р. Хр.?), видно изъ съѣдующихъ словъ китайской исторіи: „внѣслѣдствіи (прикирѣро за 200 лѣтъ до Р. Хр.) на съверѣ они (хунны) покорили владѣніе Дивлиновъ“ (*Лакинѣфъ*—„Собрание свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, I, 1, стр. 17). Конечно, могло быть и такъ, что дивлины исконо жили какъ на южныхъ, такъ и на съверныхъ окраинахъ Гобійской пустыни; но такому предположенію противорѣчили бы иѣкоторые факты, на которые я укажу ниже.

Ниже же будетъ указано, что китайцы считаютъ дивлиновъ вѣтвью дунъ-ху; дунъ-ху же тѣ же дисцы, о чёмъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Наконецъ, въ „Юань-ши“ мы находимъ темное преданіе, что тѣ сорокъ дѣ-пушекъ (кири-кыз), которыхъ дали началь народу киргизскому, пристали въ эту страну (въ долину Кема) съ юга (изъ Китая) (см. *Schott*—„Ueber die Achten Kirgisen“, стр. 432).

1) Къ вопросу о происхожденіи убгуротовъ мы будемъ имѣть еще случай вернуться позже.

2) *Лакинѣфъ*—Собрание свѣдѣній о народахъ Средней Азіи, I, 2, стр. 443; *Schott*—„Ueber die Achten Kirgisen“, стр. 432; *Schlegel*, op. cit., стр. 48.

3) *Лакинѣфъ*, ib., стр. 416.

4) *Лакинѣфъ*, ib., стр. 442.

5) „Po-ina y Deguignes“—„Histoire g n rale des Huns, des Mogols et des autres Tartares occidentaux“, I, 2, стр. LXII, § 8, и у *Klaproth'a*—„M moires relatifs   l'Asie“, I, стр. 180.

какъ мы это уже знаемъ, успѣлъ образовать по южную сторону хребта Цаунъ-линъ царство Ву-ду, и „ма-нао“¹⁾, въ которомъ нельзя не признать южный родъ „мао-ню“.

Какъ далеко динини распространились на сѣверъ, востокъ и западъ, наскѣ въ точности неизвѣстно; однако, несомнѣнно, что остатки ихъ и понынѣ еще находятся среди черноволосыхъ тюрко-монгольскихъ племенъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ Сибири и сопредѣльного Китая. Такъ, Барроу, напримѣръ, говорить: „Мы видѣли маньчжуроў, сопровождавшихъ посольство Макартнея, въ Пекинѣ; какъ мужчины, такъ и женщины ихъ чрезвычайно красивы (fair) и отличаются превосходнымъ сложеніемъ (florid); некоторые изъ нихъ имѣли свѣтло-голубые глаза, прямой или орлиный носъ, темно-русые (brown) волосы и довольно большую, густую бороду“²⁾. Шоттъ замѣстуетъ изъ „Исторіи Киданьского царства“, написанной въ XII столѣтіи, интересное указаніе на существование среди киданей блокураго племени, имѣвшаго зеленые, желтые и свѣтло-серые глаза³⁾. Спафарій, посланный въ Китай въ 1675 году, упоминаетъ о „пѣгой ордѣ“, въкогда жившой по Оби, ниже Кети⁴⁾. Къ этой же

¹⁾ „Ma-nao у *Deguignes*, оп. cit., I, 2, стр. LXII, § 2; *Schlegel*, оп. cit., стр. 43, полагаетъ, что историкъ Ма-дуань-хинъ пишетъ неправильно „ма-нао“— „лошадинный мозгъ“ мѣсто „ма-гинъ“, что значило бы „ноги лошади“. Но мнѣ кажется, что эти соображенія должны потерять всякий интересъ послѣ того, какъ обнаружилось, что роды „бо-ма“ и „ма-нао“ или „мао-ню“ жили нѣкогда на обоихъ полюсахъ географического распределенія дининовъ; этотъ фактъ доказывается, что въ приведенныхъ названіяхъ слѣдуетъ видѣть не китайскія производища, а истинныя народныя прозвания, которыми, въ качествѣ такиховыхъ, могли передаваться иероглифами, означающими „косматыхъ буйволовъ“, и „мозгъ лошади“, и др. Согласно „Вань-сань-тунь-као“, мѣстность „Мао-ню“ находилась къ западу отъ Чанъ-лу-фу (ср., однако, d’Hergue de Saint-Denys, оп. cit., II, стр. 153); съ другой стороны мы знаемъ, что въ Енисей впадаетъ р. Мана со своимъ пра-ымъ притокомъ Мавъ. Вирочемъ, могъ бы быть правъ и *Schlegel*, таъ какъ въ южной Сибири нѣкогда, дѣйствительно, жило дикое племя „ма-чинъ“ или „ма-джъ“, о чёмъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Среди енисейскихъ „татаръ“ еще въ прошломъ столѣтіи существовалъ родъ „мади“, представлявшій, по словамъ *Müller*а (*Sammlung Russischer Geschichte*, 1761, VI, стр. 563), склонъ какого-то, не татарскаго, народа.

²⁾ Цитировано по *Tonimaru*—„Антропологія“, стр. 441. См. также *Klaproth*— „Tableaux historiques de l’Asie“, стр. 162.

³⁾ *Schott*—„Ueber die alten Kirgisen“, стр. 444.

⁴⁾ Примѣчаніе *Арсеньева* къ „Путешествію чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Н. Спафарія въ 1675 году“, стр. 184 (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по гидрографіи, X, 1).

„пѣгой ордѣ“ русскіе XVII столѣтія относили и вымершихъ теперь уже коттовъ, ариновъ и ассановъ и такъ называемыхъ енисейскихъ остыконъ¹⁾). Радловъ, въ 1861 году посѣтившій Алтай, передаетъ, что среди приграничныхъ („черныхъ“) сойоновъ попадаются русые съ удлиненными лицами, тогда какъ дальше вглубь страны сойоны являются уже на половину бѣлокурыми, рослыми народомъ, известными у окрестнаго населенія подъ именемъ „желтыхъ“ сойоновъ²⁾. Наконецъ, и по настоящее время среди казаковъ (Средней, Большой и Малой ордѣ) можно встрѣтить не мало бѣлокурыхъ³⁾. Антропологическая наслѣдованія Зеланда показываютъ, что казаки представляютъ смѣшанное населеніе, такъ какъ къ основному типу, сравнительно низкорослому, безбородому, съ широкимъ лицомъ и съ проплюснутымъ носомъ, съ темными глазами, присоединился другой — рослый, бородатый съ горбатымъ носомъ, съ длиннымъ лицомъ и светлыми глазами⁴⁾. Конечно, эту примѣсь могли дать и усуня, но вѣдь и на усуней нельзя смотрѣть иначе, какъ на отдель динлиновъ, уже въ очень раннюю эпоху отѣсненій юэчжисцами въ южные отроги Алтая.

Что динлины были народомъ пришли въ южную Сибирь и Саяно-Алтайскій горный районъ, видно, между прочимъ, также и изъ того, что ихъ потоики — котты и енисейские остыки говорятъ языкомъ, имѣющимъ, по мнѣнію *Terrien de Lacouperie*⁵⁾, сродство съ древнекитайскимъ диалектомъ⁶⁾. Этотъ фактъ остался бы безъ всякаго

¹⁾ Аристовъ — „Замѣтки обѣ этническому составѣ тюркскихъ племенъ и народностей“, отд. оттискъ, стр. 49.

²⁾ „Reise durch Altai“ въ „Ergebnis Archiv f. wiss. Kunde v. Russland“ XXIII, стр. 297. См. также Семеновъ и Потанинъ — „Алтайско-Саянская горная система“, etc., стр. 680, прил. 160 (Дополненія (т. IV) къ Риттера — „Землевѣдѣніе Азіи“, III). Клеменка („Древности Минусинского музея, стр. 67) пишетъ о бѣлокурыхъ сагабцахъ, Адріановъ („Путешествіе на Алтай и за Саяны“ въ *Запискахъ Императорской Русской Географической Общности*, XI, 1888, стр. 288) о чернолицыхъ татарахъ.

³⁾ Штранденбергъ („Das Nord und Osthliche Theil von Europa und Asia, in soweit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tataray in sich begreiffet“, etc., Stockholm, 1780, стр. 165) утверждаетъ даже, что въ его время казаки были по преимуществу рыжеволосымы народомъ.

⁴⁾ Цитировано по Кржижановскому — „Антропология“, стр. 346.

⁵⁾ „Le Muséon“, 1888, VI, стр. 836; „Journal of the Royal Asiatic Society“, 1880, стр. 404 (цит. по Аристову, op. cit., стр. 50).

⁶⁾ Ту же мысль еще раньше высказалъ и составитель грамматики коттскаго языка — Кастрель. Именно, онъ писалъ, что признаетъ этотъ языкъ „отрывкомъ

объясненія, еслибы мы не знали, что динамины пришли въ Енисейскую тайгу изъ сѣверного Китая, гдѣ они свыше тысячелѣтія жили подъ вліяніемъ китайской цивилизациі.

Остатки дисцевъ въ чистомъ видѣ сохранились, повидимому, только среди дикарей „ъ-жень“; можетъ быть, эти дикари и донынѣ удержали элементы своего первобытнаго языка¹⁾; всѣ же остальные племена, въ которыхъ можно видѣть потомковъ дисцевъ, вѣроятно, уже свыше 25 вѣковъ говорятъ на чуждыхъ имъ нарѣчіяхъ соудѣнныхъ племенъ. Это жаргонъ, въ которомъ, какъ мы видѣли выше, тибетскія слова перемѣшаны съ китайскими, бирманскими и другими. И что эта рѣчь сложилась уже съ незапамятныхъ временъ, видно изъ того, напримѣръ, факта, что родственное „лу“ племя „меламъ“ говоритъ не на современномъ, а на первобытномъ тибетскомъ языкѣ, когда слова писались такъ, какъ выговаривались²⁾. Засимъ въ языкѣ „лу“ замѣтно вліяніе индокитайскаго языка, что, по мнѣнію Terrien de Lacouperie, можетъ быть объяснено лишь въ томъ случаѣ, если

особаго семейства, сродство котораго съ финско-самоѣдскими языками весьма дальнее. Енисейско-остацкій (и коттскій) языкъ нѣчто въ родѣ китайскаго, не имѣюще полной флексіи; онъ любить переносить корневой слогъ въ конецъ слова³⁾ и т. д. („Путешествіе Кестрева“ въ „Магазинѣ всемвѣдѣнія и путешествій“ Фролова, VI, 1880, стр. 381; цит. по Аристову, оп. сі., стр. 50).

¹⁾ Я не берусь утверждать, что „а-да“ говорили на одномъ изъ арійскихъ діалектовъ; но думаю, что только черезъ нихъ посредство китайцы и могли принять въ свой языкъ арійскіе корни, которыхъ тамъ не мало. Мы знаемъ только одно несомнѣнно діакическое слово: аз—для обозначенія вожда, патриарха; это слово до сихъ поръ сохранилось въ группѣ енисейскихъ языковъ и обозначаетъ:

Н а р ё ч і я .			
Индогерманское.	Ассийское.	Коттское.	Арійское.
бога	es	öv, ösch	esch
небо	es	ösch, eisch	eisch
а также демона	asa		ascha

Это слово находится и въ древне-германскихъ языкахъ для обозначенія первоначально вожда, короля, а затѣмъ и бога (ass изъ болѣе древнаго аланис и азег).

Засимъ, можетъ быть, виослѣдствіемъ намъ удастся доказать, что и ма—лошадь—діакическое, а не китайское слово (вѣроятно, въ прежнее время оно произносилось шаг, у китайцевъ—шал), такъ какъ все, что мы теперь знаемъ о лошади, сводится къ тому, что ея прародиной должна считаться не Азія, а Западная Европа и частью Россія, откуда она уже и распространялась, вмѣстѣ съ данишескими блюдинами, на востокъ.

¹⁾ „Le Muséon“, 1888, стр. 36.

мы допустимъ, что „лу“ пришла изъ сѣвернаго Китая, гдѣ они жили по сосѣдству съ до-китайскимъ, нынѣ исчезнувшимъ, народомъ, „mon-tai“, уже въ историческое время вытѣсненнымъ изъ Шань-дуна сначала въ Ху-бэй, а затѣмъ (уже при Танахъ) въ Гуй-чжоу. Эта легкость, съ какой дисцы воспринимали чуждыя языки, сказалась и на сѣверѣ. Въ Тапскую эпоху хагасы говорили уже на уйгурскомъ языкѣ, хотя по подлежащему сомнѣнію, что въ ту отдаленную эпоху примѣсь тюркской крови у хагасовъ должна была быть еще весьма незначительной¹).

Эта особенность тѣмъ болѣе замѣчательна, что династии среди прочихъ алтайскихъ племенъ отличались наиболѣе высокою культурой, безъ сомнѣнія, частью заимствованною ими у своихъ прежнихъ сосѣдей—китайцевъ. Объ этой культурѣ говорить намъ какъ китайские историки²), такъ и сохранившіеся до настоящаго времени

¹) „Черные волосы считались у нихъ нехорошими привычками, а съ карими глазами почитались потомками Ли-хана“ (*Лакинѣ*—„Собрание свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, I, 2, стр. 448). Ли-ханъ, родомъ китаецъ, былъ знаменитымъ полководцемъ; всѣдѣствіе интригъ при китайскомъ дворѣ, онъ былъ оставленъ безъ обѣщанной помощи и воинскихъ припасовъ, что и вынудило его перебѣгнуть кунанамъ. Послѣдніе поставили его ханомъ надъ хагасами.

²) Древніе дѣньги города (см. *Plath*, op. cit., стр. 468).

О хагасахъ читаемъ: „Man baute nur einige Getreide-Arten, nicht aber Obst und Gemüse. Im dritten Monat wurde gesät, im neunten geerntet. Aus zermahlenem Getreide baken sie Brod und brauten ein geistiges Getränk. Von Mineralien gab es Gold, Eisen und Zinn. So oft es gergnnet hatte, sammelte man Eisen, das sie kja-s'a nannten und aus welchem sie vortreffliche Waffen schmiedeten; diese wurden als Schatzung den Tu-ku abgeliefert. Ihre reitenden Krieger schützten die Beine mit Schienen aus gespaltenem Holze und befestigten einen runden Schild wider Pfeilechüsse und Schwerthiebe an die eine Schulter. Ihren König betitelten sie A-e'e. Vor seinem Zelte war stets ein Tuk (Standarte mit Rossachweifen) angepflanzt. Im Gürtel führten sie gern Messer und Schleifsteine. Im Winter bewohnten sie Häuser, die sie mit Baumrinde deckten. Ihre Sitten sind von denen anderer Länder verschieden. Ihre Sprache war der des Volkes Hui-ku ganz gleich, auch besasssen sie dieselbe Schrift“ (*Schott*, op. cit., стр. 483—485. Ср. *Лакинѣ*, I, стр. 443—446).

Вообще, принято думать, что хагасы заимствовали у уйгуровъ не только тюркскій языкъ, но и древне-туркское письмо. Въ послѣднемъ мы вправѣ, однако, усомниться, такъ какъ дисцы уже въ Ханьскія времена имѣли свое письмо (впрочемъ, имѣются основанія думать, что первоначально уйгуры были такими же смѣшанными племенемъ, какъ и хагасы; о чёмъ см. ниже). Вотъ, что по этому поводу говорятъ китайцы: Цоньскія письмена изобрѣтены при Ханьской династіи старшиной А-ка (А-лю? титулъ?), прозваннымъ родонаучальникомъ письменности; всѣхъ знаковъ 1840, которые пишутся поперекъ (*Ивановскій*—

въ сѣверной Монголіи и южной Сибири остатки цивилизациі, при-

„Материалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая“, I, 2, стр. 4, 6 и 35). Съ цокъскими письменами сходны были и баскія (*Ивановскій*, ib., стр. 35), которыми, кроме баскцевъ, пользовались также и инородцы „минь-цзы“ (ib., стр. 2). У „хѣй-лоло“ письмена были похожи на древне-китайскія ке-дуо (*Devéria*, op. cit., стр. 127), но знаки писались у нихъ связно (*Ивановскій*, ib., стр. 18); наоборотъ, у „мяо-цы“ письмена, цифры и 60 циклическихъ знаковъ были сходны съ китайскими, но только по основной идеѣ, а не по начертанію (ib. стр. 78). „Мосѣ“ имѣли письмо еще болѣе идеографическое; когда хотѣли сказать „человѣкъ“, то рисовали человѣка и т. д. (ib., стр. 47). Но всего замѣчательнѣе письмена у „голо“: ихъ знаки совершенно напоминаютъ монгольскіе (?) (ib., стр. 107). Наконецъ, по словамъ китайцевъ, письменность существовала и у бѣлыхъ „лоло“ (ib., стр. 8). Образчики письма Ра-у, лоло и мосѣ (шовво) даются у *Devéria*, op. cit., стр. 105, 152—153, 166. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что у дисцевъ, задолго до ихъ знакомства съ уйгурами, существовало уже частично идеографическое, частично фонетическое (см. анализ письменныхъ знаковъ лоло у *Terrien de Lacomptie* „On a Lolo manuscript written on satin“ въ „Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland“, XIV, 1) письмо, а такъ какъ тюркскій алфавитъ на памятникѣ Кюль-тегину (и также такъ называемыи енисейскіи письмена) представляетъ иѣчто весьма совершенное и является вѣроятнымъ результатомъ цѣлаго ряда измѣненій и упрощеній, то естественно рождается вопросъ: не есть ли эта отъ алфавитъ дисковъ, а не тюркское изобрѣтеніе?

Продолжая параллель между хагисами и южными „ди“, мы не можемъ не замѣтить, что посѣдниѣ были уже съ самой глубокой древности знакомы съ земледѣліемъ, любили вино (они умѣли „весело пить“, по выражению китайцевъ; вино, музыка и пляски сопровождали каждое изъ празднествъ; см. *Ивановскій*, ib., стр. 13, 14, 23, 28, 39, 41, 68, 79 и т. д.), а стало быть умѣли его и выдѣлывать; сами себѣ изготавливали оружіе, а скѣдовательно умѣли добывать и металлы (желѣзо, серебро и золото). Дисцы „бо-ма“ изготавливали себѣ латы изъ кожи носорога (*Лакимба*—„Исторія Тибета и Хухунора“, I, стр. 104); даже послѣ изобрѣтенія пороха свирѣпые „цю-гу мао“ продолжали еще носить тяжелый, но не закрывавший затылка жѣлезный шлемъ съ нарушиками, колчугу, вѣсомъ болѣе пуда, и на ногахъ наборные латы изъ жѣлезныхъ пластинъ, прикрывавшіе только голени; не смотря на столь тяжелое вооруженіе, „цю-гу“, съ деревянными щитомъ изъ одной руки, копьеи въ другой и мечомъ изъ зубахъ могли такъ быстро ходить по горамъ, „точно летѣли“ (*Ивановскій*, ib., стр. 97; см. также *Du Halde*—„Description g ographique, historique, etc., de l’empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise“, стр. 69). О „голо“ говорится, что они умѣли выдѣлывать крѣпкія латы, острые мечи и копья; латы употребляли даже такие дикари, какъ бѣлые „лоло“ и „пужени“. О маняхъ „но“ читаемъ у *marquis d’Hervey de Saint-Denys*—„Ethnographie des peuples étrangers“, II, стр. 37: „Au moment de sa naissance l’enfant mâle est pes  avec un morceau de fer et, quand il devient adulte, il prend soin de bien tremper ce fer et d’en fabriquer lui-m me un glaive ou couteau qui ne le quitte plus. Pour essayer cette arme et prouver

пишьесваемые именческому народу чудъ¹⁾.

sa bonne qualité il doit décapiter un boeuf d'un seul mouvement du bras et de l'épaule. Они имѣли также обыкновеніе носить у пояса ножъ (*Илаковскій*, ib., стр. 12, 25, 46 и т. д.); съ самой глубокой древности строили себѣ дома (руби), употребляя для настила крыть древесную кору, камышъ, бамбукъ и проч. Интересно также, что у лянь-чжоускихъ инородцевъ государи носили тотъ же титулъ, что и у хагасовъ,—а-сы (а-с'е у Шотта, а-је у Клаирота, ажо у Іакинфа); среди „доло“ и до сего времени существует родъ „аже“, подобно тому, какъ на сѣверѣ, среди такъ называемыхъ енисейскихъ остатковъ, удержалось родовое наименование „асанъ“; замѣтимъ также, что у древнихъ германцевъ (головъ) ассами (ass) называли вообще всѣхъ, героеvъ, вносядствіемъ же боговъ. У кижинъ „ди“ было также обычай носить передъ своимъ старѣшинамъ знамена. Хагаскій а-сы и его свита носили красные одѣжды; мы, однако, знаемъ, что „чи-ди“ имѣли также красное одѣяніе (*Plath*, op. cit., стр. 464). Наконецъ, еще нѣсколько сближеній. Хагасы носили въ ушахъ кольца. Это же украшеніе было самымъ полюбленіемъ и у южныхъ дисцевъ. Хагасы татуировались; то же дѣлали и дисцы. О хагасахъ китайцы писали: оба пола живутъ нераздѣльно и во сemeu среди нихъ много распутства; то же писали они и о дисцахъ (остатки гетеризма). Извѣстъ длиниловъ „бо-ма“ китайцы называли итичими. „Итичими“ же называли они и языкъ „мо-съ“ (*Илаковскій*, ib., стр. 46), „пу-жопей“ (ib., стр. 61) и другихъ. Можетъ быть къ этой характеристики можетъ прѣйтъ отношеніе замѣчаніе *Desgodins* (op. cit., стр. 874) о языкахъ племени „ивламъ“: „Il n'est pas monosyllabique, surtout dans les mots qui sont indigènes, ou du moins qui n'ont pas une origine thibétaine. La prononciation n'est pas douce et uniforme comme celle du thibétain, mais, sans être, rude, elle est extrêmement saccadée; chaque syllabe est accentuée séparément, de sorte que parfois et surtout quand on parle vite et avec animation, on croirait entendre parler des bêgues“.

) Къ этимъ остаткамъ должны быть отнесены, кроме надмогильныхъ сооружений,—городища, остатки земляныхъ валовъ и оросительныхъ каналъ (о послѣднѣхъ см. *Клеменсъ—Древности Минусинского Музея*, стр. 45), руническія надписи на скалахъ, каменные статуи и прочее. Попытки приписать „тудскія могилы“, то-есть могильные курганы и такъ называемые „сланицы“ и „чакмы“, встрѣчавшіеся на всемъ обширномъ пространствѣ южной Сибири отъ береговъ Волги и южнаго Урала до верховой Амура (то-есть въ предѣлахъ распространенія сѣверныхъ дисцевъ, памѣченнѣхъ китайскими историками), разно какъ и различного рода каменные сооруженія, остатки ирригационной системы, рисунки и надписи на скалахъ—доказали неоднократно (см. *Риттеръ—Землевѣданіе Азіи*, III и V; въ самое послѣднее время—*Армстронгъ*, op. cit., стр. 51), но гипотеза эта высказывалась вскорѣ и, поскольку мнѣ извѣстно, не подкреплялась бесспорными данными. Впрочемъ, *Коллинзъ* по поводу череповъ, взятыхъ изъ „тудскихъ“ могилъ, уже замѣтилъ, что хотя они должны были быть, но тѣмъ не менѣе отличаются отъ череповъ европейскихъ, имѣя специальную азиатскую форму (см. „Congr s international d'Arch ologie et d'Anthropologie pr historiques   Moscou du 1—8 ao t, 1892“, II, „proc s verbaux des  ances“, стр. 29). Но развѣ могло быть иначе, когда даже исторія намъ говорить, что дисцы

Но если все происходило такъ, какъ мною здѣсь разказано, то невольно возникаетъ вопросъ, какъ могъ исчезнуть совершенно безследно народъ, обладавшій такимъ огромнымъ распространеніемъ и въ то же время настолько многочисленный, что, напримѣръ, одни ханы могли выставить около 80 тысячъ войска.

потерялъ первобытную чистоту своей расы уже по южную сторону Гобійской пустыни? Засимъ, Клеменсъ на стр. 28—29 „Древностей Минусинского Музея“ (1886) говоритъ, что въ числѣ масокъ, добытыхъ около Минусинска и снятыхъ съ лицевой стороны черепа, „попалась одна женская замѣчательной красоты, съ чертами лица чисто европейскими“ (см. также табл. XX атласа). *Небедовъ*, производившій раскопки кургановъ въ Киргизской степи, также говорить, что по сохранившимся остаткамъ kostяковъ можно прийти къ заключенію, что курганные люди были высокаго роста и длинноголовы („Les kourganes de la steppe des Kirghizes“ въ „Congr  s international d'Arch  ologie et d'Anthropologie pr  historiques & Mosa  “, 1892, II, стр. 349). Даже оставшая въ стоянкѣ указания премахъ исследователей, однихъ этихъ фактъ было бы достаточно для того, чтобы дать прочное основаніе приведенной гипотезѣ. Но я предчувствую и возможный вопросъ: „почему чудскія могилы должны принадлежать именно дининамъ, а не другому какому либо длинноголовому племени?“ Въ отвѣтъ я могу бы сослаться на исторію, но предпочитаю дать кинесейдующее сравненіе остатковъ, сохранившихъ наимъ могилами „чудей“ съ тѣмъ, что сохранила наимъ исторія въ китайскихъ описанияхъ южныхъ дасцевъ и ихъ быта.

Какъ ни скучны сами по себѣ китайскія извѣстія о надгробныхъ сооруженіяхъ южныхъ дасцевъ, тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что, напримѣръ, ба-жаны, хоронившіе своихъ покойниковъ въ гробахъ, снарядили надъ могилами емкочинное мясо камня изображеніе покойного (Исаакіевскій, оп. сіт., II, стр. 31; подобныхъ же статуй вѣличали и многія изъ чудскихъ могиль; это такъ называемыя „каменные бабы“, о которыхъ имѣется большая литература; этотъ обычай переняли у дасцевъ и тукіѣ); тогъ же обычай господствовалъ у цоньскихъ мановъ (Исаакіевскій, ib., стр. 5—6 и „майча“ (ib., стр. 77), которое, впрочемъ вырывало изображенія своихъ предковъ изъ дерева; „хэй-хол“ же и донъ имѣютъ изображенія своихъ предковъ, высѣченными въ скалѣ (Deveria, оп. сіт., стр. 150). „Мио“ хоронили „при помощи наимѣющаго дна гроба (то-есть обставили стѣнки ямы каменными плитами или досками?); вынувъ землю, посыпали трупъ внутри“ (Исаакіевскій, ib., стр. 96). Нѣкоторые „мио“ оставляли покойника въ гробу безъ погребенія; иногда вѣсколько лѣтъ (до 12 лѣтъ) и когда въ общій такихъ гробовъ накапливалось около сотни, то всею же общій строили „зало демоновъ“, то-есть предковъ, куда ихъ и спосили. Такія общія помѣщенія украшались рѣзьбой, изображавшею „мужчинъ съ головами тѣлонъ“. Это очень любопытное указаніе, такъ какъ и въ юго-западной Сибири были находимы курганы обширнѣхъ размѣровъ (манки), заключающие общую гробницу съ множествомъ труповъ (см., напримѣръ, Адріановъ, оп. сіт., стр. 888). Вообще же, южные дасцы или сжигали трупомъ (точіе было бы сказать—обожгли имъ, такъ какъ кости затѣмъ собирались и хоронились отдельно) или хоронили имъ, предварительно завернувъ въ кожу или ткань, или, наконецъ, заключали

Ответъ на этотъ вопросъ мы, кажется, найдемъ въ психическомъ различии характеровъ длинноголовыхъ блондиновъ и черноволосыхъ короткоголовыхъ. Постараемся съ этой точки зрения сгруппировать все то, что знаемъ о бѣлокурыхъ народахъ Средней Азіи и Южнаго Китая.

Характеръ дисцевъ намъ мало известенъ. Они имѣли сердца тигровъ и волковъ, говорить намъ китайцы, обращавшіе плѣнныхъ діи въ своихъ тѣлохранителей и полицейскихъ. Что „да“ были свободолюбивыи и подвижныи народомъ, что они распадались на множество, повидимому, очень мелкихъ родовъ и сплачивались въ

ихъ въ гробы, которые или зарывались, или оставлялись на поверхности земли (подъ павѣсомъ?). Моссъ (*mossa*) дѣлали въ гробахъ дно изъ бамбуковыхъ циновокъ (то-есть устилали полъ гробницы циновками?). Ср. *Негедоэз*, op. cit., стр. 349: „Le mode de bÅpulture dans les kourganes de la premi re cat gorie a  t  diff rent: ordinairement l'inhumation, quelquesfois—l'inclination. Les cadavres ont  t  d pos s sur le sol, ou plus bas, dans une fosse... Le corps a  t  pos  ou directement sur la terre ou on a pr par  au paravant un lit de pierres ou de bois...“); разѣшили (излѣчили?) всѣ платья покойнаго съ одной стороны (но съ лѣвой ли? см. *Римскъ—Землевѣдѣніе Азіи*, V, стр. 886) и тутъ же разставляли сосуды (у *Ивановскоаго*, ib., стр. 48, переведено: „разставляютъ нѣющищихся (сю) чаша (образыты) свиней“, что неяснѣто). „Чунь-циа“ въ теченіе года сохраняли гробъ подъ павѣсомъ, а затѣмъ сжигали (что? павѣс или гробъ?). Суль-вайские „мази“ зарывали гробъ, предварительно вымазанный (не замазанный только щели?) воскомъ, по лѣвой сторонѣ дома (вообще, повидимому, лѣвой сторонѣ) придавалось особое значеніе у дисцевъ; въ разрытыхъ „маякахъ“ всѣ почти положенные въ могилу предметы находились по лѣвой руке костяка; изъ этого временнаго помѣщенія они черезъ три года его вынимали и уже тогда окончательно „хоронили покойника“ (ib., I, стр. 90). О похоронныхъ обычаяхъ у хагасовъ говорится: *Die Knochen wurden eingesammelt und nach einem Jahre das Grab gemacht* (Schott, op. cit., стр. 436). „Лунь-циа“ хоронили на скалахъ, при чемъ пеклись о покойникѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, три раза за этотъ періодъ времени „соскабливая съ костей мясо“ (ib., II, стр. 92). Этотъ обычай ясно указываетъ съ одной стороны на то, что цѣлью обжиганія трупа было упрощеніе тягостной обязанности—три раза вынимать покойного изъ могилы и соскабливать съ его костей отгнившія части (не находится ли въ связи съ этимъ обычаемъ—обычай господствовавшій нѣкогда у чуди окрошивать кости покойника въ красный цветъ?), съ другой, что могилы устраивались такъ, чтобы покойниковъ въ теченіе извѣстнаго періода времени можно было навѣщать; только уже по прошествії этого періода могилы задѣлывались окончательно (ср. съ описаніемъ харгойской могилы, сдѣланнѣй Агапитовымъ въ „Извѣстіяхъ Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, XII, №№ 4 и 5). Покойника одѣвали во все лучшее, даже въ томъ случаѣ, если его затѣмъ сжигали. Надо при этомъ замѣтить, что южные дисцы имѣли особенную склонность украшать себя. При описаніяхъ „воли“ въ Юнь-нань-тунь-чжи“ мы находимъ слѣдующее характерное мѣсто: „Я всю

одно цѣлое лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и притомъ ненадолго—это говорить намъ вся вѣкъ исторія. Китайцы удивлялись вѣкъ мужеству, но побѣждали ихъ часто, такъ какъ имѣли дѣло не съ массой народа, а съ отдельными ихъ поколѣніями; къ тому же они пользовались ихъ взаимными счетами и искусно направляли ихъ другъ противъ друга.

Что „ди“ не были склонны къ подчиненію, выше всего ставя индивидуальную свободу, видно изъ того, что они безъ колебанія бросали свою порабощенную родину и расходились—одни на сѣверъ, другіе на югъ, туда, гдѣ еще былъ просторъ, куда не доби-

свою жизнь собирали раковины, говорить умирающій отецъ своему сыну. Если встрѣтится нужда—возьми часть ихъ; часть же оставь въ часѣдіе будущему поколѣнію” (ib., стр. 89). Въ поясненіе этого слѣдуетъ замѣтить, что раковины даже во времена Марко Поло продолжали еще играть въ Юньнани роль денегъ. Эту же роль, по словамъ графа Сечени („Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien“, стр. соихъ), онѣ продолжаютъ еще играть въ странѣ кочевниковъ. Раковины принадлежатъ преимущественно къ виду *Surgaea moneta*, L. Въ немецкой степени, чѣмъ раковины, цѣнились у нихъ самоцѣнѣтные камни и украшения изъ мѣди, серебра, изъ особенности же—золота. Я буду имѣть еще случай говорить, что всѣ безъ исключенія дисцы (мужчины и женщины) носили въ ушахъ серги и кольца (мужчины „хѣй-холо“ только въ лѣвомъ ухѣ; ср. съ находкой изъ однѣй изъ „чудскихъ“ могилъ кольца съ лѣвой стороны черепа. Алемитоз, оп. сїт.) изъ мѣди, серебра, золота и самоцѣнѣтныхъ камней. Къ этому мнѣ остается добавить, что они носили также браслеты изъ золота, серебра и скелетной кости, ожерелья изъ самоцѣнѣтныхъ камней, замѣнявшіяся иногда у женщинъ серебряными обручами, разогнутыми на груди (именно, у „хѣй-мю“), особые изъ желтой мѣди обручи на лбу („Un autre... avait sur la tête une espèce de diadème... Нифедовъ, оп. сїт., стр. 350) или вѣнки изъ серебряныхъ цвѣтовъ (женщины). Женщины вплетали себѣ изъ волосъ раковины, бусы (иногда золотыя), цвѣты, волосы и проч. Сверхъ того, женщины носили на головѣ, изъ заткапной золотой тафты, особаго рода покрывала. Жены богатыхъ дисцевъ всегда одѣвались въ парчу, бархатъ, атласъ и другія шелковыя ткани, которыя отдѣльвали вышивками, раковинами, золотыми блестками, серебряными цуговками; мужчины носили шляпы и пояса, украшенные золотомъ, серебромъ и самоцѣнѣтными камнями и украшенные золотомъ и серебромъ воротники. Слѣдуетъ также замѣтить, что дисцы украшали не только себя, но любили украшать и своихъ лошадей: уздечки и другіе части конскаго прибора, а также сѣда и чепраки они отдѣльвали золотомъ, серебромъ и самоцѣнѣтными камнями. Въ „макахъ“ близъ костака находить иногда кожаные мѣшки съ остатками зеленаго бархата; именно кожаные мѣшки были въ употреблении у „цоньскихъ манеи“ и „бѣльихъ голо“. Эти мѣшки украшались иногда вышивками и носились черезъ плечо, служа дорожными сумками. Подобныя сумки и до сихъ поръ еще въ употреблении у сойотовъ (Шварцъ—„Труды

рались китайцы со своимъ государственнымъ строемъ. чиновниками и правилами общежитія. Такъ они, съ течеіемъ вѣковъ, до-брались съ одной стороны до бассейна Брамапутры, Иравади и Салуэна, съ другой до Алтая и южной Сибири.

Но и тутъ и тамъ они сохранили психическая особенности своего характера. Вотъ, что говорять наимъ, напримѣръ, китайцы о южныхъ инородцахъ Серединной имперіи, сохранившихъ еще въ своихъ жилахъ кровь древнихъ дисцевъ.

Бань-шуньскихъ маней („ба-ди“) китайцы описываютъ въ такихъ выраженіяхъ. Родопачальникомъ ихъ былъ инородецъ изъ уѣзда

Сибирской экспедиціи¹, Матем. отд., стр. 109. См. у *Duceréa* рисунокъ, изображающій бѣлого лоха и качиновъ (*Sséchenyi*, ib.).

Врожденное чувство къ национальному заставляло дисцевъ украшать не только себя, но и свою утварь; такъ напримѣръ, „че-су“ имѣли обыкновеніе украшать сосуды инкрустацией изъ олова по дереву. Сунь-тайскіе „маны“ вытачивали мелкие сосуды (тарки) изъ скелевой кости и украшали ихъ рѣзьбою съ изображеніемъ птицъ (ib., I, стр. 90). „Лао“ выливали изъ мѣди легкіе сосуды, пригодные для варки пищи, и т. д.

Изъ вышеизложенного не можетъ не явствовать, что дисцы были искусными литеїщиками. О современныхъ восточныхъ тибетцахъ (то-естьmetisахъ „ди“ и „чиновъ“) *Desgodins*, между прочимъ, пишетъ: „Il y a un art dans lequel les Thibétains réussissent très bien, c'est celui du fondeur en métaux. Leurs statuettes sont d'un fini peu commun. Ce sont eux aussi qui fondent les clochettes et les autres instruments employés dans les cérémonies du culte, ordinairement couverts de petits dessins et de bas-reliefs, le plus souvent bien exécutés. Comme en Europe on a trouvé le moyen de faire des combinaisons de métaux imitant l'argent... Le fer thibétain est de bien meilleure qualité et mieux fabriqué que le fer chinois“ (стр. 387). То же китайцы пишутъ и объ ухуаньцахъ: мужчины умѣютъ плавить желѣзо и золото для оружія, женщины—вышивать шелками по кожѣ. Кстати замѣтимъ, что женщины ухуань посыпали головные уборы изъ золота и нефрита или ирудного цвѣта, „подобные древней повязкѣ китайской съ трасульками и привѣсками“. Хоронили ухуаньцы своихъ мертвыхъ такъ: „Похоронниковъ кладутъ въ гробъ... Брали одну откориженную собаку и вели ее на цвѣтномъ шнуркѣ (культъ „Цань-ху“, о чёмъ ниже), также брали лошадь, на которой покойникъ щадилъ, его одѣяніе и вещи и все это сжигали и весяли за гробомъ для препорученія собакѣ, чтобы она охраняла душу умершаго... Въ жертву приносили быковъ и барановъ“ (*Лакимѣтъ*—„Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи“, I, I, стр. 153—154). Конечно, для того, чтобы вышеупомянутымъ сравненіемъ имѣли вполнѣ научное значеніе, требовалось бы доказать, путемъ сличенія, что чудскія находки и предметы искусства южныхъ дисцевъ принадлежать къ одному и тому же типу. Къ сожалѣнію, и лишить возможности сейчасъ это сдѣлать; и приходу, однако, вижеслѣдующее замѣченіе *Chantre*а о курганныхъ находкахъ: „Les splendides épées que vient de nous montrer M. Anoutchine présentent un très grand intérêt.. Quant à leur ressemblance avec les kindjals

Ланъ-чжунъ, прославившійся убійствомъ бѣлого тигра. Его потомки жили по обонію берегамъ рѣки Юй-шуй и отличались силой и храбростью. Они всегда шли въ авангардъ войска Ханьской династіи и побеждали. Они любили плаки и пѣсни. Когда Гао-цзу услышалъ одну изъ нихъ, то воскликнулъ: „стъ этой именно пѣснью Ву-ванъ одержать побѣду!“ и велѣлъ обучить ей музыкантовъ. Когда впослѣдствіи они воевали и императоръ хотѣлъ двинуть противъ нихъ войска, то хань-чжунъскій Шань-ци замѣтилъ: „Ба-ди“ семи родовъ имѣютъ заслугу въ томъ, что убили бѣлого тигра. Эти люди храбры, воинственные и хорошо умеютъ сражаться. Нѣкогда, въ года прав-

caucasiens... je ne puis y souscrire. Il n'y a pas non plus de rapport entre ces épées et celles des nécropoles protohistoriques du Caucase. On peut assurément trouver dans ces piéces un air général de famille, mais on est ici en présence de formes nouvelles. C'est plutôt vers l'Est que vers le Sud, c'est-à-dire vers la Chine qu'il faudrait chercher des rapports entre le type de ces épées et ceux de beaucoup d'autres objets sibériens“ („Congrès international d'Archéologie et d'Anthropologie préhistoriques“, II, proc.-verb., стр. 29)—выводъ, къ которому приходили многократно и раньше.

Вообще, дисцы мадрэве заняли себя искусствами мастерами, и хотя, вѣроятно, многое и многое заимствовали у китайцевъ, но, съ другой стороны, они и опередили по многихъ оттаяхъ своихъ учителей: такъ, напримѣръ, по собственно му привычку китайцевъ, „хѣй-шу“ были искусствами мастерами: они неподражаемо изготавливали изъ бамбука сосуды, столы, кровати и проч. и умѣли строить дома и дворцы. Тѣмъ же искусствомъ отличались и дикари „шу-цизы“, о которыхъ китайцы одновременно писали, что они „ѣдятъ шерсть и пьютъ кровь“—выраженіе, употреблявшееся для обозначенія крайней дикости. Равнымъ образомъ, дикарей „ша-шень“ китайцы описываютъ какъ отличныхъ рѣзчиковъ изъ самаго твердаго дерева (хао-шань).

Наконецъ, намъ остается присовокупить, что дисцы были мастера возводить двухэтажныя постройки, башни и пр.; они окружали свои селенія или стѣнами, или рвомъ (ср. находки Агапитова и Черского); строили (напримѣръ, цоильскіе маши) жертвеники съ тремя ступенями (см. дополненія къ Риттера „Землевѣдѣніе Азіи“, V, часть вторая, стр. 507) и т. д.

Къ этому я могу добавить еще нижеиздѣдующее соображеніе. Кто, какъ не дисцы вывели изъ Тибета яковъ, оставивъ ихъ въ наслѣдіе сопотамъ, въ которыхъ нельзя не признать захудалыхъ потомковъ рослыхъ дикихъ ионовъ? Сопотскія лошади и рослый ихъ скотъ считаются лучшими въ краѣ (ср. *Лакинѣфъ*, ib., I, 2, стр. 442 и слѣд., и *Шеармъ*, ib., а также *Лакинѣфъ*—„Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее“, стр. 166); сопоты и до сихъ поръ удержали обычай не єздить на жребцахъ (можетъ быть такъ слѣдуетъ помнить китайское замѣчаніе, относящееся къ „бо-ма“: имѣютъ лошадей, но не єздить на нихъ? *Кларгоѣ*—„Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 190; *Лакинѣфъ*, ib., стр. 442). Сопоты сохранили въ нѣкоторые скѣды дисской цивилизациі; такъ, напримѣръ, они срощаютъ свое поле, они хорошие литеїщики, головной уборъ ихъ женщины, повидимому,

ленія Юнь-чу (107 — 118 по Р. Хр.), цяны, вступивъ въ округа и уезды Хань-чuanь, разрушили ихъ. Тогда къ намъ на помощь явились „ба-ди“, и цяны были разбиты на голову и истреблены. Поэтому баш-шувьскіе манн и были прозваны „божественными войсками“⁴⁾. Цыны испугались страха и передали другимъ родамъ, чтобы они не двигались на югъ. Когда же во 2-мъ году правления Цзянь-хо (пъ 148 году) цяны вновь вторглись съ большими силами, то и мы только при помощи тѣхъ же „ба-ди“ нѣсколько разъ разбили (отразили) ихъ. Цзянь-цзюнь Фынь-гунъ, отправляясь въ походъ на югъ противъ ву-ли, хотя и получилъ самыя отборныя войска но могъ совершилъ свой подвигъ лишь при помощи тѣхъ же „ба-ди“. Наконецъ, когда недавно произошло возстаніе въ округахъ области И-чжоу (Юнь-пань), то усмирить бунтовщиковъ помогли намъ опять-таки „ба-ди“. Эти подвиги... и т. д.¹⁾.

тотъ же, что и у женщинъ южныхъ дисцевъ. Наконецъ, припомнимъ, что среди нихъ часто попадаются блокирные, что женщины ихъ отличаются красивыми формами тѣла и чертами лица, что у нихъ въ высшей степени развито чувство визуализации, удержанное выборное право, и т. д. (см. также *Клеменцъ — Древности Минусинского музея*, стр. 61—62).

Hirth въ „Verhandlungen der Berliner anthropologischen Gesellschaft“, 1890, стр. 52—56 („Die Kaiser-Gräber in Centralasien“), дѣлаетъ нижеиздѣющее интересное сообщеніе.

Въ „Вэй-шу“ упоминается, говорить онъ, о послѣствій (въ 448 г.) изъ страны Ву-ло-ху (по Каэрлапу) къ Тоба. Послы объявили императору, что къ сѣверо-западу отъ ихъ родины сохранилась гробница его предка, представляющая каменное сооруженіе, имѣющее 70 фут. выс., 70 шаговъ отъ сѣвера къ югу и 40 отъ запада къ востоку.

Въ поясненіе этого сообщенія я замѣчу, что поколѣніе „тоба“, къ которому принадлежала императорская династія Юань-вай, составляло одинъ изъ отѣхъзовъ „дунъ-ху“ (см. ниже) и въ прежнее время жило по Онону, куда оно прикочевало, повидимому, до Р. Хр. Къ востоку отъ земли граничили съ ухуань (см. ниже). Къ серединѣ III вѣка по Р. Хр. оно усилилось и объединило до ста родовъ, къ числу коихъ могла принадлежать кельтъ ухуаньскіе роды, такъ и вышеупомянутые „ву-ло-ху“. „Во всикомъ случаѣ несомнѣнно, что племя „тоба“ было смѣшанного происхожденія, при чёмъ кровь „ди“ могла и преобладать. Тоба считали своимъ предкомъ Мао (что напоминаетъ дискій родъ „мао-лю“), подобно тому, какъ черные „лоло“ царя Ма („бо-ма“). Засимъ изъ описанія „ву-ло-ху“ видно, что быть ихъ былъ не пастушескій, а охотничій, что они имѣли не наслѣдственныхъ, а выборныхъ старшинъ, были храбры, носили дискую прическу, украшали свои одежды жемчугомъ (бусами) и имѣли множество музыкальныхъ инструментовъ—все черты, напоминающія дисцевъ.

¹⁾ Исааковскій, оп. cit., I, стр. 18; *d'Hervey de Saint-Denis*, оп. cit., II, стр. 57—58.

Лао живутъ въ южной Сы-чуані (въ области Нань-чань-фу), куда еще при Цзинягъ¹⁾ переселились изъ южной Шань-си (Хань-чунь-фу). Въ эту эпоху они распадались на множество поколій, подчинявшихся выборнымъ старшинамъ²⁾. Они были весьма многочисленны; такъ, однихъ только сѣверныхъ лао насчитывалось до 200 тысячъ семействъ. Ихъ грабежи и разбои побудили туземцевъ выселиться на востокъ, послѣ чего роды „лао“ заняли всѣ горные долины отъ Лян-чжоу на югъ; при этомъ часть ихъ смѣшалась съ туземцами (ся-жень) и обратилась въ земледельцевъ, часть же, укрѣпившись въ горахъ, продолжала вести разбойничій образъ жизни. Эти „лао“ вели безконечные войны со китайцами, но не сокрушили массой, а каждая община, каждое селеніе отдельно, за свой рискъ и страхъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ нѣсколько ихъ родовъ соединялось вмѣстѣ; напримѣръ, это вмѣсто въ 639 году, когда китайцы одержали надъ ними решительную победу, захвативъ предварительно въ пленъ до 10.000 мужчинъ и женщинъ. Послѣднее извѣстіе китайцевъ о южныхъ поколіяхъ „лао“ относится къ началу IX вѣка („лао“ съ этихъ поръ не безнаконца границы), о Нань-чишскихъ же „лао“ (Чунь-чишь-фу) къ началу XII столѣтія. Этакъ „лао“ китайцы характеризуютъ въ такихъ выраженіяхъ: Среди всѣхъ инородцевъ „лао“ отличаются темъ, что ихъ трудно подчинить какимъ-либо законамъ и общежитію. По своему характеру они сходны съ японцами и зверями, такъ какъ съ ими же отецъ и сынъ убиваютъ другъ друга. Мсти за обиду, они непремѣнно убиваютъ своего про-тивника и, убивъ, — съедаютъ³⁾. Они нападаютъ другъ на друга

¹⁾ Некоторый, ор. cit., I, стр. 11, 38 и 40.

²⁾ Ibid., стр. 38.

³⁾ Пожирание враговъ и до сихъ морь сохранилось у „батаковъ“ Суматры (этого рода камикабалыги обыкновенно страстью материи батаковъ). Вообще, въ настоящемъ очеркѣ я забылъ говорить о представителяхъ бѣлої расы, сохранившихся еще въ Индокитаѣ, на Зондскихъ островахъ и въ Чилингей. Должно, однако, замѣтить, что въ характерѣ, обычаяхъ и культурѣ такъ называемыхъ индонезійцевъ и населения юго-западнаго Китая столько общихъ чертъ, что уже давно и неоднократно выражалось мнѣніе, что и тѣ и другие принадлежатъ къ одной этнической группѣ. Такой характеръ диссерт. (о немъ ниже), мы ничего невозможнаго въ этомъ не усматриваемъ.

Магайская область являлась какъ бы исходнымъ пунктомъ, откуда индонезійская волна далеко распространялась. Но эта область отнюдь не можетъ считаться колыбелью индонезійцевъ. Ближайшее изученіе индонитайскихъ племенъ показало, что тѣ же индонезійцы занимали вышѣ долину Меконга и, какъ имъ

также ради грабежа и захваченныхъ въ плѣнъ продаютъ какъ свиней или собакъ; печальной участіи быть проданными въ рабство не избѣгаютъ даже родственники! Дао, проданный съ неволю, зромко ридаетъ, не покоряется своей участіи и при первой возможности убываетъ. Но если сю вновь ловятъ и связываютъ, то она смиряется, считая, что потеряла честь и перестала быть благороднымъ. Со-

только что замѣтили, юго-западный Китай, гдѣ они жили (и это несомнѣнно) до заселенія Китая и Индо-Китая монголоидными расами. Монголы, нахлынувъ въ эти страны, отбросили индонезійцевъ въ горы и на острова, гдѣ, въ свою очередь, эти послѣдніе потеснили негритосовъ (то же, можетъ быть, имѣло мѣсто кое-гдѣ и въ южномъ Китаѣ). Волны желтолицыхъ набѣгали въ продолженіе тысячелѣтій; столь же длинный періодъ захватывала и миграція индонезійцевъ. На основаніи эпическихъ произведеній индонезійцевъ (мифовъ, передаваемыхъ изустно; у индопезійцевъ хотя и существуетъ письменность, но они ею не пользуются для столь отвлеченныхъ цѣлей, какъ записываніе легендъ) опредѣляется, что они ванали Маркизскіе острова въ V вѣкѣ по Р. Хр., Сандвичевы въ VIII вѣкѣ въ Новую Зеландію даже въ XV вѣкѣ; но въ другихъ частяхъ Полинезіи они должны были появиться несомнѣнно раньше, что доказывается тѣмъ, что въ полинезійскихъ языкахъ не попадается индусскихъ словъ; а такъ какъ „позднѣстїе индусскихъ элементовъ можетъ быть констатировано уже за тысячуѣтіе до нашей эры, то переселеніе индонезійцевъ въ Полинезію должно было послѣдовать уже раньше. Эти хронологические указанія, обстоятельно привѣрнутыя, могли бы служить для опредѣленія времени послѣдніхъ великихъ переселеній монголовъ, которыхъ въ свою очередь обусловили передвиженія индонезійцевъ въ Полинезію“ (Кржижановскій, оп. cit., стр. 169—170).

Я считаю излишнимъ проводить параллель между индопезійцами и диссами; я упомяну только, что индонезійцы, подобно диссамъ, прекрасные литеищики (они выдѣлываютъ превосходные каники и даже винтовки) и что въ нихъ въ высшей степени развито чувство къ взаимному. Даѣте я припѣду обращенья ихъ пѣсенъ, полагая, что подобная же песни должны были существовать и у диссъ (припомните хотя бы военный гимнъ племени „ба-ди“, которому когда-то обучались даже китайцы; къ сожалѣнію, китайцы не сохранили памъ словъ этого гимна). Вотъ отрывокъ военного гимна индонезійца:

„... Поднимается попутный вѣтеръ, я его слышу и чувствую. Бѣлений сѣверный вѣтеръ охватываетъ меня всѣго. Мои враги въ страхѣ скрываются. Охлати меня, о пространство, пространство, воздухъ и небо! Меня уже покрываетъ военное знамя, я стою неподвижно, какъ радуга“...

„... Если Тангарао (богъ) спросить, кто этотъ молодой воинъ, который такъ гордо потрясаетъ знаменемъ,—я отвѣчу: это я, это Вакатанъ, человекъ никому непѣдомый, бѣдный молодой товарищъ стяга! Но когда онъ спросить о моемъ знамени, о моемъ знамени, которое приводить всѣхъ въ ужасъ, о! тогда — вотъ онъ!—вакрича я“...

„... Вы видите эту молнию, это зарево? О, я ужасно боюсь этого знамени! Слава его обращаетъ всѣхъ въ бѣгство, а название его у всѣхъ на устахъ. Вы

баки у нихъ чрезвычайно цѣняются. За большую собаку даютъ раба. Равнымъ образомъ за убитаго отца смина приводятъ матери собаку. Ихъ старейшины выбираются изъ самыхъ сильныхъ и храбрыхъ; они называются лаихо, тогда какъ остальные только хо. При сю выходѣ спереди и позади несутъ знамена, трубятъ въ рогъ и бьютъ въ барабаны. Лао ходить по горамъ съ такою же легкостью и быстротой, какъ по ровному мѣсту; они прекрасно владѣютъ короткимъ оружіемъ, а также умѣютъ „лежа на днѣ рѣки, бить ножомъ рыбу“. „Они движеніе считаютъ признакомъ жизни“. Вообще, они самые неизменные, самые сумасбродные изъ маней и ихъ невозможно вполнѣ усмирить; даже лао, смѣшившися съ китайцами, не потеряли своей прародной дикости¹⁾.

Ляньчжоускихъ маняхъ китайцы говорять, что стрѣльба, охота, месть и убийства составляютъ всѣ ихъ занятія. Они сходны съ „лао“. Мужчины ихъ очень храбры (твѣрды), женщины цѣломудренны²⁾. Среди нихъ „сю маны“ отличаются наибольшою свирѣпостью и коварствомъ: если хоть нѣсколько поперечатъ ихъ желанію, они жомъ-часа выхватываютъ ножи³⁾.

Донь-мани, по словамъ тѣхъ же китайцевъ, любить драться и пренебрегаютъ смертью. Характеръ ихъ злой и смѣлый; изъ за устнало оскорблениія они съ оружіемъ съ рукахъ бросаются другъ на друга. Мстятъ и убиваютъ, не стыдясь родствомъ. Грабежи и разбой ихъ излюбленныи занятія. У тѣхъ, однако, которые поселились среди китайцевъ, нравъ замѣтно смягчился. Они выщипываютъ

спросите еще, что это за здания? О! это здания гиѣва! Здания необузданнаго бѣшенства, сокрушающаго и побѣждающаго враговъ! Теперь знаете ли вы нема?! Ураа!..

Бржиницкій, у которого мы заимствовали этотъ отрывокъ, говоритъ, что онъ не въ состояніи въ нѣсколькихъ словахъ передать всей прелести и богатства политическихъ произведений индонезійцевъ.

Что касается до самого факта каннибализма, то я его объясняю такъ: у лискихъ племенъ существовало вѣрованіе, что духъ покойного можетъ вредить живущимъ; съ другой стороны, у многихъ дакарей верилиось убѣжденіе, что если сѣть или сжечь тѣло врага, то выѣтъ съ посадинъ истребляется и его „духъ“. Выводъ отсюда ясенъ: для того, чтобы оградить себя отъ духа врага, слѣдовало сѣть его тѣло.

¹⁾ Исамоскій, *ibid.*, стр. 38 — 57; ²⁾ *Herney de Saint-Denys*, *op. cit.*, II, стр. 106—121.

³⁾ *Ibid.*, стр. 61 и слѣд.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 65.

бороду и усы¹). Въ подобныхъ же выраженіяхъ характеризуются и „танъ“ — и „хэй-лоло“, при чёмъ добавляется, что „хэй-лоло“ „боятся быть битыми, но не боятся смерти“²); то же подтверждается и для „мяо-лоло“³).

Мяо-лоло.
Съ китайского рисунка прошлаго вѣка.

„Ло-у“ никогда не разстаются съ мечомъ и копьемъ. Любятъ спиртные напитки. Характеръ ихъ надменный и злой: убиваютъ другъ друга при ссорахъ. Брѣютъ бороду. Управлять ими очень трудно⁴).

¹⁾ Иеановскій, ор. cit., II, стр. 8—7.

²⁾ Ibid., стр. 12.

³⁾ Ibid., стр. 15.

⁴⁾ Ibid., стр. 28—24.

„Хэй-масу“ — самые сильные изъ южныхъ инородцевъ. Никогда не разстаются съ оружиемъ. Въ сеорѣ иногда изъ за одного лишь неосторожнаго слова убиваютъ другъ друга, не смотря на родство. Вообще, имѣютъ буйный характеръ. Если ранены отравленною стрѣлой, то немедленно вырѣзаютъ себѣ сами пораненную часть тѣла. Ходить по отвѣснымъ, совершенно недоступнымъ скаламъ съ такимъ же проворствомъ, какъ собаки цзяо (?) ¹⁾.

У „ху-чзи“ характеръ также дурной: когда отецъ и синь, старшии и младшии братья разсердятся, то убиваютъ друга друга ²⁾.

„Мосъ“ храбры и свирѣпы. Хорошо ёздить верхомъ и владѣть оружиемъ. При малѣшемъ противорѣчіи бросаются съ ножомъ на противника, но прекращаютъ соору, если злышиается женщина ³⁾.

„В-жени“ имѣютъ характеръ весьма свирѣпый и дерзкій. „Встрѣтивши человѣка — тотчасъ убиваютъ“ (?) ⁴⁾. Всходять на высоты и проходятъ самые недоступныи мѣста, точно передвигаются при помощи крыльевъ ⁵⁾.

„Голо-маны“, имѣющіе глубокіе глаза и горбатые носы, брѣютъ усы, но оставляютъ бакенбарды. Они имѣютъ превосходныхъ лошадей. Проводятъ жизнь на охотѣ, и отлично владѣютъ оружиемъ. Набранные изъ нихъ отряды всегда шли въ авангардѣ. Пословица говоритъ: „шуй-си'скіе голо, разсѣкая голову, цѣнять въ хвостъ“, то есть, съ одного удара разѣкаютъ пополамъ. Они высокаго роста ⁶⁾.

Сунъ-пинъ-и дерзки и насильственны; сами приготовляютъ оружіе; бороду и усы брѣютъ ⁷⁾.

Эти особенности характера ди наблюдаются и у сѣверныхъ дин-линовъ и родственныхъ имъ племенъ.

Бо-ма, говорить намъ китайскій историкъ, распадались на роды,

¹⁾ Ibid., стр. 49—51.

²⁾ Ibid., стр. 43.

³⁾ Ibid., стр. 44.

⁴⁾ Не слѣдуетъ ли понимать это такъ, что въ-жени подвержены „амоку“, то есть, такому психическому возбужденію, когда человѣкъ бросается на почти безсознательномъ состояніи на всѣхъ людей, попадающихся ему на глаза и убиваетъ ихъ, не разбирая ни пола, ни возраста. Среди индомезійцевъ случаи такого переходящаго бѣшенства (mania transitoria) явление не рѣдкое и вызывается обыкновенно неудовлетворенною местью и ревностью.

⁵⁾ Ibid., стр. 84.

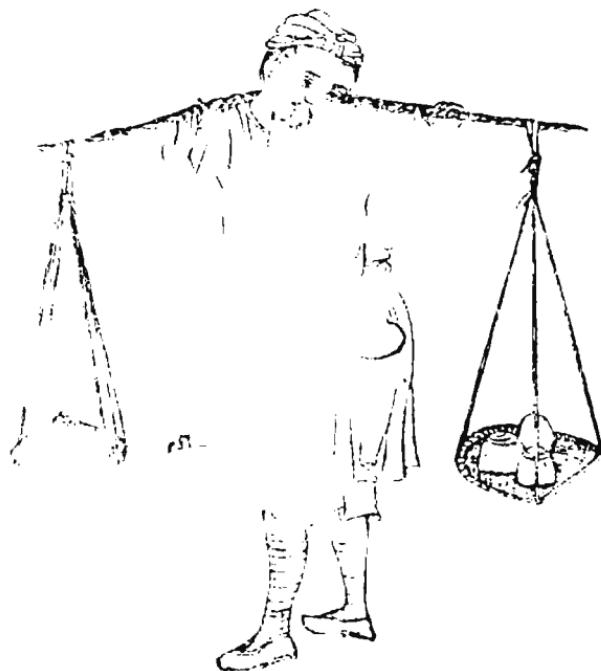
⁶⁾ Ibid., стр. 107—108.

⁷⁾ Ibid., стр. 119.

независимые другъ оть друга. Они часто воевали съ хагасами, на которыхъ походили лицомъ¹⁾.

Хагасы были сильны, горды и стойки; татуировка служила у нихъ отличиемъ храбрыхъ²⁾.

Ухуань, по словамъ китайцевъ — прямыхъ потомковъ дунъ-ху³⁾, Георгиевскій считаетъ за дисцевъ, вытѣсненныхъ въ V вѣкѣ до

Бѣхмѣ-хозо.
Съ китайского рисунка прошлого вѣка.

Р. Хр. на сѣверъ⁴⁾). Истина, однако, заключается въ томъ, что дисцы, уйдя на сѣверъ и сѣверо-востокъ, образовали тамъ нѣсколько смѣшанныхъ племенъ съ преобладаніемъ то дискаго, то тунгусскаго

¹⁾ Klaproth— „Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 129; Гакинфъ, — „Собрание свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, I, 2, стр. 442.

²⁾ Klaproth, ibid., стр. 88; Гакинфъ, ibid., стр. 442—452.

³⁾ Гакинфъ, op., cit., I, стр. 151.

⁴⁾ „О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ“, стр. 79.

или тюркского элемента. Къ числу такихъ смѣшанныхъ племенъ и должны быть отнесены ухуаньцы, которые отличались мужествомъ и запальчивостью; въ гнѣвѣ убивали другъ друга, но, подобно дисцамъ, никогда не посягали на мать. „Женщины, пишетъ Colbogs Baber¹⁾, пользуются чрезвычайнымъ уваженiemъ у черныхъ лох; на нихъ возлагаются иногда даже обязанности родовыхъ старшинъ. Лучшему гарантію безопасности для иностранца, желающаго проникнуть въ земли „лох“, было бы имѣть въ качествѣ проводника лох-женщину; тогда онъ могъ бы быть увѣренъ, что личность его была бы для всѣхъ священной“. О некоторыхъ дисскихъ родахъ китайцы также пишутъ, что драка между мужчинами прекращалась, какъ только на сцену выступали женщины²⁾). У ухуаньцевъ „въ каждомъ дѣлѣ слѣдовали мнѣнію женъ; они воинныя дѣла сами решали“³⁾. Подобно дисцамъ, ухуаньцы имѣли выборныхъ старшинъ, избиравшихся изъ числа сильнѣйшихъ и храбрѣйшихъ, при чемъ званіе старшины не выдѣляло избранного изъ числа остальныхъ со-племенниковъ; среди ухуаньцевъ господствовало полное равенство: не было ни слугъ, ни господъ, а потому старшины предоставлялись самому пасти свой скотъ. Войну ухуаньцы считали серьезнымъ дѣломъ. Женщины пользовались у нихъ свободой выбора мужа, и въ ихъ брачныхъ обычаяхъ легко усмотрѣть полную аналогию съ брачными обычаями южныхъ дасцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ, что читаемъ мы на этотъ счетъ у Іакинфа⁴⁾: „Кто хочетъ жениться, старается сойдти съ девушкою за три мѣсяца и даже за полгода до брака“. У дисцевъ „чжунъ-цзы“ „всѣ свадьбы начинаются съ непозволительной связи: каждый годъ въ началѣ весны пляшутъ при лунѣ и, высмотрѣвъ того, кто любъ, уходить съ нимъ и не сдерживаются“⁵⁾. У „хуа-мэо“ ежедневно въ началѣ весны, молодые люди и девушки, одѣвшись во все лучшее, уходить въ поле и тамъ пляшутъ подъ звуки флейтъ; затѣмъ, съ заходомъ солнца, расходятся попарно и домой возвращаются лишь передъ разсвѣтомъ⁶⁾. Подобный же обычай существовалъ и у племени „бай“. У дисцевъ „лунъ-

¹⁾ „Travels and Researches in the interior of China“ въ „Royal Geographical Society“. Suppl. pap., 1882, I, 1, гл. 4.

²⁾ Напримеръ, объ этомъ факте упоминается при описаніи племени „мэо“ (мозго). См. выше.

³⁾ Op. cit., I, стр. 152.

⁴⁾ Иеамоецкій, op. cit., II, стр. 89.

⁵⁾ Ibid., стр. 98.

цая" вступали въ бракъ при нѣсколько иной обстановкѣ: весною лунь-цяя вбивали на ровной площадкѣ колъ, называвшійся "чортсъ-вымъ шестомъ" (гуй-гань; безъ сомнѣнія, грубое изображеніе предка), и, вставшій за руки, плясали вокругъ; наплясавшись же, разбѣгались пары. Послѣ этого родители уже теряли право на дѣвушку, пока не представляли за нее выкупа; бракъ же заключался послѣ возвращенія дѣвушки

подъ родной кровь¹⁾.

У "хэй-жюо" возводилась особая временная постройка, куда собиралась молодежь изъ окрестныхъ селеній; здѣсь они знакомились между собою и вступали въ любовную связь. Дѣвушки возвращались домой иногда послѣ 3-хъ дневной отлучки, иногда же 6-ти мѣсячной, послѣ чего родители требовали у жениха "тоу-цинь", то-есть, буквально, де-негъ за ея голову; если требование не исполнялось, то бракъ считался несостоявшимся²⁾. У "мяо-лоло" японинъ женщина выбираетъ себѣ мужа³⁾.

У "голо" шести родовъ браку предшествовала пляска; "понравившійся взамину" уносилъ дѣвушку на спинѣ⁴⁾ — обычай, удержавшійся у нихъ съ давнѣго

Я о.

Съ китайского рисунка прошлаго вѣка.

¹⁾ Ibid., стр. 92.

²⁾ Ibid., стр. 96.

³⁾ Ibid., стр. 16; Denérié—"La Frontière Sino-Annamite", стр. 128.

⁴⁾ Ивановскій, ibid., стр. 109.

ческихъ временъ¹⁾). У „яо“ не мужчины, а женщины ухаживали передъ бракомъ²⁾). У „жань-маней“ родство считалось только съ материнской стороны³⁾). У „хэй-холо“ братья передавали другъ другу женъ, „не находя въ этомъ ничего странного“⁴⁾). Это уже переходъ къ полигандрии.

Возвращаемся къ ухуаньцамъ, о которыхъ Іакинфъ далъ пишеть: „потомъ (вступившій въ бракъ) посыаетъ говорные дары и переселяется въ женинъ домъ“, где работает годъ или два, послѣ чего теща щедро награждаетъ его и, отпуская, отдастъ ему всѣ вещи, находившіяся въ жилищѣ дочери... „въ обычай также братъ женъ послѣ братьевъ“. У инородцевъ „ба“ было также привыто, чтобы бѣдный, не могущій представить говорныхъ даровъ, отслуживалъ въ домѣ тестя три года⁵⁾). Тотъ же обычай существовалъ и у „во-ши“. У „яно-цы“ зять въ теченіе вѣкотораго времени проживалъ въ домѣ тестя, независимо отъ того, были или нѣтъ представлены говорные дары, существовавшіе, впрочемъ, только возмѣстить расходы по-свѣднаго на свадьбу⁶⁾.

Весьма интересна также та роль, которая ухуаньцами отводилась собакѣ: ей поручалась охрана души умершаго въ пути до мѣста успокоенія послѣдней на горѣ Чи-шань. Среди всѣхъ народовъ восточной половины Средней Азіи культь собаки господствовалъ только у дисцевъ⁷⁾). Ужъ однѣ это обстоятельство въ связи съ преданіемъ

¹⁾ Такимъ образомъ варваръ Павъ-ху унесъ свою невѣсту—дочь императора Дику (см. ниже). *Deutschia*, op. cit., стр. 92.

²⁾ Ивановскій, op. cit., I, стр. 54.

³⁾ Ibid., стр. 180.

⁴⁾ Ивановскій, op. cit., II, стр. 12.

⁵⁾ Ib., стр. 81.

⁶⁾ Ib., стр. 78.

⁷⁾ Китайцы нѣкоторые роды дисцевъ (например, „ба-да“ и „голо“ родовъ: „шуй“, „янъ“ („бо-ма“?), „линъ“, „яо“ и „тунъ“) считаютъ потомками „Павъ-ху“—пѣгой (пятнистой) собаки, и одной изъ дочерей императора китайского императора Дику, царствовавшаго ск. 2437 по 2375 годъ до Р. Хр. (Ивановскій, op. cit., I, стр. 1—3 и 87). *Ma-duan-ling* (см. *Marquis d'Heroy de Saint-Denis — Ethnographie des peuples étrangers de Ma-touan-ling* II, стр. 1) пишетъ однако: „Если вѣрить преданію, императоръ Ди-ку, огорченный постоянными набѣгами западныхъ жуновъ, объявилъ, что выдастъ свою младшую дочь за убийцу вождя этихъ жуновъ. Среди слугъ императора въ то время былъ начарь Павъ-ху. Онъ убилъ вождя западныхъ жуновъ и получилъ въ жены младшую принцессу, которую и унесъ на своихъ плечахъ въ горы кытайской провинціи Хунань“. Его потомство размножилось и вносило расплодило на многие роды (Ивановскій,

о выходѣ ухуаньцевъ изъ Приамуркаго края, могло бы служить доказательствомъ высказанной мною гипотезы о смѣшанномъ происхождении ухуаньцевъ, если бы не имѣлось китайскихъ свидѣтельствъ въ томъ, во-первыхъ, что *динлины составляли лишь одинъ изъ отдельныхъ „дунъ-ху“*¹⁾ и, во-вторыхъ, въ томъ, что среди тунгусовъ мною вѣковъ спустя существовали еще блокирные люди. Они выдѣлялись своей бѣженной храбростью (*grimmigen Tapferkeit*) и обыкновенно составляли авангардъ киданской арміи²⁾.

ib., стр. 87). Это, конечно,—мнѣ, но мнѣ, который, можетъ быть, имѣть историческую подкладку.

Существуетъ не мало указаний на то, что дисцы не дѣлились на роды въ общепринятомъ значеніи этого слова. У тунгусовъ (о нихъ см. ниже) еще недавно существовалъ обычай группироваться вокругъ какого-нибудь витязя, героя, или котораго впослѣдствіи и служило именемъ общины. Такимъ героемъ могъ быть пань-ху, союзникъ китайцевъ, прославившійся своей побѣдою надъ журами и убившій ихъ главаря; а также какъ у дисцевъ искона существовалъ обычай поклоненія предкамъ, то происхожденіе культа пань-ху какъ нельзя болѣе очевидно. Что же касается до той части имена, въ которой говорится, что пань-ху былъ пѣгой собакой императора Ди-ку, то происхожденіе ея можетъ быть объяснено смѣшаніемъ культовъ. Съ одной стороны, дисцы изъ которыхъ родовъ вели свое происхожденіе отъ пань-ху (подобно „хэй-хозо“, ведущемъ свое происхожденіе отъ (бо)-ма, „блѣдой лошади“), съ другой—тѣ не дисцы съ особыми почтеніемъ относились къ собакѣ, что имѣетъ или тотемическое происхожденіе или указываетъ на то, что нѣкогда собака въ ихъ жизни играла видную роль.

Но когда же это было? Безъ сомнѣнія тогда, когда дисцы жили еще въ своей прародинѣ, о которой преданіе (Авеста) гласить, что тамъ десять мѣсяцей въ году была зима. Отсюда, изъ этой субъ-полярной области (а не съ Намира), дисцы, подобно древнимъ иранцамъ, вынесли и ту привычность къ собакѣ, которая впослѣдствіи обратилась въ культа. Замѣчательно также, что дисцы приносили въ жертву пань-ху рыбу.

О значеніи собаки въ обиходѣ древняго иранца легко заключить изъ ниже слѣдующихъ словъ Авесты: „вселенная держится разумомъ собаки“. У дисцевъ собака цѣнилась настолько высоко, что сынъ, убившій въ ссорѣ отца, получалъ отъ матери прощеніе, если приводилъ ей собаку.

Собаки, цѣнившіяся дисцами столы высоко, были большие исы (Ивановский, op. cit., I, стр. 89), очевидно, предки знаменитыхъ тибетскихъ густошерстыхъ бульдоговъ, краткія описанія коихъ можно найти у Бравса, графа Сечена (op. cit., стр. 31), Потанина („Тавгутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголія“, стр. 241) и другихъ путешественниковъ. Эти бульдоги подходятъ ближе всего, по сложенію и росту, къ немецкимъ знаменитымъ с.-бернадскимъ собакамъ и ирландскимъ медведянамъ. Не представляется поэтому неизброятнымъ, что ихъ привели въ провинцію Кашъ и Сычуань (на плоскогорія Тибета ихъ нѣтъ) дисцы.

¹⁾ Klaproth—„Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 111.

²⁾ Schott, op. cit., стр. 444.

Да и по нынѣ еще тунгусы¹⁾ въ своемъ характерѣ сохранили много дикихъ чертъ. Кастренъ выразился однажды, что тунгусовъ

Ча-с у.
Съ китайского рисунка
прошлаго вѣка.

можно назвать „дворянами среди инородцевъ Сибири“²⁾, и Миддендорфъ вполнѣ согласился съ вѣрностью подобного заключенія. Онь не можетъ достаточно нахвалиться ихъ ловкостью и увѣренностью въ движеніяхъ, ихъ стройностью, ихъ, наконецъ, рыцарскими особенностями характера. Впрочемъ, подобное же впечатлѣніе производили они на всѣхъ путешественниковъ безъ исключенія. „Мужество и человѣчествомъ и смысломъ, писалъ 175 лѣтъ тому назадъ Ганстенъ³⁾, тунгусы всѣхъ кочующихъ и въ юртахъ живущихъ превосходятъ“. Штранденбергъ отзывался о нихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Изъ всѣхъ народовъ Сибири тунгусы выдѣляются своей силой, ловкостью и наиболѣе высокимъ ростомъ: они очень напоминаютъ италіанцевъ; вмѣстѣ съ симъ это единственный въ Сибири народъ, который и въ наши дни (писалось въ 1730 году) *удерживалъ у себя обычай татуировки*⁴⁾. Тунгусы пишетъ Миддендорфъ⁵⁾, это положительно горный народъ, пробуждающій въ насъ воспоминанія объ особенностяхъ обитателей нашихъ европейскихъ

¹⁾ Самы себя тунгусы называютъ или „бо-ѣ“, „бо-ѧ“, что значитъ „человѣкъ“, или „донки“ (дунъ-ко)—люди. Близкое къ тунгусамъ племя—орочины называютъ себя бѡбл, бѡблкі (аванки у русскихъ); это, безъ сомнѣнія, „уваи“ танскихъ временъ (Лакинѣфъ—„Собр. свѣд. о народ. Ср. Азіи“, I, 2, стр. 441).

²⁾ Кастренъ—„Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1819“, стр. 250 (цит. по Миддендорфу—„Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири“, стр. 702).

³⁾ „Записки Гидрографического Департамента“, IX, стр. 56 (цит. по Миддендорфу—оп. cit., стр. 702).

⁴⁾ „Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tataray in sich begreifet“, etc., стр. 185.

⁵⁾ „Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири“, стр. 704.

альповъ. Они обладаютъ извѣстною выправкою, исполнены приличия, ловки, предпримчивы до отваги, живы, откровенны, самолюбивы, охотники наражаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ закалены физически. Если мы хотимъ продолжать свое сравненіе съ европейскимъ населеніемъ горь, то мы должны будемъ передвинуться дальше на западъ; только тамъ, пожалуй, можно еще встрѣтиться съ беззаботною удалою тунгуса, который, въ своей первобытности, главнымъ образомъ, хлѣбосоль, любитель удовольствий и вѣтринъ. Тунгусъ очень подвиженъ: не позовешь ему въ одномъ мѣстѣ, онъ отправляется въ другое и подвигается все дальше и дальше, такъ что постепенно забирается иногда весьма далеко, сходясь съ самыми различными племенами. Жизнь тунгуса представляетъ вообще поразительную смѣсь кочеванья съ осѣдлостью...¹⁾). Нерѣдко онъ строитъ себѣ небольшой постоянный срубъ изъ отельно поставленныхъ бревенъ; но онъ никогда не привязывается къ этому дому и, если нужно, тотчасъ же покидаетъ его на нѣсколько лѣтъ, а иногда—навсегда.

Вотъ, какъ описываетъ Миддендорфъ свое прибытіе въ становище тунгусовъ.

Караванъ нашъ былъ встрѣченъ пальбой изъ винтовокъ. Собравшіеся тунгусы салютовали, не смотря на дороговизну и рѣдкость пороха... За стрѣльбой послѣдовала баль, при чёмъ въ средѣ тунгусовъ разразилось какое-то плясовое бѣшенство энтузиастовъ. Сначала образовался маленький кружокъ, въ которомъ мужчины и женщины, въ томъ числѣ и совершенныхъ старухъ. Схватившись за руки, они начали довольно хитрую пляску, заключавшуюся въ передвиженія ногъ въ стороны. Вскорѣ, однако, круговая пляска ожила, движенія обратились въ скачки и прыганья, все тѣло заходило ходуномъ, лица разгорѣлись, восклицанія стали шумнѣе, восторженѣе. Вскорѣбросили сначала полушибки, а потомъ и мѣховые штаны. Въ заключеніе всѣхъ обуяло бѣшенство. Зратели то и дѣло срывались съ мѣста и исчезали въ вихрѣ пляшущихъ. „Хуря, хуря! хюгой, хюгой! хогой, хогой! хумгой, хумгой! хакъ, хакъ! эхандо, эхандо! хэрга, хэрга!“ и т. п. восклицанія становились все громче... И пляска кончилась только тогда, когда голоса у танцоровъ осипли, а члены перестали двигаться отъ изнеможенія. За этою демонскою пляскою послѣдовала чай съ пуншемъ. Къ стыду нашего общества я долженъ замѣтить, что тѣ же самые тунгусы

¹⁾ Тоже можно сказать вообще про всѣхъ дисцевъ.

какъ бы преобразились и соблюдали самое сдержанное привличie... Затѣмъ настала очередь и рѣчамъ, напоминашимъ мнѣ о путь нашихъ европейскія краснорѣчивыя націи... Рѣчи принесли высокій полетъ...¹⁾).

Тунгусы, вообще, болезнѣ любимыемъ кумирамъ и заработанные деньги спускаютъ самымъ легкомысленнымъ образомъ. На сборища женщины, въ особенности же дѣвушки, являются всегда смѣло разраженными. Но мужчины ни въ честь кѣ не уступаютъ... Въ сравненіи съ сумами, растратчиваемыми тунгусами на пирушки, цѣны, платимыя ими за жену, очень умѣрены. При этомъ надо имѣть также въ виду, что жена *входиша въ домъ мужа не безприданницей*. Нерѣдко даже приданое жены служить основнымъ фондомъ, на который строятся благосостояніе будущихъ супруговъ, такъ какъ у тунгусовъ не въ обычаяхъ надѣлать сыновей послѣ женитьбы.

У тунгусовъ, пишеть князь Дадешкаданіи²⁾, отецъ — глава и полный господинъ семьи. „Но въ отношеніяхъ его къ дѣтямъ и женѣ совсѣмъ не наблюдается рабской зависимости послѣднаго, какъ это мы находимъ у гольдовъ и ороченовъ. На противъ, отношенія отца къ членамъ семьи самые гуманные, любовныя. Многоженство или сожитіе, кроме жены, съ наложницаами совершенно неизвѣстны тунгугамъ...³⁾. Уплата калмыка, вслѣдствіе бѣдности, производится по частямъ и совершается такъ: женихъ *переселяется къ родителямъ незѣстіи и половину заработка вноситъ въ ихъ домъ*. Какъ скоро условленная сумма выплачена, молодые отправляются на житѣе въ домъ родителей мужа... *Отецъ давленія на выборъ дочери никакого не оказываетъ. Она волна принимать или не принимать предложенія*“.

Вообще, у тунгуса замѣчается такая же любовь къ индивидуаль-

¹⁾ Подобный же характеръ танцевъ наблюдается и у южныхъ дисцевъ. Такъ, у хэй-лого молодые люди и дѣвушки, взависъ за руки, образуютъ кругъ и танцуютъ подъ звуки свирѣп (Нижнекамскій, оп. сіт., II, стр. 13); у голо родовъ шуй, линъ, линъ, яо и тунъ „мужчины и женщины образуютъ кругъ и, взависъ за рукава, плещутъ“ (ib., стр. 109); у бѣльыхъ доло „марши и дѣвушки, смѣшанно собравшись, берутся за руки, образуютъ кругъ... и плещутъ (ib., стр 9); у племени „ф-ланъ“ танцоры становились въ кругъ, брались за руки и отбивали ногами такъ (d'Hervey de Saint-Denys, оп. сіт., II, стр. 143), и т. д.

²⁾ „Часть Амурской области между реками Бурею и Амгуною“ въ „Сборникѣ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ материаловъ по Азіи“, XXXII, стр. 278.

³⁾ Среди черныхъ доло господствуетъ моногамія; только глава племени имѣть трехъ женъ, а его замѣтитель (помощникъ) двухъ (См. Colborne Baber — „Trav. a. Res. in the int. of Ch.“, глава IV).

ной свободѣ, какъ и у южнаго дасца. Всю ихъ старшину какъ родовые, такъ и вѣдомственные, *имборные лица*¹). „До покоренія тунгусовъ русскими, пишетъ Латкинъ, между ихъ племенами постоянно происходили раздоры и побоища. У нихъ и теперь еще сохранились преданія о славныхъ бойцахъ и воителяхъ, къ которымъ обыкновенно притыкали болѣе малочисленныя и небогатыя семьи, и такимъ образомъ образовались ихъ роды²), такъ что подобный боевъ или воитель составлялъ ядро, около которого группировались *свои сородичи и соратники*, тѣмъ болѣе, что такой богатырь почти со всѣми былъ еще и въ кровномъ родствѣ, вступая въ супружество съ дочерьми привлекавшихъ къ нему семянъ, которые считали за великую для себя честь породниться съ богатыремъ... Въ старые годы между тунгусами существовала вендета или наследственная месть за кровная обиды... Прежде тунгусы отличались мужествомъ, отвагою, ловкостью, добросердечiemъ и правдивостью... Характеръ у нихъ, вообще, *пылкий и леико возбуждающійся*; имѣтъ съ тѣмъ тунгусъ безусловно ловкій и неустрашимый охотникъ. Тунгусы хорошо владѣютъ *кузнецкимъ инструментомъ*, даже сами выдѣлываютъ охотничьи винтовки... Лѣтомъ, при рыбной ловлѣ, плаваютъ въ легкихъ берестяныхъ лодкахъ съ плоскимъ дномъ, удобнымъ для переноски на головѣ и весьма неустойчивыхъ для непривычного, по тунгусу не боится въ лѣї плыть черезъ стремнины и пороги, бойко гребя весломъ. Противъ воды они въ этихъ лодкахъ пастолько быстро идутъ, что обгоняютъ тихоходные енисейскіе пароходы... Въ тайгахъ тунгусу всюду дорога... Тунгусы не боятся и медведя; некоторые бьютъ его одинъ на одинъ изъ своихъ небольшихъ винтовокъ; подчасъ же выходятъ на него, имѣя въ рукахъ только палку (можь, прикрепленный къ палкѣ)³... У Латкина мы находимъ еще одно интересное указание, которое заслуживаетъ быть приведеннымъ; „Тунгусы, говорить онъ, при круговомъ танцѣ, вокругъ воткнутой въ землю палки, припѣваютъ въ такти, переступая съ ноги на ногу, — и такъ проводятъ иногда всю ночь“⁴).

¹⁾ Кн. Дадсикаланы, Iв., стр. 270.

²⁾ То-же существовало и у ухуанцевъ. Китайцы пишутъ: „Постоянныхъ прозваний не имѣютъ, а имъ сильного старшины обращаются въ прозвание“ (Латкинъ, оп. cit., I, стр. 152).

³⁾ „Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее“, стр. 123 и слѣд. О тунгусахъ подробнѣе см. Грум-Гржимайло — „Описаніе Амурской области“, стр. 361—373.

Мы знаемъ уже, что усуны первоначально жили въ южномъ Алтѣ¹⁾; въ южную же Сибирь удалились впослѣдствіи и некоторые роды дисцевъ (дили, динлывы). Такимъ образомъ уже a priori слѣдуетъ допустить, что черноволосые аборигены этой страны²⁾ (главнымъ образомъ уйгурской поколѣнія) должны были имѣть значительную примѣсь крови бѣлой расы. Подкрѣпить это предположеніе какими-либо историческими свидѣтельствами мы, къ сожалѣнію, не можемъ; но за то мы располагаемъ данными, которыя, въ виду вышеизложенного, могутъ считаться весьма цѣнными. Уйгуры, говорить намъ исторія, подраздѣлялись на множество независимыхъ другъ отъ друга родовъ³⁾, имѣли выборныхъ старшинъ, отличались, по крайней мѣрѣ въ первый периодъ своей исторической жизни, свободолюбіемъ (что и служило имъ главной почмѣхой къ сплоченію въ одно политическое цѣлое) и чрезвычайною храбростью; на ихъ долю выпало играть на сѣверѣ Средней Азіи ту же роль, которую искона играли дисцы на югѣ, съ тою лишь разницей, что силами дисцевъ распоряжались черноволосые и короткоголовые китайцы, а ихъ силами „геройствовали“ черноволосые и короткоголовые түкіесцы⁴⁾, въ обоихъ случаяхъ представители одной расы—болѣе пассивной и консервативной, съ менѣе развитымъ чувствомъ индивидуальной свободы, но въ то же время проявляющей большую любовь къ родинѣ, а потому и болѣе способной образовать прочный государственный организмы.

Замѣтимъ еще, что въ свадебныхъ обрядахъ уйгuroвъ сохранилось дикое вліяніе: сторона жениха отбирала изъ табуна, привад-

¹⁾ См. выше.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что китайскій посолъ Чжанъ-кінь указывалъ на окрестности Дунь-хуана, какъ на первоначальную родину усуньцевъ, гдѣ они жили по сосѣдству съ юэчжи (Лакингфъ — „Собрание свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, III, стр. 66). То же извѣстіе находимъ мы и у Успенскаго, который пишетъ: „Въ Ши-цзань (историческіе записки) замѣчено весьма коротко и осторожно, что въ области Гуа-чжоу, въ періодъ между Циньской и Ханьской династіями, обиталъ народъ усунь, потомъ юэчжи и, наконецъ, прогнавшіе ихъ гунны..“ („Страна Кукъ-моръ или Цинь-хай“ въ „Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, по отдѣльнографіи, VI, стр. 107).

²⁾ Неолитический человѣкъ южной Сибири былъ короткоголовымъ.

³⁾ Это говорить не только китайскіе, но и мусульманскіе историки, а именно: Рашидъ-ед-Динъ, Абуль-Газі и Джувейні (см. Рафдоузъ — „Къ вопросу объ уйгурахъ“, стр. 41, 54, 66).

⁴⁾ Лакингфъ — „Собрание свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, I, 2, стр. 873.

лежавшаго родителямъ невѣсты, лучшихъ лошадей, самъ же женихъ, какъ кажется, нѣкоторое время проводилъ въ домѣ тестя ¹).

¹) *Иакицфа*, ib., стр. 250.

Среди уйгуровъ было одно племя *уїс*, которое носило название „сары-уйгуръ“, то-есть желтыхъ (а Ремюза пишетъ — желтоголовыхъ,— „Hist. de la ville de Khotan“, стр. 95). Сопоставляя имѣющіяся у настѣнныхъ обѣти этихъ желтыхъ уйгуръ, я прихожу къ тому заключенію, что нѣкогда они жили между Хотаномъ и урочищемъ Гасъ, то-есть въ мѣстности, которую и до настоящаго времени называется племенемъ блондиновъ, извѣстныхъ подъ названіемъ мачинцевъ. Нужно полагать, что магометанство введено было у нихъ позже, такъ какъ при этомъ часть народа, пожелавшая сохранить свою древнюю религию, должна была выселиться на востокъ „песней по кудамъ“ (Пржевальский— „Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи“, стр. 480). Если бы намъ удалось доказать, что нынѣшніе мачинцы потомки сары-уйгуротовъ, то не представлялось бы затрудненій отыскать и ихъ посточную вѣтвь въ хицѣ шира-бугровъ, населяющихъ нынѣ Нань-шань.

Откуда явилось это название „мачинъ“? Сами мачинцы того мнѣнія, что коренное название ихъ племени было „ма“, что явились они въ Каракская горы изъ Индіи (?) и только по смѣшаніи съ китайцами (чинъ) получили название мачинъ.

Не отрицаю быаго вліянія Индіи на восточно-туркестанскую культуру, а также возможность и даже вѣроатность такихъ переселеній, я все же не думаю, чтобы „ма“ были выходцами изъ Индіи. И это потому, что до своего обращенія въ исламанство „ма“ были не буддистами, а шаманистами. Это видно изъ обрядовъ и суевѣрій, подмѣченыхъ у нихъ Пржевальскимъ: болѣнь они приписываютъ залому луху; изгоняя его, они... громко кричатъ, бьютъ въ бубенъ и, вообще, стараются производить какъ можно болѣе шума... После чѣй-либо смерти, близкіе родственники покойного живутъ 40 дней на могилѣ... Они молятся ему (то-есть духу покойного) и приносятъ на могилу зепешки (то-есть приносить этому духу жертвъ)... Они до сихъ поръ еще не перестали вѣрить въ колдовство и помнить, что нѣкогда поклонялись огню и ламѣ идоламъ...

Что касается до племеннаго названія „ма“, то намъ известно, что оно принадлежало многимъ дикимъ родамъ (бо-ма, ма, ма-нао и т. д.); нѣть ничего по-этому пленчозможнаго и въ томъ, что одинъ изъ такихъ родовъ оказался включеніемъ въ составъ уйгурского племени.

Что мачинцы сохранили еще и до сихъ поръ много чертъ дикаго характера, видно изъ слѣдующаго: нѣсна, музыка и танцы, говорятъ Пржевальскій, составляютъ любимишія утѣхи мачинцевъ. Казаки Пржевальского характеризовали ихъ такъ: „счастіе, что этотъ народъ не знаетъ водки, а то бы совсѣмъ съ пути сбился“. При своей склонности къ разгульной жизни, мачинцы несмысли любить ходить другъ къ другу въ гости и устраивать общія веселія. Даже на работу они не забываютъ брать музыкальные инструменты... Ихъ характерную черту составляетъ любовь какъ къ дѣтямъ, такъ и, вообще, родственникамъ между собою. При нуждѣ они всегда готовы помочь другъ другу. Разводъ у нихъ совершаю свободенъ; рѣдкая женщина не мѣняла вѣсколько разъ мужей. Вступаютъ въ бракъ даже съ близкими родственниками, но многоженства у нихъ, за рѣдкими исключеніями, не существуетъ. Пржевальскій даѣтъ писать, что мачинцы

О вымершихъ аринахъ Messerschmidt передаетъ намъ, со словъ

трусливы, лживы, развратны (въ чёмъ, однако, могъ бы выражаться этотъ разврат?) и, вообще, надѣлены всевозможными пороками... Но это указывало бы лишь на то, что народъ этотъ, смѣшившись со всевозможными тюркскими и монгольскими элементами, регрессировалъ къ потерянѣи самыи привлекательныи черты своего характера... Что касается наружного типа мачинцевъ, то въ немъ ясно видна симь монгольской расы сть кавказскою (у Пржевальского — сть арійской), съ преобладаніемъ, однако, послѣдней надъ первою. По словесному заявланію Родоровскаго, ему доводилось видѣть среди мачинцевъ субъектовъ (дѣтей), имѣвшихъ совершенно блондурные волосы и голубые глаза.

Достойно вниманія, что шира-ѣгуры подраздѣляются на роды: па-га-ма-джса, у-га-ма-джса, сы-га-ма-джса, ши-и-га-ма-джса, ши-у-га-ма-джса; если отбросить китайскія числовыи приставки—па-га, у-га, сы-га, ши-и-га и ши-у-га, то останется для всего народа наименование ма-джса, весьма близкое къ ма-чину. Истанинъ, у котораго мы заимствовали эти ссыднія о подраздѣленіи шира-ѣгуроў, говоритъ, что хотя єгуры и помнятъ, что они въ Нань-шанѣ пришлий народъ, но уже забыли откуда („Таигутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголія“, I, стр. 442). Среди хара-ѣгуроў удержалось наименование костей „(р)комджукъ“ (Кемчукъ?), „кырхымъ“, „уэрать“, что указываетъ на Алтай, какъ на ихъ прародину. О сарм-ѣгурохъ къ востоку отъ Хотана исторія упоминаетъ впервые въ исходѣ XI вѣка.

Къ книгѣ Истанина приложена фотографія, изображающая хара-ѣгуро. Черты лица этого хара-ѣгуро носятъ ясные слѣды кавказскаго типа (глаза, носъ, губы, отчасти—зубы).

О племени „ма-чинъ“ мы читаемъ у Herbelot („Bibliothèque Orientale“, стр. 677): „Les Muselman disent, que tous les biens nous sont venus par les descendants de Sémi et tous les maux par ceux de Japhet, duquel sont venus les Jagiougues et Magiougues, qui sont Gog et Magog, Tchik et Matchik..., peuples qui habitent les vastes campagnes, nommées Kipchak“. Абульгази также пишетъ о „чинахъ“: „Ежегодно Огузъ-ханъ воевалъ съ народами, жившими въ Монголіи, побѣждая ихъ и впослѣдствіи покорилъ ихъ всѣхъ. Спасибоъ єгипетскому нашимъ защиту у хана татарскаго, а татары обитали тогда близъ Чюрчита, большой стравы, где было много городовъ и деревень и которая лежала къ сѣверу отъ Китая. Этую страву индійцы и таджики называютъ Чимъ“ (Радлоевъ—„Къ вопросу обѣ єгурохъ“, стр. 47).

Еще раньше, а именно до Р. Хр., индузы (законы Ману) и самый Китай называли Чинъ и Маха (большой) Чинъ, название, которое могло возникнуть въ ту эпоху, когда страна эта находилась подъ Чжоу'ской династіей. Монголы же подъ именемъ Чинъ и Мачинъ разумѣли южный (малыскій) Китай. (См. Березинъ—„Исторія монголовъ Рашидъ-эд-Дина“ въ „Зап. Ник. Археол. Общ.“, XIV, стр. 31, 51, 102, 114, 146 и 236). Наконецъ, горныи племена (блой расы), населяющія верхнюю Бирму и до нашихъ дней, удержали наименование „чинъ“ и „качинъ“. Однимъ словомъ, мы видимъ, что племенныи назанія чинъ и ма-чинъ охватываютъ огромное пространство, которое вѣкогда занимали народы несомнѣнно

туземцевъ, что они отличались необыкновенною отвагой. Въ нихъ

нѣпно дискального происхождения. (О наименованіяхъ чиаъ Ма-чинъ см. также *Richterhofen* — «*China*», I).

Если мы, однако, признаемъ, что между сибирскими мачинцами и мачинцами Каирскихъ горъ существуетъ не только сходство языческихъ проявленій, но и племенное сродство, то неминуемо должны будемъ прийти и къ другому, чрезвычайно важному заключенію, а именно, что древніе уйгуры были народомъ смѣшанного происхождѣнія, притомъ съ преобладаніемъ дикаго-элемента, и что сами себя они называли не уйгурами, а мачинцами или ма-хжа.

Припомни эту гипотезу, мы не затруднимся разъяснить себѣ и свидѣтельства европейскихъ историковъ о существованіи саргусоровъ, бугоюровъ, хотычюоровъ, ѿтчюоровъ, наконецъ, сбѹюровъ и другихъ одноименныхъ племенъ на тѣхъ именно мѣстахъ, которыхъ впослѣдствіи стали извѣстны подъ наименіемъ Onogoria, Угорской Руси, Югры. Припомнимъ, что еще въ прошломъ вѣкѣ башкиры, вотяки, пермяки, зыряне и обскіе остатки были по преимуществу рыжеволосыми и голубоглазыми (*Strahlenberg* — „Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Аsia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatargey in sich begreifset“, etc., стр. 166; *Müller* — „Sammlung Russischer Geschichte“, III, стр. 316). Дисцы сминались здѣсь съ черноволосыми финнами (многие, къ вѣнчъ числѣ Кастринъ, высказывали мнѣніе, что рыжій цвѣтъ волосъ присущъ преимущественно финнамъ). Это невѣрно. Предки финновъ были, по видимому, черноволосою, короткоголовою расой (лопаря, ногулы, черемисы, пермскіе и уфимскіе мещеряки, то-есть наименѣе смишанныя финскія племена — черноволосые), смѣшавшейся съ дисцами на юго-востокѣ и блокурными скандинавами на сѣверо-западѣ. Вѣроятно, первоначальный цвѣтъ волосъ у длинноголовой расы былъ золотистый, который впослѣдствіи далъ разности: блѣдобрюсую (*albicosius*) и рыжую. Авиопіus пишетъ, что шведская девушка имѣетъ голубые глаза и золотистые волосы; *Lucanus* также пишетъ — „*flavi sivei*“; даѣте мы имѣемъ нижеизлѣдающія свидѣтельства: *Claudianus* — „*flavi sicambri*“; *Martialis* — „*flavorum genus Uaiporum*“, etc., древніе бритты имѣли также золотистые волосы (*Lucanus*); но германцы были рыжеволосыми. *Tacitus* пишетъ: „*truces et caerulei oculi, rutilae cornae, magna corpora*“; *Calpurnius Flaccus*: „*rutili sunt Germanorum voltus et flavi proceritas*“. Рыжеволосыми же были кельты (*Dio Cassius*), галлы (*Appianus Marcellinus*), кaledонцы (*Tacitus*); иѣкоторые изъ перечисленныхъ рыжеволосыхъ племенъ имѣли сѣрые глаза и прямые волосы — доказательство метисаций; послѣднее *Vitrinius* подмѣтилъ и у бриттовъ. Среди блѣлокурыхъ попадались индивидуумы какъ съ золотистыми, такъ и рыжими волосами. Къ совершенно блѣлокурой расѣ принадлежали, какъ кажется, готы; подобно тому, какъ восточнѣе они сминались съ тюрками, въ обоихъ случаяхъ образовавъ различимы винническія группы, вышедія, однако, изъ общимъ именемъ изъ про-заніемъ.

Эта гипотеза съ достаточномъ полнотой разъясняетъ также, почему венгры (урмы, *Ungarn*) называютъ себя мадырами (маджарами, *Magyar*), подобно тому, какъ и кашмирские шира-чхуры—маджа: ма-чинъ, ма-джа(р)—ихъ собственное

обычаяхъ сохранилось еще кое-что общее съ ухуаньцами; такъ, напримѣръ, ссылка преступниковъ¹⁾). Извѣстно также, что арины и коты оказали наиболѣе энергичное сопротивление русскимъ и въ союзѣ съ киргизами нападали даже на Красноярскій острогъ.

Обскіе остатки передавали Messerschmidt'у, что въ страну въ-когда населялъ воинственный народъ, управлявшійся старшинами и имѣвшій особое письмо²⁾). Здѣсь идеть рѣчь, конечно, о пѣгой ордѣ, остатки которой въ ту эпоху (1721 г.) еще сохранялись кое-гдѣ въ Нарымскомъ краѣ³⁾.

Изъ вышеизложенного видно, что какъ сѣверные, такъ и южные дисцы отличались одними и тѣми же чертами своего племенного характера: горячимъ темпераментомъ, презрѣніемъ къ смерти, рѣшительностью и необыкновенною отвагой; это были воины по натурѣ, по призванію: они вступали въ борьбу ради самой борьбы и, дорожа своею индивидуальною свободой, не выносили подчиненія, въ какой бы формѣ послѣднее не проявлялось. Будучи подвижными, энергичными, дѣятельными и въ то же время не отличающимся большою привязанностью къ родинѣ, они покидали послѣднюю, когда условія жизни

прозваніе: уїгурами же ихъ называли тюрии и монголы. У послѣднихъ и донынѣ существуетъ слово „уїгуръ“ для обозначенія „чужестранца“ (*Schmidt* — „Forschungen auf dem Gebiete der Völker Mittelasiens“, стр. 95).

Среди камасинцевъ имѣется поколѣніе „мадоръ“; можетъ быть это наименование должно быть поставлено въ связь съ „ма-джи“; *Klaproth* („Asia Polyglotta“, стр. 153) приводитъ для него еще и другое название — мади (*mati* == ма-ди); но *Müller* („Sammlung Russischer Geschichts“⁴⁾, VI, стр. 553) утверждаетъ, что „мади“ былъ отдельный родъ среди енисейскихъ татаръ; о нихъ онъ выражается такъ: „Sie müssen ein besonderes Geschlecht eines anderen Volks gewesen sein“. Некоторые же маттаръ имѣются и у себотовъ (*Klaproth*, op. cit., стр. 148—149).

¹⁾ *Klaproth* — „Asia polyglotta“, стр. 167—168. См. также *Strahlenberg* — „Das Nord und Osteliche Theil von Europa und Asia in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tataray in sich begreiffet“, etc., 1780, стр. 86.

²⁾ *Klaproth* — *Mémoires relatifs à l'Asie*, I, стр. 170; „Asia Polyglotta“, стр. 193.

Они сообщали также Штранденбергу, что языты изъ металла идолы остались имъ въ наслѣдие отъ этого народа (op. cit., стр. 813). Ср. *Müller* — „Sammlung Russischer Geschichte“, VI, стр. 161, 162.

³⁾ *Klaproth* — *Mémoires relatifs à l'Asie*, I, стр. 126. То, что Штранденбергъ (op. cit., стр. 166) пишетъ о встрѣченыхъ изъ индивидуумахъ этого племени, свидѣтельствуетъ только, что у русскихъ подъ именемъ „пестрыхъ“ былъ извѣстенъ не отдельный народъ, аmetisмы рыжеволосыхъ, съ тонкой бѣлой кожей, и смуглыхъ черноволосыхъ.

въ пей измѣнялись, и расходились все дальше въ поискахъ странъ, тдѣ ихъ соціальная жизнь, въ формѣ мелкой общины, управляемой выборными старшинами, могла имѣть еще мѣсто. Гдѣ бы, однако, дисцы ни жили, ихъ глупыми и излюбленными промыслами всегда были охота и рыбная ловля, которыхъ вполнѣ удовлетворяли ихъ бродячимъ паклонностямъ, ихъ предпріимчивой патурѣ, въ высшей степени самостоятельной и рыцарской; они не выносили деспотизма, но и сами никогда не были деспотами ни въ семье, ни въ кругу своихъ рабовъ¹⁾ и подчиненныхъ. Въ силу этихъ расовыхъ особенностей характера, а также отсутствию въ нихъ натурѣ похотливости, дисцы являются въ Азіи единственнымъ народомъ, у которого моногамія составляла первичную и основную форму брака. Но будучи бродячимъ народомъ, дисцы легко воспринимали и элементы культуры: китайцы даютъ намъ на этотъ счетъ множество доказательствъ. Воспріимчивые, легко возбуждающіеся, дисцы искали общества. Ихъ собранія, отличавшіяся рѣдкимъ весельемъ, сопровождались музыкой и пляской. Про нихъ китайцы писали, что „опи умѣли весело пить вино“, но дѣлались мрачными пьяницами, подобно сосѣднимъ — чернымъ короткоголовымъ. Ихъ любовь къ дѣтямъ и родственникамъ поражала китайцевъ. Они всегда были готовы помочь своимъ одноаульцамъ или односельчанамъ, и эта характерная ихъ черта всецѣло удержалась и у ихъ потомковъ: про сойтовъ, напримѣръ пишутъ²⁾, что нѣкоторыя изъ ихъ работы имѣютъ общественный характеръ. Вообще, на дисцахъ вполнѣ оправдывается та общая характеристика бѣлокурой расы, которую даетъ намъ Лапужъ.

Длинноголовые блондины, говорить онъ³⁾, не были способны къ систематическому труду и бережливости; поэтому, не смотря на то, что имъ нельзя отказать въ извѣстной инициативѣ, ихъ техническое развитіе все же стояло бы у нихъ всегда на низкой ступени, такъ какъ для новыхъ открытій необходимъ прежде всего запасъ знаній, орудій и материаловъ, могущихъ послужить исходною точкой для новыхъ идей, а ихъ-то они и не въ состояніи были бы накопить; вотъ почему также у нихъ не могло бы возникнуть и болѣе сложныхъ общественныхъ установлений. Они жили бы исключительно

¹⁾ Colb. Baber — „Trav. a. Res in the int. of China“, глава IV.

²⁾ Неселковъ. См. Семеновъ и Потапіппъ — „Дополненія“ къ III тому „Землевѣдѣнія Азіи“ Ріттера, стр. 667.

³⁾ Цит. по Кржмыцкому „Антропологія“, стр. 820 и слѣд.

трагедиомъ в охотой и вели бы бродячий образъ жизни, столъ, впрочемъ, свойственный ихъ натурѣ. Для нихъ отечествомъ была вся вселенная. Будучи предпринимчивы, они рѣшались на все и вступали въ борьбу изъ любви къ ней, а не изъ расчета на прибыль. Умственный ихъ кругозоръ былъ очень широкъ, ихъ пожеланія и помыслы—смѣлы, поступки же соответствовали послѣднимъ. Прогрессъ—у нихъ врожденная страсть (оттого то они такъ и назывались). Они требовали уваженія къ индивидуальной свободѣ и скорѣе старались самі возвыситься, чѣмъ унизить другихъ. Вообще же, въ смѣшанномъ обществѣ они были активнымъ началомъ. Во времена феодализма свѣтловолосые длинноголовые составляли дворянство, а художественные памятники Египта, Ассиріи и Халдеи доказываютъ, что высокорослый блондинъ и тамъ выступалъ въ качествѣ героя; типъ Ахиллеса и Агамемнона сохранился еще среди блондиновъ Скандинавскаго полуострова, да и римскіе патрицы имѣли то же происхожденіе... До завоеванія Галліи римлянами, говорить Лапужъ далѣе, въ ней насчитывалось около 5—6 миллионовъ населенія, короткоголовыхъ и блондиновъ. Чуть ли не миллионъ погибъ въ войнахъ съ Цезаремъ и столько же прдано было въ рабство. Мертвыми въ этой борьбѣ пали преимущественно энергичные блондины, поэтому послѣ пораженія Верцавгеторика Галлія становится самою трудолюбивой, за то и самою работѣющію римскою провинціей. Искра восстанія вспыхнула лишь на югѣ, гдѣ свѣтловолосые элементы были болѣе многочисленны. Такое положеніе вещей продолжалось нѣсколько столѣтій; возрастало богатство, но не слава. Постепенно, однако, сначала въ качествѣ союзниковъ, затѣмъ въ качествѣ побѣдителей, длинноголовые проникаютъ въ страну въ V и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ страна оживаетъ. Нѣсколько сотъ тысячъ новыхъ пришельцевъ было вполнѣ достаточно для того, чтобы работѣвшее населеніе въ нѣсколько миллионовъ человѣкъ настроилось на воинственный ладъ. Засимъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ свѣтловолосые великаны разсѣивались отсюда по сосѣднимъ странамъ (крестовые походы, экспедиціи и войны феодаловъ). Въ позднѣйшемъ періодѣ эти элементы основывали колоніи, принимали участіе въ движеніяхъ реформаціи. Но всѣ эти походы, борьба за идею, движенія крестоносцевъ, инквизиція, отмѣна мантийского эдикта уничтожили самые энергичные длинноголовые элементы, и когда они гибли, короткоголовый берегъ свои силы и побѣжалъ при помощи пассивнаго выжиданія. Великая французская революція, во главѣ которой по преимуществу стояли

блондины, лишь узаконила антропологический фактъ — побѣды болѣе многочисленныхъ короткоголовыхъ надъ длинноголовыми блондинами. Наконецъ, современное политическое ничтожество Франціи является послѣдствіемъ господства короткоголовыхъ.

Къ этимъ выводамъ Лапужа болѣшничество относится съ сомнѣніемъ. Дѣйствительно, они основаны на непроверенному матеріалѣ. Но въ главныхъ чертахъ они безусловно вѣрыны, и вся исторія дисцевъ служить тому доказательствомъ.

Въ силу вышеприведенныхъ причинъ численность бѣлокурыхъ можетъ возрастать лишь весьма медленно. Въ случаѣ же ихъ смѣшанія съ короткоголовыми идти даже быстро на убыль, такъ какъ метисы даютъ большой процентъ въ пользу послѣдняго типа. Именно, такая судьба постигла какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ дисцевъ.

Уже китайцы замѣтили, что у хагасовъ мужчинъ меньше, нежели женщинъ¹⁾, и что тоже явленіе обнаруживается и у южныхъ дисцевъ, напримѣръ, у лао²⁾, ло-маней³⁾ и рыжеволосыхъ ё-женей⁴⁾; а позднѣе о тѣхъ же хагасахъ Абульгази писалъ, что *настоящихъ киргизовъ*⁵⁾ осталось уже немного, но что ихъ имѧ въ *его время*⁶⁾ стали принимать тѣ монголы (турки), которые переселились въ бывшил киризскія земли⁷⁾. Нынѣ же къ сѣверу отъ Гобійской пустыни нѣть уже ни одного рыжеволосаго племени: дисцы частью погибли здѣсь во взаимной борьбѣ, частью въ войнахъ съ короткоголовыми, частью же слились съ этими послѣдними, образовавъ нѣсколько смѣшанныхъ народностей, отличающихся болѣе высокимъ ростомъ, чѣмъ остальные монголоподобныя племена; таковы казаки, сойоты, кость маркыты у торгоутовъ и т. д.

Насколько возможно судить теперь по доказаннымъ до насъ отрывочнымъ извѣстіямъ о религіи дисцевъ, мы должны думать, что у нихъ одновременно существовали все три стадіи религіознаго мышле-

¹⁾ Гакингъ — „Собр. свѣд. о народѣ Средней Азіи“, I, 2, стр. 448; Кларроѳ — „Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 88.

²⁾ Ивановскій, оп. cit., I, стр. 54.

³⁾ Marquis d'Hervy de Saint-Denys, оп. cit., II, стр. 202.

⁴⁾ Ивановскій, оп. cit., II, стр. 84.

⁵⁾ Что Альбулагази не считалъ киргизовъ турками, видно также и изъ слѣдующаго мыста его исторіи: „Положительно неизвѣстно ни происхожденіе этого народа, ни его сродство съ другими народами“ (Кларроѳ — „Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 161).

⁶⁾ Абульгази родился въ 1605 г.

⁷⁾ Кларроѳ, оп. cit., стр. 161.

міа, а именно—поклонение природѣ (тотемизмъ), шаманизмъ и, паконецъ, поклонение предкамъ, не развившееся въ антропоморфизмъ, можетъ быть, благодаря лишь тому обстоятельству, что диссей общины были въ то время чужды монархические принципы. Припомнить, что у однихъ диссевъ существовалъ культь Пань-ху, въ которомъ больше древній тотемизмъ (культь собаки) слился съ культомъ предка, у другихъ культь лошади, который слился съ культомъ предка (Ma), что цоньскіе мани¹⁾, „ло-у“²⁾ и „мосс“ (mosso)³⁾ поклонялись небу, „хай-доло“⁴⁾—звѣздамъ, „бэ“⁵⁾—духамъ горъ и деревьевъ, ухуанцы⁶⁾—небу, землѣ, солнцу, лунѣ и звѣздамъ, и т. д. Шаманы (даси, бамма) играли у нихъ видную роль и обыкновенно призывались къ большому для изгнанія изъ его тѣла злого духа. Но уже въ ту эпоху, въ которую застаетъ диссевъ исторія, основой ихъ религіозныхъ воззрѣній была культь предковъ и героевъ⁷⁾, культь, который за время господства въ Китаѣ Чжоу'ской династіи получилъ полныя права гражданства и въ этой странѣ (даосизмъ, конфуціанство). Насколько у диссевъ всѣ общественные установления были связаны съ поклоненіемъ предкамъ, видно хотя бы изъ того, что новобрачна, вступая въ домъ своего мужа, приносила жертву его предкамъ⁸⁾—обычай, который и до сихъ поръ удержался въ Китаѣ.

У диссевъ не было настоящаго идолопоклонства; но они приносили жертвы изображеніямъ своихъ предковъ. Мысль ставить на могилахъ статуи явилась, конечно, у диссевъ въ позднѣйшее время. Она возникла изъ предположенія, что духъ умершаго вѣкоторое время витаетъ надъ трупомъ. Для того, чтобы дать ему пріютъ, первоначально втыкались въ могилу сосновыя (?) вѣтви⁹⁾, замѣнившіяся затѣмъ деревомъ и камнемъ, которымъ стали придавать человѣческую форму. Можетъ быть, однако, этой второй стадіи въ развитіи идолопоклонства предшествовалъ обычай ставить надъ могилой чучело по-

¹⁾ Исааковский, оп. сіт., II, стр. 4.

²⁾ Исааковский, ib., стр. 24.

³⁾ Исааковский, ib., стр. 44.

⁴⁾ Исааковский, ib., стр. 11.

⁵⁾ Исааковский, ib., стр. 31.

⁶⁾ Гакинфъ, оп. сіт., I, стр. 154.

⁷⁾ Такъ, напримѣръ, про ухуанцевъ говорится, что они поклонялись духамъ умершихъ старшинъ, прославившихся своими подвигами (Гакинфъ, ib.).

⁸⁾ Исааковский, оп. сіт., II, стр. 19.

⁹⁾ Этотъ обычай еще сохранился у мао-доло (Исааковский, оп. сіт., II, стр. 16).

койного. Китайцы сообщаютъ, что у „дао“ сохранился обычай сдирать у убитаго (умершаго?) человѣка, обладающаго густою бородой и бакенбардами, кожу съ лица, натягивать ее на бамбукъ и поклоняться такому чучелу какъ своему предку (демону, гую). Ему приносятся жертвы съ барабаннымъ боемъ и плясками, при чемъ ничто не жалѣется; пенимущіе продаютъ себя даже въ рабство, чтобы только участвовать въ общемъ жертвоприношениі¹⁾.

Вѣроятно, позднѣе статуи замѣнены были писанными изображеніями предковъ; такъ, мы знаемъ, что мяо, жившіе общія могилы, покрывали стѣны „зала предковъ“ ихъ изображеніями²⁾. Въ этой стадіи культа предковъ или гуевъ перешелъ и къ китайцамъ, которые *стали по традиціи изображать ихъ рымжеволосыми*, при чемъ, однако, въ ихъ представлениі гуи перестали уже быть предками, а явились лишь духами — демонами. Это единственное возможное объясненіе того факта, что китайцы рисуютъ гуевъ рымжеволосыми.

И такъ, мы теперь можемъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ: кто служилъ оригиналомъ портрету, нарисованному на стѣнѣ кань-гучэнской кумирни и долженствовавшему изображать князя ада — Янь-вана? Это былъ „ди“, но „ди“ — метисъ, въ крови которого уже текла кровь монгола.

Сохранились указанія, что уже во времена Чжоу'ской династіи китайцы имѣли обыкновеніе рисовать портреты чужеземныхъ пословъ и что тотъ же обычай удержался и въ послѣдующія времена; такъ, китайцы, напримѣръ, пишутъ: „Министръ Да-юй представилъ... такъ какъ хагисы открыли свободное сообщеніе съ Серединнимъ государствомъ, то надобно написать портретъ ихъ государя для показа будущимъ вѣкамъ“³⁾. „Янь-ши-гу представилъ докладъ, въ которомъ просилъ дозволеніе по примѣру Чжоу'скихъ историографовъ, во времена Ву-вана составившихъ Вань-хуй-бянь, составить Вань-хуй-ту, где были бы нарисованы и описаны одежда и убранство инородцевъ (маней)...“⁴⁾ и т. д.⁵⁾. Болѣе систематическую работу въ этомъ направлении предпринялъ императоръ Цань-лунъ, по проказанію которо-

¹⁾ Ивановскій, оп. cit., I, стр. 39; *d'Hervey de Saint-Denys*, оп. cit., II, стр. 108.

²⁾ Ивановскій, оп. cit., II, стр. 97.

³⁾ Гаккифъ — „Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи“, I, 2. стр. 451.

⁴⁾ Ивановскій, оп. cit., I, стр. 59.

⁵⁾ См. напримѣръ, *marquis d'Hervey de Saint-Denys*, оп. cit., II, стр. 282 и 843.

раго былъ составленъ замѣчательный трудъ, озаглавленный Хуань-цзянъ-чжэ-гунъ-ту и представлявшій иллюстрированное описание ино-родцевъ Китая. Такіе альбомы могли, безъ сомнѣнія, служить прекраснымъ источникомъ для заимствованія и, надо думать, что и пань-гучзянскій художникъ имѣлъ одинъ изъ нихъ подъ руками, когда писалъ Янь-вана и гуевъ.

Несравненно труднѣе опредѣлить, въ какому изъ дискихъ племенъ принадлежали оригиналы, съ которыхъ рисовали эти портреты.

Если сравнить одѣяніе гуевъ и какого-нибудь „мяо-доло“ прошлаго столѣтія, то оно окажется почти тождественнымъ. Но того же нельзя сказать про прическу, которая у гуевъ весьма своеобразна: волосы съ висковъ зачесаны у нихъ кверху, темъ же, сплющенное въ гребень, выбрито.

Обычай придавать черепамъ особую форму среди дисцевъ, повидимому, не былъ распространенъ; онъ практиковался лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ Восточного Туркестана, первоначально населенного также одними лишь племенами бѣлой расы. Такъ, Сюань-цзанъ говоритъ, напримѣръ, о жителяхъ владѣнія Цзѣ-ша: они имѣютъ „наружность пошлую и неблагородную. Зрачки у нихъ зеленые. Тыло раскрашиваютъ. Новорожденныхъ въ обычѣ приплющивать голову“¹⁾). О Кучѣ онъ пишетъ также, что тамъ, „когда рождается ребенокъ, ему сплющиваютъ голову, придавливая дощечками“, взрослые же стригутъ волосы въ плотную²⁾). Обычай брить голову распространенъ былъ и у ухавьцевъ³⁾). Но, вообще, этотъ обычай дисцы могли заимствовать въ у того народа, съ которымъ смыкались, такъ какъ въ шоугуяхъ, ясно замѣтна значительная примѣсь чуждой крови: отсутствие растительности на лицахъ, широкий подбородокъ у одного изъ гуевъ, выдающаяся складка—все это свидѣтельствуетъ, что передъ нами ментысы, удержавшиѣ весьма мало дискихъ чертъ. Въ той же пань-гучзянской кумаринѣ я замѣтилъ черноволосаго пигмей ю-чжэна, одѣтаго точно въ точь, какъ шоу-гумъ, но представляющаго карикатуру на человѣка: широкое, плоское, безволосое лицо, вместо носа — двѣ дырки, выдающія надбровныя дуги, огромный ротъ и необыкновенной ширинѣ подбородокъ, все это такія черты, которыми должны были

¹⁾ „Mémoires sur les Contrées Occidentales“ par Piouen-Thsang, trad. du Chinois par St. Julien, II, стр. 219—220; Григорьевъ—„Восточный Туркестанъ“, стр. 144.

²⁾ Ib., I, стр. 8—4.

³⁾ Лакингъ, op. cit., I, стр. 153.

измѣнить диский типъ именно въ томъ направлениі, которое обнаруживается у нань-гучэнскихъ рыжеволосыхъ шоу-гуевъ. Но что же это была за человѣческая раса? Вѣроятнѣе всего, что это каррикатурное изображеніе негритоса, подобно тому какъ шоу-гуи—каррикатура на представителей какого-либо смѣшанного племени.

Тогда какъ шоу-гуи—портреты людей, выхваченныхъ изъ народа, оригиналь Янь-вана, былъ вѣроятно, действительно старшиной племени; вотъ почему онъ и удержалъ болѣе дискихъ чертъ: большой ростъ, рыжіе густые усы и бороду, крупный носъ и т. д. Выбритое темя онъ покрывалъ оригинальную шапочкой, украшенной ушами (не была ли эта шапочка изъ шкуры, снятой съ головы какой-либо кошки?) и (вѣроятно) глазками павлинныхъ перьевъ; его верхнее платье—длинный халатъ съ воротникомъ, собранный на груди и подложеніемъ кушакомъ съ металлическими бляхами, сдѣланное изъ шелковой матеріи, не посыло никакихъ украшеній, наконецъ, на рисункѣ видны штаны и высокіе съ узкими и загнутыми носками сапоги, какіе были въ употребленіи только у горцевъ. Сходное одѣяніе, можетъ быть, мы и теперь могли бы найти у инородцевъ южнаго Китая.

На этомъ я считаю возможнымъ закончить изслѣдованіе вопроса о томъ, въ силу какихъ причинъ китайцы рисуютъ своихъ гуевъ рыжеволосыми.

Г. Грунтъ-Гришишайле.

Io-chienzi.

СИНТАКТИЧЕСКИЯ НАБЛЮДЕНИЯ¹⁾.

III.

Составное сказуемое съ причастіями перфекта и аористовъ.

Составный сказуемый съ причастіями, непосредственно пріуроченнымъ къ глагольнымъ системамъ перфекта и аористовъ, должны быть изучаемы преимущественно въ языкахъ древне-индійскомъ и греческомъ, въ которыхъ еще сохранился строй индо-европейского (прозтическаго) глагола съ его дѣленіемъ на рядъ системъ (настоящаго, перфекта, несигматическихъ и сигматическихъ аористовъ), съ еще явственнымъ видоизмененіемъ значеніемъ этихъ системъ, съ послѣдовательнымъ пріуроченіемъ къ цимъ именныхъ образованій (причастій и инфинитивовъ). Въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ этотъ строй во многомъ уже нарушенъ, или, лучше сказать, радикально преобразованъ. Кроме различныхъ новообразованій, мы видимъ здѣсь смѣшеніе и исчезновеніе старыхъ глагольныхъ формъ (исчезновеніе перфекта въ славянскомъ, аористовъ—въ германскомъ, смѣшеніе аористовъ съ перфектомъ въ латинскомъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ былое обилие и разнообразіе причастныхъ формъ сведено въ извѣстному минимуму. Лучше другихъ сохранились причастія на —nt, попрежнему тѣсно связанные съ темою настоящаго. Причастія аористовъ повсюду исчезли; причастія, по своему суффиксу возвращающіяся къ прозтическому причастію перфекта (на—цев), существуютъ въ славянскомъ и литовскомъ, но, конечно, не могутъ рассматриваться, какъ причастія перфекта въ собственномъ смыслѣ, на подобіе санскритскихъ и греческихъ.

¹⁾ Журналъ Министерства Народного Просвещенія 1898 г., май.

При всемъ томъ, составные сказуемые съ причастіями прошедшаго дѣйствительного въ этихъ языкахъ, характеризующихся преобразованіемъ глагольного строя, напримѣръ, составные сказуемые съ причастіями на—з,—э въ славянскомъ, представляютъ любопытную аналогію съ тѣми санскритскими и греческими сочетаніями, въ составъ которыхъ входили причастія перфекта и аористовъ. Мы имѣемъ возможность наблюдать здѣсь процессъ обновленія или оживленія архайческаго оборота при новыхъ условіяхъ, при преобразованномъ строѣ глагола. Въ языкахъ славянскихъ и литовско-латышскомъ этотъ оборотъ былъ изслѣдованъ Потебнею на стр. 151—163 и 181—197 „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“.

Въ настоящемъ этюдѣ мы ограничиваемъ разсмотрѣніемъ данного оборота въ томъ видѣ, какъ онъ является въ санскрите и греческомъ¹⁾.

I. ПРИЧАСТИЯ ПЕРФЕКТА ВЪ СОСТАВНОМЪ СКАЗУЕМОМЪ.

Причастіе перфекта обладало въ языкахъ ведийской эпохи значительной предикативностью, такъ что могло замѣнять формы *verbis flu.*

Rv. I, 117, 15; *bjohavId açvinā taugryó vām prōlhāḥ samudrām āvyathīr jagānān*—„взываю къ вамъ, о Ашвины, сынь Тугры, брошенный въ море,—(онъ) пошелъ (но водѣ) не оступаясь.“.—Здѣсь составное сказуемое—*āvyathīr jagānān*, въ которомъ причастіе перфекта *jagānān* („пошедший“) стоитъ вместо личной формы *jagāta* и играетъ роль связи; прилагательное *āvyathis* (нешатающійся, неоступающійся, стойкий) есть предикативный атрибутъ, а цѣлое образуетъ составное сказуемое типа „въста прость“, *st̄ū d' ḫr̄b̄c̄*.—*Bau-nack* („Bhuju, ein Schnitzling der Açvin“, Zeitschr. f. vergl. Sprachforsch. 1898 г., B. XXXV, Heft 4, стр. 507), объясняя это мѣсто въ цѣляхъ установления самой фабулы легенды о Bhuju, говорить между прочимъ: *Wir haben hier meines erachtens einen sicheren Beleg dafür, dass in vedischer sprache das partic. perf. auf—vāms mit supplerung des hilfsverbums für das verbum finitum in einem tempus der erzählung steht;* „es rief euch der sohn des Tugra, Açvin: (und siehe) fortgeföhrt ins meer ging er ohne straucheln sein weg“.—Я расхожусь съ мнѣніемъ Баунака только въ томъ, что не вижу на-

¹⁾ Мы ограничиваемъ пока кругъ нашихъ наблюдений въ области санскрита языками гимновъ Ригъ-Веды, а въ области греческаго—языкомъ Гомера.

добщности (то-есть, грамматической необходимости) подразумѣвать „вспомогательный глаголъ“: причастіе само по себѣ могло исполнять роль *verbū finiti*, какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ это дѣлаютъ въ классическомъ санскрѣтѣ причастія на—*tavān* (*kṛitavān*, *gatavān*—сдѣлалъ, пошелъ). Да и Саяна, въ комментаріи къ нашему стиху, говорить: *jaganvān gaterliñāt kvaśiḥ*, то-есть „форма *jaganvān*—отъ корня *gam*—причастіе перфекта вмѣсто личной формы перфекта“ ¹⁾.

Излишне пояснять, что въ нашемъ стихѣ причастіе *jaganvān* не можетъ прымыкать къ глаголу *ajohavīt*, что дало бы смыслъ („пойда, онъ вызывалъ; пошелъ и вызывалъ“), противорѣчашій самой фабулѣ легенды.

X, 10, 1; б *cit sākhāyam sakhyā vavṛtyam tirāḥ purū cīd agnāvāpi jaganvān*—, я хочу вернуть (говорить уамі) друга къ дружбѣ, хотя бы онъ ушелъ даже за цѣлый океанъ...“. Здѣсь причастіе перфекта *jaganvān* никакимъ образомъ не можетъ составлять сочетанія съ —*vavṛtyān*: въ такомъ случаѣ оно относилось бы къ подлежащему женского рода *Yamī* и, конечно, не могло бы стоять въ мужскомъ родѣ (было бы *jagatvāsi*). Перифразъ Саяны *gatavati Yamī* (пошла Ями), показывающій, что онъ относитъ наше причастіе именно къ подлежащему женского рода *Yamī*, есть очевидная ошибка (а можетъ быть, и сознательная натяжка—не хуже другихъ, какими вообще изобилуетъ комментарій Саяны къ этому стиху, ср., напримѣръ, странное объясненіе *tiras*). Къ послѣдующему (ко второй половинѣ стиха) также очень трудно отнести это *jaganvān* (не столько, впрочемъ, съ формальной стороны, сколько по смыслу) ²⁾.

V, 29, 14: *etā vīcāvā cakravān indra bhūry āparito januṣā vīgūpā*— „всѣ эти (подвиги) ты совершилъ, о Индра, въ большомъ количествѣ (*bhūri*), неодолимый отъ рождения, своимъ богатырствомъ (богатыр-

¹⁾ Въ самомъ переводе я предпочитаю (не наставляя впрочемъ) соединять: „брошенный (или попавшій, по Грассманну) въ море, онъ вызывалъ къ вамъ“ вмѣсто, какъ у Баузака, „увезенный въ море, онъ пошелъ“.

²⁾ Чтѣ, впрочемъ, дѣлаетъ Людвигъ.—Выраженіе *tirāḥ purū cīd agnāvām*, аналогичное выражению стиха III, 58, 5: *tirāḥ purū cīd...* тѣжайшіи „хотя бы (даже) черезъ большія пространства“, должно быть, съ формальной стороны, понимаемо, какъ соединеніе параллельныхъ терминовъ *purū* и *agnāvām*, родъ єди-двоинъ; *agnāvām* есть „приложеніе“ къ *purū* (какъ бы: „многое—океанъ“), такъ же какъ въ III, 58, 5 такимъ „приложеніемъ“ служить *tajāpāni*. Форма же *purū*, можетъ быть, и не есть ии.—внн. мн. ср. (==*purūpi*), ср. *purū*—*gratas*, *purū*—*vasu*.

екою мощью). Во второй половинѣ стиха другое подлежащее. Саяна передает причастіе перфекта *sakṛvān* черезъ *kṛtavān*, причастіе, которое въ классическомъ санскрить употребляется вместо verb. fin.— Подразумѣвать „вспомогательный глаголь“ и вдѣсь нѣть нужды.— Вообще я думаю, что наличность (а не только подразумѣваніе) „вспомогательного“ глагола, то-есть, связи, при такихъ причастіяхъ была нужна лишь въ тѣхъ, весьма рѣдкихъ, случаяхъ, когда иначе нельзѧ было бы знать, къ какому лицу относятся причастіе. Въ данномъ случаѣ лицо, именно второе, указано звателнымъ падежомъ *indra*, и, если что либо тутъ подразумѣвается, то это—не „вспомогательный“ глаголь, а мѣстоименіе 2-го лица *tvam*.

I, 174, 6: *jaghaṇvān īndra mītrērū...* „ты убилъ, о Индра, Митреру....“ (вип. мн., можетъ быть—„сторонняковъ Митры“). Здѣсь причастіе перфекта *jaghaṇvān* стоитъ совершенно самостоятельно, не относясь къ послѣдующему, *Ludwig*: *du hast geſtötet...* Саяна: *hatavānasī*—убилъ (сложная форма изъ причастія *hatavān* и, на сей разъ, *asī*—вспомогательный глаголь).

IX, 67, 2: *tvām sūtō nr̄mādano dadhaṇvān maṭsarintamaḥ | īndrāya sūrīr andhasā* — „ты (Сома) выжатый усадитель людей потекъ въ высокой степени опьяняющій для Инды щедрый цвѣткомъ“. Здѣсь причастіе перфекта *dadhaṇvān* играетъ роль сказуемаго — связи (исевдовязки) и стоять вместо личной формы; вторые именительные *nr̄mādanas*, *maṭsarintamas* и *sūris* (съ примикающимъ къ нему, какъ я думаю, инструментальнымъ падежомъ *andhasā*) суть предикативные атрибуты („потекъ — какой? какимъ?“); причастіе страд. *suta-s* скорѣе аннотація („выжатый“, —послѣ того какъ былъ выжать соокъ Сомы).

I, 117, 18:.... *jāgrāḥ kāpīna iva cakṣadānā rjṛācvaḥ ḥatām ēkam ca mesāṇi* — „слово молодой любовинкѣ, Rjṛācva заколола сто одного барана“. Саяна перифразируетъ причастіе перф. *cakṣadānā-s* выражениемъ *čakali kurvan prādāt*—„разрѣзавъ на куски, далъ“, откуда между прочимъ видно, что она смотрѣть на причастіе *cakṣadānā-s*, какъ на замѣчу личной формы глагола. *Ludwig*: *wie ein junger bule hat Rjṛācva hundert widder und einen uns geschlachtet*.

V, 2, 3: *hiranyadantam cūcīvarpam arāt ksētrād apaçyam āyudhā mīmāṇam | dadānō asmā amītau vīrīkvat kīm mām anindrāḥ kṛṇavānu apukthāḥ*—„я видѣла издалѣ (ārāt-ksētrād) златозубаго, свѣтло-цвѣтнаго (Агни) изготавлиющаго себѣ оружія; я дала ему изобильный (?) vīrīkvat; въ С.-Петербургскомъ словарѣ: etwa unvermischt,

lauter; Ludwig: in verschiedenem enthaltenes) напитокъ безсмертия (амброзию Сомы). Чѣдь могутъ мнѣ сдѣлать непризнающіе Инду, незнающіе гимновъ?". Здѣсь причастіе перф. *dadāná-s* едва ли можетъ быть отнесено къ предыдущему (къ глаголу *araçuam*—я видѣлъ, такъ чтобы вышло: „я видѣлъ, давши...“): человѣкъ видѣлъ яркое пламя Агни издали (изъ соцѣдней мѣстности, Саяна поясняетъ *ārāt kṣetrad* перифразомъ *samīre dece*) и пришелъ поклониться ему; явившись, онъ преподнесъ ему возліяніе изъ священнаго напитка Сомы. Переводъ „видѣлъ, давши“ противорѣчилъ бы этому ходу вещей, которому скорѣе отвѣчалъ бы оборотъ: „увидѣвъ, далъ“. Саяна передаетъ *dādānás* черезъ будущее перифрастическое *dādāsmi*—дамъ. Какъ замѣну глагола, понимаетъ, очевидно, это причастіе и Hillebrandt (Zeitschr. d. d. Morgenl. Gesellsch. XXXIII, стр. 248), переводя: Ich sah von fern (arād) den goldgezahnten, glänzenden an Farbe, vom Mutterchoß (?kṣetrād) her sein Waffen rüsten. Wenn Amṛta ich ihm in manngfachem Labtrunk spende (dadānás), was werden mir thun die Indralosen, Liederlosen? ').

„Вспомогательный глаголь“, или, точнѣе, отвлеченная глагольная связка (*as-*) встрѣчается въ сочетаніи съ причастіемъ перфекта крайне рѣдко, если не ошибаюсь, всего 5 разъ въ Ригъ-Ведѣ, и, чemu, кажется слѣдуетъ придать иѣкоторое значеніе, во всѣхъ 5 случаяхъ глаголь-связка модальна: это либо коинъюнктивъ, либо оптативъ.—Вотъ эти случаи:

VI, 36, 5:.... áso (conj.) yáthā naḥ cāvasā cakānō yugé—yuge vayasā cekitanaḥ—, дабы (чтобы) ты былъ наимъ дружелюбенъ (cakāna-s—причастіе перф. medii отъ глагола *kā*—любить, желать, быть дружественнымъ, быть расположеннымъ) [свою] мощью, (чтобы ты) изъ поколѣнія въ поколѣніе отличался жизненною силой" (cekitana-s—прич. наст. интензива отъ *cit*—усматривать, обращать вниманіе. знать,—въ медіумѣ являться, проявляться, отличаться).—Здѣсь мы имѣемъ составное сказуемое изъ 1) отвлеченной связки въ conj. *asas* и 2) двухъ предикативныхъ атрибутовъ: а) прич. перф. *cakāna-s* и б) прич. наст. *cekitana-s*.

¹⁾ Переводъ Людвига—den von ferne goldgezahnen, von reiner farbe sah ich schleudern von seinem wonorte (kṣetrād) die geschosze, als ich in verschiedenem enthaltenes amṛta ihm gab (denkend, oder: der dachte), was sollen leute ohne Indra, ohne ukthalieder mir anhaben—на этотъ разъ должно быть признанъ неудачнымъ—почти по всемъ пунктамъ.

V, 62, 9:..... *sīśāsanto jīgīvātṣaḥ syāta*—„стремясь одолевать (побеждать и приобретать добычу,—въ нашемъ стремлени къ побѣдѣ и добычѣ) да будемъ мы (мы хотимъ быть) побѣдившими (побѣдителями)“. Здѣсь—составное сказуемое изъ отвлеченной связки въ оптативѣ (*syāta*), предикативнаго атрибута, выраженнаго причастіемъ перфекта *jīgīvātṣas* (онъ *jī*—побѣждать), и аппозиції, представленной причастіемъ наст. дезидератива *sīśāsantās* (отъ *sā*—одолевать (въ сраженіи), завоевывать добычу).

VII, 92, 4:..... *ghnānto vṛtrāṇi sūrībhīḥ syāta sāsahvāmṣo yudhā vībhīr amītrān*—„да будемъ мы убивающими вражескія силы (или демоновъ) (виѣтѣ съ) (нашими) благодѣтелями (*sūrībhīs*), (да будемъ мы) одолѣвающими (виѣтѣ съ) героями сраженіемъ недруговъ“. При такомъ пониманіи фразы¹⁾, мы имѣемъ здѣсь составное сказуемое изъ 1) отвлеченной связки въ оптативѣ (*syāta*) и 2) двѣхъ параллельныхъ предикативныхъ атрибутовъ, изъ коихъ одинъ (*ghnāntas*) выраженъ причастіемъ наст., а другой (*sāsahvāmṣas*) — причастіемъ перфекта (отъ *sāh*—одолевать, овладѣвать).

X, 29, 2:..... *rātho yō ásat sasavān*—„.... колесница, которая будестъ (была бы, должна быть) побѣдоносна“. Здѣсь—состав. сказуемое изъ отвлеченной связки въ conj. *asat* и прич. перфекта *sasavān* (отъ *sān*—побѣждать, завоевывать, стяжать).

IV, 29, 5: *tvótāso maghavan Indra vīprā tayām te syāta sūráyo gr̄pāntaḥ | bhejānāsō bṛhāddivasya rāya ākāyyāsyā dāvāne puruṣobhī*—„подъ твоей охраной (*tvótāsas*—тобою охраненные, тобою вспомоществуемые), о щедрый даритель Индра, мы, вдохновенные жрецы, (и также) тебѣ поющіе *sūrī*²⁾ (благодѣтели, заказчики требъ) да будемъ получившими свою долю (*bhejānāsas*—partic. perf. med.) при дарованіи небеснаго (съ высоты неба исходящаго?), вожделѣннаго (?ā-kāy-

¹⁾ Можно понимать еще и такъ, что связка *syāta* относится специально либо къ *ghnāntas*, либо къ *vībhātṣas*. Въ первомъ случаѣ будеть: „да будемъ убивающими...., одолѣвъ“.... Во второмъ: „убивая...., да будемъ одолѣвшими....“ Но въ виду полнаго параллелизма двухъ частей фразы (*vṛtrāṇi*—*amītrān*; *vīrbhīs*—*prbhīs*) лучше принять, что причастія параллельны, а связка у нихъ общая.

²⁾ Саяна передаетъ здѣсь *vīrgauas* черезъ *stotāras*—пѣвцы-хвалители (жрецы, поющіе хвалебные гимны, словословія) и относить къ *vīprās*. Едва ли онъ правъ (въ виду постолпнаго противопоставленія *vīrgauas* жрецамъ, какъ (богатыхъ и щедрыхъ) прихожанъ—спящепниковъ), и въ данномъ случаѣ сочетаніе *vīprās*.... *tayām*.... *vīrgauas* значить „мы (обѣ стороны), жрецы и *sūrī*“. Такъ понимаетъ и Ludwig. Пропускъ союза вполнѣ возможенъ.

yasya), обильного богатства". Здесь составное сказуемое слагается (не считая *trotāsas*, которое скорѣе—простое опредѣлѣніе подлежащаго) изъ отвлеченої связки въ оптативѣ *sūjma* (хотимъ быть, да будемъ) и предикат. атtribута—прич. перфекта *bhejānāsas* (отъ *bhaj*—дѣлать, надѣлять, въ медіумѣ—получать свою долю). Что касается *grāntas* (причастіе наст. — поющіе, воспѣвающіе), то оно, несомнѣнно, здѣсь простое опредѣлѣніе къ *sūrayas* или къ *vīrās* и *sūrayas* вмѣстѣ, а не предикат. атtribутъ, не часть сказуемаго. Это известуетъ изъ общаго смысла стиха и подтверждается 1) тѣмъ, что въ предыдущемъ стихѣ то же причастіе употреблено, какъ простое опредѣлѣніе слова *vīrga-s* (*vīrgam hāvāmāpan* *grāntam* — жреца (или. ед.) взывающаго-поющаго), 2) тѣмъ, что и Саяна такъ именно и понимаетъ фразу, относя *grāntas* къ *vīrās* въ качествѣ простого опредѣлѣнія и такимъ образомъ отдѣляя его отъ прич. перфекта *bhejānāsas*, которое вмѣстѣ со связкою *sūjma* онъ перифразируетъ выражениемъ *bhājatānaḥ...bhaveta*.

Во всѣхъ этихъ пяти примѣрахъ причастіе перфекта болѣе или менѣе подходитъ по значенію къ причастію наст.; это—причастія *perfecți praeuentiā*. Эта черта, а также и модальность связки, заставляетъ насъ вспомнить здѣсь уже известный намъ оборотъ съ отвлеченной связкою и причастіемъ настоящаго, который въ Ригь-Ведѣ также очень рѣдокъ и въ извѣстныхъ намъ образцахъ котораго связка также—модальная, напримѣръ, X, 31, 1: *tāranto vīcva duritā sūjma* (оптативъ, VIII, 43 30—оптативъ, VII, 56, 5—императ.). Эти факты (при всей малочисленности образцовъ), мнѣ кажется, указываютъ на то, что эти два оборота (съ прич. наст. и причастіемъ перфекта) были аналогичны, близки другъ къ другу по синтаксическому значенію, и что ихъ положение въ общей экономіи языка было одинаково. И тамъ, и здѣсь связка могла отсутствовать, не подразумѣвалась, потому что причастіе само по себѣ было достаточно предикативно; но когда нужно было выразить модальное отношеніе, къ чему причастіе не способно, то связка по необходимости должна была присутствовать во фразѣ¹⁾). Рѣдкость рассматриваемыхъ оборотовъ легко объясняется

¹⁾ Этому нашему соображенію, посвѣдомому, противорѣчитъ вышеизобранный стихъ X, 10, 1: *ś cit sākhāyam sākhāyā tāvātūdā tirūp̄i purū cīd agnāvāp̄ ja-ganvān*—„я хочу вернуть друга къ дружбѣ, хотя бы онъ ушелъ даже за цѣль океана“. Но это только кажущееся противорѣчіе, внушаемое не самимъ текстомъ, а нашимъ, можетъ быть, не совсѣмъ удачнымъ, русскимъ переводомъ. Оттѣнокъ, представленный въ переводѣ черезъ „хотя бы“ (условность), не имѣетъ ничего

стремлением заменять отвлеченную связку более конкретными, а также (имея въ виду собственно причастіе перфекта), тѣмъ, что по самой природѣ своей причастіе перфекта гораздо болѣе прыгодно для сочетанія со связками фиктивными, съ псевдосвязками, чѣмъ съ тѣми, которыя, при всей знаменательности, проявляются въ сознаніи, какъ синтаксический моментъ, который предвижує не столько свое собственное лексическое содержаніе, сколько то, которое дано въ формѣ причастія.

Какъ образчики сочетанія причастія перфекта съ полуизменителью и знаменательной *связкой*, приведу слѣдующія фразы:

X, 9б, 16:..... *tātrgrālā carāmī*—„шествую (хожу) насытившаяся (сытая)“, где вмѣсть причастіе *perfecti praesentis* и связки *carāmī* (отъ *car*—ходить) вмѣсто отвлеченной *astmi*,—ту самую, которая нерѣдко встречается въ соединеніи съ причастіемъ наст.

I, 138, 4: *asyá h̄ s̄b̄ ra ḥra s̄tāye b̄huvb̄ 'helamāno rarivān...* „этому нашему стяжанію „пособі“ [изменительная связка въ значеніи, колеблющемся между „явиться“, „находиться при, около“ и „помогать“, „содѣйствовать“] легкѣющійся [предикативный атрибутъ], дарующій [причастіе *perf. rgaes.* — отъ гѣ — дарить, падѣять, — въ роли предикативного атрибута¹].

VI, 19, 7..... *yēpa (mādena) tokāsyā tāvayasya s̄tāu tām̄sītāhī jīglvāmsas tvōtāhī*—[принеси намъ, о Индра, тотъ боевой экстазъ] „при которомъ (въ силу котораго), въ стяжаніи потомства, мы хотѣли бы считаться побѣдителями (побѣдившими) съ твою помощью“.—Здѣсь составное сказуемое изъ 1) субъективной связки, выраженной оптативомъ сигмат. аориста отъ глагола *tām*—думать, считать—въ

общаго съ тою модальностью, которая присуща ведѣйскимъ оптативамъ, конъюнктивамъ и императивамъ, выражающимъ субъективныя настроенія лица дѣйствующаго или говорящаго. Въ нашей фразѣ модальность дава въ *tautūdī* (оптатив перфекта), во второй же части ея, при *jaganvān*, ея нѣть, и здѣсь—ясно выраженное—оптативное или конъюнктивное отношеніе было бы неумѣстно: Яни хочетъ вернуть къ себѣ друга, который (не фактически, а пока предположительно), ушелъ, а не только *хочетъ уйти*. Наше „хотя бы“ введено для передачи оттенка предположительности, обусловленности („если даже...., то и въ такомъ случаѣ...“), представленного въ текстѣ двумя сид (въ первой части фразы при *ḡ-vavṛtīyān* и во второй при *ragī*) агнаватъ съ отраженіемъ на прич. *jaganvān*).

¹ Сияла нерѣфразируетъ причастіе перф. *rarivān* выраженіемъ *dātā san* (будучи дарителемъ, подателемъ, въ качествѣ дарителя) и, хотя во фразѣ есть *tegvičī fin.*, приводить и здѣсь правило Шанина „*līlāb̄ kvaśnī*“, то-есть, отъ корня *gā* (*rātēs*) взято здѣсь причастіе *perf. act.* вмѣсто личной формы *perf.*

мѣдiumъ, и 2) двухъ предикативныхъ аттрибутовъ: *jiglívámsas*—причастіе перф. *praes.* (отъ *ji*—побѣждать) и *tvotás*—„тобою вспомоществуемые“, „тобой охраненные“.

VIII, 53, 7:..... *vayáš hótrábbir utá deváhüttibhí sasavámsó tanaðale*—„мы думаемъ, что завоевали (стяжали) (или завоевываемъ—perf. *praes.*) жертвеними приношениями и воззваниями къ богамъ“,—какъ и предыдущее, это составное сказуемое типа мыняхъ духъ выдаще (Остр. Ев., Лук. XXIV, 37),ничто же ся мыни смотрими безъчина (Изб. Свят.)= думаетъ, что не сдѣлала, — см. *Потебка*, „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, 151—152. Причастіемъ перфекта *sasavámsas* выражено, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ причастіемъ перфекта *jiglívámsas*, предикативный аттрибути (считаемъ себя—какими?).

IV, 42, 7:..... *tvář vtráni çrnvíse jaghanván*—„ты слышешь (или славенъ) убивший демоновъ“, то-есть, ты извѣстенъ, славенъ тѣмъ, что убилъ демоновъ. Связка выражена формою *çrnvíše* (отъ *çti*—слышать, медіо-пассивъ, отъ темы настоящего по V классу, но съ окончаніями (1-е л. *çrtu*, 2-е *çrnvíse*, 3-е *çrtu*, 3-е мн. *çrnvíre*), принадлежащими перфекту)—въ значеніи слыть за, быть извѣстнымъ, считаться; это довольно—употребительная связка, также какъ и причастіе стр. *çti*—*ta*—сть вспомогательнымъ глаголомъ (отвлеченною связкою), въ сочетаніи съ именами и причастіями. Причастіе перфекта *jaghanván* (отъ *han*—убивать) служить предикативнымъ аттрибутомъ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію образчиковъ гораздо болѣе распространенного оборота,—сочетанія причастія перфекта въ роли аппозиціи и предикативного аттрибута съ *фиктивными* связками, то-есть, такими, которые, будучи, если можно такъ выразиться, заняты предицированіемъ своего собственнаго лексического содержанія, представляютъ причастію самому предицировать свое, но при этомъ продолжаютъ нести *формальную обязанность* связки. Эта *формальность* и вмѣстѣ *фиктивность* связки можетъ быть больше или меньше,—она колеблется въ извѣстныхъ границахъ: если взять крайніе пункты, то на одномъ мы получимъ связку *полуфиктивную*, то-есть, такую, въ которой моментъ фиктивности выраженъ не слишкомъ ярко, а на другомъ, противоположномъ, найдемъ связку, въ которой фиктивность доведена до того предѣла, гдѣ связка становится уже *отрицательной* синтаксическою величиною и можетъ быть понимаема, какъ *иррациональная, мнимая* или какъ *псевдосвязка*.

Въ этихъ именно сочетаніяхъ причастіе перфекта явственіе, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ выше, выступаетъ въ своемъ подлинномъ *перфективномъ* значеніи, чѣмъ наблюдается какъ тогда, когда оно служить аппозиціею, такъ и тогда, когда оно является въ роли предикативного атрибута.

Сперва разсмотримъ сочетаніе *аппозитивное*, при чѣмъ будемъ указывать на соотвѣтственные обороты съ „дѣепричастіемъ“ (абсолютивомъ). Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ языкомъ, которое—въ исторіи русскаго языка—было съ такою глубиною и обстоятельностью изслѣдовано Потебней. Въ санскритѣ это движение „отъ причастія къ дѣепричастію“, то-есть, стремленіе къ замѣнѣ второго именительного несогласуемой частью предложения, что привело къ превращенію составнаго сказуемаго въ простое, началось весьма рано,—уже въ языкѣ ведѣйскомъ мы находимъ большое развитіе конструкціи съ абсолютивами на -tvā, -tvI, -tvāya, -ya, -tya. Замѣтимъ, что при всемъ сходствѣ, по смыслу и также по синтаксической постановкѣ этихъ формъ, съ нашими дѣепричастіями, между ними усматривается существенное различіе въ отношеніи къ ихъ происхожденію: санскритскія формы на -tvā и пр. не могутъ быть названы дѣепричастіями въ собственномъ смыслѣ, потому что не восходятъ къ причастіямъ, а возникли изъ *косвеннаю* падежа (инструментальнаго) отглагольныхъ или, лучше, приглагольныхъ имёнъ (существительныхъ). Въ основѣ оборотовъ съ абсолютивами лежать по сочетанію со вторымъ именительнымъ причастіемъ (какъ у насъ), а простыя сказуемыя съ инструментальными орудіями образа дѣйствія, такъ что съ этой стороны исторія санскритскихъ абсолютивовъ напоминаетъ скорѣе исторію нашихъ такъ называемыхъ творительныхъ „предикативныхъ“ (изслѣдованіе которыхъ составляетъ одну изъ многихъ заслугъ Потебни, „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, стр. 493 и сл.).

I, 161, 4: *cakruvāmsa ṛbhavas tād apr̥chata...* „сдѣлавши (букв. сдѣлавшіе) это, вы, о Рибгу, спрашивали...“. Соотвѣтственный оборотъ съ абсолютивомъ находимъ въ стихѣ, непосредственно предшествующемъ I, 161, 3:tāni bhr̥ātar ānu vaḥ kṛtvu bmasi—....„эти (подвиги, чудесныя дѣянія) сдѣлали, о братъ, мы (Rb̥havas, Рибгу) сдѣдуемъ (идемъ) за вами (богами, то-есть, удостопаемся возведенія въ рангъ боговъ)“. Любопытно, что Саяна въ своемъ комментаріи поясняетъ ведѣйскую форму абсолютива *kṛtvI* (классическая форма *kṛtvA*) инструментальнымъ падежемъ существительного *kārtmā—дѣяніемъ*,—какъ бы указывая этимъ (конечно, не предиамъ-

рено) на происхождение оборота¹⁾). Первоначальный смысл его еще сквозить въ данномъ мѣстѣ: „мы слѣдуемъ за вами (силою чего? благодаря чѣму? чѣмъ?) совершиеніемъ этихъ дѣяній (или чудесъ, о коихъ говорится въ томъ же стихѣ).

IV, 18, 7:tāmaitān putrō mahatā vadheṇa vṛtrāṇ् jaghanāṇ
asṛjad vī sindhūn—„мой сынъ, убивъ (букв. убившій) Вртру сильнымъ ударомъ, пролилъ (освободилъ) эти потоки (рѣка)“.—Съ абсолютивомъ: I, 103, 2:vājena hātvā pīr apāḥ saavṛja—„убивъ палачей, пролилъ (освободилъ) воды“. Такія формы (съ абсолютивомъ), присутствуя въ языке одновременно съ оборотами, заключающими въ себѣ причастія въ роли аппозиціи, яснѣе оттѣняютъ аппозитивный характеръ послѣднихъ. Въ данномъ примѣрѣ съ причастіемъ перфекта jaghanāṇ санскритская фраза не значитъ: „мой сынъ, убившій....“, она отвѣчаетъ нашему: „мой сынъ, *после того какъ онъ убилъ...*“, и для ея передачи нельзя пользоваться нашимъ причастіемъ, потому что оно, въ силу избытка въ немъ оттѣнка *аттрибутивности*, не годится уже для выраженія *аппозиціи*, для которой у насъ приспособлено дѣепричастіе. Послѣднее въ современномъ русскомъ заплю мѣсто аппозитивныхъ причастій. Въ санскритѣ обороты съ абсолютивомъ существовали и развивались одновременно съ причастными, только оттѣнялъ аппозитивный характеръ причастій и въ большей или меньшей мѣрѣ ограничивая ихъ употребленію (районъ распространенія составного сказуемаго).

I, 32, 11: apāṁ bīlam āpihitam yád áśid vṛtrāṇ् jaghanāṇ āra
tād vavāra—„ту пещеру водъ, которая была замкнута, онъ отверзъ, убивъ (букв. убившій) Вртру“. Обороты съ абсолютивами отъ того же глагола *hāt*—убивать, кроме вышеприведенного I, 103, 2, находились въ I, 100, 18, — II, 12, 3, — II, 17, 6, — II, 30, 10 и въ некоторыхъ другихъ.

IV, 33, 6:vibhrājānām̄c camasān áherāvenat tvāṣṭā caūgo
dadrgvān—„увидѣло (букв. увидѣвшій) 4 блестящіе, какъ день, кубка, Тваштарь былъ доволенъ (или, лучше, пожелалъ—ихъ имѣть).—Съ абсолютивомъ: X, 34, 11: strīyam dr̄ctvāya kītavām̄ tātara—(бессубъектный оборотъ)—„увидѣло жену, игрокъ мучился (испыталъ скорбь, раскаяніе)“, букв. „игрока мучило (или мучить)“. Здѣсь абсолютивъ не служить

¹⁾ tānī sarvāpi sampādyā ge bhrātaragno kītvā karmānāmasi.... Въ комментаріяхъ же въ ст. I, 161, 4, по поводу причастія перфекта сакṛgūḍas, онъ ожидаетъ правила ličāḥ kvasuḥ.

орудіємъ превращенія составного сказуемаго въ простое, — онъ не является замѣною второго именительного, — и, тѣмъ яснѣе обнаруживается тутъ его происхожденіе изъ инструментального „обстоятельства“, — орудія или средства (можно перевести: „при видѣ жены“¹⁾). Какъ замѣна причастія въ роли аппозиціи, абсолютивъ отъ того же глагола *darg* (съ частицей *ani*) является въ стихѣ X, 130, 7:púrveśam pántham *anudíçya* dhírā anválebhíre rathybó ná gaçmí— „обозрѣть (устремивъ взоръ на) путь древнихъ, мудрые (7 мудрецовъ), словно возпѣли бразды (возжн)“.

I, 91, 10: *imám yajhám idám vácо jucízáná upagahí...*, „прійди (о Сома) къ этой жертвѣ, *екусивъ* (*екусившій*) эту рѣчъ (пѣснь, гимнъ)“, или: „прійди сюда (*upatā*), *екусивъ* эту жертву эту пѣснь“. Абсолютивъ *jucízví*, какъ замѣна причастія, находится (но только не въ значеніи „екусивъ“, а въ значеніи „возвлюбъ“, „найдя удовольствіе въ“) въ ст. IX, 97, 16,—I, 118, 5 и тѣк. др.

IV, 2, 2: *ibá tvásh.... agne dúta iyase yuuyíðná.... výsañah....* „Здѣсь ты..., о Агни, мчишься вѣстникомъ, запрягши (запрягшій).... жеребцовъ“... Состав. сказуемое изъ 1) знамен. псевдоcвязки (можетъ быть, не вполнѣ псевдо—, а только фиктивной, съ еще замѣтнымъ характеромъ связи) *iyase*—мчишься (интенсивъ отъ *i*—идти, двигаться). 2) предикативнаго атрибута, выраженного существительнымъ *dúta*-с— вѣстникъ, въ 3) аппозиціи—причастіе перфекта *yuuyíðala*-а отъ *yu*— запрягать, связывать, соединять. Что это — аппозиція (и не относится къ *dúta*-s, въ смыслѣ „мчишься вѣстникомъ, запрягши“...), видно: 1) изъ аналогіи, напримѣръ, стиха IV, 45, 6 (гдѣ имѣть *dúta*-s)... *súraç cid áçván yuuyíðná iyate*—„солнце несется, запрягши коней“... 2) изъ случаевъ, гдѣ стоять абсолютивъ вмѣсто причастія, напримѣръ, I, 177, 1: *yuktvá hárí výsañá yábu agravá*—запрягши двухъ гнѣдыхъ жеребцовъ, прійди сюда“... 8) изъ комментарія Саяны, гдѣходимъ вопросъ *kím kurvan*—„что дѣлая“.

V, 78, 9: *dáça másán chaçayáñdáh kumáro ádhi málári | nírañu jívob....* „10 мѣсяцевъ пролежаешь у матери, ребенокъ да выйдетъ живымъ....“. Здѣсь составное сказуемое изъ 1) знаменательной псевдо-связки *nírañu* (повел. да выйдетъ), 2) предикативнаго атрибута—

¹⁾ Пожалуй, можно бы сказать, что абсолютивъ стоять здѣсь вмѣсто синтаксической подлежащей (*dadéçváñvapit kitavam tatára*—игрока, *yuuyíðana*—жену), мучило.—Мы будемъ еще имѣть дѣло съ этимъ оборотомъ въ этомъ, посвященномъ безсубъектнымъ предложеніямъ.

прилаг. *jīva-s* — живой и 3) *аппозиција* — причастіе перфекта *саcayāna-s* (отъ *si*—лежать) — „пролежавшій“. Абсолютива отъ *si* въ Р. В. нѣть. Саяна перифразируетъ абсолютивомъ *asītā* (отъ *tas* — пребывать, жить): „10 мѣсяцевъ пробывъ во чревѣ родильницы“....

VII, 108, 1: *savvatsarām cācayānā brāhmaṇā vratacārīnāḥ* | *vācas parjānuajñitāṁ prā ṣaṇḍākā avādiṣuḥ* — „годъ пролежалъ (букв. пролежавшіе), [словно] браминъ, наложивши на себя обѣтъ (молчанія?), — рѣчью, возбужденной (богомъ) Parjanya (грозою и дождемъ), лягушки заголосили“.

Эти примѣры, число которыхъ можно было бы увеличить, достаточно ясно обрисовываютъ намъ синтаксическую роль причастія перфекта въ рассматриваемомъ сочетаніи и между прочимъ показываютъ, что это причастіе имѣло опредѣленное видовое (лучше „видовое—временное“) значеніе, отличное отъ значенія причастія наст. Оно сходно съ употребленіемъ нашего (стариннаго) и церковно-славянскаго причастія прош. *на-э, -эши и-э, -эши* (которое и этимологически восходить къ индо-европейскому причастію перфекта); въ греческомъ ему соответствуютъ въ синтаксическомъ отношеніи также (въ извѣстныхъ предѣлахъ) причастія перфекта, но еще болѣе причастія аористовъ. Имѣя это въ виду, мы и въ слѣдующихъ образцахъ, гдѣ стоять причастіе перфекта *jajñāna*—(отъ *ja-*рождать), рекомендованы бѣ соблюдать въ переводѣ его перфектное значеніе, передавая его дѣвепричастіемъ прошедшаго времени.

I, 68, 1: *tvāṁ mahān īndro jō ha cūsmair dyāvā jajñānāḥ pṛthivī āme dhāḥ.....* „великъ ты—Индра (и.), который, (едва) родивши, мощью повергъ въ страхъ небо и землю“. Эдѣсь причастіе перфекта *jajñāna-s*—*аппозиція*,—оно значитъ: „лишь только ты родился“ . Въ качествѣ аппозитивнаго, то-есть, такого, въ которомъ атрибутивность есть фикція, оно ближе стоять къ личной формѣ глагола, чѣмъ причастіе предикативно-атtribутивное,—и Саяна, чувствуя это, вспомнилъ въ комментаріи къ нашему стиху правило Панини „*lītaḥ kānas*”—вместо личныхъ окончаній перфекта употребляется окончаніе причастія перфекта—*ана*—(медиальное).

VII, 98, 3: *jajñānāḥ sōmati sābase papātha...* „родивши, ты (Индра) выпилъ Сому для мощнаго“....

VIII, 77, 1: *jajñāno nū cātākratur vī prchad ūti mātāram....* „родивши, стосильный (Индра) такъ спросилъ мать (задалъ матери слѣдующій вопросъ)“...

VIII, 96, 21: *sā vīrahēndra.... saduḥ jajñāno hávyo babhūva....*

„этотъ убійца Вртры, Индра, только-что родившись, стать предметомъ поклоненія (сталъ достойнымъ моленія).

X, 120, 1: *sadyō jaīñānō ní gr̥atī cātrūn...* „только-что родившись, онъ испровергаетъ враговъ“...

Нарѣчіе *sadyás* въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ (въ значеніи лишь только, едва), если только оно непосредственно относится къ *jaīñāna-s*, усиливаетъ или оттеняетъ перфектно-видовое значеніе этого причастія; въ VIII, 77, 1, если не ошибаюсь, такой же оттенокъ представленъ частицей *ti*.

Для лучшаго оттененія перфектного значенія этого причастія въ приведенныхъ фразахъ, противопоставимъ имъ нѣсколько примѣровъ съ причастіемъ паст. *jāyamāna*—(passiv, отъ того же корня *jan*):

I, 96, 1: *sá pratnāthā sáhasā jāyamānaḥ sadyāḥ kāvyanī báḥ adhatta vīcā...* „онъ (Аgni) по исконному обряду мощно рождаемый быстро приобрѣталь всѣ премудрости“... Здѣсь *sadyas* относится не къ *jāyamāna-s*, а къ *adhatta*. Рожденіе (добываніе) священнаго огня непрерывно повторяется издревле по исконному обычю (или обряду). Причастіе наст. *jāyamāna-s* здѣсь также *аппозиція*, и фраза значить: Аgni приобрѣталь всѣ премудрости (являлся во всеоружії своей мудрости) всякий разъ, когда его рождали (добывали изъ двухъ агні).

I, 143, 2: *sá jāyamānaḥ paramē ud̥tālū avīr agnīr abhavan mātarīśvane...* „этотъ Аgni, рождаемый на высочайшемъ небѣ, открывался Матаришвану“. Если причастіе здѣсь аппозиція, то фраза значить: Аgni открывался (обнаруживался, являлся) Матаришвану въ то время, когда онъ, Аgni, рождался на небѣ. Если это—предикативный атрибутиль, то получимъ смыслъ: Матаришвану открывался толькъ Аgni, который рождается на высочайшемъ небѣ.

III, 6, 2: *ā rōdasi aṛgṇā jāyamānah...* ты (Аgni) наполнилъ два мира рождаемый (когда ты рождался)... Так же въ стихахъ: III, 6, 5,—IV, 18, 5;—IV, 50, 4.

Перейдемъ теперь къ сочетанію *предикативно-аттрибутивному*.

V, 29, 14: *yā cīp nī vajrinī kṛpavō dadhṛṣvān nā te vartā tāvīṣyā asti tāsyāḥ—* „какія бы (геройскія дѣянія) ты ни совершишь, о перводержецъ, пролегла (или пролегла) свое мужество (*dadhṛṣvān*)—нѣть тебѣ супротивника этого геройскаго подвига“. Здѣсь *kṛpavō dadhṛṣvān* образуетъ составное склоненіе, въ которомъ глаголъ *kṛpavas* (conj.) есть знаменательная псевдосвязка, а причастіе перфекта *dadhṛṣvān* (отъ *dhars*—быть храбрымъ, „геройствовать“) есть предикативный атрибутиль; оно сбивается на значеніе причастія наст.

и даже становится почти равносильнымъ прилагательному (например, *dhr̥ṣṇi-*—отъ того же корня—мужественный, сильный), и его можно было бы замѣнить этимъ прилагательнымъ или также соотвѣтственнымъ нарѣчіемъ *dhr̥ṣat*, *dhr̥ṣatā* (отъ того же корня); въ послѣднемъ случаѣ составное сказуемое превратилось бы въ простое. Такой характеръ (именно предикативно-атtributivnyй, а не appositive) нашего причастія въ рассматриваемомъ стихѣ подтверждается или оттѣняется слѣдующимъ выражениемъ стиха IV, 22, 5, гдѣ при *dadhr̥ṣvān* стоять еще (плеонастическая) зват. пад. прилаг. *dhr̥ṣṇo* и нарѣчіе *dhr̥ṣata*: *yács chūra dhr̥ṣṇo dhr̥ṣatā dadhr̥ṣvān áhīm vágjeṣa cāvasáviveshī...* „[достойны прославленія твои, о Индра, подваги, именно то], что ты, о сильный герой, силою проявлялъ свою сильность (*dadhr̥ṣvān*), змѣю перуномъ молникою сразилъ“. Здѣсь составное сказуемое—*dadhr̥ṣvān aviveshī*, гдѣ *dadhr̥ṣvān*—предикативный аттрибутъ (а не appositiya), который тутъ же, такъ сказать, истолкованъ или обнаруженъ, какъ таковой, прилагательнымъ *dhr̥ṣṇo* и нарѣчіемъ *dhr̥ṣata*.

Такое же сочетаніе (какъ въ ст. V, 29, 14) находимъ и въ I, 165, 10: *yá pú dadhr̥ṣvān kṛpāval* (conj.) *maniṣā...* „(все) что я ни совершу мудростью проявляя (или проявивъ) свое мужество...“.

Въ этихъ и подобныхъ мѣстахъ, думаю я, пичто не мѣшаетъ намъ понимать причастіе перфекта въ его перфективо-видовомъ значеніи, въ то же время удерживая его предикативно-атtributivную роль (не превращая въ apposition). При этомъ мы можемъ мыслить въ немъ оттѣнокъ *perfecti praeſ.*, но можемъ также видѣть въ немъ просто перфектъ—безъ отношенія къ настоящему,—и то, ни другое, само по себѣ, не противорѣчить *attributivnemu* характеру этой части предиката. Съ этой точки зрѣнія, можно перевести, напримѣръ, послѣднюю фразу (I, 165, 10) такъ: „все, что ни совершу я, проявивъ свое мужество“, то-есть, *ne*: „послѣ того какъ я проявилъ (или проявлю) свое мужество“, *a*: „я—такой, который уже проявилъ, доказалъ свое мужество“. При этомъ нужно только (чтобы удержать нерушимо составное сказуемое) представить себѣ эту квалификацію субъекта, какъ составляющую часть предиката, какъ участвующую въ актѣ предицированія.

Весьма часто находимъ въ роли предикативного аттрибута причастіе перфекта *vidvān* (отъ *vid*—знатъ), повидимому, исконо имѣвшее значеніе *perfecti praeſentis*, какъ и самый глаголъ въ перфектѣ *veda* (оѣда). I, 70, 6:.... *etā cikītvo bhūma ní pāhi devánām jāppa*

mártāmp̄ ca vidván—„охраняй, о прозорливый (мудрый—Агни), эти существа, знающій (ты, который позналъ) племя боговъ (и) смертныхъ (внн. мн.)“. Ludwig: schütze, wolwerkender, diese wesēn. [der du] der götter—wie der menschengeschlechter kundig. Такіе перифразы („ты, который позналъ, знаешь,—der du kundig) служатъ лишь способомъ обозначенія, что въ подлинникѣ причастіе *vidván* есть предикативный атрибутъ, а не аппозиція. Аттрибутивность этого предикативного причастія (здесь и въ другихъ аналогичныхъ вѣстахъ, относящихся къ Агни) явствуетъ, помимо прочаго, уже изъ того, что выраженіе *devánāmp̄ jāp̄ta martāmp̄ ca vidván* есть лишь перифразъ одного изъ самыхъ главныхъ и частыхъ эпитетовъ Агни—*jātavedás*—„знающій существа“. Имѣя это въ виду, мы объяснимъ себѣ слова Саяны въ комментаріи къ данному стиху: „такъ какъ ты знаешь всѣхъ,—боговъ, людей и прочихъ, то потому и говорится *vidván*“—не въ томъ смыслѣ, чтобы ойтъ усматривать тутъ аппозицію, а только—тѣмъ, что онъ, какъ и мы, вспомнилъ эпитетъ Агни *jātavedás* и всю ту сторону концепціи этого бога, которая связана съ этимъ эпитетомъ. Въ словахъ Саяны (*vidván jāpan... yatas tvam devaśapiṣyādīśa sarvān jānāsi ata evam icayata ityarthah*) мы видимъ только напоминаніе объ этой сторонѣ миологической природы Агни. Комментаторъ не ставитъ вопроса *kim kūrgvāl*—„что дѣлаетъ?“, а только поясняетъ, почему и въ какомъ смыслѣ Агни величается „*vidván*“, а чаще *jātavedas*.

Есть много случаевъ, гдѣ *vidván* стоитъ безъ дополненія, почти переходя въ прилагательное, какъ, напримѣръ, I, 24, 18... *āvaināśt rājā várçapāḥ sasrjyād vidván*—„да его царь Варуна благоволить освободить знающій“. Съ нашей (современной) точки зрѣнія это причастіе здѣсь—просто атрибутъ субъекта (непредикативный); но для всякаго, кто знакомъ съ духомъ старыхъ языковъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что оно, въ подобныхъ фразахъ, все еще находится въ предѣлахъ сказуемаго, что оно предикативно. Другіе примѣры этого рода: II, 5, 8.—III, 44, 2.—III, 35, 4.—VI, 47, 8 и мн. др.

Аттрибутивность причастія *vidván* обнаруживается также въ томъ обстоятельствѣ, что оно встрѣчается въ *сравнительной степени* (съ обычнымъ суффиксомъ *tara*—), что не препятствуетъ ему имѣть при себѣ прямое дополненіе. Такъ въ стихѣ IV, 7, 8, гдѣ кстати найдемъ, кромѣ этой формы въ сравнительной степени *vidustara-s*, еще просто *vidvan* и другое причастіе перфекта—*sampcikitván*: *vér adhváraśya dūtyáni vidván ubbē antá* (то-есть, *antar*) *rōśasi sampcikitván | dūta*

Iyase pradīva ugrāpó vīdūśāgo dīvā arōdhānāpī—„птица жертвы (культы), знающій (vīdvān) обязанности вѣстника, оба міра (небо и землю) посрединѣ (между ними) созерцающій (samcikitvān), вѣстникомъ ты (Агни) несешься, издревле избранный, хорошо-знающій (сравнительная степень прич.) затворы неба“.

Причастіе перфекта находимъ также въ роли *причастной связки* при предикативномъ аттрибутѣ, выраженномъ существительнымъ или прилагательнымъ (или ихъ замѣною—мѣстоименіемъ), въ составномъ сказуемомъ съ личнымъ глаголомъ, служащимъ связкою, какъ настоящую, такъ и фактивную. Напримеръ:

I, 165, 8: vādhīm (говорить Индра) vṛtrām maruta indriyēna svēna bhāmena tavisō bābhūvān—„я убилъ Врту, о Маруты, своею мощью, свою яростью, явившись (будучи) мощнымъ“. Сочетаніе *tavisō bābhūvān* буквально значить „ставшій мощный (мощнымъ)“, и когда, по примѣру другихъ случаевъ, мы переведемъ его при помощи дѣепричастія („ставить, сдѣлавшись, явившись мощнымъ“), то мы рискуемъ придать ему характеръ аппозиціи („послѣ того какъ,—такъ какъ я стала, сдѣлалася мощнымъ“). Въ подлинникѣ же, какъ я думаю, причастіе перфекта *bābhūvān* играетъ ту же роль, какую въ аналогичныхъ оборотахъ исполняетъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, причастіе настоящее *sant*—(отъ *as*—быть). Въ нашемъ примѣрѣ могло бы стоять *tavisaḥ sat* („мощный сущій“). Разница только—въ видовомъ оттѣнкѣ (да еще въ томъ, что *bhū* далеко не такъ отвлеченно, какъ *as*). Видовое различие, однако же, сведено здѣсь къ известному минимуму, ибо, очевидно, *bābhūvān* является здѣсь причастіемъ *perfecti praesentis*. Формально-сintактический характеръ оборота можно бы передать выражениемъ: „я, который являюсь столь мощнымъ“.

IV, 17, 17: trātā no bodhi dādṛcāna ārīg abhikkhyātā marditā зомуяпаш... „будь нашъ хранитель неизгаша, родичъ (или близкій другъ — ārīs), блеститель, милостивецъ (для насть) поклонниковъ Сомы“.—Здѣсь имѣемъ составное сказуемое изъ: 1) полуутврдченной связки *bodhi*—будь, стань, 2) предикативныхъ аттрибутовъ, выраженныхъ существительными *trātā*, *ārīs*, *abhikkhyātā* и *marditā* и 3) причастной связки въ формѣ причастія перфекта въ медіуї *dādṛcāna-s*, отъ *dār̥-*—смотретьъ, въ значеніи „явившійся, обнаружившійся“ вмѣсто „сущій“ или „ставшій“. Отношеніе этой причастной связки къ остальнымъ частямъ сказуемаго можно понимать двояко: 1) причастіе *dādṛcāna-s*, ближайшимъ образомъ относясь къ первому

изъ предикативныхъ аттрибутовъ (*trātā*), въ то же время, такъ сказать, распространяется и на остальные: „будь явившійся намъ хранитель, родичъ“ и т. д.; 2) оно можетъ относиться къ одному только *Āpis*: „будь намъ хранителемъ ты, который являешься (представляешься близкимъ родичемъ нашимъ,—(будь) блюстителемъ и т. д. Такъ, повидимому, понимаетъ Людвигъ, переводя: *sei unser retter, geschaut als unser nächster (freund), aufseher, tröster der somawürdigen*, и также Грассманнъ (Wörterb. z. Rgv. s. v. *darç*). Въ такомъ случаѣ сочетаніе *dadrçāna Āpis* образуетъ особую единицу, вошедшую въ составное сказуемое и не стоящую на одномъ уровнѣ съ остальными предикативными аттрибутами (*trātā* и пр.), то-есть, сочетаніе *dadrçāna Āpis* относится не прямо къ *bodhi*, какъ *trātā* и др., а къ цѣлому *bodhi tratā, abhikhyatā, marditā*. При такомъ пониманіи открывается возможность взглянуть на это сочетаніе (*dadrçāna Āpis*) не только, какъ на предикативно-аттрибутивное, но и какъ на аппозицію, напримѣръ, въ смыслѣ: „послѣ того какъ (такъ какъ) ты явился нашимъ близкимъ родичемъ (другомъ)“, „послѣ того какъ ты обнаружилъ въ качествѣ самаго близкаго намъ существа“.

I, 127, 11: *sá* по *nediśham dādṛçāna ā bharāgne devēbhīḥ sā-*
caṇāḥ sucetūnā mahō rāyāḥ..., „явившійся намъ, какъ таковой, столь
 близко (ставшій, сдѣлавшійся для насъ таковымъ) столь близко,—
nediśham—превосх. ст. нарѣчія), — приноси, о Агни, одинаково—
 благой съ (другими) богами, съ благоволеніемъ великия богатства“.
 Здѣсь имѣемъ составное сказуемое изъ 1) эпеменат. псевдосязки
ā-bhara—приноси, 2) предикативного аттрибута, указанного или замѣ-
 щеннаго мѣстоименіемъ *sa*, при которомъ стоитъ причастная знаме-
 нательная связка *dadrçāna-s* (причастіе перфекта) и 3) другаго пред-
 икативного атtribута—прилагаемаго *sacanās*. Сочетаніе *sa dadrçāna-s*
 съ примыкающимъ къ нему нарѣчіемъ *nediśham* значить: „явившійся
 намъ столь близко, какъ таковой“, а какой именно, то-есть, какія
 черты при этомъ имѣются въ виду,—это, смотря по обстоятельствамъ,
 при которыхъ стихъ пропозисился, могло быть подсказано, напримѣръ,
 предыдущими стихами, или же могло почерпаться изъ запаса общеп-
 звѣстныхъ аттрибутовъ Агни ¹⁾.

¹⁾ Объясненіе Саяны представляется мнѣ искусственнымъ: онъ вставляетъ *vedyāt*—на алтарѣ и, понимая *dadrçāna-s* въ страдат. значеніи (тѣдѣ возможно, но отнюдь не обязательнѣо), комментируетъ: *āyatāsāmīre diptatvena dṛṣyamāna*—„чревычайно близко видимый по причинѣ свѣтозарности (или яркости пыланія)“.

Теперь обратимся къ соответственнымъ греческимъ формамъ у Гомера.

Сочетаніе причастій перфекта съ отвлеченной связкою, если не ошибаюсь, приблизительно такъ же рѣдко у Гомера, какъ и въ Ригь-Ведѣ,—въ особенности если исключимъ тѣ случаи, где причастіе перфекта имѣть страдательное значеніе (что мы дѣлали выше—въ отношеніи санскритскихъ формъ: изученіе пассивной конструкціи будетъ предметомъ одного изъ дальнѣйшихъ этюдовъ). Насъ интересуетъ здѣсь причастіе перфекта въ его активномъ и медіальномъ значеніи. Сюда относятся:

II. V, 873: *αἰεὶ τοι ῥίγιστα θεοὶ τετληότες εἴμεν ἀλλήλων ἴστητ...*

II. VI, 488: конструкція *Acc.c.inf*, изъ которой, какъ известно, можно постулировать сказуемое съ личною формой глагола, при чёмъ причастіе превратится во второй именительный: *μόρφαν δ' οὐ τινά φῆμι πεφυγμένου ἔμμεναι ἀνδρῶν.*

II. XIII, 269 (тоже): *οὐδὲ ἐμέ φῆμι λελασμένου ἔμμεναι ἀλκῆς...*

II. XXIII, 343 (съ императивнымъ инфинитивомъ): *ἀλλὰ φίλος φρονέων πεφυλαγμένος εἴναι.*

Со связками болѣе или менѣе знаменательными:

II. XXIII, 69:... *αὐτῷρ ἐμέτῳ λελασμένος ἐπλευτὸς Ἀχιλλεῦ.*

II. XXIII, 273: *ἴππης τάδ' ἄεθλα δεδεγμένα κεῖτ' ἐν ἀγῶνι — „лежать ожидающіе“ вмѣсто „суть ожидающіе“.*

Возможность замѣнять отвлеченную связку болѣе или менѣе знаменательной показываетъ, между прочимъ, что сочетаніе причастія перфекта съ отвлеченной связкою не было такъ называемымъ „описательнымъ временемъ“ въ собственномъ смыслѣ, то-есть, формою, обраzuющею только одинъ моментъ въ сознаніи, но было именно составнымъ сказуемымъ—изъ двухъ моментовъ. Принявъ это, мы отказываемся съ тѣмъ вмѣстѣ считать „описательнымъ временемъ“ и перифразическое будущее (изъ причастія перфекта и отвѣт. связки *ἔσομαι*) и должны признать его такимъ же составнымъ сказуемымъ, какъ и только что приведенные сочетанія причастія перфекта съ другими временами связки *εἰμι*.

Образчиками сочетанія причастія перфекта въ роли аппозиціи съ псевдосвязкою могутъ служить:

II. II, 263—264:... *αὐτὸν δὲ κλαίοντα θοὰς ἐπὶ νῆας ἀφήσω πεπληγὼς ἀγορῆθεν ἀεικέσσαι πληγῆσαι—прогоню, побиша...*

II. XV, 81: *ώς δ' δτ' ἀν αἴτη νέος ἀνέρος, δς τ' ἐπὶ πολλὴν γαῖαν ἐληλουθὼς φρει παυκαλίμησι νοήσῃ „ένδ' εἴην, η ἔνθα“....., ως κραιπνός*

мераю́щая диалекто-пóтица "Нрт. Въ этой фразе насы интересуетъ составное сказуемое изъ знамен. псевдосвязки чoήση и appозициá — причастія перфекта ἐλθόνθως: „(человéкъ) который, исходиаъ большое пространство земли, соображаетъ (перебираетъ) въ умѣ....”.

II. XIV, 476—477: Ἐνθ' Ἀχάμας Πρόμαχον Βοιώτου обтасε δονρὶ ἀμφὶ κατηγήτη φεβάσως... ранилъ... копьемъ, вступивши за брата".

II. XXII, 1—2: ὃς οἱ μὲν κατὰ ἄπο ταφούστας ἡύτε νερῷοι ἴδρω ἀκεψύχοντο πίον τ' ἀκέοντό τε δίφαν — спасши (прибѣжалъ) въ городъ, прохаждали потъ, пили и утолили жажду.

Od. XIV, 30: οἱ μὲν (χύνες) κεκληγύθτες ἐπέδραμον—залаявъ бросились.

Аппозитивный характеръ причастій перфекта въ этихъ фразахъ легко обнаруживается между прочими въ томъ, что въ переводѣ они легко поддаются замѣнѣ личною формой глагола: побью и прогоню,— исходиаъ большое пространство и думаетъ..., вступила за брата и ранилъ...—прибѣжали въ городъ и охлаждали потъ...—залаили и бросились... Это собственно другое сказуемое, только выраженное по личною формой перфекта, а его причастіемъ, въ чёмъ еще чувствуется тѣль былой предикативной самостоятельности этого причастія.

Сочетаніе предикативно-атtributivное можетъ быть представлено слѣдующими примерами:

II. XXIII, 281—232: Πηλείδης δ' ἀπὸ πυρκαιῆς ἐτέρφως λιαζεῖς κλίνθη κεκρηφός... прислонился (легъ) усталый.

II. XXII, 138: Πηλείδης δ' ἐπόροος ποσὶ κρατηοῖσι πεποιθός—бросился (устремился), полагаись на быстроту своихъ ногъ.—„Быстро ногъ“, какъ известно, одна изъ главныхъ „достоинствъ“ въ характерныхъ черть Ахилла.

II. XXI, 254: τῷ εἰχός ἡξεν—ему (соколу) подобныи онъ (Ахилль) устремился...

II. X, 339: Βῆ φ' ἀν' ὁδὸν μεμάθως—пошелъ стремительно (стремительный, но не прилагательное, а причастіе perfecti prae., близкое по значению къ прилагательному).

II. XIII, 182: Τεῦχρος δ' φρηήθη μεμάθως ἀπὸ τεύχεα δῆσαι. Здѣсь мераю́щая остается предикативнымъ attributомъ даже и въ томъ случаѣ, если отъ него зависить инфинитивъ ἀπὸ-δῆσαι (который можно, и, кажется, лучше, отнести къ φρηήθη, какъ ἀφαρτέσαι въ ст. 189 той же пѣсни): бросился движимый желаніемъ снять доспѣхи (съ убитаго). Аппозитивное пониманіе („страстно пожелалъ снять доспѣхи и бросился...“) не шло бы къ характеру изображенія сцены: этотъ ха-

рактеръ (художественный) требуетъ образа, въ основѣ которого лежало бы синтактическое сочетаніе, предполагающее вопросъ: бросился—какой, въ какомъ видѣ, какъ? (отвѣтъ: движимый желаніемъ,—съ страстнымъ желаніемъ; наконецъ можно и здѣсь перевести *μερσός*—стремительный, стремительно, какъ въ предшествующемъ прямѣрѣ). Вопросъ же: что сдѣлалъ или почувствовалъ, прежде чѣмъ бросился?—не идетъ къ дѣлу.

II. XIII, 297: *Βῆ δὲ (Μητρίοντς) μετ' Ἰδομενῆ μέγα πτολέμῳ μετῆλώς*—пошелъ вслѣдъ за Идоменеемъ, сильно озабоченный войною.—Конечно, нельзя разложить: озабочился и пошелъ. Вопросъ здѣсь не—что сдѣлалъ, а—какой? въ какомъ состояніи?

II. XIII, 392—393: *ὅς δ.... κατό τανυσθεὶς βεβρυχώς, κόμος διδραγμένος αἰματούσσος*—лежать—какой?—какъ?—въ какомъ видѣ?—крича, схвативъ пракъ руками.

Od. XIX, 323—324: *οὐδὲ τι ἔργον ἐνθάδ' ἔτι πρήξει μάλα περ κεχωλμένος αἰνῶς*—ничего не подѣлаеть, даже будучи въ сильномъ гнѣвѣ. Вопросъ опять:—какой?

Od. XIX, 445—447: *δ (εὗς) δ' ἀντίος ἐκ ξυλόχοιο, φρίξας εὖ λοφιήν, πτῷ δ' ὄφαλμοῖσι δεδορκώς στῇ ράβτῶν σχέδούεν.*

Особливою атрибутивностью отличается причастіе *εἰδός* (подобно санскритскому *vidvān*); оно, мнѣ кажется, стоитъ уже на границѣ предикативной атрибутивности и непредикативной, какъ, напримѣръ, II. II, 718: *τῶν δὲ Φιλοκτήτης ἤρχεν, τόσων εὖ εἰδός*. II. II, 720: *ἔρεται... ἐμβέβασαν, τάξων εὖ εἰδότες....*

Санскритскимъ оборотамъ съ причастной связкою, выраженною причастіемъ перфекта *babbhūvān* (см. выше, напримѣръ, *vādhīm... tavisō babbhūvān*), отвѣчаетъ, хотя и не вполнѣ, фраза II. XIV, 287—288: *ἡ (ἐλάτη) τότ' ἐν Ἰδῃ μακροτάτη πεφυσία δι' ἡρός; αἰθέρ' ἵκανεν*, где имѣемъ составное сказуемое изъ 1) знаменат. имендо-связки (*ἵκανεν*, взошла, поднялась), 2) предикат. атрибута, выраженного прилагательнымъ (*μακροτάτη*), и 3) причастной связи, выраженной причастіемъ перфекта (*πεφυσία*—выросшая). Разница между санскритскими и греческими сочетаніями этого рода—въ томъ, что греческій глаголь *φύσ* гораздо знаменательнѣе санскритскаго *bhū*, о чёмъ въ своемъ мѣстѣ у насъ уже была рѣчь. Выраженная по-санскритски (съ причастіемъ *babbhūvāsi*), наша фраза значила бы: „ель, *αἴναντιλ* очень высокою, поднялась...“, между тѣмъ какъ по-гречески она значитъ: „ель, *εμροστια* очень высокою...“. Къ чему сводится это различие? Къ способу проявленія въ мысли момента причастной связи?

Выраженная санскритскимъ *bañhūvusī*, она полузнаменательна; выраженная греческимъ *τέφροις*, она вполнѣ знаменательна, не переставая, однако, быть связкою, то-есть, она, при участіи своего—конкретнаго—лексического значения („рости“), предизвѣряетъ лексическое значение второго именительного (прилаг. *μάχροτάτη*), которое могло быть предизвѣрено и другою связкою, съ другимъ лексическимъ значеніемъ.

Изъ сличенія разсмотрѣнныхъ здѣсь сочетаній въ Ригѣ-Ведѣ и у Гомера можно заключить о существованіи такого оборота съ его разновидностями въ эпоху прозтическую.

II. Сочетаніе съ причастіями аористовъ.

Въ противоположность греческому, санскритъ далеко не богатъ причастіями аористовъ. Они встрѣчаются въ сравнительно-небольшомъ числѣ только въ ведийскомъ санскритѣ. На нижеслѣдующихъ страницахъ мы дадимъ обзоръ почти всѣхъ причастій аористовъ въ Ригѣ-Ведѣ. Любопытно, что подавляющее большинство этихъ формъ составляютъ причастія несигматического аориста *medii* (*ātmaneradām*) которыхъ можно насчитать 20-ть съ лишнимъ, между тѣмъ какъ активныхъ (*parasmaipadām*) причастій несигматического аориста найдется всего 4 или 5, сигматическихъ же только три.—Въ нашемъ обзорѣ мы будемъ стараться между прочимъ уяснить себѣ, были ли это причастія аориста не только формально (морфологически), но и семазиологически, то-есть, имѣли ли они значеніе „совершенного“ вида того или другого оттѣнка въ согласіи съ видовыми значеніемъ личныхъ формъ аористовъ (недавно изслѣдованнымъ Дельбрюкомъ, *Grundriss der vergleich. Gramm.* Brugmann's, B. IV, Syntax, II, 74—109).

Причастія несигматической аориста *medii*.

1, 2, *sam-āraṇa*—отъ *ar* съ част. *sam*—въ значеніи *встрѣчаться* (аор. *arta*, *āṛta*, *āṛat* и др.; част. *īyāgmi*, *īpomī*, *īnavati*) и *śubhāṇā*—отъ *śubh-*—*сіять, блестать* (аор. удвоен. *aśīśubhān*; част. *śumbhati*)—въ ст. I, 165, 8 *имѣть, какъ мнѣ кажется, замѣтное „аористическое“ (то-есть, „совершенного“ вида) значеніе, первое (*samarāpa*)—значить *встрѣтившійся съ, столкнувшійся (на пути) съ, сошедшійся съ*, а второе (*śubhāṇā*)—можно перевести прилагательнымъ „свѣтлый“ въ смыслѣ „ставшій свѣтымъ“, „возсиявшій“, то-есть, это аористическое причастіе, употребленное такъ, что его можно перевести*

прилагательными сопутствующими. Стихъ гласить: *kútaś tvám indra māhi-paḥ sān̄ éko yāsi..... | sám prchase samarāṇaḥ cūbhāṇaḥ vocés tān̄ po.... yát te asmē—*, откуда ты, о Индра, будучи столь великимъ, шествуешь одинъ?.... Ты собесѣдуешь сошедшись (встрѣтившись) со сопутствующими, —скажи намъ, чтоб тебѣ (нужно) у (отъ) насы“. Это говорять Маруты, которыхъ встрѣчу и бесѣду съ Индрою воспроизводить гимнъ I, 165. Фраза съ нашими причастиями аориста образуетъ составное сказуемое, гдѣ глаголь *sam-prchase* (собесѣдуешь) есть знаменательная исходосказка, а причастіе аор. *sam-arāṇa-s* (встрѣтившійся, сошедшийся) есть *аппозиція*, при чмъ это причастіе ясно выступаетъ въ значеніи „совершенного“ вида. Другое причастіе аориста, *cūbhāṇaɪs* (со свѣтыми), служить дополненіемъ (если оно замѣна имени Марутовъ) или опредѣленіемъ къ подразумѣваемому *marudhbhis* (съ Марутами), и относится (прямо или черезъ посредство *marudhbhis*) къ обѣмъ частямъ сказуемаго, глаголу и причастію. Это послѣднее обстоятельство (явленіе весьма обычное въ языкѣ вѣдийскихъ гимновъ) служить между прочимъ указаниемъ на компактность составного сказуемаго, еще очень далекаго отъ того состоянія, когда обнаруживаются первые признаки его распаденія. Обратимъ вниманіе на то, что глаголь и причастіе одинаково снабжены частицей *sam*, отъ которой и зависятъ инструментальный падежъ дополненія *cūbhāṇaɪs*. Эта частица и дополненіе, относящееся къ цѣлому „*sam-prchase sam-arāṇa-s*“, яснѣ, отчетливѣе выдѣляютъ это сочетаніе, какъ синтаксическую единицу, только не простую, не однородную, а сложную—изъ двухъ моментовъ, изъ которыхъ одинъ, глаголь, именно въ силу этой компактности, этой цѣльности сочетанія, и проявляется въ сознаніи въ роли *формальной связки*,—при всей фиктивности этой роли, при всей своей знаменательности, какъ самостоятельной части сказуемаго, предваряющей прежде всего свое собственное лексическое значеніе.—Аппозитивный характеръ и также „аористическое“ значение причастія, образующаго второй моментъ составного сказуемаго, достаточно ясны изъ контекста (фразу можно разложить на „встрѣтился и собесѣдуешь“). Что касается „аористического“ значенія другаго причастія—*cūbhāṇaɪs*, то оно, какъ мнѣ кажется, можетъ быть установлено справкою со стихомъ первымъ того же гимна, гдѣ читаемъ: *káyā cūbhā... marútaḥ sám titikṣuḥ* (вопрошаетъ Индра)—„какимъ блескомъ Маруты воссіли?“—Здѣсь имѣемъ: 1) существительное *cūbh*—блескъ, сияніе—отъ того же корня, чтоб и въ глаголѣ *cūbh*, отъ коего въ ст. 3-мъ наше причастіе аор. *cūbhāṇaɪs*,

и 2) *перфекта sam-mimikṣur* (отъ *juakṣ*—сиять). Итакъ, Индра во-прошаєтъ: какимъ блескомъ Маруты возвілятъ? И вотъ, въ стихѣ 8-мъ, эти Маруты, въ свою очередь, величаютъ себя *śabdāṇīṣ-s*—возвільши, пріобрѣтшими блескъ,—„свѣтлыми“.

3) *juṣāṇa*—отъ *juṣ*—вкусать, пробовать, находить вкусъ, удовольствие въ чёмъ, любить (аор. *ajusṭan*; настоящее *conj. juṣāte, imperat. joṣa*)—часто встречается въ соединеніи съ дополненіями, обозначающими жертвенные дары, напитокъ Сомы, молитвы, гимны, и легко переводится „вкусивъ (вкусившій)“, „найдя удовольствие въ ...“, напримѣръ, III, 32, 5: *manuṣvád indra sávalam juṣāṇāḥ pībā sómatam...* „по примѣру людей, о Индра, *вкусивъ* возліяніе (или: найдя вкусъ въ (нашемъ) возліяніи), пей Сому“. Фразу эту можно понимать двояко: 1) причастіе аор. *juṣāṇa-s* есть аппозиція и значить „если ты (такъ какъ ты) нашелъ удовольствие въ ...“, то-есть, „если тебѣ понравилось (наше возліяніе, — собственное изготавленіе, выжманіе напитка Сомы)“; 2) причастіе *juṣāṇa-s* есть предикат. атрибутъ и значить: „ты, который *возлюбилъ* (которому понравилось) *возліяніе*.— IV, 58, 8 *ghṛtásya dhārāḥ sawídho pasanta tā juṣāṇo haryati jätávedāḥ*—„струи *ghṛta* (растопленного масла, которое лили на священный огонь) сочетались съ дровами (лучинами); *вкусивъ* ихъ, радуется (доволенъ) Джатаведасъ (Агни)“; очень возможно, что здесь сочетаніе *juṣāṇo haryati* („вкусившій радуется“) значитъ: „радуется, что *вкусилъ*“—по образчику „сожалѣніе отславъ“—пожалѣль, что отослали (Потебія, „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, 152).— VII, 24, 4: á по uṣṭavabbir útibhiḥ sajōṣa bráhma juṣāṇo.... yāḥi... „пріди къ намъ, вмѣстѣ со всѣми вспомоществованіями, *вкусивъ* (нашу) молитву“. Индра (къ которому обращены стихы) сперва долженъ „вкусить“ молитву людей,—а потомъ ужъ онъ прідеть: „молитва“ заставитъ его прійти. — Причастіе *juṣāṇā*—употребляется и безъ дополненія, напримѣръ, I, 135, 2: *yāḥu aṣṭayúr juṣāṇo yāḥu aṣṭayūḥ*—„пріди преданный намъ, *возлюбивший*, пріди преданный намъ“. Здѣсь термины *aṣṭayu-s* и *juṣāṇa-s* суть вторые именительные и служатъ предикативными атрибутами (пріди—какой, какимъ?) при знаменательной связкѣ *yāḥi* („пріди“ вмѣсто „будь“). Нелишне отмѣтить слѣдующую подробность. Собственно говоря, глаголъ *yāḥi* (если взять нашу фразу не отдельно, а въ контекстѣ съ предшествующими и послѣдующими стихами гимна) долженъ быть понимаемъ здѣсь, какъ *псевдосязака*: онъ предицируетъ свое собственное лексическое значение, — подобно глаголу *ira-yāḥi* въ первомъ и

третьемъ стихѣ; да и весь гимнъ, можно сказать, построенъ на обращеніи къ Vāu (отдѣльно) и къ Идрѣ и Vāu (вмѣстѣ) съ воз-
званіемъ: прійди (прійдите) къ нашему жертвенному пиршеству. Но
въ нашемъ стихѣ, гдѣ, въ силу налачности второго именительного
(причастія), глаголъ *uāhī* принимаетъ на себя обязанность формаль-
ной связки, онъ, при всемъ своемъ самоопредѣлѣваніи, невольно и
иззаѣтно превращается изъ псевдосвязки въ настоящую знамена-
тельную связку—по той простой причинѣ, что онъ, по своему лек-
сическому значенію, принадлежитъ къ тѣмъ глаголамъ, которые искони
служили связками (*sag*, *i*, *uā* и др.— „ходить, идти, шествовать“ и
пр.). Здѣсь можно усматривать дѣйствіе безсознательного сужденія,
которое, еслибы дошло до сознанія, разложилось бы такъ: *uāhī* пре-
дицируетъ свое собственное лексическое значеніе и есть псевдо-
связка; но это лексическое значеніе сплошь и рядомъ утилизируется
для выраженія настоящей знаменательной связки („прійди“ вмѣсто
„будь“); а потому и здѣсь глаголъ *uāhī* ощущается, какъ подлинная,
а не только формальная, связка.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ контекстъ позволяетъ (а иногда и тре-
буетъ) понимать причастіе *juśāna*—въ значеніи совершенного вида.

4, 5) *dṛçānā*, *dṛçāna*—отъ *dṛç*—смотретьъ, видѣть (аор. *dṛçam*; темы настоящаго нѣтъ) и *ruśānā*—отъ *ruś*—сіять, свѣтить (аор. удвоенный *agīruśat*; настоящее *gosate*) въ ст. X, 45, 8: *dṛçānō*
rukta *urvīyā* *tu adyaud* *durmargṣam* *śućī* *çrīyē* *ruśānāḥ*—усмотрѣн-
ный (явившійся, выглядящій) какъ золото, (Агни) широко свѣтиль,
возсиявшій непреходящему (?) жизненною силой къ (вящшему) вели-
чию¹⁾. — Здѣсь составное сказуемое изъ 1) знамен. псевдосвязки
tu adyaud—свѣтиль, 2) предикативного атрибута, выраженного со-
четаніемъ существительного *rukta*-s (золото) съ знаменательной при-
частной связкою *dṛçāna*-s (совершенно аналогично той, которая въ
вышеразсмотрѣнныхъ стихахъ IV, 17, 17 и I, 127, 11 выражена при-
частіемъ перфекта отъ того же глагола — *dadṛçāna*-), и 3) другаго
предикативного атрибута, представленнаго причастіемъ аор. *ruśānā*-s
съ двумя дополненіями.—I, 92, 12.... (*uśas*) *āśivati* *daivyāni* *uratañi*
āśuryasya *ceti* *gaśmībhīr* *dṛçānā*—, не нарушая (проч. наст.—аппози-
ція: Саина — *kīm kurvati* — что дѣлай?) божественныхъ законовъ,
Ушась (Зоря) стала видна *neigashamsa* (обнажившаяся) (вмѣстѣ) съ

¹⁾ По Сайнѣ, *durmargṣam* здѣсь нарѣчіе въ значеніи „неодолимо“ (*durabhibhavam*).

лучами солнца"⁴. — Можно перевести и такъ (ближе къ толкованию Саяны); „.... была узана (объявила, *ceti*) *усмотренная* (вмѣстѣ) съ лучами солнца". Саяна¹) передаетъ медіальное причастіе аор. *dṛçānā* черезъ причастіе *страдательное* настоящаго съ присоединеніемъ къ нему причастія настоящаго отвлеченої связки (*az*, — „усматриваемая сущая"). Пассивное значеніе, конечно, возможно въ данномъ случаѣ (но далеко не обязательное). Что же касается передачи этого причастія аориста причастіемъ (страдательного) *настоящаго времени*, то это отнюдь не уводчомочиваетъ насъ въ самоѣ дѣлѣ отожествлять по значенію форму *dṛçāna*—съ причастіемъ настоящаго, ибо извѣстно, съ какимъ произволомъ замѣнилъ Салпа одни времена другими, и не только въ причастіяхъ, но и въ формахъ *verbū finiti*. Въ нашемъ стихѣ вполнѣ возможно понимать *dṛçānā*, какъ причастіе совершенного вида.

6) *riçānā*—отъ *riç*—1) нарѣзывать, дѣлать рѣзьбу; 2) украшать вообще (настоящее *riçatāli*). Не вижу надобности отказывать этой форме въ аористическомъ значеніи—потому только, что въ единственномъ мѣстѣ, где ее находимъ, контекстъ позволяетъ переводить ее и причастіемъ настоящаго. VII, 57, 3: á rōdasI viçvarīçāḥ *riçānāḥ* sa-mānām anju āñjate (*marutāḥ*) çubhē kām—разукрасивъ (причастіе) два мира (небо и землю), обладатели всѣхъ украшеній, Маруты умащаютъ обиціемъ (одинаковымъ) умащениемъ (или нарѣжаются въ одинаковый блескъ) для (плещшаго) синія (или: для красы)⁴. Ludwig: die beiden welten schmückend, sie die allen schmuck haben, machen sie gemeinsam sich glänzend zur schönheit. Саяна, который, какъ сказано, не соблюдаетъ различія временъ, комментируетъ (*á*)*riçānāḥ* причастіемъ *настоящаго prakāçayantaḥ*—„озаряющіе". Смыслъ стиха таковъ (принимая въ соображеніе и первую его половину): „не такъ (блещутъ) другіе (боги), какъ поть эти Маруты блещутъ золотыми украшеніями, оружіемъ и сами собою (своими тѣлами): вѣдь это они разукрасили оба мира и сами, обладатели всѣхъ украшеній, умащаютъ себѣ и т. д."⁴. Въ подлинникѣ имѣемъ составное сказуемое изъ исходосвязки (*āñjate*) и сочетанія *viçvarīçāḥ* á—*riçānāḥ*, образующаго, какъ бы особое цѣлое, составленное изъ предикативного атрибута *viçvarīças* (имя, существительное и прилагательное, съ причастнымъ характеромъ и собственною предикативностью) и аппозиціи—

¹⁾ *Saivosāḥ sūryasya raçmibhiḥ kiranaibh dṛçānā dṛçyamānā sati ceti* (*prajñā-tāsit*).

причастіє аор. á-*ričānās*.—Моментомъ, связующимъ эти два термина въ одно пѣсое, служить то, что они произведены отъ одного и того же корня (*rič*) и реторически-преднамѣренно сопоставлены во фразѣ¹⁾.

7) *rgcānā*—отъ *rgac*—наполнять, смѣшивать съ (о жидкостяхъ), надѣлять, одарять (тема настоящаго *rgcakti*; причастіе настоящаго *rgcāna-*). Въ единственномъ иѣстѣ, гдѣ находимъ эту форму, контекстъ позволяетъ переводить ее и какъ причастіе аориста, и какъ причастіе настоящаго. Не вижу надобности предпочитать послѣднее (для которого имѣется форма *rgcāna*) и переведу IX, 97, 11: *ádha dhárayā mādhvā rgcānā tigb góta pavate ádrídugdhaḥ...* „вотъ наполнившися (налившійся, въ смыслѣ изобилующій жидкостью, сочный) струю—медомъ“²⁾, черезъ волосы (собирательно, въ смыслѣ „черезъ волосы“ (изъ хвоста овцы), изъ которыхъ дѣлали цѣллю для процѣживанія жидкости Сомы; но принимается и форма множественнаго средняго рода—гота) течеть выдоенный камнями (Сома,—растеніе, изъ стеблей коего выдавливается сокъ посредствомъ каменныхъ прессовъ“). Кстати замѣтить, что во второй половинѣ стиха (продолженіе той же фразы) стоитъ другое причастіе аориста, уже знакомое намъ *jusāṇa-s*: *Indur Indrasya sakhyáṁ jusāṇaḥ...* „Инду (Сома) вкусили (возлюбившій) дружбу Индры...“. Первое причастіе, *rgcāna-s*, можно принять за аппозицію: наполнившись (налившись) сокомъ, то есть, превратившись въ жидкость (послѣ прессовки), онъ течетъ... Второе, *jusāṇa-s*, скорѣе предикативный атрибутъ. Напитокъ Сомы приготовляютъ главнымъ образомъ для Индры, Сома—другъ и союзникъ Индры, и квалификація „возлюбившій дружбу Индры“ характеризуетъ Сому вообще, не имѣя отношенія къ самой процедурѣ выжиманія и процѣживанія, о которой идетъ рѣчь въ стихѣ. Можно перифразировать, оттѣня предикативную атрибутивность второго причастія, такъ: „налившись (ожадуй, излившися) жидкостью, онъ течетъ, выдоенный камнями, черезъ волосы,—онъ, который (какъ известно) возлюбилъ дружбу Индры...“ — Аористическое значеніе причастія *rgcāna* — можно еще оттѣнить противопоставленіемъ ему

¹⁾ Я перевелъ *tiṣṭaričaḥ*, согласно Сазай и Людвигу, какъ *bahuvrīhi*. Но весьма возможно, съдя по Грассману (*Wörterb.* 8. v.), принять это сложное за *tatpurvara* и перевести „всеукрашающіе“. Въ такомъ случаѣ наше сочетаніе *tiṣṭariča á-ričānāḥ* будетъ родъ *év-ádā-boōt*: „всеукрашающіе—украсившіе“.

²⁾ Мади—медъ и опьяняющій напитокъ — обозначаетъ священный напитокъ Сомы, его „амброзію“, или „эссенцію“, въ немъ заключенную. Конструкція паратактическая: струю—медомъ вмѣсто струю меда.

причастія настоящего (отъ того же глагола) *sam-pr̄cānā-*, которое находимъ въ ст. I, 95, 8, где оно значитъ „соединяющійся съ“ („когда онъ, Агні, соединяется съ молокомъ и водою“,—причастіе настоящего вмѣсто *verb. fin.*), и здесь контекстъ прямо указываетъ па настоящее время (или *несовершенный видъ*) причастія, чего не дѣлаетъ контекстъ только-что разобранныго стиха IX, 97, 11. На основаніи этихъ данныхъ, я думаю, что напрасно Дельбрюкъ отказывается различать эти двѣ формы (*pr̄cāna-* и *pr̄scāna-*) съ точки зре-нія времени и вида (Altind. Synt., 381, § 214).

8) *budhānā* — отъ *budh* — знать; бодрствовать (соответственныя формы *verbi finiti*—*budhanta*, *abudhant* и др. могутъ считаться аористами; обычна тема наст. *bodha-ti*). IV, 51, 8:*rtásya devīh sá-daso budhānāḥ ...usáso jarante*— „....пробудившись (аппозиція, причастіе аориста въ значеніи совершенного вида) изъ обители *rta* (миропорядка, космоса) богини... Збры покутъ“. — Въ ст. VII, 68, 7 *budhānā-s* еще яснѣе выступаетъ въ аористическомъ значеніи: „этотъ пѣвецъ поетъ гимны, проснувшись (аппозиція, причастіе аориста) въ началѣ Зорь....“.

9) *bhiyānā* — отъ *bhi* — бояться, страшиться. Самъ Дельбрюкъ отмѣтаетъ (Altind. Synt. § 214) ясное семазиологическое отличіе этого причастія отъ прич. наст. *bháyashāna-*, сопоставляя стихи VI, 9, 7 — *víche devā anamasyan bhiyānás tvām agne tāmasi tashiválpasam* — alle Götter verehrten dich, o Agni, in Furcht gesetzt, als du im Dunkel dastandest — и II, 29, 6: — á vo hárði bháyatāno vyayeyam — an euer Herz möchte ich mich schmiegen voll Furcht (in furchtsamer Stimmung). *Bhiyānā-s* стиха VI, 9, 7 можетъ быть понято, какъ аппозиція (разлагаемая на: послѣ того какъ они испугались, потому что испугались); *bháyashāna-s* стиха II, 29, 6 есть предикативный атtributъ, который можно скать въ обстоятельство: „въ страхѣ“ (стихъ уже былъ цитированъ нами въ гл. II).

10) *idhānā* — отъ *idh* — зажигать (тема наст. по VII классу *inadh-, indh-*; причастіе наст. *indhānā-*), — съ частицою *sam* весьма употреби-тельная форма (болѣе 30 разъ) въ выраженіяхъ, относящихся къ возжиганію священнаго огня. Дельбрюкъ рѣшительно настаиваетъ на аористическомъ значеніи этой формы:—Dieses Particípium (говорить онъ, Altind. Synt., стр. 381) wird (mit Ausnahme von I, 143, 7, IV, 12, 2, V, 14, 1) neutral oder passivisch gebraucht und heisst: zum Flammen gekommen (соверш. видъ), z. B. VII, 67, 2: ácocy agnsh̄ samidhānō astmē— „Agnī ist erschienen, von (bei) uns zum Flammen

gebracht“, so dass samidhāna von sámiddha — kaum verschieden ist.— Для насть интереснѣе медіальное употреблениѳ этой формы въ составномъ сказуемомъ, которое и находимъ въ указанныхъ Дельбрюкомъ стихахъ IV, 12, 2 и V, 14, 1.—IV, 12, 2: idhāmāt yás te jabhāras caçgamañc̄ māhō agne áñkam̄ á saparyān, sá idhānāt práti dośam ušásam púṣyan gauñc̄ sacate ghnánn amitṛān— „(всякій) кто (только) принесъ тебѣ потрудившійся (потрудившись, причастіе перфекта) луцину, поклоняющійся (поклоняясь, почитая, причастіе паст.) лицу великаго, о Агни,—тотъ, *возжетиши* (причастіе аориста) себѣ вечеромъ (и)на-зорѣ, слѣдуетъ (по своему пути, живеть) развивая (причастіе наст.) богатство, убивая (причастіе наст.) враговъ“. Здѣсь, въ первой половинѣ стиха, въ придаточномъ предложениѣ, имѣемъ составное сказуемое—изъ знаменательной псевдосвязки *jabharat* (conj. regf.)— „принесъ“ и двухъ аппозицій: caçgamañca-s (причастіе перфект, „послѣ того какъ онъ потрудился“, приложилъ трудъ) и á-saparyan (причастіе наст., „почитая“); во второй половинѣ, въ главномъ предложениѣ, находимъ составное сказуемое изъ знаменательной или полузнаменательной связки (не фиктивной) *sacate*—слѣдуетъ, шествуетъ впередъ (вмѣсто отвлечепр. *asli*) и а) аппозиціи, выраженной интересующими насть причастіемъ аориста *idhāna-s* въ значеніи „послѣ того какъ онъ возжегъ себѣ“, и б) двухъ предикативныхъ атрибутовъ—*púṣyan* (причастіе наст., съ дополненіемъ *gauñc̄*) и *ghnān* (причастіе наст., съ дополненіемъ *amitṛān*). Всё фраза представляеть собою образецъстройной конструкціи сложного предложениѧ архаического типа съ причастіями разныхъ *качествъ дѣйствія* (видовъ) и въ различной—аппозитивной и предикативно-атtributivной—роли,—съ полузнаменательною связкою и съ псевдосвязкою. Все это собрано въ одной фразѣ, прекрасно расчленено, удачно размѣщено и производить эффектъ своеобразной „красоты“ выраженія, которая для насть, на разстояніи вѣковъ, осложняется еще дѣйствиемъ того мотива, который заставляетъ, напримѣръ, зоолога любоваться хорошо-сохранившимъ экземпляромъ исчезнувшей разновидности, представляющимъ ея таличныя черты. — V, 14, 1: agnít síómena bodhaya samidhānō amartyam— „Агні (вин. ед.) гимномъ пробуждай. *возжетиши* себѣ бессмертнаго“ (псевдосвязка — *bodhaya*; причастіе аориста *samidhāna-s* въ роли, вѣроятно, анпозиціи: зажги, воспламеніи—и пробуждай....).

11) *manāpá*— отъ *man*—думать, чувствовать — (причастіе наст. *manváná* — отъ темы VIII класса *tapi-*; другая форма, отъ темы

тана- 1-го класса, *тáнатáна-*, въ Ригь-Ведѣ не встречается). VI, 67, 10: *ví yád vásam kistáso bhárante cámanti ké cír nívídó tana-náh* — „когда пѣвцы раздѣляютъ рѣчь (пѣснь, поютъ не цѣлые гимны а только ихъ части, напримѣръ, начальные стихи или отдѣльные изречения, обращенія къ тому или другому божеству, чтобъ и называлось *nivid*), иѣкоторые (пѣвцы) декламируютъ (изрекаютъ, поютъ) „нивиды“ (отдѣльные изреченія), затвердилъ (ихъ)...“. — Причастіе *tanánás*, переданное именемъ дѣепричастіемъ *затвердилъ* (запомнивъ, выучивъ), принадлежитъ къ числу тѣхъ, весьма нерѣдкихъ, выражений въ Ригь-Ведѣ, которыхъ допускаютъ различныя толкованія, въ точный смыслъ которыхъ весьма трудно установить. Слѣдуетъ передать его черезъ *agnyádin stuvantas* — „прославляющіе (гимнами) Агни и прочихъ (боговъ)“. Гроссманъ (Wörterb., s. v. *tan*) переводить *andächtig*¹⁾ или *betend*; Людвигъ — *beabsichtigend*: wenn die Sänger die Stimme erheben, irgend welche sprechen eine nivid beabsichtigend. Мне казалось бы, что въ данномъ случаѣ нужно обратить вниманіе на вторую половину стиха, а засимъ привлечь къ дѣлу стихъ X, 68, 7, где находимъ *verbum fin.* того же аориста (отъ *tan*). Вторая половина стиха VI, 67, 10 явно противопоставлена первой. Весь стихъ гласить: „когда пѣвцы раздѣляютъ пѣснь, то иныхъ произносятъ нивиды, которые они заучили, — но мы будемъ *пять* (произносять) вами (Митрѣ и Варунѣ) *подлинные* (настоящіе, истинные) гимны (а не однѣ только выдержки оттуда, нивиды)....“ (*ád vám bra-váma satyánu ukthá...*). Очевидно, *tanánás*, при такомъ противопоставленіи, должно заключать въ себѣ оттенокъ иѣкотораго осужденія, порицанія или пренебрежительности. Мне кажется, этотъ оттенокъ сводится къ мысли, что „иѣкоторые“ думаютъ угодить Митрѣ и Варунѣ одними нивидами, — думаютъ отдѣляться тѣмъ, что затвердили краткія обращенія, отрывочные фразы изъ гимновъ и преподносятъ ихъ этимъ великимъ богамъ вмѣсто цѣлаго гимна. Обращаясь теперь къ стиху X, 68, 7, мы находимъ тамъ аористъ *á-ta-ta* (тотъ самый и притомъ въ *medíum*, отъ коего наше *medíalное* причастіе *tanána-*) въ значеніи *узналъ, позналъ*: *bíbaspatír ámatá hi tyád ásám páma svagípám...* „Браспати узналъ (Людвигъ: erriet) то имя тѣхъ звучащихъ....“ — Въ стихѣ, нами рассмотрѣнномъ, причастіе *tanánás* можетъ быть понято, смотря по намѣреніямъ говорящаго, и какъ аппозиція, и какъ предикативный атрибутъ.

¹⁾ Такъ и въ С.-Петербургскомъ Словарѣ, где цитируется нашъ стихъ.

12) *yátl̥na-*, *yátl̥ná*—отъ *yat-*—1) соединять, 2) устремлять, побуждать (причастие наст. *yátamana*). III, 8, 9: *hamsá iva ḡreniṣo yátl̥náḥ cíkrá vásánaḥ sváraṇo na ágīḥ*—словно птицы—*hamsa*,— соединившися рядами, облекшися въ свѣтлы (одѣянія, цѣѣта) „свару“ (жертвенныя столбы, представлявшіеся одушевленными и даже обоготворившіеся) явились къ намъ“. Здѣсь составное сказуемое изъ знаменательной псевдоосвязки (*āgig*—пришли, явились) и двухъ предикативныхъ атрибутовъ: *yátl̥ná*—соединившися и *vásána*—облекшися. Это не аппозиція, потому что въ нихъ дано описание „*váraṇas*“, дана ихъ характеристика (какіе они?), подчеркнутая сравненіемъ съ *hamsa*. Изъ двухъ причастій, первое (*yátl̥na*) безспорно принадлежитъ аористу, второе же (*vásána*) можетъ принадлежать и темѣ настоящаго *vas*—(8 sg. *vaste*, 3 pl. *vas-ate*). Но весьма вѣроятно, что и оно здѣсь относится къ аористу: оно параллельно первому, и оба удобнѣе всего переводятся совершеннымъ видомъ.

13) *yodháná*—отъ *yudh-*—сражаться (тема наст. *yudhya-*; аористъ *yudh-*, *yodh-*: *yotsi*, *yodhi* и др.). I, 121, 8: *asíā mahó divá ádo hárí ihá dyumnaśáham abhí yodháná utśam*—„ты стяжалъ съ великаго неба 8 гнѣдыхъ (коней), завоевавъ здѣсь источникъ, обладающій величіемъ (или мощью)“. Какъ видно, изъ второй половины стиха, этотъ источникъ, обладающій мощью, есть напитокъ Сомы. Смыслъ стиха: Индра стяжалъ (пріобрѣлъ) своихъ гнѣдыхъ коней, послѣ того какъ онъ овладѣлъ напиткомъ Сомы (*abhi-yudh-*—завоевывать). Здѣсь составное сказуемое изъ псевдоосвязки (*adas*—взялъ, стяжалъ) и аппозиціи—причастіе аориста *abhí-yodhánas* въ значеніи совершенного вида.

14) *Rúhána*—отъ *rūh-*—подыматься, рости, восходить (тема наст. *roha-ti*, откуда причастіе наст. актив. *róhan*, медіальн. *róhamána*—(не встрѣчающееся въ Р. В.); тема аор. *rúhā-*). I, 32, 8: *nádám ná bhinnám amuá cáyánam shápo rúhánāḥ atí uanty árah*. — Тутъ есть одна неясность, въ силу которой можно даже отвергнуть здѣсь причастіе отъ *rúh-* и принять таковое отъ *rah*, какъ это предложилъ Мишель. Сперва послушаемъ Саяну: *amuámuṣyám prthivýám cayánam patílam trílam vrítram ápo jalány atiyanti atikramya gacchati [tatra dríṣṭántah] bhinnam bahudhá bhinnakülam nadam na sindhum na.... води протекаютъ перешагнувъ чрезъ Вртру лежащую, удавшаго, мертваго, тамъ, на той землѣ. Тутъ сравненіе: словно разорванную, имѣющую разорванные берега рѣку¹⁾.... kidr̥cya árah mano*

¹⁾ Курсивомъ отмѣчены подлинными выражения текста стиха; остальное — объясненія Саяны.

r̥n̥hānāḥ | n̥r̥nām cittam ārobantyāḥ — „какія воды?—въ чувство (душу) людей вступающія“. Это послѣднее выраженіе Саяна поясняетъ тѣмъ, что, когда пѣтъ дождя (плѣненного въ тучахъ Вртрою), то люди страдаютъ; когда же дождь проливается,—они довольны, радуются, удовлетворены. Слѣдовательно, по Саянѣ, мы имѣемъ адѣсь существенное ср. р. *manas* (чувство, душа) и причастіе *rhānāḥ*, какъ раздѣлено и въ текстѣ *pada-pātha*. Такъ же читаетъ и Людвигъ, но понимаетъ иначе: *ibn*, der wie ein zerriszen fluszbett dalag, — *ein herz sich fassend* Uberschreiten die wasser. Наконецъ, Пишель предлагаетъ читать *manor* *ihānāḥ* и (принимая *nada*=*naḍa*—тростникъ, какъ въ ст. I. 179, 4) переводить: über *ibn*, der so dalag, zermalet wie ein Schilfrohr, gehn hinweg die Gewässer zu den Menschen flüssend (*manor* — gen. sg. отъ *manu* — человѣкъ и *ihānāś* — причастіе аор. отъ *vah* — везти, въ мед. двигаться, течь (*Zeitschr. d. D. Morgenl. Gesellsch.* XXXV, 717 и слѣд.). — Но возможна и еще одна комбинація. Можно читать *mano(r)* *ihānāḥ*, то-есть, принимая, по Пишелю, *manor* за родит. е. отъ *manu* — человѣкъ, удержать причастіе *ihānāḥ* и перевести: для человѣка взошедшія“. Весь стихъ я бы перевѣль такъ: „черезъ лежащаго тамъ, словно разломанный тростникъ, (Вртру) протекаютъ воды для человѣка (для людей собирател.) взошедшія“ (на небо, въ тучи, откуда онѣ дождемъ изливаются на землю). Причастіе аор. *ihānāḥ*, при такомъ переводѣ, имѣть ясно-выраженное вористическое значеніе. Оно адѣсь предикат. аттрибути (какія вѣды?—Тѣ, что въ тучахъ, воды небесныя—*divyā* арахъ).

15) *ihānā* — отъ *vah* — везти (то самое, которое въ только что разсмотрѣнномъ стихѣ предположено Пишелемъ; тема вориста а-*vah*—, *vah*—, *ih*—; тема настоящаго *vaha*—, причастіе настоящее *vahatma*—). VIII, 40, 8: *indrāgnuyó ánu vratām ihāna yanti sindhavaḥ....* „по закону (завѣту) Инды и Агни *потекши* движутся рѣкп....“. Такъ (то-есть, *ihānāś* отъ *vah*) Грасеманнъ (*Wörterb.* s. v. *vah*) и Саянъ, который впрочемъ даетъ искусственное и неправдоподобное толкованіе: *ihāna havirvahantaḥ* — „*ihānāḥ* (значить) привозящіе жертвенную пищу“. Иначе Людвигъ: auf Indra's und Agni's weg (gebot) *achlend* wandeln die ströme...., то-есть, онъ читаетъ *ihānāś* (вместо *ihānāś*)—отъ *ih*—внимать, принимать за, считать, полагать, и эту форму придется принять за причастіе перфекта. Я предпочитаю *ihānāś*, такъ какъ эта форма даетъ вполнѣ удовлетворительный смыслъ. Составное сказуемое *ihānā yanti* можно пони-

мать двояко: 1) причастіе *úhānás* есть предикативный аттрибути (а, можетъ быть, и аппозиція) съ дополненіемъ апи *vratam* („потекшія по запѣту“); глаголъ *yanti* (движутся) есть знаменательная связка (не псевдосвязка); сочетаніе близкое къ тавтологичности; 2) сочетаніе апи... *úhānás yanti* — „потекшія шествуютъ (идутъ, текутъ) вслѣдъ за..., слѣдуютъ за...“ образуетъ форму, въ которой глаголъ апи-*yanti* есть *псевдосвязка*, а *úhānás*—предикативный аттрибути, сбывающійся на прилагательное въ значеніи „быстрые“, „стремительные“; въ переводѣ онъ можетъ быть замѣненъ нарѣчіемъ (быстро, стремительно, неукоснительно). Дополненіе *vratam* относится къ цѣлому апи... *úhānás yanti*. Смысь стиха, при такомъ пониманіи, сводится къ слѣдующему: „рѣки (то-есть, страна семи рѣкъ, или живущіе по этимъ рѣкамъ арійцы) неукоснительно слѣдуютъ за режимомъ (культомъ и властью) Индры и Агни“.

16) *vírāna*—оть *vír*—дрожать (тема настоящаго *vera*—). VIII, 6, 29: *átaḥ samudrám udvátaç cikityán áva paçyati | yáto vírāna ejati*— „оттуда, съ высоты, мудрый (зоркій) онъ (Агни—Vaiçvānara) созерцає море, откуда [относится не къ „морю“, а къ „высотѣ“, отвѣчая „оттуда“] воспыхнуло (вспылавъ) движется онъ“. И цитировалъ это мѣсто въ „Ведийскихъ этюдахъ“ („Журналъ Министерства Народною Просвѣщенія“ 1891, № 3, стр. 9); здѣсь, воспроизведя переводъ, предложенный въ указанной статьѣ, я только замѣняю выраженіе „клубясь“, которымъ я тогда перевелъ *vírāna-s*, выраженіемъ „вспыхнувъ“ (вспылавъ). И то, и другое, собственно говоря, условно: *vírāna-s* (оть *vír*—дрожать, трепетать, вибрировать) значить (принимая аористическое значеніе) „начавшій дрожать или вибрировать“, „дрогнувшій“. Дѣло идетъ (по моему взгляду) обѣ особомъ священномъ Огнѣ (Vaiçvānara¹), возженномъ для культа Индры—Viçvacarṣanî на какой-то горѣ, откуда видно море. Въ причастіи *vírāna-s* схваченъ тотъ моментъ, когда этотъ огонь впервые воспыпалъ. Образъ, взятый оть представлія трепетанія, дрожания, вибрированія, вполнѣ пригоденъ для воспроизведенія картины возженаго огня, пламя которого именно въ началѣ процедуры, всыхая, трепещетъ и колеблется.

17) *urāna*—оть *var*—избирать, желать себѣ, стяжать (тема наст. *ugra*—, *ugri*—по IX классу, причастіе настоящее *urāna*—). IX, 109, 9: *induḥ punānah prajāt urānah kārad viçvānt drávīpāni naḥ*—

¹) А не обѣ Индрѣ, или Индрѣ—Солнцѣ, какъ хочетъ Саяна.

„Инду (Сома) очищающійся (процѣджающійся), изобразъ себѣ (насъ своимъ?) чадами, да сдѣлаетъ (даруетъ, доставитъ) памъ всякия (всѣ) богатства“¹). Здѣсь (при такомъ переводаѣ) пиѣмъ составленное сказуемое пзъ псевдосязаки (*karat*—да сдѣлаетъ) и двухъ причастій *ṛvñā-s* (причастіе настоящее) въ роли предикативного атрибута и *urāna-s* (причастіе аор.) въ роли аппозиціи (хотя можно понимать его и какъ предк. атрибута) и въ значеніи совершенного вида.

18) *srjāna*—оть *saŋj*—изливать, выпускать, освобождать (тема настоящего *srja*—*ti*, откуда причастіе наст. *srjamāna*—, въ Р. В. не встрѣчающіеся). VII, 38, 2: *śd u tīṣṭha savitāḥ ḡrudhi... tu īrvīt pṛlhīvīm aṁātiḥ srjāna ā pībhyo marlabhōjanat suvānāḥ*—„восходи (подымайся), о Савитарь, услышь...., широкій, пространный блескъ (свѣты) излишній, людямъ воздвигающій (творящій, — относится къ подлежащему, Савитару) человѣческое пропитаніе“. Савитарь созидастъ (даруетъ) людямъ ихъ пропитаніе тѣмъ (въ силу того), что онъ излилъ свой свѣтъ, свое животворяще тепло на землю. Здѣсь составное сказуемое изъ двухъ псевдосязакъ (восходи и услышь) и двухъ причастій, не стоящихъ, однако, какъ я думаю, на одномъ уровне: одно, причастіе наст. *ā*—*suvānā-s*, является въ роли предикативного атрибута (эпитеты и дѣянія Савитара обыкновенно выражаются именными и глагольными образованіями отъ корня *śv*— возбуждать, оживлять, животворить, откуда и самое имя *Savitar*— возбудитель); другое причастіе аор. *srjāna-s*, служитъ аппозицію и ближайшимъ образомъ подчинено первому причастію: оживляющій (дарующій) пропитаніе людямъ, излилъ свой (животворный) свѣтъ, то-есть, потому что (послѣ того какъ) онъ излилъ свой свѣтъ.

Въ большинствѣ другихъ случаевъ причастія *urāna* и *srjāna* — употреблены въ пассивномъ значеніи (первое—избранный, второе— пророчітый, излитый, созданный).

Ограничусь приведенными образчиками сочетаний съ причастіями неспецифического аориста *medit* (*ātmāne padam*).

Мы насчитали 18 формъ этого причастія, но это число могло бы быть несолько увеличено, въ особенности если отнести къ аористу некоторые пограничныя формы, колеблющіяся между темою настоя-

¹) Ludwig переводїлъ *prajāt urāna-s* значе: *nachwuchs verlangend*. Слана ставить *prajāt* параллельно *viçvāni dravīnāpi* (это возможно). Но за то *urāna-s* онъ объясняетъ, цитируя Иису, совсѣмъ неправдоподобно: *uṇi kurvāṇaḥ=babu kurvāṇaḥ* — дѣлающій многочисленныхъ.

щаго и темою аориста. Но во всякомъ случаѣ, сравнительно съ весьма большимъ количествомъ и разнообразiemъ формъ *verbū finiti* аориста, это число причастій, при всемъ возможномъ увеличеніи его, представляется незначительнымъ. Еще незначительнѣе окажется оно при сопоставленіи съ обилиемъ причастій аориста въ греческомъ.

Что же касается *активаизмъ* (*parasmaipadam*) причастій аориста простаго и причастій *сизматическою*, то ихъ число ужъ совсѣмъ ничтожно. Первыхъ можно насчитать всего какихънибудь четыре примера: *çucant*—(отъ *çuc*—возжигать, свѣтить), *vavṛdhant*—(отъ *vardh*—рости, въ каузальномъ значеніи—усиливать, возвеличивать, давать рость и силу), *çīvant*—(отъ *çīv*—наставлять, поучать), *sthānt*—(отъ *sthā*—стоять, находиться). IV, 2, 17: *çucánto agnīñ vavṛdhānta* īndram ūgvām gāvum parisadanto agman—„.... возжегши Агни, укрѣпивъ (или возвеличивъ) Иандру, привели (благочестивые предка—учредители культа, о коихъ говорится въ первой половинѣ стиха), окружая (осаждая?) стойло коровъ“. При такомъ переводаѣ, это будетъ составное сказуемое изъ псевдосвязки (*agman*—пришли) и трехъ причастій, ихъ комхъ два, причастія аориста *çucantas* и *vavṛdhantas*, суть аппозиція, а третье, причастіе наст. *pariṣadantas*,—предикативный атрибутъ (можно перифразировать: зажгли священный огонь, укрѣпили (или возвеличили) Иандру и привели „осаждающіе“.... Это причастіе того sorta, которое въ новыхъ языкахъ передается инфинитивомъ: привели осаждать. Но возможно и другое пониманіе стиха: примемъ *agman* за знаменательную *связку* (не псевдо-) въ смыслѣ „привели“ вместо „стали, сдѣлались, явились“ (какими?),—тогда причастіе наст. *pariṣadantas* будетъ предикативнымъ атрибутомъ, непосредственно относящимся къ этой связкѣ, и его можно перевести „сидящіе вокругъ“ („они стали сидящими вокругъ стойла“, расположились вокругъ него), причастія же аористовъ, *çucantas* и *vavṛdhantas*, будуть уже стоять на второмъ планѣ, примыкая не къ связкѣ *agman* отдельно, а къ цѣлому *agman pariṣadantas*, и могутъ быть поняты, либо какъ аппозицію (что сдѣлавъ? послѣ того какъ они зажгли и т. д.), либо какъ предикативные атрибуты (какие? зажегшіе и пр.).

Въ ст. 15-мъ того же гимна (IV, 2): adrīñ gujēsha dhanusmat
çucāntah—„да расколемъ (разобъемъ) мы обильную сокровищами скалу, воспламенію (ее? или огонь?)“,—составное сказуемое съ псевдосвязкою и аппозиціею—причаст. аориста.

X, 115, 4: te á gāvāśo uŷudhayo ná satvānám tritām na-

çanta pra çisânta istâye— „твои (о Агни) свѣтло-радостные (гариа, подразумѣвается огни, лучи, можетъ быть, искры) достигали (доходили до, стремились къ) Тритѣ, словно войнолюбивые (войны)—къ герою (ихъ вождю), научившего (его, Триту) жертвоприношенню (?)¹⁾.

Причастій сигматическую аориста, по Дельбрюку, всего два: *dhakṣat* (оть *dah*—жечь, горѣть) и *sakṣat* (оть *sah*—одолѣвать, побѣждать, овладѣвать). Но можно еще указать, вслѣдъ за Грассманномъ, на форму *hāsamāna*— оть *hā*—идти, шагать. VI, 3, 4 ... *dravīg nā dravayatī dāru dhakṣat*— „словно плавильщикъ, онъ (Агни) плавитъ (Саяна: *bhasmasat karoti*—обращаетъ въ пепель) дерево сжегши (его). IV, 12, 1 *sā sū dyumnaś abhy āstu prasākṣat*.... „... толь да побѣждаетъ (береть верхъ) величіемъ (властю), преодолѣвъ (соперниковъ, или, безъ дополненія, „ставь сильнымъ, укрѣпившись“). Причастіе *dhakṣat* находится еще въ II, 4, 7 (*abhi*—*dakṣat*), I, 130, 8 (*dakṣat*) и въ родит. ед. (*dhakṣataḥ*) X, 91, 7. Дельбрюкъ (*Altind. Synt.*, § 214), приводя эти два причастія сигматического аориста, говорить: *bei beiden finde ich eine besondere aoristische Bedeutung nicht*. Мнѣ казалось бы, что, если не во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они встрѣчаются, то, по крайней мѣрѣ, въ двухъ вышеприведенныхъ стихахъ (VI, 3, 4 и IV, 12, 1) вполнѣ возможно понимать ихъ именно въ „аористическомъ“ значеніи. Форма имен. муж. р. на -at (по образцу причастій наст. глаголовъ III кл., какъ *juhvat*, *bibhrat*) представляется странною, если только это причастіе аориста на -sa. Слѣдуетъ принять, какъ это и дѣлаетъ Brugmann (*Grundriss*, § 1099, 6 и 1100, 9), въ данномъ случаѣ образование отъ темы аориста на -s, раздѣляя *dhakṣ-at*²⁾.

Форма *hāsamāna*—находится въ I, 169, 2, гдѣ, повидимому, она образуетъ самостоятельное сказуемое (verb. fin.): ... *marūtām pṛtsutīr hāsamāna*.... „волнство Марутовъ двинулось“....

При современномъ состояніи научного синтаксиса было бы преждевременно углубляться въ изыскавіе причинъ, остановившихъ развитіе причастій аориста въ санскрітѣ ведійскомъ и приведшихъ къ

¹⁾ Слѣдую Сайнѣ, который поясняетъ *isṭāye* перифразомъ *yāgāya*, между тѣмъ какъ Людвигъ, Ротъ (С.-Нб. сл.) и Грассманъ видятъ вдѣсь *isṭis*—(оть *is*)—*Autrieb*, *Aufsuchen*, *Wunsch* и пр.

²⁾ Не принявъ этого во вниманіе, а также упустивъ изъ виду форму *dhakṣat*, я, въ статьѣ „Къ вопросу объ индикативѣ“ (Сборн. *Харістрия*, стр. 208, прим. 2), ошибочно квалифицирую форму *prasākṣat* стиха IV, 12, 1 какъ неясную, и предлагаю полную концептуру.

ихъ исчезновенію въ санскрите классическомъ. Замѣчу только, что вопросъ о судьбѣ причастій не долженъ быть отдѣляемъ отъ вопроса о тѣхъ формахъ *verbis finiti*, къ которымъ данная причастія привадлежать. *Verbum fin.* разныхъ аористовъ въ ведийскомъ санскрите встрѣчается весьма часто; но въ санскрите классическомъ употребленіе аористовъ уже значительно ограничено, и тамъ, для огромнаго большинства глаголовъ, аористъ, какъ простой, такъ и сигматической, составляетъ въ своемъ родѣ рѣдкость. Весьма вѣроятно, что въ этомъ отношеніи классический санскритъ является намъ картиною дальнѣйшаго развитія того самого процесса, который начался въ эпоху ведийскую. Этотъ процессъ впервые обнаружился въ томъ, что причастія аористовъ стали употребляться сравнительно рѣдко, между тѣмъ какъ личныя формы тѣхъ же аористовъ продолжали быть въ большомъ ходу. Въ послѣдующія эпохи той же участіи подверглись уже и личныя формы аористовъ. Какъ на явленіе, благопріятствовавшее этому процессу (а, можетъ быть, только ему сопутствовавшее), можно указать на противоположную участіе перфекта и его причастія. Дѣло представляется такъ, какъ будто причастія аориста вытеснялись причастіями перфекта, а въ послѣдующія эпохи употребленіе личныхъ формъ аориста было ограничено употребленіемъ личныхъ формъ перфекта, а также и другими способами выраженія прошедшіхъ временъ. Указать на замѣтное различіе въ значеніи между причастіями аориста и перфекта мы не можемъ. При незначительности или, можетъ быть, отсутствіи этого различія, замѣна одного причастія, напримѣръ, аориста, другимъ—перфективнымъ была дѣломъ весьма простымъ и обычнымъ. Но мы не знаемъ, почему не произошло обратнаго явленія,—замѣны причастій перфекта причастіями аориста. Весьма возможно, что дальнѣйшія изслѣдованія приведутъ къ мысли, что распространеніе причастій и личныхъ формъ перфекта насчетъ аористовъ было нечиною, а слѣдствіемъ убыли послѣдніхъ: формы причастія и личныя, перфекта вступали на мѣсто, уже освобожденное аористами, убывавшими по другой, намъ неизвѣстной, причинѣ.

Греческій языкъ, въ отношеніи аористовъ, въ особенности ихъ причастій, является намъ картиною, діаметрально-противоположную тому, что мы видимъ въ санскрите. Аористы въ греческомъ, какъ извѣстно, принадлежать къ числу наиболѣе употребительныхъ формъ глагола, и въ частности составный сказуемый съ причастіями аористовъ являются излюбленными, характерными для языка оборотомъ, приспособленными для выраженія весьма разнообразныхъ оттенковъ.

Мы распределимъ наши примѣры между двумя главными рубриками, съ точки зренія отношенія причастной части составного сказуемаго къ подлежащему: I) *причастіе—аппозиція* и II) *причастіе—предикативный атрибутъ*; первую же разобьемъ на подрубрика, съ точки зренія отношенія причастной части составного сказуемаго къ глагольной.

I. Причастіе аориста—аппозиція.

1. Причастіе аориста выражаетъ дѣйствіе, непосредственно предшествующее по времени тому, которое обозначено глаголомъ.

II. XIII, 184: ἀλλ' ὁ μὲν ἄντα ἴδων ἡλεόχτο χάλκεον ἔγχος... увидѣлъ и уклонился.

II. XIII, 235: ἀλλ' ἄγε τεύχεα δεῦρο λαβών θι — возьми и иди сюда; взялъ, иди....

II. XIII, 351: Ἀργείος δὲ Ποσιδάῶν ὁρόθυνε μετελθόν—подошелъ и поощряль.

II. XV, 44: τειρομένους δ' ἐπὶ νηροῖν ἴδων ἐλέγεν 'Ἀχαιούς—увидѣлъ и покалѣлъ.

II. XV, 100: η μὲν ἄρ' ὡς εἰποῦσσα καθέζετο πότια 'Ηρη—такъ сказала (сказавъ) и сѣла.

Od. XX, 30—31: σχεδόθεν δέ οἱ ἥλθεν 'Αθήνη οὐρανόθεν καταβᾶσσα—спустилась съ неба и подошла.

Od. XX, 224—225: εἰ ποθεν ἐλθὼν ἀνδρῶν μνηστήρων σκέδασιν κατὰ δώματα θείη..... прійдетъ и учинитъ разгромъ...

Od. XX, 299—300: ὡς εἰπὼν ἕρριψε βοὸς πόδα χειρὶ παχαίῃ κείμενον ἐκ κανέοι λαβών—такъ сказанъ, бросилъ ногу вола, взялъ ее изъ корзины (сказалъ... взялъ... и бросилъ).

II. II, 35: ὡς ἄρα φωνήσας ἀπεβήζετο... такъ проговорилъ, ушелъ; сказаль и ушелъ.

II. III, 271—273: Ἐτρείδης δὲ ἐρυσσάμενος χείρεσσι μάχαιραν.... ἀρνῶν ἐκ κεφαλέων τάμνε τρίχας—извлекъ пожъ... и отрѣзаль волосы...

II. VIII, 268—272: αὐτὰρ δ γ' ἦρως παπτήνας, ἐπεὶ ἄρ' τιν' οἰστεύσας ἐν ὅμιλῳ βεβλήκοι, ὁ μὲν αὐθὶ πεσὼν ἀπὸ θυμὸν δλεσσεν. αὐτὰρ ὁ αὖτις ἵών..... δύσκεν εἰς Λίανθα... вспомнилъ (цѣль), и лишь только попадъ въ когонибудь, вспустился стрѣлу, а тотъ, упавъ, испустилъ душу, снова шелъ (іѡн) и прислонился къ Аляксу....

II. IX, 657 σπείσαντες παρὰ νῆας ἵσαν πάλιν—совершили возліяніе и пошли....

II. IX, 712: καὶ τότε δὴ σπείσαντες ἔβαν κλισίγνῶς ἔκαστος....

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ глаголь есть *псевдосязка*, а причастіе

ариста—*аппозиція* и может быть рассматриваемо, какъ второе скажуемое, присоединенное къ первому, глагольному, для выраженія дѣйствія, непосредственно предшествующаго тому, которое выражено глагольнымъ скажуемымъ. Послѣднее исполняетъ роль связи совершиенно-фактически и формально: въ сознаніи не проявляется его функция — какъ связи, и только, въ силу присутствія во фразѣ второго именительного (причастія), какъ бы мелькаетъ въ сознаніи глухой намекъ на эту функцию; можно сказать, что создается одна лишь форма, безъ соотвѣтственнаго содержанія синтаксическихъ отношеній. Глаголь ограничивается предицированіемъ своего собственнаго лексическаго содержанія, предоставляемъ причастію предицировать свое.

2) Дѣйствіе, выраженное причастіемъ, одновременно или совмѣстно съ дѣйствіемъ, обозначеннымъ глаголомъ.

Можно различать оттѣнки:

а) Одно дѣйствіе есть моментальное послѣдствіе другаго, напримѣръ, Од. XIX, 452: тóу δ' Οδυσσεὺς οἴτησε το χόν χατι δάκρου φρον.... ранилъ, попавъ („угодивъ“) въ плечо. Аппозиція το χόν могла бы и отсутствовать безъ нарушенія смысла: глагольный предикатъ самъ по себѣ достаточенъ, и сочетаніе обѣихъ το χόν есть родъ єн-дѣй-бою плеонастического характера. Но здѣсь мы все-таки имеемъ два дѣйствія (попасть и ранить), и глаголь по праву долженъ быть рассматриваемъ, какъ псевдосвязка.

б) Настоящее єн-дѣй-бою, где обѣ части предиката, глагольная и причастная, выражаютъ не два дѣйствія, а одно и то же дѣйствіе и поэтому могутъ мѣняться местами, напримѣръ, II. XIII, 371:χαι βάλεν ὅφι βιβάντα το χόν и II. XV, 580—581: ...τόν (νεφρόν) τ' εῖ σύνηφι βορόντα βηρρητήρ ἐτούχτος βαλών.... Выраженіе βάλεν το χόν первого изъ этихъ стиховъ, по смыслу равносильно, выражению єтούχτος βαλών второго, оба значатъ „попалъ, угодилъ“, — „ударилъ, попавъ“, — „ловко попалъ, ударилъ“. Здѣсь одно дѣйствіе разложено на два, представлено состоящимъ изъ двухъ моментовъ, которые почти одншаковы (хотя и не тождественны). Глаголь (въ первомъ случаѣ βάλεν, во второмъ єтούχтose) здѣсь уже отнюдь не псевдосвязка а то, что мы называемъ *фиктивную связку*: знаменательность глагола настолько велика, что мѣшаетъ ему быть пастоящимъ связкой, — его предицирующая сила лишь въ слабой степени распространяется на причастіе; то при всемъ томъ тутъ нѣть того безраздѣльного самопредицированія глагола, которое необходимо для псевдосвязки. Что касается причастія, то оно (въ первомъ случаѣ το χόν, во вто-

ромъ *βαλόν*), какъ мнѣ кажется, удобнѣе всего опредѣляется, какъ *фиктивная аппозиція*. Это понятіе фактивности аппозиціи яснѣе обнаруживается въ слѣдующей разновидности оборота.

в) Одно квалифицированное дѣйствіе представлено въ видѣ двухъ актовъ: одинъ—само дѣйствіе, другой—его квалификація, фактивно изображенная, какъ особое дѣйствіе. Сюда относится плавѣстное сочетаніе съ фѣн. II. XIII, 888: *б ðε μιν φάμενος βάλε δορί...* ударилъ, предваривъ (предупредилъ; ударилъ раньше). Какъ плавѣстно, здѣсь также возможна перемѣна мѣста: Од. XXII, 91: *ἄλλ' ἀρα μιν φθῆ Τηλέμαχος κατόπινθε βαλόν χαλκῆραι δορί...* предупредилъ, ударилъ (предупредилъ и ударилъ). Постараемся выяснить заключенный въ этихъ оборотахъ элементъ фактивности. Прежде всего,—гдѣ его источникъ? Мы имѣемъ здѣсь въ сущности одно, но только *квалифицированное дѣйствіе*—„быстро ударить“, „поспѣшно ударить“. Это единое, но квалифицированное дѣйствіе разбито на два акта: *поспѣшить* и *ударить*; иначе говоря, субъектъ представленъ совершающимъ не одно, а два дѣйствія: вотъ тутъ-то и нужно искать источника факціи, то-есть, именно—въ пониманіи лексического содержанія предиката и его отношенія къ субъекту. Къ этому пункту мы сейчасъ вернемся, а теперь пойдемъ дальше. Ограничиваются ли этимъ пунктомъ районъ фактивности въ нашемъ оборотѣ? Нѣтъ, потому что въ сочетаніи *φάμενος βάλε* мы ясно чувствуемъ, что причастіе *φάμενος* запечатлѣно нѣкоторою фактивностью, не только со стороны своего лексического содержанія, но также или еще болѣе—въ своей роли, какъ части предложения. Это проявляется въ слѣдующихъ, если можно такъ выразиться, синтаксическихъ ощущеніяхъ: *φάμενος* прежде всего производитъ впечатлѣніе предикативнаго атрибута въ числа тѣхъ, которые въ новыхъ языкахъ замѣняются нарѣчіями: *ударилъ поспѣшино*. Но это впечатлѣніе обманчиво и, такъ сказать, несеріозно, непрочно: одна возможность перемѣны мѣста (*φθῆ βαλόν*) уже ослабляетъ силу этого впечатлѣнія (предикативный атрибутъ, по существу дѣла, не способенъ къ такому перемѣщенію), и сознаніе склоняется къ синтактической постановке этого причастія, какъ особый сортъ аппозиціи, именуя какъ *аппозицію* *фиктивную*. Въ сочетаніи *φθῆ βαλόν* фактивность сосредоточена въ глаголѣ и проявляется не только въ самомъ лексическомъ его содержаніи, но и въ синтактической роли. Первое впечатлѣніе здѣсь такое, какъ будто это исходо-связка; но оно сейчасъ же падаетъ подъ ощущеніемъ того, что между *φθῆ* и *βαλόν* есть предицирующая связь. Въ результатѣ глаголъ *φθῆ*

отражается въ сознаніи, какъ связка, но только *фактивна*. II. XXIII, 444: φθήσονται тѣою и кѣдес хай үбюна харбонта¹⁾), һ' үмъ—успѣвать утомиться у нихъ раньше, чѣмъ у васъ. Здѣсь проявленіе фактивности нѣсколько иное: она вызываетъ *иллюзію*, будто φθήσонта—связка, а харбонта—предикативный атрибутъ; но эта иллюзія мгновенна и сейчасъ же падаетъ, какъ только въ сознаніи проясняется значение глагола, какъ псевдосвязки, а причастія—какъ фактивной аппозиціи.

Причастіе *настоящаго* при φθাউ не менѣе аппозитивно, чѣмъ причастіе *аориста*²⁾). Каждущееся исключеніе представляеть слѣдующій случай, который я беру изъ статьи *La Roche „Das prädicative Particîp“* (въ его „Beiträge zur griech. Grammatik“, erstes Heft, стр. 119—120): Od. XI, 58: ἔφης πεδός ιών һ' ἐγώ σὸν νηὶ μελαίνη. Здѣсь безспорно имѣемъ сочетаніе не аппозитивное, а предикативно-атtributивное (ты пришелъ раньше меня, опередилъ меня—какой?—ильши). Но дѣло въ томъ, что вѣдь это, строго говоря, сочетаніе не съ причастіемъ, а съ *прилагательнымъ* πεδός, которое естественно и образуетъ предикативный атрибутъ,—причастіе же ιών играетъ лишь роль причастной знаменательной связи. Видѣсто ιών могло бы стоять ἐών—причастная отвѣщенная связка,—да она и въ самомъ дѣлѣ стоитъ въ указанномъ мѣстѣ (*Homer's Odyssee*, изд.³ *Amelis*, 1861 г., XI, 58: ἔφης πεδός ἐών...).

Оборотъ съ φθάω и причастіемъ принадлежить къ числу наиболѣе архаическихъ или, согласно принятой нами терминологіи, *архаизирующихъ*, то-есть, возстановляющихъ въ извѣстной мѣрѣ какую либо черту первобытной грамматической мысли. Первобытная черта, которая здѣсь подновлена, состоять въ томъ, что лексическое содержаніе, легко разлагающееся въ новыхъ языкахъ на глагольный пре-

¹⁾ Карабута согласуется съ үбюна, но относится и къ кѣдес; такому согласованію способствовало, кроме положенія причастія посредственно послѣ үбюна, также и то, что кѣдес хай үбюна есть родъ һ'н-дѣл-дѣн, образуя пакъ бы цѣлое (не два подлежащихъ, а одно).

²⁾ II. IX, 505—507: һ' δ' ἀτη..... φθάνει δέ τε πᾶσαν ἕπ' ἀλαν βλάπτοις, ἀνθρόπους—Ate bringt vorher (ehe die Axtai kommen) den Menschen über die ganze Erde hin Schaden (Seiler, Wörterb., s. v. φθάω). Сочетаніе φθάνει βλάπτοις (успѣвать вредить) производить *иллюзію* предикативно атрибутивного. Но эта иллюзія сейчасъ же падаетъ передъ сознаніемъ („сintаксическимъ ощущеніемъ“), что тутъ въ самомъ дѣлѣ два дѣйствія, два предиката (φθάνει и βλάπτει), при чёмъ второй *фактивно* представлѣнъ, благодаря формѣ причастія, какъ *аппозиція* первого.

дикать и его „определение“, то-есть, обстоятельственное слово (например, для фабуш съ причастемъ—„раньше“, „скорѣе“), разложено здѣсь на два предиката (фабуш и причастіе), въ силу чего является „лишняя“ тракта предикативной энергіи. Въ основѣ своей явленіе это примыкаетъ къ обширному классу архаическихъ бѣ-бѣ-боївъ, то-есть, служить однимъ изъ проявленій (или отголосковъ) того состоянія мысли, при которомъ требовалось два акта предицированія (двойная тракта энергіи, обусловленная двукратнымъ проявленіемъ въ сознаніи предицирующаго акта) для того, чтобы грамматически апперцепировать то, что, при болѣе развитомъ состояніи грамматической мысли, требуетъ только одного акта затраты предикативной энергіи. Лучшую иллюстрацію или параллель этому явленію представляютъ древнееврейскіе обороты съ יָשַׁאֵב (jašab)—прибавлять, увеличивать, לְיָחֹל (jâhol)—мочь, быть въ состояніи, בָּנֶה (bâneh)—возвращаться, оборачиваться, напримѣръ, Esth. VIII, 3: וְיָשַׁאֵבְךָ פָּרִים — буквально „и прибавила Есфирь и сказала“, то-есть, „продолжала говорить“. LXX: καὶ προσθεῖσα ἀκλιτὴν εἶδεν,—Esth. VIII, 6: — буквально „какъ буду я въ состояніи и буду смотрѣть“, то-есть, какъ буду я въ состояніи (въ силахъ) смотрѣть, LXX: πῶς γὰρ δυνήσομαι θεῖν, — Ps. VII, 13: שְׁאֵלָהֲזָכְרָבְּנָא — буквально „да! Онъ возвратится (повернется), мечь свой наточить“, то-есть, онъ снова наточитъ мечъ свой (Ewald, Die Psalmen², стр. 11: wohl wird er wieder weiten sein Schwert), — II, Reg. I, 13: וַיַּשְׁבַּת־לְלִבָּנָה — буквально „и повернулся (обратился) и послалъ“, то-есть, снова (вторично) послалъ, LXX: καὶ προσθέτο... ἔτι ἀποστῆλαι. Различіе между этими еврейскими оборотами и греческими (съ фабуш) въ томъ, что въ еврейскомъ—не составное сказуемое, а соединеніе двухъ простыхъ, и при чемъ здѣсь еще ярче обнаруживается архаическая склонность разбивать одно представление квалифицированного¹) дѣйствія (снова послать, продолжать говорить, быть въ силахъ смотрѣть) на два представления—одинъ дѣйствій, изъ коихъ одно есть само дѣйствіе, а другое—его квалификація, представленная, какъ особое дѣйствіе: продолжать и говорить, быть въ силахъ и смотрѣть. Квалификація дѣйствія въ тѣсномъ смыслѣ (быстро, спѣшность, учащеніе и пр.) и отношеніе субъекта къ нему (быть въ силахъ) ставятся на одну

¹) Въ обширномъ смыслѣ, то-есть: 1) квалификація самого дѣйствія, и 2) квалификація отношенія къ нему субъекта.

доску, совершение параллельно собственному действию, какъ будто это два равносильные акта, два послѣдовательные момента („рисунокъ на одномъ планѣ, безъ перспективы“, по удачному выражению Маклошича). Исходной точкой греческаго оборота съ фігурами должно было быть именно подобное сочетаніе двухъ предикатовъ (ἔφη καὶ ἔβαλε, предупредилъ и ударила), поставленныхъ на одномъ планѣ (ср. Esth, VI, 10: πῦ τῷ — послѣши — возьми). Переходъ къ составному сказуемому есть уже шагъ впередъ—въ направлениі къ устраненію „одного плана“, къ созданію иѣкоторой „перспективы“, къ формальному дифференцированію, въ силу коего одинъ актъ выступаетъ въ роли псевдосвязки, а другой въ роли причастной апології. Замѣна причастія инфинитивомъ есть еще болѣе рѣшительный шагъ въ эту сторону. Онъ былъ сдѣланъ уже въ еврейскомъ (оборотъ ^{τῷ} σъ частицею ^{τοῦ} и инфинитивомъ), — а въ индоевропейскихъ языкахъ является характерною чертою ихъ прогрессивнаго развитія.

II. Причастіе аориста въ роли *предикативнаго атрибута* встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ въ роли аппозиціи. Въ иѣкоторыхъ случаяхъ, смотря по намѣреніямъ говорящаго, оно могло въ одной и той же фразѣ поочередно принимать различную постановку,—то тяготѣя къ глаголу (и тогда оно являлось аппозиціей), то ближайшимъ образомъ примыкая къ подлежащему въ качествѣ его характеристики, его квалификаціи,—и тогда оно по необходимости отражалось въ сознаніи, какъ предикативный атрибутъ. Такъ различно можно понимать причастіе аориста, напримѣръ, въ стихахъ II. XXIII, 482: τὸν δὲ χολωσάμενος Κρητῶν ἀγός ἀντίον τρέψι (если аппозиція: „разсердившись, говорилъ...“, „разсердился и говорилъ“; если предикативный атрибутъ: „разсердившійся вождь Критянъ говорилъ“; послѣднему благопріятствуетъ положеніе причастія передъ подлежащимъ); II, I, 517: τὴν δὲ μέγ' ὁ χθῆσας προσέφη νεφεληγερέτα Ζεύ; II, II, 22: τῷ μὲν ἐγειράμενος προσεφωνε [аппозиція: уподобившись ему, говорилъ; предикативный атрибутъ: (Сопъ), который пришалъ его (Нестора) видѣть, говорилъ ему Агамемнону]). Но вотъ случаи, гдѣ, по моему разумѣнію, причастіе аориста не можетъ быть понимаемо иначе, какъ въ смыслѣ предикативнаго атрибута: Od. XIX, 407: καλλοῖσι τὰρ ἐγέ τε ὑδοσάμενος τόδ' ικάνω.... iv., 410: ὀκπὸτ' αὖ τήβῆσας μητρώιον ἐς μέγα δῶμα ἔλθῃ.... Нельзя перевести: „возненавидѣль многихъ и прихожу“; тѣкстъ значить: „являюсь (прихожу) возненавидѣвшій многихъ“, и здѣсь *ικάνω*—значительная связка, а причастіе (на вопросъ: какой?)—предикативный атрибутъ. Также и *τήβῆσας*—предикативный атрибутъ:

придеть (какой? какимъ?) возмужавшимъ, юношей. II. VII, 351 — 352: *νῦν δ' ὅρκα ποτά φεσσάμενοι μαχόμεσθα*—сражаемся (какъ) нарушившіе клятву,—мы, ставшіе нарушителями клятвы, сражаемся...

И погода, какъ въ послѣднемъ примиѳрѣ, можно для передачи греческихъ причастій аориста, въ ихъ предикативно-аттрибутивномъ употреблениі, пользоваться нашими общерусскими причастіями прош. дѣйст. Но для передачи тѣхъ же греческихъ причастій въ роли аппозиціи наши причастія прош. дѣйств. совсѣмъ не пригодны, — въ чёмъ на глядио обнаруживается значительное „разстояніе“, пройденное, въ эволюціонномъ порядкѣ, русскимъ языкомъ съ того времени, когда наши причастія были такъ-же аппозитивны, какъ и греческія. Нельзя, напримѣръ, ѿ: *ἄρα φωνήσας ἀπεῖργετο* перенести „такъ проговорившій (сказавшій) ушелъ“, или: „онъ, такъ сказавшій, ушелъ“. Но еще на глядио можно „демонстрировать“ это различіе между нашими причастіями и древне-греческими слѣдующими „опытомъ“. Возьмемъ двѣ фразы изъ *Anabas*. II. 1 — 2:.... *ἐπὶ τὸ στρατόπεδον ἐλθόντες* (аппозиція: „пріѣда“) *οἱ Ἑλλῆνες ἐκσημῆθησαν.... ἄμφι δὲ τῇ ἡμέρᾳ συνελθόντες* (аппозиція: „собравшиись“) *οἱ στρατηγοὶ ἐθαύμαζον....* и попробуемъ передать ихъ современными русскими причастіями прош. дѣйств.: *пришаедши въ лагерь эллины легли спать* (или: „эллины, *пришаедши* въ лагерь, *легли спать*“), — „*собравшиись* вожди удивлялись“. *Вмило* совсѣмъ не то, что въ подлиннику: при такомъ переводѣ получается тотъ смыслъ, что не всѣ эллины легли спать, а только тѣ изъ нихъ, которые пришли въ лагерь, и что не всѣ вожди удивлялись, а только тѣ, которые сошлись (были въ сборѣ), — чего, конечно, подлинникъ не допускаетъ (для такого смысла взять бы оборотъ тѣу *ἐλλήνουν οἱ μέν....*). Почему же это такъ вышло въ русскомъ переводѣ? Потому именно, что наши современные причастія гораздо *аттрибутивнѣе* греческихъ. и этотъ избытокъ въ нихъ аттрибутивности мѣшає имъ служить *аппозиціей*. Въ роли аппозиціи (только не образующей вмѣстѣ съ глаголомъ составного склоненія) у насъ выступаютъ *дѣяпричастія*, которыми въ данномъ случаѣ и должны быть переведены греческія причастія, чтобы сохранить смыслъ подлинника: „Эллины, *пріѣда* въ лагерь, *легли спать*“, „вожди, *собравшиись*, *удивлялись....*“ — Къ чому же сводится этотъ избытокъ аттрибутивности нашихъ причастій? Къ усиленію тяготѣнія причастія къ подлежащему и къ устраненію тѣхъ узъ, которыми нѣкогда связывались причастія (древнерусскія) съ глагольною частью предиката. Усиленіе аттрибутивности совершалось насчетъ предика-

тивности, отъ которой въ нашихъ современныхъ (общерусскихъ) причастьяхъ осталась только сравнительно—небольшая доля, позволяющая въ образовывать такъ называемыя „сокращенные придаточные предложения“.

Большая или даже преимущественная атрибутивность нашихъ современныхъ (общерусскихъ) причастій, конечно, находится въ тѣсной связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что эти причастія сохранились только въ членной формѣ (безчленные перешли въ дѣепричастья). Но при всемъ томъ нельзя смотрѣть на эту черту (членное окончаніе), какъ на главную причину развитія атрибутивности нашихъ причастій, какъ на ея источникъ. Это было только сопутствующій и благопріятствующій моментъ, ускорившій процессъ усиленія атрибутивности причастій насчетъ ихъ предикативности. Значительная доля атрибутивности всегда была свойственна причастію (независимо отъ членной формы), и безъ атрибутивности причастіе перестаетъ быть таковымъ, переходя въ другую часть рѣчи (наши дѣепричастья, а также формы *на—ль*, *—была*, *дала*, *взяла*). Съ другой стороны, оно немыслимо и безъ предикативности; лишенное этой послѣдней оно превращается въ прилагательное (что и случилось съ русскими народными причастіями настоящаго, напримѣръ, *горячий*, *летучий*, *сыпучий*, *могучий* и т. д.). Причастіе, по существу своему, есть такая часть рѣчи, въ которой совмѣщены оба момента (предикативность и атрибутивность); можно бы сказать, что въ немъ искона эти два момента находились въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, и достаточно было небольшаго толчка, чтобы одинъ изъ нихъ взялъ перевѣсъ надъ другимъ. Когда въ составномъ сказуемомъ вниманіе говорящаго сосредоточивается въ извѣстной мѣрѣ на отношеніи причастія къ подлежащему, тогда въ причастіи перевѣшиваетъ моментъ атрибутивности, и оно становится предикативнымъ атрибутомъ; когда вниманіе привлечено къ отношенію причастія къ глагольной части предиката, тогда перевѣшиваетъ моментъ предикативности, и причастіе превращается въ аппозицію.

Изучая составный сказуемый съ причастіями, мы естественно и обращали особенное вниманіе на эти два момента, совмѣщение которыхъ въ одномъ актѣ грамматической мысли и образуетъ то, что мы называемъ причастіемъ.

Мы находимся еще въ самомъ началѣ нашихъ посильныхъ изысканій, и поэтому было бы преждевременно дѣлать теперь же какіе нибудь выводы изъ нихъ въ интересахъ вопроса объ отношеніи грамматического мышленія къ надъ-грамматическому,—логическому.

Но я позволю себѣ высказать здѣсь одно соображеніе, которое, быть можетъ, пригодится намъ въ нашихъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ.

Согласно усвоенной нами основной психологической точкѣ зрѣнія, процессы мысли, известные подъ именемъ логическихъ, возникаютъ и развиваются па счетъ умственной энергіи, сбереженной въ мышленіи грамматическому. Поэтому, при изученіи различныхъ формъ грамматического мышленія, представляется весьма важнымъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, насколько та или другая форма приспособлена къ экономизированію умственной энергіи. Вотъ именно мы и попытались (гл. II) приложить эту точку зрѣнія къ разсмотрѣннымъ нами оборотамъ съ причастьями. Здѣсь, въ дополненіе къ сказанному въ главѣ II-й, я обрату внимание на слѣдующіе пункты.

Причастія перфекта и аористовъ, равно какъ и слав. причастія прош. дѣйствительныя, преимущественно приспособлены къ роли анпозиціи, и въ сочетаніи съ ними глагольная часть предиката чаще всего является въ роли псевдосвязки. На этомъ пунктѣ получается большое сбереженіе умственной силы. Она сберегается, во-первыхъ, постольку, поскольку здѣсь устраняется затрата на мышление атtributivныхъ отношеній причастія къ подлежащему; эти отношенія тутъ не только фиктивны (какъ, повидимому, въ оборотѣ съ причастіемъ настоящаго въ роли анпозиціи),—они уже совершили формальны, то-есть не проникаютъ въ свѣтлую точку сознанія. Во-вторыхъ, сберегается та часть силы, которая въ сочетаніяхъ съ настоящею связкою тратилась на мышление предикативного момента связи. Появленіе псевдосвязки есть важный фактъ въ развитіи грамматического мышленія; это также уже не фикція связи, а чистая форма, не проникающая въ свѣтлую точку сознанія и, стало быть, не требующая никакой затраты энергіи. Глаголъ въ роли псевдосвязки могъ бы быть разсматриваемъ даже какъ простое сказуемое, то-есть, сказуемое, предицирующее свое собственное лексическое значеніе; но присутствіе причастія, хотя бы также предицирующаго себя самого, сообщаетъ глаголу какъ бы подобіе связи, создаетъ ея форму. Дальнѣйшій шагъ есть устраненіе самой формы. Это—процессъ развитія, ведущій къ устраненію момента связи изъ сферы грамматическаго мышленія.

Вотъ тутъ-то и отирается изъкоторая перспектива въ сторону логического мышленія,—намѣается вопросъ: какои результатъ мозгъ воспослѣдоватъ отсюда для созданія и развитія акта логическаго предмѣтированія?

Теперь вспомнимъ *отвлеченнную связку*: процессъ ея созданія и развитія представляется діаметрально-противоположнымъ тому, о которомъ мы только что говорили. Въ оборотахъ съ отвлеченною связкою сбереженіе силы совершаются на счетъ мышленія лексического значенія: *verbum substantivum* въ качествѣ связки предицируетъ не свое собственное лексическое значение, а то, которое принадлежитъ предикативному аттрибуту. Итакъ, въ противоположность оборотамъ съ псевдосвязкою, здѣсь устраняется изъ сферы сознанія *не предикативный моментъ связки*, а ея лексическое значение. Но на ступени развитія, характеризуемой оборотами, съ которыми до сихъ поръ мы имѣли дѣло, это устраненіе лексического значения не доведено до конца, чтѣ явствуетъ изъ многочисленныхъ случаевъ созданія арханизирующихъ формъ, гдѣ отвлеченная связка замѣняется *изнамепательною* или *полузнамепательною*. Только тамъ, гдѣ эта замѣна невозможна, устраненіе лексического значения связки можетъ считаться окончательнымъ, абсолютнымъ, а не только относительнымъ. И вотъ оказывается, что такое абсолютное устраненіе лексического содержанія связки неминуемо влечетъ за собою вмѣстѣ съ тѣмъ и *устраненіе самою предикативною момента связки*, чтѣ совершенно ясно изъ такъ называемыхъ описательныхъ временъ глагола, какъ, напримѣръ, *je suis venu*, *ich bin gekommen*, есмь взялъ и т. д., гдѣ *suis*, *bin*, есмь лишиены своего лексического значенія и не являются связками. Итакъ, конечный результатъ движения въ этомъ направленіи, то-есть, въ направленіи отвлеченной связки, неожиданно оказывается тѣмъ же самымъ, къ которому приводятъ и развитіе псевдосвязки. Это именно—*устраненіе изъ сферы грамматической мысли самого момента связки*.

Если теперь вдумаемся въ смыслъ такъ называемой логической связки, то придемъ къ заключенію, что это такой умственный актъ, который, по своему строю или типу, ближе всего подходитъ къ только что указанному результату развитія грамматического момента связки. Логическая „связка“ есть связка *минимал* (не даромъ изъкоторые учёные, въ томъ числѣ и Потебня, отрицаютъ самое ея существование), она не образуетъ особаго момента въ сознаніи,—она есть только актъ

установленія или апперцепції предикативного отношения, — актъ столь же нераздѣльно слитый съ самимъ предицируемымъ содержаніемъ, какъ въ языкѣ, простое глагольное сказуемое нераздѣльно совмѣщаетъ въ себѣ моментъ своего лексического значенія и моментъ предицированія. Я не буду отрицать самого существованія „логической связки“, но я думаю, что въ тѣхъ формахъ логического сужденія, где она появляется, она есть родъ *логической фикции*, родъ *мнимой величины*. Логическое мышленіе, не менѣе грамматического, характеризуется присутствиемъ элементовъ фактическихъ и чисто-формальныхъ.

Д. Фиссанник-Кулаковскій.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ПОЭЗИИ ТЮТЧЕВА.

I.

15-го июля 1898 года исполнилось двадцатипятилетие со дня кончины Ф. И. Тютчева, и наступление этого первого юбилейного срока, какъ водится, подало поводъ къ появлению на страницахъ нынешнихъ изданій болѣе или менѣе бѣглыхъ замѣтокъ, посвященныхъ памяти поэта. Старинное изреченіе „*habent sua fata libelli*“ справедливо по отношенію не только къ отдельнымъ литературнымъ произведеніямъ: оно приложимо нерѣдко и къ дѣятельности писателя, взятой въ цѣломъ. На долю Тютчева выпала жизнь болѣе долгая, чѣмъ какая является среднимъ удѣломъ большинства русскихъ литераторовъ; если онъ въ теченіе семидесятилѣтия жизнишаго пути написалъ очень немногого по количеству и еще менѣе по объему, то это еще, конечно, не должно удивлять настъ: русскіе поэты вообще рѣдко отличаются значительной продуктивностью, да и самый характеръ исключительно лирическаго таланта Тютчева ограничилъ сферу его дѣятельности одними мелкими стихотвореніями. Но именно своеобразный рокъ тяготѣлъ и, пожалуй, продолжаетъ тяготѣть и теперь надъ этой поэтической дѣятельностью, продолжавшейся съ перерывами въ теченіе почти полустолѣтія, начиная съ двадцатыхъ годовъ доживающаго свои послѣдніе дни вѣка. Появляясь разбросанно въ разныхъ альманахахъ и журналахъ, первые опыты Тютчева проходили почти незамѣченными; затѣмъ, послѣ шестилѣтней паузы, съ 1836 года онъ начинаетъ вновь печатать свои стихотворенія на страницахъ основаннаго Пушкиннмъ *Современника*, но и эта серія произведеній Тютчева, скрывавшаго свое имя подъ инициалами Ф. Т. (или, самое большое, Ф. Т—ев.), обратила на себя, повидимому, не болѣе внимания

нія со стороны публики, по крайней мѣрѣ, не удостоилась ни одного критического отзыва, и уже послѣ 1840 года печатаніе этихъ стихотвореній, „присланныхъ изъ Германіи“,—какъ гласилъ ихъ общій заголовокъ,—прекращается вторично и надолго. И однако эти самыя стихотворенія, спустя сице десятилѣтіе, были оцѣнены Некрасовымъ въ его статьѣ *Русскіе второстепенные поэты* (*Современникъ*, 1850, № 1, отд. VI, стр. 56), при чёмъ критикъ призналъ въ произведеніяхъ заслуженного автора столько „оригинальности мысли и прелести изложенія“, что, казалось, написать ихъ могъ только самъ основатель журнала, въ которомъ они помѣщались. Такимъ образомъ поэтъ, писавшій и печатавшій уже почти четверть вѣка, дождался, наконецъ, лестной оцѣнки; за нимъ былъ признанъ „истинный и прекрасный талантъ, нерѣдко самобытный, всегда граціозный, исполненный мысли и неподдѣльного чувства“, талантъ, который могъ бы доставить своему обладателю,—если бы онъ писалъ болѣе,—„одно изъ почетѣйшихъ и есть въ русской поэзіи“ (*ibid.*). И все-таки, несмотря на этотъ компетентный отзывъ, понадобились еще четыре года для того, чтобы критика смылась въ общемъ хорѣ похвалъ тѣмъ самымъ стихотвореніямъ, на которыхъ раньше не обращала вниманія. Только теперь, въ 1854 году, публика получила возможность познакомиться съ Тютчевымъ въ цѣломъ видѣ,—когда его стихотворенія (всего 96 пьесъ) были отпечатаны въ видѣ прибавленія къ третьей книжкѣ *Современника* и затѣмъ въ томъ же году появились отдельною книжкою, въ которую вошли всѣ пьесы Тютчева, собраныя редакціею того же журнала изъ изданій болѣе раннихъ годовъ. Какъ за четыре года передъ тѣмъ Некрасовъ оцѣнилъ талантъ уже не новаго, но малоизвѣстнаго поэта, какъ теперь Тургеневъ посвятилъ ему цѣлую статью (*Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Ф. И. Тютчева, четвертая книжка Современника за 1854 годъ*), въ которой назвалъ его „однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, завѣщанныхъ намъ привѣтомъ и одобрениемъ Пушкина“, даже болѣе,—заявилъ, что Тютчевъ, „принадлежащий къ поколѣнію предыдущему, стоять рѣшительно выше всѣхъ своихъ (новѣйшихъ) собратовъ по Англону“, что на немъ однотъ лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ относится, и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ: въ немъ однотъ замѣчается та соразмѣрность таланта съ самимъ собою, та соответственность его съ жизнью автора,—словомъ, хоть часть того, что въ полномъ развитіи своеемъ составляеть отличительные признаки великихъ дарованій“. Пропавшая, что кругъ Тютчева не обширень,

что въ его талантѣ нѣтъ другихъ элементовъ, кромѣ чисто лирическихъ, Тургеневъ указываетъ, что за то въ своемъ кругу Тютчевъ находится дома, что его стихи (самые короткіе—почти всегда самые удачные) не сочинены, не придуманы, а всѣ кажутся написанными на извѣстный случай, какъ того хотѣлъ Гете, и въ этомъ „драгоценномъ качествѣ“ критикъ еще разъ видѣть вліяніе Пушкина, отблескъ его времени.

Такимъ образомъ было увѣнчано лаврами почти тридцатилѣтнєе поэтическое служеніе Тютчева и съ этого времени уже не прерывалось, хотя и не сдѣвалось болѣе интенсивнымъ, чѣмъ прежде. Имя поэта пріобрѣло извѣстность, но прежній фатумъ сказался вновь: имя поэта извѣстно русскому обществу болѣе, чѣмъ его поэзія. Позднѣйшая произведения Тютчева, если и не раздѣлили участія прежнихъ его олѣтовъ, то во всякомъ случаѣ не привлекли къ себѣ такого вниманія, какого можно было бы ожидать послѣ приведенныхъ выше лестныхъ отзывовъ. Интересъ, возбужденный въ 1854 году, затѣмъ вновь остылъ и отвлекся въ сторону другихъ литературныхъ явленій, чemu содѣствовалъ и самый характеръ наступившей новой эпохи въ жизни русского общества со второй половины пятидесятыхъ годовъ. Самая кончина престарѣлого поэта не прошла, конечно, неотмѣченной въ текущей журналистикѣ (напоминаемъ прежде всего подробную біографію и оцѣнку Тютчева, написанную И. С. Аксаковымъ, помѣщеннуу въ *Русскомъ Архивѣ* 1874 года), но и не произвела сильного впечатлѣнія, и по прошествіи цѣлаго двадцатилѣтія В. С. Соловьевъ нашелъ свое временемъ вновь познакомить русскую читающую публику съ Тютчевымъ (статья въ *Вѣстнике Европы* 1895 года), при чѣмъ вполнѣ справедливо замѣтилъ, что у громаднаго большинства этой публики съ именемъ Тютчева не связывается почти никакого опредѣленнаго представленія, и что наиболѣе намятливые читатели обыкновенно оказываются въ состояніи припомнить какія-нибудь два-три его стихотворенія, помѣщаемыя по традиції въ любой хрестоматіи,—чаще всего, пожалуй, *Весенняя Воды* („Еще въ полѣ быль пѣть сны“) и *Весеннюю Грозу* („Люблю грозу въ началѣ мая“). И наступившее двадцатипятилѣтіе со дnia смерти поэта прошло бы совершенно незамѣченнымъ, если бы о немъ не напомнили газеты, по обязанности отмѣчающія всякие юбилейные сроки и въ силу этого помѣстившія на своихъ столбцахъ болѣе или менѣе бѣглыхъ замѣтки, посвященные памяти Тютчева. Попытаемся же остановить хоть на короткое время вниманіе мыслящихъ людей на литературномъ фактѣ,

несомнѣнно заслуживающемъ вниманія, и сдѣлаетъ, что въ нашихъ силахъ, для освѣщенія, хотя бы частичнаго, личности поэта, уже далеко отстоящаго отъ современныхъ поколѣній.

II.

Если задаться вопросомъ о причинахъ малой популярности Тютчевской поэзіи, то отвѣтъ на этотъ вопросъ распадается на нѣсколько частей. Прежде всего объясненія указанного факта приходится искать въ самомъ характерѣ этой поэзіи: коротенькая лирическія стихотворенія въ массѣ случаевъ быстро улетучиваются изъ памяти читателя, запекающагося съ ними порознь, и лишь сравнительно рѣдко оставляютъ по себѣ прочное впечатлѣніе; для прочтевія же подъ рядъ многихъ, собранныхъ въ одну книгу исключительно лирическихъ измѣнений обыкновенно не хватаетъ терпѣнія у средняго читателя, мало расположеннаго вникать въ изучать творчество поэта, взятое въ цѣломъ. Если такое чтеніе однообразныхъ по формѣ произведений вызоветъ въ душѣ человѣка впечатлѣніе монотонности также и по содержанию, такой выводъ,—нерѣдко поспѣшный и несправедливый, являющійся результатомъ лишь поверхностнаго просмотра,—будетъ столь же мало благопріятенъ для писателя, какъ и противоположный случай: разнообразіе, пестрота содержанія затрудняетъ на первый разъ ознакомленіе съ личностью поэта, мѣшаетъ цѣльности впечатлѣнія, дробить вниманіе и способствуетъ быстрѣшему смѣщенію и забвенію прочитанного. Отъ такого исхода весьма часто не спасаетъ и восхищеніе, ощущаемое при первомъ мимолетномъ чтеніи поэтическаго произведения, и едва ли кто станетъ оспаривать, что даже слава Пушкина или Лермонтова была бы сравнительно мало обеспечена, если бы ей было суждено основываться на одной лирикѣ, если бы не было на лицо болѣе крупныхъ произведеній эпическихъ или драматическихъ, воздѣйствующихъ съ большею силою, прѣзывающихся гораздо прочнѣе въ память читателя. Самое распределеніе лирическаго материала въ печатномъ изданіи представляетъ извѣстныя затрудненія: строго хронологическій распорядокъ, дающій болѣе возможности прослѣдить постепенное развитіе таланта и настроенія поэта, нерѣдко въ то же время подавляеть разнообразіемъ мотивовъ, тогда какъ расположение по отдѣламъ можетъ повлечь за собою другую указанную выше опасность, то-есть утомить однообразіемъ тона и содержанія,—не говоря уже о томъ, съ какимъ трудомъ лирика поддается такой

систематизациі, сколько послѣдняя можетъ заключать въ себѣ произвольнаго и натянутаго.

Далѣе, популярность лирической поэзіи обратно пропорциональна той степени вниманія, углубленія, какая требуется отъ читателя для вполнѣ сознательного отношенія къ поэтическому произведенью и, следовательно, для оцѣнки его по достоинству. Лирическое стихотвореніе усвоивается тѣмъ легче, чѣмъ общедоступнѣе выражаемое имъ субъективное настроеніе, и чѣмъ ярче прелестъ его художественной отдѣлки. Смотря съ этой точки зрѣй на поэзію Тютчева, мы отчасти поймемъ причину ея малой распространенности въ обществѣ: передъ нами, несомнѣнно, поэтъ-художникъ, но въ то же время и еще болѣе поэтъ-мыслитель, съ пантенистическимъ оттенкомъ въ міросозерцаніи, выразитель тонкихъ, трудно уловимыхъ ощущеній, воспринимаемыхъ человѣческою душою отъ живой природы, поэтъ-психологъ, могущій быть оцѣненнымъ лишь подъ условіемъ очень вдумчиваго чтенія и даже неоднократнаго перечитыванія. Художественность формы отступаетъ на второй планъ передъ глубиною содержанія; слово порою оказывается даже безсильнымъ для выраженія того, что смутно волнуетъ и наполняетъ душу, что поддается уловленію даже самого ощущающаго субъекта лишь при наличности особой чуткости къ психическому движеніямъ и почти не поддается словесной формулировкѣ, понятной для вѣнчанаго міра. Кристальная ясность содержанія и пластичность образовъ не могутъ быть постоянными удѣломъ такой поэзіи, зреющей въ душевной глубинѣ, для которой наиболѣе краснорѣчивымъ выраженіемъ является молчаніе:

„Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходить, и зайдутъ они,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!
Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мыслъ изреченная есть ложь.
Верьвая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣнны міръ въ душѣ твоей
Таинственно волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушить наружный шумъ,

Дневные ослѣднія луки:
Внимай имъ и молчи!» (*Sentimus*).

Такова характерная поэтическая исповѣдь Тютчева. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ вицѣальная форма стихотворенія часто не въ состояніи выразить его содержанія, является иногда блѣдною, туманною, порою даже отчасти небрежною или прибѣгающей къ нѣсколько рискованнымъ поэтическимъ оборотамъ. Такая поэзія много говорить уму и сердцу вдумчиваго, чуткаго цѣнителя, но она на половину нѣма для средняго, разсѣяннаго, не любящаго сосредоточиваться читателя.

Однако эта поэзія тонкихъ, часто неуловимыхъ душевныхъ ощущеній далеко не чужда общественныхъ, говоря еще точнѣе,—національно-политическихъ мотивовъ, болѣе доступныхъ пониманію большої публики и способныхъ волновать и даже раздражать въ зависимости отъ тяготѣнія человѣка къ тому или иному общественному настроенію. Въ изданіи стихотвореній Тютчева (1886 г.) отдѣль, озаглавленный *Исторія-Політика*, занимаетъ приблизительно третью часть всей книжки и, какъ мы еще увидимъ, можетъ быть, показалъ, нѣсколько пополненъ изъ другихъ отдѣловъ того же изданія.

Стихотворенія этого отдѣла, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ (по отношенію къ историческимъ эпохамъ, не пережитымъ самимъ поэтомъ,—въ порядкѣ самихъ эпохъ, но не времени написанія того или другаго произведенія), охватываютъ событія цѣлаго ряда десятилѣтій, начиная отъ середины 20-хъ годовъ (восходя даже къ болѣе раннему времени, къ вѣку Наполеона) и продолжаясь не прерывной цѣпью до конца 60-хъ годовъ. Получается такимъ образомъ довольно послѣдовательная поэтическая лѣтопись, очень интересная и поучительная въ смыслѣ ознакомленія съ постепеннымъ развитіемъ одной важной стороны міросозерцанія поэта, его общественно-политическихъ идеаловъ и симпатій. Нужно, однако, сознаться, что затрагиваемые Тютчевымъ въ его политическихъ стихотвореніяхъ мотивы не отличаются особымъ разнообразіемъ и, посія достаточно яркую окраску въ духѣ опредѣленной политической доктрины, эту именно односторонностью осуждаютъ себя на болѣе или менѣе равнодушное отношеніе къ нимъ со стороны приверженцевъ иныхъ лагерей. Это въ большинствѣ случаевъ стихотворенія партійныя, написанные подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ текущихъ событій, проникнутыя духомъ борьбы и въ то же время сравнительно мало задѣвающія—въ иныхъ случаяхъ —непосредственные интересы рус-

ской народной массы. Этюю стороною своей поэтической деятельности Тютчевъ, следовательно, также принадлежитъ скорѣе извѣстному кругу,—на этотъ разъ кругу сочувствующихъ единомышленниковъ,—чѣмъ общирнымъ слоемъ читающаго люда. Чистый художникъ-мыслитель и политический борецъ, Тютчевъ одинаково можетъ быть излюбленнымъ поэтомъ лишь для немногихъ.

III.

На только что указанной второй сторонѣ поэзіи Тютчева мы и намѣрены сосредоточить наше вниманіе,—разсмотрѣть, въ какую форму отлились общественные взгляды поэта, почти сверстника Пушкина, воспитавшагося подъ влияніемъ традицій его чистаго художества и дожившаго до треволненій позднѣйшихъ эпохъ.

Центральнымъ пунктомъ въ политической поэзіи Тютчева является идея славянскаго единенія; въ виду этого факта прежде всего интересно прослѣдить отношеніе поэта къ западно-европейскому миру и уяснить его взглядъ на мировую роль его отечества, на взаимное отношеніе между Русью и Западомъ. Послѣдній, былъ достаточно хорошо извѣстенъ Тютчеву по непосредственному знакомству и оставилъ весьма осознательные слѣды въ его произведеніяхъ, давъ немалую пищу для его поэтическихъ вдохновеній. Но здѣсь намъ приходится отмѣтить то же явленіе, на какое мы указывали, говоря о поэзіи Майкова: поэзъ въ данномъ случаѣ раздвоенъ на художника и мыслителя и упивается, именно какъ поклонникъ красоты, роскошью чудной природы, ея тепломъ и свѣтомъ (у Майкова сюда присоединяется еще характерное для его музы тяготѣніе къ античному миру, въ гораздо слабѣйшей степени замѣтное у Тютчева), не перенося въ то же время своихъ симпатій на формы общественной жизни и складъ идей, направляющихъ ходъ послѣдней.

Если имѣть въ виду одни только стихотворенія Тютчева, лишенныя политической окраски, онъ памъ представляется космополитомъ, которого отнюдь не тянетъ къ родной почвѣ, который ощущаетъ себя дома повсюду, находясь лицомъ къ лицу съ природою,—даже болѣе того: передъ пами страстный обожатель „блаженного“ Юга, рвущійся туда съ холоднаго Сѣвера, какъ на родину съ чужбины, куда его случайно занесла судьба.

„Глядѣлъ я, стоя надъ Невой,
Какъ Исаака великанъ

Во мглѣ морознаго тумана
Свѣтился куполъ золотой.
Всходили робко облака
На небо зимнее, иносное;
Бѣлая въ мертвенномуѣ чюкѣ
Олодопѣла рѣка.
Лѣ вспомнилъ, грустно молчаливъ,
Какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ солнце грѣеть,
Теперь на солнцѣ пламенѣть
Роскошный Гелукъ заливъ..
О Сѣверъ, Сѣверъ-чародѣй!
Иль я тобою оковданъ?
Иль въ самонѣ дѣлъ я прикованъ
Къ гранитной полосѣ твоей?
О, еслибъ мимолетный духъ,
Во мглѣ вечерней тихо вѣя,
Меня унесъ скорѣй, скорѣе
Туда, туда, на теплый Югъ!“

Какъ „растворенный Эдемъ“, представляется этотъ „золотой, свѣтлый“ Югъ очамъ поэта въ сравненіи съ роднымъ „царствомъ выюги“, со „свинцовыми небосклонами“ Сѣвера, гдѣ —

... воздухъ колеть, снѣгъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ,
И холодъ, чародѣй всесильный,
Одинъ господствуетъ вполнѣ!
(„Даено мъ, даено мъ, о Югъ блаженный“).

„Сонный хладъ Киммерийской грустной ночи“,—такъ характеризуетъ Тютчевъ родную, но чуждую его сердцу природу, переносясь силою воображенія въ иной, родимый край,—родимый для всякой поэтической души,—представляющейся ему потеряннымъ раемъ:

„Лавровъ стройныхъ волыханье
Зыбеть воздухъ голубой;
Моря тихое дыханье
Прогреваетъ лѣтній зной.
Цѣлый день тамъ солнце грѣеть
Золотистый виноградъ;
Баснословной пылью вѣеть
Иль подъ измѣнчивыхъ аркадъ.
Сновидческихъ безобразныхъ
Скрылся Сѣверъ роковой;
Сводомъ легкимъ и прокраснымъ
Свѣтить небо надо мнѣ,
Снова жадными очами“

Свѣтъ живительный я пью
И подъ чистыми лучами
Край волшебный узнаю".

(„Вновь зеленъ я сижу очи").

Не желая утомлять читателей дальнѣйшими длинными цитатами, отиѣтимъ для полноты иллюстраціи еще такія стихотворенія, какъ *Дорога изъ Кенигсберга въ Петербургъ*, — рисующее картины роднаго ландшафта „подъ дымчатыи навѣсомъ огромной тучи снѣговой“, — „Грустныи видъ и грустныи часъ!“, „Въ дорогѣ“, „И такъ отѣхъ уен-дился я съ вами, мѣста не милая, хоть и родныя“: во всѣхъ этихъ пьесахъ родина поэта представляется въ видѣ безлюднаго края, „не бывшаго родимымъ для его душа“, гдѣ нѣтъ ни звуковъ, ни красокъ, ни движенья, гдѣ небесный сводъ вѣло глядѣть на тощую землю, усталая природа спать, погрузившись въ желѣзный сонъ, и только блѣдныи березы, малкій кустарникъ, сѣдой мохъ кое-гдѣ смущаютъ мертвенній покой, подобно лихорадочнымъ грезамъ, гдѣ мѣсяцъ свѣтить какъ гробовой призракъ изъ тумана,—словомъ, гдѣ нѣтъ жизни,— и воображеніе то и дѣло уносить поэта изъ этого царства тѣней въ „чудныи“ края, гдѣ „радужныи горы въ лазурныхъ глядятъ озера“, гдѣ „тотъ же мѣсяцъ, но живой, дышетъ въ зеркаль Лемана“, въ тотъ край, гдѣ „нѣтъ теперь ужъ нась“, вслѣдствіе чего лучше и не вспоминать о немъ, чтобы не усиливать и безъ того гнетущей тоски.

Разумѣется, указанными заявленіями еще не решается всесѣло вопросъ объ отношеніи Тютчева къ родной русской природѣ: какъ натура истинно поэтическая, онъ умѣть вездѣ подмѣтать красоту и воплощать ее въ образы. Прочтемъ на выдержку такія его пьесы, какъ, напримѣръ, „Какое лѣто, что за лѣто!“, „Тихо въ озерѣ струится“, „Гроза дорогой“, „Тихой ночью позднимъ лѣтомъ“, „Какъ весела трохота лѣтнихъ бурь“, „Листья“, „Есть въ осени первоначаль-ной“, „Небо блѣдно-голубое“, „Осенний вечеръ“, „Обетына вѣщую дре-мотой“, „Осенней поздніею порою“, „Зима не даромъ злится“, „Еще земли печаленъ видъ“, „Весеннія воды“, „Первый листъ“ и пр. и пр.— и мы убѣдимся въ томъ многообразіи вдохновеній, какимъ дарила поэта не только вѣчно юная весна, но и осеннеев увиданіе блѣдной сѣверной природы,—менѣе всего, однако, русская зима, въ чёмъ Тютчевъ довольно рѣзко расходится съ Пушкинымъ, сходясь съ нимъ въ любви къ осени, особенно „первоначальной“. Восторженное упоеніе природою юга свойственно каждому поэту и, конечно, не можетъ

удивлять никого: вспомнимъ аналогичные факты изъ поэзіи хотя бы Некрасова, — и все-таки именно при этомъ сопоставлениі намъ всего рѣзче бросится въ глаза отмѣченный нами космополитический характеръ чистой лирики Тютчева: эта поэзія во всякомъ случаѣ не проникнута никакою колоритомъ русской природы, не паходитъ, что „дома лучше“, и сѣверная выюга не звучить для нея сладче, чѣмъ ласковый шумъ южнаго моря. Извѣстны слова Некрасова о хандрѣ и нѣмотѣ, овладѣающими ямъ на прекрасной чужбинѣ, его заявленіе, что только на родной сторонѣ опь можетъ быть поэтомъ,—не примѣпимы къ служителямъ чистаго искусства, какимъ является и Тютчевъ вѣѣ обособленной сферы своей тенденціозной поэзіи. Поэтъ-народникъ и поэтъ-художникъ сходятся, погидпому, въ одномъ пункте,—въ отрицательномъ отношеніи къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ про текли ихъ дѣтскіе годы,—но только повиданому. Достаточно извѣстно, почему родныя мѣста не будили въ душѣ Некрасова отрадныхъ вос поминаній; Тютчевъ не научился въ дѣтствѣ „терпѣть и ненавидѣть“, но при свиданіи съ тѣми мѣстами, гдѣ онъ мыслилъ и чувствовалъ впервые, онъ смотрѣть безъ участія, какъ на пѣчто чуждое, давно умершее, на свой дѣтскій возрастъ, „смутный призракъ забытаго, загадочнаго счастья“, и у него вырывается восклицаніе:

„Ахъ, вѣты! Не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Былъ для души моей родимыи краемъ;
Не здѣсь расцвѣль, не здѣсь былъ величаемъ
Всилкій праздникъ молодости чудной!
Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ!“
(„И такъ, опять уединялся я съ сами“...).

IV.

Совершеннѣе иное отношеніе къ родной земли вскроется передъ нами, если мы перейдемъ къ тѣмъ стихотвореніямъ Тютчева, въ ко торыхъ выражается его взглядъ на русскій народъ, какъ на коллек тивную личность, и на его историческое предназначеніе. Обстановка, среди которой живеть этотъ народъ, не дѣлается наряднѣе въ глазахъ поэта, но тѣмъ поразительнѣе выступаетъ контрастъ между этой неприглядною внѣшностью и внутреннимъ величиемъ народнаго духа:

„Эти бѣдныя соленныя,
Эта скудная природа,—
Край родной долютерпимыя,

Край ты русского народа!
 Не пойметъ и не одѣнть
 Гордый взоръ иноzemенныи,
 Что сквозить и тайно свѣтить
 Въ наготѣ твоей смиренной.
 Удрученный ющай крестной,
 Всю тебя, земля родная,
 Въ рабскомъ видѣ Царь Небесныи
 Исходиши, благословляя".

Этакъ немногихъ, но выразительныхъ строкъ уже достаточно, чтобы уяснить себѣ основу воззрѣй Тютчева на иноzemенныи Западъ съ характеромъ для него гордостью и на Русь, какъ на страну, излюбленную и благословенную свыше за ея долготерпѣніе въ смиреніе. Построенное на такомъ базисѣ противоположеніе двухъ міровъ есть одинъ изъ краеугольныхъ доктринальныхъ славянофильского ученія. Мы не намѣрены вдаваться въ анализъ этого взгляда, хотя не можемъ не повторять высказанного нами же по другому поводу замѣчанія, что въ указанной формулы трудно не усмотрѣть того самаго смертнаго грѣха, который приписывается Западу, какъ его коренное свойство,—другими словами, трудно не усмотрѣть внутренняго противорѣчія. Приведенные стихи Тютчева буквально повторяютъ терминологію Хомякова, предрекавшаго гибель Англіи за то, что она лукава и юрда, и предвидѣвшаго, что „другой странѣ смиренной, полной вѣры и чудесъ, Богъ отдастъ судьбу вселенной, громъ земли и гласъ небесъ“. Извѣстно, что тотъ же поэтъ, теоретикъ славянофильства, предостерегалъ свое отечество отъ „слѣпой гордости“, убѣждая его не склоняться на льстивые голоса, приглашающіе кичиться силой, славой, вообще земнымъ прахомъ, и, вспоминая горделивое самосознаніе „избраннаго рода“, древняго Израїля, заявлялъ, что Богъ не терпитъ людской гордыни и отвергаетъ мниящихъ себя солью земли. И тѣмъ не менѣе, по его же глубокому вѣрованію, святая Русь есть именно избранница Божія, и самъ народъ обязательно долженъ проникнуться тѣмъ же взглядомъ на себя самого, разъ только онъ дѣростетъ и разовьется до сознательнаго отношенія къ своимъ судьбамъ и задачамъ: иначе говоря, его — принимаемое за бесспорный фактъ—смиреніе есть явленіе временное, зависящее отъ степени пониманія своей міровой роли. Хомяковъ понималъ, что смиреніе можетъ быть и „рабскимъ“, — и этого вида смиренія онъ такъ же мало ждалъ для своей родины, какъ и слѣпаго самообожанія, но не задавался вопросомъ о томъ, дѣйствительно ли выдвигаемое имъ качество

присуще русскому народу, какъ пѣчто сознательное и неизмѣнное при какихъ бы то ни было условіяхъ исторической обстановки.

То же самое отношеніе къ вопросу въ общемъ мы находимъ и у Тютчева. Русскій народъ есть исполнитель „небесныхъ путей“, чующій надъ своею главою „авѣду въ незримой высотѣ“ и неуклонно идущій за нею къ таинственной цѣли (*На взятие Варшавы*); Русь—„лучшихъ будущихъ временъ глаголь въ жизнь и просвѣщеніе“ (*Теперь тебѣ не до стиховъ...*), носительница Божіей правды, которую дерзко зоветъ на бой людская кривда (*Польскій мятежъ*), противъ которой ополчились всѣ „богомерзкіе народы“, поднявшіеся со дна царства тьмы. На европейской почвѣ фарисейская наука создала двойную правду (*Славянамъ, прѣхавшимъ въ Москву*); цѣлый міръ сталъ воплощенною ложью (*Хотя бъ она сошла съ лица земного...*), и только одна Русь является пріютомъ для гонимой истины. Къ Россіи, по убѣждѣнію Тютчева, непріложима общая иѣрка: она представляетъ собою пѣчто особенное, непостигимое для узкаго и сухаго человѣческаго разумѣданія:

„Умъ Россіи не понять,
Личиномъ обличъ не измѣрить;
У неї особенная стать:
Въ Россію можно только вѣрить“.

Эти четыре строчки уже престарѣлого поэта, написанныя въ концѣ 1866 г., какъ бы резюмируютъ вкратцѣ содержаніе длинной тирады Б. Н. Алмазова въ его извѣстномъ стихотвореніи *Русь и Западъ*, относящемся къ болѣе раннему времени (начала Крымской войны),—тирады, обращенной къ народамъ Запада съ заявлѣніемъ, что имъ не понять русскаго народа, не постигнуть высокаго смысла его судьбы, хотя бы они силою научнаго анализа и возстановили даже всѣ черты жизни давно отжившихъ націй. Мы еще увидимъ, какъ формулируется Тютчевымъ его общая точка зрѣнія на призваніе Россія, какъ понимается имъ та „таинственная мета“, къ которой ведеть ее Прорѣдѣніе; но сперва наше вниманіе обращается на другой пунктъ,—именно на отношеніе поэта къ текущимъ событиямъ русской жизни въ зависимости отъ его основныхъ взглядовъ на исключительное положеніе Руси среди государствъ и народовъ мира.

V.

Здѣсь мы должны отмѣтить одну характерную черту, наблюдалася въ поэзіи не одного Тютчева, но и большинства писателей род-

ственного ему образа мыслей. Поэзія, вдохновляющаяся идеаломъ мещанского значенія роднаго народа, легко, даже незбѣжно переходить въ поэтическую публицистику, но при этомъ не менѣе фатально обрекается на односторонность и тенденціозное освѣщеніе,—перспектива, которая, конечно, угрожаетъ всякой вообще публицистикѣ, но едва ли не наиболѣе тому ея виду, который смотрѣть на вещи сквозь призму предвзятаго идеализма. Какою бы узкостью ни отличалась порою пессимистическая поэзія гражданской или міровой скорби, она все же обыкновенно остается болѣе привязанною къ почвѣ дѣйствительности, строить свои, нерѣдко поспѣшныя обобщенія на отдельныхъ, но реальныхъ фактахъ, хотя бы и невѣро понятыхъ или преувеличенныхъ. Национальный идеализмъ, напротивъ, слишкомъ охотно витаетъ въ облакахъ будущаго и мало считается съ настоящими, нерѣдко даже прямо закрываетъ глаза на трезвую, неприкрашенную и потому часто печальную правду жизни; вѣруя непоколебимо въ свои догматы, онъ не можетъ устоять передъ искушеніемъ окрасить въ цветъ своей теоріи какіе угодно факты, даже болѣе того,—иногда замѣнить факты гипотезами, выдаваемыми за несомнѣнныя истини. Насущныя нужды народа, какъ бы онѣ ни были жгучи, представляются мелкими, будничными злобами дня передъ великими задачами міроваго предназначенія,—и потому излюбленною областью национально-политической поэзіи является такъ называемая вѣшняя, международная политика, міровая арена, обозрѣваемая съ высоты орлиного полета, тогда какъ своя, домашняя жизнь остается совершенно въ тѣни. Не всегда, конечно, бываетъ такъ: стихотворенія И. С. Аксакова, какъ и вся его литературная дѣятельность, наглядно доказываютъ, что идеалистъ, послѣдователь рѣзко опредѣленной национальной доктрины, можетъ быть и реалистомъ, *не игнорирующимъ живой дѣйствительности съ ея запросами* (не говоримъ: *не окрашивавшимъ ея*); но въ общемъ национализмъ въ поэзіи не представляетъ благопріятной почвы для развитія гражданскихъ мотивовъ,—какъ и наоборотъ.

Сказанное вполнѣ приложимо къ интересующимъ насъ стихотвореніямъ Тютчева. Если не считать пяти пьесъ, посвященныхъ памяти Наполеона (изъ нихъ одна—переводъ изъ Маниони), эти стихотворенія представляютъ собою отклики поэта на длинный рядъ событий, начиная съ 1825 года и завершалась самимъ концомъ шестидесятыхъ годовъ. При послѣдовательномъ прочтении ихъ нетрудно убѣдиться, что собственно внутренняя жизнь русскаго народа нашла себѣ лишь

слабый отголосокъ въ этой националистической поэзіи: даже на пережитую его отечествомъ великую эпоху освобождения Тютчевъ откликался лишь однимъ,—разумѣется, прочувствованнымъ,—четверостишиемъ (*Императору Александру Второму*) да еще небольшимъ стихотвореніемъ, относящимся къ началу этой эпохи (1857 году),—стихотвореніемъ, на которое мы еще укажемъ ниже. За то вопросъ о славянскомъ братствѣ, о русско-славянскихъ и въ частности о русско-польскихъ отношеніяхъ, события 1848 и слѣдующихъ годовъ, Крымская война и печальной памяти борьба 1863 года—собрали обильную дань съ лиры Тютчева. Нараду съ этимъ предпочтеніемъ темъ известнаго порядка бросается въ глаза нѣсколько близорукое отношение къ затрагиваемымъ фактамъ, сказывающееся въ увлечениіи впішнимъ могуществомъ. Это въ особенности относится къ стихотвореніямъ, непосредственно предшествующимъ по времени тому печальному разочарованію, какое принесла съ собою героическая эпоха Севастополя. Въ своемъ взгляде на европейскія события того времени Тютчевъ вполнѣ согласенъ съ Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ, видя въ нихъ безумное „бѣснованіе языковъ“, неистовый прибой разъяренныхъ морскихъ волнъ, дѣйствіе адскихъ силъ, и не вдумываясь въ смыслъ этого исторического явленія; подобно обоимъ названнымъ писателямъ, Тютчевъ противопоставляетъ этому зрѣлицу разрушенія русского великаны съ его „полнымъ гордаго довѣрія покоемъ“, по выражению Лермонтова; сравнивъ стихотворенія „Море и Утесъ“ и „Ужъ третій юдъ блѣснутъ языки“ со „Святою Русью“ князя Вяземскаго и особенно первую изъ указанныхъ пьесъ съ обращеніемъ Жуковскаго „Къ Русскому Великану“—и увидимъ, насколько близокъ Тютчевъ къ послѣднему даже въ самой терминологіи, въ самомъ выборѣ поэтическихъ образовъ: оба стихотворенія написаны не только на одну тему, но даже какъ будто подъ непосредственнымъ влияніемъ одного на другое. Внутреннія условія русской жизни за тѣ же самые годы остаются одинаково незатронутыми у всѣхъ названныхъ писателей. Но проходить нѣсколько лѣтъ,—и два столь противоположные мѣра приходить въ прямое столкновеніе; наступаетъ пора тяжкаго испытанія, пробыки своихъ дѣйствительныхъ силъ. Восторженное отношеніе къ открывающейся съ 1853 года борьбѣ религиозно-национального характера, конечно, вполнѣ понятно, особенно въ человѣкѣ съ симпатіями и идеалами Тютчева; но и здѣсь нельзя не отмѣтить односторонности его взгляда даже по сравненію съ самимъ главою славянофильства, Хомя-

ковымъ. Послѣдній, вполнѣ вѣра, что Русь призвана на святую брань свыше, какъ орудіе Божіей воли, не забываетъ поставить ей на видъ, что такая миссія тяжела для земныхъ созданій, обремененныхъ грѣхами, и, перечисливъ безъ утайки „черную неправду въ судахъ“, „иго рабства“ и другіе „ужасные“ грѣхи, налегшіе на его родину, призываетъ „недостойную избранью“, но тѣмъ не менѣе избранную къ покаянію, къ уврачеванію азъ „лечеемъ плача“. Правда, исцѣленіе представляется вѣсколько легкимъ, и въ другомъ стихотвореніи Хомякова, непосредственно примыкающемъ къ приведенному, та же Русь является уже показавшемся и уподобляется разумному мужу, „суроно допросившему совѣтъ“ и съ чистымъ сердцемъ идущему на Божій призывъ. Но у Тютчева мы не найдемъ и такихъ, во всякомъ случаѣ характерныхъ признаковъ: даже въ стихотвореніи, про никнутомъ уже скорбью по поводу неожиданного оборота событий, онъ увѣщиваетъ свою страну не измѣнить себѣ и оправдаться передъ Богомъ; смотря впередъ, онъ, какъ мы уже видѣли, вѣрюетъ, что Русь есть живой залогъ лучшихъ будущихъ временъ, но совершающій обходить вопросъ о томъ, насколько она въ настоящемъ подготовлена къ такому высокому призванію, и почему она оказалась не на высотѣ предлежащей ей задачи (*„Теперь тебѣ же до стиховъ...“*). Испытанное разочарованіе не вызываетъ на трезвое раздумье, не возвращаетъ къ дѣйствительности, и все случившееся объясняется только „какимъ-то Божиимъ попущеніемъ“ (*ibid.*); прежняя точка зренія въ сущности остается въ полной силѣ.

Еще большая идеализація, еще большее удаленіе отъ реальной почвы вполнѣ естественно наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда поэтъ прямо приписываетъ свой собственный образъ мыслей цѣлой народной массѣ, то-есть, не довольствуясь вѣрою въ будущее, переносить свои идеалы въ настоящее и видѣть не то, что есть на самомъ дѣлѣ, но то, что ему хочется видѣть. Говоря о взятии Варшавы (26-го августа 1831 года), Тютчевъ утверждаетъ, что русскій народъ вело въ этомъ случаѣ „высшее сознаніе“, почему онъ и беретъ на себя смѣло „оправданіе небесныхъ путей“. Если бы это сознаніе выражалось только въ мысли о томъ, чтобы „грозой спасительной примира державы цѣлость соблюсти“, то еще можно было бы принять такое утвержденіе; но мысль поэта на томъ не останавливается, и онъ развиваетъ ее въ томъ смыслѣ, что, принося въ жертву „одноклъменнаго орла“, русскій народъ имѣлъ въ виду

„Славанъ родныя поколѣнья“

Подъ знамя русское собратъ
И вѣсть на подвигъ просвѣщенныя
Единомысленную рать". (*На залѣзе Варшауы*).

Едва ли нужно много говорить о томъ, какая смѣлая натяжка заключается въ этихъ словахъ, если даже мы согласимся разумѣть подъ именемъ народа только тѣ слова современного событию общества, которые могли болѣе сознательно къ нему отнести: гдѣ, спрашивается, данная, позволяющая объявлять тенденція панславизма (въ какой бы то ни было формѣ) сознательныи, завѣтныи идеаломъ этого столь еще юнаго въ политическомъ смыслѣ общества, взятаго въ цѣломъ?

Однако въ этомъ отношеніи жизнь сдѣлала свое дѣло и внесла нѣсколько иную поту въ общее настроеніе поэзіи Тютчева. Мы уже сказали, насколько слабо въ ней отразилась послѣдовавшая за Крымскою войною эпоха внутреннаго обновленія русской жизни; но пройти вполнѣ безслѣдно для творчества поэта она не могла,— и къ этому времени, когда русскому обществу пришлось сводить счеты со своимъ прошлымъ, когда вниманіе всѣхъ усиленно обратилось па свои насущныи домашнія нужды, относится единственное въ своемъ родѣ стихотвореніе Тютчева, говорящее о „старыхъ, гнилыхъ ранахъ“, о „рубцахъ насилий и обидъ“, о живительномъ золотомъ лучѣ свободы, который разгонитъ сонъ и туманы (писано въ 1857 году). Здѣсь передъ нами является „тѣмная толпа непробужденнаю народа“,— того самаго, которому поэтъ преждевременно приспѣлъ *смѣшее сознанье*. Несомнѣнно, что въ такомъ признаніи грустнаго, но неоспоримаго факта болѣе истиннаго смиренія, чѣмъ во многихъ заявленіяхъ смиренія, какъ залогѣ будущаго владычества надъ судьбами вселенной: приближеніе, хотя временное, къ дѣйствительности не замедлило окказать отрезвляющее воздействиѣ на поэта („*Надъ этой тѣмной толпой...*“). Спѣшимъ оговориться, что такому истинному смиренію, выражающемуся въ искреннемъ признаніи своихъ язвъ, отнюдь не противорѣчить вѣра въ великия душевныя качества народа и въ его великое міровое призваніе, лишь бы съ этою вѣрою не связывалось высокомѣрного отношенія къ другимъ, не проявлялось исключительности, сказывающейся въ противоположеніи себя другимъ, своего смиренія чужой гордости. Если бы смиренный мытарь въ своей молитвѣ сталъ благодарить Бога за то, что онъ не таковъ, какъ стоящий тутъ же гордый фарисей, онъ самъ вполнѣ уподобился бы послѣднему. Соплемемся на поэзію хотя бы Полонского для подтвержденія мысли о

совмѣстности гражданской скорби съ вѣрою въ свой народъ, равно какъ послѣдней съ братскимъ отношеніемъ къ другимъ народностямъ.

VI.

Теперь обратимся къ вопросу о томъ, какъ именно формулируетъ Тютчевъ историческое призваніе своего отечества. Въ своемъ рѣзкомъ по тону стихотвореніи „На графа Нессельроде“ поэтъ такими словами выражаетъ „святая упованія“ и „убѣжденія“ Руси:

„То, что обѣщано судьбами
Ужъ въ колыбели было ей,
Что ей завѣщано вѣками
И вѣрой всѣхъ ея царей;
То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечемъ,
То, что орелъ Екатерины
Ужъ прикрывалъ своимъ крыломъ,—
Вѣница и скапетръ Византіи
Всѧкъ не удастся насъ лишить!
Всемирную судьбу Россіи,
Нѣтъ, замъ ехъ не запрудить!...“

Итакъ, вѣнецъ и скапетръ Византіи суждены святой Руси, другими словами, не только сокрушение царства Магомета и освобожденіе единоплеменниковъ и единовѣрцевъ составляетъ великую задачу русскаго народа, но и болѣе того,—прямое преемство того международного положенія, какое принадлежало, хотя бы въ идеѣ, носителямъ вѣнца Византіи, какъ наслѣдникамъ міродержавныхъ римскихъ цезарей. Древній щитъ Олега на вратахъ Царьграда, по заявлению Пушкина, остановившій нашу рать передъ Стамбуломъ 1829 г., въ изображеніи Тютчева является символомъ исполненія вѣковаго завѣта въ 1854 г. (Олеюсъ Щитъ), когда истекъ уже четвертый вѣкъ господства невѣрныхъ, и роковой часъ готовъ пробить:

И своды древніе Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь освѣнть Христовы алтары!..
(„На чулъ малымъ прошелъ отъ народа“)

Безконечная ночь уступаетъ мѣсто свѣтлому дню, и поэтъ призываетъ Русь, „перекрестись, ударить въ колоколъ въ Царьградѣ“ и огласить весь Востокъ благовѣстнымъ звономъ: (Рассоють). Возобновленная Византія будетъ царствомъ славянъ: русскій Монархъ

падеть ницъ передъ алтаремъ св. Софія и встанеть, какъ всеславянскій Царь („Не зулъ молемъ“...); въ Кіевѣ, колыбели русскаго православія, и въ Царградѣ, столицѣ всего православнаго міра, совершился примиреніе Руси и Польши, вслѣдствіе чего вдорится важдѣлійный строй „въ славянской міровой громадѣ“. („Тогда лишь гэ полномъ торжествъ“...). Слѣдовательно, возстановленіе втораго Рима и славіе его во-едино съ третьимъ является предвосылкою для осуществленія истиннаго историческаго предназначенія Россіи, заключающагося въ собраніи подъ русское знамя славянскихъ племенъ; всѣ противорѣчія исчезнутъ, и „единомысленная рать“ пойдетъ вслѣдъ за своимъ вождемъ „на подвигъ просвѣщенія“.

Эта панславистская идея проходитъ красною нитью не только чрезъ всю специальную политическую поэзію Тютчева, но иногда проглядываетъ довольно явственно и въ его стихотвореніяхъ, повидимому, чисто художественнаго характера, по крайней мѣрѣ, относившихъ къ таковымъ въ печатныхъ изданіяхъ произведеній поэта. Мы едва ли ошибемся или допустимъ натяжку, если усмотримъ аллегорический смыслъ въ стихотвореніи *Альы*, которое позволимъ себѣ привести цѣликомъ, чтобы читатели сами могли судить о справедливости нашей догадки:

„Сквозь лазурный сумракъ ночи
Альы спѣжные глядѣть;
Номертвѣмья ихъ очи
Льдистынь ужасомъ разуть.
Властю никой обалимы,
До воншествія зары
Дремлють грозы и туманы,
Словно падшіе цари!
Но Востокъ лишь заалектъ,
Чарамъ гибельнымъ конецъ:
Первый въ вебѣ просвѣтѣть
Братъ старшаю юнца.
И съ главы болиаю браты
На меншихъ бѣжитъ струя,
И блестѣть въ вѣнцахъ наѣ злата.
Вса воскресшая семье“...

Укажемъ еще на пьесу „Восходъ Солнца“ („Молчитъ сомнительно Востокъ“), про которую,—правда, съ меньшою долею вѣроятности,—также позволительно предполагать, что она навѣяна не только совершеніемъ природы, но и идущую параллельно съ нимъ национально-политической думою.

VII.

„Слияние славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ“ при своей образности представляетъ собою формулу весьма растянутую и неопределенную: подъ нимъ можно разумѣть какъ соединеніе политического характера, притомъ весьма неодинаковое по формѣ, такъ и слияніе родственныхъ, но все же отдѣльныхъ народностей въ одинъ народъ, точнѣе говоря, въ данномъ случаѣ обрусѣніе. Трудности какъ первого, такъ еще болѣе втораго способа решенія славянскаго вопроса, достаточно очевидны, такъ что нѣтъ нужды о нихъ распространяться. Въ какомъ же именно видѣ представляется Тютчеву будущее всеславянство? Въ своемъ стихотворномъ привѣтствіи „Славянамъ“, прѣхавшемъ въ Москву въ 1867 г., онъ прежде всего заявляетъ о несомнѣмомъ фактѣ кровнаго братства всѣхъ славянскихъ народностей:

„Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народъ единмы,
Единой матери сыны“...

Подчеркнутая нами поэтическая истинность исправляется въ дальнѣйшихъ строкахъ того же стихотворенія, гдѣ мы читаемъ:

„О палько-мировое племя!
Когда же будешь ты народъ?
Когда же упразднится время
Твоей възможности, и незвѣдъ,
И грядетъ краикъ къ объединенію,
И рухнетъ то, что дамъ насы?...
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:
Ему извѣстны дни и часы...
И эта вѣра въ правду Бога
Ужъ въ нашей не укрѣсть груди,
Хотъ много жертвъ и юрия много
Еще мы видимъ впереди...
Онъ живъ, Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣть...
И слово „Царь-Освободитель“
За русскій выступить предѣлы!“...

Приходится, повидимому, понимать дѣло такъ, что славяне въ этнографическомъ смыслѣ являются достаточно едиными народомъ, но это единство должно еще привести къ политическому слиянію, къ созданію изъ единаго племени единаго народа именно въ смыслѣ го-

сударственного союза. Для достижения такого результата, несомненно, необходимы жертвы, необходима вооруженная борьба; поэты не ошибися въ предвидѣніи того, что имя Царя-Освободителя получитъ еще иное впечатлѣніе въ русскихъ предѣловъ, но быть бы, вѣроятно, мало удовлетворенъ результатами освободительного подвига 1877—1878 гг. съ точки зритія своихъ членій. Не проглядѣть также Тютчевъ въ того факта, что есть па лицо условія, дѣлящія славянъ, поселяющія между линіи розы. Эта печальная истинѣа отмѣчена и въ гораздо болѣе раннемъ посланіи „Къ Ганкѣ“ (1837 г.), изъ которого явствуетъ, что кровные братья цѣлые вѣка блуждали въ слѣнотѣ и разбрелись во всѣ концы:

„А случалось ли порою
Намъ столкнуться какъ-нибудь,—
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь.
И вражды безумной сѣя
Плодъ сторичный привнесло:
Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло“.

Къ сожалѣнію, въ событий позднѣйшихъ десятилѣтій, какъ пережитыя Тютчевыми, такъ и тѣ, до которыхъ онь не дожилъ, не обратили этихъ стиховъ въ устарѣлый анахронизмъ и показали, какъ еще далеко „славянской громадѣ“ до „вожделѣнаго строя“: даже примиреніе Польши съ Русью отнюдь еще не означало бы прекращенія всѣхъ пе братскихъ счетовъ между братьями, вовсе не расположенныхъ къ ассимиляціи и стойко держащимися каждой за свою особность, какъ бы мала она ни была; сознаніе кровного родства не устраиваетъ сталкивающихся интересовъ, противоположныхъ стремлений, и нерѣдко выѣсто полюбовнаго размежеванія и взаимнаго тяготѣнія создается вражда.

Тютчевъ не касается вопроса о причинахъ отмѣченной имъ славянской розы; однако, вчитываясь въ его стихотворенія и читая между строками, мы можемъ усмотреть, что въ качествѣ разъединяющаго элемента она выдвигаетъ, хотя не единственный, но весьма существенный, — именно вопросъ вѣроисповѣдный. Недаромъ же, въ самомъ дѣлѣ, проронено замѣчаніе о возможности русско-польского примиренія въ Кіевѣ и Царевградѣ. Этотъ намекъ даетъ намъ право заключить, что примиреніе обусловливается весьма утопичнымъ предположеніемъ о возможности отреченія Польши отъ „отступническаго“ Рима, столицы „лже-памѣтника Христа“ (*Enoclytca*). То же

обращеніе отъ Запада къ Востоку, конечно, предполагается само собою для всѣхъ вообще славянъ-католиковъ, когда утверждается, что осуществленіе всеславянской идеи зависитъ отъ возстановленія православнаго богослуженія въ храмѣ си. Софіи.

„О Русь, велиѣ грядущій день,
Вселенскій день и праедславный!“ (*Расконы*).

Здѣсь мы подходимъ къ центральному пункту славянофильского ученія, полагающаго въ православіи основу обще-славянской народности и отрицающаго всякую будущность одинаково у католицизма, какъ и у отшепившагося отъ него протестантизма. События 60-хъ годовъ приводятъ Тютчева къ заключенію, что надъ Римомъ совершается казнь,—заслуженная кара Божіей правды за тяжкій, тысячелѣтній грѣхъ, то-есть, за отпаденіе единства вселенской Церкви (писано въ 1867 г.); роковое слово: „Свобода совѣсти есть бредъ“ погубить самый принципъ лапидизма (*Encyclica*). Не менѣе характерно для настроенія поэзіи Тютчева другое стихотвореніе, относящееся къ протестантизму: послѣдній уподобляется дому, готовому опустѣть, храму, въ которомъ вѣра въ послѣдній разъ предстоитъ вѣрюющимъ, собираясь навсегда покинуть ихъ („Я лютеранъ люблю богослуженіе“).

И такъ, первыиъ условіемъ славянскаго единомыслія является единомысліе церковное. Осуществимо ли это условіе? Это вопросъ, на который, разумѣется, никакой опредѣленный отвѣтъ не можетъ быть данъ а priori, и мы видимъ только, какъ мало залетающая впередъ теорія считается съ фактами исторической дѣйствительности, и насколько она своею исключительностью въ сущности противодѣйствуетъ той самой цѣли, къ которой искреннѣйшимъ образомъ стремится. Другихъ пунктовъ разнѣ Тютчевъ не касается вовсе: славянамъ, прѣхавшимъ въ Москву, онъ говорить (въ цитированномъ выше стихотвореніи), что здѣсь они больше дома, чѣмъ у себя на родинѣ,— „здѣсь, гдѣ господство незнакомо инозыческихъ властей“,—какъ бы упуская изъ вида, что при всей ихъ близости другъ къ другу живые славянскіе языки все-таки не равняются одному языку и для взаимнаго пониманія требуютъ предварительного взаимнаго, хотя бы и нетруднаго, изученія. Отношеніе меньшихъ братьевъ, сѣхавшихъ „со всѣхъ славянщины концовъ“, къ старѣшему брату немедленноизмѣнилось бы, еслибы имъ пришлось принять языкъ послѣднаго именно какъ языкъ власти. И съ этой стороны вопросъ о всеславянствѣ оказывается гораздо болѣе сложнымъ и запутаннымъ, чѣмъ какимъ онъ представляется въ стихахъ и вообще въ теоріи.

VIII.

Есть, однако, глава въ исторіи славянскаго міра, свидѣтельствующая о прискорбной братской розни, которая никакъ не могла быть обойдена Тютчевымъ и въ значительной степени обусловила содержаніе его политической поэзіи. Мы разумѣемъ, конечно, вопросъ о русско-польскихъ отношеніяхъ, входящій, какъ составная часть, въ вопросъ о славянскихъ отношеніяхъ вообще.

Тютчеву выпало на долю касаться этого вопроса на протяженіи значительного периода времени, и, если нельзя сказать, чтобы его отношеніе къ вопросу измѣнялось въ своей основе сообразно съ различными его стадіями, то невозможно утверждать того же самаго относительно това, въ какомъ поэтъ говорилъ на эту жгучую для всякаго русскаго человѣка тему.

Интересно прежде всего сопоставить отношеніе Тютчева къ событиямъ 1830—1831 годовъ съ отзывами на нихъ другихъ представителей русской поэзіи. Жуковскій и Пушкинъ, выражая свое отношеніе къ совершившейся катастрофѣ, видѣть въ ней решеніе стародавнаго спора, давно уже взвѣшеннаго судьбою, и, мало заглядывая или и вовсе не заглядывая въ будущее, приводить на память прошедшее, тѣ взаимные счеты, которые должны были привести къ роковому концу. Правда, Пушкинъ ставить двойной вопросъ, могущій быть решеннымъ только въ будущемъ,—вопросъ о слияніи славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ или объ изсяканіи послѣдняго; но очевидно, что, разъ поставлена такая дилемма, отвѣтъ на нее готовъ уже заранѣе. Другое отношеніе къ дѣлу мы находимъ у Хомякова: „споръ славянъ между собою“ съ его точки зрѣнія является, конечно, самыи прискорбныи фактъ, и онъ, не вдаваясь въ архивный изысканія, отъ всего сердца предаетъ проклятию „позворъ безмыслишкой вражды, перешедшей въ поколѣнья“, и тѣ самыя преданія, на которыхъ указываетъ Пушкинъ, какъ безмолвныя для постороннихъ и слишкомъ краснорѣчивыя для заинтересованныхъ сторонъ:

„Да будуть прокляты преданы,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть ищеныя и страданья,
Випа пленцѣлльныхъ ранъ!“.

Выражающееся въ этихъ восклицаніяхъ чувство, конечно, не решаетъ закодованнаго вопроса, но во всякомъ случаѣ обѣщаеть бо-

лье для будущаго, чѣмъ неизбѣжно растравляющія язву воспоминанія о старыхъ обидахъ.

Тютчевъ, подобно Хомякову, также скорбить по поводу „рокового удара“, совершенного надъ „горестной“ Варшавой, и его стихотвореніе на эту тему, уже известное намъ, проникнуто состраданиемъ къ „одноплеменному ору“, пронзенному братскою стрѣлой“, но въ то же время возвышающимъ душу сознаніемъ неизбѣжности совершившагося „приговора судѣй“. Во имя своего высшаго призванія русскій народъ долженъ быть принести очистительную жертву, подобно тому, какъ нѣкогда Агамемнонъ принесъ богамъ на закланье родную дочь. Въ этомъ случаѣ Тютчевъ является, несомнѣнно, болѣе славянофиломъ, чѣмъ Хомяковъ, — именно какъ выразитель мистического взгляда на предназначение своего народа, исполнителя тайныхъ путей Провидѣнія. Въ чемъ заключается это предназначение, мы уже видѣли, равно какъ отмѣтили и рискованный приемъ поэта, отождествляющаго себя съ народомъ болѣе, чѣмъ это возможно; этотъ же приемъ виноватъ Тютчеву заключительную строфу разбираемаго стихотворенія (*На свадьбѣ Варшавы*):

„Варь слову русскую народу:
Твой пепель мы свато бережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ фениксъ, возродится въ немъ!“

Изъ всего этого ясно слѣдуетъ, что поэты считаютъ борьбу уже на вѣки конченную: отъ павшаго народа остается одинъ прахъ. Очевидно также, что достиженіе славянскаго единомыслія возможно лишь подъ условіемъ смерти однаго изъ членовъ семьи; тяжелая операция совершена и желанный идеалъ является осуществимымъ. Однако, спустя нѣкоторое время, оказывается не то, и Тютчевъ, какъ мы уже знаемъ, вновь поднимаетъ вопросъ о примиреніи Польши съ Русью, хотя, казалось бы, о примиреніи не могло бы быть и рѣчи, разъ оно замѣнено смертью одной изъ враждовавшихъ сторонъ. Стало быть, осталось на лицо нѣчто большее, чѣмъ пепель отъ жертвы всесожженія, и роковой вопросъ еще не можетъ считаться отошедшимъ въ область преданій (условій предполагаемаго примиренія мы уже выше коснулись). Вскорѣ затѣмъ поэту приходится еще разъ созерцать грустное зрѣлище братоубийственной борьбы: „мертвцы“ воскресли вновь „для новыхъ похоронъ“ (*Польский мятежъ*). Когда страсти разгораются до крайней степени, требовать спокойнаго, беспристрастнаго отношенія къ себѣ и къ противнику становится не-

возможнымъ,—и мысль о примиреніи исчезаетъ сама собою. Тѣмъ большимиъ диссонансомъ звучитъ задушевный привѣтъ *всѣмъ, безъ изъятія, братьямъ, прибывшимъ „на праздникъ мира и любви“ „со всѣхъ концовъ славяниновъ“*, рядомъ съ упомянутіемъ объ Иудѣ, „кто для своихъ всегда и всюду злодѣемъ былъ передолгъ“ (*Славянамъ*); конечно, позь пѣши, какъ говорится, слова не выкинешь, но непоправимый ущербъ, наносимый идеалу славянского братства вѣковымъ раздоромъ, сомнѣнію не подлежитъ. Поучительно сопоставить этотъ рѣзкій отзывъ съ другимъ, отдѣленнымъ отъ него ровно тридцатилѣтнимъ промежуткомъ: въ посланіи къ Ганкѣ (1837 г.), говоря о славянскомъ возрожденіи, Тютчевъ поминаетъ и Варшаву наряду съ Кіевомъ, Москвою и Вышеградомъ; братья начинаютъ обмѣниваться понятными другъ для друга рѣчами, и

„На аву увидѣть вишки
То, что снілося отцамъ“.

Выше мы сказали, что, несмотря на различія въ тонѣ, сущность отнosiенія Тютчева къ русско-польскому вопросу едва ли измѣнялась. Этому взгляду не противорѣчить, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что Тютчевъ, какъ мы сейчасъ видѣли, то считаетъ самый вопросъ поконченнымъ, то вновь говорить о примиреніи и затѣмъ, новидимому, теряетъ на него надежду. Въ этомъ отnosiеніи самый ходъ событий оказывалъ на поэта свое воздействиe, но основа его воззрѣнія оставалась всегда та же: Польша должна или приняться съ Россіею на почвѣ традицій *Кіева и Царыграда*, — вначале говоря, переродиться,—или навсегда погибнуть для славянства; какимъ изъ этихъ двухъ путей будетъ достигнуто единомысліе въ рядахъ послѣдняго,—покажетъ будущее. Примиреніе во всякомъ случаѣ является весьма проблематичнымъ, будучи поставлено въ зависимости отъ вѣроисповѣдного принципа.

IX.

Такова въ общихъ чертахъ национально-политическая поэзія Тютчева. Независимо отъ проникающей ее идеи, несомнѣнно, что сама современная исторія вліяла на ея содержаніе, пробуждая и поддерживая живой интересъ къ тѣмъ именно темамъ, къ которымъ влекли поэта его симпатіи. Жизнь Тютчева захватила безъ малаго три четверти того вѣка, который поставилъ ребромъ такъ много националь-

ныхъ и политическихъ вопросовъ, и поэтъ отразилъ въ своихъ произведеніяхъ тѣ изъ нихъ, которые имѣли ближайшее отношеніе къ его отечеству. Роль Россіи въ мірѣ, Востокъ и Западъ, православіе и патріотъ, панславизмъ и русско-польскій вопросъ, — все это такія темы, которая еще не скоро утратить своей остроты и которая въ теченіе XIX столѣтія неоднократно придавали характеръ очередныхъ вопросовъ дня и волновали всѣ умы. Отзывчивость Тютчева была далеко неодинакова по отношенію къ общественными проблемамъ различныхъ порядковъ; но въ той сферѣ, которая сосредоточила на себѣ его особенное вниманіе, онъ является одностороннимъ, страстнымъ, но искреннимъ, убѣжденнымъ бойцомъ, не страшася никогда выговаривать свое мнѣніе, и, насколько его чисто художественная поэзія можетъ доставить наслажденія развитому эстетическому вкусу, настолько же его боевая, тенденціозная поэзія цѣлна, какъ материалъ для ознакомленія съ умственными теченіями и общественными настроеніями русскихъ людей нашего вѣка, имѣющаго въ самомъ скоромъ времени сдѣлаться всецѣло достояніемъ нелѣцепріятной исторіи.

Н. Ампелъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Византійскій Временникъ за пять лѣтъ существованія ¹⁾.

(1894—1898).

Посвящается памяти А. А. Куника.

II.

Обращаясь къ другимъ группамъ сотрудниковъ, прежде всего даемъ дорогу дорогимъ гостямъ земли греческой, пишущимъ хотя и на близкомъ для византинистовъ языкѣ, но все-таки не родномъ для большинства нашихъ читателей въ Россіи. Эти читатели, какъ скажапо, не многочисленны, но мы имѣемъ основанія опасаться, что въ числѣ ихъ найдутся такие, которые будутъ затрудняться по цепропычкѣ или предразсудку новогреческимъ литературнымъ языкамъ. Отчасти ради ихъ мы останавливаемся нѣсколько подробнѣе на изложеніи содержанія писанныхъ по гречески изслѣдованій. Но есть при этомъ у насъ и другая цѣль. Редакціи *Византійскаго Временника* не было бы пріятно, если бы въ нѣдрахъ журнала водворился рѣшительный дуализмъ, то есть такого рода, чтобы пишущіе по гречески не читали напечатанного по русски, когда это они могутъ дѣлать, соотвѣтствію съ опасеніемъ, высказаннымъ сейчасъ относительно *ижко-*

¹⁾ Окончаніе. См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народного Просвещенія* за текущій годъ.—Окончаніе статьи печатается вдѣсь въ томъ видѣ, какъ оно было получено отъ В. Г. Васильевскаго за нѣсколько дней до его кончины, хотя онъ намѣревался еще сдѣлать въ неѣ нѣсколько дополненій и исправленій.

торыхъ русскихъ. Своими критическими замѣчаніями на одну изъ статей о Продромахъ, принадлежащую очень цами уважаемому автору, мы хотѣли бы убѣдить его, что не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія написаннаго по русски въ томъ-же самомъ издаціи.

Въ византійской литературѣ давно извѣстенъ писатель и поэтъ Феодоръ Продромъ, при большой плодовитости и трудолюбіи около пятидесяти лѣтъ подвизавшійся въ своемъ ремеслѣ, которое главнымъ образомъ заключалось въ составленіи торжественныхъ одѣ на разныя счастливыя и печальныя событія въ царскомъ домѣ двухъ Коминновъ *Иоанна* (1118—1143) и *Мануила* (1143—1180), на рожденія, браки и смерти, а также на побѣды и троумы, на счастливые походы, и лучше сказать на всѣ походы, изъ которыхъ цари возвратались живыми, ибо : неудачные экспедиціи считались за счастливыя и т. д. Многое изъ написаннаго имъ изучено или издано во французскихъ *Notices et extraits des manuscrits*, издаваемыхъ издавна Институтомъ, кардиналомъ *Мат* въ *Patrum Nova Collectio*, въ патрологіи *Мини* (т. 138), Леграномъ (*Legrand*) въ *Roule archéologique* и въ *Bibliothèque grecque vulgaire*, особенно же *Миллеромъ* (*Miller*) болѣею частью не цѣльными пьесами, а выдержками изъ нихъ въ томъ привѣчаній къ греческимъ историкамъ крестовыхъ походовъ (*Recueil des historiens des croisades. Historiens grecs* т. II); масса стихотвореній остается еще неизданною, или по частямъ извлекаются новѣйшими исследователями ради ихъ особынныхъ цѣлей; большими запасомъ копій съ неизданнаго, сдѣланнаго, собственно рукою, владѣетъ В. Э. Регель. Во всемъ этомъ множествѣ дѣйствительно драгоценнаго материала, напримѣръ для царствованія *Иоанна Комнина*, такъ обиженнаго въ греческой исторіографіи, мы найдемъ здѣсь несравненно больше подробностей военныхъ и политическихъ, чѣмъ у двухъ историковъ, Киннама и Никиты Хоніата, оставившихъ только довольно бѣглый обзоръ весьма интереснаго периода. Да и для правленія *Мануила* въ сочиненіяхъ, носящихъ имя Продрома, находится неистощимый рудникъ новыхъ свѣдѣній — по генеалогіи и фамильнымъ отношеніямъ, по исторіи вѣнѣчной и внутренней политики, по исторіи правовъ и обычаяхъ... Теперь, впрочемъ, начинаютъ говорить не объ одномъ Продромѣ, а о двухъ или даже трехъ, жившихъ въ первой половинѣ XII столѣтія и отчасти во второй. Это лучше отвѣчало бы количеству того, что идетъ подъ этимъ флагомъ.

Въ четвертомъ томѣ (1897 г.) *Византійскаго Временика* (стр. 100—127) напечатана статья греческаго ученаго Хаджидаки „Пері тѣу

Продрому Феодору хал' Іларіону^а—„О Продромахъ Феодорѣ и Иларіонѣ^б. Точною отправленія для Хаджидаки, первостепенного всѣми признаннаго филолога, автора руководящихъ трудовъ по исторіи новогреческаго языка, служать шесть вульгарно-греческихъ стихотвореній, изданныхъ Леграпомъ (*Biblioth que grecque vulgaire, Tome I, Paris, 1888*) съ именемъ Продрома, но уже ранѣе возбуждавшихъ не сколько разъ сомнѣнія относительно принадлежности одному и тому же автору, тѣмъ болѣе что одинъ Продромъ называется двумя именами, Феодоромъ и Иларіономъ, при чёмъ тождество лица сохраняется только при предположеніи, что второе имя монашеское. Хаджидаки сразу приводить рядъ историческихъ наблюденій, которыя дѣлаютъ почти невозможнымъ представление о тождествѣ. 1) Авторъ первыхъ двухъ стихотвореній обращается къ императору Ioannu Комнину (1118—1143) и даетъ о себѣ понять, что онъ женатъ, имѣть четырехъ дѣтей и старъ, а поэзъ двухъ слѣдующихъ произведеній обращается къ императору Manuилу (1143—1180) и называетъ себя монахомъ и молодымъ. 2) Изъ бранныхъ пасмѣшекъ, которыми Иларіона Продрома осыпаютъ въ монастырѣ Филоея живущие тамъ монахи, ясно, что, эти пасмѣшки относятся не къ Феодору Продруму, покинувшему мирскую жизнь и вступившему въ монашество, ибо Иларіонъ называется безграмотныи незъжою, на какого Феодоръ никогда не могъ сдѣлаться похожимъ. 3) Да и самъ Иларіонъ называетъ себя неученимъ, тогда какъ Феодоръ при дворѣ Ioanna выдавался своимъ литературнымъ талантамъ и широкимъ образованіемъ и безъ дурнаго лицемѣрія не могъ себя такъ унижать. 4) У Продрома есть стихотворенія, относящіяся къ 1168-му году, а съ другой стороны за 50 лѣтъ ранѣе того Феодоръ уже въ 1118 году сочинилъ „моно-дію”—похоронную иѣспъ или оду—на порфиороднаго и севастократора Андропика Комнина, ибо въ этомъ году палъ Андропикъ, сразившись противъ турокъ (ср. однако, ниже у Пападимитріу); если положимъ, что тогда ему было 20 лѣтъ, то въ 1168 году онъ, будучи 70-лѣтнимъ, не могъ бы дѣлать того, что собирается и считаетъ возможнымъ сдѣлать. 5) Феодоръ Продромъ былъ лысъ, а Иларіонъ могъ похвальстися хорошиими волосами, которые начинали выпадать, когда онъ долго не мылся мыломъ. 6) Одинъ называетъ самъ себя Феодоромъ, другой Иларіономъ, и такъ какъ Иларіонъ монахъ и еще молодъ, то не можетъ уже превратиться въ Феодора (принимая другое имя съ постриженiemъ) и сдѣлаться отцемъ семейства, какимъ является Феодоръ. 7) Иларіонъ гораздо бѣднѣе средствами къ жизни, чѣмъ

Феодоръ. 8) Феодоръ хвалятся изяществомъ своихъ стиховъ, Иларіонъ—нигдѣ на это не рѣшается, напротивъ признаетъ свое убожество. 9) Феодоръ льстить съ нѣкоторымъ чувствомъ мѣры, Иларіонъ доходить до нелѣпости и богохульства 10) и фразеология при обращеніи къ царю отлична у обоихъ и т. д. и сверхъ того у Иларіона можно найти уже языческія подражанія Феодору.

Каждое свое положеніе Хаджидаки сопровождаетъ обширными выписками и сопоставленіями изъ поэмъ Леграна; доводы его представляются на первый взглядъ неотразимыми, но онъ самъ подсказываетъ одно возраженіе, которое, впрочемъ, безъ большаго труда устраниетъ. Оба писателя имѣютъ притязаніе быть поэтами, то-есть, предъявляютъ право на творчество, на фикцію, на перевоплощеніе въ другія личности; ужели-же они никогда не могли подняться подъ непосредственнымъ грубымъ реализмомъ и рисовать только себя самихъ, такъ что пѣвшій не въ состояніи былъ вообразить себя кудрявымъ? Хаджидаки не допускаетъ никакого полета фантазіи у такихъ стихослагателей, какъ наши Продромы, и приводить на это доказательства, въ которыхъ, пожалуй, и нѣть большой нужды. Довольно общаго знакомства со стилемъ и томомъ писателей этого рода. Но остается вопросъ о рукописномъ преданіи, который совсѣмъ не затронутъ, а сколько тутъ бываетъ всегда возможностей, совершенно непредвидимыхъ, но объясняющихъ и различія и сходства то плагіатомъ, то мудрованіемъ копіистовъ... За то Хаджидаки, какъ опытный языковѣдъ и филологъ, выдвигаетъ далѣе свою тяжелую артиллерію—наблюденія надъ употребленіемъ различныхъ формъ и разныхъ флексій языка; здѣсь мы не можемъ за нихъ послѣдовать;—можемъ только признать, что дѣйствительно существуютъ большія отличія въ разныхъ пьесахъ—особенно двѣ первыя отличаются отъ послѣдующихъ, но опять таки, можетъ быть это когда-нибудь объяснится инымъ способомъ. Итакъ, по Хаджидаки, только два первыя вульгарныя стихотворенія Леграна принадлежатъ извѣстному Феодору Продому, который назывался также Птохопродромомъ и жилъ въ первой половинѣ XII вѣка, остальные принадлежать гораздо младшему по времени Иларіону Продому—пожалуй тоже Птохонпродому, который монахомъ вступалъ въ монастырь Филоея; можетъ быть Иларіонъ находился въ родствѣ съ Феодоромъ, но въ образованіи ему значительно уступалъ. Въ заключеніе Хаджидаки обращается къ извѣстному сочиненію Карла Нейманна „Neumann, Griechische Geschichtsschreiber und Geschichtsquellen im XII Jahrhundert, Leipzig,

1882), съ которыми успѣхъ ознакомиться только послѣ завершениія своего изслѣдованія, когда написано было все; прочитавъ тамъ относящіяся къ Продрому страницы, Хаджидаки еще болѣе укрѣпился въ моемъ взглядѣ, а сверхъ того усмотрѣлъ возможность существованія еще третьаго Продрома, такъ какъ раньше ему известный Феодоръ Продромъ прибавляеть прежде умершаго своего тезку (Феодора Продрома тоже), какъ великаго ритора; *E. Куризъ* въ рецензіи въ *Bysant. Zeitschrift* указалъ еще четвертаго—правда, гораздо позднѣйшаго.

По тому же самому вопросу одесскій учепный грекъ Спиридонъ Пападимитріу помѣстилъ въ *Византійскомъ Временнике* 1892 года (т. V, стр. 91—120) статью подъ заглавіемъ „*Οι Πρόδρομοι*“ (Продромы). Она написана и напечатана тоже по гречески.

Пападимитріу сначала исправляетъ рядъ неточностей, какія онъ замѣтилъ у Хаджидаки, и дѣлаетъ при слушать свои маленькия дополненія. Неправильно Хаджидаки говорить, что оба первыя стихотворенія Продрома адресованы Ioannу II (Калояну) императору (1112 — 1143), второе изъ нихъ обращено къ *севастократору* Андропику, а это есть второй сынъ Ioanna; много другихъ позднѣйшихъ произведеній поэта посвящены уже не самому Андронику, а членамъ его семьи. Отождествляется оставленный Хаджидаки безъ объясненія, въ которомъ, впрочемъ, и не было особенной надобности, какой-то *Δαυτούντς*, поставленный у Продрома рядомъ съ армянскимъ Меліемъ — Малхомъ и сербскимъ Німанею; это—одинъ изъ зятьевъ ипонійскаго султана Масута, получившій отъ умирающаго тестя г.-Кесарію, именуемый у историковъ *Δεδούντς* (Choniat. p. 152, 153) и лишенный власти Килиджъ-Арсланомъ въ 1159—1160 году. Неправильно отнесеніе начала литературной дѣятельности Феодора Продрома къ 1118 году—на томъ основаніи, что онъ написалъ „*моподію*“ на смерть севастократора Андроника, сына царя Алексія будто бы убитаго въ сраженіи съ турками въ этомъ самомъ году (Аппа Соши. II, 282). Слова Аны, на которыхъ основывается представленіе о такомъ концѣ ея брата, неясны, а изъ самой *моподії* Продрома видно, что Андроникъ скончался и не на полѣ битвы и позднѣе—уже въ царствованіе своего брата, Ioanna. Упоминовеніе рядомъ объ Isaакѣ, его другомъ братѣ, ушедшемъ къ туркамъ (и возвратившемся послѣ 1128 года), а затѣмъ соображеніе, что смерть Андроника случилась еще при жизни его матери Ирины, которой въ стихотвореніи выражается соболѣзвованіе, приводить къ заключенію,

что смерть Андроника послѣдовала нѣсколько ранѣе 1126 года. Это было замѣчено и другими (разумѣемъ Дютейля). Мимоходомъ исправляется и еще чужая ошибка, въ которой Хаджидаки совсѣмъ не провинился. Никифоръ, котораго тоже пришлось оплакать Иринѣ Дукенѣ, супругѣ Алексія I Комнина, не былъ Никифоръ Вріенній, мужъ Аппы,—этотъ сопровождалъ императора Іоанна въ походѣ 1137 года, болѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ по смерти Ирины, а другой ея зять, женатый на другой дочери, Маріи, Никифоръ Катакалонъ.

Приведенъ еще одинъ стихъ третьяго стихотворенія въ дополненіе ніе къ тѣмъ, что у Хаджидаки, гдѣ авторъ называетъ себя *Иларіономъ*. Важнѣе всего то, что Хаджидаки упустилъ изъ вниманія заглавіе одного кодекса (*Coislin. 882*), гдѣ прямо стоять имя Иларіона: Ἰαρός στήχος Ἰλαρίωνος μοναχοῦ πτωχοπρόδρομοῦ. Съ большою насторожительностью въ подробностию опровергается различіепіе, какое Хаджидаки дѣлаетъ въ характеристикѣ Феодора Продрома сравнительно съ Иларіономъ въ томъ смыслѣ, что первый былъ будто бы способенъ къ грубой лести царю, чѣмъ второй—Иларіонъ Птохопродромъ. Изъ первыхъ двухъ стихотвореній, принадлежащихъ Феодору, приводятся примѣры, гдѣ царь называется земнымъ Богомъ или сравнивается съ Богомъ и т. д. Многое выписано. Но вопросъ объективнаго рѣшенія не получаетъ, потому что выраженія „земной Богъ“ и подобныя—ходичія, а затѣмъ многое дѣло вкуса.

Переходя къ собственному изслѣдованию, Пападимитріу напоминаетъ отзывъ Евстафія Солунскаго о Продромѣ, какъ о толкователѣ церковныхъ каноновъ, *незабвенномъ среди мудрѣхъ* (ο δοϊδιος ἐν σοφοῖς: *Mai. Spicil. Rom.* къ V, 174), и за тѣмъ обращается къ отрывку стихотворенія Продрома, приведенному у *Нейманна*, въ которомъ указывается существованіе тезки и сотоварища по ремеслу—очевидно, другаго старшаго Продрома (даже третьяго, если взять въ расчетъ Иларіона): „устрашаетъ меня Продромъ *предваривший* меня знаменитый риторъ, препрославленная музыкальная ласточка, говорливый языцъ“ и т. д. (*Neumann. Griesch. Geschichtschiereiter und Geschichtsquellen im XII Jahrh.*, Leipzig, 1888, S. 46). Нейманъ заключаетъ отсюда о наличии старшаго другаго Продрома, но его оспаривалъ Бруно Кейль (*Wiener Studien*, II, 1889, S. 106), доказывая, что все стихотвореніе, изъ котораго Нейманъ приведенъ отрывокъ, совсѣмъ не принадлежитъ какому бы то ни было Продрому, должно подписьваться этимъ именемъ и попало въ рядъ продромовскихъ

случайно, какъ это будто бы обличается самимъ просодическимъ размѣромъ—онъ совсѣмъ другой, чѣмъ въ остальныхъ, рядомъ стоящихъ. Послѣднее изображеніе Кейля очень легко отклоняется Пападимитріу при помощи простаго замѣчанія, что размѣръ въ пьесѣ не просодический, а тональный, при которомъ совсѣмъ не принимается въ расчетъ доля гласа или краткость слоговъ. Но и другіе, если не высказываются такъ рѣшительно, то колеблются; напримѣръ, *K. Крумбахеръ* требуетъ и ожидаетъ дальнѣйшихъ изслѣдований. Пападимитріу беретъ на себя эту обязанность, онъ пускается въ довольно сложныя справки и соображенія, отчасти прибѣгая къ неизданному матеріалу.

Полное заглавіе пьесы, изъ которой отрывокъ приведенъ Нейманномъ, есть такое: *εἰς τὸν ἀὐτοκράτορα μὴ παθορέου τοῦ Μ. σίκονόν τὸν Μαγγάνων, τοῦ ἀγίου Κασσιανοῦ, τάξαι μὲ εἰς τὸ διηρημένο ἀδέλφατον παρὰ τοῦ κραταῖον καὶ ἀγίου βασιλέως ἡμῶν.* — „Самодержцу, когда великій экопомъ Мангансъ, св. Кассиана, не хотѣлъ ввести меня въ *адельфатъ*, пожалованный мнѣ державнымъ и святымъ царемъ“. Изъ этой пьесы—она заимствована изъ венецианскаго сборника стихотвореній Продрома—Нейманъ обнародовалъ въ сущности только первые стихи. Для цѣлей дальнѣйшаго изслѣдованія пужко было имѣть подъ рукою всю пьесу. а такъ какъ оказалось, что есть цѣлый рядъ пьесъ родственнаго содержанія, касающихся все того же мангансаго *адельфата*, то Пападимитріу чрезъ посредство одного ученика грека досталъ себѣ копіи со всѣхъ — ихъ оказалось числомъ пять, пять *манганій*. какъ ради краткости и удобства порѣшилъ называть пьесы изслѣдователь.

1) Просьба императору объ адельфатѣ въ Манганахъ (ср. *Histoires grecs des croisades* II р. 623 приведено *Миллеромъ* (Miller) два отрывка),—*Neumann*, S. 49.

2) Жалоба па эконома — ср. *Neumann*, S. 46 *εἰς τὸν ἀὐτοκράτορα μὴ παθορέου* *M. σίκονόν* и т. д.

3) Опять просьба объ адельфатѣ, уже ранѣе пожалованномъ съ граммottoю (μετὰ συγγράμματος). Ср. *Neumann*, S. 50 второй отрывокъ (διηρού μοι λόγοι δέδωκας, ἀλλ' οὐ όρῳ τὴν χάριν).

4) Благодарственное посланіе въ стихахъ царю за дарованіе адельфата въ Манганахъ.

5) То же къ тому же самодержцу объ адельфатѣ въ Манганахъ. Ср. *Neumann*, S. 63 *Miller* въ *Recueil des histor. des croisad.* II, 754.

6) Сюда же можно отнести хотя и стоящее впѣ ряда стихотво-

реніе, обнародованное Миллеромъ (*Recueil des histor. grecs II, 531*), о живой лисице, где въ одной фразѣ (S. 538 в. 72): (*τὸν ἄρτον, διὰ μοι δέδωκας, τὸν μεραγγανεύμενον*) есть намекъ на получение адельфата. Живая лисица, которой поэты просили у императора Мануила, должна была служить врачебнымъ средствомъ отъ подагры.

Въ каждомъ изъ этихъ стихотвореній, разсуждаетъ Пападимитриу, могутъ находиться указания на то, что прежде всего требуется взлѣдователю въ данномъ случаѣ, именно указание на время, и на обстоятельства при какихъ написано произведение и слѣдовательно когда жилъ авторъ (предполается, что и его личность, означенная въ надписаніи сборника, тогда подтверждается). Это и дѣлаетъ далѣе Пападимитриу, приводя изъ каждой пьесы по иѣрольку стиховъ такого характера или значенія; но при этомъ онъ, къ сожалѣнію, впадаетъ въ ошибки, равно какъ съ самого начала погрѣшилъ даже въ определеніи того, что такое *аделфатъ*. Хронологическихъ ошибокъ — по крайней мѣрѣ въ некоторыхъ — онъ могъ бы избѣгнуть, еслибы ближе ознакомился со статьей, помѣщеною въ первомъ томѣ того же *Византійскаго Временника*, въ которомъ напечатано его греческое изслѣдованіе, то-есть, со введеніемъ въ изданіе В. Васильевскимъ надгробное слово Иранѣ-Бергѣ, супругѣ царя Мануила, — а ошибка въ определеніи слова *аделфать*, хотя и странная, извинительна для не юриста и собственно большого зла не принесла. Аделфать, по Пападимитриу, значить нечто похожее на монастырь, всего скорѣе спортскій домъ или богадѣльню для престарѣлыхъ и это потому, что у Анны Комини лица въ орфографіи св. Павла называны братией (*ἀδελφοῖ*). На самомъ дѣлѣ подъ аделфатомъ первоначально и по идѣи понимается содержание, необходимое для одного монашествующаго или совокупность доходовъ изъ монастырскихъ средствъ, предоставляемыхъ одному монашествующему; на практикѣ аделфать утратилъ твердую связь съ монашествомъ, такъ что это былъ доходъ, который могъ пріобрѣтать всякий, сдѣлавъ заранѣе вкладъ въ монастырь, въ монастыряхъ царскихъ — раздача такого рода *пребеній* могла зависѣть отъ царя — или же отъ богатаго вкладчика, оставшаго міряниномъ... (См. См. Соколовъ, Церковно-имуществоное право въ греко-римской имперіи, Новгородъ, 1896 стр. 289 и сл.).

Незнакомство съ рѣчью Василія Охридскаго и съ комментаріями къ ней во-первыхъ, навело къ долгимъ и совершенно напраснымъ препирательствамъ съ Еруно Кейлемъ о такомъ хронологическомъ пункте, относительно которого теперь вѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія,

о довольно запутанномъ промежуткѣ времени между бракомъ Ирины-Берты съ царемъ Мануиломъ Коминомъ и рождениемъ у нихъ дочери; при ясномъ показаніи современниковъ не нужно и словъ было здѣсь тратить, чѣмъ менѣе истощаться въ догадкахъ и длинныхъ разсужденіяхъ; а во-вторыхъ, это сдѣлало возможнымъ повтореніе старыхъ уже исправленныхъ ошибокъ. Вотъ примѣръ, разъясняющій въ чемъ тутъ можетъ заключаться важность дѣла. Изъ первой пьесы приведены стихи, показывающіе, что она написана вскорѣ послѣ рожденія первой дочери у императора Мануила отъ Ирины-Берты; она еще сосетъ грудь, хотя и коронована бескотихъ — съ титуломъ *десницами*. При разысканіяхъ о годѣ рожденія Маріи Мануиловны — повторяется очень сложныхъ и напрасно сложныхъ — привлекается къ дѣлу даже *Фабро* (*Фабротъ*), старинный издатель и комментаторъ Никиты Хоніата, давно признанный именно въ хронологіи совершенно несостоятельный. Мало того, привлекается къ разсмотрѣнію отрывокъ изъ другаго незданного цѣликомъ, но указанного Нейманномъ и Миллеромъ, другаго стихотворенія Продрома, въ которомъ сообщается, что „*шальма* изъ сада Коминновъ процвѣла (то-есть родила) въ десятый циклъ, а это составляетъ благопріятное предзначеніе, либо декада совершенное число“. Предполагается, что тутъ идетъ рѣчь о рожденіи все той же первой дочери Мануила и отсюда возникаютъ разсужденія о томъ, что значить въ данномъ случаѣ циклъ — число ли индикта или кругъ лѣтъ протекшихъ между замужествомъ Ирины и рождениемъ у нея дочери — и все это совершенно напрасно, — либо давно показано, что не о Маріи, первой дочери царя Мануила, тутъ идетъ рѣчь, даже не о дочери вообще, — см. первое замѣчаніе сдѣланное нами на страницѣ 98-й первого тома *Византійскаю Временика*: „Есть одно большое стихотвореніе Феодора Подрома съ надписью, какъ пѣснопѣніе на рожденіе порфиородной царицы (ἐπόμπατα ἐπὶ τῷ γενεθλίῳ τῆς πορφυρογεννήτου καὶ βασιλίδος), которое издателемъ (въ отрывкахъ *Miller, Historiens grecs des croisades II*, 351), отнесено поэту къ рожденію Маріи, по надписаніе должно и нужно удивляться, какъ издатель этого не замѣтилъ, потому что мать представляется дочерью короля, чѣмъ не была Ирина-Берта и, что еще важнѣе, новорожденный — младенцемъ мужскаго пола (ἀτόχος, θύτον), лжившимся на свѣтѣ въ десятый годъ брака: дѣло идетъ объ Алексѣѣ сына Мануила отъ второй жены, Маріи Антіохійской. Мануиль женился на ней въ 1161 году, а сынъ Алексѣй родился въ сентябрѣ 1169 года.

Въ отысканіи признаковъ времени въ послѣдующихъ пьесахъ Пападимитріу былъ иѣсколько счастливѣе.

2) Вторая пьеса писана въ праздникъ Рождества Христова, но годъ трудно указать; видно только, что послѣ первого похода Мануила противъ турокъ въ 1146 году. Важно отмѣтить, что уже теперь—тотъ старшій *Продромъ*, о которомъ поэты говорить какъ о своемъ другѣ и о союзникѣ по занятіямъ словесностью (*боготехнос*), не находится въ живыхъ, а недавно умеръ.

3) Писано, какъ и предыдущее произведеніе, до вступленія въ адѣлфатъ, но годъ пока опредѣлить нельзя; приведенный отрывокъ очень интересенъ, разсужденіе о причинахъ замедленія ввода во владѣніе адѣлфатомъ хотя и страдаетъ неясностью отъ неточно установленного понятія объ институтѣ, однако близко къ правдоподобію: въ царской грамотѣ на адѣлфатъ, вѣроятно, не былъ означенъ срокъ ввода во владѣніе.

4) *Благодарственное посланіе*—носить много признаковъ опредѣленного времени: сербскій походъ Мануила, полученная при этомъ царемъ рана въ скваткѣ съ однимъ изъ *сатраповъ*, которыхъ было такъ много, что Мануиль явился въ борьбѣ съ ними какъ бы *сторукимъ*—все это даже выраженіями напоминаетъ обстоятельства похода 1150 года. (См. Я. К. Громъ, Угрія, стр. 166: Пападимитріу не безъ вреда для себя игнорируетъ и этотъ трудъ). Намека на отношенія къ Андронику на самомъ дѣлѣ въ стихотвореніи, пожалуй, и неѣть; если усматривать въ словахъ объ укрощеніи морской бури, морского властителя указаніе на отраженіе сицилійского флота, то нужно разумѣть болѣе раннее нашествіе 1149 года. Итакъ, писано рассматриваемое произведеніе всего скорѣе въ 1151 году.

5) Въ пятой *маніакіи*, которая появилась на свѣтѣ черезъ три года послѣ вступленія автора въ адѣлфатъ, послѣ предыдущаго благодарственнаго посланія, заключается прославленіе царской щедрости и вообще добродѣтелей царя Мануила. Пападимитріу не поскупился здесь на выписки изъ венецианской рукописи и превзошелъ ихъ количествомъ Миллера (Miller), который тоже сообщилъ иѣсколько отрывковъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ греческимъ историкамъ Крестовыхъ походовъ (*Recueil des historiens des croisades. Historiens grecs II, 754 и сл.*). Для насъ иѣсколько странно, что исследователь, г. Пападимитріу, всю почти важность признаковъ, опредѣляющихъ время, когда написано стихотвореніе, опять сводить къ возможности точно узнать годъ, когда родилась Марія, первая дочь

Мануила; на счетъ этого пункта г. Пападимитріу продолжаетъ беспо-
коиться какъ и выше, дѣлая замѣченія противъ Кейля, но мы про-
ходимъ это молчаниемъ.

Описывалъ щедрость Мануила, поэтъ указываетъ прежде всего на
иконійскаго султана, осыпанаго подарками—иныхъми одеждами, зо-
лотомъ, коврами, тканями, драгоцѣнными перстнями. Иными образомъ
рѣчь идеть о посѣщеніи Константинополя султаномъ Килиджъ-
Арсланомъ въ 1161 году, описанномъ у византійскихъ (*Nicet.*, р. 164
Вопп; *Cinnat*, 204, а также *Eustathii opusc. ed. Tafel pag. 201*), п
армянскихъ (см. особенно *пресвитера Григорія*, продолжателя Матея
Эдесскаго—*Dulaurier*, *Bibliothèque histor. arménienne* р. 364) исто-
риковъ и писателей. Впрочемъ, нашъ изслѣдователь, г. Пападимитріу,
думаетъ выѣсто 1161 о 1159 годѣ, когда Мануиль во время Киликій-
скаго похода только что вступилъ въ дружбу съ иконійскимъ суз-
таномъ. Несомнѣнно, что лучше идуть сюда получившія легендарный ха-
рактеръ празднства въ щедрости на берегахъ Босфора, въ 1161 г., про-
славленныя и въ восточныхъ арабскихъ сказаніяхъ и въ современныхъ
западно-латинскихъ. Даѣмо византійскій поэтъ говорить о Мануилѣ, что
его *михниты* (драгоцѣнныя камни) доставили Галли и освѣтили Рейнъ;
Франція и Рейны (оі Рѣус) увидѣли горы золотыхъ цареградскихъ
монетъ и испытили свою гордость; онъ (Мануиль) озолотилъ весь
градъ Елуроз (тѣу 'Елоубру), искусныхъ въ мореплаваніи, то-есть,
Венецію. Наиболѣе специальный характеръ имѣть дальнѣйшее со-
общеніе о королѣ (о рѣ) Аламаніи (Германіи). Этотъ король — слѣ-
дуетъ разумѣть Фридриха Барбароссу — былъ пораженъ страхомъ,
когда ему возвѣстили о прибытии знатнаго своимъ родомъ, а еще бол-
льше своимъ искусствомъ рѣчи, *севаста* изъ севастовъ. „Изъ треня
и сложенія въ груды развѣ не позналъ молній золотыхъ твоихъ обла-
ковъ высоковѣйшій, падменій вонитель?“ (разумѣются груды зо-
лота, разсыпанаго предъ Барбароссою византійскимъ посланникомъ,
который, предполагается, перетирая золотыя монеты въ доказатель-
ство ихъ неподдельности и затѣмъ складывалъ въ кучки). „Знаменитый
отпрыскъ севаста и тагматорха, собравъ изъ твоихъ кошельковъ (сум-
окъ, фалантію) облака, щедро одождалъ ихъ (аламанновъ) золотыиъ
дождемъ и всѣхъ привелъ подъ ярмо твоей державы, прекрасно
устроивъ все дѣло, какъ надлежало *причинистому* къ царской крови,
красующемуся славою, разумомъ и вѣрою“. Иными образомъ рѣчь
идеть о Михаилѣ Палеологѣ и Дукѣ Ioannѣ (послѣдній былъ цар-
скими родственникомъ), посланныхъ Мануиломъ съ громадными сум-

мами денегъ сначала къ Фридриху Барбароссѣ, а потомъ къ итальянскимъ мелкимъ и болѣе крупнымъ династамъ для интригъ и подкуповъ съ цѣлью осуществленія плановъ о возстановленіи византійскаго господства въ Италии; вербовка вооруженныхъ людей производилась тогда въ усиленныхъ предѣлахъ и въ Италии; только приемъ, оказанный Барбароссою посланцамъ Мануила, былъ, конечно, не совсѣмъ такой, какимъ представляется византійскій стихослагатель. Эти факты, относящіеся къ 1155 году, хорошо извѣстны (см. мою статью въ „Славянскомъ Сборникѣ“ — „Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ. — Союзъ двухъ имперій“; *Giesebricht, Geschichte der deutschen Kaiserzeit V*, 68, 89). Историческое значеніе имѣютъ и другие стихи той же пьесы, приведенные въ отрывкѣ у Миллера (*Poesieil*, II, 755—756), гдѣ рѣчь идетъ о закрытии Дарданелль (корѣнѣсъ *Αρδανηός*) посредствомъ желѣзного моста, чтобы преградить врагамъ доступъ къ столицѣ съ моря и доставить спокойствіе гражданамъ, которые недавно испытали большой страхъ и обнаружили большое малодушіе и трусость при нашествіи южно-итальянскихъ норманновъ, разбудившихъ ихъ ночью своимъ шумомъ. *Нейманнъ* (S. 64) думаетъ, что это относится къ 1149 году, къ событию описанному у Киннама (pag. 101. Ср. Nicet. 130); но г. Пападимитріу замѣчаетъ, что по Никитѣ Хоніату (pag. 130) это событие приходится на болѣе позднее время, такъ какъ нападеніе подъ начальствомъ адмирала Майо у него помѣщается уже послѣ мира, заключеннаго между королемъ сицилійскимъ и Мануиломъ въ 1156 (по Муральту) или въ 1158 (по Гельцеру). Если желательно было быть точными, то слѣдовало бы знать и сказать, что Киннамъ и Никита говорятъ о двухъ разныхъ фактахъ. Киннамъ отмѣчаетъ нашествіе 1149 года, а Никата, наоборотъ, описываетъ только сицилійскую экспедицію 1158 года. Наиболѣе подробный и достовѣрный разказъ о нашествіи 1158 года (этотъ именно годъ и значится) находится въ *Annales Pizani* (Pertz, XIX, 55, 243=Marangone). Въ нашей статьѣ „Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ“ (Слав. Сборн., т. III (1876), стр. 399) было объ этомъ написано слѣдующее: „Въ юнѣ 1158 года норманскія галеры, въ числѣ 140, и 24 быстроходныхъ судна явились въ водахъ византійскихъ, взяли Негропонть, въ заливѣ Воло раззорили городъ Алимир; нѣсколько другиѣ приморскіи городовъ тоже пострадали; говорять, что сорокъ наиболѣе быстрыхъ судовъ прошли до Босфора, хотя не могли сдѣлать ничего серьезнаго, а только дали возможность пустить нѣсколько сребряныхъ и позолоченныхъ стрѣль во Влахернскую церковь въ честь

и отъ имени короля Вильгельма; но все-таки это нашествие навело большой страхъ на жителей столицы⁴. Постройка преграды въ Дарданеллахъ результатъ этого страха (ср. теперь *Recueil des historiens grecs des croisades II t. Appendix*, p. 754—755). Самый поздній фактъ упоминаемый въ письѣ тутъ, который поставленъ въ началѣ, посвѣщеніе Цареграда иконійскимъ султаномъ въ 1161 году.

Стихотворная статья о живой лясицѣ, имѣющая отношеніе къ «мангаріямъ», и стоящая въ ихъ, упоминаетъ о зятѣ Мануилла, сыне короля венгерскаго Гейзы, Белѣ-Алексѣѣ; значитъ, она написана въ 1163 году, когда Бела повѣничалъ быль съ Марию Мануиловною, или пѣсколько позднѣе.

Ближайшіе результаты своего разслѣдованія о манганіяхъ г. Пападимитріу сводить въ такихъ пунктахъ, отправляясь отъ послѣдней—назадъ къ первой: 1) пятая манганія написана въ 1159 году (скороѣ въ 1161 или 1162), 2) четвертая на три или четыре года раннѣе (ибо въ пятой замѣчено чистота чю тѣто ётос), такъ что вступленіе во владѣніе зделфатомъ нужно отнести на 1156 или 1155 годъ (скороѣ 1158 или 1159 годъ), 3) вторая написана на день Рождества годомъ раннѣе, то-есть, въ 1155 или въ 1154, ибо здѣсь говорится о рождениіи дочери, еще питавшейся молокомъ матери. Но о времени рождениія Marii намъ известно только то, что оно послѣдовало не скоро послѣ брака (январь 1146 года), и не раньше 1152 года. Если Никита Хоніатъ сообщаетъ, что при второмъ своемъ бракѣ съ Монферратисомъ (1179—1180 годъ) она переступила тридцатилѣтній возрастъ, то нѣтъ необходимости толковать эти слова совсѣмъ буквально.

Но что же отсюда слѣдуетъ для главнаго тезиса, къ которому долженъ быть клонить свою рѣчь г. Пападимитріу, тѣ есть для двойственности Феодоровъ Продромовъ, для существованія помимо покороненного во второй манганіи Феодора Продрома другаго съ тѣмъ же именемъ писателя, автора самихъ манганій и другихъ произведеній? Въ сущности ничего; остается только надписаніе венеціанскаго сборника, да близости времени, къ которому вообще могутъ пріурочиваться Продромы; но посмотримъ, какъ разсуждается г. Пападимитріу.

Изъ предыдущаго всякий можетъ убѣдиться, что манганіи не принадлежать перу Феодора Продрома (то-есть того, который представляется умершимъ во второй изъ нихъ), по какому то анониму. Однако, будеть предпочтительнѣе, если мы не успокоямся на признаніи автора анонимомъ, а будемъ искать чего-нибудь болѣе положительнаго. Рождается вопросъ, почему всѣ манганіи шесть, числомъ

въ манускриптахъ приписываютъ все-таки Феодору Продрому, хотя онъ въ рукописахъ даже не следуютъ по порядку одна за другою. Сверхъ того Феодору Продрому приписывается масса стихотворений, написанныхъ послѣ 1154 года *политическими* стихомъ, между ними иѣсколько и амбивескихъ: все они не принадлежатъ (засвидѣтельствованному во второй мангани) Феодору Продрому, но какому-нибудь другому анониму,—но въдѣль опять невольно возникаетъ и напрашивается вопросъ: почему такое множество стихотвореній, не принадлежащихъ Феодору Продрому, приписывается автору, носящему такое имя: думаетъ, что никакъ мы не укроемся отъ необходимости отвѣтить: потому что и позднѣйшій поэтъ равнымъ образомъ именовался Феодоромъ Продромомъ; только одноименность можетъ объяснять то явленіе, что произведенія двухъ различныхъ лицъ относятся на счетъ одного и того же лица и что эти два лица слились въ одно. Впрочемъ, можетъ быть современники дѣлали различеніе между двумя *омонимами*, называя одного просто Феодоромъ Продромомъ, а другаго Феодоромъ *Птохопродромомъ* (бѣдняго—продромомъ, Бѣднопродромомъ), при чемъ второе прозвище доставалось тому, кто менѣе имѣлъ заслугъ и достоинствъ. Такое объясненіе кажется болѣе естественнымъ, чѣмъ то, по которому прозваніе Птохопродрома дано за постоянныя жалобы на свою жалкую судьбу и бѣдноту. Попрошайничество свойственно многимъ византійскимъ ученымъ, можетъ быть — большей ихъ части; однако, они не получали соотвѣтственной прибавки въ составѣ своей фамиліи или прозвища хотя позднѣйшій изъ нихъ *Фили* (Филѣ) отлично могъ бы прозваться ПтохоФилею. Кроме того, различая два лица — Продрома и Птохопродрома, мы бы затруднились дать второй титулъ тому Феодору Продрому, которому воздалъ такую честь знаменитый Евстаѳій Солунскій.

Въ сущности все эти разсужденія не имѣли бы ни малѣйшаго значенія, если бы не надписанія въ кодексѣ венеціанскомъ и въ другихъ, гдѣ съ именемъ Продрома являются стихотворенія явно позднѣйшаго времени, чѣмъ *маннанімъ* и въ частности вторая изъ нихъ. Но въ надписаніяхъ первѣдко встрѣчаются ошибочные, невѣрные, очень часто онѣ принадлежатъ рукѣ позднѣйшей въ догадкѣ не особенно внимательныхъ и пропицательныхъ переписчиковъ. Собственно для укрѣпленія своей теоріи о двойственности Федоровъ Продромомъ г. Панадимитріу прежде всего долженъ былъ бы представить алеографическое изслѣдованіе о рукописяхъ и о той обстановкѣ, въ какой проявляются въ нихъ оглавленія и надписанія именъ автора. Выѣсто

того, исследователь спрашивает себя сейчас же, чёмъ объяснить повторяемость этихъ имель—родствомъ лицъ? но на это нигдѣ нѣть никакого намека. Ключъ къ разгадкѣ г. Нападимитріу находить въ выражении *πτοχοπρόδροματъ*, употребленномъ въ одномъ стихотвореніи: „пусть тебѣ не обманываетъ, всеавгустѣйший, название *πτοχοπρόδρομъ*; не ожидай, что я въ самомъ дѣлѣ пытаюсь растеніями и акридами; я совсѣмъ не люблю травы“ и т. д. Окончаніе такого рода, то-есть суффиксъ *атоу*, по Нападимитріу, употребляется не для обозначенія принадлежности къ какому-либо роду или племени, а скорѣе для обозначенія званія, чина или должности, какъ въ выраженіяхъ другаріатъ, доместикать. Итакъ Продромъ есть должностъ или прозвание (*officium*).

Продромъ есть собственно придворный чиновникъ нашего разряда, изъ болѣе незначительныхъ. Предположеніе можетъ показаться заманчивымъ, во основанія, на которыхъ оно построено, пока очень шатки. Можно сказать и такъ, что авторъ отрывка самъ сковалъ полукомическое словцо по образцу или по аналогіи съ выраженіями обозначающими званіе; при томъ приравненіе къ Предтечѣ (Продрому), какъ видно изъ вышеприведенного, заключается собственно не въ какой-либо должности, а, хотя и отрицательно, въ родѣ питанія: не пытаюсь акридами, какъ предтеча. По Нападимитріу, Птохопродромъ не даромъ пишетъ о своемъ *μηνομъ хожденіи* отъ царскаго дворца къ церкви (въ подлинникѣ, однако, тѣсъ палаточъ); рѣчь тутъ идетъ, где, не о простыхъ прогулкахъ для развлеченія, но о должностной обязанности; поэту ходилъ пѣнкою, потому что въ этоиѣ была его служба; однѣмъ словомъ—*πρόδρομатъ* состоялъ въ томъ, что при царскихъ выходахъ въ городѣ—для посѣщенія.

Перечисляемъ важѣйшия помѣщенные въ *Византійскомъ Временикѣ* статьи другихъ ученыхъ, чтобы закончить группою ученыхъ, вышедшихъ изъ школы Н. П. Кондакова.

Академикъ Л. Н. Майковъ для первой книжки изданія, сообщилъ статью: „Когда посѣтилъ Константинополь русскій паломникъ, разказы котораго включены въ „Бесѣду о святыняхъ Цареграда“, то-есть, въ недавно передъ тѣмъ падашній имъ памятникъ старинной русской литературы, византійскій интересъ котораго виденъ изъ его заглавія. Къ статьѣ присоединено письмо члена-корреспондента Академіи И. Е. Троицкаго къ академику Л. Н. Майкову по этому вопросу, который былъ потомъ предметомъ обсужденія другаго нашего члена-корреспондента Д. Ф. Кобеко въ иномъ академическомъ изданіи.

Нынѣшнему директору Археологического института въ Константинополѣ Ф. И. Успенскому принадлежитъ статья, воставленная, какъ слѣдовало, во главѣ издания (томъ первый стр. 1—17), — „Партии цирка и дамы въ Константинополѣ“. Авторъ задается цѣлью доказать, что общепринятое мнѣніе, будто терминъ *oī бѣмо* обозначаетъ партии цирка (*factiones*), много вредить постановкѣ вопроса о внутреннемъ устройствѣ Константинополя. По его мнѣнію, *тѣмѣръ* или *factiones* обозначаютъ церковныя партии, а *oī бѣмо* — городское населеніе или народъ, организованный по двамъ. Слѣдя за употребленіемъ термина *oī бѣмо* у писателей и въ Обрядникѣ Константина Багранороднаго, авторъ бросаетъ новый свѣтъ на исторію городского населения Константинополя, на отношенія правительства къ городскимъ учрежденіямъ и на систему обороны столицы отъ враговъ обывательскими силами.

Професоръ Харьковскаго университета, высокоуважаемый славистъ М. С. Дриновъ подарилъ журналъ статьями „О чѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана, какъ историческомъ матеріалѣ“ (въ первомъ (стр. 319 — 340) и второмъ (стр. 1 — 24) томахъ). Труды Хоматіана, „архіепископа всей Болгаріи“ (Охридскаго), приготовлены были къ изданію кардиналомъ Питрою и обнародованы послѣ его смерти безъ особенной исправности; по времени они относятся къ тому же періоду, какъ и письма Іоанна Навпактскаго и во многомъ по содержанию соприкасаются съ послѣдними, разъясняя Епірскія отношенія и съсѣдне-славянскія. Съ точки зрѣнія юридической изданіе было оцѣнено во *Временникѣ* же аенинскими учеными законовѣдомъ Монферратомъ (на греческомъ языке, томъ III, стр. 406—438). М. С. Дриновъ отнесся къ сборнику какъ историкъ и въ своемъ изслѣдованіи, къ сожалѣнію, незаконченномъ, прежде всего устанавливаетъ важнѣйшія хронологическія даты, разбирая ряды однородныхъ по содержанию документовъ, нѣкоторые тяжебныя дѣла, попутно касаясь самого существа историческихъ фактовъ и такимъ образомъ вводить въ уразумѣніе документальнаго сборника, имѣющаго первостепенное значеніе для исторіи Балканскаго полуострова въ началѣ XIII столѣтія. Дмитрій Хоматіанъ былъ въ перешкѣ и съ Іоанномъ Апокавкомъ, рекомендациія котораго даже былъ обязанъ своимъ избраніемъ на Охридскую кафедру.

Украшеніемъ нашего изданія должно считаться „Этюды по византійской энграffiti“ академика В. В. Латышева, потому что всякий разъ они представляли новинку, прекрасно обставленную объясне-

ніями и, конечно, безуокоризненную по точности и правильности сообщаемого и восстановляемого текста надписей. Въ первомъ томѣ (стр. 657—672) мы имѣемъ статьи: 1) „Надпись времени Юстиніана, найденная на Таманскомъ полуостровѣ“, касающаяся исторіи Воспорского Царства и заставляющая предполагать о какой-то постройкѣ, исполненной императорскимъ сановникомъ на Таманскомъ полуостровѣ, находившемся, слѣдовательно, наравнѣ съ Воспоромъ (Керчью) подъ непосредственnoю властью императора; 2) Вопросъ о времени извѣстной и ранѣе надписи Евпаторія, которую одни отоссили ко времени дипластія Ангеловъ (Исаака Ангела) конца XII вѣка, другіе — императора Маврикія конца VI вѣка; имя Маврикія или же Исаакія угадывалось въ сохранившемся окончаніи слова—*ис*, обозначающего явно лицо или владыку, повелѣвшаго Херсонскому (Корсунскому) дуксу вновь обновить кесарское зданіе. Изслѣдовавъ В. В. Латышева рѣшилась вопросъ въ пользу Маврикія согласно съ высказаннымъ ранѣе мнѣніемъ А. Л. Бертье-Делагарда. Во второмъ томѣ (стр. 184—188) находится его же статья: „Надпись времени Исаака Комнина, найденная въ Херсонѣ“: совершенная новинка, проливающая свѣтъ на положеніе вещей въ Корсунской области около 1059 года.

Рядомъ съ В. В. Латышевымъ мы должны упомянуть о Ю. А. Кулаковскомъ, профессорѣ Киевскаго университета, такъ какъ въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Византійскомъ Временнике*, онъ несолько разъ касался тѣхъ же самыхъ эпиграфическихъ памятниковъ, предлагая къ исправленію свои собственныя объясненія ихъ. Кроме того, онъ занимался въ *Временнике* историческою географіей и этнографіей среднегрекового русско-византійского юга. Такъ, 1) во второмъ томѣ (стр. 189—198) напечатала его статья: „Къ объясненію надписи съ именемъ императора Юстиніана, найденной на Таманскомъ полуостровѣ“: разногласіе съ В. В. Латышевымъ въ толкованіи содержанія надписи заключается въ томъ, что Ю. А. Кулаковскій доказываетъ, что она должна принадлежать Фанагоріи и относится не къ 533 году, какъ предполагалъ г. Латышевъ, а къ 548. В. В. Латышевъ вносятъ въ послѣдствіе разсмотрѣть соображенія г. Кулаковскаго при новомъ изданіи надписи Юстиніана въ своемъ „Сборнике греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи. (С.-Пб., 1896 № 98) и напечатать, что „къ остроумной, во всякомъ случаѣ, комбинаціи Ю. А. Кулаковскаго слѣдуетъ отнести очень сдержанно“.—2) Статья „Къ истории Босфора Киммерійского въ VI концѣ вѣка“ (томъ III стр. въ началѣ) написана по поводу объясненія

нія надписи Евнатерія А. Л. Бертъе-Делагардомъ и акад. В. В. Латышевымъ; авторъ послѣ подробнаго изученія исторіи города Воспора за означенный періодъ приходитъ къ заключенію, что надпись не можетъ принадлежать собственно византійскому сановнику императора Маврикія, а развѣ только мѣстному князьку варварскаго народца, уже освободившагося отъ римско-византійской власти; князь и его уполномоченный могли подражать византійской титулатурѣ. Главнымъ аргументомъ служатъ историческія свидѣтельства, изъ коихъ выходитъ, что Воспоръ въ данное время не былъ подъ державою императора; но при этомъ отъ вниманія г. Кулаковскаго, какъ, впрочемъ, и его предшественниковъ, ускользнуло чрезвычайно важное указаніе въ новеллѣ императора Тиберія, близкайшаго предшественника Маврикія; отсюда видно, что еще въ 575 г. Византія взимала повинности какъ въ Корсунѣ, такъ и въ Воспорѣ. Впрочемъ вно-
слѣдствіемъ, въ статьѣ „Къ исторіи Готской епархіи (въ Крыму) въ VIII вѣкѣ“ (Журналъ Министерства Народного Просвѣщенія 1898, февраль, стр. 173 сл.) г. Кулаковскій самъ призналъ, хотя и условно, возможность читать имя императора Маврикія въ надписи Евнатерія; возбуждавшій его сомнѣнія вопросъ о томъ, могъ ли византійскій сановникъ VI вѣка въ офиціальномъ документѣ назвать себя „истиннымъ работомъ“ своего императора, разыясненъ въ положительномъ смыслѣ В. В. Латышевымъ въ „Запискахъ Одесского общества ист. и древн.“ т. 21 (1898), стр. 244 сл. 3) и 4) Въ четвертомъ томѣ *Временника* (стр. 315—386) г. Кулаковскій ставить вопросъ: гдѣ находилась Вичинская епархія Константионопольскаго патріархата? Посредствомъ исы-
таннаго приема изученія географическихъ показаній — косвенныхъ и прямыхъ, въ италіанскихъ средневѣковыхъ картахъ, итнераріяхъ и у авторовъ-повѣстователей и т. д.—въ связи съ исторіей мѣстности въ которой являются на сцену печенѣги, русскіе бродники, татары, аланы, византійцы съ императоромъ Алексѣемъ Комниномъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что Вичинская епархія имѣла свою тер-
риторію на югъ отъ нижняго Дуная, то-есть находилась въ нынѣш-
ней Добруджѣ, и что Вичинъ соотвѣтствуетъ Дичину известнаго
списка „градомъ русскимъ“. Въ пятомъ томѣ *Временника* (стр. 323—
397) находимъ дополнительную замѣтку „Еще къ вопросу о Вичинѣ“,
гдѣ точнѣе пріурочивается Дичинъ къ нынѣшнему Мачину, въ гдѣ
авторъ вѣдается съ упущеніемъ ранѣе изъ вниманія статьею проф.
Томашка „Zur Kunde der Haemus-Halbinsel“, настаивая на отличіи
Дичана отъ Вичинъ, приморскаго города той самой пристани, южнѣе

Варны, въ которой, по свидѣтельству Константина Багрянородного, останавливались русскіе въ походахъ на Царьградъ (а Вичинъ есть Дичинъ Ипатьевской лѣтописи). 5) Въ пятомъ томѣ *Временника* находится статья „Христіанство у аланъ“ — разумѣются кавказскіе аланы, предки пынѣшихъ осетинъ. 6) Въ замѣткѣ, помѣщенной въ томъ же пятомъ томѣ (стр. 398): „Левъ Мудрый, или Левъ Исавръ быль авторомъ „Тактики“? — исправляется ошибка послѣдней предсмертной статьи знаменитаго Цахаріѣ-фонъ-Лингенталь (въ журнале Крумбахера за 1894 г.) ошибка, которую замѣчали и другіе, потому что несообразность пріуроченія „Тактики“ къ авторству Льва Исавра съ нынѣшнимъ ея текстомъ, гдѣ говорится о печенїгахъ и мадьярахъ, бросалась въ глаза; можетъ быть, только чувство піѣтета заставляло пока умалчивать о неожиданномъ проиахъ со стороны такого осторожнаго изслѣдователя и столь великаго ученаго. Самъ Ю. А. Кулаговскій объясняетъ явленіе преклонными лѣтами Цахаріѣ, скончавшимся на 82-мъ году жизни.

Изъ юристовъ, кромѣ незабвеннаго А. С. Павлова, принималъ участіе въ *Временникѣ* профессоръ Новороссійскаго университета, Вл. Викт. Сокольскій, помѣстившій въ первомъ томѣ (стр. 17—54) статью: „О характерѣ и значеніи Эпанагоги: опытъ по исторіи византійскаго права“. Памятникъ важенъ и любопытенъ тѣмъ, что въ немъ отчетливо излагается ученіе, опредѣлявшее позднѣйшія византійскія возврѣнія на отношенія духовной и свѣтской власти между собою, на царство и патріаршество — въ смыслѣ дуализма и равноправности. Полагаютъ, что въ составленіи этого юридического руководства принималъ участіе патріархъ Фотій, и проф. Сокольскій съ своей стороны подкрѣпляетъ такое предположеніе своими аргументами. Онъ внимательно и съ болѣшою ученоностью слѣдить за позднѣйшими отраженіями означеныхъ возврѣній въ литературѣ и жизни, и особенно останавливается на значеніи церковно-политическихъ идей, заключающихся въ Эпанагогѣ для Московской Руси, гдѣ ихъ держался и патріархъ Иконост.

Профессоръ С.-Петербургскаго университета и членъ-корреспондентъ нашей Академіи И. В. Помяловскій въ статьѣ „Надгробіе Аверкія и древне-христіанскій символизмъ“, (Том. III стр. 817 — 836) разбираетъ старый вопросъ объ эпитафіи поименованнаго святаго (начала III вѣка), известной въ передачѣ Метафраста и давно заподозренной въ ея подлинности; но вотъ американецъ Рамзей во время своихъ путешествій по Малой Азіи дѣлаетъ одна за другою

въ разныхъ, хотя и близкихъ мѣстахъ двѣ счастливыя находки — сначала (1881) открываетъ надгробную стелу иѣкоего Александра съ надписью, въ начальныхъ фразахъ имѣющею буквальное сходство съ надгробiemъ Аверкія, а затѣмъ (въ 1883 году) обломокъ эпиграфіи самого Аверкія въ метрической и, очевидно, первоначальнѣйшей формѣ. Сомнѣнія въ подлинности стали неумѣстными, но за то съ новою силой возгорѣлся споръ о смыслѣ эпиграфіи съ ея иѣсколько темною и загадочной терминологіею, имѣющею, нужно думать, символическое происхожденіе. Одни продолжали защищать христіанское толкованіе надписи, другие стали утверждать, что Аверкій говорить о себѣ какъ совершенный язычникъ; близко къ послѣднимъ оказался Ад. Гарнакъ, современное свѣтило протестантской учености, доказывавшій (въ статьѣ 1895 года), что Аверкій былъ либо чистымъ язычникомъ, либо—вѣроятнѣе—приверженцемъ языческогностического религіознаго общества, въ которомъ христіанская тайна была соединена съ языческими мастеріями, слѣдовательно, особаго рода синкретизмомъ. И. В. Помяловскій, самъ будучи большими знатокомъ христіанской эпиграфики, присоединился къ мнѣнію тѣхъ, тоже знаменитыхъ ученыхъ, которые, не отступая отъ Метафраста и церковнаго преданія, считаютъ Аверкія христіаніемъ и въ соответственномъ смыслѣ объясняютъ всѣ выраженія символическаго характера; при этомъ нашъ ученый уличаетъ Гарнака въ маломъ знакомствѣ съ греческою христіанскою эпиграфикою. Въ Германіи споръ еще не кончился. И. В. Помяловскому принадлежитъ еще критическая статья (томъ I стр. 407—412) на трудъ Н. В. Покровскаго „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи“.

Професоръ Киевской духовной академіи А. А. Дмитріевскій по-мѣсту въ I томѣ (стр. 553—600) статью „Чинъ пещного дѣйства“ — пространное изслѣдование, основной тезисъ котораго есть византійское происхожденіе стариннаго обряда или драматизированнаго дѣйствія, представляющаго трехъ отроковъ въ огненной пещи Навуходоносора, — обряда, считавшагося чисто русскимъ продуктомъ; теперь оказывается, что слѣды его обрѣтаются въ греческихъ рукописныхъ служебникахъ, отысканныхъ авторомъ на Аeonѣ, но Дмитріевскому еще не была известна рукопись Аеонской лавры, содержанная полный чинъ пещнаго дѣйствія и обнародованная Александромъ Лавріотомъ Врем. IV, 729.

Професоръ Московскаго университета, членъ-корреспондентъ Академіи Ф. Е. Коршъ по-мѣсту „Критический замѣчанія къ синаксарю

почтенного осла", памятнику византійского животного эпоса (томъ III, стр. 528—559).

Статья профессора Юрьевского университета Мих. Ник. Крашенинникова по Прокопию глубоко захватываетъ вопросъ о вынѣшнемъ со-
столиці текста и рукописномъ изданиі "Войнъ" и Тайной истории, очевидно ииѣ значение подготовительныхъ работъ къ самостоятель-
ному (русскому) изданію твореній знаменитаго историка Юстиніанова.

Доцентъ турецкой словесности въ здѣшнемъ университѣтѣ II. М. Меліорапскій далъ цѣнныя извлеченія (томъ I, стр. 618—641) изъ доступнаго только ориенталистамъ, писанаго по-персидски, но сохра-
нившагося не въ подлинникѣ, а въ турецкомъ переводѣ, источника
для исторіи Византіи подъ заглавіемъ "Сельджукъ-намѣ, какъ источ-
никъ для исторіи Византіи въ XII и XIII вѣкахъ".

Въ двухъ критическихъ статьяхъ по вопросу объ источникахъ Исторіи Арmenіи Моисея Хоренского Н. Я. Марръ старался показать, что новѣйшее отрицательное теченіе въ критикѣ ариянскаго писа-
теля справедливо лишь въ части своихъ наблюдений относительно его исторического труда, но оно напрасно спѣшишь дать окончательную оценку путемъ односторонняго освѣщенія въ "суперкритическихъ" за-
мѣчаній, такъ какъ послѣ подобныхъ изслѣдований любопытный памятникъ ариянской литературы попрежнему остается загадкою. Въ статьѣ „о начальной исторіи Арменіи Ановима, помѣщенной въ I томѣ Византійскою Временника (стр. 263—306), помимо попутныхъ замѣчаній о двухъ крайнихъ направленихъ въ критикѣ Исторіи Ар-
меніи Моисея Хоренского, выдвинуто то положеніе, что ни по филологи-
ческой разработкѣ вообще памятниковъ древнеармянской литературы, ни по изученію текста самой критикуемой Исторіи пока нѣть ни
одной серьезной работы; это явствуетъ какъ изъ отсутствія въ пе-
чати подобныхъ работъ, такъ еще болѣе изъ игнорированія этой сто-
роны двѣя лицами, выставляющими свое сужденіе о спорномъ памят-
никѣ въ качествѣ научнаго вывода.

Доказательствомъ такой торопливости можетъ служить невѣрность господствующаго взгляда на Начальную Исторію Арменіи, дошедшую до насъ случайно въ одномъ спискѣ съ Исторіею Себзоса, будто въ лей предлежитъ, по мнѣнию сторонниковъ традиціоннаго взгляда на Исторію Хоренского, позднейшая компиляція, а по мнѣнию представителей отрицательной критики, предварительный набросокъ самого Хоренского. Изъ изученія самого памятника вытекаетъ, что Началь-
ная Исторія Арменіи не есть произведеніе, скомпилированное на осно-

вания М. Хоренского. Напротивъ, въ ней мы находимъ первоначальные формы ряда главъ Исторіи М. Хоренского.

Считать ее предварительнымъ наброскомъ того же историка также неѣть возможности, такъ какъ анонимный ея авторъ и М. Хоренскій діаметрально расходятся во взглядахъ, въ премахъ и даже въ слогѣ: въ историкахъ, очевидно, имѣемъ писателей двухъ разныхъ эпохъ. Другая статья (*Византійскаго Временника* 1898 №№ 1—2), разборъ изслѣдованія Г. Халатъянца „Армянскій эпостъ въ исторіи Армении Моисея Хоренского“ даетъ характеристику несостоительныхъ премовъ, къ которымъ принужденъ быть прибѣгнуть изслѣдователь, задавшійся мыслью во что бы то ни стало разрѣшить такой крупный историко-литературный вопросъ, какъ вопросъ объ историкѣ Моисея Хоренскомъ, при современномъ состояніи дисциплинъ, образующихъ арменистику, когда поимо общей неизученности древнеармянской литературы текстъ самой исторіи Моисея Хоренского не установленъ и критика его находятся лишь въ зачаткѣ. Кромѣ того, изслѣдователь, являемыи судью строгимъ къ Моисею Хоренскому, паграждаетъ поданнымъ доцѣрѣмъ другихъ армянскихъ историковъ, и безпрекословно раздѣляетъ традиціонными о нихъ мнѣнія, а самыи литературный памятникъ старается характеризовать не по положительнымъ признакамъ, соединяющимъ его съ извѣстною эпохой, а по отрицательнымъ чертамъ, которыя нарочно сгущены и несправедливо выдаются за неѣчто, присущее исключительно Моисею Хоренскому. Въ результатѣ труда, стоявшаго изслѣдователю большой кропотливой работы и обнаруживающаго прекрасную освѣдомленность его въ памятникахъ древнеармянской литературы, получилось то, что не только не понята доля вліянія армянского эпоса на исторіка, но и самое существованіе армянского эпоса подвергнуто неосновательному сомнѣнію.

С. Д. Пападимитріу (въ Одесѣ), пишущій то по русски, то по гречески, даль памъ „Критическіе этюды къ средневѣковымъ греческимъ текстамъ“ (по-русски) и статью о писателяхъ Продромахъ (по-гречески), о которой мы уже выше говорили. Не лишна значенія статья одесскаго преподавателя А. С. Димитріу „Къ вопросу о договорахъ Русскихъ съ Греками“ (томъ II, стр. 531 — 551), касающаяся собственно процедуры при заключеніи мирныхъ условій и формы договорныхъ грамотъ; не будучи вполнѣ самостоятельной и не исчерпывая вполнѣ предмета, она содержать въ сколько полезныхъ указаний. Изъ грековъ, живущихъ въ русскихъ предѣловъ, удостоили журнала своими вкладами такие

степенные ученые, какъ г. Хаджидакисъ „О Продромахъ“, г. Поплитисъ „Поправки къ Апседота А. А. Васильева“ (IV, 84); о г. Параникѣ было упомянуто. Всѣ трое писали по-гречески. По-русски была напечатана статья г. Папаиоанн: „Акты такъ называемаго послѣдняго Софійскаго собора 1450 года“ (тому III, стр. 394—416). Она появилась послѣ и въ греческомъ переводѣ, который вызвалъ такое замѣчаніе со стороны рецензента въ журналѣ Крумбахера, что критические пріемы автора-грека ясно указываются на его занятія въ нѣмецкихъ университетскихъ семинарияхъ, между тѣмъ какъ г. Папаиоаннъ получилъ высшее образованіе въ С.-Петербургской Духовной Академіи и отсюда воротился на родину.

Что касается области искусства, то здѣсь съ самаго начала и до сихъ поръ усердно работаетъ группа молодыхъ ученыхъ, вышедшихъ изъ школы профессора, нынѣ академика Кондакова—гг. Айналовъ и Рѣдянъ, и Я. И. Смирновъ, младшій между ними. Самъ Н. П. Кондаковъ выступалъ во *Временикѣ* только однажды въ первомъ томѣ (стр. 178—180) съ оцѣнкою капитального труда Д. Ф. Бѣляева „Византіи“¹⁾, въ которомъ, вмѣстѣ съ полнымъ признаніемъ высокихъ достоинствъ сочиненія, высказывается поучительное пожеланіе помимо изученія текстовъ, болѣе пристальнаго вниманія къ самымъ вещамъ, чтобы авторъ, не останавливаясь на полдорогѣ, отъ филологического комментарія прямо и открыто перешелъ къ археологическому изслѣдованію вопросовъ, какъ это съ большими успѣхомъ онъ дѣлаетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и нѣсколько прикровенно въ примѣчаніяхъ. Оцѣнку трудовъ гг. Айналова, Рѣдяна и Смирнова, появившихся во *Временикѣ*, недавно сдѣлалъ наиболѣе авторитетный изъ западныхъ археологовъ-византістовъ I. Стрзыговскій (J. Strzygowski), въ ученомъ нѣмецкомъ библіографическомъ журнале *Deutsche Litteraturzeitung* (15 October 1898, № 41)—въ рефератѣ о русскомъ *Византіи*.

¹⁾ Полное заглавіе двухъ книгъ сочиненія слѣдующее: Д. Ф. Бѣляевъ „Византія“. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Книга I. Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца византійскихъ царей. Приложение: Матеріалы и замѣтки по исторіи византійскихъ чиновъ. Ст. планомъ (Лабарта) Большаго Дворца. 1891. VIII + 200 стр. Цѣна 2 р.—Книга II. Ежедневные и воскресныи пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ Св. Софіи въ IX—X тѣка. Съ таблицами и планами. 1893. XLVII + 309 стр. Цѣна 4 р.—Съ отрывкомъ Н. П. Кондакова нужно сравнивать, что пишетъ Ф. И. Успенскій въ Журналь Министерства Народного Просвещенія. 1893, декабрь, стр. 372—373.

занятійскомъ *Временникъ* за пять лѣтъ, гдѣ онъ специа-
лизируется на статьяхъ по искусству. Мы не будемъ повторять всѣхъ
его замѣчаній; выше всего онъ цѣнитъ работу г. Смирнова о хри-
стіанскихъ мозаикахъ острова Кипра, лично и учченыхъ имъ на мѣстѣ,
(она была напечатана въ *Византійскомъ Временнике* томъ IV, стр.
1—19). Рѣчь о кипрскихъ мозаикахъ заканчивается заявлениемъ, что
работа Смирнова настоятельно требуетъ перевода на нѣмецкій языкъ
ради ея далеко идущаго значенія. Общее заключеніе г. Стиглов-
скаго о *Византійскомъ Временнике* такое: *Византійский Времен-
никъ* есть специальное повременное изданіе первостепенного достоин-
ства. Издаваемое Академіей, вспомоществуемое (матеріально) прави-
тельствомъ, оно объединяетъ русскія изслѣдованія въ византійской
и южно-славянской области, и болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ по-
четное положеніе предъ лицемъ западно-европейской науки".

"*Временникъ*" можетъ похвальиться своимъ критическимъ отѣ-
ломъ, а также полнотою библіографическихъ обзоровъ книгъ и статей.
имѣющихъ отношеніе къ Византіи, при томъ не только русскихъ, но
и греческихъ, появляющихся какъ въ свободномъ королевствѣ, такъ
и въ Константинополѣ, Смирнѣ, на островахъ. Относительно гречес-
кой литературы онъ обязанъ въ особенности сотрудничеству г. Па-
падопуло-Керамеса, сохранившаго ученый связи на родинѣ и обла-
дающаго недоступною даже нашему германскому собрату возможностью
следить за всѣми новыми явленіями. Б. М. Меліоранскій завѣдуетъ
нѣмецкою литературою, А. А. Васильевъ—французскаго, англійскою
и итальянскою, И. И. Соколовъ — русскою. П. А. Сырку, доцентъ
Петербургскаго университета, дѣятельно помогаетъ въ области слав-
янской и румынской литературы.

Б. Васильевскій.

А. Алферовъ. Очерки изъ жизни языка. (Введение въ методику родного языка).
Москва. 1899. IV+81 стр. Цѣна 40 коп.

Вышедшая недавно въ свѣтъ книга г. Алферова содержитъ краткій
очеркъ общихъ условій жизни и развитія языка въ связи съ нѣко-
торыми свѣдѣніями по истории языка отечественнаго. "Предлагаемая
книга", говорить авторъ въ введеніи (стр. III), "составляющая первую
главу учебника методики родного языка для VIII класса женскихъ гим-
назій,—учебника, задуманного и уже начатаго авторомъ, имѣть цѣлью

познакомить будущихъ учительницъ русскаго языка съ нѣкоторыми свѣдѣніями, которыя могутъ быть руководящими въ ихъ преподаваніи. Эта первая глава выпускается отдельнымъ изданіемъ, такъ какъ общія свѣдѣнія о родномъ языкѣ необходимы вслкому". Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что общія свѣдѣнія о родномъ языкѣ дѣйствительно необходимы какъ будущимъ учительницамъ этого предмета, такъ и вообще всякому образованному человѣку, и съ этой точки зрѣнія предпріятіе г. Алферова заслуживаетъ полнаго одобренія и сочувства. Къ сожалѣнію, однако, ему не удалось разрѣшить удовлетворительнымъ образомъ поставленной задачи. Для того, чтобы подтвердить справедливость высказанного сужденія, я остановлюсь подробнѣо, на тѣхъ недостаткахъ разбираемой книги, которые носятъ общій, принципіальный характеръ.

Основная ошибка автора „Очерковъ изъ жизни языка“ заключается въ томъ, что онъ не отрѣшился вполнѣ отъ традиціоннаго взгляда на языкъ и его явленія, господствующаго въ нашей школьнай грамматикѣ, и не воспользовался въ полной мѣрѣ тѣми выводами, къ которымъ пришла наука о языке въ ея современномъ состояніи. Какъ известно, наша школьная грамматика основана въ результатѣ на тѣхъ общихъ схемахъ и построеніяхъ, которые были выработаны въ александрийскую эпоху въ примѣненіи къ греческому языку. Въ мою задачу здѣсь не можетъ входить указаніе отдельныхъ моментовъ того длиннаго пути, который ведетъ отъ грамматическихъ теорій александрийцевъ къ нашимъ современнымъ учебникамъ, для меня достаточно отмѣтить фактъ зависимости послѣднихъ отъ первыхъ. Само собою понятно, насколько могутъ соотвѣтствовать истинному положенію дѣла схемы и опредѣленія школьнаго грамматикъ русскаго языка, основанныя на томъ, что было выработано въ эпоху, когда не было и не могло быть научнаго отношенія къ языку, и при томъ въ примѣненіи къ чужому, хотя и родственному, языку. Научное языковѣдѣніе, называемое обыкновенно сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, несмотря на свое недавнее существование, сдѣлало очень большіе успѣхи и далеко шагнуло впередъ въ дѣлѣ изслѣдованія человѣческаго языка, по то, что добыто совокупными трудами нѣсколькихъ поколѣній лингвистовъ, до сихъ по ю почти не напло себѣ доступа въ среднюю школу, гдѣ преподаваніе идетъ своею дорогою. Правда, отъ времени до времени кое-какіе отголоски того, что сдѣлано въ наукѣ, доходили, доходить и теперь, до школьнай грамматики, частію, конечно, въ

искаженномъ видѣ, при чёмъ здѣсь почему-то посчастливилось нѣкоторымъ взглядаимъ, уже давно отжившимъ свой вѣкъ; сюда относится, напримѣръ, учение объ усиленіи и ослабленіи гласныхъ, вошедшее даже въ извѣстные учебники для народныхъ школъ и излагаемое обыкновенно далеко не въ томъ видѣ, въ которомъ оно когда-то господствовало среди лингвистовъ, занимавшихся изученіемъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ. Однако отдѣльные экскурсы этого рода въ общемъ нисколько не вліяютъ на весь строй пособій по русской грамматикѣ и являются въ немъ какимъ-то приданкомъ. Что касается тѣхъ вопросовъ, которые выходятъ изъ предѣловъ элементарного преподаванія, и которые не рассматриваются поэтому вовсе въ большинствѣ учебниковъ, то по отношенію къ нимъ наблюдается то же безотрадное положеніе. Если учащимся предлагаются свѣдѣнія о родственныхъ отношеніяхъ русского языка къ другимъ языкамъ, о его прошломъ, о происхожденіи языка, объ основныхъ вопросахъ, касающихся его жизни, о происхожденіи грамматическихъ формъ, свѣдѣнія, предназначенные для старшихъ классовъ, то все это дѣлается обыкновенно въ такой формѣ, которая мало соотвѣтствуетъ современному уровню знанія. Мы могутъ возвратить, что нельзя въ школѣ говорить за всѣма новѣйшими теоріями, но вѣдь по отношенію къ указаннымъ пунктамъ основные точки зрѣнія установлены уже очень давно, и вопросъ идетъ о подробностяхъ и частностяхъ, которыхъ и не могутъ быть предметомъ преподаванія въ средней школѣ. Во всякомъ случаѣ непозволительно предлагать учащимся пеструю смѣсь того, что никогда не было достояніемъ науки, и того, что уже давно оставлено, съ тѣмъ, что составляетъ прочное приобрѣтеніе. Не входя въ дальнѣйшія подробности и не подвергая критикѣ тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ грамматикъ отечественного языка, замѣчу, что я позволилъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи школьнаго преподаванія этого предмета къ научному языковѣдѣнію исключительно въ виду ближайшей цѣли настоящей рецензіи, такъ какъ иначе мое отношеніе къ книгѣ г. Алферова могло бы представиться въ неправильномъ освѣщеніи. Именно, я далекъ отъ мысли ставить ему лично въ вину тотъ или другой промахъ въ частности: разъ онъ съ самаго начала допустилъ ошибку, выше мною указанную, естественно, что онъ повторяетъ много несообразностей, которыхъ можно найти въ нашихъ школьныхъ грамматикахъ. Постараюсь теперь подтвердить сказанное

мною объ основной ошибкѣ автора „Очерковъ изъ жизни языка“ примѣрами, взятыми изъ различныхъ отдѣловъ этой книги.

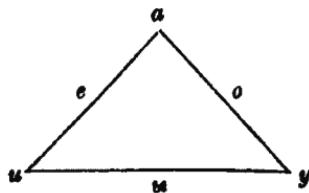
Особенно неудачна вторая глава, озаглавленная „Звуковой составъ слова“. гдѣ отдѣльныя вѣрныя положенія теряются среди цѣлаго ряда ошибокъ и недоразумѣній. Автору осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ то, что сдѣлано въ наукѣ по отношенію къ физіологии звуковъ рѣчи. Прагда, кое-что онъ могъ почерпнуть изъ извѣстной книги Whitney'a, которую авторъ пользовался въ французскомъ перенодѣ, но какъ разъ отдѣль, посвященный физіологии звуковъ рѣчи, здѣсь устарѣлъ очень значительно: англійскій оригиналъ вышелъ, какъ излѣбѣти, въ 1875 году, то-есть, почти четверть столѣтія тому назадъ, а относительно „Лекцій“ Макса Мюллера я долженъ замѣтить, что онѣ и въ此刻ъ своего появленія по многимъ причинамъ не соотвѣтствовали современному уровню знаній. Съ другой стороны, г. Альферовъ повторяетъ многое изъ того, что издавна стало, такъ сказать, общимъ мѣстомъ въ нашихъ грамматикахъ, а въ результатѣ получился вѣсколько странный очеркъ физіологии звуковъ рѣчи, отли чающійся и отъ обычнаго изложенія этого отдѣла въ грамматикахъ, которыхъ, замѣчу кстати, обыкновенно смѣшиваютъ звуки рѣчи съ буквами, ихъ письменными знаками, и отъ того, что говорить объ этомъ наука. На стр. 25 мы находимъ въ видѣ таблицы „дѣленіе гласныхъ церковно-славянскихъ звуковъ“:

Гортанный а	ϵ , ѣ , ѧ — гортанно-нѣбные.	} 0, ѡ , ѫ — горт.-губные.
Нѣбные и, ѣ		
Губной ѹ	ы — нѣбно-губной.	

Таблицѣ предшествуетъ замѣчаніе: „Для того, чтобы легче усвоить прилагаемую ниже таблицу дѣленія звуковъ, слѣдуетъ произнести каждый изъ помѣщенныхъ въ ней звуковъ и отдать себѣ хотя иѣкоторый отчетъ, съ помошью какихъ органовъ можно воспроизвести тотъ или другой звукъ“. На предшествующихъ страницахъ сообщается, что звуки дѣлятся на гласные, полугласные и согласные безъ дальнѣйшаго поясненія этихъ терминовъ, а изъ замѣчаній о звукахъ ϵ , ѡ на стр. 26 видно, что полугласными авторъ называетъ „гласные, произносимые сокращенно“. На стр. 24 сообщается, что „кромѣ дѣленія на гласные, полугласные и согласные, всѣ звуки могутъ быть раздѣлены по органамъ произношенія и по характеру самого звука“.— и далѣе: „например, о можно произнести, заставивъ звучать головыя связки гортани и придавъ такое положеніе губамъ, чтобы

между ними образовалось круглое отверстіе; поэтому о называется гортанно-губнымъ звукомъ". На той же страницѣ говорится: „Междуди гласными есть... такъ называемые *твердые* (а, у) и *мягкие*, напримѣръ, такие, передъ которыми слышится полугласный звукъ и, напримѣръ, я (ыа), ю (ыу)". Наконецъ, приведенная мною таблица, сопровождается указаніемъ на то, какія гласные въ „церковно-славянскомъ языке" относятся къ твердымъ, и какія къ мягкимъ, а на стр. 26 находятся замѣчанія о произношеніи нѣкоторыхъ гласныхъ въ русскомъ языке. Вотъ и все, что авторъ счелъ нужнымъ сказать о природѣ и условіяхъ образования гласныхъ звуковъ. Помимо тѣхъ существенныхъ пробѣловъ, которые мы находимъ въ его положеніи (напримѣръ, здесь не дается даже никакого опредѣленія того, что слѣдуетъ понимать подъ терминомъ гласный звукъ), многія его утвержденія являются фактически невѣрными, а путь, который онъ избираетъ для того, чтобы демонстрировать различные оттѣнки гласныхъ звуковъ, возбуждаетъ сильнѣйшее недоумѣніе. Мы видѣли, что г. Алферовъ рекомендуетъ читателю произнести гласные звуки, выражаемые буквами, помѣщеными въ его таблицѣ, то-есть, гласные „церковно-славянскаго" языка и при этомъ „отдать себѣ хотя иѣкоторый отчетъ, съ помощью какихъ органовъ можно воспроизвести тотъ или другой звукъ". Мне кажется, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ этомъ пункѣ авторъ положительно неправъ. Таблица содержитъ звуки „церковно-славянскаго" языка, а подъ „церковно-славянскимъ языкомъ" онъ понимаетъ тотъ древній южно-славянскій языкъ (ср. стр. 24), на который въ IX вѣкѣ былъ сдѣланъ переводъ священного писанія, и который удобнѣе называть старославянскимъ въ отличіе отъ позднѣйшаго церковно-славянскаго языка, употребляемаго въ богослуженіи православной церкви. Старославянскій языкъ для насъ является мертвымъ языкомъ, и природу его звуковъ мы можемъ опредѣлить съ извѣстною точностью лишь путемъ сложныхъ соображеній, современное же церковное произношеніе имѣть къ нему лишь отдаленное отношение, да и самъ авторъ не имѣлъ его въ виду, иначе онъ бы это оговорилъ; впрочемъ, сама таблица показываетъ, что дѣло идетъ именно о звукахъ старославянскаго языка. Такимъ образомъ г. Алферовъ заставляетъ читателя знакомиться съ условіями образования гласныхъ путемъ произнесенія звуковъ языка мертваго, природу которыхъ мы можемъ опредѣлить вообще лишь приблизительно. Было бы гораздо естественнѣе принять за точку отправленія звуки того языка, который у насъ въ живомъ употребленіи, то-есть,

звуки русского языка, конечно, въ нарѣчіи образованныхъ людей. Помимо этого таблица, представленная г. Алферовымъ, даетъ поводъ къ замѣчаніямъ и по существу. Если и придерживаться старого взгляда на классификацію гласныхъ, какъ это дѣлаетъ авторъ, таблица кото-
рого сводится къ классическому треугольнику:

то во всякомъ случаѣ нельзя ставить рядомъ безъ всякихъ оговорокъ звуки, обозначаемые буквами *е* и *а*, и звуки, обозначаемые буквами *о* и *ж*. Какъ известно, гласные старо-славянского языка, обозначаемые написаніями *а* и *ж*, являются, по условіямъ образованія, гласными носовыми, о чёмъ упоминается на стр. 26, а гласные носовые составляютъ въ отлічію оть гласныхъ неносовыхъ особый классъ гласныхъ и не могутъ быть смышливаемы съ послѣдними. Вообще мы ждали бы, что авторъ пояснитъ, хотя въ краткихъ словахъ, какъ именно образуются носовые гласные, отличающіеся, какъ известно, отъ соответственныхъ гласныхъ неносовыхъ тѣмъ, что выдыхаемый воздухъ проходитъ при этомъ не только въ полость рта, но и въ полость носа, остающуюся закрытою при образованіи неносовыхъ гласныхъ. Даѣте, не ясно, почему звукъ, обозначаемый буквою *ы*, является въ таблицѣ рядомъ съ звукомъ, обозначаемымъ буквою *и*, а звукъ, обозначаемый буквою *э*, является рядомъ съ звукомъ, обозначаемымъ буквою *о*. О природѣ *ы* и *э* авторъ замѣчаетъ на стр. 76 слѣдующее: „*а*, *а*, уже въ позднѣйшемъ церковно-славянскомъ произносившемся сокращенно и потому ставшіе полугласными, въ современномъ русскомъ языкѣ имѣть иное значеніе: *а* оттѣняетъ предшествующій согласный звукъ только передъ мягкими гласными, напримѣръ, *объявить*, *подѣльзть*, а въ другихъ случаяхъ совсѣмъ не вліяетъ на произношеніе, а *э* заставляетъ согласные звучать мягко, напримѣръ, *конъ* (*конъ*)“. Здѣсь прежде всего нельзя не замѣтить путаницы въ терминахъ: сначала имѣются въ виду звуки, обозначаемые буквами *а* и *э*, такъ какъ буквамъ вѣдь не могутъ стать полугласными, даѣте же дѣло идти именно о буквахъ *ы* и *э* въ русскомъ языкѣ; какимъ, однако, образомъ *буква э* можетъ оттѣнять предшествующій

согласный звукъ только передъ мягкими гласными, и какимъ образомъ буква з заставляетъ согласный звучать мягко? Такую неправильность и неточность въ языкѣ пелья допускать въ учебной и популярной книжкѣ. Относительно определенія природы звуковъ, обозначаемыхъ буквами з и ѣ въ старо-славянскомъ языкѣ, замѣчу, что выраженіе, „произносившіеся сокращенно“, неточно передаетъ сущность дѣла: рассматриваемые звуки были иррациональными гласными у и и извѣстнаго вида, а иррациональными мы можемъ называть гласные, являющіеся по отношенію къ длительности болѣе краткими сравнительно съ нормальными краткими гласными. Терминъ „полугласный звукъ“ г. Алферовъ, согласно употребленію, установившемуся у насъ еще со временъ Востокова, прилагаетъ не только къ старо-славянскимъ з и ѣ, но и къ русскому й, которое у него является также сокращеннымъ гласнымъ звукомъ. Въ сущности, однако, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя различными категоріями звуковъ: старо-славянскіе з и ѣ (но не русскіе з и ё, являющіеся у насъ только буквами, письменными знаками) были иррациональными гласными, а русскимъ написаніемъ й передается и неслоговое во второй части дифтонга, являющееся по отношенію къ степени длительности во всякомъ случаѣ центррациональнымъ. На стр. 24 авторъ отмѣстываетъ съ этимъ й первую часть сочетанія звуковъ, выражаемыхъ написаніями я, ю, где въ дѣйствительности мы находимъ согласный звукъ ѿ-соответственные гласные (см. статью проф. Ф. Е. Корша „Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen“, напечатанную въ журналѣ *Archiv für slavische Philologie*, т. III, стр. 668, 1879 г.). Невѣроутвержденіе г. Алферова, что въ противоположность твердымъ гласнымъ мягкими гласными являются „такіе, передъ которыми слышится полугласный звукъ и, напримѣръ я (ыа), ю (ыу)“. Мягкими, небными гласными (*Palatalvocale*) называются гласные передняго, пѣбнаго нелабіализованнаго рида, то-есть, звуки „е“ и „i“ различныхъ видовъ, между тѣмъ какъ написаніями я, ю не послѣ буквъ, обозначающихъ согласный, у насъ обозначаются сочетанія звуковъ „ыа“ и „ыи“, а послѣ буквъ, обозначающихъ согласный,—звуки „ы“ и „и“ въ положеніи послѣ смыгченныхъ согласныхъ. На стр. 26 самъ авторъ, противорѣча первому своему определенію, говоритъ, что „нѣкоторыя наши буквы, изображающія мягкие звуки, я, ю, е, ѿ, передаютъ сразу два звука ыа, ыу, ыи“. Помимо указанного мною выше недоразумѣнія по отношенію къ й, нельзя не обратить вниманія на небрежное употребленіе терминовъ,

являющееся въ приведенныхъ словахъ: мягкие звуки, изображаемые буквами я, ю, е, ъ, являются, какъ оказывается далѣе, не простыми звуками, а сочетаниями двухъ звуковъ. Затѣмъ, ошибочно мнѣніе автора, что написанія я, ю, е, ъ передаютъ у насъ только извѣстныя сочетанія звуковъ; вѣдь, на самомъ дѣлѣ буквы я, ю, е и ъ въ положеніи послѣ буквъ, обозначающихъ согласные, передаютъ гласные „а“, „и“, „e“, передъ которыми являются мягкими предшествующія согласные, за извѣстными, вирочемъ исключеніями (см. „Лекція по истории русского языка“ проф. Соболевскаго, стр. 118 сл.). Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя болѣе мелкія замѣчанія, я упомяну еще лишь о томъ, что автору слѣдовало бы обратить вниманіе на то, въ какомъ видѣ является теперь въ наукѣ ученіе о физиологии звуковъ рѣчи, въ частности ученіе о гласныхъ. Хорошимъ пособіемъ является въ данномъ случаѣ книга проф. Сиверса „Grundzüge der Phonetik“ въ ея 4-мъ изданіи, вышедшемъ въ Лейпцигѣ въ 1898 году. На отдѣль, посвященномъ согласнымъ, я не останавливаюсь, такъ какъ къ нему примѣняются тѣ общія возраженія, которыя я сдѣлалъ, а на всѣхъ частностяхъ я, понятно, не могу останавливаться. Что касается очерка общихъ условій образованія звуковъ человѣческой рѣчи, помѣщенного въ самомъ началѣ рассматриваемой главы, то онъ, помимо нѣкоторыхъ неточностей, отличается такою неопределенностью и расплывчатостью, что врядъ ли можетъ дать что либо читателямъ, для которыхъ предназначены „Очерки“.

Ученіе о природѣ и условіяхъ образованія звуковъ рѣчи составляетъ собственно часть физиологии, а по отношенію къ извѣстнымъ пунктамъ и часть физики, но тѣмъ не менѣе эти вопросы должны быть хорошо знакомы лингвисту, приступающему къ изученію какого бы то ни было языка, наука же о языке вступаетъ въ свои права съ того момента, когда мы, вооруженные этими общими свѣдѣніями, приступаемъ къ опредѣленію природы звуковъ данного языка. Такимъ образомъ до сихъ порь рѣчь шла лишь частью о вопросахъ, входящихъ непосредственно въ область лингвистики, теперь я приведу примеры, подтверждающіе мое общее сужденіе объ „Очеркахъ изъ жизни языка“, изъ другихъ частей этой книги, гдѣ говорится непосредственно о фактахъ самого языка.

Въ первой главѣ своей книги г. Алферовъ говорить о значеніи словъ, а во второй рассматриваетъ пѣкоторые вопросы, касающіеся звуковой стороны словъ, въ связи съ очеркомъ условій образованія звуковъ рѣчи, о которомъ я уже сказалъ выше. Факты языка съ те-

чениемъ времени подвергаются измѣненіямъ и со стороны виѣшней, то-есть, по отношенію къ звукамъ, и со стороны внутренней, то-есть, со стороны значенія. Это обстоятельство дѣлаетъ необходимымъ изученіе фактovъ языка въ ихъ исторіи, а такъ какъ при этомъ оказывается, что нѣкоторые языки имѣли въ прошломъ общую исторію, то-есть, связанны между собою общностью происхожденія отъ одного праязыка, то историческое икъ изслѣдованіе приводить насъ необходимо къ сравнительному изученію, понятно, тамъ, где есть для этого данныя. Этотъ сравнительно исторический методъ, составляющій достояніе наиболѣшаго языковѣдѣнія, рѣзко отличаетъ его отъ прежнихъ попытокъ выйти изъ предѣловъ элементарного собранія и классификаціи фактovъ. Г. Алферовъ недостаточно опредѣленно освѣтилъ приемы и методы научного изслѣдованія языка, недостаточно ярко и выпукло выдвинулъ впередъ понятіе объ исторіи языка, и следствіемъ этого является то, что онъ нерѣдко иллюстрируетъ свои положенія такими примѣрами и такими указаніями, которымъ не мѣсто въ книгѣ, посвященной очеркамъ изъ жизни языка, вышедшей въ самомъ концѣ прошлаго года.

По отношенію къ содержанію первой главы, где говорится о значеніи словъ, надо замѣтить, что здѣсь авторъ былъ связанъ господствующими въ школьныхъ грамматикахъ взглядами въ значительно меньшей степени, чѣмъ это имѣло мѣсто въ другихъ случаяхъ, и, благодаря этому, эта часть его книги гораздо удачнѣе прочихъ, хотя и здѣсь можно замѣтить вліяніе указанного мною нѣсколько выше недостатка. На стр. 2 и 3 мы находимъ разсужденіе о случаяхъ такъ называемаго переноса значенія. Авторъ, пользуясь извѣстнымъ трудомъ проф. Потебни „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, говорить о значеніяхъ слова „верста“ и вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ проф. Потебни, что, разъ слово употреблено въ нашей рѣчи въ видоизмѣненномъ его значеніи, мы имѣемъ уже дѣло съ новымъ словомъ, тождественнымъ по звукамъ съ прежнимъ. Мнѣ кажется, въ этомъ неправы и проф. Потебня, и г. Алферовъ. Весь вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы дѣло, въ случаѣ существованія употребленія извѣстнаго слова не въ одномъ только значеніи, дѣйствительно съ однимъ словомъ или съ нѣсколькими словами, тождественными по звуковой сторонѣ, сводится, понятно, къ тому, сознаемъ ли мы при этомъ различие въ значеніи, какъ видоизмѣненіе извѣстнаго основнаго значенія. При наличии такого сознанія мы имѣемъ дѣло съ однимъ словомъ, при отсутствіи его—съ двумя или нѣсколькими словами,

сходными по звукамъ, но отличающимися по значенію. Другое дѣло, если мы взглянемъ на это явленіе съ исторической точки зрѣнія: въ этомъ случаѣ мы въ правѣ говорить о видоизмѣненіяхъ значенія одного и того же слова, хотя бы говорящими уже и не сознавалась какая либо связь между различными значеніями, разъ эти различныя значенія въ исторіи языка оказываются видоизмѣненіями значенія одного и того же слова. Отъ случаетъ этого рода, понятно, слѣдуетъ отличать такіе случаи, когда между словами, тождественными по звукамъ, нѣть никакой связи по значенію ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ, частью такое совпаденіе по звукамъ словъ съ различнымъ значепіемъ является результатомъ видоизмѣненія звуковой стороны словъ въ языкѣ; сюда относятся, напримѣръ, совпаденіе по звукамъ въ произношеніи, не утрированномъ искусственно, нашихъ словъ „безъ“ и „бѣсъ“, различающими по традиціи въ написаніи (а нѣкогда они отличались и по звукамъ). Кстати замѣчу о словѣ „верста“, что г. Алферовъ напрасно даетъ его основное значеніе въ такой формѣ: „борозда плуга“, на самомъ дѣлѣ, конечно, „верста“ въ этомъ значеніи есть „поворотъ плуга“, „борозда“, какъ это и даетъ проф. Нетебя. Непонятными мнѣ кажутся разсужденія автора о томъ, какъ слова: „варваръ“, „еретикъ“, „иѣщанство“, вліяютъ на чувства людей (стр. 19 сл.). Само собою разумѣется, что здѣсь дѣло не въ словахъ, а въ тѣхъ понятіяхъ, знаками которыхъ являются эти слова. Не останавливалась па нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, подающихъ новодѣль къ замѣчаніямъ, я перехожу теперь къ тому, что г. Алферовъ сообщаетъ объ измѣненіяхъ звуковой стороны словъ.

На стр. 30 авторъ говоритъ слѣдующее: „Для опредѣленія исторіи звуковой формы словъ не достаточно сближать между собою со звучіемъ слововъ въ словахъ, какъ это дѣлали, напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ Сумароковъ и Тредьяковскій и какъ иерѣдко дѣлаютъ это и теперь въ обыденномъ разговорѣ. Для того, чтобы объяснить происхожденіе звукового состава слова, нужно быть основательно знакомымъ съ условіями измѣненій звуковъ въ языкѣ и установить цѣлый рядъ предшествующихъ и постепенно другъ за другомъ слѣдующихъ формъ этого слова въ прежнія времена. Подобная опредѣленія возможны въ большинствѣ случаевъ только для ученыхъ специалистовъ“. Хотя выраженія „условія измѣненій звуковъ въ языкѣ“, „прежнія времена“, а также „происхожденіе звукового состава слова“ и являются неточными по самому существу, тѣмъ не менѣе авторъ въ общемъ высказалъ вполнѣ вѣрную мысль: исторія звуковой сто-

роны слова можетъ быть раскрыта только при посредствѣ сравнительно-исторического метода. Однако, лишь только авторъ приступаетъ къ конкретнымъ случаамъ (и здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ книги), то此刻же начинается цѣлый рядъ соображеній крайне произвольныхъ: выпаденія, вставки, переходы звуковъ одинаково являются къ усмотрѣнію для оправданія различныхъ этимологій безъ всякаго отношенія къ тому, согласуется ли все это въ каждомъ отдельномъ случаѣ съ тѣмъ, что говорить намъ наука обѣ исторіи звуковъ русскаго языка. Авторъ повторяетъ при этомъ то, что до сихъ поръ продолжаетъ фигурировать на страницахъ нѣкоторыхъ нашихъ учебниковъ, забывая мысль, саныемъ имъ высказанныю и выше мною приведенную. Напримеръ, на стр. 29 — 30 дается слѣдующая этимологія слова „языкъ“: „Слово языка обозначало прежде племя, союзъ людей, связанныхъ узами родства; а такъ какъ у каждого племени бываетъ своя рѣчь, отличающая его отъ другихъ, то внося въ действіи название союза людей было перепесено на ихъ говоръ и стало обозначать языкъ въ современномъ значеніи этого слова, которое произошло такъ: известно, что звуки большаго и малаго юсовъ могли замѣнить другъ друга; слово узмъ прежде читалось черезъ ж; этотъ слогъ жъ (съ переходомъ з въ ж) встрѣчался тогда въ словѣ языка, что означало родственникъ; внося въ действіи большой юсъ (ж) замѣнился малымъ (ж) и образовалъ йотированный слогъ ижъ, откуда — языкъ, въ смыслѣ собранія родственныхъ другъ другу людей. Отсюда и современное слово: языка“. Въ дѣйствительности слово „языкъ“, которому соответствуетъ старославянское языка, получилось изъ общеславянского *језука и родственно по происхожденію съ прусскимъ iazinio — „языкъ“, латинскимъ lingua изъ болѣе древняго dingua, нововерхненѣмецкимъ zunge, где въ изъ общенѣмецкаго t, а индоевропейское d еще въ общениѣмецкомъ языке обратилось въ t; какъ показываетъ сопоставленіе съ родственными словами, общеславянское *језука имѣть § изъ ыпъ, которое въ свою очередь изъ индоевропейскаго япъ, то-есть, изъ сочетанія неслоговой иррациональной гласной съ слоговою носовою, вместо котораго лѣкоторые ученыe принимаютъ для индоевропейскаго языка только одну слоговую носовую; утрата начальшаго д произошла въ рассматриваемомъ словѣ еще въ литовскославянскомъ языке. Что касается русскаго слова „языкъ“, которое въ сущности является у насъ книжнымъ заимствованіемъ изъ церковнославянскаго, старославянскаго жда, то оно родственны по корню съ греческимъ ἕγχος, лат. *angus*; общеславянское ы, откуда старославянское ж, русское у, по-

лучилось здесь назвать индоевропейского сочетания *ām*; тот же корень съ другимъ звуковымъ видомъ мы находимъ въ русскомъ „вязать“, старославянскомъ *вѣзати*, гдѣ общеславянское *o* изъ индоевропейскаго *a*ⁿ. Такимъ образомъ русскія „языкъ“ и „узы“ не находятся между собою ни въ какой связи по происхожденію. Кстати замѣчу еще, что напрасно г. Алферовъ категорически говорить, будто „звуки большаго и малаго юсовъ могли замѣнить другъ друга“. На самомъ дѣлѣ мы ничего подобнаго не знаемъ, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ въ вышеупомянутомъ примѣрѣ, мы находимъ чередованіе въ корнѣ общеславянскихъ *o* и *e*, мы имѣемъ чередованіе, унаследованное изъ праязыка. Приведу еще одинъ примѣръ этимологическихъ соображеній автора.

На стр. 30 — 31 говорится: „Такъ, напримѣръ, наукой установлено, что въ словѣ „изба“ основной звукъ *b*. Полная форма этого слова, встрѣчающаяся, напримѣръ, въ лѣтописи — *истопка* или *истопка*, то-есть, жилье, которое можно топить. Губной звукъ *и* перешелъ въ *b*, суффиксъ *x* также (?) выпалъ, и получилось позднѣйшее слово *истѣба*; э впослѣдствіи выпало, и вѣмое съ приставкой подъ влияніемъ звучнаго *b* перешло по закону уподобленія въ звучное *z*, и тогда сложилось современное слово *изба*“. Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о фонетическихъ явленіяхъ самого русскаго языка, и автору следовало бы познакомиться съ относящимся сюда вопросами хотя бы по книгѣ профессора Соболевскаго „Лекціи по истории русскаго языка“, вышедшей вторымъ изданіемъ въ С.-Пб. въ 1891 году¹⁾). Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что русское *изба* получилось непосредственно изъ *издба*, которое въ свою очередь изъ *истѣба*, общеславянское *istѣba*, между тѣмъ какъ *истопка* въ лѣтописи, пишется и *истобка*, *истобка* (см. Срезневскій, „Материалы для словаря древне-русскаго языка“, т. I, стр. 1147) восходить къ общеславянскому *istѣbka*, представляющему другой суффиксъ. Само это слово заимствовано славянскими языками изъ германскихъ языковъ, которые въ свою очередь получили это слово изъ романскихъ языковъ (ср. Miklosich, „Etymologisches Wörterbuch der slavischen Spra-

¹⁾ Кстати считаю долгомъ предостеречь читателей отъ пользованія „Сравнительнымъ этимологическимъ словаремъ русскаго языка“ Н. В. Горлева, такъ какъ этотъ трудъ и во второмъ изданіи (1896 г.) представляетъ сводъ источниковъ далеко неравнаго достоинства, къ которымъ авторъ не отнесся съ надлежащую критикой. О первомъ изданіи см. замѣтку въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстнике, т. XXIX, стр. 181.

chen" s. v. *istuba*; *Kluge*, „Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache“ s. v. *Stube*; *Körting*, „Lateinisch-Romanisches Wörterbuch“ s. v. **extūfo*; профессоръ Соболевскій, „Лекція по истории русского языка“¹, стр. 102), и не имѣть никакого отношенія по происхожденію къ глаголу „толить“. Приведу еще одинъ примѣръ этимологіи, являющихся въ книгѣ г. Алферова. На стр. 52 говорится: „...можно указать родство даже между такими словами, которых на первый взглядъ ничего общаго между собою не имѣютъ“, и далѣе въ подтверждение этого приводится нѣсколько примѣровъ, между прочими и слѣдующій: „слово мужъ, писавшееся тоже черезъ жъ (мѣжъ = монжъ) или *mensch* (вѣм.)“. Здѣсь прежде всего останавливается на себѣ вниманіе выраженіе: „слово мужъ, писавшееся тоже черезъ жъ“. Въ данномъ случаѣ слѣдовало, понятно, сказать, что русское слово „мужъ“ имѣть „у“ изъ общеславянскаго ѹ, ср. старославянское мѣжъ. Само сопоставленіе мужъ и *mensch* замѣтствовано авторомъ, надо думать, непосредственно изъ книги Стоюнина „Высший курсъ русской грамматики“, 3-е изданіе, гдѣ на стр. 37 сказано: „мужъ (мѣжъ, вѣм. Mensch и Mann отъ одного корня *тап*—думать) мыслитель“. Дѣйствительно, въ прежнее время, а частію еще и теперь, общеславянское ѡѣзъ вмѣстѣ съ нѣмецкими *tapp* и *mensch* возводили къ тому индоевропейскому корню, который является, напримѣръ, въ древнеиндійскомъ глагольномъ корнѣ *тап*—„думать“, въ славянскомъ мѣнж (гдѣ индоевропейскій корень является въ слабомъ звуковомъ видѣ), но никто изъ лингвистовъ, понятно, не думалъ сопоставлять общеславянское ѡѣзъ съ нѣмецкимъ, то-есть, нововерхненѣмецкимъ, *mensch* и по отношению къ суффиксу: нововерхненѣмецкое *mensch* получилось изъ древневерхненѣмецкаго *mennisco*, которое изъ болѣе древняго *mannisco* по закону такъ называемаго *Umlaut'a*, и представляетъ собою субстантивированное прилагательное, произведенное отъ *tapp* съ помощью суффикса -иско, между тѣмъ какъ общеславянское ѡѣзъ имѣть ѿ изъ болѣе древняго сочетанія зѣ. Г. Алферовъ оставилъ все это безъ вниманія и далъ этимологію слова „мужъ“ въ такой формѣ, что неопытный читатель легко можетъ отождествить русское ж, которое въ данномъ положеніи выражаетъ собственно звукъ „и“, съ нѣмецкимъ sch. По поводу сопоставленія слова „мужъ“ съ *tapp* и *mensch* замѣчу еще, что общеславянское ѡѣзъ не находится, повидамому, въ родствѣ съ нѣмецкими словами, да и происхожденіе этихъ послѣднихъ отъ индоевропейскаго корня съ значеніемъ „думать“ болѣе сомнительно.

Въ третьей главѣ, озаглавленной „Мѣсто русскаго языка среди другихъ“ (то-есть, языковъ), г. Алферовъ говорить между прочимъ о различныхъ типахъ языковъ (въ морфологическомъ отношеніи) и указываетъ главныя семейства языковъ. Весь этотъ отдѣль производить очень выгодноепечатлѣніе, благодаря массѣ ошибокъ и недоразумѣній, произошедшихъ отъ недостаточно внимательного отношенія автора къ указаннымъ вопросамъ. Мы не находимъ здѣсь прежде всего правильной точки зрѣнія на классификацію языковъ вообще. Дѣло въ томъ, что мы можемъ классифицировать языки: 1) по отношенію къ наличности между ними связи по происхожденію, соединяя въ одну группу языки, происходящіе отъ одного общаго для нихъ праязыка, при чёмъ нѣсколько группъ могутъ составлять одну общую группу и т. д.—это генеалогическая классификація, и 2) по общимъ сходствамъ и различіямъ по отношенію къ образованію простыхъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ — это морфологическая классификація; понятно, что обѣ точки зрѣнія на классификацію языковъ независимы другъ отъ друга, такъ какъ и языки неродственные по происхожденію могутъ составлять одинъ классъ въ морфологической классификаціи языковъ. Даѣ, для того, чтобы не сбиться съ истиннаго пути по отношенію къ этой послѣдней, необходимо отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое форма въ языкѣ, какія здѣсь бываютъ формы, и какъ онѣ образуются. Ничего этого авторъ не сдѣлалъ, и въ результатѣ явились такія странныя и крайне ошибочныя по существу опредѣленія, какъ, напримѣръ, опредѣленіе агглютинативныхъ и флексивныхъ языковъ (стр. 43 сл.). Кстати замѣчу, что терминъ „агглютинативные языки“ въ переводѣ на русскій языкъ значить „склеивающіе (а не склеенные) языки“. Въ описаніи отдѣльныхъ семействъ языковъ, опредѣленныхъ въ сущности по генеалогическимъ отношеніямъ, чего авторъ какъ будто не понимаетъ, является цѣлый рядъ неточностей и ошибокъ, которыхъ было бы нетрудно избѣжать; на стр. 50, напримѣръ, говорится: „Индо-европейскіе языки дробятся на различныя семейства, какъ, напримѣръ, семейство индусскихъ, романскихъ, германскихъ, славянскихъ языковъ и другія“. „Семейство романскихъ языковъ“ величина далеко не однородная съ указываемыми г. Алферовыми тремя другими семействами, точнѣе вѣтвями индоевропейской семьи языковъ. Вѣдь, романскіе языки, потомки языка латинскаго, принадлежать къ италійской вѣтви, которую вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ (съ его потомками) составляютъ языки осковъ и умбровъ, и только италійская вѣтвь въ ея цѣломъ, а не

группа языковъ, происходящая отъ одного изъ языковъ этой вѣтви, является величиною, однородною съ индійскою, германской и славянской и прочими вѣтвями нашей семьи языковъ, которая не иѣшало бы указать.

Я полагаю, что приведенныхъ мною примѣровъ достаточно для того, чтобы подтвердить высказанное мною въ самомъ началѣ настоящей рецензіи общее сужденіе о книгѣ г. Алферова.

Въ заключеніе я позволю себѣ одно замѣчаніе по поводу извѣстнаго труда Лескина по старославянской грамматикѣ. Г. Алферовъ, перечисляя источники, которыми овъ пользовался, упоминаетъ о книгѣ Лескина „Handbuch der althulgischen (alkirchenalavischen) Sprache“ въ 1-мъ ея изданіи 1871 г.; тутъ же опять прибавляетъ, что это сочиненіе имѣется и въ русскомъ переводе Шахматова и Щепкина (стр. III); изъ ссылки на стр. 27 прямо видно, что авторъ отождествляетъ этотъ переводъ съ 1-мъ изданіемъ оригинала. На самомъ дѣлѣ русский переводъ сдѣланъ съ 2-го изданія 1886 г., какъ это и указано въ предисловіи, а различіе между 1-мъ и 2-мъ изданіями оригинала очень существенное: въ первомъ изданіи Лескинъ держался того взгляда, что старославянскій языкъ лучше всего переданъ намъ въ Остромировомъ Евангеліи, а въ второмъ изданіи онъ основывается исключительно на такъ называемыхъ паннонскихъ памятникахъ, исключивъ совершенно Остромировое Евангеліе; русский переводъ имѣть большое значеніе именно потому, что переводчики дополнили (въ приложениі) грамматику Лескина фактами языка Остромирова Евангелія, посвятивъ особый отдѣлъ обозрѣнію русизмовъ этого текста. Въ прошломъ (1898) году вышло въ свѣтъ 3-е изданіе нѣмецкаго оригинала учебника Лескина, представляющее лишь неизначительныя измѣненія сравнительно съ вторымъ изданіемъ.

IV. Б. Шереметевскій.

BENNO EEDMANN und RAYMOND DODDE. Psychologische Untersuchungen über das Lesen, auf experimenteller Grundlage. Halle. 1898. 360 S.

Эта книга заключаетъ въ себѣ описание и обработку результатовъ многочисленныхъ опытовъ надъ процессомъ чтенія, произведенныхъ авторами три года тому назадъ въ психологической лабораторіи Галльского университета. Излагая результаты своихъ собственныхъ опытовъ, авторы въ то же время подвергаютъ обстоятельной

кратакъ работы своихъ предшественниковъ. Въ книгѣ собрано очень много материала, и она, вслѣдствіе этого, несомнѣнно должна возбудить интересъ всѣхъ психологовъ, какими бы специальными вопросами они не занимались. Авторы дѣлаютъ много общихъ методическихъ указаний, анализируютъ разнообразныя психическая явленія, связанныя съ процессомъ чтенія и особенно подробно останавливаются на вопросахъ о движениі глаза при чтеніи, времени простой и сложной реакціи и различіи въ восприятіи отдѣльныхъ буквъ и словъ. Сложность содержанія книги не позволяетъ дать всестороннюю оцѣпку ея въ размѣрахъ журнальной статьи. Поэтому я ограничусь здѣсь передачей только тѣхъ сторонъ этой книги, которые могутъ имѣть не одинъ лишь психологический, но и педагогический интересъ.

Анализируя процессъ осмыслинаго чтенія, авторы указываютъ въ немъ три слѣдующія ступени: 1) зрительное восприятіе материальныхъ письменныхъ знаковъ, 2) воспроизведеніе материальныхъ слуховыхъ знаковъ, находящихся въ ассоціаціи (въ смыслѣ символического отнosiелія) съ воспринимаемыми письменными знаками и 3) воспроизведеніе тѣхъ значеній, которая аналогичнымъ образомъ связаны съ только что указанными слуховыми знаками. Авторы подвергли тщательному экспериментальному изслѣдованию все эти ступени чтенія и пришли къ довольно опредѣленнымъ результатамъ. Чтобы лучше оцѣнить главнѣйшіе изъ этихъ результатовъ, я постараюсь вкратцѣ очертить отношеніе новой книги Эрдмана и Доджа къ другимъ сочиненіямъ о томъ же предметѣ.

Наиболѣе интереснымъ вопросомъ, около которого группируются многія работы по психологіи чтенія, является вопросъ объ отношеніи процесса восприятія буквъ къ процессамъ воспроизведенія звукового образа слова и его смысла. Какъ мы читаемъ? Насколько ясно и отчетливо воспринимаются нами буквы? Насколько близость смысла читаемаго падаетъ кругу представлений влияетъ на скорость процесса чтенія? Складываемъ ли мы при чтеніи отдѣльныя буквы, воспринимая ихъ одну за другой, или воспринимаемъ несколько буквъ разомъ, какъ одну цѣлую группу? Всѣ эти вопросы, конечно, имѣютъ не только специальный психологический, но и общий педагогический интересъ.—При первой попыткѣ экспериментально изслѣдовывать процесса чтенія (G. Valentin, Lehrbuch der Physiologie des Menschen, Braunschweig, 1844) былъ установленъ любопытный фактъ, что восприятіе 3—4 буквъ, при чтеніи, требуетъ почти такой же продолжи-

тельности времени, какая требуется для одною впечатлѣнія на сѣтчаткѣ. Изъ этого тотчасъ быль сдѣланъ выводъ, что мы можемъ въ одно и то же время отчетливо воспринимать иѣсколько буквъ. Развитіемъ этой способности объяснялось ускореніе процесса чтенія, при чмъ все-таки высказывалось предположеніе, что даже при самомъ скромъ чтеніи всѣ отдѣльныя буквы *точно воспринимаются*. Однако, въ противовѣсь такому предположенію, быль выставленъ очень извѣстный фактъ трудности исправленія корректурныхъ ошибокъ. Основываясь на этомъ, начали утверждать (*H. Aubert, Physiologie der Netzhaut, Breslau, 1865*), что многія буквы при чтеніи воспринимаются нами далеко не отчетливо, при чмъ эта неотчетливость восполняется воспроизведенными представлѣніями. Окончательное рѣшеніе этого вопроса могло быть произведено только путемъ хорошо обставленныхъ экспериментовъ. Такіе эксперименты впервые были продѣланы Гельмгольцемъ. Послѣ него быль сдѣланъ цѣлый рядъ аналогичныхъ опытовъ, изъ которыхъ наиболѣе важное значеніе въ исторіи данного вопроса имѣютъ опыты Кэттеля, такъ какъ въ описаніи этихъ опытовъ подводится итогъ предшествующимъ работамъ (*J. Cattel, Über die Zeit der Erkennung und Benennung von Schriftzeichen, Bildern und Farben. Philos. Studien, II, 1885*). Въ сочиненіи Кэттеля устанавливается положеніе, что, при чтеніи, мы воспринимаемъ слова и буквы не по одиночкѣ, другъ за другомъ, а сразу цѣлой группой „въ одномъ духовномъ процессѣ“. Это доказывается прежде всего тѣмъ, что время, потребное для того, чтобы узнать и произнести отдѣльную букву, оказывается лишь немногимъ короче времени, нужнаго для прочтенія отдѣльного слова. Къ этому присоединяются другія наблюденія, которыя особенно выдвигаютъ впередъ значение ассоціацій при чтеніи, то-есть, тѣхъ именно процессовъ, которые способствуютъ группировкѣ въ нашемъ сознаніи отдѣльныхъ буквъ и словъ. Такъ, напримѣръ, оказывается, что упражненіе въ механическомъ процессѣ чтенія (то-есть, повтореніе буквъ и словъ) очень мало вліяетъ на ускореніе этого процесса, между тѣмъ всякое измѣненіе условій опыта, при которыхъ ослабляется или усиливается помощь ассоціацій, сейчасъ же замѣтно отражается въ скорости чтенія: отдѣльные слова, не образующія никакихъ предложенийъ, и буквы, не образующія словъ, требуютъ, при чтеніи, почти двойного времени сравнительно со словами и буквами, поставленными въ опредѣленную взаимную связь; при

чтениј на разныхъ языкахъ, болѣе короткое время требуется для чтенія на языкѣ болѣе знакомомъ, а кратчайшее—на родномъ.

Сравнивая новую книгу Эрдмана съ работой Кэттеля¹), ее надо признать, въ главныхъ чертахъ, подтверждениемъ и дополненіемъ послѣдней. Существенную часть содержанія новой книги составляетъ подробное описание и анализъ условій произведенныхъ экспериментовъ. Что же касается результатовъ, то наиболѣе интересными изъ нихъ, сравнительно съ работой Кэттеля, являются слѣдующіе. Фактъ восприятія буквъ, при чтеніи, заразъ цѣльными группами устанавливается, во-первыхъ, чисто виѣшнимъ наблюденіемъ за движеніемъ глазъ и головы читающаго, при чемъ надо признать правильное чередованіе движений въ покоя глазного яблока во время непрерывнаго процесса чтенія. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ наблюденій, показывающихъ, на сколько велика роль ассоціацій при восприятіи текста. Все, что облегчаетъ восприятіе ряда буквъ и словъ, какъ цѣлой группой, облегчаетъ и процессъ чтенія. Поэтому, напримѣръ (какъ это ни странно съ первого взгляда) слова съ большимъ числомъ буквъ легче узнаются, чѣмъ слова болѣе короткія (стр. 157). Восприятіе буквъ и словъ при чтеніи не какъ отдѣльныхъ составныхъ частей цѣлаго, а прямо какъ цѣльныхъ группъ имѣеть, по мнѣнію авторовъ разбираемой книги, глубокое психологическое основаніе. „Слово, какъ звуковой образъ, является чѣмъ то цѣльнымъ только вслѣдствіе свойственной ему комбинаціи акустическихъ и соответствующихъ имъ моторныхъ ощущеній. Такъ какъ буквы написанного слова символизируютъ только отдѣльныя части, входящія въ составъ этихъ комбинацій (а именно только тѣ составные части, которыхъ фиксированы въ алфавитѣ) и такъ какъ эти части, взятые сами по себѣ, могутъ имѣть много звуковыхъ значеній²), — то изъ этихъ буквъ совсѣмъ пельзъ получить звукового образа слова, если только мы будемъ воспринимать ихъ послѣдовательно (а не группами). Написанное слово лишь настолько символизируетъ звуковой образъ слова, насколько оно само является чѣмъ то цѣльнымъ, — и только познавая это цѣлое, возможно попроизвести по нему звуко-

¹) Сочиненіе J. O. Quantz'a (*Problems in the Psychology of Reading. „The Psychological Review“ Series of Monograph. Supplements. № 5, 1897*). Совсѣмъ не отразилось на разбираемой книжѣ.

²) Надо помнить, что авторы имѣютъ въ виду главнымъ образомъ нѣмецкій и англійскій алфавитъ.

вой образъ слова" (стр. 195). Анализируя всестороннимъ образомъ процессъ чтенія, авторы, въ концѣ концовъ, приходятъ къ рѣшительному выводу, что „вообще чтеніе словъ не можетъ заключаться въ послѣдовательномъ восприятіи буквы за буквой" (стр. 306).

4. Нечасіе.

Книжныя новости.

П. Филевскій. Исторія города Таганрога. М. 1898. Стр. VI + 376. Цѣна 2 р. 75 к.-Названная книга издана въ память двухсотлѣтнаго юбилея города, на средства, отнущенные городскимъ управлениемъ. Авторъ ея пользовался печатной литературой (впрочемъ не вполнѣ) и архивными материалами и составилъ настолько пространную „исторію" Таганрога, что можетъ вызвать справедливые упреки въ сообщеніи мало относящихся къ этой „исторіи", и даже вовсе ненужныхъ свѣдѣній. Несмотря на то, что Таганрогъ впервые упоминается только въ самомъ концѣ XVII вѣка, г. Филевскій начинаетъ его „исторію" съ „смѣс资料ного періода"; затѣмъ трактуетъ обѣ „эпохи" великаго переселенія народовъ", о „періодѣ удѣльномъ" (при чёмъ цѣльно двѣ страчицы заполняютъ стихами изъ „Слова о Полку Игоревѣ"), о „періодѣ италіанскихъ колоній", о „первомъ азовскомъ походѣ", о „взятии Азова" и только на 39 стр. касается впервые своей темы. Погоня за излишнею полнотой и многословіемъ являются характерными чертами изложеній г. Филевскаго и далѣе, особенно при разказѣ о пребываніи въ Таганрогѣ Императора Александра I. Мѣстами онъ даже поэтизируетъ, изрекая сентенціи, въ родѣ слѣдующей: „Коротки были дни Таганрога подъ властью Петра Великаго, но они положили на чело его печать историческаго величія, они соединили ему имя въ исторіи и освѣтили его блескомъ славы геніального человека" (стр. 72); или „Въ боевомъ порядкѣ вступили русскіе солдаты; торжественные звуки боевой музыки далеко неслись по стенимъ и по зыбкой поверхности водъ; пущечный салютъ пѣсколько разъ повторилъ зеленѣющія апѣрѣльскія стены, а послѣдніе отвѣты эха гдѣ-то далеко синились съ блескомъ морской волны. Гдѣ же восторженный привѣтъ освобожденной земли? Гдѣ хлѣбъ-соль землякамъ-освободителямъ? Гдѣ радостные возгласы при видѣ русскихъ штандартовъ, весело хлопавшихъ подъ стеннымъ вѣтеркомъ о сини древка?... „Аминь!" ему гранули цетровскіе камни въ отвѣтъ" (стр. 92). Весь интересъ, по нашему мнѣнію, книги г. Филевскаго сосредоточивается на тѣхъ немногихъ страчицахъ, гдѣ онъ на основаніи архивныхъ данихъ говорить о дѣйствіяхъ и распространеніяхъ мѣстной администраціи, клонившихся къ устройству города, о торговлѣ его, объ учебныхъ заведеніяхъ и о „благотворительныхъ учрежденіяхъ", хотя и тутъ вместо риторическихъ фразъ можно было бы ввести не мало другихъ необходимыхъ свѣдѣній.

A. Степенчук. О древнерусской беллетристике. Киевъ. 1898. 50 стр. — Авторъ задался цѣлью собрать всѣ чисто-литературные элементы древнерусской письменности, чтобы доказать, что „изящная словесность“ была уже и въ древней Руси, что умственный уровень древне-русского грамотнаго люда былъ гораздо выше, чѣмъ это принято думать, такъ какъ жаждя художественного наслажденія уже жила въ русскомъ обществѣ до Петра. Начинаетъ авторъ свое маленькое изслѣдованіе съ опредѣленія количественной стороны древне-русской беллетристики и находить, что число дошедшихъ до насъ „литературныхъ произведеній“ убѣждаетъ насъ въ богатствѣ этой литературы въ количественномъ отношеніи; затѣмъ онъ указываетъ на четыре источника ея происхожденія: а) Византія и славянскій югъ, б) западная Европа, с) востокъ и д) сама Россія. Отмѣтивъ затѣмъ „обычную форму“ распространенія беллетристики среди читающей публики („сборники“), авторъ переходитъ къ разбору типичныхъ образцовъ всѣхъ четырехъ группъ, имъ указанныхъ; попутно говорить онъ о „хронографахъ“, „азбуковникахъ“, „апокрифахъ“. Особенно долго останавливается онъ на повѣстіи: „о князѣ Петре и женѣ его Февронії“, подчеркивая ея художественное, психологическое и историческое значеніе; затѣмъ довольно много говорится о „Петрѣ, паревичѣ Ордынскомъ“. Послѣ этого анализа произведеній, принадлежащихъ сѣверной Гуси, авторъ указываетъ на сравнительноную бѣдность художественного творчества южной Руси, занятой въ средніе вѣка церковно-политической борьбой. Затѣмъ г. Степенчукъ характеризуетъ „реальную“ русскую повѣсть (о „Шемяканѣ судѣ“, о „Ершѣ Ершовичѣ“, о „Фролѣ Скаббеевѣ“). Выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, слѣдующіе: а) до-петровская беллетристика въ количественномъ отношеніи вполнѣ удовлетворила запросамъ общества; кругъ видѣній ея былъ болѣе широкъ, чѣмъ беллетристика тече-решинской, такъ какъ тогда интеллигенція не откололась еще отъ народа; б) специально духовнаго характера до-петровская литература отнюдь не имѣла; с) она обнаружила такие задатки дальнѣйшаго развитія, что ей предстояла „блестящая будущность могучей самородной литературы“. Изъ всего сказанного видно, что работа г. Степенчика имѣть несомнѣнныи интересъ, — жаль только, что умѣло поставленный вопросъ разработанъ не съ достаточнымъ вниманіемъ: библиографическая неточность встрѣчаются довольно часто, причемъ некоторые изъ нихъ не могутъ быть сочтены ошибками; планъ работы не выдержанъ. Пожелаемъ, чтобы авторъ изъ своего сиѣшнаго эскиза сдѣлать болѣе обстоятельную работу, — этимъ онъ принесеть несомнѣнную пользу.

B. H. Перстин. „FILAR WIARY“ и „Квітка Smerci“, архієпископа Лазаря Бараповича. Кіевъ. 1898. 35 стр.— Авторъ начинаетъ свою работу съ полнаго списка сочиненій Лазаря Бараповича; списокъ этотъ составленъ г. Перстиномъ на основаніи библиографического труда Галятовскаго, дополненнаго данными, добтыми проф. Симковымъ („Къ исторіи южно-русской литературы семнадцатаго столѣтія“, I, Лазарь Бараповичъ. Харьковъ. 1895), Эстрайхера, (Estreicher. Bibliografia polska. Czesc II, t. I, Ogólnego Zbioru, t. VIII, Kraków. 1882), Строева и Филарета. Списокъ составленъ очень старательно: приведено подробное заглавіе, съ сохраненіемъ характерныхъ особенностей его виѣшиаго вида; описаны пѣкоторыя наиболѣе интересныя изображенія,

аллегорії, эмблемы и символы. Къ этому довольно длинному списку г. Перетцъ прибавилъ еще одинъ номеръ (29-й)—еще одно сочиненіе Барановича, ускользнувшее отъ вниманія библиографіи—„Filar Wiary“. Содержаніе его распадается на 3 части и заключаетъ въ себѣ 17 стихотвореній: первыи 9 и 14-е трактуютъ обь исхожденіи Св. Духа. Вторая группа стихотвореній посвящена Божіей Матери. Третью группу образуютъ разныи стихотворенія на темы богословскаго характера, похвальные и polemическія, въ которыхъ отстаивается православіе. Свое описание „Filar Wiary“ г. Перетцъ заключаетъ такимъ же подробнымъ описаніемъ рѣдкаго сочиненія Барановича „Księga Śmierci“, принадлежность котораго Барановичу нѣкоторыми учеными отвергается (проф. Сундовъ).

И. А. Шликина. 1799—1899. Къ биографіи А. С. Пушкина. (Малознѣстные и неизвѣстные документальныи данные). С.-Пб. 1899. 30 стр. Цѣна 50 к.— Въ брошюре г. Шликина напечатаны иѣкоторыи документы, которые имѣютъ отношеніе къ жизни нашего великаго поэта; правда, одни изъ этихъ документовъ слишкомъ слабо связаны съ Пушкинымъ, но за то другіе, дѣйствительно, представляютъ интересъ. Такъ, мы думаемъ, что всѣ документы о Ганибалахъ, документы, старательно собранные авторомъ и хорошо обставлены съ биографической стороны, для объясненія личности Пушкина имѣютъ немногого интереса,—за то материалы изъ лицейской жизни А. С. Пушкина, правда, въ значительной части своей уже проникши въ печать, вводить насъ въ интимную жизнь пушкинского лица, и потому представляютъ дѣйствительную цену; эти материалы представляютъ отзывы обь успѣхахъ и поведеніи Пушкина и его товарищевъ. Третья группа материаловъ носитъ название у г. Шликина: „Изъ бумагъ Пушкинскаго музея“; здесь мы встрѣчаемъ данныи изъ литературной судьбы извѣстнаго произведенія Пушкина: „Андрей Шенье“ и два письма Пушкина (къ Н. Н. Гончаровой и А. О. Ишмировой).

Остафьевский архивъ князей Вяземскихъ. I. Переписка князя П. А. Вяземского съ А. И. Тургеневымъ (1812—1819), томъ первый. Издание графа С. Д. Шереметева, подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Сантова. С.-Пб. 1899. 728 стр. Цѣна 5 р.—Съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ выходъ въ свѣтъ первого тома „переписки“ князя Вяземского съ А. Тургеневымъ. Это изданіе, образцовое во всѣхъ отношеніяхъ, представляетъ крупный вкладъ въ русскую историческую науку. Вотъ почему всякий, кто интересуется прошлыи русскаго общества, съ искреннѣйшимъ чувствомъ принесеть свою благодарность почтенному издателю „Остафьевскаго архива“, графу С. Д. Шереметеву, не пожалѣвшему издержекъ на изданіе и сумѣвшему привлечь къ сотрудничеству такого опытааго редактора, какъ В. И. Сантовъ. Все изданіе будетъ состоять изъ четырехъ томовъ и охватить періодъ времени отъ 1819 до 1845 года. Судя по первому тому, въ содержаніе котораго вошли не только факты изъ интимной жизни корреспондентовъ, но и любопытнѣйшия соображенія по поводу различныхъ событий изъ жизни русскаго общества,—можно заключить, что слѣдующие томы переписки будуть еще интереснѣе и содержательнѣе, такъ какъ въ нихъ будутъ помѣщены письма, принадлежащиа лицамъ, уже болѣе зрѣлымъ по возрасту, а, стало

быть, судя поимь, болѣе внимательными и осторожными. Но входи въ подробное перечисление тѣхъ вопросовъ, о которыхъ касались князь Вяземскій и Тургеневъ въ своихъ разныхъ письмахъ, указемъ, хотя бы, на рядъ фактъ изъ русской литературы (факты изъ жизни Жуковскаго, Пушкина, Карамзина), изъ исторіи русской журналистики, русскаго театра,—какъ такие, о которыхъ не мало свѣдѣній, болѣе или менѣе, крупныхъ можно найти въ этой перепискѣ. Кроме того, можно встрѣтить кое-что, напримѣръ, изъ исторіи русскаго образования, изъ исторіи Библейскаго общества, изъ исторіи отношений русскаго правительства къ Польшѣ и др. Замѣчательныя примѣчанія къ этимъ письмамъ, составленыя В. И. Салтовымъ, занимаютъ чуть не половину тома („письма“ — 384 стр.; примѣчанія (мелчѣ печать) — 252 стр.) вдвое увеличиваютъ значеніе этихъ любопытныхъ документовъ, такъ какъ они, не менѣе интересны, чѣмъ самыя письма. Въ самомъ дѣлѣ, стоять перечесть эти комментаріи, — и мы встрѣтимъ цѣлый рядъ маленькихъ монографій, написанныхъ ясно, толково и въ высшей степени содержательно. Перечислимъ наиболѣе видныя имена, которымъ посвящены отдельные примѣчанія: А. Я. Булгаковъ (894—396 стр.), Н. Тургеневъ (397 — 398 стр.), О. Кокошкинъ (403 стр.), Новосильцовъ (404 — 405 стр.), С. Тончи (415—416 стр.), С. Свѣчинъ (420—421 стр.), С. Уваровъ (437 стр.), А. Иллєцкая (439—440 стр.), Н. Молчановъ (448—449 стр.), М. Орловъ (456—459 стр.), А. Стурдза (498—499 стр.), Н. Катенинъ (507—508), Н. Свиридовъ (508—511 стр.), А. Прокоповичъ-Антоніскій (526—526 стр.), Д. Гуничъ (579 стр.), М. Вильгорскій (594 стр.), А. Востоковъ (607 стр.) и др. Богатство содержанія и писемъ, и примѣчаній видно, хотя бы, изъ того, что одинъ указатель (именной и предметный) занимаетъ 45 стр.! Все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлаетъ вышедшій томъ настольной, справочной книгой для всякаго, занимающагося изученіемъ первой половины XIX столѣтія. Остановимся, въ заключеніе, на предисловіи графа С. Д. Шереметева, который напутствовалъ свое новое изданіе очень симпатичнымъ пожеланіемъ, чтобы „грядущія поколѣнія“ его семьи не оставляли добрыхъ традицій дорожить „свѣтыми преданіями“ прошедшаго. Пожелаемъ, чтобы не только графамъ Шереметевымъ этотъ завѣтъ былъ дорогъ, но и всѣмъ другимъ просвѣщеннымъ русскимъ людямъ, у которыхъ есть возможность сдѣлать эти „свѣтлыя преданія“ достояніемъ всѣхъ.

Н. М. Соколовъ. Лирка Я. П. Полонскаго. С.-Пб. 99 стр. Цѣна 60 к.— Жалкая книжка, съ самыми старательными и, увы, бесплодными потугами сказать что-то новое, оригинальное! Многословіе автора и темнота изложенія положительно приведутъ въ изнеможеніе читателя, который рѣшился прочесть до конца всю книжку г. Соколова. Своебразность стиля этого критического этюда приводить въ сплошное изумленіе. Приведемъ нѣсколько коротенькихъ примѣровъ: въ „Собакахъ“ муга Полонскаго, оказывается, „не поэзъ, а соизъ—но пишетъ, а „шарапаетъ“ (стр. 48). Современные молодые поэты возмущаются г. Соколова, надѣянаго „классическими вкусами“, — и опъ, сломя голову, пускается по тернистому пути остроумія, называя ихъ то „тренированными“ (?), то „женоподобными евнухами поэзіи“ (48 стр.) и другими подобными кличками... „Первая особенность фантастичности По-

лонского—это, по мнѣнію г. Соколова, почти полное отсутствіе фантасмагоріи» (44 стр.). Странная особенность!.. Вся оценка поэзіи Половинского сводится къ пересказу его стихотвореній, съ большими цитатами въ перенесенку. Постоянныя отступленія въ разные колыцы русской и всемирной поэзіи, часто совсѣмъ ненужныя, еще больше сбиваются съ толку того читателя, который изъ любопытства пожалѣлъ бы добиться, по какой системѣ расположилъ авторъ свое обзорѣніе лирики Половинского. Въ результатѣ, отъ чтенія работы г. Соколова ничего въ головѣ кроме тумана не останется.

Въ теченіе апрѣля и мая избѣжевъ въ редакцію Журнала Министерства Народного Просвѣщенія поступили слѣдующія книги:

— *Майданъ, Л. Пушкинъ. Біографические материалы и историко-литературные очерки. Съ приложеніемъ портрета Пушкина.* С.-Пб. 1899. Издание Пантелейона.

— *Сычевский, В. В. Пушкинъ, Байронъ и Шатовріанъ. (Изъ литературной жизни Пушкина на югѣ Россіи).* Цѣна 50 к. Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. С.-Пб. 1899.

— *Ценная находка. Вновь найденный рукопись А. С. Пушкина.* Издание редакціи журнала «Русское Обозрѣніе». Сообщено членомъ Симбирской архивной комиссіи. Д. Сапожниковымъ. С.-Пб. 1899.

— *Зелинский, В. Русская критическая литература о сочиненіяхъ А. С. Пушкина. Хронологический сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть вторая.* Издание 2-е. М. 1899.—Часть седьмая. М. 1899.

— *Петровъ, Н. П. Образовательные задачи Россіи въ виду предстоящаго переворота политico-экономическихъ отношеній въ съ народами Запада и Востока, вызываемаго расширениемъ нашихъ железнныхъ путей.* Рѣчь. С.-Пб. 1899.

— *Труды Я. К. Грофа. II. Филологическія разысканія. (1852—1892).* Изданіе подъ редакціей проф. К. Я. Грофа. С.-Пб. 1899.

— *Періаментъ, М. Я. Договорная искусствъ и литература въ римскомъ и современному гражданскому правѣ.* Одесса. 1899.

— *Розановъ, В. В. Литературные очерки. Сборникъ статей.* Издание П. Перцова. С.-Пб. 1899.

— *Розановъ В. В. Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія.* Издание П. Перцова. С.-Пб. 1899.

— *Платонікій, С. Л. Письмо первого самозванца къ папѣ Клементу VIII отъ 24-го апреля 1604 года. Съ восемью автографическими снимками.* С.-Пб. 1899.

— *Платонікій, М. Греческая капелла въ катакомбахъ Прискиллы въ Римѣ.* С.-Пб. 1899.

— *Бриліантовъ, А. Къ вопросу о философии Эригены. Отвѣтъ г. проф. В. С. Серебренникову.* С.-Пб. 1899.

— *Венгеровъ, С. А. Основные черты истории новѣйшей русской литературы.*

Вступительная лекция, читанная въ С.-Петербургскомъ университѣтѣ 27-го сентября 1897 г. С.-Пб. 1899.

— *Фриз, Вильгельмъ, Д-р.* Подготовка учителей. Съ приложениемъ статьи того же автора и подъ тѣмъ же заглавиемъ изъ журнала „Lohmgraben und Lehrgänge“. Переводъ съ немецкаго *Л. Лимдемана*, преподавателя Коломенской гимназіи. Приложение къ циркулярамъ по Московскому учебному округу, издаваемымъ подъ редакціей *В. Исаенкова*. М. 1898.

— *Гроссъ, Карлъ.* Введение въ эстетику. Переводъ съ немецкаго *А. Гуревича*, подъ редакціей *Л. А. Сева*. Киевъ—Харьковъ. 1899.

— *Юстусъ, А. Ф.* Курсъ вухгалтеріи. Двойная италіанская система. Полное практическое руководство для изучающихъ систему. Саратовъ. 1899.

— *Архивъ князя Ф. А. Куракина.* Книга восьмая, изданная княземъ *Ф. А. Куракинымъ*, подъ редакціею *В. Н. Смолинина*. Саратовъ. 1899.

— Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга однинадцатая. М. 1899.

— Отчетъ о тридцать девятомъ приужденіи наградъ графа Уварова. (Число 25-го сентября 1897 г.). (Записки Императорской Академіи Наукъ. Мемоires. По историко-филологическому отдѣленію, т. VII, № 5). С.-Пб. 1899.

— Отчетъ овъ экспедиціи Императорской Академіи Наукъ на Новую Землю летомъ 1896 г. Съ 8-ю фототипическими спичками и 6-ю картами. (Тоже, но физико-математическому отдѣленію. Т. VIII, № 1). С.-Пб. 1898.

Опредѣленія географическихъ широтъ и долготъ, произведенныя въ 1898 г. лейтенантомъ *Е. И. Шимейко*, во время экспедиціи на Ново-Сибирскіе острова и вдоль береговъ Ледовитаго океана. Обработалъ *В. Фусъ*. (Тоже, т. VIII, № 5). С.-Пб. 1899.

— Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1899. Тома IV книжка 1. С.-Пб. 1899. (Содержаніе: *Хоринъ, Ф. Е.* Разборъ вопроса о подлинности окончанія „Русалки“ (продолженіе). *Арган-ильскій, А. С.* Къ исторіи апокрифической литературы. *Щеполевъ, П. Е.* Очерки исторіи отреченнной литературы. *Шахматовъ, А. А.* Путешествіе Г. М. Миссюря Мунехина на Востокъ и Хронографъ редакціи 1512 г. *Яцимірскій, А. И.* Новые данные о Хожденіи архіепископа Антонія въ Царьградъ. *Халандскій, М. Г.* Изъ замѣтокъ по исторіи русскаго литературнаго языка. *Шейль, П. В.* Къ вопросу объ условныхъ языкахъ. *Яцимірскій, А. И.* Пѣсни Замфира въ „Цыганахъ“ Пушкина и цыганскаго хора. *Щепкинъ, В. Н.* Разсужденія о языкахъ Саввишой книги (продолженіе). Библиографія. Приложения).

— *Radloff, W.* Die altturkischen Inschriften der Mongolen. Zweite Folge. С.-Пб. 1899.

— Памятники древней письменности и искусства: СХХХ: Отчеты о за- сѣданіяхъ Императорского общества любителей древней письменности въ 1897—1898 г. съ приложеніями. С.-Пб. 1898. СХХХI. Изъ исторіи отреченнной литературы II. Тропетники. Тексты тропетниковъ и материалъ для ихъ

объясненія, собралъ и приготовилъ къ изданию *М. Сперанский*, С.-Пб. 1899. СХХХI. 1. *Н. П. Кондаковъ*. О научныхъ задачахъ истории древнерусского искусства. 2. *Н. В. Покровскій*. Некрологъ Г. Д. Филимонова. 3. Гр. С. Д. Шереметевъ. Памяти О. И. Буслаева и Г. Д. Филимонова. С.-Пб. 1899. СХХХII. Отчетъ о засѣданіи 5-го марта 1899 г. съ приложеніями: 1: *А. И. Соболевскій*. „Логика“ Жидовствующихъ и „Тайны Тайныхъ“. 2. *С. О. Дозоръ*. „Вѣдомость о Китайской землѣ и о глубокой Пиды“. С.-Пб. 1899. СХХХIV. Лицевой иконоческій подлинникъ и его значеніе для современного церковнаго искусства. Сообщеніе *Н. В. Покровскому*. С.-Пб. 1899.

— Статистика Россійской Имперіи. XLVI. Урожай 1898 г. II. Яровые хлѣба, картофель, ленъ и конопля. Издание Центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Годъ 16-й. С.-Пб. 1899.

— *Клоссовскій, А.* Материалы для климатологии юго-запада Россіи. I. Текстъ. II. Карты. Одесса. 1899.

— *Еллатовскій, С.* Разказы и очерки. С.-Пб. 1899.

— Гекува. Трагедія Эвриніда, въ б дѣйствіяхъ, переводъ съ греческаго *М. Б. Гуревича*. Отдельный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ“. Воронежъ. 1898.

— Басни Крылова на сценахъ дѣтскаго театра. Сост. *А. А.* Одесса. 1899.

— Описание русскихъ монетъ музея Ярославской ученой архивной комиссіи, пожертвованныхъ И. А. Вахрамѣевымъ, составилъ Эдуардъ Берендейль, ординарный профессоръ Демидовскаго юридического лицея, предсѣдатель губернской ученой архивной комиссіи. Ярославль. 1898.

— *Паниковъ, И. И.*, д-ръ. О народномъ врачеваніи въ Закавказскомъ краѣ. Тифіансъ. 1899.

— *Паниковъ, И. И.*, д-ръ. Влияніе мадяри на колонизацію Кавказа. (Съ картой). Тифіансъ. 1899.

— *Ломачевскій, А. И.* Новый способъ обучения чтенiu и критика такъ называемаго звукового метода. Вильна. 1899.

— *Ломачевскій, А. И.* Отрывная азбука. Новый упрощенный способъ обучения правильному и сознательному чтенiu. Вильна. 1896.

— Памятная книжка Киевскаго учебнаго округа за 1899 г. Киевъ. 1899.

— Отчетъ о деятельности Ярославской ученой архивной комиссіи за 1896—1898 годъ. Ярославль. 1899.

— Отчетъ Воронежской комиссіи народныхъ чтений за 1897—1898 годъ. Воронежъ. 1899.

— Отчетъ комиссіи по народному образованію за 1898 г. Начальныя народныя училища. Двадцать второй годъ: 1877—1899. С.-Пб. 1899.

— Исторический очеркъ двадцатипятилетней деятельности общества всенощебствования студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. С.-Пб. 1898.

— Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1898 г. представленный директоромъ музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. М. 1899.

— Искусство и художественная промышленность. Ежемѣсячное изданіе. № 6. Мартъ 1899. Содержаніе: Художественная экспедиція по тундрѣ и на Вайгачъ, А. А. Борисова; О Бахчисарайскомъ дѣрцѣ и его реставраціи, Н. П. Кондакова; Къ 25-тилѣтію Тифлисскаго художественного общества, Д. А. Пахомова; Образъ смерти, Е. К. Рядина; хроника, особыя изложенія на 8 листахъ. — № 7, апрѣль, 1899. Содержаніе: Историческій музей въ Москвѣ, В. И. Сырова; Изъ записной книжки художника, В. В. Верещагина; Къ исторіѣ народнаго орнамента, Е. М. Маковскаго; Автопортретъ Данъ Дзѣкъ Н. Ф. Семёнова; Мысли живописца, Бенджамина Константа; хроника; особыя приложенія на 4 листахъ.

— Каррингтон, И. История западной Европы въ новое время. Томъ III. История XVIII века. Ч. I. Старый порядокъ и новые идеи. Вып. V. Издание 2-е. С.-Пб. 1899.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА¹⁾.

Теорія поезії. П. Жиценка. Київ 1898. Стр. II + 292. Ц. 1 р.

Г. П. Жиценкій—известный преподаватель русской словесности, рѣдкій по талантамъ и любви къ дѣлу и, кромѣ того, знатокъ мало-русского ларѣчія. За послѣдніе годы онъ издалъ для школы три книги, тѣло между собою связанныя: въ 1895 году „Теорію сочиненія“, а въ 1898 г., кромѣ названной въ заголовкѣ, еще „Очерки изъ исторіи поэзіи“. Если кто захочетъ изучить, по г. Жиценкому, теорію поезіи, тому разбираемой книги мало: для поэтической рѣчи онъ долженъ ознакомиться съ частью „Теорія сочиненія“, а для генезиса отдѣльныхъ поэтическихъ формъ и полнаго подбора художественныхъ образцовъ надо прочитать и даже изучить „Очерки“. Это показываетъ широту и разносторонность въ трактованіи у г. Жиценкаго теоріи поезіи. Форму онъ никогда не даетъ какъ нѣчто оголенное и рѣдко преподносить ее въ кристаллизованномъ видѣ, но рисуя обстановку, въ которой сложилась та или другая художественная пьеса и анализируя ее, сравнивая съ подобными онъ даетъ материалы для настоящей и живой теоріи поэзіи: менше догмы, формы, больше исторіи, жизни, содержанія — такъ понимаю я его задачу. Конечно онъ не могъ дать строгой систематичности своему изложенію, но зато онъ никогда не забывалъ о генезисѣ формъ и объ исторіи, съ которой литература связана и которой она подчинена. Если русская культурная жизнь начала съ сатиры, отчего-же не начать и теорію лирики съ ея омеги, тѣмъ болѣе что общее понятіе объ этомъ видѣ

¹⁾ Помѣщенные въ сюжетѣ рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народного просвѣщенія.

пoэзии, дано было раньше, во введеніи. Въ принципѣ этомъ есть пло-
дотворныя зерна, только историческая часть при этомъ должна быть
гораздо богаче: рядомъ съ сатирой надо упомянуть и учебникъ, и
проповѣдь, и дидактическую басню. Если г. Житецкій въ курсѣ тео-
ріи пoэзии не могъ, конечно, вездѣ слѣдовать хронологическому и
даже вообще историческому порядку, то во всякомъ случаѣ важно,
что онъ нигдѣ не упускалъ изъ виду существование истории. Съ точки
же зрѣнія методической очень интересны у г. Житецкаго искусственныя
переходы отъ одной темы къ другой или живая связь, которую онъ
устанавливаетъ между частями своего сочиненія, и которая иногда
замѣняетъ строгость системы: таково начало третьаго отдѣла книги
(стр. 95 ст.) или переходъ отъ „Недоросля“ къ „Горю отъ ума“ (стр. 209).

Но что является безусловно неудобнымъ въ его книгѣ, это
одни русскія сочиненія, какъ материалы. Посмотрите, куда это ве-
детъ. Г. Житецкій не отращаетъ въ предисловіи къкотораго при-
сущаго ему субъективизма. И вотъ „Россіада“, „Хоревъ“, пѣсни
Дмитріева, повѣсти Карамзина — всѣ эти творенія должны служить
ему образцами; немудрено, что не видя въ нихъ художественной цѣ-
ности, авторъ не можетъ и стать на ту точку зрѣнія, чтобы они за-
интересовали ученика, чтобы ученикъ понялъ, что все это было въ
свое время цѣнно, что надѣ этии люди думали, даже плакали... И
вотъ получается какое то недоразумѣніе, а между тѣмъ „Бунтада“,
„Федра“, „Сентиментальное путешествіе“ вѣдь все это, въ отрывкахъ,
могло бы дать настоящіе художественные образцы. Или для драмъ—
г. Житецкій беретъ „Бориса Годунова“. Да развѣ это драма? Развѣ
этотъ Борисъ, умирающій отъ анергизма въ тотъ моментъ, когда
ему только что предстояло вступить въ борьбу, развѣ это трагический
герой? Теоріи трагического и теоріи драматического творчества рѣ-
шительно нечего дѣлать съ этой хроникой, которая имѣть слишкомъ
много капитальныхъ художественныхъ достоинствъ, чтобы отвѣтить
еще пшитическимъ требованіямъ, возросшимъ на почвѣ „Прометеева“.

Лучшею главой въ книгѣ слѣдуетъ безусловно признать самую
оригинальную и богатую по содержанію, а именно главу о былинахъ
и историческихъ пѣсняхъ. Здѣсь очень осторожно, безъ цитать и
ссылокъ, г. Житецкій указываетъ на связь нашихъ былинъ съ ви-
зантійской литературой: Святогоръ у него уже не бесоновскій бо-
гатырь: за именемъ и Аника, и Дигенисъ. А этотъ подборъ типичныхъ
есть нашего богатырского эпоса! А историческая пѣсня изъ
сборника 1619 года! все это заслуги г. Житецкаго—онъ не напол-

ниль учебную книгу научными выводами, но что гораздо важнѣе, онъ ввелъ ихъ въ учебный обиходъ. По поводу пѣсень объ Иванѣ Грозномъ позволю себѣ, впрочемъ, не согласиться съ романтическимъ взглѣдомъ, на Грознаго, который г. Житецкій видѣть въ пѣсняхъ: „Неутолимая жажда человѣческой крови—пишетъ онъ (71 стр.)—мучить его и чѣмъ болѣе онъ проливаетъ ее, тѣмъ болѣе самъ страшаетъ, поэтому онъ не только мучитель, но и жертва. Эту тонкую психологическую черту подмѣтила пѣсня о покушеніи на жизнь сына“. Въ лучшихъ вариантахъ народъ выгдѣтъ не допускаеть царя Ивана Васильевича до несправедливости (вспомните Федора и пушкинѣ подъ Казанью). Что-же касается до крови, то въ богатырской обстановкѣ кровь вообще льется довольно щедро: мнѣ же кажется, что для народной памяти Грозный вездѣ былъ не мучителемъ, и не жертвой, а законнымъ и справедливымъ карателемъ боярской измѣны, гдѣ-бы ни свила она себѣ гнѣзда. Рапсоды наши не читали ни Аксакова, ни Костомарова.

Менѣе удачна у г. Житецкаго глава II, особенно устарѣлая классификація индо-европейцевъ, гдѣ нѣть ни албанцевъ, ни армянъ, ни западныхъ германцевъ, а есть греко-италійская группа, которой уже давно наука не признаетъ.

Нельзя согласиться также съ устарѣлыми терминами *дикости* и *варварства*, и неправильно *анимизмъ* называть фетишизмомъ. Но самая неудачная часть книги, по моему, характеристики *эмоцій возынченію* и *смѣха*, почерпнутыхъ изъ народной словесности. Если въ нашихъ гимнахъ (гдѣ они?) и были когданибудь чувства благоговѣнія и ужаса передъ пейзажами славы, то они исчезли безслѣдно, и какъ то странно объяснять теперь юношамъ, чтобъ такое *возынченіе* (le sublime, das Erhabene), на какойнибудь „горемычной“ пташечкѣ кукушечкѣ, прилетѣвшей тайкомъ отъ тиранна мужа на материнскій огородъ, поклевать рябины. А вѣдь г. Житецкій именно это дѣлаетъ, ссылаясь на метемпсихозъ, какъ на отзвукъ *возынченія*. На что отзыука, когда надо объяснить *эмоцію*, которую испытываете вы, испытываю я. Неудаченъ также *хмѣль* въ качествѣ пѣсенного представителя юмора. Г. Житецкій прекрасно знаетъ, что юморъ есть вовсе не эмоція, и не изображеніе, а цѣлое міросозерцаніе, которое, по мѣткому выражению Лазаруса, доступно только „орланъ въ области духа.“ Нѣсколько замѣчаній по языку: дурно *аоды* (ви. аэды); Ииды и Ирапы ви. Индусы и Иранцы (23); Хорсъ отъ корня *хрос*. Переводъ тѣлос и ідѣа надо исправить слѣдующ.

обр. 1) *ударъ, отпечатокъ, характеръ, примеръ*; 2) *видъ, качество, способъ, идея, въ смыслѣ передобраза, идейка; искусства образователѧ — надо изобразительнымъ; вѣлѣчъ, мюнѣчъ надо грорагохутона; хардіа, хѣмъ (172) такихъ словъ нѣть, надо хардіа. Надо уничтожить также провинциализмы вродѣ *курей, тосковаръ за клемъ* (124). Слово *аффектъ* неточно передано *аспектика*: аффектомъ именено называть, кажется, такое душевное состояніе, которое неизбѣжно проявляется наружными признаками (миѣнія въ книгѣ Jodl'a). Словомъ *эмоція* нашъ авторъ нѣсколько злоупотребляетъ. У нѣмцевъ его нѣть вовсе. Проф. Гротъ въ „Психологіи чувствованій“ не употребилъ его ни разу. Французы употребляютъ это слово очень осторожно въ научномъ языке.*

Очерки изъ истории поэзии. (Пособіе для изученія теоріи поэтическихъ произведеній). Л. Житецкаго. Кіевъ. 1898. б-273.

Книга г. Житецкаго состоитъ изъ 16 главъ и посвящена изложению и разбору выдающихся произведений западно-европейской литературы, отъ поэмъ Гомера до комедій Мольера включительно. Разсмотрѣны въ освѣщены исторически: Иліада, третья Олимпійская ода Пиндара, Царь Эдипъ Софокла, одна изъ идиллій Феокрита, съ указаниями на исторію греческаго романа; потомъ Эдда, Нибелунги, пѣснь о Роландѣ, Божественная Комедія, Донъ-Кихотъ, Освобожденный Іерусалимъ, Макбетъ, Король Лиръ, Сидъ, Федра Расина и Мизантропъ. Кроме того, три главы (7-ая, 11-ая и 12-ая) посвящены историко-литературнымъ очеркамъ, не имѣющимъ въ центрѣ какого-нибудь крупнаго произведения: въ одной говорится о расцвѣтѣ рыцарской поэзіи во Франціи, въ другой—о средне-вѣковой драмѣ и въ третьей—о предшественникахъ Шекспира. Подборъ произведеній, а равно и предметы для общаго обзора слѣдуетъ признать удачными, но нельзя не пожалѣть, что авторъ пособія остановился на Мольерѣ и что, указавъ на двѣ первыхъ стадіи въ развитіи романа, онъ не освѣтилъ намъ и третьей—романа Диккенса, Бальзака и Тургенева.

Способъ изложенія у г. Житецкаго весьма педагогиченъ: мало афоризмовъ, мало ненужныхъ подробностей и, взамѣнъ этого, одушевленный пересказъ произведенія и много выписокъ, которыя позволяютъ молодому читателю составлять и свое посильное сужденіе о томъ литературномъ фактѣ, который предлагается его вниманію: и въ-которымъ неудобствомъ оказывается, при этомъ развѣ увеличеніе объема книги, впрочемъ авторъ предизначаетъ ее, повидимому, не для

изученія а для чтенія.—Языкъ въ книгѣ правильный, и мѣстами слогъ очень хорошъ; главное же достоинство заключается въ безусловной ясности, съ которой г. Житецкій умѣетъ трактовать вопросы иногда весьма сложные и трудные. Въ смыслѣ научномъ книга представляетъ изъ себя трудъ не во всѣхъ частяхъ своихъ равнозначенный. Такъ первая глава „Иліада“ написана нѣсколько элементарно: я думаю, что разрѣбать гордѣевъ узель гомеровскаго вопроса, какъ это дѣлаетъ г. Житецкій, для старшихъ классовъ гимназіи даже неполезно.

Жалко также, что выѣсто „аѳоды“, авторъ пишетъ „аоды“ (по пѣточной аналогіи съ „рапсоды“) и „Пизистраты“ (дважды на 4 стр.) выѣсто „Пизистратиды“. При историческомъ освѣщеніи Пиндаровской лирики слѣдовало бы, мнѣ кажется, нѣсколько подробнѣе сказать о вліяніи *номовъ* на творчество. Стезихору напрасно приписывается г. Житецкій изобрѣтеніе эпода: невѣрность этого устарѣлага толкованія давно уже доказана Крузіусомъ. При передачѣ третьей Олимпійской оды невѣрно поставлено въ скобкахъ (на 21 стр.) при *бою плющеносныи*—*Аполлонъ* надо „Діонисъ“ (тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ о Семелѣ). При описаніи греческаго театра, въ книгѣ изданной въ 1898 году, желательно бы было, чтобы ея авторъ заглянула предварительно въ книгу Дерпфельдта *Das griechische Theater* (вышла два года назадъ)—это избавило бы его отъ многихъ ошибокъ.

Говоря о драматической поэзіи, г. Житецкій ничего не говорить ни о трилогіяхъ, ни объ агопахъ. Трагедія „Прометеи“ у г. Житецкаго краине обезличена. Угадайте по слѣдующими строкамъ о комъ идетъ рѣчь: объ Эсхилѣ, Гете или Шелли. „Не могъ, конечно, великий поэтъ не уважать личной свободы человѣка, могучихъ порывовъ его духа къ спѣту, знанию и добру, поэтому онъ воспользовался мифомъ (*sic*) о Прометеѣ и создалъ свою геніальную трагедію, (27) или на 28 „Зевса, который (въ трагедіи Эсхила) является представителемъ безсердечного и грубаго насилия“. Относительно поэтики Аристотеля, г. Житецкій напрасно не привялъ во вниманіе, что отъ нея сохранилась лишь 1-я книга, и что, можетъ быть, комедія подробнѣе разсмотривалась во второй. Вообще желательно бы было, чтобы авторъ далъ въ слѣдующемъ изданіи болѣе точный переводъ 6-ой главы поэтики, изъ которой онъ дѣлаетъ выписки. Въ сужденіи о греческомъ романѣ у автора, повидимому, подъ ногами не совсѣмъ твердая фактическая почва. Схема греческаго романа слишкомъ обща: можно-бы было посовѣтовать ему познакомиться съ извѣстною книгою Роде о романѣ и хотя бы съ русскими перевodомъ романа Лопга.

„Нібелунги“, „Роландъ“ изложены и освѣщены хорошо по перево-дамъ „Кудрашева и гр. Де-ла-Бартъ: это главы очень полезныя для нашихъ учениковъ. Въ главѣ VII „Расцвѣтъ рыцарской поэзіи во Франції“ есть въ началѣ изѣста довольно бесодержательная, напри-мѣръ, на стр. 89 читается о Роландѣ въ Оливьерѣ (vis): „Ничѣмъ они не увлекались, кроме военныхъ предпріятій. Чужды имъ были лич-нія мечты и страсти, которыхъ накладываютъ печать индивидуаль-ности на человѣка“. Въ развитіи лирики не указано на роль жен-скаго творчества (въ *chansons de toile* или *chansons à danser*). Нельзя согласиться также съ ореографіей *кансона* и *пасторелла*: эти слова никакому языку не принадлежатъ. Вместо „Исторія Бриттовъ“ на стр. 98 надо „Исторія британскихъ царей“ (*regum Britanniae*). Г. Жи-тецкій поступаетъ очень осторожно, отказываясь входить въ разъясне-ніе вопроса о томъ, какъ возникла легенда о св. Граалѣ, хотя едва-ли какой піубудъ серьезный ученый запищаетъ теперь точку зре-нія кельтологовъ. Съ точки зре-нія литературной, интересно бы найти при изложеніи романовъ этого цикла параллель между Ланселотомъ и Шерсевалемъ. Говоря объ Амадасахъ, Донъ-Кихотѣ, да и вообще объ исторіи романа, г. Жи-тецкій не пользовался, повидимому, лекціями и изслѣдованіями академика Веселовскаго и обѣ этомъ слѣ-дуетъ пожалѣть.

Я. А. Гилькинъ и К. Н. Успенскій. Курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Москва, 1898. Стр. II + 218 + II. Цѣна 95 коп.

Составители указываютъ на устраненіе дробности въ ихъ курсѣ: дробность на самомъ дѣлѣ не устранина, а только замаскирована. За-маскированность эта обнаруживается при болѣе внимательномъ раз-смотрѣніи руководства и проявится, къ невыгодѣ учащихся, при прохожденіи его. Впрочемъ, многое бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ ознакомленіи съ руководствомъ. Такъ напримѣръ, объ Юстиніанѣ говорится на стр. 26—30, а объ его ближайшихъ преем-никахъ гораздо дальше—130 и болѣе страницъ спустя: на стр. 165—объ Иракліѣ, на стр. 174—о Львѣ Исавріанѣ; при этомъ статья объ Иракліѣ разорвана на двѣ части: о немъ говорится и въ отдѣлѣ „Имперія при ближайшихъ преемникахъ Юстиніана“ (стр. 165), и въ отдѣлѣ „Византія въ эпоху арабскихъ и славянскихъ войнъ“ (стр. 174). Очень страннымъ кажется помѣщеніе статьи объ одномъ изъ основ-ныхъ явленій средневѣковой исторіи — о крестовыхъ походахъ — въ концѣ руководства (стр. 179 и слѣд.). Эпизодъ этотъ наложенъ по-

верхностно, и въ изложениѣ его вплетена исторія болгаръ (стр. 185, 188—189). Съ другой стороны, о тѣхъ же болгарахъ говорится на 59—60 страницахъ учебника. Выдержаны и производятъ цѣльное впечатлѣніе отдѣлы, посвященные Германіи, Франціи и Англіи. Правда, изложеніе исторіи Германіи прерывается двумя обширными эпизодами, прямо къ этой исторіи не относящимися, но они отпечатаны мелкимъ шрифтомъ, вѣроятно, съ цѣлью сохраненія непрерывности разкака. Къ сожалѣнію, мелкій шрифтъ въ данныхъ случаяхъ не оправдывается содержаніемъ его, такъ какъ имъ отпечатаны такіе крупные вопросы, какъ вопросъ о развитіи средневѣковой теократіи и коммунъ. Если же вопросы эти, какъ и слѣдуетъ, отпечатать крупнымъ шрифтомъ, то нарушится и кажущаяся непрерывность въ изложениѣ исторіи Германіи. Наконецъ, лучше было бы помѣстить статью объ арабахъ и исламѣ въ первой части руководства, а не въ концѣ его, какъ это сдѣлано гг. Галишкінъ и Успенскій. Арабы-мусульмане появляются, по необходимости, уже на стр. 35, 36 и 45, а для ознакомленія съ ними учащихся отведены 166 и слѣдующія страницы. Намъ кажется, что отмѣченныхъ нами фактовъ достаточно, чтобы установить выводъ о несоответствіи категорического заявленія гг. составителей съ наличною дѣйствительностью. Разумѣется, этого и слѣдовало ожидать: такъ называемый средневѣковой періодъ всемирной исторіи отличается своею сложностью и многообразiemъ матеріала, что неизбѣжно и всегда будетъ отражаться и на его изложениї, къ какимъ бы искусственнымъ мѣркамъ ни прибѣгали составители руководствъ, относящихся къ этому періоду. Такою искусственною въ то же время неискусною мѣрою должно счѣсть отнесеніе отдѣловъ объ арабахъ, о крестовыхъ походахъ въ конецъ руководства. Вотъ что мы видѣли въ виду высказать о планѣ разбираемаго руководства.

Что касается матеріала, вошедшаго въ учебный курсъ гг. Галишкіна и Успенскаго, не касаясь пока его научности, мы ограничимся однимъ общимъ замѣчаніемъ: онъ слишкомъ теоретиченъ для средней школы, въ особенности для учениковъ 5-го класса, гдѣ проходитъ курсъ средней исторіи. Можетъ быть, мы ошибаемся, но намъ кажется, что гг. составители не въ достаточной степени знакомы съ уровнемъ развитія учениковъ этого возраста, даже при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Съ другой стороны, только тѣ обобщенія бываютъ обыкновенно цѣлесообразны, которые созидаются на фактической основѣ. При иномъ отношеніи къ дѣлу въ учащихся легко можетъ разиться всегда вредное резонерство, совершенно неоправдан-

ваемое сущностью дѣла самомнѣніе и полная неподготовленность къ самостоятельной работе. Подобный учебникъ быль бы мыслимъ при наличности въ средней школѣ двухъ концентрическихъ курсовъ — эпизодического и систематического, чего въ настоящее время нѣтъ. Въ учебникѣ гг. Галышкина и Успенского замѣтно мало развита фактическая сторона: учебникомъ этимъ еще можно было бы пользоваться только при болѣе близкомъ знакомствѣ съ фактическою стороной—при домашнемъ повтореніи въ 8 классѣ. Правда, въ разбираемомъ учебникѣ замѣчается какъ бы иѣкоторый дуализмъ, и рядомъ со страницами обобщающаго содержанія проявляется шогоня за мелкими и ничтожными по существу фактами (такъ напримѣръ отмѣчается день помазанія Оттона Великаго напою, день поднесанія Великой хартии вольностей, называются битвы при Льюисѣ—Генрихѣ III съ англійскими баронами—и при Ившемѣ, где совершилось пораженіе „кучки“ приверженцевъ Симона де-Монфора войскомъ короля Эдуарда, названъ вестготскій король Реккаредъ и т. п.), но все же преобладающею является выше отмѣченная черта. Во всякомъ случаѣ, курсъ гг. Галышкина и Успенского—довольно безцвѣтная книга: мы не встрѣтили на страницахъ ея ни одного рельефно описанного факта, ни одной ясно очерченной личности, тогда какъ исторія среднихъ вѣковъ представляетъ въ этомъ отношеніи необыкновенно благодарный материалъ.

Слово разбираемой книги въ общемъ гладокъ, но страдаетъ своею высоколарностью. Приведемъ два образца, выхваченные на удачу. „Дикии вихремъ“ перенесась черезъ Донъ, гуннская туча обратилась на готовъ. Остготы были разбиты и сдвинуты со своихъ мѣстъ. Германариа падъ въ одномъ изъ кровавыхъ сраженій, а все его племя потонуло въ бурномъ гунскомъ потокѣ, стремившемся на западъ“ (стр. 14). Одинъ и тотъ же фактъ въ этихъ немногихъ строкахъ является одновременно и „дикими вихремъ“, и „тучей“ и даже „бурнымъ потокомъ“, что на самомъ дѣлѣ едва ли кѣмъ-нибудь наблюдалось. Это мѣсто напоминаетъ слишкомъ смѣлыя и, къ сожалѣнію, слишкомъ извѣстныя выраженія г. Иловайскаго о томъ напримѣръ, какъ кимры и тевтоны скатились прямо въ Италию съ Альпийскихъ горъ на своихъ щитахъ, какъ Людовикъ Святой запутался въ рукахахъ Нила, какъ Дарій Кодоманъ плавалъ въ собственной крови и много другихъ. На стр. 78-й разбираемаго учебника мы встрѣчаемъ слѣдующую тираду: „Феодалы Италии на-перебой стремились къ папскому престолу, разжигавшему ихъ алчные аппетиты, безъ угрыз-

ния совѣсти порочили его священные ступени грѣхомъ и кровью, превращая высокое намѣстничество апостола Петра (!) въ игрушку своихъ разнуданныхъ страстей". Вмѣстѣ съ высокопарностью, премѣровъ которой мы могли бы привести не мало, встрѣчаются выражения тривиальная и небрежная, для учебника совершенно неподходящія. Приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ выражений.

„Избалованный богатый римскій баринъ" ... (11).

„Императорское правительство не устѣвало растворять германскую кровь въ римской" ... (18).

„Такой порядокъ или вѣрнѣе безпорядокъ" ... (18).

„Съ запада или вѣрнѣе съ юго-запада" ... (85).

„Его власть сильна мало и уже не трѣла вовсе" ... (46).

„Крупеніе національной славянской церкви" ... (59).

„Въ Германіи слишкомъ презирали вѣчно пылаю короля" ... (117).

„Во главѣ правительства стали опекуны-дяди короля-идиота" ... (139).

„Рыжий умеръ отъ стрѣлы не найденного убійцы" (150). Разумѣется Вильгельмъ II Рыжій, король англійскій.

„Между пебомъ и землей, между богомъ и людьми продолжали носиться амбели, сдѣланіе изъ оина" ... (168).

Есть выраженія, отзывающія какимъ-то пессимизмомъ, напримѣръ:

„Но, соприкасаясь такъ тѣсно съ міромъ полнымъ соблазна и грѣха, монастырь шелъ за встрѣчу большой и грозной опасности" (195).

„Но міръ полонъ грѣха, и, проповѣдуя отреченіе отъ земныхъ страстей, церковь сама заражалась ими" ... (207).

Есть и не совсѣмъ понятныя выраженія. Въ двухъ примѣрахъ, которые мы приведемъ сейчасъ, и которые взяты нами на одной и той же страницѣ (10-й), рѣчь идетъ о германцахъ.

„Они любили пѣсни пѣть, хотя въ пѣли ихъ по своему по варварски" (?).

„Ихъ легко можно было обмануть и безъ риска для себя эксплуатировать ихъ полное незнаніе жизни. Римскія дамы были въ восторгѣ отъ ихъ высокаго роста, блокурыхъ волосъ, голубыхъ глазъ".

Переходя къ вопросу о научности разбираемой книги, мы должны сказать, что не замѣтили въ ней какихъ-либо особенно крупныхъ ошибокъ. Изъ замѣченныхъ промаховъ и ошибокъ мы отмѣтили ниже-слѣдующія.

Восточной границей владѣній готовъ показавъ Днѣпръ (13).

Показана произвольная хронологическая дата утвержденія христианства среди готовъ (14).

Неправильно отмѣщается мѣсто Каталаунской битвы около Шалона на-Марнѣ имѣсто Мери на Сенѣ (17).

Дана невѣрная хронологическая дата появленія Теодориха въ Италии (19).

Франкскіе епископы и вообще духовенство безъ всякой оговорки называются православными (31).

Несогласно съ извѣстными намъ фактами, инициатива въ вопросѣ о коронованіи Карла Великаго императорскою короною приписывается папѣ, очевидно, подъ влияніемъ какого-либо исторического труда съ клерикальнымъ направленіемъ (46—47). А, можетъ быть, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ повторяющеюся ошибкою старыхъ учебниковъ.

Помѣстный соборъ 869 года неправильно сочтены вселенскими; авторы забыли, что православная церковь признаетъ только семь вселенскихъ соборовъ, послѣдній изъ которыхъ происходилъ въ 787 г. (84).

Предлагается новое, но все же не соответствующее немецкому произношению правописаніе — „Гозиштауфены“ (*passim*).

Фридрихъ I зовется то Барбаруссой (94), то Барбароссой (184).

Национальная борьба Оттона II съ Рудольфомъ Габсбургскимъ объясняется заносчивостью Оттона (110).

Имя Гуса и гуситовъ неправильно пишется черезъ два с (*passim*).

Приводится уже устарѣлое мнѣніе относительно Керсайскаго капитуларія (121).

Данъ невѣрный годъ окончанія Столѣтней войны (141).

Ошибочно оба крестовые походы Людовика Св. показаны напротивавшими въ Египетъ (190).

На той же страницѣ приведено мнѣніе о крестовыхъ походахъ въ Византіи, съ которымъ трудно согласиться, а именно: „Византія вынесла изъ крестовыхъ походовъ одни печальныя разочарованія. Ничего не выиграла отъ нихъ, она лежала теперь разбитая и обезсыленная“. Впрочемъ, черезъ страницу Византія называется „могущественной и славной“ (192).

Тампліеры неправильно помышщаются только во Франціи (190).

Слишкомъ симѣло альбигойское вѣроученіе выводится непосредственно изъ персидскаго поклоненія Ормузу и Ариману (209). Въ этомъ сказалось незнакомство автора данного мѣста учебника съ вопросомъ объ альбигойцахъ.

Совершенно неправильно говорится, что Гусъ дѣйствовалъ „по примѣру и подъ влияніемъ Уиклефа“ (216). На самомъ дѣлѣ, дѣя-

тельность Гуса была завершениемъ самостоятельно происходившей въ Чехії зволюції антиаппского и вообще антикатолического направления.

Мы могли бы увеличить приводимый списокъ промаховъ и ошибокъ, но ограничимся сказаннымъ.

Встрѣчаются и повторенія. Такъ напримѣръ два раза объясняется выражение „легисты“ (стр. 131 и 214), два раза говорится одно и то же о Гусѣ (стр. 116 — 118 и 211). Какъ подобная явленія, такъ равно характеръ материала и изложенія ясно показываютъ неудобство авторскаго дуализма въ дѣлѣ составленія учебнаго руководства.

Вычисление формулъ по данному приближенію (?). Опытъ пособія для учащихся:
Составилъ Н. С. Соколовъ, преподаватель математики Муромскаго реального училища. Муромъ 1898. Цѣна 30 коп. Стр. III+18.

Изъ „Предисловія“ автора видно, что онъ предназначаетъ названную брошюру въ руководство ученикамъ VI и VII классовъ реальныхъ училищъ и представляетъ „на благосклонный судъ и усмотрѣніе тварищъ по преподаванію математики въ реальныхъ училищахъ“.

Можно надѣяться, однако, что преподаватели математики не посовѣтуютъ ученикамъ руководствоваться брошюрою Н. С. Соколова, а предложить имъ слѣдовать при производствѣ вычислений по приближенію тѣмъ указаниемъ, которымъ даны во многихъ хорошихъ учебникахъ ариѳметики, напримѣръ, въ „Теоретической ариѳметикѣ Ж. Бертрана, переводъ съ 7-го изданія съ вѣкоторыми измѣненіями и дополненіями Н. Билибина“ (стр. 263—272).

Чтобы убѣдиться въ непригодности этой брошюры служить руководство въ для приближенныхъ вычислений, достаточно обратить вниманіе, напримѣръ, на стр. 6, а именно на слѣдующее:

1) Для умноженія съ данными приближеніемъ авторъ предлагаетъ такой способъ, по которому оказывается, что если въ однумъ изъ сомножителей перенести занесенную на несколько цифръ влево, а въ другомъ на столько же цифръ вправо, то, хотя величина произведения не изменится, но изменится число значущихъ цифръ, которымъ должно удержать въ сомножителяхъ для получения произведенія съ тюю же степенью точности. Онъ приводить такой примѣръ; „Для вычислениія $0,0003567\dots \times 6783,25478\dots$ съ приближеніемъ до $\frac{1}{10^3}$ “, „множителей пришлось бы брать съ 6 десятичными знаками. Увеличивъ же множимое въ 1000 разъ и во столько же разъ уменьшивъ множителя“, „съ искомою точностью получимъ: $0,356 \times 6,783 = 2,41$ “.

2) Что касается самого производства дѣйствій съ данными приближеніемъ, то авторъ не указываетъ никакихъ сокращеній. Напримеръ, для вычислениія $\pi\sqrt{3}$ съ точностью до $\frac{1}{100}$, поступаетъ такъ: $\pi\sqrt{3} = 3,141 \times 1,732 = 5,440212$ или $5,44''$.

4. 6. Формуламоюз, профессоръ Ново-александровскаго института. Насколько и хозяйство Австралии. Иль журнала „Русская Мысль“ 1898 г. Отдельное изданіе въ пользу недостаточныхъ студентовъ Ново-александровскаго института. Москва. 1898. Стр. 46. Цѣна 26 коп.

Рѣдко встрѣчаются брошюры въ небольшое число страницъ, но съ такимъ обильнымъ содержаніемъ, какъ рассматриваемая. Въ частности еще рѣже встрѣчаются брошюры географическія, которыя, трактуя о странахъ отдаленныхъ отъ насъ и о предметахъ сухихъ, обыденныхъ, такъ бы заинтересовывали читателя сопоставленіемъ данныхъ и освѣщеніемъ ихъ, какъ рассматриваемая брошюра.

Начинается она досадною опечаткою, что будто бы Бассъ, врачъ и мореплаватель, доказалъ, что Тасмания *не* островъ. Но затѣмъ всѣ страницы и даже можно сказать строки увлекаютъ читателя интересомъ и поучительностью. Данныя, относящіяся собственно къ населенію, судя по тексту, а равно по источникамъ и пособіямъ, приложеннымъ къ концу брошюры, касаются текущаго 10-ти-лѣтія. Въ первой главѣ, коротенько коснувшись рельефа страны, авторъ исключительно останавливается на населеніи, рассматривая его со стороны расы, пола, мѣсторожденія, религіи, политическихъ правъ и образованія, при чёмъ, при обозрѣніи каждого отдѣла авторъ затрагиваетъ разнообразные оттѣнки, составляющіе предметъ физиологии общества. Напримеръ, въ отдѣлѣ о расѣ профессоръ не останавливается на однихъ только европейцахъ, но и сообщаетъ много интереснаго о нравахъ туземцевъ и особенно о способности къ культурѣ ново-зеландскаго племени маори; или въ отдѣлѣ обѣ образованія даетъ мелкія подробности о нѣкоторыхъ университетахъ, о числѣ учащихся въ нихъ, о жалованье профессоровъ и т. д. и т. д. Въ отдѣлѣ о религіи все населеніе подводится подъ многочисленныя группы и отмѣчается количество людей безъ религіи, свободомыслящихъ, вѣрѣ сектѣ, сколько лицъ показали себя принадлежащими къ арміи спасенія, къ ученикамъ Христа, атеистамъ, агностикамъ, демистамъ, теистамъ, пантенистамъ, иигилистамъ, эгоистамъ, фаталистамъ, вольтеріанцамъ и толстовцамъ.

Вторая глава брошюры посвящается добывающей и обрабатывающей промышленности, и здесь, какъ и въ первой главѣ, авторъ вдается въ подробности и тонкости, представляющія большой интересъ. Такъ, въ очеркѣ о сельскомъ хозяйствѣ очерчиваются факторы, способствующіе процвѣтанію или задерживающіе успѣхи земледѣлія, скотоводства, птицеводства и лѣсоводства, какъ-то: климатъ, системы землевладѣнія, способы обработки полей, классъ рабочихъ, естественные враги сельского хозяйства, общественный и правительственный мѣры для борьбы съ ними, сбытъ произведеній сельского хозяйства и т. д. и т. д. Также разностороненъ обзоръ промышленности обрабатывающей и торговли.

Сообщая факты, касающіеся специальнѣ Австралии, авторъ въ объѣхъ главахъ весьма часто дѣлаетъ навидательныя сближенія съ Россіею и разясняетъ, между прочимъ, въ какихъ случаяхъ па поприщѣ труда мы превосходиимъ Австралию и въ какихъ случаяхъ она можетъ опередить насъ или быть опасною конкуренткою на всемирномъ рынке.

Изложеніе книжка сжато, по ясно, и факты группируются искусно. Она имѣть даже одно педагогическое достоинство, именно въ концѣ каждой главы, вкратцѣ разясняется все предшествующее содержаніе. Для примѣра выписываемъ заключеніе 1-ой главы: „Населеніе Австралии настолько-же мало сранительно съ населеніемъ земной поверхности, какъ сутки малы сравнительно съ годомъ ($^{1/36}$). Это населеніе еще очень рѣдко, распределеніе его по странѣ очень неравнomoрно; хотя меньше, чѣмъ прежде, но еще замѣчается недостатокъ женщинъ. Однородность англо-саксонскаго происхожденія и громадное преобладаніе христіанства не исключаютъ значительного разнообразія въ деталяхъ религіозныхъ убѣжденийъ. Участіе населенія въ жизни государственной съ течениемъ времени растетъ и теперь начинаетъ захватывать оба пола. Начальное образованіе сдѣлало большии успѣхи и сейчасъ распространено весьма широко, не забыты и интересы научного образования. Условія жизнепріиности населенія благопріятнѣе чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ и съ течениемъ времени улучшаются...“.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВЪ 1895 ГОДУ¹⁾.

Въ ряду учреждений, призванныхъ содѣйствовать народному просвѣщению, Императорская Публичная Библиотека въ С.-Петербургѣ занимаетъ, конечно, одно изъ самыхъ почетныхъ мѣсть. Всѣ лица, желающія дополнить свое образованіе, обогатить себя новыми познаніями, всѣ тѣ, кто живетъ ученымъ и литературнымъ трудомъ и нуждается въ данныхъ разнаго рода, имѣть свободный и бесплатный доступъ въ читальную залу Библиотеки и въ разныя ея отдѣленія. Большая часть ученыхъ, предпринимающихъ научные изслѣдованія, пріѣгаєтъ къ пособіямъ ея книжныхъ и рукописныхъ богатствъ; правительственные учрежденія весьма часто при своихъ работахъ обращаются къ содѣйствію отечественнаго книгохранилища, въ которомъ и находятъ необходимыя въ свѣдѣнія; наконецъ, нерѣдко Библиотека даетъ и иностраннымъ ученымъ материалы для ихъ трудовъ.

Открытая на общую пользу въ 1810 году, Императорская Публичная Библиотека считаетсяныѣ по числу рукописей и томовъ печатныхъ книгъ третьею между знаменитѣшими изъ европейскихъ библиотекъ, существующихъ по иѣскольку вѣковъ, и первою среди библиотекъ Россіи. Въ теченіе долголѣтняго своего существованія Библиотека, по мѣрѣ возможности, служила дѣлу просвѣщенія, но за послѣдніе годы, при тѣхъ недостаточныхъ, можно даже сказать, скучныхъ

¹⁾ Это обозрѣніе состоянія Императорской Публичной Библиотеки въ 1895 году извлечено изъ „Отчета“ ея, изданного въ началѣ текущаго года.

средствахъ, которыя опредѣлялись ея штатомъ, она не была въ состояніи держаться на подобающей высотѣ и удовлетворять цѣлямъ своего назначенія. Развитіе научной и литературной дѣятельности за послѣднее время, выражющееся значительнымъ увеличеніемъ числа произведеній печати, естественно должно было влѣтъ на постоянный ростъ Библіотеки, который нельзя остановить безъ существеннаго вреда для самого учрежденія. При ежегодномъ приращеніи Библіотеки и возрастающемъ числѣ въ неї читателей, а вслѣдствіе того увеличивающемся количествѣ требуемыхъ ими книгъ, число служащихъ въ неї, опредѣленное штатомъ 1874 года, явилось весьма недостаточнымъ какъ для каталогизации и разстановки поступающихъ въ нее книгъ, такъ и для правильного удовлетворенія читателей. Скудные оклады, назначенные по этому штату служащимъ въ Библіотекѣ, отъ большинства которыхъ требуются специальная познанія по разнымъ отраслямъ наукъ и знакомство съ однимъ изъ классическихъ и главными иностранными языками, не соотвѣтствовали той массѣ труда, которая на нихъ лежитъ, и при возрастающей дорогоизвѣтѣ жизни, заставляли многихъ искать постороннихъ занятій, что не могло не отражаться вредно на ходѣ библіотечнаго дѣла. Наконецъ, сумма, назначенная по упомянутому штату на содержаніе зданій и хозяйственныя расходы Библіотеки, явилась весьма недостаточною, чтобы поддерживать въ должномъ благообразіи какъ внутреннія помещения Библіотеки, такъ и чистоту зданій и прилегающіхъ къ нимъ тротуаровъ и мостовыхъ. Вслѣдствіе того совѣтъ Библіотекѣ уже давно пришелъ къ убѣждѣнію, что ея штатъ, Высочайше утвержденный 25-го мая 1874 года, не удовлетворяетъ болѣе ея насущнымъ потребностямъ, и управление Библіотеки неоднократно заявляло о томъ высшемъ начальству. Наконецъ, 1-го июня 1895 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе новаго штата Библіотеки, съ тѣмъ чтобы онъ былъ введенъ въ дѣйствіе съ 1-го января 1896 года.

Измѣненія, введенные новымъ штатомъ Библіотеки, касаются увелѣченія: 1) суммы, отпускаемой на приобрѣтеніе книгъ и рукописей, на ихъ переплеть, на каталогизацію и на печатаніе каталоговъ и изданий; 2) числа служащихъ въ Библіотекѣ лицъ; 3) получаемаго ими содержанія, и 4) суммы на хозяйственныя и другіе расходы Библіотеки.

По штату 1874 года на приобрѣтеніе книгъ и рукописей и на доставку ихъ изъ-за границы, а также на переплеть рукописей и книгъ,

ежегодно было ассигнуемо 26.000 р. Изъ этой суммы 6.000 руб. расходовалось на переплетъ, и отъ 2.000 до 3.000 руб. на пополненіе отдѣлений книгъ на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ и на приобрѣтеніе отдѣльныхъ рукописей, случайно предлагаемыхъ къ покупкѣ; остальные же 17.000—18.000 руб. расходовались на выписку изъ-за границы книгъ и времененныхъ изданій и на ихъ доставку. Эта послѣдняя сумма оказывалась крайне недостаточною, чтобы можно было на нее приобрѣтать обязательныя для Публичной Библиотеки выдающіяся сочиненія и periodическія изданія по всѣмъ наукамъ, а между тѣмъ число тѣхъ и другихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается. Кромѣ того, за послѣднее время возникло много новыхъ отраслей знанія, а нѣкоторые науки до того развились, что появившіяся по нимъ сочиненія образовали цѣлые библиотеки, между тѣмъ какъ Публичная Библиотека, по недостатку средствъ, едва имѣла возможность приобрѣтать только немногіе изъ наиболѣе выдающихся трудовъ по этимъ частямъ. Съ усовершенствованіемъ фотографическихъ и фототипическихъ способовъ воспроизведенія предметовъ возрастаетъ также постепенно число сочиненій и изданій археологическихъ, художественныхъ, естественно-историческихъ и медицинскихъ, снабженныхъ обширными и дорого стоющими атласами, и опять Библиотекѣ приходилось отказываться отъ покупки многихъ подобного рода изданій, которыхъ всего приличнѣ находиться имѣло въ ней. Ко всему этому слѣдуетъ еще присоединить два обстоятельства, отозвавшіяся неблагопріятно на пополненіи Библиотеки, именно возвышеніе цѣны на выходящія въ Германіи и Англіи печатныя книги, и низкій курсъ нашего бумажного рубля, который въ нѣкоторые годы цѣнился немногого болѣе 50 к. с. За двадцатилѣтній періодъ времени, съ 1874 по 1893 годъ, Библиотека понесла убытка на курсѣ болѣе 135.000 р., чтѣ въ среднемъ составляеть въ годъ около 6.800 р.; слѣдовательно, на покупку заграниценныхъ книгъ и журналовъ Библиотека могла ежегодно расходовать вмѣсто 18.000 р. только отъ 8.000 до 9.000 р. Очевидно, что при такомъ положеніи было немыслимо приобрѣтеніе всѣхъ обязательныхъ для нея замѣчательныхъ сочиненій, и потому въ ней ежегодно образовывались нежелательные пробѣлы, остававшіеся и впослѣдствии безъ пополненія. Только нѣкоторые отдѣлы Библиотеки, которыхъ по ихъ полнотѣ она справедливо гордится не только въ Россіи, но и въ Европѣ, и на устройство которыхъ затрачены десятки лѣтъ упорного труда и немалыя денежныя средства, а именно: иноязычныхъ сочиненій о Россіи, путешествій въ Палестину и вообще сочиненій о

ней, изданій сочиненій римскаго поэта Горация со всѣми ихъ объясненіями, изслѣдованіями и переводами на всѣ языки, портретомъ Императора Петра Великаго, пополнялись всѣми вновь появлявшимися гдѣ бы то ни было книгами и гравюрами, а также еще въ ней не имѣвшимися, при чёмъ иногда для отдѣленія иноязычныхъ сочиненій о Россіи книги и брошюры, составляющія библіографическую рѣдкость, приходилось покупать за большія деньги. Нагляднымъ доказательствомъ тому, на сколько Библіотека принуждена была отказываться отъ приобрѣтенія новыхъ сочиненій, могутъ служить слѣдующія цифры по отдѣлению юридическихъ и политическихъ наукъ. Въ то время, какъ число вышедшихъ въ теченіе 1884—1890 гг. сочиненій по этимъ наукамъ на иѣмецкомъ языкахъ достигло цифры 12.520, для отдѣленія было приобрѣтено лишь 1.044 сочиненія на этомъ языкахъ; изъ 4.937 сочиненій, вышедшихъ за это время на французскомъ языкахъ, куплено было Библіотекою 528 сочиненія, а изъ 4.348 сочиненій на англійскомъ языкахъ только 110 сочиненій.

Въ историческомъ отдѣленіи, въ которомъ не имѣется многихъ замѣчательныхъ сочиненій по истории европейскихъ государствъ, этнографіи, нумизматикѣ, геральдикѣ и археологіи, за послѣднее время изъ каждыхъ трехъ требованій на одно приходилось отвѣтчикъ отказомъ за неимѣніемъ сочиненій; въ теченіе 1874—1878 гг. число не удовлетворенныхъ по этой причинѣ требованій составляло ежегодно среднимъ числомъ 217, а пятнадцать лѣтъ спустя, въ 1889—1893 гг., оно достигло уже 548, то-есть, увеличилось въ два съ половиною раза. То же можно сказать и относительно отдѣленій: богословія, философіи, технологіи, медаціи, военныхъ и морскихъ наукъ, восточной филологіи и друг. Количество появляющихся сочиненій по этимъ предметамъ въ Европѣ постоянно возрастаетъ, а виѣстъ съ этимъ увеличивалось число требованій нашихъ читателей и получаемыхъ ими отказовъ, за неимѣніемъ книгъ въ Библіотекѣ. Наконецъ, въ Библіотекѣ ощущительный недостатокъ очень многихъ журналовъ, газетъ и изданій различныхъ академій и ученыхъ обществъ, а въ нихъ нерѣдко помещаются цѣлые монографіи по той или иной отрасли знанія, невсегда потомъ выходящія въ свѣтъ отдѣльными книгами.

Если Библіотека не имѣла достаточныхъ средствъ на приобрѣтеніе всѣхъ новыхъ замѣчательныхъ сочиненій, то ей о покупкѣ какого-либо собрания рукописей, лишь только за него просили иѣсколько тысячъ рублей, или специальной библіотеки по известному предмету, всегда отличающейся особенною полнотой и богатствомъ дорогихъ въ

трудко находимыхъ въ продажѣ сочиненій, нечего было и думать. Каждый разъ, когда предлагались къ пріобрѣтенію замѣчательная коллекція рукописей или выдающееся собрание печатныхъ книгъ, начальству Библіотеки приходилось или ходатайствовать объ отпускѣ на ихъ покупку особыхъ суммъ изъ государственного казначейства, а въ большинствѣ случаевъ отклонять съ сожалѣніемъ подобныя предложения. Располагая на пріобрѣтеніе книги и рукописей по штату самою скромною суммою, сравнительно съ другими первенствующими библіотеками за границею¹⁾, Императорская Публичная Библіотека ежегодно расходовала на этотъ предметъ гораздо болѣе ассигнованной ей суммы, употребляя на то свои специальные средства, вынужденныя сбереженіи изъ суммы, отпускаемой на ходатайственную часть, изрѣдка поступавшія пожертвованія и случайные остатки отъ суммы, назначеннай на содержаніе личнаго состава. Среднимъ числомъ Библіотека съ 1874 по 1893 г. включительно ежегодно расходовала на пріобрѣтеніе книгъ и рукописей 28.095 р., а съ присоединеніемъ къ общѣй израсходованной суммѣ испрошеныхъ особыхъ суммъ—28.195 р.

На переплеть книгъ и рукописей ежегодно назначалось на всѣ отдѣленія 6.000 р. Сумма эта расходовалась сполна, а въ нѣкоторые годы расходъ на переплеть и превышалъ эту цифру. Среднимъ числомъ въ теченіе двадцати лѣтъ ежегодно расходовалось на переплеть 6.122 р.; во эту сумму нельзя считать достаточную. Повременный изданія, особенно ежедневныя, выходящія въ предѣлахъ Имперіи, обыкновенно большаго листового формата, поглощали изъ назначаемой суммы весьма значительную ея часть, такъ что на переплеть книгъ шла лишь мѣньшая ея часть, а потому весьма много вновь поступавшихъ книгъ не переплеталось. Въ большихъ библіотекахъ западной Европы положено, по возможности, переносить всѣ вновь пріобрѣтаемыя книги и рукописи, и посему на этотъ предметъ опредѣляются довольно большія суммы²⁾. Въ Публичной Библіотекѣ, вслѣдствіе огра-

¹⁾ Такъ, Британскому музею назначено было по бюджету 1895 г. на пріобрѣтеніе книгъ 9.260 фунт. стерлинговъ и на пріобрѣтеніе рукописей 1.700 фунт. стерлинговъ; Парижской національной библіотекѣ назначено было на 1895 г. на покупку книгъ и рукописей 181.200 франковъ; Королевской библіотекѣ въ Берлинѣ по бюджету 1895—1896 гг. ассигновано было на пріобрѣтенія и на переплеть 150.000 марокъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣми этими тремъ библіотекамъ на экстраординарныя пріобрѣтенія всегда отпускаются особыя суммы.

²⁾ Въ Британскомъ музѣе по сѣмѣтѣ 1895 года на переплеть книгъ и рукописей назначено 9 000 фунт. стерлинговъ, а Национальной библіотекѣ въ Парижѣ въ 1895 г. было отпущено на этотъ предметъ 48.000 франковъ.

ниченнаго размѣра назначаемой суммы, условіе это не могло быть соблюдаемо, а между тѣмъ выдача не переплетенныхъ книгъ въ читальную залу, изъ опасенія ихъ порчи, воспрещена правилами. Устранить этотъ существенный недостатокъ нашей Библіотеки можно было только опредѣленіемъ суммы на перенесеніе, болѣе значительной, чѣмъ какая расходовалась доселе.

Одна изъ главныхъ задачъ каждой публичной библіотеки заключается, съ одной стороны, въ приготовлениіи матеріаловъ для каталогизаціи, то-есть, въ написаніи карточекъ съ заглавіями книгъ, а съ другой—въ обнародованіи библіотечныхъ каталоговъ, библіографическихъ и другихъ трудовъ. На все это Императорская Публичная Библіотека располагала по штату 1874 года суммою всего только въ 1.750 р. Не смотря на ограниченность этой суммы, съ пособіемъ по жертвованій, Библіотекою съ 1873 г. были напечатаны: каталогъ отдѣленія „Rossica“ или иноязычныхъ сочиненій о Россіи, получившій почетную извѣстность и познакомившій ученыхъ съ богатствами этого отдѣленія; каталогъ библейскихъ еврейскихъ рукописей; каталогъ небольшой части церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ изъ древлехранилища Погодина, указавшій изслѣдователямъ на многое важное и дотолѣ неизвѣстное; письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и др. Сверхъ того, Библіотека ежегодно печатаетъ отчетъ о своей дѣятельности, въ которомъ помѣщаются въ текстѣ сіѣдѣнія о наиболѣе выдающіхся печатныхъ изданіяхъ, ею пріобрѣтенныхъ, и описание поступившихъ въ теченіе года рукописей, а въ приложениіи иногда каталоги цѣлыхъ коллекцій или же матеріалы для исторіи новой русской литературы, извлеченные изъ собранія автографовъ Библіотека, при чемъ печатаніе каждого такого отчета обходится отъ 600 до 900 р. Очевидно, назначавшаяся на эти предметы по штату 1874 г. сумма въ 1.750 р. была крайне недостаточна, и дѣйствительно расходъ по этой статьѣ достигалъ до 2.847 р. ¹⁾.

Такимъ образомъ сумма въ 27.750 р., назначенная Библіотекѣ по штату 1874 г. на пріобрѣтенія, переплетные работы, каталогизацію и печатаніе отчета и каталоговъ, не могла удовлетворять насущнымъ потребностямъ учрежденія.

¹⁾ Въ Британскомъ музѣѣ по сметѣ 1895 года на печатаніе каталоговъ назначено 7.884 фут. стерлинговъ, а въ Парижской національной библіотекѣ — 80.000 франковъ.

По новому штату Библиотекѣ назначено: съ 1-го января 1896 г. на приобрѣтеніе книгъ и рукописей и доставку ихъ изъ-за границы 34.000 руб., на переплеть ихъ 7.000 р. и на каталогизацію, печатаніе каталоговъ, отчета и пр. 4.000 руб.; начиная же съ 1899 года—на приобрѣтеніе книгъ и рукописей и доставку ихъ изъ-за границы 40.000 руб.¹⁾), на переплеть ихъ 9.000 р. и на каталогизацію, печатаніе каталоговъ и проч. 5.000 р.

Личный составъ Библиотеки также былъ увеличенъ по новому штату. Необходимость прибавки нѣсколькихъ новыхъ лицъ въ помощь библиотекарямъ вызывалась, съ одной стороны, увеличеніемъ какъ числа новыхъ приобрѣтеній, такъ и количества выдаваемыхъ книгъ для занятій въ читальную залу, а съ другой стороны—большимъ объемомъ нѣкоторыхъ отдѣленій или соединеніемъ въ завѣдываніе одного лица нѣсколькихъ отдѣленій, нисколько не близкихъ по своему содержанію. при чемъ не возможно было отъ него требовать одинакового къ немъ вниманія. До введенія нового штата библиотекари несли, можно сказать, непосильные, въ значительной степени механические труды. Большая часть служебныхъ часовъ библиотекаря уходила на ежедневныя пріисканіе и выдачу требуемыхъ сочиненій въ читальную залу и на обратный пріемъ и разстановку по мѣстамъ книгъ, возвращенныхъ читателями, — трудъ, ни въ одной большой библиотекѣ не исполняемый лично библиотекаремъ, а также на отдачу книгъ въ переплеть, получение ихъ отъ переплетчика и установку на мѣста и на пріемъ новыхъ книгъ изъ регистратуры. Свѣрка каталога отдѣленія съ каталогами антикварныхъ книгопродавцевъ съ цѣлью пополненія находящихся въ немъ пробѣловъ; сличеніе даримыхъ книгъ съ библиотечными экземплярами, а иногда и цѣлыхъ собраній, и выдѣленіе дублетовъ, наконецъ веденіе инвентаря и алфавитнаго каталога поглощали остальное время у библиотекаря и не рѣдко заставляли его оставаться въ Библиотекѣ послѣ обявительного по закону служебнаго времени. Всѣ эти занятія не давали большинству библиотекарей возможности слѣдить, при пособіи библиографическихъ изданий, за появляющимися новыми сочиненіями по предметамъ, входящимъ въ составъ порученныхъ имъ отдѣленій, и такимъ образомъ

¹⁾ Назначеніе 40.000 р. на покупку книгъ и рукописей слѣдуетъ считать суммой все-таки очень умѣренной. На эту сумму можно лишь покупать нѣсколько болѣе, чѣмъ пышнѣ, замѣтительныхъ сочиненій по наукамъ и искусствамъ, но трудно пополнять пробѣлы въ книгахъ прежнихъ лѣтъ.

правильно ихъ пополнять, и не оставляли времени на веденіе систематического каталога, необходимаго для отвѣта на запросъ, какія сочиненія по извѣстному предмету имѣются въ Библіотекѣ.

Особенно нуждалась въ увеличеніи числа штатныхъ служащихъ отдѣленія: рукописей, при которомъ состоять отдѣленіе книгъ церковно-славянской печати, отдѣленіе книгъ гражданской печати, вышедшихъ при Петре Великомъ, секретное отдѣленіе книгъ на русскомъ языѣ и отдѣленіе книгъ, напечатанныхъ кириллицей и русскимъ гражданскимъ шрифтомъ на языкахъ галицко-русскомъ, сербскомъ и болгарскомъ; отдѣленіе книгъ на русскомъ языѣ, отдѣленія историческое, естественныхъ наукъ и медицины, искусствъ и технологіи и богословское. Драгоценное рукописное отдѣленіе ежегодно обогащается весьма значительнымъ числомъ рукописей, актовъ и автографовъ, преимущественно на языкахъ церковно-славянскомъ и русскомъ; число ихъ въ некоторые годы доходило до нѣсколькихъ тысячъ. Разсмотрѣніе и изученіе вновь поступающихъ рукописей, автографовъ и актовъ и ихъ описание требуетъ много труда и специальныхъ познаній; на это служебныхъ часовъ бываетъ недостаточно, и библіотекарю приходилось весьма часто употреблять значительную часть вѣкъ-служебного времени на собирашеніе справокъ, необходимыхъ для описания рукописей, а также заниматься и по вечерамъ, чтобы успѣвать описывать всѣ новыя поступленія въ отдѣленіе. На составленіе же и печатаніе ученаго подробнаго описания или по крайней мѣрѣ перечня всѣхъ хранящихся въ Библіотекѣ церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей и актовъ—у библіотекаря рѣшительно не оставалось свободнаго времени. Точно также крайне обременительна работа въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языѣ. Служба въ этомъ отдѣленіи, по количеству томовъ не уступающемъ цѣлымъ большимъ библіотекамъ, исполнялась до введенія нового штата однимъ библіотекаремъ и двумя вольнонаемными лицами. Между тѣмъ въ двадцатилѣтній періодъ времени количество поступающихъ ежегодно въ русское отдѣленіе сочиненій (не считая изданий періодическихъ) увеличилось болѣе, чѣмъ въ два съ половиною раза, а количество выдаваемыхъ изъ отдѣленія сочиненій—болѣе, чѣмъ въ два раза. Изъ отдѣленій ежедневно, среднимъ числомъ, въ тѣ дни, когда оно открыто для пользованія (считая въ году, за исключеніемъ праздниковъ, 273 дня), выдается болѣе 120 сочиненій, иногда многотомныхъ, и столько же должно быть постановлено на мѣсто по возвращенію изъ читальной залы. Если на выдачу каждого сочиненія считать только

три минуты, то одному лицу приходится употреблять ежедневно 6 часовъ непрерывнаго труда только для выдачи книгъ въ читальную залу. Каталогизация книгъ, которыхъ поступаетъ въ отдѣленіе ежедневно около 60 познаній, поглощала почти все служебное время другого лица. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить составленіе ежедневной статистической таблицы по выдачѣ книгъ изъ отдѣленія и неоднократную, вслѣдствіе недостатка мѣста, перестановку книгъ, влекущую за собою передѣлку инвентарного и алфавитнаго каталоговъ, отдачу книгъ въ переплетъ и обратный приемъ ихъ отъ переплетчика. Веденіе систематического каталога, столь настоятельно нужнаго именно въ этомъ отдѣленіи, было пріостановлено. Изъ всего этого очевидно, что личный составъ отдѣленія книгъ на русскомъ языкѣ былъ слишкомъ недостаточенъ. Что касается историческаго отдѣленія, одного изъ самыхъ обширныхъ въ Библіотекѣ по числу сочиненій и томовъ, ибо въ составъ его, кромѣ сочиненій собственно по истории, входятъ сочиненія по вспомогательнымъ ея наукамъ, по географіи, этнографіи и статистикѣ, занимающаго двѣ громадныя залы, изъ которыхъ требуется читателлия очень много книгъ и, пъ которое поступаетъ сравнительно съ другими отдѣленіями на иностраннѣхъ языкахъ значительное количество новыхъ пріобрѣтеній, то ужъ имѣпо эти обстоятельства указываютъ на необходимость увеличенія состава служащихъ въ немъ лицъ. То же можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ отдѣленіяхъ Библіотеки. Вслѣдствіе того по новому штату учреждено десять новыхъ должностей помощниковъ библіотекаря, изъ нихъ три старшихъ и семь младшихъ. Кромѣ того, вслѣдствіе усиленія поступлений и переписки по дѣламъ Библіотеки оказалось необходимымъ увеличить личный составъ библіотечной регистратуры и установить особую должность секретаря Библіотеки. Равнымъ образомъ, вслѣдствіе усиленія дѣятельности читальной залы за послѣдніе годы пришлось увеличить и число служащихъ въ ней.

Вмѣстѣ съ численнымъ увеличеніемъ личнаго состава Библіотеки послѣдовало и повышеніе его содержанія. По штату 1874 года въ особенности недостаточнымъ представлялось содержаніе библіотекарей, а между тѣмъ отъ этихъ лицъ требовалось и основательное образованіе, обусловленное характеромъ пхъ библіотечныхъ занятій, и въ зависимости отъ количества послѣднихъ чрезвычайная затрата времени, такъ что какіи-либо другія занятія оказывались для служащихъ затруднительными. При томъ, если сравнить дѣятельность библіотекарей Публичной Библіотеки хотя бы по количеству ежедневно

выдаваемыхъ ими въ членіе книги съ таковою же дѣятельностью библиотекарей другихъ учрежденій, напримѣръ, Академіи наукъ, университета, Военно-медицинской академіи и т. п., то всѣ выгоды оказывались на сторонѣ послѣднихъ, а содержаніе ихъ представлялось болѣе значительнымъ, чѣмъ содержаніе библиотекарей Публичной Библиотеки. Эти и другія подобныя соображенія привели къ сознанію необходимости существеннымъ образомъ увеличить содержаніе служащихъ въ Библиотекѣ; по новому штату оно доведено въ общей суммѣ до 63.222 р., то-есть, увеличено на 30.170 р. болѣе противъ суммы, отпускавшейся по прежнему штату.

Наконецъ, согласно новому штату послѣдовало увеличеніе ассигнованія на содержаніе зданій, отопленіе, освѣщеніе и другіе хозяйственныя расходы, а также на содержаніе и обмунированіе служащихъ. На эти предметы по штату 1874 года назначалось 19.700 р., но эта сумма уже давно оказывалась недостаточна въ слѣдствіе вздорожанія цѣнъ на всѣ хозяйственныя и ремонтныя работы, а равно вслѣдствіе того, что еще десять лѣтъ тому назадъ Библиотека приобрѣла отъ театральнаго вѣдомства значительный участокъ земли, на содержаніе которого также потребовался новый расходъ. Вслѣдствіе того, по новому штату Библиотеки ассигнованіе по означенной статьѣ доведено до 25.250 р., то-есть, увеличено на 5.500 р. болѣе суммы, назначавшейся на эти предметы по штату 1874 года.

Въ общемъ итогѣ на содержаніе Библиотеки по новому штату должно быть отпускаемо, начиная съ 1896 года, по 133.470 р., а съ 1899—по 142.470 рублей. Эта цифра, конечно, не можетъ идти въ сравненіе съ суммами, отпускаемыми въ Англіи, Франціи и Пруссіи на содержаніе Британскаго музея, Парижской національной библиотеки и Королевской Берлинской библиотеки, имѣющими такое же значеніе, какъ Императорская Публичная Библиотека. Но падобно надѣяться, что со временемъ и въ Россіи будетъ всѣми признано важное государственное значеніе такого учрежденія, какъ Библиотека, и тогда будетъ найдена возможность обеспечивать его существованіе такими же суммами, какія столь щедро даются англійскимъ, французскимъ и прусскимъ правительствами своимъ первостепеннымъ государственнымъ книгохранилищамъ, благодаря чему эти учрежденія могутъ стоять на подобающей высотѣ.

Отъ очерка потребностей Императорской Публичной Библиотеки, посильному удовлетворенію которыхъ долженъ служить новый штатъ

ея, обращаемся собственно къ обзору состоянія и развитія ея въ теченіе 1895 года.

Въ этомъ году Библиотека лишилась своего почетнаго члена, сенатора Д. А. Ровинскаго, скончавшагося 11-го іюня за границею, въ Вильдунгелѣ, близъ Касселя. Съ молодыхъ лѣтъ Д. А. Ровинскій находилъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ богатые материалы и пособія для своихъ трудовъ и изданий по исторіи русскаго искусства. Въ то же время онъ былъ ревностнымъ сотрудникомъ Библиотеки по пополненію находящагося въ ней собранія гравированныхъ портретовъ Петра Великаго и, между прочимъ, самъ пожертвовалъ изъ своего собранія три весьма рѣдкія портрета преобразователя Россіи. Хлопотамъ и стараніямъ Ровинскаго, длившимся много лѣтъ, Библиотека обязана приобрѣтеніемъ драгоцѣнной гравюры, известной только въ одномъ экземпляре, изображающей посольство кнзя Сугорскаго отъ царя Ивана Васильевича Грознаго къ Германскому императору Максимилиану II на Регенсбургскій сеймъ въ 1576 году. Гравюра эта, являющаяся важнымъ и достовѣрнымъ документомъ для исторіи русскихъ одеждъ, принадлежала Висбаденскому музею, который рѣшился уступить ее Ровинскому въ обмѣнъ на полную серію его изданий, а онъ пожертвовалъ эту гравюру нашей Библиотекѣ. Свои дорого стоявшія изданія, какъ-то: „Русскія народныя картинки“, „Достопрѣпные портреты Московскихъ государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грознаго и посольства ихъ времени“, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, „Полное собраніе гравюръ Рембрандта со всѣми разницами въ отпечаткахъ, 1.000 фототипій безъ ретушей“ и другія, Ровинскій дарилъ Библиотекѣ всегда въ лучшихъ оттискахъ и въ самыхъ избранныхъ экземплярахъ. Наконецъ, по духовному запѣщалію онъ оставилъ Библиотекѣ принадлежавшее ему собраніе портретовъ, гравированныхъ иностранными мастерами, заключающее въ себѣ, по его счету, около 50.000 листовъ.

По предмету внутреннаго устройства Библиотеки слѣдуетъ упомянуть, что въ началѣ 1895 года въ овальной залѣ бель-этажа была помѣщена большая высокая витрина, назначенная для храненія трехъ экземпляровъ роскошнаго изданія А. В. Зеппигородскаго о византійскихъ и русскихъ эмаляхъ. Текстъ этой книги, написанный извѣстнымъ анатолікомъ византійского искусства Н. Н. Кондаковымъ на русскомъ языкѣ, былъ переведенъ на языки французскій и пѣнзенскій. Сообразно этому витрина имѣеть, въ своемъ планѣ, форму треуголь-

ника и представляетъ три зеркальныхъ фасада, заключенныхъ въ деревянную (изъ дуба) основу, украшенную византійскимъ орнаментомъ въ краскахъ, съ золотомъ и серебромъ. Витрина увѣнчана рѣзнымъ византійскимъ куполомъ, съ цвѣткомъ вверху. Она можетъ вращаться во всѣ стороны на горизонтальномъ кругломъ колесѣ, вѣдѣланномъ внутри базы витрины. Въ витринѣ помѣщены какъ полные экземпляры русскаго оригинала книги и французскаго и немецкаго ея перевода, въ богатыхъ переплетахъ византійскаго стиля, такъ и находящіеся въ книгѣ отдельные рисунки, выполненные въ краскахъ. На одной изъ сторонъ витрины помѣщена, на особомъ рѣзномъ пьедесталѣ, статуэтка А. В. Звенигородскаго, выполненная скульпторомъ И. Я. Гинцбургомъ и отлитая изъ бронзы въ Парижѣ. Витрина, сочиненная по заказу А. В. Звенигородскаго архитекторомъ И. Н. Ропетомъ, выполнена столярамъ дѣлъ мастеромъ Шутовымъ и стоила около 2.000 руб.

Приобрѣтенія Библіотеки въ 1895 году были весьма значительны и состояли, какъ всегда, частію изъ цѣлыхъ коллекцій, частію изъ разнличныхъ поступлений.

1) У болгарина г. Сарафова куплено собраніе южно-славянскихъ и греческихъ рукописей. Значительная ихъ часть принадлежала прежде известному С. Верковичу, отъ которого Библіотека еще въ 1891 году приобрѣла покупкою собраніе южно-славянскихъ рукописей. Рукописи, приобрѣтены отъ г. Сарафова, служатъ дополненіемъ къ сому послѣднему. Среди приобрѣтенныхъ у г. Сарафова рукописей оказалось, между прочимъ, нѣсколько листовъ изъ известнаго Сѣвропеческаго Апостола XII вѣка, рукописи, поступившей въ свое время отъ г. Верковича. Изъ прочихъ славянскихъ рукописей настоящаго собранія можно указать, какъ на особенно важную, на Паримѣнскѣй XII вѣка, сербскаго письма, то скопированную со средне-болгарскаго оригинала. Всѣхъ рукописей славянскихъ въ этомъ собраніи 37, и изъ нихъ 16 писаны на пергаменѣ, а остальная — на бумагѣ; но содержанію они относятся или къ Священному Писанию, или же къ пѣснопѣніямъ богослужебнымъ. Между греческими рукописями находится семь пергаменыхъ, въ томъ числѣ пять Евангелій XI—XIII вѣковъ и Поучительныя слова св. Иоанна Златоустаго XI вѣка. Въ числѣ 20 греческихъ рукописей, писанныхъ на бумагѣ, приобрѣтоно нѣсколько Тріодей Постныхъ и Цвѣтныхъ и Служебныхъ Миней XIV—XV вѣковъ, пополнившихъ собою имѣвшійся въ Библіотекѣ

незначительный отъѣзъ греческихъ рукописей, содержащихъ въ себѣ богослужебныя пѣснопѣнія. Для приобрѣтенія этого собранія Библиотека не располагала средствами, но министерство народного просвѣщенія нашло возможнымъ отпустить Библиотекѣ займообразно сумму необходимую для такой покупки.

2) Вдовою профессора С.-Петербургскаго университета Г. С. Деступиса Луизою Ивановною Деступисъ, согласно волѣ покойнаго ея мужа, привнесено въ даръ собрание бумагъ его отца, напѣстнаго переводчика Плутарха и византійскихъ историковъ. Спиридона Юрьевича Деступиса († 1848). Между бумагами этого собранія болѣе важными являются дневники С. Ю. Деступиса (1826—1846 гг.), его черновыя письма и донесенія, въ особенности за время пребыванія его въ Смирнѣ, гдѣ онъ состоялъ россійскимъ генеральнымъ консуломъ въ 1818—1821 гг., письма къ нему разныхъ лицъ, въ томъ числѣ графа И. А. Карапетія, а также собранные С. Ю. Деступисомъ материалы по новой истории Греціи. Кроме того, здесь же находятся разные переводы С. Ю. Деступиса, преимущественно исторического содержанія, въ официальномъ его бумаги, а также материалы для его біографіи, собранные его сыномъ, и наконецъ, неизданные литературные труды первой жены послѣдняго Надежды Александровны, рожденной Крыловой.

3) Библиотекаремъ В. В. Стасовымъ привнесено въ даръ обширное собраніе собственноручныхъ писемъ извѣстнаго нашего музыканта композитора А. Н. Сѣрова (р. 1820 † 1871). Всѣхъ писемъ въ этомъ собраніи имѣется 242. Самая значительная ихъ часть писана къ В. В. Стасову, съ которымъ Сѣровъ былъ товарищемъ по Училищу правовѣдѣнія и находился въ тѣсной дружбѣ. Къ письмамъ къ В. В. Стасову приложены: черновыя письма Сѣрова къ Листу и В. Р. Зотову и три письма В. Р. Зотова къ Сѣрову; далѣе въ собраніи находятся: 39 писемъ и записокъ Сѣрова къ М. П. Анастасьевѣ, рожденной Мавромихали, 1 письмо къ ея сыну В. К. Анастасьеву, 12 писемъ къ Д. В. Стасову и 1 къ К. И. Званцеву. Большая выдержка изъ этого собранія были напечатаны В. В. Стасовымъ въ *Русской Старинѣ* за 1875—1878 годы, и тамъ же имъ весьма вѣро определено ихъ значеніе. „Передъ читателемъ“, говорить онъ, — „является исповѣдь души, записанная почти день за днемъ, исповѣдь юноши, полнаго блестящимъ дарованіемъ, силъ, лучшихъ стремленій, борющагося съ трудною дѣйствительностью, то полнаго

унынія, недовѣрія къ самому себѣ, иногда даже отчаянія, то снова одушевленнаго, бодро и смѣло идущаго къ своей цѣли... Письма Сѣрова представляютъ, впрочемъ, не одну только картину его собственной, внутренней жизни. Въ нихъ нарисованъ также цѣлый уголокъ русской жизни сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, а также заключается отчетъ о всемъ, что тогда совершалось музыкального въ русскомъ и даже вообще въ европейскомъ мірѣ".

4) Прачесленный къ французскому министерству общественныхъ работъ г. А. Гиллуа (*Antoine Guillois*) принесъ въ даръ Библіотекѣ 49 собственноручныхъ писемъ знаменитаго воспитателя императора Александра I, Фридриха-Цезара Лагарпа и его жены Доротеи Лагарпъ (рожденной Беттингеръ) къ известному французскому писателю Женгено (Pierre-Louis Ginguené, р. 1748 † 1816) и его женѣ. Изъ числа этихъ писемъ шестнадцать писаны самимъ Лагарпомъ, пять Лагарпомъ и его женой, а двадцать-восемь одною г-жею Лагарпъ. Письма эти, относящіяся къ 1813—1825 и 1829 годамъ, представляютъ весьма интересный матеріалъ для біографіи Лагарпа за послѣднюю третью его жизни.

Кромѣ этихъ большихъ коллекцій, въ Библіотеку въ 1895 году поступили: а) продолженіе собранія писемъ разныхъ лицъ къ дѣятельному тайшому советнику И. П. Коршилову въ количествѣ 62 писемъ отъ 38 лицъ; по времени письма эти относятся къ послѣднему десятилѣтію и касаются, главнымъ образомъ, учебнаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ; б) продолженіе доставляемой Германскимъ правительстvомъ въ даръ Библіотекѣ коллекціи выдаваемыхъ имъ привилегій на разные изобрѣтенія, въ количествѣ 5.633 томовъ; в) присененное въ даръ Библіотекѣ правительстvомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ собраніе официальныхъ изданій, напечатанныхъ во второй половинѣ 1894 года и въ первой половинѣ 1895 года, въ количествѣ 264 томовъ; г) продолженіе доставляемой Великобританскимъ правительстvомъ въ даръ Библіотекѣ коллекціи выдаваемыхъ имъ привилегій на разные изобрѣтенія, въ количествѣ 224 томовъ.

Отдельными приобрѣтеніями Библіотеки въ 1895 году состояли изъ произведений печати и изъ рукописей.

По примѣру прежнихъ лѣтъ Библіотека продолжала, согласно по закону, получать издаваемыя въ предѣлахъ Имперіи книги, брошюры, повременные изданія, ноты, географическія карты, гравюры и пр. изъ цензурныхъ учрежденій, а также отъ разныхъ вѣдомствъ, выѣю-

иныхъ право безцензурнаго печатанія. Частныя лица и учрежденія, какъ отечественныя, такъ и заграничныя, своими пожертвованіями продолжали обогащать Библіотеку. Изъ числа приношенній со стороны частныхъ лицъ и заграничныхъ учрежденій значительнейшия по количеству томовъ, кромѣ упомянутыхъ выше цѣлыхъ коллекцій, были: отъ иѣщаницы С. С. Носкова (281 тт.), отъ почетнаго члена Библіотеки графа И. Д. Деллнова (210 тт.), отъ почетнаго корреспондента Библіотеки А. Н. Неустроева (200 тт.), отъ почетнаго члена Г. К. Рѣчинскаго (178 тт.), отъ почетнаго корреспондента Библіотеки Краля, въ Лейпцигѣ (140 тт.). отъ сенатора, тайного совѣтника А. Г. Вишнякова (136 тт.), отъ университетовъ: Гейдельбергскаго (86 тт.), Фрайбургскаго (86 тт.), Эрлангенскаго (86 тт.) и Іенскаго (84 тт.).

Изъ значительнаго количества печатныхъ изданій, какъ полученныхъ въ даръ, такъ и приобрѣтенныхъ Библіотекой путемъ покупки, иѣкоторые заслуживаютъ вниманія по рѣдкости, важности содержанія или цѣнности. Таковы: не имѣвшіяся доселе въ Библіотекѣ 5 ста-ронечатныхъ изданій и 20 книгъ церковной печати XVIII вѣка; буддійскій налійскій калонъ, напечатанный въ 85 тт. пъ Балгокѣ въ 1893 — 1894 гг. по повелѣнію Сіамскаго короля и въ присланій въ даръ; цѣнныя изданія по части истории искусства, по археологіи и по естественнымъ наукамъ, со множествомъ иллюстрацій; изданія за границей обширные сборники историческихъ документовъ; старинныя иноязычныя сочиненія о Россіи и о Палестинѣ, приобрѣтенные въ дополненіе существующихъ въ Библіотекѣ специальныхъ отдѣловъ по этимъ частямъ, и т. д.

Въ числѣ отдѣльныхъ приобрѣтений рукописнаго отдѣленія, полученныхъ либо въ даръ, либо чрезъ покупку, многія также представляютъ значительный интересъ. Таковы: Литовскіі стагутъ и трибуналъ, переведенные съ польского языка на русскій въ комиссіи по составленію свода малороссійскихъ правъ, рукопись 1788 г.; иѣсколько сборниковъ, разнообразнаго содержанія, XVII—XIX вѣковъ; собраніе бумагъ придворнаго архитектора В. И. Стасова, любопытное для истории строительнаго дѣла въ Петербургѣ и его окрестностяхъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія; иѣсколько бумагъ И. Я. Штелина; автографы Іосафата Кунцевича, К. И. Батюшкова, О. И. Буслаева, князя П. А. Вяземскаго, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго, А. В. Кольцова, М. А. Корфа, А. С. Пушкина, А. Н. Сѣрова, И. С. Тургенева и многихъ другихъ извѣстныхъ лицъ.

Въ общемъ выводѣ, въ теченіе 1895 года въ Библіотеку поступило:

а) печатныхъ книгъ, брошюра и отдѣльныхъ листовъ 33.325 сочиненій, въ 86.584 томахъ, въ томъ числѣ:

по закону цензурнымъ вѣдомствомъ доставлено, большую частію въ двухъ экземплярахъ	17.859 соч. въ 18.365 тт.
по распоряженіямъ разныхъ учрежденій	3.285 , , 3.652 ,
встрѣбовано Библіотекою своевременно въ нее не доставленныхъ отъ разныхъ учрежденій, мѣстъ и лицъ	540 610 ,
частныхъ приношеній отъ 333 лицъ и учрежденій въ Россіи и за границей	8.487 , , 9.170 ,
куплено самою Библіотекою.	3.154 , , 4.787 ,
б) рукописей, автографовъ и актовъ	1.098, въ томъ числѣ:
частныхъ приношеній отъ 1 учрежденія и 28 лицъ.	949
куплено самою Библіотекою.	149;
в) эстамповъ и фотографій.	1.895; въ томъ числѣ:
изъ цензурныхъ установленій	1.336
подаренныхъ отъ 8 лицъ.	19
купленныхъ самою Библіотекою.	540
г) географическихъ картъ и плановъ	59
д) нотъ	932; въ томъ числѣ:
изъ цензурныхъ учрежденій	904
купленныхъ самою Библіотекою	28

Обычныя библиографическія работы продолжались въ Библіотекѣ безпрерывно. Всѣ вновь поступившія книги заносились въ каталоги инвентарный и алфавитный; въ систематическій же каталогъ они вносились въ тѣхъ отдѣленіяхъ, въ которыхъ таковой каталогъ быть заведенъ. Въ богословскомъ отдѣленіи продолжалось описание старыхъ, остававшихся не каталогизованными книгъ. Въ отдѣленіи филологии приступлено къ составленію систематического каталога. Въ историческомъ отдѣленіи приступлено къ составленію общаго алфавитнаго каталога всѣхъ сочиненій о Палестинѣ. Этотъ отдѣль, основаниемъ

котораго послужила известная библиотека Тоблера, постоянно пополняемый, можно считать единственнымъ въ Россіи.

Всѣ вновь поступавшія рукописи были описываемы и заносимы въ инвентарный каталогъ; наконецъ, былъ продолжаемъ разборъ еврейско-арабскихъ рукописей втораго собранія Фирковича, поступившаго въ Библиотеку въ 1876 году, при чемъ въ 1895 г. описало 318 рукописей и отрывковъ.

Издано подъ наблюденіемъ и съ примѣчаніями библиотекаря рукописнаго отдѣленія И. А. Вычкова хранящееся въ Библиотекѣ обширное и любопытное собраніе писемъ В. А. Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу (съ 1805 по 1844 годъ).

О пользованіи Библиотекой въ теченіе 1895 года можно судить по слѣдующемъ даннымъ:

Выдано было билетовъ для занятій въ Библиотекѣ 14.284 (въ 1894 году 13.267), въ томъ числѣ особамъ женскаго пола 2.539 (въ 1894 году 2.289). Читателей было въ общей читальной залѣ 134.956 (въ 1894 году 125.924). Потребовано книгъ изъ отдѣленій: старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языке и книгъ на славянскихъ языкахъ, печатанныхъ кириллицей и гражданскимъ шрифтомъ, 160 томовъ (въ 1894 году 192 тома), на русскомъ языке 59.071 томъ (въ 1894 году 53.893 тома) и на иностраннѣхъ языкахъ 17.171 томъ (въ 1894 году 15.752 тома); изъ библиотеки при читальной залѣ 186.888 томовъ (въ 1894 году 173.128 томовъ), въ томъ числѣ на русскомъ языке 175.746 томовъ (въ 1894 году 162.476 томовъ) и на иностраннѣхъ языкахъ 11.142 тома (въ 1894 году 10.658 тома); повременныхъ изданій 55.788 номеровъ (въ 1894 году 51.546 номеровъ), въ томъ числѣ на русскомъ языке 50.282 номера (въ 1894 году 45.993 номера) и на иностраннѣхъ языкахъ 5.506 номеровъ (въ 1894 году 5.553 номера). Общее количество томовъ книгъ и номеровъ повременныхъ изданій, бывшихъ въ обращеніи въ читальной залѣ, составляетъ 354.131 томъ и номеръ (въ 1894 году 326.926 томовъ и номеровъ).

Въ теченіе 1895 года было отказано въ отдѣленіяхъ по 9.867 требованіямъ (въ 1894 году по 9.004 требованіямъ), въ томъ числѣ: въ отдѣленіи старопечатныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языке и книгъ на славянскихъ языкахъ, печатанныхъ кириллицей и гражданскимъ шрифтомъ, по 54 требованіямъ (въ 1894 году по 66 требованіямъ); въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языке по 3.799 требова-

ніямъ (въ 1894 году по 3.840 требованіямъ); въ отдѣленіяхъ книгъ на иностраннѣхъ языкахъ по 6.014 требованіямъ (въ 1894 году по 5.098 требованіямъ); изъ библіотеки при читальнай залѣ по 12.937 требованіямъ (въ 1894 году по 11.482 требованіямъ), въ томъ числѣ по 4.879 требованіямъ повременныx изданій (въ 1894 году по 4.190 требованіямъ). Причинами значительного количества отказовъ по выдачѣ повременныхъ изданій является, съ одной стороны, не смотря на принимаемыя мѣры, позднее ихъ поступление въ Библіотеку, а другой—одновременное заявление нѣсколькими лицами требованій на одинъ въ тогъ же нумеръ изданія.

Изъ отдѣлений было отказано за неимѣніемъ сочиненій въ Библіотекѣ и за не получениемъ книгъ въ моментъ ихъ требованія изъ цензурныхъ установленій по 4.340 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языке по 160 требованіямъ (въ 1894 году по 3.746 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣлении книгъ на русскомъ языке по 106 требованіямъ); по случаю требованія одной въ той же книги по 575 требованіямъ, въ томъ числѣ по отдѣленію книгъ на русскомъ языке по 386 требованіямъ (въ 1894 году по 477 требованіямъ, въ томъ числѣ по отдѣленію книгъ на русскомъ языке по 293 требованіямъ); за выдачею потребованныхъ сочиненій въченіе другимъ посѣтителямъ Библіотеки по 3.041 требованію, въ томъ числѣ въ отдѣлении книгъ на русскомъ языке по 2.423 требованіямъ (въ 1894 году по 2.879 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языке по 2.453 требованіямъ); за отдачею книгъ въ переплѣт по 392 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языке по 212 требованіямъ (въ 1894 году по 488 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣлении книгъ на русскомъ языке по 834 требованіямъ); по случаю требованія книгъ запрещенныхъ и особенно рѣдкихъ по 348 требованіямъ (въ 1894 году по 378 требованіямъ); за не получениемъ сочиненій, заказанныхъ за границею, по 151 требованію (въ 1894 году по 138 требованіямъ); по разнымъ причинамъ, какъ напримѣръ: требованіе сочиненій, никогда не появлявшихся въ печати, романовъ, не выдаваемыхъ въченіе по уставу Библіотеки, требованія неопределенные, неточные, неразборчиво написанные, за нахожденіемъ книгъ въ библіотекѣ при читальнай залѣ и т. п., по 1.002 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи книгъ на русскомъ языке по 603 требованіямъ (въ 1894 году по 841 требованію, въ томъ числѣ въ отдѣлении книгъ на русскомъ языке по 498 требованіямъ).

Въ отдѣленіе рукописей было допущено къ занятіямъ 121 лицо, и имъ вытребовано въ чтеніе 1.504 рукописи (въ 1894 году получили разрѣшеніе заниматься 108 лицъ, и имъ вытребовано въ чтеніе 1.535 рукописей). Въ отдѣленіи старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ занималось 33 лица, вслѣдствіе требованія ими рѣдкихъ изда-
ній; этимъ лицамъ было выдано въ чтеніе 235 томовъ (въ 1894 году 40 лицамъ было выдано въ чтеніе 313 томовъ).

Въ 1895 году, съ Высочайшаго разрѣшенія, было выслано 36 принадлежащихъ Библіотекѣ рукописей въ разные учёные учрежденія въ Россіи и за границей. Равнымъ образомъ, иѣсколько учрежденій пользовались виѣ Библіотеки ея печатными книгами.

Обозрѣвали Библіотеку въ назначенные для того дни 3.100 человѣкъ (въ 1894 году 1.818 человѣкъ).

Западный фронтон Парфенона. Реконструкция Швердлера.

дѣйствительно въ соответствующихъ мѣстахъ между фигурами А и В и слѣдующими (къ центру) затѣмъ группами обоихъ крыльевъ фронтона въ рисункѣ Каррея замѣчаются одинаковые пробѣлы. Если у Каррея и нарисованы какъ отлогій, такъ и горизонтальный гисонъ лѣвой половины западнаго фронтона, то врядъ ли мало-мальски опытный наблюдатель подумаетъ, что въ этомъ отношеніи рисунокъ соответствуетъ тогдашнему реальному состоянію—Каррэй въ данномъ случаѣ не сдѣлалъ дѣйствительности, какъ онъ это сдѣлалъ, рисуя восточный фронтонъ, а только намѣтилъ гисоны, каковыми они должны были быть въ свое время. Что онъ не придавалъ значенія точному воспроизведенію этихъ частей въ томъ видѣ, въ которомъ онъ находился предъ нимъ, ясно видно изъ того, что гисоны правой половины, нарисованной на другомъ листѣ, совершенно опущены (часть отлогаго гисона, поскольку онъ виденъ на рисункѣ съ лѣвой половины фронтона, намѣчена лишь нѣсколькими параллельными штрихами¹), а равно изъ того, что горизонтальный гисонъ, считая отъ вѣнчшаго края первой метопы до середины, у него состоять изъ $15\frac{1}{2}$, пять, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ было $14\frac{1}{2}$,²). Винить Каррея въ такой неточности нельзя — то, что важно для археолога исходящаго XIX вѣка, художнику XVII вѣка могло казаться совершенно не важнымъ, да врядъ ли и нынѣ рисовальщикъ отнесся бы къ такой побочной детали педантично, если абсолютная точность не была бы ему поставлена въ непремѣнное условіе.

Невольное, хотя и не вполнѣ соответствующее дѣйствительности дополненіе французскаго художника тѣмъ не менѣе можетъ косвенно послужить намъ службѣ: разумѣется, всякому археологу известно, что отношеніе между высотою фронтона и его длиною у Каррея не соответствуетъ дѣйствительному отношенію (у Каррея фронтонъ круче), а это зависитъ отъ того, что художникъ нарисовалъ сохранившіяся до него фигуры, какъ онѣ представлялись глазу зрителя, находящемуся приблизительно противъ середины фасада зданія. Въ справедливости этого можно убѣдиться по фотографіямъ Царенсона даже въ теперешнемъ его видѣ; однако, рисунокъ Каррея, помѣщенный въ многочисленныхъ изданіяхъ, можетъ подтвердить высказанное и тому,

шал въ горизонтальномъ; см. таблицу, приложенную въ тексту „Der Parthenon“ Михаэляс.

¹) См. факсимиле съ рисунковъ Каррея въ *Antike Denkmäler* табл. 6 и 6А.

Въ данномъ случаѣ приняты во вниманіе всѣ пласти, изъ которыхъ состоятъ гисоны.

кто не имѣть теоретическихъ свѣдѣній о размѣрахъ храма и не располагаетъ соответствующими фотографіями: косо поставленныя на нижней сторонѣ гисона черты, намѣченныи Карреемъ и обозначающія границы между отдѣльными плитами, а равно уменьшеніе послѣднихъ отъ центра къ углу наглядно показываютъ, что художникъ представилъ фронтонъ въ своемъ рисункѣ перспективно¹), а изъ этого слѣдуетъ, что промежутки между фигурами А и Въ съ одной стороны, У и V съ другой были на самомъ дѣлѣ довольно значительны, если они замѣтны были Каррею даже при его положеніи.

Слѣдовательно, показаніе Каррея приводить къ заключенію, что уже и въ его время кромѣ коней Посидона не доставало еще двухъ фигуръ въ западномъ фронтонѣ.

Противъ вѣрности рисунка, Каррея, по видимому, свидѣтельствуетъ помѣченный уже 1678 годомъ рисунокъ „анонима“, который раньше наряду съ французскимъ художникомъ пользовался довѣріемъ (эскизы прочихъ рисовальщиковъ для установленія числа фигуръ никогда не имѣли значенія). Однако, послѣ того какъ Фуртвенглеръ убѣдительно, по моему мнѣнію, выяснилъ, что эскизъ анонима—набросокъ не съ натуры, а представлять лишь неумѣющую и тенденціозную копію съ Каррея²), я не считаю нужнымъ останавливаться на критикѣ этого рисунка, тѣмъ болѣе, что надѣюсь съ помощью сохранившихся на горизонтальномъ гисонѣ слѣдовъ доказать справедливость заключенія, выведенного на основаніи рисунка Каррея. Оставлю также въ сторонѣ мѣнія различныхъ авторовъ, отвѣтившихъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ на спорный вопросъ въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ³), и буду имѣть въ виду лишь такихъ, которые высказали свой взглядъ послѣ тщательного изслѣдованія слѣдовъ фигуръ на гисонѣ, произведенного Зауэромъ—изслѣдованія, давшаго болѣе реальную почву для опредѣленія числа фигуръ, украшавшихъ нѣкогда тимпаны Парѳенона⁴.

¹⁾ См. Antike Denkmäler табл. 6, 2.

²⁾ Meisterwerke der griech. Plastik стр. 223: „...die des sog. Nointel'schen Anonymus ist wertlos, da sie nur eine alte, aber höchst ungeschickte, steife und fehlerhafte Kopie nach Carrey ist, welche ver sucht das in Carrey's zwei getrennten Originalblättern Gegebene zu einem Gesamtbilde der Tempelfassade zu vereinigen. Dies hatte schon Petersen richtig erkannt (Fleckeisen's Jahrbücher 1872, 296, 307)“. На слѣдующихъ страницахъ идетъ доказательство этого положенія.

³⁾ См. у Фуртвенглера Meisterwerke стр. 226 прим. 1.

⁴⁾ См. Antike Denkmäler табл. 58 А, 58 В и 58 С и текстъ стр. 48—51, а также Ath. Mittheilungen 1891 стр. 59 и слѣд.

Самъ Зауэръ отрицаетъ, что между фигурами, обозначаемыми для простоты U и V, когда либо помѣщалась еще одна¹). Къ нему присоединили Шверцекъ и Вицеманъ. Подробная статья послѣдняго, напечатанная въ школьной программѣ²), не имѣть никакого самостоятельнаго значенія и можетъ быть рекомендована только какъ сжатое, по вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстное изложеніе предшествующей литературы вопроса (Meisterwerke Фуртвенглера, правда, онъ не знаетъ), а потому ограничусь лишь упоминаніемъ о ней³). Аргументы Шверцека носятъ слишкомъ субъективный, а въ то же время и аподиктическій характеръ, такъ что и на нихъ не придется долго останавливаться. „Что между фиг. T и фиг. V не было какой либо еще статуи“, замѣчаетъ онъ на стр. 31, „въ томъ я достаточно убедился при помощи опытовъ; даже дѣтская фигура рядомъ съ фуг. U въ силу переполненія пространства производила бы непріятное впечатлѣніе, вмѣстѣ съ другой стороны слѣды гисона не позволяютъ сблизить статуи“. Второго аргумента онъ далѣе не касается, полагая, по видимому, что Зауэръ уже доказалъ справедливость такого мнѣнія; что же касается первого довода, то нѣсколько ниже у него сказано: „Wennlѣbъ это пространство [то-есть послѣ U], а также соотвѣтствующее между фиг. A* и B, было совершенно заполнено, то образовалось бы довольно безстильное накопленіе статуй, который gewiss keinem künstlerisch geübten Auge angenehm erscheinen würde“. Промежутокъ между A* и B, какъ выше было уже упомянуто, созданъ сампъ Шверцекомъ, притомъ совершенно произвольно; вмѣстѣ съ тѣмъ авторитетъ скульптора оказался недостаточнымъ, чтобы послѣднимъ замѣчаніемъ заставить молчать критиковъ—Фуртвенглеръ въ своей рецензії (столб. 1594) не стѣсняется сказать: „Die beiden Lücken,

¹⁾ Фуртвенглеръ, Meisterwerke стр. 226 замѣчаетъ: „Zwar ist Bruno Sauer in dem Kommentar zu seinen überaus verdienstlichen Aufnahmen der in den Giebelfeldern noch vorhandenen Spuren (Antike Denkm. I 58. Ath. Mittb. XVI Taf. 3, S. 59 ff.) von der herrschenden Meinung ausgegangen, welche in der rechten Giebelhälfte glaubt dem Anonymus folgen und die Lücke lügen zu dürfen. Allein diese Spuren helfen uns eben jene Meinung zu widerlegen“.

²⁾ Die Giebelgruppen des Parthenon. Programm des Königl. Realgymnasiums in Stuttgart am Schlusse des Schuljahrs 1894/5, Stuttgart 1895, 54 стр. 4°.

³⁾ Зауэръ въ Wochenschr. f. klass. Philol. за 1897 г. столб. 89 и слѣд. защищаетъ разборъ упомянутыхъ двухъ работъ слѣдующимъ образомъ: „...vergleichen lassen sie sich kaum, denkt man aber ana Ganzes, an die Bedürfnisse der Forschung, so muss man sagen: Nieber jenen Dilettantismus (?) imitieren es dѣsser въ лицѣ отзыва Фуртвенглера о Шверцекѣ) als diese Gelehrsamkeit“.

besonders die rechte, wirken natürliche abscheulich...“ и далъе: „allein zwischen A* und B hat nur er eine künstliche Lücke geschaffen; zwischen U und V aber klafft ein Loch“. Полагаю, что при беспристрастномъ разсмотрѣніи реконструкціи Шверцека нельзѧ не согла-ситься съ Фуртвенглеромъ.

Серьезно считаться приходится только съ Зауэромъ, такъ какъ онъ свое опредѣлениѳ числа фигуръ полагаетъ обоснованнымъ слѣдами гисона. Въ томъ мѣстѣ лѣваго крыла, где посль угловой фигуры у Каррея замѣтенъ пробѣлъ, и онъ подобно другимъ изслѣдо-вателямъ предполагаетъ утраченную статую A*. Послѣ нея вправо передъ B онъ, конечно, не оставляетъ свободнаго мѣста какъ Швер-цекъ, но вѣѣсть съ тѣмъ утверждаетъ, что между U и V не было достаточно мѣста еще для одной статуи¹⁾). Но у Каррея и здѣсь замѣ-чается пробѣлъ; стало быть, если Зауэръ правъ, то рисунокъ Каррея не точенъ. Надѣюсь, однако, что сказанное выше въ достаточной степе-ни выяснило, что мы въ рѣзгѣ имѣемъ основаніе относиться къ французскому художнику съ довѣріемъ²⁾), а потому ничего больше не остается какъ тщательно прослѣдить аргументацію нѣмецкаго археолога, не кроется ли ошибка у него.

Обратимся сперва къ мужской фигурѣ V. У Зауэра она дорисо-вана такъ, что захватываетъ часть плиты 21, правда очень неболь-шую; однако слѣдъ ея лѣвой руки на поверхности гисона позади женщины W, который служить наиболѣе точнымъ опредѣлениемъ фиг. V во фронтона, доказываетъ, что Зауэръ слишкомъ далеко ото-двинулъ ее отъ W: слѣдъ лѣвой руки ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что такъ называемый Илиссъ всему ладонью опирался на гисонъ; если же попробовать соединить его лѣвое плечо съ этимъ слѣдомъ, то обна-ружится, что рука будетъ слишкомъ длинна. Итакъ необходимо фиг. V придвигнуть ближе къ W, какъ это мы видимъ у Каррея, но въ

¹⁾ См. описание соответствующихъ плитъ гисона въ Antike Denkmäler и Ath. Mittb.

²⁾ Напомнимъ, что точность рисунковъ Каррея признана была уже Михаэли-сомъ, Parthenon стр. 102: „Dass Cartrey als echtes Kind seiner Zeit und als Zögling einer manierirten Schule für die stilistische Beurtheilung im einzelnen werthlos ist, lehrt ein flüchtiger Blick auf seine Blätter... Soost ist seine Correctheit in der Disposition der Figuren, in der Beobachtung der gehörigen Entfer- nungen derselben von einander, bei der Kürze der ihm zu Gebote stehenden Zeit höchst anerkennenswerth“.

такомъ случай она уже не захватить правымъ колѣномъ 21-й плиты, какъ это допускаетъ еще Фуртвенглеръ¹⁾.

Вправо отъ центра граница сидящей женщины Т опредѣляется двумя отверстіями на болѣе близкими къ вѣнчному краю плиты 20. Такимъ образомъ для фигуры U, не дошедшей до насъ, но виденной еще Карреемъ, остается не менѣе $\frac{1}{3}$ плиты, что, очевидно, слишкомъ много.

Судя по рисунку Каррея, фиг. U соотвѣтствовала фигуру D лѣваго крыла того же фронтона, къ сожалѣнію тоже не дошедшей до насъ; по помѣщалась на плитѣ 7, она была ближе къ центру (фиг. U стояла на 20 и 21, то-есть на 5 и 6 плитѣ, считая справа), должна была размѣрами превосходить фигуру U, все же не занимала всей плиты; стало быть для U было бы, пожалуй, достаточно и $\frac{3}{4}$ плиты, а въ такомъ случаѣ между ней и фигурой W остается болѣе $\frac{1}{4}$ — почти вся плита 21, вѣнчняя половина которой отколота. На этомъ мѣстѣ, несомнѣнно, стояла когда-то еще одна фигура, которую уже до Каррея постигла подобная же судьба, какъ фиг. A* западнаго и N, то-есть Селипу восточнаго фронтона.

Фуртвенглеръ свой выводъ (Meisterwerke, стр. 226) формулируетъ такъ: „Здѣсь [то-есть между фиг. T и U] слѣдуетъ необходимо предположить группу изъ двухъ фигуръ, тѣсно связанныхъ между собою. На это, вѣдь, указываетъ уже положеніе [die Haltung] U у Каррея, которое было бы совершенно непонятно, еслибы эта фигура не прислонялась верхнею частью туловища къ другой, которую въ пробѣѣ слѣдуетъ дополнить; мы ее называемъ U¹“. При дальнѣйшемъ ходѣ своего изслѣдованія Фуртвенглеръ, занявшись толкованіемъ фронтонныхъ статуй, называетъ утраченную фигуру U¹ царемъ Эрхоеемъ. Я иду еще дальше и падѣюсь доказать, что отъ этой фигуры дошли до насъ даже фрагменты. Но оставляю этотъ вопросъ пока въ сторонѣ, такъ какъ онъ связанъ съ другимъ, о которыхъ рѣчь еще впереди.

Вл. Мальмбергъ.

(Продолженіе следуетъ).

¹⁾ Meisterwerke стр. 226.

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХЪ РИМСКИХЪ МЕТРИЧЕСКИХЪ НАДГРОБІЙ¹⁾.

III.

Elogium autobiographum.

По количеству случаевъ своего примѣненія, особенно въ первые три вѣка имперіи, и этотъ типъ занимаетъ среди прочихъ далеко не послѣднее мѣсто²⁾.

Въ греческихъ метрическихъ надгробіяхъ древнѣйшаго періода, до V вѣка до Р. Х. включительно, форма „біо“-и „автобіографіи“ употребительна какъ сама по себѣ³⁾, такъ и особенно въ соединеніи съ „обращеніемъ къ путьнику“⁴⁾; но рядомъ съ нею, и чаще⁵⁾ въ не-аттическихъ эпиграфіяхъ, уже въ помянутый архамический періодъ примѣняется форма „повѣстія отъ лица надгробного камня“: стѣлѣ (стѣна, мурѣнѣ) вірї той дейца, etc., типъ совершенно почти незнакомый римскимъ надгробіямъ⁶⁾.

¹⁾ Окончаніе. См. юльскую ин. Журналъ Министерства Народного Просвещенія за 1898 годъ.

²⁾ Въ сборникѣ нашемъ на общее количество находится около 820 примѣровъ elog. autobiographum, то-есть около 28%, процентъ довольно близкій къ предыдущему, вымерзающимому типу „обращенія къ путьнику“.

³⁾ Hoffmann, Syll. n. 7. *59; Preger, Inscr. gr. metr. n. 5. 8.

⁴⁾ Koch, de tit. gr. p. 5; Hoffmann, Syll. nn. 2. 18. 22. 42. 55. 66; Preger, Inscr. gr. metr. nn. 6a. 21.

⁵⁾ Koch, op. c. p. 2. 8. 7. 8; Preger, Inscr. gr. metr. proll. p. XV.

⁶⁾ Ср. выше стр. 42. Въ н. 268 (христ.) ст. 1: hic mihi cara pio tegitur сониух ессе герилсто конечно едва ли кто рѣшился соединять mihi sepulcro tegitur; въ н. 348 (христ.) ст. 1 sq.: iste tuum loquuntur, Petronia, nomen iam titulus—ничего общаго съ греческими шаблономъ не имѣетъ; въ н. 853 оригинальна повѣсть отъ лица „праха“ усопшаго: Thetidia componiturg ossa, при чемъ „прахъ“ обращается къ надгробному камню: tibi, dure lapis; въ н. 879 а же и тоскъ лоестас

Это обстоятельство темъ болѣе любопытно, что типъ „повѣсти отъ лица предмета, носящаго надпись“—чрезвычайно древній среди латинскихъ надписей, даваемый уже древнейшими образцами элигра- фической письменности, напримѣръ фибулой Манія-Нумасія: *Manios med shefihaked Numasioi*¹⁾ и сосудомъ Дуэна: *Duenos med feced en manom*²⁾, памятниками первыхъ двухъ столѣтій республики, затѣмъ

относится къ покойному, а не къ памятнику;пп. 1158а: *tumulus iste docet*, 1197: *hic tumulus...* нес *nihilum factum* и под.—той же категоріи, что и п. 848.

¹⁾ С. XIV, 4128; *Egbert, Introduction to the study of Latin inscr.*, p. 265; *Lindsay, Handbook of Lat. inscr.* Lond. 1897, p. 18.

²⁾ *Egbert*, оп. с. р. 16. 846; *Lindsay*, оп. с. р. 19; неумѣстный скептицизмъ Кобета нашелъ себѣ въ нашей литературѣ защитника въ лицѣ Нетушилла, *Филос. Обозр.* 1896, XI, р. 121—126. Но мнѣю почтеннаго знатока римской древности, въ надписи Дуэна все уличаетъ фальсификатора: и языко, и языке.—Уже прежде всего то обстоятельство, что Кобетъ-алинистъ въ своемъ сомнѣніи никакъ не наибогѣе крупныхъ авторитетовъ-латинистовъ не былъ поддержанъ, должно-бы заставить всякаго скептика вооружиться солидными доказательствами поддѣлки; но этого-то солидности мы у скептиковъ и не находимъ.

Въ письмѣ надписи И. В. Нетушилъ указываетъ 1) на очень рѣдкую форму *P = R*, составляющую, по его мнѣнію, намѣренный гиперарханизмъ фальсификатора; но въ виду присутствія въ халкидскомъ алфавитѣ обоихъ начертаній (*Hibler*, гдѣ. *Epigr. Iw. Mall.* I р. 646)—врядъ-ли можно утверждать, что латинское *R* имѣло всегда *только* эту форму; ср. еще *Egbert*, оп. с. р. 24; 2) въ словѣ *DIENOINE* теперь уже видятъ *I*, а не *Z* (*dienoine*), какъ еще читается И. В. Нетушилъ, видя и вѣдѣсь гиперарханизмъ; такое *I*, похожее то на *Z*, то на *S*, встрѣчается хотя рѣдко и иносѣдѣстіи, даже на ирлорѣ, тѣѣ стилизація буквъ гораздо строже: *VSTA = vita*, *Bücheler C. Ep.* п. 1285; нашего сборника п. 221 и др.; да уже если фальсификаторъ и хотѣлъ бы непремѣнно арханизировать надпись этимъ раритетомъ, то у него *Z* было бы болѣе похоже на *z*, а не на *I*, какъ въ надписи; 3) въ словѣ *PAKARI* нельзя ручаться за вѣрное чтеніе 8-ї буквы: это можетъ быть *O*, можетъ быть *K*, а можетъ быть еще и вѣчно другое; въ словѣ *FEKED* имѣемъ довольно опредѣленное *K*; что фальсификаторъ спачала написалъ *rakari* а потому „спохватился и исправилъ“ себя въ *rakati*—мало вѣроятно; такъ поступилъ, правда, испавшій Дуаліеву надпись въ словѣ *pachebos(bus)*, по то была ираморная доска; а фальсификаторъ глянцеваго горшка, замѣтавъ, что „выдаетъ“, себя бросалъ бы этотъ горшокъ и сдѣлывалъ бы другой; для такой „работы“, каковъ Дуеновъ сосудъ—это очень не трудно; зато формы другихъ буквъ, особенно *A*, *D*, *M*, *P*, производятъ впечатлѣніе подлинной древности.

Въ явныхъ надписахъ, думается намъ, еще испытывая причина видѣть поддѣлку. Въ сущности говоря, только послѣдняя фраза: *Duenos med feked-statod* производить впечатлѣніе писанной по латыни, а остальная часть текста очень можетъ принадлежать одному изъ мало известныхъ намъ діалектовъ (*rakari*—*rakem*); *Lindsay*, оп. с. р. 20), въ родѣ известной Марсійской бронзы Каво Кантовіа; тѣѣ только приписка про *legionibus martes* сдѣлана по латыни. А въ такомъ слу-

известно чистой Фикорони: *Novios Plautios med Romai fecid*¹), некоторые изъ пренестийских *sortes*²), и др.

Но все эти примѣры не выходятъ за предѣлы таクъ называемаго *instrumentum*; да и въ этомъ классѣ они очень рѣдки; греческое влияніе (*ò διάνα μ' ἑποίησε*³), прямое или косвенное (мастера-ученики), предполагать въ нихъ хотя и не необходимо, но очень возможно.

Переходя на почву собственно латинской эпиграфики, отмѣтимъ прежде всего, что какъ и вышеизобранный типъ „обращенія къ путнику“, появившійся въ видѣ надгробной эпиграммы, по всейѣѣности, не раньше периода возникновенія въ Римѣ подражательной литературы⁴), такъ и этотъ „*elegium autobiographicum*“ есть сравнительно позднее явленіе, хотя, какъ мы уже отмѣтили выше⁵), до Пакувіевской эпохи. Повѣсть отъ лица „надгробнаго камня“—не въ духѣ латинской эпиграфики; повѣсть отъ лица „предмета носящаго надпись“—въ виду своей принадлежности только „*instrumentum*“—врядъ ли могла подготовить въ сильной степени почву для нашего типа; его естественный предшественникъ поэтому скорѣе всего поэтическій элогій *пояснительного* типа⁶), только реторизированный 1-мъ лицомъ, подъ влияніемъ соотвѣтствующаго греческаго типа.

Чай нельзя ручаться, что *vis* и *cois* неизменно == *visi* и *vis*, и видѣть въ нихъ дѣйствительно наѣльные гиперархии. И „во время открытия надписи“ вѣроятно, зналъ, что напримѣръ *vis* вовсе не == *volis*, *vois*, а == 2 л. ед. чис. изъѧ. какъ отъ темы *fi* (*in-vi-vis*). *Astet* и *cas* едва-ли могутъ быть сопоставлены. И такимъ образомъ „*исяснительный языкъ*“ надписи объясняется просто недостаточностью еще нашего діалектическаго глоссарного и морфологического запаса, и никакой „порчи языка“ тутъ нѣтъ; вачѣмъ понадобился почетному ученому такой саркастический ребусъ, какой извлекаетъ онъ изъ нашего текста на стр. 124.—не понимаю. А переходность формы *statod* развѣ не доказывается, помимо *dies status*, еще и *Juppiter Stator*?

¹) *Egbert*, op. c. p. 264; *Lindsay*, op. c. p. 30; *Ricci*, *Epigrafia lat.* Mil. 1898, post p. 280, tav. LII.

²) *Schneider*, diall. It. exx. p. 100, n. n. 378. 380—388; *Ritschl*, *Die lat. sortes*, Opusc. IV, p. 895—426.

I ³) Ср. любопытные тексты п. 831, 4 и В 936, 13; *Larfeld*, *Griech. Epigraph. w. Mull.* I¹ p. 597, § 212; *Loch*, op. cit. p. 5; *Hoffmann*, *Syll.* n. n. 1. 6. 7. 8. 9, all.

⁴) См. выше, стр. 40; *Schanz*, *Röm. Litt.* I¹ (1896) p. 119, § 69.

⁵) См. выше, стр. 18.

⁶) Насъ удивляетъ, что въ конѣйшее время (например у *Шинца*, op. cit. p. 20 подъ „*die penia*“)—дѣлается сопоставление этого пояснительнаго язокъ съ маней, гдѣ, какъ видно хотя бы изъ позднаго образца въ „*Аросконосунтозис*“,

Нельзя, думается наше, не придавать искоторого значения тому обстоятельству, что *первый* по времени примѣръ нашего типа мы находимъ опять таки связаннымъ преданіемъ съ именемъ *поэта-филолина*, то-есть Эпія, пъ его вышеразобранный¹⁾ надгробной эпиграммѣ, п притомъ именно въ ея второй части, за которой имя Эпія закрѣпляется преданіемъ особенно настойчиво: *nemo te lacrumis decoret, etc.* Мы также указывали выше на смѣшанность композиціи эпиграммы Эпія (повѣствовательно-указательный типъ + „автобіографія“) и приводили примѣры²⁾ такой композиціи изъ послѣдующихъ періодовъ; привимая во вниманіе *prlus* сравнительно съ Эпіемъ существенное отличие надгробнаго элогія *нарративного* типа, выйдетъ, что его собственная эпиграмма шагнула впередь даже и не особенно много, конечно не считая совершенства новой формы—дистиха: *aspicite o cives = ariud vos; hic rauxit = hic fuit; nemo te l. decoret = ne quairatis*³⁾; остается такимъ образомъ только реторизація 3-го лица въ 1-е, не безъ вліянія выпечиженной соответственной эпиграммы Солова: *utrōcū mox bخلاستو; etc.*

Читатель, пѣроптно, уже догадывается, что мы бы не прочь счесть Эпія и *этонимомъ* данного типа, пока конечно не найдется примѣръ *elegii autobiographi* изъ болѣе древняго періода; но тутъ необходимо обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое на первый взглядъ можетъ уменьшить пѣроптность такого предположенія. Мы разумѣемъ

Францъ быть органической частью, тогда какъ *elegium* древнѣйшаго типа ничего почти, кроме собственныхъ именъ и сухаго перечня „*honoros*“, съ самой шаблонной „*laus*“, не представляется; связь надгробнаго элогія съ „*indices imaginum*“ гораздо пѣроптнѣе (*Teußel*, R. L. I^o p. 124 § 81, *Häbner*, Röm. Epigr. p. 686 § 48): здесь уже по меньшей мѣрѣ три общихъ элемента: *поміна*, *філіация* и *honoros*. А въ такомъ случаѣ надгробный элогій исповѣдовательного типа, въ родѣ обѣихъ древнѣйшихъ Сципионовыхъ алатифій, не столько пѣдь „*hellenistrende Richtung der Scipionen*“ (*Teußel*, op. cit. I. p. 127, 7), сколько естественная эволюція древнѣйшаго типа латинскаго надгробія, состоящаго изъ „*поміна*“ въ Nom. и краткой квалификаціи покойнаго (*Cagnat*, Cours d'épigr. p. 252); слѣдующая ступень будетъ „*laudatio funebris*“, гдѣ поѣднѣе наслѣдователи рѣшительно отрицаютъ греческое происхожденіе (*Völlmer*, laud. fun. Lips. 1891 p. 451 ex. seors. expr.). Что „*man zweifelt jetzt nicht mehr daran, dass die metrischen Grabschriften ein auf römischen Boden verpflanztes griechisches Gewächs sind*“ (*Jordan*, Krit. Boitr. p. 187)—можетъ сказать же о всѣхъ типахъ римскихъ метрическихъ надписей.

¹⁾ См. выше, стр. 81 слл.

²⁾ См. выше, стр. 86.

³⁾ Хотя по времени она и позже Эпіевской, но „обращеніе“ зато древнѣе.

фрагмент С. I, 87 (п. 1087; В п. 10), представляющий изъ себя дослѣ совершенную загадку.

Такъ какъ при всемъ своемъ незначительномъ объемѣ онъ признается принадлежащимъ къ сатуризову метру, то намъ приходится теперь сказать нѣсколько словъ о вышеупомянутомъ мѣнѣи Вѣльфлинна¹), приписыvающаго нѣкоторыя „elogia Scipionum“ Эннію. Въ своей вышеупомянутой статьѣ „de Scipionum elogis“ (Rev. de Philol. 1890, XIV, p. 118—122) Вѣльфлинъ даёт краткій критико-филологический анализъ текста элогіевъ Барбата и его сына, указываетъ на довольно общепризнанное палеографическое posterius элогіевъ сравнительно съ красными tituli, ссылается на сдѣланное ему указание Гюльзена, что начертанія обоихъ элогіевъ „multum distant a temporibus belli Publici primi“, сопоставляетъ элогій „hunc oino“ съ элогіемъ Атилія Калатина, который и считаетъ оригиналомъ для перваго, отмѣчаетъ нѣсколько „грецизмовъ“ въ текстѣ элогіевъ—и приходить къ выводу, что элогій „hunc oino“ написанъ около 200 года до Р. Хр.; за нимъ послѣдовалъ элогій Барбата—отца, и что авторомъ ихъ „ille Scipionum laudator“, то-есть Энній. Гораздо подробнѣе и доказательнѣе развита та же мысль Вѣльфлинномъ въ обширной статьѣ „die Dichter der Scipionenelogien“ (Sitzungsber. der bayernsch. Akad. 1892, p. 188—219), и уже опредѣленно установленъ выводъ, что Эннію принадлежать, вѣроятно, даже *три* элогія: Барбата, его сына, и „quei apice“, а „magna sapientia“—его племяннику и „ученику“ Пакувію.

Въ этой живо написанной и талантливой (какъ и все выходящее изъ подъ пера Вѣльфлина) статьѣ есть однако и слабая сторона, на которую мы и указали выше,—метра элогіевъ. Но и помимо этого, думается намъ, и въ формулировкѣ самой причины появления элогіевъ авторъ допустилъ не мало натяжекъ. Битва при Замѣ, говорить онъ, доставила Сципіонамъ „den Hѣherpunkt des Ruhmes“. Ослѣпленные ею, они задумали довольно непочтенное дѣло: „den Stammbaum möglichst aufzurichten, und die Familienchronik mit neuen Illustrationen zu verzieren“, то-есть задумали, проще говоря, „фальсификацію“, хотя и доволенію („das war ja nichts Unerlaubtes“): заказали Эннію элогій для „дѣда“ („hunc oino“), а „прадѣду“—Барбату вырѣзали на его саркофагѣ²) 1½ строки, вѣроятно, прозаического устройства—

¹⁾ Выше, стр. 12.

²⁾ О нарушеніи святости гробницы съ прахомъ умершаго (*sacri violatio* въ надгробіяхъ, ср. Bruns, *Fontes iuris R. a.* p. 808 sqq.) мы говорили въ своей статьѣ „Elogia Scipionum“; ср. однако Mommsen C. I, p. 16, col. 2 ad tit.

съ cursus honorum, гдѣ Гюльзенъ прочелъ еще C]ESO[R]; впослѣдствіи по неизвѣстной причинѣ, а можетъ быть въ качествѣ „eine[n] kleineren Gegendemonstration“ за добровольное или недобровольное удаленіе изъ Рима Сципіона-Аннібаловца, Сципіоны добавили тоже заказной элогій и предѣду его—Барбату, при чёмъ вырубили прежнія $\frac{1}{3}$, строчки на его саркофагѣ. Потомъ по смерти Сципіона—„quei apice“¹⁾, тому же Эннію заказали элогій и для него, все въ томъ же сатурновомъ метрѣ, уже около 170 года до Р. Хр. Въ 169 году умеръ Эший. Для Сципіона 20-лѣтняго юноши—„magna sapientia“ потребовался опять элогій;—его заказали уже Пакувію, около 160 года и опять таки въ сатурновомъ размѣрѣ.

Натяжекъ во всемъ этомъ построеніи очень не мало, и самъ авторъ называетъ (стр. 219) свое мнѣніе „etwas ketzerische Ansicht“²⁾.

Допустимъ даже, что Энній согласился „поддѣлать“ два древнѣшіхъ элогія въ сатурновомъ метрѣ (довольно плохо, не лучше Андроника), и изъ нихъ—„bonc oipo“ въ замѣтно гиперархаизированномъ видѣ (*oipo, plorigite, duonogo, hec, tempestatebus*), а элогій Барбата—поколѣніемъ *rancie*—болѣе новичка языкомъ и шрифтомъ, непослѣдовательность въ фальсификаторѣ-архаизаторѣ совершенно непопятная, все же остается необъяснимымъ, зачѣмъ ему было *mordicus* держаться сатурнова метра для элогія Сципіона, сына Аннібаловца, поколѣніемъ *позже*, и еще непонятнѣе, зачѣмъ Пакувій уже около 160 года все еще сочиняетъ надгробную эпиграмму сатурніемъ, имѣя собственную (что очень вѣроятно) въ видѣ сенара?

Трудность со стороны метра сознаетъ впрочемъ и самъ Вѣльффлинъ (стр. 208), но онъ старается обойти ее предположеніемъ, что Энній около 200 года, еще новичекъ въ Римѣ, еще плохо знакомый съ его языкомъ, не рѣшился сразу дебютировать гекзаметромъ или дистихомъ,—предположеніе конечно не особенно вѣроятное. Энній не Андропикъ: такихъ ошибокъ противъ латинского языка у него нѣть, и чтобы „rancere“ такие *versus heroici*, какими писаны его эпиграммы—его знаній было бы вообще достаточно. „Консерватизмъ“ Сципіоновъ въ ритуалѣ погребенія (стр. 209) здѣсь конечно не причемъ. Энній, несомнѣнно, филѣллинъ, какъ и его patrons; въ сфере греческой надгробной эпиграммы гекзаметръ и дистихъ—можно сказать, исконное явленіе; самъ Энній сочиняетъ такія эпиграммы для

¹⁾ Что это былъ сынъ Сципіона-Аннібаловца—довольно вѣроятно.

²⁾ Особенного сочувствія гипотеза Вѣльффлина не вызывала, ср. Schanz, R. L. I^o p. 20 „die penit“; *Bacheler ad tit.*

себя и для Сципиона-Аннабаловца — въ дистихахъ¹⁾); очень похожа на *elogium autobiographum*, хотя и не назначалась для гробницы; эпиграмма Эннія п. 511 Ваehr. (р. 85 п. IV Luc. Mall.): *a sole exto-riente*—для того же Сципиона. Навязывать сатурновій Пакувю—конечно еще меньше оснований.

Намъ лично было бы конечно очень кстати, въ виду указанного фрагмента, если бы Вѣльфлинн удалось доказать прикосновенность Эннія къ элогіямъ Сципіоновъ, но мы полагаемъ, что относительно элогіевъ сатурнова метра доказать этого ему не удалось: оба древнѣйшихъ элогія, Барбата и его сына, *не принадлежатъ* Эннію, а архетипъ „*honc oino*“ даже *древніе* Эннія.

Возвращаемся къ нашему фрагменту. Это—туфовый обломокъ довольно большого саркофага²⁾ (не меньше Барбатова), вѣзанный теперь подъ № 16 въ стѣну справа сзади саркофага Барбата въ Atrio Quadrato Ватиканского Музея³⁾; лучшій снимокъ обломка—у Ричля, P. L. M. Ep. tab. XL, J, буквы въ $\frac{1}{2}$ натур. величины:

S		PIONEM	
			O·ADVEIXEI ⁴⁾

Ричль, заявившій сначала (P. L. M. Ep. Enarr. tabb. col. 31), что „*de J fragmento non licet quicquam definire*“, добавилъ потомъ къ этому (ib. col. 34): „*ceterum in Scipionem et quo ad veixei existus videor Saturniorum verguum auribus percipere*“, осторожность дѣлающая только честь чистью великаго латаниста.

Обломокъ слишкомъ не великъ, чтобы опредѣлить его общій *color palaeographicus*; съуженное внизу А, выпуклое Д, почти перпенди-

¹⁾ Конечно не потому, что „*доскорбленному вѣльможѣ хотѣлось порвать съ Римомъ и прерѣть его обычая*“ (стр. 209),—на это у насъ никакихъ данныхъ нѣтъ.

²⁾ Ср. C. I, р. 11, col. 2.

³⁾ Ср. Baumeister, Denkm. р. 1557, fig. 1621; у насъ подъ руками кромѣ того очень хороши фотографіи Адерсона; снять камень оказалось невозможнымъ.

⁴⁾ Но съ ХЕІ на обломкѣ нѣтъ ничего: было несомнѣнно 1-е лицо (ср. Ritschl, Op. IV, р. 589); камень кромѣ того даетъ *adveixei*, а не *ad veixei*, какъ обыкновенно надается; *adveixi* absol. роз. ср. напримѣръ C. X, 2603; ср. VI, 1021б, 1273б, 2800б; VIII, 500; X, 249б и др. Краткую замѣтку о „*das ziemlich seltere Compositum adveiere*“ см. у Ричля, Op. IV р. 266, гдѣ онъ, по видимому, тоже склоняется въ пользу чтенія *adveixei*, при возможности соединенія съ *quo adveixei*, искъ въ приведенной имъ надписи (Grut. 1145, 8), или подобного. Сатурновъ метръ Ричля видить впрочемъ (I. с.) и въ *adveixei*.

кулярные *hastae* буквы N, значительно округленная *петля* P—признаки уже—сравнительно съ прочими элогіями—болѣе поздней поры; но круглое O, неправильное E, расширенное M—признаки все еще архаического типа письма; изъ другихъ элогіевъ всего ближе письмо нашего фрагмента напоминаетъ письмо элогія *magna sapientia*, то есть, письмо конца 1-й и начала 2-й половины II вѣка до Р. Хр. Къ тому же приводить и вокализмъ формы *adviciei*, именно 1) *ei* въ коренномъ созвучіи виѣсто болѣе древнаго i: *vita*—въ элогія *quei apice* (Сципіона, сына Аппіябаловца), *vita* въ элогіи *magna sapientia*; что ореографія въ родѣ *veita*, *veivere*, *meilla*, *reila* и т. д. принадлежитъ въ значительной мѣрѣ именно періоду Люцилія и Гракховъ и держится до Августа (спорадически и позже), давно замѣчено¹⁾ 2) написаніе *ei* виѣсто I примѣты перфекта, свойственное предпочтительно тому же періоду²⁾; такимъ образомъ нашъ фрагментъ можно отнести къ началу 2-й половины II вѣка, то есть цѣлымъ поколѣніемъ позже Эпнія. При незначительности объема отрывка очень трудно говорить опредѣленно о его *метрѣ*; за *метръ* говорить въ немъ, по нашему мнѣнію, только форма 1-го лица, очень рѣдкая въ прозаическихъ надгробіяхъ; первиность концовъ строкъ не есть доводъ въ пользу какого-либо опредѣленного размѣра, потому что я вообще, въ этой группѣ въ частности во вездѣ концы строкъ совпадаютъ съ концами стиховъ; такое совпаденіе есть въ элогіи сына Барбата и въ дистихической эпиграммѣ Сципіона Испанскаго (п. 1088); но его иѣть 1) въ элогіи самого Барбата, 2) въ элогіи Сципіона, сына Аппіябаловца, 3) въ элогіи 20-лѣтняго юноши Сципіона, при чемъ особенно во 2-мъ и 3-мъ первиность концовъ строкъ очень бросается въ глаза сравнительно съ началомъ ихъ, гдѣ первыя литеры поставлены почти сочленомъ³⁾. Мы не видимъ поэтому надобности считать нашъ фрагментъ принадлежащимъ неизрѣбѣнно къ сатурнову метру⁴⁾; хотя конечно скандовка *Sciribet* и говорить пѣсколько противъ дактилей, но примѣры превращенія подобныхъ не дактилическихъ стопъ

¹⁾ Corssen, Auszpr. I^o p. 719; Seelmann, Auszpr. d. Lat. p. 166; Stolz, Hist. Gr. I, 1, p. 212 § 206; дифтонгъ *коря* стала переходить въ простой дозігъ с-і звука, очень рано, Stolz, I. c.; Corssen op. cit. I^o p. 389, и ореографія *teihei*, *veita* только, вѣроятно, случайный намекъ на первоначальный дифтонгъ.

²⁾ Corssen op. c. I^o p. 725; Stolz op. c. p. 213 § 205 fin.

³⁾ Во 2-мъ 1-я строка, какъ давно замѣчено, есть сравнительно позднейшія прибавки, ср. Buscheler Сагн. Ер. ad. n. 8.

⁴⁾ Въ напись index metrorum это сдѣлано по традиціи.

per syntesis въ спондей у самого Эннія встрѣчаются, напримѣръ, avjum praepteribus sese pulcrisque locis dant (Ann. I, 91 (p. 13 Moll.); Nerjenem Mavortis et Herem (ib. 112, p. 16 M.); hic insidantes vigilant, partim requiescent (XVI, 443 p. 52 M.). Возможно поэтому, что и нашъ фрагментъ дактилическаго метра, хотя отъ восстановленія его благоразумїе будетъ пока удержаться. Итакъ—нашъ отрывокъ не есть препятствіе къ закрѣплению за Энніемъ разбираемаго типа.

I. Elogium autobiographium въ чистотѣ видѣ.

Слѣдующій послѣ Эннія примѣръ дается все въ той же группѣ Сципіоновскихъ надгробій—эпиграммой Сципіона-Испанскаго, умершаго вскорѣ послѣ претуры 139 г. до Р. Хр.¹), п. 1088. Надгробіе по композиції еще очень просто и чисто: оно состоять: 1) изъ прозаическаго *cursus honorum ordine inverso*²), то-есть, изъ той части элогіевъ, которая у Барбата и его сына дана *рубрикой*, и признается вообще наиболѣе древней составной частью такихъ элогіевъ³), и 2) изъ двухъ дистиховъ довольно шероховатаго метра, помѣщенныхъ на среднемъ изъ 8-хъ камней, составлявшихъ нѣкогда плиту (первый теперь утраченъ: письменъ на немъ, вѣроятно, не было). Эпиграмма вырѣзана письмомъ болѣе мелкимъ и *небрежнѣмъ*, чѣмъ *honores*,—но, мы думаемъ вмѣстѣ съ Висконти и Брунномъ,—тою же рукой, что и титулatura.

Если исключить реторизацію 8-го лица элогія нарративнаго типа въ 1-е, то нашъ текстъ почти совершенно совпадаетъ съ этимъ типомъ, напоминая при томъ своимъ тономъ небольшую *laudatio funebris*, гдѣ „gens et origo mortui“ конечно для такого аристократа должны быть на первомъ планѣ, а на второмъ—его собственные „mos et ingenium“⁴); вмѣсто „апполога“ дается выводъ: *stirps nobilitavit honor*.

Не случайность, конечно, что это первая послѣ Эннія дошедшая до насъ надробная эпиграмма члена той же *gens*—писана *дистихомъ*, а именно *двумя* дистихами, подобно собственной эпиграммѣ Эннія, и

¹⁾ Mommsen, C. I ad. n. 38; Diecheler ad. n. 958.

²⁾ Cagnat, Cours d'ér. p. 87 sq.

³⁾ Wölfflin Rev. de philol. 1890, XIV, p. 118.

⁴⁾ Vollmer, laud. fun., p. 476 sq.; реторизація 2-мъ лицомъ, встрѣчающаяся въ laudationes funebres довольно нерѣдко въ імператорскій періодъ, родитъ изъ надгробіями въ типѣ „adloquia“.

вышеупомянутому имъ сочиненному *elogium „a sole exortente“* Сципиону Старшему: *два дистиха и впослѣдствіи остаются довольно любимой формой такихъ надгробій*¹⁾.

Затѣмъ слѣдуетъ поставить довольно любопытное надгробіе отпущенницы Филематіи, жены Аврелия Герміи, „мясника съ Виминала“, п. 80, дающее, какъ извѣстно, одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ римскаго надгробнаго рельефа въ соединеніи съ *elogium*. По материалу (*lapis Tiburtinus*), работѣ, а главное по письму и формамъ языка²⁾ надгробіе это можно отнести къ концу II вѣка до Р. Хр.

Богатый либертъ-мясникъ слѣдуетъ, очевидно, примѣру вельмож: украшаетъ свою „семейную“ гробницу портретами—своимъ и жены,— и заказываетъ поэтическое надгробіе неизвѣстному „грамотѣю“, не безъ претензій на нѣкоторыя шаблонныя поэтическія прикрасы: *quaes me faato praecessit, fido fida virgo, pescis potior; слѣды rusticitatis, объясняющіеся, быть можетъ, нѣкоторыми личными указаніями „поэту“*³⁾ со стороны супруга покойной, довольно замѣтны.

Если считать несомнѣнно утраченный 8-й стихъ надгробія (пентаметръ), то оно распадается на 2 части, по 2 дистиха, слѣд. является количественно *удвоеніемъ* Энніевскаго шаблона, при чемъ вторая пара дистиховъ есть только развитіе главной мысли первой пары: достохвальныя семейныя доблести покойной, замѣна *honores et facta* въ мужчинахъ⁴⁾.

Этотъ весьма естественный „женскій“ шаблонъ (*potest + virtutes*) въ впослѣдствіи остается очень употребительнымъ, напримѣръ пп. 24 33. 35. 38. 40. 60 и дрр.

Эпиграмма Филематіи занимаетъ правую сторону камня; средина занята помянутымъ рельефомъ, а слѣва помѣщено четырехстишие (2 дистиха), содержащее элогій покойной отъ лица ея мужа еще находящагося въ жизнѣхъ, какъ видно изъ отсутствія цифры прожитыхъ лѣтъ жизни (XXXX annos nata въ надгробіи жены).

Хотя этому четырехстишию предшествуетъ имя и „титулъ“ мужа,

¹⁾ Напримѣръ, п. п. 1077, 1084, 1097, 1107, 1118, 1117, и др. Нерѣдка эта форма и въ греческихъ, напримѣръ, Hoffmann, Syll. п. п. 2. 82. 34а б. с. 86, 40, 55, 68 и др.

²⁾ Аттиево удвоеніе гласныхъ, ср. Ritschl, Syllabus indic. Op. IV p. 765; Buecheler C. Ep. ad. tit.; Labbe, Grundriss der Kunstgesch. II, p. 236.

³⁾ Ср. напримѣръ, п. 810: *perlege versus, quos ego dictavi et iussi scribere quendam.*

⁴⁾ Vollmer laud. fun. p. 477.

но все же мы не считаемъ возможнымъ счесть эту энграмму за *elogium autobiographicum*, такъ какъ прямое назначение ея прославление доблестей другаго лица, а не того, кто выставленъ въ данномъ текстѣ говорящимъ, хотя это другое лицо и имѣло бы близкое отношение къ повѣствующему. Такая „*reueudautobiographa*“, где покойный (или составитель заживо) является только *говорящимъ отъ своего лица*, но не прямо и непосредственно о себѣ, очень не рѣдки, но анализъ ихъ, понятно, не можетъ входить въ задачу настоящаго этиуда. Сюда относятся напримѣръ ил. 8 (сентенции). 14 (мужъ о женѣ). 28 (*idem*). 25, 31, 39 (жена о мужѣ). 42, 44, 45, 48, 51, 54, 56 (надгробіе Евризака, =14). 57, 59, 66, 71, 73, 77, 78, 84, 86, 91, 92, 99, 101, 104, 108, 110, 111, 115, 117, 120, 123, 129, 130, 133, 142, 144, 148, 153, 160, 162, 164, 165, 169, 172, 176, 186, 187, 188, 198, 199, 201, 204, 208, 214, 215, 221, 223, 228, 224, 225, 226, 229, 232, 233, 234, 235, 244, 247, 248, 262, 264, 268, 273, 276, 279, 283, 285, 287, 288 ¹⁾), 291, 293, 295, 303, 308, 315, 316, 321 ²⁾, 326, 329, (cf. n. 321). 342, 344, 350, 353, 354, 356, 357, 360, 362, 363 ³⁾ 364, 372, 373, 375, 377 ⁴⁾, 378, 381, 385, 392, 393, 397, 401, 405, 407, 410, 414, 415, 421, 425, 480, 481, 482, 484, 487, 440, 452, 458, 461, 467, 470, 471, 476, 480, 486, 497 (?). 498, 501, 507, 518, 514, 541, 543, 550, 553, 572, 573, 576, 583, 589, 594, 595, 597, 600 ⁵⁾), 607, 616, 622, 634, 651 (?). 654, 661, 671, 673, 675, 679, 680, 682, 683, 685, 687, 688, 692, 693, 701, 706, 712, 714, 715, 717, 719, 723, 733, 738, 739, 746, 758, 758 a. 759, 779, 790, 792, 794, 796, 801, 806, 812, 813, 817, 824, 829, 842, 846, 854, 858, 859 ⁶⁾). 860, 862, 866, 867, 869, 871, 874, 877, 878, 892, 901, 902, 903, 906, 908, 909, 1.062, 1.128, 1.177, 1.179, 1.183, 1.185, 1.243, 1.274, 1.324 *simm.* 1.327, 1.330, 1.332, 1.379.

Къ началу или вообще къ первой половинѣ I вѣка до Р. Х. ⁷⁾)

¹⁾ Слова „*virgin expecto tecum*“ говорить скончавшись ранее мужа Сильвана.

²⁾ „*Matercula dicit, quoius in hoc tumulo filia parva iacet*“.

³⁾ „*Qui (=mortuus) [s]ibi dum staret pater ad torum, sic ait*“.

⁴⁾ Но аналогіи съ известными шаблонами „*noli dolere*“—и этотъ дистихъ принадлежитъ покойной.

⁵⁾ Автобиографический элементъ заключается всего въ словахъ: „*poeta fuit vita*“.

⁶⁾ *Paras* исправлено Бюхлеромъ въ *paraeit*.

⁷⁾ „*Aetas Caesariana*; *Buecheler ad tit.*—Что Юкуцъ исправилъ оригинальное *decorata*, казавшееся ему для *paraeit. ind.* основы на « въ 3 лицѣ ошибкой, не удивительно, и не говорить, по нашему мнѣнию, противъ удвоенного *a*, которое

следует отнести миниатюрное надгробие Ларции Гореи (*Larcia Horaea*), п. 265.

Надгробие состоит изъ 6 ямбическихъ сенаровъ, распадающихся на два трехстишия, композиція и впослѣдствіи довольно употребительная, напримѣръ п. 690, 1.083¹), 1.111, 1.075²), 134, 708³), 712, и др.⁴).

Поколѣніемъ поаже⁵) находимъ римское надгробіе Канинія Лабеона, п. 690, написанное нѣсколько вычурнымъ языкомъ и архаизированное, подобно предыдущему; какъ мы только что указали, и оно состоять изъ 6 сенаровъ, дѣлящихся на 2 трехстишия по содержанию; правда, здѣсь это дѣление не такъ наглядно, какъ въ надписи Гореи, но его прослѣдить вполнѣ возможно: 1) „все это—моя семья: сына, его ливерть, и отпущенница ливерта, жена его же: жили всѣ вмѣстѣ, скучно“⁶); 2) „связь чувства и теперь проявилась, когда престарѣлый сынъ почтилъ усопшаго отца дорогими надгробіемъ“⁷).

и дается вторымъ „exemplum Pontianum“, съ помѣткой „in oscis“. Непослѣдовательность въ употребленіи *praeſ.* и *perf.* въ надгробіяхъ отнюдь не особенная рѣдкость, начиная съ *aubigit*—*abdouſcit* въ элегии Барбата (ср. *Wœſſlin, Rev. de Phil.* 1890, XIV, p. 122); ср. п. 80: *recepit*—*potior*; п. 485: *raptor*—*fuli*, *suntulit*; п. 690: *vixi* *praestat*; п. 791: *surgexit*, *expulit*—*preſeat*, *participat* и т. п. Что составителъ надгробія „rusticanus antiquitatis amator“ нѣсколько аргументированъ свой текстъ, также не говорить противъ *praeſ.* Ср. *Stöls, Lat. Gr.* (Iw. Mall.) II, 1 р. 252, III; id. *Hist. Gr.* I, 1, р. 90, § 78; *Corsen, Ausspr.* I¹, 14. 17. Что по смыслу упомянутъ здѣсь подходитъ къ настоящему *status* говорящей отъ своего лица похвальной—всакому ясно.

¹) Послѣдний изъ 7 стиховъ не относится къ шаблону.

²) 6-й стихъ довольно тѣсно связанъ съ остальными.

³) 7-й стихъ—обычны сентенции.

⁴) Даже въ очень поздняхъ христіанскихъ ямбическихъ надписяхъ, напримѣръ С. VIII, 9.565 (В. 115); въ греческихъ композиція эта, напротивъ, встречается очень рѣдко, и то въ позднѣйшихъ, напримѣръ Kalb. 126, 193 (?). 852 и др.).

⁵) „Circa Caesaris mortem“, В 58 ad tit.

⁶) Заповѣдь *concordes vivere, concordes habitare tecta parentis* иногда дается надгробіями, напримѣръ, п. 457, 471, 870 и др.

⁷) Къ I вѣку до Р. Хр. относится недавно изданное Гюльзеномъ (*Mith. 1893*, VIII, р. 150, п. 9) колумбарное надгробіе нѣкоей Flavia P. I. Amoena:

ut rosa amoena howini est, quom primo tempore floret,
quei te viderunt, seic ego Amoena fui,

имѣющее въ нашемъ сборнике хорошую параллель въ п. 117; ср. п. 519. Одинъ дистихъ, какъ у Эпістія, *Bachr. fragm.* р. I. п. 510.

Съ надгробіемъ Икадія, п. 411, мы входимъ уже въ эпоху Августа, въ періодъ разцвѣта подражательной поэзіи; эпиграмма грека Икадія—довольно корректные 3 дистиха ¹⁾), то-есть, довольно употребительная форма греческихъ надгробій болѣе позднаго періода, напримѣръ Hoffmann, op. cit. п. 83, 90, б. 186; Kaibel, п. 116, 141, 145 и друг.; собственное имя *εἰς κονῖτον* надгробія—тоже вещь нерѣдкая въ греческихъ эпиграммахъ: Kaibel, п. 34, 42, 65, 75, 205, 215, 280, 287, 266 и друг. ²⁾.

Три дистиха и въ римскихъ надгробіяхъ послѣдующаго времени довольно употребительны, напримѣръ, пп. 16, 67, 77, 85, 92, 98, 117 и друг. ³⁾.

Къ 12 году до Р. Хр. относится довольно большое надгробіе отпущенницы Эгнатулеи Урбаны, п. 791 ⁴⁾), съ большими претензіями на „ученость“ и съ очень посредственной метрическою отдѣлкой: 7 дистиховъ, то-есть, норма довольно мало употребительная ⁵⁾; впрочемъ, если исключить 1-й дистихъ, составляющій какъ бы „вступленіе“ въ видѣ *сентенции*, то остальной текстъ довольно ясно распадается на 3 группы по *deca* дистиха: 1) шаблонное сътвованіе на рамнюю кончину, 2) прославленіе „pietas“ поставительницы надгробія и 3) обращеніе къ живымъ о прекращеніи плача; въ такую же норму приводится безъ труда и п. 603: (1+2+2+2), п. 730, 1064 и друг. Эти три темы, особенно въ надгробіяхъ императорскаго періода, очень любимы и встречаются и вмѣстѣ, и отдельно въ довольно разнообразныхъ вариаціяхъ.

Къ концу правленія Августа относится типичное надгробіе отпущенницы Октавии Арбускулы, п. 389, представляющее собою уже

¹⁾ тобі въ 1-мъ стихѣ, помимо арх. *μέλει*, оправдывается цевурой; *δεκα τυποί* и *συμμα τεσσάρων*—совершенно понятные слѣди *εγενός quotidianus*; ореографія *Лакадіи*—скорѣе грекизмъ, чѣмъ грамматическая тонкость, Stols, Hist. Gr. I, 1, p. 84.

²⁾ „Νομίπον Ικαδίου“—ср. Kaibel, п. 284: тобура μοι Τύχη (въ концѣ надписи), п. 815: οὐνομ' Ὄντσαιρη ἦν (въ концѣ пентаметра), п. 346: Ζάφεν 'Επικάττων тобура κλεψορέντην (послѣдній стихъ), п. 614: ἀνθάδειοι κείμει | ἐν φερμένος ὃν τοῦ τούρα Μηνόφιλος (въ самомъ концѣ), п. 704: οὐνομ' Ἰουλιανός (тоже), и друг.

³⁾ Греческія собственныхъ имена въ стихахъ и подобныхъ надгробіяхъ конечно существеннаго значенія не имѣютъ.

⁴⁾ Примѣръ соединенія болѣе древнаго шаблона h. s. o. съ болѣе новой эпиграммой.

⁵⁾ Напримеръ, п. 589 (но стихи 9, 10—вѣроатно, испорченный дистихъ, такъ что и здесь будетъ не 7, а 8 дистиховъ), 608, 680 (было больше), 727 (очень поддима), 730 (плохое и плохо написанное надгробіе), и т. д.

прямо центою, механически скомбинированный изъ различныхъ шаблоновъ, вѣроятно по выбору поставившаго памятникъ. Стихотвореніе распадается на девять частей, ст. 3—9 (гекзаметры) и ст. 10—17 (дистихи). Первая часть составлена изъ 3-хъ шаблоновъ по 2 стиха: 1) сътowanie на раннюю смерть (метръ нарушенъ вставкой цифры лѣтъ жизни); 2) *laudes*, съ шаблонной оговоркой *vixi dum licuit*, столь обычной въ надгробіяхъ (*tenores*¹), и 3) обращеніе къ родственникамъ; въ качествѣ добавленія *ad hominem*, присоединенъ еще 7-й стихъ—специальное обращеніе къ сестрѣ покойной. Шаблоны взяты, очевидно, изъ формуляровъ, составленныхъ для *семина*, и даже по приоритету къ *дочери* (*nati, exsulto te*), погрѣшность въ такихъ центонахъ не особенно рѣдкая²). Вторая часть еще яснѣе дѣлится также на 3 шаблона: 1) воззваніе къ „жестокому Плутону“³), похитившему молодую жизнь, 2) шаблонное „*te, lapis, optestor*“⁴) и 3) воззваніе къ живымъ о прекращеніи плача⁵).

Изъ надписей послѣдующаго периода типъ „*eleg. autobiographum*“ иѣ сравнительно чистота видѣется, напримѣръ, пп. 2 (6 дистиховъ = 2+2+2), 26 (могло быть 2 дистиха), 27 (2 гекзаметра), 88 (сокращенное либическое надгробіе), 69 (два дистиха), 81 [*pomen* (1 гекзаметръ), *autob.* (2 дистиха), + 2 гекзаметра не входящіе въ типъ], 90 (1 дистихъ), 156 (4 гекзаметра), 162, 2 (2 дистиха?), 170 (ритмическая проза), 179 (cf. *ad tit.*), 185 (3 стиха), 189 (5 плохихъ гекзаметровъ), 190 b (тоже), 195 (1 дистихъ), 197 (3 дистиха⁶), 207 (3 дистиха?), 237 (2 гекзаметра), 248 (4 сепара?), 261 (2 гекзаметра), 267 2 и 3 (2 и 3 дистиха⁷), 270 (4 гекзаметра), 289 (1 дистихъ), 349 (3 гекзаметра), 427 (8 гекзаметра), 428 (3 дистиха), 446 (2 дистиха), 520 (4 стиха), 547 (6 дистиховъ = 8+8), 615 (6

¹) пп. 58, 406, 688, 1067, 1094, 1114, 1165 и др. Въ шаблонѣ чередуются *rotus*, *licuit*—и *volui*, но конечно особенно глубокаго смысла въ этомъ чередованіи искать едва ли необходимо, ср. *Zimmermann*, *Der Kulturgesch. Werth d. röm. Inschr.* p. 29 sq.

²) *Cagnat*, *Sur les max.* p. 61.

³) Чередуется съ Царками, напримѣръ, п. 821: „*crudeles Parcae nimium*—*metruncula dicit*.

⁴) *Cagnat*, op. cit. p. 55, 59.

⁵) *Cagnat*, op. cit. p. 57, 60, 61.

⁶) О смышанной повѣствовательно—автобіографической формѣ текста смотри ниже.

⁷) Покойная называетъ себя въ надгробіи—„*urbis aliumva*“, то-есть, Гиманкой.

дистиховъ?), 682, 9 (10 стиховъ), 686 (2 сенара), 696 (5 дистиховъ = 1+2+2), 708 (фрагментъ въ 3 стиха), 749 (2 гекзаметра), 760 (4 дистиха = 2+2), 764 (4 стиха), 769 (6 гекзаметровъ?), 770 (3 дистиха), 811 (1 дистихъ), 814 (4 стиха), 818 (3 ямбическихъ сенара), 822 (5 дистиховъ¹), 838 (1 дистихъ), 853 (4 дистиха = 2+2); 882 (7 гекзаметровъ = 2+4+1), 883 (8 дистиховъ = 2+8+2+1), 884 (1 дистихъ), 890 (8 стиха плохаго метра), 900 (5 ямбическихъ сенаровъ = 4+1), 997 (фрагментъ въ 5 стиховъ), 1013 (ритмическая проза), 1037 (2 ямбическихъ сенара), 1069 (3 дистиха), 1070 (2 гекзаметра), 1074 (2 гекзаметра), 1075а (фрагментъ), 1079 (2 сенара²).

1081 (большое надгробіе въ гекзаметрахъ съ лакунами), 1082 (3 плохихъ стиха), 1085 (4 стиха), 1086 (9 гекзаметровъ *sermonis plebei*), 1090 (3 стиха), 1093 (3 дистиха), 1096 (5 плохихъ сенаровъ), 1098 (1 дистихъ), 1099 (19 сенаровъ³), 1102 (фрагментъ), 1107 (2 дистиха), 1108 (15 гекзаметровъ⁴), 1109 (21 гекзаметръ⁵),

1112 (6 стиховъ, можетъ быть 3 дистиха), 1115 (4 сенара), 1116 (ритмическая проза), 1121 (1 дистихъ), 1122 (5 дистиховъ = 1+2+2), 1125 (6 дистиховъ = 1+2+2+1), 1129 (5 дистиховъ = 1+2+2), 1181 (вѣроятно 3 дистиха), 1182 (6 стиховъ дактил. метра), 1133 (вѣроятно тоже), 1184 (11 сенаровъ—*ad hominem*), 1135 (17 плохихъ

¹) Эта прекрасная *ad hoc* написанная эпиграмма распадается на: 1) *жему* (1 дистихъ), 2) *ея разумѣніе* (3 дистиха) и 3) *заключеніе* (1 дистихъ), то-есть, построена по схемѣ 1+3+1 дистиховъ.

²) Что 2 стиха могутъ быть вавлами въ контекстѣ *breve elegium, breve sarcmen* и т. п.—кромѣ указанного нами *ad tit. места* Ovid. Met. XIV, 412, ср. еще Ovid. Heroid. XIV, 127:

et sepeli lacrimis perfusa fidelibus ossa,
sculptaque sint titulo nostra sepulcra brevi:
, Exol Hypermestra—pretium pietatis iniustum—
quam mortem fratri depulit, ipsa tulit";

Mart. Epigr. I, 98, 9:

ara duplex primi testatur munera pili,
plus tamen est titulo quod breviore legis:
, Junctus uterque sacro laudatae foedere vitae,
famaque quod raro novit, amicis erat";

ср. вирочень id. X, 71, гдѣ *brevis titulus*=3 дистихамъ.

³) Любопытное надгробіе „*Urgi togati*“, очень цѣльное по содержанію, названное *ad hominem*.

⁴) Надгробіе такого же характера.

⁵) Надгробіе *ad hominem*, хотя и съ заимствованіями изъ шаблоновъ.

стиховъ—тоже), 1136 (вѣроятно, б стиховъ—тоже), 1141 (3 сенара), 1142 (15 дистиховъ съ лакурами) ¹⁾.

1143 (1 дистихъ), 1144 (3 гекзаметра), 1146 (4 стиха), 1150 (15 сенаровъ) ²⁾, 1151 (2 сенара), 1154 (фрагментъ), 1156 а. б. (2 и 3 гекзаметра), 1158 (6 плохихъ стиховъ), 1158а (фрагментъ), 1158 б. с. (тоже), 1164 (фрагментъ), 1256 (ритмическая проза), 1292 (1 дистихъ), 1295 (2 дистиха), 1297 (1 дистихъ), 1317 (2 дистиха), 1340 (3 дистиха?), 1868 (8 стиховъ=4 дистиха?).

Несмотря на неизбѣжную неполноту и нѣкоторую разрозненность этого перечня, внимательный читатель все же, полагаемъ, замѣтилъ, что норма въ *два дистиха* (Эпіевская) и нѣсколько болѣе поздняя въ *3 дистиха* для *elegium autobiographum* въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ—встрѣчается чаще именно въ надгробіяхъ города Рима, рѣже въ провинціальныхъ, особенно *норма въ 2 дистиха*: мы полагаемъ, что это преобладаніе не случайно.

Въ числѣ *elegia autobiographa* въ чистомъ видѣ есть группа—по сущности композиціи небольшая,—которая не имѣть съ нормой уже ничего общаго,—это *акростихи* ³⁾, число стиховъ которыхъ ограничено прежде всего количествомъ буквъ воспроизводимаго текста; таковы въ нашемъ сборникѣпп. 506 (4 стиха: могло быть и больше), 847 (тоже), 1138 (18 стиховъ), 1139 (9 стиховъ), 1147 (6 стиховъ), 1153 (16 стиховъ). Краткостью отличаются такія *elegia autob.*, которые сообщаютъ какую либо *деталь* изъ жизни покойнаго, каковыпп. 740 (1 стихъ), 768 (1 стихъ), 797 (1 стихъ), 1068 (1 стихъ), 1092 (неполный гекзаметръ), 1149 (2 сенара).

Точно также обыкновенно довольно кратки *eleg. autob. senten-*
ciознаю характера:

dum vixi quaesivi nec perdere desii—пп. 868 (cf. ad tit.), 1288 (cf. ad tit.), 1308 ⁴⁾ обыкновенно 1—2 стиха; ср. п. 162, 1.

non fui, non sum—пп. 180 (cf. ad tit.), 241 (cf. ad tit.), 865 (cf. ad tit.)—тоже 1—2 стиха; ср. п. 1282, 1284, 1287, 1294, 1805.

¹⁾ Этотъ явѣтный „*elegium messoris*“—очень цѣльное *carmen ad hominem*; лишь до нѣкоторой степени можно вѣроятно выдѣлить группы: 6 (происхожденіе и профессія) + 6 (карьера) + 3 (семья, *laudes* и *сентенція*).

²⁾ Надгробіе поэта Помпонія Бассула, *ad hominem=4+5+5+1*.

³⁾ Извѣстны уже тому же Эпію: *Cic. de divinat.*, II. §111; *Scharr*, Röm. L. I³ р. 72; *Bachrens*, Fragm. р. 1. р. 192 п. 598.

⁴⁾ Сентенція свойственная преимущественно V тому Корпуса, съдовательно съ извѣстной изѣтностью окраской, *Häbler*, Röm. Epigraph. (J. W. Müll.) I³ р. 689.

quod merui, accepi — nn. 53 (= 271); ср. nn. 156, 212, 289.
quod edi, bibi, tecum habeo, quod reliqui perdidisti — n. 1301, 1385¹⁾.
vixi, quo ad volui (potui) — nn. 58, 688, 1067, 1114, 1159, 1165;
ср. n. 12.

quod debui illi facere, ille mihi fecit — n. 682, 2 и passim.
mortuus quaerar — n. 79.

Нѣкоторая шаблонность и, если можно такъ выразиться, „шем-
тонность“ замѣтна и во многихъ изъ приведенныхъ выше въ боль-
шомъ перечинѣ *elegia autobiography*; но есть не особенно мало и та-
кихъ, которые, подобно надгробію Октавіи Арбускулы, н. 389, пред-
ставляютъ такія же механическія комбинаціи нѣсколькихъ шабло-
новъ, удобно разложимыя на составныя части; сюда относятся над-
гробія составленныя —

изъ 2-хъ частей:

- n. 271: ст. 4—7 и 8—10.
n. 338: ст. 2, 3 и 4, 5 (cf. ad tit.).
n. 370: ст. 8—6 и ст. 7-й.
n. 646: ст. 4, 5 и 6, 7.
n. 1080: ст. 3, 4 и ст. 5-й.
n. 1084: ст. 5, 6 и 7 [8]²⁾.
n. 1097: ст. 1—4 и ст. 5-й³⁾.
n. 1106: ст. 2, 3 и ст. 4-й.

¹⁾ Это любопытное надгробіе начала императорскаго периода недавно подробно объяснено *Vollmer*омъ въ *Bleich. Ms.* 1898, vol. 53, 4, p. 637 sqq.; авторъ уста-
навливаетъ слѣдующее распределеніе текста: *наследники Манамъ*: „parcitis her-
editi“ — *Манамъ наследникамъ*: „et vos (qui vivitis heredesque estis) parcito inseutibus
(scil. in sepulcro), nolite eos laedere (omissis scil. iustis), immo deditte morti (i. e.
mortuis), si quid mortui habent. Второй стихъ авторъ относить къ тѣмъ же Ма-
намъ: „numero singulare“: „hoc (scil. dona, qualia mortuis conponunt) meum est,
huc muneribus contentus ero, cetera (quaes iam vos habetis) liqui (ea non iam mihi
vindico)“). Толкованіе на нашъ взглядъ слишкомъ искусственное: подобны сен-
тенции обыкновенно по мысли и большему частыи и по выражению очень просты.

²⁾ Эпиграмма вводится рѣдкими *dicit*, ср. н. 399: *Tusciensis dicit* (изрываютъ
дить впечатлѣніе не стольчной надписи); н. 711: *vixit... et dixit* (Африка).

³⁾ Ст. 5-й приписанъ на камѣ другою рукой и,ѣвроятно, ио распоряженіи
„coniugis et patae“: фонетическая орографія *optestor*, обычная въ надгробіяхъ
некоторыхъ классовъ, и опущеніе 8-го неитаметра — не подходитъ къ „grammatica-
lector que“.

изъ 3-хъ частей:

- п. 312: ст. 2—5, ст. 6, 7¹⁾), и ст. 8—11.
 п. 382: ст. 4, 5, ст. 6, 7 и ст. 8-й.
 п. 459: ст. 4, 5, ст. 6-й и ст. 7, 8²⁾).
 п. 1072: ст. 3-й³⁾), ст. 4-й и ст. 5-й.

изъ 4-хъ частей:

- п. 300: ст. 4, 5⁴⁾), ст. 6-й, ст. 7-й, и ст. 8-й.

изъ 5-ти частей:

- п. 1078: ст. 3, 4, ст. 5—7, ст. 8-й, ст. 9, 10, и ст. 11-й.

изъ 6-ти частей:

- п. 87: ст. 6—9⁵⁾), ст. 10—12, ст. 13-й⁶⁾), ст. 14-й, ст. 15, 16-й⁷⁾,
 и ст. 17-й.

Среди подобныхъ центоновъ встречаются надгробія составленныя довольно искусно, такъ что „центонность“ ихъ замѣтна не сразу, а только при болѣе внимательномъ анализѣ, напримѣръ п. 834, состоящій изъ 3-хъ шаблоновъ, довольно хорошо соединенныхъ въ норму 3-хъ дистиховъ: ст. 1, 2 (*desinete lugere*), ст. 3, 4 (*mors-requies-debitum naturae*), ст. 5, 6 (*petitio sepulcri*). Иногда составители такихъ искусственныхъ центоновъ пользуются для отдельныхъ частей только темами отдельныхъ шаблоновъ, которые и развиваются *ad hominem*; сюда относится, напримѣръ, велическое надгробіе Атилія Севериллы, п. 604, II вѣка по Р. Х.⁸⁾), составленное изъ двухъ крупныхъ ча-

¹⁾ Производить впечатлѣніе составленныхъ *ad hominem*, хотя и въ традиціонномъ топѣ, ср. п. 1111, 6, 7.

²⁾ Для послѣднихъ стиха не относится къ тенору автобиографіи.

³⁾ Ср. п. 1286.

⁴⁾ „Сочинены“ самимъ Августомъ, но ст. 4-й производить впечатлѣніе шаблонности, въ родѣ *Kaidel*, п. 1101, или нашего сборника п. 881.

⁵⁾ Испорченный шаблонъ въ 2 дистиха.

⁶⁾ „Умирать“ = „debitum naturae persolvere“, *passim*, напримѣръ VI, 3580, 11693, 16696; VIII, 18410; IX, 5860; cf. III, 7559, 3989; X, 7149.

⁷⁾ Ср. п. 131, 25—26.

⁸⁾ Сохранилось въ очень поврежденномъ видѣ, но восстановленія Бюхелера довольноѣ вѣроятны.

стей: 4—18 (гекзаметры) и 14—33 (дистихи). Первая часть — *погребъ* отъ лица поставившаго памятникъ, распадающаяся на 3 отдельн.: ст. 4, 5, ст. 6—11, и ст. 12, 13; вторая часть, акrostихъ, распадается на 3 отдельн.: 14—19 и 28—31 — *elogium autobiographum* по-крайней, со ставкой 20—27 (*θρῆνος*) — отъ лица матери, и ст. 32, 33 — обращеніе къ ранѣе уже умершимъ членамъ семьи — вѣроятно, отъ лица той же матери¹⁾.

Другія разновидности *elogii autobiographi* составляютъ въ ряду надписей этого типа замѣтное меньшинство.

Изъ нихъ еще наиболѣе близко стоять къ чистому *elog. aut. съѣдущій типъ:*

II. *Elogium autobiographum* типа „*hic situs sum*“.

Уже изъ сказанного нами выше о вѣроятномъ времени появленія въ сепулькральномъ обиходѣ формы *elog. autobiographum* съ 1-мъ лицомъ — можно заключить, что, несмотря, на сравнительно глубокую древность шаблона *hic situs est*, его реторизація должна была появиться не раньше Эннія, а скорѣе *позже*; и действительно, однѣмъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ является римское надгробіе 10-лѣтней *Utilis* (*Vitalis?*), п. 1129, съ формой *smeis* — можетъ быть I вѣка по Р. Х.²⁾.

Эпиграмма эта — типичный центонъ императорскаго периода — изъ двухъ частей: искалѣченной 4-хстишной эпиграммы (2 дистиха) и переводной съ греческаго сентенціи — 1 дистихъ. Вторая половина пентаметра: *mortua hic sita sum* предполагаетъ несомнѣнныи архетипуризм *mortuus hic situs est*, ср. пп. 863, 2; 918, и выше, стр. 19.

Вѣроятно, къ I же вѣку относится римское же надгробіе Цецінія Бассы, п. 890, начинающееся словами: *hic sum Bassa sita*, то-есть видоизмененіемъ древнаго Энніевскаго шаблона *hic est illa situs*, который мы встрѣчали выше (стр. 19) арритмически прямѣненнымъ къ женщинѣ: *hic est illa sita*: п. 186, 297³⁾). Надпись — тоже центон-

¹⁾ *Matri*, ст. 88, — только реторизація болѣе обыкновенного *mei* или *meos*; обращеніе *viciis* къ *alitiae* также не должно удивлять никого; ср. напримѣръ, *Zimmermann* оп. с. р. 22 вѣ., или п. 677.

²⁾ Хотя именно эта ореографія держалась довольно долго и въ теченіе слѣдующихъ столѣтій: *Cotterell*, I⁴, р. 759—762, 787; *Jordan*, Krit. Beitr. р. 237; сравнительная простота выраженій говоритъ также скорѣе въ пользу I вѣка.

³⁾ Въ своемъ прекрасномъ сборнике „*Versus italicici antiqui*“ Lund 1890, *Дандер* р. 78 п. 29 считаетъ п. 186 метрическимъ центономъ — изъ гекзаметра

наго характера: 1 дистихъ, 4 гекзаметра и 4-хстишная (2 дистиха) эниграмма, причемъ 2-я часть—есть шаблонъ одинаково пригодный и для женщины, и для мужчины.

Къ тому же времени можно отнести Эсквилинскую колумбарную надпись п. 94б, писанную ритмическою прозой¹⁾: *hic situs sum Lemiso*, то-есть съ самою близкою къ архетипу формой реторизациі, причемъ даже квалификація *quem-finivit* не приноровлена къ 1-му лицу, какъ напримѣръ: *hic sita, quae vixi* (п. 95), или *hic situs ille ego sum-quod vocatus eram* (п. 650) и др., между тѣмъ какъ весьма естественно была бы конструкція *qui-finivi*²⁾.

Къ послѣдующему времени относятся п.п. 24 (*hic sita sum шатиона g. n. Veturia*), 95 (*hic sita (sum) — Matura*), 190 d (*hic sita sum—Caelia Rufa*), 267, 1 (*Atilia—hic sita sum*), 277 (*hic sita sum—Myrsina*), 456 (—*situs sum*)³⁾, 463 (*nata — hic sita sum*); женскій епритмический шаблонъ, какъ и естественно, преобладаетъ.

Греческому ἐνθάδε κείμα⁴⁾ соответствуетъ ближе всего *hic iaceo*.

и двухъ „versiculi italicici“, сатурнійского типа. Но главный недостатокъ этого весьма цѣнного сборника, именно то, что авторъ слишкомъ настойчиво ищетъ „versus italicici“ во всякомъ болѣе или менѣе древнемъ текстѣ сколько нибудь ритмического характера, напримѣръ въ п. 122, по поводу которого Бюхелеръ (ad p. 15), колебательно видѣвшій ядѣсь сѣды метра, замѣчаетъ: „*talia qui conquirerat, sperans priscorum elegiorum ut aliquot particulas recuperaretur*“, или *cum quidem stulta spe delectari dixerim, ut incertissima tamen*“, и ниже (ad p. 16): „*singulares ex inscriptionibus discernere versus Saturnios periculosa res est*“; помимо того, что у насъ нѣть ни одного мѣрного примѣра сочетанія гекзаметра съ сатурніемъ въ надгробіяхъ, и въ п. 136 безъ особенныхъ патажекъ второй стихъ скандуется гекзаметромъ же: *gratia (re) latast*, или *gratja relatast*; *sita* въ первомъ стихѣ объясняется на нашъ взглядъ не столько цезурой, какъ думаетъ Цандеръ, сколько именно арритмическимъ примененіемъ болѣе древняго шаблона *situs*.

¹⁾ *Quem nuncquam finivit nisi mox labore(ш)—было бы недурнымъ „versus italicicus“, но конечно утверждать этого мы не будемъ.*

²⁾ *Labore* ядѣсь едвѣ-ли *ablat.*, какъ полагаетъ Бюхелеръ, сравнивающій греческое *έκποσε πόνου*, въ скорѣѣ *έκποσις labore(m)*; соединеніе же *Lemiso*, *quem labore(m) mox finivit* — не удивительно, итъ яду не особенно рѣдкихъ олицетвореній по родѣ: *forensis ars hic est sita* (п. 1186), *omnis dulcedo et pietas hic finita est* (п. 1196), *hic iacet antiqua pletas* (п. 1200) и др.; ср. *coepio flore inventae, quem finit annus septimus et decimus* (п. 608).

³⁾ „*hic nunc aeternas situs sum qui raptus in arcis*“ В.; рѣдкій примѣръ арритмической реторизациі.

⁴⁾ Является нѣсколько позже другихъ шаблоновъ; *Loch*, op. cit. p. 43 sq.; *Нофманн*, Syll. п. 66, 77, 85, 96 и др.

Хотя „лежать“ довольно древній италійскій терминъ о погребенномъ¹), но въ римскомъ сепулькарномъ обиходѣ среди надгробій терминъ этотъ появляется сравнительно поздно²).

Въ частности—въ метрическихъ надгробіяхъ *iaceo* сдавали древніе начала императорскаго періода: такие примѣры, какъ Ново-Каркасгенская надпись п. 309, съ древнимъ *hosper*, относимая Гюбнеромъ къ эпохѣ Августа, гдѣ читаемъ „*iacet ossa*“, должны считаться для этого шаблона одними изъ древнѣйшихъ. Для I вѣка у насъ есть уже нѣсколько примѣровъ: п.п. 415, 688, 753 и др.

Также и реторизацію *hic iaceo* мы находимъ вранѣе того же I вѣка; сюда относятся:

п. 74—римское надгробіе отпущенницы Октавіи Асфалы, состоящее изъ одного дистиха очень простой композиціи³): это — шаблонъ *hic iaceo coniux*, неловко дополненный собственными именами, съ времѣнной въ пентаметрѣ *digna puella viro* на *d. p. viris* — ad hominem.

Надобно замѣтить впрочемъ, что въ началѣ эпиграммы шаблонъ *hic iaceo* не очень употребителенъ: такие примѣры, какъ п. 124 (врем. Антониновъ) довольно рѣдки⁴).

п. 294 — Тускуланская надпись Секунды — два дистиха ad hominem съ нѣкоторыми шаблонными выраженіями⁵).

п. 876—римское надгробіе Л. Миндія Зосима—тоже два искаженныхъ дистиха: шаблонъ съ неловкою пригонкой ad hominem.

¹) Ср. рисунокъ п. 1 Цеммаса Inscr. It. inf. dial.; ibid. п. 14 (*ineubat*) 60 (*be curat*), 61 (*hei curat*), 62 (*he cura*), и др. Schneider, Exx. p. 106.

²) Ср. выше, стр. 3 примѣчаніе 2; къ древнѣйшимъ примѣрамъ принадлежитъ Фалерійская *tegula heic cubat*, С. I, 1811; Цеммасъ ор. cit. п. 66; Schneider, Exx. п. 28 р. 107; *heic cubat* —писано латинскимъ письмомъ и на латинскомъ нарѣчіи, но несомнѣнно подъ влияніемъ мѣстного шаблона; *latinitas citra controversiam est*!, Ritschl, Klapp. tabb. р. 96; но письму (ibid. р. 97)—надгробіе поздняго республиканскаго періода; еще позже еж Помпейское прозаическое надгробіе С. I 1258 (Ritschl, P. I. M. E. tab. 90 K) съ тѣмъ же шаблономъ (*heic cubant*); въ чисто-латинскихъ надгробіяхъ шаблонъ этотъ и вообще не особыенно употребителенъ, въ частности — въ метрическихъ: такие примѣры, какъ п. 778—*hic cubat ille bonus*—или п. 827—*hic in flore cubat*—рѣдки. Но часто и чисто-латинское *recubo*: п. 442: Maximus hic recubo (изъ Рима).

³) Aphale Octavia — порадокъ именъ древній, ср. Hübner, Röm. Ep. p. 665.

⁴) *Hic iacet* въ началѣ—употребительно гораздо болѣе, ср. нашъ index prin. cipriorum; въ греческихъ надгробіяхъ оба шаблона: *ινθάδε ἐγώ κείμαι* и *ινθάδε κείται* въ началѣ—почти одинаково употребительны.

⁵) О весьма рѣдкомъ въ надписяхъ этого типа обозначеніи даты погребенія, см. И. В. Помиловскій, Эпигр. эт. стр. 127+примѣч. 288, стр. 263.

п. 1118—тоже римское надгробие Л. Пакведія Амплата, колумбарного типа: шаблонъ въ 2 дистиха безъ всякой пригонки.

п. 113 — тоже изъ Рима — надпись Флавіи Оптаты¹⁾) — въ видѣ плохаго дистиха.

Другіе примѣры относятся къ болѣе позднему времени: п.п. 124. 141. 399, 512, 571, ²⁾ 599, 608, 701, 1100.

Идея о смерти—отдыхѣ дала начало термину *quiescere* и *requiescere*, столь излюбленному христіанской сепулькральною терминологіей³⁾; шаблонъ *hic requiescit* въ 8-мъ лицѣ встречается уже въ концѣ республиканскаго періода — въ Нарбоннской надписи С. I, 1489 двухъ супруговъ-отпущенниковъ, Варія (*Vaarlius*) Никифора и Варія Памфилы; нѣсколько позднѣе — уже начала императорскаго періода — римское надгробіе п. 946 Т. Квинкція Стабіліона, составляющее соединеніе болѣе древнаго шаблона *h. s. e.* съ болѣе новымъ и уже реторизированніемъ (писс *sesigibz quiesco*) 1-мъ лицомъ⁴⁾; еще позднѣе п.п. 281, 365, 1188а⁵⁾.

Къ довольно древній шаблонамъ слѣдуетъ отнести и *hic sepultus est*: С. IX, 1721: *hic Jacunda sepultast* — конца республиканскаго періода⁶⁾, С. I, 1080: *Pompeia Asclepias heic sepulta est*⁷⁾ (тоже) и друг. Но „autobiographum“ этого шаблона — опять не раньше императорскаго періода: в. 220 — надгробіе Планцины изъ Сикки Африканской⁸⁾, п. 802 — Беневентская надпись кѣкоего Mago — нѣсколько древнѣе предыдущей.

Ближе другихъ къ шаблону *hic sepultus sum* стоять *hic conditus*⁹⁾

¹⁾ Собственные имена отодвигаютъ надпись къ концу I вѣка.

²⁾ Передъ *penthemimeris* — дополненіе вполнѣ возможное: ср. п. 599. 707. 1100.

³⁾ Въ греческихъ надгробіяхъ эта терминология сравнительно поздня: *Hoffmann*, Syll. п. 109; *Kaibel*, п. 244, 10 и др.

⁴⁾ Надпись составляетъ два шаблонныхъ гекзаметра, сильно покалѣченные въ примененіи *ad hominem*; напрасно поэтому, думается намъ, придается такое значеніе метрикѣ этой надписи Цандеръ, р. XC, считая ее однимъ изъ древнѣшихъ памятниковъ ритмического стихосложенія, въ частности въ ней анастезы *ad rhythmus*.

⁵⁾ *quiesco* замѣнено болѣе рѣдкимъ *quieta sum* (см.), но слѣдуетъ принять во вниманіе, что надпись эта африканская; еще болѣе осложнена Веронская надпись п. 1078: *hic mea composito requiescamus o[ssa] sepulcro*], замѣчательная и вообще по своей композиціи, см. выше, и ср. п. 1104, 3.

⁶⁾ *Zander*, оп. с. р. CC — причисляетъ надгробіе это еще къ сатурніямъ.

⁷⁾ *Ibid.* р. CCI.

⁸⁾ Бюхелеръ *ad tit.* 1654 гадательно относить надпись къ III вѣка по Р. Хр.

⁹⁾ Довольно древній ритуальный терминъ, ср. *conditioem*, *conditorem*.

sunt, для которого мы находимъ наиболѣе распространенную разновидность въ африканскомъ надгробіи Юпія Викторіи, п. 184: *hoc in loco quo conditum est corpus meum* (императ. пер.); проще римская колумбарная надпись п. 427: *condita sum Nice*, съ опущеннымъ *hic*, неудобнымъ для начала гекзаметра; наиболѣе древній реторизированій примѣръ этого шаблона даетъ Патавійское надгробіе 19-лѣтней Клавдіи Торевмы, отпущенніцы имп. Тибера, п. 1077: *hoc ego — condor huic*, съ очень рѣдкою формой *praesentis*¹⁾.

Въ эту же группу слѣдуетъ поставить и шаблонъ *hic positus (compositus) sunt*²⁾, всѣ примѣры которого относятся къ императорскому периоду³⁾: п. 602⁴⁾, 1161⁵⁾; 449 (*hic sunt compositus* разнесено по двумъ стихамъ⁶⁾).

Дальше стоять рѣдкіе шаблоны: *hic ego sum operitus*, п. 1118⁷⁾, и *hic ego sum inlatus*, п. 969—тоже императорскаго периода.

Къ рѣдкостямъ принадлежать также шаблоны съ простыми глагольными формами: п. 447: *hic me combussere parentes* (начала императ. периода); п. 789: *hic mihi erus sacravit sepulcrum*; п. 830: *hic premit*; п. 804: *hoc titulo legor*; п. 1105: *hoc carmine memorantur mei manus*; п. 85: *hic meos cineres mater terra tegit*; п. 1119: *hos titulo contegor* (вм. ожидаемаго *hoc titulo*).

Наконецъ отметимъ нѣсколько шаблоновъ, обусловленныхъ пред-

¹⁾ Очень рѣдки подобныя *geraeasentationes* и въ греческихъ надгробіяхъ, даже и въ болѣе позднихъ, IV — III вѣковъ; любопытно фуфокъ и фуфоска, *Ноффманн*, Syll. п. 184. 185; *άπιτη*, ib. п. 148; *θυήτης*, ib. п. 189;ср. *dicoat*, п. 15; *ολαδίης*, п. 16; *redditēs*, п. 53; *κεῖσθαι ποιοις*, п. 80, и др.

²⁾ *Deroitus, deponito*—термины христіанской энграffitiки.

³⁾ Хотя терминъ *robita* самъ по себѣ и можетъ быть древній, и дѣйствительно встрѣчается еще въ республиканскій периодъ, напримѣръ на чѣхоторыхъ оллахъ изъ S. Cesario, C. I., 888; ср. *hic posit(us)*, C. I., 1067.

⁴⁾ Мужской *archetypum*: *hic ego sum robita*, для которого конечно только случайно пока не оказывается примѣра, равно какъ и для 3-го лица *hic illis est positus*.

⁵⁾ *hic sum robita qui* съ легкой перестановкой даетъ л. р. в. *qui*;帮忙 вѣроятно дополненіе *hic(ego) sum robita*, уничтожающее метръ въ довольно цѣльномъ и—что главное—въ довольно шаблонномъ гекзаметрѣ.

⁶⁾ Случайно и для этого шаблона въ такомъ видѣ намъ понятѣю примѣра; мы же рѣшаемся соединять въ этомъ надгробіи *hic sunt compositus matris ad iheret garbis* особенно въ виду указаннаго Бюхелеромъ *ad tit. замѣстиванія кладузы изъ Вергилия*.

⁷⁾ Скорѣе всего разновидность очень распространенного *legi, contegor*, чѣмъ синонимъ *garbis*.

ставлениемъ о гробницахъ, какъ *жилищъ*, *местопребываніи* усопшаго; самый простой *hic ego sum*, п. 417¹), или съ опущеннымъ *sum*: *hic ego*, п. 830; болѣе опредѣленно *hoc ego sum tumulo*, п. 388²). 1163; *osse sub hoc tumulo sunt*, п. 648; *hic mihi sunt sedes*, п. 88, всѣ императ. периода; симѣшанной указательно-повѣстовательной формы вычурное *eleg. autob.* нѣкое Марцеллины п. 15 — слѣдуетъ поставить особо.

Слѣдуетъ одинакоже отмѣтить, что помимо своего самостоятельнаго употребленія въ приведенныхъ примѣрахъ, нѣкоторыя формулы „указательнаго“ типа встрѣчаются и въ надгробіяхъ предшествующаго, болѣе или менѣе „чистаго“ типа, какъ бы вплетенными въ общий автобиографической линии текста; сюда относятся:

- п. 56 (надгробіе Евризака): *corporis reliquiae sunt in hoc parario;*
- п. 185: *placuit hic locus*³);
- п. 197: *tenet hunc tumulum;*
- п. 370: *hoc titulo debuit legi;*
- п. 615: (*hic*) *requiesco sepultus;*
- п. 760: *sub instanti sum positus lapide;*
- п. 814: *ut huc venirem;*
- п. 822: *carmina haec in tumulo conspicienda meo;*
- п. 847: *hoc titulo fixerunt nomen aeternum;*
- п. 890: *hanc sedem peti;*
- п. 900: *perfeci hanc domum;*
- п. 1078: *hic mea composito requiescunt ossa sepulcro*⁴);
- п. 1081: *hoc mihi Claudiu v[erbi]vit*⁵);
- п. 1086: *iaceo sedibus istis;*
- п. 1096: *fata (me) tradiderunt hoc loco;*

¹) 8-е лицо: *hic est* и просто *hic* встрѣчается еще въ республиканскій периодъ: С. I, 1010, 1012, 1071 пдр.; не относится къ этому шаблону С. I, 1065 (ср. Августа): *ego sum L. Lutatius Pacciu etc.*, формула въ чисто-латинскихъ надгробіяхъ очень рѣдка, ср. п. 830; въ греческихъ—въ древнѣйшихъ, напримѣръ *Noffmann*, Syll. п. 178 (VII—IV вѣка до Рожд. Хр.).

²) Соединик *redditus aero*, ср. п. 87: *otio sum perpetuo tradita.*

³) Указательное *hic* при *locus* опускается рѣдко: п. 105 (112); *osse sepulta (hoc) loco*; п. 312: (*hoc*) *tumulo osse sepulta latent*; виной здѣсь иногда метръ, какъ, напримѣръ, п. 427.

⁴) Центонного типа.

⁵) Восстановленіе Бихелера и наше сводятся къ вѣроятности присутствія „указаний“ по концу.

- п. 1097: *hic contegor a tumulo;*
 п. 1122: *(h)oc tumulo nunc sum;*
 п. 1129: *membra texit corporis iste lapis*] ¹⁾;
 п. 1158а: *tumulus iste docet;*

Явление это конечно несколько не удивительно въ виду общей сепулькарными текстами шаблонности съ одной стороны, а съ другой при древности и большомъ употреблении въ императорскій періодѣ „указательного“ типа надгробія, весьма удобнаго для одновременной квалификаціи покойного и памятника.

Непосредственно примыкаетъ къ обѣмъ разновидностямъ:

III. *Elogium autobiographium* съ обращеніемъ къ путнику.

Мы уже отчасти касались этой разновидности во второмъ этюдѣ *passim*; но ея устройство и примѣненіе въ сепулькарномъ обходѣ вполнѣ заслуживаетъ отдѣльного болѣе обстоятельного обозрѣнія.

Выше ²⁾ было показано, что самъ по себѣ типъ „обращенія къ путнику“, какъ несамостоятельный, недостаточенъ для составленія надгробія и, за вычетомъ нѣкоторыхъ особыхъ случаевъ, употребляется въ соединеніи съ другими, между прочимъ весьма нерѣдко именно съ *elegium autobiographum* ³⁾.

Разъ самый памятникъ помѣщены ѳг҃ыс ѡбои, то конечно самое естественное мѣсто „обращенія къ путнику“ — въ началѣ надгробія, какъ это и бываетъ обыкновенно въ греческихъ надгробіяхъ этого типа ⁴⁾; въ латинскихъ такой приемъ наблюдается также въ большинствѣ текстовъ, сюда относящихся, и притомъ, какъ увидимъ, въ наиболѣе древнихъ образцахъ.

Уже въ самой эпиграммѣ Пакувія, древнѣйшемъ образцѣ „обращенія къ путнику“, есть иѣчто презумирующее разбираемую комбинацію. Какъ мы выше видѣли изъ анализа ея композиціи ⁵⁾, оно состоитъ изъ „обращенія“ (2 стиха), потомъ „повѣсти“ древнѣйшаго шаблона *hic simus est*, и вторичнаго „обращенія“ съ заключительнымъ

¹⁾ Присутствіе несомнѣнной формы *texit* дѣлаетъ дополненіе „указанія“ весьма вѣроятнымъ; тоже и въ п. 1135, 12.

²⁾ Стр. 46 сл.

³⁾ Стр. 47, 48.

⁴⁾ *Ноффманнъ*, Syll. п. 2, 18, 66, 154, 188, 186 и др.; иѣсколько рѣже въ концѣ, хотя не много рѣже: ib. п. 55, 78, 88, 199, 199 и др.

⁵⁾ Стр. 40—43.

vale, то-есть, композиція довольно любимой въ императорскій періодъ¹⁾). Въ этомъ второмъ „обращеніи“ нужно однако отмѣтить форму *volebat* (*ego volebat* у Филотима), которую можно конечно принять за реторизацію *saxulum rogat*²⁾), но принимая во внимание сказанное нами выше объ употребленіи въ римскихъ надгробіяхъ типа „погбѣсти отъ лица надгробного камня“, вѣроятнѣе отнести это *volebat* къ самому покойному³⁾.

Отъ такого „*resecondary autobiographum*“⁴⁾ уже конечно не особенно далеко и до разбираемой комбинаціі, но конечно мы не въ состояніи отвѣтить на вопросъ, почему Пакувій въ своей эпиграммѣ не воспользовался приемомъ реторизаціі, уже примѣненнымъ его старшимъ родственникомъ; можетъ быть, потому, что не счелъ возможнымъ отступить отъ исконнаго шаблона *hic situs est*,—но разумѣется такія гипотезы суть не болѣе какъ таковыя.

„Обращеніе къ путнику“⁵⁾ съ началъ надгробія комбинируется съ *elogia autobiographia* разнѣхъ типовъ. Изъ нихъ наиболѣе часто применяется:

a) *Elogium autobiographum* въ чистомъ видѣ.

Древнѣйшій примѣръ—вышеупомянутое⁶⁾ Беневентское надгробіе Гельвіи Прими, п. 227, начала I вѣка до Р. Хр., распадающееся на 2 части, по 2 дистиха въ каждой; 1-я часть—„обращеніе“ и собственное имя покойного⁷⁾), вторая собственно „автобіографія“.

О древности нормы въ 2 дистиха для *elog. aut.* мы уже говорили выше.

Другіе примѣры—императорскаго періода.

Къ 10 г. по Р. Хр. относится точно датированное⁸⁾ римское надгробіе отпущенницы Рустичеліи Цитериды, п. 135, довольно ори-

¹⁾ Стр. 44.

²⁾ Стр. 42.

³⁾ Къ самому покойному лучше будетъ отнести и *volui* въ концѣ Граміевской эпиграммы, особенно въ виду первыхъ двухъ стиховъ, мысль которыхъ та, что надгробный камень только, такъ сказать, посредникъ между покойнымъ и путникомъ: *lapis ostendit, quod mandavit ibi, cuius umbra tegit*; „воля“ следственно и здесь относится къ покойному.

⁴⁾ Примѣры приведены выше.

⁵⁾ Стр. 43.

⁶⁾ Ср. *Kaibel*, п. 101.

⁷⁾ X. K. Sept. Maluginense et Blaeso eos.

гинальной композиції¹). Какъ и надпись Гельвія Примы, оно дѣлится на две равныхъ половины, но по 3 дистиха (позднѣйшаго типа) въ каждой; обѣ части имѣютъ видъ „обращеній“, первая—къ путнику, вторая къ живому еще супругу²).

На основаніи палеографическихъ соображеній Гюбнеръ относить къ эпохѣ Тиберія римскую надпись отпущенницы Dorcas, п. 105, довольно простой композиціи, въ 2 дистиха съ добавочнымъ сенаромъ отъ поставившаго памятникъ. Надгробіе есть шаблонъ, дословно почти повторенный въ римскомъ же надгробіи отпущенницы Гедім Нардіны, п. 112, съ добавочнымъ гекзаметромъ изъ другаго шаблона того же типа, и съ добавленіемъ прозаического посвященія. Вторая надпись осложнена еще парой дистиховъ отъ лица посвятившаго съ

¹⁾ См. выше стр. 127.

²⁾ Бюхелеръ ad п. 965, p. 446 полагаетъ, что идея такой композиціи кроется въ желаніи представить покойную „говорящей“ до смерти и послѣ смерти; на нашъ взглядъ это соединеніе объясняется просто центрическостью текста, обычной въ надгробіяхъ людей этого класса. Для „обращеній“ составитель взялъ шаблонъ, повторяющійся съ нѣкоторыми вариантами въ африканской надписи тоже отпущенницы Канинія Руфы, п. 219, приблизительно того же времени или иѣсколько позднѣйшаго: Caiinia L. I. Rufa могла быть отпущенницей Л. Канинія Галла, кс. 2-го г. до Р. Хр., ср. С. I, 749, чemu не препятствуетъ композиція ея имени: *Habuer*, Epigr., p. 674, 678, 679; формы *верністим* въ африканской надписи не есть признакъ особенно поздней эпохи, равно илкъ и долгіе годы (*vixit* иллів XXC) покойной. Формы будущаго времени въ этомъ обращеніи щѣть надобности понимать непремѣнно въ смыслѣ желанія составителя надписи представить покойного юориціум *заживо*; шаблонный *praeterita* въ такихъ надгробіяхъ иногда замѣняются формами настоящаго и будущаго и помимо такого желанія: ср. обращеніе усопшаго Bettia Агорікъ къ живой женѣ п. 55; ср. еще п. 77 (*hunc titulum dedicat fides*); п. 97 (ст. 4—8 слова покойного мужа къ покойной женѣ); п. 98 (*Iudicis castigatio hoc es in orbe decus*); п. 100 (арх.; *locut*, *locat*); п. 112 (*si quis forte leget titulum*); п. 117 (*subito destinis esse tibi*); п. 300 (*vide vixit*); п. 384 (*hunc qui leges titulum*); п. 428 (*deprimit*); п. 482 (*eripitur*); п. 486 (*rem quo*); п. 581 (*si possem querere qui leges*); п. 711a (*quisquis — legeris*); п. 779 (*optari*), и др. Конечно „vivorum monumenta“ здѣсь въ счетъ не идутъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ нашей надписи непремѣнно лучше было бы сопоставить, *fuit* и др., мы только не видимъ надобности признавать упомянутую идею античности въ обѣихъ частяхъ надгробія. Къ тому же, въ п. 219 этотъ же шаблонъ употребленъ совершенно самостоятельно отъ лица посомѣнно скончавшаго. Вторая часть надгробія—несомнѣнныи центонъ, гдѣ ст. 11-й есть довольно шаблонный пентаметръ, взятый сюда вмѣсто гекзаметра; ст. 18-й взять даже изъ не реторизированнаго шаблона; но мысли ст. 9, 10 противорѣчатъ стихамъ 7, 8, такъ что намѣренной реторической связью между обѣими половинами, на нашъ взглядъ, нѣтъ.

шаблонной жалобой на скромность средствъ, препятствующихъ поставлению болѣе богатаго памятника.

Къ эпохѣ Клавдія¹⁾) Гюбнеръ относить римскую надпись Тиберія Клавдія Тиберіна, п. 396,—напыщенное, ученое, *ad hominem* составленное надгробіе изъ 10 дистиховъ: „ обращеніе ”—2 дистиха, и „eleg. aut.” 8 дистиховъ (=3+4+1). «*Aetatis Flavianaæ*», по тому же Гюбнеру, Путеоланское надгробіе отпущенницы Кокцес Фаллусы, п. 258, составленное тоже *ad hominem* довольно носредственнымъ гекзаметрами, съ довольно любопытнымъ „ обращеніемъ ”, по составу двойнымъ: ст. 1—4—обычное обращеніе къ „любовнательному” путнику, ст. 5—10 „ обращеніе ” сентенциозное, на обычную тему „*omnia sunt vita regent*”; связующей мыслью служить „*ergo ne sit dolor*”, ст. 4; самыи *elegium* *autob.* состоять изъ 12 гекзаметровъ (8+4).

Затѣмъ слѣдуютъ: п. 240: простое „ обращеніе ” въ видѣ шаблоннаго дистиха и краткій (1 дистихъ) *elegium* съ интерполированною цифрою лѣтъ брака.

Вторая половина надписе—тоже два дистиха—брѣгъ супруга покойной, довольно носредственной композиції; п. 267 (2)—одна изъ надписей Атилія Помпіллы²⁾—два хорошихъ дистиха, гдѣ упоминаніе о путникѣ только введено въ общей тенорѣ надгробія, но не составляетъ „ обращеніе ” *per se*, что, какъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ, въ надписяхъ этого класса людей обычное явленіе; п. 386—два дистиха—но вѣнчности—нarrативного типа, но изъ формы *ne fleti* видно, что это—повѣсть отъ лица погребенныхъ братьевъ; п. 466—центонъ изъ 3-хъ шаблоновъ, съ плохой пригонкой *ad hominem*; п. 611—тоже центонъ изъ двухъ частей: изъ шаблоннаго обращенія и „*elegium autobiographum*“ *ad hominem* съ частями шаблоновъ; въ такомъ же родѣ п. 618: какъ и въ предыдущемъ, шаблонное обращеніе (2 стиха) и „*eleg. aut.*“ *ad hominem* съ шаблонными вставками; п. 649³⁾ „ обращеніе ”—2 дистиха, и „*eleg. aut.*“ 4 дистиха, п. 844—4 дистиха; 1+3; п. 1063: 2 сенара (1+1);

¹⁾ *Ti. Claudio Eeq. Aug. I. Tiberinus* еда-ли отпущенникъ Тиберія (*Cognat*, р. 173), а скорѣе Клавдія (ib. p. 176); хотя подобный и жилъ всего около 25 лѣтъ, и памятникъ „ *fecit mater filio* ”, но „ученость” стихотворенія, вычурность выраженій и самый объемъ скорѣе говорить за конецъ I вѣка, а такъ какъ оно могло быть поставлено и не немедленно послѣ смерти Тиберіна, то мы и единицца его въ довольно просторныхъ рамкахъ.

²⁾ См. выше, стр. 26.

³⁾ По Гюбнеру, „*Aetatis Antoninianaæ*“.

п. 1126: центоны въ 2 шаблоновъ: ст. 1—4 тѣ же что п. 466 в passim; 5—6 шаблонное обращеніе къ *lapis* или *terra*, какъ въ п. 466 в passim; п. 1137: „обращеніе“ (1 гека.) + *elog. aut.* (ритмическая проза); п. 1153—акростихъ; п. 1157—8 стиховъ плохаго метра: 3+5, съ рѣдкой формой „обращенія“: *rogantis post obitum*,ср. п. 1162; въ мавзолейной эпиграммѣ п. 879 (II вѣка по Р. Хр.) послѣ „обращенія“ слѣдуетъ описание памятника; надпись, впрочемъ, въ концѣ не полна.

Нѣсколько рѣже „обращеніе“ комбинируется съ

b) *Elogium autobiographum* типа *hic situs sum*.

Уже a priori мы должны ожидать, что комбинація „обращенія“ съ шаблономъ *hic situs sum* будетъ представлена въ довольно древнихъ примѣрахъ, эпохи республики, и это ожиданіе оправдывается.

Мы видѣли выше¹⁾, что реторизированное *hic situs sum* попадается въ видѣ самостоятельнаго вида надгробій лишь съ начала императорскаго периода, хотя насы по удивила бы находка такого шаблона и въ I вѣкѣ до Р. Хр.; для „обращенія“ + *hic situs sum* есть примѣры именно изъ этого времени. Уже сама Пакувіева эпиграмма даетъ комбинацію „обращенія“ + *hic situs est*; болѣе древнихъ примѣровъ мы въ силу вышесказаннаго не ожидаемъ. Первымъ по времени послѣ Пакувія примѣромъ комбинаціи „обращенія“ + реторизированное *hic situs sum* служить уже упоминавшееся нами²⁾ надгробіе Руфія³⁾, п. 721, первой половины I вѣка до Р. Хр.: противъ Пакувіевої эпиграммы здѣсь добавлено обозначеніе поставившаго памятникъ и опущено второе „обращеніе“, — композиція еще очень простая.

Къ сожалѣнію, неполна надпись п. 527 иѣкоего Фирма изъ Луцеріи, императорскаго периода: въ „обращеніи“ весьма вѣроятно дополненіе *ante me tumulish*]; въ *elogium* — только то обстоятельство, что собственное имя обыкновенно предшествуетъ 3-му лицу шаблона *hic situs est*, а не *per eorum*, заставляетъ издателей дополнять

¹⁾ Стр. 26.

²⁾ Стр. 15.

³⁾ Verna Bufria читаетъ Бюкелертъ; намъ думается, что имя съ личн. — либертини, *Iuentia Hilare*, всетаки не дастъ еще иеремѣнно оснований считать къ мати таковою же; съ другой стороны — что и либертины скрываютъ пакменованіе „честна“, хотя и не въ качествѣ собственнаго имени — видно изъ такихъ примѣровъ, какъ п. 798.

*sit[us est hic]*¹⁾, а не *sit[us sum hic]*; но въ виду такихъ примѣровъ, какъ п. 27: *Attica dis data sum;* п. 267, 1: *Attilia hic sita sum,* и др.—до некоторой степени кажется возможнымъ и дополненіе *Firmus sit[us sum hic]*²⁾, то-есть причисленіе этой надписи къ разбираемой немногочисленной группѣ.

Для комбинаціи „обращенія“ съ *hic iaceo* примѣровъ нѣсколько больше, но всѣ относятся къ императорскому періоду: п. 182³⁾; 340 (небрежной композиції, изъ 4-хъ дистиховъ, изъ концъ 2-й и 3-й слѣдовало бы переставить, такъ какъ „указаніе“ обыкновенно слѣдуетъ непосредственно за „обращеніемъ“; но желаніе выдвинуть контрастъ между „жизнью“ и „смертью“ заставило составителя расположить дистихи наоборотъ; въ концѣ—второе обращеніе къ живущимъ); 422⁴⁾ (устройства аналогичнаго съ п. 182); 512 (рѣдкій образецъ ритмической прозы съ обозначеніемъ имени автора—*ad hominem*, но съ шаблонными вставками); 667 („обращеніе“—метрически правильный шаблонъ+„*elegium aut.*“ *ad hominem* очень плохаго метра съ нѣкоторыми слѣдами шаблона); 1065 (3 стиха плохаго метра—1+1+1); 1124 (очень правильной композиціи, изъ 3-хъ дистиховъ: 1 (обращеніе)+2 (*eleg. aut.*)).

Къ рѣдкимъ случаямъ принадлежитъ п. 584,—5 дистиховъ, изъ концъ 2 первыхъ—шаблонное „обращеніе“ (ср. п. 1269, где пропалъ *elegium aut.*), въ 3 дистихаха—*eleg. aut.*—съ „указаніемъ“ только въ концѣ, такъ что эти 3 дистиха можно было бы почти принять за *eleg. aut.* въ чистомъ видѣ.

Весьма любопытно также римское надгробіе Эліи Сабины, п. 403—императорскаго періода⁵⁾, съ двойнымъ „обращеніемъ“ къ путнику⁶⁾: ст. 3—5 путникъ приглашается *идти мимо* и *не читать* надгробія, обращеніе въ высшей степени рѣдкое; въ ст. 8 и 9 обращеніе повторено, по видимому, съ обратнымъ смысломъ, но, вѣроятно, состави-

¹⁾ Ср. п. 64: *Iulia hic sitast;* п. 140: *Suetrius Hermes hic situs est;* п. 184: *Urbanilla hic sita est,* и др.

²⁾ Плохой метръ надгробія здѣсь конечно не пренятствіе; къ [ado]levit можно дополнить *etas* шев; въ остальномъ текстѣ помѣхи тоже нѣть.

³⁾ Хотя „*hic Sotira iacet*“ не реторизировано, но „*titulis nostris*“ въ общій тонѣ элогія скорѣе подходитъ къ „автобіографіи“; Гюбнеръ относитъ надпись къ II вѣку по Р. Хр.

⁴⁾ „*aetatis Commodianae*,“ Hübner.

⁵⁾ Имена собственныхъ даютъ нѣкоторую возможность отнести его къ II вѣку по Р. Х.

такъ и въ заблужденіе весьма обычный шаблонъ (*iam*) *siste via-*
tor, который здѣсь однако довольно странно противорѣчить мысли
 первого обращенія; самый *elegium aut.* занимаетъ всего 4 стиха. Въ
 римскихъ метрическихъ надгробіяхъ другой подобной эпітафіи намъ
 не известно.

Несоразмѣрно кратокъ сравнительно съ „обращеніемъ“ *elegium*
 aut. въ п. 1225¹⁾), гдѣ мы находимъ тоже два обращенія: къ пут-
 нику и къ „superi“ а *eleg. autob.* всего въ одномъ выраженіи *vixi...*
dum volui bene. Въ такомъ же родѣ былъ, вѣроятно, п. 9²⁾), гдѣ
 впрочемъ отъ элогія собственно осталось очень немного.

Къ разбираемой комбинаціи можно отнести съ иѣкоторою вѣро-
 ятностью и слѣдующіе неполные тексты: п. 30, 103, 591, 1076,
 1348, 1360.

Особнякомъ стоитъ кареагенское надгробіе Северы, п. 216 (В 1606),
 императорскаго периода: „обращеніе“ даетъ въ первыхъ пяти словахъ
 гендекасиллабъ, остальная часть его и дальнѣйшій текстъ — проза,
 писанная „*sermone rustico*“³⁾—*ad hominem*.

Значительно рѣже, какъ мы говорили уже⁴⁾), „обращеніе“ является
 въ самомъ тѣкстѣ надгробія, на своемъ наименіи *естественнымъ*
 мѣстѣ; среди *elegia autobiographa*—это не только меньшинство, но
 и тексты не совсѣмъ обычного устройства.

Естественнѣе другихъ комбинація въ п. 1127⁵⁾), римскомъ над-
 гробіи иѣкоего отпущенника T. Atticus, императорскаго периода: 6
 гекзаметровъ, которые можно раздѣлить на 3 двустишія⁶⁾; въ пер-
 вомъ „обращеніе“, почти навѣрно, не было: его складъ чисто „авто-
 биографический“; во второмъ—„обращеніе“, сколько можно судить, не
 совсѣмъ шаблонной формы (вопросъ), а третій—варіантъ обычной жа-
 лобы на раннюю кончину, такъ что общий тонъ надгробія—скорѣе
elegium autobiographum.

Въ такомъ же родѣ композиція п. 853—надгробія отпущенница

¹⁾ „*aetatis Augustae*“, Hubner.

²⁾ Судя по собственнымъ именамъ—начала императорскаго периода.

³⁾ На нашъ взглядъ, текстъ надписи писанъ не туземцемъ или грекомъ, какъ
 полагаетъ Бюхелеръ, а именно человѣкомъ изъ народа: обороты въ родѣ *qua ge,*
dicis; quia etenim; inodiari apud alqsh.—скорѣе напоминаютъ собою рустиками,
 чѣмъ варваризмами.

⁴⁾ См. стр. 48.

⁵⁾ Неполнота текста не препятствуетъ восстановленію общаго смысла.

⁶⁾ У Бюхелера это дѣление проведено довольно ясно.

Ветрены Фетиды: 4 дистиха ($2+2$), вторая половина начинается „обращениемъ“, заключающимся всего въ словахъ „*ut serpis*“, мало связанныхъ съ остальнымъ текстомъ; и здѣсь следовательно общий *tenor* „автобиографический“, хотя и не *elogium autobiographum* въ собственномъ смыслѣ.

Затѣмъ, за вычетомъ п. 341 (вставка въ срединѣ можетъ относиться и не къ путнику собственно, а къ „живущему“; въ концѣ—вѣроятно, обычная просьба о пожеланіи *terras levis*) и п. 1060 (фрагментъ, гдѣ 1-й и 2-й стихи могли быть связаны въ одно „обращение“), наше вниманіе останавливается римское надгробіе отпущенника Онтата, п. 447, начала императорскаго періода,—центонъ изъ двухъ эпиграммъ: I = ст. 3—8 и II = ст. 9—16; первая кончается шаблонной просьбой къ путнику или читателю о пожеланіи *terras levis*, и такимъ только образомъ „обращение“ оказалось въ срединѣ всего надгробія.

Гораздо чаще, чѣмъ *въ срединѣ*, хотя иѣсколько реже, чѣмъ *въ началѣ*, встречается „обращеніе“ *въ конецъ* надгробія, гдѣ оно, какъ и слѣдуетъ ожидать, имѣть иѣсколько иной видъ и характеръ, чѣмъ въ началѣ. Въ самой Пакувьевой эпиграммѣ, какъ мы видѣли,—двойное „обращеніе“: въ началѣ—съ просьбой о прочтении надгробія, въ концѣ—подтверждение „прочитаннаго“ въ „прощаніе“ съ путникомъ (*vale*),—комбинація въ высокой степени простая и естественная.

Очень схожее съ этимъ вторымъ „обращеніемъ“ въ концѣ надписи имѣмъ мы только въ одномъ примѣрѣ,—въ Телесийскомъ надгробіи рабыни или отпущенницы¹⁾ Аполлоніи, п. 281, II или III вѣка по Р. Х.: 10 недурныхъ стиховъ (*elog. autob. типа „hic quiesco“*) заключаются 11-мъ стихомъ: „*haec sunt. bene vive, viator!*“, стоящимъ вѣтъ метрической системы надгробія ($2+2+2+2+2$)²⁾.

Иѣсколько чаще, какъ и естественнѣе, *elogium autobiographum* заключается „обращеніемъ“ въ видѣ *пространо прощанія* съ путникомъ, на что и послѣдний иногда отвѣчаетъ тѣмъ же: п. 409 (ритмическая проза смѣшанной композиціи: *titulus narrativus + elog. autob.*, заключающаяся словами „*vale viator.*“ „*et tu vale*“)³⁾; п. 418⁴⁾

¹⁾ Одно имя въ жестѣ надписи употребительно и у либертиновъ: п. 68, 74 и др.

²⁾ Ср. Бюхелера *ad tit.*

³⁾ См. выше стр. 30 + пот.

⁴⁾ Ср. *Zander*, оп. с. р. 70.

(„vale.“ „salve“); п. 677 (ритмическая проза такой же композиции, какъ и п. 409; въ концѣ „ave.“ „vale viator“).

Но самый обыкновенный типъ „обращенія“ въ концѣ надгробія—это просьба покойного къ путнику о сожалѣніи, пролитіи слезъ, о пожеланіи ему, покойному, чего либо соответственного его *status*: вѣчного покоя, „легкой земли“¹⁾ и т. п. Мы не считаемъ случайнымъ этого обстоятельства, что за вычетомъ нѣкоторыхъ неполныхъ текстовъ, какъ напримѣръ п. 207²⁾, 768, 1276 (сохранилось только „обращеніе“), и сравнительно рѣдкихъ примѣровъ, въ родѣ п. 304, гдѣ *elegium autob.* дается въ чистомъ видѣ,—наши остальные надгробія этого рода даютъ типъ „указательный“³⁾.

„Указание“—въ простой ли, или въ реторизированной формѣ—уже по самой идее предполагаетъ „зрителя“ или „читателя“ въ большей степени, чѣмъ типъ „попѣствовательный“; довольно естественно поэтому въ концѣ такого текста обращеніе къ лицу, присутствію котораго уже предполагалось выше.

Сюда относятся⁴⁾ пп. 1145 (типа *hic situs sum*: дополненіе *fui* въ началѣ намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ *fuit*, по метру возможное); 124, 599 (типа *hic iaceo*); 365, 1066 (типа *hic tecum esco*), и п. 1119 (*hoc titulo contegor*).

Нерѣдко въ этомъ конечномъ обращеніи покойный самъ желаетъ путнику или читателю чего либо,—обыкновенно не испытать такого же или подобнаго несчастія: п. 124 (*sic similem titulum natu non astribere possis*); п. 899 (типа *hic iaceo*; въ концѣ: *quicunque leget, nolo experiar luctum...*); п. 1276 (*sorte vacere mea*), но часто—просто „благополучія“: п. 872⁵⁾ (*bene rem geras et valeas, dormias sine qua*); п. 1094 (*bene valeat is qui—perlegit*); п. 1095 (*bene sit tibi qui me legeris*).

Довольно также обыкновенно въ концѣ надгробій особенно императорскаго периода, „обращеніе“ въ видѣ какой либо сектенциі; наиболѣе любими эпикуреизмы въ родѣ п. 242 (конца республики: *valebis, hospes: veive tibi: iam tempus venit*); п. 668 (*bonam vitam vive,*

¹⁾ Голос Алафра въ греческихъ надгробіяхъ, напримѣръ *Kaibel*, п. 185.

²⁾ Очень вѣроятно, *elegium autob.* здѣсь быть въ чистомъ видѣ; въ п. 763—скорѣе указательного типа.

³⁾ Формула указаний можетъ быть и не въ самомъ началѣ текста.

⁴⁾ Всѣ императорскаго периода.

⁵⁾ „Указание“—въ словахъ: *hoc est factum monumentum*.

quare post obitum [nihil]); п. 1110 (*fruere, dunc vita data est*), или п. 141 (*mortalem te esse memento: nam nulli fas est excedere fata*); п. 435 (*ambula et te esse hominem fac memineris*); п. 767 (*huc omnis turba ruit*); п. 821 (*naturaes persolvi debitum*).

Очень рѣдко, какъ и естественно, „обращеніе“ въ концѣ сообщаєтъ какуюнибудь автобиографическую деталь, въ родѣ п. 1120 (*decepit nendacis fama mathematici*).

Особнякомъ слѣдуетъ поставить римское надгробіе Геминіи Агаты, п. 1109, съ замѣтными слѣдами *sermonis plebei*: длинный и довольно несложный по метру и содержанию *elogium autobiographum*, заключающійся такою формой „обращенія“, какая употребительна только въ началѣ надгробія, съ присоединеніемъ еще арритмической сентенціи о незбѣжности смерти: заключеніе центоннаго устройства.

Вполнѣ естественно конечно въ концѣ надгробія „обращеніе“ въ акростихѣ, въ родѣ п. 1103 (*lunge versuum exordia*); но и здесь иногда встречаются въ концѣ сентенціи, какъ въ п. 1138. И наконецъ, довольно часто, какъ въ Пакувіевої эпиграммѣ, „обращеніе“ дѣлается дважды: въ началѣ и въ концѣ надгробія¹⁾.

Мы конечно не въ правѣ ожидать, чтобы эта комбинація дала какія либо новыя явленія, сравнительно съ предыдущими; и действительно, ея главнейшія разновидности тѣ же, что мы видѣли въ раньше.

а) „обращеніе“ + *elog. autob.* + просьба къ путнику.

Сюда относятся п. 149²⁾), (*semper nostri meminisse velitis*); п. 376 (длинное и несложное римское надгробіе сына центуріона: въ концѣ „просьба“: *mihi terram levem optetis*, и „пожеланіе“: *vobis dii fortunam beatam praestent*; п. 395 (извѣстное римское надгробіе отпущенницы Лиципіи Евхариды, начала Августова времени; въ концѣ: *rogo, ut discedens terram mihi dicas levem*); п. 699 (центръ; въ концѣ: *miserete iacentis, et dic: s. t. t. l.*); п. 730 (текстъ неполонъ, но въ концѣ было: *dic cineri terra sit usque levis;*) п. 1064 (*dic: s. t. t. l.*); п. 1073 (*infunde lacrumas*); п. 1140 (*dicere ne rigeat: molliter ossa cubent*). Въ большинствѣ этихъ надгробій (пп. 149, 376, 395, 1064, 1140) „указаніе“ болѣе или менѣе ясно.

¹⁾ Ср. *Kaibel*, п. 120, 125, 314, и др.

²⁾ Собственно обращеніе къ *ищепес*, ср. выше, стр. 40+примѣчаніе 6.

б) „обращеніе“ + e log. autob. + пожеланіе путнику.

Примѣрами служать: п. 309 (Августова времена; въ концѣ: *nil simile aspicias*); чаще—пожеланіе „благополучія“¹⁾: п. 376 (см. выше); п. 412 (*apud superos vivas... felix*); п. 1017 (*valete et bene facite vobis*); п. 1083 (*opto ut seis felicior*); п. 1148 (*hospes, vive vale, etc.*); п. 1152 (рѣдкая форма *двойного* пожеланія: путнику и себѣ самому: *sit tibi lux dulcis, et mihi terra levis*).

в) „обращеніе“ + e log. autob. + сентенція.

Сюда принадлежать: п. 88 (1 *nunc*²⁾ *et quicquam—opta: absu-*
met—singula sarcophagus); п. 280 (*bene vive, propora: huc est veni-*
*endum tibi*³⁾); п. 587 (*huc omnes veniunt*); п. 761 (акростихъ;⁴⁾ въ
 концѣ *et vos venietis ibidem, etc.*); п. 840 (*vive dum licet*); п. 1073
 (см. выше; въ концѣ: *vive, quoad fieri potest*); п. 1075 (*bene facito,*
dum fatum venit); п. 1180 (варіантъ Гораціевскаго *pulvis et umbra*
sumus); п. 1155 (ср. п. 587); п. 1160 В (сравненіе человѣка съ
 плодомъ). Сюда же мы относимъ и п. 84, гдѣ за обращеніемъ слѣ-
 дуетъ „повѣсть“, и „автобіографіческій“ элементъ видѣнъ только
 въ ст. 13 (*mihi*).

Къ отдельнымъ, болѣе рѣдкимъ разновидностямъ этой комбинаціи относятся: п. 589 (въ концѣ просьба къ путнику о передачѣ живу-
 щимъ просьбы покойнаго прекратить сѣтованія); п. 910 (въ концѣ
 обращеніе къ другу); п. 1117 (въ концѣ—отвѣтъ на вопросъ путника).

Сходна съ вышеуказаннымъ п. 1109 форма „обращенія“ въ концѣ
 п. 1160 А, писанаго также отчасти *sermone plebeio: nomen si quaer-*
gis, etc.: надпись не акrostихъ.

Къ большинству рѣдкостямъ принадлежитъ также испанское надгро-
 біе 20-тильтней Ники, п. 1061, императорскаго периода: почти вся
 надпись состоитъ только изъ одного „обращенія“, куда вплетена и

¹⁾ Въ этомъ перевѣсѣ многое конечно сѣдуетъ отнести на долю случайности.

²⁾ Примѣры этой формулы собраны у *Lease, Amer. Journ. of philol.* XIX,
 1, р. 59 *et seqq.*

³⁾ О метрѣ этой надписи ср. *Zander*, оп. *cit. p. CXXIX.*

⁴⁾ Въ текстѣ надгробія изъ нашего соборника по амиѳ метроплазма въ концѣ страницы вышла стихъ 8-й: *Vt miro ingenio sacr(a) symbal(a) conciperui*, на
 который есть ссылка въ аппаратѣ.

,автобиографія“, и просьба о сътвованії, и пожеланіе путнику (*vivas pluribus, etc.*), и наконецъ сентенція (*qui legis, ipse legeris*): надпись, очевидно, *ad hominem*.

Доселѣ мы знакомили читателя съ тремя наиболѣе обычными и употребительными формами типа *elegii autobiographi*; намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ менѣе часто встрѣчающихся его разновидностяхъ.

Къ разряду *elegia autobiographa* въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ слѣдуетъ еще отнести свойственный надгробіямъ императорскаго пречепа сильно-реторизированный шаблонъ: *ille ego qui*, вводящій сою *„автобиографію“*.

Какъ известно, одна изъ функций въ сугубой степени указательного *ille*¹⁾—подчеркивать въ видѣ своего рода указательной эпизодики одно изъ понятій или терминовъ въ предложеніи; это можетъ быть, и бываетъ обыкновенно, имя: *Medea illa, domus illa*, но иногда и другая часть рѣчи, даже нарѣчіе или частница: *multum ille et terris lactatus et alto; non ille — timidus perire*²⁾, и др.

По видимому, плеонастическая, но въ сущности съ той же функцией стоитъ такое *ille* при *мѣстоположеніяхъ*: *instat hic pinc ille annus egestius*³⁾; частностью этого послѣдняго употребленія является *ego ille*: Plin. EpI. I, 6, 1: *ego ille, quem nosti, apres tres et quidem pulcherrimos serpi*⁴⁾.

Весьма удобно дактилизованное *ille ego (qui)* встрѣчается уже у поэта Августова вѣка⁵⁾: Ovid. Met. I, 756: *ille ego liber, ille*

¹⁾ Ср. Drdger, H. S. I, p. 85, § 42.

²⁾ Hor. Od. IV, 9.

³⁾ Cie. Att. I, 18, 4; ср. надпись п. 858, ст. 6: *Caecilius Niger est hic ille serpuitus ad undas*.

⁴⁾ Ср. аппаратъ у Лейля ad loc.

⁵⁾ Извѣстное: *ille ego qui quondam etc.* во времена возможно. Любопытно въ этомъ отношеніи стихотвореніе того же Овидія, Trist. IV, 10, представляющее собою типичный „*elegium autobiographum*“, изъ 3-хъ шаблонныхъ частей: ст. 1, 2—„обращеніе“ (*ille ego qui fuerim tenerorum lusor amogum; quem legis, ut nosc, accipe posteritas*); ст. 3—180 извѣстная „автобиографія“ поэта, ст. 181, 132 „обращеніе“ къ читателю. Что вся пьеса могла бы быть по своему устройству и тону отличнымъ надгробіемъ—всичко понятно; ср. стихи 3, 5, 81, 71, 78, 87, 129 и др., для которыхъ найдется не мало аналогій въ действительныхъ *carmina veritralia*.

ферах таси; въ надписахъ же исключительно въ дактилическомъ метрѣ.

Къ наиболѣе чистымъ образцамъ этого шаблона относятся: п. 625 Остийское надгробіе Т. Элія Деметрія, времени Антонина Піа¹⁾: *ille ego Demetrius, etc.*, пышный, но нескладный текстъ со слѣдами зегмона *plebei*; въ концѣ только метръ переходить въ плохіе сенары; п. 1071—нанесенное Пашноиское надгробіе Батавскаго стрѣлка, времени Адріана: *ille ego quondam—robi qui, etc.*; только въ концѣ „указаніе“: „hic situs“ (sum); въ такомъ же родѣ римская надпись „претора“ Кассія Агрипіна, времени Траяна, п. 1089: *ille ego, qui quondam²⁾ colui, съ „указаниемъ“ въ концѣ: hic sum; п. 1091—тоже римская надпись (почетная) Арадія Прокула Популонія, консула 340 г. по Р. Х.: *ille ego sum Proculus, etc.*; п. 1104: *ille ego Alexander—съ „указаниемъ“: hic mea ossa requiescant.**

Формула *ille ego (qui)* можетъ и не начинать собой надгробія, хотя всетаки обыкновенно она поимѣщается болѣе или менѣе близко къ началу: п. 650: *hic situs ille ego sum, etc.*; п. 465: С. Т. Р. *non minor ille annos qui vitae in quo, etc.³⁾*; въ п. 548 „*ille ego qui*“ начинаетъ собой 3-й стихъ: надгробіе неважнаго метра, съ сантепціей въ концѣ; въ п. 1101—*ille ego qui* стоитъ даже въ началѣ 5-го стиха, но первые 4 есть своего рода „обращеніе“; еще яснѣе это видно изъ п. 93⁴⁾, гдѣ послѣ формального „обращенія къ путьнику“ въ 2 стиха идетъ собственно *elegium aut.*, начинающійся *illa ego quae—fueras, etc.*, въ 4 дистиха. Такого же, нѣсколько центоннаго устройства п. 272, только въ немъ „обращеніе“ (1 дистихъ)—въ концѣ, а *eleg. aut.* начинается прямо формулой *ille ego qui*.

Къ очень рѣдкимъ разновидностямъ этого шаблона нужно отнести сочетаніе *hic ego qui* въ п. 1162: *hic ego qui sine voce loquor;* въ такомъ же родѣ п. 1138: *hic ego qui taceo, но здѣсь *hic* могло быть вызвано и акростихомъ; обѣ надписи довольно позднаго времени⁵⁾.*

¹⁾ Ср. *Sagmat*, Ер. р. 190.

²⁾ Одинъ изъ древнѣйшихъ пріимѣровъ этого сочетанія словъ.

³⁾ Въ среднѣ—обращеніе къ „зрителю“.

⁴⁾ „*aetatis Tiberianae*“ по Гюбнеру: одинъ изъ наиболѣе древнихъ пріимѣровъ формулы *ille ego qui* въ надписахъ; собственные имена: *Atimetus, Pamphili, Ti. Caesaris Aug. I(iberti) I(ibertus)* указываются на то же время.

⁵⁾ Не слѣдуетъ исправлять въ п. 1108, 2 *idem ego sum* въ *ille ego sum*; въ п. 628 въ началѣ *ille ego* возможно въ текстѣ, писанномъ отчастки зегмона *plebeio*; смѣщеніе 3-го и 1-го лица здѣсь не удивительно.

Изъ соединенія болѣе древней „помѣтствательной“ формы элогія съ болѣе новою, реторизированною, возникаетъ довольно рано смѣшанный типъ, *помѣтствательно-автобиографический*, первымъ примѣромъ котораго является надгробіе Эннія¹⁾.

Въ большинствѣ примѣровъ этого типа „помѣтствательная“ часть *предшествуетъ* „автобиографической“, явленіе, конечно, далеко не случайное, хотя въ значительномъ количествѣ случаевъ комбинація эта имѣеть довольно механическій характеръ²⁾.

Прекрасное понятіе объ этомъ типѣ даетъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ дѣйствительныхъ надписяхъ его примѣровъ, п. 457—римское надгробіе неизвѣстной³⁾ дочери нѣкоего отпущенника Кв. Ранція Прота, первой половины I вѣка до Р. Х. Надпись состоитъ изъ 2-хъ главныхъ частей: ст. 1—11—*elegium narrativum* съ вѣроятнымъ „указаниемъ“ въ началѣ, и съ упоминаніемъ о „*luctus parensitum*“ въ концѣ; ст. 12—17 часть „автобиографическая“ (ср. ст. 14, 15), въ видѣ обращенія покойной къ „живущимъ“ съ просьбой о прекращеніи „плача“ и съ завѣтами мира (ср. п. 471); связующее понятіе—плачъ по усопшемъ; надгробіе заканчивается *extra sepulchrum* краткими (ст. 18—20) упоминаніемъ о лицахъ, поставившемъ памятникъ.

Но такое все же не вовсе механическое соединеніе обѣихъ частей довольно рѣдко: п. 1029 (*occidit septem mensibus atplicitis, quos super atvixsi etc.*⁴⁾; п. 1110 (*fuit hic vita nitidus.... nunc levius iaceo, etc.*⁵⁾). Значительно чаще связь эта ничѣмъ не выражена, и надгробіе носить поэтому нѣсколько центонный характеръ: п. 380 (ст. 6: *Surilla ego sum*—какъ бы въ началѣ „автобиографіи“); п. 832 (ст. 4 и 5 = весьма нерѣдкій самостоятельный шаблонъ); чаще—прептестоу碌ий „*titulus narrativus*“ имѣть „указательную“ форму; къ древнѣйшимъ примѣрамъ—начала императорскаго периода—относятся: п. 1111⁶⁾ (*haec est, quae vixit...*); п. 1072 (*inclusa hoc tumulo...*); п. 946 (*ossa hic sita sunt*: для стиха двухъ шаблоновъ); п. 64 (*femina optima hic sitast*); болѣе позднѣе примѣры: п. 60 (*hic sita est*

¹⁾ См. выше стр. 36 и указанные тамъ примѣры; ср. еще стр. 88. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы беремъ только наиболѣе рельефные случаи.

²⁾ Про Энніеву эпиграмму, какъ мы видѣли (стр. 87) этого сказать нельзя.

³⁾ Не смотря на соблазнительность догадки *sermonis plebei*, всетаки отсутствіе имени собственнаго въ началѣ архаического надгробія мало вѣроятно.

⁴⁾ *Atroxissi* менѣе вѣроятно и палеографически.

⁵⁾ Оба надгробія—*sermonis plebei*.

⁶⁾ Матеріальгъ—„*lapis Tiburtinus*“.

Р.); п. 21 (*hos lapide tegitur A.*); п. 409 (*Antonius hic facet*); п. 821 (*[his tegitur] tumulis...*). Трудность соединения обоих типов въ этихъ примѣрахъ не преодолѣна, и, вѣроятно, настоятельной потребности въ томъ и не чувствовалось.

Гораздо рѣже, какъ и естественно, „повѣсть“ занимаетъ второе мѣсто, какъ въ африканскихъ надгробіяхъ п. 197 (гдѣ метръ прошавшей части допускаетъ и *fuit*, и только тонъ первой пары дистинкций, а равно и аналогія¹⁾), говорить въ пользу возстановленія *fui*), п. 182 (вѣроятное возстановленіе *titulus-nostris*, гдѣ *nostris* скорѣе должно быть отнесено къ покойному, чѣмъ къ поставившему памятникъ), въ п. 711 (оригинальной композиціи: покойный самъ обращается (*dixit*) къ себѣ же самому²⁾), какъ къ человѣку, а затѣмъ переходить въ „повѣсть“: *hic situs est patriae*); изъ этихъ оригинальныхъ и притомъ африканскихъ примѣровъ конечно ничего опредѣленного вывести невозможно.

Особнякомъ нужно поставить римскую надпись Бассы, жены иѣкоего моста Лаберія³⁾ п. 97, вычурный центоанъ, гдѣ неизвѣстный піита щегольнулъ своими версифіаторскими способностями: ст. 1 — 3 „повѣсть“; ст. 4, 5,—обращеніе мужа къ усопшей женѣ объ „уготованіи“ жилища; ст. 6 — 12 продолженіе въ другомъ метрѣ⁴⁾; ст. 13—16 — „повѣсть“ + реторизированная „сентенція“; все выѣсты весьма ходульно и натянуто, хотя отдѣльные части — не безъ аналогій.

Наконецъ продуктомъ соединенія довольно древней формы „ад-лоциум“⁵⁾ съ „автобіографіей“ является тоже смѣшанный типъ, имѣющій видъ и устройство *diалога*.

Въ этой группѣ слѣдуетъ отмѣтить прежде всего два вида: 1) обыкновенная надгробія, болѣе или менѣе простыя, мѣстами шаблонныя по композиціи и краткия по объему, и 2) пышная *мазо-лайная* надпись *ad hominem*, гдѣ „диалогъ“ облекается въ совершенно литературную форму.

¹⁾ Ср. п. 81. 804. 1120, и др.

²⁾ „Обращеніе“ здѣсь не къ путнику, и *какъ es* не слѣдуетъ исправлять въ *какъ же es*.

³⁾ „aetatis Antoninianae“, Hübner.

⁴⁾ Ст. 6: соединеніе: *et in spica casiaes* (=thymelaeae), *et (in) beneodora stacta* (*et in* аномо); вычурность такого соединенія въ подобномъ произведении дѣло обыкновенное.

⁵⁾ Ср. надгробіе Сцикіона фламинія, п. 1171, умершаго около 170 г. до Р. Хр.; пріемъ, свойственный *laudationibus funebris*, *Vollmer*, *Land. fun.* p. 496 sqq.; за „*laudatio funebris*“ онъ склоненъ признавать и п. 1179 (*Vollmer*, p. 525, п. 19).

Хорошее понятие о первой разновидности дает п. 7, испанское надгробие, въ два дистиха, весьма простое и симметричное по устройству; почти таково же по объему и симметрии африканское надгробіє Юлія Фортунаты, п. 173; еще проще п. 1328,—разговоръ между покойнымъ и путникомъ¹⁾.

Иногда такой „диалогъ“ имѣть форму взаимного обмѣна пріятствий между покойнымъ и живущими: п. 116 (*have — have*), или двухъ „автобіографій“: п. 112. 146. 240 и др.,— но подобные композиціи относятся къ рѣдкостямъ²⁾.

Къ менѣе чистымъ разновидностямъ „диалога“ относятся: п. 128 („повѣсть“ вплетена въ „обращеніе“, за которымъ слѣдуютъ слова покойной); п. 861 (вторая часть — въ 8-мъ яицѣ), п. 718 (при всей отрывочности и неполнотѣ текста видно, что вторая часть не есть прямая реплика на первую).

Иное дѣло надписи мавзолейного типа, гдѣ „диалогъ“ облекается въ гораздо болѣе вычурную форму. Еще проще другихъ римская надпись четы Атимета и Гомонэи, первой половины I вѣка по Р. Х., п. 93,—двойной „диалогъ“, но съ множествомъ шаблонныхъ частностей; за то дѣлъ надписи: п. 876 и п. 55 — представляютъ изъ себя настоящія *„carmina docta“*, которая могли бы легко быть предметомъ специального и довольно обширного комментарія, особенно второе.

Кромѣ этихъ образцовъ, гдѣ „диалогъ“ составляеть самое сердце самъ по себѣ, есть не мало примѣровъ, гдѣ „диалогъ“ является лишь частью надгробія, въ родѣ извѣстнаго *„vale“*, *„et tu“* (п. 409 и *passim*), п. 575 (двойной диалогъ покойной—съ матерью и путникомъ), п. 663 (покойный и путникъ) и др.³⁾.

И. Ходоринъ.

¹⁾ Сентенція *veniundis est*, правда, иногда влагается въ уста покойному п. 1290. 1325 и др.; но въ нашей надписи намъ кажется естественнѣе отнести ее къ путнику, иначе диалогъ выйдетъ слишкомъ отрывочнымъ, да и *точнѣе* оспію не совсѣмъ—адѣмо, *refugio*, *negilo* и т. п.: въ устахъ одною антитеза выходитъ ярче.

²⁾ Носятъ даже строго говоря—и не „диалогъ“ въ собственномъ смыслѣ.

³⁾ Любопытнѣй африканскій образецъ (проза), с. VІІІ, 9518 — „диалогъ“ въ видѣ „корреспонденціи“ между покойной и живущими, напоминающій извѣстный диалогъ Тирса и Лабеона.

- общество испытателей природы.—1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 133—146.
6410. Императорское Московское общество испытателей природы.—1870, ч. 150, августъ, отд. II, стр. 320—327.
6411. Обзоръ дѣятельности Имп. Москов. общества испытателей природы въ 1877 — 1878 году,—1878, ч. 200, декабрь, отд. IV, стр. 212—216.
6412. Императорское Московское общество испытателей природы въ 1884—1885 годахъ. — 1885, ч. 242, декабрь, отд. IV, стр. 132—134.
6413. Годичный отчетъ Императорскаго Московскаго общества испытателей природы за 1889 — 1890 г.—1891, ч. 273, январь, отд. IV, стр. 8—13.
6414. Московское Математическое общество.—1869, ч. 142, мартъ, отд. II, стр. 250—261.
6415. Торжественное собрание Императорскаго С.-Петербургскаго минералогического общества. — 1867, ч. 133, январь, отд. III, стр. 112—115.
6416. Русское химическое общество.—1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 443 — 450; ч. 143, июнь, стр. 409—414; ч. 146, декабрь, стр. 352 — 359.
6417. Русское химическое общество.—1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 148—154; ч. 149, июнь, стр. 450 — 459.
6418. Русское зоологическое общество.—1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 453—456; ч. 142, апрѣль, стр. 450; ч. 143, июнь, стр. 414 — 415; ч. 146, декабрь, стр. 359—360.
6419. Русское зоологическое общество.—1870, ч. 148, мартъ, отд. II, стр. 146—148.
6420. Московская антропологическая выставка 1879 года.—1879, ч. 203, май, отд. IV, стр. 52—65.
6421. Эстонское ученое общество въ Дерптѣ.—1883, ч. 230, декабрь, отд. IV, стр. 63—66.
6422. Съезды и собрания ученыхъ и другихъ обществъ за границею. (Британская ассоциація для развитія науки. Засѣданіе Лондонскаго королевскаго института. Съездъ по соціальнымъ наукамъ въ Манчестерѣ. Парижская академія наукъ. Парижскія общества: географическое и политico-экономическое. Общество французской исторіи. Берлинская академія наукъ. Берлинское географическое общество. Франкфуртское общее собрание учителей. Собрание учителей въ Гильдесгеймѣ. 6 лѣта дѣятельности Лейпцигскаго педагогическаго общества. Общество „Народная школа“ въ Вѣнѣ. Общество „Средняя школа“. Швейцарское собрание учителей).—1867, ч. 135, июль, отд. III, стр. 98—129.
6423. Изъ отчета Императорской публичной Библиотеки.—1870, ч. 152, декабрь, отд. II, стр. 254—264.
6424. Императорская публичная Библиотека въ 1875 г. 1876, ч. 188, ноябрь, отд. IV, стр. 59—61.
6425. Императорская Публичная Библиотека въ 1876 г.—1878, ч. 198, июль, отд. IV, стр. 5—16.
6426. Императорская Публичная Библиотека въ 1877 г.—1879, ч. 204, июль, отд. IV, стр. 46—53.
6427. Императорская Публичная Библиотека въ 1878 г.—1880, ч. 207, январь, отд. IV, стр. 1—11.
6428. Императорская Публичная Библиотека въ 1880 г. — 1883, ч. 225, январь, отд. IV, стр. 24—33.
6429. Императорская Публичная

- Библиотека въ 1881 г.—1883, ч. 227, май, отд. IV, стр. 1—10.
6430. Императорская Публичная Библиотека въ 1882 г.—1884, ч. 232, мартъ, отд. IV, стр. 1—17.
6431. Императорская Публичная Библиотека въ 1883 г.—1885, ч. 241, октябрь, отд. IV, стр. 19—29; ч. 242, ноябрь, стр. 16—24.
6432. Императорская Публичная Библиотека въ 1884 г.—1887, ч. 252, июль, отд. IV, стр. 1—15.
6433. Императорская Публичная Библиотека въ 1885 г.—1888, ч. 259, октябрь, отд. IV, стр. 23—31.
6434. Императорская Публичная Библиотека въ 1886 г.—1889, ч. 261, январь, отд. IV, стр. 1—12.
6435. Императорская Публичная Библиотека въ 1887 г.—1890, ч. 268, апрѣль, отд. IV, стр. 38—58.
6436. Императорская Публичная Библиотека въ 1888 г.—1891, ч. 276, юль, отд. IV, стр. 1—22.
6437. О состояніи Виленской Публичной Библиотеки въ 1871 г.—1872, ч. 161, май, отд. IV, стр. 1—10.
6438. Виленская Публичная Библиотека въ 1880 г.—1881, ч. 216, августъ, отд. IV, стр. 57—60.
6439. Археологический съездъ въ Москвѣ.—1869, ч. 141, январь, отд. II, стр. 269—277; ч. 142, мартъ, стр. 252—256.
6440. Второй Археологич. съездъ.—1872, ч. 159, январь, отд. IV, стр. 1—87.
6441. Четвертый Археологический съездъ въ Казани.—1878, ч. 195, февраль, отд. IV, стр. 118—134; ч. 196, мартъ, стр. 36—82.
6442. О приготовительныхъ работахъ къ Археологическому съезду въ Тифлисѣ въ 1881 г.—1880, ч. 207, январь, отд. IV, стр. 12—16.
6443. Л. Н. Майковъ. Пятый Археологический съездъ въ Тифлисѣ.—1882, ч. 219, февраль, отд. IV, стр. 17—46; ч. 220, мартъ, стр. 30—58.
6444. И. В. Помяловскій. Шестой Археологический съездъ въ Одесѣ, 1884 г.—1885, ч. 237, январь, отд. IV, стр. 1—28; ч. 238, мартъ, стр. 1—56.
6445. Седьмой Археологич. съездъ въ Ярославлѣ.—1888, ч. 265, февраль, отд. IV, стр. 46—70.
6446. Ш. Ф. Шимурло. Восьмой Археологический съездъ въ Москве.—1890, ч. 269, май, отд. IV, стр. 1—47, юль, стр. 83—146.
6447. Первый съездъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ 1889—1890 гг.—1891, ч. 278, декабрь, отд. III, стр. 19—39.
6448. Второй съездъ русскихъ естествоиспытателей.—1869, ч. 145, сентябрь, отд. II, стр. 124—138.
6449. Шаг. Романовскій. Шестой съездъ естествоиспытателей и врачей (несколько статистическихъ данныхъ).—1880, ч. 208, мартъ, отд. IV, стр. 24—28.
6450. В. Вельяминовъ-Зерновъ. Четвертый международный съездъ ориенталистовъ во Флоренціи.—1879, январь, ч. 201, отд. IV, стр. 1—13.
6451. Варонъ Е. Р. Розенъ. Седьмой международный съездъ ориенталистовъ въ Вѣнѣ.—1887, ч. 249, январь, отд. IV, стр. 1—31.
6452. М. Е. Зембницъ. Кельнскій съездъ по дѣламъ слѣпыхъ.—1889, ч. 281, февраль, отд. III, стр. 25—40.
6453. Съездъ Германскихъ философовъ въ 1868 г.—1869, ч. 144, юль, отд. II, стр. 227—230.
6454. Н. Калачевъ. Отчетъ г. предсѣдателя первого съезда русскихъ юристовъ въ Москвѣ.—1875, ч. 181, сентябрь, отд. IV, стр. 1—7.
6455. Л. Л-ръ. Обзоръ современ-

- ныхъ явленій въ области ученой литературы во Франції. — 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 363—397.
6456. Л. Л.-ръ. Письмо изъ Парижа. (Новости ученых). — 1875, ч. 178, отд. IV, мартъ, стр. 78—80, апрѣль, стр. 137—144.
6457. Л. Л.-ръ. Письмо изъ Парижа. (Новости научных). — 1875, ч. 180, юнь, отд. IV, стр. 115—121.
6458. Л. Л.-ръ. Письмо изъ Парижа. (Новости ученых). — 1876, ч. 188, ноябрь, отд. IV, стр. 91—98.
6459. Л. Л.-ръ. Письмо изъ Парижа. (Литературно-научные новости). — 1882, ч. 220, мартъ, отд. IV, стр. 59—64.
6460. Л. Л.-ръ. Письмо изъ Парижа. ноябрь, 1884 г. (Ученописательные новости). — 1884, ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 125—133.
6461. Л. Л.-ръ. Письмо изъ Парижа. (Новости научных). — 1891, ч. 273, январь, отд. IV, стр. 14—21.
6462. Л. Л.-ръ. Письмо изъ Парижа (Собрание провинциальныхъ ученыхъ обществъ въ Парижѣ. Новости ученых). — 1876, ч. 179, маи, отд. IV, стр. 88—47.
6463. Л. Л.-ръ. Письмо изъ Парижа. Маи. (Собрание провинциальныхъ обществъ. Ученые новости). — 1877, ч. 191, юнь, отд. IV, стр. 142—148.
6464. Ш. Т. Письма изъ Рима. (Политическое и экономическое положение Италии). — 1890, ч. 269, юнь, отд. IV, стр. 216—225.
6465. Ш. Т. Письмо изъ Италии въ Римъ, юль, 1890. (Положеніе папы по отношенію къ римскому правительству). — 1890, ч. 271, сентябрь, отд. IV, стр. 44—52.

B. Рецензіи.

6466. Отчетъ Императорской Археологической комиссіи за 1875 годъ. Атласъ, VII таблицъ. Сиб. 1878.—Реп. Э. Шульца. 1879, ч. 201, февраль, отд. V, стр. 82—86.
6467. Протоколы засѣданій Археографической комиссіи 1841—1849 г. Вып. II. Слб. 1886.—Рец. 1886, ч. 241, мартъ, отд. II, стр. 225. (Кн. новости).
6468. Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи, № 13 (годъ пятый), подъ редакціей Арефія Марковича. Симферополь. 1891.—Реп. 1891, ч. 277, сентябрь, отд. II, стр. 280. (Кн. новости).
6469. Отчетъ Московского публичного и Румянцевского музеевъ за 1873—1875 года, представленный директоромъ музеевъ г. министру народного просвѣщенія. М. 1877.—Рец. 1877, ч. 192, августъ, отд. II, стр. 322—332.
6470. Извѣстія Кавказского общества исторіи и археологии, издаваемыя подъ редакціей Д. Бакрадзе и Е. Вейденбаума. I. Тифлис. 1882.—Рец. въ статьѣ Д. Анукиши: Доисторическая археология Кавказа.
6471. Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. II. Издана подъ редакціей Н. П. Дашибекова и А. И. Соболевской. Киевъ. 1888.—Рец. 1889, ч. 261, февраль, отд. II, стр. 423. (Кн. новости).
6472. Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга третья. Издана подъ редакціей Н. П. Дашибекова. Киевъ.—Рец. 1889, ч. 264, юль, отд. II, стр. 201—202. (Кн. новости).
6473. Чтенія въ историческомъ обществѣ

- стив Нестора літописца. Книга IV. Издана подъ редакціей Н. П. Дашкевича. Киевъ. 1890.—Рец. Е. Н. Вестужева-Рюминка. 1890, ч. 271, октябрь, отд. II, стр. 410—412.
6474. Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора літописца. Ки. V. Издана подъ редакціей М. Ф. Владимірско-Буданова. Киевъ. 1891.—Рец. 1891, ч. 277, сентябрь, отд. II, стр. 278—279. (Ки. новости).
6475. Сборникъ Русскаго Историческаго общества. Т. III. Спб. 1868.—Рец. 1869, ч. 143, май, отд. II, стр. 241—250.
6476. Сборникъ Императорскаго Русскаго Исторического общества. Т. XVII. 1876.—Рец. 1876, ч. 188, ноябрь, отд. II, стр. 164—170.
6477. Сборникъ Императорскаго Русскаго Исторического общества. Т. XXIII. (Переписка императрицы Екатерини II). Спб. 1878.—Рец. Н. И. 1878, ч. 200, ноябрь, отд. II, стр. 220—224.
6478. Сборникъ Императорскаго Русскаго Исторического общества. Т. XXXIV. Спб. 1881.—См. статью А. Врижнера. Отношения Россіи и Франціи при Петре Великомъ.
6479. Сборникъ Императорскаго Русскаго Исторического общества. Т. XI.. Спб. 1884.—Отрывъ о немъ въ статьѣ А. Врижнера: Французскіе дипломаты въ Россіи.
6480. „Историческое Обозрѣніе“. Сборникъ Исторического общества при С.-Петербургскому университету за 1890 годъ. Т. I. Спб. 1890.—Рец. 1891, ч. 275, май, отд. II, стр. 201—203. (Ки. новости).
6481. Записки Императорскаго Русскаго Географического общества по общей географіи, т. X. Спб. 1883.—См. статью Н. Бесселовскаго: Путешествія Г. С. Карелина по Каспийскому морю.
6482. Этнографическое Обозрѣніе. Периодическое изданіе Этнографического отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университѣтѣ. Ки. I. Подъ редакціей секретаря этнографического отдѣла Н. А. Микука. М.—Рец. 1889, ч. 285, сентябрь, отд. II, стр. 182—183. (Ки. новости).
6483. Этнографическое Обозрѣніе. Изданіе Этнографического отдѣла Императорскаго общества естествознанія, антропологии и этнографіи. Ки. II и III. 1889.—Рец. 1890, ч. 269, май, отд. II, стр. 219—220. (Ки. новости).
6484. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1873 годъ, представленный г. министру народного просвѣщенія директоромъ библіотеки Деллономъ. Спб. 1875.—Рец. 1875, ч. 180, августъ, отд. II, стр. 266—273.
6485. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1874 г., представленный г. министру народного просвѣщенія директоромъ библіотеки статье-секретаремъ Деллономъ. Спб. 1875.—Рец. 1876, ч. 188, январь, отд. II, стр. 236—239.
6486. Труды первого археологического съезда въ Москве въ 1869 г. (издано подъ редакціей гр. А. С. Уварова). М. 1871. 2 т. съ атласомъ.—Рец. Е. Вестужева-Рюминка. 1872, ч. 160, апрѣль отд. II, стр. 301—308.
6487. Труды четвертаго археологического съезда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31-го июля по 18-е августа 1877 года. Т. II. Казань. 1891 г.—Атласъ къ Трудамъ IV археологического съезда, XVIII таблицъ съ рисунками, in folio. Казань. 1889.—Рец. В. К.—ва. 1891,

- ч. 277, сентябрь, отд. II, стр. 216—241.
6488. Труды V археологического съезда въ Тифлісѣ. 1881. Изданы подъ редакціей гр. Н. С. Уварофф. М. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, февраль, отд. II, стр. 533—535. (Кн. новості).
6489. Труды VI археологического съезда въ Одессѣ (1881 г.). Т. II. Одессы.—Рец. 1888, ч. 258, августъ, отд. II, стр. 512—513. (Кн. нов.).
6490. Труды третьего международного съезда орнитологовъ въ С.-Петербургѣ 1876 года. Т. I, подъ редакціей В. В. Григорьевъа. Спб. 1879—1880. Т. II, подъ редакціей барона В. Р. Розена. Спб. и Лейденъ. 1879.—Рец. Н. Веселовскаго. 1882, ч. 219, январь, отд. II, стр. 197—223; 1883, ч. 225, январь, стр. 195—216.

3) ОТЧЕТЫ О ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІЙ И МЕДАЛЕЙ.

6491. Присуждение наградъ А. М. Бюра въ 1879 г. Донесенія комиссіи изъ гг. академиковъ Ф. В. Овсянникова, Л. И. Шренка, К. И. Максимовича, А. А. Штрауха, О. В. Шницлера и А. С. Фаминицкаго о трудахъ проф. Ф. Э. Биддора по медицинѣ, проф. Л. С. Цепковскаго по биологии и естественнымъ наукамъ.—1880, ч. 207, февраль, отд. IV, стр. 33—50.
6492. Присуждение медалей въ Императорскомъ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ за 1881 годъ. (Отзывъ о трудахъ: 1) гр. А. С. Уварова. Археология Россіи, каменный векъ. М. 1881. Два тома. 2) И. В. Помаловскаго. Сборникъ греческихъ въ латинскихъ надписяхъ Кавказа. Спб. 1881. и 3) Н. В. Султанова. Образцы древне-русского зодчества въ миниатюрныхъ изображеніяхъ).—1882, ч. 222, августъ, отд. IV, стр. 50—54.
6493. Отчетъ комиссіи о присуждении премій гр. Н. А. Кумелева-Безбородка за биографію канцлера князя А. А. Безбородко (составленную Григоровичемъ).—1878, ч. 197, юнь, отд. IV, стр. 31—58.
6494. Н. Н. Срезневскій. Десятое присуждение Ломоносовской преміи.
- (Труды А. А. Потебя).—1876, ч. 184, мартъ, отд. IV, стр. 1—13.
6495. Присуждение Ломоносовской преміи въ 1890 году. (Отзывъ о сочиненіяхъ: 1) М. А. Рыкачева. О суточномъ ходѣ барометра въ Россіи и некоторые замѣчанія объ этомъ явленіи вообще. 1879, изъ „Записокъ Императорской Академіи Наукъ“ XXXV, прил. 1. 2) о трудахъ по химіи проф. Н. Н. Бекетова).—1891, ч. 213, февраль, отд. IV, стр. 103—110.
6496. Первое присуждение премій Макарія, митрополита Московскаго. (Отзывъ о трудахъ: 1) А. Петрушевскаго. Генералиссимусъ кн. Суворова. Спб. 1884. 2) В. В. Докучаева. Русский черноземъ. Спб. 1883. 3) А. А. Тилло: а) Опытъ инвентировки Россійской имперіи отд. I—IV. Спб. 1882. б) Пояснительный записка къ своду инвентировокъ. в) Опытъ гипсометрической карты рѣкъ Европейской Россіи. г) Карта высотъ Европейской Россіи съ поясненіемъ. д) Сводъ инвентировокъ желѣзныхъ дорогъ. е) Результаты инвентирныхъ работъ, произведенныхъ военно-топографич. отд. Главнаго Штаба отъ 1871 по 1877 г. 4) С. А. Давыдовой. Русское кру-

- жево, изслѣдов. историч., технич. и статистич. (Рукопись). б) Ф. П. Кеппена. Географич. распространение хвойных деревьев въ Европейской Россіи и на Кавказѣ. Спб. 1885, — 1885, ч. 241, октябрь, отд. IV, стр. 30—51.
6497. Отчетъ о второмъ присужденіи премій *Макарію*, митрополита Московскаго. (Отзыvъ о сочиненіяхъ: 1) Туристъ. Геологическое и орографическое описание, по даннымъ, собраннымъ во время путешествій съ 1874 по 1880 г. Сочиненіе И. В. Мушкетова. Т. I. въ 2-хъ ч. Спб. 1886. 2) Война Россіи съ Турцией 1806—1812 гг. Т. I. Спб. 1886. Т. II и III въ рукописи, съ приложениемъ атласа картъ. Сочиненіе А. Н. Петрова. 3) Польско-руssская война 1831 г. Чузыревскаго. 4) С. О. Макарова. Объ обиженіи водъ Чернаго и Средиземного моря. 5) Цвѣтаева. Изъ исторіи иностран. исповѣданій въ Россіи. 6) Г. К. Радде: Орнитологич. фауна Кавказа). — 1887, ч. 263, октябрь, отд. IV, стр. 28—37.
6498. Императорской Академіи Наукъ. Присужденіе премій митрополиту *Макарію* въ 1889 году. (Отзыvъ о соч.: 1) Трепѣ въ машинахъ и влияние на него смазывающей жидкости. Проф. ген.-лейт. Н. П. Петрова. Спб. 1888. 2) Описание триангуляціи въ Болгаріи, произведен. въ 1877—1879 гг., составленное ген.-м. М. Н. Лебедевымъ (т. 43 Записокъ Военно-топографич. отд. Главнаго Штаба). 3) Проф. Т. Д. Флоринскій. Памятники законодательн. дѣятельности Душана, цара сербовъ и грековъ. Киевъ. 1887. 4) Начальные годы русского славяновѣдѣнія. Адм. Шишковъ въ канцлеръ. Румиццевъ. Соч. проф. А. А. Кочубинскаго. Одесса. 1888. 5) Покореніе Финляндіи. Опытъ историч. описанія.
- Соч. К. Ф. Ордина (рукопись). — 1889, ч. 266, ноябрь, отд. IV, стр. 1—22.
6499. Отчетъ о присужденіи премій митрополиту *Макарію* въ 1891 году. (Отзыvъ о сочн.: 1) Русская армія въ семилѣтнюю войну. Масловскаго, т. I—III. М. 1886—1890. 2) Н. И. Тавилдарова. Химическая технологія сельско-хозяйственныхъ производствъ, 2 тома, съ атласомъ чертежей. 3) Н. П. Семенова. Освожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Т. II. Второй періодъ занятій комиссій по крестьянскому дѣлу. Спб. 1890. 4) А. Л. Дювернуа. Словарь болгарского языка. М. 1886 — 1889. 5) Проф. Любовича. Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ. 6) Тилло. Распределеніе атмосферного давленія на пространствѣ Россійской имперіи и Азіатского материка на основаніи наблюдений съ 1836 по 1886 г. Спб. 1890; съ атласомъ изъ 69 картъ. — 1891, ч. 278, декабрь, отд. IV, стр. 31—42.
6500. Отзыvъ особой комиссіи, рассматривавшей трудъ г. Р. Фокта, удостоенный преміи императора Петра Великаго, при первомъ присужденіи ея въ 1874 году. (Материалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, съ объясненіями Рихарда Фокта). Спб. 1878—1874, ч. 174, юль, отд. I, стр. 157—172.
6501. Отзыvъ особой комиссіи, рассматривавшей трудъ Э. Кесслера. (Синтаксисъ латинскаго языка, по немецкимъ источникамъ. Спб. 1874), удостоенный преміи императора Петра Великаго, при второмъ присужденіи ея въ 1875 году. — 1875, ч. 179, юнь, отд. I, стр. 61—66.
6502. Отзыvъ особой комиссіи, раз-

сматривавшей сочинение Я. К. Гуревича, удостоенное премії імператора Петра Великаго, при третьемъ присуждениі ея въ 1876 году. (Історія Гречії и Рима, 2 часті). 1876, ч. 186, юнь, отд. I, стр. 107—123.

6503. Отзывъ особой комиссії, рассматривавшій сочиненіе Я. К. Герда. (Краткий курсъ естествоівѣднія для гімназій, рукопись), удостоенное премії імператора Петра Великаго, при четвертомъ присуждениі ея.—1878, ч. 197, юнь, отд. I, стр. 48—57.

6504. О пятомъ присуждениі премії імператора Петра Великаго. (В. Лемоніусъ, К. Нейлісовъ и М. Пустоніскій о трудахъ Е. Шміда. Одиссей Гомера, съ примѣч. вып. I и II. Спб. 1878.—К. Сентъ-Илеръ, А. Доброславінъ, Ю. Чудновскій, А. Виноградовъ, А. Раевскій и А. Гиршгорнъ о рукописи „Домашняя гигіена, медицина и ветеринарія“ В. Флоринскаго и И. Скворцова).—1879, ч. 203, юнь, отд. I, стр. 91—97; ч. 204, юль, стр. 41—72.

6505. Отзывы особыхъ комиссій, рассматривавшихъ рукописи: 1) „Латинскій синтаксисъ въ объемѣ гімназіческаго курса“ (С. Опацкаго). 2) Плоская тригонометрія для гімназій и реальныхъ училищъ, проф. Тиме. Спб. 1881, удостоенное премії імператора Петра Великаго, при шестомъ присуждениі ея въ 1882 году.—1882, ч. 221, юнь, отд. I, стр. 77.

6506. О седьмомъ присуждениі премії імператора Петра Великаго.—1883, ч. 228, юль, отд. I, стр. 43—90. (Отзывъ объ изданной Л. Поливановымъ: „Методической русской хрестоматіи съ приложениемъ а) стилистики и теоріи прозы въ связи съ приготовительными курсами логики; б) теоріи поэзіи; в) пояснительныхъ разборовъ и примѣчаній. Пособіе при практической теоріи словесности и логики и при руководствованіи въ сочиненіяхъ учениковъ въ V—VIII классовъ. Часть I и II).

6507. Восьмое присуждение премії імператора Петра Великаго. (Отзывы особой комиссії, рассматривавшій труды по истории и географіи, удостоенные премії Петра Великаго въ 1884 году (разборы трудовъ: 1) М. Колдовича. Чтенія по истории Западной Россіи. Изд. 3-е. Спб. 1884. 2) Е. Замысловскаго. Учебный атласъ по русской истории. Спб. 1869. 3) Курсъ географіи Европы для старш. классовъ. Ив. Штудерь. М. 1884 и 4) С. Рождественскаго. Отечествен. история въ картинахъ для школы и семьи. Спб. 1881).—1884, ч. 234, юль, отд. I, стр. 35—71.

6508. О девятомъ присуждениі премії імператора Петра Великаго. Отзывы комиссій, рассматривавшихъ труды, удостоенные премії въ 1885. (Отзывъ о трудахъ: 1) Греческо-русский словарь, составлен. проф. А. Д. Вейсманомъ. Изд. 2, доп. и испр. Спб. 1882. 2) Рѣчи Ціцерона о назначеніи Кн. Помпей полководцемъ. Объяснилъ Авг. Гофманъ. Изд. 3, испр. Спб. 1885. 3) Рѣчи Ціцерона въ защиту Секста Россіи Амерійскаго. Объяснилъ Авг. Гофманъ. Спб. 1881. 4) Пчеловодство. Самоучитель свящ. А. И. Успенскаго. Изд. 2. Тула. 1882. (Съ дополн.).—1885, ч. 240, юль, отд. I, стр. 77—107.

6509. О десятомъ присуждениі премії імператора Петра Великаго. (Отзывъ о книгѣ: Сиятакисъ пѣменскаго языка, для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведений

- Э. Цейдлера и М. Прейса. Спб. 1885). — 1886, ч. 245, июнь, отд. I, стр. 42—52.
6510. Ось одинадцатомъ присужденіи премій імператора Петра Великаго. (Отзывъ о книгѣ: Жозефъ Берtrandъ. Алгебра. Для гимназій и реальныx училищъ. Перевѣръ и значительно дополненіе Н. Вильямсъ. Спб. 1886). — 1887, ч. 261, июнь, отд. I, стр. 39—47.
6511. О двѣнадцатомъ присужденіи премій імператора Петра Великаго. Разборы сочиненій: 1) Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Издание Льва Поливанова для семьи и школы б. т. М. 1887—1888. 2) Проф. М. Н. Петровъ. Лекціи по Всемирной исторіи, издан. подъ редакціей проф. В. К. Надлера. Т. I. Исторія древнаго міра, обработанная приват-доцентомъ А. Деревицкимъ. Харьковъ. 1888. Т. II. Исторія среднихъ вѣковъ, обработанная и дополненая проф. В. К. Надлеромъ. Харьковъ. 1888. Т. III. Исторія новыхъ вѣковъ (реформационная эпоха) въ обработкѣ В. П. Бузескула. Харьковъ. 1888. 3) Учебникъ начальной географии. Курсъ I. Первоначальная свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Издание 2-е, исправленное. Киевъ. 1886.—Курсы II, Африка, Австралия, Америка и Азія въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Издание 3-е. Кіевъ. 1888.—Курсы III. Страны Западной Европы. Кіевъ. 1886.—1889, ч. 264, июль, отд. I, стр. 1—32.
6512. Тринадцатое присужденіе премій імператора Петра Великаго, учрежденныхъ при мин. народ. просвѣщ. (Отзывъ о трудахъ: 1) Мусалесіусъ. Русско-латинскій словарь. Рукопись. 2) Horatii Flacci carmina. Оды и Эподы Горакія, съ привѣ-чаніями Лукіана Миллера. Издание 2-е, дополненное и исправленное. Спб. 1889). — 1890, стр. 1—21. Отдельно прим. 1890, ч. 269, июнь.
6513. Четырнадцатое присужденіе премій імператора Петра Великаго. (Отзывъ о сочин.: 1) Курсъ прямоилинейной тригонометріи и собрание тригонометрическихъ задачъ. Составилъ Н. А. Шапошниковъ. Издание 3-е, исправлены. М. 1889. 2) Сборникъ алгебраическихъ задачъ. Составилъ Н. А. Шапошниковъ и Н. К. Вальцевъ. Ч. I (для 3 и 4 кл.). Изд. 2-е. М. 1889. ч. II (для 5—8 кл.). М. 1890. 3) Учебникъ физики С. Ковалевского. Спб. 1890.—1891, ч. 275, июнь, стр. 1—16 (отд.).
6514. Отчетъ о первомъ присужденіи преміи А. С. Пушкина, составленный академикомъ Я. К. Гротомъ.—1882, ч. 224, декабрь, отд. IV, стр. 69—86. (Отзывъ о 1) Поэзіѣ А. Н. Майкова „Два міра“ и 2) Сборнике стихотворений Я. П. Полонского „На закатѣ“).
6515. Присужденіе Пушкинской преміи въ 1884 году. (Отзывъ о переводе Горакія, сдѣланномъ Фетомъ (А. А. Шеншиннымъ).—1884, ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 67—83.
6516. Императорская Академія Наукъ. Шестое присужденіе Пушкинскіи преміи. (Отзывъ о трудахъ: 1) Пѣсни о Нібелунгахъ, въ перев. М. И. Кудрикова. 2) Трагедія Шекспира: „Антоній и Клеопатра“ и „Ричардъ II“, въ переводахъ Д. Я. Михайлowsкаго. 3) Комедія Мольера „Школа женъ“ въ переводе В. С. Лихачева. 4) Полное собрание сочин. А. С. Грибоѣдова, подъ ред. И. А. Шиллакина. Спб. 1889. Два тома). — 1890, ч. 272, декабрь, отд. IV, стр. 53—70.

6517. Императорская Академия Наукъ. Отчетъ о двѣнадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. (Отзывы о сочин.: 1) Свя. Константина и Мелодіи, апостолы славянскіе Е. Е. Голубинскаго. 2) О давности по русскому гражданскому праву И. П. Энгельмана. 3) Моластырскій приказъ (1649—1726). Опытъ историко-юридического исследованія М. И. Горчакова. 4) О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Исследованіе А. А. Котляревскаго. 5) Исследованіе объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника В. В. Макушева. 6) Происхождение русскихъ былинъ В. В. Стасова. 7) Исследованіе о сочиненіяхъ Иосифа Санина, преподобнаго игумена Волоцкаго И. И. Хрущова). — 1869, ч. 146, октябрь, отд. II, стр. 328—343.

6518. Отчетъ о тринадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. (Отзывы о трудахъ: 1) Обзоръ хронографовъ русской редакціи, Андрея Попова, два выпуска. М. 1866—69. 2) Первоначальный славяно-русский поморканопъ, А. Павлова. Казань. 1869. 3) Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, М. Владимировского-Буданова. Спб. 1868. 4) Домашній бытъ русскихъ царій въ XVI и XVII столѣтіяхъ, И. Забѣліна. М. 1869. 5) Поэтическая возвратная славянъ на природу, А. Левашева. Т. II и III. М. 1868—70. 6) Россия и Сербія. Исторический очеркъ русского покровительства Сербіи съ 1806 по 1866, И. Попова, 2 ч. М. 1869. 7) Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ, булгарахъ, мадьярахъ, славицахъ и руссахъ Абу-Алл-Ахмата Бенъ Омаръ Ибнъ-Даста, пеизвѣстнаго досолѣ арабскаго писателя пач. X вѣка — Д. Хвольсона. С.-Пб. 1860). — 1870, ч. 152, ноябрь, отд. II, стр. 72—89.

6519. Четырнадцатое присужденіе наградъ гр. Уварова. (Отзывы о сочин.: 1) Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II, А. Скребицкаго, т. 1—4. Боннъ. 1862—68. 2) Иезуиты въ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II, и до нашего врем., свящ. М. Морошкина, ч. 2. Спб. 1870. 3) Сравнительно-критическая кабинденія надъ словеснымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Киевскаго. Соч. Ор. Миллера. Спб. 1870. 4) Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи. I. Исследованіе о Свѣнгельдѣ и Угличахъ, Н. Ламбила. (Рукопись). — 1871, ч. 158, ноябрь, отд. II, стр. 134—147.

6520. Отчетъ о семнадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. (Отзывы о сочиненіяхъ: 1) Исторія возсозданія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ, М. О. Колловича. С.-Пб. 1873. 2) Сборникъ памятниковъ, относящихся къ книгоиздателству въ Россіи. Вып. I. Тексты. В. С. Румиццевъ. М. 1872. 3) Очеркъ внутренней исторіи Пскова, А. Никуліскаго. С.-Пб. 1873. 4) Очерки русской исторической географіи, геогр. начальной лѣтописи, Н. Н. Барсова. Варшава 1873.—1874, ч. 176, декабрь, отд. IV, стр. 175—194.

6521. Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. (Отзывы о сочиненіяхъ: 1) Веселаго, Очеркъ русской морской исторіи. 2) А. Поповъ, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ поэмъ, сочиненій. 3) Петровскаго, О сенатѣ въ царствованіе Петра Вел. 4) Бодуенъ-де-Куртенэ, Опытъ фольклора Резьянскихъ говоровъ. Его же, Резьянскій катихизисъ. 5) Антоновича и Драгоманова, История-

- ческія пѣсни Малор. народа. 6) Галакова, Исторія русской словесности). — 1876, ч. 188, декабрь, отд. IV, стр. 27—39.
6522. Отчетъ о двадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. (Отзыы о сочиненіяхъ: 1) Гедеонова, Варяги и Русь. 2) Ю. Толстаго, Первые сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англіей. 3) А. Н. Попова, Сношениія Россіи съ европ. державами передъ войной 1812 г. Его же, Москва въ 1812 г. Его же, Французы въ Москвѣ въ 1812 г. 4) Богдановича, Восточная война 1853—1856 г. 5) Борзаковскаго, Исторія Тверскаго княжества. 6) Архим. Сергія, Помыслъ мѣщанесловъ Востока. 7) Архим. Амфилохія, Описание Іерусалимской библіотеки. 8) Брикинь, Ив. Порошковъ. 9) Жиленкаго, Очертъ звуковой исторіи Малорусскаго нарѣчія). — 1877, ч. 194, декабрь, отд. IV, стр. 66—84.
6523. Отчетъ о двадцать первомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. (Отзыы о сочиненіяхъ: 1) Шипилевскаго, Древніе города въ Казанской губ. 2) П. Заринскаго, Очеркъ древней Казани. 3) Огородникова, Мурманскій и Терскій берега по кнагѣ Большаго Чертежа. Его же, Прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей по кнагѣ Большаго Чертежа. 4) Бруна, Черноморы. 5) Трачевскаго, Союзъ князей). — 1878, ч. 200, ноябрь, отд. IV, стр. 1—15.
6524. Отчетъ о двадцать второмъ присужденіи наградъ гр. Уварова. (Отзыы о сочиненіяхъ: 1) Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ф. Головацкимъ, 3 части, въ 4-хъ томахъ. М. 1872. 2) Главнѣйшиe источники для исторіи святыхъ Кирилла и Меѳодія А. Воронова. Киевъ. 1877. 3) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Зап.-Русскій край, снаряженной Имп. Русск. Географическими обществомъ. Юго-Западный отдѣль. Материалы и изслѣдованія, собранные П. П. Чубинскимъ. 7 том. С.-Пб. 1872—76. 4) О торговлѣ Руси съ Газой до конца XV вѣка. Соч. М. Бережкова. Сиб. 1879. — 1879, ч. 206, ноябрь, отд. IV, стр. 1—12.
6525. Отчетъ о двадцать третьемъ присужденіи наградъ гр. Уварова. (Отзыы о сочиненіяхъ: 1) Семейство Разумовскихъ. Соч. А. А. Ва-сильчикова. Т. I. Спб. 1879. 2) Исторія Московской духовной академіи до ея преобразованія (1814—1870). Соч. протоіерей С. К. Смирнова. М. 1879. 3) Анасеметствование (отлучение отъ церкви), совершающееся въ первую неделю великаго поста. Историческое изслѣдованіе о чинѣ православія, священника К. Никольскаго. Сиб. 1879. 4) О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, рассматриваемой въ связи съ напѣвами. Соч. С. Шафранова. 5) Образованіе второго болгарскаго царства. Соч. Федора Успенскаго. Одесса. 1879. 6) Кандакарій изъ греч. подлинникѣ XII—XIII вѣковъ по рук. Московской синод. библіотеки, съ древнѣйшимъ славянскимъ переводомъ. Трудъ архим. Амфилохія. 7) И. Тихонировъ. О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ латовскихъ лѣтописей). — 1880, ч. 212, ноябрь, отд. IV, стр. 1—20.
6526. Отчетъ о двадцать четвертомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. — 1881, ч. 218, ноябрь, отд. IV, стр. 1—17. (Отзыы о трудахъ: 1) Е. Голубинскаго. Исторія русск. церкви, т. I, періодъ 1; 2) А. Н. Петрова. Вторая турецкая война въ царствованіе Имп. Екатерины II; 3) Иверсена. Медали въ честь русскихъ

- государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ и 4) Рукописнаго изслѣдованія И. А. Тихомирова о составѣ Западно-русскихъ ятотипсей).
6527. Двадцатъ: пятое присужденіе наградъ гр. Уварова. (Отзыы о трудахъ: 1) Д. Говинскаго. Русскія пародіи картины. 2) Гр. И. И. Толстаго. Древній русскія иконы великаго длиженія Кіенскаго. 3) В. Жмакина. Митрон. Даніиль и его сочиненія. 4) А. Заблоцкаго-Десютовскаго. Гр. Киселевъ и его время и 5) Н. И. Собко. Древнія изображенія русскихъ царей и ихъ посольствъ заграницу въ старинныхъ и новыхъ гравюрахъ). — 1882, ч. 224, ноябрь, отд. IV, стр. 1—18.
6528. Отчетъ о двадцать шестомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. (Отзыы о трудахъ: 1) Проф. М. Горчакова. О тайнѣ супружества. Историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50 главы печатной Коричной книги. 2) Синтаксическая изслѣдованія I.—А. В. Попова. 3) Н. Собко. Древнія изображения Русскихъ царей и ихъ посольствъ заграницу въ старыхъ и новыхъ гравюрахъ. Вып. I. XVI вѣкъ). — 1883, ч. 230, ноябрь, отд. IV, стр. 1—10.
6529. Отчетъ о двадцать седьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. (Отзыы о трудахъ: 1) Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. Проф. Я. А. Чистовича. Сиб. 1883. 2) Киевскій митроп. Петръ Могила и его сподвижники. С. Голубева. Т. I. Киевъ. 1883. 3) С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридич. и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской упії. Сиб. 1883. 4) Цесаревичъ Наполѣй Петровичъ. Дм. Кобеко. Сиб. 1882. 5) Иллюкентій, митр. Московскій. И. Барсукова.
- М. 1883. 6) Опытъ исторіи музыки въ Россіи. З. Дурова. 1883 (рукопись). — 1884, ч. 236, ноябрь, отд. IV, стр. 1—23.
6530. Двадцать восьмое присужденіе наградъ гр. Уварова. (Отзыы о сочиненіяхъ: 1) А. Гезена. Исторія славянскаго перевода символа вѣры. Сиб. 1884. 2) О подвигахъ Филиппета, митр. Московскаго, въ дѣлѣ перевода Библіи на русскій языкъ. Историко-критическое изслѣдованіе Ив. Корсунскаго. М. 1883. 3) Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ. Очерки дипломатической исторіи Восточного вопроса. В. А. Ульницкаго. М. 1883. 4) Прочтания Ольвійского края, собранныя Е. В. Барсовымъ, ч. II. Плачи завоеванные, рекрутскіе и солдатскіе. М. 1882. 5) Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Н. Гиббенета, ч. I и II. Сиб. 1882.—1884). — 1885, ч. 242, ноябрь, отд. IV, стр. 1—15.
6531. Двадцать девятое присужденіе наградъ гр. Уварова. (Отзыы о сочиненіяхъ: 1) Н. Голубовскаго. Печенья, Торки и Коловцы до нашеія татар. Киевъ. 1884. 2) Н. И. Петрова. Очерки исторіи Украинской литературы XIX вѣка. Киевъ. 1884. 3) Н. В. Латкина. Земскіе соборы древней Руси. Сиб. 1884. 4) А. Загоровскаго. О разводѣ по русскому праву. Харьковъ. 1884). — 1886, ч. 247, октябрь, отд. IV, стр. 19—47.
6532. Отчетъ о тридцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. (Отзыы о сочиненіяхъ: 1) Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Сочиненіе проф. И. Ф. Кантерева. 1885. 2) Исторія Киевской духовной академіи. Вып. I. Переходъ до Могилевскій. Соч. С. Т. Голубева.

- Кіевъ. 1886. 3) Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта стенной окраины Московского государства. Т. I. Исторія колонизаціи. Издѣд. проф. Д. И. Багалѣя. М. 1887. 4) Матеріали для исторіи колонизаціи и быта стенной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) въ XVI—XVII столѣтіяхъ, собранные и редактированные Д. И. Багалѣемъ. Харьковъ. 1886. 5) Русская православная старина въ Замостьѣ. Сочиненіе священника Александра Будаловича. 1885). — 1888, ч. 260, ноябрь, отд. IV, стр. 1—19.
6538. Тридцать первое присуждение наградъ гр. Уварова. (Отзы́въ о сочиненіяхъ: 1) Е. Шимурло. Мітрополит Евгений, какъ ученый. Ранніе годы его жизни (1767—1804). Спб. 1888. 2) Н. В. Губерти. Матеріали для русской библіографіи. Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ русскихъ книгъ XVIII ст. (1725—1800). Вып. I, II. М. 1878—81 и рукоп. приб. 3) В. И. Семевскій. Крестьянский вопросъ въ Россіи въ XVIII и перв. полов. XIX вѣка. Спб. 1888. 4) С. Платоновъ. Древне-русская сказания и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ исторической источникъ. Спб. 1888. 5) Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной влагѣ. Издѣдованіе В. Мочульскаго. Варшава. 1887. 1889, ч. 266, моябрь, отд. IV, стр. 22—36.
6539. Императорская Академія Наукъ. Тридцать второе присуждение наградъ гр. Уварова. (Отзы́въ о сочиненіяхъ: 1) О житіи Алексея человѣка Божія. Проф. П. Владимирова. 2) Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, непечатные издания и языки. П. Владимирова. Спб. 1888. 3) Описание старой Малороссіи. Матеріали для исторіи заселенія, землемѣрія и управлѣнія. Т. I. Полкъ Стородубскій. Издѣдованіе А. Лазаревскаго. 4) Разрядные дѣлки XVI вѣка. Издѣдованіе Н. П. Лихачова. Спб. 1888. 5) Очеркъ литературной исторіи малорусского народа въ XVII и XVIII вѣкахъ. ч. I. Кіевъ. 1889. П. Житецкаго). — 1890, ч. 272, моябрь, отд. IV, стр. 3—22.
6535. Отчетъ о тридцать третьемъ присуждении наградъ гр. Уварова. (Отзы́въ о сочин.: 1) Организація прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со временемъ смуты до эпохи преобразованій. А. С. Лашо-Дашлевскаго. 2) Власть Московскихъ государей. М. Дьякоова. 3) Изъ исторіи Угріи и Славянства въ XII вѣкѣ. К. Я. Грота. 4) Матеріали и замѣтки по старинной славянской литературѣ, М. И. Соколова. 5) Города Московского государства въ XVI вѣкѣ. Соч. Н. Д. Чечулина. 6) Статистическія данныя о евреяхъ въ юго-западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка (1765—1791) П. Каманина, II т., V ч. Архива Юго-Западной Россіи. 1890. 7) Н. А. Чистовича. С.-Петербургская духовная академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888). — 1891, ч. 278, декабрь, отд. IV, стр. 42—59.
6536. Первое присуждение преміи Ф. Ф. Шуберта въ Императорской Акад. Наукъ. (Отзы́въ о сочиненії Гольденса: Untersuchungen über die Convergenz der Reihen, welche zur Darstellung der Coordinaten der Planeten angewendet werden. Рѣчъ И. И. Стебницкаго о трудахъ Ф. Ф. Шуберта). — 1889, ч. 262, мартъ, отд. IV, стр. 1—12.

6537. Адресъ Императорскаго Историко - Филологическаго института И. Д. Делакову. — 1874, ч. 172, мартъ, отд. IV, стр. 24—26.
6538. В. В. Празднованіе пятидесятилѣтнаго юбилея ученой дѣятельности М. С. Кутургі. — 1883, ч. 226, апрѣль, отд. IV, стр. 61—63.
6539. Письмо мин. народн. просвѣщ. гр. Д. А. Толстаго на имя г. предсѣдателя Славянскаго благотворительного комитета въ Москвѣ М. П.
- Погодина. — 1868, ч. 140, декабрь, отд. III, стр. 297.
6540. Пятидесятилѣтній юбилей академика А. Ф. Вычкова. — 1890, ч. 272, ноябрь, отд. IV, стр. 23—31.
6541. Пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности министра народнаго просвѣщенія, статья—секретаря гр. И. Д. Делакова. — 1896, ч. 260, декабрь, отд. IV, стр. I—IV.
6542. П. Д. Рункель. Возраженіе Г. Никитинскому. — 1869, ч. 142, мартъ, отд. II, стр. 306—307.

ДОПОЛНЕНИЯ.

6543. Къ вопросу объ алфавитѣ для литовско-жмудскіхъ книгъ. — 1888, ч. 259, октябрь, отд. IV, стр. 52—56.
6544. Запѣчателыныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Соч. Е. Каркона. Спб. 1874.—Ред. А. Г. Брикнера. 1874, ч. 176, ноябрь, отд. II, стр. 171—182.
6545. П. Вобровскій. Отвѣтъ на критику М. О. Коцловича. (Журн. М. П. Пр., юнь, 1890 г. и особая брошюра). — 1890, ноябрь, ч. 272, отд. II, стр. 217—244.
6546. Е. А. Вѣловъ. Отвѣтъ ионимъ критикамъ (Д. И. Иловайскому и М. О. Коцловичу). — 1889, ч. 262, мартъ, отд. II, стр. 215—225.
6547. *Gebhard junior. Het leven von M-r Nicolaus Cornelius Witsen (1641—1717). Utrecht. 1881—1882.*—Ред. А. Брикнера. 1893, ч. 226, апрѣль, отд. II, стр. 320—325.
6548. А. И. Варбашевъ. Торискій миръ (1411 г.). — 1890, ч. 272, ноябрь, отд. II, стр. 80—104.
6549. *Gelfert. Der Rastadter Gesandten mord.* — Ред. 1875, ч. 171, январь, отд. II, стр. 286—287.
6550. *Fasti Censorii quos composuit et commentariis instruxit Carolus de Boor. Berolini. 1873.*—Ред. М. 1875, ч. 180, августъ, отд. V, стр. 99—100.
6551. А. Кочетовъ. Арабо-французскія школы въ Алжирѣ. — 1869, ч. 142, мартъ, отд. IV, стр. 71—91.
6552. Христофоръ—Яковъ Бостремъ. Но поводу статьи о поэме Эдуарда Мецнера въ *Philolog. Monatshefte*. 1870. III. (Въ отд. Нов. иностр. ученой литер.). — 1870, ч. 147, февраль, отд. II, стр. 458—465.
6553. *Alexandri Secundi vicennalia. DIXI r. Februarii a. MDCCCLXXV.*

СПИСОКЪ

собственныхъ личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ „Указателѣ“.

Цифры при фамилияхъ обозначаютъ номера статей „Указателя“. Цифры, напечатанные обыкновеннымъ шрифтомъ, показываютъ, что въ этихъ статьяхъ говорится о томъ лицѣ, при фамилии которого она стоять, цифры же, напечатанные жирнымъ шрифтомъ, указываютъ, что данное лицо является авторомъ этихъ статей.

А.

Абаза В. А.—1618, 1619.
Абаза К. К.—1620.
Абамелекъ-Лазаревъ, кн.—3005, 3028.
Abbanese F.—3277.
Abel Des Micheis I.—5661.
Абу-Али-Ахмѣдъ Бенъ-Омаръ Ибнъ-Даста.—2947, 4141, 5655, 6618.
Абу-Далефъ.—2882.
Августъ, имп.—284, 653, 1178, 5214.
Авенариусъ Н.—1702.
Авенариусъ В. П.—650.
d'Avenches Marius.—3402.
Avianus Novus.—5283, 5280.
Аиль Геллія.—4764 5239, 5326.
Аверелій Антоній.—5296.
Агамемнонъ.—5392.
Агапій Менодійскій.—3631.
Агрікола.—3211.

Адальбертъ Бременскій.—3409.
Adam L.—4626, 4659, 5280.
Адамантовъ Д.—580, 1317.
Адамовичъ Амжеліка.—1993, 1994.
Adler F.—3010.
Адольфъ, Андрей.—1089, 1198, 1277,
1810, 5281.
Адоинъ.—4846.
Padriani, императоръ.—8187.
Адріановъ А.—5886.
Адріановъ П.—977, 978, 1234.
Анемъ.—2754.
Аналовъ Д.—4871.
Aken F. Ad.—979.
Accius.—5246.
Акомаватъ Михаилъ.—3542.
Акоминатъ Никита.—3634.
Аксаковъ И. С.—4493, 6097.
Аксеновъ М. В.—4554.
Аксеновъ М. С.—1432.
Аландскій П. И.—8100, 6098.

- Alazon.—5471.
Александренко В. Н.—3220, 3278,
3279, 3280, 3936, 4993, 4998.
Александровская Н. А.—2949.
Александровъ А.—1812, 4958, 4963.
Александровъ В.—579, 706, 707.
Александровъ Н. А.—651, 1818, 1819.
Александровъ Фр.—1561.
Александъ Великій.—2880, 3043,
3094, 5615.
Александъ I, Императоръ.—7, 85,
86, 3920, 4107, 4515, 4559, 5010.
Александъ II, Импер.—380, 4019, 4206,
4206, 4207, 4208, 6499, 6519, 6558.
Алексѣнъ.—379.
Алексѣнъ А.—1813, 1814, 1815.
Алексѣнъ В.—4880, 4881, 4882, 4893.
Алексѣнъ П. И.—2626, 2627, 6099.
Алексѣй, архіепископъ рязанскій.—
2484.
Алексѣй, св.—6261.
Алексѣй св., чоловѣкъ Божій.—5009,
6534.
Алексѣй Михайловичъ, царь.—2900,
2935, 3875, 3938, 4017, 4516, 4570.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ.—3820,
4714.
Алексѣй I Комнина, импер.—3546.
Алексѣй II Комнина, императоръ.—
3507, 3540.
Аленицынъ В.—4457.
Али-Аухад-Эддинъ-Эввери.—5658.
Alquist, August.—4964.
Аллендорфъ Ив.—1816, 1817, 1840,
1919, 1920, 1921, 1922, 1923.
Альмазовъ Александъ.—79.
Алфораки С.—5887.
Аль-Меккий.—3197.
Алборти, д-ръ.—232.
Альбіт Тибуль.—4876.
Альбрехтъ, герцогъ прусскій.—3640.
Альфонскій А. А.—6100.
Алякритскій II.—940.
Amari M.—2904, 3282.
Амартола Георгій.—3832.
Амвросій, еп.—380.
Амфілохій, архим.—4599, 6522, 6525,
Анакреонъ.—1193.
Анахимандръ.—201.
Аваньевъ Ае.—971, 974, 980, 981.
Анастасіевъ А.—381.
Андерсонъ Ф. К.—1818, 1819, 5540.
Андокидъ.—4772, 4807.
Andr e Karl.—5839.
Андреевскій В.—5840.
Андреевскій Иванъ Ефимовичъ.—6101.
Андреевъ.—4889.
Андреевъ А.—708, 748.
Андреевъ К. А., проф.—1432.
Андрей, апостоль.—8497, 5565.
Андрей Критскій.—5565.
Anderson Georg.—5462.
Андрестъ Э. А.—531.
Д'Андріе.—1987.
Андрієвичъ В.—4281.
Андромаха.—4842.
Андроникъ II Комнина, императоръ.—
3640.
Андроникъ Младшій.—3543.
Андрушкевичъ А. Ф.—1419.
Andr e w Piaskow Bobola.—8708.
d'Anglo Roberto.—5489, 5524.
Аникиевъ П. А.—1562, 1563.
Анисимовъ Илья Шеребетовічъ.—
5943.
Аничковъ Н.—1265.
Анна Іоанновна.—4101, 4151.
Anna, geborene Princess Royal von
England.—3432.
Анненковъ П. В.—6102.
Анненковъ Ю.—5557, 5629.
Анненскій И. О.—4692, 5069.
Аннібалъ.—1275.
Антонъ И. А.—382.
Anstey Henry.—3283.
Антігона.—565, 1290, 5457.
Антифонъ.—4772, 4807.
Antoni J., d-г., 3641, 3674.
Антонінъ.—2904, 4882.
Антоній архим. (Вадковскій).—5598.
Антоновичъ В.—5169, 6521.
Антоновичъ М.—265.
Антонъ, архимандритъ.—3676, 3678,
3677, 3678.

- Литуанъ Е. А.—2775.
Лучинъ Д. Н.—4352, 4374, 4377,
4396, 4406, 4411, 4451, 5732, 5818,
5906, 5944, 6470.
Аполлонъ.—303.
Аппельротъ Владими́ръ.—982, 983.
Апподоній Тіанскій.—196.
Аришъ.—5423, 5448.
Апухтина А.—2430.
Арбузовъ В.—1320, 1321.
Ардашевъ Н.—3101.
Арендтъ Рудольфъ.—1523.
Ahrens H. L.—4803, 4850.
Аристархъ.—5441.
Аристовъ.—195.
Аристовъ Н. Я.—6103.
Aristoxenus von Tarent.—5417, 5748.
Аристомахъ Агресскій. 2991.
Аристотель.—193, 202, 203, 214, 216,
241, 297, 3029, 3033, 4886, 5359,
5399, 5411, 5425, 5657.
Аристофанъ.—4816, 4818, 4838, 4887,
5346, 5350, 5386, 5415, 5433.
d'Harcourt marquis.—3320.
Arneth A. V.—3284, 3285, 3849.
Arnold de Brescia.—108.
Arnstaedt Fr. Aug.—5493.
Arrianus.—1197, 5366.
Арсений, архимандр.—1, 2, 3, 3591.
Арсений Грекъ, старецъ.—30, 4494.
Арсений, игуменъ.—3592, 3989.
Арсений Сукановъ.—90, 4536, 5107.
Арсеньева С.—1821.
Арсеньевъ А. Б.—709.
Арсеньевъ Ю. В.—4443.
Артемій старецъ.—4489.
Артемьевъ А. И.—343, 4214, 6104.
Архангельскій А. С.—81, 82, 1621,
1687, 4994, 4995, 5065, 5066, 5075.
Архій А.—1224, 1225, 1226.
Архипъ Тарентскій.—5390.
Асаленій.—2949, 2957.
Ассоновъ В.—2109.
Астафьевъ Н. А.—4, 2873, 2874,
2875, 2905.
Астроръ Н. А.—3937.
'Ачакаюс К. Озилоръес.—5343, 5451.
Aubertin Charles.—5494, 5507.
Autenrieth d-r. 4640.
Ауэрсвальдъ.—1560, 1564.
Афанасьевъ Г. Е.—3230.
Ахаменидъ.—2943.
Ашаринъ Андрей.—1622.
Асанасьевъ А. Н.—8679, 6106, 6518.
Асанасьевъ Чубинскій.—5888.
А.—2527, 4218.
А. Б.—404, 6113.
А. В.—6112.
Ad. M.—378.
А. Д. П.—6008, 6020, 6021.
А. И. Д.—4427.
А. И. К.—2562.
А. И. Х.—1535.
А. К.—4953, 6080.
Al. S.—1930.
Ань.—1968.
А—нь Д.—5820.
А. О.—4336, 5988.
А. О. К.—5077, 5149.
А. П.—63, 42, 5648, 5653, 5687, 5688.
А. С.—774, 3015.
А-скій И.—4932.

Б.

- Babrias.—4813.
Бабстъ И.—5904.
Багатѣй Д. И.—3938, 4036, 4260,
4261, 4275, 4282, 4283, 4284, 4285,
4286, 4287, 4288, 4289, 4290, 4297,
4298, 4318, 6532.
Баденській А.—1823, 1824.
Baden-Powell В. Н.—5810, 5814.
Бажемовъ А. Н.—1506.
Basilins Imperator.—4244.
Basiner Oscar.—3030.
Базинеръ Р.—5761.
Базуловъ Ал. Феод.—6089.
Байронъ лордъ.—5547.
Бакичъ Д.—3593.
Бакрадзе Д.—4352, 6470.
Багобакова Е. В.—5475, 5500, 5501.
Baitzer Ed.—233.
Бальфуръ-Стюартъ.—1524.

СОДЕРЖАНИЕ
ТРИСТА-ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.
(май и июнь 1899 года).

Василій Григорьевичъ Васильевскій (Некрологъ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Именные Высочайшие указы, данные Правительствующему Сенату.

	СТРАБ.
27-го марта 1899 года	8
17-го апреля 1899 года	78
18-го апреля 1899 года	—

Высочайшие повелѣнія.

1. (8-го февраля 1899 года). Объ измѣненіи штата Эриванской учительской семинаріи	18
2. (15-го февраля 1899 года). О кредитѣ на содержаніе пансиона съ церковью при Читинской женской гимназіи	4
3. (22-го января 1899 года). О предоставлениі министру народ-наго просвѣщенія права измѣнять объемъ учебнаго курса и таблицу недѣльныхъ уроковъ въ Астраханскомъ армянскомъ Агабабовскомъ уѣздномъ училищѣ	5

4. (15-го февраля 1899 года). Объ увеличении кредита на содержание Императорской Публичной Библиотеки	74
---	----

Высочайшие приказы по ведомству министерства народного просвещения.

20-го марта 1899 года	5
27-го марта 1899 года	12
2-го апреля 1899 года	17
9-го апреля 1899 года	18
17-го апреля 1899 года	75
1-го мая 1899 года	76
1-го мая 1899 года	80
16-го мая 1899 года.	—

Высочайшие награды по министерству народного просвещения

81

Правительственное сообщение .

19

Министерские распоряжения.

1. (21-го января 1899 года). Положение о стипендии имени бывшаго рижского и митавского, киевского казанского и свибловского архиепископа Арсения при Рижской Ломоносовской женской гимназии . .	44
2. (22-го января 1899 года). Положение о капиталѣ имени Василия Аверьяновича Смирнова при Дорогобужской женской прогимназии . .	45
3. (23-го января 1899 года). Положение о трехъ стипендіяхъ имени Переяславской иѣзучанки Екатерины Семеновны Сергеевой при Переяславской женской прогимназии	46
4. (26-го февраля 1899 года). Положение о стипендіи Имени Его Императорского Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича при Шушинскомъ реальному училищѣ	47
5. (26-го февраля 1899 года). Положение о стипендіи имени нижегородского иѣзучанина Ивана Ивановича Яшикова при Нижегородской Марининской женской гимназии	48
6. (6-го марта 1899 года). Положение о стипендіи при Марияпольской Александровской гимназии имени Александра Сергеевича Пушкина	49
7. (6-го марта 1899 года). Положение о капиталѣ имени штатного преподавателя Московского учительского института, статского советника Михаила Петровича Баравва при Московскомъ учительскомъ институтѣ	50
8. (9-го марта 1899 года). Положение о стипендіи имени Софіи Тамашевой при 3-й Тифлисской мужской гимназіи	51

9. (9-го марта 1899 года). Положение о стипендияхъ имени старшаго советника Егора Васильевича Козинка при Царкосельскомъ четырехклассномъ городскомъ по положению 31-го мая 1872 г. училищѣ	52
10. (18-го марта 1899 года). Положение о капиталѣ имени врачей выпускса 1873 года Императорскаго университета Св. Владимира	53
11. (16-го марта 1899 года). Положение о стипендіи, учреждаемой при Зарайскомъ реальному училищѣ въ ознаменование двадцатипятилѣтія существованія сего училища	—
12. (16-го марта 1899 года). Положение о стипендіи имени умершаго самарскаго купеческаго сына Ивана Михайловича Коренева при Самарскомъ реальному училищѣ	54
13. (16-го марта 1899 года). Положение о стипендіяхъ имени умершаго титуларного советника Григорія Аракеловича Вахрамова при первой Тифлисской Великой Княгини Ольги Феодоровны женской гимназіи	55
14. (15-го марта 1899 года). Циркулярное предложение господамъ попечителямъ учебныхъ округовъ	56
15. (18-го марта 1899 года). Положение о стипендіи имени Александра Федоровича Черненка при Полтавской Маріинской женской гимназіи	57
16. (18-го марта 1899 года). Положение о стипендіи имени Ричарда Казтановича Каменского при Полтавской Маріинской женской гимназіи	58
17. (20-го марта 1899 года). Положение о 4-хъ стипендіяхъ имени бывшихъ учениковъ Костромскаго реального училища при томъ же училищѣ	59
18. (22-го марта 1899 года). Положение о стипендіи имени бывшаго магистра фармаціи, нынѣ покойнаго, Северина Сикорскаго при Императорскомъ С.-Петербургскому университѣтѣ	60
19. (26-го марта 1899 года). Положение о стипендіи Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Величества на юридическомъ факультетѣ Императорскаго Томскаго университета	61
20. (30-го марта 1899 года). Циркулярное предложение господамъ попечителямъ учебныхъ округовъ	62
21. (2-го апрѣля 1899 года). Положение о стипендіи имени протоіерея Стефана Федоровича Тринитатова при Череповецкомъ городскомъ училищѣ	—
22. (30-го апрѣля 1899 года). Циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія господамъ попечителямъ учебныхъ округовъ	104
23. (31-го марта 1899 года). Положение о стипендіи имени коллежскаго ассесора Матвѣя Андреевича и жены его Елены Андреевны Бутковыхъ при Астраханскомъ реальному училищѣ	—
24. (7-го апрѣля 1898 года). Положение о стипендіи имени бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Дмитрія Андреевича Толстаго при Мариупольской Александровской гимназіи	105
25. (7-го апрѣля 1899 года). Положение о стипендіи имени дирек-	

тора Мариупольской Александровской гимназии и основателя ее Феодо- тиста Аврамовича Хартахая при той же гимназии	106
26. (7-го апреля 1899 года). Положение о стипендии имени митро- полита Игнатия при Мариупольской Александровской гимназии	—
27. (7-го апреля 1899 года). Положение о стипендии имени бывшего попечителя Одесского учебного округа тайного советника Сергея Пла- толовича Голубцова при Мариупольской Александровской гимназии	107
28. (12-го апреля 1899 года). Положение о стипендии имени Але- ксандра Сергеевича Пушкина при Киевской 1-й гимназии	108
29. (12-го апреля 1899 года). Положение о стипендии имени коллеж- ского секретаря Альберта Матвеевича Городницкого при Каменец- Подольской гимназии	109
30. (15-го апреля 1899 года). Положение о стипендии при Нерчин- ской Софийской женской прогимназии имени умершей попечительницы и начальницы сей прогимназии, потомственной почетной гражданки Ка- питолины Александровны Бутиной	—
31. (21-го апреля 1899 года). Положение о стипендии имени потом- ственных почетных граждан Петра Матвеевича и Елизаветы Архи- ковны Мануиловых при Новгородской мужской гимназии	110

**Определения учченаго комитета министерства народнаго
просвещения**

63 и 111

**Определения осоваго отдѣла учченаго комитета министерства
народнаго просвещения**

69 и 113

**Определенія отдѣленія учченаго комитета министерства на-
роднаго просвѣщенія по техническому образованію**

71 и 117

Открытие училищъ

72 и 117

**Двадцатое присуждение премій Императора Петра Великаго, учре-
жденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія**

118

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

А. Н. Веселовскій. Три главы изъ исторической поэтики (окончаніе)	1
Е. Ф. Будде. Нѣсколько замѣтокъ изъ истории русскаго языка (продолженіе)	74
А. Хакановъ. Изъ истории сношеній Грузіи съ Россіей въ XVIII вѣка	102
В. И. Модестовъ. Еще о синулахъ, умбрахъ и латцианахъ	113

V

СТРАН.

А. М. Ону. Наказы третьего сословия во Франции въ 1789 году (продолжение)	152
Г. В. Форстенъ. Сношения Швеции и Россіи во второй полови- нѣ XVII вѣка (1648—1700) (продолжение)	277
Г. Е. Григорьевъ-Гржимайло. Почему китайцы рисуютъ демоновъ- рыжеволосыми?	340
Д. И. Овсяннико-Куликовскій. Синтаксическихъ наблюдений . .	398
Н. Г. Аммонъ. Несколько мыслей о поэзіи Тютчева	446

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

В. М. Истринъ. Новые изданія греческихъ апокрифовъ	204
А. В. Никитскій. С. Жебелевъ. Исторія Аеніль. 229—81 годы до Р. Хр. С.-Пб. 1898	216
П. В. Безобразовъ. С. Ельзокуроевъ. О библиотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Москва 1899	259
В. А. Францевъ. Zápisky P. I. Šafaříka o pracích bibliothédních a poměrkách bibliothécního úřednictva. Práspisy ke studiu bibliothé- nické soustav a zařízení. Podává Dr. Čeněk Zíbr. U Praze. 1898 .	269
В. Г. Васильевскій. Византійский Временникъ за пять лѣтъ существованія (1894—1898)	471
В. К. Поржезинскій. А. Альбертъ. Очерки изъ жизни языка. Москва. 1899	494
А. П. Нечаевъ. Benno Erdmann und Raymond Dodge. Psycholo- gische Untersuchungen über das Lesen, auf experimenteller Grundlage. Halle. 1898	508
Книжные новости	227 и 512

—
ОТДѢЛЬ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература	1 и 13
-----------------------------------	--------

—
СОВРЕМЕННАЯ ЛІТОПИСЬ.

Н. О—въ. Учительскія семинаріи Віленского учебного округа	1
А. Ф. Бычкоў (мекролоз)	28
Императорская Публичная Библиотека въ 1895 году	29

—
ОТДѢЛЬ КЛАССИЧЕСКОЙ ФІЛОЛОГІИ.

И. Ф. Анненскій. Электра. Трагедія Евріпіда	65
В. В. Латышевъ. Замѣтки по древней географіи сѣверного по- бережья Чернаго моря	73

В. К. Мальибергъ. По поводу новыхъ реконструкцій трехъ античныхъ фронтоновъ (продолженіе)	88 и 97
И. И. Холодилъ. О некоторыхъ типахъ римскихъ метрическихъ надгробій (окончаніе)	102

ВЪ ПРИЛОЖЕНИИ.

Указатель статей, помещенныхъ въ неофиціальной части Журнала Министерства Народного Просвѣщенія за время съ 1867 по 1891 годъ (л. 26)	401
---	-----

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Редакція „Филологическихъ Записокъ“ дѣлаютъ запросы частныхъ лица, периодическія изданія и книжные магазины относительно того будеть-ли издаваться этотъ журналъ. Въ отвѣтъ на запросы спѣшимъ сообщить что „Филологіческіи Записки“ продолжаютъ издаваться. Запоздавшая вслѣдстіе смерти Редактора-Издателя А. А. Хованскаго 6-я книга за 1898 г. уже разослана подписчикамъ, а первая за текущій годъ выйдетъ въ маѣ мѣсяца. Завѣдываніе редактированіемъ журнала поручено двумъ преподавателямъ гимназіи и утвержденіе ихъ въ этой должности отъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати нами уже полу-чено.

Наслѣдницы А. А. Хованскаго.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кроме правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписанная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять кошѣекъ, съ пересылкой въ другое города четырнадцать рублей двадцать-пять кошѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительному сношенніи съ Редакціею, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прошіе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 кошѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другое города.

